

МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНЫЙ КОМПЛЕКС «РОССИЯ — МОЯ ИСТОРИЯ»
РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИЗАЙНА
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ
ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ГОРОДСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
БИБЛИОТЕКА РОСТА И КАРЬЕРЫ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XIX–XX ВЕКОВ

**МАТЕРИАЛЫ
XIII МЕЖДУНАРОДНОЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
4 ДЕКАБРЯ 2020 Г.**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Научное издание

*Печатается по решению Оргкомитета конференции
в соответствии с условиями созыва
XIII Международной военно-исторической конференции
«Военная история России XIX–XX вв.»*

Военная история России XIX–XX веков. Материалы
XIII Международной военно-исторической конференции / Под
ред. Д. Ю. Алексеева, А. В. Арановича. Санкт-Петербург, 4 дека-
бря 2020 г.: Сб. научных статей. — СПб.: СПбГУПТД, 2020. —
758 с.

ISBN 978-5-7937-1980-3

Конференция «Военная история России XIX–XX вв.» посвящена различным аспектам военной отечественной истории двух прошедших веков: социально-политических, экономических, культурных. Участники конференции из России, Ближнего и дальнего зарубежья рассматривают в своих докладах как чисто военные вопросы, так и частные проблемы, в том числе связанные с историей военной повседневности. Особое внимание уделено важным для отечественной военной истории событиям, годовщины которых приходится на 2020 год: окончанию Гражданской войны в европейской части России и Советско-польской войне.

На обложке:

*Орден «Красное Знамя» РСФСР. Учрежден 16 сентября 1918 г. декретом
«О знаках отличия» ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих
и красноармейских депутатов. Эскиз ордена выполнен художником
Даниловым. В 1924 г. в связи с учреждением единого для СССР ордена
награждение орденом «Красное Знамя» РСФСР было прекращено.*

Серебро, эмаль. Образец. Московский монетный двор.

*Собрание Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск
и войск связи*

ISBN 978-5-7937-1980-3

© СПбГУПТД, 2020

© Коллектив авторов, 2020

УДК 94 (47).084.3

ББК 63.3 (2) 612

Владимир Викентьевич ЛАПИН

доктор исторических наук, профессор факультета истории
Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: lapin.vv@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ КОММЕМОРАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР

Память о Гражданской войне в СССР осложнена крайней политизированностью, поскольку была тесно связана с Октябрьской революцией 1917 г. и вопросом о легитимности Советской власти. Большие проблемы коммеморации о ней возникали в связи с репрессиями в отношении командования Красной Армии, а также ролями таких фигур как И. В. Сталин и Л. Д. Троцкий. Кроме того, сам характер войны (отсутствие четких хронологических рамок, разнохарактерность военных действий, многообразие противников Советской власти, невозможность определить т. н. «генеральное сражение») затрудняло применение устоявшихся мемориальных практик (юбилеи, установка памятников, топонимика, формирование пантеона героев и т. д.).

Ключевые слова: Гражданская война, Блюхер, Сталин, Троцкий, историческая память, историческая политика.

Каждый юбилей важного исторического события является своеобразной ревизией процесса коммеморации или практик, с помощью которых формировалась память об этом событии еще при жизни его участников и современников. Передача сложившихся образов следующим поколениям всегда происходит с неизбежной их корректировкой под воздействием политических и социокультурных перемен. В 2017–2022 гг. пришло время оценить, как в течение столетия формировалось представление о комплексе масштабных военных, социальных, политических, культурных, национальных и религиозных столкновений, объединенных термином «Гражданская война в СССР». Одно только перечисление этих компонентов свидетельствует о сложности этого вооруженного конфликта, о неизбежном множестве акторов формирования памяти о нем, о многовекторности коммеморативного процесса из-за разности политических интересов, культурных традиций и ресурсов его участников.

Рамки доклада позволяют остановиться только на важнейших проблемах формирования памяти о Гражданской войне при осознании, что само определение «важность» в данной ситуации является в высшей степени субъективным.

Прежде всего, следует отметить, что главным актором процесса формирования памяти о Гражданской войне было и остается государство,

которое уже на рубеже 1920–1930-х гг. заняло доминирующие позиции в политике памяти, решительно подавляя любые «альтернативные взгляды». В СССР проявления этих взглядов в публичном пространстве были ничтожными по своему воздействию на массовые представления о прошлом. Ситуация несколько изменилась на рубеже 1980–1990-х гг. в связи с резко возросшей общественной активностью. В XXI веке интернет стал площадкой для информации, циркулирование которой затруднялось в существовавших до того времени системах ее передачи. Тем не менее, государство осталось главным игроком на коммеморативном поле в силу его заинтересованности в эффективной исторической политике и наличии огромных административных и материальных ресурсов для ее проведения.

Теснейшая связь Гражданской войны с революцией 1917 года, история которой до 1945 года безоговорочно являлась так называемым «мифом основанием» СССР, придавала всем мемориальным действиям острое политическое звучание. До середины XX века легитимность власти большевиков объяснялась их руководящей ролью в сражениях с контрреволюцией в 1918–1921 гг. Едва ли меньшее значение имели культы Ленина и Сталина, в которых руководство борьбой с «белогвардейцами и интервентами» занимало одно из видных мест.

В России формирование памяти о Гражданской войне можно разделить на этапы, которые различаются политической и социокультурной обстановкой. Первый — до формирования культа Сталина, когда в мемориальных акциях «находилось место» военачальникам, которые внесли существенный вклад в победу.

Второй период, соответственно, определялся тем, что на первый план выдвинулась фигура генсека. Как известно, Петр Великий пользовался особым расположением Сталина. Подобно тому, как культ этого царя в России имел своим следствием «затмение» тех, кого называли «птенцами гнезда Петрова», с середины 1930-х до 1956 г. Сталин представлялся главным, если не единственным, организатором побед. В нарративе Гражданской войны 1920-х и начала 50-х гг. отчетливо просматривается популяризация военачальников, которые по своему рангу не могли составить конкуренцию руководителям фронтового, и, тем более всероссийского уровня. Этим во многом объясняется использование колоссального ресурса пропаганды для возвеличивания Пархоменко, Н. Щорса, Котовского, С. Лазо, О. Дундича, В. Чапаева. Все они к тому же погибли. Покойный М. Фрунзе и память о нем также не представляли опасности для честолюбивого генсека. Статус «главных соратников» присвоили С. М. Буденному и М. Е. Ворошилову, которые в политическом отношении не представляли для Сталина никакой угрозы. В послевоенные годы в связи с тем, что Польша и Чехословакия стали союзниками, а Финляндия стала проводить дружественную

политику, потребовались коррекции в упоминании «белополяков», «белочехов» и «белофиннов».

Третьим периодом с известными допущениями можно назвать время так называемой «оттепели», когда была проведена «точечная» ревизия взгляда на события советской эпохи, не поколебавшая основные образы борьбы белых и красных, созданные усилиями историков, литераторов и кинематографистов. Во время хрущевской оттепели в связи с реабилитацией жертв репрессий, некоторые имена ведущих военачальников Красной Армии были «возвращены из забвения». Однако радикального изменения не произошло сразу по нескольким причинам. Во-первых, изменение коммеморативных практик не происходит в одночасье, а период активного «развенчания» Сталина длился всего несколько лет. Во-вторых, для того требовалась столь же радикальная переработка многих страниц отечественной истории, в неприкосновенности которых было заинтересована и партийная элита 1956–1964 гг.

В 1970–1980-е гг., которые также заслуживают выделения в отдельный четвертый этап, слово «застой» прекрасно подходит и к характеристике коммеморативных практик этих двух десятилетий: воспроизводились и тиражировались наработки прежних лет, с поправками на современные тогда эстетические, литературные и художественные нормы. В этот период тема Гражданской войны многократно уступает по значимости теме Великой Отечественной войны, 9 мая начинает конкурировать с 7 ноября за право считаться главной датой в истории страны. Еще одна важная черта этих лет — романтизация Белого движения (на экранах появились не звероподобные денкиницы и колчаковцы, вышла из-под запрета тема эмиграции и т. д.). Одновременно наблюдалась эрозия т. н. «незамутненных образов» красных командиров (популярность анекдотов о Чапаеве и пр.). В так называемый «брежневский» период новое прочтение истории Гражданской войны также оказалось невостребованным. Единственное исключение составил образ В. К. Блюхера, который вернули в отечественный героический пантеон со всеми атрибутами сакрализации (географические объекты, почтовые марки, мемориалы разного формата и т. д.).

В постсоветской России (пятый этап) антикоммунистическая направленность акторов-ревизионистов вновь оставили репрессированных красных маршалов и генералов вне главного фокуса общественного внимания. Главным же стало то, что память о победе над фашизмом окончательно «подавила» память о разгроме белогвардейцев. Лишение 7 ноября статуса главного дня страны автоматически понизило и значимость Гражданской войны в историческом мифе России. При решении вопроса о ценности «исторического наследия» в топонимике имена красных командиров исчезали с карт многих городов даже безотносительно политических взглядов местной власти. То, как улица называлась до революции, оказалось более

важным. Кроме того, после распада СССР в бывших союзных республиках история боевых действий в 1917–1921 гг. на их территориях приобрела особо болезненное звучание, позволяя даже говорить о войнах памяти. Ведь установление советской власти на окраинах бывшей Российской империи сопровождалось ликвидацией или попыткой ликвидации образовавшихся там национальных государств, которые в своем большинстве объявлены предшественниками нынешних республик (Эстония, Латвия, Литва, Польша, Украина, Грузия и т. д.). При этом антикоммунистические тезисы нередко принимали антироссийское звучание.

Одна из самых больших и «сквозных» проблем коммеморации Гражданской войны связана с массовыми репрессиями, поскольку их жертвами стали люди, имена которых к концу 1930-х гг. стали настоящими символами победы над «беляками». Тут достаточно вспомнить «красного маршала» В. К. Блюхера, первого кавалера ордена Красного знамени, прославившегося победами под Оренбургом над казаками атамана А. И. Дутова и легендарным походом по Уралу. Слова известной песни «И на Тихом океане свой закончили поход» в полной мере относятся к этому полководцу Красной Армии, поскольку Блюхер участвовал в окончательном установлении советской власти в Сибири. Он сыграл важнейшую роль в разгроме войск Врангеля на Каховском плацдарме, а затем при штурме Перекопа и занятии Крыма. С его именем связаны победы на Дальнем Востоке под Волочаевкой и Спасском (из той же песни: «Боевые ночи Спасска, волочаевские дни...»), вытеснение группировки барона Н. С. Унгерна в Монголию. В 1924–1927 гг. в роли военного советника Блюхер руководил грандиозными операциями Народной армии Китая — победоносными Восточным и Северным походами. Здесь важно то, что в те времена успехи коммунистов в Китае воспринимались как продолжение успехов большевиков в СССР, как победное шествие Мировой революции. В 1929 г. Блюхер успешно провел масштабную операцию по разгрому китайских войск во время так называемого «Конфликта на Китайско-Восточной железной дороге». Он был, как говорили, плоть от плоти народный герой — выходец из крестьян, заслуживший в боях и походах высшее военное звание СССР. До самого ареста в 1938 г. его имя постоянно звучало во всех славословиях в адрес Красной Армии, в большинстве текстов о Гражданской войне. В 1930 г. на карте Москвы на месте Богоявленского переулка появился переулок Блюхеровский, торопливо переименованный через восемь лет в Куйбышевский. Тогда же была напечатана карта Дальнего Востока с портретом Блюхера и лозунгом «Граждане СССР должны помнить китайское приключение 1929 года». В 1930 г. он первым кавалером только что учрежденного ордена Красной Звезды, и дважды получал высшую награду СССР — орден Ленина. И вот почти два десятилетия (от смерти в застенках НКВД до реабилитации в 1956 г. приходилось говорить о важнейших операциях

Гражданской войны без упоминания имени будущего «японского шпиона — бывшего красного маршала».

Если учесть, сколько командиров разных рангов в Красной Армии было перемолото в жерновах репрессий, сколько рядовых красноармейцев попало в расстрельные и лагерные списки, то становится понятным «неловкость», возникавшую и возникающую в рассказах о боях с Колчаком, Деникиным и Юденичем. Названия армий, дивизий и полков упоминались, а имена их командиров замалчивались. И все понимали — почему.

Фокусировка общественного внимания на памяти о Великой Отечественной войне в 1960–1980-е гг. в известной мере позволила смягчить ситуацию с прославлением победоносности Красного знамени с серпом и молотом. Не требовалось искать пути рассказа о триумфах без упоминания о репрессированных триумфаторов. Немалое число победителей нацизма в послевоенные годы имели проблемы с властью, но не было такого террора, который развернулся в 1930-е гг. в отношении победителей над Белым движением.

Коммеморация Гражданской войны тесно связана с памятью об И. В. Сталине, с оценками его как государственного деятеля. Занимая пост народного комиссара по делам национальностей, И. В. Сталин, находившийся с октябрьских дней 1917 года в кругу ближайших соратников Ленина, непосредственно занимался вопросами организации обороны Советской России. В июне-сентябре 1918 г. он был председателем Военного совета Северо-Кавказского военного округа, затем около месяца членом Реввоенсовета Южного фронта, в октябре 1918-июле 1919 г. — членом Реввоенсовета Республики и представителем ВЦИК в Совете рабочей и крестьянской обороны. Он также занимал пост члена Реввоенсоветов Западного, Южного и Юго-западного фронтов. В 1918 с его именем связывали отражение двух наступлений Донской казачьей армии на Царицын, что имело огромное значение как для хода боевых действий, так и для контроля над Волгой — важнейшей транспортной артерией. Сталина, занимавшего одну из руководящих должностей на этом участке борьбы, не без оснований обвиняли в том, что своими репрессиями в отношении военных специалистов, склоками и самовольным вмешательством в управлении войсками не раз ставил оборону города на грань катастрофы. Но впоследствии все компрометирующие моменты были затушеваны и в истории Гражданской войны оборона Царицына представлена как дело рук будущего генералиссимуса.

В начале 1919 г. Сталин вместе с Дзержинским выехал на колчаковский фронт с поручением выявить причины поражения Красной Армии под Пермью. Они оказали помощь в организации тыла разбитой 3-й армии и в подготовке резервов, но непосредственного участия в подготовке контрнаступления не принимали. В мае 1919 г. в связи с наступлением Северо-западной армии Юденича на Петроград Сталина направили на органи-

защиту защиты «колыбели революции», где он проявил себя при подавлении восстаний на фортах «Красная Горка» и «Серая лошадь». Эти боевые заслуги названы первыми при награждении его в ноябре 1919 г. орденом Красного Знамени («... в ознаменование всех заслуг по обороне Петрограда, а также самоотверженной его дальнейшей работы на Южном фронте»). История этих боевых эпизодов заставляет усомниться в том. Сдача фортов в большей степени была связана с дезорганизацией их защитников, чем с организованностью наступления красноармейцев. Во время Польской войны 1920 г. Сталин являлся одним из военных руководителей, на которых возлагается ответственность за ошибочные решения, которые в итоге привели к поражению. Другими словами, все важнейшие эпизоды участия Сталина в руководстве операциями на фронтах Гражданской войны вызывают много вопросов, и нет такого успеха, который можно было бы представить его безусловной заслугой. Тем не менее в 1920–1930-е гг. наблюдается формирование образа Сталина-полководца. Переименование Царицына в 1925 г. в Сталинград было одним из примеров острой политической борьбы на символическом поле не только с троцкистской и прочими оппозициями, но и за право считаться особо значимым кузнецом победы в Гражданской войне. Не случайно переименование этого города в Волгоград в 1961 г. стало едва ли не самым резонансным актом в борьбе с культом личности Сталина, которую вел Н. С. Хрущев.

Еще одной особенностью коммеморации Гражданской войны после 1925 г. было замалчивание роли Л. Д. Троцкого. Как известно, многие зарубежные историки, вовсе не симпатизирующие большевикам в целом, и этому коммунистическому деятелю — персонально, признают, что Троцкий, как никто другой способствовал победе Красной Армии в 1918–1920 гг. Прежде всего, с марта 1918 г. он занимал высшие официальные должности — пост наркома по военным делам, с апреля того же года — наркома по морским делам, с сентября — председателя Реввоенсовета РСФСР, сосредоточив в своих руках главные нити управления вооруженными силами, которые нужно было еще создать. Советские военные формирования в начале 1918 г. имели очень низкую боеспособность, фактически отсутствовала система управления и снабжения. Необходимость привлечения т. н. «военспецов» — бывших царских офицеров и генералов сопровождалась учреждением политического надзора за ними со стороны реввоенсоветов разных уровней — от республиканского до полкового. Не имея абсолютно никакой профессиональной подготовки, Троцкий проявил себя прекрасным организатором и «вдохновителем», а большое число его ошибочных решений являлись отражением этого непрофессионализма и общей революционной эйфории. Он создал своеобразный подвижный штаб («поезд Троцкого»), который колесил по стране, а в Москве в наркомате работал его заместитель Э. М. Скланский. Он разъезжал по фронтам

на автомобиле, выступал на митингах, имел множество личных встреч с красноармейцами. Он умело и настойчиво боролся с «партизанщиной» и своевољством военачальников, неоднократно демонстрировал личную смелость и адекватно реагировал на изменения оперативной обстановки. Во время обороны Царицына у него возник острый конфликт со Сталиным и Ворошиловым, положивший начало их вражде в жизни и соперничеству при «разделе славы» после разгрома белогвардейцев. На счету Троцкого большое количество ошибок в руководстве боевыми операциями, неоправданно жестокие меры в борьбе за повышение боеспособности Красной Армии, интриги, пагубно сказывавшиеся на организации управления войсками. При всей дискуссионности образа этого революционного вождя его значительную роль практически на всех фронтах отрицать невозможно.

В 1922 г/ Троцкий получил два ценнейших символических подарков. Город Гатчина в ознаменование его заслуг при защите Петрограда в 1919 г. назвали Троком. А эсминец «Гарибальди» (при царе — «Лейтенант Ильин») был переименован в его честь. Здесь можно усмотреть сильный политический ход. Ради возвеличивания Предреввоенсовета на борту боевого корабля покрасили фамилию не какого-то «золотопогонника», а человека, который входил в первую десятку героев-борцов за счастье трудящихся всего мира! Дальнейшую историю корабля и города предугадать нетрудно: как только «льва революции» разжаловали в «гиену контрреволюции», то пары ведер серо-голубой краски хватило для того, чтобы его имя исчезло, а на его месте стала красоваться надпись «Войков». Тогда же в известной песне «Красная армия всех сильней» слова «С отрядом флотских //Товарищ Троцкий// Нас поведет в смертельный бой», заменили на текст, более соответствовавший моменту: «И все должны мы// Неудержимо // Идти в последний смертный бой!». Бывшего кумира вырезали из фотографий, его печатные труды изымались из библиотек, на карте РСФСР вместо города Троцк появился город Красногвардейск. Последняя перемена очень характерна: память о борьбе с Юденичем осталась, но уже без образа «иудушки Троцкого». Таким образом, несмотря на большие военные заслуги, после 1925 г. одновременно с удалением Троцкого с поста Председателя Реввоенсовета начинается процесс вытеснения его из памяти о Гражданской войне. В конечном итоге он упоминается лишь как виновник провала наступления Красной Армии на Варшаву в 1920 г. Коррекция истории Гражданской войны, связанная с «борьбой против культа личности Сталина», не изменила ситуацию с вычеркиванием имени Троцкого, поскольку для коммунистического руководства СССР он оставался враждебным элементом. В постсоветской России также не нашлось тех, кто располагал ресурсами для возвращения ему «законного места» в памяти о Гражданской войне, и кто мог бы стать политическим бенефициаром его героизации.

В формировании массовых представлений о Гражданской войне в СССР особое место занимала топонимика и кино. В городах и поселках СССР в 1920-е гг. началось массовое переименование всего «старорежимного», а имен деятелей освободительного движения (Маркс, Энгельс, Робеспьер, Бебель, Урицкий, Свердлов и др.) не хватало. В результате улицы Чапаева оказались в 67 областных центрах Российской Федерации. Семь пунктов ему уступает М. В. Фрунзе. На третьем месте оказался Н. Щорс — улицы с таким именем есть в 50-ти городах такого ранга. Таблички с именем Фурманова есть на домах в 47 городах. Затем следуют С. Лазо (41 пункт), Пархоменко (39 пунктов), Котовский (32 пункта) и со значительным отставанием — Блюхер и Буденный — по 15 «очков».

В целом же российский исторический миф «топонимически» в областных центрах героизируется в основном именами командиров Гражданской войны (в совокупности 366 улиц), тогда как все военачальники дореволюционные уступают им вдвое (187 улиц). Нередко в областных и республиканских центрах «военно-патриотические» топонимы повторяются (обычно в варианте улица+переулок). И вновь на первом месте — В. О. Чапаев (10 городов), и М. В. Фрунзе (5 городов). В Иванове в честь В. И. Чапаева назвали переулок и три улицы (1–3-я). Но абсолютным чемпионом стал Архангельск, где есть «просто» улица Пархоменко, 1-я-3-я улицы Пархоменко и переулок Пархоменко. Это несколько курьезный факт на самом деле — важный показатель авторитетности этого военачальника. Несмотря на очевидные неудобства такого числа крайне похожих названий, городские власти не рисковали переименовать улицы, носящие имя соратника Сталина и Ворошилова.

Здесь очень важным является расположение «улиц-мемориалов». Уже в первые годы советской власти отчетливо просматривалась тенденция к символическому завоеванию важнейших мест публичного пространства — центральных улиц и площадей. Именно они в первую очередь получали имена борцов за свободу. За истекшее столетие города выросли, и даже те магистрали, которые в 1920-е гг. находились на окраинах, стали образовывать городской центр. Эти два обстоятельства привели к тому, что центры советских городов были наполнены героическими названиями.

Важная особенность коммеморации Гражданской войны — из полусотни топонимов, связанных с именем Блюхера, 80% находятся восточнее линии продвижения немецких войск в 1941–1943 гг. и каждый четвертый объект — на Дальнем Востоке. Почти все остальные топонимы — в Украине и в Крыму, т. е. там, где он отличился в боях с врангелевцами. Это объясняется сразу несколькими обстоятельствами. Во-первых, многим улицам в населенных пунктах, где в 1941–1944 гг. шли бои с нацистами, давались имена героев тех лет (местных уроженцев, погибших там в боях, отличившихся при обороне или штурме и т. д.).

Поэтому героические топонимы, связанные с Гражданской войной, имели большие шансы на закрепление в Сибири и на Дальнем Востоке.

Ценную информацию предоставляет анализ переименования кораблей, которые с давних времен являются своеобразными плавучими памятниками. Время наделения мемориальным названием, статус корабля и прочие обстоятельства позволяют говорить о приоритетах в символическом пространстве. 1 октября 1918 г. погиб Н. Г. Маркин — помощник командующего Волжской военной флотилией. Уже через две недели в поход отправился вооруженный пароход с надписью на борту «Товарищ Маркин». В Каспийско-Волжском бассейне под красным флагом действовали боевые корабли «Ковалев», «Товарищ Шмелев», «Павлин Виноградов», «Нариман Нариманов», «Али Байрамов», «Товарищ Желиховский», «Товарищ Петров», «Яков Зевин», «Товарищ Шаумян», «Алеша Джапаридзе», «М. Азизбеков».

Серия речных мониторов, построенных в 1930-е годы, стала называться именами моряков-героев Гражданской войны — «Железняков», «Жемчужин», «Левачев», «Мартынов», «Ростовцев», «Флягин». В 1940 году два монитора, называвшиеся ранее в честь героев Гражданской войны «Симбирцев» и «Лазо», стали называться «Перекоп» и «Хасан» в честь побед Красной Армии над войсками белого генерала Врангеля в 1921 и над японцами в 1940-м.

Об особом месте М. В. Фрунзе в пантеоне героев Гражданской войны говорит тот факт, что его имя дали дредноуту «Полтава», тогда как другие три однотипные гиганта («Гангут», «Севастополь» и «Петропавловск») стали соответственно «Парижская Коммуна», «Октябрьская революция» и «Марат».

В 1938 г. в рамках амбициозных судостроительных программ, нацеленных на возвращение СССР в ранг великих морских держав был разработан проект крейсера водоизмещением 8000 тонн. Планировалось построить 17 кораблей такого типа, из которых 9 получили имена в честь героев Гражданской войны — «Чапаев», «Железняков», «Фрунзе», «Куйбышев», «Орджоникидзе», «Лазо», «Щорс», «Котовский», «Пархоменко». Поскольку в строй в 1950 г. вступили только первые пять крейсеров, представительство красных полководцев в этой серии оказалось еще значительнее, поскольку «чужим» в этом списке был «Чкалов». Примечательно, что в следующей серии крейсеров типа «Свердлов» (проект 68-бис) не оказалось ни одного героя Гражданской войны, а была отдана дань полководцам прошлого («Александр Суворов», «Михаил Кутузов», «Александр Невский», «Адмирал Лазарев», «Адмирал Ушаков», «Адмирал Сенявин», «Дмитрий Пожарский», «Адмирал Ушаков»). В символической иерархии имперские знаки оказались привлекательнее.

Многое о конструировании памяти о Гражданской войне говорит история «возведения на пьедестал» одного из множества дивизионных командиров

Красной Армии. Речь идет о Николае Александровиче Щорсе (1895–1919), командире сначала партизанского отряда, воевавшего с немцами на Украине, а затем начальнике дивизии, успешно воевавшей против войск А. И. Деникина и С. Петлюры. Он погиб при невыясненных обстоятельствах, давших пищу для создания впоследствии текстов детективного характера.

Почти два десятилетия после его гибели о Щорсе во всесоюзном масштабе никто не вспоминал, о нем не было статьи в первом издании Большой советской Энциклопедии. Есть сведения, что внезапное и стремительное превращение в звезду первой величины произошло в 1935 г., когда Сталин, награждая режиссера и сценариста А. П. Довженко орденом Ленина, предложил ему снять фильм об этом уроженце Украины, принявшем сторону «красных украинцев» и сложившем голову на украинской земле. Генсеку был нужен мощный инструмент воздействия на умы, и он лично участвовал в производстве этой ленты, за которую Довженко сразу после выхода ее на экраны в 1939 г. был награжден Сталинской премией. Она вошла в список тысячи самых кассовых отечественных фильмов. Уже в 1935 г. родина красного командира город Сновск стал называться Щорс. Еще несколько сел на Украине и даже один аил в Казахстане стали Щорсовками. Прокатилась волна топонимическая волна — таблички с его именем появились на домах десятков улиц по всей стране. Вся страна запела песню М. Блантера и М. Голлодного «Шел отряд по берегу, шел издалека. Шел под красным знаменем командир полка...». В 1936 г. известный немецкий писатель-антифашист и общественный деятель Вилли Бредель, получивший убежище в СССР, опубликовал книгу «Николай Щорс: герой борьбы против немецких оккупантов». (Nikolai Schtschors: Ein Held in Kämpfe gegen deutsche Okkupanten. 1936). В промежутке между приходом Гитлера к власти и заключением договора о ненападении СССР и Германии такая книга была в высшей степени актуальна и представляла собой идеологическую продукцию «экспортного» характера. В 1937 г. Е. Герасимов и М. Эрлих опубликовали документальную повесть, многократно переиздававшуюся большими тиражами. Год спустя появилась сначала книга для младших школьников с рассказами о славном комдиве, а затем — вариант для старшекласников. К 1940 г. публикаций набралось такое количество, что уместной оказалась специальная библиографическая памятка (составитель Соломон Е. Г.). В 1939 г. в театрах СССР ставится пьеса Е. Ф. Смерчинского в пяти действиях, и отмечается 30-летие со дня гибели. В 1942 г. одна из партизанских бригад назвала себя именем легендарного комдива. В 1974 г. биография Щорса вышла в серии «Жизнь замечательных людей» (автор — В. Карпенко). В 1949 г. его останки были торжественно перезахоронены на Куйбышевском городском кладбище, в 1954 г. на могиле был поставлен обелиск. В 1944 и 1975 г. в СССР выпускались почтовые марки с его портретом. Один из крейсеров, которые собирались заложить на стапеле в 1941 г., должен был получить имя

«Щорс». В одной из современных компьютерных игр — «стрелялок» крейсер VII уровня называется «Комдив Щорс». Есть сведения, что памятник Щорсу в Житомире поставили еще в 1931 г. (в 1941 г. уничтожен немцами и более не восстанавливался). Остальные монументы (в т. ч. конная статуя в Киеве) были воздвигнуты уже в ходе кампании, запущенной в 1935 г. В постсоветской России его образ не подвергся эрозии, если не считать повышенное внимание к обстоятельствам его гибели.

В отношении Щорса можно говорить о формировании мемориального комплекса, в котором проглядываются черты культа (поклонение, исключаяющее критическое отношение к объекту). Одно из прямых свидетельств того — присвоение имени этого красного командира Ленинградскому военно-медицинскому училищу. Обычная практика таких действий предусматривает связь между двумя объектами. Почему электротехнический институт носит имя известного электротехника, медицинский — известного медика, а морское училище — известного адмирала не вызывает вопросов. Но Щорс касался медицины только когда лечился в госпитале в Симферополе и пытался поступить на медицинский факультет Московского университета (по подложным документам!).

Александр Яковлевич Пархоменко (1886–1921) — еще один из мифологизированных советской пропагандой «героев» Гражданской войны. По своим биографическим данным (рабочий из крестьян) он идеально подходил к роли «командира из народа», а ранняя смерть (в стычке с махновцами в 1921 г. — *В. Л.*) избавила его от обвинения в «троцкистском заговоре» или шпионаже. Образ остался незамутненным, и Пархоменко попал в число лиц, которым при Сталине были посвящены персональные кинофильмы». В сравнении с многими другими руководителями Красной армии, успехи этого командира были скромными, но, как это нередко бывает, его образ очень удачно вписался в ту картину событий 1918–1921 гг., которую старательно и целенаправленно складывали в Политуправлении Красной Армии.

В случае с популярными героями Гражданской войны мы имеем дело с взаимоусилением различных составляющих мемориального процесса: съемка «персонального» фильма делала человека известным не только «читающей публике», но и всем зрячим в СССР, и переименование улиц в честь этой персоны исключало всякие сомнения в ее значимости.

На процесс формирования памяти о Гражданской войне большое влияние оказывали не только изменения политического и социокультурного характера, но и особенности меморации военных конфликтов как таковых. Прежде всего, в данном случае существует проблема определения хронологических рамок. До сих пор нет договоренности между историками о начале и конце этой войны, что затрудняет проведение юбилейных мероприятий — одной из важнейших составляющих меморации.

Образ врага — также один из важнейших компонентов формирования представлений о войне и конструирования схем, с помощью которых эти представления закрепляются в массовом сознании и передаются следующим поколениям. Красная армия сражалась с различными национальными формированиями, с формированиями Белых правительств, с отрядами, которых объединял лозунг «за советы без коммунистов». Поэтому плакатный образ врага (три цепных пса с надписями на ошейниках «Колчак», «Юденич», «Деникин», которых натравливают на РСФСР злодеи с признаками принадлежности к США и Англии) годится только в ограниченных масштабах.

Военная коммеморация требует наличия генерального сражения, а таковое в силу особенностей театров военных действий 1918–1920 гг. назвать невозможно. Также требуется героическая осада своей крепости с «несгибаемым гарнизоном», и успешный штурм неприступной крепости врага. Здесь ситуация оказалась более благоприятной: вполне можно увидеть успешность представления таковыми обороны Царицына в 1918 г. и штурма Перекопа в 1920 г.

Также традиции «вспоминания» войн, особенно тех, которые занимали особое место в истории страны, настоятельно требуют назвать имя человека, чей образ совмещается с представлениями о национальной военной доблести (Д. Донской и монголо-татары, Кутузов и французы, Ермолов и горцы). В случае с Гражданской войной, как мы уже видели с заполнением графы «военный вождь» возникают большие трудности.

Таким образом, истекшее столетие показало, что формирование памяти о Гражданской войне в силу оказалось чрезвычайно сложным процессом, который пока безуспешно ждет своего исследователя.

Vladimir Vikentievich LAPIN

Doctor of historical Sciences, Professor of the faculty of history,
European University in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

E-mail: lapin.wv@yandex.ru

Specific features of commemoration of the civil war in the USSR

The memory about the Civil War in the USSR is complicated by extreme politicization, since it was closely connected with the October revolution of 1917 and the question of the legitimacy of the Soviet government. Great problems of commemoration arose in connection with the repression of the Red Army command, as well as the roles of such figures as I. V. Stalin and L. D. Trotsky. In addition, the very nature of the war (lack of a clear chronological framework, diversity of military operations, diversity of opponents of the Soviet government, inability to determine the so-called «General battle») made it difficult to apply established memorial practices (anniversaries, installation of monuments, toponymics, formation of the heroes' Pantheon, etc.).

Keywords: Civil war, Blucher, Stalin, Trotsky, historical memory, historical politics.

УДК 94 (47).084.3

ББК 63.3 (2) 612

Андрей Владиславович ГАНИН

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ГЕНЕРАЛЕ Я. А. СЛАЩЁВЕ-КРЫМСКОМ

Впервые в научный оборот вводятся новые документы, касающиеся деятельности одной из важнейших фигур Гражданской войны на Юге России в 1920 г. — генерала Я. А. Слащева-Крымского.

Ключевые слова: Гражданская война, военная эмиграция, репатриация, Я. А. Слащев-Крымский, Л. Д. Троцкий.

В ноябре 2020 г. в Государственном центральном музее современной истории России прошла выставка «То, что я должен сказать...», посвященная столетию окончания широкомасштабной Гражданской войны и исхода белых из Крыма в 1920 г. Автор этих строк выступал научным консультантом выставки. В рамках проекта были получены разнообразные архивные материалы, в том числе прежде неизвестные специалистам документы из ведомственных архивов, касавшиеся одного из героев выставки — генерала Якова Александровича Слащёва-Крымского.

Генерал Слащёв — один из наиболее известных белых генералов Гражданской войны¹. Его личность привлекает внимание широкой общественности в том числе и потому, что образ этого генерала был использован писателем М. А. Булгаковым в качестве прототипа генерала Р. В. Хлудова в пьесе «Бег».

Слащёв родился в 1885 г., окончил Павловское военное училище и Императорскую Николаевскую военную академию. Много лет прослужил в Лейб-гвардии Финляндском полку. Участвовал в составе полка в Первой мировой войне, награжден орденом св. Георгия 4-й ст. и Георгиевским оружием, несколько раз был ранен и контужен, дослужился до гвардейского полковника. В 1917 г. командовал Московским гвардейским полком.

---

¹ Подробнее о жизни и деятельности Слащёва см.: *Кавтарадзе А. Г.* Предисловие // *Слащев-Крымский Я. А.* Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 3–32; *Кручинин А. С.* Генерал-лейтенант Я. А. Слащев-Крымский // *Белое движение: исторические портреты.* М., 2011. С. 563–607.

Генерал Я. А. Слащев

В декабре 1917 г. Слащёв уехал на Юг России, где в начале января примкнул к белым, но тут же был направлен на Северный Кавказ для создания офицерских организаций в районе Кавказских Минеральных Вод.

Летом 1918 г. вместе с полковником А. Г. Шкуро Слащёв руководил партизанским движением против красных на Северном Кавказе. Затем командовал пластунской бригадой, был ранен. В 1919 г. командовал дивизией и корпусом. Воевал против красных, махновцев и петлюровцев.

В начале 1920 г. именно Слащёв отстоял для белых Крым, что позволило в дальнейшем остаткам войск Деникина эвакуироваться

на полуостров с кавказского побережья Черного моря и продлило фронтную Гражданскую войну на Юге России до ноября 1920 г. У Слащёва сложились непростые взаимоотношения с генералом П. Н. Врангелем. Кроме того, Слащёв злоупотреблял спиртным и наркотиками, а также страдал неврастенией. Подобный образ жизни, как и постоянное соприкосновение со смертью на войне, приводили к проявлениям жестокости. До поры до времени Слащёва как популярного командира не трогали. Но в конце концов из-за пьянства и наркотиков Слащёв провалил Каховскую операцию белых летом 1920 г.² После этого он был вынужден уйти в отставку, получив последним из русских военачальников почетную приставку к фамилии — Слащёв-Крымский.

Слащёв эвакуировался из Крыма вместе с Русской армией в ноябре 1920 г. и поселился в Константинополе. Именно этого периода касается публикуемый документ.

В ноябре 1921 г. Слащёв с группой соратников вернулся в Россию. Его приезд использовали как пропагандистскую акцию для разложения белой эмиграции. Сам же генерал, вполне возможно, имел планы продолжения борьбы с красными и подрыва Красной армии изнутри. Одна-

² Шатилов П. Н. Записки. Ростов-на-Дону, 2017. Т. 1. С. 419; Шульгин В. В. Тени, которые проходят. СПб., 2012. С. 280; Орлов Г. А. Дневник добровольца. Хроника Гражданской войны. 1918–1921. М., 2019. С. 422.

ко в итоге был направлен на преподавательскую работу, стал секретным осведомителем советских спецслужб и никаких военно-административных полномочий для поднятия восстания не получил. В 1929 г. Слащёв был убит на своей квартире Л. Л. Коленбергом в качестве мести за казненного Слащёвым в 1919 г. брата.

Биография Слащёва по-прежнему таит в себе немало белых пятен. Среди наиболее значимых — мотивы его возвращения в Россию, а также обстоятельства жизни в Советской России и СССР. До сих пор засекречены как его собственные агентурные донесения, так и материалы наблюдения за ним. Недоступны для исследователей в полном объеме и хранящиеся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ) дела о возвращении группы Слащёва в Советскую Россию³. Хочется надеяться, что в обозримой перспективе исследователи получат доступ к этим важным материалам, которые могут поменять устоявшиеся представления об истории Красной армии 1920-х гг. и службе в ней бывших офицеров.

Среди документов, поступивших на выставку из ЦА ФСБ, основная масса ранее опубликована и хорошо известна специалистам. Однако один из документов, представляющих особый интерес, опубликован не был.

Речь идет о справке о генерале Слащёве, составленной по агентурным материалам паспортно-пропускного отделения при военном агенте в Турции в конце 1921 г. На выставке этот документ из-за ограниченности пространства не экспонировался.

При справке имелось сопроводительное письмо из Президиума ВЧК от 2 января 1922 г.: «Тов. Троцкому. По поручению тов. Уншлихта посылаю копию справки о бывш[ем] генерале Слащёве»⁴.

В этот период Слащёв активно добивался встречи с Троцким, видимо, для решения волновавшего его вопроса о назначении на командный пост в Красной армии. Так, 18 января 1922 г. датирована записка Слащёва Троцкому следующего содержания: «Ввиду назревшей необходимости выяснить ряд вопросов прошу о разрешении лично переговорить с Вами и о назначении дня и часа, в которые я должен явиться к Вам»⁵. В разговорах Слащёв сетовал, что «обещанное мне в Константинополе расходится с практическим положением моим в Москве»⁶. Особый отдел ВЧК считал,

---

³ Часть этих материалов публиковалась: Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 90–135, 163–164.

⁴ Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 123. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 64. Опул. в: Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 163.

⁶ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 123. Л. 63.

по данным рапорта от 21 января 1922 г., что стремление Слащёва занять должность «объясняется желанием Слащёва укрепиться в РСФСР, бездельностью в настоящее время и природным честолюбием», при этом у находившейся под влиянием генерала группы Слащёва наблюдалось «относительное, но не полное довольство своим положением, желание его быстрее выявить в более реальные формы»⁷. Но вопрос о более активном использовании Слащёва откладывался и позднее, например, в 1924 г.⁸

Чем же интересна справка о Слащёве?

Справка получена Иностранным отделом ВЧК от агента в Германии 30 декабря 1921 г. Уже 2 января 1922 г. документ был направлен Троцкому через заместителя председателя ВЧК И. С. Уншлихта, что свидетельствует о том, что Троцкий целенаправленно интересовался Слащёвым. И действительно, вождь РККА сыграл важную роль в возвращении генерала⁹. Копии справки также рассылались председателю Всеукраинской ЧК В. Н. Манцеву и заместителю начальника Особого отдела ВЧК А. Х. Артузову.

Содержание документа (в частности, особенности терминологии — например, «Реввоенсовет Советской Республики»), неуверенность в очевидных советским представителям событиях вроде отъезда Слащёва в Россию, неточности в составе группы Слащёва, акцент на еврейском происхождении советской агентуры) не оставляет сомнений в том, что речь шла о наблюдении за Слащёвым, которое осуществляла белая контрразведка. Через агента в Германии собранная информация попала к советской разведке и легла на стол Троцкого.

В справке давалась подробная характеристика образа жизни Слащёва в Турции и его деятельности. Отмечалось, что с первых дней эмиграции Слащёв начал зондировать почву на предмет какого-либо назначения в эмигрантских кругах. Он предпринял неудачную попытку сблизиться с турецкими кругами, поддерживавшими Мустафу Кемалю. После этого Слащёв вступил в «Народно-монархическую партию», с которой затем разошелся из-за выпуска брошюры «Требую суда общества и гласности», направленной против генерала П. Н. Врангеля. Слащёв пытался сотрудничать с Украинским национальным комитетом, причем его контрагент инженер А. В. Адисевич, в прошлом близкий к народовольцам, предложил генералу пост командующего украинской армией. Впрочем, дальше обещаний дело не пошло, да и никаких полномочий Адисевич, видимо, не имел. В то же время украинцы дали Слащёву средства на издание его брошюры.

---

⁷ Там же.

⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Ч. 1. Л. 244.

⁹ Подробнее см.: Возвращение генерала Слащова / публ. А. А. Здановича // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Вып. 3. С. 107–118.

Этим, однако, активность Якова Александровича не исчерпывалась. Как отмечалось в материалах наблюдения, Слащёв вступил в контакт с константинопольской еврейской сионистской организацией по вопросу о создании русско-еврейской лиги по борьбе с погромами. Участие Слащёва в этом проекте обуславливалось тем, что «он как популярный военачальник сумеет, несомненно, предотвратить еврейские погромы, которые неминуемо будут сопровождать падение власти Советов в России»¹⁰. Скорее всего, Слащёва интересовали возможности получения финансирования, но Центральный комитет сионистов в Париже отверг эти просьбы, после чего Слащёв охладел к этой организации.

После увольнения из армии Слащёв оказался на мели и нуждался даже в средствах на питание. Чтобы поправить дела, ему пришлось продать золотой эфес Георгиевского оружия, подаренный офицерами в Крыму¹¹. На какое-то время положение группы Слащёва облегчила ссуда Земского союза в 2000 турецких лир на организацию сельскохозяйственного предприятия под Константинополем. Слащёв поселился на ферме на малоазиатском побережье. Однако полученные средства были вскоре израсходованы¹². Впереди маячили унылая перспектива нищенской жизни эмигранта и неизвестность. Необходимо было что-то предпринять.

Летом 1921 г. Слащёва посещал известный матрос-революционер Ф. И. Баткин, завербованный к тому времени ВЧК и работавший по линии разложения белой военной эмиграции. В Константинополе Баткин представлялся эсером¹³. Располагая крупными средствами, он спаивал Слащёва и убеждал того, что большевики восстанавливают Россию в границах 1914 г., а белые, наоборот, приведут к порабощению страны иностранным капиталом. По данным вернувшегося со Слащёвым капитана Б. Н. Войнаховского, Баткин предлагал свои услуги по выявлению советской агентуры, в том числе организации Я. П. Тененбаума (Ельского), кроме того, работал и на английскую контрразведку¹⁴. Белая контрразведка следила за Слащёвым и в связи с его переговорами с советской стороной даже готовила покушение на него и на его начальника штаба генерал-майора Г. А. Дубяго. С этой целью велись переговоры с грузинскими боевиками, но стороны не сошлись в цене, а один из воз-

---

¹⁰ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 123. Л. 2об.

¹¹ *Сергеев Б.* Память о Я. А. Слащёве-Крымском да живет вечно в родном полку // Финляндец. 1929. № 9. 30.07 (12.08). С. 20.

¹² *Шатилов П. Н.* Записки. Ростов-на-Дону, 2017. Т. 2. С. 55.

¹³ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Док. и мат. М., 2002. Т. 3: Возвращение. 1921–1924 гг. С. 51.

¹⁴ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 130.

можных участников, будучи обязанным Слащёву, отказался участвовать и рассказал все генералу¹⁵.

Слащёва обрабатывал и Генерального штаба подполковник (в документах указан как полковник) Н. Ф. Соколовский — в прошлом видный деятель антибольшевистского подполья в Красной армии¹⁶. Иностраный отдел ВЧК отмечал, что Соколовский — человек, «интенсивно помогающий в настоящее время специальным советским агентам провести в жизнь новое направление политики “рабоче-крестьянского” правительства в вопросе о разложении армии и эмиграции, [а] именно — склонение эмигрантов к репатриации»¹⁷. Белая контрразведка отмечала, что Соколовский был одним из руководителей группы офицеров, стремившихся к признанию Советской власти, однако определенных сведений о его работе не имелось¹⁸.

Помимо Слащёва Соколовский вел переговоры с генералами М. А. (?) Александровым, А. И. Кавтарадзе (Кавтарадзевым), Б. П. Лазаревым и С. М. Солунковым (Солунским). Лазарев в итоге вернулся в Россию. Впоследствии сам Соколовский тоже уехал в Россию, где в феврале 1922 г. был арестован¹⁹, а в сентябре того же года Военной коллегией Верховного трибунала ВЦИК приговорен к трем годам лишения свободы, но освобожден в зале суда в связи с добровольным возвращением в Советскую Россию и за предоставленные сведения об армии Врангеля²⁰. Его дальнейшая судьба остается неизвестной.

Не будучи связан какими-либо обязательствами с белыми, Слащёв вступил в тайные переговоры с советскими представителями по поводу возможного возвращения в Россию. Каждая из сторон переговоров преследовала свои цели, поэтому решение вопроса растянулось на долгие месяцы, в которые велась обработка генерала и его окружения уполномоченным ВЧК Я. П. Тененбаумом (Ельским) и другими агентами в Константинополе с санкции председателя Реввоенсовета республики Л. Д. Троцкого и председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского²¹. Речь шла о совместной операции Разведупра Штаба РККА и ВЧК. По различным свидетельствам, Слащёву обещали командный пост в частях РККА

---

¹⁵ Там же. С. 128.

¹⁶ Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.

¹⁷ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 123. Л. 2об.

¹⁸ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 187–188.

¹⁹ Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 489.

²⁰ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 321. Л. 19–20.

²¹ Подробнее см.: Возвращение генерала Слащова / публ. А. А. Здановича // Неизвестная Россия. XX век. М. 1993. Вып. 3. С. 107–118.

вблизи границы с Румынией. Документ свидетельствует о том, что к концу 1921 г. белая контрразведка располагала информацией о переговорах советской агентуры со Слащёвым. Вопрос лишь в том, в какой период о таких контактах стало известно и предпринимались ли меры по срыву переговоров. По тексту документа можно предположить, что о контактах белому командованию стало известно летом 1921 г. в связи со встречами Слащёва с Баткиным, тогда как начало переговоров относится к февралю 1921 г.²²

Судя по всему, в Константинополе Слащёв создал некую тайную организацию своих сторонников, которая якобы на деньги Ельского готовила восстание, но этот замысел провалился²³. По свидетельству общавшегося со Слащёвым в Константинополе однополчанина полковника Б. В. Сергеева, генерал был на самом деле занят разработкой проекта с высадкой и партизанской войной в России²⁴. Не все соратники Слащёва согласились отправиться в Советскую Россию. По-видимому, в последний момент отказался его начальник штаба генерал-майор Г. А. Дубяго, проживший много лет в эмиграции (еще в конце октября 1921 г. Дубяго вместе со Слащёвым обсуждали отъезд с бывшим атаманом Астраханского казачьего войска князем Д. Д. Тундутовым²⁵).

Незадолго до отъезда Слащёв якобы заявил собеседнику, князю Д. Д. Тундутову: «Я собрался ехать в Россию, жизнь здесь мне опротивела и не имеет никакого смысла». На опасения князя Слащёв пожал плечами и ответил: «Судьба!... Положение русских эмигрантов за границей невыносимо. Если советская власть простит нас, то надо возвращаться домой»²⁶. Тундутов поверил в возможность возвращения в Россию, позднее по вызову Слащёва вернулся²⁷ и был расстрелян. Если сведения о постигшей Тундутова участи стали известны Слащёву, можно представить его эмоциональное состояние.

Истинные мотивы возвращения Слащёва, вероятно, так и останутся загадкой²⁸. Соратники Слащёва отказывались верить в то, что генерал переметнулся. В эмиграции среди однополчан Слащёва была распро-

---

²² Возвращение генерала Слащова. С. 108, 116.

²³ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 130.

²⁴ Сергеев Б. Память о Я. А. Слащёве-Крымском да живет вечно в родном полку. С. 20.

²⁵ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Док. и мат. М., 2002. Т. 3: Возвращение. 1921–1924 гг. С. 52.

²⁶ Там же.

²⁷ Марковчин В. В. Три атамана. М., 2003. С. 264.

²⁸ Кручинин А. С. Один год эмиграции генерала Я. А. Слащова-Крымского. Попытка историко-психологической реконструкции // Люди и судьбы Русского Зарубежья. М., 2011. С. 99–120.

странена версия о его отъезде ради продолжения борьбы. Например, полковник Б. В. Сергеев свидетельствовал, что «почти все русские газеты за границей поместили обширные фельетоны, или проникнутые к ген. Слащёву симпатией, или выливающие на него потоки грязи. Для нас, прошедших всю германскую и Гражданскую войны с Як[овом] Алекс[андровичем], особенно грустно и обидно было читать эти, относящиеся ко второй группе, газетные статьи, в которых малая осведомленность перемешивалась с беспричинной злобой и простым желанием лягнуть. Мы все, выехавшие из Крыма с Як[овом] Алекс[андровичем] на одном ледоколе “Илья Муромец”, мы, бывшие свидетелями его муки после эвакуации, его жажды продолжения борьбы — знали и не сомневались ни на минуту, что уход Як[ова] Алекс[андровича] в СССР — не есть смена вех и измена всей его прежней жизни — мы знали, что борьба Слащёва-Крымского с коммунизмом может кончиться только его смертью»²⁹.

Ему вторил полковник Д. И. Ходнев: «Слащёв в создавшейся для него обстановке, потерявший веру в возможность действенной борьбы с красным интернационалом в рядах белых, после развала фронта и эвакуации, пришел к решению о необходимости работы на территории Сов. России, замышляя какие-то определенные планы. Он не учитывал многого; во многом ошибался, и предположениям его не суждено было сбыться: в той обстановке, в какую он попал, зачатый в «чекистские» клещи, — работать было невозможно, произошло «выжидание», а это не в его характере. Попытки организовать восстание потерпели неудачу. Вскоре Слащёв был «ликвидирован»... Я имею основания быть глубоко убежденным, что Яков Александрович Слащёв всегда оставался верным нашему полковому завету и умер верным сыном своей Родины»³⁰. Кроме того, в эмиграции Слащёв оставил свою первую жену и дочь.

Когда известный политик В. В. Шульгин в 1921 г. задумал отправиться в Россию для возобновления антибольшевистской борьбы в Одессе, он написал письмо Врангелю, отметив, что ему нужен популярный генерал для подобной работы, а единственным кандидатом являлся Слащёв³¹. Врангель вызвал Шульгина на свою яхту «Лукулл» и отговорил его от авантюры.

---

²⁹ *Сергеев Б.* Память о Я. А. Слащёве-Крымском да живет вечно в родном полку. С. 16–17.

³⁰ Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (BAR). Leib Gvardii Finliandskii polk Papers. Box 25. General Ia. A. Slashchev.

³¹ *Шульгин В. В.* Тени, которые проходят. СПб., 2012. С. 279.

О том, изменились ли взгляды Слащёва, судить сложно. Вот, к примеру, свидетельство знавшего его белого офицера И. О. Гельгесена: «Генерал Слащёв был убежденный монархист, что никогда и не скрывал. И, помню, что когда за ужином пели военные патриотические песни, то при упоминании шефов полков императорской фамилии или самого покойного государя, ген. Слащёв неизменно подымался и продолжал петь стоя. Подымались, конечно, все его окружающие... Его любимейший романс был “Гори, гори, моя звезда”»³². Судя по всему, монархистом Слащёв оставался и в 1920 г.³³ Антибольшевистскими были взгляды окружения Слащёва. Так, полковник А. А. фон Лампе записал в дневнике, что из соратников Слащёва знал только Э.-Э. П. Гильбиха, причем как ярого противника большевиков даже в начале 1921 г.³⁴

Таким образом, не приходится сбрасывать со счетов вероятное намерение Слащёва продолжить борьбу новыми методами, а именно взорвать Красную армию изнутри. В этом смысле весьма показателен список предложенных Слащёвым ВЧК «единомышленников», среди которых такие ярые противники большевиков, как генералы А. П. Богаевский, С. Келеч-Гирей и В. Г. Науменко, С. Г. Улагай³⁵. Соратник Слащёва Б. Н. Войнаховский посоветовал чекистам еще и генерала П. Н. Краснова. Как известно, Келеч-Гирей, Краснов и Науменко продолжили свою борьбу с Советской властью и в годы Второй мировой войны уже в сотрудничестве с гитлеровцами.

Связь Слащёв предлагал установить через своего же бывшего адъютанта Ю. М. Бутлерова (1889–1962) — внука знаменитого химика. В публикуемом документе ошибочно указано, что Бутлеров будто бы уехал вместе со Слащёвым. Бутлеров, будучи офицером военного времени, в 1918 г. состоял в офицерской подпольной организации в Кисловодске, позднее воевал у белых, был ранен, дослужился до капитана. В эмиграции он жил в Турции, Франции и Парагвае, служил в парагвайской армии, где стал полковником. Умер в 1962 г. Его именем названа улица в Асунсьоне. Никаких сомнений в том, что Бутлеров был убежденным антибольшевиком, такая биография не вызывает.

Мог ли Слащёв питать иллюзии насчет подпольной работы в Советской России? Несомненно. Белые генералы отличались такой степенью

---

³² *Гельгесен И.* О генерале Слащёве // Новое русское слово. 1962. № 18150. 18.11.

³³ *Кручинин А. С.* Генерал Я. А. Слащов-Крымский и самосознание добровольческого офицерства // Белое движение на Юге России (1917–1920): неизвестные страницы и новые оценки. М., 1997. С. 46.

³⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 41.

³⁵ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 115.

политической наивности, которую сложно себе представить. На это работало и полное презрение к противнику, несмотря на поражение. Кроме того, Слащев был авантюристом и честолюбцем, поэтому, как и в случае с его безумными идеями 1920 года, удивляться новому замыслу не приходится. Критик Слащева эмигрант П. А. Лиходей отмечал, что сторонники версии о тайном антисоветском замысле Слащева «не видели или не хотели видеть происходивших перемен в психике и характере ген. Слащева, откуда вытекали все его действия, в том числе и принятие неразумного и ничем не оправданного решения о возвращении»³⁶. С рациональной точки зрения Слащев должен был заранее предвидеть абсолютную невозможность даже попытки каких-либо активных антисоветских действий в рядах РККА. Неудивительно, что в итоге Слащев, вернувшийся в ноябре 1921 г. в Россию, если и вынашивал какие-то планы подрывной работы, не только проиграл, но и принес ощутимый вред военной эмиграции. Возвращение генерала использовалось советской пропагандой для разложения белой военной эмиграции.

Историческая ценность справки о Слащеве требует ее введения в научный оборот целиком. Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Явные ошибки исправлены без оговорок.

Сов[ершенно] секретно

Копия

Иностранный отдел ВЧК

№ 2747/нр

От нашего агента в Германии

Первоисточник

Степень достоверности

Получено 30 ч. 12 мес. 1921 г.

Копии разосланы:

1) т. Уншлихту³⁷ для т. Троцкого³⁸

2) т. Манцеву³⁹

3) т. Артузову⁴⁰

дела герм[анских] к[онтр] р[еволюционеров]

Нач[альник] ИНО ВЧК

³⁶ BAR. Leib Gvardii Finliandskii polk Papers. Box 25. General Ia. A. Slashchev.

³⁷ Уншлихт Иосиф Станиславович (19.12.1879–29.07.1938) — заместитель председателя ВЧК.

³⁸ Троцкий Лев Давидович (26.10.1879–21.08.1940) — председатель Реввоенсовета Республики.

³⁹ Манцев Василий Николаевич (05.03.1889–19.08.1938) — председатель Всеукраинской ЧК.

⁴⁰ Артузов Артур Христианович (18.02.1891–21.08.1937) — заместитель начальника Особого отдела ВЧК.

о быв[шем] ген. Слащёве, по агентурным материалам, имеющимся в распоряжении паспортно-пропускного отделения при военном агенте в Турции.

Генерал Слащёв непосредственно по прибытии в Константинополь после эвакуации Крыма начал зондировать почву в различных группах и организациях с очевидной целью добиться крупного руководящего значения в эмигрантских кругах.

Прежде всего, им был предпринят ряд попыток к сближению с активными турецкими кругами, поддерживающими Мустаф[у] -Кемалья-пашу⁴², причем для установления связи с местными националистическими организациями был использован поручик Арсеньев, проживающий в Скутари, в доме турка-кемалиста.

Однако указанные попытки ни к каким существенным результатам не привели, и генерал Слащёв направил свои усилия к сближению с русскими монархическими кружками Константинополя, для чего вступил даже в число членов Народно-монархической партии. Спустя короткое время между генералом Слащёвым и монархистами произошло серьезное расхождение по вопросу об издании выпущенной им впоследствии брошюры («Требуя суда общества и гласности»), ввиду признания монархистами момента для появления в свет брошюры, независимо от содержания таковой, не подходящим и способным принести весьма существенный ущерб русскому делу, причем это расхождение привело к тому, что генерал Слащёв резко оборвал свою связь с монархическими кругами и затем направил свои изыскания последовательно в лагерь украинцев, сионистов и эсеров.

От имени украинцев с генералом Слащёвым вел переговоры член константинопольского отдела Украинского национального комитета инженер Адиасевич⁴³, который в связи с предпринятыми представителями комитета в парижских политических кругах шагами в направлении признания необходимости воссоздания Украины галицийской ориентации⁴⁴ как нового буфера между Советской Россией и Западной Европой и предположениями украинских кругов о создании нового антибольшевистского фронта на Украине, обещал ему, Слащёву, командование одной из украинских армий. Однако в данном случае переговоры к реальным результатам в значительном мас-

⁴¹ На документе резолюция: Копию Троцкому.

⁴² Мустафа Кемаль-паша (впоследствии Ататюрк Мустафа Кемаль) (12.03.1881–10.11.1938) — глава правительства Великого национального собрания Турции. Впоследствии — первый президент Турецкой республики.

⁴³ Адиасевич Александр Викторович (10.1865–19.02.1922) — инженер. В юности был близок к народолюбцам. С лета 1920 г. жил в Константинополе. Член константинопольского отдела Украинского национального комитета.

⁴⁴ Речь идет о сторонниках политического украинства, идеология которого связана с территорией Галиции.

штабе не привели и закончились получением от константинопольского отдела генералом Слащёвым небольшой субсидии на издание указанной выше брошюры, в действительности изданной затем Яшкой Розенбергом, быв[шим] московским наездником, пользующимся репутацией темного дельца.

О факте получения генералом Слащёвым субсидии от УНР⁴⁵ сообщил, между прочим, журналист Гуревич в заседании константинопольской еврейской сионистской организации, с которой генерал Слащёв, идя все далее по пути компромисса, также вступил в переговоры о необходимости создания русско-еврейской лиги по борьбе с погромами с непременным участием в таковой его, генерала Слащёва, ибо он как популярный военачальник сумеет, несомненно, предотвратить еврейские погромы, которые неминуемо будут сопровождать падение власти Советов в России. Возбужденный в связи с этим местной сионистской организацией вопрос о материальной поддержке генерала Слащёва был, однако, отвергнут Центральным комитетом сионистов в Париже, что вызвало в свою очередь полное охлаждение генерала Слащёва к идее борьбы с погромами, повлекшее прекращение связи с сионистами.

В начале лета текущего года генерала Слащёва, проживающего на заарендованной им, благодаря субсидии Всероссийского Земского Союза, ферме на малоазиатском берегу, начали часто посещать: 1) матрос Федор Баткин⁴⁶, эсер, работающий, однако, совместно с советским эмиссаром Богдановым⁴⁷ над разложением русской армии и белой эмиграции по директивам, получаемым от Советского правительства и 2) Генерального штаба полковник Соколовский⁴⁸, интенсивно помогающий в настоящее время специальным советским агентам провести в жизнь новое направление политики «Рабоче-крестьянского» правительства в вопросе о разложении армии и эмиграции, именно склонение эмигрантов к репатриации, ведший переговоры в этом направлении, между прочим, с генералами Кавтарадзе⁴⁹, Лазаревым⁵⁰, Солунским⁵¹ и Александровым⁵² и собирающийся в непродолжительном времени вместе с двумя видными коммунистами выехать в Севастополь.

---

⁴⁵ Украинская народная республика. Исправлено с УНК.

⁴⁶ Баткин Федор Исаакович (1892–1923) — матрос, журналист, эсер. Агент ВЧК. Участник операции по возвращению Я. А. Слащёва в Советскую Россию. По некоторым данным, расстрелян.

⁴⁷ Богданов — оперативный псевдоним неустановленного сотрудника ВЧК, участвовавшего в операции по возвращению Я. А. Слащёва в Советскую Россию.

⁴⁸ Соколовский Николай Федорович (1885-?) — подполковник. Видный деятель белого подполья в РККА. Участник Белого движения на Юге России. Вернулся в Советскую Россию (1922), арестован и вскоре освобожден.

⁴⁹ Кавтарадзев Александр Иванович (17.08.1866-не ранее 1933) — генерал-майор.

⁵⁰ Лазарев Борис Петрович (06.04.1882–01.1938) — генерал-майор.

⁵¹ Солунсков (Солунский) Степан Михайлович (01.01.1868–1941) — генерал-майор.

⁵² Предположительно, Александров Михаил Алексеевич (04.11.1865-?) — генерал-майор.

Федор Баткин, располагая крупными денежными суммами, широко угощал и спаивал генерала Слащёва и во время к [утежей]⁵³ убеждал последнего уйти от «белых авантюр» и перейти на службу к большевикам, которые, собирая Россию в границах 1914 г., служат национальному русскому делу, в то время как белые генералы, являясь ставленниками иностранного капитала, даже в случае успеха Белого движения, приведут Россию к экономическому порабощению ее державами Согласия⁵⁴. Федор Баткин сообщил генералу Слащёву о желании Советского правительства вступить с ним в переговоры, для каковой цели в Константинополь прибудет специальное командированное Советским правительством лицо. Слащёв согласился на указанное свидание, объяснив своим приближенным и, в частности, генерал-майору Дубяго⁵⁵, что к нему для переговоров прибудет агент германского правительства и что он, Слащёв, разочаровавшись в союзниках, предполагает вступить в контакт с немцами.

Спустя короткое время генерал[а] Слащёва действительно посетил прибывший из Советской России еврей, фамилию которого установить не представилось возможным, и оставил свою фотографическую карточку, заявив, что приблизительно через месяц к нему, Слащёву, прибудет новое уполномоченное Советским правительством лицо, которому и надлежит предъявить врученную фотографическую карточку.

В назначенный срок к генералу Слащёву явился прибывший из Советской России еврей Ельский⁵⁶, остановившийся в одной из местных гостиниц под фамилией Яблонского. После длительных переговоров, во время которых Ельский гарантировал Слащёву полную амнистию за прошлую деятельность и обещал от имени «Рабоче-крестьянской» власти командование одной из красных армий, расположенных на румынской границе, соглашение состоялось, и генерал Слащёв, получив от Ельского 10 000 тур[ецких] фунтов, начал приготовления к отъезду вместе со своими сотрудниками, из числа которых, однако, генерал-майор Дубяго возвратиться в Россию отказался и на этой почве разошелся, будто бы совершенно, со своим бывшим начальником.

В первых числах сентября из Севастополя прибыла сестра Федора Баткина Розалия Петровская, достав[ив]шая будто бы брату для генерала Слащёва гарантию неприкосновенности от тов. председателя Реввоенсовета Советской Республики, а также инструкции продолжать вербовку в советскую армию видных генералов и офицеров.

Согласно поступившим агентурным путем сведениям, в субботу, 28 октября, генерал Слащёв выехал будто бы в Севастополь под фамилией Алек-

---

⁵³ Лист оборван.

⁵⁴ То есть Антанты.

⁵⁵ Дубяго (Дубяга) Георгий Александрович (16.02.1884–17.06.1954) — генерал-майор.

⁵⁶ Ельский (Тененбаум) Ян Петрович (1881–29.12.1937) — советский агент, участник операции по возвращению генерала Я. А. Слащёва в Россию.

сандрова в сопровождении среди других приближенных генерал-майора Мильковского⁵⁷, полковника Мезерницкого⁵⁸ и адъютанта Юрия Бутлерова⁵⁹.

По приезде в Россию генерал Слащёв получит якобы командование румынским фронтом и выпустит воззвание, которое будет содержать приглашение всем офицерам и солдатам русской армии возвратиться в Россию.

С подлинным верно⁶⁰.

ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 123. Л. 2–3об.

Заверенная машинописная копия с рукописной правкой.

Список литературы

1. Возвращение генерала Слацова / публ. А. А. Здановича // *Неизвестная Россия*. XX век. М., 1993. Вып. 3. С. 107–118.
2. *Гельгесен И.* О генерале Слащёве // *Новое русское слово*. 1962. № 18150. 18.11.
3. *Кавтарадзе А. Г.* Предисловие // Слацов-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 3–32.
4. *Кручинин А. С.* Генерал-лейтенант Я. А. Слацов-Крымский // *Белое движение: исторические портреты*. М., 2011. С. 563–607.
5. *Марковчин В. В.* Три атамана. М., 2003.
6. *Орлов Г. А.* Дневник добровольца. Хроника Гражданской войны. 1918–1921. М., 2019.
7. *Сергеев Б.* Память о Я. А. Слащёве-Крымском да живет вечно в родном полку // *Финляндец*. 1929. № 9. 30.07 (12.08). С. 20.
8. *Шатликов П. Н.* Записки. Ростов-на-Дону, 2017. Т. 1.
9. *Шульгин В. В.* Тени, которые проходят. СПб., 2012.

Andrei Vladislavovich GANIN

Doctor of History, leading researcher of the Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: andrey_ganin@mail.

New materials about General Y. A. Slashchev-Krymsky

For the first time, new documents concerning the activities of one of the most important figures of the Civil war in the South of Russia in 1920, General Y. A. Slashchev-Krymsky, are introduced into scientific circulation.

Keywords: Civil war, military emigration, repatriation, Y. A. Slashchev-Krymsky, L. D. Trotsky.

---

⁵⁷ Мильковский Александр Степанович (13.01.1873–?) — генерал-майор.

⁵⁸ Мезерницкий Мстислав Владимирович (12.04.1895–21.08.1937) — полковник.

⁵⁹ Бутлеров Юрий Михайлович (1889–03.04.1962) — капитан, бывший адъютант Слащёва. Вопреки утверждению документа, Бутлеров был оставлен Слащёвым в Константинополе для ведения подпольной работы.

⁶⁰ Штамп Секретариата Президиума ВЧК: 31/XII 1921 г. № 17888.

УДК 94 (438).08: 316.653

ББК 63.3 (2) 612

Александр Александрович КИСЕЛЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии
Белорусского государственного экономического университета
(Минск, Республика Беларусь)

E-mail: kiselev_aa@list.ru

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ВАРШАВСКОЙ БИТВЫ В ПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В статье анализируется отношение к столетнему юбилею Варшавской битвы в польском обществе, государственной политике и исторической публицистике. Показывается, что в исторической политике польских властей советско-польская война занимает важное место. Вместе с тем в общественном мнении, несмотря на рост интереса к этому событию под влиянием исторической политики, советско-польская война пока не превратилась в одно из самых значительных событий в польской истории XX века. В исторической публицистике дискуссии вокруг советско-польской войны тесно связаны с критикой современной политической жизни Польши, в особенности ее внешней политики.

Ключевые слова: историческая политика, советско-польская война, Варшавская битва, общественное мнение.

В текущем году в Польше празднование столетнего юбилея Варшавской битвы проводилось на самом высоком государственном уровне. Это не является чем-то новым в исторической политике страны, поскольку широкое отмечание этой даты организовывалось и ранее. Постепенное превращение советско-польской войны в исторический и политический символ, в праздник национального уровня стало происходить с начала 90-х гг. XX в. В частности, по решению Сейма Республики Польши от 30 июля 1992 г. проведение Праздника Войска Польского было официально перенесено с 12 октября на 15 августа, то есть вместо чествования боевого крещения 1-й пехотной дивизии им. Т. Костюшко в боях под Ленино в 1943 г. польские парламентарии избрали Варшавскую битву¹. Очевидно, что подобный выбор был мотивирован политически и преследовал цели по восстановлению преемственности с межвоенной Польшей. Не менее показательным стало и то, что прежде праздновалась дата, когда польские части вместе с советскими войсками сража-

---

¹ Ustawa z dnia 30 lipca 1992 r. o ustanowieniu Święta Wojska Polskiego // Internetowy System Aktów Prawnych [Electronic resource]. — Mode of access: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19920600303>

лись против нацистской Германии в годы Второй мировой войны, а теперь отмечалось событие, когда польская армия воевала против Красной армии во время советско-польской войны.

Такую идеологическую «смену вех» нельзя полностью объяснить тем, что ранее в Польской Народной Республике (далее — ПНР) советско-польская война 1919–1920 гг. являлась «запретным» историческим событием, полностью вычеркнутым из школьных учебников или научных исследований. Правда, этот военный конфликт в ПНР по политическим причинам получал иные идеологические оценки, неощущалось изучение политической и военной истории войны, тем более проведение мемориальных торжественных мероприятий. Например, в начале 50-х гг. XX в. польско-советская война трактовалась в учебниках ПНР как участие буржуазной Польши в иностранной антисоветской интервенции². В 60-х гг. XX в. в учебных программах для школ польско-советская война упоминалась в контексте борьбы за границы нового государства, причем делался акцент на том, что война «дала Польше непольские этнографические земли и сделала невозможным выигрыш плебисцитов в Вармии, Мазурах и Силезии»³. Это должно было убедить школьника в справедливости существующих послевоенных границ ПНР. По крайней мере, в начале 80-х гг. в академических изданиях вполне корректно излагался общий ход военного конфликта, политические цели сторон. В этой связи хотелось бы привести пример коллективного труда «Возрожденная Польша 1918–1939: государство, общество, культура», опубликованного в 1982 г. На его страницах указывалось, что конфликт обуславливался разногласиями на предмет территориальной принадлежности лежащих между Польшей и РСФСР земель, противоречием между курсом на всемирную революцию и федеративным проектом Ю. Пилсудского. Не обходили стороной и отказ Ю. Пилсудского от взаимодействия с Добровольческой армией генерала А. Деникина, но объясняли это тем, что «белые» генералы «были противниками независимой Польши»⁴. Вполне допускалось в позитивных тонах писать о польском патриотизме, когда Красная армия оказалась на ближних подступах к Варшаве, и даже рассказывать о личном участии Ю. Пилсудского в проведении наступления. Вместе с тем, комментируя итоги войны, в книге констатировали, что восточная политика существенно ослабила Польшу на западе и негативно сказалась «на результатах борь-

---

² Osiński Z. Nauczanie historii w szkołach podstawowych w Polsce w latach 1944–1989: uwarunkowania organizacyjne oraz ideologiczno-polityczne. Lublin, 2010. S. 237.

³ Ibid. S. 191.

⁴ Polska Odrodzona 1918–1939: państwo, społeczeństwo, kultura / pod red. Jana Tomickiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1982. S. 39.

бы с немецким империализмом за присоединение к Польше западных земель»⁵, пошатнула польские позиции в переговорах с державами Антанты. Такой вывод подчеркивал, что ради политического контроля над белорусскими и украинскими землями в интересах поместного дворянства жертвовались национальные территории на западе. Это было существенным доводом в пользу обоснования послевоенных границ ПНР.

Говоря об отношении в современном польском обществе к советско-польской войне уместно выделить несколько уровней для анализа. В первую очередь представляет интерес реакция на столетний юбилей войны государственных органов власти, а точнее официальный дискурс об этом событии. В частности, показательным является постановление Сейма Республики Польши от 22 июля 2020 г. о столетней годовщине Варшавской битвы. В нем утверждалось, что победа спасла не только «суверенитет нашего отечества», но и «демократический строй всей Европы»⁶. Однако эта оценка показалась недостаточной, поэтому польские парламентарии постарались усилить значение победы под Варшавой. В постановлении было закреплено, что польские войска предотвратили «распространение коммунистической революции в Европе» и тем самым не допустили «уничтожения западной цивилизации»⁷. Само сражение и последующее наступление называлось одним из величайших триумфов в польской военной истории. Отметим, что 2020 год по решению сейма был объявлен годом Варшавской битвы. При этом в сеймовом постановлении посчитали необходимым упомянуть, что победа не является исключительно заслугой поляков, поскольку свой вклад в нее внесли украинские войска, белорусские подразделения и солдаты демократической «III России». Кроме того, польские парламентарии посчитали необходимым упомянуть американскую авиационную эскадрилью, бельгийский санитарный поезд, венгерскую помощь армейским снаряжением.

В течение всего года по инициативе государственных органов власти или при их поддержке проводились на системной основе разные мероприятия, призванные привлечь внимание к столетию сражения. Например, Национальным банком Польши в честь юбилея была выпущена денежная купюра номиналом в 20 злотых, на которой был изображен

---

⁵ Ibid.

⁶ Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 22 lipca 2020 r. w sprawie upamiętnienia 100. rocznicy Bitwy Warszawskiej // Internetowy System Aktów Prawnych [Electronic resource]. — Mode of access: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=W-MP20200000665>

⁷ Ibid.

Юзеф Пилсудский. Виртуальный исторический театр «Независимая» снял фильм «Победа 1920», который благодаря современным мультимедийным технологиям при просмотре давал возможность зрителю стать одним из участников действия. Эта VR-картина была продемонстрирована в 11 польских городах. Несколько поездов польской железной дороги были визуально оформлены в память об основных политических и военных деятелях Польши. Скоростное шоссе от Варшавы до Белостока получило название «Трассы героев Варшавской битвы 1920 года»⁸. Вдоль всей дороги были установлены соответствующие информационные щиты.

Как всегда, активную образовательную и научно-популярную деятельность в юбилейную годовщину развернул Институт национальной памяти и его многочисленные отделения по всей стране. В частности, под эгидой этого учреждения была разработана и поступила в продажу настольная игра «Варшавская битва». В отделении Института в Лодзи в 2019 г. был выпущен детский исторический комикс «Отважный Тадек», рассказывающий о Тадеуше Ежеровском — самом молодом кавалере учрежденной в 1920 г. военной награды «Крест Отважных», врученной ему в 12 лет в 1921 г. за участие в обороне Плоцка⁹. Это не единственное издание такого рода. В частности, в этом году был выпущен очередной исторический комикс из серии о трех вымышленных братьях из польской семьи Сребрных, живших в пределах Австро-Венгрии, Российской и Германской империй и принимавших участие в борьбе за независимость Польши. В этот раз комикс назывался «Сребрни на путях Варшавской битвы»¹⁰. Помимо этого, сотрудниками института была подготовлена и выложена в свободный доступ серия популярных брошюр, посвященных важнейшим сражениям советско-польской войны.

Министерством культуры и национального наследия был проведен конкурс на создание памятника в честь увековечивания Варшавской битвы. В конечном счете победил проект архитектора М. Низио, который предложил воздвигнуть 23-метровый обелиск. Памятник предполагается установить в 2021 г. в Варшаве на площади «На распутье». Следует сказать, что конкурс проходил не без курьезов. Например, фонд Патриотического общества предлагал к юбилею Варшавской битвы воз-

---

⁸ S8 to teraz Trasa Bohaterów Bitwy Warszawskiej 1920 roku // Wroclife.pl [Electronic resource]. — Mode of access: <https://wroclife.pl/nasze-miasto/trasa-bohaterow-bitwy-warszawskiej-1920/>

⁹ Wilczkiewicz T. *Walczny Tadzio*. Łódź: IPN, 2019. 28 s.

¹⁰ Konarski M., Ronek H. *Srebrni na szlakach Bitwy Warszawskiej 1920 r.* Warszawa: IPN, 2020. 80 s.

двинуть в столице памятник в виде гигантской триумфальной арки, которая бы возвышалась над Вислой, соединяя противоположные берега¹¹.

При этом такая крайне активная пропаганда советско-польской войны в польской истории отчасти противоречит тому, как воспринимается событие в массовом общественном мнении. К сожалению, в нашем распоряжении не оказалось результатов большинства социологических опросов, которые проводились в текущем году. Однако данные опросов социологической службы CBOS за прошлые годы показывают, что несмотря на возвеличивание Варшавской битвы, в общественном сознании память о советско-польской войне занимает далеко не такое важное место. Например, проводившийся в 1999 г. опрос о наиболее знаковых для польской истории событиях XX в. показал, что Варшавская битва оказалась на 13 месте, набрав всего 5% ответов¹². Это при том, что респондентам предлагалось назвать три важнейших исторических события уходящего века. Опрос, проведенный в 2010 г., также продемонстрировал, что этот военный конфликт не находится на первом плане в коллективной памяти поляков. Так, оказалось, что советско-польская война 1920 г. заняла 16 место, набрав 3% всех ответов, данных респондентами¹³. Правда, по сравнению со временами ПНР участие Польши в войне 1919–1920 гг. постепенно стало превращаться в предмет для исторической гордости: в опросе 1987 г. ни один из респондентов не назвал эту войну в качестве события, которым поляки могут гордиться; однако в 2010 г. это событие уже 5% посчитали достойным гордости. В итоге советско-польская война 1920 г. вошла в десятку самых достойных событий, разместившись на 8 месте. В 2016 г. в ответ на вопрос о главных событиях в польской истории за последние сто лет поляки упомянули Варшавскую битву в 9% случаев, что позволило ей «закрыть» первую десятку важнейших исторических дат¹⁴. Для сравнения укажем, что первое место в пантеоне национальной гордости было отдано избранию на папский престол Кароля Войтылы (33%). При этом среди тех респондентов, кто декларировал свой активный интерес к истории, Варшавская битва оказалась более популярной, набрав 15% голосов и заняв 7 место в исторических предпочтениях. При опросе, проводившемся в 2018 г., выяснилось, что среди важнейших событий за последние сто лет поляки поместили Варшавскую битву 1920 г. на 9 место (4%), причем по по-

---

¹¹ Budowa pomnika Bitwy Warszawskiej w stolicy w 2020// Wirtualny Nowy Przemysł [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.wnp.pl/parlamentarny/spoleczenstwo/budowa-pomnika-bitwy-warszawskiej-w-stolicy-w-2020-r,43536.html>

¹² Komunikat z badań Warszawa: CBOS, 1999. № 195. 7 s.

¹³ Komunikat z badań Warszawa: CBOS, 2010. № 97. 12 s.

¹⁴ Komunikat z badań Warszawa: CBOS, 2016. № 68. 15 s.

пулярности ей удалось обойти Варшавское восстание 1944 г. Однако на фоне такого события, как провозглашение независимости в 1918 г., набравшего 40% всех ответов и занявшего первое место, «Чудо на Висле» не пользовалось такой уж широкой популярностью¹⁵. Впрочем, выражение «Чудо на Висле» некоторые польские граждане по-прежнему понимают буквально. По данным опроса службы IPSOS, проведенном в 2018 г., чуть более половины поляков (50,88%) допустили вмешательство Бога и Девы Марии в исход Варшавской битвы¹⁶. Интересно, что доля верующих в такое содействие гораздо выше среди тех, кто живет в сельской местности (59,85%) и малых городах (56,34%), не имеет законченного среднего и высшего образования (63,6%) и является сторонником правых взглядов (74,28%). Впрочем, если вспомнить, что на 15 августа приходится один из важных католических праздников — Вознесение Девы Марии, которая в польской народной традиции считается покровительницей Польши, то не приходится удивляться такому мнению.

В завершении этого обзора приведем данные, представленные Национальным центром культуры, о проведенном фирмой KANTAR в ноябре 2019 г. социологическом исследовании, предметом которого стало восприятие Варшавской битвы¹⁷. Согласно его результатам, 89% всех поляков слышали об этом событии, а 43% могут даже верно указать его год. Правда, только 5% заявили о том, что имеют обширные сведения об этой исторической дате, а четверть опрошенных признались в скромности своих познаний. Чаще всего Варшавская битва ассоциировалась с победой над Россией / большевиками (17%), выражением «Чудо над Вислой» (13%) и личностью Юзефа Пилсудского (10%). Чуть более половины (52%) всех опрошенных заявили, что узнали о сражении в школе. На второе место в качестве источника сведений о Варшавской битве попал интернет (20%), а на третьем месте с результатом в 16% разместились СМИ (газеты, телевидение, радио). Вместе с тем 45% поляков признались, что никак не празднуют годовщину, а 33% ограничиваются просмотром телевизионных передач. В конечном итоге можно отметить, что в польском общественном сознании тема Варшавской битвы и советско-польской войны присутствует и имеет тенденцию

---

¹⁵ Komunikat z badań Warszawa: CBOS, 2018. № 124. 9 s.

¹⁶ Ponad połowa Polaków zgadza się z Dudą, że Matka Boska stoi za zwycięstwem w Bitwie Warszawskiej // OKO.press [Electronic resource]. — Mode of access: <https://oko.press/ponad-polowa-polakow-zgadza-sie-z-duda-ze-matka-boska-stoi-za-zwyciestwem-w-bitwie-warszawskiej/>

¹⁷ Pamięć o 100. rocznicy Bitwy Warszawskiej // Narodowe Centrum Kultury [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.nck.pl/en/badania/aktualnosci/pamiec-o-100-rocznicy-bitwy-warszawskiej>

к незначительному росту в коллективной памяти, однако она находится далеко не на первых местах по значимости.

Не претендуя на полный охват всех сюжетов польской исторической публицистики, посвященной всем аспектам советско-польской войны 1919–1920 гг., хотелось бы отметить, что она вдохновляется актуальными для современного польского общества политическими проблемами. Это приводит к тому, что, критикуя, например, политику Ю. Пилсудского, косвенно полемизируют с современной восточной политикой Польши на предмет поддержки Украины, внутривластным курсом и идеологией правящей в Польше партии «Право и справедливость», идеализирующей режим санации. В этих дискуссиях пытаются осмыслить причины ослабления политического участия и роли Польши в международных отношениях, сформулировать более рациональные и соответствующие польским национальным интересам политические проекты в области внешней и внутренней политики. Например, некоторые публицисты пишут о том, что советско-польская война 1919–1920 гг., несмотря на одержанную в ней военную победу, сопровождалась политическим стратегическим поражением. В этой связи хотелось бы обратить внимание на изданную к 95-летию Варшавской битвы книгу журналиста и исторического публициста, главного редактора исторического приложения правого еженедельника «Do Rzeczy» П. Зыховича «Пакт Пилсудский-Ленин». В этой книге автор утверждал, что во время советско-польской войны была окончательно потеряна историческая возможность восстановить Польшу в качестве субъекта международной политики, регионального лидера в Центральной и Восточной Европе. Публицист писал, что Ю. Пилсудский, руководствованный идеей «красной России» как меньшего зла по сравнению с «белой Россией», вполне сознательно дважды принял решение, которое в конечном итоге оказало решающее влияние на исход Гражданской войны в России. В 1919 г. Ю. Пилсудский, остановив наступление на восток и отказавшись от союза с А. Деникиным, дал возможность Красной армии осенью 1919 г. перейти в наступление и разгромить Добровольческую армию Юга России. По мнению публициста, следовало полностью брать под контроль границы Речи Посполитой, существовавшие до ее разделов. При этом, несмотря на заявления А. Деникина о «единой и неделимой России», продолжать борьбу с большевиками, чтобы «Деникин взял Москву и мог повесить Ленина на сухом суку»¹⁸. В любом случае будущее антибольшевистское правительство России не имело бы сил воевать с Польшей за спорные территории и пошло бы на подписание мирного договора

---

¹⁸ Zychowicz P. Pakt Piłsudski-Lenin czyli jak Polacy uratowali bolszewizm i zmarnowali szansę na budowę imperium, Poznań: Dom Wydawniczy «Rebis», 2015. S. 41.

о границе. Более того, оно бы нуждалось в поддержке Польши для завершения Гражданской войны. В 1920 г. после контрудара под Варшавой, который привел к успешному развитию наступления польской армии на восток, начальник государства предпочел все же пойти на прекращение огня и начало мирных переговоров, несмотря на разгром частей РККА. Причину такого поведения П. Зыхович видел в том, что Пилсудский опасался восстановления боеспособности армии под командованием генерала П. Врангеля, который вновь превращал белое движение в фактор Гражданской войны. Пилсудский предпочел пожертвовать претензиями на исторические земли Речи Посполитой XVIII в., судьбами десятков тысяч поляков, столетиями проживавших на Кресах, и отказался вести борьбу с большевиками осенью 1920 г., поскольку не хотел победы в Гражданской войне белых. Последние в его глазах символизировали Россию, с которой он боролся всю свою жизнь. В итоге, отказавшись от Кресов, от поддержки белого движения в Гражданской войне, Польша утратила шанс стать великой державой и, поддержав создателей советского тоталитарного государства, заложила причины своей будущей трагедии в 1939 г., перехода в сферу советского влияния в послевоенный период, превращения в объект международной политики без возможности активно участвовать в создании новой политической системы.

С иных позиций критикуется политика и участие Ю. Пилсудского в событиях августа 1920 г. главным редактором журнала «Польская мысль» и историком Я. Энгельгардтом. В частности, 15 августа текущего года он разместил статью, в которой доказывал, что именно начальник Генерального штаба генерал Т. Розвадовский спланировал и осуществил контрнаступление, в котором решающая роль отводилась удару спешно сформированной 5-й армии В. Сикорского¹⁹. 13 августа после совещания с ген. Ю. Халлером и начальником франко-британской военной миссии ген. М. Вейганом им был отдан приказ о нанесении контрудара. Напротив, Ю. Пилсудский 12 августа 1920 г. передал главе правительства В. Витосу свое решение об уходе с поста главы государства. Его отъезд в части, которые принимали участие в наступлении, не имел никакого решающего влияния на ход боевых действий. В последующем после майского переворота 1926 г. Ю. Пилсудский сознательно мстил отцу победы под Варшавой, продержав его под арестом почти год под надуманным предлогом. При этом Энгельгардт допускает, что генерала Т. Розвадовского в заключении отравили, поскольку его здоровье было непоправимо подорвано и он вскоре скончался.

---

¹⁹ Engelgard J. Gen. Rozwadowski i Bitwa Warszawska // Myśl Polska [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.mysl-polska.pl/2444>

Сам факт появления под Варшавой в августе 1920 г. наступающих частей Красной армии являлся следствием авантюрного наступления на Украине. По мнению Я. Энгельгардта, киевский поход не имел характера превентивной войны, а был попыткой реализации утопической федеративной программы²⁰. Война была подготовлена Ю. Пилсудским в тайне от правительства, сейма и общественного мнения, при этом планирование строилось на легкомысленном пренебрежении к противнику. В результате Польша едва не потеряла обретенную независимость, и только с огромными усилиями, благодаря военному мастерству генералов, сумела выжить.

Таким образом, на уровне официального исторического нарратива советско-польская война и одно из решающих сражений этой войны — Варшавская битва — подаются односторонне. Односторонность выражается в том, что основной акцент делается на победе польского оружия под Варшавой. При этом данное сражение оценивается не просто как переломное событие в ходе войны, но как спасение ни много ни мало всей западной цивилизации от коммунизма. В итоге весь ход советско-польской войны 1919–1920 гг. оказывается кратким вступлением к событиям августа 1920 г. В свою очередь среди интеллектуалов, критически настроенных к процессам мифологизации войны, высказываются не только более взвешенные, но и весьма далекие от официального нарратива взгляды. В частности, в польской исторической публицистике развенчивается выдающаяся роль Ю. Пилсудского как полководца, стратега и организатора победы под Варшавой. В самом крайнем варианте утверждается, что сам Пилсудский в решающий момент проявил малодушие и не имеет отношения к военной составляющей контрнаступательной операции, разработанной под руководство генерала Т. Розвадовского. Указывается, что киевский поход во имя федеративных проектов Пилсудского являлся политической авантюрой, которая едва не стоила Польше ее независимости. Наконец, еще одним дискутируемым сюжетом является благожелательный нейтралитет к РСФСР осенью 1919 г. в решающий момент Гражданской войны в России. В самом польском общественном мнении Варшавская битва и победа в войне 1919–1920 гг., несмотря на значительный комплекс мероприятий в рамках исторической политики, не превратились в ключевое событие всей польской истории XX в. Однако во многом благодаря политическим усилиям властей и идеологической установке на восстановление преемственности с межвоенной Польшей победа в советско-польской войне закрепилась в десятке важнейших событий польской истории новейшего времени.

---

²⁰ Engelgard J. Bitwa Warszawska 1920. Od mitów do faktów // Konserwatyzm.pl [Electronic resource]. — Mode of access: <https://konserwatyzm.pl/engelgard-bitwa-warszawska-1920-od-mitow-do-faktow>

Список литературы

1. Osiński Z. Nauczanie historii w szkołach podstawowych w Polsce w latach 1944–1989: uwarunkowania organizacyjne oraz ideologiczno-polityczne. Lublin. 2010. 332 s.
2. Polska Odrodzona 1918–1939: państwo, społeczeństwo, kultura / pod red. Jana Tomickiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1982. 679 s.
3. Zychowicz P. Pakt Piłsudski-Lenin czyli jak Polacy uratowali bolszewizm i zrnowali szansę na budowę imperium. Poznań: Dom Wydawniczy «Rebis», 2015. 472 s.

Alexander Aleksandrovich KISELEV

Ph. D. in History (*kandidat istoricheskikh nauk*), associated professor (*docent*), Belarus State Economic University (Minsk, Republic of Belarus)

E-mail: kiselev_aa@list.ru

Centenary of the Battle of Warsaw in Polish public opinion and historical journalism

The article analyzes the attitude to the centenary of the Battle of Warsaw in Polish society, public policy and historical journalism. It is shown that the Soviet-Polish war occupies an important place in the historical policy of the Polish authorities. At the same time, public opinion, despite the growing interest in this event under the influence of historical politics, the Soviet-Polish war has not yet turned into one of the most significant events in the Polish history of the 20th century. In historical journalism, discussions around the Soviet-Polish war are closely linked with criticism of the modern political life of Poland, especially its foreign policy.

Keywords: historical politics, Soviet-Polish war, Battle of Warsaw, public opinion.

УДК 94 (476) «1919–1920»

ББК 63.3 (2) 612

Александр Дмитриевич ГРОНСКИЙ

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора Белоруссии, Молдавии и Украины Центра постсоветских исследований национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук

E-mail: a.gronskiy@yandex.ru

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1919–1920 ГГ. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ БЕЛОРУССКИХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

В статье анализируются тексты, размещённые в белорусском сегменте сети интернет, содержащие информацию о польско-советской войне 1919–1920 гг. Польско-советская война оказалась малоинтересной для белорусского интернет-пространства, поэтому подавляющее большинство текстов, посвящённых ей, достаточно обзорны и опираются на данные, полученные из советской научной, энциклопедической и публицистической литературы. Само название войны пишется в разных статьях по-разному: советско-польская война, польско-советская война, польско-большевистская война, польско-русский война или русско-польская война. Даты начала и окончания войны также подвижны. В одних случаях началом войны указан 1919 г., в других — 1920 г. Окончание войны указано или в 1920 г. или в 1921 г. Большая часть авторов воспринимает установление контроля польских войск над территорией как оккупацию, а когда контроль устанавливает Красная армия — это определяется как освобождение. Иногда в статьях упоминаются отдельные эпизоды из истории польско-советской войны, характеризующие локальные исторические события. Наиболее широко представлена информация о положении красноармейцев в польском плену. Именно этот эпизод польско-советской войны наиболее подробно изучен белорусскими и зарубежными исследователями, что и отражается на частоте упоминаний. В целом, польско-советская война 1919–1920 гг. в белорусском сегменте интернет представлено весьма слабо.

Ключевые слова: Польско-советская война 1919–1920 гг., белорусские интернет-ресурсы.

История любого события так или иначе представляется не только как объективно исследуемый процесс, но и как идеологический конструкт или эмоциональное повествование, стремящееся вызвать у читателя определенную оценку исторических реалий. Также стоит помнить, что в момент осуществления события оно не всегда оценивается современниками так, как его в будущем станут оценивать потомки. И дело не только в том, что потомки могут оценить уже закончившееся событие, а современники, находящиеся внутри ситуации, не всегда понимают, какие тенденции осуществляются в настоящий момент. Бо-

лее того, на восприятие и оценку события влияет ряд факторов: кому принадлежала ранее и принадлежит ныне территория, на которой это событие протекало; какие политические силы принимали в нем участие, как к ним относились современники и относится современные жители; какие мотивы существовали у современников и существуют у нынешних лиц, пишущих о событии, чтобы так или иначе оценить его и т. д.

Помимо исследовательского интереса события прошлого вызывают и идеологический. В нынешнем мире существуют попытки обосновать текущее состояние государства или определенной общественной группы примерами из прошлого, доказать наличие актуальных для современной политики явлений в прошлом или хотя бы проинтерпретировать прошлое, чтобы оно удобно укладывалось в схему современных политических мифологий.

Интернет-публицистика как раз и помогает создавать упрощенное, т. е. мифологическое представление о прошлом, не обращая внимания на неактуальные для логики текста проблемы и подчеркивая важные с точки зрения современного автора. Подобное упрощение не всегда является стремлением создать оторванный от реальности исторический миф, иногда, а, возможно, и зачастую — это всего лишь желание публициста дать упрощенную, т. е. более понятную для читателя картину прошлого, опираясь не на весь корпус информации о событии, а на определенные моменты, которые, по мнению публицистов, наиболее точно передают прошлое. Интернет является достаточно доступным способом получения информации, поэтому распространяемые в нем сведения способны повлиять на массовые представления о прошлом при условии заинтересованности интернет-аудитории в получении информации то тому или иному вопросу, связанному с историей.

Исторические события, так или иначе затрагивавшие территорию Белоруссии находят отражение в текстах на интернет-ресурсах. Обычно упоминание события актуализируется накануне юбилейных дат, но бывают и исключения. Частично одни события актуализируются при упоминании других событий, поскольку между ними существуют реальные или придуманные причинно-следственные связи. Также стоит отметить, что интерес интернет-ресурсов к тому или иному событию может подогреваться не по причине «диктатуры юбилеев», а идеологически — по причине желания использовать событие для выстраивания идеологически оправданной версии истории. Всё это следует учитывать, анализируя интернет-тексты, посвящённые прошлому.

Польско-советская война, возникшая в западной части бывшей Российской империи, для белорусского сегмента интернет не является достаточно важным событием, на которое постоянно обращают внимание. Часто она служит фоном для описания иных событий. Так, достаточно

много упоминаний (на лишь упоминаний, а не развёрнутого повествования) о ней можно найти в текстах, посвящённых Польскому походу Красной армии в сентябре 1939 г. В таких текстах польско-советская война выступает как фактор, который повлиял на разделение территории современной Белоруссии на Западную и Восточную. Текстов же, посвящённых непосредственно войне, в белорусском интернет не так много.

Тем не менее, в этих немногочисленных текстах встречаются различные версии описания войны, в которых может различаться не только оценка сторон конфликта, но даже название войны. Чаще всего в интернете можно увидеть всем привычное наименование события: «советско-польская война» [3, 5, 6, 7, 9, 10, 13, 14, 18, 20, 22, 23]. Именно такое название закрепилось в советский период и стало нормой, от которой более-менее заметно начали отходить лишь в начале XXI в. Не так часто, как предыдущее встречается наименование войны, где указание на Польшу стоит первым — польско-советская война [1, 12, 16, 19]. Гораздо реже можно встретить название «польско-большевистская война». В некоторых случаях это название упоминается с указанием на то, что именно так именует войну современная польская историография, в других случаях авторы текстов обходятся без подобных уточнений [2, 24]. Также присутствует, как минимум, один текст, где война названа польско-большевицкой [15]. Остаётся неясным, написание прилагательного именно в таком варианте (большевицкий, а не большевистский) стоит отнести к предпочтениям автора (или редактора) либо это сделано по какому-то определённому умыслу. Дело в том, что ранее понятие большевистский использовалось при указании на идеологию, а большевицкий — на носителя этой идеологии, большевика. Однако позже всё изменилось, потому что «наблюдения за современной речью — как устной, так и письменной — показывают, что в значении “относящийся к большевизму, к движению большевиков” слова *большевистский* и *большевицкий* различаются стилистически. На практике *большевицкий* используется с отрицательной экспрессией; его использование говорит о негативной оценке говорящим большевизма и действий большевиков. Поэтому в энциклопедических статьях, которые должны быть свободны от оценок, целесообразно употреблять в этом значении стилистически нейтральное прилагательное *большевистский*» [4]. В некоторых случаях война получила наименование польско-российской [11], а также русско-польской [8]. Указание на одну из сторон не как на советскую или большевистскую, а как на российскую можно выявить и в определении правительства большевиков как российского [20]

Помимо названия варьируется также и хронология войны. Можно встретить указание, что это война 1919–1921 [3, 7, 8, 10, 13, 14, 18], 1919 – 1920 [1, 5, 11, 12] или 1920 [19, 23]. Любая из этих хронологий

войны имеет свою собственную логику, а с окончательной или хотя бы предпочтительной хронологией пока не определились даже учёные.

Помимо сугубо энциклопедической информации — названия и дат — в интернет-статьях широко присутствуют оценочные суждения. Причём, в белорусском сегменте интернет преобладают оценочные суждения, опирающиеся на советский взгляд на события того времени. Причём, часто можно встретить именно шаблонные фразы, которые авторы не переформулировали, а попросту взяли из текстов советского периода. Иногда на сайтах размещаются цитаты большего или меньшего размера из литературы советского периода, посвящённой войне. Естественно, в этих текстах оценочные суждения достаточно явно выражены. Однако необходимо обратить внимание, что ряд суждений, даже вплетённых в шаблонные пропагандистские формулировки, нельзя признать полностью оценочными. В частности, указание на оккупацию поляками различных населённых пунктов можно воспринимать и как собственно оккупацию, т. е. захват не своей территории, и как освобождение от большевиков в зависимости от предпочтений читателя. Ещё одна проблема, связанная с определением оккупации, — это представление о том, какие территории можно считать советскими, а какие — польскими, и как найти критерии такого определения. По Брест-Литовскому мирному договору Советская Россия отказывалась от ряда территорий бывшей Российской империи. Например, Гродно, Лида и Волковыск оказались вне территорий, оставшихся у Советской России. На эти земли претендовали и Советская Белоруссия, и позже Советская Литовско-Белорусская Республика, однако эти государственные образования не контролировали всей территории, на которую претендовали. Интересно было бы найти информацию о том, как оценивали сами себя жители этих территорий, и кто, по их мнению, являлся оккупантом. Можно предположить, что подавляющее большинство населения Западной Белоруссии воспринимало себя сопричастным с бывшей Российской империей, а не с новыми государственными образованиями. Тогда с их точки зрения польские действия будут расценены как оккупация. Как оккупация эти действия определялись в советское время и были перенесены в постсоветский дискурс.

Например, на сайте, посвящённом городу Слуцку есть описание его истории в период после окончания Первой мировой войны: «В начале 1919 г. в Западной Белоруссии советские части вступили в соприкосновение с войсками буржуазно-помещичьей Польши, выдвигавшимися для захвата Белоруссии и Литвы» [21]. Поляки далее в тексте имеют сугубо негативные определения. Они упоминаются как интервенты, оккупанты, захватчики, враг и пилсудчики [21].

На сайте, посвящённом городу Бобруйску, сказано, что ещё в конце 1918 г. Польша начала экспансию на белорусскую землю. Её войска за-

хватывали города, был оккупирован и Бобруйск, в котором установилась «белопольская оккупация». В вину полякам ставится то, что они уничтожили в Бобруйске первый советский памятник. Если поляки являлись захватчиками, соответственно, они устанавливают в захваченных населённых пунктах «режим грабежа и насилия», после которого число бобруйчан «сократилось на 40% и составило 36 655 человек». Красная армия освободила Бобруйск. «Перед глазами освободителей предстали разрушенные и сожжённые предприятия, учебные заведения и жилые дома» [17]. В данном тексте одна из сторон конфликта именуется белополяками. Это является наследием советской эпохи, и в современных текстах встречается не так часто. Однако случаи употребления подобного термина нельзя назвать единичными.

При описании событий 1919–1920 гг. в Минске также указывается, что город был захвачен, а потом освобождён от белополяков [7]

На сайте, посвящённом городу Молодечно информация представлена с теми же оценками. Молодечно польские войска захватили, после чего начался период польской оккупации. Поляки представляли «польские оккупационные власти» и боролись с местным населением. Соответственно, Красная армия город освободила, но вскоре он был вторично оккупирован поляками [16].

В период оккупации местное население создало несколько партизанских отрядов, общее число участников которых составило около 150 человек. Текст статьи не даёт указаний на то, на каких позициях стояли члены этих отрядов, но в статье указывается, что «польские оккупационные власти любыми средствами пытались затормозить патриотическое движение и привлечь народные массы на свою сторону» [16]. Под патриотизмом в данном случае, видимо, стоит понимать антипольскую активность местного населения. Однако, если отряды были большевистскими и исповедовали идеи мировой революции, вряд ли их мотивы можно назвать патриотизмом.

О борьбе против поляков говорится и в других статьях, но упоминания патриотизма в них нет: «На борьбу против оккупантов поднялся весь белорусский народ. Повсеместно была создана сеть подпольных организаций, развертывалась партизанская борьба. Борьбу возглавили коммунисты и белорусские эсеры» [6].

При описании событий не в отдельных городах, а на более обширной территории лексика также не меняется: «Польша приступила в декабре 1918 г. к захвату белорусских и украинских земель. В феврале-марте 1919 г. польские легионеры заняли Брест, Кобрин, Белосток, Волковыск, Слоним, Пинск. [...] Весной 1919 г. польские войска захватили Лиду и Вильно. [...] В августе – сентябре поляки захватили Игумен, Ново-Борисов, Бобруйск, Жлобин, Рогачев» [6].

Исключением из этой череды упоминаний об оккупации предстаёт статья на польско ориентированном сайте OLZ.by [2], в которой Польша не упоминается в качестве оккупанта. Статья интересна тем, что в ней присутствует мягкая апологетика польской политики того времени, но некоторые формулировки противоречат апологетической направленности статьи. В частности, объясняя ситуацию в начале войны, автор пишет, что «изначально большевики планировали вернуть западные украинские, белорусские и литовские земли, для того, чтобы установить над ними контроль». Таким образом, получается, что эти земли ранее принадлежали большевикам, если они стремились их не захватить, а вернуть. И когда в декабре 1918 г. большевики начали наступление «на Белорусскую и Литовскую республики», оно может восприниматься не как вторжение в другие страны, а как возвращение своих земель. Но, возвращая, как сказано в статье, территории, большевики не освобождали города, что было бы логично, а захватывали их. Так, возвращая «западные украинские, белорусские и литовские земли» большевики захватили Минск, Вильно и Ковно. В тексте показывается, что Польша начала войну вынужденно, поскольку советское правительство решило «сделать Польшу советской, отменить Версальскую систему мира», т. к. именно через советскую Польшу «возможно создание мировой революции и создание мирового коммунизма». Польша не желала такого развития событий в пользу мировой революции, «поэтому была вынуждена направить войска на восток и занять западнобелорусские и западноукраинские территории». В отличие от большевиков, которые, возвращая территории, захватывают города, поляки, направляя войска на восток, чаще всего занимают города. Хотя иногда используется указание на то, что они города отбивают и захватывают. О территориях, на которые пришла польская армия говорится, что они «находятся под контролем польской стороны».

После договорённости о союзе с С. Петлюрой «польская армия начинает наступление на Киев. В мае армии удастся занять позиции в Киеве и укрепиться на р. Днепр». При наличии С. Петлюры как союзника поляков эти территории, с польской точки зрения, логично должны рассматриваться как украинские, но мотивом ответного наступления большевистских войск указывается стремление «освободить эти территории». Таким образом, Красная армия снова не занимает, не захватывает и не оккупирует, а освобождает территории, которые объявлены принадлежащими союзникам поляков. В данном случае, скорее всего наблюдается влияние массовых представлений на то, чьими территориями являются белорусские, украинские или литовские земли. Поскольку вся эта территория принадлежала ранее императорской России, а большевистское правительство находилось изначально в имперской столице —

Петрограде, а потом перебралось в историческую русскую столицу — Москву, то большевистская власть воспринималась современниками как продолжение или вариант российской власти. Не случайно в другом тексте большевистское правительство упоминается как российское [20].

В целом, за исключением вышеописанной статьи, остальные тексты чаще всего определяют подконтрольную полякам территорию как оккупированную, поляков — как оккупантов, а состояние — как оккупацию. Помимо того, иногда упоминается проведение со стороны поляков политики колонизации и окатоличивания населения [10]. Нужно сказать, что упоминание о польской оккупации всё же не стоит полностью относить к оценочной лексике, поскольку на самом деле поляки действовали на той территории, которая массово воспринималась местным населением как непольская. И в настоящий момент подобное восприятие не поменялось. Другой вопрос по поводу того, захватывали или освобождали территории большевики. Различные территории бывшей Российской империи, а затем Российской республики, разделённые в Гражданскую войну на ряд государственных образований, которые зачастую оказались фантомными проектами. При наличии подобных фантомных государственных военных действия на конкретных территориях могли восприниматься носителями локальных государственных идей как оккупация. Что же касается правительства Советской России, то уже по факту его нахождения в Петрограде, а затем в Москве, оно воспринималось как российское или даже русское, которое так или иначе претендовало на бывшие российские имперские земли.

В текстах, размещённых на интернет-ресурсах, встречается и описание конкретных событий, которое иллюстрирует некоторые частные случаи и локальные события периода польско-советской войны.

Так, на сайте, посвящённом истории Молодечно, упоминается случай получения помощи. «Во времена разрухи люди остро нуждались в керосине, соли, спичках. И было большим удивлением, когда в тот тяжёлый 1920 год на станцию Молодечно прибыл вагон с солью, который поляки в свое время хотели отправить на запад. А выручил молодеченцев Антон Гриневиц, известный белорусский фольклорист, педагог, композитор и общественный деятель. Это он использовал возможность и из Вильно переадресовал вагон на Молодечно. К сожалению, такие случаи помощи случались очень редко» [16].

На сайте о Полесье описана ситуация периода польско-советской войны, когда за контроль над регионом боролись Украинская народная республика, Польша и большевики. Интересно, что соседние населённые пункты контролировались различными силами. Небольшой населённый пункт Логишин при поддержке польских войск сопротивлялся большевикам. Автор материала назвал это сопротивление Логишин-

ским восстанием, но заметил, что оно «не носило национального или даже пробелорусского характера, это была отчаянная борьба полешука за свой хлеб и землю» [11].

Самым часто упоминаемым в интернет-публикациях сюжетом польско-советской войны является положение красноармейцев в польском плену. По этому поводу существуют отдельные статьи, также об этом упоминается и в общем контексте войны. Упоминание про польский плен более корректны, поскольку по этому поводу существуют научные исследования, из которых могут черпать сведения публицисты. Помимо того, в интернете о положении красноармейцев в польском плену говорят и сами учёные.

Белорусские исследователи указывают, что общее число военнопленных красноармейцев колеблется в пределах от 110 000 до 157 000 человек, из которых погибло примерно 20 000. Однако обращается внимание на то, каковы были причины смерти: «Не было еды, не было лекарств, не было одежды для военнопленных. Врачи, французы в основном, пишут, что это был лагерь смерти» [20]. Также приводятся цитаты из польских секретных документов: «В лагере царят невыносимые санитарные условия: грязные пленные дурно пахнут, но их дезинфекция практически невозможна, поскольку, с одной стороны, нет стиральных средств, а с другой — одежда узников настолько ветхая, что она не выдержит стирки» [20].

Отдельная статья брестского историка О. Карповича посвящена положению советских военнопленных в лагере, расположенном на территории Брестской крепости. Исследователь приводит многочисленные примеры отношения к военнопленным польских властей: «Изощренным издевательствам подвергались коммунисты, евреи или заподозренные в принадлежности к ним, пленные красноармейцы-немцы вообще расстреливались на месте. Простые пленные зачастую становились жертвами произвола польских военных властей [...]. Широко было распространено ограбления, издевательства над пленными женщинами [...]. Имеются свидетельства о приказе будущего премьер-министра Польши, а тогда генерала Владислава Сикорского расстрелять 300 военнопленных без суда и следствия». Прочитирован комендант лагеря в Брестской крепости, который осенью 1920 г. заявил пленным: «Убивать вас я не имею права, но я буду так кормить, что вы сами подохнете». Привлечены воспоминания и самих военнопленных: «Запрягали в повозки людей вместо лошадей, зимой их оставили в летней одежде. Укрывались зачастую пленные от холода мешком, если он был, застежкой служил гвоздь. Кормили нас мерзлой брюквой. Люди умирали тысячами, их трупы не успевали закапывать. Иногда умирающих, но еще живых людей, присыпали известью, чтобы не допустить заражения окружающей местности». А также цитаты из отчётов Международного комитета Красного Креста: «лагерь в Брест-Литовске представлял собой настоящий некрополь».

Помимо того, О. Карпович упоминает и о том, что польские военачальники иногда специально оставляли раненых противников на поле боя без медицинской помощи. И указывает на то, что это противоречило Женевской конвенции о больных и раненых солдатах. Заканчивает свою статью О. Карпович выводом: «Все это было, и забывать об этом в угоду сиюминутной политической конъюнктуре не следует» [10]

Ещё одна статья, посвящённая положению пленных красноармейцев в Брестской и Бобруйской крепостях написана И. Мельниковым. Большая часть статьи посвящена положению пленных в Бобруйске. И. Мельников цитирует воспоминания, отражающие ситуацию: «регулярно охрана крепости выбирала себе из заключенных жертву и тут же на глазах других заключенных до смерти избивала его дубовыми палками. Очень скоро стали появляться сумасшедшие. Они набрасывались на своих собратьев по несчастью и душили их, видимо думая, что это поляки». Пленные в Бобруйске попытались поднять восстание, но оно оказалось неудачным, после чего администрация лагеря решила оставшихся в живых военнопленных «вывезти во Французское Конго и продать в качестве рабсилы». И. Мельников, как и О. Карпович, делает в своей статье также публицистический вывод, но с другой смысловой нагрузкой: «Сегодня с уверенностью можно говорить, что трагедия пленных красноармейцев, умерших в польских лагерях – это общая чёрная страница в истории Польши и России. И не стоит этот исторический эпизод рассматривать как некую “анти-Катынь”. Нужно просто научиться уважать друг друга» [15]. Разные выводы двух авторов скорее всего можно объяснить их политическими предпочтениями.

В белорусском сегменте интернет можно встретить материалы, посвящённый неудачной попытке сопротивления подходящей Красной армии местных белорусских политических активистов в Слуцке, названной Слуцким восстанием 1920 г. Но этот эпизод обычно упоминается без привязки к советско-польской войне, как отдельное самостоятельное явление, поскольку в националистической мифологии он рассматривается как одна из вех белорусской борьбы за независимость. Также относительно большое количество материалов посвящено Рижскому миру 1921 г., на основании которого западная часть территории, на которую претендовала Советская Белоруссия, перешла в состав межвоенной Польши.

В целом, можно отметить, что информация о польско-советской войне, содержащаяся в статьях белорусского сегмента интернет, показывает невысокий интерес к событиям того времени. Подавляющее большинство посвящённых ей текстов носят обзорный характер, в основном опираясь на данные, полученные из советской научной, энциклопедической и публицистической литературы.

Литература

1. *Билет 3*. История Беларуси // Супер Решеба. URL: <https://superresheba.by/resh/900> (дата обращения: 1.09.2019).
2. *Василенко Ю.* Советско-польская война (1919 – 1921) // OLZ.by. URL: <http://olz.by/stati/sovetsko-polskaya-vojna-1919-1921> (дата обращения: 1.09.2019).
3. *Видный А.* Миф о «мирной» Польше // Заметки на манжетах. Информационно-новостной сайт. URL: <http://zametki.by/2018/12/27/mif-o-mirnoj-polshe/> (дата обращения: 4.09.2019).
4. *Вопрос № 255311* // Грамота.ру. URL: <http://www.gramota.tv/spravka/buro/search-answer?s=большевиц> (дата обращения: 1.09.2019).
5. *Гелагаев А.* 8 мифов о «воссоединении» Западной и Восточной Беларуси // ТУТ.BY. URL: <https://news.tut.by/society/415857.html> (дата обращения: 1.09.2019).
6. *Западная территория Беларуси в годы советско-польской войны 1919 – 1920 гг.* // LIBRARY.BY. URL: https://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=s_howfull&id=1290101646&archive=1290177995&start_from=&ucat=& (дата обращения: 4.09.2019).
7. *Исайчик Д.* Дата в истории: 94 года назад Минск был освобожден от польских интервентов // Агентство «Минск-Новости». URL: <https://minsknews.by/data-v-istorii-94-goda-nazad-minsk-byil-osvobozhden-ot-polskih-interventov/> (дата обращения: 1.09.2019).
8. *История Беларуси* // BELARUS.BY. Официальный сайт Республики Беларусь. URL: <https://www.belarus.by/ru/about-belarus/history> (дата обращения: 1.09.2019).
9. *Как и когда менялись границы Беларуси* // Белорусский партизан. <https://belaruspartisan.by/life/302823/> (дата обращения: 4.09.2019).
10. *Карпович О.* История 1919–1921 гг.: пленные красноармейцы в Брестской крепости // Виртуальный Брест. URL: <https://virtualbrest.by/news35187.php> (дата обращения: 1.09.2019).
11. *Кисель Д.* Полесское сопротивление в эпицентре Польско-российской войны // Медиа-Полесье. URL: <https://media-polesye.by/news/poleskoe-soprotivlenie-v-epicentre-polsko-gossiyskoj-voynu-20776> (дата обращения: 1.09.2019).
12. *Козляков В.* В борьбе за единство белорусского народа // Белорусский государственный технологический университет. URL: <https://www.belstu.by/universitet/about/history/vossoedinenie-zapadnoj-belarusi-s-bssr.html> (дата обращения: 4.09.2019).
13. *Кредитная марка из Подсвиля* // Глубокский историко-этнографический музей. URL: <http://glubmusej.by/ru/ekspozitsiya-muzeja/muzejnye-raritety/2015-02-10-05-09-47> (дата обращения: 1.09.2019).
14. *Марченко В.* Мифы о Западной Беларуси – кому они выгодны сейчас // Чеснок. URL: <https://4esnok.by/mneniya/mify-zapadnoi-belarusi/> (дата обращения: 1.09.2019).
15. *Мельников И.* Польский плен... // Мой Бобруйск. URL: <https://www.bobruin.by/bobrujsk/stati/istoriya/192-polskij-plen> (дата обращения: 1.09.2019).
16. *Молодечно в периоды польских оккупаций* // Сайт города Молодечно. URL: <https://molodechno.by/bibliotekha/istoriya-goroda-molodechno/molodechno-v-periody-polskih-okkupats/> (дата обращения: 4.09.2019).
17. *Польская оккупация 1919–1920 гг.* // Энциклопедия Бобруйска. URL: https://wiki.bobr.by/Польская_оккупация_1919-1920_гг._ (дата обращения: 4.09.2019).
18. *Польские кладбища советско-польской войны (кладбища и захоронения польских солдат 1919 – 21 гг.)* // Глобус Беларуси. URL: https://globus.tut.by/type_tn_graves_pol.htm (дата обращения: 1.09.2019).
19. *Польско-советская война, 1920 год* // Karty.by URL: <http://www.karty.by/2018/10/18/polsko-sovetskaya-vojna-1920-god/> (дата обращения: 1.09.2019).

20. Раздел Белоруссии после советско-польской войны // СТБ. URL: <http://www.ctv.by/node/29464> (дата обращения: 1.09.2019).
21. Слуцк в период соц. революции, иностр. военной интервенции и гражд. войны // Наследие Слуцкого края. URL: <http://nasledie-sluck.by/ru/sluchina/114/3014/3017/> (дата обращения: 1.09.2019).
22. Советско-польская война, 1920 год, Иосиф Сталин на мониторе «Ударный» прибывает в Голубицу, из собрания Петра Голотыи // Retropetrikov.by. URL: <http://retropetrikov.by/2016/03/08/sovetsko-polskaya-voyna-1920-god-iosif-st/> (дата обращения: 1.09.2019).
23. Советско-польская война, 1920 год // Karty.by URL: <http://www.karty.by/2018/11/01/sovetsko-polskaya-voyna-1920-god/> (дата обращения: 4.09.2019).
24. Февраль 1919 г. – взятие Бреста польскими войсками // Brestnote.by. URL: <http://brestnote.by/2758-fevral-1919-g-vzyatie-brestra-polskimi-voyskami.html> (дата обращения: 4.09.2019).

Aleksandr Dmitrievich GRONSKY

Russian Academy of Sciences

E-mail: a.gronskiy@yandex.ru

The Soviet-Polish war of 1919–1920 through the prism of Byelorussian Internet resources

The article analyzes the texts placed in the Byelorussian segment of the Internet, containing information about the Polish-Soviet war of 1919 – 1920. The Polish-Soviet war was of little interest for the Byelorussian Internet space, so the vast majority of texts devoted to it are quite overview and based on data obtained from the Soviet scientific, encyclopedic and journalistic literature. The name of the war itself is written in different articles in different ways: the Soviet-Polish war, the Polish-Soviet war, the Polish-Bolshevik war, the Polish-Russian war or Russian-Polish war. The dates of the beginning and end of the war are also movable. In some cases, the beginning of the war set in 1919, in others, 1920, the end of the war indicated either in 1920 or in 1921. Most of the authors perceive the establishment of control of the Polish troops over the territory as an occupation, and when the control is established by the Red army – it is defined as liberation. Sometimes the articles mention specific episodes from the history of the Polish-Soviet war, characterizing the local historical events. The most widely presented information about the situation of the red army soldier in Polish captivity. It is this episode of the Polish-Soviet war that has been studied in the most detail by Byelorussian and foreign researchers, which is reflected in the frequency of mentions. In General, the Polish-Soviet war of 1919 — 1920 is very poorly represented in the Byelorussian segment of the Internet.

Keywords: Polish-Soviet war of 1919 – 1920, Byelorussian Internet resources.

УДК 929.395

ББК 63.3–7

Екатерина Сергеевна ЛОСКУТОВА

руководитель студии исторического танца «Дворянское гнездо»
ФГБОУ ВО «Орловский ГАУ имени Н. В. Парахина»; магистрант 2-го курса
исторического факультета Орловского государственного университета
имени И. С. Тургенева» (Орел, Россия)

E-mail: katariada89@bk.ru

БАЛЫ И ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА КАК ФОРМА ДОСУГОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОФИЦЕРОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена роли и значению балов как формы досуга офицеров Российской империи, преимущественно в XIX — начале XX вв. Особое внимание уделено императорским балам, а также изменениям в бальных мероприятиях в военное время. Танцевальная культура рассматривается как неотъемлемая часть социокультурной реальности военной службы, являясь важным элементом не только празднично-досуговой и воспитательной сферы, но и корпоративной социализации офицерства.

Ключевые слова: русское офицерство, лейб-гвардия, бал, танцевальный вечер, императорский бал, благотворительный бал, эмиграция.

Бальная культура в России начинает складываться еще в начале XVIII в. как результат реформ Петра Великого. Петровские преобразования коренным образом изменили не только экономику и социальную политику государства, но и повлияли на повседневную жизнь привилегированных слоев общества. Именно при Петре I в нашей стране появляется ассамблеи, прообраз бала, который станет одной из основных форм дворянского досуга вплоть до конца самого существования Российской империи и дворянства как сословия.

Балы отличались многообразием и различались, прежде всего, по уровню их проведения: императорские балы, балы послов иностранных государств, губернаторские балы, балы предводителя губернского дворянства, а также частные балы, которые давались определенной дворянской семьей. Особое место в бальной культуре занимали балы-маскарады, требовавшие не только подготовки особого костюма, но и дававшие возможность посетить его любому желающему даже без приглашения со стороны хозяев.

Если для дворянства XVIII в. петровские ассамблеи, а затем и балы-маскарады Елизаветы Петровны в большинстве своем воспринимались как новые и нежелательные мероприятия, которые имели строго обязательный характер, то для их потомков нахождение на балу стало

не просто делом привычным, но и одним из любимых способов проведения свободного времени. Ю. М. Лотман отмечал, что «бал оказывался, с одной стороны, сферой, противоположной службе — областью непринужденного общения, светского отдыха, местом, где границы служебной иерархии ослаблялись. Присутствие дам, танцы, нормы светского общения вводили внеслужебные ценностные критерии, и юный поручик, ловко танцующий и умеющий смешить дам, мог почувствовать себя выше стареющего, побывавшего в сражении полковника. С другой стороны, бал был областью общественного представительства, формой социальной организации, одной из немногих форм дозволенного в России той поры коллективного быта. В этом смысле светская жизнь получала ценность общественного дела»¹. Таким образом, обучение бальному этикету и танцевальному искусству стало носить обязательный характер уже к началу XIX в.

Обучать дворянских детей танцам начинали с 5–6 лет. Как правило, для этого несколько дворянских семей приглашали одного учителя, который вел для их детей совместные занятия. Так, например, будущий поэт А. С. Пушкин еще до своего поступления в Царскосельский лицей обучался танцам вместе с другим будущим поэтом А. С. Грибоедовым и весьма уступал ему в этом. Поскольку вступление в свет и выход на балы предполагались не раньше подросткового возраста, до наступления этого момента свои хореографические умения дворянские дети демонстрировали на домашних вечерах или специально организованных детских балах (самыми известными в Москве считались балы танцмейстера П. А. Йогеля).

Уже к началу XIX в. в государственных высших и средних учебных заведениях, частных школах, иностранных пансионах танец стал обязательным предметом. Нередко танцевальному мастерству будущих офицеров уделялось не меньшее внимание, чем строевой подготовке. По воспоминаниям Д. А. Скалона, обучавшегося в 1852–1859 гг. в 1-м кадетском корпусе в Петербурге, командир 2-й роты К. Н. Малиновский «добивался в танцах такой же отчетливости в исполнении, как в строевых занятиях от ординарцев»². В большинстве учебных заведений занятия танцами велись лишь между воспитанниками, поэтому юноши были вынуждены учить не только кавалерские партии, но и дамские, что порой приводило к возникновению весьма курьезных случаев на балах. Например, выпускник Орловского Бахтина кадетского корпуса К. Ф. Ку-

---

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX вв.). СПб.: Искусство-СПб, 1994. С. 91.

² Воспоминания Д. А. Скалона // Русская старина. 1907. Т. 132. № 11. С. 79–81; 1908. Т. 133. С. 69–70; Т. 134. № 4. С. 185–195.

лябка, обучавшийся в нем в конце 1840-х гг., вспоминал: «...в праздничные дни были устраиваемы кадетские спектакли, живые картины и бывали балы, посещаемые цветом Орла. Воспитанники скоро сделались настоящими кавалерами, хотя ходил рассказ, что один кадет пригласил на легкий танец одну девицу и предложил, как ей угодно танцевать: за даму или за кавалера? Особое джентльменство слабо прививалось, так как очень мало воспитанников посещали свои дома за отдаленностью, плохими путями и краткосрочными отпусками»³.

Несмотря на это, уже с начала XIX в. двор российского императора становится одним из лучших в Европе, а лучшими танцорами считаются именно военные. В светской среде этого периода процветает дендизм, который был не чужд и военным — ведь в основе дендизма лежит не столько внешнее подражание моде, выраженное в безукоризненности костюма, сколько сама манера его ношения, внутреннее благородство молодого человека, что бесспорно являлось важнейшим компонентом воспитания офицеров. О. Ю. Захарова отмечает, что «красота мундиров составляла важный элемент не только военных, но и светских церемоний, чей блеск во многом определяла гвардия, популярность которой выросла после Отечественной войны 1812 года»⁴.

Во время военной кампании 1812–1814 гг. и сам император Александр I, и офицеры его армии неоднократно принимали участие в торжественных балах в различных европейских странах. В воспоминаниях фрейлины графини С. Шуазель-Гуффье есть упоминание о бале под Вильной в июне 1812 г., на котором император Александр I получил известие о начале войны с наполеоновской Францией:

Блестящее собрание разряженных женщин, военных, в богатых мундирах и орденах с алмазами; рассыпавшаяся на зеленой лужайке огромная толпа, пестревшая разнообразными блестящими цветами своих одежд. [...] Но вот появился государь, и все взоры сосредоточились на нем [...]. Кто бы мог подумать, при виде любезности и оживления, проявленных в этот вечер Александром, что он как раз во время бала получил весть, что французы перешли Неман и что их аванпосты находятся всего в десяти милях от Вильно. Шесть месяцев спустя Александр говорил мне, как он страдал от необходимости проявлять веселость, от которой был так далек. Как он умел владеть собой⁵!

---

³ Кулябка К. Ф. Воспоминания старого орловца // Русская старина. 1908. Т. 135. № 8. С. 367–381.

⁴ Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII — начала XX вв. М.: ЗАО Цен-трполиграф, 2003. С. 221.

⁵ Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе графини Шуазель-Гуффье, рожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при российском дворе. М., 1912. С. 69.

Примечательно, что буквально два месяца спустя ей довелось присутствовать в том же замке на балу у Наполеона, после того, как его войска заняли Вильно. Графиня отмечает, что посмотрев на танцующих несколько минут, Наполеон перекинулся парой фраз с окружавшей его свитой, маршалами и хозяином зала и уехал под приветственные крики⁶. Очевидно, что мемуаристка противопоставляет «галантного танцующего кавалера» Александра Павловича — Наполеону, который, не только не составил никому пару в танцах, но покинул его столь быстро и неучтиво. Да и поведение самих французских солдат вызвало явное осуждение при виде бессмысленно уничтоженного сада:

Замок представлял картину полного разгрома — апельсиновые деревья опрокинуты и разбиты, теплицы с тропическими растениями разрушены. Крапива и чертополох росли теперь в тех местах, где раньше цвели розы и спели ананасы. Печальное молчание царило там, где я недавно слышала звуки музыки и веселые, радостные голоса. Одни птицы еще пели свои песни и не покинули этих рощ. Фонтан иссяк. Словом, Закрет предназначен был служить военным госпиталем⁷.

Напротив, поведение русских войск на занятых европейских территориях было наполнено не только вежливостью, но и изысканной танцевальной куртуазностью. Успевший послужить и в армейской пехоте, и в ополчении, и в лейб-гвардии Измайловском полку, впоследствии полковник Ф. Н. Глинка неоднократно упоминает балы, посещенные им во время заграничного похода русской армии. Вот как он описывает танцевальный вечер, проходивший 2 января 1813 г. в Гродно:

Дом собрания был освещен. Прекрасные патриотки, мнимые любительницы отечества, сначала очень неласково смотрели на пригожих победителей своих — русских офицеров. Они хотели казаться страстными любительницами свободы, огорченными, томными вздыхательницами о потере ее; хотели плакать... но заиграли мазурку — и все пустились кружиться⁸.

А уже 10 марта в небольшом городке Фрауштат герцогства Варшавского русские офицеры дали собственный бал:

... У нас здесь танцуют и веселятся под громом глогавских пушек. Вчера полковник Сипягин удивил и забавил город великолепным балом [...] угощение прекрасное, и гости веселились до белого дня⁹.

Однако посещение балов даже в военное время было дорогим удовольствием, и далеко не всегда офицеры имели возможность посе-

---

⁶ Там же. С. 85.

⁷ Там же. С. 87.

⁸ Дело чести. Быт русских офицеров / Сост. В. Богданова. М.: Родина, 2018. С. 113.

⁹ Там же. С. 143.

щать их. Военным полагалось быть на балу в парадном мундире либо во фраке, пошив которых стоил весьма недешево. Вот что пишет в своем «Военном дневнике» А. В. Чичерин о пребывании в Вильно в декабре 1812 г.:

Двенадцатого будет бал! Я буду танцевать! Скорее достаньте мне сукна на мундир! [...] Добудьте мне сапоги! Велите вышить парадный воротник к мундиру! [...] Шитый воротник стоит 20 руб. серебром. Это слишком дорого, придется обойтись старым. [...] Сукно тут есть прекрасное, но денег у меня нет. Ну что ж, ну что ж, увы — не придется мне идти на бал двенадцатого...¹⁰

А 22 июня 1813 г. он описывает в гостинице Альтвассера:

...День был воскресный, и в соседней гостинице, как раз рядом с которой мы вышли из коляски, начинался бал. Обойдя сады, я решил взглянуть на него, но так как я не был одет для праздника, остановился возле сеней и стал разглядывать входящих. Несколько русских экипажей показали мне, что в числе собравшихся были и мои соотечественники, и я загорелся любопытством повидать их. Забавно было наблюдать армейских офицеров с их претензиями на изящество, наряженных со всевозможным щегольством, обмахивавшихся белыми платками и размахивавших руками в такт ходьбе¹¹. (*ил. 1*)

Подводя итог периоду наполеоновских войн, князь С. Г. Волконский напишет в своих мемуарах: «Вся Европа — какой-то элегантный салон, в котором то сражаются, то проходят в придворных полонезах»¹². По случаю окончания войны бальная лихорадка захлестнула обе российские столицы. Даже Москва, обычно испытывавшая недостаток в кавалерах, теперь, в начале 1815 г., по воспоминаниям современников, «плясала «отчаянно». Трудно было представить, что два года назад Первопрестольная столица была разорена. «Воины повергают теперь свои лавры к стопам юных красавиц, которые, быть может, молились, чтобы они вышли целы и невредимы из боя». В Москве военные были повсюду, а потому московские невесты имели блестящую возможность сделать выгодную партию. На балах кавалеров больше, чем дам! На балу у князя Голицына было 18 дам и более 40 танцоров. Видя, что многие не танцуют, князь выдумал кадрили, где у каждой дамы — два кавалера»¹³.

Балы эпохи Николая I в значительной степени становятся мероприятиями, влияющими на карьеру — недостойное поведение на балу или неумение танцевать могли погубить судьбу даже самого блестящего и подающего надежды офицера. После событий 1825 года усиливается

¹⁰ Там же. С. 295–296.

¹¹ Там же. С. 461.

¹² *Волконский С. Г.* Воспоминания. М.: Искусство, 1994. С. 174.

¹³ Цит. по: Куриев М. М. Герцог Веллингтон. М.: Радикс, 1995. С. 152.

Ил. 1. А. В. Чичерин. Вход на бал в Альтвассере, 23 июня 1813 г.
Рисунок А. В. Чичерина. «Военный дневник 1812–1813 гг.»

контроль за гвардейскими офицерами, ужесточаются требования к приему в них: теперь недостаточно громкой дворянской фамилии и устойчивого материального положения семьи, тщательной проверки подвергается не только сам претендент на место в полку, но и его родственники. И это сохранялось до начала XX в. включительно. В. С. Трубецкой указывает, что «кавалергарды в некоторых случаях проверяли несколько поколений бабушек и прабабушек претендента»¹⁴.

Каждый полк отмечал свой полковой праздник. Например, Лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества полк праздновал его в Николин день 9 (22) мая, поскольку полковая церковь была освещена в честь Николая Чудотворца, он считался покровителем всех кирасир на небесах. К полковому празднику готовились заранее, на него приглашались все бывшие полковые командиры и офицеры, служившие в полку, а также почетные гости — великие князья, генералы, высшее гвардейское начальство. Праздник начинался с молебна и церемониального марша, затем следовал торжественный обед, а завершался — концертом в манеже и ужином. По случаю юбилейных дат в некоторых полках давались балы или танцевальные вечера.

¹⁴ Трубецкой В. С. Записки кирасира // Князья Трубецкие. Россия воспрянет. М.: Воениздат, 1996. С. 371.

Именно в николаевское время появляется строгая регламентация балов и танцевальных вечеров:

Светский этикет строго различал правила проведения бала и танцевального вечера. Последний не требовал большого количества приглашенных, изысканных костюмов. Одинаково неприличным считался как городской костюм, так и бальный наряд. На эти вечера дамы наряжались лишь слегка. На балах не танцевали под рояль, а только под оркестр, причем лица, как говорили тогда, «средних лет», не решавшиеся танцевать на балах, могли свободно делать это на вечерах, где почти всегда царила атмосфера простоты и веселья. Программа вечера зависела от личных пристрастий, вкусов, убеждений хозяев, каждый из которых собирал свое общество¹⁵.

Придворные балы в императорских резиденциях проводились только для избранной публики. Для широких слоев населения в зданиях клубов и собраний организовывались публичные танцевальные вечера, в том числе и благотворительные. Частные балы имели свою классификацию и подразделялись на сословные, возрастные (взрослые, детские, смешанные), календарные, семейные (по случаю именин, дней рождений и пр. событий) и тематические. Круг приглашенных гостей на частный бал был ограниченным. На таких балах редко можно было встретить незнакомого человека, в основном это были члены семьи, хорошие знакомые, друзья, иногда приглашали и важных персон, чтобы придать вечеру статусность и представительность. На домашних балах отношения между гостями были свободными, дружескими. Здесь все хорошо друг друга знали и уважали. Старшее поколение не бравировало своим положением и возрастом, молодым девушкам не возбранялось на виду у всех общаться с кавалерами, дети наравне с взрослыми принимали участие в играх и танцах. Домашние балы приносили в жизнь домочадцев и их друзей особую атмосферу радости, уюта и веселья¹⁶.

Самый строгий этикет соблюдался на придворных балах, присутствовать на нем могли лишь гражданские чины первых четырех классов «Табели о рангах» с супругами, высший воинский состав, придворные, иностранные дипломаты с семьями, гости по личному приглашению императора или членов его семьи, губернаторы, предводители дворянства и позднее председатели земских управ, молодые офицеры из элитных полков, зарекомендовавшие себя ранее как умеющие хорошо танцевать. Кроме того, все имеющие право приехать на бал, обязаны были зара-

---

¹⁵ Захарова О. Ю. Русский бал XVIII — начала XX вв. Танцы, костюмы, символика. М.: Центрполиграф, 2011. С. 45.

¹⁶ Культура университетского бала: монография / Е. Н. Нархова, Т. А. Чегодаева, Н. И. Ботова, Д. Ю. Нархов, В. Н. Давыдов, Е. В. Кузьмина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 139–144.

Ил. 2. Брож К. А. Придворный бал в Николаевском зале Зимнего дворца. ФГБУК «Государственный Эрмитаж». Инв. ЭРР-6000

нее записаться в особом реестре у гофмаршала, а перед самым балом, в соответствии с придворным этикетом, мужчины должны были представиться императору, а дамы — императрице (ил. 2).

Открывал зимний сезон придворных балов Большой бал в Зимнем дворце в Николин день 6 (19) декабря. Он проводился в Белом зале и мог насчитывать до 3 тыс. гостей. Приехать на праздник могли лица, занимающие определенную ступень в «Табели о рангах» и имеющие право быть представленными императору и императрице. К этим лицам относились гражданские чины — до IV класса, которые имели право приезжать с женами и дочерьми, офицеры — до VII класса, свитские и бывшие фрейлины с мужьями. На этот бал и военным, и статским кавалерам полагалось являться в мундирах.

Не меньшим размахом отличался и большой январский бал в Зимнем дворце, на который ежегодно собиралось около двух тысяч гостей. ««Здесь просто толпа народа — но толпа, конечно, блестящая, нарядная; белые по преимуществу платья дам, жемчуг и бриллианты их шейных и головных уборов перемешиваются с звездами, лентами и с мундирами штатских и военных; блеск эполетов и аксельбантов сливается с блеском залитых золотом и серебром мундиров придворных чинов и высших сановников. Вот в сплошь вышитом серебром мундире разговаривает министр иностранных дел, а с ним, расшитый золотым шитьем

по всем швам своего мундира, стоит первый чин Двора. В красных бальных мундирах резко выделяются кавалергарды и конногвардейцы»¹⁷, — писал журналист одной из петербургских газет.

Офицеры обязаны были являться на придворные балы в парадных мундирах, белых панталонах и белых перчатках. Офицер лейб-гвардии Преображенского полка Д. Г. Колокольцев сообщал:

...Во время больших балов во дворце, где обязательно было положительно находиться всем офицерам гвардии, в бальных формах того времени (*grand gala*) ... Бальная форма того времени, хотя нас стесняла, но, надо правду сказать, казалась чрезвычайно элегантною. Эта бальная форма была установлена для всех офицеров всех оружий, кроме уланских и казачьих полков, которые и на парадных балах сохраняли свою форму. Бальная форма (*grand gala*), или торжественная, заключала, ежели гвардейский мундир, то с открытым лацканом; белые короткие до колена суконные панталоны; затем шелковые чулки и башмаки с серебряными пряжками; шпага у бедра и треугольная шляпа в руках, у пехотных с черными, а у кавалерии с белыми перьями¹⁸.

«Выезды в свет представляли для молодых офицеров чуть ли не служебную обязанность, и каждый полк имел своих почти профессиональных танцоров»¹⁹, — вспоминал А. Д. Галахов, весьма информированный статский преподаватель Академии Генерального Штаба. Командиры полков, отправляя своих лучших танцоров на придворные мероприятия, наставляли их добросовестно выполнять свои обязанности: развлекать дам, участвовать во всех танцах, безукоризненно соблюдать этикет. Малейшее нарушение этих правил могло не только вызвать неодобрение не только полкового начальства, но и самого императора. Офицеры являлись на бал с оружием, которое оставляли в передней у швейцара — появиться в бальной зале со шпагой этикетом категорически воспрещалось. Также строго воспрещалось иметь на обуви шпоры (хотя еще во времена Александра I их наличие было не только разрешено, но и являлось атрибутом военного щегольства).

Такая регламентация бальных мероприятий сохранялась на протяжении всего XIX в., начало XX в. было ознаменовано рядом военных и социальных потрясений: русско-японская война, первая русская революция, Первая Мировая война — поэтому в бальной культуре этого времени наступает некоторое загибание. Самым ярким событием стало

¹⁷ Там же. С. 213–214.

¹⁸ *Колокольцев Д. Г. Лейб-гвардии Преображенский полк в воспоминаниях его старого офицера. 1831–1846 // Русская старина. 1883. Т. 38. № 5–6. С. 614–615.*

¹⁹ Цит. по: *Культура университетского бала: Монография / Е. Н. Нархова, Т. А. Чегодаева, Н. И. Ботова, Д. Ю. Нархов, В. Н. Давыдов, Е. В. Кузьмина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 420 с. С. 219*

Ил. 3. Групповой портрет участников костюмированного бала 1903 г. ФГБУК «Государственный Эрмитаж». Инв. ЭРФт-29747

празднование 300-летия дома Романовых, отмечавшееся широко и с размахом и включавшее в себя целый ряд мероприятий: во всех городах империи в храмах служили благодарственные молебны, проходили войсковые парады местных гарнизонов, давались торжественные обеды и приемы губернаторами и градоначальниками, устраивались исторические выставки, народные гуляния и, конечно, балы (ил. 3).

Последний бал при дворе русского императора состоялся в феврале 1914 г., а уже летом страна вступила в Первую Мировую войну, потребовавшую не только мобилизации военных сил, но и значительной части мирного населения. Бальная жизнь замирает — даже семейные праздники больше не отмечаются с былым размахом: считается неприличным проводить время в увеселениях в такое тяжелое для страны время. Многие дамы, в том числе супруга и дочери Николая II, помогали в госпиталях в качестве сестер милосердия, а некоторые открывали их в своих городских домах и усадьбах. Война, а затем и грянувшая за ней революция 1917 г., положили конец не только бальной культуре, но и всей Российской империи.

Значительная часть офицеров императорской армии после поражения в Гражданской войне была вынуждена эмигрировать, многие из них покидали страну с надеждой вернуться в нее вновь. Часть эмигрантов сосредоточилась по европейским странам, многие обосновались на Дальнем Востоке (в Маньчжурии, Китае, Японии), некоторые уехали в США.

Именно нахождение в эмиграции способствовало сплочению русского офицерства — поддерживались старые связи, заводились новые, образовывались военные и политические общества: «Русское благотворительное общество» (основано в Тяньцзине в 1911 г.)²⁰, «Харбинское общество помощи инвалидам» (создано в Харбине в 1919 г.)²¹, «Союз служивших в Российских армии и флоте (основан в Шанхае в 1920 г.), «Казачий Союз» (основан в Шанхае в 1925 г.)²², «Офицерское Собрание» (создано в Шанхае в 1926 г.)²³, «Русское общественное собрание» (основано в Сан-Паулу в 1928 г.), «Российская колония в Аргентине»²⁴ и др.

Это стремление к единению, к сохранению своих традиций и стали отправной точкой для организации русских балов за рубежом. Все большее значение приобретают благотворительные балы и танцевальные вечера, организованные русскими общинами и обществами: Казачий и Артиллерийский балы, Русский патриотический бал в Шанхае²⁵; ежегодные Кавалерийские²⁶ и Казачьи балы²⁷ в Харбине; ежегодный Бал русской прессы в Париже²⁸; Традиционный русский торжественный вечер и концерт-бал Русского союза инвалидов и Русского союза участников Великой Войны²⁹ (проходил в 1934 г.) в Чехии и др. Средства, собранные в результате их проведения, направлялись для помощи соотечественникам, оказавшимся в бедственном положении, а также на развитие деятельности обществ и союзов.

Таким образом, на протяжении более чем двух веков бал представлял собой один из основных факторов жизни русского офицерства, неотъемлемую часть социокультурной реальности военной службы. Наполненная официальными правилами этикета и неписанными традициями, танцевальная культура организовывала и воспитывала не меньше, чем уставные порядки, развивая и укрепляя общественное положение офи-

---

²⁰ Смирнов С. В. Русская военная эмиграция в Китае (1920 — конец 1940-х гг.): ДиС. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2018. С. 113–114

²¹ Там же. С. 325.

²² Там же. С. 134.

²³ Там же. С. 138.

²⁴ Мосейкина М. Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг.: Монография. М.: РУДН, 2011. С. 131, 245.

²⁵ Офицерское собрание в Шанхае. 1926–1941. Шанхай, 1941. С. 12, 13, 18.

²⁶ Русское слово. 1933. 24, 26 февр.

²⁷ Русское слово. 1933. 17, 23 июн.

²⁸ Яновский В. С. Поля Елисейские: книга памяти. М. — Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 277.

²⁹ Ковалев М. В. Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920–1930е годы: исторические очерки. Саратов: Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина, 2014. С. 120.

церов. Балы являлись важным элементом не только празднично-досуговой сферы, но и корпоративной социализации и даже карьеры.

Традиция проведения балов при участии военных постепенно получает распространение в современной России: они организуются в кадетских корпусах и военных училищах, на базе военных вузов и академий, проводятся офицерские балы, посвященные памятным датам военной истории.

Список литературы

- Волконский С. Г.* Воспоминания. М.: Искусство, 1994. 286 с.
- Воспоминания Д. А. Скалона // Русская старина. 1907. Т. 132. № 11. С. 79–81; 1908. Т. 133. С. 69–70; Т. 134. № 4. С. 185–195.
- Дело чести. Быт русских офицеров / Сост. В. Богданова. М.: Родина, 2018. 496 с.
- Захарова О. Ю.* Русский бал XVIII — начала XX вв. Танцы, костюмы, символика. М.: Центрполиграф, 2011. 373 с.
- Захарова О. Ю.* Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 329 с.
- Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе графини Шуазель Гуффье, рожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при российском дворе. М., 1912.
- Ковалев М. В.* Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920–1930е годы: исторические очерки. Саратов: Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина, 2014. 154 с.
- Колокольцев Д. Г.* Лейб-гвардии Преображенский полк в воспоминаниях его старого офицера. 1831–1846 // Русская старина. 1883. Т. 38. № 5–6. С. 614–615.
- Культура университетского бала: Монография / Е. Н. Нархова, Т. А. Чегодаева, Н. И. Ботова, Д. Ю. Нархов, В. Н. Давыдов, Е. В. Кузьмина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 420 с.
- Кулябка К. Ф.* Воспоминания старого орловца // Русская старина. 1908. Т. 135. № 8. С. 367–381.
- Курьев М. М.* Герцог Веллингтон. М.: Радикс, 1995. 253 с.
- Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
- Мосейкина М. Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг.: Монография. М.: РУДН, 2011. 384 с.
- Офицерское собрание в Шанхае. 1926–1941. Шанхай, 1941.
- Русское слово. 1933. 24, 26 февр.; 17, 23 июн.
- Смирнов С. В.* Русская военная эмиграция в Китае (1920–конец 1940-х гг.) / ДиС. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2018. 485 с.
- Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Князя Трубецкие. Россия воспрянет. М.: Воениздат, 1996. 525 с.
- Яновский В. С.* Поля Елисейские: книга памяти. М. — Берлин: Директ-Медиа, 2016. 335 с.

Ekaterina Sergeevna LOSKUTOVA

head of the historical dance Studio «Dvoryanskoe Gnezdo», Orel State Agrarian University; master's degree student, Orel State University (Orel, Russia).

E-mail: katariada89@bk.ru

Balls and dance evenings as a form of leisure culture of officers of the Russian Empire

The article is devoted to the role and significance of balls as a form of leisure for officers of the Russian Empire, mainly in the XIX-early XX centuries. Special attention is paid to the Imperial balls, as well as changes in ballroom events during the wartime. Dance culture is considered as an integral part of the socio-cultural reality of military service, being an important element not only in the holiday, leisure and educational sphere, but also in the corporate socialization of officers.

Keywords: Russian officers, guards, ball, dance party, Imperial ball, charity ball, emigration.

УДК 94 (47).072+355.231

ББК 63.3 (2) 52

Алексей Николаевич ГРЕБЕНКИН

доктор исторических наук, доцент, сотрудник,
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орел, Россия)

E-mail: angrebyonkin@mail.ru

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ПЕРВОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА В НАЧАЛЕ XIX В.

Статья посвящена анализу процесса комплектования Первого кадетского корпуса преподавателями в начале XIX в. На основе анализа документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива автор выделяет несколько каналов пополнения преподавательской корпорации корпуса. В условиях падения престижа профессии учителей военно-учебных заведений одним из главных способов замещения образовывавшихся вакансий являлось зачисление на службу выпускников учительской гимназии, существовавшей при Первом кадетском корпусе с 1772 г. Вторым каналом пополнения преподавательского состава было приглашение на службу по согласованию с министром народного просвещения студентов Педагогического института. Вакансии учителей иностранных языков замещались как иностранцами, работавшими в России в качестве гувернеров и учителей, так и чиновниками и канцелярскими служащими, знавшими эти языки. На должности учителей математики, географии и иных научных предметов руководство заведения стремилось пригласить обер-офицеров. Тяжелее всего было с замещением должностей, требовавших высокой квалификации, — они могли оставаться вакантными в течение нескольких лет. Наконец, в особом порядке замещались должности православных и инославных законоучителей. Чтобы уменьшить текучку преподавательских кадров, руководство корпуса использовало такие средства, как прибавки к жалованью, предоставление дополнительной оплачиваемой нагрузки, повышение в должности. Это позволяло поддерживать квалификацию преподавательского состава заведения в целом на уровне, позволявшем успешно решать вопросы, связанные с подготовкой офицерских кадров.

Ключевые слова: Российская империя, военное образование, Первый кадетский корпус, преподаватели.

Начало XIX столетия вошло в историю Первого кадетского корпуса как «железный век». Бывший Императорский сухопутный шляхетный кадетский корпус, который Екатерина II некогда называла «рассадником великих людей», превратился в узкоспециализированное военное училище, где во главу угла была поставлена муштра. Изменились порядки — изменились и педагоги. В последней трети XVIII в. благодаря усилиям знаменитого просветителя И. И. Бецкого, который сделал корпус одной из площадок своего эксперимента по созданию «новой породы людей», к обучению кадет были привлечены лучшие специалисты того времени. Солидное жалованье в сочетании с высокими

требованиями к кандидатам способствовали тому, что служба в корпусе стала считаться престижной. Генерал-лейтенант Ф. Е. Ангальт, занимавший должность директора корпуса в 1787–1794 гг., «доставлял всевозможные льготы корпусным учителям»¹. Среди преподавателей было немало специалистов с мировым именем. Например, с основами гражданской архитектуры кадет знакомили такие знаменитые архитекторы, как В. И. Баженов, И. Е. Старов, Ж.-Б. Валлен-Деламот. Ю. М. Фельтен². В начале александровского царствования общий упадок системы военного образования привел к снижению престижа профессии военного педагога. Профессора и адъюнкты Академии наук, известные своими учеными трудами, постепенно покидали стены корпуса — одни уходили на пенсию, другие оставляли преподавание, не видя перед собой никаких перспектив. Образовывавшиеся вакансии нужно было кем-то заполнять.

Найти для корпуса подходящих учителей было нелегко. В начале XIX в. формальный статус преподавателей еще не был определен. Вплоть до 1836 г. многие из них не считались состоявшими на государственной службе, и их материальное положение оставляло желать лучшего. Но и у педагогов, имевших классные чины, возможности карьерного роста и соответствующего увеличения жалованья были резко ограничены, что препятствовало привлечению в корпус хороших преподавателей.

Ситуация усугублялась тем, что в 1801–1820 гг. должность директора Первого кадетского корпуса занимал известный немецкий писатель Фридрих-Максимилиан Клиндер, к 1811 г. дослужившийся до генерал-лейтенанта. По воспоминаниям бывших воспитанников, Клиндер был мрачным, суровым человеком, безразличным к вопросам преподавания и заботившимся не об улучшении учебной части, а об экономии корпусных сумм. Директор, которого кадеты называли «Белым медведем», почти не принимал участия в управлении корпусом: «на воспитание доверенного ему юношества он не обращал никакого внимания и весьма часто по целым месяцам не видел воспитанников»³. Между тем именно от директора зависел как прием педагогов на службу, так и определение размера их жалованья. Правда, у Клиндера был благонамеренный и деятельный помощник в лице инспектора классов М. С. Перского. Однако ввиду скудости средств, выделявшихся на уплату жалованья учителям, усилия Перского найти для корпуса способных учителей зачастую оказывались бесплодными.

---

¹ Глинка С. Н. Записки. М.: Захаров, 2004. С. 144.

² Трубинов Ю. В. Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб.: Левша, 2003. С. 106–107.

³ Несколько сведений о Рылееве. По поводу записок Греча. Дм. Кропотков // Русский вестник. 1869. № 3. С. 23.

Затруднения, сопряженные с приисканием преподавателей «на стороне», заставили руководство заведения обратить пристальное внимание на деятельность учительской гимназии, созданной при корпусе еще в 1772 г. и предназначенной для подготовки детей недворянского происхождения к занятию преподавательских должностей в родном заведении. Гимназисты обучались тем же предметам, что и кадеты (за исключением военных дисциплин), однако жили и питались изолированно от них. Питомцы гимназии находились в худших условиях, чем будущие офицеры: их пища была простой и скудной, они носили простые фраки вместо красивой формы, не получали золотых и серебряных медалей за отличную учебу и т. п. По окончании курса они были обязаны служить в корпусе за стол, кров и достаточно скромное денежное вознаграждение.

В начале XIX в. привлечение на службу в корпусе выпускников гимназии являлось важным каналом пополнения преподавательской корпорации. Так, в августе 1800 г. должность учительского помощника «с жалованьем по 150 р. в год, казенной квартирой и столом»⁴ занял 17-летний Иван Иванович Граффа, который обучался в гимназии при корпусе с 1791 г. и окончил ее с аттестатом. И. И. Граффа должен был преподавать русский язык в 7-м и 8-м средних классах, его недельная нагрузка составляла 16 часов.

В июле 1814 г. к преподаванию немецкого языка и чистописания в 12-м начальном классе был допущен определенный в учительские помощники «выпущенный из гимназистов 14-м классом Оссоланус с жалованьем по 175 р. в год, казенной квартирой и столом»⁵.

В январе 1815 г. к преподаванию в начальных классах приступили бывшие гимназисты Холщевников и Мельников. Холщевников обучал чистописанию за жалованье в размере 250 р. в год, Мельников — русскому языку за жалованье в размере 175 р. в год. Кроме того, обоим полагались казенная квартира и стол. Безусловно, выпускники учительской гимназии обладали необходимыми для педагогов познаниями, однако скудное жалованье и ограниченные возможности карьерного роста существенно ослабляли их энергию.

Переход учителей из числа бывших гимназистов в другое ведомство был возможен главным образом через увольнение по состоянию здоровья с последующим определением вновь на службу. Так, в январе 1801 г. упомянутый выше И. И. Графа был произведен в коллежские регистраторы, а в августе того же года — уволен по болезни. В дальнейшем

---

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 314. Оп. 1. Д. 4063. Л. 6.

⁵ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4404. Л. 15.

И. И. Граффа служил в департаменте народного просвещения, получил чин коллежского советника (которого он бы вряд ли достиг в корпусе), а в январе 1829 г. был представлен к знаку отличия беспорочной службы.

Впрочем, некоторые бывшие гимназисты, уволившись из корпуса и прослужив какое-то время «на стороне», возвращались в родное заведение. В мае 1814 г. из корпуса «за болезненными припадками» был уволен титулярный советник В. Г. Шмыгин, обучавшийся в гимназии в 1788–1798 гг., а затем преподававший в корпусе в течение 16 лет. Состояние здоровья, однако, не помешало ему через три дня определиться на службу в 4-е отделение Департамента государственных имуществ на должность бухгалтера. Через год Шмыгин уволился из департамента с прекрасной рекомендацией и удостоением к повышению в чине и был вновь принят на службу в корпус «для обучения во 2-м, 3-м и 4-м верхних классах географии статистической и в 6-м верхнем же российскому языку... с жалованьем по 500 р. в год и казенной квартирой»⁶.

Вторым каналом пополнения корпуса квалифицированными педагогами было приглашение на службу студентов верхнего отделения (т. е. выпускного курса) Педагогического института, готовившего преподавательские кадры для учебных заведений, подведомственных министерству народного просвещения.

В мае 1814 г. директор корпуса Ф. И. Клиnger направил министру народного просвещения графу А. К. Разумовскому уведомление о замещении вакантной должности учителя географии и статистики. Разумовский переслал копию отношения попечителю санкт-петербургского учебного округа С. С. Уварову, приказав ему сделать соответствующее распоряжение. Уваров, в свою очередь, прислал копию с отношения в Главный педагогический институт. Поскольку это учебное заведение было предназначено для «образования способных людей к ученым должностям по ведомству Министерства народного просвещения»⁷, для определения студентов на службу по иным ведомствам требовалось их личное согласие и разрешение министра народного просвещения. В июле того же года конференция института приняла решение направить в Первый кадетский корпус изъявившего желание занять вакантную должность студента верхнего отделения Г. С. Ильенкова, выдав ему аттестат. Судя по аттестату, Ильенков получил весьма солидную подготовку: «...при пристойном и благородном поведении своем, оказал во всеобщей грамматике, эстетике, российской и латинской словесности, в естественных правах, частном, государственном и народном, в арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, дифференциальном и интегральном исчислении

⁶ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4426. Л. 32.

⁷ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4410. Л. 6.

ях, в химии и технологии хорошие, во всеобщей и российской истории, всеобщей и российской географии, статистике, политической экономии, науке о финансах, науке о торговле, ботанике, минералогии, физике, физической астрономии и французском языке очень хорошие, а в зоологии превосходные успехи...»⁸ Решение конференции было утверждено министром, который попросил Клингера распорядиться о том, чтобы бывший студент не был уволен из корпуса ранее выслуги им шестилетнего обязательного срока. В 1822 г. Ильенков был уже чиновником IX класса.

В феврале 1816 г. Ф. И. Клингер направил А. К. Разумовскому новое представление. В нем он ходатайствовал о назначении в корпус учителя российской словесности, который должен был заниматься и переводами. В апреле 1816 г. конференция Главного педагогического института уволила изъявившего желание занять эту должность студента Д. Ф. Алявдина, «снабдив его надлежащим аттестатом и свидетельством на преимущество старшего учителя гимназии»⁹. Он обязывался прослужить в корпусе 6 лет. Чин титулярного советника Алявдин получил уже в следующем году.

Руководство корпуса в лице инспектора классов М. С. Перского предъявляло к кандидатам из числа студентов Главного педагогического института достаточно серьезные требования. В мае 1817 г. по ходатайству Клингера на вакантную должность учителя русского языка был прислан студент Иван Борисов. Однако уже в августе выяснилось, что он не может нести службу в корпусе «по чрезвычайной слабости груди и сопряженным с сею болезнью припадками»¹⁰. Борисов был возвращен обратно в институт для продолжения учения, а министр народного просвещения князь А. Н. Голицын предписал конференции Главного педагогического института избрать другого кандидата. Конференция остановила свой выбор на студенте Ильенкове (видимо, младшем брате или однофамильце Г. С. Ильенкова, назначенного учителем географии и статистики в 1814 г.). Однако уже в начале сентября инспектор классов корпуса М. С. Перский уведомил конференцию Главного педагогического института, что он находит Ильенкова «...как не свободно изыясняющегося, к учительской должности неспособным, и просит, в непродолжительном времени, известить, может ли быть Ильенков заменен другим способнейшим студентом»¹¹. Однако конференция не смогла найти замену и уведомила корпус «о том, что кроме Ильенкова, нет желающих занять место Борисова»¹².

---

⁸ Там же. Л. 11.

⁹ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4464. Л. 3.

¹⁰ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4498. Л. 2.

¹¹ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4410. Л. 1.

¹² Там же. Л. 1.

Наиболее пестрым был состав преподавателей немецкого и французского языков. Большинство их принадлежало к числу «природных иностранцев», в ряде случаев продолжавших оставаться подданными Франции и германских государств. В 1812 г. в Первом кадетском корпусе преподавали следующие иностранцы: учителя французского языка чиновник IX класса Н. Колль, чиновник XII класса Ф. Деларю, коллежский регистратор Г. Ганотель и не имевшие чинов Ф. Жаннин, Д. Сежей и Ф. Дрозе, а также учителя немецкого языка титулярный советник И. Жансон и не имевшие чинов И. Костнер и И. Гейдеке. Из них Ф. Колль и Д. Сежей являлись французским подданными, И. Жансон — варшавским подданным, И. Костнер — саксонским подданным, И. Гейдеке — прусским подданным. Ф. Деларю, Г. Ганотель и Ф. Жаннин приняли присягу на верность России в декабре 1806 г., а Ф. Дрозе являлся российским подданным, но с какого времени — не указано.

Периодически открывавшиеся вакансии замещались как новыми «природными иностранцами», профессией которых было преподавание своего родного языка в качестве гувернеров и учителей различных заведений, так и мелкими чиновниками и канцелярскими служителями, знавшими иностранные языки. Предпочтения какой-либо категории кандидатов не отдавалось, и они зачислялись в корпус на приблизительно одинаковых условиях. Пропускная способность этого третьего по счету канала комплектования корпуса преподавателями была достаточно высока ввиду того, что учителя иностранных языков чаще, чем их коллеги, меняли место службы, и им постоянно приходилось искать замену. Тем не менее кандидаты, желавшие преподавать иностранные языки, подвергались поверочным испытаниям в полном объеме. В августе 1814 г. инспектор классов корпуса М. С. Перский уведомил директора Ф. И. Клингера, что «по испытанной способности признаются достойными для обучения немецкому языку: в 1-м верхнем классе г. Шер с жалованьем по 350 р. в год; в 1-м среднем, 1-м и 2-м нижних классах г. Петерс с жалованьем по 600 р. в год и казенной квартирой»¹³. В декабре того же года Перским были представлены следующие кандидаты: «...для обучения в 7-м верхнем и 5-м среднем классах французскому языку г. Стефани с жалованьем по 500 р. в год и казенной квартирой; в 5-м среднем, 3-м и 4-м нижних классах немецкому языку г. Вольф с жалованьем по 500 р. в год и казенной квартирой»¹⁴. Как видим, жалованье учителей иностранных языков было существенно выше, чем денежное содержание выпускников гимназии при корпусе, однако они

---

¹³ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4404. Л. 26.

¹⁴ Там же. Л. 11.

не пользовались казенным столом. Классный чин и предыдущее место службы на размер жалованья не влияли. В феврале 1817 г. вакантное место учителя немецкого языка занял коллежский регистратор П. А. Тухин, служивший в департаменте внешней торговли министерства финансов. Ему было назначено стандартное жалованье в размере 500 р. в год и предоставлена казенная квартира. Одновременно с Тухиным на должность преподавателя французского языка на аналогичных условиях был назначен губернский секретарь К. Делобель.

Следует отметить, что для низших категорий служащих, не имевших классных чинов, занятие учительского места открывало путь к карьере чиновника, пусть и весьма скромной. Через несколько лет работы они могли удостоиться производства в коллежские регистраторы, а затем, получая очередные чины, дойти до IX класса по Табели о рангах. В июне 1803 г. на должность преподавателя немецкого языка был назначен писарь конторы правления Санкт-Петербургских запасных магазинов Ф. Лестандер. К ноябрю 1812 г. он дослужился до чина титулярного советника¹⁵. Это же относилось и к «природным иностранцам», ранее не имевшим отношения к бюрократическим структурам. Например, упомянутый выше Ф. Ф. Петерс в 1818 г. был произведен в коллежские регистраторы, в 1821 г. — в губернские секретари, в 1824 г. — в коллежские секретари, а в 1827 г. — в титулярные советники.

Следует отметить, что среди кандидатов на должности преподавателей иностранных языков встречались лица, имевшие относительно высокие для данной категории педагогов классные чины либо обладавшие весьма солидным научным цензом. Так, в июле 1816 г. учителем французского языка был назначен надворный советник И. Г. Фогель, а в декабре 1817 г. на должность преподавателя немецкого языка был принят кандидат Иенского университета богословия Август Фридрих Вильгельм Ян.

На должности преподавателей математики, географии, статистики и других научных дисциплин, реже — на должности преподавателей русского языка могли назначаться обер-офицеры. Иногда они совмещали преподавание нескольких предметов. В июле 1814 г., после испытаний, поручик Алабов был допущен к преподаванию статистической географии во 2-м, 3-м и 4-м верхних классах с прибавкой к жалованью в размере 200 р. в год, прапорщик Устинов — к преподаванию русского языка в 7-м верхнем классе с прибавкой к жалованью в размере 100 р. в год. Устинов сменил в должности подпоручика Фарафонтова, получавшего такое же жалованье. В феврале 1817 г. прапорщик Бракель получил по результатам испытания право преподавания матема-

¹⁵ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4139. Л. 2.

тики в 1-м и 4-м средних и немецкого языка в 6-м среднем классе с жалованьем по 600 р. в год. Среди офицеров, в отличие от гражданских чиновников, были работавшие на неполную ставку. В октябре 1817 г. прапорщик Ланге приступил к преподаванию арифметики в 6-м среднем классе с жалованьем в размере 300 р. в год.

Сложнее всего обстояло дело с замещением учительских должностей, которые должны были занимать педагоги высшей квалификации. В октябре 1803 г. из корпуса был уволен статский советник академик Н. И. Фусс, преподававший высшую математику. Должность «учителя вышней математики для обучения г. кадет в 1-м верхнем классе»¹⁶ оставалась вакантной в течение более чем 13 лет. Лишь в ноябре 1816 г. ее занял сын Н. И. Фусса, Павел Фусс, служивший при Академии наук. Ему было назначено жалованье в размере 600 р. в год. На момент назначения Фуссу-младшему было всего 19 лет. Он окончил Санкт-Петербургскую губернскую гимназию, в феврале 1815 г. был избран элевом (аналог аспиранта. — А. Г.) Академии наук. В июне 1816 г. П. Н. Фусс был «с разрешения гг. министров помещен корректором по математической части»¹⁷, а в декабре того же года был высочайше утвержден адъюнктом Академии. Сын оказался достойным продолжателем дела своего отца: бывший питомец Первого корпуса К. К. Зенденгорст поместил фамилию Фусса на первое место среди «достоинейших учителей в высших классах»¹⁸. В целом состав преподавателей, работавших с кадетами выпускного класса, и в клингеровскую эпоху оставался сильным¹⁹.

Должность корпусного законоучителя замещалась в особом порядке. В декабре 1802 г. законоучитель, архимандрит Троицкого Зеленецкого монастыря Израиль, по указу Святейшего Синода был «определен для исправления в Санкт-Петербурге чреды священнослужения и проповеди слова Божия с оставлением при нынешней его учительской должности»²⁰. В январе 1804 г. архимандрит Израиль «необходимо потребен сделался для занятия должностей по Лавре Александровской и по академии ее»²¹. На его место был рекомендован Отрочевского монастыря и ректор Тверской семинарии Евгений, в 1804 г. находившийся в Санкт-Петербурге для отправления чреды. Одновременно с этим уве-

---

¹⁶ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4103. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 6 об. — 7.

¹⁸ Первый кадетский корпус в 1813–1825 гг. Воспоминания бывшего воспитанника. К. Зенденгорст // Русская старина. 1879. № 2. С. 310.

¹⁹ Посмертные записки Алексея Алексеевича Одинцова // Русская старина. 1889. № 11. С. 303.

²⁰ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4103. Л. 23.

²¹ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4139. Л. 6.

домлением митрополит Новгородский Амвросий предложил директору корпуса Ф. И. Клингеру, чтобы «и впредь погодно в корпусе отправляли должность законоучителя архимандриты чредные, чем как польза та же, как и честь для корпуса, буде для него всегда надобен архимандрит, сохранится и мы избавимся от тех затруднений, кои сопровождают отлучку архимандритов от их настоящих мест»²². Если же директор был против того, чтобы законоучителя в корпусе менялись каждые два года, Амвросий рекомендовал ему вернуться к прежней практике назначения на эту должность иеромонахов. Ф. И. Клингер согласился с чередованием архимандритов, и 31 января 1804 г. Евгений занял должность законоучителя.

В феврале 1808 г. руководство корпуса было вынуждено отказаться от практики назначения законоучителями архимандритов, так как их частая, а зачастую и внезапная смена вредила правильной постановке религиозного воспитания кадет. Поэтому казанского архимандрита Антония, назначенного епископом Старорусским, сменил иеромонах Александро-Невской лавры Геннадий. Новый законоучитель был хорошо подготовлен к исполнению своих обязанностей. 36-летний Геннадий происходил из духовного сословия, окончил Черниговскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию, с 1800 г. преподавал в Киевской академии, в 1804 г. был рукоположен в священники, в 1805 г. определен присутствующим в духовное правление, а в 1806 г., после смерти жены, «поступил в число братства Киево-Печерской лавры, в которой занимался сочинением и сказыванием проповедей и чтением печатаемых в Киевской типографии книг проб»²³. В 1808 г. Геннадий перешел в Александро-Невскую лавру и сразу же был назначен законоучителем Первого кадетского корпуса. Свои обязанности он исполнял образцово, «к общему всего корпуса удовольствию»²⁴. В дальнейшем, не оставя своей должности в корпусе, Геннадий стал архимандритом Новгородского Сковородского монастыря. В 1816 г. за заслуги он был перемещен в высший по степени Московский Данилов монастырь с оставлением в должности законоучителя до января 1817 г., когда его сменил находившийся в Санкт-Петербурге «на чреде священнослужения и проповеди слова Божия» архимандрит Авраамиева монастыря и ректор Смоленской духовной семинарии Павел. Однако уже 18 февраля 1817 г. Павел был посвящен в Слободско-Украинского и Харьковского епископа и покинул корпус. Новым законоучителем стал переведенный из Второго кадетского корпуса соборный иеромонах Александро-Не-

---

²² Там же. Л. 6.

²³ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4260. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 3.

вской лавры Феофил. Он в 1810 г. окончил курс в Славяно-греко-латинской академии, должность законоучителя и настоятеля корпусной церкви во Втором кадетском корпусе занимал с апреля 1813 г., а в 1815 г. за усердную и ревностную службу был награжден наперсным крестом. В ноябре 1817 г. Феофил был определен законоучителем во вновь учрежденный в Одессе Ришельевский лицей и произведен в архимандриты.

Назначение духовных наставников инославных кадет также зависело от соответствующего начальства. В декабре 1808 г. капеллан при Первом кадетском корпусе каноник А. Сыхра был уволен «по поводу встретившихся разных дел, требующих безотлучного его в Белоруссии пребывания»²⁵. Его место занял католический священник М. Липский, обладавший, по отзыву митрополита С. Сестренцевича, солидными познаниями и отличными способностями. В феврале 1817 г. по представлению Сестренцевича М. Липский был возведен в сан епископа-суффрагана Полоцкого.

Из-за относительно скромного жалованья учителя Первого кадетского корпуса в начале XIX в. часто менялись. Самым распространенным поводом для оставления должности было увольнение по болезни. В ряде случаев болезнь была вымышлена и выступала в роли ширмы, прикрывавшей намерение перейти на службу в другое ведомство. Иные поводы для увольнения были единичными и зачастую уникальными. Так, в ноябре 1812 г. учитель немецкого языка Ф. Лестандер подал прошение об увольнении, ибо намеревался «служить в Санкт-петербургском внутреннем ополчении противу неприятеля»²⁶. В июле 1814 г. учитель немецкого языка Гейдеке уведомил начальство, что он не может продолжать свою службу в корпусе «по причине множества занятий»²⁷. В сентябре 1819 г. учитель немецкого языка Август Ян был избран пастором Екатерининской лютеранской церкви и оставил занятия в корпусе.

Стремясь удержать в заведении педагогов, особенно способных и добросовестных, руководство старалось по возможности улучшать материальное положение учителей. Так, в январе 1815 г. учительский помощник Оссоланус «за усердное и рачительное исправление» своей должности получил прибавку к жалованью в размере 75 р. в год. В ноябре того же года на аналогичном основании прибавки к жалованью были назначены: учителю математики подполковнику Шульгину — в размере 100 р. в год, учительскому помощнику русского языка Мельникову — в размере 75 р. в год, учителям немецкого языка Гильшерту и русского языка Ананьину — в размере 50 р. в год. Образцовое исполне-

---

²⁵ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4262. Л. 1.

²⁶ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4139. Л. 2.

²⁷ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4404. Л. 21.

ние должностных обязанностей в течение длительного периода давало возможность получить новые прибавки. Так, в июле 1814 г. «за усердное и рачительное исправление должности» учитель географии 9-го класса Камунин был удостоен второй прибавки к жалованью в размере 100 р. в год. Еще одним способом улучшения материального положения педагогов было предоставление им дополнительных учебных часов. Например, в декабре 1814 г. было отдано распоряжение «г. учителю Грацинскому, принявшему обучать в 7-м верхнем классе российскому языку, прибавить к получаемому ныне жалованью 150 р. в год»²⁸. Наконец, за заслуги учительские помощники могли получать учительские звания.

Принимаемые меры, инициатором большинства которых выступал инспектор классов корпуса М. С. Перский, давали возможность поддерживать профессиональный уровень преподавательской корпорации заведения на достаточно приемлемом уровне. Однако хроническая нехватка средств приводила к тому, что планку требований к педагогам вынужденно приходилось понижать. Как отмечают В. Г. Данченко и Г. В. Калашников, «в учителя на нищенскую зарплату и в холодную клингеровскую атмосферу в основном шли люди случайные и посредственные»²⁹. Поэтому среди преподавателей корпуса с каждым годом становилось все больше низкоквалифицированных педагогов из числа бывших кантонистов, а также случайных людей, не имевших ни малейшей склонности к преподаванию. Эта ситуация нашла отражение на страницах рассказ Н. С. Лескова «Кадетский монастырь».

Список литературы

- Глинка С. Н. Записки. М.: Захаров, 2004. 464 с.
- Данченко В. Г., Калашников Г. В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 463 с.
- Несколько сведений о Рылееве. По поводу записок Греча. Дм. Кропотов // Русский вестник. 1869. № 3. С. 229–245.
- Первый кадетский корпус в 1813–1825 гг. Воспоминания бывшего воспитанника. К. Зенденгорст // Русская старина. 1879. № 2. С. 305–316.
- Посмертные записки Алексея Алексеевича Одинцова // Русская старина. 1889. № 11. С. 289–322.
- Трубинов Ю. В. Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб.: Левша, 2003. 169 с.

---

²⁸ Там же. Л. 11.

²⁹ Данченко В. Г., Калашников Г. В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 231.

Alexey Nikolaevich GREBENKIN

Dr. of History (doctor istoricheskikh nauk), Assistant Professor (docent), employee (sotrudnik), Russian Federation Security Guard Service Federal Academy (Orel, Russia)
E-mail: angrebyonkin@mail.ru

Recruitment of the teaching staff of the First cadet corps at the beginning of the XIX century

This article analyzes the process of recruitment of the First cadet corps by teachers at the beginning of the XIX century. Based on the analysis of documents from the funds of the Russian state military historical archive, the author identifies several channels for replenishing the teaching corporation of the corps. In the conditions of falling prestige of the profession of teachers of military educational institutions, one of the main ways to replace the vacancies that were formed was to enroll graduates of the teachers' gymnasium, which existed under the First cadet corps since 1772. The second channel of replenishment of the teaching staff was an invitation to the service in agreement with the Minister of public education of students of the Pedagogical Institute. Vacancies for teachers of foreign languages were filled by foreigners who worked in Russia as tutors and teachers, as well as by officials and clerks who knew these languages. The management of the institution sought to invite chief officers to the positions of teachers of mathematics, geography and other scientific subjects. The most difficult thing was to fill positions that required high qualifications — they could remain vacant for several years. Finally, the positions of Orthodox and non-Orthodox teachers of law were replaced in a special order. To reduce the turnover of teaching staff, the management of the corps used such means as salary increases, providing additional paid workload, and promotion. This made it possible to maintain the qualifications of the teaching staff of the institution as a whole at a level that allowed them to successfully solve issues related to the training of officers.

Keywords: Russian Empire, military education, First cadet corps, teachers.

УДК 94 (47) 08

ББК 63.3 (2) 51

Владимир Игоревич ХОЗИКОВ

независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vkhozikov@mail.ru

ПЕТЕРБУРГСКОЕ РАКЕТНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ В СИСТЕМЕ РАЗРАБОТКИ И ПРОИЗВОДСТВА РАКЕТНОГО ОРУЖИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. 1811–1864 ГГ.

В статье рассматривается организация разработки и производства ракетного оружия в Российской империи в 1811–1864 годах, на первом этапе истории отечественной реактивной техники, прослеживается выделение российского ракетостроения в самостоятельное направление в рамках военного ведомства. Особое внимание уделено Петербургскому ракетному заведению, первому в России производственному и исследовательскому центру в области ракетного оружия, его организаторам и руководителям.

Ключевые слова: Петербургское ракетное заведение, ракетное оружие, боевые ракеты, военная промышленность России, Козен Пётр Александрович, Томас Турнер, Константинов Константин Иванович, Чеботарёв Андрей Харитонович.

История разработки ракетного оружия в 19 веке традиционно находится на периферии внимания историков. Это вполне объяснимо, учитывая, что ракеты в указанный период являлись вспомогательным вооружением и не играли заметной роли в главных войнах и сражениях столетия, а так же не были фактором поддержания военно-стратегического баланса. Вместе с тем, поскольку ракетное оружие с самого своего появления в крупнейших армиях мира относилось к разряду перспективного, передового, а позднее и «научоёмкого», его разработка была связана не только с проведением исследовательских и конструкторских работ, но созданием специализированной производственной базы, подготовкой специалистов, изучение вопроса о состоянии производства и разработки ракетного вооружения позволяет сделать выводы, дающие определённое представление и о состоянии военно-технической и военно-промышленной сферы того или иного государства в целом, в том числе и о её эффективности применительно к решению вопросов научно-технического и технологического развития, способности адекватно воспринимать и отвечать на «вызовы» времени.

Как уже сказано выше, отечественная библиография по вопросу развития ракетного оружия в 19 веке весьма скудна. Дореволюционные исследователи вообще не выделяли эту тему в самостоятельное направ-

ление, ограничиваясь преимущественно обзорными справками в трудах по истории артиллерии и уделяя внимание в основном не научно-техническим, производственным или административным вопросам, а биографическим фактам, связанным с жизнью наиболее известных создателей ракетного оружия¹. Первым обзорным исследованием по истории ракетного оружия, его разработки и производства, появившемся на русском языке, стала работа М. Е. Сонкина «Русская ракетная артиллерия», первое издание которой вышло в 1949 году, а второе, переработанное и дополненное — в 1952 году. Эта книга, основанная, в том числе, на архивных документах, появилась в эпоху, когда едва ли не главной задачей советских историков науки и техники было обоснование отечественного приоритета во всех возможных областях, что, к сожалению, не могло не отразиться ни на подборе излагаемых фактов, ни тем более, на авторских выводах. В результате работа, в которой целый ряд интересных сведений был впервые введён в оборот, оказалась, мягко говоря, не свободной от подачи материала на основе идеологических штампов.

Вышедшая в 1963 году книга В. Н. Сокольского «Ракеты на твёрдом топливе в России» была посвящена в основном научной и технической истории рассматриваемой темы. Так же нельзя не упомянуть два биографических исследования, Г. Ю. Мазинга, «Карл Андреевич Шильдер» (М., «Наука», 1989) и Г. Ю. Мазинга и П. И. Качура «Константин Иванович Константинов» (М., «Наука», 1995), в которых наряду с повествованием о жизни и трудах выдающихся военно-технических деятелей России говорится и об истории развития ракетного дела в России 19 века в целом².

Из зарубежных исследователей, безусловно, необходимо назвать американского специалиста Франка Винтера (Frank H. Winter), сотруд-

---

¹ См. напр.: *Каневский Н.* Биография генерал-лейтенанта А. Д. Засядко 2-го. // «Артиллерийский журнал», 1857, № 3, смесь, С. 52. *Платов А. С., Кирпичёв Л. Л.* Исторический очерк образования и развития Артиллерийского Училища. 1820–1870, СПб, 1870. С. 37–38.

² В 2008 году вышла книга П. И. Качура «Ракетчики Российской империи» (М., Издательство «РТСофт», 2008), представляющая, как указано в аннотации «две документальные повести, связанные одной тематикой». Первая из них, давшая название и всей книге, содержит сборник биографических очерков крупнейших представителей ракетного дела России 19 — начала 20 вв., вторая, «Гром ракеты раздавайся!», — повествование о разработке морского ракетного оружия в 19 столетии. Содержание этих работ, последняя из которых написана с применением метода художественной реконструкции событий, с одной стороны говорит о знакомстве автора с документальным материалом, с другой — имеет ряд несоответствий с фактами, известными нам по архивам и официальным публикациям. Это обстоятельство вынуждает относиться ко всему указанному труду, к сожалению, не снабжённому справочным и ссылочным аппаратом, с максимальной осторожностью. — ВХ.

ника Национального аэрокосмического музея в Вашингтоне, и его работу «Первый золотой век ракетной техники»³. Этот достаточно объёмный обзорный труд даёт общее представление о развитии боевых ракет в 19 столетии в Великобритании, США, странах Европы, и даже в Индии, Китае, Турции и Египте, однако, «российская» часть его работы основана в основном на книгах М. Е. Сонкина и В. Н. Сокольского, и применительно к отечественной тематике, с точки зрения русскоязычной аудитории, никак не может рассматриваться в качестве самостоятельного новаторского исследования.

Для всех вышеназванных трудов отечественных авторов характерно стремление представить главным образом информацию военного и оружейно-ведческого характера, при этом история зарождения ракетного дела, как отрасли военной промышленности, вольно или не вольно оставалась на периферии внимания исследователей. Соответственно, и значительная часть материала, посвящённого ранним периодам истории отечественного ракетостроения, до сих пор остаётся не введённой в оборот. Данная статья — попытка хотя-бы отчасти заполнить некоторые «белые пятна» и обозначить направления для дальнейшей работы.

Традиционно считается, что отправной точкой в истории ракетного оружия в европейских странах являются первые годы 19 века, когда британский конструктор Уильям Конгрев Младший (William Congreve Jr.), сконструировав на основе вывезенных из Индии пороховых ракет собственные, добился их применения британской армией. Впервые ракеты были использованы в боевой обстановке 21 ноября 1805 года для обстрела французского города Булонь, однако из-за плохой погоды и технического несовершенства нового оружия опыт оказался неудачным. Вторично британцы применили ракеты почти два года спустя, в начале сентября 1807, при массированном обстреле Копенгагена — и в этот раз получили желаемый результат: в подвергшемся бомбардировке городе начались многочисленные пожары, датчане были вынуждены капитулировать⁴. Именно после Копенгагена интерес к ракетам, как к перспективному оружию, стал очевиден. В отношении этого факта существует практически неоспариваемое согласие специалистов, занимающихся ракетной историей.

Вместе с тем, точная датировка начала работ в области создания ракетного оружия в России до некоторой степени является дискуссионной. Ряд отечественных исследователей, причём не только работавших в период борьбы за «национальные приоритеты» в науке и технике,

---

³ Winter Frank H. The first Golden Age of Rocketry. Smithsonian Institution Press. Washington and London. 1990

⁴ Winter Frank H. Указ. соч., С. 18–19, 20–21.

но и представителей более позднего времени, склонны усматривать прямую и непрерывную связь между изготавливавшимися ещё с петровских времён фейерверками и прочими пиротехническими изделиями для развлечений и военными технологиями 19 века. П. И. Качур и Г. Ю. Мазинг, например, упоминая об организованном ещё в конце 17 века в Москве предприятии, производившем ракеты для фейерверков и подачи сигналов, далее указывают, что в 18 столетии «<...> в России появились сравнительно многочисленные частные «ракетные заведения», которые явились основой экспериментальной и технической базы дальнейшего развития работ по созданию боевых ракет. С целью сосредоточения работ по производству ракет любого назначения в 1809 г. эти заведения были объединены в государственную военную пиротехническую лабораторию, размещённую в С.-Петербурге (впоследствии — «ракетное заведение»). Вопросами создания и совершенствования боевых ракет с начала XIX в. занимался Военно-учёный комитет при Главном артиллерийском управлении»⁵.

Согласиться с этим утверждением, содержащим, на наш взгляд, несколько неточностей, сложно — начиная с того что упомянутого Главного артиллерийского управления в начале 19 века просто не было, (оно появилось только во второй половине столетия), и заканчивая тем, что действительно существовавшая (причём ещё с Петровского времени) Петербургская артиллерийская лаборатория, хоть и занималась изготовлением фейерверочных ракет на продажу, а также некоторое время предоставляла возможность для опытных работ по боевым ракетам, являлась прежде всего многопрофильным производством боеприпасов для ручного огнестрельного оружия и артиллерии, и никак не может рассматриваться в качестве предшественницы «ракетного заведения». Отдельно следует указать, что тщательный просмотр хранящихся в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерный войск и войск связи отчётов о работах Временного артиллерийского комитета для рассмотрения гарнизонной артиллерии (который позднее был преобразован в Учёный комитет по артиллерийской части) 1808 — первой трети 1812 годов не выявил даже намёков на проведение каких-либо обсуждений, не говоря уже исследований, экспериментов или работ по ракетной тематике в указанный период⁶. Более того, нельзя не упомянуть, что в 1807 году, сообщая о бомбардировке англичанами Копенгагена, «Санкт-Петербургские Ведомости» не преминули особо указать: «Достоинно замечания, что Англичане кроме бомб и каленых ядер, бросают

⁵ Мазинг Г. Ю., Качур П. И. Константин Иванович Константинов, С. 39

⁶ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 2, Оп. ШГФ, Д. 5498, Л. 189–224; Там же, Ф. 2, Оп. ШГФ, Д. 5696, Л. 490–579

еще ракеты нового изобретения, каковых просвещенные народы не употребляют»⁷. Тем самым главная официальная газета Российской империи прямо дала понять, что ракеты на тот момент вообще не рассматривались в качестве оружия даже по морально-этическим основаниям.

Действительно, использование ракет в качестве одного из элементов развлечений, «огненно-световых зрелищ», «веселостей», «забав» или «потех», известно в России как минимум со второй половины 17 века. Сохранились, к примеру свидетельства о том, как царь Алексей Михайлович в 1672 году на Москве-реке смотрел на «летающие потешные огни», а в следующем, 1673 году киевский воевода спрашивал у Пушкарского приказа разные припасы, из которых планировалось изготовлять «духовые и зажигательные ядра» и «зажигательные же нарядные стрелы». Есть и множество других подобных примеров, в том числе и показывающих, что уже в то время опытным путём люди могли убедиться, что ракеты могут служить средством не только развлечения, но и поражения — так, в 1690 году, во время празднования Масленицы в подмосковном селе Воскресенском на реке Пресне один из дворян был убит неразорвавшейся (!) ракетой, упавшей на голову⁸. Факт, однако, в том, что попыток превратить ракеты из развлечения в оружие ни в 17-м, ни в 18-м веке в России не предпринималось; в начале же 19-го столетия, с началом разработки боевых ракет, нет ни прямых ни косвенных данных об участии в этих работах специалистов по гражданской пиротехнике. Таким образом, попытки искусственно «составить» отечественное военное ракетостроение за счёт «потешных огней» выглядят, мягко говоря, натянутыми.

Если обратиться к документам, то наиболее ранняя из известных нам на сегодня историческая справка о начале разработок ракетного оружия в России, ориентировочно относится к концу 1836 года и подписана тогдашним управляющим Петербургским ракетным заведением генерал-лейтенантом П. А. Козеном. В ней говорится:

«Боевые и зажигательные ракеты появились в Европе в 1805 году, а с 1809-го после осады англичанами Копенгагена ракеты обратили на себя особенное внимание.

Конгрев, делопроизводитель сих ракет, строго хранил тайну приготовления их.

Впрочем, изобретение сего оружия принадлежит глубокой древности, о нем многие писали и Конгрев сам, как известно, скопировал их у Индейцев, которые ими действовали против Англичан. /После оса-

⁷ «Санкт-Петербургские Ведомости», 1807, ноября 1-го, № 88, С. 1106

⁸ *Васильев В. Н.* Старинные фейерверки в России (XVII — первая четверть XVIII века). // Л., Издательство Государственного Эрмитажа. 1960. С. 7, 13–15

ды Копенгагена все Европейские державы старались узнать секрет приготовления оных полагая все в состав. Везде, как и в России, старались достать Англинскую ракету, разлагали химически состав ее, и скопировав наружное устройство делали свои ракеты, но все старания остались тщетными, потому что оне в полете своем не имели ни верности в направлении, ни точного хотя бы приблизительного падения.

Не лучше было и у Англичан.

Такие неудачные попытки охладили весьма к делу ракет, одни Англичане не оставляли и не оставляют ими также заниматься австрийцы и французы.

У нас первые опыты произведены в 1811 году Членом Военно Ученого Комитета по артиллерийской части Г. Картмазовым, которому дана была одна Англинская ракета для разложения состава. Ракета сия была привезена из Англии в бозе почивающим Государем Императором Александром 1-м⁹.

В том же 1811 году по желанию покойного Цесаревича Константина Павловича Г. Картмазов передал ракеты Полковнику Козену¹⁰, коим и деланы были опыты в мызе Стрельне в присутствии самого Цесаревича в том же 1811 году.

В последствии Генерал Майор Козен в 1817 году имел счастье отправлять из С. Петербурга в Варшаву к покойному Цесаревичу весь снаряд по делу ракет и выученного Лабораториста и даже готовые ракеты, за что и получил самые лестные отзывы Его Императорского Высочества.

Полковник Засядко делал оные в 1815 году, и в 1817 были уже произведены сравнительные опыты с англинскими в Высочайшем присутствии, после коих тогда же Полковника Засядко ракеты оказались лучшими.

Примечание: Ракеты, отправленные Генерал Майором Козеном в Варшаву были вовсе независимы от ракет Полковника Засядко и в составе своем имели разницу»¹¹.

В целом данные, изложенные П. А. Козеном, соответствуют сведениям, дававшимся позднее исследователями о начальном этапе развития ракетного дела в России. Добавить к ним можно немного. В сентябре 1813 года, — о чём не упомянуто в справке П. А. Козена, в Санкт-Пе-

---

⁹ Отметим ещё раз, что, как уже указано выше, в понедельных отчётах о работе Учёного комитета по артиллерийской части за 1811 год опыты Картмазова с ракетами не отражены.

¹⁰ В дальнейшем — генерал, автор цитируемой записки, таким образом, именно П. А. Козен может считаться едва ли не первым российским офицером-ракетчиком, т. к. Картмазов имел гражданский чин.

¹¹ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 5, Оп. 3, Д. 1, Л. 232–233

тербург из действующей армии были доставлены три ракеты системы Конгрева, переданные англичанами русским артиллеристам в качестве образцов, без какой-либо сопроводительной информации. Ракеты были переданы инспектору всей артиллерии, а от него в Артиллерийский департамент с приказом силами Военно-учёного комитета «<...> сделать испытание и несколько проб при С. Петербургской лаборатории, стараясь узнать настоящий их состав». Насколько успешными были эти испытания можно судить по краткому ответу, данному комитетом спустя почти два года, в июле 1815, на запрос Артиллерийского департамента о результатах опытов — комитет сухо уведомлял, «<...> что над зажигательными ракетами Комитет еще продолжает свои исследования и опыты, а когда будет совершенно кончено, тогда в следствие предписания Г. Управляющего Военным Министерством от Комитета ему донесено будет»¹². Иных донесений по этому делу до сих пор не обнаружено, так что работа, скорее всего, ничем содержательным не окончилась.

Стоит упомянуто и о другом эпизоде, развивавшемся параллельно, и завершившемся не только безрезультатно, но и скандально. Речь идёт об инициативе никак не связанного с военным ведомством гражданского лица, обер-бергмейстера Андрея Чеботарёва, который 11 (23) ноября 1813 года обратился к управляющему Военным министерством, генерал-лейтенанту князю А. И. Горчакову со следующим прошением:

Служа Великому Государю моему в звании Химика и имея некоторые знания в Пиротехнии, почел я обязанностью заняться открытием состава Конгревовых ракет. После многих тщетных опытов пощастивилось мне найти несколько смешений, которые, в зажигательных своих действиях, не только совершенно сходны с Конгревовыми, но еще и превосходят оные силою. Я желаю пожертвовать сим открытием моим Отечеству, и потому честь имею покорнейше просить Вас, Сиятельный Князь! Приказать, под присмотром моим, приготовить для опытов в здешней Артиллерийской Лаборатории несколько зажигательных ракет и предписать военному Ученому Комитету показать мне форму присланных из Армии настоящих Конгревовых Ракет¹³.

Горчаков дал прошению Чеботарёва (указывавшего, что он занимается ракетным делом с 1810 года¹⁴) ход, однако ничего хорошего из дела не вышло. Примерно через год изобретатель снова обратился к управляющему министерством — и на этот раз с жалобой на Военно-ученый комитет, которому было поручено разобраться в его предложении по существу. Чеботарёв указывал, «<...> что ученый Комитет не толь-

¹² Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 8, Д. 3725, Л. 2, 5, 13

¹³ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 4, Оп. 40/1, Д. 60, Л. 2

¹⁴ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 4, Оп. 40/1, Д. 60, Л. 7

ко не благоприятствовал ему при испытании зажигательных ракет его изобретения, но употребив к сему делу ученого секретаря Беляева для присутствия в Лаборатории во время приготовления оных, воспользовался открытием способа начинения и составов его в намерении присвоить себе изобретение сие, хотя известно ему, что Комитет до ныне не имеет в том успеха, и он уверен в превосходстве своих ракет до того, что желает, дабы несколько сделанных по его методе и приготовленных ученым Комитетом, представлено было на пробу»¹⁵. Последовало повторное поручение Комитету разобраться — на этот раз с жалобой, что и было исполнено. В ходе очередного заседания, 12 (24) января 1815 года члены Комитета, рассмотрев претензии, составили записку, в которой последовательно и с ядовитыми комментариями отвергли все обвинения в свой адрес, среди прочего указав, что «<...> Г. Чеботарев ныне в Комитете самыми нелепыми требованиями обнаружил, что он во все понятия не имеет о деле даже простых ракет» и «Что же касается до открытия Г. Чеботаревым состава своего Комитетскому Секретарю Беляеву то нельзя довольно надивиться как он мог иметь столько смелости чтобы написать сие когда совершенно на против того он не изобретение свое показывал а сам в Лаборатории нашей учился делая пробы разным составам переменяя их до ста и так сказать ощупью доходил до слабых познаний по сей части во время произведения опытов сих им приобретенных»¹⁶. На этом «карьера» обер-бергмейстера, как ракетчика была завершена, однако маленький, хоть и курьёзно-скандальный след он в этом разделе истории всё-таки оставил¹⁷.

¹⁵ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 4, Оп. 40/1, Д. 60, Л. 4

¹⁶ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 4, Оп. 40/1, Д. 60, Л. 7 об., 9 об.-10

¹⁷ Конечно, можно было-бы заочно проникнуться симпатией и сочувствием к Чеботарёву, изобретателю-одиночке, допустить, что он «пал жертвой» «бездушной государственной машины», «корпоративной солидарности» военных или обычной зависти, однако не в пользу этой версии говорят многочисленные факты его биографии, составленной А. А. Костиным. Приведём лишь некоторые из них. А. Х. Чеботарёв был сыном Харитона Андреевича Чеботарёва, ординарного профессора российского красноречия и первого выборного ректора Московского университета, в котором прослушал курсы философского, юридического, физико-математического факультетов, в 1805 году защитил диссертацию на звание магистра философии и физико-математических наук, а в 1807 году получил назначение адъюнктом по кафедре химии и технологии. «Поведение Ч. во время службы в Моск. ун-те отличалось многочисленными дерзкими и непристойными выходками. <...> В 1811 о проступках Ч. попечитель Моск. ун-та П. И. Голенищев-Кутузов сообщал мин. нар. просвещения А. К. Разумовскому: «Обширная Москва наполнена слухом о его шалостях... он у полиции на замечании по разным историям; театр, бульвар, публичные гулянья были разных его шалостей свидетелями». Будучи вынужденным оставить в начале 1812 году Московский университет и переехав в Санкт-Петербург, где поступил на службу в лабораторию при Департаменте горных и соляных дел, А. Х. Чеботарёв и здесь «отличил-

Очевидно, что изготавливались первые экспериментальные боевые ракеты России силами разных производств — Военно-учёный комитет не располагал какой-либо, даже минимальной, собственной производственной базой. Составы для боевого заряда и реактивного двигателя делались, как указано в приведённых выше документах, в Петербургской артиллерийской лаборатории, основном и крупнейшем центре военной пиротехники России. Деревянные части, скорее всего, заказывались Петербургскому арсеналу, в котором имелись хорошие столярные мастерские. Там же, в принципе, могли производиться и железные комплектующие, однако в нашем распоряжении есть одно документальное свидетельство, указывающее, что к выполнению этой работы привлекалось частное предприятие — петербургский завод Берда: как следует из ведомости, приложенной к журналу общего присутствия Артиллерийского департамента от 9 (21) ноября 1814 года, от завода в числе прочих металлических вещей, заказанных военными, была принята: «В военный ученый Комитет для Конгревовых ракет железная точеная оправка — 1, весом 2 пуда 19 фунтов» ценой 74 рубля 25 копеек¹⁸.

Со второй половины 1810-х годов Военно-учёный комитет уже не упоминается в связи с ракетными экспериментами. Разработки реактивного оружия в этот период связаны с именами служивших вне казённых военных производств или научно-технических структур артиллеристов — полковника А. Д. Засядко и генерал-майора П. А. Козена. Последний, напомним, был привлечён к делу великим князем Константином Павловичем ещё в 1811 году, первый же заинтересовался темой в 1815 году по собственной инициативе, причём настолько увлёкся делом, что вложил в него личные средства — деньги, вырученные от продажи унаследованного имения. Усилия и средства были потрачены не зря: как уже указано выше, на первых же демонстрационных опытах его ракеты продемонстрировали лучший результат в сравнении с английскими. После демонстрации ракет в Санкт-Петербурге, Засядко был командирован в Могилёв, на главную квартиру фельдмаршала М. Б. Барклая де Толли, для продолжения работ и обучения офицеров и фейерверкеров изготовлению

ся» не с лучшей стороны; «венцом» его походов стало привлечение в 1817 году к уголовному суду по обвинению в найме на организованную им фабрику беглых крестьян. «В глазах современников, — указывает А. А. Костин, — Ч. был человеком несерьёзным, с мечтательным и восторж. нравом, “физиком, химиком и алхимиком, к-рый ни в чём не сомневается и почитает всё возможным”». — Костин А. А. Чеботарёв Андрей Харитонович. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., Научное издательство «Большая Российская Энциклопедия». СПб, Издательство «Нестор-История». 2019. Т. 6. С. 603–604. В таком контексте история с попыткой разработать боевые ракеты выглядит скорее закономерностью, нежели случайностью.

¹⁸ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 9/2, Л. 2290, Л. 147

ракет. Проведя здесь чуть меньше года, он был отозван к месту постоянной службы, во 2-ю армию. В отзыве, данном ему Барклаем-де-Толли при отправлении, говорилось: «<...> в продолжении нахождения вашего при главной моей квартире, для показания опытов составления и употребления в армии конгревовых ракет, я с удовольствием видел особенные труды и усердие ваше в открытии сего нового и столь полезного орудия, кои поставляют меня в приятный долг изъявить вас за то истинную мою признательность и представить об оных на всемилостивейшее внимание Государя Императора»¹⁹. Характеристика не осталась незамеченной. В 1818 году Засядко был произведён по представлению фельдмаршала в генерал-майоры, в 1819 году назначен дежурным генералом 2-й армии, а в феврале 1820 года вызван из армии в Петербург, где получил должность заведующего Петербургским арсеналом, Петербургской артиллерийской лабораторией и Охтинским пороховым заводом, а в июле 1820 года также стал управляющим Учебной артиллерийской бригадой и только что основанным Артиллерийским училищем²⁰.

Несмотря на столь резкий карьерный взлёт, практические достижения Засядко в деле конструирования ракет, по всей видимости, были признаны недостаточными для принятия их на вооружение. Не исключено, что его перевод в Санкт-Петербург и новое назначение, сделавшее новоиспечённого генерала куратором-руководителем сразу трёх крупнейших артиллерийских производств Российской империи, объяснялось, в том числе, и необходимостью обеспечить ему возможность для дальнейшего ведения работ по ракетам. В подтверждение этого сошлёмся на уже цитированную выше записку П. А. Козена. Относительно проводившихся в Могилёве работ он прямо указывает: «Делаемые различного устройства ракеты, как в наружном виде, так и в составах, в продолжении 7-ми месячных опытов не были удовлетворительны». Далее сообщается, что вместе с Засядко и по его ходатайству в том же 1820 году в Санкт-Петербург был переведён и один из артиллерийских офицеров, проходивших под его руководством в Могилёве обучение ракетному делу, капитан В. М. Внуков, который получил назначение в Артиллерийское училище, «<...> где сверх обязанности службы занимался в Лаборатории приготовлением сих ракет».

«Еще в Могилеве, — говорится далее в записке, — ракеты сии произвели на него (Внукова. — В. Х.) сильное впечатление и здесь он уже занимался ими с особенным вниманием и наблюдением.

---

¹⁹ Каневский Н. Биография генерал-лейтенанта А. Д. Засядко 2-го. // «Артиллерийский журнал», 1857, № 3, смесь, С. 52

²⁰ Платов А. С., Кирпичёв Л. Л. Исторический очерк образования и развития Артиллерийского Училища. 1820–1870, С. 37

Он тогда же предвидел пользу их, нужно только было внимательно наблюдать производимые над ними опыты соображать оные с теорию нераздельно от практики, исследовать все причины способствующие правильному их движению, словом стараться усовершенствовать их.

Все сии суждения заставили его вступить в делопроизводство ракет с тем, что если оное будет успешно то, при пособии знающим лучшим образом теорию, обратить искусство делания ракет и действие ими в науку»²¹.

Однако прошло ещё три года, а желаемого результата — если понимать под таковым принятие ракет на вооружение, не последовало, хотя работы продолжались без перерыва. При этом, согласно записке П. А. Козена, между Засядко и Внуковым возникали противоречия по выбору оптимальной конструкции снаряда. В 1823 году в Санкт-Петербург приехал (был ли он приглашён официально или же отправился в Россию по собственной инициативе — установить на сегодня не удалось) английский ракетный мастер Томас Турнер, которого сопровождал помощник по имени Роберт Темпл. Турнер привёз чертежи ракет конструкции Конгрева, записку о составе, употребляемом для их набивки, а также сведения о копрах, употребляемых в Великобритании для набивки ракет. Пообщавшись с Турнером, начальник артиллерии — генерал-фельдцейхмейстер, великий князь Михаил Павлович передал его на попечение генерала Засядко, который обеспечил англичанам возможность трудиться на Охтинском пороховом заводе и одновременно, для проведения сравнительных испытаний, приказал Внукову изготовить ракеты собственной конструкции, работы над которой он же ему ранее запретил²². Примечательно также, что Военно-учёный комитет, стоявший у истоков разработки отечественной ракетной техники, в этот период в подобных экспериментах вообще не участвовал.

Опыты снова не дали однозначных результатов, однако к 1825 году необходимость ввести работу по ракетной тематике в системные рамки стала, по-видимому, очевидной, и генерал-фельдцейхмейстер предложил организовать специальную структуру, ответственную за это направление. Дополнительным аргументом в этом стало поступившее от командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала А. П. Ермолова ходатайство предоставить ракеты вверенным ему войскам. 3 (15) ноября 1825 года великий князь Михаил направил начальнику Главного штаба Его Императорского Величества отношение, в котором указывал: «Принимая при том в соображение, что артиллерия во всех почти Государствах уже снабжена ракетами и неусыпно упражняется в усовершен-

²¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1. Л. 233.

²² Там же. Л. 235–236.

ствовании их, и, наконец, убеждаясь представлением генерала от инфантерии Ермолова в полезности сих снарядов в горной войне, я считал бы нужным учредить в Петербурге постоянное заведение для изготовления таковых ракет»²³.

Формально решение о создании «постоянного заведения» для производства ракет было осуществлено — по меркам своего времени, довольно быстро. 22 марта (3 апреля) 1826 года начальник Главного Штаба уведомил генерал-фельдцейхмейстера об одобрении Николаем I предложения создать Ракетное заведение и об отданных им повелениях по его организации. Император приказал начальнику артиллерии подготовить проект договора с нанимаемыми для работ в заведении английскими мастерами, а также «...приступить немедленно к распоряжениям для постоянного производства ракетной работы, но не в С. Петербурге, а в близи где либо, например Выборге, Нарве или и ближе за городом, где Ваше Императорское Высочество изволит признать удобнейшим». От себя начальник Главного Штаба добавил просьбу о представлении смет — «<...> исчисления как единовременным издержкам на учреждение заведения для изготовления ракет, так и ежегодным; введя в последнее какое-либо произвольное число ракет и означив, из каких именно сумм все сии издержки могут быть производимы»²⁴. Как видим, первоначальное повеление императора категорически не предусматривало организации ракетного производства в столице.

30 марта (11 апреля) того же года генерал-фельдцейхмейстер отдал АД ВМ распоряжения о первичных мерах по организации Ракетного заведения. Именно это дата на сегодня считается официальным днём основания Петербургского ракетного заведения (ПРЗ)²⁵. В главном указании начальника артиллерии сводились к следующему: в общем присутствии Департамента, пригласив «<...> в оное Гг. артиллерии генерал-майоров Козена и Кандибу»²⁶ «<...>» составить и согласовать проект договора с англичанином Т. Турнером на трёхлетний срок, а также составить «<...> исчисление, как единовременным издержкам на учреждение при Охтенском пороховом заводе вышепомянутого заведения для изготовления на первый раз 3000 ракет, так и ежегодных, полагая примерно хотя такое же число ракет, объяснив особо в представлении Департамента, из каких сумм предполагается возможным позаимствоваться деньгами на сии издержки»²⁷. Как видим, повеление императора

²³ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 109, Д. 334, Л. 3.

²⁴ Там же, Л. 6.

²⁵ См. напр. Мазинг Г. Ю., Качур П. И. Указ. соч. С. 52

²⁶ Д. Ф. Кандиба — командир Охтинского порохового завода. — В. X.

²⁷ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 109, Д. 334, Л. 1

организовать производство вне столицы было или просто проигнорировано (во что верится слабо) или же генерал-фельдцейхмейстер объяснил своему венценосному старшему брату нерациональность данного варианта (что представляется более вероятным, однако документальных подтверждений этому на сегодня не обнаружено). В любом случае, вопрос о принципиальном выносе создаваемого ракетного производства из Петербурга более не поднимался.

Турнер, которому предложили представить свои соображения относительно организации ракетного производства, сообщил относительно выбора места следующее:

«На изготовление онаго числа ракет (3000, *предусмотренных в качестве первого заказа для Кавказского корпуса*. — *BX*) нахожу я по рассмотрении, что можно оные с малыми издержками изготовлять в строениях, принадлежащих к Охтенскому пороховому заводу. — Но как Его Императорскому Величеству угодно построить постоянный завод для изготовления ракет, то по моему мнению таковой весьма опасно усовершенствовать при пороховом заводе по нижеследующим причинам.

Случается, что ракета непредвидимым образом загорится в форме во время набивки, и ежели сие случится в близи других ракет, в таком случае можно вообразить беды, последовавшие от того в самом пороховом заводе в близи казарм и прочих жилищ, — вторая неспособность заведения при Пороховом заводе есть та, что делания пробы ракетам, ближе Волкова поля не имеется места, — по сему предмету позволяете мне Вашему Превосходительству еще далее объяснить: как я желаю по воле Его Императорского Величества означенное искусство привести в такой же порядок и усовершенствование, как оное находится в Англии, и имевший беспрестанный вход в заведения сэра Вилиама Конгрева, который как Вам известно оное орудие довел до настоящего совершенства с помощью товарища моего Господина Темпеля, при котором заведении поставлено в правило ежедневно взять из числа сделанных ракетов каждым мастеровым по одному и оную пробовать на поле принадлежащем к заведению для того, чтобы ежели нечаянно которая не в полной силе и действии, тотчас рассмотреть в чем зависит недостаток или неверность, то Ваше Превосходительство усмотрит, что несмотря на большую опасность при Пороховом Заводе в случае разрывания ракет; — в отдаленном же месте чрезвычайно затруднительно и медленно делать ежедневные пробы»²⁸.

Таким образом, именно в записке Турнера впервые, пусть и не напрямую, прозвучало предложение выбрать в качестве площадки для организации производства, хранения готовых изделий и производства

²⁸ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 109, Д. 334, Л. 15–16

опытов главный опытный артиллерийский полигон России того времени — Волково поле. Сходу, однако, доводы англичанина относительно территориального размещения ПРЗ не были услышаны и обсуждение проекта ракетного заведения продолжалось применительно к Охтинскому пороховому заводу.

В этом же время произошло одно весьма важное для развития ракетного дела в России событие: генерала Засядко, в силу его пошатнувшегося здоровья, на занимаемом им посту сменил генерал-майор П. А. Козен, на которого в дальнейшем и легли все организационные заботы по ракетной тематике. Уже 28 июня (10 июля) 1826 года генерал-фельдцейхмейстер направил генерал-майору Козену предписание «<...> касательно предполагаемого к утверждению на Охтенском пороховом заводе постоянного заведения ракетной работы, и назначенной для обучения приготовлению ракет и действию оными парочной батареинной роты 3-й полевой артиллерийской бригады»²⁹.

Всего через несколько дней, 3 (15) июля Козен впервые показал себя, направив в Артиллерийский департамент весьма критический рапорт относительно производящейся работы по организации Ракетного заведения. Прежде всего, он рекомендовал не заключать с английскими мастерами контракта на десятилетний срок, как они хотели, ограничившись только тремя годами, «<...> во-первых по тому, что польза сих ракет еще нигде и никем основательно не доказана, почему и легко может быть, что в продолжении столь долгого времени оные или совсем будут отринуты, или будут более усовершенствованы, в обоих случаях тогда Г. Турнер остается бесполезным и издержки ныне сделанные будут напрасныя. В третьих (пункта “во-вторых” в документе нет. — ВХ) никакому сумнению не подлежит, что в продолжении сего времени; и гораздо еще скорее мы можем иметь своих офицеров, которые с гораздо меньшими издержками доставлять то же самое что производить намеревается теперь Г. Турнер». В заключение Козен указывал: «Касательно же предназначаемого строения к сему заведению уже тем оказывается без полезным, как упоминается в 1-м пункте, что делаемые ракеты в С.-Петербурге не могут быть перевезены без порчи в отдаленные места, и следовательно явное доказательство, что вовсе такого обширного строения, которое делается без полезным столь обширными издержками не нужно. Полагаю даже, что есть ли бы Г. Турнер не согласился заключить контракта на три года, а ракеты необходимо нужны для отдельного Кавказского Корпуса, то можно употребить на сей случай своего артиллерийского офицера»³⁰. Таким образом, генерал сразу по-

²⁹ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 109, Д. 334, Л. 70

³⁰ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 109, Д. 334, Л. 68, 69

ставил под сомнение целесообразность как привлечения иностранных специалистов, так и строительства крупного производства.

Департамент, однако, с аргументами Козена не согласился — в тот же день там было подготовлено донесение генерал-фельдцейхмейстеру, в котором среди прочего сообщалось, что контракт с Турнером и Темплом заключается на десятилетний срок — и представляется на утверждение великого князя, и что «Построение нового постоянного ракетного заведения, предполагаемого к выстройке на Волковом поле, в котором Турнер назначает готовить ракет от 4-х до 20 т. по представленным планам и сметам стоит будет 75 576 руб. 72 коп.» и сверх того 5 244 рубля ежегодно на отопление, освещение содержание построек. Пока же заведение существует только на бумаге, а выполнять заказ Кавказского корпуса на ракеты следует без промедления, в департаменте предложили изготавливаемые в Санкт-Петербургском арсенале металлические детали, а также материалы, необходимые для их набивки, отправить в Георгиевск или Тифлис и туда же командировать Турнера с помощником для организации временного производства на месте. Когда же эта работа будет окончена, «<...> Турнеру и Темплю возвратиться в С.-Петербург и приступить к устройению предполагаемого постоянного ракетного заведения; но в меньшем виде противу прожектируемого; ибо по мнению Департамента таковое заведение в С.-Петербурге нужно только для Балтийского флота и для произведения дальнейших опытов; для сухопутных же Армии нужно иметь ракетные заведения близ границ; ибо как выше сказано, набитых ракет далеко перевезти невозможно и по тому <...> устройство в Петербурге постоянного ракетного заведения произвести пополам от Артиллерийского и Морского ведомств»³¹.

Генерал-фельдцейхмейстер, рассмотрев изложенное, составил окончательное предложение по ракетному заведению на имя начальника Главного Штаба. В целом он воспроизвёл все предложения департамента, за одним исключением, относительно расположения, будущего производства, указав: «Построение нового постоянного ракетного заведения предполагается мною произвести на Охтенском пороховом заводе, в котором Турнер назначает готовить ракет от 4-х до 20-ти тысяч по представленным планам и смете стоит будет 75 576 рублей 72 копейки»³². 16 (28) августа 1826 года начальник Главного Штаба уведомил генерал-фельдцейхмейстера об одобрении Николаем I проекта Ракетного заведения на Охтинском пороховом заводе, предложений по внедрению боевых ракет в армии и флоте,

³¹ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 109, Д. 334, Л. 64, 65, 66

³² Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 109, Д. 334, Л. 94

а также проекта договора о найме в русскую службу ракетных мастеров Турнера и Темпля³³.

Соответствующий контракт был заключён 2 (14) сентября 1826 года и, по сути его содержания, англичанам отводилась центральная роль в дальнейшем развитии ракетной отрасли Российской империи. Договором определялось, что Турнер и Темпл в течение последующих десяти лет, в качестве директора и помощника директора Ракетного заведения соответственно, состоят «<...> в ведомстве Артиллерийском под Главным Начальством Генерал-Фельдцейхмейстера и Артиллерийского Департамента, и отправляют должность свою по их повелениям и по повелениям тех начальств, коим первыми подчинены будут». Основная задача, ставившаяся им, была указана в последнем пятнадцатом пункте договора: «Турнер и Темпель обязуются употребить все усердие к деятельности на усовершенствование ракет как в цельном, так и дальнем их полете», а конкретные действия, направленные на её решение, — в пунктах четвёртом: «Во время службы обязуются готовить конгревовы ракеты во всех тех местах, где правительством назначено будет <...>», седьмом: «Обязуется Турнер выучить Артиллеристов употреблению и действию ракет, и открыть весь состав материалов и все способы приготовления оных тем лицам, кому от правительства оное вверено будет. Равным образом выучить приготовлению ракет мастеровых, какие от казны даны будут, с переменою однако же другими тех из них, в коих окажется мало способности и понятия к сему приготовлению», девятом: «На приготовление разных вещей, потребных к деланию и пусканию разных калибров конгревовых ракет, даёт Турнер чертежи, модели и описания», и четырнадцатом: «При заготовлении ракет позволить сверх определенного количества заготовлять с ними вместе еще одну треть для опытов, которые должны производимы быть для узнания верности приготовления и для лучшего усовершенствования и обучения людей действовать оными»³⁴.

Таким образом, вопрос об организации Ракетного заведения, о месте его размещения, о руководителе и задачах формально был решён на самом высоком уровне и документально закреплён.

С практической же точки зрения ещё оставалось сделать всё от начала и до конца. Показательно, что в октябре следующего, 1827 года П. А. Козен, докладывая Артиллерийскому департаменту о деятельности вверенных ему военно-промышленных предприятий, подробно отчитывался о работах каждого, включая изготовление фейерверков в Петербургской лаборатории, однако о существовавшем на тот момент

³³ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 109, Д. 334, Л. 92

³⁴ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 109, Д. 334, Л. 107, 108, 110

по документам уже полтора года Петербургском ракетном заведении даже не упомянул³⁵.

Разумеется, это не значит, что в ракетном деле за прошедшие месяцы ничего не происходило. Напротив, деятельность велась и некоторые перемены были весьма существенны. Прежде всего, Козен смог выстроить, а точнее — перестроить иерархию управления заведением под себя и в соответствии со своими представлениями о правильной организации дела. Будучи явным сторонником выращивания и подготовки отечественных специалистов, весной 1827 года он, пользуясь оговоренным в контракте с англичанами правом высшего артиллерийского начальства подчинять их непосредственным начальникам, убедил генерал-фельдцейхмейстера назначить фактическим командиром Ракетного заведения капитана В. М. Внукова, передав в его непосредственное заведование «<...> ведение книг, смотрение за людьми и соблюдение всего требуемого службою порядка по ракетному заведению»³⁶. Верховное руководство заведением Козен без каких-либо дополнительных административных решений, взял на себя — не занимая в нём пока никакой формальной должности, именно он, скорее всего, пользуясь незнанием Т. Турнером русского языка, вёл всю переписку с вышестоящими инстанциями — Артиллерийским департаментом и Штабом генерал-фельдцейхмейстера, отчитывался о текущих работах, докладывал о перспективных планах, не пренебрегая даже такими мелкими вопросами, как закупки необходимых материалов и оборудования. Чуть ранее, в феврале того же года, Козен в категоричной форме приказал Турнеру изготавливать ракеты российского образца, и тот вынужден был смириться³⁷.

Таким образом англичанин Томас Турнер, по-прежнему являвшийся в соответствии с заключённым с ним контрактом формальным директором Петербургского ракетного заведения, на самом деле оказался низведён до положения рядового мастера, лишённого не только административной власти и тем более выхода на вышестоящее начальство, но даже полной самостоятельности в техническом творчестве. Как-либо бумаг за его подписью в делах заведения, начиная с 1827 года вообще не встречается. С этого времени и до середины следующего десятилетия все работы по разработке ракетного оружия в России велись под непосредственным руководством П. А. Козена и В. М. Внукова, отчитывавшимися непосредственно Артиллерийскому департаменту Военного министерства (под административным и хозяйственным во-

³⁵ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 109, Д. 368, Л. 1–6

³⁶ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 109, Д. 334, Л. 408

³⁷ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 5, Оп. 3, Д. 1, Л. 237

просам) и Штабу генерал-фельдцейхмейстера (по техническим и организационным вопросам).

Независимо от административных перемен, изготовление ракет как для действующей на Кавказе армии, так и для опытов по разработке нового вооружения и улучшения конструкции уже имеющегося, не останавливалось, хотя и по-прежнему велось по принципу «рассеянного» производства: отдельные компоненты заказывались и Петербургскому арсеналу, и казенному Александровскому литейному заводу, а также принадлежавшим морскому ведомству Ижорским адмиралтейским заводам³⁸, Петербургской лаборатории и Охтинскому пороховому заводу. Решение вопроса о строительстве собственных зданий для заведения в итоге был отложен по внешним обстоятельствам, — с началось русско-турецкой войны 1828–1829 гг. работники, включая Турнера, во главе с Внуковым, и само производство с оборудованием было переведено в Тирасполь, поближе к театру военных действий.

Только с окончанием войны, после возвращения ракетчиков в Санкт-Петербург началось строительство зданий для заведения, которое наконец обрело своё постоянное место расположения — на Волковом поле, где к 1832 году появился комплекс из нескольких производственных и административных строений³⁹. Первый комплекс ПРЗ, как следует из составленной осенью 1835 года справки, состоял из шести построек: «Здание на фундаменте, для набивки ракет, для смешивания составов, стирочный покой, покой для хранения огнестрельных материалов, токаря и покой для хранения готовых ракет в одной связи», «Здание на фундаменте столбами <...>, по малому помещению для мастерских обращено <...> в столярную и караульную», «Здание на деревянных стульях в коем устроены машинная и слесарня, а также и покой для занятия производителя работ», а также кузница, сверлильная и сарай-склад. Все деревянные, выстроенные не самым лучшим образом и всего за несколько лет успевшие порядком обветшать, что, собственно, и констатировалось составителями справки⁴⁰. В том же 1832 году император Николай I повелел ежегодно отпускать по 15 тысяч рублей ассигнациями по сметам Артиллерийского департамента с 1834 года «на надобности Ракетного

³⁸ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 109, Д. 334, Л. 148, 149, 154

³⁹ Датировать срок окончания строительства первого комплекса Петербургского ракетного заведения на Волковом поле позволяет, в частности, справка из канцелярии Военного министерства от 4 (16) января 1850 года, в которой указано: «В 1832 году для усовершенствования способов приготовления Конгревовых ракет и действия оными, учреждено в С. Петербурге ракетное заведение». — Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 24/2, Д. 300, Л. 75 об.

⁴⁰ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 3/2, Д. 819, Л. 29–29 об.

Заведения»⁴¹. Сумма была крайне незначительной, если даже не смехотворной (меньше сотой доли процента от общего объёма расходов на армию, составлявших в 1830 году 219 446 000 р., а в 1831 году — 207 704 000 р⁴².), к тому же она с самого начала была «обременена» необходимостью оплачивать из неё же изготовление ракет для тактических занятий Ракетной роты № 1 (это подразделение было сформировано по повелению Николая I и основанного на нём приказу военного министра от 1 (13) апреля 1827 года на базе 4-й парочной батарейной роты 3-й полевой артиллерийской бригады, «<...> для обучения приготовлению ракет и действовать ими»⁴³). Однако, вместе с тем, нельзя не подчеркнуть, что впервые в практике российских военных ведомств состоялось целевое ассигнование на проведение регулярных опытных и конструкторских работ по оружейной тематике — и это ассигнование было сделано именно в области ракетных технологий. Следующий раз подобное целевое финансирование будет установлено только в 1859 году, когда император Александр II отдаст повеление выделять ежегодно по 30 000 рублей серебром в распоряжение генерал-фельдцейхмейстера «<...> на производство опытов, недорогие постройки и на приобретение небольших машин, станков и приспособлений <...>», — однако уже не на конкретное направление, а в интересах сухопутной артиллерии в целом⁴⁴.

На сегодня не удалось обнаружить документальных подтверждений, чем был продиктован окончательный выбор Волкова поля, как места для размещения ПРЗ. Можно лишь предположить, что сыграли роль соображения безопасности, на которые указывал ещё Т. Турнер. В том, что его беспокойство было отнюдь не напрасным, убедили уже события ближайших лет. В апреле 1832 года Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор направил военному министру отношение о поступившей к нему жалобе ямщиков, живших по соседству с Волковым полем, «<...> о том что во время ракетных опытов ракеты по дальности и части неопределительности полёта, упадают на их поля и тем угрожают их жизни и препятствуют заниматься уборкою хлеба и другими работами <...>»⁴⁵. (Если подобные инциденты происходили в малолюдной местности —

---

⁴¹ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 24/3, Д. 358, Л. 8

⁴² Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. // М., «Наука», 1973. С. 483

⁴³ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 109, Д. 334, Л. 388 об.

⁴⁴ Отчёт за трёхлетнее управление артиллерией Его Императорским Высочеством Генерал-Фельдцейхмейстером, с 25-го января 1856 по 25-е января 1859 года. // «Артиллерийский журнал», 1860, № 1, С. 20–21

⁴⁵ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 3/2, Д. 824, Л. 8.

нетрудно предположить, что могло бы случиться, появившись ракетное заведение в окрестностях крупнейшего в государстве порохового завода).

По жалобе было произведено расследование, в ходе которого, «<...> по свидетельству места производства опытов над ракетами найдено: что немного левее той стороны, в которую пускаются ракеты, устроено ямское гумно и пред ним у холерного кладбища караульня, в которой живут сторожа. Строения эти при неправильном полете ракет, могут быть подвержены опасности и хотя гумно в переноске на другое место не может составить значительных расходов, но главнейшее затруднение состоит в том, что по близости разведена ямщиками запашка, почему и удобно перевозить хлеб к обмолачиванию; в окружности же того строения, в особенности против самого центра полета ракет, — имеется ямская пашня и сенные покосы, в уборке коих, чрез таковые опыты над ракетами, ямщики имеют не только помешательство, но и значительные убытки, ибо когда рабочие в удобное летнее время сбудут собираться на поле для уборки хлеба и сена, в то самое время военное начальство приготавливаясь к испытанию ракет, должно запрещать рабочему народу находиться при занятиях. Сверх того, самый хлеб и сено может быть подвержено сожжению»⁴⁶.

Получив такое заключение, генерал-фельдцейхмейстер приказал отыскать в окрестностях Петербурга новое место, подходящее для ракетных опытов. Поручение было возложено на австрийского майора Моора, состоявшего на российской службе, который, изучив дело, доложил, что «<...> находящееся на Волковом поле строение, принадлежащее ямщикам, действительно подвержено опасности загореться от неправильности полета ракет <...>», но при этом, хотя он объехал все окрестности Санкт-Петербурга, не нашел нигде лучшего места для размещения ракетного заведения и испытательного полигона⁴⁷. В результате ямщикам было сделано предложение продать их участки на Волковом поле в казну для Ракетного заведения, — на что они не согласились⁴⁸.

С этого момента и на протяжении последующих тридцати с лишним лет вопрос о переносе Петербургского ракетного заведения с Волкова поля на новое место не снимался с повестки дня, но так и не получил желаемого разрешения. Все земельные участки, выявленные, как потенциально годные для размещения опасного производства и испытательного полигона, при ближайшем знакомстве с делом признавались по тем или иным причинам или неподходящими, или недоступными для приобретения. (В особой записке составленной по этому поводу в 1854 году ин-

⁴⁶ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 24/3, Д. 259, Л. 4 об.-5

⁴⁷ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 24/3, Д. 259, Л. 5

⁴⁸ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 3/2, Д. 824, Л. 8.

спектром всей артиллерии, говорилось: «Для перевода с Волкова поля Ракетного заведения и плаца для артиллерийских опытов осмотрены были лежащие вблизи столицы пустопорожные земли, а именно а.) земля, принадлежащая Государственным Имуществам на правом берегу Невы, близ Александровской Мануфактуры, но по отдаленности от С. Петербургского арсенала и Лаборатории (12 верс.) и значительным работам для очистки местности и осушения болот, она оказалась неудобной; б.) место позади дачи Графа Кушелева-Безбородки, принадлежащее Охтенским поселянам и находящееся в ведении Морского Министерства, оно найдено было совершенно удобным, но вследствие уважительных причин, всеподданнейше представленных в 1846 году Управляющим Морским Министерством, оставлено по Высочайшему повелению во владении поселян; в.) земля Полковницы Беклешовой близ новой Лаборатории, по причине непроходимого большого болота в двух местах и высоких песчаных гребней признана неудобною; г.) земля, находящаяся в середине лесной дачи Охтенского порохового завода, по отдаленности от Нового Арсенала (13 верст) и значительным издержкам, сопряженным с расчисткой, осушением и проведением дороги, равномерно оказалась несоответствующей цели; д.) дача Купца Пискарева с прилегающими к ней смежными участками частных владельцев и Охтенских поселян, но как отвод земли от поселян, как изложено выше, Высочайше воспрещен, а одна дача Пискарева недостаточна, то она осмотрена была с другой стороны, с прилегающими к ней участками Князя Воронцова, подполковника Брауна, Графа Ламздорфа, Полковницы Беклешовой и колонистов, пространством в 680 десятин. Земля эта остается одна, которую можно было бы приобрести для артиллерийского плаца и Ракетного заведения, но по объявленным владельцами ценам, за нее потребна огромная сумма в 740 132 руб. серебром, кроме издержек, необходимых для очистки места, осушения болот, проложения дороги, устройства мостов и т. п.»⁴⁹.

Разумеется, вопрос о закрытии главного и, фактически, единственного производственного и опытно-конструкторского центра государства по ракетному оружию при этом даже не ставился, хотя до некоторой степени попытки перенести в другие места часть ракетных опытов в последующие годы предпринимались. Связано это было, в том числе, и с расширением круга участников разработки нового вооружения. Если до середины 1830-х годов, как уже сказано выше, этими вопросами ведали только П. А. Козен и В. М. Внуков, то далее круг участников ракетных опытов расширился.

В 1834 году разработками ракетного оружия занялся военный инженер, генерал-адъютант К. А. Шильдер. Его опыты, пользовавшиеся

⁴⁹ ЦГИА СПб, Ф. 2281, Оп. 1, Д. 1, Л. 315–315 об.

личной поддержкой императора Николая I, стали частью программы создания придуманной им системы обороны крепостей (суть проекта заключалась в прокладке вокруг укреплений сети подземных галерей и рукавов, в которых оборудовались ракетные позиции; часть из них использовалась для стрельбы по наземным целям, другая — для подземной контрминой борьбы), а также кораблей собственной конструкции — парохода и подводной лодки⁵⁰. С самого начала Шильдер использовал в качестве производственной базы Петербургское ракетное заведение (причём загрузил его работой настолько плотно, что в 1834 году мастер Турнер был вынужден доложить начальству, что он временно не в состоянии заниматься какими либо другими работами, кроме как исполнением поручений Шильдера⁵¹), а через несколько лет его эксперименты привели к появлению в России нового «центра» изучения возможностей перспективных вооружений — Комитета о подводных опытах (КОПО), фактически первой в стране межведомственной военно-технической структуры, в состав которой вошли представители армии, в лице офицеров и генералов артиллерийского и инженерного ведомств, и флота. В их числе был и управляющий Петербургского ракетного заведения генерал П. А. Козен, а чуть позже, по личному ходатайству генерал-адъютанта К. А. Шильдера и с единогласного одобрения членов комитета, в его состав вошёл и командир ПРЗ, полковник В. М. Внуков⁵².

КОПО был, по-сути, оценочно-экспертной структурой — он рассматривал проекты и курировал их развитие, не занимаясь самостоятельноными исследованиями и конструкторскими работами, за исключением личных инициатив некоторых членов комитета, и даже не определяя каких-либо перспективных планов. Петербургское ракетное заведение при этом, в случае необходимости, выполняла функции производственной площадки для выполнения комитетских заданий.

В первой половине 1840-х годов КОПО провёл ряд экспериментов с ракетами корабельного базирования. В качестве полигона были выбраны акватории вблизи столицы — фарватер Большой Невки, участки невской дельты вблизи Петровского острова, пространство Финского залива между Крестовским и Петровским островами⁵³ — можно сказать, именно здесь был первый отечественный морской ракетный полигон. Однако к каким-либо определённым результатам они не привели.

---

⁵⁰ Мазюкевич М. Н. Жизнь и служба генерал-адъютанта К. А. Шильдера. СПб, 1876, С. 160–8.

⁵¹ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 3/2, Д. 821, Д. 100

⁵² РГАВМФ, Ф. 1351, Оп. 1, д. 1, Л. 28, 30; Там же, Д. 6, Л. 24, 41, 43, 48; Там же, Д. 10, Л. 1, 2

⁵³ РГАВМФ, Ф. 1351, Оп. 1, Д. 24, Л. 5–29

ли — ни в плане выбора конструкций ракет для вооружения кораблей, ни с точки зрения определения проекта ракетного корабля нового типа. Со второй половины десятилетия ракетная тематика постепенно вышла из повестки работы Комитета, члены которого практически полностью сосредоточились на опытах с морскими минами. В целом можно сказать, что в области ракетного оружия работа КОПО не дала сколь-нибудь значимых результатов даже в виде практических рекомендаций по использованию ракет в качестве корабельного оружия (при том, что, несомненно, данное направление в России впервые стало изучаться и развиваться именно в рамках работ КОПО).

Параллельно с опытами К. А. Шильдера в Санкт-Петербурге появился и ещё один центр весьма специфических опытов по ракетному оружию, связанных с работами датского оружейника Карла Фосса, который прибыл в Россию в начале лета 1835 года. Фосс предложил сконструированный им тип реактивного заряда для стрелкового оружия — «ружейную ракету», снаряженную зажигательным составом. Первоначально испытания фоссовских ракет проводились на Волковом поле⁵⁴, позднее для его работ была устроена лаборатория на базе Охтинского капсюльного заведения⁵⁵. Это же производство позднее было выбрано и для строительства специальной мастерской для изготовления ружейных ракет после принятия их на вооружение⁵⁶.

С работами Фосса на Охте связано происшествие, достаточно курьёзное, но вместе с тем показавшее, что с точки зрения комплексной безопасности сосредоточение ракетных опытов в рамках охраняемого Волкова поля было отнюдь не излишней предосторожностью. В начале апреля 1847 года Фосс, лично занимавшийся испытаниями изготавливаемых им опытных ракет поблизости от Капсюльного заведения, пожаловался начальнику Штаба генерал-фельдцейхмейстера генерал-лейтенанту И. А. Долгорукову, «<...> что намереваясь 6 числа сего месяца произвести несколько пробных выстрелов своими ракетами в устроенные для этой цели на Охтенском пороховом заводе щиты, он нашел, что середина их вырублена и засевшие в них от прежних опытов медные ракетные гильзы и свинцовые пули похищены»⁵⁷. По жалобе, достигшей высоких

⁵⁴ ЦГИА СПб, Ф. 1286, Оп. 1, Д. 61, Л. 55, 63–64.

⁵⁵ ЦГИА СПб, Ф. 1286, Оп. 1, Д. 137, Л. 5–7, 9, 11, 15, 17, 45. Подробнее о работах Фосса и других конструкторов в области реактивных боеприпасов для стрелкового оружия см.: Хозиков В. И. Ружейные ракеты Российской империи: история разработки и принятия на вооружение // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции. СПб, ВИМАИВиВС, 2017. Часть IV, С. 390–408

⁵⁶ ЦГИА СПб, Ф. 1286, Оп. 1, Д. 163, Л. 1–2, 40

⁵⁷ ЦГИА СПб, Ф. 1286, Оп. 1, Д. 137, Л. 110

сфер, была немедленно организована проверка, о масштабах которой можно судить по рапорту И. А. Долгорукову управляющего Охтинским пороховым заводом генерал-майора А. П. Синельникова, который докладывал, что «<...> для отыскания виновных в похищении из щитов, устроенных для действия ракет, приготовленных Датским обер кригс комиссаром Фоссом, медных пустых гильз и пуль, был произведен в Охтенском пороховом заводе повсеместный обыск, в 391 домах казенных и принадлежащих военным поселянам»⁵⁸.

Предпринятые меры дали следующий результат: «По обыску найдено: в поселённой № 4 роте 1-е, в доме ремесленника Григория Гнидина, у квартирующего фейерверкера лабораторной № 1 роты Михайлы Киселева, находившегося при обер кригс комиссаре Фоссе, одна ракета. Фейерверкер Киселев объявил, что получил оную от стрелка /имени которого не знает и в лицо признать не может/ по случаю тому, что в ней не была просверлена заправка. 2-е, В доме ремесленника Андрея Григорьева, у квартирующего мастерового непоселенной рабочей № 9 роты Аркадия Никитина, три новых медных гильзы без состава, полученных им от означенного фейерверкера Киселева и рядового той же лабораторной роты Василия Яковлева для того, чтобы сделать бритвенные кисточки, оба они показали, что гильзы эти взяты ими из бракованных. 3-е, В доме ремесленника Василия Герасимова у квартирующего мастерового непоселенной рабочей № 10-й роты Федора Никифорова одна медная гильза, бывшая в употреблении, найденная по его показанию патчиерицею его девицею Ефросиньею Васильевою, на дороге, близ которой были устроены щиты. Сверх сего во время обыска усмотрены в дровах на дворе Пороховой школы небольшое количество обрезков от делания ракетных гильз и в том числе две штуки готовых гильз без состава, но в похищении сих обрезков гильз виновных не открыто». Найденные гильзы и обрезки Синельников вместе с рапортом отправил в ШГФ, присовокупив к сообщённым сведениям, «<...> что по повальному обыску и тщательным расспросам всех домохозяев, кроме сего ничего не открыто, к доказательству похищения из щитов ракетных гильз и пуль жителями Охтенского порохового завода. По дороге близ которой находились щиты проезжают во всякое время днем и ночью окрестные крестьяне, и проходят квартирующие в заводе кантонисты С. Петербургского батальона до 500-т человек, а при щитах караулу не было и в какое именно время произведено похищение неизвестно»⁵⁹. Были ли предприняты какие-либо карательные меры в отношении «злумышленников» осталось неясным, как и то, повлияло ли происшествие

⁵⁸ ЦГИА СПб, Ф. 1286, Оп. 1, Д. 137, Л. 111-111а

⁵⁹ ЦГИА СПб, Ф. 1286, Оп. 1, Д. 137, Л. 111-111а

на усиление охраны оборонных производств на Охте — в любом случае, опыты и производство ружейных ракет и в дальнейшем производились в Охтинском капсюльном заведении, а вопрос об их переносе в постоянно перегруженное основными работами Петербургское ракетное заведение всерьёз даже не ставился.

Помимо создания Комитета о подводных опытах, ракетной лаборатории Карла Фосса при Охтинском капсюльном заведении и устроенной там же мастерской для изготовления ружейных ракет его системы, в России ещё дважды предпринимались попытки организовать разработку и производство ракетного оружия вне Петербургского ракетного заведения.

Первая из них касается деятельности жившего в Санкт-Петербурге шведского предпринимателя и изобретателя Иммануила Нобеля, выдвинувшего ещё в середине 1840-х годов проект «самодвижущихся мин» (прообразов современных ракет-торпед) и занявшегося его реализацией в период Восточной (Крымской) войны. Часть работ Нобель организовал на базе принадлежавшего ему литейного и механического завода, однако ракетные двигатели для мин по заданным им характеристикам, всё-таки изготавливались Петербургским ракетным заведением⁶⁰.

Второй эпизод был связан с обращением к высказанному ещё при организации ПРЗ плану создать второе ракетное производство на Кавказе, дабы избежать расходов и трудностей, связанных с перевозкой готовых ракет из столицы. Первым «реанимировал» эту тему главнокомандующий Отделным Кавказским корпусом М. С. Воронцов, писавший 15 (27) августа 1846 года из Кисловодска военному министру А. И. Чернышёву: «<...> я представлял что весьма бы хорошо было приготовить ракеты сии здесь на месте, но видя из отношения Вашего Сиятельства ко мне, что мера сия была сопряжена с некоторыми затруднениями и большим расходом я уже не смел более об оной упоминать, хотя по опыту дознано что в перевозке из Северной России сюда, весьма многия из ракет портятся, и делаются негодными к употреблению. В последнее моё пребывание во Владикавказе, я видел и разговаривал о сём предмете с Штабс-Капитаном Бутеневым⁶¹, который в прошлом году был с нами в походе, хорошо эту часть знает и весьма успешно в виду моём ракетами действовал; — по объяснениям полученным от него, я имею надеяться, что учреждение Лаборатории для ракет в Георгиевске

---

⁶⁰ Подробнее об этих работах см.: Хозиков В. И. «Ракето-торпеды» Иммануила Нобеля. в: Военная история России XIX–XX веков. Материалы X Международной военно-исторической конференции. Санкт-Петербург. 2017. С. 146–156

⁶¹ Один из офицеров, служивших в Петербургском ракетном заведении, сопровождавший на Кавказ транспорт с ракетами. — ВХ.

не причинило бы казне никакого лишнего расхода ибо там же находится почти всё для того нужное, кроме помещения для самых работ. Постройка такого как все казённые построения обошлось бы дорого, не говоря об обыкновенных ремонтных расходах. По сему намерение моё бы было если Его Императорскому Величеству благоугодно будет одобрить сие предположение приступить к способу, известному Государю Императору и принесшему в Новороссийском крае великую пользу, то есть пригласить одного из капиталистов в Ставрополь выстроить на свой счёт, по данному ему плану, нужные для сей Лаборатории помещения и потом по контракту отдать нам на 30 или 35 лет с ежегодною платою обеим сторонам выгодную. Если мысль сия удостоится Высочайшего одобрения то я дам оной ход и по получении всех сведений и удостоверений о возможности, представлю весь проэкт Вашему Сиятельству на рассмотрение Его Императорского Величества»⁶².

Делу был дан ход — управляющему ПРЗ, в тот момент уже генералу от артиллерии П. А. Козену поручили составить подробный план организации «ракетной лаборатории» на Кавказе. Генерал выполнил поручение, ставшее для него одной из последних крупных работ в ракетной области, однако дальше бумажно-административной деятельности решение вопроса не двинулось, несмотря на данное Николаем I в начале 1850 года согласие на постройку «ракетной лаборатории» в Георгиевске⁶³. Для Петербургского ракетного заведения, впрочем, и эта канцелярская активность имела в определённом смысле судьбоносные последствия. 2 (14) марта 1850 года канцелярия Военного министерства уведомила о нескольких кадровых повелениях императора, первыми пунктами в которых значились:

«1.) Командировать ныне же Полковника Костырку в Георгиевск для устройства там ракетной лаборатории с отчислением его от занимаемой им должности Командира С. Петербургского ракетного заведения и с сохранением ему получаемого им ныне содержания.

2.) Командиром С. Петербургского ракетного заведения назначить Начальника Охтенского капсульного заведения, состоящего по конной артиллерии Полковника Константинова»⁶⁴.

Таким образом, ПРЗ лишилось одного командира, — И. Ф. Костырко, на тот момент, безусловно, едва ли не самого опытного ракетчика в российской армии (достаточно сказать, что именно полковник Костырко первым в отечественной практике составил письменное руководство по изготовлению боевых ракет — до того технология передавалась

⁶² Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 24/2, Д. 300, Л. 2–2 об.

⁶³ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 24/2, Д. 300, Л. 81

⁶⁴ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 24/2, Д. 300, Л. 89

«дедовским», устным методом)⁶⁵, однако одновременно приобрело нового, с которым будут неразрывно связаны последние четырнадцать лет его существования, ставшие, пожалуй, самыми активными в истории предприятия. Именно при полковнике (позднее — генерал-майоре) К. И. Константинове Петербургское ракетное заведение окончательно превратилось в главный и единственный центр России по разработке и производству ракетного оружия. Следует отметить, что ракетная тематика не была для него новой, с ней он впервые познакомился не позднее 1843 года, когда ещё в чине поручика был командирован в Великобританию для ознакомления с «ракетным заведением» фабриканта Уэйда / Wade/, обратившегося к российским властям с предложением «<...> к открытию секрета приготовления конгревовых ракет и передаче всех необходимых механизмов». Именно заключение Константинова, дожившего тогда, что «<...> ни одна из машин находящихся в заведении Г. Уеда, не заслуживает того, что бы ее стоило приобрести за какую бы то ни было цену» и что «<...> до самого производства работ, то оно во многом уступает принятому у нас способу для приготовления ракет; как то напр. употребление на заводе Г. Уеда, для набивки ракет вместо прессов, копров, которые у нас давно оставлены<...>», стало основанием для категорического отклонения запроса Уэйда⁶⁶. С 1847 года К. И. Константинов уже постоянно занимался опытно-конструкторскими работами по ракетному оружию в рамках деятельности Артиллерийского отделения Военно-учёного комитета, которое с 1840-х годов начинает всё активнее привлекаться к курированию и оценке проводимых в ПРЗ работ⁶⁷.

1850 год, помимо прихода нового командира, стал для Петербургского ракетного заведения примечателен и другим важным событием: впервые с момента основания ПРЗ получило основополагающий документ — Положение, в котором чётко регламентировались его цели и задачи. Первые годы деятельности заведения, напомним, определялись фактически одним документом — контрактом Артиллерийского департамента с Т. Турнером и Р. Темплом, в котором указывались их цели и задачи, бывшие одновременно и соответственно, целями и задачами вверенного им ракетного заведения. К середине 1830-х годов стало очевидно потребность в том чтобы регламентировать работу ПРЗ более детально и чётко; есть прямое указание, что проект документа — Положения о ракетном заведении — уже в 1836 году находился на рассмотре-

⁶⁵ Константинов К. И. О боевых ракетах. СПб, типография Эдуарда Веймара, 1864, С. 65

⁶⁶ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 24/3, Д. 300, Л. 2, 5

⁶⁷ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 24/3, Д. 358, Л. 2–5

нии в Комитете по артиллерийской части⁶⁸. В деле о положении для ПРЗ легендарная бюрократия николаевского времени проявилась «во всей красе», проект документа годами путешествовал (или) выдерживался в инстанциях, наконец 27 апреля (9 мая) 1844 года вместе с проектом штатов заведения был препровождён на заключение в генерал-фельдцейхмейстера Михаила Павловича — и так и остался без дальнейшего движения вплоть до смерти великого князя. Только в начале 1850 года, в связи с обсуждением проекта организации ракетного производства в Георгиевске к вопросу вернулись вновь⁶⁹.

На этот раз решение было принято достаточно скоро: уже 25 августа (6 сентября) 1850 года император утвердил «Положение о С.-Петербургском ракетном заведении», которым впервые за более чем три с половиной десятилетия, прошедших с начала разработки боевых ракет в России, была определена схема взаимоотношений и взаимосвязи между участниками этой системы. Согласно документу: «С.-Петербургское ракетное заведение учреждено для усовершенствования способа приготовления конгревовых ракет, равно как и для самого приготовления оных». Заведение выводилось из-под двойного подчинения Штабу генерал-фельдцейхмейстера (на тот момент вместо него действовал Штаб инспектора всей артиллерии) и Артиллерийскому департаменту и передавалось под непосредственное руководство Инспектора пороховых заводов. Прямым и также единоличным начальником заведения становился командир, назначаемый «из известных своими отличными сведениями артиллерийских штаб-офицеров». Положением определялось, что «На обязанности командира заведения лежит не только управление заведением, но и постепенное улучшение самих ракет. Он должен следить за ходом, развитием и усовершенствованием ракетного дела в иностранных артиллериях, и стараться теоретическими соображениями и опытами усовершенствовать это дело». Так же определялась роль «контрольной инстанции»: «Ракетное заведение ежегодно в Августе месяце показывает Артиллерийскому Отделению Военно-Учёного Комитета те усовершенствования, которые в продолжение года сделаны в ракетах, и вместе с тем представляет на смотр приобретённые в тече-

---

⁶⁸ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 5, Оп. 4, Д. 17, Л. 6 об. «Комитет по артиллерийской части» — полное название: Комитет по артиллерийской части учреждённый с Высочайшего соизволения по повелению Его Императорского Высочества генерал-фельдцейхмейстера от 19-го января 1827 года, совещательный и экспертный орган при Штабе генерал-фельдцейхмейстера, занимавшийся рассмотрением и оценкой различных вопросов по артиллерийской части, действовал параллельно с Артиллерийским отделением Военно-учёного комитета и во многом пересекался с ним по тематике обсуждаемых вопросов.

⁶⁹ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 24/2, Д. 300, Л. 86.

ние этого времени машины и инструменты. <...> Артиллерийское Отделение Военно-Учёного Комитета, с своей стороны, на основании сказанного осмотра, представляет Инспектору всей Артиллерии об успехах, сделанных ракетным заведением в продолжении года, о состоянии ракетной части вообще и о предметах, на которые должно быть обращено особенное внимание»⁷⁰.

Деятельность ПРЗ в период руководства им К. И. Константиновым настолько обширна, что даже подробный обзор выполненных работ, проведённых экспериментов, разработанного и установленного нового оборудования, позволившего в заметной степени заменить ручной труд механизированным, а также фактов участия офицеров заведения в боевых действиях выйдет далеко за рамки объёма отдельной статьи⁷¹. Эти достижения тем более весомы, что достигались в условиях весьма ограниченного финансирования — установленная в 1832 году сумма в 15 тысяч рублей ассигнациями (или порядка 4 тысяч рублей серебром) на ракетные опыты и спустя четверть века оставалась неизменной⁷².

Некоторого увеличения ассигнований К. И. Константинову, который был, в том числе, и членом Морского учёного комитета, удалось добиться благодаря сотрудничеству с флотом. С января 1854 года началась подготовка к формированию Морской учебной ракетной команды, распоряжение об укомплектовании которой командой офицерами и нижними чинами от Морского ведомства было дано генерал-адмиралом Константином Николаевичем в январе 1856 года⁷³. Параллельно были составлены программы учений для практического освоения моряками ракетного оружия⁷⁴. Именно усилиями командира Петербургского ракетного заведения впервые после завершения работы КОПО удалось

⁷⁰ Положение о С.-Петербургском ракетном заведении. // СПб, 1850, С. 3, 4, 9

⁷¹ Показательная официальная оценка современников: «С. Петербургское ракетное заведение <...> долгое время было мало известно нашим артиллеристам, ограничивая свою деятельность почти исключительно приготовлением ракет для комитетских опытов; только с вступлением в командиры этого заведения генерал-майора Константинова предпринятые им улучшения в устройстве механической части этого заведения и в самом способе выделки ракет дозволили ознакомить артиллерию с этим новым родом оружия, постоянным снабжением ракетами артиллерии Кавказского, Оренбургского и Сибирского корпусов и самым употреблением их в военных действиях». — Краткий обзор преобразованиям по артиллерии с 1856 по 1863 г. // приложение к «Артиллерийскому журналу», 1863, № 4. составлен в штабе генерал-фельдцейхмейстера. С. 56

⁷² *Константинов К. И.* О боевых ракетах. // СПб, типография Эдуарда Веймара, 1864, С. 78. Для примера: по курсу 1857 года ассигнованная на ракетные опыты сумма равнялась 4285 руб. сер. — ЦИИА СПб, Ф. 2281, Оп. 1, Д. 1, Л. 353

⁷³ РГАВМФ, Ф. 162, Оп. 1, Д. 554, Л. 8–8 об.

⁷⁴ РГАВМФ, Ф. 162, Оп. 1, Д. 554, Л. 10–12, 24–28

не только вернуть в реальную повестку дня вопрос о разработке и постановке на вооружения боевых кораблей ракет морского базирования, но и довести её до практического результата⁷⁵.

Наконец, так же К. И. Константиновым была проведена работа по окончательной систематизации и централизации комплексных ракетных разработок в России, начиная от теоретических и практических исследований и заканчивая анализом опыта применения ракетного оружия в боевых условиях. Результатом этого стало — впервые в отечественной истории — выделение ракетного дела в самостоятельное направление как военной промышленности, так и военного дела. 31 августа (12 сентября) 1859 года военный министр Н. О. Сухозанет уведомил генерал-фельдцейхмейстера Михаила Николаевича о состоявшемся повелении Александра II: «Прикомандировать Генерал Майора Константинова ныне же к штабу Вашего Императорского Высочества по управлению генерал-фельдцейхмейстера, с обязанностью заведовать изготовлением и употреблением боевых ракет <...>», причём «С возложением новых обязанностей на Генерал Майора Константинова, ракетное заведение, как ныне существующее, так и предназначенное к устройству вновь, подчинить ему, с отчислением его из под зависимости Инспектора Пороховых Заводов»⁷⁶. Одновременно, в связи с созданием при ШГФ Управления по изготовлению и употреблению боевых ракет и назначением К. И. Константинова его заведующим, командиром Петербургского ракетного заведения был назначен его помощник и ученик подполковник В. В. Нечаев⁷⁷. В том же 1859 году ПРЗ получило статус одной из экспериментальных площадок Временного артиллерийского комитета «по пороховой и лабораторной частям»⁷⁸.

Единственный вопрос, который, по объективным причинам, К. И. Константинову так и не удалось решить, был связан со строительством нового комплекса ПРЗ. Им был подготовлен проект, предусматривавший возведение ряда административных, производственных, складских и жилых зданий для размещения ракетных лабораторий, мастерских, хранилищ, а также воинского подразделения нового типа — ракетной бригады. Однако по целому ряду причин, начиная от отсутствия подходящей для такого комплекса площадки на территории города и даже вблизи столицы, а также обозначившимся прогрессом в деле

---

⁷⁵ Константинов К. И. О боевых ракетах. // СПб, типография Эдуарда Веймара, 1864, С. 67

⁷⁶ РГАВМФ, Ф. 162, Оп. 1, Д. 718, Л. 174

⁷⁷ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 5, Оп. 3, Д. 498, Л. 1–2

⁷⁸ Положение о Временном артиллерийском комитете. // «Артиллерийский журнал», 1859, № 4, отдел официальный, особые распоряжения, С. СХХI

создания нарезной артиллерии, масштабный дорогостоящий проект был отклонён. Разработанный же К. И Константиновым план модернизации ракетного производства лёг в основу создания «наследника» Петербургского ракетного заведения — Ракетного заведения (позднее — завода) в Николаеве, куда весь коллектив ПРЗ был окончательно переведён в течение 1864 года⁷⁹.

Подводя некоторые итоги «петербургского» периода в истории отечественного ракетостроения, стоит, пожалуй, прежде всего отметить, что развитие этой отрасли — в отличие от других отраслей военной (оружейной) промышленности⁸⁰, изначально пошло по пути, близкому к тому, по которому в дальнейшем развивались как традиционные сферы ВПК (ОПК), так и появившиеся новые направления. Здесь практически с самого начала были выделены, говоря современным языком, головная организация и ответственные за состояние всей отрасли лица — соответственно Петербургское ракетное заведение и его руководители, причём ПРЗ буквально с момента своего появления было определено единым производственным, опытно-конструкторским и научно-техническим центром по своей тематике (пусть в рассматриваемое время такой терминологии ещё не было, но смысл ставившихся перед ПРЗ задач и самой его деятельности, отражённые в находящихся в нашем распоряжении документах, дают основание пользоваться ею применительно к событиям полутора- и двухвековой давности). Ничего подобного в таких традиционных отраслях военной промышленности, как производство холодного и огнестрельного ручного оружия, артиллерии, порохов и боеприпасов в России вплоть до 20 столетия не было. И в этом плане опыт и пример ПРЗ, как первого в России центра зарождающейся наукоёмкой отрасли ВПК (ОПК) можно без натяжки и преувеличения считать уникальным.

Список литературы

- Константинов К. И.* О боевых ракетах. // СПб, типография Эдуарда Веймара, 1864.
Мазинг Г. Ю. Карл Андреевич Шильдер. — М., «Наука», 1989.
Мазинг Г. Ю., Качур П. И. Константин Иванович Константинов. — М., «Наука», 1995.
Платов А. С., Кирпичёв Л. Л. Исторический очерк образования и развития Артиллерийского Училища. 1820–1870. СПб, Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1870.
Положение о С.-Петербургском ракетном заведении. — СПб/, 1850.
Сокольский В. Н. Ракеты на твёрдом топливе в России. — М. Изд. АН СССР, 1963.

⁷⁹ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 3, Оп. 24/3, Д. 459, Л. 108–110 об.

⁸⁰ Применительно к которой, как синонимы, используются два сокращения — военно-промышленный комплекс (ВПК) и оборонно-промышленный комплекс (ОПК). — ВХ.

Сонкин М. Е. Русская ракетная артиллерия. Исторические очерки. Издание 2-е. М., Военное издательство Военного Министерства Союза ССР, 1952.

Winter Frank H. The first Golden Age of Rocketry. Smithsonian Institution Press. Washington and London. 1990.

Автор благодарит А. А. Костина за помощь биографической информацией об А. Х. Чеботарёве, оказанную при работе над данной статьёй.

Vladimir Igorevitch KHOZIKOV

Independent Scholar (St. Petersburg, Russia)

E-mail: vkhozikov@mail.ru

St Petersburg rocket institution in the system of development and production of missile weapons in the Russian Empire (1811–1864)

The article examines the organization of the development and production of rocket weapons in the Russian Empire in 1811–1864, at the first stage of the history of Russian rocketry, and traces the separation of Russian rocket science into an independent direction within the military Department. Special attention is paid to the St. Petersburg rocket Institute, Russia's first production and research center in the field of missile weapons, its organizers and managers.

Keywords: St Petersburg Rocket Institute, Russian rocketry, gunpowder rocket, rocket weapon, Konstantin Ivanovitch Konstantinov, Piotr Andreevitch Kozen, Thomas Turner, military industry, war industry, defense industry, arms industry.

УДК 94 (47).08

ББК 63.3 (2) 5

Михаил Борисович БАШМАКОВ

кандидат исторических наук, методист музея 1-й категории просветительского сектора отдела образовательных и просветительских программ, Московский государственный объединённый художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник (Коломенское, Измайлово)

E-mail: mikhailbashmakov@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ 2-ГО УЧЕБНОГО КАРАБИНЕРНОГО ПОЛКА (СЕР. XIX В.)

В статье говорится об истории 2-го Учебного карабинерного полка. Хронологические рамки статьи связаны с серединой XIX в., а географические границы охватывают историческую территорию района Лефортова, расположенную в Юго-Восточном административном округе г. Москвы. В статье рассматривается только первоначальный этап строительства комплекса зданий и благоустройства жилых и хозяйственных помещений в Покровских, Екатерининских и Красных казармах для 2-го Учебного карабинерного полка. Приводится развёрнутая историография и наиболее полный список архивных источников, связанных с историей становления и развития этого военно-учебного заведения подведомственного Департаменту военных поселений.

Ключевые слова: 2-й учебный карабинерный полк, 3-й и 4-й неранжированные батальоны военных кантонистов, Красные казармы, Екатерининские казармы, Лефортово.

В XIX веке на территории района Лефортово были построены здания казарм, которые предназначались для размещения военных формирований, среди которых отдельное здание было отведено для 3 и 4 батальонов военных кантонистов 2-го Учебного Карабинерного полка им. фельд-маршала Баркляя де Толли.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы описать и проанализировать историю размещения батальонов военных кантонистов 2-го Учебного карабинерного полка в Лефортове, в рассматриваемый период времени¹. Для решения поставленной цели была определена следующая задача — выявить, описать историю создания казарменных

---

¹ Согласно сведениям «кантонисты» — малолетние и несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов, принадлежавшие к военному званию и в силу своего происхождения обязанные служить в Вооружённых Силах России. Это название относилось и к финским, цыганским, польским, еврейским детям-рекрутам с 1827 года. При императоре Николае I кантонистские заведения обеспечивали комплектование ВС России строевыми унтер-офицерами, музыкантами, топографами, кондукторами, чертежниками, аудиторами, писарями и всякими мастеровым». [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кантонисты>

зданий и благоустройства территории для 2-го Учебного Карабинерного полка, в рассматриваемый период времени.

Раскрыть тему данного исследования позволил ряд архивных документов, находящихся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального хранилища документов до 1917 г. (ЦХД до 1917 г.) и Российского государственного архива научно-технической документации г. Москвы (РГАНТД)². Благодаря этим

² РГАДА Ф. 1239. Оп. 3. Д. 7472. О передаче флигелей и Конюшенного двора Слободского дворца под казармы 2 Учебного Карабинерного полка, 1827 г.; Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 726. Делю по отношению директора Комиссии для строений в Москве о собрании справок о земле Андроньевского луга, 1836 г.; Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 7468. О посылке московскому коменданту планов флигелей Конюшенного двора вблизи Красных казарм, 1826 г.; Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 7472. О передаче флигелей и Конюшенного двора Слободского дворца под казармы 2 Учебного Карабинерного полка, 1827 г.; РГВИА. Ф. 349. Оп. 19. Д. 3955. План зданий кадетского конуса и Карабинерного полка, 1855 г.; Там же. Ф. 349. Оп. 19. Д. 3957. План расположения зданий Кадетских корпусов и 2 Учебного Стрелкового полка, 1856 г.; Там же. Ф. 405. Оп. 2. Д. 11472. О посещении Николаем I 2-го Учебного карабинерного полка, о замечаниях, нечистоте и неопрятности в казармах полка. Красные казармы в Москве, 1834 г.; Там же. Оп. 2. Д. 1669. Дело об ассигновании денежных сумм на перестройку Екатерининских и Красных казарм в г. Москве для помещения 2-го Учебного карабинерного полка. 1-й стол. Отделение Военно-учебных заведений; Там же. Д. 4724. Об исключении из 2-го Учебного карабинерного полка нижних чинов и кантонистов, негодных к службе; списки кантонистов с указанием болезней; Там же. Д. 7542. Переписка о земельном участке и деревянных строениях, назначенных по высочайшему повелению для казарм 2-го Учебного карабинерного полка, против Слободского дворца в Москве на берегу р. Яузе; Там же. Д. 7891. Переписка о назначении смотрителя для казарм, занимаемых 2-м Учебным карабинерным полком в Москве, правила и указ по содержанию казарм; Там же. Д. 9553. Об отпуске суммы их капитала батальонов на ремонтное содержание казарм 2-го Учебного карабинерного полка в г. Москве на отопление и освещение; Там же. Оп. 5. Д. 11539. Донесения о больных нижних чинах и кантонистов 2-го Учебного карабинерного полка 8 февраля 1849 году — 13 января 1850 года; Там же. Д. 11618. Об инспекторском смотре командиром 2-го учебного карабинерного полка Московской мастерской команды военных последних. 20 октября 1849 года. 14 февраля 1850 года; Там же. Д. 119. По представлению генерал-лейтенанта Фролова, о появившейся между кантонистами неранжированного батальона 2-го Учебного Карабинерного полка болезни кори; Там же. Д. 12227. О постройке кроватей для вновь сформированного 3-й батальона 2-го Учебного карабинерного полка; Там же. Д. 12343. О производстве торгов на поставку во 2-1 Учебный карабинерный полк дров и осветительных припасов и на производство работ казармах в 1851 году; Там же. Д. 12364. Об инспекторском смотре командиром 2-го Учебного карабинерного полка Московской мастерской команды военных поселений; Там же. Д. 13098. По отношению Его Высочества главного Начальника Военно-учебных заведений о приобретении для 1-го Московского кадетского корпуса земли, принадлежащей графу Шувалову; Там же. 13796. По представлению Инспектора учебных карабинерных полков, об отдаче под огороды для нижних чинов строевых батальонов

2-го Учебного Карабинерного полка пустопорожней земли 17 десятин 109 квадратных сажень состоящей около Анненгофской рощи; Там же. Д. 13866. О производстве торгов на поставку во 2-й Учебный Карабинерный полк дров и осветительных припасов и на производство разных работ при казармах в 1853 году; Там же. Д. 13869. По отношению Строительного отделения сего Департамента относительно ремонта и передачи дома кантонистов 2-го Учебного Карабинерного полка; Там же. Д. 16447. По предоставлению инспектора учебных Карабинерных полков, о помещении в Аннегофской роще в палатках 112 человек больных нижних чинов и кантонистов 2-го Учебного Карабинерного полка; Там же. 16506. По предоставлению инспектора учебных карабинерных полков, о высылке учебных пособий во 2-й учебный карабинерный полк; Там же. Д. 18061. По отношению Его Императорского Высочества Главного Начальника Военно-учебных заведений о помещении в казармах 2-го Учебного Карабинерного полка Александровского-Брестского кадетского корпуса; Там же. Д. 18075. По отношению Инспекторского Департамента Военного Министерства, о предоставлении 1-му и 2-му Московским кадетским корпусам права пользоваться, при обучении воспитанников, манежем 2-го Учебного Карабинерного полка; Там же. Д. 18081. По предоставлению Инспектора Учебных Карабинерных полков об отдаче, в арендное содержание огородной земли, принадлежащей 2-му Учебному Карабинерному полку в 1855 году; Там же. Д. 5450. По отношению Исполнительного отделения сего Департамента, о перемещении кантонистов 2-го Учебного Карабинерного полка из Лефортовского Дворца в Хорошёвские казармы и окрестные деревни; Там же. Д. 6506. По Высочайшему повелению о постройке летнего помещения для больных 2-го Учебного Карабинерного полка и неспособных нижних чинов; Там же. Д. 8989. По отношению Министерства Внутренних дел об обращении в городские доходы денег получаемых об отдании внаём, лавок в казармах, принадлежащих 2-му Учебному Карабинерному полку; Там же. Оп. 5. Т. 3. Д. 12611. Об исключении учителей 2-го Учебного карабинерного полка унтер-офицеров Виктора Левина и Павла Кочеткова из полка с разжалованием в рядовые за пьянство; Там же. Д. 13017. Об оставлении 2-го Учебного карабинерного полка в лагере 1 и 2 батальонов 3-го Учебного карабинерного полка; Там же. Д. 13018. О производстве торгов на поставку во 2-й Учебный карабинерный полк дров и осветительных приборов и на производство разных работ при казармах в 1852 году. Планы казарм; Там же. Д. 13036. Об инспекторском смотре командиром 2-го Учебного карабинерного полка Московской мастеровой команды Военных поселений. 30 ноября 1851 года; Там же. Д. 13038-а. Формулярные списки генералов штаб и обер-офицеров классных чиновников и нижних чинов 2-го Учебного карабинерного полка; Там же. Д. 13288. О награждении командира 2-го Учебного карабинерного полка полковника графа Ребиндера за выслугу лет; Там же. 13722. О больных нижних чинах и кантонистах за 1852 год. Неранжированных батальонов учебных карабинерных полков 2-го Учебного карабинерного полка; Там же. Д. 13796. Об отдаче под огороды для нижних чинов строевых батальонов 2-го учебного карабинерного полка земли, находящихся около Анненгофской рощи; Там же. Д. 13839. О выводе из казарм больных нижних чинов и кантонистов 2-го Учебного карабинерного полка на лето для лечения на чистый воздух в Анненгофскую рощу; Там же. Д. 13866. О производстве торгов на поставку во 2-ой Учебной карабинерный полк дров и осветительных припасов и на производство разных работ при казармах в 1853 году. Планы этажей казарм 2-го Учебного карабинерного полка; Там же. Д. 13869. О ремонте и продаже дома, принадлежавшего кантонистов неранжированного батальона 2 Учебного карабинерного полка; Там же. Д. 13894. Об отдаче в аренду огородной земли, принадлежащей Неранжированному 2-му Учебному карабинерному

полку; Там же. Д. 13925. О поставке в строевые батальоны и музыкальную роту 2-го Учебного карабинерного полка съестных и других припасов в 1853 году; Там же. Д. 14208. О назначении майора Гернера командующим Неранжированным батальоном 2-го Учебного карабинерного полка; Там же. Д. 14283. О назначении 2-ой Учебный карабинерный полк для несения караулов в Москве в лагерное время; Там же. Д. 14320. О порядке приёма и содержание во 2-ом Учебном карабинерном полку нижних чинов уроженцев царства Польского; Там же. Оп. 5. Т. 5. Д. 16466. О поставке во 2-ой Учебный карабинерный полк съестных припасов для строевых батальонов и музыкальной роты в 1854 году; Там же. Д. 16477. О помещении в Анненгофской роще в палатах батальонных нижних чинов и кантонистов 2-го Учебного карабинерного полка; Там же. Д. 16506. О высылке учебных пособий во 2-й Учебный карабинерный полк; Там же. Д. 18019. О перевозке припасов и вещей для 3-х строевых батальонов 2-го учебного карабинерного полка по железной дороге из Москвы в Петербург. Положение о перевозке 3-го и 4-го Учебного карабинерного полка, П-М железной дороге; Там же. Д. 18021. О числе рядовых, прибывших в Санкт-Петербург из 3-х строевых батальонах 2-го Учебного карабинерного полка; Там же. Д. 18061. О помещении в казармах 2-го Учебного карабинерного полка Александровского Брестского корпуса; Там же. Д. 18075. О предоставлении 1 и 2 Московским кадетским корпусам права пользоваться при обучении воспитанников верховой езде манеже 2-го Учебного карабинерного полка; Там же. Д. 18081. Об отдаче в аренду огородной земли, принадлежащей 2-му Учебному карабинерному полку в 1855 году; Там же. Д. 19223. Об устройстве площадки при лагерном расположении 2-го учебного карабинерного полка для производства на ней смотров и учений; Там же. Д. 19242. Об отдаче в аренду огородной земли, принадлежащей 2-му Учебному карабинерному полку; Там же. Д. 19250. О поставке съестных и других припасов для строевых батальонов 2-го Учебного карабинерного полка в 1856 году; Там же. Д. 19298. Месячные рапорты о состоянии батальонов полубатальонов и рот военных кантонистов, мастеровых команд, учебных карабинерных полков и поселенных войск 2-го Учебного карабинерного полка; Там же. Оп. 7. Д. 1238. Об учреждении в г. Москве 2 Московского кадетского корпуса и о помещении оною в здании, занимаемом ныне неранжированным батальоном 2 УКП, 1837–1841 гг.; Там же. Д. 1247. Переписка с московским генерал-губернатором кн. Голицыным об отпуске денег на очистку и засыпку прудов при Екатерининских казармах, принадлежащих Московскому кадетскому корпусу и 2 Учебному карабинерному полку, 1836–1851 гг.; Там же. Д. 1570. Об устройстве умывальников в здании неранжированной роты 2 Московского кадетского корпуса, 1850–1853 гг.; Там же. Д. 2276. Дело о положении ремонтной суммы для дома, построенного для Московского Военно-Сиротского отделения (что ныне 2 Учебный Карабинерный полк), постройки вновь прачечной и сушильни, исправления каменного корпуса прежде бывшего Покровского дворца и прочих строений, оному полку принадлежащих, 1825–1827 гг.; Там же. Д. 2345. О ремонтном исправлении, отоплении и освещении казарм, занимаемых 2 Учебным Карабинерным полком, 1832–1835 гг.; Там же. Д. 649. Дело об учреждении кадетских корпусов в Москве и о перестройке помещений Лефортовского дворца для неранжированного батальона 2-го Учебного карабинерного полка, в связи с передачей этого батальона 2-го кадетского корпуса; Там же. Д. 649. Об учреждении в г. Москве 2 Кадетского корпуса и помещении оною в здании, занимаемом ныне неранжированным батальоном 2 Учебного Карабинерного Полка, 1837–1841 гг.; Там же. Оп. 7. Ч. 1. Д. 1288. Об устройстве зданий для неранжированного батальона 2 Учебного карабинерного полка в Москве, 1839-1840 гг.; Там же. Ч. 3. Д. 1290. О постройке зданий для неранжированного батальона 2 Учебного карабинер-

документам представляется возможным уточнить и обобщить сведения по истории размещения батальонов военных кантонистов 2-го Учебного Карабинерного полка на исторической территории современного московского района Лефортово.

В частности, это материалы, находящиеся на хранении в фондах РГВИА, а именно: 1–4-го стола 5-й описи томов 1–5 (Отделение военно-учебных заведений) и 7-й описи (Отделения: искусственное, проектов и смет, исполнительное, строительное) 405 фонда (Департамент военных поселений — ДВП), который содержит важную информацию о 2-м Учебном Карабинерном полке и 3–4-м неранжированным батальонам военных кантонистов, которые размещались в Екатерининских и Красных казармах. Материалы — по истории 2-го Учебного Карабинерного полка и 3–4-го неранжированных батальонов военных кантонистов по своему типу и характеру охватывают практически весь период XIX века, а также содержат огромный и разнообразный спектр информации, относящейся к внешнему и внутреннему управлению и устройству этого военно-учебного заведения. В них хранятся сведения о посещениях инспектирующими лицами (ежемесячными и ежегодными инспекторскими смотрами), о количественном и качественном комплектовании кантонистами этого

ного полка, 1812–1850 гг.; Там же. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2986. О назначении состоявшего введении Московского Кадетского корпуса пустопорожнего места, под постройку здания для помещения 3-го батальона 2-го Учебного Карабинерного полка; Там же. Д. 3008. О формировании в г. Москве другого Кадетского корпуса, с наименованием вторым, а существующим ныне первым Московским кадетским корпусом; Там же. Оп. 56. Т. 1. Д. 1207. О позволении по Высочайшему повелению 1-му Московскому кадетскому корпусу пребыть для обмундирования воспитанников, портных и сапожников из 2-го Учебного карабинерного полка, 1834 г.; Там же. Т. 4. Д. 465. О дозволении по Высочайшему повелению, 1-му Московского кадетского корпуса пребыть для обмундирования воспитанников нижних чинов, портных и сапожников, из 2-го Учебного карабинерного полка; Там же. Т. 5. Д. 2986. О назначении состоявшего введении Московского кадетского корпуса пустопорожнего места под постройку здания для помещения 3-го батальона 2-го Учебного карабинерного полка, 1837 г.; ЦНТД г. Москвы. Лефортовская часть 1910 г. ч. 3. 1160/910, 1155/912–2 Учебный карабинерный полк; ЦХД до 1917 г. ЦХД до 1917 г. Ф. 14. Оп. 5. Д. 684. Дело о перестройке Красных казарм, 1837 г.; Там же. Оп. 8. Д. 72. О даче подряда па постройку бани для Военно-Сиротского отделения (с планом). Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 726. Депо по отношению директора Комиссии для строений в Москве о собрании справок о земле Андроньевского дуга, 1836 г.; Там же. Ф. 2249. Оп. 1. Д. 143. Управление Московскими водопроводами. Дело о проведении водопровода проведения часть Замоскворечье кадетский корпус и о переустройстве бассейнов №№ 44 и 45 села Большие Мытищи; Там же. Д. 19. Управление Московскими водопроводами. Материалы о снабжении чистой водой зданий Московских кадетских корпусов, Военного Госпиталя и Карабинерных казарм, а также по устройству плотины через р. Язузу; Там же. Оп. 8. Д. 72. О даче подряда па постройку бани для Военно-Сиротского отделения (с планом).

полка и выпуск в армию уже подготовленных нижних чинов, а также распределение неспособных кантонистов по иным военным учреждениям. Также в этих документах содержатся приказы, годовые отчёты и месячные рапорты о состоянии 2-го Учебного Карабинерного полка и 3-м и 4-м батальонов военных кантонистов, а также о мастеровых командах военных поселений, полубатальонов и рот военных кантонистов, мастеровых команд, располагавшихся в Лефортове в рассматриваемый период времени. В Центральном архиве научно-технической документации Москвы (ЦАНТДМ) сохранились документы по Строительному отделению Московской городской Управы (1802–1925 гг.), которые относятся к частной застройке Москвы, они позволяют проследить историю строительства как хозяйственных, так и жилых зданий, разрешения на застройку и перестройку частных и государственных владений, планы земельных участков, фасады, разрезы и подлинные автографы владельцев и архитекторов. Среди них имеется ряд документов, относящихся к Лефортовской части до 1910 г., в частности, это здания 2-го Учебного Карабинерного полка. При работе над темой анализу также привлекались государственные документы, в которых отражены нормативные требования, определяющие формирование и развитие военной среды в Лефортове. К этой группе относятся официальная документация и нормативные акты документы официального делопроизводства: Полный Свод Законов Российской империи и Свод Военных Постановлений, которые стали информационным дополнением для темы данного исследования. В данных документах содержатся военные постановления, нормативно-правовые акты и правила для военных формирований и учреждений, расположенных в районе Лефортово, а именно, 2-го Учебного Карабинерного полка. В них говорится о времени, условиях создания этого военного формирования, а некоторые сведения частично касаются процентного соотношения социального, национального и профессионального состава, штата комплектования, численности личного состава офицеров, солдат, нижних военных чинов и воспитанников данного заведения, а также географии, топонимики и гидрографии территории их размещения. В них косвенно приводятся данные, касающиеся воспитательного процесса, учебного плана, материально-технического обеспечения, в приложении отражены строительные схемы и проекты, планы казарменных зданий, их жилых и хозяйственных помещений, которые были утверждены межведомственными комиссиями.

Важно также отметить, что в исследовании были проанализированы и обобщены исторические сведения, содержащиеся в опубликованной литературе³, на основе которых представилось возможным произвести

---

³ Науменко Г. И., Приходько А. А. Историко-архитектурные исследования домовладения. Объект: «Сторожка 1-го Московского кадетского корпуса, нач. XX в.».

всесторонний исторический анализ и сделать обобщающий вывод и заключение.

Итак, первые сведения об истории создания батальонов 2-го Учебно-карабинерного полка находятся в Полном Своде Законов Российской

Адрес: Красноказарменная ул., д. 3–3 А. квартал № 1860. ЮВА ТУ «Лефортово», Москва 2005. — 303 с.; Ведомость справок о судимости [Текст] / М-во юстиции. — Санкт-Петербург: Тип. Правительствующего Сената, 1870–1929. кн. 6. — 1875. — 297 с.; *Висковатов А. В.* Хроника российской императорской армии, составленная по выс. повелению: Санкт-Петербург: Воен. тип., 1852. Ч. 2: [Гренадерский корпус с 7-ю легкой кавалерийскою дивизиею, саперные батальоны и учебные карабинерные полки]. — 1852. — 251 с.; Высочайшие приказы за 1841 г. с 1 июля по 31 дек. — СПб., 1841. — 255 с.; *Нистрем К. М.* Московский адрес-календарь, для жителей Москвы / Сост. по офиц. док. и сведениям К. Нистремом. Т. 1–4. — М.: тип. С. Селивановского, 1842. — 4 т.; 24 см. Лица официальные. — [4], 136, 318, 10 с.; *Нистрем К. М.* Адрес-календарь жителей Москвы / составлен по официальным сведениям и документам К. Нистремом. В пользу московских детских приютов. [В 2 ч.] Ч. 1–2. М.: В Университетской тип., 1851. Ч. 1: Календарь чиновников служащих. — 576 с.; *Пассек В. В.* Московская справочная книжка, изданная Вадимом Пассеком, действительным членом Общества истории и древностей российских и правителем дел Московского статистического комитета: При книжке приложены: гербы всех городов Моск. губ., план Москвы, подробный план Кремля, карта Губернии, пожарные знаки, вид Москвы в прошедшем веке и вид Останкина. — Москва: тип. А. Семена при Медико-хирург. акад., 1842. — 421 с.; Россия. Военное министерство. [Высочайшие приказы о чинах военных] ... [Текст]. — [Санкт-Петербург]: [б. и.], [1806-]. 1855 г., с 1 апреля по 30 июня [Текст]. — [1855]. — [189] л.; Столетие Военного министерства. 1802–1902 / Гл. ред., ген. от кавалерии Д. А. Скалон. — Санкт-Петербург: тип. т-ва М. О. Вольф, 1902–1914. Т. 3, отд. 5: Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии Военного министерства с 1802 до 1902 г. включительно / Сост. подполк. Н. М. Затворницкий. — 1909. — 952 с.; Стрелковые части [Текст]: справочная книжка Императорской Главной квартиры: по 10-е февраля 1910 г. / испр. и доп. под ред. В. К. Шенка. — [Репр. изд. 1910 года]. — Москва: В. Секачев, [2015?]. — 101 с.; Стрелковые части: Справочная книжка Императорской Главной квартиры: исправленная и дополненная под редакцией В. К. Шенк по 10-е февраля 1910 г. — 2-е изд. — [СПб.: тип. В. Д. Смирнова, 1910]. — 101 с.; *Трегубов М. И.* Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии: с указанием важнейших документов, находящихся в делах о дворянстве разных фамилий Архива Владимир. дворян. депутат. собр. / Сост. секр. дворянства М. И. Трегубов под ред. и с предисл. А. В. Селиванова. — Владимир губернский: тип. Владимирск. губ. правл., 1905. — 256 с.; Учебный карабинерный полк. Штат и табель 2-го Учебного карабинерного полка. — Санкт-Петербург: тип. Глав. штаба е. и. вел. по военному поселению, 1827. — 101 с.; Фонд Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 053. Висковатов Александр Васильевич: архивный фонд, Генерал-майор, военный историк. 1790–1873. — 254 ед. хр.; *Чернопятов В. А.* Несколько родственных фамилий XVIII и XIX стол.: Браше, Ержемские, Крубер, Лазовские, Ловейко, Рюдигер, Шлиппе / В. Чернопятов. — [Москва], 1909. — 43 с.; *Штейнфельд В.* Настольный хронологический указатель постановлений, относящихся до устройства военно-сухопутных сил России 1550 до 1890. — СПб., 1890. — 260 с.

империи, где в именном приказе от Начальника Главного Штаба говорится, что 22 октября 1826 года

...Государь Император Высочайше повелеть соизволил: сформировать 2-й Учебный Карабинерный полк из трёх батальонов, а именно: 1, 2 и 3 или неранжированно батальона ...⁴

В соответствии с данным приказом наименование Московского Военно-Сиротского Отделения упразднялось, а из него было велено сформировать два строевых (2-й и 3-й) батальона 2-го Учебного Карабинерного полка. По штатному расписанию 2-му и 1-му батальонам предписывалось состоять из 1000 человек, а 3-й мог иметь неопределённое число кантонистов. Цель создания 1-го батальона заключалась в снабжении армии (а именно — 2-го и 3-го пехотных полков) опытными фельдфебелями, унтер-офицерами, барабанщиками, горнистами и флейщиками, а также для несения караульной службы в Москве, цель создания 2-го батальона состояла в комплектовании 1-го батальона, а 3-го или неранжированного батальона, в пополнении 2-го батальона. Кантонисты 1-го и 2-го батальонов не несли караульной службы, но обучались фронтовой службе, а в отношении образования и содержания находились в том же положении, что и кантонисты Военно-Сиротских отделений. В летнее же время, 2-й и 1-й батальоны вместе выходили в полевой лагерь. 1-й батальон комплектовался из кантонистов, достигших 18-ти лет, 2-й батальон формировался из кантонистов, достигших 15-ти летнего возраста, а в 3-й батальон определялись все остальные, имевшие возраст менее 15-ти лет. Необходимо отметить, что детей дворянского происхождения было велено распределять в Дворянский полк или в Московский кадетский корпус. В отношении управления полк находился в подчинении у Начальника Главного Штаба Его Императорского Величества, но все донесения на его имя предоставлялись через Начальника Штаба Военных Поселений. Необходимо отметить, что 1-й батальон 2-го Учебного Карабинерного полка размещался в Красных казармах, а 2-й и 3-й в здании Московского Военно-Сиротского отделения, которое находилось в Покровских казармах⁵.

После Отечественной войны 1812 года в районе Лефортово, в некоторых зданиях и помещениях (Екатерининских, Лефортовских, Красных и Госпитальных казарм) были произведены капитальные строительные

---

⁴ ПСЗРИ. Собрание (1825–1881): Том 1 (12 декабря 1825–1826): Закон № 633 «О формировании 2-го Учебного Карабинерного полка». С. 1071.

⁵ ПСЗРИ. Собрание (1825–1881): Том 10 (1835): Часть 1: Закон № 8009 «О формировании из Ярославского батальонов военных кантонистов 3-го Учебного Карабинерного полка». С. 286–287; Там же. Том 1 (12 декабря 1825–1826): Закон № 633 «О формировании 2-го Учебного Карабинерного полка». С. 1071–1072.

ремонтно-восстановительные работы. Все здания, дорожно-транспортная и инженерная инфраструктуры, а также водно-дренажная коммуникация были полностью восстановлены, а местами частично модернизированы. В послевоенный период времени в этих зданиях разместились ученики, солдаты, офицеры и нижние военные чины 2-го Учебного карабинерного полка, 3 и 4 неранжированного батальонов военных кантонистов Военно-сиротского отделения и других военных организаций. Именно для них был частично переоборудован комплекс жилых, учебных и хозяйственных строений и помещений, которые были выстроены до начала Отечественной войны 1812 г. Военно-сиротское отделение, которое впоследствии было преобразовано в 3 и 4 неранжированные батальоны военных кантонистов 2-го Учебного карабинерного полка, по своей комплектации сильно отличался от среднеобразовательных военно-учебных заведений, так как в него поступали дети преимущественно из низшего сословия. На основании постепенно издающихся постановлений, в такие школы-батальоны направлялись сыновья бедных жителей Финляндии и цыган, там кочевавших; польских мятежников; шляхтичей, не доказавших своё дворянство; раскольников; беспризорных детей, и малолетних евреев-рекрутов.

Однако обратимся к вопросу, связанному с организацией размещения батальонов 2-го Учебного карабинерного полка в помещениях Покровских, Красных и Екатерининских казарм. Рассмотрим и проанализируем условия строительства и строительно-планировочные особенности казарм.

Первые сведения об этом встречаются в ряде архивных документов, в которых говорится, что 29 сентября 1825 года из Дворцового в Военное ведомство передали здание Покровского дворца, а также примыкавшую к нему территорию сада. Это было сделано той целью, чтобы одновременно разместить в нем 200 человек кантонистов, которые были младшего возраста или слабые здоровьем. Строительные работы по обустройству помещений Покровского дворца запланировали на начало 1827 года. По распоряжению московского коменданта генерал-майора Веревкина из Комиссии для строений для этих работ был направлен архитектор В. А. Балашев и его помощник — О. И. Бове⁶.

После дополнительных работ по благоустройству Покровского дворца и прилегающей территории, в нем разместили кантонисты неранжированного батальона, а в

...Екатерининских казармах оставить 1000 человек и расположить музыкантскую и барабанщичью роты, всего 300 человек и офицерские квартиры неранжированного батальона ...⁷

⁶ Науменко Г. И., Приходько А. А. Указ. соч. С. 71.

⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 7468. «О посылке московскому коменданту планов и флигелей Конюшенного двора вблизи Красных казарм», 1826 г., на 28 л.; Д. 7472. «О пе-

Ил. 1. Покровские казармы в 1910-х годах. Фото из «Альбома зданий, принадлежащих Московскому Городскому Общественному Управлению». Т. 1. С. 192.

Аналогично первому, генерал-майором Веревкиным было предложено, южные служебные корпуса, а также эскерциргауз (манеж) Екатерининского дворца, передать от Дворцовой конторы Военному ведомству, для обустройства казарм 2-го Учебного Карабинерного полка, так как этот комплекс зданий утратил дворцовое назначение⁸.

... по воле начальника Штаба военных поселений Начальник отделения по военно-сиротской части имеет честь препроводить при сем во временный строительный комитет, учрежденный при Штабе военных поселений копию с плана земель, уступленной из ведомства кремлевской экспедиции Московскому военно-сиротскому отделению для разведения огорода, на основании оставшегося оном Высочайше утвержденного в 17-тый день января сего года положения комитета г.г. министров...⁹

редаче флигелей и Конюшенного двора Слободского дворца под казармы 2 Учебного Карабинерного полка». 1827 г., на 9 л.

⁸ РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 2276. «Дело о положении ремонтной суммы для дома, построенного для Московского военно-сиротского отделения, что ныне 2-й Учебный Карабинерный полк, постройки вновь прачечной и сушильни, исправления Корпуса прежде бывшего Покровского дворца и прочих строений оному полку принадлежащих. Дело об ассигновании денег на ремонт бывшего Покровского дворца и других помещений, принадлежащих 2-му Учебному Карабинерному полку». Начато 14 января 1825 года. Решено 17 ноября 1827 г. на 52 л. Л. 1.

⁹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 2276. Л. 2.

Ил. 2. Вид корпуса

В 1826 году генерал-лейтенант Веревкин получил планы флигелей Конюшенного двора, для разработки предложений по размещению батальонов 2-го Учебного Карабинерного полка. В 1827 году было принято решение передать строения Конюшенного двора, примыкавшего к зданию Екатерининского дворца, для размещения инвалидов Ведомства Кремлевской экспедиции, которые охраняли здание Слободского дворца и несли караульную службу при оранжереях.

В исследовании Науменко Г. И., Приходько А. А.¹⁰ говорится, что в планах землемера Степанова также была зафиксирована, начавшаяся в 1826 году, перестройка казарм служебных корпусов Екатерининского дворца. На нем изображено четыре северных корпуса, которые были объединены в единый строительный комплекс. Между ними были сделаны двухэтажные каменные встройки с проездными арками, а также были объединены в одно большое казарменное здание постройки бывшего Конюшенного двора. Для этого были построены новые корпуса и снесён одноэтажный длинный восточный корпус.

Все строительные работы, производимые 1823–1826 гг. по благоустройству Екатерининского дворца и Красных казарм, а также другие работы по устройству зданий для 2-го Учебного Карабинерного полка, выполняла Комиссия для строений Москвы, а средства для этого со-

¹⁰ Науменко Г. И., Приходько А. А. Указ. соч. С. 74.

бирала Городская дума с населения столицы. Однако, впоследствии, финансовые расходы, по высочайшему указу «*О передаче Московских казарм*» от 17 июля 1832 года были возложены на Временный Департамент военных поселений¹¹. В последствии, в 1829 году, для перестройки Екатерининских и Красных казарм, был создан специальный Комитет, который с 15 декабря 1834 по 1 февраля 1838 года возглавил В. А. Балашов¹². В архивных документах говорится, что по Высочайшему указанию на переустройство Красных казарм было велено заимствовать 624 632 рубля из экономического капитала батальонов военных кантонистов и произвести в течение 6 лет работы, начиная с 1830 года¹³.

Важно отметить, что в апреле 1827 г., император Николай I лично утвердил планы по переустройству зданий Красных казарм, а также разрезы и фасады перестраиваемых зданий и семь частей смет¹⁴.

В корпусах же Красных казарм планировалось разместить одновременно весь личный состав 2-го Учебного карабинерного полка, так как

...людям 2 батальона ближе было ходить в классы, устроенные в Екатерининских казармах...¹⁵

Было также решено разместить в северных служебных корпусах, штаб и обер-офицеров 2-го батальона с офицерами 1-го батальона

...с надстройкою одного этажа и новой пристройкою, обратить в казармы для 700 человек нижних чинов, а среднюю часть отделать для экзерциргауза, который так же нужен по отдаленности Красных казарм от экзерциргауза, в Кремле имеющегося...¹⁶

---

¹¹ Там же. С. 74–75.

¹² «... Членами его стали Московский бак-адъютант, инженер-подполковник Семенов, командир 2-го Учебного Карабинерного Полка, архитектор по выбору московского военного губернатора и еще один чиновник тоже по его выбору. Архитектором-строителем с 3 января 1830 по 1 августа 1834 года был М. В. Горлицын. В апреле 1831 г. ему была поручена перестройка Екатерининских и Красных казарм в Москве ...». Науменко Г. И., Приходько А. А. Указ. соч. С. 74.

¹³ РГВИА. Ф. 405. Оп. 427. «*О упразднении бывшего в Москве Комитета для перестройки Екатерининских и Красных казарм и о возложении окончательной отделки оных казарм на Строительный комитет 1-го Корпуса инженеров военных поселений*», 1837–1838 гг., на 358 л. Лл. 1, 6.

¹⁴ Как пишется в исследовании, что вероятнее всего автором проекта был О. И. Бове, и лишь в 1830 г. его сменил В. П. Стасов. Науменко Г. И., Приходько А. А. Указ. соч. С. 74.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 7468. «*О посылке московскому коменданту планов и флигелей Конюшенного двора вблизи Красных казарм*», 1826 г., на 28 л.; Д. 7472. «*О передаче флигелей и Конюшенного двора Слободского дворца под казармы 2 Учебного Карабинерного полка*». 1827 г., на 9 л.

¹⁶ Науменко Г. И., Приходько А. А. Указ. соч. С. 73.

В строениях Красных казарм, которые были заняты 2-м Учебным карабинерным полком, в 1827 году было запланировано произвести некоторые строительные работы и сделать к ним дополнительные пристройки. В тот же год была произведена по описи передача служб Екатерининского дворца¹⁷.

Необходимо отметить, что пока производились строительные работы здания самого Екатерининского дворца, то северные его службы продолжали использоваться под помещения квартир и казарм 2-го Учебного Карабинерного полка¹⁸.

Как следует из архивных документов, передача казарм Временному Департаменту военных поселений проходила на протяжении трёх лет, с 1834–1837 гг. Для этого был организован Первый округ инженеров военных поселений, который с 1836–1837 гг. выполнял на него возложенные функции по обслуживанию и строительству казарменных зданий в Москве¹⁹.

В результате строительных работ, были полностью перестроены служебные корпуса Екатерининского дворца, а также четыре южных каменных корпуса Красных казарм для помещения нижних чинов 1-го и 2-го батальонов 2-го Учебного Карабинерного полка. Корпуса объединили в единое строение, устроив три проездные арки между ними, а позднее, на верхнем этаже была обустроена церковь во имя казанской Божьей Матери²⁰. Два каменных корпуса конюшен Кремлёвской экспедиции были полностью разрушены, а вместо них был построен 2-этажный корпус. На верхних этажах были обустроены жилые помеще-

---

¹⁷ Там же. С. 74.

¹⁸ «... в 1832 г. в Екатерининских казармах жили полковой майор, старший лекарь, штаб-лекарь, 12 человек обер-офицеров, 106 нижних чинов с 84 женами, 30 прачек, детей 84, всего 304 человека. В Красных казармах — командир полков, подполковник, 7 обер-офицеров, полковой священник, капельмейстер, нижних чинов 1507 с 44 женами, 33 детьми, а всего 1594 человека. Четыре роты 2-го батальона полка и его барабанная рота (всего 1444 человека) жили в это время в Покровских казармах ...». Науменко Г. И., Приходько А. А. Указ. соч. С. 74.

¹⁹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 2345. «О ремонтном исправлении, отоплении и освещении казарм, занимаемых 2-м Учебным Карабинерным полком», 1832–1835 гг. Лл. 28 об., 82 об., 85; Там же. Ф. 405. Оп. 7. Д. 388. «Переписка с инженерным департаментом и Московским военным губернатором о передаче казарменных зданий в г. Москве из городского ведомства и инженерное», 1834–1837 гг., на 27 л.; Там же. Д. 392. «Дело о передаче казарм в г. Москвы в ведение Департамента военных поселений», 1834–1837 гг., на 216 л.; Там же. Д. 408. «Переписка об учреждении в Москве 1 округа инженерных военных поселений и о передаче ему всех казарменных строений», 1836–1837 гг., на 19 л.

²⁰ Внутренняя её часть была украшена лепной работой и расписным плафоном (Красноказарменная, д. 2). Науменко Г. И., Приходько А. А. Указ. соч. С. 76.

ния для нижних чинов, а на нижних, были оборудованы хозяйственные помещения для кухни, пекарни и столовой 2-го Учебного Карабинерного полка²¹.

Дальнейшие строительные работы были продолжены в середине 1830 г., результатом которых стало то, что были перестроены северные корпуса Екатерининских казарм, предназначенные для помещения квартир штаб и обер-офицеров, полковой канцелярии. В помещении подвального этажа разместили мастеровых 2-го Учебного карабинерного полка²².

В рассматриваемый период был произведён ремонт крыши, вместо черепицы были положены листы железа, которую покрасили с внутренней стороны чёрной краской (сажей), а с внешней — медянкою на масле по грунтовке белилами, а водосточные трубы, окна и двери покрасили масляными белилами. От застоя воздуха все жилые здания были оснащены системами вентиляции, что положительно сказывалось на здоровье жильцов. В 1832 г. в деревянных конюшнях, которые были построены ещё в 1823 г., был произведён незначительный ремонт²³. Вследствие того, что 26 июня 1837 г. Комитет для строений Москвы был упразднён²⁴, то все строительные работы по благоустройству казарменных зданий для размещения 2-го Учебного карабинерного полка и иных военных формирований, был поручен Строительному комитету Первого округа инженеров военных поселений²⁵.

В документах фонда Департамента Военных поселений сохранились сведения о работах, производимых в этот период по Долгому и Круглому (Овальному) прудам:

... в 1829 году признано было необходимым обделать приличным образом находящиеся вблизи строений Московских кадетских корпусов и казарм 2-го Учебного Карабинерного полка старые частью засорившиеся два пруда, берега которых пришли в неправильный вид, и исчисленная на то сумма

---

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 71.

²⁴ РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 427. «О упразднении бывшего в Москве Комитета для перестройки Екатерининских и Красных казарм и о возложении окончательной отделки оных казарм на Строительный комитет 1-го корпуса инженеров военных поселений», 1837–1838 гг., на 358 л. Лл. 214–356.

²⁵ Согласно выписке от 3 мая 1837 г. о работах, которые нужно было окончить в текущем году, осталось произвести «... 1) наружную штукатурку стен с кладкою гнезд, оставшиеся от подмостей в казармах и части офицерского корпуса; 2) сделать над церковью тумбу с шаром и крестом; 3) сделать лепные украшения с арматурами по наружному фасаду казарм и 4) устроить каминь, перегородки им тамбуры ...». На производство этих работ требовалось 13 779 рублей. Там же.

12 300 рублей по Высочайшему повелению отпущена распоряжение московского генерал-губернатора из государственного казначейства с тем, чтобы работа произведена была солдатами из полков, в Москве расположенных. Устройство этих прудов по недостатку в то время казенных рабочих производилось в продолжение нескольких лет остатками, в коих при спуске воды оказались камни и пни, и наносы земли осыпавшихся берегов. Комитет 1 округа Комитета Инженеров Военных поселений оставил проект на отделку оных с прочным укреплением берегов древнюю одежду с надлежащим углублением dna и управлением части прилежащей местности. 24 декабря 1838 г. было решено пруды засыпать ...²⁶

Однако позднее, в 1851 г., эти два пруда были засыпаны²⁷.

Дальнейшее увеличение строительного массива в районе было связано с созданием 2-х этажного каменного здания, опять-таки для размещения неранжированного батальона 2-го Учебного карабинерного полка. В 1835–36 гг. К. А. Тоном был выполнен проект 2-этажного каменного здания (это современное здание 154-го Отдельного комендантского полка, Красноказарменная улица, д. 4), который по своей форме представлял строгое каре и располагался на одной линии с Екатерининским дворцом.

Сохранился «...План общего расположения казарм 2-го Учебного Карабинерного полка в городе Москве ...»²⁸, на котором показаны Екатерининские и Красные казармы в переустроенном виде, а также отмечена общая планировка новых зданий полка, составленная по проекту К. А. Тона. Сразу же после этого на имя Военного министра последовал Высочайший указ от 18 октября 1836 года, в котором говорилось, что

...повелено построить новые здания, приступив к возведению оных 1837 года... На основании сего в том же 1837 году было преступлено к вырубке фундамента под главный корпус...²⁹

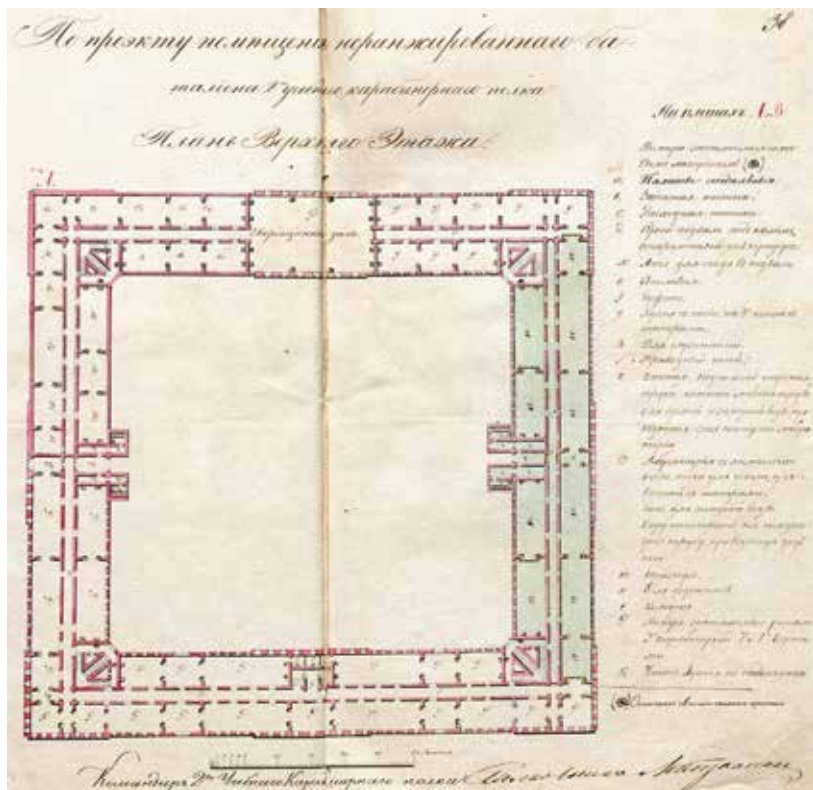
После произведённых необходимых подготовительных работ, сразу приступили к строительству, которое продлилось два года, с в 1839–1841 гг. В 1842 году основные строительные работы, по возведению

²⁶ ЦХД до 1917 г. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1235. Ч. 1. «Об устройстве зданий Московских кадетских корпусов, 1836–1843 гг.», на 349 л. Л. 49.

²⁷ РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 1236. Ч. 2. «Дело об устройстве зданий Головинского дворца для Московских кадетских корпусов», 1844 г., на 380 л. Л. 216; Там же. Д. 1238. Ч. 4, 1846 г. Л. 41; Ф. 405. Оп. 7. Д. 1247. «Переписка с московским генерал-губернатором кн. Голицыным об отпуске денег на очистку и засыпку прудов при Екатерининских казармах, принадлежащих Московскому кадетскому корпусу и 2-му Учебному Карабинерному полку», 1836–1851, на 119 л.

²⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 726. «Дело по отношению директора Комиссии для строений в Москве о собрании справок о земле Андроньевского луга», 1836 г. Л. 2.

²⁹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 1288. «Об устройстве зданий для неранжированного батальона 2-го Учебного Карабинерного полка в Москве». Ч. 1, 1839–1840 гг., на 227 л. Л. 31.

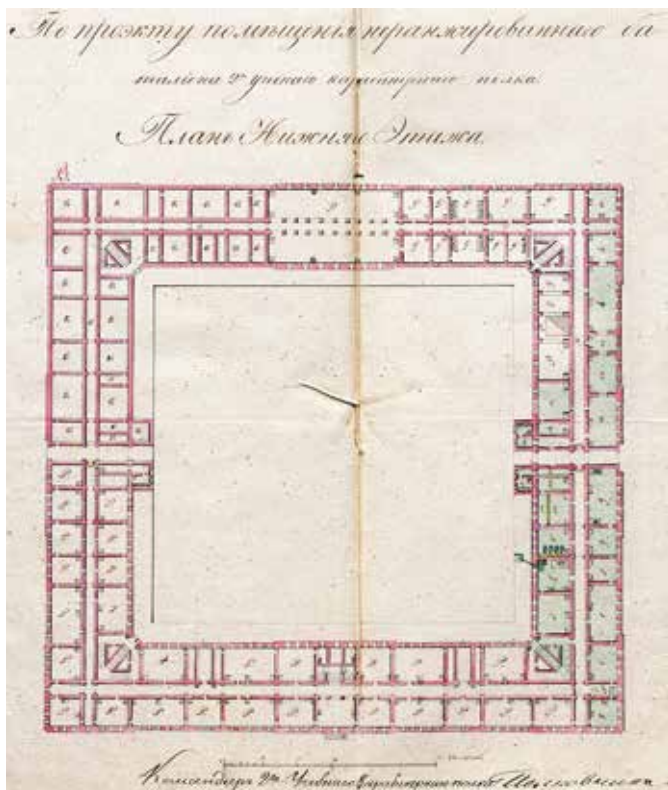

Ил. 3. Проект помещений неранжированного батальона 2-го Учебного карабинерного полка. План верхнего этажа. РГВИА. Ф. 405. Оп. 5. Д. 7546. Л. 35-46 об.

несущих конструкций и стен, а также покрытия железом крыши, были закончены, начата финишная отделка здания³⁰.

В январе 1842 года Строительный комитет представил для согласования Военному министерству три плана и смету для строительства хозяйственного здания, в котором планировалось обустроить погреба и сараи для нужд неранжированного батальона 2-го Учебного Карабинерного полка. Все необходимые финишные работы по отделке главного здания были практически закончены к середине 1843 года, а уже 7 сентября 1843 года было получено разрешение приступить к размещению 2-го Учебного карабинерного полка, которое должно было осуществ-

³⁰ Науменко Г. И., Приходько А. А. Указ. соч. С. 83.

Ил. 4. Проект помещений неранжированного батальона 2-го Учебного карабинерного полка. План нижнего этажа. РГВИА. Ф. 405. Оп. 5. Д. 7546. Л. 35-46 об.

вляться с 18 сентября 1843 года под руководством командира полка, полковника Матросенко³¹. Однако, окончательные строительные работы в главном здании 2-го Учебного карабинерного полка были закончены в 1844 году³². В исследовании говорится, что в главном здании разместили 1-й и 2-й неранжированные батальоны музыкальной роты, а также

³¹ На 2-м этаже разместили лазарет и роты 2-го УКП. РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 1290. «О постройке зданий для неранжированного батальона 2-го Учебного Карабинерного полка», 1842–1850 гг. Ч. 3, на 531 л.; Науменко Г. И., Приходько А. А. Указ. соч. С. 83.

³² «... Два 2-этажных здания для цейхгаузов, служб, кладовых, сушилен и погребов длиной 31 ½ сажени, шириной 5 сажен, вышиной под крышу 2 ½ сажени окончены постройкой 19 мая 1845 года. Однако служебные корпуса не сохранились ...». Науменко Г. И., Приходько А. А. Указ. соч. С. 83.

цейхаузы, полкой лазарет, кладовые для хранения лагерных палаток. Внешние фасады здания были покрашены желтой охрой, «... крыши — медянкой на масле, рамы главного здания — белилами, а служб — “ди-кою” серой краской ...»³³. На трех аттиках здания были сделаны государственные гербы. В последующий период расквартирования полка в Лефортове, для его удобства был построен ряд технических и хозяйственных строений. Например, в 1841 году рядом с р. Яузой была построена основательная каменная баня, а в 1843 году, на противоположной стороне реки Яузы, рядом с Дворцовым мостом, была построена деревянная прачечная, в которой были устроены квартиры для прачек и платомойня³⁴.

Известно, что в дальнейшем, в середине XIX века, неранжированные батальоны 2-го Учебного карабинерного полка были прикомандированы в созданный 3-й Московский кадетский корпус. Именно кантонисты двух неранжированных батальонов этого полка составили основу корпуса при его создании. Важно отметить и то, что сам полк был переименован во 2-й Учебный стрелковый полк, который впоследствии также составил ядро при создании в Лефортове Юнкерского военного училища.

Вследствие того, что в 1835 году имп. Николаем I был одобрен новый проект учреждения 2-го Московского кадетского корпуса с повелением, был создан специальный Комитет из архитектуры, который был обязан составить план и смету строительных работ в здании Екатерининского и Лефортовского дворца³⁵, а Главному Начальнику Пажеского и всех сухопутных кадетских корпусов было дано распоряжение составить и представить проект нового штата второго Московского кадетского корпуса и предложение о передаче в ведение части здания Екатерининских казарм от 3-го батальона 2-го Учебного Карабинерного полка тому Московскому кадетскому корпусу, а кантонистов 2-го Учебного Карабинерного полка перевести в Лефортовский дворец³⁶. В дальнейшем неранжированная рота будет размещена в пристройке к дворцу.

³³ Науменко Г. И., Приходько А. А. Указ. соч. С. 83.

³⁴ РГВИА. Ф. 405. Оп. 7. Д. 2276. «Дело о положении ремонтной суммы для дома, построенного для Московского военно-сиротского отделения (что ныне 2-й Учебный Карабинерный полк), постройки вновь прачечной и сушильни, исправления каменного корпуса прежде бывшего Покровского дворца и прочих строений, оному полку принадлежащих», 1825–1827 гг. на 52 л., Л. 2.

³⁵ Науменко Г. И., Приходько А. А. Указ. соч. С. 84; ЦХД до 1917 г. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1235. «Об устройстве зданий для Московских кадетских корпусов». Ч. 1, 1836–1843 гг., на 349 л.

³⁶ Там же. Д. 649. «Об учреждении в г. Москве 2 кадетского корпуса и о помещении оною в здании, занимаемом ныне неранжированным батальоном 2 УВП», 1837–1841 гг., на 333 л. Лл. 121, 131 об; Там же. Ф. 405. Оп. 7. Д. 1235. «Об устройстве зданий для Московских кадетских корпусов». Ч. 1 1836–1843 гг., на 349 л. Лл. 1–2, 4–6,

В дополнение темы об истории 2 Учебного карабинерного полка стоит отметить ещё несколько важных фактов. Так, в сохранившихся архивных документах говорится, что об усовершенствовании водопроводных коммуникаций, а именно, что между 1826 и 1828 гг. в верхней части Головинского сада, у северного Обводного канала, для 2-го Учебного Карабинерного полка были обустроены балаганы и баня. В 1830 году планировали перенести полковую баню, ближе к набережной, со стороны Красноказарменной улицы, где в данный период для 2-го Учебного карабинерного полка перестраивали строения служб и манежа по Красноказарменной ул., д. 2. При переустройстве Екатерининского дворца и сопредельной территории перед ним — большая часть современного Краснокуртского проезда, была замощена. Между Красными казармами и Конюшенным двором была проложена дорога, которую в 1826 г. планировалось замостить. Благодаря прокладке и мощению этой дороги, была полностью сформирована южная часть границы района³⁷.

Подводя итог вышесказанному важно отметить, что выявленные архивные источники и документальные свидетельства представляют достаточно яркую и динамичную картину строительства и переустройства Покровских, Екатерининских и Красных казарм, в рассмотренный период. Благодаря этим материалам становится понятно, как и в каком объёме происходили строительные и отделочные работы в казармах. Эти работы были направлены на создание новых флигелей и помещений, в которых разместились воспитанники, офицеры и чиновники 2 Учебного карабинерного полка.

Список литературы

- Ведомость справок о судимости [Текст] / М-во юстиции. СПб., 1870–1929. Кн. 6. 1875.
- Висковатов А. В.* Хроника российской императорской армии, составленная по высочайшему повелению: СПб., 1852. Ч. 2: [Гренадерский корпус с 7-ю легкою кавалерийскою дивизиею, саперные батальоны и учебные карабинерные полки], 1852.
- Науменко Г. И., Приходько А. А.* Историко-архитектурные исследования домовладения. Объект: «Сторожка 1-го Московского кадетского корпуса, нач. XX в.». Адрес: Красноказарменная ул., д. 3–3 А. квартал № 1860. ЮВА ТУ «Лефортово», М., 2005.
- Нистрем К. М.* Московский адрес-календарь для жителей Москвы. Сост. по офиц. док. и сведениям К. Нистремом. Т. 1–4. М., 1842.
- Нистрем К. М.* Адрес-календарь жителей Москвы. Составлен по официальным сведениям и документам К. Нистремом. Ч. 1–2. М., 1851.
- Пассек В. В.* Московская справочная книжка, изданная Вадимом Пассеком, действительным членом Общества истории и древностей российских и правителем дел Москов-

---

9–12 с об 25, 29, 37, 45 об., 61–62, 67–71 об., 89, 95, 98–100 с об; Там же. Д. 1243. Ч. 10, 1853–1856 гг., на 748 л. Лл. 627–657.

³⁷ *Науменко Г. И., Приходько А. А.* Указ. соч. С. 72.

- ского статистического комитета: При книжке приложены: гербы всех городов Моск. губ., план Москвы, подробный план Кремля, карта Губернии, пожарные знаки, вид Москвы в прошедшем веке и вид Останкина. М., 1842.
- Столетие Военного министерства. 1802–1902 / Гл. ред. ген. от кавалерии Д. А. Скалон. СПб., 1902–1914.
- Стрелковые части: справочная книжка Императорской главной квартиры: по 10-е февраля 1910 г. Испр. и доп. под ред. В. К. Шенка. [Репринт издания 1910 г.].
- Стрелковые части: Справочная книжка Императорской главной квартиры: исправленная и дополненная под редакцией В. К. Шенк по 10 февраля 1910 г. 2-е изд. [СПб.: тип. В. Д. Смирнова, 1910].
- Трегубов М. И.* Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии с указанием важнейших документов, находящихся в делах о дворянстве разных фамилий Архива Владимир. дворян. депутат. собр. Владимир, 1905.
- Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии Военного министерства с 1802 до 1902 г. включительно. Сост. подполк. Н. М. Затворницкий. СПб., 1909.
- Учебный карабинерный полк. Штат и табель 2-го Учебного карабинерного полка. СПб., 1827.
- Черноятов В. А.* Несколько родственных фамилий XVIII и XIX стол.: Браше, Ержемские, Крубер, Лазовские, Ловейко, Рюдигер, Шлиппе [М.], 1909.
- Штейнфель В.* Настольный хронологический указатель постановлений, относящихся до устройства военно-сухопутных сил России 1550 до 1890. СПб., 1890.

Mikhail Borisovich BASHMAKOV

Methodologist of the museum of the 1st category of the educational sector of the department of educational and educational programs Moscow State United Art Historical-Architectural and Natural-Landscape Museum-Reserve (Kolomenskoye, Izmailovo), Ph.D.
E-mail: mikhailbashmakov@mail.ru

From the history of the 2nd Training Carabinier Regiment (mid. XIX century)

The article tells about the history of the 2nd Training Carabinieri Regiment. The chronological framework of the article is associated with the middle of the 19th century, and the geographical boundaries cover the historical territory of the Lefortovo district, located in the South-Eastern Administrative District of Moscow. The article discusses only the initial stage of construction of a complex of buildings and the improvement of residential and utility premises in the Pokrovsky, Ekaterininsky and Red barracks for the 2nd Training Carabinieri Regiment. A detailed historiography and the most complete list of archival sources related to the history of the formation and development of this military educational institution subordinate to the Department of Military Settlements are presented.

Keywords: 2nd Training Carabinier Regiment, 3rd and 4th non-ranked battalions of military cantonists, Red Barracks, Catherine Barracks, Lefortovo.

УДК 94(47).073

ББК 63.3 (2) 47

Ксения Владимировна ДОНИК

независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: extale@mail.ru

РЕФОРМА МОРСКОГО ДЕЖУРСТВА В 1827 Г.: ОПЫТ ГЛАВНОГО ШТАБА И ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ВО ФЛОТЕ

Статья посвящена истории создания института морского дежурства в период реформ в Морском ведомстве, производившихся под руководством генерал-адъютанта князя А. С. Меншикова. На основании ранее не вводившихся в научный оборот архивных источников устанавливается ряд новых сведений о месте дежурства в очередности проводившихся реформ, авторе проекта, который, как и князь Меншиков, состоял на службе в сухопутном Главном штабе. Текст положения о морском дежурстве рассматривается в сравнении со своим образцом — положением о дежурстве военного Главного штаба. Появление новых акцентов, не характерных для военного дежурства, анализируется с учетом контекста морских преобразований, преследовавших целью устранить беспорядки в управлении флотом.

Ключевые слова: Николай I, Меншиков, флот, дежурство, реформы, министерство, бюрократия.

Преобразования морского управления, начавшиеся со времени вступления на престол императора Николая I, были ориентированы на устройство Военного ведомства, принимавшегося за образец. Высшая военная администрация, состоявшая из Главного штаба его императорского величества и Военного министерства, представлялась Николаю I наиболее предпочтительной, так как отражала представления императора о порядке в управлении: ведомство было централизовано, его делопроизводство было уже достаточно устоявшимся и стандартизованным. Главенство военного штаба, базирующееся на министерской структуре, сообщало военному управлению логичность, приоритет военного начала над бюрократическим, которое, впрочем, благодаря реформам эпохи Александра I функционировало достаточно эффективно: в Военном ведомстве существовало достаточное количество административных инструкций, упорядоченный делопроизводственный архив, служили опытные чиновники. Преобразования морской администрации в конце 1820-х гг. весьма сильно зависели от общей ситуации во флоте. В ведомстве существовали проявления nepотизма, злоупотреблений, а не доведенные в свое время до конца преобразования, порождали спутанность и бессистемность управления. Морское министерство, несмотря на свое

название и наличие министра, продолжало сохранять коллегиальную систему организации основного аппарата, Адмиралтейств-коллегию, экспедиции; частично в разные годы вводились «департаменты» и даже штаб, неорганизованный до конца. Эти учреждения появились в следствие давней идеи унифицировать морское управление с военным, которая так и не была проведена в жизнь. Для того, чтобы вывести морскую администрацию на уровень Военного ведомства, Николай I решил выбрать из Главного штаба человека, который с одной стороны, был бы не причастен ни к одной из групп интересов внутри флота, с другой, был бы опытным знатоком системы военного управления, которая должна была быть перенесена во флот. Им оказался генерал-адъютант Свиты, светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков (1787–1869), директор канцелярии начальника Главного штаба в 1816–1823 гг., который приступил к осуществлению преобразований в декабре 1827 г. Первым шагом будущего главы флота стала разработка плана перехода к «настоящему» штабной и министерской структурам во флоте. В основу это плана был положен опыт реформы военного управления 1812–1815 гг., которая изучалась Меншиковым по бумагам его ведомства.

В представленной князем Меншиковым императору 4 декабря 1826 г. записке, преобразования Морского управления должны были начаться с уравнивания числа существующих экспедиций с числом будущих департаментов. Приступать к реформе, по мысли Меншикова, нужно было «с части Инспекторской»¹: именно ее в сформированном виде не доставало для создания Инспекторского департамента — важнейшей части морского управления, ведавшей личным составом, надзором (инспектированием) и ведомственным архивом флота. Вопрос о создании такого Инспекторского департамента, был поставлен перед Адмиралтейств-коллегией еще в 1824 г., но этот проект, по всей видимости, так и не был в полной мере реализован. Как следует из бумаг Департамента морского министра, проект появился в феврале — марте 1824 г. и предполагал существование структуры, похожей на военное управление и в то же время отличавшейся меньшей внутренней структурированностью².

Однако в 1826 г., под словами Меншикова об «Инспекторской части» в контексте преобразований по образцу Военного ведомства, на наш взгляд, следует понимать создание сложной структуры, в которой Инспекторский департамент был лишь частью, а в целом этот первый кра-

---

¹ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 17. О назначении Князя Меншикова для преобразования Морского министерства. Л. 35 об.

² РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 542. Об учреждении в Морском ведомстве Инспекторского департамента. ЛЛ. 1–3 об. Л. 6–10.

угольный камень будущего здания администрации назывался *морским дежурством*. Преобразования морского управления ставили своей задачей не только создание новых упорядоченных структур, но и играли роль «лекарства» от поразившего флот беспорядка и злоупотреблений. Этот фактор также сказался на первенстве создания именно дисциплинарного института, основной функцией которого в сухопутном Главном штабе являлось поддержание порядка на службе, контроль над личным составом армии и многочисленных чиновников, задействованных в военном аппарате.

В Военном управлении институт дежурства появился после реформы 1802 г., учредившей вместо коллегии министерство. Военный министр, в отличие от своих гражданских коллег, наряду с морским министром и министром иностранных дел не имел помощника — товарища министра. 24 января 1808 г. военный министр А. А. Аракчеев просил назначить ему в товарищи министра артиллерии генерал-лейтенанта П. М. Капцевича, присвоив ему звание дежурного генерала; в том же году был утвержден штат его канцелярии, а также «наставление», которое определяло круг его полномочий и ответственности³. «Наставление», текст которого остался неопубликованным, содержало описание тех функций этого института, которые указывали на его надзорный характер, несмотря на то, что в первую очередь дежурный генерал был помощником министра по различным вопросам, которые ему поручались. Так, дежурный генерал был обязан проводить инспекторские смотры частей войск и докладывать министру по итогам смотров, «если все будет найдено в порядке; в случае же открытия каких-либо упущений, дежурный генерал обязан был немедленно провести расследование причин и подать об этом министру записку за своей подписью»⁴. Особая функция дежурного генерала заключалась в возможности осуществления финансового и делопроизводственного контроля в хозяйственных экспедициях: Комиссариатской, Провиантской, Артиллерийской и Инженерной (при том, что сам он не имел права без министра отдавать денежных распоряжений); дежурный генерал инспектировал госпитали и их делопроизводство, все делопроизводство Военно-походной его величества канцелярии, по Департаменту Военного министра и т. д.⁵. Таким образом, дежурный генерал и его канцелярский аппарат представляли собой помощников министра по контрольно-надзорной части в военной и сугубо делопроизводственной сферах министерства. Иными

³ Столетие военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк развития военного управления в России. СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1902. С. 132.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 132–133.

словами, этот институт осуществлял *дисциплинарные* меры и был одним из важных институтов поддержания того самого порядка для успешной работы военного аппарата.

Со временем компетенции и законодательство об этом институте уточнялись. После второго этапа министерской реформы 1812 г., когда коллегии Военного ведомства окончательно превратились в департаменты, был образован Инспекторский и Аудиториатский департаменты, а также появился Главный штаб, дежурный генерал стал частью штаба, возглавив управление этими двумя департаментами. На дежурного генерала, помимо имевшихся у него обязанностей, было возложено «заведывание делами по личному составу армии, по строевой, обозной, военно-полицейской и судной частям»⁶. Этот этап развития института дежурного генерала также отличала слабая дифференциация, так как став частью Главного штаба, он получил ряд обязанностей, не связанных с поддержанием военного порядка в армии. Однако именно в это время дежурный генерал начинает контролировать область личного состава (Инспекторский департамент): очевидно, это было связано с надзирающими функциями дежурного генерала, которые были особенно важны в решениях по кадровым делам, связанным с большой бюрократической работой.

В 1816 г. было принято «*Образование дежурства Главного штаба его императорского величества*», которое в будущем станет основой и для разработки проекта аналогичного дежурства во флоте в 1827 г. «Образование» являлось итогом практики и работы над совершенствованием структуры Главного штаба. Дежурство и дежурный генерал приобрели характер институтов с ясно обозначенными компетенциями, которые можно разделить на три большие части: надзор за работой делопроизводственных механизмов Главного штаба и армии, заведывание личным составом Военного ведомства (не только военнослужащих, но и чиновников) и контроль работы военно-судебной системы — Аудиториатского департамента.

Инспекторский департамент Военного ведомства, как и Аудиториатский, подчинялись не министру, а начальнику Главного штаба. В положении об этих департаментах подчеркивались их контрольно-учетные функции. Функции Инспекторского департамента в общем заключались в: 1) составлении и рассылке приказов по армии, а также контроле за их исполнением (по линии дежурного генерала); 2) ведении, хранении и учете всех «списков» генералитету, офицерам и нижним чинам, всем гражданским чиновникам и т. д.; 3) оформлении рекрутских наборов (составление «списков», распределение по полкам, ведение учета о переме-

---

⁶ Там же. С. 194.

щениях служащих и т. д.); 4) проверке «списков» всех представленных к наградам, составлении справок, фиксациях присвоенных званий и наград, оформлении выслуги, отставок и т. д.⁷ Кроме того, департамент имел архив, где обязан был сохранять важнейшие дела — личные дела о составе армии. Таким образом, Инспекторский департамент являлся учреждением, которое осуществляло учет и контроль за службой всех морских чинов.

По той же причине сочетался с дежурством и Аудиториатский департамент, который после того как Главнокомандующим армиями и командирам отдельных корпусов были даны полномочия предавать виновных суду, в основном занимался ревизиями военно-судных дел, исправлял судебные «упущения», контролировал исполнение решений суда и т. д.

Преобразование дежурства (а точнее, его создание на новых основаниях) в Морском ведомстве в 1827 г. было первой мерой, которую предпринял князь А. С. Меншиков из составленного им и одобренного императором плана, датируемого 4 декабря 1826 г.: этим самым личный состав не столько самих флотских, сколько, в первую очередь, административной бюрократии оказался в поле зрения власти. Ревизии, следствия, взыскания, увольнения и оставления на службе тех, кто считался способным принести пользу в дальнейшем, касались в это время многих видных управленцев среднего и низшего звена. В первое пятилетие реформ центрального морского управления его чиновный аппарат подвергся существенной ротации и обновлению. Инспекторский департамент тщательно проверял послужные списки чинов, собирал сведения о взысканиях по службе, чтобы в новое министерство попали только те, кто не был замечен в злоупотреблениях.

Эта участь не миновала и морской генералитет (особенно имевший отношение к действующей администрации), который в этот период также подвергался различным проверкам. Военную часть флота ожидали существенные изменения, в первую очередь, в службе; одновременно с преобразованием администрации рассматривались существенные проблемы, в числе которых, например, проблема некомплекта во флоте. Власть пыталась пересчитать и переучесть всех своих моряков в связи с появлением новых мест службы и утверждением новых штатов.

Начало работы А. С. Меншикова над морским дежурством, отражено в личном дневнике князя. По всей видимости, требования царя к Меншикову безотлагательно приступить к преобразованию администрации способствовали тому, что уже 8 декабря 1826 г. он был у морского министра вице-адмирала А. В. Моллера, негласно отстраненного от про-

---

⁷ Образование дежурства Главного штаба его императорского величества, 7 февраля 1816 // ПСЗРИ [Собрание Первое]. Т. 33. №. 26129. СПб., 1830.

ведения преобразований⁸, «для совещания по преобразования Морского министерства. Положили, чтобы я совещался с дежурным генералом Морского штаба для составления с ним положения об инспекторской части»⁹, — записывал Меншиков. Разработать проект нового дежурства Меншиков поручил А. И. Ноинскому, что и отметил у себя в дневнике¹⁰. *Адам Иванович Ноинский* — тайный советник, на тот момент возглавлявший канцелярию дежурного генерала Главного штаба, впоследствии генерал-аудитор, член Совета военного министра, безусловно, знакомый Меншикову лично по службе в Главном штабе. Ноинский был опытным чиновником, знавшим делопроизводство дежурства к тому моменту уже 10 лет, так как в свое время — в 1816 г. — именно он стал первым начальником канцелярии дежурного генерала¹¹. Привлечение чиновника Военного ведомства для работы над проектом морского дежурства являлось отражением специфики административных преобразований в морском управлении в этот период, следствием идеи его унификации с военным.

14 января 1827 г. проект дежурства был готов, и Меншиков, судя по записи дневника, в этот день был с визитом у контр-адмирала М. И. Ратманова¹², а на следующий день представлял проект Моллеру, которому его вручил «для пересмотра»¹³. По всей видимости, некоторое время у Меншикова ушло на то, чтобы изучить замечания, которые могли быть озвучены. Спустя несколько дней, 26 января, «Предварительное образование дежурства» было утверждено Николаем I, «со штатом и положением о выдаче патентов и увольнительных видов»¹⁴. На следующий день Меншиков отправился в Адмиралтейство, где «ходил по комнатам, назначенным для Инспекторского департамента»¹⁵.

Что собой представляло новое дежурство Морского ведомства? Его структура по сравнению с военным была намного более компактной.

---

⁸ *Доник К. В.* Кронштадтское следствие 1827 г. и князь А. С. Меншиков: к вопросу формирования флота в начале царствования Николая I // Историческая память России и декабристы. 1825–2015. Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г.). Иркутск, 2015. С. 426–435.

⁹ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 7. Д. 134. Дневники А. С. Меншикова. Л. 86.

¹⁰ Там же.

¹¹ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. III, отд. V. Затворницкий Н. М. Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии Военного министерства с 1802 по 1902 г. включительно. СПб., 1909. С. 129–130

¹² РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 7. Д. 134. Дневники А. С. Меншикова. Л. 88 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Для морских департаментов не требовалось такого количества отделений, какое было в департаментах дежурства Главного штаба; чиновников в морском дежурстве должно было служить меньше, их занятия были более четко разделены. Основным источником и образцом для разработки проекта морского дежурства стало сухопутное «*Образование дежурства Главного штаба его императорского величества*». Акт, который дал начало новому дежурству во флоте, назывался «*Предварительное образование дежурства Морского министерства*». Временный характер этого установления подчеркивал, что дежурство вводилось в качестве опыта и в дальнейшем могло измениться.

Во момент своего появления должность дежурного генерала в Морском ведомстве, в отличие от сухопутного, была подчинена Морскому министру. Дежурство было первым институтом, который должен был в последствии войти в состав Морского штаба, учрежденного 25 марта 1828 г. во главе с князем А. С. Меншиковым. На момент создания дежурства морской министр А. В. Моллер был главой «дореформенного» морского штаба, учрежденного в 1821 г., неупраздненного формально, но и не существовавшего на деле рудимента несостоявшихся морских преобразований эпохи Александра I. Таким образом, дежурный генерал подчинялся не только министру, как было сказано в «Предварительном образовании дежурства», но в то же время и как бы официально главе штаба — учреждения, смысл которого уже мало кем осознавался во флоте. Новый штаб 1828 г. упорядочит это подчинение.

Исходя из анализа «Предварительного образования дежурства Морского министерства», представляется, что по сравнению с сухопутным дежурством надзорная составляющая морского была еще в большей степени подчеркнута, акцентирована.

Дежурный генерал, по положению, назначался царем, имел канцелярию, адъютантов при дежурстве Морского министерства для выполнения особых поручений, и два подчиненных ему департамента: Инспекторский и Аудиториатский¹⁶.

Первый пункт раздела об обязанностях дежурного генерала однозначно описывал его роль в создаваемом новом аппарате управления: «он осуществлял непрерывный надзор за ненарушимостью воинского порядка в разных его частях и отношениях»¹⁷. Акценты, на контроле за «порядком» в Морском дежурстве были расставлены более детально по сравнению с аналогичным положением о дежурстве в Главном штабе; следы излишней каузальности в прописываемых нормах, присущие

---

¹⁶ Высочайше утвержденное предварительное образование дежурства Морского министерства, 26 января 1827 // ПСЗРИ [Собрание Второе]. № 839. СПб., 1830. С. 45.

¹⁷ Там же.

положению о морском дежурстве, на наш взгляд, можно объяснить как раз влиянием коррупционных явлений, с которыми создаваемое учреждение должно было бороться неукоснительным соблюдением буквы административных правил. Составляющие понятия «военного порядка» в полной мере раскрывались в последующих пунктах о полномочиях и сфере ответственности дежурного генерала. Первые 10 параграфов были полностью посвящены борьбе дежурного генерала со злоупотреблениями по службе, и лишь с 11 параграфа начиналась роспись его обязанностей как высшего инспектора во флоте, осуществляющего свои инспекторские смотры, впрочем, с той же целью. Итак, дежурный генерал имел право в пределах своей власти «прекращать собственным действием» замеченный им беспорядок (§7), в случае, если беспорядок выходил за пределы его полномочий — докладывать Морскому министру (§8), «доводить до сведения начальства» о всех лично им обнаруженных и пресеченных беспорядках (§9). Параграф 10 был посвящен нарушениям административных предписаний, в отношении которых функции дежурного генерала осуществлялись через обязательный надзор и сообщение, даже если сфера нарушения находилась не в его компетенции: «Когда заметит отступление от правил и предписаний в какой-либо исполнительной отрасли морского управления, не в его зависимости состоящей, поставляет оное на вид начальству той части и доносит Морскому министру или заступающему его место»¹⁸. Эта часть «Предварительного образования» имела в общем смысле прецедентный характер, так как была своего рода реакцией на должностные беспорядки. Как представляется, «Предварительное образование морского дежурства» носило на себе сильный отпечаток периода подавления злоупотреблений во флоте. Текст содержал выраженный посыл контроля за порядком и противодействия нового института злоупотреблениям. Этот посыл восстанавливал смысл таких формальных и рутинных практик во флоте, какими были инспекторские смотры и проверки — как серьезных мер дисциплинарного характера.

Собственно военная часть, которая являлась основной заботой дежурного генерала в Главном штабе, следовала за условной частью «о порядке» и наделяла дежурного генерала инспекторским правом осматривать все корабли, принадлежащие Морскому ведомству (§11), порты, арсеналы, маяки, верфи, фабрики, склады («магазины»), «не входя однако же в хозяйственное распоряжение», докладывать министру (§12); дежурному генералу вверялся контроль над комплектом всем необходимым кораблей в эскадрах, именно ему командиры кораблей обязаны были докладывать о нехватке вооружения или продовольствия (§13);

---

¹⁸ Там же.

он имел право осматривать все команды, принадлежащие Адмиралтейству, особенно обращая внимание начальства на «неисправные»: такие, в которых обнаруживались болезни, смертность или злоупотребления (§16); дежурный генерал заведовал квартирами чиновников и наблюдал за тем, чтобы «никто не пользовался по злоупотреблению казенной квартирой вместе с получением денег для найма оной» (как пример прецедентности, вошедшей в положение о дежурстве, §18); как и сухопутный дежурный генерал, он имел надзор за всеми госпиталями ведомства (§20); по приказу Морского министра дежурный генерал мог заниматься нарядами судов и личного состава для экспедиций, брандвахт, за которыми он осуществлял особый надзор через адъютантов, командировкой чиновников для особых поручений и следствий (§21). Дежурный генерал наблюдал за дисциплиной нижних чинов и особенно офицеров, следя за тем, чтобы не нарушались сроки отпусков или правила въезда и пребывания в столице (§26). Морской дежурный генерал, как и сухопутный, имел право на арест низшего офицерского состава (обер- и штаб-офицеров), чиновников, если они находились в момент совершения беспорядков исключительно на суше (§27, 28); однако если при личном осмотре брандвахты дежурный генерал обнаруживал «злоупотребления», он имел право тут же отстранить командира до следствия (§29) — этот пункт в числе некоторых других касался проблемной территории пересечения полномочий военно-административной (штабной) и военной власти.

Как и в дежурстве Главного штаба, должность дежурного генерала в морском управлении подчиняла себе два департамента. Функции дежурного генерала по отношению к каждому из них заключались в руководстве и коммуникации между департаментом и высшей властью министра. По Инспекторскому департаменту дежурный генерал следил за положенным распределением чинов, появлением некомплекта или избытка состава, «необыкновенной убылью людей побегам или смертью»; в эту же часть также «вкрались» прецедентные положения о запрещении брать адъютантов из штаб- и обер-офицеров, а также использовать нижние чины на «партикулярные услуги» (практика, распространенная в армии и флоте, не всегда рассматривавшаяся представителями офицерского чина как порочная) и т. д. По Инспекторскому департаменту дежурный генерал докладывал министру, получая, в свою очередь, доклады от вице-директора Инспекторского департамента, который в случае отсутствия дежурного генерала, становился его заместителем (§31 — §35).

В деятельность Аудиториатского департамента дежурный генерал по «Предварительному образованию» не вмешивался, наблюдая за тем, «дабы военно-судные дела как в оном департаменте, так и вообще

по Морскому ведомству, имели скорое и безостановочное движение» (§36).

Вторым начальником после дежурного генерала в морском дежурстве стал вице-директор Инспекторского департамента — должность, существовавшая в военном Главном штабе и являвшаяся одной из ключевых в руководстве департаментом. Вице-директор Инспекторского департамента являлся ближайшим помощником и заместителем дежурного генерала в случае болезни или отсутствия последнего без права смотров и взысканий. Вице-директор следил за исправной работой департамента, руководил составлением месячных ведомостей и вместе с дежурным генералом — годовых отчетов (§39).

Инспекторский департамент морского дежурства имел всего два отделения: первое занималось распространением постановлений и циркуляров до морских учреждений, в т. ч. в порты, а также содержанием списков по старшинству генералитету, штаб- и обер-офицерам, а также «всем состоящим во флоте» (§61.2). Отделение занималось учетом движения всех служащих во флоте и оформлением соответствующих бумаг. Второе отделение занималось увольнениями, пансионными, пенсиями, инвалидами, вдовами и сиротами морских чинов; в его же компетенции находились рекрутские наборы, проверка послужных списков чиновников для поощрений и т. д.

Третьим отделением Инспекторского департамента был его архив. Реформа, направленная на создание новой администрации, актуализировала вопрос о рациональном хранении документов, быстрое доступе к данным, привела к рефлексии о путях организации архивного делопроизводства в Адмиралтейском архиве в это время.

Из опыта «Образования дежурства Главного штаба» были позаимствованы и важные для морского дежурства как военно-надзорного бюрократического института составляющие: во-первых, в «Предварительном образовании» были подробно прописаны делопроизводство и сношение уровней администрации внутри департаментов дежурства и с другими учреждениями (Сенат, министерства, губернаторы и пр.); во-вторых, в ряде случаев, когда обозначалась надзорная функция дежурного генерала, принцип приоритета должности перед чином, столь болезненный для флотской иерархии, теперь недвусмысленно был закреплен на бумаге. Широкие контрольно-надзорные полномочия предполагали возможное *требование* дежурным генералом справок или каких-либо сведений, что неизбежно приводило к «вторжениям» в «чужие» области и управления. Положение о том, что дежурный генерал имеет право *требовать* от командиров портов или даже эскадр для дела сведения, даже если они выше чином, существенно корректировала представления о том, что вверенное управление не является частным

делом и не сливается с личностью управляющего или командующего. Место государства в осуществлении управления — на первый взгляд, незаметно — было прописано очень точно: бюрократическая должность, созданная государством, возвышалась над военной иерархией. «Требование справок» по должности означало, что те, у кого их запрашивали, не могли не ответить, игнорировать это требование: сокрытие или непредоставление сведений по запросам административных (штабных) учреждений имело шансы стать «злоупотреблением» или поводом для подозрений, взысканий. При тех полномочиях, которые имел дежурный генерал, это было эффективным дисциплинарным бюрократическим механизмом.

Первым дежурным генералом и главой Инспекторского департамента стал контр-адмирал М. И. Ратманов. Фигура Ратманова является крайне сложной для попытки личностной характеристики. Основной причиной является крайняя скудость источников личного происхождения, повествующих о нем. *Макар Иванович Ратманов* (1772–1833) принадлежал к поколению ярких деятелей в истории российского парусного флота, отличившихся в ряде боевых действий и известных военных экспедиций. Он был участником первой российской кругосветной экспедиции (1803–1806), состоял при капитане шлюпа «Надежда» И. Ф. Крузенштерне, который выбрал М. И. Ратманова себе в помощники¹⁹. Во время этой экспедиции Ратманов вел дневник, который был опубликован²⁰. Практически вся служба М. И. Ратманова после Кругосветной экспедиции была связана с Кронштадтом: он принимал участие в экспедициях, командовал корабельными экипажами и флотскими бригадами, был жалован наградами и имел сложившуюся карьеру настоящего профессионального моряка, обладавшего обширным опытом службы на корабле и в порту, а также — в качестве венца этой карьеры — административными должностями²¹. В 1820 г. он был произведен в капитан-командоры, а спустя два года назначен «в “директоры” Кронштадтского порта»²². В 1824 г. он был назначен директором учрежденного морского Аудиториатского

---

¹⁹ Федорова О. М. Дневник М. И. Ратманова — неизвестный источник сведений о первой русской кругосветной экспедиции. Доступно: <https://docviewer.yandex.ru/view/1059950989> Дата обращения: 1.06.2020.

²⁰ Первая русская кругосветная экспедиция 1803–1806 в дневниках Макара Ратманова. СПб.: Крига, 2015.

²¹ Общий Морской список. Царствование Екатерины II. Ч. IV. 656–657

²² Там же. С. 657. Так было указано в «Общем Морском списке», составитель которого, видимо, отметил должность директора порта в Кронштадте кавычками, копируя запись формулярного списка, поскольку в штатах порта такая должность была не предусмотрена.

департамента и генерал-аудитором²³. 17 ноября 1826 г. Ратманов стал дежурным генералом реформируемого ведомства. Историю этого назначения проследить не удается: по всей видимости, Николай I решил оставить Ратманова в должности как хорошо знавшего Кронштадтские портовые дела и имевшего опыт руководства аудиториатом, который в меньшей степени был затронут реформами конца 1820-х гг.

Неизвестно, какие отношения связывали лично М. И. Ратманова и главу флота А. В. Моллера. Сын вице-адмирала, Ф. А. Моллер, впоследствии оставивший службу известный живописец, написавший портрет Ратманова, находился в числе его адъютантов²⁴. К. И. Фишер, состоявший при князе Меншикове на момент его «прикомандирования» к флоту, упоминает Ратманова как одного из немногих морских сановников, кто не доискивался расположения (в чем, видимо, заключалась устойчивость Ратманова в администрации в течении всего периода преобразований, вплоть до смерти в 1833 г.). «...Познакомился только с простым, полуграмотным дежурным генералом Ратмановым, у которого было почтенное семейство...», – напишет мемуарист в воспоминаниях о своем знакомстве с представителем морского генералитета. Ироничная, но не негативная оценка Ратманова содержится у Фишера в моменте, когда он описывает тех, с кем князю Меншикову предстояло «поднять флот»: «Ратманов, дежурный генерал, называл ришельевский лицей решетиловским»²⁵. Бесконфликтная работа Меншикова с Ратмановым, как прослеживается из документов архива, по всей видимости, была основана на особенностях характера М. И. Ратманова, который, возможно, не был знатоком нюансов по бюрократической части, но зато являлся добросовестным и не амбициозным исполнителем своих прямых обязанностей. И, в отличие от своих коллег, не противостоял князю Меншикову. «Когда я познакомился с князем Меншиковым, в 1827 году, – писал Фишер, – он жаловался мне на неспособность своих сотрудников. Тут я видел из новых деятелей морской администрации и Ратманова, дежурного генерала. Он привозил к князю кипы бумаг для прочтения или для подписи. Князь, чтобы избавиться от доклада Ратманова, давал ему тетрадку с непристойными картинками. Ратманов надевал очки, рассматривал картинки и по временам хохотал гомерическим смехом, а князь между тем читал бумаги. По окончании смотра картинок Ратманов говорил обыкновенно: “Ваша Светлость! Не пора ли заняться делом!” Князь отвечал, что бумаги им уже просмотрены, затем следовал гомерический

---

²³ Там же. С. 657

²⁴ *Фишер К. И.* Записки сенатора. М.: Захаров, 2008. С. 76.

²⁵ Там же. С. 84.

смех — и доклад кончался»²⁶. Несмотря на добродушную комичность свидетельств Фишера о Ратманове в контексте нескрывааемых им симпатий к князю Меншикову, этот фрагмент в целом отражает тот стиль работы с некоторыми представителями адмиралтейской администрации, который мог поддерживаться в первые годы управления Меншикова флотом. Появившись в начале 1827 г., морское дежурство стало важной структурой, работающей в первую очередь с делопроизводством о личном составе и Меншиков контролировал эту часть морского управления через Ратманова, который собирал бумаги для князя, минуя неблагоприятных к нему министра Моллера и Адмиралтейств-коллегию.

Список литературы

Доник К. В. Кронштадтское следствие 1827 г. и князь А. С. Меншиков: к вопросу реформирования флота в начале царствования Николая I // Историческая память России и декабристы. 1825–2015. Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г.). Иркутск, 2015. С. 426–435.

Федорова О. М. Дневник М. И. Ратманова — неизвестный источник сведений о первой русской кругосветной экспедиции. Доступно: <https://docviewer.yandex.ru/view/1059950989>
Дата обращения: 1.06.2020.

Первая русская кругосветная экспедиция 1803–1806 в дневниках Макара Ратманова. СПб.: Крига, 2015. 568 с.

Ksenia Vladimirovna DONIK

independent researcher (St. Petersburg, Russia)

E-mail: extale@mail.ru

Reform of naval duty in 1827: experience of the General staff and features of the Institute in the Navy

The article is devoted to the history of the creation of the institute of naval administration of duty during the period of reforms in the department, carried out under the leadership of adjutant general prince A. S. Menshikov. On the basis of archival sources that were not previously introduced into scientific circulation, a number of new information is established about the place of administration of duty in reforming the naval ministry, about the author of the project, who like prince Menshikov, was in the service of the land General Staff. The text of the regulations on maritime administration of duty is considered in comparison with its model, the regulations on administration of duty of the General Staff. The emergence of new accents, not typical for military duty, is analyzed taking into account the context of naval transformations aimed at eliminating unrest in command and control.

Keywords: Nikolai I, Menshikov, fleet, duty, reforms, ministry, bureaucracy.

---

²⁶ Там же. С. 313.

УДК 94(47).08

ББК 63.3(2)5

Андрей Александрович МИХАЙЛОВ

доктор исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона Российской Федерации) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ

E-mail: dragun66@mail.ru

ВОЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ВОЕННО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

В статье рассмотрена деятельность офицеров Генерального штаба Российской Империи по подготовке военно-статистических описаний военных округов, анализу их природных, демографических, экономических и иных характеристик в интересах обеспечения деятельности вооруженных сил в мирное и военное время.

Ключевые слова: Военная статистика, военная география, Генеральный штаб, военные округа, стратегическое значение, ресурсы.

Возникновение и развитие военной географии, как самостоятельной отрасли военной науки в России относится ко второй трети XIX в. Разработка ее теоретических основ и методологии в значительной мере является заслугой профессоров Императорской Военной академии (позже, Академия Генерального штаба): П. А. Языкова (1800–1869), Г. Ф. Стефана (1796–1873), Д. А. Милютина (1816–1912) и др.

Все они сходились во мнении, что для верной оценки региона с военной точки зрения, необходимо проанализировать и обобщить максимально широкий круг характеристик, принять во внимание его расположение, площадь, природные условия (рельеф, климат, водоемы и др.), ресурсы, население с различными демографическими характеристиками, экономику и т. д.

При этом, по мнению Д. А. Милютина, наукой обобщающей разнообразные сведения, являлась военная статистика, тогда как собственно военной географии отводилась роль одного из ее элементов. Д. А. Милютин подчеркивал в одной из своих научных работ: ««В военную статистику непременно должны входить и географические данные в той степени, сколько исследования этих данных необходимо для определения стратегического положения государства к соседним для соображе-

ния его средства обороны и наступления. При подобном определении военной статистики отношение ее к военной географии обозначается само собой, ибо последняя делается только, так сказать, материалом для первой; военная же статистика, почерпая данные из военной географии, занимается исследованием этих данных с определенной целью и в связи с различными другими данными. Точно таково же отношение между статистикой и географией вообще»¹.

Находясь в 1845–1856 гг. на должности профессора Военной академии, Д. А. Милютин разработал алгоритм военно-статистического описания (обзора) территории, который с небольшими изменениями применялся на практике в течении всей второй половины XIX и в начале XX в.

В середине-второй половине XIX в. офицеры российского Генерального штаба подготовили фундаментальные обзоры большей части территории Империи. В 1848–1858 гг. были напечатаны 17 томов издания «Военно-статистическое обозрение Российской Империи», включавшее выпуски, посвященные более, чем 80 губерниям или иным административным единицам.

В 1860–1868 гг. вышли в свет «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», которые включили обзоры 24 губерний и других административных единиц. Кроме того, несколько ранее, в 1859 г. были изданы «Материалы для статистики Финляндии», составленные полковником Генерального штаба Г. А. Альфтаном².

Дополнительный импульс развитию военно-географических исследований дало создание в 1860-е годы системы военных округов. Согласно «Положению о военно-окружных управлениях», утвержденному императором Александром II в августе 1864 г., на окружной штаб и его начальника, среди прочего, возлагался сбор «топографических и статистических сведений до края относящихся»³.

В 1865–1866 гг. Совещательный комитет, учрежденный в 1863 г. при Главном управлении Генерального штаба⁴, опубликовал три документа: «Программы для составления сборников военно-статистических

---

¹ Милютин Д. А. Критическое исследование военной географии и военной статистики // Жерихина Е. И., Бринюк Н. Ю., Копытко В. К., Коршунов Э. Л., Михайлов А. А. Д. А. Милютин: министр, военачальник, ученый. СПб.: Аврора, 2017. С. 147.

² Альфтан Г. А. Материалы для статистики Финляндии, изданные Департаментом Генерального штаба Военного министерства. СПб., 1859. 231 с.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 1. СПб., 1867. № 41162. С. 714.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVIII. Отд. 1. СПб., 1866. № 40083. С. 74–75.

сведений по губерниям и областям»⁵, «Программы для составления военных обозрений военных округов»⁶ и «Соображения по исполнению военно-статистических работ»⁷.

В «Соображениях...» излагались принципы и методология военно-статистического исследования. Обе программы представляли собой, по сути, алгоритм подготовки военно-статистических описаний. При этом, зафиксированные в них структуры обзоров округов и губерний были абсолютно идентичны. В обозрение в обязательном порядке надлежало включать шесть разделов: 1) сведения географические и топографические; 2) описание населения территории, прежде всего, с точки зрения комплектования войск; 3) возможности для расквартирования войск; 4) пути сообщения, их использование для передвижения войск; 5) ресурсы территории для снабжения и довольствия войск; 6) административное устройство территории⁸.

Так как в каждый военный округ входило значительное число губерний, единство алгоритмов облегчало обобщение данных для подготовки военно-окружных обзоров. В «Соображениях...» пояснялось: «Программа сборников по губерниям представляет данные о каждом уезде, входящем в губернию, здесь же, т. е. в обозрении округов, сведения группируются по губерниям, сравниваются между собой входящие в округ губернии, и выставляются частные сведения об уездах только в тех случаях, когда они (т. е. уезды) представляют что-либо особенно характеристическое...»⁹.

Составители «Соображения...» также подчеркнули, что все данные необходимо рассматривать именно в военном аспекте. «Военно-статистические работы, — отмечали они, — должны отвечать непосредственно потребностям военного ведомства, не вдаваясь ни в какие посторонние исследования»¹⁰.

Еще одним важным вопросом, рассмотренным в «Соображениях...» стало четкое определение компетенции органов военного управления в организации и проведении военно-статистических и военно-географических исследований. В нем отмечалось: «Общее ведение воен-

---

⁵ Программы для составления сборников военно-статистических сведений по губерниям и областям. СПб., 1865. 50 с. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 2. Д. 36. Л. 27–52 об.

⁶ Программы для составления военных обозрений военных округов. СПб., 1865. 17 с. // РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 36. Л. 2–27 об.

⁷ Соображения по исполнению военно-статистических работ. СПб., 1866. 12 с. // РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 36. Л. 53–59 об.

⁸ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 36. Л. 2–3; 27–28.

⁹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 36. Л. 55.

¹⁰ Там же. Л. 53.

но-статистическими работами сосредоточено в Главном штабе»¹¹. Непосредственно руководство сбором и обобщением сведений возлагалось на Совещательный комитет. Составление обзоров отдельных местностей входило в обязанности военно-окружных штабов, заниматься соответствующими работами надлежало офицерам Генерального штаба, «состоящим в Окружных штабах или причисленным к оным, а равно и состоящим в войсковых штабах»¹².

Программы подготовки обзоров губерний и военных округов, а также «Соображения по исполнению военно-статистических работ» были разосланы Главным штабом в военные округа. Главный штаб установил график работ для окружных штабов. Уже к 1 января 1866 г. им надлежало собрать сведения по разделам 2, 3 и 4., т. е. о возможностях комплектования, размещения и передвижения войск в округе. В течении 1867 г. штабы должны были собирать сведения по разделам 1 и 5, т. е. о географии округа и его ресурсах для снабжения войск. К январю 1868 г. окружные штабам предписывалось отпечатать все собранные данные, и к 1 сентября того же года прислать готовые экземпляры в Главный штаб¹³.

В марте 1867 г. Совещательный комитет Главного штаба стал вновь именоваться Военно-ученым комитетом¹⁴, но военно-статистические исследования по-прежнему остались в его компетенции. Главный штаб наладил сотрудничество с гражданскими учреждениями, в функции которых входило проведение статистических и географических исследований.

Здесь следует отметить, что в ходе развернувшихся в стране масштабных реформ, активно шло развитие государственных структур, призванных руководить статистическими исследованиями. Еще в апреле 1863 г. император Александр II утвердил «Положение об устройстве статистической части при Министерстве внутренних дел»¹⁵, в котором очерчивались задачи и полномочия Статистического совета и Центрального статистического комитета. Последнему подчинялись «в отношении производства работ и научного направления, все губернские, областные и городские статистические комитеты»¹⁶. С 1866 г. Центральный статистический комитет МВД издавал «Статистический временник Россий-

---

¹¹ Там же. Л. 55.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 53-54об.

¹⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLII. Отд. 1. СПб., 1867. № 44412. С. 336.

¹⁵ ПСЗРИ. Собр. 2 Т. XXXVIII. Отд. 1. СПб., 1866. № 39566. С. 412-414.

¹⁶ Там же. С. 414.

ской Империи», который содержал сведения о населении, образовании, промышленности, торговле, транспорте и др.

Вполне закономерно, между статистиками различных ведомств довольно быстро сложилось сотрудничество. В частности, офицеры Генерального штаба, собиравшие данные для подготовки военно-статистического обзора той или иной территории, часто работали также в губернских и областных статистических комитетах¹⁷. Некоторые из собранных генштабистами данных публиковались в гражданских периодических изданиях¹⁸.

В конце 1860-х - 1870-е годы окружные штабы развернули работу по составлению военно-статистических описаний территорий, находившихся в их ведении. Как правило, подготовленные материалы печатались под заглавием «Военное обозрение» и включали, наряду с военно-статистическими данными в узком смысле, подробные сведения о географии округа. При этом интенсивность работ в том или ином округе (всего их к 1871 было 14) в значительной мере зависела от позиции и личных качеств командующего войсками и начальника окружного штаба, от состава офицеров, привлеченных к сбору информации.

В 1869 г. было напечатано «Военное обозрение Киевского военного округа»¹⁹. Подготовили издание офицеры Генерального штаба, М. В. Левицкий и А. С. Беневский, редактировал — генерал-майор В. А. Краснокутский, который в то время занимал должность помощника начальника окружного штаба. Текст издания разделен на две части, состоящие из отделов. Всего в издании шесть отделов, их тематика соответствует алгоритму, разработанному Совещательным комитетом при Главном штабе.

В 1871 г. вышли в свет «военные обозрения» Харьковского²⁰ и Одесского²¹ военных округов. Обе работы также составлены офицерами Генерального штаба, по плану, разработанному Совещательным комитетом. Авторами обозрения Харьковского военного округа были подпол-

---

¹⁷ РГВИА. Ф. 33. Оп. 6. Д. 6. 171 л.

¹⁸ РГВИА. Ф. 33. Оп. 6. Д. 7. 142 л.

¹⁹ Левицкий М. В., Беневский А. С.. Военное обозрение Киевского военного округа. Составлено при штабе округа, под редакцией генерал-майора Краснокутского, генерального штаба капитанами Левицким и Беневским. Киев, 1869. 511 с.

²⁰ Макшеев-Машонов Н. А., Попов Ф. Ф. Военное обозрение Харьковского военного округа. Составлено при Штабе Округа под редакцией генерал-майора Молостова, Генерального штаба подполковниками Макшеевым-Машоновым и Поповым. Харьков, 1871. 1138 с.

²¹ Бодаревский И. М., Милорадович П. М. Военное описание Одесского военного округа. Составлено по материалам, собранным при Окружном штабе офицерами Генерального штаба капитаном Бодаревским и подполковником Милорадовичем (3-й отд.). Под редакцией Помощника Начальника Штаба полковника Крживоблоцкого. Одесса. 1871. 632., 224 с.

ковники Генерального штаба Н. А. Макшеев-Машонов и Ф. Ф. Попов, редактировал его генерал-майор П. Ф. Молоствов, состоявший при командующим войсками округа «для особых поручений». Описание Одесского военного округа подготовили подполковник П. М. Милорадович и капитан И. М. Бодаревский, редактировал — помощник начальник окружного штаба, полковник Я. С. Крживоблоцкий, который ранее, при подготовке «Материалов для географии и статистики России», составил описание Костромской губернии.

Авторы обеих работ, при оценке географических, демографических и иных характеристик стремились выявить и показать именно военное значение округа в целом или отдельных его районов. Например, в подглавах, посвященных «нравственным свойствам» населения (отдел II «Сведения по комплектованию войск»), офицеры рассматривали лояльность этнических групп правительству, их качества, способствующие или препятствующие военной службе. Н. А. Макшеев и Ф. Ф. Попов при описании Харьковского округа, сочли необходимым, даже, привести сведения о народных суевериях и обычаях, в качестве иллюстрации малограмотности местных крестьян трех наиболее крупных этнических групп: русских, украинцев («малороссов») и белорусов²².

В 1874 г. вышли из печати обозрения Варшавского²³ и Финляндского²⁴ военных округов. Второе из указанных изданий было отредактировано начальником окружного штаба генерал-майором А. Л. Гагемейстером, который пользовался репутацией высокообразованного офицера и активно содействовал развитию в Финляндии учебных заведений.

Через два года, в 1876 г. началась публикация обозрения Виленского военного округа, которая была осуществлена несколькими выпусками и завершилась лишь в 1881 г.²⁵

Ранее, в 1880 г. вышло из печати трехтомное военно-статистическое обозрение Туркестанского военного округа²⁶. Его автор, полковник (поз-

---

²² Макшеев-Машонов Н. А., Попов Ф. Ф. Военное обозрение Харьковского военного округа... С. 280.

²³ Военное обозрение Варшавского военного округа: составлено при Штабе округа; отделы: I, II, III, IV и V, по материалам, собранным до 1 января 1871 г., а отдел VI, по сведениям исправленным к 1-му марта 1874 г. Варшава, 1874. 1896 с.

²⁴ Военное обозрение Финляндского военного округа. Сост. при Штабе Округа под ред. генерал-майора Гагемейстера. Гельсингфорс, 1876. 750 с.

²⁵ Военное обозрение Виленского военного округа. Т. 1 (Отделы 1–3). Составлено офицерами Генерального Штаба, состоящими при Окружном штабе. Вильна, 1876–1877. 566 с.; Т. 2 (Отделы 4–6). Составил Генерального штаба полковник Дюбюк. Вильна. 1877–1881. 757 с.

²⁶ Костенко Л. Ф. Туркестанский край: Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. СПб., 1881. Т. 1. 488 с.; Т. 2. 261 с.; Т. 3. 303 с.

же — генерал-майор) Генерального штаба Л. Ф. Костенко был видным ученым-востоковедом, участником многих экспедиций (в частности, он одним из первых среди русских ученых посетил Памир). В предисловии к «обозрению» автор отметил: «В своем труде я руководствовался, насколько было возможно, изданною Военно-ученым Комитетом Главного Штаба для составления военно-статистических обозрений округов. Само собой разумеется, что домогаться о выполнении всех требований означенной программы в настоящее время было бы немыслимо, почему мною и сделаны в ней неизбежные отступления»²⁷.

Шесть отделов, из которых состоит работа Костенко, носят наименования: «Сведения географические и топографические», «Население. Сведения по укомплектованию войск», «Населенность. Сведения по расквартированию войск», «Пути сообщения (сведения по передвижению войск)», «Производительность округа (сведения по довольствию и снабжению войск округа)», «Туркестанские войска». В целом такая структура очень напоминает алгоритм, предложенный Совещательным (Военно-ученым комитетом). Однако Л. Ф. Костенко стремился максимально подробно и точно представить читателям те специфические условия и черты Туркестанского округа. Он уделил повышенное внимание его природным условиям, пестрому в этническом плане населению, специфике передвижения войск в пустынях и др. Приводимые автором сведения отличает большая подробность, следствием которой стал значительный объем публикации. Л. Ф. Костенко, однако, хорошо понимал и убедительно показывал, насколько важны, могут оказаться в непривычных для русских солдат условиях самые, казалось бы, незначительные обстоятельства.

Таким образом, в 1869–1881 годы были подготовлены и опубликованы военно-географические и военно-статистические описания 7 военных округов (Киевского, Харьковского, Одесского, Варшавского, Финляндского, Виленского, Туркестанского) из 14 существовавших в то время.

Вскоре, в 1884 г. из печати вышло «Военно-статистическое обозрение Петербургского военного округа»²⁸. Оно состоит из двух частей, из которых первая включает три, вторая — два отдела. Три отдела первой части это: «Сведения географические и топографические», с подробным анализом природных условий территории округа, «Сведения по комплектованию войск» (описание состава населения, с точки зрения его привлечения к военной службе), «Сведения по расположению войск» (данные о населенных пунктах, как местах расквартирования

²⁷ Костенко Л. Ф. Туркестанский край... С. II.

²⁸ Военно-статистическое обозрение Петербургского военного округа. СПб., 1884. Ч. 1. 617 с.: Ч. 2. 1155 с.

войск). Во вторую часть вошли отделы: «Сведения по передвижению войск» (пути сообщения округа) и «Сведения по довольствию и снабжению войск» (ресурсы округа).

Первой части «обозрения» его составители предпослали предисловие с подробным описанием проведенных работ²⁹. Подготовка обозрения началась еще в 1880 г., силами специальной комиссии, которую возглавил генерал-майор Н. И. Бобриков (с 1884 г. — начальник штаба округа, затем, в 1898–1904 гг. — генерал-губернатор Финляндии).

Некоторые члены этой комиссии в дальнейшем занимали видные военные посты. Так, подготовкой 2-го (о комплектовании войск) и 4-го (о путях сообщения) отделов руководил полковник Генерального штаба В. В. Сахаров: в 1898–1904 гг. он, в чине генерал-майора, состоял начальником Главного штаба, в 1904–1905 гг. — военным министром. 3-й отдел был составлен под руководством подполковника Генерального штаба Ф. Ф. Палицына, ему предстояло в 1905–1908 гг. возглавлять Главное управление Генерального штаба.

В работах также участвовали полковник И. П. Маслов (составление 1-го, «географического», отдела), военные медики А. И. Судаков и Г. И. Архангельский, секретарь окружного интендантского подполковник Н. И. Ельчанинов и др.

При сборе материалов авторы обозрения использовали широкий круг ведомственных изданий, научные труды, сведения, полученные от губернских статистических комитетов и др. Кроме того, офицеры совершили несколько рекогносцировок.

В работе опубликованы многочисленные статистические данные, многие из которых сведены в удобные для использования таблицы. Например, в отделе, посвященном размещению войск, для всех уездов, входивших в губернии округа, указаны численность сел и деревень, общая численность дворов и жилых строений, а также указано, сколько на один двор приходится жителей³⁰. Не менее подробно освещены ресурсы округа в отношении снабжения войск продовольствием, обмундированием, амуницией и др.

Рассматривают авторы также состав населения и его качества с точки зрения военной службы. Интересно, что составитель соответствующего отдела, Ф. Ф. Палицын уделил негативным нравственным качествам основных национальных групп, среди которых выделил склонность к алкоголю, присущую, по его мнению, и русским, и финнам, и эстонцам³¹.

---

²⁹ Военно-статистическое обозрение Петербургского военного округа. Ч. 1. СПб., 1884. С. 1.

³⁰ Там же. С.

³¹ Там же. С. 408–409.

В 1886 г. началась публикация военно-статистического обозрения Московского военного округа: был напечатан выпуск со сведениями о ресурсах для снабжения войск³². Затем работа затянулась, и завершить публикацию описания Московского округа удалось только в 1912 г.

В 1892 г. в штабах трех приграничных военных округов (Варшавского, Виленского, Киевского) были учреждены особые Управления окружных генерал-квартирмейстеров. На них, среди прочего, возлагались работы «по собиранию военно-статистических данных, относящихся к району округа и к ближайшим районам соседних Государств»³³. Исполнять эти функции непосредственно должно было Отчетное отделение в составе старшего адъютанта, его помощника и трех офицеров Корпуса военных топографов. Данное нововведение позволило более эффективно вести сбор военно-статистической информации, но командование округов особое внимание уделяло зарубежным территориям.

В целом, в течении второй половины XIX в. офицеры российского Генерального штаба провели очень масштабную работу по составлению военно-географических и военно-статистических описаний территорий Российской Империи, в том числе военных округов. Вместе с тем, сохранились и отдельные пробелы. Например, не были напечатаны обобщающие военно-статистические обзоры сибирских военных округов, возможно, в силу того, что они в то время подвергались реорганизациям³⁴. Также не появилось обобщающих исследований по Кавказскому военному округу, при том, что отдельные его районы в военно-географической и статистической литературе получили яркое отражение³⁵.

В 1898 г. должность военного министра занял генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин. В силу своего служебного опыта он прекрасно осознавал значение военно-статистической и военно-географической информации. Так, еще в 1877 г. Куропаткин опубликовал, по материалам поездки в Африку, работу «Алжирия», содержащую раздел «Военно-статистический обзор»³⁶. В 1878–1879 гг. он возглавлял Азиатскую часть

---

³² Военно-статистическое описание Московского военного округа. Отд. 5. Сведения по довольствию и снабжению войск. М., 1886. 172 с.

³³ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XII. СПб., 1895. № 8875. С. 545.

³⁴ Созданный в 1865 г. Восточно-Сибирский военный округ в 1884 г. был разделен на два самостоятельных округа: Иркутский и Приамурский. Учрежденный в 1869 г. Западно-Сибирский военный округ в 1882 г. был переименован в Омский военный округ, при этом его границы расширились.

³⁵ Филиппов В. Н. Военный обзор Тифлисской губернии и Закатальского округа. Составил Генерального штаба подполковник Филиппов. СПб., 1872. 411 с.

³⁶ Куропаткин А. Н. Алжирия. Составил капитан Генерального штаба Куропаткин. СПб., 1877. С. 3–158.

Главного штаба, которая, среди прочего вела сбор военно-географических и статистических сведений. В 1886 г. — совершил секретную поездку в Турцию для изучения с военной точки зрения территорий на Босфоре и др.

В 1900 г. началось преобразование Главного штаба, в составе которого учредили Генерал-квартирмейстерскую часть, включавшую Статистическое отделение³⁷. Инициатором нововведения был начальник Главного штаба генерал-лейтенант В. В. Сахаров. Должность генерал-квартирмейстера занял генерал-майор Я. Г. Жилинский, начальником Статистического отделения назначили полковника С. А. Воронина.

В апреле 1901 г. А. Н. Куропаткин направил начальнику Главного штаба генерал-лейтенанту В. В. Сахарову служебную записку с требованием предоставить «подробную справку о всех военно-статистических работах по Европ. [ейской] России, исполненных в 98, 99 и 900 годах в Главном штабе и Штабах военных округов и напечатанных»³⁸. Слово «напечатанных» в записке подчеркнуто, а в самом конце текста А. Куропаткин сделал ремарку: «Мне сдается, что дело это нами запущено»³⁹.

В начале июня 1901 г. Статистическое отделение направило штабам военных округов циркуляр, в котором задавало тот же вопрос, который получил от военного министра⁴⁰. Ответы носили самый разнообразный характер. Например, штабы Московского, Казанского, Киевского военных округов сообщили, что в 1898–1900 гг. никаких изданий по военной статистике подведомственных территорий они не печатали⁴¹. При этом, в рапорте штаба Киевского округа подчеркивалось, что им проведена большая работа по изучению прилегающих заграничных территорий: «Военно-статистические сведения об Австро-Венгрии, добытые за этот период времени негласным путем, после обработки в Штабе Округа, представлялись в Главный Штаб и рассылались в войска округа в виде отдельных литографированных брошюрок»⁴².

Штаб Петербургского военного округа информировал Главный штаб, что в указанные сроки офицеры вели сбор информации об отдельных районах округа, но напечатать обзор планируется лишь после того, как будут получены сведения по всей территории⁴³.

---

³⁷ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XX. СПб., 1902. № 19118. С. 975; Штаты и таблицы. С. 355.

³⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 209. Л. 1.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 11.

⁴¹ Там же. Л. 8, 12.

⁴² Там же. Л. 8.

⁴³ Там же. Л. 5–6.

По сообщению штаба Варшавского военного округа, приоритетным объектом военно-статистических исследований для него являлись пограничные с Россией районы Австро-Венгрии⁴⁴.

В рапорте также говорилось о подготовке обзоров Южного, Восточного, Западного и Северного «фронтов» округа⁴⁵. Действительно, еще в 1896 г. под грифом «секретно» вышел первый выпуск обзора Южного фронта округа, посвященный Люблинскому району⁴⁶. Составил его штаб-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа Г. Е. Янушевский. Руководил подготовкой издания видный военный историк генерал-лейтенант А. К. Пузыревский (в то время — начальник штаба Варшавского военного округа). Второй выпуск обзора Южного фронта (посвящен Ковельскому району) вышел в свет уже после подачи сведений, в 1902 г.

В целом рапорты окружных штабов составили весьма противоречивую картину постановки военно-статистических и военно-географических исследований. Штабы одних округов вели их активно, другие особенно не стремились обновлять сведения, собранные довольно давно. Существенной проблемой являлось отсутствие координации при проведении исследований между командованием отдельных округов. Нередко, составляя обзоры смежных территорий, округа не взаимодействовали.

30 июня 1901 г. начальник Главного штаба В. В. Сахаров направил А. Н. Куропаткину «Сводный отчет» о военно-статистических работах в округах и в самом Главном штабе⁴⁷. Из него явно следовало, что там, где военно-статистические исследования шли более или менее активно, приоритетное внимание было уделено зарубежным территориям. Описания округов офицеры Главного и военно-окружных штабов составляли редко.

Так, Главный штаб в 1898–1900 гг. опубликовал 13 работ (в отчете дан их список), связанных с военной статистикой и географией. Из них России посвящено лишь одно: описание местностей, по которым прошел маршрут поездки императора Николая II из Петербурга в Крым⁴⁸. Впрочем, эта работа к военно-статистическим (географическим) исследованиям может быть отнесена лишь с некоторыми оговорками⁴⁹.

---

⁴⁴ Там же. Л. 7.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Южный фронт Варшавского военного округа. Вып. 1. Западный или Люблинский район (между р. Вислою и Западным Бугом от австрийской границы до линии Ивангород — Луков, Брест-Литовск). Варшава: Типография Штаба Варшавского военного округа. 1896. 629 с.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 209. Л. 16–18.

⁴⁸ Там же. Л. 16.

⁴⁹ Сборник сведений об этой поездке, по распоряжению военного министра, был отпечатан в Санкт-Петербурге частной типографией Э. Гоппе, он включал сведения военного

Штаб Виленского военного округа выпустил 5 изданий, из них российским территориям было посвящено одно. Штаб Варшавского военного округа подготовил 4 издания, о России — также одно. Наиболее благополучно выглядела ситуация с военно-статистическими (военно-географическими) работами в Кавказском военном округе. Здесь было, за 1898–1900 гг. подготовлено 15 работ, из них о российских территориях — 4. Стоит заметить, однако, что все работы были посвящены отдельным районам, имели локальную тематику. Показательно, что в округах, расположенных в глубине Империи, далеко от границ (например, Московском) военно-статистические исследования вообще шли вяло.

А. Н. Куропаткин, ознакомившись с отчетом Сахарова, направил ему записку, в которой потребовал выслать во все округа предписание подготовить программу военно-статистического обзора подведомственной территории⁵⁰. 18 августа 1901 г. соответствующее распоряжение ушло в штабы округов⁵¹.

Одним из первых отозвался Финляндский военный округ. Уже 25 августа его штаб сообщил, что сведения об округе собраны, более того: «В настоящее время вышеуказанное обозрение печатается и начинает выходить выпусками по прилагаемой программе»⁵².

В рапорте также говорилось: «В виду обеспечения большей правильности и беспристрастия в оценках собранных по некоторым отделам данных, командующий войсками признал соответственным возложить окончательную их редакцию на начальника окружного штаба...»⁵³.

Войсками округа в то время командовал генерал от инфантерии Н. И. Бобринков, начальником штаба состоял генерал-лейтенант В. Г. Глазов. Они полагали, что полковник Генерального штаба М. А. Альфгана, который готовил обозрение, слишкоммного внимания уделил статусу-Финляндии в составе Империи, специфике ее истории. Поэтому и было решено подвергнуть труд тщательной редактуре. В итоге в 1901 г. из печати вышли лишь приложения к обзору и атлас с картами, а собственно обзор опубликовали в 1905 г.⁵⁴ Интересно, что Глазов не стал изменять текст Альфгана, но снабдил его комментариями и предисловием. Он

характера, например перечень воинских частей и соединений, расквартированных по маршруту следования императора. См.: К путешествию Их Императорских Величеств в августе 1898 года от Москвы до Севастополя. Справочные сведения. СПб., [1898]. 41 с.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 209. Л. 16.

⁵¹ Там же. Л. 18.

⁵² Там же. Л. 71

⁵³ Там же.

⁵⁴ Военное обозрение Финляндского военного округа. Сост. Ген. штаба полковник М. Ф. Альфган при содействии Л.-гв. Стрелкового финского батальона кап. О. Ве-

стремился доказать, что власть российского императора над Финляндией никоим не является угнетением, и Россия всегда берегла «самобытность подвластных ей народов»⁵⁵.

Штаб Финляндского военного округа направил в Главный штаб также план, по которому шла подготовка обзора, и его обоснование⁵⁶.

Большая часть окружных штабов прислала свои программы подготовки обзоров осенью 1901 г. 2 октября программу подготовки военно-статистического обзора направил в Санкт-Петербург штаб Одесского военного округа⁵⁷, 11 октября — штаб Виленского военного округа⁵⁸, в ноябре прислали программы штабы Петербургского⁵⁹, Варшавского⁶⁰, Кавказского⁶¹ округов.

Даже самый беглый анализ присланных материалов позволяет сделать вывод, что в штабах разных округов структуру военно-статистического описания представляли по-разному, причем в ряде случаев алгоритм заметно отличался от разработанного в 1860-е годы Совещательным комитетом.

В апреле 1902 г. Сахаров представил А. Н. Куропаткину доклад, в котором подвел некоторые итоги работы по подготовке военно-статистических обзоров военных округов. Он сообщил, что штаб Финляндского военного округа приступил к печати обзора, штабы четырех округов (Виленского, Варшавского, Казанского и Одесского) начали работу по подготовке обзоров. Еще четырех округах (Петербургском, Московском, Казанском, Кавказском), по сообщению Сахарова, работы не начинались, но в штабах двух из них (Петербургского и Кавказского) штабы уже есть готовые описания. Далее в докладе отмечено: «Программы военно-статистических описаний, представленные в Главный штаб, хотя в общем и составлены на основании данных в прежние годы указаний, но отличаются крайним и при том мало вызванным обстоятельствами, разнообразием»⁶².

В связи с отмеченной ситуацией, Сахаров считал желательным разработать заново программу военно-статистического описания, которую

сандера. Т. 1. Гельсингфорс, 1905. 660 с.; Т. 2. Приложения. Гельсингфорс, 1901. 533 с.; Т. 3. Атлас карт к Военному описанию Финляндского военного округа. 1901. 38 л.

⁵⁵ Военное обозрение Финляндского военного округа. Сост. Ген. штаба полковник М. Ф. Альфтан при содействии Л.-гв. Стрелкового финского батальона кап. О. Вессандера. Т. 1. Гельсингфорс, 1905. С. XIV.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 209. Л. 72–73.

⁵⁷ Там же. Л. 36–39.

⁵⁸ Там же. Л. 20–22.

⁵⁹ Там же. Л. 68–70.

⁶⁰ Там же. Л. 26–32.

⁶¹ Там же. Л. 54–59.

⁶² Там же. Л. 151.

направить в округа, сохранив за штабами последних, делать в программе «частные изменения»⁶³. Образцовая программа была разработана довольно быстро, в течении 1902 г. В основе нее лежала идея о наличии в описании трех обязательных разделов («очерков»): военно-географического, стратегического и военно-статистического⁶⁴.

Между тем, в структуре высших военных учреждений произошли новые перемены, затронувшие и структуры, руководившие военно-статистическими исследованиями. В 1903 г. в составе Главного штаба были организованы управления 1-го и 2-го генерал-квартирмейстеров. Управление 2-го генерал-квартирмейстера включало Военно-статистический отдел, состоявший, в свою очередь, из четырех отделений: 6-го, 7-го, 8-го, 9-го (нумерация отделений двух управлений была сквозная). Сбор военно-статистических сведений о территориях Российской Империи был возложен на 6-е отделение, 7-е отделение занималось сбором данных об иностранных государствах, как из официальных источников, так и посредством разведки. Начальником Военно-статистического отдела стал генерал-майор В. П. Целебровский. Бывший начальник Статистического отделения С. А. Воронин возглавил 7-е (зарубежное) отделение. Должность начальника 6-го отделения осталась вакантной. Впрочем, столоначальниками в нем служили опытные штабные офицеры подполковники С. Н. Розанов и А. В. Геруа, которые явно обеспечивали нормальную деятельность структурного подразделения.

В ноябре 1903 г. 6-е отделение Военно-статистического отдела направило просьбу о предоставлении статистических сведений председателям губернских земских управ. В нем говорилось: «Главному штабу представляется необходимым иметь наиболее достоверные сведения статистические и топографические, и в особенности данные, касающиеся населения, количества и качества продовольственных средств, скота, лошадей и т. п., качества и состояния дорог, рек и лесов. Многие из этих сведений имеются в Земской управе и по всей вероятности в виде ежегодников, сборников или отдельных изданий»⁶⁵. Отделение просило снабдить Главный штаб этими изданиями и обещало: «Со своей стороны Главный Штаб не преминет выслать некоторые свои издания и карты, могущие иметь интерес для земства»⁶⁶.

На просьбу откликнулось много земств, но ценность для военного ведомства представленных ими материалов могла быть очень различ-

---

⁶³ Там же. Л. 151 об.

⁶⁴ Там же. Л. 158–159.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 219. Л. 1.

⁶⁶ Там же. Л. 1об.

ной. Тем не менее, организация подобного сотрудничества сама по себе являлась достижением.

В 1904 г. Военно-статистический отдел предпринял чрезвычайно важную инициативу, связанную с попыткой установить строгий контроль над ежегодными полевыми поездками офицеров военно-окружных штабов⁶⁷. Данные поездки являлись важнейшим способом пополнить военно-географические и военно-статистические сведения, однако их организация часто оставляла желать много лучшего. Начальник Военно-статистического отдела Целебровский предложил начальнику Главного штаба передать полномочия по планированию и координации полевых поездок 6-му отделению подчиненного ему отдела. Одновременно велась работа по подготовке наставления по организации полевых поездок.

Между тем реорганизация военных учреждений не завершилась. В 1905 г. при образовании Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) к нему отошел Военно-статистический отдел, включая 6-е отделение. При этом их личный состав изменился очень сильно. Начальником Военно-статистического отдела стал генерал-майор Н. С. Ермолов, 6-е отделение получило начальника в лице полковника С. Н. Лилеева. Должности столоначальников заняли капитаны Г. В. Гончаренко и В. А. Златолинский.

В военных округах в 1904–1912 гг. развернулась активная работа по составлению военно-статистических обзоров. Начавшиеся после неудачной войны с Японией, преобразования в военной сфере стали импульсом для выработки новых подходов в различных отраслях военного знания, включая военную географию и статистику. Как правило, обзоры и описания выходили несколькими (зачастую, многими) выпусками, каждый из которых был посвящен либо району округа, либо какой-то его характеристике (географии, составу населения и др.). Составители стали выделять и описывать территории на основе их военных качеств, как театры военных действий.

В 1904 г. приступил к публикации обозрения штаб Петербургского военного округа. Издание выходило до 1913 г. В 1911 г. вышел выпуск с подзаголовком «Краткий военно-географический очерк местности вероятных военных действий»⁶⁸, в которых отдельные районы округа рассматривались именно, как арена возможного вооруженного столкновения, театр военных действий.

Очень значительная по объему работу была проведена офицерами штаба Кавказского военного округа. С 1906 г. началась публикация,

---

⁶⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 227. Л. 1–30.

⁶⁸ Обозрение Петербургского военного округа. Краткий военно-географический очерк местности вероятных военных действий. СПб., 1911. 31 с.

многими выпусками, издания «Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа». Готовили выпуски разные офицеры, структура издания была определена заранее, но публикация шла «по мере готовности». В итоге, нумерация выпусков не совпадала с хронологией их выхода в свет. Поэтому, структура издания приняла сложный, даже, запутанный характер. Например, 13-й выпуск, вышедший в 1908 г., содержал стратегический очерк Терско-Дагестанского театра военных действий⁶⁹. 14-й выпуск появился в 1910 г. и был посвящен населению Тылового района округа (его подготовил подполковник Д. И. Андриевский)⁷⁰. 15-й выпуск вышел раньше 14-го и одновременно с 13-м, в 1908 г, он повествовал о ресурсах Тылового района (составил подполковник Н. А. Букретов)⁷¹.

В 1908 г. началась публикация «Военно-статистическое описание Московского военного округа». Первый его выпуск был посвящен географии и климату округа⁷², составил — полковник Генерального штаба Е. А. Искрицкий (в будущем, видный военачальник РККА). Затем, через четыре года, в 1912 г. появился соединенный 3–4-й выпуск о населении округа, подготовленный полковником Н. В. Абутковым при участии военных медиков⁷³. В том же году под грифом «Не подлежит оглашению» был напечатан выпуск о военных учреждениях округа (составлен также Н. В. Абутковым)⁷⁴.

Сходным образом (многими и разнообразными в тематическом плане выпусками) публиковались описания других округов. Избранная методика имела свои достоинства и недостатки. Отдельные характеристики округов получали очень подробное освещение, но обобщающие издания стали публиковаться редко.

В целом, однако, во второй половине XIX — начале XX вв. офицерами Генерального штаба был собран, проанализирован и обобщен колоссальный материал по военной статистике и географии округов. Характерно, что военно-окружные обзоры чрезвычайно активно ис-

---

⁶⁹ Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Вып. 13. Терско-Дагестанский театр: стратегический очерк. Тифлис, 1908. 73 с.

⁷⁰ Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Вып. 14. Административное устройство и население Тылового района. Тифлис. 1910. 72 с.

⁷¹ Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Вып. 15. Тыловой район: средства округа, 1908. 178 с.

⁷² Военно-статистическое описание Московского Военного Округа. Отдел 1. Географический и климатический обзор. М., 1908. 119 с.

⁷³ Военно-статистическое описание Московского Военного Округа. Отдел 3–4. Население. Его размещение. Санитарный обзор. М., 1912. 194 с.

⁷⁴ Военно-статистическое описание Московского Военного Округа. Отдел 6. Военные учреждения и заведения. М., 1912. 33 с.

пользовали при подготовке описаний театров военных действий в годы Гражданской войны и в 1920-е годы, военные учреждения Советской России, когда перед ними встала задача планирования операций РККА.

Andrei Aleksandrovich MIHAILOV

Doctor of History, Research Fellow, Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff (St Petersburg, Russia)

E-mail: dragun66@mail.ru

Military-geographical and military-statistical descriptions of territories of military districts of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries

The article examines the activities of officers of the General staff of the Russian Empire in preparing military statistical descriptions of military districts, analyzing their natural, demographic, economic and other characteristics in the interests of ensuring the activities of the armed forces in peacetime and wartime.

Keyword: Military statistics, military geography, General staff, military districts, strategic importance, resources.

УДК 94 (47).083

ББК 63.3 (2) 52

Игнат Александрович ЯКУПОВ

студент 3-го курса бакалавриата, Институт истории СПбГУ,
Кафедра музеологии (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: ignat.yakupov@yandex.ru

МУЗЕИ ВОЙСКОВЫХ ЧАСТЕЙ И ПОЛКОВ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВВ. (разбор состава и экспозиции)

Полковые музеи воинских частей РИА стали новой стадией на пути музейно-экспозиционного освоения предметов военного наследия в музейном фонде страны, а их возникновение стало ответом новой эпохе не только в российском военном деле, но и в общественном развитии. Военная реформа Д. А. Милютина (1816–1912) коренным образом изменила структуру в армии. Военная реорганизация поставила ряд внеочередных задач по налаживанию корпоративного воспитания в полку, сохранению полковых традиций и истории для последующей передачи их будущим военнослужащим. Эпоха Великих реформ Александра II (1860–1870-е гг.) подготовила основу для создания войсковых музеев. Но первые войсковые музеи появились уже при Александре III — на волне крупных военных юбилеев (1880–90-е гг.). Существовали «образцовые» полковые музеи, на которые ориентировались остальные войсковые части при создании своих музеев. Но стихийный и массовый характер полковых музеев приводил к противоречивым и опасным последствиям для музейных предметов. В начале XX в. явление полковых музеев охватило практически всю Русскую армию. Особенно сильно музеи распространились в полках в 1900–10-е гг. Музейные собрания пополнялись полковыми реликвиями, книгами, предметами обмундирования и нумизматики. Художники-баталисты писали картины и полковые портреты на заказ. В 1913 г. в Москве состоялся Съезд хранителей полковых музеев. В результате работы Съезда, был принят проект единого «Положения о полковых музеях». Самых же полковых музеев к 1914 г. насчитывалось около 226. Таким образом, основной предпосылкой возникновения полковых музеев стало создание в полках офицерских собраний, сплочение офицеров частей, их широкая научно-исследовательская и общественная деятельность. Огромная работа, проводившаяся российскими офицерами по выявлению, учёту и сохранению многих старинных полковых реликвий помогла сделать важный шаг к музефикации полковых собраний.

Ключевые слова: полковой музей, музейные хранители, полковая историография, образцовые музеи экспозиция, этикетаж, музейный съезд.

Полковые музеи воинских частей Русской Императорской армии (РИА) стали одной из важнейших стадий на пути музейно-экспозиционного освоения предметов военного наследия в музейном фонде страны, а их возникновение стало ответом новой эпохе не только в российском военном деле, но и в общественном развитии.

Военная реформа Д. А. Милютина (1816–1912) коренным образом изменила структуру в Русской армии. Уходили старые офицеры и старожилы-ветераны, уступая место необстрелянному призывнику, не имеющему ничего общего с полковой семьёй и её традициями¹. Военная реорганизация поставила ряд внеочередных задач по налаживанию корпоративного воспитания в полку, сохранению полковых традиций и истории для последующей передачи их будущим военнослужащим.

В связи с этим, Военное Министерство провело изменение в области полкового хозяйствования. Особым «Положением об управлении хозяйством в отдельных частях войск»² от 1 января 1872 г., предписывалось оставлять и сохранять материально ценное имущество в полку. Отныне ни один офицер уже не мог присвоить себе полковые вещи и другие предметы, использующиеся для нужд части. Именно к этому времени большинство российских полков обретает место для своей постоянной дислокации, где для них организовывается штаб части, строятся каменные казармы, постоянные церкви и др. учреждения.

Оставалась нерешённой и проблема организации совместного офицерского быта. В новых армейских социальных условиях, офицерский корпус стал чуть ли не единственным оплотом дисциплины в полку. Именно офицеры считались профессиональными военными, принадлежавшими к особому военному сословию, а потому представляли теперь основу военной и полковой структуры. Именно поэтому, первым делом, важно было привлечь новоприбывшего в часть офицера к общему делу, познакомить его с привычками и традициями полка и, тем самым, прочно связать его общими интересами с командным составом³.

В 1884 г. было принято «Положение об офицерских собраниях»⁴, которые организовывались при полках в местах их дислокации. В первую очередь, собрания были призваны заниматься организацией общего офицерского досуга. В его помещениях имелось всё, для этого необходимое: библиотека, столовая, общая гостиная, кегельбан, бильярдная, фехтовальный зал, стрельбище и многое другое. Доступ в офицерские

---

¹ *Ивицкая А. Н.* Воинские храмы Санкт-Петербурга в период протопресвитерства Александра Алексеевича Желобовского // История военного и морского духовенства в Российской Империи в конце XIX — начале XX вв.: сборник материалов церковно-исторической конференции. СПб., 2015. С. 86.

² см.: Положение об управлении хозяйством в отдельных частях войск: Приказ по воен. вед. 1887 г. за № 17. СПб., 1894. Неоф. изд. 104 с.

³ *Спиридонова Т. П.* Музеи войсковых частей в дореволюционной России (становление и историко-культурное значение): дис. на соик. учен. степ. к. ист. н. М., 2005. С. 33–34, 42–43.

⁴ Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1914. Кн. 4–5. С. 292.

собрания ограничивался весьма узким кругом офицеров части, а также их гостей и, в особых случаях, семей и родственников. Собрания могли располагаться либо в отдельном арендованном доме недалеко от казарм, либо в отдельном корпусе на территории казарменного комплекса⁵.

В помещениях офицерского собрания в качестве предметов интерьера размещались старинные мемориальные вещи и диковинки, связанные с историей полка для приобщения новичков к общим традициям. Особым богатством интерьера отличались столичные Офицерские собрания, где полки Гвардии намного раньше приобрели постоянные квартиры, чем вся остальная армия. Так, например, в Красной гостиной офицерского собрания Лейб-гвардии Конного полка, на стенах в шпалерной развеске висели парадные портреты российских императоров, парадные и батальные картины из истории полка. В Проходной комнате находилась коллекция фотографических и живописных портретов офицеров полка в ореховых рамах с именем и годом производства на бронзовых табличках. В дубовом буфете офицерской столовой в два яруса хранилось подарочное серебро⁶. Некоторые ценные предметы могли храниться не только в офицерских собраниях, но и в жилых зонах полковых рот и эскадронов.

Таким образом, организация офицерских собраний в полках подготовила материальную базу для формирования будущих полковых музеев, которые возникали как раз по инициативе офицерских корпусов.

Пореформенный период, ставший временем массового возникновения в России разнообразных публичных музеев (ремесленных, научных, сельскохозяйственных), сильно повлиял на атмосферу и в армии, и спровоцировал огромный научный интерес у офицеров полка. Создаются первые научные труды по истории российских полков, написанные их командирами. Можно с уверенностью сказать, что эпоха Великих реформ Александра II подготовила основу для создания войсковых музеев. В течение 1860–70-х гг. организованная по-новому Русская армия приспособлялась к новым общественным условиям.

Первые войсковые музеи появились уже при Александре III — в эпоху контрреформ, а именно в 1880–90-е гг., на волне крупных военных юбилеев в 1872 г., в честь 200-летия со дня рождения Петра Великого⁷, и в 1889 г., в год 500-летия русской Артиллерии. Впоследствии многие музеи создавались и во время полковых юбилеев⁸.

---

⁵ Спиридонова Т. П. Указ. соч. С. 36–40.

⁶ Там же. С. 179–183.

⁷ Первые предпосылки тем не менее появились уже при Александре II.

⁸ Кузнецов А. М. Военные музеи в императорской России // Военно-исторический журнал. М., 2007. № 2. С. 57.

Полковые музеи (организация, принцип работы, экспонаты)

Традиционно первым полковым музеем в российских публикациях считается Музей 65-го пехотного Московского Его Величества полка, возникший в 1886 г.⁹ 2 сентября, во время парада войск Варшавского Военного Округа близ деревни Шестаково Гродненской губернии, где принимал участие полк, к строю присоединился августейший шеф-наследник Николай Александрович (будущий император Николай II). Он надел ранец подпоручика Курносова. Офицеры полка решили хранить этот ранец «вечно»¹⁰ и изготовили для него специальную витрину. Со временем к этому добавились другие экспонаты, собранные стараниями офицеров.

Однако существует мнение, опровергающее эту версию. Т. П. Спиридонова в своей работе «Музеи войсковых частей в дореволюционной России (становление и историко-культурное значение)» называет первым Музей-арсенал Лейб-гвардии Преображенского полка.

Действительно, как уже говорилось, самым богатым историческим и архивным материалом располагали столичные гвардейские полки. Преображенский полк считался старейшим в гвардии и располагал местом для постоянных квартир примерно с 1743 г.¹¹ Ещё с конца XVIII в., по особому разрешению российских правителей, военные трофеи, старые знамёна и т. п. разрешалось оставлять при полку¹². Большинство старинных вещей преображенцев хранилось в полковом цейхгаузе. За более чем 200-летнюю историю в цейхгаузе накопилось множество ценных вещей, начиная со старинных стрелецких бердышей 1683 г. и заканчивая преображенскими мундирами Павла I, Николая I, Александра II и Александра III. По богатству и разнообразию материала собрание Цейхгауза Лейб-гвардии Преображенского полка было сравнимо с собраниями Царскосельского и Аничкова Арсеналов, а также

---

⁹ *Афанасьев А. А.* Полковые музеи русской армии — хранители воинской славы Отечества // Отечественные записки. 2003. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/1/polkovye-muzei-russkoy-armii-hraniteli-voinskoy-slavy-otechestva> (дата обращения: 24.04.2020); *Маркс Н. А.* Обзорные предметы военной старины. Отдел I. Музеи войсковых частей. М., 1912. Вып. I. С. 1–5.

¹⁰ *Спиридонова Т. П.* Указ. соч. С. 68.

¹¹ Учреждение Преображенского полка // Военный сборник. СПб., 1900. № 10. С. 228–231.

¹² По воинскому уставу Павла I от 1796 г., всем полкам в Армии предписывалось «относить старые знамёна в ближайший арсенал или цейхгауз». В конечном итоге, всё поступало на склад в Санкт-Петербургский Литейный Арсенал. Что-то могло оставаться в полковых церквях и на офицерских квартирах. Но оставлять трофеи в распоряжении полка можно было только по особому царскому разрешению.; *Николаев Н. Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках отличия Русской армии. СПб., 1899. Т. II. С. 192–193.; *Спиридонова Т. П.* Указ. соч. С. 46.

Собственной коллекции Его Императорского Величества¹³. Интересно, однако, что официально Музей полка открылся только в 1903 г.¹⁴

Такими собраниями при полковых цейхгаузах обладали все полки Русской Гвардии Санкт-Петербурга. Они были, в той или иной мере, укомплектованы ценными вещами и, так или иначе, выполняли те же протомузейные функции показа и хранения.

Определить, когда и какое из полковых собраний первым приобрело музейную форму организации, хранения, экспозиции и учёта, довольно сложно. Поэтому назвать дату возникновения «первого» полкового музея не представляется возможным.

Следующим по времени после 65-го Московского полка возникли Исторический музей Гвардейской артиллерии при л.-гв. 1-й Артиллерийской бригаде (1891 г.), музеи Л.-гв. Литовского (1895 г.), Л.-гв. Кавалергардского, 66-го Бутырского, а также Л.-гв. Кексгольмского полков (1899 г.)¹⁵.

Кексгольмский императора Австрийского полк располагался в Польше и при том получил «права и преимущества Старой гвардии»¹⁶ только в 1894 г. Несмотря на то, выдающийся музей Лейб-гвардии Кексгольмского полка стал образцовым для всех последующих войсковых музеев. Создатель музея капитан Б. В. Адамович (1870–1836 гг.) стал его первым хранителем. Под его руководством, в музее была создана развитая экспозиция — наилучшая для того времени. Адамович разделил экспонаты на 11 музейных отделов, согласно их материальной принадлежности:

I. «Заповедный» отдел.

II. Обмундирование, вооружение и снаряжение полка и полковые печати.

III. Трофеи, вооружение, обмундирование и сооружение неприятеля и военно-походные сувениры.

IV. Личные знаки отличий, медали, жетоны, рубли, кружки и прочие предметы, изготовленные в воспоминание различных событий.

V. Архив музея.

VI. Архив офицерского собрания.

VII. Библиотека.

VIII. Портреты.

IX. Группы.

---

¹³ Информация приведена по: *Спиридонова Т. П.* Указ. соч. С. 63–68.

¹⁴ *Котков В. М.* Полковые музеи и музеи военно-учебных заведений Русской армии. СПб., 2018. С. 68.

¹⁵ *Маркс Н. А.* Указ. соч. С. 6.

¹⁶ Кексгольмский, лейб-гвардии, Имп. Австрийского полк// Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1913. Т. 12. С. 487–489.

Х. Фотографии и живописные изображения форм полка, памятников, эпизодов боевой и мирной жизни, различных видов и предметов.

XI. «Сборный» — для всех остальных предметов¹⁷.

Особенное место занимал, так называемый «Заповедный отдел», в котором хранились важнейшие полковые реликвии, регалии и памятники «особого значения»¹⁸, а также подлинные бумаги и оригиналы полковых указов¹⁹. Стараниями Адамовича был издан первый печатный каталог музея — единственный за всю полковую дореволюционную практику²⁰. Кексгольмский полковой музей стал удачным и хорошо организованным примером зародившегося феномена полковых музеев.

И всё же большинство создававшихся в это время войсковых музеев не могло соответствовать Кексгольмскому образцу, и часто было вынуждено (в связи с индивидуальной полковой спецификой) довольствоваться теми средствами и той материальной базой, что была у них под рукой. Известны случаи, когда новообразованные музеи комплектовались печатными и архивными материалами, использовавшимися для составления полковых хроник²¹ по причине совершенного отсутствия каких-либо старинных предметов и свидетельств.

Это был один из существенных недостатков, заключающийся в стихийном, массовом характере музеев. Полковые музеи возникали, по причине общей модной тенденции, зачастую, при полном отсутствии коллекций и должного опыта. Всё это непременно приводило к противоречивым и подчас опасным последствиям.

Так, уже к началу XX в. обычным явлением стала передача полкам старых полковых реликвий из государственных хранилищ и исторических музеев. В первую очередь, от этого страдал фонд Санкт-Петербургского Артиллерийского Исторического музея (АИМ). Заведующий и первый руководитель музея Н. Е. Бранденбург (1839–1903) активно этому сопротивлялся, но часто за полковыми представителями стояли видные военные, заслуженные деятели, а иногда и сама императорская семья, особенно поощрявшая этот процесс, на волне общего патриотического подъёма²². Передача предметов военной старины из фондов Ар-

---

¹⁷ Маркс Н. А. Указ. соч. С. 7.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Во-многом расплывчатая и неполная классификация Адамовича была усовершенствована Н. А. Марксом и использована им в качестве образца в I томе «Обозрения предметов военной старины» для 11 войсковых музеев, в число которых вошли Музей 65-го Московского и л.-гв. Кексгольмского полков.; см.: Маркс Н. А. Указ. соч. С. 5–8.

²⁰ Там же. С. 6.; Котков В. М. Указ. соч. С. 52.

²¹ Спиридонова Т. П. Указ. соч. С. 63.

²² Там же. С. 74–77.; Архивы и музеи // Вестник Общества ревнителей военных знаний. СПб., 1899. № 12. С. 87.

тиллерийского музея в перспективе не сулила ничего хорошего. К этому времени Санкт-Петербургский музей артиллерии был крупнейшим научным военно-историческим центром дореволюционной России. Его фонды в течение 200 лет пополнялись уникальными предметами русской воинской славы. Единственной возможностью сохранить многие редчайшие военные предметы стала их передача именно в фонды этого музея. В научном и техническом отношении, АИМ являлся одним из немногих полноценных музеев того времени. И поэтому передача воинских реликвий в полковые музеи, не имевшие выработанного музейного законодательства и представлявшие собой корпоративную собственность офицерских собраний, расценивалась как ошибка, оплошность, безусловно, неправильный шаг. Сам Бранденбург писал об этом так: «Нужно ли указать, что печальные опыты... достаточно свидетельствуют, как можно гарантировать сохранность разных коллекций существовавших в некоторых войсковых частях и давно уже... исчезнувших.... Та же участь... подстерегает в будущем и предметы, которые будут выданы из коллекций Артиллерийского музея на устройство вновь музеев полковых, когда минует мода,... раздуваемая некоторыми лицами»²³.

В начале XX в. явление полковых музеев охватило практически всю Российскую армию. Особенно сильно музеи распространились в полках в 1900–10-е гг. Несмотря на специфические особенности отдельных музеев, все они имели ряд схожих черт и принципов организации.

Абсолютно все собрания музеев помещались в офицерском собрании полка или концентрировались вокруг него в пределах казарменного комплекса. Опись вещей производилась в рукописных шнутовых книгах²⁴. Правила составления описей в полках были у всех свои, определялись инициативой и представлениями офицеров — первых музейных хранителей.

Отдельное явление представляла музейная библиотека. Библиотечные собрания музеев комплектовались из личных книг, литературных трудов офицеров, а также из их статей в периодических изданиях, на базе библиотеки офицерского собрания. Иногда в них входили историко-исследовательские труды однополчан, а также путевые записки из этнографических экспедиций²⁵.

Для показа в ход шло всё, и библиотечные книги тоже становились частью открытого фонда.

---

²³ Текст цитаты приведён по: *Спиридонова Т. П.* Указ. соч. С. 76.

²⁴ *Марк Н. А.* Указ. соч. С. 6.

²⁵ *Спиридонова Т. П.* Указ. соч. С. 57.

Применительно к экспозиции в полковых музеях единой системы также не было²⁶. В ведущих образцовых музеях с богатыми коллекциями существовала наилучшая для того времени, научно организованная экспозиция по типовому или хронологическому принципу, в других музеях — бессистемное собрание предметов, размещавшееся в помещении в зависимости оттого, где есть место или, как лучше смотрится. Практически отсутствовал этикетаж²⁷. Но в некоторых музеях широко применялись военные карты, схемы и таблицы. Не было правил, запрещающих трогать экспонаты. Например, в Правилах Музея 145-го Новочеркасского полка говорилось: «при осмотре вещей обращаться с ними бережно, чтобы не испортить и не разбить»²⁸.

Так как полковой музей располагался в комнатах офицерского собрания, он фактически являлся его частью, почти никак не был отделён от других офицерских помещений. В музейных комнатах часто проводились собрания, в нём офицеры отдыхали, общались между собой, играли в карты. Разрешалось даже курить²⁹. В этих условиях музейные предметы всегда были частью интерьера. Старинные вещи, картины и портреты, полковые бумаги и мемориальные доски стояли на тумбах, лежали на столах, висели на стенах, как будто бы в обычной домашней обстановке, и определить, где было собрание, а где был сам музей, иногда было сложно.

И всё же, наряду со всем этим, предпринимались и достойные попытки по сохранению и реставрации музейных коллекций. Всерьёз вставал вопрос повреждения подлинных полковых реликвий. Внутренними правилами музейному хранителю запрещалось самостоятельно предпринимать какие-либо действия по ремонту³⁰. Многие видные войсковые музеи, располагавшие деньгами, отправляли на починку свои экспонаты в столичные антикварные мастерские³¹. Там же шились копии старинного полкового обмундирования «прежних времён»³², которые офицеры части заказывали, как правило, по случаю полкового юбилея. В процессе изготовления опирались на старые уставные книги и старинные образцы, хранящиеся в Интендантском музее Санкт-Петербурга³³.

---

²⁶ Разгон А. М. Очерк истории военных музеев в России (1861–1917) // Труды НИИ Музееведения. Вып. VII. М., 1962. С. 197; Спиридонова Т. П. Указ. соч. С. 129.

²⁷ Там же. С. 135–136.

²⁸ Положение о музее 145-го пехотного Новочеркасского императора Александра III-го, полка. СПб., 1912. С. 6.

²⁹ Спиридонова Т. П. Указ. соч. С. 134.

³⁰ Положение о музее 145-го пехотного Новочеркасского... С. 10.

³¹ Спиридонова Т. П. Указ. соч. С. 128.

³² Маркс Н. А. Указ. соч. С. 32.

³³ Подлинные мундиры рядового состава почти не сохранялись или были редкостью, т. к. мундир в полку использовался на износ. Но в то время ещё существовала ста-

При недостатке средств, копии шились полковыми портными³⁴. Изготавливалось по одному комплекту обмундирования на каждую эпоху, в зависимости от исторического устава. После чего копии поступали в собрания полковых музеев.

Кроме того, музеи пополнялись копиями наградных и памятных медалей, которые чеканил Санкт-Петербургский Императорский Монетный двор³⁵. В музеях также хранились весьма специфичные вещи, связанные с военной биографией полка и деятельностью самих офицеров. Например, чучела животных, привезённых офицерами из экспедиции или просто с охоты³⁶. В Кексгольмском полку находился специфический «Гренадерский кубок»³⁷, отлитый из серебра последних гренадерских погон офицеров полка в 1895 г.³⁸ Там же хранилось «Десять камней из мозаики Святой Софии в Константинополе», привезённых оттуда офицером Заковенкиным в 1878 г. (предположительно, после заключения мира в Сан-Стефано)³⁹. В полковые собрания входили старинные «копья, скобы и подтоки от различных знамён полка»⁴⁰, а также «рубль коронационный» и русские старинные монеты XVII–XVIII вв., которые, судя по всему, подарили музею офицеры полка⁴¹.

Некоторые предметы, полковые знамёна и регалии формально относились к музеям, но продолжали храниться в полковых храмах. Особенно много трофейных знамён оставалось в полковой Конногвардейской Благовещенской церкви в Петербурге⁴². Однако, в кругу научных и общественных деятелей, данный тип хранения уже рассматривался как не современный, не научный и опасный для сохранности военных предметов. Так, в выпуске № 4–5 (1914 г.) Журнала ИРВИО Ф. Прохоров в своей статье «О знамени Санкт-Петербургского ополчения» от-

---

ринная техника по изготовлению сукна особого касторового сорта. И бывало, что новоделы, изготовленные по той же технике, было сложно отличить от настоящих.; Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. С. 421.; Енушкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. С. 2127.

³⁴ Спиридонова Т. П. Указ. соч. С. 128, 141.

³⁵ Там же. С. 141.

³⁶ Там же. С. 57–58, 133, 175, 179, 181, 194.

³⁷ Маркс Н. А. Указ. соч. С. 8.

³⁸ До присвоения полку гвардейского статуса в 1894 г. Кексгольмский полк официально являлся гренадерским.; Кексгольмский, лейб-гвардии, Имп. Австрийского полк... С. 488.

³⁹ Маркс Н. А. Указ. соч. С. 10.

⁴⁰ Там же. С. 7.

⁴¹ Там же. С. 9, 32, 47.

⁴² К началу XX в. в церкви хранилось «3 древка, 52 штандарта и знамени», среди них и старый штандарт, полученный из АИМ в 1904 г.; Спиридонова Т. П. Указ. соч. С. 178.

мечает, что найденное знамя народного ополчения 1812 года находится «...до настоящего времени без всякой охраны от разрушения в Исаакиевском соборе...»⁴³, и намекает на то, что необходимо скорее перенести его в фонды АИМ⁴⁴.

Но, безусловно, были случаи, когда некоторые музейные ценности полкам отдавать отказывались. Особенно это касалось картин и портретов. В собраниях Зимнего дворца хранилось множество батальных и бытовых полотен Ф. Крюгера (1797–1857 гг.), А. И. Ладюрнера (1799–1855 гг.), К. Ф. Шульца (1796–1866 гг.), Петера фон Гесса (1792–1871 гг.), Дж. Доу (1781–1829 гг.), П. А. Федотова (1815–1852 гг.). На них изображались полки Русской гвардии на манёврах, постое, бивуаках, гауптвахтах, во время сражений, парадов и смены караула. Здесь же хранились парадные портреты членов императорской семьи в форме гвардейских полков. Исторические комиссии в полках добивались разрешения на доступ в царские собрания и делали фотографические снимки достопамятных полотен. Живописные и литографические копии заказывали профессиональным художникам и живописцам. Особой популярностью пользовался «Баталический класс»⁴⁵ (впоследствии мастерская) Б. П. Виллевальде (1818⁴⁶ — 1903 гг.) Императорской Академии Художеств, представители которой, Н. Н. Каразин (1842–1908 гг.), К. Н. Филлиппов (1830–1878 гг.), А. И. Шарлемань (1826–1901 гг.), П. О. Ковалевский (1843–1903 гг.), А. Д. Кившенко (1851–1895 гг.), В. В. Мазуровский (1859–1917/1923 гг.), сам Виллевальде, не только копировали уже существующие полотна, но и создавали собственные картины на сюжеты из истории полков, прекрасные и чрезвычайно богатые по содержанию. В написании полковых картин отличились и такие знаменитые художники как Б. М. Кустодиев (1878–1926 гг.)⁴⁷, Ф. А. Рубо (1856–1828 гг.), Н. С. Самокиш (1860–1944 гг.) — тоже ученик Виллевальде и глава его мастерской (с 1911 г.)⁴⁸.

⁴³ Прохоров Ф. Ф. О Знамени С.-Петербургского ополчения // Журнал ИРВИО... С. 326.

⁴⁴ В статье говорится, что на прошедшем собрании ИРВИО от 19 марта 1913 г. решение «о передаче знамени для дальнейшего хранения в Артиллерийский Исторический музей» уже было принято. Но разгоревшаяся полемика по поводу его подлинности приостановила этот процеС.; Там же. С. 324.

⁴⁵ Ильина Т. Н., Кайгородцев А. Н. Во имя доблести, добра и красоты. Полковые музеи России конца XIX — начала XX веков. СПб.: «Атлант», 2006. С. 28.

⁴⁶ Виллевальде Богдан Павлович // Военная энциклопедия... , 1912. Т. 6. С. 367–368.; Кондаков С. Н. Живописцы // Список русских художников. К юбилейному справочнику Императорской Академии Художеств 1764–1914. СПб., 1915. Ч. 2. С. 38.

⁴⁷ Государственный Русский музей представляет. Б. М. Кустодиев. Живопись, графика, скульптура из музеев, библиотек и частных собраний РФ. К 125 летию со дня рождения // Альманах. СПб., 2003. Вып. 59. С. 26.

⁴⁸ Ильина Т. Н., Кайгородцев А. Н. Указ. соч. С. 29.

Картины для полков писали и менее выдающиеся художники 2 и 3 ряда⁴⁹. Иногда и сами военнослужащие были художниками и писали собственные картины для своих полков. Картины, как и многое другое, поступали в качестве подарков из частных коллекций отставных однополчан и их детей.

Вообще нужно сказать, что многие выдающиеся военные деятели, генералы, полковники, капитаны проявили себя как профессиональные музейные работники⁵⁰. Под руководством ведущих военных специалистов проводились архивные и научно-исторические исследования, публиковались методические и дисциплинарные пособия для рядового состава, организовывались празднования полковых юбилеев, сочинялись и записывались полковые песни, организовывались тематические выставки из полковых коллекций⁵¹, создавались отдельные экспозиции из фотографий, открыток и брошюр по современной истории полков, проводился обмен взаимным опытом по музейной работе между полками. В научной среде широко были известны имена Б. В. Адамовича, П. П. Потоцкого (1857–1938 гг.)⁵², Н. П. Поликарпова (1853–1914 гг.)⁵³, А. И. Григоровича (1869–1944/1961 гг.)⁵⁴⁵⁵, Г. С. Габаева (1877–1956 гг.)⁵⁶, П. О. Бобровского (1832–1905 гг.)⁵⁷ и многих др.

Таким образом, российские профессиональные военные внесли особый вклад в развитие полковых музеев РИА.

Вместе с тем, полковые музеи оставались преимущественно закрытыми для простых посетителей, в том числе для рядового состава военнослужащих. Доступ в помещения Офицерского собрания оставался ограниченным. Регулировалось даже присутствие офицерской прислу-

---

⁴⁹ Спиридонова Т. П. Указ. соч. С. 191.

⁵⁰ Ильина Т. Н., Кайгородцев А. Н. Указ. соч. С. 7.

⁵¹ Спиридонова Т. П. Указ. соч. С. 135, 137–138.

⁵² Потоцкий П. П. Столетие Российской Конной Артиллерии. 1794–1894 г. СПб., 1894. 283 с.

⁵³ Поликарпов Н. П. Очерк боевой службы и столетней жизни 104-го пехотного Устюжского Генерала князя Багратиона полка. 1797–1897 гг. Вильна, 1897. 186 с.

⁵⁴ Григорович Александр Иванович // Военная энциклопедия... 1912. Т. 8. С. 494; Григорович Александр Иванович // Офицеры РИА. URL: https://www.ria1914.info/index.php/Григорович_Александр_Иванович (дата обращения: 25.04.2020).

⁵⁵ Григорович А. Пособие для составления полковых историй и устройства музеев. СПб., 1906. 156 с.

⁵⁶ Габаев Г. С. Краткий очерк развития образца русских знамен и штандартов в XIX веке. Знамена и штандарты, пожалованные русскими государями регулярным войскам в течение XIX века. Б. м., б. г. 98 с.

⁵⁷ Бобровский П. О. Истории полков Русской армии // Русский инвалид. 1904. № 84. С. 4–16.

ги⁵⁸. В ночное время к музейному входу могли приставить часового⁵⁹. С мая по сентябрь, полки уходили на военные сборы, и музеи временно закрывались. Ключ от двери был у хранителя музея. Организованных экскурсий в музеях не проводилось. Музейный хранитель рассказывал о составе и истории музейных коллекций, как правило, на месте, в присутствии немногочисленных высокопоставленных гостей: Императорской семьи, военных и государственных служащих, членов Императорского Русского Военно-Исторического Общества (ИРВИО). Рассказ хранителя дополнялся офицерами полка, участвовавшими в создании музея⁶⁰. В большинство музеев рядовой состав части практически не допускался, а если и допускался, то только по разрешению заведующего и в сопровождении офицера.

Стоит сказать, что в полковых собраниях весьма неоднобразно отражалась тема участия полков в событиях восстаний, мятежей и революций. Сугубо положительно трактовалось подавление Пугачёвского восстания (1773–1775 гг.), восстаний в Польше (1831 г.) и Венгрии (1848 г.). Однако роль полков в событиях Восстания декабристов (1825 г.) представлялась куда осторожнее. Так, в музее л.-гв. Конного полка хранились мундир и краги рядового М. Хватова, «раненного на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.»⁶¹ Участие же на стороне восставших отдельных подразделений и офицеров из гвардейских полков (л.-гв. Гренадерского, Финляндского и Московского полков), по понятным причинам, опускалось. Вместе с тем, полковая принадлежность амнистированных декабристов никак не оспаривалась. В музее л.-гв. Семёновского полка хранился «Стул, на котором сидел М. И. Муравьев-Апостол во время парада в день 200-летнего юбилея полка (23 мая 1883 г.), когда Государь Император возвратил ему знак отличия военного ордена, полученный им в звании подпрапорщика л.-гв. Семеновского полка за сражение под Бородиным»⁶².

Такая неприглядная тема как участие полков в Дворцовых переворотах вообще не поднималась. В виду нестабильной внутривойсковой обстановки, весьма деликатно подавался в музеях материал о действиях полков в Первую российскую революцию (1905–1907 гг.). В Описи Музея л.-гв. Кексгольмского полка в отделе полковых документов

⁵⁸ Спиридонова Т. П. Указ. соч. С. 145.

⁵⁹ Панченко А. М. Полковые музеи Русской армии: от офицерских библиотек к библиотекам музеев // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. Томск, 2014. № 2 (14). С. 101.

⁶⁰ Спиридонова Т. П. Указ. соч. С. 143–145.

⁶¹ Там же. С. 176, 187.

⁶² Цитата приведена по: Там же. С. 135.

и приказов по войскам фигурировали «Материалы о действиях отряда генер.-лейтенанта барона Меллер-Закомельского по водворении порядка на Самаро-Златоустовской и Сибирской жел. дорогах в 1906 г. (не подлежат оглашению вне полковой среды)»⁶³.

Московский съезд хранителей полковых музеев в 1913 г.

Помимо полковых музеев существовали учебно-исторические музеи в кадетских корпусах и военных училищах (Учебно-исторический музей Офицерской Кавалерийской школы, Исторические музеи Пажеского корпуса, Первого кадетского корпуса, а также при Николаевском кавалерийском училище)⁶⁴. Существовал также частный музей Михаила Николаевича, в котором великий князь собирал выпускные работы и творческие произведения воспитанников юнкерских училищ: акварельные чертежи, цветные открытки, копии генеральских и императорских портретов⁶⁵.

Самих же полковых музеев к 1914 г. насчитывалось около 226⁶⁶. Свой собственный музей имела даже Рота дворцовых гренадер. В Санкт-Петербурге и его пригородах своего музея не было только у Л.-гв. 1-го Стрелкового и Сводно-казачьего полков⁶⁷.

К 1910-м гг. эта обширная музейная сеть до сих пор не имела своего централизованного управления. Это, в свою очередь, в преддверии надвигающегося военного конфликта, усложняло процесс эвакуации музейных ценностей вглубь страны. Плана эвакуации тоже не было.

В 1913 г. в Москве состоялся Съезд хранителей полковых музеев⁶⁸. В результате работы Съезда, был принят проект единого «Положения о полковых музеях»⁶⁹. При активном участии Императорского Русского Военно-Исторического Общества (ИРВИО), специально созданная Военная комиссия внесла поправки в Положение об офицерских собраниях 1884 года, закрепив в нём статус полкового музея⁷⁰. В новом Положении о войсковых музеях оговаривались обязанности музейных хранителей, функции музея, а также рекомендованный список вещей для музейного комплектования. Официально подтверждался размер гос. пособия музеев: что фактически ставило их в зависимость от Российского Генераль-

---

⁶³ Маркс Н. А. Указ. соч. С. 14.

⁶⁴ см.: Котков В. М. Музеи военных училищ, кадетских корпусов // Указ. соч. С. 140–160.

⁶⁵ Ильина Т. Н., Кайгородцев А. Н. Указ. соч. С. 13–22.

⁶⁶ Полный список приведён в: Спиридонова Т. П. Указ. соч. С. 252–262.

⁶⁷ Там же. С. 73.

⁶⁸ Разведчик. СПб., 1913. № 1180. С. 358, 360.

⁶⁹ Кишкин Л. Съезд хранителей полковых музеев, частей московского военного округа в Москве // Военный сборник. СПб., 1913. № 7. С. 88–102.

⁷⁰ Журнал ИРВИО... С. 292.

ного Штаба: «для воинских частей, существовавших от 50 до 100 лет, — 300 руб., от 100 до 150 лет — 500 руб. и от 150 лет и более — 800 руб.»⁷¹.

Отдельным пунктом впервые отмечалось значение патриотического воспитания рядовых состава. Оно стало особенно актуальным после поражения в Русско-японской войне и революционных событий 1905–1907 гг. В отношении полковых музеев, располагавшихся в приграничных областях Империи, в «Указаниях к устройству и содержанию» предписывалось:

«Музеи войсковых частей, расположенных в пограничных районах и вообще находящихся в условиях, не обеспечивающих сохранность и безопасность их, должны состоять преимущественно из копий, или таких предметов, пропачка коих не является невозместимой. Вообще же в таких войсковых частях должны быть принимаемы особые меры по содержанию, охране и ликвидации всего музейно-исторического имущества»⁷².

Однако проблему эвакуации уже существующих полковых коллекций это предписание не решало.

В конечном счёте, принятое Положение о полковых музеях стало первым полковым музейным законодательством, призванным урегулировать основные вопросы в музейной практике и централизованно подчинить их Российскому Генеральному штабу.

Так или иначе, налаживанию этого процесса в 1914 г. помешало начало Первой Мировой войны, и дальнейшая судьба полковых собраний сильно изменилась.

Таким образом, основной предпосылкой возникновения полковых музеев стало создание в полках офицерских собраний, сплочение офицеров частей, их широкая научно-исследовательская и общественная деятельность. Огромная работа, проводившаяся российскими офицерами по выявлению, учёту и сохранению многих старинных полковых реликвий помогла сделать важный шаг к музеефикации полковых собраний. Искреннее стремление офицеров и полковых командиров, на волне общего исторического интереса, увековечить и передать новобранцам хронику многолетней истории полка, славной полковой семьи привело к появлению феномена войскового музея. Однако этот тип военного музея, несмотря на свою многочисленность, сильно уступал другим историческим музеям России. Войсковые музеи всё ещё оставались закрытыми, несмотря на попытки отдельных заведующих привлечь посторонних зрителей⁷³. Для дальнейшего экспозиционного

---

⁷¹ Кишкин Л. Указ. соч. С. 91.; Панченко А. М. Указ. соч. С. 93.

⁷² Журнал ИРВИО... С. 300.

⁷³ Заведующий музеем Л.-гв. Литовского полка, располагавшегося в Варшаве, Н. Д. Подвысоцкий открыл его двери ученикам гимназий, семинаристам, воспитанникам реаль-

развития музейных собраний требовалась серьёзная реорганизация, которая в полной мере воплотилась в период грядущих политических изменений в стране.

Список литературы

- Афанасьев А. А.* Полковые музеи русской армии — хранители воинской славы Отечества // Отечественные записки. 2003. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/1/polkovnye-muzei-russkoy-armii-hraniteli-voinskoy-slavy-otechestva> (дата обращения: 24.04.2020).
- Епишкин Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. 5140 с.
- Ивицкая А. Н.* Воинские храмы Санкт-Петербурга в период протопресвитерства Александра Алексеевича Желобовского // История военного и морского духовенства в Российской Империи в конце XIX — начале XX вв.: сборник материалов церковно-исторической конференции. СПб., 2015. С. 85–108.
- Ильина Т. Н., Кайгородцев А. Н.* Во имя доблести, добра и красоты. Полковые музеи России конца XIX — начала XX веков. СПб.: «Атлант», 2006. 288 с.
- Котков В. М.* Полковые музеи и музеи военно-учебных заведений Русской армии. СПб., 2018. 364 с.
- Кузнецов А. М.* Военные музеи в императорской России // Военно-исторический журнал. М., 2007. № 2. С. 56–61.
- Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. 1536 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь Русского языка. М., 1998. Изд. 4. 944 с.
- Павлова О. Г.* Лейб-гвардии Литовский полк: начало пути // Материалы научно-практической конференции «Коллекционер и коллекционеры». Череповец, 2010. URL: <https://cherktagu.ru/?page=Чечулинские-чтения&grecord2=9> (дата обращения: 27.04.2020).
- Панченко А. М.* Полковые музеи Русской армии: от офицерских библиотек к библиотекам музеев // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. Томск, 2014. № 2 (14). С. 93–104.
- Разгон А. М.* Очерк истории военных музеев в России (1861–1917) // Труды НИИ Музееведения. Вып. VII. М., 1962. С. 118–203.
- Спиридонова Т. П.* Музеи войсковых частей в дореволюционной России (становление и историко-культурное значение): дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н. М., 2005. 293 с.
- Хохлов И. В.* Полковая историография русской армии в конце XIX — начале XX в. // Вопросы истории. М., 2008. № 2. С. 159–166.
- Государственный Русский музей представляет. Б. М. Кустодиев. Живопись, графика, скульптура из музеев, библиотек и частных собраний РФ. К 125 летию со дня рождения // Альманах. СПб., 2003. Вып. 59.

Список источников

- Бобровский П. О.* Истории полков Русской армии // Русский инвалид. 1904. № 84. С. 4–16.
- Габеев Г. С.* Краткий очерк развития образца русских знамен и штандартов в XIX веке. Знамена и штандарты, пожалованные русскими государями регулярным войскам в течение XIX века. Б. м., б. г. 98 с.

ных училищ и даже малограмотным крестьянам из окрестных деревень. По записям музейной книги, в первые два года существования (1895–1896 гг.) музей посетило 3740 человек, в то время как в остальных полках число посетителей, как правило, не превышало 300–400 человек в год.; *Спиридонова Т. П.* Указ соч. С. 148–149.

- Григорович А.* Пособие для составления полковых историй и устройства музеев. СПб., 1906. 156 с.
- Гринёв С. А.* История Роты дворцовых гренадер. СПб., 1912. 393 с.
- Кишкин Л.* Съезд хранителей полковых музеев, частей московского военного округа в Москве // Военный сборник. СПб., 1913. № 7. С. 87–102.
- Кондаков С. Н.* Список русских художников. К юбилейному справочнику Императорской Академии Художеств 1764–1914. СПб., 1915. Ч. 2. 459 с.
- Маркс Н. А.* Обзорение предметов военной старины. Отдел I. Музеи войсковых частей. М., 1912. Вып. I. 76 с.
- Николаев Н. Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках отличия Русской армии. СПб., 1899. Т. II. 345 с.
- Поликарпов Н. П.* Очерк боевой службы и столетней жизни 104-го пехотного Устюжского Генерала князя Багратиона полка. 1797–1897 гг. Вильна, 1897. 186 с.
- Потоцкий П. П.* Столетие Российской Конной Артиллерии. 1794–1894 г. СПб., 1894. 283 с.
- Прохоров Ф. Ф.* О Знамени С.-Петербургского ополчения // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1914. Кн. 4–5. С. 3241–236.
- Архивы и музеи // Вестник Общества ревнителей военных знаний. СПб., 1899. № 12.
- Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1913. Т. 12.
- Журнал Русского военно-исторического общества. СПб., 1914. Кн. 4–5. С. 276–345.
- Памятные дни. Из воспоминаний Гвардейских стрелков / под ред. Верцинского Э. А.. Таллин, 1937. Изд. 2. 128 с.
- Положение об управлении хозяйством в отдельных частях войск: Приказ по воен. вед. 1887 г. за № 17. СПб., 1894. Неоф. изд. 104 с.
- Положение о музее 145-го пехотного Новочеркасского императора Александра III-го, полка. СПб., 1912.
- Учреждение Преображенского полка // Военный сборник. СПб., 1900. № 10. С. 228–231.
- Электронная база данных «Офицеры русской императорской армии». URL: [https://ria1914.info/index.php/Офицеры русской императорской армии](https://ria1914.info/index.php/Офицеры_русской_императорской_армии) (дата обращения: 28.04.2020).

Ignat Aleksandrovich YAKUPOV

bachelor student, Institute of History, Department of Museology,
St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

E-mail: ignat.yakupov@yandex.ru

The regimental museums of the Russian army became a new step by the process of Russian military heritage museification. That was a response to a new era not only in military affairs, but also in social development of Russia. The military reform of D. Milyutina (1816–1912) radically changed the structure of Russian army. The military reorganization set a number of extraordinary tasks to establish corporate education in the regiment, to preserve regimental traditions and history for their subsequent transfer to future soldiers. The era of the Great Reforms of Alexander II (1860–1870s) prepared the basis for the creation of regimental museums. But the first museums appeared already under Alexander III — in the wake of major military anniversaries (1880-90s). There were also the «exemplary» regimental museums, that were guided by the rest of the military units when creating their museums. But the spontaneous and massive nature of the regimental museums led to contradictory and dangerous consequences for museum items. At the beginning of the XX century the phenomenon of regimental museums encompassed almost the entire Russian army. Museums spread especially strongly in the shelves in the 1900-10s. Museum collections were replenished with regimental relics, books, uniform and numismatics. Battle painters painted pictures and regimental portraits to order. In 1913, the Congress of Regimental Museum Curators was held in Moscow. As a result of the work of the Congress, a

draft of a single «Regulations on Regimental Museums» was adopted. The regimental museums themselves numbered about 226 by 1914. Thus, the main prerequisite for the emergence of regimental museums was the creation of officers' assemblies in the regiments, the rallying of unit officers, their wide scientific research and social activities. The tremendous work carried out by Russian officers to identify, record and preserve many ancient regimental relics helped to take an important step towards the museification of regimental collections.

Keywords: regimental museum, regimental museum curators, Russian regimental historiography, exemplary regimental museums, exhibition, system of museum labels, museum congress.

УДК 94 (47).083

ББК 63.3 (2) 5

Валерия Вадимовна НЕЗГОВОРОВА

старший научный сотрудник, хранитель Инженерно-документального фонда Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: nezvaleria@yandex.ru

К ВОПРОСУ О РЕОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО КУРСА НИКОЛАЕВСКОГО ИНЖЕНЕРНОГО УЧИЛИЩА (по материалам Комиссии генерал-майора А. Р. Шуляченко, 1899 г.)

В статье на основе анализа документов Комиссии по реорганизации учебного курса в Николаевском инженерном училище из двухгодичного в трёхгодичный, изложены основные принципы, на которых предполагалось строить образование офицеров инженерных войск. Изменение содержания предметов и распределение их по классам предлагалось Комиссией с целью совершенствования профессиональной подготовки юнкеров и приведения учебного курса к соответствию современному уровню развития техники и технических знаний.

Ключевые слова: Николаевское инженерное училище, А. Р. Шуляченко, реорганизация, учебный курс.

В ноябре 1899 г. начальник Николаевской инженерной академии и училища генерал-майор Саранчѳв Е. С.¹ поручил специальной Комиссии, созданной из профессоров и преподавателей, выработать учебный план для Николаевского инженерного училища (НИУ) с обязательным 3-х годичным курсом. Председателем Комиссии был назначен генерал-майор Алексей Романович Шуляченко (1841–1903), заслуженный профессор Николаевской инженерной академии (1891), инспектор классов (1886–1899), выдающийся учёный-химик.² (*Ил. 1*) Членами комис-

---

¹ Саранчѳв Евграф Семёнович (1850-после 1917), начальник Николаевской инженерной академии и училища (1899–1905), генерал-лейтенант (1902), инженер-генерал (1908).

² Главная научная и практическая деятельность А. Р. Шуляченко охватывала все вопросы по производству и применению цементов. Кроме общей химии и строительной технологии, А. Р. Шуляченко изучал также химию взрывчатых веществ. Из его научных сочинений следует указать получивший известность «Учебник неорганической химии». А. Р. Шуляченко является автором многочисленных статей по теории и практике применения цементов и по взрывчатым веществам, публиковавшимся в «Инженерном журнале» и других русских и зарубежных технических журналах.

сии являлись: генерал-майор Модрах К. А. (1840–1903), полковники Крюков Н. А. (1850–1915), Энгман Э. К. (1860–1901) и Стаценко В. П. (1860–1918), подполковник Лундберг Э. Ю. (1860-?) и капитан Зубарев Ф. И. (1868–1942).³

В течение 1899–1900 учебного года Комиссия по реорганизации учебного курса в Инженерном училище из 2-х годичного в 3-х годичный занималась детальной разработкой нового учебного плана училища, решая накопившиеся за предшествовавшие годы проблемы учебной подготовки военных инженеров. Практическим итогом деятельности Комиссии явился переход Николаевского инженерного училища к обязательному трёхлетнему учебному курсу в 1906 г.

В Инженерно-документальном фонде Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) хранятся машинописные документы — протоколы 7 заседаний Комиссии и два варианта текста доклада А. Р. Шуляченко начальнику Николаевской инженерной академии и училища по итогам работы.

Анализ документов дает возможность выявить основные принципы, на которых предполагалось строить образование офицеров инженерных войск, проследить изменения в содержании предметов и распределении их по классам по проекту реорганизации.

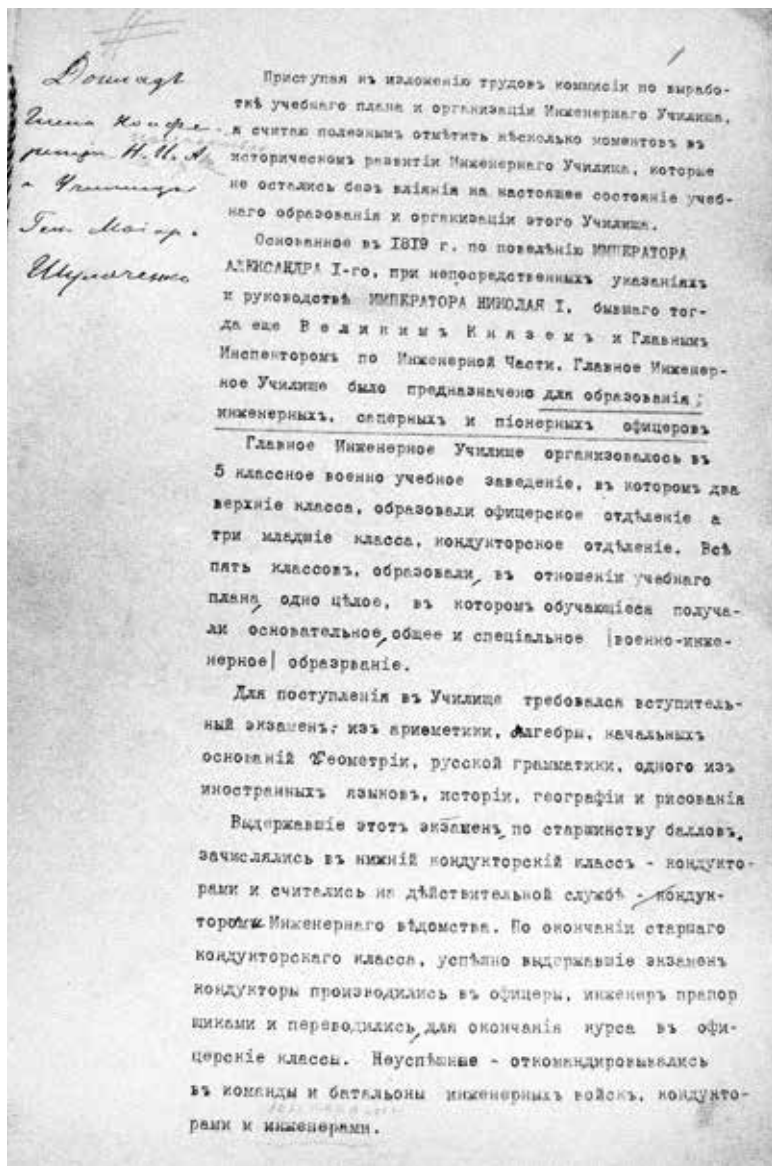
Первый вариант доклада А. Р. Шуляченко, от 1 января 1901 г., составлен на 46 листах, с многочисленными рукописными пометами, добавлениями и исправлениями.⁴ В тексте особо отмечены «несколько

Ил. 1. Генерал-майор Шуляченко Алексей Романович (1841–1903). Фотоателье А. Оцупа. Санкт-Петербург. Начало 1890-х гг. (?). ВИМАИВиВС. ИДФ 24/39 (15)

³ «Протоколы заседаний Комиссии о преобразовании Николаевского инженерного училища в училище с обязательным трёхлетним курсом. 1899–1900 гг.» // ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (3), л. 1

⁴ «Доклад Председателя Комиссии о реорганизации учебного курса в Инженерном училище из 2-х годичного в 3-х годичный, члена Конференции Николаевской инженерной

Ил. 2. Доклад председателя Комиссии о реорганизации учебного курса в Инженерном училище из 2-х годовичного в 3-х годовичный, члена конференции Николаевской инженерной академии и училища генерал-майора Шуляченко. Лист из доклада. 1901 г. Санкт-Петербург. ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (1), Л. 1

моментов в историческом развитии Инженерного Училища, которые не остались без влияния на настоящее состояние учебного образования и организации этого училища».⁵ (Ил. 2)

При основании 1819 г., Главное инженерное училище имело 5 учебных классов: три младших класса, воспитанники которого именовались кондукторами и считались на действительной службе, образовали кондукторское отделение; два верхних — образовали офицерское отделение.

Для поступления требовался вступительный экзамен: из арифметики, алгебры (до уравнений), оснований геометрии, русской грамматики, французского или немецкого языка, истории, географии и рисования.

В офицерских классах продолжали учёбу те, кто успешно выдержал экзамен по окончании кондукторских классов. Не выдержавшие экзамены — определялись на службу прапорщиками в Инженерный корпус, в сапёрные и пионерные батальоны. Окончившие курс старшего офицерского класса с отличием, выпускались в полевые инженеры поручиками, остальные — подпоручиками и зачислялись в инженерные команды.

Директор Главного инженерного училища граф Сиверс⁶ и помощник его барон Эльснер⁷ «поставили себе заслуживающей полного сочувствия задачей приготовить для инженерного корпуса не только военных специалистов, но и прекрасно образованных офицеров».⁸ В учебном плане обширное место отведено математике, от арифметики до аналитической геометрии, дифференциального и интегрального исчисления, истории и географии, физике и химии, русскому и французскому языку. Преподавались специальные науки: фортификация, артиллерия, строительное искусство.⁹

Учебный курс Главного инженерного училища «значительно развился... во время начальствования училищем генералом Шарнгорстом,¹⁰

академии и училища, генерал-майора Шуляченко. 1 января 1901 г.»// ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (1)

⁵ Там же, Л. 1.

⁶ Сиверс Егор Карлович (1778–1827) — начальник Главного инженерного училища в 1820–1827 гг. Генерал-лейтенант (1825). Окончил Пажеский корпус (1799), обучался в Дерптском и Геттингенском университетах (1801–1806). Участник военных кампаний 1806–1809 гг., Отечественной войны 1812 г, Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.

⁷ Эльснер фон, барон Фридрих Готтлиб (Фёдор Богданович, 1771–1832 гг.) — начальник Главного инженерного училища в 1828–1832 гг. Генерал-майор (1821).

⁸ ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (1), Л. 2.

⁹ Там же, Л. 3

¹⁰ Шарнгорст Василий Львович (1798–1873) — начальник Главного инженерного училища в 1835–1844 гг. Генерал-лейтенант (1844), инженер-генерал (1867).

оставаясь, впрочем, верным положенным при основании Главного инженерного училища началам учебного образования».¹¹ В офицерских классах отдельно выделена статика и механика, расширено преподавание строительного искусства. К специальным предметам добавлена тактика.¹²

Следующий важный момент развития Главного инженерного училища, отмеченный в докладе, «составляет присоединение его, вместе с артиллерийским училищем, к ведомству военно-учебных заведений».¹³ В 1849 г., после смерти великого князя Михаила Павловича, Главного начальника военно-учебных заведений, начальником ведомства был назначен наследник цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II. Под его начало и были переданы «оба специальные училища». Тем не менее, материальное обеспечение Главное инженерное училище получало из Инженерного Управления, которому было предоставлено также право участия в рассмотрении программ по специальным предметам и практическим занятиям.

В первые годы после преобразования были приняты меры по согласованию учебных планов Инженерного и Артиллерийского училищ с учебными планами кадетских корпусов. В 1852 г., для пополнения некомплекта офицеров в инженерных войсках, учреждены были при кадетских корпусах третьи специальные классы с инженерным отделением, по окончании которых воспитанники могли переводиться прямо из корпусов в младший офицерский класс Инженерного училища, или выпускаться на службу в войска. С их учреждением возросло число поступающих в младший офицерский класс училища, особенно с 1855 года, когда офицерские классы были переименованы в Николаевскую инженерную академию, в составе теоретического (младшего) и практического (старшего) классов. В докладе приводятся данные, что в 1860 г. число поступивших в младший класс Николаевской инженерной академии «достигло 127 человек, из числа коих только 25 офицеров поступили из кондукторских классов, переименованных в Николаевское инженерное училище».¹⁴

В 1863 г. специальные классы кадетских корпусов были преобразованы в военные училища, из общих классов образованы военные гимназии. С этого же времени прекратился перевод в Инженерную академию из Инженерного училища. Выпущенные после училища офицеры могли держать вступительный экзамен в академию после 2 лет службы.

---

¹¹ ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (1), Л. 4.

¹² Там же, Л. 5.

¹³ Там же, Л. 4.

¹⁴ Там же, Л. 8–9. Там же, Л. 10.

Пожелавшие служить в инженерных войсках юнкера других военных училищ, должны были после двухлетнего обучения поступать в старший класс Николаевского инженерного училища, и только по окончании курса этого училища выпускались в инженерные войска, наравне с юнкерами, окончившими все три класса инженерного училища.

В Николаевское инженерное училище поступали первые ученики военных и гражданских гимназий и лучшие юнкера военных училищ, что способствовало улучшению качества специального образования в училище. «Все эти преобразования глубоко затрагивали своим влиянием как организацию инженерного училища и комплектование инженерных войск, так и научное образование в училище. . . Со времени этого преобразования училища начинается цветущая пора в развитии инженерных войск в России». ¹⁵ В докладе подчёркивается, что важную роль в этом принадлежала товарищу его императорского высочества генерал-инспектора по инженерной части генерал-адъютанту Тотлебену Э. И., ¹⁶ в ведении которого с 1863 г. состояла Николаевская инженерная академия и училище.

20 июня 1867 г. было высочайше утверждено «Положение о военных училищах: первом (Павловском), втором (Константиновском), третьем (Александровском), четвёртом (в городе Оренбурге), Николаевском кавалерийском, Михайловском артиллерийском и Николаевском инженерном». По штату в инженерном училище обучались 126 юнкеров, в академии — 75 офицеров. «Учебный курс училища составляли следующие предметы: Закон Божий, фортификация (полевая и долговременная, минное искусство, атака и оборона крепостей, устройство военных сообщений), тактика, артиллерия, элементарные части строительного искусства, элементарная математика до аналитической геометрии включительно, физика, элементарный курс химии, русская словесность, иностранные языки (французский, немецкий и английский), черчение (фортификационное, топографическое, архитектурное и артиллерийс-

---

¹⁵ Там же, Л. 10. Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884), военный инженер-фортификатор, герой обороны Севастополя 1854–1855 гг. Генерал-адъютант (1855), директор инженерного департамента (1859), товарищ генерал-инспектора по инженерной части (1863), инженер-генерал (1863). Участник русско-турецкой войны 1877–1878. В 1878 — главнокомандующий русской армии. Граф (1879). Генерал-губернатор Северо-Западного края (1880).

¹⁶ Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884), военный инженер-фортификатор, герой обороны Севастополя 1854–1855 гг. Генерал-адъютант (1855), директор инженерного департамента (1859), товарищ генерал-инспектора по инженерной части (1863), инженер-генерал (1863). Участник русско-турецкой войны 1877–1878. В 1878 — главнокомандующий русской армии. Граф (1879). Генерал-губернатор Северо-Западного края (1880).

кое». ¹⁷ Курс наук в училище отличался от прежних «несколько большим развитием фортификации и военных наук, введением английского языка и химии и исключением дифференциального исчисления, которое перенесено в младший класс академии». ¹⁸ Для поступления в Инженерную академию теперь не требовалось сдавать экзамен по высшей математике, что уравнило офицеров, поступающие из других родов войск с теми, кто окончил Николаевское инженерное училище. Но это преобразование, как показала практика, не достигло цели: большинство поступавших в академию всё-таки были воспитанниками Инженерного училища, более подготовленными в специальных науках и практических занятиях. «Поэтому спустя несколько лет, в 1871 г., преподавание высшей математики вновь было введено в старшем юнкерском классе училища, и в число предметов на вступительном экзамене в Инженерную академию вновь включено дифференциальное исчисление. И оказалось, что число желающих поступить в Инженерную академию нисколько не уменьшилось от такой перемены... И если преобладающее количество всё же осталось за офицерами из инженерного училища, то в числе офицеров прочих родов войск выдающееся место по количеству стали занимать артиллеристы», ¹⁹ имевшие отличнейшие познания в высшей математике. В целом, учебные курсы Инженерного училища не претерпевали существенных изменений с 1867 г. почти до 1885 г.

Однако, франко-прусская война 1870–1871 гг. и русско-турецкая война 1877–1878 гг. показали значение новых технических средств борьбы с противником: железных дорог, воздушных шаров, телеграфа, новых взрывчатых составов, усовершенствованных орудий. С этих пор начинается «осязательно сказываться потребность в дополнении учебных курсов инженерного училища, так как применение этих новых технических средств выпало, по преимуществу, на долю инженерных войск». ²⁰

Образованная в 1887 г. Комиссия под председательством генерал-майора Кобелева А. П. ²¹ «занялась разработкой минимума знаний, необходимых для офицера инженерных войск, соответственно современным требованиям инженерной техники». ²² В ходе работы Комиссия сочла необходимым расширить программы по некоторым преподавае-

---

¹⁷ Максимовский М. С. Исторический очерк развития Главного инженерного училища 1819–1869. СПб, 1869. Приложение, С. 24.

¹⁸ ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (1), Л. 11–12.

¹⁹ Там же, Л. 14.

²⁰ Там же, Л. 15.

²¹ Кобелев Александр Павлович (1838–1897) — военный инженер, генерал-лейтенант (1889), Главный начальник инженеров (1895).

²² ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (1), Л. 16.

мым в училище предметам (атака и оборона крепостей, военные сообщения, история крепостной войны), а также ввести в учебные курсы училища новые предметы: новые взрывчатые составы и применение их в подрывном деле, подводные мины, телеграфное дело, железнодорожное дело и сведения по военной гигиене. Чтобы увеличить часы для преподавания новых предметов, было предложено сократить или вовсе исключить преподавание некоторых предметов: «курс по русской словесности и истории литературы сократить вдвое, а вступительный курс по артиллерии, обще законоведение и дифференциальное исчисление исключить из курсов училища вовсе».²³

Исключение дифференциального исчисления не было одобрено Военным Министром; по его же распоряжению со второй половины учебного 1889–1890 г. курс Инженерного училища был значительно расширен в соответствии с высказанными предложениями Комиссии.²⁴

Чтобы устранить некомплект офицеров в инженерных войсках, возросший в 1887–1891 гг. с 75 до 150-ти человек, Комиссия генерала Кобелева предложила расширить училище со 126 до 270 юнкеров. «Но расширение училища, по недостатку необходимых для того средств разрешено не было».²⁵ Тогда генерал Кобелев предложил увеличить число выпускаемых из Инженерного училища офицеров «преобразованием его из 3-курсного в 2-х курсное».²⁶ путём исключения одних предметов, сокращения других и «усиления» учебных занятий юнкеров. Но это предложение не было принято большинством членов комиссии.

Окончательное решение было компромиссным: увеличение состава училища до 250 юнкеров; обучение двухкурсное, по 100 юнкеров на курсе, с добавлением 3-го, дополнительного класса, куда принимаются 50 юнкеров, показавших лучшие успехи на первых двух курсах. Осуществление реорганизации началось «с 1894 г., после 75 летнего существовании Инженерного училища в трёхкурсном составе, и закончилось в 1897 г. выпуском 50 офицеров из дополнительного класса и 50 офицеров, окончивших 2-х годичный учебный курс Инженерного училища».²⁷

И хотя реорганизация была проведена с меньшими расходами для казны, как если бы был оставлен полный трёхгодичный курс, экономия эта была достигнута «с большими пожертвованиями в качестве подготовки офицеров».²⁸

---

²³ Там же, Л. 17.

²⁴ Там же, Л. 18.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, Л. 19.

²⁷ Там же, Л. 23.

²⁸ Там же.

оній називає для лучшего ознайомленія юнкеровъ съ новою літературою и главнымъ образомъ для упражненія въ писаніи сочиненій, на что и назначено І часть. Въ настоящее время нарѣдко наблюдается что даже выпускные юнкера затрудняются свободно излагать свои мысли, почему комиссия и признала крайне желательнымъ такое нововведеніе.

Въ заключеніе комиссия постановила пригласить въ слѣдующее засѣданіе профессоровъ и преподавателей химіи, физики, механики, строительнаго искусства для обсужденія вопросовъ, насаженныхъ постановки этихъ предметовъ въ Училищѣ

*Председатель Комиссии Александр Александрович
Генерал-Маіор Шудченко
Генерал-Маіор Мухоморов
Полковникъ Крыковъ
Полковникъ Горбовъ
Полковникъ Зубаревъ*

Генерал-Маіор Шудченко

ПРОТОКОЛЬ

четвертаго засѣданія комиссіи о преобразованіи Николаевскаго Инженернаго Училища въ училище съ обязательнымъ трёхлѣтнимъ курсомъ.

22 Января 1900 г. Комиссія въ составѣ председатели Генералъ-Маіора Шудченко и членовъ: Генералъ-Маіора Мухоморова и Полковниковъ Крыкова, Стаценко, Зигманна, Лундберга и Никитина Зубарева въ присутствіи профессоровъ: Подполковника Иванова, Подполковника Малги и преподавателей: Генералъ-Маіора Будавскаго, Статскаго Совѣтника Вульфа, Коллежскаго Совѣтника Горбова по порученію Начальника Академіи читала и обсуждала записку Генералъ-Маіора Аргашанова "Вѣроятный режимъ и устройство интернатовъ будущихъ школъ въ связи съ развитіемъ электротехники." послѣ чего выслушала и составленную Подполковникомъ Крыковымъ отвѣтную записку. Комиссія вслѣдъ согласилась съ

Ил. 3. Протоколы заседаний Комиссии о преобразовании Николаевского инженерного училища в училище с обязательным трёхлетним курсом, 1899–1900 гг. Лист с подписями членов Комиссии. 1900 г. Санкт-Петербург. ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (3). Л. 9

А. Р. Шуляченко отмечает следующие причины, обусловившие необходимость новой реорганизации учебного процесса в училище: участвовавшие случаи переутомления и «малоуспешности» юнкеров от увеличения числа учебных часов, «потребовавшие введения недопускаемых прежде переэкзаменовок»;²⁹ понижение общего уровня способности кадет, пожелавших поступить в Инженерное училище. Тем не менее, число желающих поступить на дополнительный курс «и получить вполне законченное образование в 3-х годичном курсе всегда превосходит положенную по штату норму в 50 человек».³⁰ Чтобы не отказывать способнейшим, но не попавшим в это число юнкерам, в 1900 учебном году «по представлению Главным начальником инженеров, Военный Министр разрешил перевести в дополнительный класс свыше нормы, положенной по штату — 62 человека... Таким образом, силою самих обстоятельств начинаются отступления от установленного порядка, как и всегда это замечается когда новое законоположение не находится в уровне с запросами действительной жизни».³¹

Работа Комиссии отражена в протоколах семи заседаний, с 20 ноября 1899 г. по 4 мая 1900 г., на 28 листах. Протокол каждого заседания подписан членами Комиссии.³² (Ил. 3)

На первом заседании, прежде обсуждения учебных планов, Комиссия единогласно приняла основные принципы, на которых должно строиться образование в Инженерном училище.

1. Поскольку техническое образование невозможно отделить от военного, нежелательно исключать преподавание высшей математики из учебного курса училища.

2. Образование офицеров должно быть однородно. Невозможно допустить «существование сапёрных офицеров с различным образовательным цензом: из дополнительного отделения, из старшего курса Николаевского инженерного училища, из военных училищ, и притом ещё разных разрядов».³³ В военное время офицеры инженерных войск почти всегда будут действовать не в составе частей, а самостоятельно, командуя небольшими отрядами, когда офицеру самому «придётся давать окружающим советы и указания почти по всем отраслям инженерной техники».³⁴

---

²⁹ Там же, Л. 27.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Протоколы заседаний Комиссии о преобразовании Николаевского инженерного училища в училище с обязательным трёхлетним курсом. Санкт-Петербург, 1899–1900 гг. // ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (3).

³³ Там же, Л. 1.

³⁴ Там же, Л. 2.

3. Невозможно вместить все необходимые для сапёрного офицера предметы в двухлетний курс. Необходим трёхлетний курс и три лагерных сбора.

4. Образование в училище должно состоять из трёх курсов, но предметы должны быть распределены так, чтобы «в первые два года проходило всё то, что проходится в военных училищах и, кроме того, ещё часть специальных инженерных наук».³⁵ После двух лет подготовки офицеры получают военное образование не хуже, чем их сверстники из военных училищ. Тогда можно будет выпускать после второго курса «малоуспешных» в математических и инженерных науках юнкеров, которые будут прекрасными офицерами для армии, «но выпускать их в инженерные войска нельзя»³⁶. Поэтому решено сохранить за третьим курсом название «дополнительного отделения», а также права и преимущества выпускаемых после третьего курса в офицеры юнкеров.

5. Чтобы обеспечить комплектование училища наиболее способными молодыми людьми, желательно усилить прием в училище по экзамену «со стороны» (окончивших курс гражданских гимназий и других соответственных заведений) и принимать лучших по баллам из экзаменовавшихся и из кадет. Для поступающих «со стороны» желательно увеличить предоставляемые казённые вакансии³⁷.

Обсуждения учебного плана на заседаниях Комиссии велись с приглашением преподавателей и профессоров по рассматриваемым направлениям. План был выработан с учётом вышеуказанных принципов и в соответствии с требованиями времени и подробно изложен в окончательном варианте доклада А. Р. Шуляченко начальнику Николаевской инженерной академии и училища. Машинописный текст на 16 листах — копия, отпечатанная в типо-литографии Маркова³⁸. (Ил. 4)

К началу XX в. в Николаевском инженерном училище преподавались следующие предметы: Закон Божий, военная администрация, законоведение, топография с черчением, фортификация, артиллерия, тактика и военная история, военные сообщения и железнодорожное дело, математика, механика, физика, химия, строительное искусство, иностранные языки (немецкий, французский), русский язык, военные телеграфы, подводные мины, архитектурное рисование³⁹.

---

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, Л. 3.

³⁸ Доклад Председателя Комиссии о реорганизации учебного курса в Инженерном Училище из 2-х годичного 3-х годичный, члена Конференции Николаевской Инженерной Академии и Училища, Генерал-майора Шуляченко // ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (2)

³⁹ Там же, Л. 3 об. — 4.

В предлагаемом Комиссией учебном плане без изменений остались лекции по первым четырём предметам. Остальные предметы претерпели изменения в количестве лекций, содержании, распределении по курсам. Архитектурное рисование было заменено проектированием фасадов. По претерпевшим изменения предметам в докладе изложены «мотивы, вызвавшие такие изменения»⁴⁰.

Итоги отражены в предложенной Комиссией Таблице распределения лекций, в которой показаны предметы и количество часов по ним в каждом классе, на момент составления («теперь») и планируемые («в будущем»)⁴¹. (Ил. 5)

Важнейшая для инженеров дисциплина, фортификация, как и прежде, должна изучаться во всех классах училища, по разделам: полевая фортификация, долговременная фортификация, атака и оборона, история осад, применение полевой фортификации на местности. Разделённые ранее на два отдельных курса минное искусство, подрывное дело и взрывчатые составы предполагается читать как единый курс в старшем классе.

На курс артиллерии «при нынешнем расписании назначено 4 часа», по новому плану добавляется одна лекция в старшем классе и одна в дополнительном. Что касается содержания курса, то в нём «должны быть развиты все сведения, имеющие тесную связь с сапёрным делом и военно-инженерным искусством... Сведения по установке осадно-крепостной и береговой артиллерии, сведения о стрельбе из ору-

Ил. 4. Доклад председателя Комиссии о реорганизации учебного курса в Инженерном Училище из 2-х годовичного в 3-х годовичный члена конференции Николаевской инженерной академии и училища генерал-майора Шуляченко. Копия. Титульный лист. 1901 г. Типолитография Маркова. Санкт-Петербург. ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (2). Л. 1

⁴⁰ Там же, Л. 4.

⁴¹ ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (3), Л. 13

Комиссія постановила распределить лекції следующим образом:

Младший классъ	Старший классъ	Дополнит. кл.
Законъ Божій	Законъ Божій	Законъ Божій
Русскій языкъ	Русскій языкъ	Франц. яз.
Французскій языкъ	Французскій яз.	Нѣмецк. языкъ
Нѣмецкій языкъ	Нѣмецкій яз.	Русскій яз. [сочиненія]
Аналитическая геом. и введеніе въ анал.	Электротехника	Динамика
Физика	Химія	Статика
Полевая фортификація съ проектами	Примѣненіе полевой фортификаціи къ местности съ задачами	Прикладная механика
Военныя сообщенія	Долговремен. фортификація	Практическія занятія по электротехн.
Артиллерія	Атака и оборона крѣпостей	Исторія ос.
Тактика	Минное искуc. подрывное дѣло и взрывчатые составы.	Кельнод. дѣло съ подерж. сос.
Топографія	Военныя телегр.	Строит. искуc.
Законоуѣдніе	Артиллерія	Задачи по тактикѣ.
Военная администр.	Тактика съ зад.	Проекты по долговремен. фортификаціи
Топограф. черченіе	Исторія отеч. войн	Проекты по атакамъ
Строительное искуc.	Архитект. рисов.	Проекты по мин. искуc.
Химія	Задачи по воен. сообщеніямъ	Проекты по строят. искуc.
Динамика	Военныя сообщен. [с]	Подвод. минны
Итого	Кельнод. дорожн. дѣло	Воен. телегр.
	Военная админист.	Задачи по воен. сообщ.
	Дифференціал. исчисленіе	Артиллерія
	Строительное иск.	Проектиров. расцѣловъ
	Динамика	Архитект. рис.
	Итого.	Дифференц. исчисленіе съ зад.

Ил. 5. Таблица распределения лекций по постановлению Комиссии о реорганизации учебного курса в Инженерном училище из 2-х годичного в 3-х годичный. 1901 г. Санкт-Петербург. ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (3). Л. 13

дий, о приборах для этой стрельбы и о разрушительных действиях снарядов»⁴².

Курс тактики распределен по каждому классу, но всего часов меньше, чем в военных училищах (6 часов против 7), «что, можно надеяться, не повлечёт за собой особого ущерба в знаниях по тактике... ввиду всё же лучшей подготовки юнкеров в Инженерном училище против таковой в военных училищах»⁴³.

Наибольшие изменения по количеству и содержанию лекций коснулись курса военных сообщений. По плану двухгодичного обучения этот курс юнкера начинали изучать в младшем классе и заканчивали в старшем. При этом железнодорожное дело читалось как отдельный предмет. «При таком порядке юнкера младшего класса, при недостаточной подготовке к пониманию чертежей, усваивали этот предмет с большим трудом, и наибольшее число малоуспешных, со времени реорганизации Инженерного училища в 2-х курсное, оказывалось именно по предмету военных сообщений»⁴⁴. Вообще, курс военных сообщений, с задачами и железнодорожным делом, оказывался самым сложным для юнкеров. Большинство окончивших двухгодичный курс училища «отправлялись офицерами в инженерные войска, недостаточно усвоивши этот важный предмет»⁴⁵.

При предполагаемом трёхгодичном учебном курсе, занятия по военным сообщениям должны начинаться теоретическим курсом в старшем классе, когда юнкерам легче усвоить его. Упражнения в задачах перенесены в дополнительный класс; сведения о подвижном составе будут преподаваться также в дополнительном классе, в курсе железнодорожного дела. Таким образом, «офицеры инженерных войск, при обязательном трёхгодичном учебном курсе, будут обладать сведениями по всем отделам железнодорожного дела, тогда как, при 2-х годичном курсе, часть офицеров являлась на службу без всякого понятия о подвижном составе железных дорог»⁴⁶.

В курсе математики основным требованием при возвращении к 3-х годичному учебному курсу «Комиссия единогласно признала целесообразным поднять уровень математического образования в Инженерном корпусе, сделав обязательным для всех офицеров инженерных войск обучение высшей математике и дифференциальному исчислению»⁴⁷. Математика будет распределена по всем трём классам, уже в младшем

---

⁴² ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (2), Л. 4 об.

⁴³ Там же, Л. 5 об.

⁴⁴ Там же, Л. 6.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, Л. 7

классе планируется «Введение в высший анализ», в старшем — дифференциальное исчисление, а для юнкеров дополнительного класса — «упражнения в задачах по дифференциальному исчислению»⁴⁸.

Несколько изменено содержание курса физики: Комиссия постановила «более приспособить его к потребностям инженерной техники»⁴⁹. Для этого в старшем и дополнительном классах добавится курс электротехники, с практическими занятиями.

Курс химии, ввиду важности применения в инженерной технике (взрывчатые составы, воздухоплавание, гальванизм), было признано необходимым распределить между младшим и старшим классами. При отсутствии химической лаборатории приходится ограничиться только теоретическим преподаванием⁵⁰.

Курс строительного искусства должен быть распределён по всем 3-м классам, таким образом, он будет усваиваться лучше (при двухгодичном плане в младшем классе не изучается). В дополнительном классе добавляются проекты по строительству и курс по проектированию фасадов. Этот курс тем более важен, что знание строительного искусства в объёме училищного курса включено в приёмный экзамен при поступлении в Николаевскую Инженерную академию.

По русскому языку Комиссия постановила прибавить 1 час в дополнительном классе для «упражнения в писании сочинений»⁵¹. Это нововведение было признано крайне желательным, так как «нередко наблюдается, что даже выпускные юнкера затрудняются свободно излагать свои мысли»⁵².

Принципы, положенные в основу реорганизации учебного курса Комиссией А. Р. Шуляченко, следовали традиции высоких профессиональных требований к офицерам инженерных войск. Подготовка юнкеров должна была соответствовать современному уровню развития техники и технических знаний. Учебные программы училища были согласованы с курсом Николаевской инженерной академии, что являлось дополнительным стимулом для поступления в академию.

---

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, Л. 7 об.

⁵⁰ Там же, Л. 8.

⁵¹ Там же, Л. 8 об.

⁵² ВИМАИВиВС. ИДФ 22/153 (3). Л. 9.

Valeria Vadimovna NESGOVOROVA

Senior Researcher/ Curator of the Dept of Documents
on the History of Engineer Corps, Military Historical Museum of Artillery,
Engineer and Signal Corps (Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: nezvaleria@yandex.ru

The reorganization of the curriculum of Nicolas engineering school (according documents of General A. R. Shulyachenko Commission)

The article based on documents of Commission for the reorganization of the curriculum of Nicolas engineering school describes the principles of education of engineering officers.

Keywords: Nicolas engineering school, A. R. Shulyachenko, curriculum.

УДК 94 (47).083

ББК 63.3 (2) 5

Павел Вячеславович ЧЕРНОВ

соискатель Санкт-Петербургского института истории
Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: pulsar.pvl@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ВОЕННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ В «КРАТКОЙ БОЕВОЙ ИСТОРИИ 117-ГО ПЕХОТНОГО ЯРОСЛАВСКОГО ПОЛКА»

Статья посвящена полковой истории 117-го пехотного Ярославского полка и особенностям ее изложения. На основе анализа текста полковой истории раскрывается взаимосвязь, между поколениями служивых людей, построенная на воспитательном аспекте. Выявляются особенности доступного объяснения нижним чинам политической воли государства, двоякого отношения к врагам империи. Особое внимание обращено на различие в освещении значимых событий и войн в зависимости от степени участия в них полка.

Ключевые слова: солдат, полк, нижние чины, сражения, противник, полковые истории.

Во второй половине XIX века в связи с переходом к комплектованию вооруженных сил на основе всеобщей воинской повинности возросла потребность в усилении воспитательной работы с личным составом. В период долговременной службы (от пожизненной до 15-летнего срока) в дореформенной армии солдаты в воинском коллективе впитывали взгляды, необходимые для их политической устойчивости, в процессе перековки из крестьянина в служилого человека. Солдаты в России принадлежали к особому военному сословию, которое пользовалось целым рядом привилегий. Новобранцы получали знания и наставления от старослужащих, которые делились с ними не только боевым опытом, но и сведениями о боевой истории части. Какую картину эти передатчики информации рисовали в головах своих младших товарищей, как эта картина изменялась и пополнялась под воздействием впечатлений, полученных в ходе новых боевых действий, ответить сложно из-за недостатка соответствующих источников.

Некоторые сведения о том можно получить из фольклора, поскольку солдаты в значительной степени оставались носителями элементов крестьянской культуры. Особый интерес в этом плане представляет армейский фольклор (солдатские сказки и песни)¹. Но поскольку военнотружущий являлся в первую очередь человеком государственным,

---

¹ *Натиев Д. С.* Кавказский военный песенник. Издание 2-е. СПб. 1895.

у него должны быть представления о прошлом, соответствующие государственным интересам.

Во второй половине XIX правительство и военное руководство пришло к заключению о необходимости создания исторической литературы воспитательного характера. Именно боевая история, включенные в нее примеры героизма и самопожертвования по замыслу авторов литературы «для нижних чинов» должны были произвести должное действие на умы и сердца рядового состава частей и корабельных экипажей. Указанные примеры требовалось поместить в рамки реальных исторических событий: указать эпоху и царствование, назвать места и даты сражений, имена военачальников, значение побед и т. д. Другими словами, полковые «памятки» и всякого рода краткие истории частей становились пособиями, по которым солдаты знакомились с прошлым своей страны. Разумеется, все они не являлись оригинальными сочинениями, а представляли собой компиляции, причем иногда на основе нескольких изданий, также не отличающихся академизмом.

В этой связи большое значение для воспитания личного состава вооруженных сил дореволюционной России имели полковые истории, написание которых в последней трети XIX — начале XX вв. приняло поистине массовый характер².

В данной статье рассматривается то, как в издании «Краткая боевая история 117-го Ярославского пехотного полка» отражена история России. Эту книгу объемом в 95 страниц подготовил служившей в этой части капитан Д. Ф. Козлов. Книга была напечатана в 1913 г. в г. Рогачеве Могилевской губернии, где была тогда расквартирована данная часть.

Текст книги составлен по хронологическому принципу — от формирования Курского полка до 1910 г. Как это часто бывало, на протяжении XVIII–XIX вв. воинские части переформировывались и переименовывались, сохраняя право считать своими боевые заслуги своих предшественников. В данном случае 117-й Ярославский пехотный полк (учрежден в 1863 г.) претендовал на боевые лавры Курского пехотного полка, существовавшего в русской армии с 1763 г. и Смоленского пехотного полка, сформированного в 1833 г. в который были влиты два батальона Курского полка³.

---

² Беловинский Л. В. Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88–90; Бобровский П. О. Истории полков русской армии // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 1–14.

³ Максудов В. П. История 25-го пехотного Смоленского полка за II века его существования. 1700–1900 гг. СПб., 1901.

Одна из особенностей военной истории в контексте воспитательной работы с личным составом является формирование образа врага. В книге в рамках рассказа о боевых действиях таковыми представлены крымские татары, турки, шведы, французы и поляки. Первые упоминались при рассказе о происхождении полка из Украинской ландмилиции, которой приходилось сражаться с «Крымскими татарами, совершавшими разбойничьи набеги на русскую землю». Затем читатели узнавали, что крымские татары были подвластны туркам и оказали русским войскам ожесточенное сопротивление на Перекопе, когда те прорывались на полуостров⁴.

Наибольшее внимание в книге уделено боям с турками, поскольку этой части (ее предшественникам) довелось участвовать в шести конфликтах между Стамбулом и Петербургом. Несколько страниц в книге посвящено сражениям во время войны 1768–1774 гг. (бой под Бендерами и взятие этой стратегически важной турецкой крепости). Также значительное внимание уделено участию полка в осаде Очакова в 1788 г. и большим потерям, которыми сопровождалось столкновение с этим противником. Далее следуют рассказы о боях во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг., 1828–1829 гг., 1877–1878 гг. и Крымской войны 1853–1856 гг. с кратким объяснением их причин. «С 1827 г. стали носиться слухи о предстоящей войне с турками. Действительно, народ этот так жестоко обращался с подвластными ему греками и славянами, что Император Николай I был вынужден выступить на защиту угнетенных, но Турция не внимала никаким увещаниям»⁵. «В 1853 году Государь и родина потребовали от армии новых трудов: Россия выступила на борьбу с Турцией в защиту веры православной, угнетаемой басурманами — турками⁶. Особо в книге выделена переправа полка через Дунай в 1854 г. у Тульчи, когда он получил от Николая I высокую награду.

Узнавали нижние чины и о походе русской армии в 1849 г. для помощи Австрии: «Мятежный 1848 год застал наш полк на стоянке в Варшаве. В том году народ венгры, подвластные австрийскому государю, взбунтовались и захотели образовать свое собственное царство. Австрийские войска никак не могли их усмирить; наоборот, — венгры били австрийцев в каждом сражении⁷.

В книге отчетливо просматривается воздействие так называемого «севастопольского культа» — повышенного внимания во второй полови-

---

⁴ Козлов Д. Ф. «Краткая боевая история 117-го Ярославского пехотного полка». Рогачев. 1913. С. 1, 9

⁵ Там же. С. 42

⁶ Там же. С. 48

⁷ Там же. С. 45

не XIX — начале XX вв. к обороне главной базы Черноморского флота в 1854–1855 гг. Воинские части и отдельные персоны всеми способами старались запечатлеть свою причастность к этой славной странице военной истории России. Автор истории Ярославского полка посчитал своим долгом связать историю полка и историю города российской военной славы. «В защиту Турции выступили государства Франция и Англия; они выслали на кораблях в Черное море свои войска, который и высадились за Дунаем. К тому же и вечная изменница — Австрия, недавно спасенная нашей солдатской кровью от венгерской напасти, стала угрожать нашему тылу. Силы русских оказались слишком неравными. Государь приказал войскам отойти назад за Дунай, в Бессарабию, и ждать здесь прибытия из России подкреплений. Тем временем союзники турок, англичане и французы, сами напали на русские владения. 1-го сентября флот их подплыл к Крыму и высадил на берег до 60 000 войска. После сражения русские малочисленные войска отступили к Севастополю; неприятель следовал за ними. Враги наши стремились овладеть этим городом и всеми находящимися в нем военными и морскими постройками и мастерскими, без которых не мог обходиться наш черноморский флот.

Русские укрепили высоты, окружающие город, заградили вход в гавань, потопив несколько кораблей, и поклялись, — пока живы, не впускать врага. С того времени началась беспримерная героическая оборона Севастополя, длившаяся до 28 авг. 1855 г., т. е. 11 месяцев. Русские сдержали клятву: город врагу не достался. К концу войны он представлял одни развалины. Наши предки взорвали все, что еще уцелело в нем, и вышли воевать в поле»⁸. Полк участвовал в обороне Севастополя, хотя был в резерве. На страницах, посвященных Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., особое внимание уделено участию ярославцев в боях под Плевной (которая также стала символом военной славы) и их боевому сотрудничеству с легендарным генералом М. Д. Скобелевым⁹.

Полк был на Кавказе недолгое время и во время не самой активной фазы боевых действий на этой окраине империи. Вероятно поэтому следующий противник — кавказские горцы, с которыми ярославцы встретились в 1774 г., когда начали службу на Кубанской линии, не имеют выраженной характеристики как противники.

Поляки как противники появляются на с. 14-й («Весной 1789 года нам пришлось перейти в Белоруссию для охраны русской границы со стороны Польши, которая, пользуясь нашей войной с Турцией, пыталась напасть на Россию. Быстрый сбор русских войск охладил за-

---

⁸ Козлов Д. Ф. «Краткая боевая история 117-го Ярославского пехотного полка». Рогачев. 1913. С. 51–52

⁹ Там же. С. 65–66

дор поляков». Затем полк действовал против поляков при подавлении восстания под предводительством Костюшко в 1792–1794 гг. В книге о них говорится так: «они проявили такое зверство, которое возмутило все русские войска и послужило поводом к новой кровопролитной войне»¹⁰. Подробное, эмоциональное и наиболее пространное описание боев с поляками (в совокупности более 12 страниц) создавало впечатление, что имени они являются главнейшими противниками русской армии. «В 1863 г. вспыхнул польский мятеж. Шайки поляков прятались по лесам, нападали на русские поселки, вешали тех, кто оставался верен русскому Царю, разоряли и грабили русские казенные учреждения»¹¹. Это особенно заметно на фоне того, что ни турки, ни шведы, ни кавказские горцы, ни крымские татары, с которыми пришлось ярославцам «скрестить штыки» не наделены какими-то отрицательными чертами.

О французах, несмотря на рассказы о кровопролитных боях в 1799, 1805, 1806–1807 и 1814 гг. говорится без оскорбительных выпадов. Это вполне можно расценить как следствие союзнических отношений в начале XX столетия. В пользу этого свидетельствует следующая фраза в книге: «Из уважения к русской храбрости, наши недавнее противники — французы прислали 10 марта (1856 г. — *П. Ч.*) к нам в полк свою депутацию; ее угостили на славу; На следующий день в гости к французам поехали наш командир полка со всеми штаб-офицерами. С той поры между недавними жестокими врагами завязалась искренняя дружба»¹². Участие России во второй антифранцузской коалиции в книге для солдат объяснялось с солдатской простотой: «В 1799 году возгорелась война с французами. Для защиты от них Австрийского государства, русской армии велено было идти за границу»¹³. Война 1806–1807 гг. закончившаяся поражением России в книге представлена нарочито невнятно: «с французами был заключен мир и даже союз». Ни об одном сражении этой кампании не сказано ни слова.

Очень подробно в книге говорится об Аустерлицком сражении, поскольку в этом эпизоде российской военной истории полк выглядит очень достойно. Во-первых, он действительно, действуя в авангарде союзной армии, добился успеха в начальной фазе сражения. Затем два батальона, отправленные на выручку основным силам, попали под сокрушительный удар Наполеона и понесли огромные потери. Как известно «кровопролитность» была и остается важнейшим мерилем значимости военного эпизода.

---

¹⁰ Там же. С. 16

¹¹ Там же. С. 55

¹² Там же. С. 54

¹³ Там же. С. 26

Тем не менее, оставшимся в живых солдатам и офицерам удалось спасти знамена. Акцент на это обстоятельство в полковой истории очень важен, поскольку в этой битве французам удалось захватить несколько десятков австрийских и российских знамен¹⁴. Хотя в Отечественной войне 1812 г. полк участия не принимал, поскольку находился на австрийской границе, столь важное событие автор книги не мог оставить без внимания: «Наполеон, добравшийся до самой Москвы, вынужден был усилиями русской армии и народа и искусством генерала Кутузова к поспешному отступлению. Зимой 1812 г. его разрозненные полчища бежали из России; наши войска гнались за ними, не отставая, до самой французской столицы г. Парижа»¹⁵.

Такое важное событие в истории России как восстание под предводительством Е. Пугачева также не осталось без внимания автора книги, хотя полк, направленный из Крыма в Поволжье, преодолел только незначительную часть пути, когда пришла весть о пленении «самозванца и бунтовщика, грабившего и разорявшего приволжские губернии». Здесь мы видим проявление характерной для полковых историй тенденцию любым способом связывать историю части с заметными явлениями прошлого. Нельзя исключить, что в этом фрагменте отражается использование воинских частей не только против внешних врагов, но и против врагов внутренних. Кроме того, Козлов без оговорок назвал «ловцом» Пугачева генерала Суворова, что позволило выставить будущего генералиссимуса сослуживцем полка¹⁶. Еще более настойчиво эта мысль проводилась при описании непродолжительного пребывания Суворова на Кубани в 1778 г., на страницах, повествующих об участии полка в подавлении восстания Т. Костюшко и в швейцарском походе 1799 г.

Две русско-шведские войны 1741–1743 гг. и 1788–1790 гг. очень скромно представлены в отечественной военной истории по целому ряду причин¹⁷. Это нашло отражение и в краткой полковой истории, где предельно кратко (всего полстраницы) показано участие ярославцев во втором Роченсальмском сражении 27 июня 1790 г.

Ярославский полк прибыл в Манчжурию уже в самом конце Русско-японской войны 1904–1905 гг. Это позволило автору истории части полностью снять с нее вину за поражение, о котором вообще не сказано ни слова. Все внимание сфокусировано на героизме команды разведчи-

---

¹⁴ Козлов Д. Ф. «Краткая боевая история 117-го Ярославского пехотного полка». Рогачев. 1913. С. 30–33

¹⁵ Там же. С. 40

¹⁶ Там же. С. 10

¹⁷ Лапин В. В. Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 112–116

ков, без упоминания том, что их жертвы не оказали никакого влияния на исход кампании 1905 г.¹⁸

Завершается книга тирадой, раскрывающей ее назначение: «Вот вам, молодые Ярославцы, история жизни и подвигов родного полка. Многие страницы ее записаны кровью наших предков! Было много побед, бывали и поражения, но ни в одном из них наш полк не запятнал трусостью или бегством своей вековой славы!»¹⁹.

Список литературы

- Натиев Д. С.* Кавказский военный песенник. Издание 2-е. СПб. 1895. 208 с.
- Беловинский Л. В.* Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88–90;
- Бобровский П. О.* Истории полков русской армии // Пособие для составления полковых историй и устройства музеев / Сост. Григорович А. И. СПб., 1906. С. 1–14.
- Максутов В. П.* История 25-го пехотного Смоленского полка за II века его существования. 1700–1900 гг. СПб., 1901. 1115 с.
- Козлов Д. Ф.* «Краткая боевая история 117-го Ярославского пехотного полка». Рогачев. 1913. С. 1, 95 с.
- Латин В. В.* Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 112–116.

Pavel Vyacheslavovich CHERNOV

Applicant of the Saint Petersburg Institute
of history of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)
E-mail: pulsar.pvl@mail.ru

Reflection of Russia's military past in the «Brief combat history 117th Yaroslavl infantry regiment»

The article is devoted to the regimental history of the 117th Yaroslavl infantry regiment and the peculiarities of its presentation. Based on the analysis of the text of the regimental history reveals the relationship between generations of service people, built on the educational aspect. The author reveals the features of an accessible explanation for the lower ranks of the political will of the state, the dual attitude to the enemies of the Empire. Special attention is paid to the difference in coverage of significant events and wars, depending on the degree of participation of the regiment in them.

Keywords: soldier, the regiment, lower ranks, the battle, the enemy, the regimental history.

---

¹⁸ *Козлов Д. Ф.* «Краткая боевая история 117-го Ярославского пехотного полка». Рогачев. 1913. С. 74–76

¹⁹ Там же. С. 77

УДК 929.5

ББК 63.3 (2) 5 + 63.3 (2) 6–8

Мария Владимировна МЕДВЕДЕВА

кандидат исторических наук, заведующая научным архивом
Института истории материальной культуры Российской Академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: marriyam@mail.ru

Владислав Юрьевич СОБОЛЕВ

старший научный сотрудник Лаборатории археологии, исторической
социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского
государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vlad.sobolev@gmail.com

ШТАБС-КАПИТАН ФЕДОР ЕВГЕНЬЕВИЧ ЩИТНИКОВ. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

В последние десятилетия многим историческим дисциплинам характерен антропологический подход, а биографические изыскания приобрели необычайную актуальность в самых различных областях науки. Современные археологи, работающие с музейными коллекциями второй половины XIX — первой четверти XX в. зачастую не знают даже имен тех, чьими трудами эти материалы были «добыты раскопкой». В статье собраны сведения о судьбе одного из офицеров гвардейской артиллерии, увлекавшегося историей и археологией, чьи отчеты о раскопках представляют несомненный интерес и для современных исследователей.

Ключевые слова: Федор Евгеньевич Щитников, Русская императорская армия, гвардейская артиллерия, археология

Вместо эпиграфа:

«В Архив Института Археологии Академии Наук СССР.

Передавая Вам прилагаемую рукопись, сообщаю сведения о ее происхождении. Около сорока лет тому назад мне ее передал жилец того дома, где я жил, Эдуард Карлович Фиккерт. Тогда он был стар и ныне давно умер. Узнав, что я археолог, он отдал мне эти бумаги, оставшиеся от его родственника (кажется, пасынка, тогда уже покойного), который был тоже археологом. Насколько я помню, этот автор рукописи — Федор Евгеньевич Щитников, офицер старой армии, занимавшийся раскопками. Я его никогда не видал и больше о нем ничего не знаю. *Знаю, впрочем, что им издана брошюра: Ф. Е. Щитников. Отчет о раскопках 36 курганов в Лужском уезде. Псков, 1913. Не уверен, точно ли сообщаю его имя и отчество.

Прилагаемая рукопись — отчет о курганных раскопках, производившихся этим археологом в 1916 г. близ фронта, силами солдат, которыми он командовал, в Западной Белоруссии. Приложенный план позволяет точно установить место.

У меня эта рукопись лежала в редко разбираемых бумагах. Теперь я их разобрал и сдаю ее Вам. Она несомненно имеет некоторое научное значение.

Страницы не пронумерованы, поскольку могу судить, пропусков нет. Отчет сохранился полностью. Фотографии и рисунки были хорошо приклеены, ничто не отклеилось. Прилагаю рукопись — четырнадцать страниц.

17 марта 1964 г.

(А. В. Арциховский)»¹

В последние десятилетия многим историческим дисциплинам характерен антропологический подход², а биографические изыскания приобрели необычайную актуальность в самых различных областях науки. Работая с отчетными материалами по археологическим раскопкам и вещевыми коллекциями второй половины XIX — первых десятилетий XX вв., отложившимися в различных архивах и музейных собраниях, мы — современные исследователи — регулярно встречаем имена людей, по каким-то не известным теперь причинам проводившими раскопки лишь эпизодические или вовсе только один раз, о которых профессиональное сообщество зачастую не имеет не только краткой биографической информации, но не знает даже имен.

Одним из таких «*hominem ignotum*», получивших профессиональное археологическое образование и спорадически проводивших исследования археологических памятников древнерусского периода был Федор Евгеньевич Щитников.

Биография Ф. Е. Щитникова сейчас может быть воссоздана лишь фрагментарно, но даже те немногие полученные пока результаты представляют значительный интерес, несмотря на значительные пробелы

---

¹ НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 176; Медведева М. В., Всевиов Л. В., Мусин А. Е., Тихонов И. Л. Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. Императорская Археологическая комиссия. (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Е. Н. Носов (общ. ред.). А. Е. Мусин (ред.-сост.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 244–247.

² Тункина И. В. История отечественной археологии на современном этапе: антропологический поворот // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. Т. 2009. СПб., СПбцРАН, 2010. С. 62–72; Медведева М. В., Соболев В. Ю. Археолог Владимир Нилович Глазов // Археологические вести. Вып. 20. СПб., 2014. С. 395–426.

и нестыковки³, в надежде продолжить работу и стимулировать интерес коллег. Сведения о нем приходится собирать буквально по крупицам.

О родителях героя нашей статьи практически ничего не известно. Отец, Евгений Щитников, к 1907 г., по всей вероятности, скончался, мать уже состояла в браке с Эдуардом Карловичем Фиккертом, передавшим рукопись Отчета о раскопах 1916 г. А. В. Арциховскому. Семья проживала в Москве, в д. 39 по 3-ей Мещанской улице.

Ф. Е. Щитников родился предположительно в 1887 г., в Саратове. После окончания 1-й Саратовской гимназии, где он сдружился с П. П. Каратыгиным⁴, учился в Константиновском артиллерийском училище, которое закончил в 1908 году. Произведен из портупей-юнкеров в подпоручики со старшинством с 24.03.1906 г., с зачислением по полевой пешей артиллерии и с прикомандированием к Гвардейском запасной пешей батарее, в которой он прослужил осени 1911 г. Батарея была расквартирована в Павловске, Ф. Е. Щ. снимал квартиру в д. 3 в Глухом переулке.

---

³ Например, отсутствие Ф. Е. Щитникова в Общем списке офицерским чинам Русской Императорской армии, составленном по 1-е Января 1909 г. (СПб., 1909) и в списках Гвардейской запасной пешей батареи; публикация материалов раскопок в Трудах ПАО (см. ниже) и пр.

⁴ Каратыгин, Петр Петрович (03.07.1887–15.02.1940). Окончил Саратовскую 1-ю гимназию, Алексеевское военное училище (1909). На 22.10.1917 г. — штабс-капитан 196 пехотного Инсарского полка, обер-офицер для поручений при штабе 49-й пех. дивизии. Награжден орденами Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, св. Анны 4 ст. с надписью за храбрость, св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, св. Станислава 2 ст. с мечами. В октябре 1916 г. командирован для прохождения временных курсов Императорской военной академии, по окончании которых, не прибывая в штаб дивизии, командирован в штаб 8 стрелковой дивизии. В личном деле (ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 55322, Д. 55323) отмечено: «В службе сего обер-офицера не было обстоятельств лишающих его права получения знака отличия безпорочной службы или отдалающих срок выслуги к таковому».

С 1918 г. военный специалист в РККА. Преподаватель тактики 1-х Саратовских командных курсов (с 10.1918), заведующий оперативной частью пограничной бригады (с 12.1918), нач-к оперативн. отд. и врид. нач-ка штабов Юж. группы Вост. фронта, начальник оперативн. отд. штаба Туркестанского фронта РККА, начальник оперативн. управ. штаба Южного фронта, врид. нач-к штаба Туркестанского фронта, нач-к штаба Туркестанского фронта, нач-к штаба Южного фронта. В 1939 — помощник нач. отдела Центрального архива Красной Армии, полковник РККА.

Женат на Марии Дмитриевне Янчевской, дети: Игорь (12.11.1913-?), Татьяна (21.04.12 (1923?) — 2012).

Арестован 5.04.1939, приговорен ВКВС 14.02.1940, обв.: шпионаж и участие в к.-р. тер. организации. Расстрелян 15.02.1940.

А. Р. Кавтарадзе в указателе имен к книге Я. А. Слашова (Слащов-Крымский Я. А. Бельый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. — М.: Наука, 1990. С. 245) приводит другую дату смерти П. П. Каратыгина — 1938 г.

Интерес Щитникова к истории и археологии, возможно, берущий начало в домашнем окружении и воспитании, в сознательном возрасте выразился в обучении в Петербургском археологическом институте.

Специфика дореволюционного археологического образования в России заключалась в том, что ведущее учебное заведение — Петербургский археологический институт (ПАИ), выражаясь современным языком, представлял собой высшее учебное заведение дополнительного высшего образования, в которое принимались выпускники высших учебных заведений, а в качестве вольнослушателей — лица без высшего образования (преимущественно студенты). Таким образом студентами ПАИ были люди самых различных профессий — юристы, чиновники, священнослужители, военные⁵. Институт являлся подобием научного общества, объединявшим своих преподавателей и выпускников — представителей различных образованных слоев российского общества. В начале XX в. в России необычайно возрос интерес к родной истории, включая археологию. Ежегодные летние «экскурсии» — учебные раскопки студентов ПАИ в различных местах Санкт-Петербургской губернии, неизменно привлекали внимание местной публики и отдыхающих.

Весной 1911 г., к северу от Луги, на вновь присоединенном к полигону Офицерской школы участке, на берегу Большого Ретенского озера, «при расчистке леса» было обнаружено курганное кладбище древнерусского времени. В апреле и в июне-июле под руководством подпоручика Ф. Е. Щитникова в общей сложности за 7 дней, при числе рабочих от 10 до 19 человек, кладбище было исследовано полностью, раскопаны все 36 курганов⁶.

Стоит отметить, что в архиве Императорской археологической комиссии — центрального учреждения Империи, выдававшего разрешения на проведение раскопок и собиравшего отчеты о них⁷ — какая-либо информация об этих работах отсутствует. По всей вероятно-

---

⁵ *Соболев В. Ю.* Русские офицеры в археологии Северо-Запада Российской империи // Военная история России XIX–XX вв. Материалы IX Международной военно-исторической конференции / Д. Ю. Алексеев, А. В. Аранович (ред.). СПб., 2016. С. 99–114.

⁶ Курганы располагались на вновь приобретенном участке и были найдены при расчистке леса. Первые несколько насыпей были раскопаны в конце апреля, а основная масса — в июне и июле. Логично предположить, что весной Ф. Е. Щитников был на полигоне при подготовке летнего выезда батареи и провел рекогносцировочные археологические работы, а летние раскопки были проведены во время полевого выезда.

⁷ Подробнее см.: Медведева М. В., Всевиов Л. В., Мусин А. Е., Тихонов И. Л. Очерк истории деятельности *Императорской археологической комиссии* в 1859–1917 гг. Императорская Археологическая комиссия. (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия.

сти, автор раскопок не считал необходимым «войти в сношение с ИАК» по этому поводу, хотя работы проводились на государственных землях, принадлежащих Военному ведомству. Раскопки велись силами военных, и древнерусский могильник был исследован полностью. Отчет в ИАК не представлен, однако результаты раскопок изданы в «Трудах Псковского археологического общества»⁸. На основании этой публикации можно с уверенностью утверждать, что работами руководил грамотный квалифицированный специалист, и они сопровождались всей необходимой полевой документацией: планами, зарисовками, дневниковыми записями, а, возможно, и фотографиями, которые, к сожалению, не сохранились.

О причинах, почему отчет опубликован именно в сборнике Псковского археологического общества, остается только догадываться: Ф. Е. Щитников не состоял членом общества. Какие-либо связи исследователя со Псковом или с членами Общества документально пока документально не прослеживаются, но можно допустить, что он контактировал с увлекавшимися археологией хранителем музея и секретарем общества генерал-лейтенантом Николаем Фомичом Окулич-Казариным или вице-губернатором Пскова Владимиром Николаевичем Крейтоном.

В конце 1911 г. Ф. Е. Щитников переводится в Гвардейский Мортирный артиллерийский дивизион (с марта 1913 года — лейб-гвардии мортирный артиллерийский дивизион), квартировавший в том же Павловске. В мортирном дивизионе Щитников прослужил до 1916 г. В 1911–1912 гг. кроме штатных служебных обязанностей, он исполнял должность дивизионного казначея⁹.

Подробности прохождения им службы на протяжении предвоенных 1912–1914 гг. пока найти не удалось.

Характерный для студентов и выпускников ПАИ комплексный подход к изучению древностей привел нашего героя к увлечению нумизматикой. В 1912 г. он стал действительным членом Саратовской ученой архивной комиссии¹⁰. Членство продолжалось все последую-

---

Е. Н. Носов (общ. ред.). А. Е. Мусин (ред.-сост.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 21–247.

⁸ Щитников Ф. Е. Отчет о раскопах 36-ти курганов в Лужском уезде // Труды Псковского Археологического общества. 1912–1913 г. Выпуск 9. Псков, 1913. С. 34–49.

⁹ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по все управлениям в Российской Империи на 1912 г. Часть III. Власти и места центрального управления и ведомства их. СПб.: Сенатская типография, 1912. С. 1175.

¹⁰ Протоколы заседаний общего собрания членов Саратовской Ученой Архивной Комиссии. 12 ноября 1912 года. № 149. // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 47.

щие годы, по всей вероятности, до конца существования комиссии¹¹. По информации из печатных протоколов заседаний накануне Первой мировой войны членами Саратовской ученой архивной комиссии, помимо Ф. Е. Щитникова, состояли сразу несколько крупных русских ученых — историки С. Ф. Платонов, П. Г. Любимиров, С. Н. Чернов, археолог А. А. Спицын.

Внимание Щитникова в то момент привлекла монетная коллекция комиссии. Все монеты была систематизированы им, а их научное описание опубликовано в Трудах Комиссии¹². Коллекция оказалась не очень большой и включала в себя номиналы различных царствований начиная с Петра I. Как отмечал Ф. Е. Щитников, «редких монет в собрании Комиссии нет», поэтому в описании он только «обозначил наиболее ценные монеты»¹³.

К началу Великой войны лейб-гвардии мортирный артиллерийский дивизион, где продолжал служить Е. Ф. Щитников, входил в состав войск 1 Гвардейского корпуса. Корпус был подчинен командованию Северо-Западного фронта и участвовал во многих крупных операциях (под Красноставом, Люблин-Холмском сражения в июне, июле 1915 г. и пр.).

«За отличия в делах против неприятеля» Ф. Е. Щитников на протяжении 1914–1915 гг. был пожалован: орденом св. Анны 3 степени с мечами и бантом¹⁴, орденом св. Станислава 2 степени с мечами¹⁵, орденом св. Анны 2 степени с мечами¹⁶, орденом св. Владимира 4 степени с мечами и бантом¹⁷.

В сентябре 1915 г. поручик Ф. Е. Щитников производится в штабс-капитаны, а 20 июня 1916 г. в капитаны и назначается командиром 3-й батареи 2-го легкого мортирного артиллерийского дивизиона¹⁸.

Весной 1916 г. лейб-гвардии мортирный парковый артиллерийский дивизион дислоцировался к юго-западу от Полоцка, южнее железнодоро-

---

¹¹ Список членов Комиссии — почетных и действительных по август 1914 года. // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 31. Саратов, 1914. С. 300.

¹² Щитников Ф. Е. Описание монет нумизматической коллекции Саратовской Ученой Архивной Комиссии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 31. Саратов, 1914. С. 187–200.

¹³ Щитников Ф. Е. Описание монет нумизматической коллекции Саратовской Ученой Архивной Комиссии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 31. Саратов, 1914. С. 187.

¹⁴ «Русский Инвалид» №236, 21.10.1914 г.

¹⁵ Высочайший приказ от 12.02.1915 г., «Разведчик» №1254, 1914 г.

¹⁶ Высочайший приказ от 26.04.1915 г., «Разведчик» №1271, 1915 г.

¹⁷ Высочайший приказ от 18.05.1915 г., «Разведчик» №1290, 1915 г.

¹⁸ Высочайшие приказы о чинах военных. 1 июня — 30 июля 1916 г. С. 19.

Ил. 1. Группа чинов лейб-гвардии мортирного артиллерийского дивизиона — участников раскопок. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 176. Л. 6

рожной станции Зяпки, на западном берегу оз. Сшо (совр. Шо). Здесь под руководством Щитникова и были произведены те самые археологические работы, отчет о которых долгие годы хранился в доме Э. К. Фиккерта, а затем попал в руки к А. В. Арциховскому и был передан в 1964 г. в архив ИИМК РАН. Всего Ф. Е. Щитниковым зафиксировано 7 курганных групп, в трех из них проведены раскопки. Исследовано 25 курганных насыпей, преимущественно древнерусского времени, с погребениями по обряду ингумации.

Несмотря на то, что раскопки велись в условиях военного времени, отчет включает полноценную документацию, соответствующую всем требованиям, предъявляемым к археологическим исследованиям в начале XX в. В него вошли подробный план обследованной местности¹⁹, описания всех раскопанных объектов, рисунки находок. Отчет содержит

---

¹⁹ Выполненное совмещение плана 1916 г. и современных космоснимков позволяет предположить, что часть памятников, не смотря на все перипетии XX столетия, сохранилась. Проверка этого предположения и полевое обследование района работ Ф. Е. Щитникова — один из путей продолжения исследования.

Ил. 2. Группа чинов лейб-гвардии мортирного артиллерийского дивизиона — участников раскопок на опуханном кургане. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 176. Л. 14.

16 страниц, в том числе в него вклеено более 10 фотографий, иллюстрирующих процесс раскопок и обнаруженный антропологический материал. На нескольких из них можно увидеть групповые портреты личного состава 2 батареи л.-гв. Мортирного дивизиона, принимавшего участие в раскопках (*ил. 1, ил. 2*).

Где и как закончилась военная служба Федора Евгеньевича, установить пока не удалось. Судя по всему, он в отличие от друга молодости П. П. Коротыгина не пошел на сотрудничество с новой властью. На одном из Internet-ресурсов есть упоминание о том, что в начале 1920-х гг. Ф. Е. Щитников жил в Саратове, но, к сожалению, источник этой информации пока остается недоступным. По словам отчима, записанным А. В. Арциховским по памяти в 1964 г., Ф. Е. Щитников умер к середине 1920-х гг.

Список литературы

- Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1912 г. Часть III. Власти и места центрального управления и ведомства их. СПб.: Сенатская типография, 1912. С. 1175.
- Высочайшие приказы о чинах военных. 1 июня — 30 июл 1916 г. С. 19.
- Высочайший приказ от 12.02.1915 г., «Разведчик» №1254, 1914 г.
- Высочайший приказ от 18.05.1915 г., «Разведчик» №1290, 1915 г.
- Высочайший приказ от 26.04.1915 г., «Разведчик» №1271, 1915 г.
- Медведева М. В., Соболев В. Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов // Археологические вести. Вып. 20. СПб., 2014. С. 395–426.
- Протоколы заседаний общего собрания членов Саратовской Ученой Архивной Комиссии. 12 ноября 1912 года. № 149. // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 47.
- Русский Инвалид №236, 21.10.1914 г.
- Слацов-Крымский Я. А.* Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. — М.: Наука, 1990.
- Соболев В. Ю.* Русские офицеры в археологии Северо-Запада Российской империи // Военная история России XIX–XX вв. Материалы IX Международной военно-исторической конференции / Д. Ю. Алексеев, А. В. Аранович (ред.). СПб., 2016. С. 99–114.
- Список членов Комиссии — почетных и действительных по август 1914 года. // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 31. Саратов, 1914. С. 300.
- Тункина И. В.* История отечественной археологии на современном этапе: антропологический поворот // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. Т. 2009. СПб., СПбЦРАН, 2010. С. 62–72.
- Щитников Ф. Е.* Описание монет нумизматической коллекции Саратовской Ученой Архивной Комиссии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 31. Саратов, 1914. С. 187–200.
- Щитников Ф. Е.* Отчет о раскопах 36-ти курганов в Лужском уезде // Труды Псковского Археологического общества. 1912–1913 г. Выпуск 9. Псков, 1913. С. 34–49.

Maria Vladimirovna MEDVEDEVA

PhD on History, head of the scientific archive of the Institute of the history of material culture Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: marriyam@mail.ru

Vladislav Yurievich SOBOLEV

Senior Researcher. G. S. Lebedev Laboratory of Archaeology, Historical Sociology and Cultural Heritage, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

E-mail: vlad.sobolev@gmail.com

Staff Captain Fedor Evgenievich Shchitnikov.

Materials for biography

Many humanitarian disciplines now actively use the anthropological approach in their researches. The study of biographies has become one of the urgent tasks of such works. Analyzing museum collections of the second half of the 19th — early 20th centuries modern archaeologists often do not even know the names of the researchers who conducted excavations. The article

contains information about the fate of one of such persons — Fyodor Shchitnikov. Officer of the Guards Artillery, he studied also history and archaeology. His excavations of some burial mounds are not well-known. Shchitnikov's field reports are of great value to contemporary researchers need to be introduced into scientific circulation.

Keywords: people and fates, archaeologists, officers, Russian imperial army, Fedor Shchitnikov

УДК 94 (47).083

ББК 63.3 (2) 523

Анатолий Евгеньевич САФАЕВ

ведущий библиотекарь, отдел газет Российской национальной библиотеки
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: safaev.ae@gmail.com

ПЕРЕЛЕТЫ СЕВАСТОПОЛЬ — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ЛЕЙТЕНАНТА В. В. ДЫБОВСКОГО И ШТАБС-КАПИТАНА Д. Г. АНДРЕАДИ ЛЕТОМ 1912 Г.

Статья посвящена героическим перелетам офицеров севастопольской школы Отдела воздушного флота лейтенанта Виктора Владимировича Дыбовского и штабс-капитана Дмитрия Георгиевича Андреади из Севастополя в Санкт-Петербург в мае — июле 1912 года. Предметом рассмотрения является материал, содержащийся в публикациях ведущих российских газет, позволяющий восстановить историю и хронологию событий, понять их значение для развития военной авиации России.

Ключевые слова: лейтенант Виктор Владимирович Дыбовский, штабс-капитан Дмитрий Георгиевич Андреади, севастопольская школа Отдела воздушного флота, аэроплан «Ньюпор», перелеты Севастополь — Петербург 1912 года, военная авиация России.

В севастопольской офицерской школе авиации Отдела воздушного флота в мае 1912 года состоялся очередной третий выпуск летчиков. Курс окончило 16 летчиков, в том числе 13 офицеров и 3 нижних чина¹. Из учебного процесса временно высвободились офицеры руководящего состава. В середине мая на заседании постоянного состава школы было принято решение, что руководители школы совершат несколько дальних полетов². Одним из кандидатов на дальний перелет был лейтенант Виктор Владимирович Дыбовский (*ил. 1*). Первоначально В. В. Дыбовский планировал осуществить перелет в Одессу, но начальник школы полковник С. И. Одинцов предложил ему лететь северным направлением в Харьков, и Дыбовский согласился. 25 мая³ лейтенант Виктор Владимирович Дыбовский вылетел на аэроплане «Ньюпор» на качинский аэродром, чтобы оттуда начать перелет на Харьков. Полет в Одессу поручили штабс-капитану Дмитрию Георгиевичу Андреади (*ил. 2*).

---

¹ Хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 2 июня. С. 4.

² Крымская жизнь: Полет Севастополь — Харьков // Крымский вестник. 1912. 26 мая. С. 3.

³ Здесь и далее даты приводятся, как они указаны в российских газетах того периода, т. е. по старому стилю.

Ил. 1. Лейтенант В. В. Дыбовский.
Новое время. 1912. 3 июля. С. 3

Ил. 2. Штабс-капитан Д. Г. Андреади.
Вечернее время. 1914. 8 марта. С. 1

Маловероятно, что изначально перелеты Дыбовского и Андреади планировались дальше Харькова и Одессы. Дело в том, что они совпали по времени с моментом перевода офицерской школы авиации из Севастополя на Качу в Александро-Михайловское. Комиссией государственной обороны был принят законопроект об ассигновании 900 000 рублей на перенос и устройство школы⁴. 4 июня перевод должен был быть завершен полностью. И уже 15 июня ожидалось прибытие новой группы офицеров в количестве 31 человека для прохождения курса воздухоплавания⁵. Поэтому длительное отсутствие в такой момент, когда обычно каждый человек на счету, двух офицеров руководящего состава, скорее всего, не входило в планы С. И. Одинцова. Но как минимум два обстоятельства привели к тому, что маршруты и сроки перелетов были существенно продлены.

Во-первых, стояла задача испытать в деле новый тип аэроплана — недавно полученные аппараты «Ньюпор». О том, что такая задача действительно стояла, а точнее был приказ, сказал в приветственной речи генерал А. В. Каульбарс, когда вечером 5 июля лейтенанта Дыбовского встречали на Комендантском аэродроме в Петербурге⁶. Сам Дыбов-

⁴ Хроника // Крымский вестник. 1912. 25 мая. С. 3.

⁵ Хроника // Крымский вестник. 1912. 3 июня. С. 4.

⁶ Лейт. Дыбовский в Петербурге // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 7 июля. С. 2–3.

ский уже после завершения перелета тоже говорил об этом: «Возвратившись из-за границы с партией самолетов, я получил от начальника Севастопольской офицерской воздухоплавательной школы полк[овника] С. И. Одинцова приказ испытать новые военные аппараты. План большого перелета был уже обдуман и составлен заранее. Содержание полученного мною приказа было таково: лететь на север до Харькова, а затем дальше — на Москву и Петербург»⁷. Важно было убедиться, что безоговорочная победа аэроплана этой системы на французском конкурсе в октябре-ноябре 1911 года⁸ не была случайной.

А во-вторых, достаточно легко давшиеся нашим военным летчикам первые этапы перелетов, можно сказать, предоставили отличную возможность, продолжив перелеты до новых пунктов, испытать аэропланы «Ньюпор» на более серьезном уровне. Отдел воздушного флота не мог не воспользоваться такой возможностью. Все прекрасно помнили, насколько трудно дался нашим авиаторам годом ранее перелет Петербург — Москва. Но тогда, во-первых, летали не военные авиаторы, а, во-вторых, аэропланы были других систем. Поэтому в случае успеха нынешних перелетов наше Военное ведомство не только получило бы подтверждение правильности выбора для нужд армии аэропланов «Ньюпор», но и удостоверилось бы в качестве подготовки наших военных летчиков.

Благодаря докладу лейтенанта В. В. Дыбовского в Техническом обществе в Харькове подробности этапа его перелета до Харькова хорошо известны⁹.

Понимая, что залогом успеха является бесперебойная работа двигателя, В. В. Дыбовский при подготовке полета полностью перебрал мотор. Он отмечал, что французы производят сборку мотора с некоторой неряшливостью и неаккуратностью¹⁰.

На рассвете 25 мая при ветре 8–10 м/с В. В. Дыбовский с механиком унтер-офицером Рябыкиным¹¹ вылетел из Севастополя. Горы были покрыты туманом, поэтому над Инкерманскими высотами авиатор под-

---

⁷ Рассказ лейт. В. В. Дыбовского: I // Россия. 1912. 11 июля. С. 3.

⁸ Сафаев А. Е. Начало российской авиации. Вторая половина 1911 года. Хроника событий по материалам газетных публикаций // Военная история России XIX–XX веков. Материалы XII Международной военно-исторической конференции / Под ред. Д. Ю. Алексеева, А. В. Арановича, В. А. Мосунова, Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2019 г.: Сб. научных статей. — СПб.: СПбГУИТД. 2019. С. 247.

⁹ Как летел В. В. Дыбовский: (Доклад авиатора в Техническом о-ве) // Южный край. 1912. 7 июня. С. 5.

¹⁰ Рассказ лейт. В. В. Дыбовского: I // Россия. 1912. 11 июля. С. 3.

¹¹ В некоторых газетах фамилия напечатана как Рябидин. Например: *Лейтенант Дыбовский. Полет на Север* // Русское Слово. 1912. 26 июня. С. 2.

нялся выше облаков. Над бухтой у «Ньюпора» неожиданно остановился мотор, и возникла опасность упасть в море. К счастью, мотор не заглох полностью, а просто стал работать с перебойми. В. В. Дыбовскому удалось дотянуть до Качи (18 верст от Севастополя)¹². Из доклада не понятно, вылетал ли В. В. Дыбовский целенаправленно на качинский аэродром или изначально стартовал на Харьков, но из-за плохой работы мотора вынужденно оказался на Каче.

Два дня погода не располагала к полету, но вечером 27 мая, видя, как с моря наползает туман, В. В. Дыбовский решает «убежать» от него. Несмотря на сильный ветер, он взлетает и берет направление на Симферополь. Лететь было очень тяжело. Из-за специфического ландшафта местности и неравномерного прогревания верхних и нижних слоев атмосферы аппарат то падал в воздушную яму, то поднимался восходящим потоком. Около Симферополя опять начались перебои мотора. Перелетев реку Альму, авиатор, при боковом ветре по его оценке около 8 м/с, вынужден был спуститься на пахотное поле, но при посадке у «Ньюпора» сломалась ось колеса¹³. Аэроплан сел недалеко от имени генерала Чабовского, который гостеприимно встретил авиаторов и дал им приют¹⁴.

К счастью, поломка оказалась не серьезной. Исправив поломку и перебрав мотор, В. В. Дыбовский вечером 28 мая вылетел в направлении Джанкоя. Из-за сильного ветра полет получился очень утомительным. Как отмечал сам авиатор, из-за постоянного усилия при удержании штурвала, сильно устали руки. Поздно вечером «Ньюпор» благополучно сел в Джанкое. Полет занял 1 час 25 минут¹⁵.

Из Джанкоя В. В. Дыбовский вылетел на следующий день в половине четвертого утра, но далеко улететь не удалось. Сильнейший ветер, в 15–18 м/с, заставил авиатора спуститься на станции Таганаш. При посадке в трудных условиях опять погнулась ось колеса¹⁶. В момент спуска сила ветра уже достигала 20–22 м/с. Чудом севшие авиаторы едва успели слезть с «Ньюпора» как налетевший шквал ветра чуть не опрокинул аппарат¹⁷.

Утром следующего дня скорость ветра упала до 8–10 м/с, что позволило продолжить полет. Дальше лететь пришлось вдоль полотна

---

¹² Как летел В. В. Дыбовский: (Доклад авиатора в Техническом о-ве) // Южный край. 1912. 7 июня. С. 5.

¹³ Там же.

¹⁴ Рассказ лейт. В. В. Дыбовского: I // Россия. 1912. 11 июля. С. 3.

¹⁵ *Лейтенант Дыбовский*. Полет на Север // Русское Слово. 1912. 26 июня. С. 2.

¹⁶ Как летел В. В. Дыбовский: (Доклад авиатора в Техническом о-ве) // Южный край. 1912. 7 июня. С. 5.

¹⁷ *Р-ичь*. Рассказ лейт. В. В. Дыбовского: II // Россия. 1912. 12 июля. С. 2.

железной дороги, по обеим сторонам которой лежал Сиваш. В случае поломки или непогоды сесть было бы некуда. Миновав опасное место, все же пришлось из-за сильного тумана и дождя опуститься в овес вблизи станции Рыково. Через час погодные условия позволили снова подняться в воздух. Бензина хватило долететь до станции Акимовка¹⁸. По пути из Рыково в Акимовку «Ньюпор» догнал и оставил позади шедший по железной дороге поезд. В. В. Дыбовский дождался прибытия этого поезда и уехал на нем за бензином в Мелитополь¹⁹. Возвратясь из Мелитополя и пополнив бак бензином, Дыбовский третий раз в этот день взлетает и добирается до станции Федоровка, где останавливается на ночлег. Отрезок пути от Акимовки до Федоровки авиатор позже назвал самым трудным за весь перелет: «Внезапно налетевший степной шквал не позволял никак опуститься на землю без неминуемой катастрофы. Я едва не бросил руля, так как не оставалось никакой надежды на спасение. Аппарат так выворачивало, так швыряло из стороны в сторону, что явилось опасение за целостность крыльев и стальных частей, несмотря на их надежность и крепость»²⁰.

31 мая «Ньюпор» Дыбовского, сделав разбег с проселочной дороги, летит дальше на Александровск (ныне Запорожье), но по всё той же причине плохой погоды вынужден сесть в Васильевке около станции Попово (ныне Тавричеськ)²¹.

Утром следующего дня авиаторы продолжили полет на Александровск. До момента посадки полет проходил благополучно. Подлетая к Александровску, В. В. Дыбовский принял решение сесть на дорогу и начал спускаться с высоты 400 метров. Но осуществить свой план он не смог, поскольку по дороге тянулся обоз. Пришлось срочно поменять решение и сесть в поле. Выбирая место, В. В. Дыбовский думал, что садится в ячмень, но оказалась пшеница. Колеса «Ньюпора» увязли в пшенице, и аппарат стал переворачиваться. В. В. Дыбовский попытался выключить мотор, но не успел. Мотор удалось выключить уже в перевернутом состоянии. Сами авиаторы не пострадали, не считая ушиба механиком груди о стенку переднего сидения, но у аэроплана был сломан винт и погнута «тарелка» — крышка мотора²². Это стало понят-

---

¹⁸ Как летел В. В. Дыбовский: (Доклад авиатора в Техническом о-ве) // Южный край. 1912. 7 июня. С. 5.

¹⁹ *Р-ишь*. Рассказ лейт. В. В. Дыбовского: II // Россия. 1912. 12 июля. С. 2.

²⁰ Там же.

²¹ *Дыбовский В.* Мой перелет Севастополь — Петербург: I // Русский инвалид. 1912. 15 июля. С. 4–5.

²² Как летел В. В. Дыбовский: (Доклад авиатора в Техническом о-ве) // Южный край. 1912. 7 июня. С. 5.

Илл. 3. В. В. Дыбовский. Южный край: иллюстрированное прибавление к № 10826. 1912. 17 июня. С. 1. Фото Н. С. Попова

но после того, как подоспевшие крестьяне помогли перевернуть и оттащить аппарат к железнодорожной казарме, где авиаторы смогли его осмотреть. Телеграммой В. В. Дыбовский донес о случившемся С. И. Одинцову²³.

Для приведения аэроплана в порядок винт и новая «тарелка» были высланы из Севастополя школой авиации²⁴.

Через два дня всё было исправлено, но заболел механик. В. В. Дыбовский отправил его в Севастополь и запросил телеграммой прислать ему другого механика. «Но, не дождавшись механика, Дыбовский 5-го июня вечером решил сам лететь в Харьков, и, продержавшись в воздухе 3 часа 24 минуты, пролетев свыше 300 верст, он благополучно прибыл в Харьков» (*илл. 3*)²⁵. На самом деле посадка в Харькове далась авиатору не просто. Погода

в очередной раз испытывала В. В. Дыбовского на профессионализм. На подлете к городу начался сильный дождь, защитные очки постоянно покрывались каплями воды. К тому же лететь пришлось в облаках. Ориентироваться авиатору было практически не возможно. К счастью, ему удалось без аварии посадить аэроплан в овес. К месту посадки сбегались местные мальчишки, от которых В. В. Дыбовский узнал свое местонахождение²⁶. Позже два крестьянина обратились с заявлением к харьковскому уездному исправнику о возмещении им убытков за вытоптанные аэропланом и любопытствующими посевы овса²⁷.

²³ Дыбовский В. Мой перелет Севастополь — Петербург: I // Русский инвалид. 1912. 15 июля. С. 4–5.

²⁴ Полет Севастополь — Харьков // Крымский вестник. 1912. 4 июня. С. 3.

²⁵ Как летел В. В. Дыбовский: (Доклад авиатора в Техническом о-ве) // Южный край. 1912. 7 июня. С. 5.

²⁶ Прибытие лейтенанта В. В. Дыбовского // Южный край. 1912. 6 июня. С. 5.

²⁷ Местная хроника. Отголоски полета Дыбовского // Южный край. 1912. 24 июня. С. 6.

В Харькове В. В. Дыбовский сел вовсе не там где ему было предписано и где его ждали. На подлете к городу летчик должен был ориентироваться по колокольне собора и лететь от нее на север-северо-восток, но из-за сильного дождя и меняющегося направления ветра В. В. Дыбовский вынужден был оставить полет по прямой линии и свернуть вправо, чтобы, держась железнодорожной линии, не сбиться с пути.

Местом спуска в Харькове В. В. Дыбовскому согласно посланной ему телеграмме был назначен скаковой ипподром. К восьми вечера там собрались члены воздухоплавательного отдела Технического общества во главе с его председателем В. Е. Мороховцом и секретарем Г. Л. Окулич-Казариным, а также сотрудник «Южного края» Е. М. Бабецкий и представители полиции. Встречавшие были в курсе текущего местонахождения аэроплана, поскольку получали телефонные сообщения со станций и населенных пунктов, над которыми пролетал «Ньюпор». В поле около ипподрома был разложен сигнальный костер, но так как авиатор изменил маршрут, то костра он не увидел. В итоге В. В. Дыбовский сел недалеко от товарной станции Балашовского вокзала, где его с шампанским встретил начальник станции²⁸. Через час на автомобиле подъехали члены харьковского воздухоплавательного отдела и увезли летчика в город.

На этапе Александровск — Харьков В. В. Дыбовский установил новый всероссийский рекорд продолжительности полета без спуска. «Санкт-Петербургские ведомости» указывают чуть меньшее время этого рекорда — 3 часа 10 минут, но и эта цифра существенно превосходит время предыдущего рекорда двухлетней давности 2 часа 32 минуты, установленного авиатором В. А. Лебедевым²⁹. «Голос Москвы», по данным которого В. В. Дыбовский затратил на перелет в 320 верст 3 часа 11 минут, отметил интересный факт: «срочная телеграмма, отправленная из Александровска в момент вылета Дыбовского, пришла в Харьков спустя полтора часа после прилета авиатора»³⁰.

Утром 6 июня В. В. Дыбовский должен был перелететь на ипподром, но из-за сильного ветра вылет перенесли на вечер. Авиатор на время разместился в гостинице «Гранд-Отель». К месту стоянки аэроплана прибыл механик для осмотра машины, туда же был доставлен запас бензина³¹. Около 7 часов вечера В. В. Дыбовский перелетел на ипподром,

---

²⁸ Прибытие лейтенанта В. В. Дыбовского // Южный край. 1912. 6 июня. С. 5.

²⁹ Хроника: К прилету лейт. Дыбовского // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 23 июня. С. 4.

³⁰ Телеграммы: Полет лейтенанта Дыбовского // Голос Москвы. 1912. 7 июня. С. 3.

³¹ Местная хроника: К полету В. В. Дыбовского // Южный край. 1912. 6 июня. Вечерний выпуск. С. 2.

где собралась толпа около 5 тысяч человек. Перед посадкой «Ньюпор» сделал несколько показательных кругов над публикой. Встречали авиатора члены воздухоплавательного отдела Технического общества под шумные овации присутствующих³².

Вечером лейтенант Дыбовский принял участие в публичном заседании воздухоплавательного отдела харьковского отделения Технического общества под председательством А. М. Ильева. Присутствовало более 500 человек, среди которых были профессора высших учебных заведений, инженеры, офицеры, студенты. Встреченный продолжительными рукоплесканиями, авиатор сделал доклад о перелете из Севастополя в Харьков и кратко рассказал о состоянии военной авиации в России. Во время доклада пришла телеграмма от начальника севастопольской школы авиации полковника С. И. Одинцова, в которой от имени школы он поздравил В. В. Дыбовского с отличным полетом и пожелал успеха в дальнейшем маршруте: Курск, Орел, Тула, Москва. В ответ было решено полковнику Одинцову также послать приветственную телеграмму. Собрание выразило благодарность начальнику Южных железных дорог В. И. Стульгинскому за содействие перелету³³.

На следующий день на 10 часов утра у Дыбовского была запланирована на скаковом ипподроме небольшая лекция с демонстрацией своего аппарата. Но из-за сильного переутомления авиатор почувствовал себя плохо, поэтому по его поручению собравшейся публике объяснения давал новый механик, накануне прибывший из Севастополя³⁴.

8 июня в седьмом часу вечера В. В. Дыбовский в сопровождении членов воздухоплавательного отдела Технического общества прибыл на ипподром с целью опробовать работу мотора для дальнейшего полета. Для этого он на 18 минут поднялся в воздух и проделал несколько упражнений. Почти не отдыхая, авиатор по просьбе членов воздухоплавательного отдела согласился полетать над городом, чтобы показать полет всем жителям. Полет над городом продолжался более 20 минут, при этом в наивысшей точке высота полета превышала 800 м. Публика останавливалась на улицах, провожая летчика восторженными криками и аплодисментами³⁵.

В. В. Дыбовский планировал вылететь из Харькова 9 июня. Но, разобрав утром, с помощью механика, мотор для проверки, он понял, что мо-

---

³² Местная хроника: Перелет В. В. Дыбовского на ипподром // Южный край. 1912. 7 июня. С. 5.

³³ Перелет лейт. Дыбовского // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 10 июня. С. 2.

³⁴ Местная хроника: Болезнь авиатора Дыбовского // Южный край. 1912. 7 июня. Вечерний выпуск. С. 3.

³⁵ Полеты В. В. Дыбовского // Южный край. 1912. 9 июня. С. 4.

тор «утомлен» и требует небольшого отдыха и дополнительной проверки. В тот же день лейтенант Дыбовский получил очередную телеграмму от полковника Одинцова. Тот информировал, что великий князь Александр Михайлович разрешает ему совершить перелет Харьков — Петербург. В Петербурге предписывается спуститься на военном поле в Красном Селе. От себя С. И. Одинцов советовал хорошо продумать участок перелета Москва — Петербург³⁶.

Администрации Южных железных дорог и Московско-Курской дороги дали распоряжение по всей линии оказывать лейтенанту Дыбовскому при пролете содействие и сообщать о пути его следования³⁷.

Параллельно с перелетом лейтенанта В. В. Дыбовского Севастополь — Харьков проходил перелет штабс-капитана Д. Г. Андреади Севастополь — Одесса.

Штабс-капитан Андреади вылетел из Александро-Михайловского на моноплане «Ньюпор» (мотор «Гном» 50 л. с.) с механиком солдатом Семеном Дорогим (ил. 4) рано утром 2 июня. В Одессу они должны были лететь через Перекоп, Херсон и Николаев³⁸. Взяв направление вдоль берега, авиаторы долетели, легко ориентируясь по местности, до соленых озер на линии Евпатории, держась высоты 500 м. Дальше их встретил густой туман, пришлось взять направление по компасу. Д. Г. Андреади надеялся через полтора-два часа быть в Перекопе, но сильный северо-восточный ветер снес аппарат к западному берегу Крыма. Выйдя из тумана, авиаторы поняли, что находятся у берега Крыма недалеко от Тарханкута. Тогда они повернули на вос-

Ил. 4. Штабс-капитан Андреади со своим механиком рядовым Семеном Дорогим. Искры. 1912. 17 июня. № 24. С. 186. Фото И. М. Шнейдера

³⁶ Местная хроника: К отлету В. В. Дыбовского // Южный край. 1912. 10 июня. С. 7.

³⁷ Местные сведения: К пролету через Курск лейтенанта Дыбовского // Курская газета 1912. 14 июня.

³⁸ Полет Севастополь — Одесса // Крымский вестник. 1912. 3 июня. С. 4.

ток и, держась берега, долетели до Перекопского перешейка. Миновав перешеек, через три с половиной часа после вылета из Севастополя, «Ньюпор» благополучно опустился в деревне Каланчак. Продолжение полета в этот день было невозможно из-за поднявшегося шторма³⁹.

Из расспросов местных жителей штабс-капитан Андреади узнал, что выбранное им направление на Херсон неудобно, так как в этом районе постоянно дуют ветры и часто свирепствуют штормы, а весь путь до Днепра проходил бы над камышами, болотами и плавнями, что практически исключало спуск, в случае если бы возникла такая необходимость. Поэтому он принял решение лететь в Херсон через Берислав, увеличив первоначальный маршрут на целых 200 верст, о чем уведомил телеграммой руководство⁴⁰. Получив разрешение от начальства, 3 июня в 5 часов утра «Ньюпор» вылетел по новому направлению. Для летчиков этот отрезок оказался самым трудным участком пути. Пришлось бороться с сильнейшим штормом. Аппарат швыряло из стороны в сторону, приходилось усиленно работать, чтобы сохранять равновесие. Усилившийся дождь заставил авиаторов спуститься в Каховке, где они и заночевали⁴¹.

На следующий день, несмотря на дождь и сильный ветер, Д. Г. Андреади решил пересечь Днепр и двигаться на Херсон. Но уже через пять минут полета на высоте 200 м аэроплан попал в облака. И так как дождь и тряска усилились, то, перелетев Днепр, «Ньюпор» вынужден был сразу сесть около деревни Тягинка. К вечеру погода улучшилась, и авиаторы полетели дальше. Всего через полчаса в половине восьмого вечера, сделав круг над городом, аэроплан спустился в Херсоне в районе тюрьмы и губернской больницы.

Переночевав в Херсоне, авиаторы 5 июня в четыре часа утра полетели дальше. Через 45 минут они сели около Варваровки, предместья Николаева⁴². В Николаеве Д. Г. Андреади не смог найти бензин, пригодный для мотора «Ньюпора». Поэтому в ожидании доставки выписанного из Одессы бензина, авиаторы вынуждены были задержаться в Николаеве⁴³. Автомобиль одесской школы с бензином прибыл только вечером, лететь дальше было поздно, поэтому ночевать пришлось в Николаеве.

---

³⁹ Крымская жизнь: Перелет Севастополь — Одесса // Крымский вестник. 1912. 9 июня. С. 3.

⁴⁰ Полет Севастополь — Одесса // Крымский вестник. 1912. 4 июня. С. 3.

⁴¹ Крымская жизнь: Перелет Севастополь — Одесса // Крымский вестник. 1912. 9 июня. С. 3.

⁴² Там же.

⁴³ Крымская жизнь: Полеты военных авиаторов: Севастополь — Одесса // Крымский вестник. 1912. 6 июня. С. 3.

На рассвете следующего дня в начале пятого «Ньюпор» штабс-капитана Андреади вылетел из Николаева. От Николаева до Одессы Д. Г. Андреади 120 верст пролетел над морем. Он шел на приличной высоте (1200 м), чтобы в случае проблем с мотором иметь возможность приблизиться к берегу⁴⁴. В половине шестого «Ньюпор» благополучно сел в Одессе на безлюдном Стрельбищном поле⁴⁵. Так как никого на поле не было, Д. Г. Андреади в 7 часов вновь поднялся в воздух и полетел «будить»⁴⁶. Сделав над городом большой круг, он приземлился на том же месте. Вскоре поприветствовать авиаторов прибыли многие члены местного аэроклуба. Отдохнув после дороги, штабс-капитан Андреади на автомобиле к 5 часам вечера прибыл на беговое поле, где встреченный военным маршем оркестра он был представлен президенту одесского аэроклуба А. А. Анатре. После торжественной встречи А. А. Анатра пригласил авиатора в свой автомобиль, на котором они прибыли на Стрельбищное поле. Д. Г. Андреади поднялся на своем аппарате в воздух, продемонстрировав всем собравшимся возможности «Ньюпора». Сделав два круга для набора высоты, авиатор облетел вокруг города и сделал красивый планирующий спуск. Военные летчики, ученики одесской школы пригласили Д. Г. Андреади на товарищеский обед в «Аркадию»⁴⁷.

Вечером 7 июня состоялось официальное чествование штабс-капитана Андреади. На аэродроме собрались члены одесского аэроклуба, воспитанники одесской авиационной школы и почетные гости. Среди почетных гостей присутствовали президент одесского аэроклуба А. А. Анатра, почетный член аэроклуба градоначальник камергер И. В. Сосновский, чиновник особых поручений М. П. Бырдин и другие. После того как гости осмотрели аэропланы, состоялось несколько полетов. Помимо штабс-капитана Андреади летали инструктор одесской школы В. Н. Хиони на «Фармане» и несколько учеников школы. В. Н. Хиони поднимался в воздух несколько раз, в качестве пассажиров с ним летали и почетные гости И. В. Сосновский, М. П. Бырдин и другие. Д. Г. Андреади летал 2 раза, второй его полет завершал авиационную программу. По завершении полетов было сделано на память несколько фотографических снимков, после чего штабс-капитан

---

⁴⁴ *Р-иць*. Рассказ шт.-кап. Андреади // Россия. 1912. 20 июля. С. 3.

⁴⁵ Крымская жизнь: Перелет Севастополь — Одесса // Крымский вестник. 1912. 9 июня. С. 3.

⁴⁶ *Штабс-кап. Андреади*. Воздухоплавание: 2100 верст в воздухе // Русское Слово. 1912. 30 июня. С. 4.

⁴⁷ Перелет Севастополь — Одесса // Одесский листок. 1912. 7 июня. С. 4.

Андреади и все гости были приглашены к столу. Чествование продолжалось до половины десятого вечера⁴⁸.

Утром 10 июня штабс-капитан Андреади посетил лагерь Одесского военного училища. Это было его родное училище, курс которого он окончил в 1904 году⁴⁹. Там он был тепло встречен офицерами и юнкерами. После того как был отслужен напутственный молебен, временно исполняющий обязанности начальника училища генерал-майор Г. В. Путята произнес приветственную речь, в которой отметил заслуги выпускника училища и пожелал ему благополучия в дальнейшем пути. Выступивший за ним с небольшим докладом преподаватель училища полковник генерального штаба П. М. Андрианов рассказал присутствующим об огромной роли авиации в военном деле, а про Д. Г. Андреади сказал, что его имя должно быть занесено на страницы истории училища наряду с именами других питомцев, совершивших подвиг на поле брани, «так как борьба с воздухом — та же война, сопряженная со смертельной опасностью»⁵⁰. После завтрака в офицерском собрании училища штабс-капитан Андреади поблагодарил своих бывших наставников и в 3 часа дня покинул лагерь. От генерал-майора Г. В. Путяты полковнику С. И. Одинцову ушла телеграмма: «Одесское военное училище, чувствуя сегодня своего питомца, отважного летчика [штабс-] капитана Андреади, приветствует севастопольскую школу, так плодотворно и самоотверженно работающую на пользу родине и во славу родной армии. Да здравствует севастопольская школа и ее бесстрашный летчик Андреади, установивший первым воздушный путь Севастополь — Одесса. Одесское военное училище радостно гордится своим доблестным воспитанником — пионером русской военной авиации»⁵¹.

«Крымский вестник» 10 июня сообщил, что штабс-капитан Андреади получил разрешение от полковника С. И. Одинцова продолжать полет дальше вдоль линии железной дороги через Николаев — Кременчуг — Полтаву в Харьков, откуда опять же вдоль железнодорожной линии вернуться назад в Александро-Михайловское⁵². А вот газета «Санкт-Петербургские ведомости», причем на день раньше, известила, что «военному летчику Андреади разрешено совершить перелет Одесса — Москва

---

⁴⁸ Воздухоплавание: Чествование шт.-кап. Андреади. Полет г. градоначальника И. В. Соновского // Одесский листок. 1912. 8 июня. С. 4.

⁴⁹ Воздухоплавание: Чествование шт.-кап. Андреади в Одесском военном училище // Одесский листок. 1912. 12 июня. С. 3.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Крымская жизнь: Севастополь — Одесса — Харьков // Крымский вестник. 1912. 10 июня. С. 3.

с этапами в Кременчуге, Полтаве и Харькове»⁵³. В Харьков в адрес воздухоплавательного отдела Технического общества полковник Одинцов послал телеграмму, в которой, известив о маршруте полета штабс-капитана Андреади, попросил оказать ему всяческое содействие⁵⁴.

11 июня в 3 ч. 58 мин. утра штабс-капитан Андреади со своим механиком в качестве пассажира вылетел из Одессы в направлении Николаева⁵⁵. Проследовав Николаев без остановки, авиаторы из-за небольшой проблемы с мотором опустились у станции Явкино Харьково-Николаевской железной дороги⁵⁶. Следующая остановка была на станции Долинская, где их задержали сильный дождь, гроза и туман⁵⁷. Переждав непогоду «Ньюпор» штабс-капитана Андреади 13 июня в 5 вечера вылетел с Долинской и в 19:40 при шумных овациях тысячной толпы сел в Кременчуге⁵⁸. При попытке на следующий день вылететь из Кременчуга, при взлете ударом о бугор был поврежден аппарат. Авиаторы, к счастью, не пострадали. Снова пришлось немного задержаться⁵⁹. Это была не последняя неприятность на пути в Харьков. По причине поломки винта пришлось сесть на станции Козельщина. Д. Г. Андреади отправил в Харьков, где его уже ждали, в адрес редакции журнала «Тяжелее воздуха», орган воздухоплавательного отдела Технического общества, телеграмму следующего содержания: «Опустился на станции Козельщина Южных [железных] дорог. Винт разлетелся в воздухе»⁶⁰. Севастопольская авиационная школа, узнав о поломке, сразу выслала в Харьков на имя начальника станции новый винт для Д. Г. Андреади⁶¹. Винт прибыл в Харьков 15 июня и немедленно был выслан В. Е. Мороховцем авиатору⁶². Высланный пропеллер оказался непригодным, пришлось ждать другой, из-за чего пришлось задержаться еще на несколько дней⁶³.

---

⁵³ Телеграммы: От 8-го июня: Одесса // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 9 июня. С. 6.

⁵⁴ Местная хроника: К прилету авиатора Андреади // Южный край. 1912. 10 июня. С. 7.

⁵⁵ Телеграммы: От 11-го июня: Одесса // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 12 июня. С. 6.

⁵⁶ Крымская жизнь: Полет Одесса — Харьков // Крымский вестник. 1912. 12 июня. С. 3.

⁵⁷ Крымская жизнь: Полеты военных авиаторов // Крымский вестник. 1912. 14 июня. С. 3.

⁵⁸ Телеграммы: От 14-го июня: Кременчуг // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 14 июня. С. 6.

⁵⁹ Телеграммы: От 14-го июня: Кременчуг // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 15 июня. С. 6.

⁶⁰ Телеграммы: От 15-го июня: Харьков // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 16 июня. С. 6.

⁶¹ Местная хроника: К прилету Андреади // Южный край. 1912. 15 июня. С. 4.

⁶² Местная хроника: К прилету Андреади // Южный край. 1912. 16 июня. С. 4.

⁶³ *Р-ичь*. Рассказ шт.-кап. Андреади // Россия. 1912. 20 июля. С. 3.

Последним городом на пути в Харьков стала Полтава, где по просьбе авиатора заранее были приготовлены бензин и масло⁶⁴. Вылетев рано утром 19 июня с Козельщины, Д. Г. Андреади уже не испытывавший необходимость в дозаправке, пролетел над Полтавой, но уже сделал около 20 верст от города в сторону Харькова, вспомнил, что его ждут в Полтаве и решил совершить визит вежливости и вернуться в Полтаву. Д. Г. Андреади в воздухе развернул аэроплан в районе станции Божков и через некоторое время опустился возле Шведской могилы. Отдав дань уважения полтавчанам, в тот же день в 6 часов 12 минут вечера «Ньюпор» вылетел в Харьков, где через час с небольшим благополучно сел на скаковом ипподроме⁶⁵.

На ипподроме аэроплан штабс-капитана Андреади встречали представители воздухоплавательного отдела Технического общества во главе с В. Е. Мороховцем, члены Харьковского автомобильного клуба во главе с его председателем П. П. Кулжинским, представители прессы и разнообразная публика. Все бросаются к аэроплану, приветствуют и жмут авиатору руку. В. Е. Мороховец первым приветствовал летчика. Д. Г. Андреади представился коменданту города полковнику Г. С. Горбаневу (*ил. 5*) и передал аппарат под его попечение. «Ньюпор» оттранспортировали под навес, где Д. Г. Андреади его бегло осмотрел. После осмотра авиатор под гром аплодисментов сел с В. Е. Мороховцем в приготовленный автомобиль, над которым развевался флаг авиационного отдела. Автомобиль выехал с ипподрома, за ним следовал автомобиль П. П. Кулжинского, далее целая вереница автомобилей членов автомобильного клуба. Во время проезда по городу жители провожали автомобиль, в котором находился Д. Г. Андреади, овациями⁶⁶.

20 июня штабс-капитан Андреади сделал доклад о перелете Севастополь — Одесса — Харьков в собрании воздухоплавательного отдела харьковского отделения Технического общества⁶⁷. Собрание проходило в зале заседаний совета Съезда горнопромышленников юга России. Зал был переполнен, толпы слушателей стояли даже у дверей в коридорах. Первым приветствовал Д. Г. Андреади председатель собрания В. Е. Мороховец. Следующим выступал председатель харьковского отделения Императорского русского технического общества Н. Ф. фон Дитмар. Он поблагодарил Д. Г. Андреади как одного из пионеров покорения воздуха и высказал тезис про то, что военные летчики выполняют достойную

---

⁶⁴ Местная хроника: К прилету Андреади // Южный край. 1912. 14 июня. С. 3.

⁶⁵ Прилет Д. Г. Андреади // Южный край. 1912. 20 июня. С. 3.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Телеграммы: От 20-го июня: Харьков // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 21 июня. С. 6.

Ил. 5. Член Екатеринославского автомобильного клуба И. С. Тихонович (слева), Д. Г. Андреади (в центре), комендант Харькова полковник Г. С. Горбанев (справа). Южный край. 1912. 23 июня. Вечерний выпуск. С. 3. Фото Карпиновского

задачу по обеспечению «защиты развития и даже существования нашего отечества»⁶⁸. Следующим с докладом о перелете выступил Д. Г. Андреади. Он подробно рассказал обо всех этапах своего перелета, начиная с того момента, как 1 июня он получил приказ лететь в Одессу. Особый интерес у публики вызвала оценка авиатором летных качеств аппарата, на котором он совершал перелет. В качестве недостатков «Ньюпора» Д. Г. Андреади указал, что аппарат «тяжел для управления, тяжело поднимается вверх и долго катится по земле»⁶⁹. После доклада Д. Г. Андреади поехал на устраиваемый в Померках в его честь воздухоплавательным отделом Технического общества совместно с Харьковским автомобильным клубом банкет⁷⁰. На ужине присутствовало около пятидесяти человек. Авиатора речами приветствовали от имени автомобильного клуба П. П. Кулжинский, от воздухоплавательного отдела Технического общества В. Е. Мороховец, от газеты «Южный край» Ю. С. Волин.

⁶⁸ Воздушный гость (Доклад Д. Г. Андреади в техническом обществе) // Южный край. 1912. 21 июня. С. 3–4.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Телеграммы: От 21-го июня: Харьков // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 22 июня. С. 6.

От автомобильного клуба штабс-капитану Андреади был вручен золотой жетон⁷¹.

21 июня, уступая просьбам собравшейся на ипподроме публики, Андреади в начале восьмого вечера совершил десятиминутный полет на высоте 300 метров над городом. Когда авиатор после полета осматривал свой аппарат, то обнаружил, что пропеллер местами расклеился. Так как за время перелета уже было два случая, когда винт разлетался в воздухе, то присутствовавшие на аэродроме члены авиационного отдела стали уговаривать Д. Г. Андреади, собиравшегося утром вылететь в Москву, исправить пропеллер прежде, чем лететь дальше. Торопившийся авиатор отказался⁷².

На момент прибытия штабс-капитана Андреади в Харьков лейтенанта Дыбовского там уже не было. У В. В. Дыбовского вылет из Харькова был запланирован на утро 11 июня, но помешала непогода. Сначала авиатор из-за сильного ветра отложил полет до вечера, а вечером началась гроза, пришлось всё отложить до следующего дня. 12-го утром вылететь опять не удалось. Снова был сильный ветер и гроза. В пять вечера В. В. Дыбовский решает взлететь и ему даже удается уйти от дождя⁷³. Перед отлетом состоялось краткое чествование. Было подано шампанское, В. Е. Мороховец и ещё три официальных лица из числа провожавших произнесли небольшие речи, а аэроплан поклонники авиатора забросали цветами. В 17:15 «Ньюпор» берет направление на Курск⁷⁴. Но, около 7 часов вечера сильный ветер заставляет его опуститься около села Толокнское в 30 верстах от Белгорода и в 4 верстах от станции Наумовка Южных железных дорог⁷⁵. Там В. В. Дыбовский переночевал в имении управляющего медным заводом.

Несмотря на то, что всю ночь был шторм, лейтенант Дыбовский 13 июня около 4 часов утра поднимается в воздух. В районе Белгорода из-за воздушных течений аппарат стало сильно бросать. Это потребовало физического напряжения. А тут ещё мотор стал работать с перебоями. Уставшему авиатору не оставалось ничего другого как спуститься. Аэроплан сел в 6 часов утра у станции Клейнмихелево (ныне Ржава) в 72 верстах от Курска. Дыбовский вызвал из Курска своего механика. Приведя мотор в порядок, в седьмом часу вечера лейтенант Дыбовский продолжил свой полет в Курск⁷⁶. Вскоре авиатор благополучно опустился на ипподроме в Курске. Там его встречал губернатор Н. П. Муратов, ко-

---

⁷¹ Андреади у автомобилистов // Южный край. 1912. 21 июня. Вечерний выпуск. С. 2.

⁷² Полет Д. Г. Андреади // Южный край. 1912. 23 июня. С. 4.

⁷³ Крымская жизнь: Рассказ лейт. Дыбовского // Крымский вестник. 1912. 16 июня. С. 3.

⁷⁴ Отлет В. В. Дыбовского // Южный край. 1912. 13 июня. С. 4.

⁷⁵ Местная жизнь // Курская быль. 1912. 13 июня. С. 2.

⁷⁶ Крымская жизнь: Рассказ лейт. Дыбовского // Крымский вестник. 1912. 16 июня. С. 3.

торый поздравил летчика с успешным перелетом. Полковником Писанко лейтенант Дыбовский был приглашен в лагерное офицерское собрание для отдыха. Аэроплан остался на ипподроме под охраной солдат⁷⁷.

14 июня в 4 часа 50 минут утра «Ньюпор» вылетел вдоль железнодорожного полотна в направлении Орла. На ипподроме лейтенанта Дыбовского провожали начальник 44 дивизии генерал-лейтенант Ф. А. Волошинов, исправник В. П. Пожидаев, офицеры местного гарнизона и оркестр Каменецкого полка. Несмотря на ранний час, собралось так же до 500 человек публики. Авиатор поблагодарил офицеров за радушный прием, попрощался с присутствующими и под звуки оркестра и крики «ура» поднялся в воздух⁷⁸. Через два часа В. В. Дыбовский сел в Глазунке Орловской губернии, приблизительно на полдороге между Курском и Орлом⁷⁹. А в Орел авиатор прибыл лишь в 8 часов вечера⁸⁰. Еще находясь в Курске, В. В. Дыбовский заявлял, что из Орла он планирует лететь в Москву без остановок, для чего собирался в Орле задержаться на сутки и провести тщательный осмотр мотора и всего аппарата. Остановка в Туле или где-нибудь в другом месте рассматривалась им только в контексте вынужденной посадки. Утром 15-го числа В. В. Дыбовский рассчитывал уже быть в Москве⁸¹. Незапланированная посадка в Глазунке слегка подкорректировала эти планы.

Утро 15 июня В. В. Дыбовский посвятил проверке мотора. Заниматься всем ему пришлось самому, так как его механик не прибыл из Курска. Инструменты были взяты «на прокат» у местных жителей. Из Орла авиатор вылетел только во второй половине дня. Провожали его все начальствующие лица города, включая губернатора, вице-губернатора, губернского и уездного предводителей дворянства⁸². По телеграфу на Московский аэродром пришло оповещение из Орла, что «военный летчик лейт[енант] Дыбовский в 4 ч. 30 м. вечера плавно поднялся и полетел в Москву»⁸³.

В Туле все же пришлось сесть. В 7 часов вечера «Ньюпор» спустился на беговом кругу⁸⁴. В. В. Дыбовскому пришлось прервать полет для мел-

---

⁷⁷ Перелет Дыбовского // Курская быль. 1912. 14 июня. С. 2.

⁷⁸ Местная жизнь // Курская быль. 1912. 15 июня. С. 4.

⁷⁹ Телеграммы: От 14-го июня: Курск // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 15 июня. С. 6.

⁸⁰ Телеграммы: От 14-го июня: Орел // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 15 июня. С. 6.

⁸¹ Крымская жизнь: Рассказ лейт. Дыбовского // Крымский вестник. 1912. 16 июня. С. 3.

⁸² Эль. Отлет лейт. Дыбовского // Орловский вестник. 1912. 16 июня. С. 2–3.

⁸³ Телеграммы: От 15-го июня: Орел // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 16 июня. С. 6.

⁸⁴ Телеграммы: От 15-го июня: Тула // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 16 июня. С. 6.

кого ремонта и чистки аппарата. Путь от Орла до Тулы «Ньюпор» преодолел за 2 часа 27 минут. Во время спуска на ипподроме не было никого кроме нескольких наездников, делавших проездку лошадям, владельцев этих лошадей и чинов полиции во главе с полицмейстером Б. В. фон Вернером. Чуть позже прибыли вице-губернатор А. К. Багвут и военные чины⁸⁵. Оставаться на беговом кругу было нельзя, потому что на следующий день на ипподроме должны были пройти юбилейные бега, о чем В. В. Дыбовского сразу предупредили⁸⁶. С бегового круга авиатор сначала перелетел на площадь около лагерей местного гарнизона и, переждав грозу и сильный дождь, вылетел 16 июня в 17:25 в Москву⁸⁷.

Взлетев в Туле, В. В. Дыбовский поднялся на высоту 500 м. Благополучно пролетел Пахомово, в половине седьмого миновал Серпухов⁸⁸, затем Подольск. Но, за 20 с небольшим верст от Москвы на него налетел вихрь, заставивший снизиться до 200 м. Это не спасло — пришлось выдержать борьбу со шквалом и в начале седьмого сесть около станции Царицыно. Местные жители оказали ему помощь, а полицейские организовали охрану⁸⁹.

Тем временем, получив известие от губернатора Тулы о вылете лейтенанта Дыбовского, на аэродром Московского общества воздухоплавания стали съезжаться члены общества и разная публика. Прибыли также московский губернатор генерал-майор В. Ф. Джунковский и командующий войсками Московского военного округа генерал П. А. Плеве⁹⁰. Московское общество воздухоплавания активно готовилось к встрече авиатора. По просьбе общества несколькими днями ранее по всему пути перелета в Московской губернии были даны распоряжения уездной полиции о содействии на случай спуска аппарата. Так же по просьбе общества начальником Московско-Курской дороги инженером В. П. Рейслером было дано указание сообщать по телефону в Москву со станций дороги о времени пролета лейтенанта Дыбовского. Московским губернатором на всякий случай были уведомлены земские врачи⁹¹. В ожидании прилета В. В. Ды-

---

⁸⁵ Прилет в Тулу лейтенанта Дыбовского // Тульская молва. 1912. 16 июня. С. 2.

⁸⁶ Дыбовский В. Мой перелет Севастополь — Петербург: I // Русский инвалид. 1912. 15 июля. С. 4–5.

⁸⁷ Телеграммы: От 16-го июня: Тула // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 17 июня. С. 6.

⁸⁸ Тульская жизнь: Отлет лейтенанта Дыбовского // Тульская молва. 1912. 17 июня. С. 2.

⁸⁹ Перелет Севастополь — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 19 июня. С. 3.

⁹⁰ *Спиро С.* Воздухоплавание: Перелет лейт. Дыбовского // Русское Слово. 1912. 17 июня. С. 5.

⁹¹ Внутренние известия: Московская жизнь: В ожидании лейт. Дыбовского // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 14 июня. С. 5.

бовского на поле около старта был разожжен большой костер из облитых смолой хвойных веток, дым от которого был виден на большом расстоянии. Навстречу Дыбовскому на аппарате «Дукс № 7» вылетел авиатор А. М. Габер-Влынский. Но, поднявшись вверх, А. М. Габер-Влынский заметил надвигавшийся с северо-запада вихрь. Это заставило его развернуться и спуститься на землю. Пока пережидали вихрь, пришли сообщения, что лейтенант Дыбовский пролетел над станцией Столбовой Курской железной дороги, а позже миновал Подольск. Чуть позже к разочарованию встречавших пришло известие, что «Ньюпор» Дыбовского из-за плохой погоды вынужденно сел между платформой Битца и Царицыно около деревни Шадрово. «Немедленно туда выехали на двух автомобилях член спортивного комитета Ю. А. Меллер, командоры поля кн[язь] В. В. Оболенский и С. И. Оссовецкий с механиками и бензином. Немного спустя с места спуска летчика сообщили, что он опустился вполне благополучно на поляне и предполагает вылететь на следующий день»⁹². В автомобиле Ю. А. Меллера, который он вёл лично, находились лучший аэродромный механик Плотников, а также два представителя прессы, одним из которых был корреспондент «Русского Слова» С. Спиро. Ему В. В. Дыбовский дал небольшое интервью. О причинах посадки авиатор сказал: «Я летел на высоте 500 метров. В этом месте на меня внезапно налетел сильный шквал. Стал опускаться... На высоте 200 метров страшно стало бросать... Думал, что погибну... Кое-как удалось спуститься. Как видите, спуск вполне благополучный...»⁹³.

Несмотря на то, что на Ходынском поле лил дождь и были резкие порывы ветра, «инструктор военно-авиационной школы авиатор Габер-Влынский решил лететь к месту спуска Дыбовского, чтобы, в случае перемены в его решении, проводить его на аэродром. <...> Вечером инженер Курской жел[езной] дор[оги] сообщил по телефону, что Габер-Влынский, не долетев до места спуска Дыбовского всего одной версты, повернул и полетел обратно в Москву. Оказалось, что приказ зажечь костры у места спуска Дыбовского опоздал, и поэтому Габер-Влынский в темноте этого места не нашел»⁹⁴. На Ходынское поле вернуться ему тоже не удалось. Из-за порчи мотора авиатору пришлось опуститься в одной версте от Брянского вокзала.

Утром 17 июня лейтенант Дыбовский предпринял попытку перелета в Москву, но по причине сильного тумана вынужден был сесть

---

⁹² Перелет Севастополь — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 19 июня. С. 3.

⁹³ Спиро С. Воздухоплавание: Перелет лейт. Дыбовского // Русское Слово. 1912. 17 июня. С. 5.

⁹⁴ Там же.

в болото недалеко от станции Люблино (*ил. 6*) в 6 верстах от города. Для авиатора стало сюрпризом, что выбранная им для посадки поляна, на которой мужики косили траву, оказалась болотом. При посадке, у аэроплана был сломан пропеллер, а сам аппарат перевернулся, накрыв собой выпавшего в болотную трясину Дыбовского. Придя в себя, авиатор кое-как вылез из-под крыла и попросил сбежавшихся крестьян помочь вытащить аэроплан из болота на сухое место⁹⁵. Московский губернатор В. Ф. Джунковский, ожидавший лейтенанта Дыбовского на аэродроме, после получения известия со станции Люблино о посадке аэроплана в болото проявил участие и лично выехал на автомобиле в сопровождении двух членов Московского общества воздухоплавания к месту аварии. Следом выехал еще один автомобиль, в котором находились врач А. И. Бакунин, брат В. В. Дыбовского — юнкер московского Александровского училища и механик Дыбовского П. П. Томчани⁹⁶. К их приезду крестьяне уже вытащили аппарат на сухое место (*ил. 7*), а авиатор занимался его починкой. У аэроплана был сломан пропеллер, и погнут конец винта. Московское общество воздухоплавания быстро организовало доставку всего необходимого. В. Ф. Джунковский к семи часам вечера вернулся на аэродром⁹⁷. Приведя машину в порядок, Дыбовскому в половине восьмого вечера все же удалось благополучно приземлиться на московском аэродроме (*ил. 8*).

Встречавшая публика устроила авиатору шумную овацию. Московский губернатор В. Ф. Джунковский вручил от имени почетного председателя Московского общества воздухоплавания великого князя Михаила Александровича кубок с надписью: «Смелому летчику лейтенанту Виктору Владимировичу Дыбовскому, Севастополь — Москва, 1912 год», а профессор Н. Е. Жуковский от имени Московского общества воздухоплавания преподнес золотой жетон с надписью: «Отважному летчику Виктору Владимировичу Дыбовскому. Севастополь — Москва, 1912 год, июнь. Московское воздухоплавательное общество». Офицеры на руках внесли лейтенанта Дыбовского в служебную беседку, где было подано шампанское⁹⁸. Из Тулы авиатор привез большой букет живых роз, которые раздал бывшим на аэродроме дамам. Во время фуршета между тостами В. В. Дыбовский сказал несколько слов о значении перелета. По его словам, «значение его перелета заключается, главным образом,

---

⁹⁵ *Р-ичь*. Рассказ лейт. В. В. Дыбовского: III // Россия. 1912. 13 июля. С. 3.

⁹⁶ Прилет В. В. Дыбовского // Южный край. 1912. 19 июня. Вечерний выпуск. С. 2–3.

⁹⁷ С. С. Воздухоплавание: Прилет лейт. Дыбовского // Русское Слово. 1912. 19 июня. С. 4.

⁹⁸ Перелет Севастополь — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 19 июня. С. 3.

Ил. 6. У аппарата лейтенанта Дыбовского на ст. Люблино 17 июня. Голос Москвы: иллюстрированное обозрение. 1912. 24 июня. С. 7. Фото С. И. Манухина

Ил. 7. Перенесение аппарата Дыбовского, опустившегося в болотистой местности. Искры. 1912. 24 июня. № 25. С. 196–197

в том, что доказана полная безопасность [по] лёта при бережливом отношении к машине и осторожности»⁹⁹. Не забыли поблагодарить и матроса-механика Дыбовского Петра Томчани. П. П. Томчани был не просто классным механиком, а хорошо образованным человеком. Уроженец

⁹⁹ Прилет В. В. Дыбовского // Южный край. 1912. 19 июня. Вечерний выпуск. С. 2–3.

Ил. 8. В. В. Дыбовский с букетом цветов в кругу членов Московского общества воздухоплавания. Искры. 1912. 24 июня. № 25. С. 197. (фрагмент)

Владикавказ, П. П. Томчани до отбытия воинской повинности слушал лекции в вольном политехникуме в Англии. Полковник С. П. Михеев объявил, что матросу Томчани Обществом воздухоплавания будет изготовлен жетон в память перелета. После чествования В. В. Дыбовского на аэродроме продолжение празднования было перенесено в «Яр»¹⁰⁰.

Воздухоплавательный отдел харьковского отделения Русского технического общества по случаю благополучного прилета в Москву послал лейтенанту Дыбовскому телеграмму: «Горды приветствовать нашу первую ласточку русской практической авиации с прилетом в Первопрестольную». Приветственная телеграмма была отправлена так же механику летчика П. П. Томчани «как достойному споспешнику славного авиатора»¹⁰¹.

Императорский всероссийский аэроклуб после получения известия, что В. В. Дыбовский намерен закончить свой перелет из Севастополя в Петербурге, собрал экстренное заседание. На нем было решено оказать содействие авиатору на отрезке пути Москва — Петербург. В частности, в Москву Московскому обществу воздухоплавания для передачи лейтенанту Дыбовскому была отослана подробная карта, использовавшаяся при перелете Петербург — Москва в июле 1911 года. Теперь она была исправлена и дополнена. Аэроклуб предоставил в распоряжение авиатора ангары с запчастями для аэропланов и запасами бензина и масла. Эта информация так же была нанесена на карту¹⁰². Позже, когда стало извест-

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Местная хроника: Авиационное заседание // Южный край. 1912. 19 июня. С. 4.

¹⁰² Хроника: Перелет Севастополь — Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 17 июня. С. 4.

но, что в Петербург В. В. Дыбовский собирается лететь в четыре этапа с остановками в Твери, Валдае и Новгороде, Императорский всероссийский аэроклуб решил встретить его в Валдае и далее сопровождать на автомобилях¹⁰³. Кроме того, для встречи В. В. Дыбовского в Новгороде туда лететь выразили желание несколько петербургских авиаторов¹⁰⁴.

В свою очередь Московское общество воздухоплавания обратилось к петербургскому аэроклубу с предложением разделить сферу участия в оказании поддержки перелета Дыбовского. Петербургскому аэроклубу предлагалось взять на себя ответственность за участок Вышний Волочек — Петербург, а Московское общество воздухоплавания обязалось всё организовать на участке Москва — Вышний Волочек¹⁰⁵.

Вылет лейтенанта Дыбовского из Москвы затянулся. Он планировался на разные даты (сначала на 21 июня¹⁰⁶, потом на 24-е¹⁰⁷, затем на конец месяца¹⁰⁸). В. В. Дыбовскому откровенно не везло. Дата вылета смещалась из-за мелких аварий.

18 июня на аэродроме Московского общества воздухоплавания состоялись показательные полеты лейтенанта Дыбовского. Посмотреть полеты «Ньюпора» собрались члены общества, ученики Московской авиационной школы и просто любопытная публика. Первый полет авиатор совершил один, во второй взял пассажиром штабс-капитана Захарченко¹⁰⁹. Третий полет чуть не закончился трагически. В качестве пассажира с В. В. Дыбовским летел абитуриент военной авиационной школы поручик Н. С. Голубицкий. На этот раз аэроплан Дыбовского вылетел за пределы аэродрома в сторону лагерей и стрельбищного поля. Мотор работал плохо. Пролетая над Брестской железной дорогой, Дыбовский увидел, что у «Ньюпора» треснул поставленный накануне пропеллер, и часть его вообще отскочила. В результате аппарат начало дергать, а его корпус стал дрожать. Делать планирующий спуск было опасно, так как внизу мчался поезд. Опытный авиатор не растерялся

---

¹⁰³ Хроника: Перелет лейт. Дыбовского // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 22 июня. С. 4.

¹⁰⁴ Хроника: К прилету лейт. Дыбовского // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 23 июня. С. 4.

¹⁰⁵ Внутренние известия: Московская жизнь // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 23 июня. С. 5.

¹⁰⁶ Телеграммы: От 16-го июня: Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 19 июня. С. 6.

¹⁰⁷ Хроника: К прилету лейт. Дыбовского // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 23 июня. С. 4.

¹⁰⁸ Хроника: К прилету лейт. В. В. Дыбовского // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 27 июня. С. 4.

¹⁰⁹ Московское утро: Полет Дыбовского // Вечернее время. 1912. 19 июня. С. 3.

Ил. 9. Автограф В. В. Дыбовского с приветствием москвичам. Голос Москвы. 1912. 19 июня. С. 2

и, отвернув в сторону, жестко сел, а практически упал с 10 метров, на картофельное поле. Лейтенант Дыбовский и поручик Голубицкий не пострадали, но у аппарата было помято правое крыло и повреждены пропеллер и шасси¹¹⁰.

На следующий день В. В. Дыбовский снял и разобрал двигатель для выяснения причины плохой работы. В одном из цилиндров поршень оказался оторванным от штока. В результате поршень заело. Это могло произойти, как считал сам авиатор, из-за испорченного бензина, давшего на стенках цилиндров большой осадок. Лакмусовая бумажка показала присутствие кислоты. Каким образом кислота попала в бак, осталось неизвестным. Мотор заменили на новый¹¹¹.

22 июня во время выверки мотора, вследствие плохого закрепления аэроплана, «он вырвался из рук державших его людей, побежал по полю и с большой силой ударился в забор»¹¹². В результате разлетелся пропеллер и был поврежден мотор. Самого авиатора на аэродроме в этот момент не было. Он приехал позже. К его приезду пропеллер поменяли на новый, и В. В. Дыбовский сам приступил к регулировке мотора¹¹³.

На следующий день в 6 вечера лейтенант Дыбовский вновь приехал на аэродром для окончательной проверки аппарата перед отлетом. С первых оборотов запущенного мотора авиатору стало ясно, что он работа-

¹¹⁰ Телеграммы: От 18-го июня: Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 20 июня. С. 6.

¹¹¹ Дыбовский В. Мой перелет Севастополь-Петербург: II // Русский инвалид. 1912. 22 июля. С. 5.

¹¹² Внутренние известия: Московская жизнь: Авиация // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 24 июня. С. 4.

¹¹³ Московское утро: Несчастье с аппаратом Дыбовского // Вечернее время. 1912. 23 июня. С. 2.

ет не правильно. Кроме того, Дыбовский обнаружил вследствие падений смещение камеры аппарата. Двигатель сильно бил вследствие перекоса поддерживавших его рам. Исправить это можно было только в заводских условиях. В. В. Дыбовский отправил запрос С. И. Одинцову о дальнейших действиях. Нужно было либо отдавать аэроплан в ремонт на завод либо прекращать перелет, а аппарат по железной дороге отправлять в Севастополь¹¹⁴.

Ил. 10. В. В. Дыбовский в редакции «Русского Слова». Авиатор диктует редакционной переписчице свои записки для «Русского Слова». Искры. 1912. 24 июня. № 25. С. 198

Из Севастополя было получено разрешение передать аппарат на завод. 25 июня «Ньюпор» был перевезен на завод «Дукс» для разборки, выверки и повторной сборки по чертежам¹¹⁵. В. В. Дыбовский лично наблюдал за проведением работ. Обрато на аэродром отремонтированный аэроплан был возвращен 28 июня¹¹⁶.

Во время своего пребывания в Москве В. В. Дыбовский посетил редакцию газеты «Русское Слово» (*ил. 10*). Там он продиктовал редакционной переписчице свои записки о перелете из Севастополя в Москву. 26 июня материал объемом в половину страницы вышел под заголовком «Полет на север»¹¹⁷.

Тем временем 23 июня в 3 часа 47 минут штабс-капитан Андреади вылетел из Харькова. Расклеившийся пропеллер он все же успел поменять на новый, присланный из Севастополя. Летел Д. Г. Андреади один. Механика Семёна Дорогого он отправил в Белгород ожидать его там. Но в 4:10 авиатор без остановки пролетел над Белгородом и в 5:24 ввиду

¹¹⁴ Авиация: К полету Дыбовского // Голос Москвы. 1912. 24 июня. С. 4.

¹¹⁵ Авиация: К отлету Дыбовского // Голос Москвы. 1912. 26 июня. С. 4.

¹¹⁶ Авиация: К отлету В. В. Дыбовского // Голос Москвы. 1912. 29 июня. С. 3.

¹¹⁷ *Лейтенант Дыбовский. Полет на Север* // Русское Слово. 1912. 26 июня. С. 2.

усилившегося ветра сел на станции Сажное Южных железных дорог в 107 верстах от Харькова и 122 верстах от Курска¹¹⁸.

Следующая остановка Д. Г. Андреади по причине сильного ветра была в селе Плоском около станции Полевая в 26 верстах от Курска¹¹⁹, где неподалеку он переночевал в имении барона Розена, расположенного близ разъезда Шумаково в 32 верстах от Курска. В имении барона Розена авиатор провел и 24 июня. Туда же подъехал и его механик для осмотра и чистки аппарата. Вечером штабс-капитан Андреади сделал два пробных полета. Убедившись, что аэроплан в порядке, он запланировал вылет на 4 часа утра следующего дня¹²⁰. В самом Курске авиатор уже не останавливался. 25 июня в 5 часов утра он пролетел над городом в направлении Орла. Вскоре, из-за неполадок в моторе, «Ньюпор» Андреади совершил вынужденную посадку около станции Золотухино Московско-Курской железной дороги на 62-й версте от Курска¹²¹. В Москве была получена телеграмма: «Пришлите Горбачево моё имя два пуда бензина. Сижу станции Золотухино. Задержка — бензин». Общество воздухоплавания по телефону связалось с находящимся в Туле своим членом и поручило ему на автомобиле доставить бензин¹²². В тот же день Д. Г. Андреади полетел дальше и вынужден был сесть по причине нехватки бензина около 5 часов вечера на станции Змиевка, где он и заночевал¹²³.

В Орле надеялись, что Д. Г. Андреади в городе сядет, и сядет там же, где ранее приземлялся В. В. Дыбовский. С раннего утра 26 июня на этом месте его поджидали помощник исправника, заведующий конно-полицейской стражей и 5 конных стражников. На бугре в качестве сигнальщиков стояли еще 4 пешеходных стражника с трехцветными флагами на длинных шестах. В 4:35 на горизонте показался «Ньюпор». Сигнальщики стали активно махать флагами, привлекая внимание авиатора. Но тот и не собирался садиться в Орле. Через десять минут аэроплан скрылся с глаз в направлении Тулы¹²⁴. Около 7 часов утра Андреади опустился вследствие холода около элеватора на станции Паточная в Сергиевском

---

¹¹⁸ Отлет Д. Г. Андреади // Южный край. 1912. 23 июня. Вечерний выпуск. С. 2.

¹¹⁹ Местная хроника: К полету шт.-капитана Андреади // Южный край. 1912. 25 июня. С. 3.

¹²⁰ Воздухоплавание: Полет шт.-капитана Андради // Русское Слово. 1912. 26 июня. С. 5.

¹²¹ Местная жизнь // Курская быль. 1912. 26 июня. С. 3.

¹²² Авиация: Перелет Одесса — Москва // Голос Москвы. 1912. 26 июня. С. 4.

¹²³ Местная хроника: Прилет шт.-кап. Андреади // Орловский вестник. 1912. 26 июня. С. 3.

¹²⁴ *P-p-рв*. Пролет шт.-кап. Андреади // Орловский вестник. 1912. 27 июня. С. 3.

(ныне Плавск)¹²⁵. Станцию Горбачево ему прешлось пролететь, так как там он не нашел удобного места для спуска¹²⁶.

Из Сергиевского Д. Г. Андреади отправил в Тулу сообщение, что вечером, если позволит погода, он туда вылетает. Ему ответили, что у места спуска у военных лагерей будет вывешен белый флаг. С середины дня к лагерям стала стекаться публика. В 6 вечера пришло телеграфное сообщение, что штабс-капитан Андреади вылетел. Приблизительно через час «Ньюпор», сделав круг над городом, благополучно садится на выгоне у военных лагерей близ Всехсвятского кладбища. Андреади сразу с поздравлениями окружают офицеры. Из официальных лиц авиатора встретил тульский вице-губернатор А. К. Багговут. Он лично пишет телеграмму на аэродром в Москву о благополучном спуске аэроплана и о планах штабс-капитана быть в Москве завтра в 7 часов вечера. Вице-губернатор спросил, не возьмет ли Андреади его завтра на несколько минут с собой. Летчик вежливо отказал, сославшись на запрет руководства. Там же на месте посадки Д. Г. Андреади дал небольшое интервью корреспонденту «Тульской молвы». На вопрос «сколько можно лететь на “Ньюпоре” не спускаясь», авиатор ответил: «Пять часов»¹²⁷. Далее он рассказал, что в полете управляет машиной обеими руками и ногами, но болит только правое плечо. Правда тут же заметил, что настолько привык к полетам, что ему безразлично находится ли он в воздухе или на земле¹²⁸.

27 июня в 4:10 утра штабс-капитан Андреади вылетел в Москву. На поле его провожали вице-губернатор А. К. Багговут, городской голова А. А. Смирнов и полицмейстер Б. В. фон Вернер. Через 1 час 20 минут «Ньюпор» Андреади сел у Подольска¹²⁹. Авиатор отправил в Москву сообщение: «Опустился в Подольске. Буду в 7 час. вечера»¹³⁰. «Заведующий аэродромом просил летчика указать желательные способы сигнализации, на что последний ответил, что он рассчитывает без труда найти аэродром, так как не будет лететь по линии окружной жел[езной] дороги, а полетит над городом, взяв направление на Симонов монастырь, а оттуда на храм Христа Спасителя. На аэродроме же он просит флагами или костром указать ему удобное для спуска место»¹³¹.

В 19:02 Д. Г. Андреади вылетел из Подольска, в 19:15 миновал Царицыно. На аэродроме аэроплан заметили еще на подлете к храму

---

¹²⁵ В. К. Прилет капитана Андреади // Тульская молва. 1912. 27 июня. С. 2.

¹²⁶ Московская жизнь: Перелет Одесса — Москва // Голос Москвы. 1912. 27 июня. С. 2.

¹²⁷ В. К. Прилет капитана Андреади // Тульская молва. 1912. 27 июня. С. 2.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Тульская жизнь: Отлет капитана Андреади // Тульская молва. 1912. 28 июня. С. 2.

¹³⁰ Авиация: Перелет Одесса — Москва // Голос Москвы. 1912. 28 июня. С. 4.

¹³¹ Там же.

Христа Спасителя. Андреади шел на высоте 1000 м, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств иметь возможность спланировать за черту города. Поравнявшись с храмом, он поворачивает в сторону аэродрома и в 19:40 спускается на землю почти у самого старта. К аппарату сразу бросается большая толпа, окружая его плотным кольцом. Первыми с поздравлениями пробиваются к Д. Г. Андреади его товарищи по школе лейтенант Дыбовский и штабс-капитан Никольский. Следом с официальным приветствием — секретарь Московского общества воздухоплавания Н. Н. Лебеденко. Он вручает авиатору золотой жетон с изображением парящего орла и надписью: «Военному летчику шт.-кап. Андреади — М. О. В. 1912 г.», а также «сообщает ему о решении спортивного комитета предложить ближайшему общему собранию выбрать его непременно членом общества»¹³². В авиаторской беседе был сервирован холодный ужин (*ил. 11*).

Московское общество воздухоплавания, получив известие о первой задержке отлета лейтенанта Дыбовского, решило организовать в день его вылета в воскресенье 24 июня авиационный день. Тогда рассчитывали, что вместе с ним сможет вылететь штабс-капитан Андреади, прибытие которого в Москву ожидалось накануне в субботу. Им планировали организовать торжественные проводы с участием авиаторов А. М. Габер-Влынского, М. Г. фон Лерхе и штабс-капитана В. А. Юнгмейстера, причем последний должен будет совершить пробные полеты на только что полученном Московским обществом воздухоплавания первом «Ньюпоре»¹³³.

Сообщалось, что узнав о возможном совместном вылете, лейтенант Дыбовский «послал по телеграфу в Севастополь ходатайство, чтобы перелетам его и шт[абс]-кап[итана] Андреади не был придан характер состязаний...»¹³⁴

24 июня авиационный день не состоялся. «Ньюпор» Дыбовского вследствие порчи мотора был не готов к вылету. Что касается штабс-капитана Андреади, то он задержался в пути, а, прибыв в Москву, в тот же день получил приказание к 1 июля вернуться в Севастополь¹³⁵. Текст полученной им телеграммы гласил: «Школа и я приветствуем с окончанием блестящего перелета. К 1 июля возвратитесь в Севастополь. Одинцов»¹³⁶.

---

¹³² Авиация: Прилет Андреади // Голос Москвы. 1912. 28 июня. С. 4.

¹³³ Внутренние известия: Московская жизнь: Воздухоплавание // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 22 июня. С. 4.

¹³⁴ Внутренние известия: Московская жизнь // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 23 июня. С. 5.

¹³⁵ Внутренние известия: Московская жизнь: Воздухоплавание // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 29 июня. С. 5.

¹³⁶ Московское утро: Воздухоплавание // Вечернее время. 1912. 28 июня. С. 2.

Ил. 11. Штабс-капитан Андреади в сопровождении публики направляется в павильон московского аэроклуба. Искры. 1912. 15 июля. № 27. С. 216.
Фото А. И. Савельева

Вследствие установившейся благоприятной погоды импровизированный авиационный день все-таки состоялся. Он прошел 28 июня на аэродроме Московского общества воздухоплавания. В. В. Дыбовский не участвовал, а Д. Г. Андреади на своем «Ньюпоре» москвичам полет продемонстрировал. Испробовал в воздухе новенький «Ньюпор» и штабс-капитан В. А. Югмейстер. Кроме них на «Фарманах» летали А. М. Габер-Влынский с учениками и Б. И. Россинский. Изюминкой авиационного дня стал полет моноплана «ЛЯМ», который пилотировал один из его создателей конструктор Ф. Э. Моска¹³⁷.

«Ввиду запрещения [штабс-] капитану Андреади лететь в Петербург, он уехал в Севастополь. Механики уже занялись разборкой аэроплана, чтобы в разобранном виде отправить его в Севастополь. Совершенно неожиданно, однако, в 11 часов ночи в Москве была получена телеграмма на имя Андреади и Дыбовского от начальника севастопольской военно-авиационной школы Одинцова о том, что высшею властью разрешено им обоим лететь одновременно в Петербург и опуститься также одновременно на Коломяжском ипподроме, первым — Дыбовскому, вторым — Андреади. Этим имелось в виду не придавать характера состязания их полетам. Но телеграмму полк[овника] Одинцова пришлось передать обратно в Севастополь на имя уехавшего уже Андреади»¹³⁸.

¹³⁷ Авиация: На аэродроме // Голос Москвы. 1912. 29 июня. С. 3.

¹³⁸ Внутренние известия: Московская жизнь // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 1 июля. С. 5.

Получив телеграмму, Д. Г. Андреади немедленно извещает Московское общество воздухоплавания о своем возвращении в Москву и просит остановить разборку своего аппарата и привести его в состоянии полной готовности¹³⁹.

30 июня лейтенант Дыбовский отослал полковнику Одинцову телеграмму: «Самолет готов. Разрешите лететь на рассвете». В тот же день вечером разрешение приходит и В. В. Дыбовский сообщает Московскому обществу воздухоплавания о предстоящем вылете. Последнее сразу известило по телефону все пункты по пути следования, в которых обществом была организована помощь. Также были приготовлены два автомобиля, на одном из которых должны были ехать доктор А. И. Бакунин и механик Дыбовского с инструментом¹⁴⁰.

На рассвете В. В. Дыбовскому вылететь не удалось. Опять из-за неисправности мотора. Не ложась спать, авиатор и его механик приступили к починке мотора и завершили работу лишь к 5 часам дня. Вылет отложили на ночь¹⁴¹. Двигатель по-прежнему давал перебои, но В. В. Дыбовский все же решил лететь, в надежде, «что в полете двигатель разойдется»¹⁴².

Наконец 2 июля в 04:32 утра Дыбовский вылетел в Петербург. Раз три до этого он поднимался в воздух и снова садился. Оказалось, что аэроплан был сильно перегружен запасом бензина, поскольку у Дыбовского была идея перелететь в Петербург без дополнительных спусков. Пришлось от этой мысли отказаться и разгрузить аппарат, сняв установленный ранее запасной бензобак. Через несколько часов после вылета из Москвы было получено сообщение из Клина, что авиатор вынужденно, вследствие неисправности мотора, опустился на 42-ой (по другим сведениям на 62-ой)¹⁴³ версте от Москвы, в трех верстах в стороне от петербургского шоссе¹⁴⁴. Сам В. В. Дыбовский указывал, что двигатель стал давать перебои на 58 версте¹⁴⁵. «Голос Москвы» приводит

---

¹³⁹ Внутренние известия: Московская жизнь: Воздухоплавание // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 3 июля. С. 4–5.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Полет Дыбовского и Андреади: Отлет лейтенанта В. В. Дыбовского // Голос Москвы. 1912. 3 июля. С. 2.

¹⁴² Дыбовский В. Мой перелет Севастополь — Петербург: II // Русский инвалид. 1912. 22 июля. С. 5.

¹⁴³ Хроника: Перелет Севастополь — Петербург // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 4 июля. С. 4.

¹⁴⁴ Внутренние известия: Московская жизнь: Перелет Севастополь — Петербург // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 4 июля. С. 5.

¹⁴⁵ Дыбовский В. Мой перелет Севастополь — Петербург: II // Русский инвалид. 1912. 22 июля. С. 5.

текст телеграммы, отправленной на аэродром, выехавшим на первый этап в Клин на автомобиле, А. И. Бакуниным: «Лейтенант Дыбовский опустился на 62 версте, в 3-х верстах от шоссе, вследствие перебоев мотора. Поломок нет. Здесь распространился слух, что шт[абс] -кап[итан] Андреади вылетел и опустился в Торжке. Правда ли это? Лейтенант Дыбовский предполагает продолжить перелет в 5 вечера»¹⁴⁶. С аэродрома ответили, что слух не верен, Д. Г. Андреади еще не вылетал. К месту спуска В. В. Дыбовского немедленно выехал на автомобиле А. М. Габер-Влынский с механиком, захватив бензин, масло и запчасти. Причем авиатор просил, чтобы доставленный бензин был лучшего качества, так как предполагал, что перебои в работе мотора были именно вследствие плохого качества бензина¹⁴⁷. Вскоре это подтвердилось. Карбюратор вследствие недоброкачества бензина засорился до такой степени, что подача бензина из бака в карбюратор была перекрыта. Дыбовскому пришлось слить бензин и всё вычистить¹⁴⁸. Вернувшийся вечером на аэродром А. М. Габер-Влынский рассказал, что перебои мотора заставили Дыбовского спешно спуститься. Сел он на болото, увязнув наполовину и погнув переднюю вилку. Из болота аппарат успешно вытащили и исправили¹⁴⁹. Местные крестьяне сказали В. В. Дыбовскому, что если бы он направил аппарат немного вправо — спустился бы на сухое место, а если бы на шагов на двадцать влево — провалился бы в трясину¹⁵⁰. После ремонта «Ньюпор» в 18:30 вновь поднялся в воздух¹⁵¹, в 18:48 миновал Подсолнечную, в 19:15 пролетел Клин и в районе восьми часов вечера благополучно сел в Твери¹⁵².

На аэродроме в Твери лейтенанта Дыбовского ждали весь день. К вечеру потерявшая надежду встретить авиатора публика почти вся разошлась. Остались только помощник комиссара А. Ф. Смирнов, сотрудники газет, дежурные солдаты и несколько велосипедистов. Но вдруг до их слуха донеслось раскатистое «ура». Это рабочие расположенной неподалеку морозовской фабрики первыми приветствовали проле-

---

¹⁴⁶ Полет Дыбовского и Андреади: Отлет лейтенанта В. В. Дыбовского // *Голос Москвы*. 1912. 3 июля. С. 2.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ *Р-ичь*. Рассказ лейт. В. В. Дыбовского: IV // *Россия*. 1912. 14 июля. С. 3.

¹⁴⁹ Полет Дыбовского и Андреади: Отлет лейтенанта В. В. Дыбовского // *Голос Москвы*. 1912. 3 июля. С. 2.

¹⁵⁰ *Дыбовский В.* Мой перелет Севастополь — Петербург: II // *Русский инвалид*. 1912. 22 июля. С. 5.

¹⁵¹ *Внутренние известия: Московская жизнь: Перелет Севастополь — Петербург* // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1912. 4 июля. С. 5.

¹⁵² Полет Дыбовского и Андреади: Отлет лейтенанта В. В. Дыбовского // *Голос Москвы*. 1912. 3 июля. С. 2.

тавший над ними аэроплан. Через несколько минут В. В. Дыбовский, описав над аэродромом большой круг, опускается рядом с сигнальным костром и разложенными белыми простынями. Сразу после посадки авиатору удалось осмотреть аппарат, а уже через полчаса на аэродром прибыли для официальной встречи и поздравлений исполняющий обязанности комиссара тверского пункта ротмистр А. А. Болотов, городской голова М. И. Арефьев и исполняющий должность председателя земской управы А. Л. Кегель. Причем А. Л. Кегель приехал на аэродром на автомобиле, на котором он встречал авиатора ещё на границе Тверского уезда, а затем сопровождал до Твери.

Немного отдохнув, Дыбовский принимает предложение ротмистра Болотова осмотреть на автомобиле город. Под восторженные приветствия жителей Твери, он в сопровождении помощника комиссара А. Ф. Смирнова и корреспондента газеты «Русское Слово» И. П. Гусева совершает триумфальную поездку. А поздно вечером в ресторане «Кукушка» в городском саду на берегу Волги лейтенанта Дыбовского угощали ужином офицеры расположенного в Твери лейб-драгунского Петра Великого полка во главе с полковником Ф. И. Леном¹⁵³. Во время ужина на эстраде в саду играл духовой оркестр тверского Вольно-пожарного общества¹⁵⁴. Ночевать В. В. Дыбовский уехал в Центральную гостиницу. Он намеревался вылететь из Твери в 4 часа утра, но из-за того, что из Москвы не смогли вовремя доставить бензин, пришлось отложить вылет на вечер¹⁵⁵.

Весь этот день Д. Г. Андреади, вернувшийся накануне ночью в Москву, провел на аэродроме (*ил. 12*). Он был удручен своим положением. Лететь в Петербург на предложенных условиях он не видел смысла. Еще утром он отправил С. И. Одинцову телеграмму с просьбой вместо перелета Москва — Петербург совершить перелет Москва — Севастополь, но ответ был отрицательным. Ему было предложено держаться ранее полученных инструкций. В 4 часа дня Д. Г. Андриади отправил С. И. Одинцову вторую телеграмму с просьбой лететь в Севастополь или вернуться туда по железной дороге¹⁵⁶.

Утром 3 июля Д. Г. Андреади получил разрешение не лететь в Петербург и вернуться в Севастополь любым способом на свое усмотрение.

---

¹⁵³ Внутренние известия: Дыбовский в Твери // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 5 июля. С. 4.

¹⁵⁴ *Покровский Н.* Лейтенант Дыбовский в Твери: Ужин в ресторане «Кукушка» // Тверская газета. 1912. 5 июля. С. 4.

¹⁵⁵ *Покровский Н.* Лейтенант Дыбовский в Твери: Ночлег // Тверская газета. 1912. 5 июля. С. 4.

¹⁵⁶ Полет Дыбовского и Андреади: Положение шт.-кап. Андреади // Голос Москвы. 1912. 3 июля. С. 2.

Обрадованный летчик решает вылететь в Севастополь на рассвете, но радовался он не долго. В 4 часа дня ему передают телефонограмму следующего содержания: «Москва. Штаб округа. Прошу сообщить штабс-капитану Андреади, если он еще не вылетел обратно, что Великий Князь [Александр Михайлович] выразил желание, чтобы оба летчика прилетели в Петербург. Генерал барон Каульбарс»¹⁵⁷.

В Твери Дыбовский днем 3 июля в сопровождении вице-комиссара А. Ф. Смирнова нанес визиты к исполняющему обязанности губернатора Ф. Ф. Чернцову, городскому голове М. И. Арефьеву, коменданту города и полковнику Ф. И. Лену. После завтрака

в офицерском собрании, авиатор посетил пещеру митрополита Филиппа в Отрочем монастыре. Перед отъездом В. В. Дыбовский оставил запись в комиссариате: «Приношу свою искреннюю благодарность за встречу и помощь, которую Вы оказали в день остановки на одной из пристаней этого воздушного океанского плавания Севастополь — Петербург. Военный летчик лейтенант Дыбовский. г. Тверь 3-го июля 1912 г.»¹⁵⁸.

Из Твери лейтенант Дыбовский вылетел 3 июля в 17:45, а в 19:05 успешно опустился в Вышнем Волочке¹⁵⁹. На ипподроме в Твери авиатора провожала многочисленная публика. От Тверского общества поощрения коннозаводства ему был поднесен золотой жетон. В Вышнем Волочке В. В. Дыбовский сел потому, что доставленный из Москвы бензин оказался негодным, и ему пришлось вылетать на остатках топлива в баке¹⁶⁰. На месте спуска собралась многотысячная толпа. Первыми приветствовали авиатора помощник исправника В. Э. Шварабович и помощник комиссара А. М. Капусткин. Чуть позже подъехал исправник

Ил. 12. Военный летчик штаб-капитан Андреади, сделавший перелет Севастополь — Москва. Голос Москвы: иллюстрированное обозрение. 1912. 8 июля. С. 2

¹⁵⁷ Отлет шт.-кап. Д. Г. Андреади // Голос Москвы. 1912. 4 июля. С. 3.

¹⁵⁸ Отголоски пребывания авиаторов в Твери // Тверская газета. 1912. 8 июля. С. 4.

¹⁵⁹ Перелет лейт. Дыбовского // Голос Москвы. 1912. 4 июля. С. 3.

¹⁶⁰ Покровский Н. Вылет лейтенанта Дыбовского из Твери: // Тверская газета. 1912. 5 июля. С. 4.

Н. С. Бриллиантов. Накрыв аппарат брезентом, доставленным от комиссара С. П. Рябушинского, и отдав его под охрану, Дыбовский в сопровождении А. М. Капусткина уехал на фабрику Рябушинских.

Точную картину перелета на этапе Вышний Волочек — Красное Село из газет установить не представляется возможным — информация расходится. Сначала приведем описание событий по материалам «Санкт-Петербургских ведомостей».

После Вышнего Волочка у Дыбовского была ещё остановка в Чудово, из которого он вылетел 4 июля в 8:46 утра. В Красном Селе, получив телеграмму о вылете авиатора из Чудово, начали готовиться к встрече. Но около двух часов дня стало известно, что «Ньюпор» Дыбовского сел на Софийском поле в Царском Селе. При этом авиатор сообщил, что намерен, немного отдохнув, перелететь сегодня же в Красное Село. 4 июля в районе девяти часов вечера Дыбовский, сделав круг над военным полем, опустился в Красном Селе около дивизионной церкви, недалеко от лагеря Павловского военного училища. Его криками «ура» встречали представители различных частей войск, стоящих в лагерях, а также многочисленная публика¹⁶¹.

«Русский инвалид» в статье за авторством самого В. В. Дыбовского рассказывает о событиях 4 июля иначе. Авиатор сообщает, что вылетел из Вышнего Волочка на рассвете, взяв запас бензина и масла на 4 часа. Держась над шоссе на высоте 600 м, перелетел Валдай и Крестцы, планируя опуститься в Новгороде. Но так как двигатель работал отлично, а ветра не было, Дыбовский, оставив Новгород слева, перелетел через Волхов и сел около Чудово. Расстояние в 280 верст было пройдено за 3 часа 10 минут. Целый день авиатор провозился с двигателем, очищая и протирая клапаны и свечи. Закончив готовить мотор к дальнейшему полету, Дыбовский в 6 часов вечера вылетел из Чудово в направлении Петербурга. Сначала ему пришлось на 5 минут сесть на Софийском поле в Царском Селе, чтобы разведать дорогу на Красное Село. Солдаты помогли ему держать аппарат, а Дыбовский сам поворотом винта запустил мотор, после чего вскочил на место пилота и взлетел. Буквально через несколько минут авиатор с высоты заметил ряды белых палаток красносельского лагеря, кружась, спустился ниже, заглушил мотор и спланировал на площадку напротив юнкерского училища¹⁶².

Погода благоволила Дыбовскому. Начиная с момента вылета из Твери, установился необычный штиль, что позволило авиатору преодолеть

---

¹⁶¹ Прилет лейтенанта Дыбовского в Красное Село // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 6 июля. С. 3.

¹⁶² Дыбовский В. Мой перелет Севастополь — Петербург: II // Русский инвалид. 1912. 22 июля. С. 5.

более 400 верст за столь незначительный срок¹⁶³. Что касается Царского Села, то там летчик оказался не умышленно. Карта была плохая, а постоянно попадавшиеся по пути скрещивающиеся дороги ввели его в заблуждение¹⁶⁴.

Первым в Красном Селе лейтенанта Дыбовского приветствовал Главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич. Вместе с ним к месту посадки прибыла великая княгиня Анастасия Николаевна. Позже они вместе осмотрели аэроплан и «удостоили лейтенанта Дыбовского милостивыми распросами»¹⁶⁵.

После приветствия великого князя авиатора обступили офицеры различных полков, поздравляя его с успешным перелетом. Офицеры лейб-гвардии 3-го стрелкового полка пригласили лейтенанта Дыбовского в свое собрание, где в его честь был дан торжественный ужин, затянувшийся допоздна. В полночь авиатору передали телеграмму: «Императорский всероссийский аэроклуб поздравляет отважного летчика, заканчивающего грандиозный перелет, и жаждет приветствовать его в Петербурге»¹⁶⁶.

5 июля в 4 часа дня в Красном Селе в офицерском собрании лейб-гвардии 3-го стрелкового полка снова был устроен обед в честь лейтенанта Дыбовского. На обеде присутствовали также представители других различных частей войск. В семь вечера «Ньюпор» Дыбовского поднялся с военного поля, сделал над ним несколько кругов и полетел вдоль Нарвского шоссе по направлению к Петербургу.

К этому времени на Комендантском аэродроме для встречи летчика собрались члены Отдела воздушного флота во главе с генералом А. В. Каульбарсом, представители Императорского всероссийского аэроклуба, Офицерской воздухоплавательной школы во главе с генералом А. М. Кованько, члены Русского технического общества, чины Главного инженерного управления, инструкторы и ученики авиационной школы аэроклуба. Долетев до Балтийского вокзала, В. В. Дыбовский повел свой аппарат вдоль Обводного канала и Невского проспекта в сторону Комендантского аэродрома, куда благополучно спланировал с высоты в 300 метров (*ил. 13*). Весь полет занял всего 13 минут.

Первым лейтенанта Дыбовского приветствовал вице-председатель Отдела воздушного флота генерал А. В. Каульбарс. В частности он ска-

---

¹⁶³ Воздухоплавание: Перелет Севастополь — Петербург // Россия. 1912. 5 июля. С. 3.

¹⁶⁴ *Р-ичь*. Рассказ лейт. В. В. Дыбовского: IV // Россия. 1912. 14 июля. С. 3.

¹⁶⁵ Хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 7 июля. С. 3.

¹⁶⁶ Прилет лейтенанта Дыбовского в Красное Село // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 6 июля. С. 3.

Ил. 13. В. В. Дыбовский после спуска на петербургском аэродроме. Искры. 1912. 15 июля. № 27. С. 214. Фото К. К. Буллы

зал: «Августейший председатель Отдела воздушного флота великий князь Александр Михайлович просил меня передать привет первому русскому летчику, который совершил такой громадной важности перелет. Несмотря на все затруднения, вы с честью выполнили полученный приказ — испытать новый тип аэропланов, которым предполагается снабдить всю русскую армию. Вы первый из русских летчиков, который пролетел от пламенной Колхиды до хладных финских скал»¹⁶⁷.

От имени Императорского всероссийского аэроклуба авиатора приветствовал его почетный член В. В. Корн. Он пригласил Дыбовского принять участие в торжественном заседании аэроклуба, устраиваемом в его честь 11 июля.

После целого ряда приветствий и поздравлений от различных организаций и учреждений, на аэродроме в честь лейтенанта Дыбовского были устроены полеты. В них приняли участие авиаторы И. И. Сикорский на биплане собственной конструкции, В. А. Лебедев, Н. Д. Костин и штабс-капитан Н. А. Яцук на «Фарманах». Причем Сикорский летал продолжительное время на приличной высоте 500 м с двумя пассажирами, одним из которых был генерал А. В. Каульбарс. Не остался в стороне и В. В. Дыбовский. На своем «Ньюпоре» он сделал в воздухе несколько

¹⁶⁷ Лейт. Дыбовский в Петербурге // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 7 июля. С. 2–3.

красивых восьмерок, спиралей и других фигур. После посадки толпа в автомобиль несла его на руках¹⁶⁸. Корреспонденту газеты «Вечернее время» после полетов удалось побеседовать с лейтенантом Дыбовским. Авиатор о своем перелете в частности сказал: «Более интересного и приятного путешествия нельзя представить. Я летел на расстоянии шестисот метров от земли и мог видеть места, над которыми пролетал, в мельчайших деталях. Страха я не испытывал ни на минуту, даже тогда, когда попадал в неблагоприятные воздушные течения... <...> Прием везде был самый восторженный. За всё время пути я сделал двадцать семь перелетов, каждый не менее часа и не более четырех, приблизительно по сто верст в час. Если считать только время полетов, то мое путешествие продолжалось немного более суток. Во время полетов я сижу спокойно, ничего не пью и не ем и только зорко слежу за маршрутом. До Москвы всё шло удачно и лишь позже мой “Ньюпор” стал капризничать»¹⁶⁹. С аэродрома В. В. Дыбовского с супругой на автомобиле отвезли в ресторан «Вилла Родэ», где по инициативе М. Н. Лихарева был организован торжественный банкет¹⁷⁰.

Вечером 10 июля, в офицерском собрании Офицерской воздухоплавательной школы состоялось чествование В. В. Дыбовского. На торжестве присутствовали руководители школы, представители Главного военно-инженерного управления и около 150 офицеров-воздухоплавателей. Первым лейтенанта Дыбовского приветствовал начальник школы генерал А. М. Кованько, отметивший в своей речи большое значение состоявшегося перелета. Авиатор ответил краткой благодарственной речью. Как офицеру, окончившему курс воздухоплавательного парка, ему был поднесен большой золотой жетон с эмблемой школы.

На следующий день вечером уже Императорский всероссийский аэроклуб чествовал В. В. Дыбовского на Комендантском аэродроме обедом. После обеда в помещении аэроклуба на Литейном проспекте, 10 состоялось торжественное общее собрание членов аэроклуба, на котором авиатор поделился своими впечатлениями о перелете¹⁷¹. Кроме членов аэроклуба присутствовали авиаторы В. А. Лебедев, Г. В. Янковский, лейтенант Г. В. Пиотровский, авиатор-конструктор И. И. Сикорский, авиатриса Л. А. Галанчикова, капитан 2 ранга Н. К. Подгурский, генерал-майор М. А. Беляев и другие. Первым лейтенанта Дыбовского приветствовал от лица Императорского всероссийского аэроклу-

---

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ *Ельфимов П.* Встреча Дыбовского // *Вечернее время.* 1912. 6 июля. С. 3.

¹⁷⁰ *К. Ш.* Прилет // *Новое время.* 1912. 6 июля. С. 3.

¹⁷¹ Хроника: Чествование лейт. В. В. Дыбовского // *Санкт-Петербургские ведомости.* 1912. 12 июля. С. 3.

ба В. В. Корн. От авиационной школы аэроклуба с речью выступил В. А. Лебедев, за ним — руководитель гатчинской Офицерской воздухоплавательной школы подполковник С. А. Ульянин. Дыбовский вел себя очень скромно, всячески подчеркивая, что не считает свой полет чем-то выдающимся. В заключение авиатор сделал краткое сообщение о своем перелете¹⁷². В качестве памятного подарка от аэроклуба лейтенанту Дыбовскому была поднесена массивная серебряная братина, выполненная в русском стиле¹⁷³. По предложению В. В. Корна Виктор Владимирович Дыбовский был единогласно избран собранием членом Императорского всероссийского аэроклуба. Отвечая после доклада на вопросы, авиатор рассказал о неожиданном происшествии, случившемся при вылете из Москвы. Дыбовский никак не мог запустить пропеллер. Он стал осматривать двигатель и обнаружил отставшую от аппарата металлическую часть. При тщательном осмотре он обнаружил в баках вместо чистого бензина красную жидкость. Какой-то злоумышленник, личность которого не была установлена, подлил в бензин кислоту, что могло привести к катастрофе. Это известие ошеломило всех присутствовавших¹⁷⁴. Версия о злоумышленнике, которой придерживался В. В. Дыбовский, конечно, имеет право на существование, но, скорее всего, бензин просто доставили в «грязных» емкостях ранее использовавшихся подо что-то другое.

11 июля в 9 часов вечера, когда лейтенант Дыбовский как раз выступал в аэроклубе, в Красном Селе в районе расположения 37-й артиллерийской бригады приземлился «Ньюпор» штабс-капитана Андреади. Его никто не встречал, поскольку не знали о прилете. Впрочем, новость быстро распространилась по всему лагерю, и вскоре у аппарата собралось много офицеров из расположенных рядом частей. После кратких приветствий в десятом часу в офицерском собрании в честь авиатора был устроен торжественный ужин. У «Ньюпора» от 37-й артиллерийской бригады были выставлены часовые. Всё следующее утро Д. Г. Андреади продолжал принимать поздравления от офицеров, не успевших побывать накануне в офицерском собрании. Днем авиатор вернулся к аппарату для осмотра и чистки, чтобы вечером перелететь в Петербург на аэродром «Крылья», где его ожидали представители Императорского всероссийского аэроклуба¹⁷⁵. Перед отлетом к месту старта прибыли Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного окру-

---

¹⁷² К. Ш. Обед в честь лейтенанта Дыбовского // Новое время. 1912. 12 июля. С. 4.

¹⁷³ Чествование В. В. Дыбовского // Вечернее время. 1912. 11 июля. С. 3.

¹⁷⁴ Р-чь. Воздухоплавание // Россия. 1912. 13 июля. С. 3.

¹⁷⁵ Хроника: Прилет шт.-кап. Андреади // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 13 июля. С. 3.

га великий князь Николай Николаевич с супругой великой княгиней Анастасией Николаевной в сопровождении начальника штаба округа генерал-лейтенанта барона А. Ф. фон ден Бринкена и заведующего Двором Их Высочеств генерал-майора А. А. Ростовцева. Они осмотрели аэроплан и пообщались с Д. Г. Андреади. В их присутствии под звуки марша и крики «ура» многочисленной публики авиатор поднялся в воздух, сделал вираж над головами провожавших и взял курс на столицу¹⁷⁶.

Отрезок пути Москва — Петербург дался штабс-капитану Андреади не легко. Вылетев из Москвы 3 июля в 6 часов вечера¹⁷⁷, первую остановку он сделал в Твери. В Москву по телефону Андреади сообщил: «Я прилетел в Тверь в 8 час. 20 мин. вечера, провел в воздухе 2 час. 20 мин. Так долго потому, что мотор порою вместо нормальных 1100 оборотов давал 900, тогда как при 800 следует остановка. Приходилось лететь низко над лесом и землей. Ипподром отыскал легко. Напрасно меня пугали. Жду бензин. По получении отправлюсь дальше»¹⁷⁸. Авиатор планировал лететь дальше уже в 2 часа ночи, но бензина не оказалось. Д. Г. Андреади по телефону сделал запрос на отправку ему бензина ближайшим поездом из Москвы. Попросив местных заинтересованных лиц сразу сообщить о прибытии бензина, а так же прислать к нему механика, как только тот приедет, Д. Г. Андреади принял предложение отдохнуть в офицерском собрании. Туда он отправился на автомобиле в сопровождении исполняющего обязанности комиссара А. А. Болотова и сотрудника «Тверской газеты» Покровского. В офицерском собрании состоялся ужин. В 12 часов ночи Андреади уехал обратно на ипподром. К тому времени приехал и механик. Механик занялся чисткой мотора, а летчик лег несколько часов поспать. В ожидании бензина вылет пришлось отложить на вечер. Перед отлетом штабс-капитану Андреади как и лейтенанту Дыбовскому был вручен золотой жетон Тверского общества коннозаводства¹⁷⁹.

Из Твери авиатор вылетел 4 июля в половине седьмого вечера. Пролетев без остановки Торжок, в районе 8 часов вечера Д. Г. Андреади садится в Вышнем Волочке. На местном аэродроме его помимо публики встречали представители администрации и комиссар С. П. Рябушинский, к которому Андреади уехал ночевать. 5 июля в 3 часа утра штабс-капитан Андреади вылетает из Вышнего Волочка¹⁸⁰. Он пролетает над Валда-

---

¹⁷⁶ Внутренние известия: Отлет в С.-Петербург шт.-кап. Андреади // Русский инвалид. 1912. 14 июля. С. 1.

¹⁷⁷ Телеграммы: От 2-го июля: Москва // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 4 июля. С. 6.

¹⁷⁸ Отлет шт.-кап. Д. Г. Андреади // Голос Москвы. 1912. 4 июля. С. 3.

¹⁷⁹ *Покровский Н.* Шт.-кап. Андреади в Твери // Тверская газета. 1912. 5 июля. С. 4.

¹⁸⁰ Прилет штабс-капитана Андреади в В.-Волочек // Тверская газета. 1912. 8 июля. С. 4.

ем и совершает вынужденную посадку прямо на шоссе в Яжелбицах¹⁸¹ не далеко от Крестцов¹⁸². В адрес Отдела воздушного флота Комитета по усилению флота на добровольные пожертвования авиатор из Валдая отправил телеграмму, в которой сообщил, что не может продолжать полет в связи с поломкой мотора. В ответ на телеграмму отдел вечером 5 июля пассажирским поездом отправил в Валдай двигатель «Гном», снятый с «Ньюпора» Дыбовского¹⁸³. Получив «новый» мотор и установив его на свой аппарат, Д. Г. Андреади лишь 10 июля смог перелететь в Новгород. По поводу полученного мотора сообщения в прессе разнились. Так «Вечернее время» утверждало, что мотор штабс-капитан Андреади получил совсем другой: «В газетах сообщалось, что Андреади получил мотор Дыбовского. Это неверно. Он получил мотор из Севастополя, за три тысячи верст, а из Петербурга не успели вовремя отправить. Мотор Дыбовского прибыл уже после отлета Андреади»¹⁸⁴. От Валдая до Новгорода аппарат Андреади по земле сопровождали военные автомобили с бензином, маслом и запчастями. В автомобилях находились капитан военно-автомобильной роты В. С. Матвеев и члены Императорского всероссийского аэроклуба В. В. Корн и Белопольский¹⁸⁵.

В Новгород Д. Г. Андреади прилетел в 5 часов утра и вынужден был в ожидании благоприятной погоды задержаться там до вечера. Он был радушно принят в доме новгородского полицмейстера А. Ф. Сердюкова, где был накормлен и смог отдохнуть. А благодаря любезности полковника М. Н. Леонтьева, Андреади, сильно поиздержавшийся в пути, «получил заимообразно на путевые расходы 100 [рублей]»¹⁸⁶.

В половине восьмого вечера «Ньюпор» поднялся на направление на Чудово¹⁸⁷. Но далеко улететь не удалось. Из-за очередной неисправности мотора штабс-капитан Андреади вынужден был сесть в 33 верстах от Новгорода у селения Мясной Бор. Устранив проблему, авиатор в 4 утра 11 июля вылетел в Чудово, где опустился приблизительно через час. В Чудово снова пришлось заниматься мотором¹⁸⁸. Именно поэто-

---

¹⁸¹ Телеграммы: От 5-го июля: Валдай // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 6 июля. С. 5.

¹⁸² Хроника: Полет шт.-кап. Андреади // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 11 июля. С. 3.

¹⁸³ Хроника: Полет шт.-кап. Андреади // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 7 июля. С. 3.

¹⁸⁴ Не событие... // Вечернее время. 1912. 13 июля. С. 2.

¹⁸⁵ Воздухоплавание // Россия. 1912. 11 июля. С. 3.

¹⁸⁶ Новгород: Авиация // Волховской листок. 1912. 12 июля. С. 1–2.

¹⁸⁷ З. С. Из Новгорода // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 14 июля. С. 2.

¹⁸⁸ Телеграммы: От 11-го июля: Новгород // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 12 июля. С. 5.

Ил. 14. Штабс-капитан Андреади сразу после посадки на аэродроме 12 июля. Новое время. 1912. 15 июля. С. 4

му в Красное Село авиатор прибыл лишь поздно вечером, преодолев 160 верст за полтора часа¹⁸⁹.

На аэродроме в Петербурге Д. Г. Андреади сел 12 июля в 8 часов вечера. Народу было немного, никакой организованной встречи, как отметило «Вечернее время»¹⁹⁰, не было. Из официальных лиц помимо представителей аэроклуба и авиаторов присутствовал лишь адъютант великого князя Александра Михайловича Н. Ф. Фогель. С приветственной речью выступил поручик С. А. Мезенцев¹⁹¹. Толпа окружила авиатора и качала его на руках. На память было сделано множество фотографических снимков (ил. 14). Пока народ толпился около Д. Г. Андреади, на аэродроме состоялось несколько полетов, в том числе на своем аппарате летал И. И. Сикорский. Газетчикам штабс-капитан Андреади сказал, что устал, причем не столько от полетов, сколько от хлопот по поиску бензина, масла, организации охраны аппарата, выверке мотора¹⁹².

14 июля Дмитрия Георгиевича Андреади чествовали редакция и сотрудники газеты «Вечернее время». Авиатор прибыл в контору газеты в 5 часов вечера в сопровождении своего брата и лейтенанта Г. В. Пио-

¹⁸⁹ Внутренние известия: Красное село // Русский инвалид. 1912. 14 июля. С. 1.

¹⁹⁰ Крымов Вл. Прилет Андреади // Вечернее время. 1912. 13 июля. С. 3.

¹⁹¹ К. Ш. Прилет Андреади // Новое время. 1912. 13 июля. С. 3.

¹⁹² Крымов Вл. Прилет Андреади // Вечернее время. 1912. 13 июля. С. 3.

тровского. Редактор «Вечернего времени» К. П. Медведский от имени Б. А. Суворина вручил штабс-капитану Андреади серебряный кубок. В благодарственной речи авиатор отметил, что «полученный им кубок будет особенно дорог ему, так как является первым знаком общественного внимания к его трудам в области авиации»¹⁹³.

17 июля в помещении Императорского всероссийского аэроклуба состоялось торжественное чествование Дмитрия Георгиевича Андреади. На обеде собрались члены аэроклуба во главе с В. В. Корном, директор завода Первого российского товарищества воздухоплавания С. С. Щетинин, пилот-изобретатель И. И. Сикорский, летчики лейтенант Г. В. Пятровский, В. А. Лебедев и др.¹⁹⁴. От имени аэроклуба В. В. Корн вручил штабс-капитану Андреади подарок в виде серебряной вазы. С. С. Щетинин в своем выступлении поблагодарил авиатора от имени отечественной авиационной промышленности и представил на утверждение аэроклуба статут переходящего кубка имени штабс-капитана Андреади за самый длинный перелет в продолжение года¹⁹⁵. Позже Императорский всероссийский аэроклуб постановит учредить этот кубок. Находиться он будет в аэроклубе и «будет украшаться именами тех летчиков, которые поставят новые рекорды дальности расстояния»¹⁹⁶. После обеда состоялось торжественное заседание совета аэроклуба, на котором штабс-капитан Андреади сделал доклад о своем перелете¹⁹⁷.

Накануне, 16 июля лейтенант Виктор Владимирович Дыбовский и штабс-капитан Дмитрий Георгиевич Андреади «имели счастье быть представленными Их Величествам Государю Императору и Государыне Императрице»¹⁹⁸. Утром этого дня на рейд Штандарт под брейд-вымпелом Морского министра пришел эскадренный миноносец «Новик», построенный на добровольные пожертвования. В одиннадцатом часу утра «Новик» посетил Николай II в сопровождении генерал-адъютанта К. Д. Нилова и дежурного флигель-адъютанта, графа А. Н. Граббе. На миноносце их встречали Морской министр адмирал И. К. Григорович, командир корабля капитан 2-го ранга Д. Н. Вердеревский и строитель миноносца корабельный инженер К. А. Теннисон. Император осмотрел судно, познакомился с командой и принял участие в ходовых

¹⁹³ Чествование шт.-кап. Андреади // Вечернее время. 1912. 16 июля. С. 3.

¹⁹⁴ Воздухоплавание // Россия. 1912. 18 июля. С. 3.

¹⁹⁵ Внутренние известия: С.-Петербург: Чествование шт.-кап. Д. Г. Андреади в аэроклубе // Русский инвалид. 1912. 19 июля. С. 2.

¹⁹⁶ Воздухоплавание // Россия. 1912. 24 июля. С. 3.

¹⁹⁷ Внутренние известия: С.-Петербург: Чествование шт.-кап. Д. Г. Андреади в аэроклубе // Русский инвалид. 1912. 19 июля. С. 2.

¹⁹⁸ Д. Г. Андреади в Петербурге // Искры. 1912. № 28. С. 219.

испытаниях. После возвращения на рейд Николай II поблагодарил команду и перешел на Императорскую яхту «Штандарт». «На этом же миноносце прибыли совершившие перелет Севастополь — Петербург, лейтенант Дыбовский и штабс-капитан Андреади, которые имели счастье быть представленными Его Величеству и удостоились в этот день вместе с прочими начальствующими лицами приглашения к Высочайшему завтраку на Императорскую яхту “Штандарт”. На яхте летчики имели счастье быть представленными Её Величеству Государыне Императрице. После завтрака Государь Император обходил приглашенных и удостоил летчиков подробных расспросов»¹⁹⁹.

Так получилось, что полковнику Одинцову было не до триумфа его подчиненных. Для него июль 1912 превратился в сплошной кошмар. Как образно писали газеты: «За последнее время над севастопольской школой нависла какая-то злая туча»²⁰⁰. 2 июля во время сдачи экзамена на звание военного летчика погиб поручик Александр Васильевич Закуцкий. Вероятно, вследствие взрыва бензина в баке моноплана «Блерио», находившегося на большой высоте в двух верстах от Качинского аэродрома, пилот был выброшен из аппарата и разбился²⁰¹.

А через неделю снова в результате взрыва бензина в севастопольской военной школе авиации произошел сильный пожар. Никто не погиб, но убытки были огромными: «Сгорели гараж, мастерские, 4 аэроплана, 3 автомобиля и части машин»²⁰². Сгоревшими аэропланами были 2 «Блерио» и 2 «Фармана». Кроме того, в огне погибло 39 (по другому источнику 35²⁰³) моторов «Гном»²⁰⁴. 12 июля в Севастополь приехал генерал А. В. Каульбарс для осмотра качинского аэродрома и ознакомления с размерами ущерба²⁰⁵. «Новое время» сообщило, что убытки достигают трехсот тысяч рублей²⁰⁶. Нельзя сказать, что полковник Одинцов не занимался вопросом хранения бензина. Еще 6 июня в Севастополь приезжал из Петербурга брендмейстер нарвской части петербургской пожарной команды Н. П. Требезов, командированный в офицерскую школу авиации на Каче по просьбе Отдела воздушного флота как раз «для осмотра места и указания противопожарных мер по устройству

---

¹⁹⁹ Телеграммы: К пребыванию Их Величеств // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1912. 17 июля. С. 3.

²⁰⁰ *Кри-ко И.* Горе авиационной школы // Новое время. 1912. 11 июля. С. 3.

²⁰¹ Внутренние известия // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 5 июля. С. 4.

²⁰² Телеграммы: От 9-го июля: Севастополь // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 10 июля. С. 5.

²⁰³ *И. И.* Авиационные заметки // Новое время. 1912. 15 июля. С. 4–5.

²⁰⁴ *Лаврецкий.* Неделя об авиации // Вечернее время. 1912. 14 июля. С. 3.

²⁰⁵ Успехи русского воздухоплавания: Севастополь // Вечернее время. 1912. 13 июля. С. 2.

²⁰⁶ *И. И.* Авиационные заметки // Новое время. 1912. 15 июля. С. 4–5.

в школе помещения для содержания бензина для надобностей школы»²⁰⁷. Пожар случился из-за несоблюдения техники безопасности: «Войдя в помещение гаража, виновник пожара стал переливать бензин, причем зажег фонарь. Образовавшиеся пары бензина вспыхнули, последовал взрыв. Всё здание быстро было охвачено огнем, виновник происшествия успел выбежать, отделавшись легкими ожогами»²⁰⁸. Усугубило ситуацию отсутствие на территории аэродрома источника воды. Тушить пожар было нечем²⁰⁹.

Если подводить итоги перелетам лейтенанта Дыбовского и штабс-капитана Андреади, то, имея ввиду всю важность события, можно выделить несколько аспектов его рассмотрения.

В первую очередь, перелеты можно рассмотреть с точки зрения авиационного престижа страны. Авиаторы без серьезных аварий преодолели огромные расстояния (Андреади — 3000 верст, Дыбовский — 2235 верст). Для военных летчиков соревновательная составляющая полетов официально была не важна. Это хорошо видно на примере запрета Андреади обгонять Дыбовского. Но для всех авиационные рекорды в то время во многом были показателем уровня развития авиации. Особенно значимым было то, что Россия продемонстрировала наличие у нее высококвалифицированных военных авиаторов, способных решать непростые задачи.

В Европе наши успехи не сильно заметили. Полковник А. Гиршауэр (Hirschauer), к примеру, заявил, что по его подсчетам французские военные авиаторы только за период с января по апрель 1912 года включительно пролетели в общей сложности 400 000 км²¹⁰. Поэтому для ведущей авиационной державы, которой в то время являлась Франция, достижения российских военных летчиков сенсационными не стали. Правильность подсчетов полковника вызывает большие сомнения, но то, что французы много активно летали, очевидно. И хоть газета «Вечернее время» с гордостью писала, что французское специализированное издание «L'Аега» посвятило перелетам Дыбовского и Андреади статью²¹¹, — это было преувеличение. На самом деле это была скромная заметка, состоявшая всего из четырех предложений. В ней действительно было сказано, что эти два перелета оставили позади все другие, но акцент сделан был на то, что всё это стало возможным лишь благодаря превос-

---

²⁰⁷ Крымская жизнь // Крымский вестник. 1912. 7 июня. С. 3.

²⁰⁸ Телеграммы: 9 июля // Новое время. 1912. 10 июля. С. 2.

²⁰⁹ И. И. Авиационные заметки // Новое время. 1912. 15 июля. С. 4–5.

²¹⁰ Воздухоплавание // Одесский листок. 1912. 13 июня. С. 3.

²¹¹ Отголоски перелетов русских военных летчиков // Вечернее время. 1912. 23 июля. С. 3.

ходным качествам французских аппаратов «Ньюпор»²¹².

А вот в России перелеты В. В. Дыбовского и Д. Г. Андреади вызвали волну авиационного энтузиазма, многие военные и гражданские авиаторы хотели следовать их примеру. Но в отличие от аэроклубов Военное ведомство этот энтузиазм не разделяло. 3 июля 1912 «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «Некоторыми летчиками авиационного отдела Офицерской воздухоплавательной школы было возбуждено ходатайство о разрешении им совершить на казенных аппаратах дальние перелеты. Военное ведомство отклонило эти ходатайства, находя подобные перелеты отнюдь не способствующими

Ил. 15. Лейтенант Дыбовский около аппарата «Ньюпор». Новое время: иллюстрированное приложение. 1912. 14 июля. № 13052. С. 7. Фото К. К. Буллы.

улучшению класса русских военных летчиков, а между тем, отвлекающими их от исполнения своей прямой обязанности — обучения других офицеров полетам»²¹³. Многие газеты, особенно московские, не разделяли эту позицию. «Русскому инвалиду» даже пришлось Военное ведомство в этом вопросе защищать: «Киньте клич или поговорите с любым из военных летчиков: разве не каждый из них с криком восторга вырвется из тяжелой инструкторской работы в высь и во всю ширь необъятной России? Туда, где сердце летчика не могут не манить лавры мировых успехов, триумф восторженных народных встреч и собственное упоение любимым делом! Но есть будничный, невидный публике и печати, но не менее почетный труд и они несут его в ожидании своего праздника, но праздника общего»²¹⁴!

Самым важным итогом перелетов следует считать то, что наши летчики провели серьезные испытания аэроплана «Ньюпор» (ил. 15) в условиях российской действительности. Одно дело — летать в густонаселенной Европе, где всё всегда под рукой. Совсем другое дело — летать в России над незнакомыми безлюдными территориями, где сложно

²¹² Le Nieuport en Russie // L'Aero. 1912. 31 juillet. P. 1.

²¹³ Хроника: Ходатайство летчиков // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 3 июля. С. 3.

²¹⁴ Обзор печати // Русский инвалид. 1912. 3 июля. С. 4.

ориентироваться, где среди бесконечных лесов и болот не всегда можно найти место для посадки и сложно получить какую-либо квалифицированную помощь. Повлиял ли успех перелетов на решение Военного ведомства снабдить этим типом аэропланов русскую армию? Нет, видимо, не повлиял. 27 июня 1912 года «Санкт-Петербургские ведомости» сообщают: «На заводе “Дукс” Меллера в настоящее время производятся спешные работы по сооружению целого корпуса. Расширение завода вызвано принятием нового крупного заказа на аэропланы. Военное ведомство заказало Ю. А. Меллеру 60 аэропланов типа “Ньюпор” с двигателями “Гном”. Аэропланы должны быть сданы к декабрю месяцу. Другой заказ на “Ньюпоры” сдан Русско-балтийскому заводу. Значительное количество аппаратов этого типа куплено во Франции»²¹⁵. Очевидно, что решение по «Ньюпору» было принято раньше. В итоге, 3 основных наших авиационных завода за период с осени 1912 по апрель 1914 по заказу Военного ведомства построили 150 аэропланов «Ньюпор» («1-е товарищество воздухоплавания» Щетинина — 57, «Дукс» Меллера — 55, «Русско-Балтийский завод» — 38)²¹⁶. Кстати, «Фарманов» они построили за тот же период на 15 аппаратов больше²¹⁷.

Перелеты четко показали, что слабым местом аппаратов «Ньюпор» были используемые в них моторы «Гном». Практически все вынужденные посадки и мелкие аварии были связаны, кроме погоды, именно с проблемами мотора. В результате эти проблемы сильно повлияли на сроки перелетов, увеличив их как минимум вдвое. Д. Г. Андреади поведаль газетчикам, что наихудшим этапом для него был этап Москва — Петербург, «но не по атмосферическим причинам, а исключительно вследствие порчи мотора, у которого после 50-часовой работы (10 часов в Севастополе и 40 часов в пути) совершенно стерлись поршневые кольца»²¹⁸. Учитывая маленький ресурс работы «Гномов», многим специалистам было понятно, что делать ставку на столь ненадежный «Гном» не правильно. Нужно или искать альтернативу или надеяться, что «Гном» будет доведен до ума. Второе представлялось более вероятным. Французские производители имели большую заинтересованность в огромном российском рынке и готовы были открывать производство в России. В двадцатых числах июня в Москву для организации производства приезжал изобретатель мотора «Гном» господин Сеген. Его

---

²¹⁵ Внутренние известия: Московская жизнь: Производство «Ньюпоров» в Москве // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 27 июня. С. 5.

²¹⁶ Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России. — 2 изд., перераб. — М.: Машиностроение, 1981. С. 209. Табл. 5.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ К. Ш. Прилет Андреади // Новое время. 1912. 13 июля. С. 3.

визит был обусловлен тем, что «Военное министерство поставило условием фабрике моторов этой системы, в которой он состоит директором, для заказов на будущее время, чтобы она открыла свое отделение в России, дабы значительно удешевить стоимость моторов, которые до сих пор приходилось выписывать из Парижа»²¹⁹.

Еще одним итогом стали изменения в процессе подготовки пилотов и комплектовании авиационных отрядов. Историк авиации П. Д. Дузь пишет: «Великий князь Александр Михайлович после удачных перелетов летчиков Андреади и Дыбовского на “Ньюпорах” с особой, отличной от принятых на других машинах системой управления потребовал в 1913 г. переучить всех летчиков летать на этих самолетах и снабдить авиационные отряды исключительно самолетами такого типа, что и было выполнено»²²⁰.

После завершения перелетов интересный нюанс подметило «Вечернее время». Газета высказала предположение, что между севастопольской и гатчинской военными авиационными школами наметилось некое противостояние: «Оба летчика получили категорический приказ опуститься в Красном Селе. Гатчина с ее авиационным отделом Офицерской воздухоплавательной школы совершенно игнорировалась. Конечно, в Красном Селе находится главная масса войск Петербургского округа и визит туда был необходим, но столь же необходим тогда визит и [к] своим товарищам по оружию, тем более, что от Гатчины до Красного [Села] рукой подать... <...> К сожалению, ни Дыбовский, ни Андреади не посмели нарушить приказа, и Гатчина не видела над своим аэродромом гостей с далекого юга; пишу — “к сожалению”, так как факт этот указывает на очевидное желание лица, отдающего приказы, поселить рознь между двумя военно-авиационными школами; сколь это нежелательно — распространяться нечего»²²¹. Здесь, конечно, есть преувеличение. Безусловно, статусы школ и задачи, которые они решали, отличались. 9 июня 1912 года «Санкт-Петербургские ведомости» писали: «Отдел воздушного Комитета по усилению флота на добровольные пожертвования решил сконцентрировать всю свою деятельность исключительно в окрестностях Севастополя. Гатчинские отряды воздушных разведчиков отдела в текущем сезоне не будут функционировать. Все свои ангары на гатчинском аэродроме отдел предоставил в распоряжение военного ведомства»²²². Это, в общем, объясняет, поче-

---

²¹⁹ Авиация: Приезд г. Сегена // Голос Москвы. 1912. 23 июня. С. 4.

²²⁰ Дузь П. Д. История воздухоплавания и авиации в России. — 2 изд., перераб. — М.: Машиностроение, 1981. С. 211.

²²¹ Л. К. К последним перелетам // Вечернее время. 1912. 25 июля. С. 1.

²²² Хроника // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 9 июня. С. 4.

му предпочтение было отдано посадке в Красном Селе. Тем ни менее в речи начальника авиационного отдела гатчинской Офицерской воздухоплавательной школы подполковника С. А. Ульянина на чествовании лейтенанта Дыбовского в аэроклубе чувствовалась обида. Ульянин высказал пожелание «чтобы та невидимая нить, которую протянул на высоте 600 метров от Севастополя до Петербурга лейт[enanт] Дыбовский, служила бы соединительным звеном для всех воздухоплавательных организаций России, не считаясь с их разною сущностью или неодинаковым происхождением»²²³.

Негативные оценки перелетов в прессе были, но почти все они основывались на критике их плохой организации. Но дело в том, что эти перелеты умышленно были неорганизованными. И те, кто об этом знал, а об этом заявляли и сами авиаторы и руководство, давали уже совсем другую оценку событиям, их выводы и наблюдения выглядят более корректными: «Блестящий опыт неорганизованных перелетов имеет обще-военное значение, т. е. как непосредственная подготовка страны к будущей войне, которая, наверно, не обойдется без видного участия авиации. В этом отношении умышленно неорганизованные перелеты Дыбовского и Андреади наглядно показали, что для того, чтобы фактически владеть воздухом недостаточно иметь хорошие аэропланы и хороших летчиков, что кроме этого нужно иметь повсеместно запасы хорошего бензина, масла и всякого рода запасные части, сеть воен-но-автомобильных станций, а, следовательно, и хорошие дороги и сеть метеорологических станций... <...> Аэропланы, сколько бы их ни было, всегда будут лишь маленькими точками по сравнению с громадной площадью той базы, на которую они всегда будут вынуждены опираться. С тех пор, как проложен воздушный путь через всю Россию, этой базой стала вся территория нашего отечества и вся нация»²²⁴.

В качестве заключения приведем слова из статьи И. Патронова в «Русском инвалиде»: «Несмотря на сравнительное равнодушие нашего общества, перелет Севастополь — Петербург лейтенанта Дыбовского и штабс-капитана Андреади произвел, видимо, большое впечатление. Это, безусловно, крупный успех нашей молодой авиации, пример, заслуживающий подражания и поощрения. Он делает честь нашим военным летчикам и оправдывает высказанное в прошлом году мнение, что, если бы офицеры были допущены принять участие в перелете Петербург — Москва, то, вероятно, и результат был бы другой. <...> Наши летчики пролетели более 2000 км просто, без всяких призов. Будем же

---

²²³ К. Ш. Обед в честь лейтенанта Дыбовского // Новое время. 1912. 12 июля. С. 4.

²²⁴ Г.Л. В чем их заслуга? (К перелетам лейт. Дыбовского и шт.-к. Андреади) // Новое время. 1912. 15 июля. С. 4.

ценить эту жажду подвига и верить в будущее нашей военной авиации. Правда, она находится теперь в периоде реорганизации и зависит вполне от иностранной промышленности. Разрешение этих двух вопросов является в настоящее время насущным, ибо в противном случае даже такие летчики как Дыбовский и Андреади, не принесут в военное время должной пользы. <...> Состязания и большие перелеты чисто военного значения не имеют, но они способствуют широкому развитию авиации. Создавая же опытный кадр пилотов и содействуя косвенно усовершенствованию аппаратов, они безусловно расширяют сферу применения их в военном деле»²²⁵.

* * *

Штабс-капитан Дмитрий Георгиевич Андреади погиб утром 7 (20) марта 1914 года при крушении аэроплана «Ньюпор» на аэродроме в Александро-Михайловском. Его смерть была случайной и совершенно необязательной. Во время обычного полета при идеальных погодных условиях и скорости ветра, не превышавшей 4 м/с, летчик на низкой высоте сделал крен, после которого не успел или не смог выровнять аппарат. Семидесятисильный «Ньюпор» черпанул крылом землю и разбился²²⁶.

Anatoly SAFAEV

Leading librarian, Department of Newspapers, National Library of Russia
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: safaev.ae@gmail.com

The Flights between Sevastopol' and St. Petersburg by Lieutenant V. V. Dibovsky and Shtabs-kapitan D. G. Andreadi in summer of 1912

The article deals with the heroic Flights of the officers of Sevastopol' School of the Air Fleet Department. Among these are Lieutenant V. V. Dibovsky and Shtabs-kapitan D. G. Andreadi. These Flights between Sevastopol' and St. Petersburg took place in May — July 1912. The subject of the investigation is the material of Chronicles of the same time of leading Russian Newspapers. To understand the value of these events for building military aviation of Russia is the purpose of this article.

Keywords: Lieutenant Victor Vladimirovich Dibovsky, Shtabs-kapitan Dmitry Georgievich Andreadi, the Sevastopol' School of the Air Fleet Department, The Airplane Newport, The Flights between Sevastopol' and St. Petersburg in 1912, military aviation of Russia.

---

²²⁵ Патронов И. Авиационные заметки // Русский инвалид. 1912. 25 июля. С. 4.

²²⁶ Воздушная катастрофа: Гибель штабс-капитана Андреади: Подробности катастрофы // Крымский вестник. 1914. 8 марта. С. 3.

УДК 94 (47).083

ББК 63.3 (2) 524

Вадим Викторович МИХАЙЛОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: batukom@mail.ru

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ АВСТРО-ВЕНГРИИ, СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрена подготовки Австро-Венгрии, Сербии и Черногории к началу военных действий на Балканах в 1914 г., вопросы мобилизации и вооружения, политика Австро-Венгрии, России и Италии в преддверии военных действий на Балканах.

Ключевые слова: Первая мировая война, Австро-Венгрия, Сербия, Черногория.

В 1914 г. австро-венгерский генштаб имел два плана войны на Балканах. Первый предполагал участие России в конфликте, второй — план «Б» — намечал действия только против Балканских стран. В первые дни войны реализовывался план «Б». Для войны с Сербией Австро-Венгрия мобилизовала восемь с половиной армейских корпусов общей численностью до 412 тысяч человек, составивших половину всей армии военного времени¹. Корпуса были сведены в три армии: Вторую, Пятую и Шестую. Российский консул в Будапеште отправил 28 июля в политический отдел МИДа телеграммы, предвосхищающие страницы книги о бравом солдате Швейке: «Мобилизован ландвер и гонвед... На юг будут отправляться 32 воинских поезда ежедневно. Среди запасных тамошних сербов и швабов замечается сильное пьянство»; «среди национальностей, видимо, начинается брожение. Сербские запасные идут с пением сербских песен, что должно терпеть начальство... Среди швабов воинственности не замечается»². Мобилизованные немцы, венгры, чехи, сербы, словаки и другие граждане «лоскутной империи» давали военную присягу каждый на своем языке³.

---

¹ Международные отношения эпохи империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. (МОЭИ). Серия III. Т. 5. М.-Л. С. 192–193.

² Там же. С. 194.

³ *Троцкий Л. Д.* По записной книжке одного серба // Годы великого перелома (Бельгия и Сербия в войне). М., 1919.

Перед началом войны вооруженные силы Австро-Венгрии организовывались по территориальному признаку. Их составляли имперская армия (регулярная армия) и ее резерв, подчиненная непосредственно имперскому военному министерству, ландвер и гонвед (линейные или общие войска) со своими резервами, подчиненные, соответственно, австрийскому и венгерскому министерствам народной обороны, ландштурм (ополчение), формировавшийся в военное время. Регулярная армия располагалась в 8 австрийских, 6 венгерских, боснийском (Сараевском) и Тирольском корпусных округах (33 дивизии) и составляла 110 пехотных полков (467 батальонов), 42 кавалерийских полка (252 эскадрона), 168 батарей артиллерии (1008 орудий)⁴. Для пополнения армии, империя была разделена на 112 военных полковые области, разбитые, в свою очередь, на батальонные участки. Австрия разделялась на 58 полковые области, Венгрия — на 47. Босния и Герцеговина комплектовала 4 полка. Три округа — Прибрежье, Фиуме и Далмация комплектовали кадры флота. Пополнение ландвера и гонведа осуществлялось 14 дивизионными ландверными округами (39 полковых отдела, 120 батальонов) и 7 дивизионными гонведными (28 полка, 94 батальона). Срок действительной службы в регулярной армии составлял 3 года, в ландвере и гонведе — 2 года. В резерве — 7 (императорская армия) и 10 (ландвер и гонвед) лет⁵. На 1912 год численность вооруженных сил Австро-Венгрии составляла: в регулярной армии — 297 тысяч под знаменами и 567 тысяч — в резерве; в ландвере — 39 тысяч на активной службе и 108 тысяч в резерве; в гонведе — 24 тысячи и 98 тысяч соответственно; переведенных в ландвер из резерва императорской армии — 134 тысячи. Вместе с проходящими военное обучение частями ландштурма общая численность подлежащих мобилизации составляла 1 млн 419 тысяч человек. При объявлении войны российский генеральный штаб определял количество нижних чинов в австро-венгерской армии в 2 200–2 250 тысяч⁶. На вооружении армии состояла скорострельная винтовка Манлихера 1 млн. 300 тыс. единиц) и карабин Манлихера образца 1895 года (850 тыс. единиц) с пятипатронным магазином, 8-мм пистолет Рота 1907 года с 10 патронным магазином, револьвер системы Гассера, 8-мм пулемет системы Шварцлозе образца 1907 года (патроны в лентах на 250 шт., скорость стрельбы — до 200 выстрелов в минуту, кавалерийский пулемет той же системы. Кавалерия и офицеры пехо-

---

⁴ Вооруженные силы Австро-Венгрии. Часть 1. Организация, мобилизация и состав вооруженных сил по данным на 1 января 1912 года. СПб., 1912. С. 68–86.

⁵ Там же. С. 1–6.

⁶ Там же. С. 12.

ты были вооружены саблей, пехота имела штык-нож⁷. При этом, Австро-Венгерская армия к 1914 году оставалась слабой в артиллерийской поддержке. На пехотную дивизию предусматривалось всего 42 полевых орудия (в России — 48 орудий), из них только тридцать были современными полевыми 8 см. орудиями М 5/8 производства Шкода. В ходу были даже старые бронзовые пушки⁸.

На Балканском фронте предполагалось также действия Дунайской флотилии, состоящей из 6 мониторов и 8 разведывательных лодок и базирующейся в Будапеште⁹. 24 июля флотилия получила задачу подготовить переправочные средства на Саве и Дунае, и 26 июля группа из 2 мониторов, сторожевого корабля и госпитального судна была переведена в Нови-Бречку¹⁰.

Главкомандующим армией считался император, который имел собственную Военную канцелярию и шесть военных инспекторов, вступавших в военное время в командование армиями. Также непосредственно императору подчинялся начальник генерального штаба. Руководство отдельными частями вооруженных сил осуществляло Военное министерство. Управление ланвером и гонведом возлагалось на Министерства народной обороны Австрии и Венгрии¹¹.

Несмотря на довольно громоздкую систему управления, мобилизация австро-венгерской армии предполагала быстрое сосредоточение войск. Готовность кавалерии предполагалась — на 3 день объявления мобилизации, артиллерии — на 4 день, пехоты — на 5–8 день, ландверных дивизий — на 10 день, ландштурменных бригад — на 10–14 день. К 14 дню предполагалось окончание мобилизации частей глубокого тыла¹².

30 июля послу России в Вене было сообщено о начале с 31 июля всеобщей мобилизации Австро-Венгерской армии¹³, и об «отсутствии у Австрии каких-либо агрессивных намерений против России»¹⁴. 1 августа началась мобилизация в Чехии¹⁵. Тем временем, вступление в войну России заставило Конрада изменить план войны. Балканская *Minimalgruppe* в составе трех корпусов должна была вести ограниченные наступательные операции против сербов, а 13 корпусов *A-Staffel*

⁷ Вооруженные силы Австро-Венгрии. Часть 1. С. 232–239.

⁸ Rothenberg Gunther E. The Army of Francis Joseph. West Lafayette, 1998. P. 174.

⁹ Вооруженные силы Австро-Венгрии. Часть 1. С. 298–299.

¹⁰ Вульф О. Р. Австро-венгерская дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918 гг. СПб., 2004. С. 10.

¹¹ Вооруженные силы Австро-Венгрии. Часть 1. С. 51–53.

¹² Там же. С. 223.

¹³ МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 272.

¹⁴ Там же. С. 303.

¹⁵ Там же. С. 342.

и В-Staffel размещались против России¹⁶. Вторую армию было решено передислоцировать в Галицию, а пока она находилась на Дунае, ее войска получили строгий приказ не осуществлять переправу через пограничные реки, Дунай и Саву, даже в случае начала активных боевых действий. Две двухкорпусные армии и Боснийский контингент (4 полка и 1 отдельный батальон) образовали Балканскую группу под руководством фельдцеймстера (полного генерала) О. Потиорека. Общая численность Балканской группы, включая отдельный VII армейский корпус, резерв и части Второй армии, не переведенные с Балкан на русский фронт, составляла 7 корпусов (240 батальонов пехоты, 37 эскадронов конницы, 516 орудий, 392 пулемета)¹⁷. Незначительный отряд мобилизованных сил разворачивался вблизи Балканского фронта для отражения возможного нападения Италии, которая после австрийского ультиматума, по сути, отказалась выполнять обязательства, взятые ей согласно Тройственному согласию¹⁸. Этот отряд мог быть использован в качестве ближайшего резерва Балканской группы.

Руководители Сербии, получившей в ходе балканских войн серьезные приобретения, как территориальные, так и в населении, понимали, что стране требуется соответствующее усиление вооруженных сил. Н. Пашич в октябре 1913 года особо говорил: «наша первая задача, к которой мы немедленно приступим, это реорганизовать и увеличить армию до полумиллиона», причем строевых частей — 400 тысяч штыков, 100 тысяч артиллерии, кавалерии и технических войск¹⁹. Однако победы в двух войнах имели свои оборотные стороны. Во-первых, войска балканских стран понесли серьезные потери. В Балканских войнах Сербия потеряла убитыми 36550 человек, Болгария — 32 тысячи, Греция — 5169, Черногория — 3076²⁰. На вторую проблему указывал Л. Троцкий, проведенный на Балканах в качестве репортера несколько лет. Он писал о великосербском карбонарстве, «центром которого было молодое офицерство, совершенно утратившее представление о возможном и невозможном после побед над турками и, особенно, над болгарами»²¹. Из-за вопроса о способе управления присоединенными территориями (Новой Сербией), военным или административно-политическим,

---

¹⁶ *Sondhaus L.* Franz Conrad Von Hötzendorf: Architect of the Apocalypse. Boston, 2000. P. 146.

¹⁷ *Mitrović C.* Serbia's Great War, 1914–1918. P. 38.

¹⁸ *Готлиб В. В.* Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М., 1960. С. 242–244.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 793. Д. 6. Л. 135.

²⁰ *Hall R. C.* Balkan breakthrough. Bloomington, Indiana, 2010. P. 26.

²¹ *Троцкий Л. Д.* Босняк-волонтер // Киевская Мысль. 4 декабря 1914 г. № 334.

в 1914 году в стране возник серьезный правительственный кризис²². Премьер Пашич подал в отставку, но король Петр ему же поручил формирование нового Совета министров. Роспуск скупщины произошел 24 июня и на 1 августа были назначены выборы. В тот же день, 24 июня (за три дня до сараевского инцидента), король Петр сложил с себя полномочия и передал трон престолонаследнику Александру. В Новой Сербии в результате компромисса военных и чиновников стал осуществляться сложный порядок «особого режима», совмещавший военное и гражданское управление²³.

При этом, именно сохранение военного характера администрации этих областей позволило сербской армии быстро начать мобилизацию. По словам российского военного агента в Белграде В. А. Артамонова, после Балканских войн армия получила боевой опыт, однако, и войска, и население были истощены. Ядром для формирования новых единиц послужили 20 батальонов Новой Сербии, распределенные между различными армиями. Каждый батальон развернулся в полк²⁴. В результате число пехотных дивизий увеличилось вдвое — с пяти до десяти. К старым дивизиям (Моравской, Дринской, Дунайской, Шумадийской, Тимокской) добавились Вардарская, Ибарская, Косовская, Брегалницкая и Монастирская. Еще две дополнительные дивизии были сформированы из отрядов добровольцев. Кавалерию Сербии представляла одна отдельная кавалерийская дивизия и дивизионные эскадроны. В результате, к началу войны мобилизации в сербскую армию подлежало около 250 тыс. человек²⁵. Главнокомандующим сербской армии стал принц-регент Александр, начальником штаба воевода Радомир Путник, прибывший в Сербию 31 июля. Мобилизационный план, намеченный Путником в период 1912–1914 гг., был вполне реалистичным и проработанным, что позволило развернуть боевые соединения за 4–6 дней, а запасные — за 6–12 дней.

Основными проблемами сербской армии стали недостаток оружия и амуниции, а также финансовые проблемы страны. Военный министр Сербии генерал Душан Стефанович 27 июля сообщал о технических нуждах армии российскому послу, прося прислать 120 тысяч винтовок с патронами и четыре станции беспроволочного телеграфа (для связи с развертываемыми 4 армейскими группами)²⁶. Финансы страны также не позволяли быстро и качественно осуществить мобилизацию,

---

²² Российский военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Д. 3168. Л. 11 и об.

²³ *Писарев Ю. А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968. С. 31–32.

²⁴ МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 347.

²⁵ *Корсун Н. Г.* Балканский фронт Первой мировой войны. М., 1939. С. 18.

²⁶ МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 166.

о чем королевич писал российскому царю, а Пашич сообщал послу в Сербии. Поэтому еще 31 июля Россия предоставила Сербии кредит в 20 млн. франков, обещав закрыть его в три месяца²⁷. Правда 20 августа Россия, выделившая Сербии дополнительно 6 млн. рублей, попросила английское правительство обеспечить этот кредит²⁸.

Предполагая главный удар австрийской армии с севера через Дунай и Саву на Белград, а второстепенный — с запада, согласно приказу Верховного командования от 8 августа 1914 г., сербская армия была разделена на четыре армейские группы: Первую (Дунайскую) — 4 пехотных и кавалерийская дивизии, — расположенную на северо-востоке по дунайской границе (командующий генерал Петер Бойович); Вторую (Белградскую; 4 пехотные дивизии), защищающую столицу (командующий генерал Степе Стапанович); Третью (Валевскую; 2 пехотные дивизии) на западной границе и в районе реки Колубара (генерал Павле Юришич-Штурм), и Четвертую (Ужицкую) армейскую группу (2 пехотные дивизии), обеспечивавшую на юге соединение с армией Черногории (генерал Милош Боянович). Штаб, понимая слабость сербской армии перед армией противника, ставил перед ней исключительно оборонительные задачи.

Черногория, царствующий дом который имел тесные династические связи с домом Романовых, была одним из самых стойких приверженцев политики России на Балканах. В свою очередь, Черногория получала от России денежную субсидию, составлявшую до двух третей государственного бюджета. До Балканских войн субсидия составляла 3 млн. руб. в год, однако, она была прекращена в ходе Первой Балканской войны, когда Черногория, нарушая взятые на себя обязательства согласовывать свои военные планы с российским Генеральным штабом, в одностороннем порядке объявила в октябре 1912 г. войну Турции. Сербия была союзником Черногории в Балканских войнах, однако, между странами имелись и противоречия в связи с взаимными территориальными претензиями на албанские территории и части побережья Адриатического моря.

В ходе сербского кризиса король Черногории Николай сразу же выразил приверженность союзу с сербским народом, 26 июля «король приказал начальнику оперативного отдела военного министерства разработать план развертывания черногорских войск, имея в виду в первую

---

²⁷ МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 292.

²⁸ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. (МОЭИ). Серия III. Т. 6. Ч. 1. М.-Л.: С. 134–135.

очередь защиту границ»²⁹. 27 июля Черногория объявила о начале общей мобилизации. 29 июля Николай согласился для ведения военных действий против Австрии иметь один общий генеральный штаб с сербами. После этого черногорский генерал Вукотич и помощник военного министра генерал Й. Бечир были отправлены состоять при сербской армии³⁰, а в Черногорию был направлен сербский генерал Б. Янкович, чей приезд, однако запоздал³¹. Лишь 21 августа сербская военная миссия Б. Янковича и П. Пешича прибыла в Цетинье, где представила Николаю объединенный план³².

Дипломатия Австро-Венгрии пыталась склонить короля и его правительство к нейтралитету в войне с Сербией. Переговоры продолжались с 27 июля и закончились 5 августа. Австро-венгерский посланник барон Отто обещал Николаю территориальные уступки за счет Албании и денежную субсидию³³. 29 июля король послал посланнику в Сербии телеграмму, в которой признавался, что «трудно решить, как ответить на предложения Австрии. Но в любом случае, убеждайте Пашича, что мы с Сербией...»³⁴. Впрочем, хотя Австро-Венгерская дипломатия и заявляла «о готовности соблюдать нейтралитет по отношению к Черногории, в Цетинье хорошо знали об истинной цене этого обещания. 30 июля Черногория получила «неопровержимое доказательство того, что на нее готовится нападение со стороны албанцев... что все этим заведует скутарийский архиепископ, руководимый советами австро-венгерского консула»³⁵. Российская дипломатия знала о попытках австрийцев влиять на правительство Черногории, и советовала королю согласовывать все свои действия с Россией. Но на Черногорию воздействовала также и Италия, король которой Виктор-Эммануил был женат еще на одной дочери многодетного черногорского монарха. Италия не желала, чтобы Черногория вступала в войну, и даже получила от Австро-Венгрии заверение не нападать на Черногорию, если та сохранит нейтралитет³⁶. Посланник Сербии в Цетинье писал 24 июля: «Италия просит Черногорию предать Сербии»³⁷. Тем не менее, 6 августа 1914 г., после объявления войны между Россией и Австро-Венгрией, Черногория вступила

²⁹ Писарев Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. С. 46.

³⁰ МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 239, 308.

³¹ МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 32.

³² *Mitrović C. Serbia's Great War, 1914–1918. P. 69.*

³³ МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 375.

³⁴ *Pavlovic S. Balkan Anschluss: The Annexation of Montenegro and the Creation of the Common South Slavic State. West Lafayette, 2008. P. 67.*

³⁵ МОЭИ. Серия III. Т. 5. С. 275.

³⁶ Писарев Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. С. 49.

³⁷ *Mitrović C. Serbia's Great War, 1914–1918. P. 48.*

в войну. Король Николай в своем манифесте аргументировал этот шаг славянской солидарностью.

Население Черногории составляло перед войной 440 тысяч человек, и страна не имела регулярной армии. Вооруженные силы строились по милицейско-территориальной системе. Офицерский состав проходил обучение в России, Франции и Италии, однако, значительное число офицерских постов, как в штабах, так и в руководстве боевыми соединениями, занимали сербские офицеры. При этом, ополчение Черногории показало себя в Балканских войнах стойкими и мобильными бойцами.

В ходе мобилизации под ружье было поставлено около 35 тысяч человек. Народная армия была разбита на четыре отряда: Ловченский, прикрывающий столицу — Цетинье; Герцеговинский, Санджакский и Старосербианский, осуществлявшие охрану границы и, при необходимости, ведущие маневренные наступательные действия³⁸.

Вскоре после начала боевых действий были образованы еще два отряда — Дринский и Ужицкий для действий в стыке с сербской Ужицкой армейской группой. С первых дней войны черногорская армия стала получать пополнение из добровольцев, бежавших с территории австрийской Герцеговины, из которых командование «создало ряд групп по 10–20 человек... и направило в тыл австро-венгерских войск для организации там повстанческого движения». Целый батальон в 1450 человек был сформирован из эмигрантов-черногорцев из Америки, прибывших в Европу в начале осени, а Петроградское славянское общество послало в Черногорию отряд врачей-добровольцев, создавших походный госпиталь. Это позволило довести численность армии к концу 1914 года до 44 тысяч человек³⁹. Главкомандующим войсками являлся король Николай, однако реальное руководство армией осуществлял глава правительства и, одновременно, военный министр и заместитель короля по командованию армией Я. Вукотич⁴⁰.

Горный ландшафт Черногории способствовал эффективной обороне, и отвлечению крупных сил противника. Отсутствие дорог скорее помогало армии, бойцы которой знали местность, но затрудняло действия врага. Однако техническое оснащение черногорской армии было очень слабым. На вооружении армии были российские берданки и устаревшие винтовки «московки», современное стрелковое оружие было закуплено весной 1914 г. на российские деньги, но в малом количестве. На начало войны Черногория имела около 30 000 старых русских ружей и 8 000 винтовок Маузера. В армии использовалось 9 000 однозарядных

---

³⁸ Писарев Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. С. 57–59.

³⁹ Там же. С. 64–65.

⁴⁰ Там же. С. 61.

ружей. Имелось всего 30 пулеметов, 65 устаревших орудий, не хватало снарядов к ним, как и патронов⁴¹. Серьезные проблемы были с обмундированием, а также и с довольствованием армии, поскольку Черногория ввозила значительное количество продовольственного зерна⁴². По словам поверенного в делах в Черногории Обнорского, в период мобилизации армии «финансовое положение здешнего военного министерства стало не просто критическим, но прямо безвыходным»⁴³. Весь период боевых действий армия Черногории сильно зависела от российских, сербских и французских поставок оружия, амуниции и продовольствия.

Список литературы

1. Вооруженные силы Австро-Венгрии. Часть 1. Организация, мобилизация и состав вооруженных сил по данным к 1 января 1912 года. СПб.: Военная типография Главного Штаба, 1912. — 189 с.
2. Вульф О. Р. Австро-венгерская дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918 гг. СПб.: М. А. Леонов, 2004. — 139 с.
3. Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М.: Соцэргиз, 1960. — 604 с.
4. Корсун Н. Г. Балканский фронт Первой мировой войны. М.: Госвоениздат Наркомата обороны Союза ССР, 1939. — 124 с.
5. Международные отношения эпохи империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. (МОЭИ). Серия III. Т. 5. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. — XXIII, 497 с.
6. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. (МОЭИ). Серия III. Т. 6. Ч. 1. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. — XIX, 481 с.
7. Писарев Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М.: Наука, 1968. — 375 с.
8. Троцкий Л. Д. Босняк-волонтер // «Киевская Мысль», № 334, 4 декабря 1914 г.
9. Троцкий Л. Д. По записной книжке одного серба // Троцкий Л. Д. Годы великого перелома (Бельгия и Сербия в войне). М.: Гос. изд-во, 1919. — 164 с.
10. Hall R. C. Balkan breakthrough. Bloomington, Indiana: Indiana Univ. Press, 2010.
11. Mitrović C. Serbia's Great War, 1914–1918. West Lafayette: Purdue Univ. Press, 2007.
12. Pavlovic S. Balkan Anschluss: The Annexation of Montenegro and the Creation of the of the Common South Slavic State. West Lafayette: Purdue Univ. Press, 2008,
16. Rothenberg Gunther E. The Army of Francis Joseph. West Lafayette: Purdue Univ. Press, 1998.
17. Sondhaus L. Franz Conrad Von Hötzendorf: Architect of the Apocalypse.. Boston, 2000.

---

⁴¹ Pavlovic S. Balkan Anschluss: The Annexation of Montenegro and the Creation of the Common South Slavic State. P. 75.

⁴² Писарев Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. С. 53–55.

⁴³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 338. Л. 32.

Vadim Viktorovich MIKHAILOV

Doctor of History, Professor of the Department of philosophy and history of St Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St Petersburg, Russia)

E-mail: batukom@mail.ru

Military plans of Austria-Hungary, Serbia and Montenegro in the initial period First World War

The article examines the preparations of Austria-Hungary, Serbia and Montenegro for the beginning of military operations in the Balkans in 1914, issues of mobilization and armament, the policy of Austria-Hungary, Russia and Italy in the run-up to military operations in the Balkans.

Keywords: World War I, Austria-Hungary, Serbia, Montenegro.

УДК 94 (47).083

ББК 63.3 (4) 524

Алексей Викторович ОРЛОВ

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: mobus@mail.ru

ВОЕННО-ХИМИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1914–1918)

В статье рассматривается развитие военно-химической промышленности России в годы Первой мировой войны, состояние и проблемы химической индустрии, направления деятельности комиссии В. Н. Ипатьева в деле создания новых отраслей химического производства в интересах обороны страны, успехи и трудности в деле организации новых отраслей, взаимоотношения военного ведомства и Комиссии по заготовке взрывчатых веществ, достижения в деле становления национального химического производства. В центре внимания — задачи и перспективы промышленного развития России в условиях военного и послевоенного времени, промышленная политика, преодоление импортозависимости в деле индустриализации страны.

Ключевые слова: химическая индустрия, проблемы производства, Первая мировая война, В. Н. Ипатьев, частная промышленность Российской империи, отраслевое развитие, организация, производство, бензол, толуол, финансирование, импортная зависимость, промышленная политика.

Мировая война 1914–1918 гг. и участие в ней России поставили перед империей задачи огромной сложности, в числе которых оказалась и военно-химическая индустрия. Для России понадобился настоящий переворот в этой отрасли, не только сложной, но и весьма перспективной для мирного времени развития страны.

Хочу сразу оговориться, что для меня как автора, имеет решающее значение проблемный, а не описательный подход к выбранной теме. Такой проблемный подход в свою очередь расширяет границы обсуждения темы.

Актуальность представленной работы для меня заключается, прежде всего, в том, что история российской промышленности, по моему глубокому убеждению, и до наших дней остаётся плохо раскрытой, мало исследованной, не оценённой во многих отношениях, а тем более в отраслевом значении. Речь идёт далеко не только о промышленности военной или такой, какую приходилось развивать и организовывать для целей обороны страны. Мы и сегодня не имеем хорошего учебника по истории отечественной промышленности, а не российской экономики. Мы и сегодня довольно схематично и весьма случайно можем представить

эволюцию и рост российской индустрии и того, что можно было бы назвать историей и успехами российского промышленного капитализма и предпринимательства. Это же касается и отдельных предприятий и промышленных фирм. А между тем, национальную гордость и самолюбие могут укреплять и вдохновлять именно такие знания.

Вопрос или проблема данной темы распадается на четыре определяющих: возможности военно-химической индустрии и проблема мобилизации или готовности этой индустрии к потребностям войны 1914–1918 гг., условия развития этого рода промышленности в обстановке войны и, наконец, организация этой индустрии. Я коснусь, в пределах статьи, не всех этих аспектов равнозначно и вполне.

Кроме того, мне не затронуть много вопросов, как то развитие резинотехнической промышленности, производство красок и кож, отравляющих веществ (газов) и много другого. В рамках одной статьи не показать, конечно, вклад и деятельность отдельных предприятий, что очень важно для понимания тенденций и особенностей развития химической промышленности в России.

Невозможно представить себе снарядов без снаряжения, а металл без пороха. Пушки и боеприпасы ничего не значат, если отсутствуют готовые порох и взрывчатые вещества как и их резервы. Война вызвала непредвиденно большие потребности, превосходившие любые довоенные расчёты.

Можно ли сказать, что мобилизация в области химического производства произошла слишком поздно или даже преступно, как считала это думская оппозиция и либеральная общественность империи? Я говорю об этом потому, что лозунг мобилизации промышленности, выдвинутый московскими торгово-промышленными кругами, подразумевал прямое обвинение правительства и военного министерства, а также ГАУ (Главное артиллерийское управление) в преступном невнимании к вопросам обороны страны и вовлечении отечественной промышленности в дело обороны по прошествии почти года с начала войны. Такое обвинение не могло быть голословным и только политизированным. Факты действительно были на стороне гражданских обвинителей. Снарядный кризис был налицо уже в мае 1915 г., а в августе на фоне тяжелейших военных неудач и глубокого отступления всего русского фронта последовал и правительственный кризис. Для производства пороха и взрывчатых веществ промышленный кризис стал очевидным ещё в феврале 1915 г. Поскольку казённые пороховые заводы и Шлиссельбургский частный были полностью загружены работой и продолжали расширяться, рассчитывать только на их производительность было совершенно недостаточно. Возводить новые заводы ГАУ явно не мыслило: долго, дорого, а, главное, война может уже окончиться. Так это понимали в начале 1915 г.

Вопрос о развитии военно-химической индустрии в России это вопрос чрезвычайного развития и в условиях чрезвычайных, военных. Здесь ставится вопрос о темпах и средствах, а не только о возможностях. Как раз о возможностях говорили в мирное время, а в военное приходилось принимать решения и действовать.

Развитие химии как отрасли в военное время неизбежно должно было выяснить все стороны и задачи отрасли для России на будущее время и именно благодаря такой цене как война. В этом я вижу огромное значение столь короткого времени для будущего страны, её самостоятельного роста и её промышленной идеологии, а не только политики в области индустриализации.

Проблема военно-химической отрасли касалась не только готового её воплощения — пороха и взрывчатых веществ — но и разнородных сырьевых отраслей химической промышленности вообще. Россия столкнулась с двумя факторами довоенного наследия: во-первых, тяжелейшая сырьевая зависимость от импорта, во-вторых, внутренняя неразвитость производства пороха и взрывчатых веществ в том смысле, что потребности в них в связи с требованиями фронта многократно превосходили возможности внутреннего производства. То, что могла Россия, и то, в чём нуждался фронт войны грозили полной катастрофой стране с точки зрения боеспособности и возможности самостоятельно вести боевые действия против Германии и её союзников. Гораздо более половины всего производства взрывчатых веществ и даже пороха России пришлось получать в первые два года войны из-за границы и в частности из Америки, которая к тому же долгое время не была союзницей Антанты, а потому совсем не гарантировано было и то положение, при котором США могли бы помогать России в таких поставках, а могли бы и остановить таковые по политическим и стратегическим мотивам. Ни Англия, ни Франция, сами нуждавшиеся в порохе и взрывчатых веществах, ни в коем случае не могли компенсировать России недостатка этих продуктов. Столь трудная зависимость от заграницы побуждала военное ведомство России предпринять почти отчаянные шаги в деле организации таких отраслей промышленности, совершенно не освоенных в России в довоенный период.

Только на первый взгляд может показаться, что достаточно выяснить общую картину производства и производителей, значение и роль наиболее крупных и особо важных, чтобы оценить состояние и работу военно-химической индустрии. На самом деле для России этого времени пришлось решать труднейшие вопросы, которые до войны не имелись в виду. Ещё сложнее дело обстоит с общим состоянием химии

как промышленности и политики государства в области этих отраслей до войны.

Проблемы, с которыми столкнулась Россия:

1) Решение о том, какую финансировать частную или казённую промышленность в этих чрезвычайных условиях.

2) Как организовать и распределять заказы и порядок их выполнения.

3) Как стимулировать вновь возникающие отрасли с тем, чтобы эффективность работ и планирование развивались в заданных рамках, когда проблемы военного времени изменили возможности развития по сравнению с довоенным временем.

4) Как относится к просьбам частной промышленности о предоставлении ей заказов и на послевоенное время, с гарантией таковых как в финансовом, так и собственно в промышленном отношении.

5) Проблема оборудования заводов и обеспечение квалифицированными кадрами химиков и лаборантов. Проблема подготовки специалистов и подсобных специальностей.

6) Проблема утилизации побочных химических производств в интересах обороны.

7) Вопросы организации самой частной промышленности в государственных целях.

8) Задачи и перспективы казённой промышленности

9) Географическое районирование (размещение) военно-химической промышленности.

10) Иностранные инвестиции и участие в химических предприятиях России.

11) Вопрос о немецкой собственности и её будущем после войны.

Но, кроме того, наряду с порохом, взрывчатыми веществами в понятие военно-химическая промышленность входят ещё:

- Производство удушающих средств
- Резиновое производство
- Дубильные вещества (кожевенное производство)
- Медикаменты и препараты (фармацевтика)
- Производство красителей.
- Керамическое производство.

Без учёта всех этих видов производства и самих производителей представляется совершенно невозможным судить об общей успеваемости и проблемах (равно как и недостатках) оборонных отраслей производства за время войны.

Важно, конечно, иметь в виду не только потребность войны, государственную потребность, но и то, какие встречные предложения выдвигались частной промышленностью и её представителями, какие

возможности и перспективы виделись для частной предприимчивости, без которой нельзя представить себе царскую Россию.

Особенность химической промышленности в том, что она как продукт относительно быстро окупается, не требуя таких затрат, к примеру, как горное дело или металлургия. В то же время продукты химии и химическое сырьё имеют весьма широкое хождение и потребление и в мирное время на широком рынке массового или промышленного потребления. Для понимания проблемы и её значения достаточно будет проанализировать, насколько заметна и многостороння была зависимость России в области импорта химической продукции до войны. Речь при этом идёт, конечно, не только о продукции военного назначения и применения. Здесь надо непременно говорить широко: не только о торгово-экономическом и промышленном характере, но и о политике в области химии и продуктов химии.

Для оценки проделанной огромной работы по созданию многоотраслевой химической промышленности в России придётся учесть такие её разделы:

- 1) пороховая промышленность и её подотрасли (серная и азотная кислота, серный колчедан, хлопковые концы)
- 2) индустрия взрывчатых веществ
- 3) производство химического сырья и вторичных (промежуточных) компонентов.

Довоенная химическая промышленность в России была в очень сильной степени немецкой. В Петербурге, Ревеле и в Риге располагалось немало химических предприятий, которые находились в руках русских немцев, доверяя к которым в годы войны не прибавилось, несмотря на все их попытки подтвердить свои верноподданнические чувства. Вопрос о судьбе немецкой собственности в России оказался во время войны прямо связан с вопросом о перспективах развития химической индустрии на базе тех же частных довоенных предприятий, принадлежащих немцам.

Естественным образом возникал ещё один вопрос: о размещении предприятий химии. Перебазировании её с северо-запада в центр (Москва и Подмосковье и на Урал) и на юг (Украина) именно в связи с войной и с учётом нового развития. Вставал и другой вопрос: о кадрах химической промышленности, как рабочем составе, так и научно-отраслевом, в сущности о специализированных центрах химического производства и разработок (лаборатории, институты, кафедры). Понятно было, что без государственного участия и государственной поддержки нельзя будет развернуть такую большую работу, а вопрос об организации новых отраслей промышленности станет первоочередным, особенно в условиях войны. Такие вопросы как химия материалов (резина,

кожи, краски) и неорганическая химия (взрывчатых веществ, газовая) выдвигали весьма разнообразные и специфические задачи ближайшего развития. Понятно и то, что в большинстве случаев частные производители не располагали специалистами и консультантами в области новых для них производств и должны были пользоваться знанием и советами государственных служащих и руководителей из числа специалистов на службе ведомств.

Вопрос о финансировании распадался на два кардинальных: казённые работы и частная индустрия. Нельзя сказать, что между двумя этими полюсами не возникало прежней опасности: стать один другому конкурентами. Конкуренция неизбежно ставила вопрос о приоритетах развития: что будет казённым, а что будет отдано частной инициативе преимущественно.

Цены как фактор пессимизма: рост цен на все виды сырья, переработки, материалы, топливо и готовые изделия. Будет самой большой ошибкой недооценить фактор стоимости новых производств, которая формировалась из цены за единицу изделия. Цены на абсолютное число сырья и полупродуктов формировались не казной (ведомствами), а рынком и частными производителями. Это обстоятельство самым сложным образом влияло на политику заказов и положение самих же производителей, с точки зрения выгоды и перспектив массового производства, тем более в деле новых для них отраслей.

Темпы строительства и производства как фактор пессимизма: строительство дорого, затягивается, не успеет дать нужных результатов для фронта и боевых операций. Министерство финансов должно было изыскивать средства и в особенности валюту для покупки оборудования для работы новых предприятий.

Успех зарубежных заказов в Америке на порох и пироксилин, несомненно, должен был повлиять на решимость руководящих кругов России продолжать войну, несмотря на трудности внутреннего строительства и производства. Это можно отнести к фактору оптимизма.

Для лучшей и детальной наглядности приведём список важнейших производителей. Мы приводим его ещё и для того, чтобы продемонстрировать масштаб разительных перемен в развитии химической отрасли в стране за крайне сжатый срок¹ (табл. 1, 2)

---

¹ Барсуков Е. З. Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1928. Таблица № 120 (С. 31) Выработка русскими заводами серной кислоты в сентябре и азотной кислоты в октябре 1916 года. Таблица № 121 (С. 32–33). Изготовление взрывчатых веществ русскими казёнными и частными заводами с 1 февраля 1915 г. по 31 декабря 1916 г. Таблица № 122 (С. 34). Производство У. С. в России во время войны. С. 168–173. [Сведения по таблице специализаций]; С. 173–177. [Шлиссельбургский частный пороховой завод. По казённым пороховым заводам

Таблица 1. Производители новые

Завод-производитель	Специальность производства
Кадиевский бензолный и ректификационный завод, казённый	Сырой бензол и толуол
Завод в Макеевке, фирмы Оливье Пьетт	Сырой бензол
Заводы в Енакиеве, Юзовке, ст. Байрак и Сартана, фирмы Эдвард Коппе	Сырой бензол
Завод бензолно-анилинового товарищества	Тротил, серная и азотная кислота
Лисичанский завод, Химический и тротильный заводы, Екатеринославская губ.	Тротил, олеум, серная и азотная кислота
Завод Фарбверке (Москва)	Тротил
Завод Серикова и Старостина	Тротил
Завод Ушкава Бондюжский завод (хлор) Самарский завод (хлор)	Тротил, хлор жидкий, серная и азотная кислота
Завод Электрон Южно-Русского Общества	Пикриновая кислота, динитрофенол, хлор жидкий, дымный порох
Лепёшкин Н. В. и С-вья, Торговый дом, Химический завод в Москве и в Иваново-Вознесенске, Владимирская губ.	Пикриновая кислота, серная и азотная кислота
Любимов, Сольваэ и Ко	Пикриновая кислота, фосген, хлор жидкий
Докторовский химический завод (ст. Кудиново)	Пикриновая кислота, серная и азотная кислота
Русское Акц. О-во Шеринг (Москва)	Тетрил
Кроттэ, завод Петровского О-ва химических и механических производств (Петроград)	Ксилит
Константиновский завод, О-ва Донецкого стекольно-химического О-ва	Аммиачная селитра, серная и азотная кислота
Завод Ливенгофского О-ва	Аммиачная селитра
Свеаборгская снаряжательная мастерская, казённая	Аммонал, снаряжение ручных гранат
Трёхгорное пивоваренное Тов-во	Динитронафталин, серная и азотная кислота
Общество Российской химической промышленности 1914 г. (ст. Рубежная, Екатеринославская губ.)	Хлор жидкий, серная и азотная кислота
Симбирское губернское земство	Хлор жидкий
Завод П. С. Марковой в Мелекесе (Трёхсосенский химический завод, Самарская губ.)	Хлор жидкий
Петроградский Технологический Институт	Хлор жидкий
Финляндская комиссия	Хлор жидкий
Ралле и Ко, Тов-во высшей парфюмерии, парфюмерно-косметическая и глицериновая фабрика в Москве	Шнейдерит, хлорпикрин

Завод-производитель	Специальность производства
Иваново-Вознесенское Тов-во механических изделий	Фосген
Российское акц. О-во коксовой промышленности и бензолового производства («Коксобензол»)	Сырой бензол, толуол
Тов-во Шустова в Москве	Фосген
Глобинский казённый военно-химический завод, Полтавская губ.	Фосген, хлорпикрин
Завод С. Е. Кочеткова, ситценабивная и красильная фабрика	Хлорпикрин
Завод В. О. Красавина кислотный завод, Московская губ.	Хлорпикрин
Петроградское химико-техническое училище	Хлорпикрин
Петроградский политехнический институт	Хлорпикрин
Завод Л. Рабенек в Москве, Тов-во мануфактур, бумаготкацкая, бумагокрасильная, ситценабивная фабрики; химический завод ст. Щелково	Хлористый сульфурил, сернистый ангидрид, азотная и серная кислота
Завод Балашева в Сакках, химический завод в Таврической губ.	Бром, бромбензил (сиклит) для получения бромистого бензола
Ватреме Ю. Ф., Тов-во красильно-аппретурной фабрики, Московская губ.	хлорное олово
Завод Л. П. Запругаева, Всероссийский Земскитий союз (ВЗС)	Железисто-синеродистый калий (для синильной кислоты)
Завод И. и Н. Лепихина, синькалиевый завод, в Костромской губ., ВЗС	То же
Завод Липанского, ВЗС	То же
Завод Тов-ва Вахрамеева и Ко, Торговый дом, Ярославль, ВЗС	То же
Завод инженера Н. Д. Тагера, Москва	Цианистый натрий и калий, хлороформ
Завод Гагариной	Хлороформ технический
Завод Чердынцева В. А., Камская электропропаграфия в Перми	Хлороформ технический
Завод Морозов С. Т., Крель и Оттоман соединённых химических заводов акц. О-во, близ Кинешмы и д. Дымницы, Костромской губ.	Хлороформ технический
Ольгинский завод П. Беккель в Москве	Хлористый мышьяк
Чудовский завод (ст. Чудово) В постройке	серная и азотная кислота
Бурнаева-Курочкина заводы в Кинешме и в Романове-Борисоглебске	серная и азотная кислота
Понизовкина в Ярославле	серная и азотная кислота
Какушкина в Плесе, Костромской губ.	серная и азотная кислота

Завод-производитель	Специальность производства
Бр. Красавиных (ст. Жилево и Ховрино)	серная и азотная кислота
Завод Иванова в Москве	серная и азотная кислота
Завод Афанасьева (ст. Сергиева)	серная и азотная кислота
Завод Гилля (ст. Щелково и Гула). Завод в постройке	серная и азотная кислота
Зиллера в Москве	серная и азотная кислота
Завод Земского и Городского Союзов в Нижнем Новгороде	серная и азотная кислота
Наследников И. И. Сикачёва	серная и азотная кислота
Завод Куликова	серная и азотная кислота
Торговый Дом Карл Блеш	серная и азотная кислота
Крестовниковых в Казани	серная и азотная кислота
Саратовской городской управы	серная и азотная кислота
Вадарской (ст. Подневная)	серная и азотная кислота
Надеждинский завод (ст. Калата)	серная и азотная кислота
О-ва Кыштымского горного завода	серная и азотная кислота
Шайтанского о-ва (ст. Ревда)	серная и азотная кислота
Пермского земства	серная и азотная кислота
Подольского О-ва в Виннице	серная и азотная кислота
Ливенгофского О-ва (ст. Несветевич)	серная и азотная кислота
Днепровского О-ва в Кадиевке	серная и азотная кислота
Анонимного О-ва Химических продуктов в Одессе	серная и азотная кислота
«Алагирь» во Владикавказе	серная и азотная кислота
Бр. Нобель в Баку	серная и азотная кислота, чистый бензол
Шибаява в Баку	серная и азотная кислота
Дюкенна в Баку	серная и азотная кислота
Казанской городской управы	чистый бензол
Бакинский военно-промышленный комитет (ВПК)	Чистый бензол
Завод Тов-ва М. И. Попов и Ко	Дымный порох
Владимирский завод О-ва Барановского	Пушечный бездымный порох
Завод Николаевско-Журавского общества	Дымный порох
Тамбовский казённый пороховой завод ГАУ	Американский пироксилин
Казённый хлопкоочистительный завод ГАУ в Ташкенте	Производство клетчатки. Использование делинита, добываемого из скорлупы хлопковых семян для получения клетчатки
Юзовский завод азотной кислоты, казённый ГАУ	Начал производство в 1917 г., оборудован на 1/3 производительности
Казанский нефтеперегонный завод, казённый	Чистый толуол
Казанский военно-химический завод, казённый ГАУ	Фосген и газообразный хлор. Начал работать в 1917 г.
Онежский завод азотных кислот, казённый ГАУ	В стадии строительства

Завод-производитель	Специальность производства
Бакинский нефтеперегонный завод, казённый ГАУ	Чистый толуол из нефти
Нижегородский завод азотной и серной кислот, казённый	Олеум, купоросное масло, азотная кислота. Постройка начата в 1916 г.
Нижегородский завод взрывчатых веществ, казённый ГАУ	Тротил и тетрил (недостроен)
Уфимский завод взрывчатых веществ, казённый ГАУ	Тротил или ксилит, тетрил (запроектирован)
Толуоловый завод Морского министерства в Грозном	Толуол

Таблица 2. Довоенные производители

Завод-производитель	Специальность производства
Охтенский пороховой завод, казённый ГАУ	Бездымный порох разных марок для Военного и Морского ведомств
Охтенский завод взрывчатых веществ, казённый ГАУ	Мелинит (пикриновая кислота), тротил (тринитротолуол), тетрил, снаряжение взрывателей разных марок
Тентелевский завод	Динитробензол, серная и азотная кислота
Завод Рихард Майер Ревельский химический завод	Динитробензол
Штеровский завод Франко-Русского О-ва для выделки и продажи химических продуктов и взрывчатых веществ	Динитронафталин, серная и азотная кислота, пироксилин
Шлиссельбургский завод Русского О-ва для выделки и продажи пороха, пороховой и динамитный заводы в г. Шлиссельбурге, селитряный в Петрограде, Южный пороховой завод в Екатеринославской губ.	Бездымный порох, дымный порох, аммонал, пикриновая кислота, тротил, тетрил, динамит
Казанский казённый завод	Ружейный порох, фосген
Об-во Любимов и Сольвэ, об-во производства соды в России, химический завод, Екатеринославская губ.	Фосген, пикриновая кислота, хлор жидкий
Самарский казённый завод взрывчатых веществ	Тротил, серная и азотная кислота
Шостенский пороховой казённый завод	Пушечный и ружейный порох, серная и азотная кислота
Завод АО Б. И. Виннер	Дымный порох

Я не стану здесь приводить другую таблицу, для производства удушающих средств (У. С.), где окажется 20 частных производителей и только 2 казённых, которые (два казённых) были однако, только запроектированы и не получили даже заказов. Будем иметь в виду, что значение частной промышленности в этом производстве было определяющим.

Соотношение производителей по специализации оказалось таким:

Выработка серной кислоты в сентябре и азотной кислоты в октябре 1916 г.

1. Петроградский район — 4 частных заводов и 1 казённый
2. Верхне-Волжской район — 6 частных заводов
3. Московский район — 16 заводов, из которых 1 земский
4. Средне-Волжский район — 5 заводов частных и один казённый
5. Уральский район — 4 частных завода и один земский
6. Южный район — 9 частных заводов
7. Кавказский район — 4 частных завода

Изготовление взрывчатых казёнными и частными заводами с 1 февраля 1915 г. по 31 декабря 1916 г.

Тротил — 8 производителей (2 казённых и 6 частных)

Пикриновая кислота — 7 заводов, все частные

Тетрил — 3 завода (2 частных и 1 казённый)

Ксилит — 3 завода (2 частных и 1 казённый)

Динитрофенол — 2 завода, оба частных

Динитробензол — 2 завода, оба частных

Аммиачная селитра — 2 частных завода и одна снаряжательная мастерская, казённая

Шнейдерит — 3 завода, все частные

Динитронафталин — два частных завода

Наиболее крупные производители:

Самарский завод взрывчатых веществ (тротил)

Любимов, Сольвэ и Ко — (пикриновая кислота)

Русское АО Шеринг — тетрил

Штеровский завод Франко-Русского О-ва — ксилит

Завод Электрон Южно-Русского О-ва — динитрофенол

Завод Рихард Майер — динитробензол

Тенетеловский химический завод — динитробензол

Свеаборгская снаряжательная мастерская — аммонал

в России]; С. 192–202. [Раздел. «Создание русской химической промышленности для нужд армии». В частности бензол, толуол, синтетический фенол, увеличение производства серного колчедана и серной кислоты]. Генерал В. С. Михайлов (1875–1929): Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., Росспэн, 2007. С. 263–265. Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917). Т. 1. М., 2004. С. 610–613, 754, 756, 761–762, 765–767, 770, 772–773.

Завод Ралле — шнейдерит

Трёхгорное Пивоваренное Тов-во — динитронафталин²

Крупнейшие производители: Самарский казённый взрывчатых веществ и Шлиссельбургский пороховой завод (по тротилу), завод Б. И. Виннер и Шлиссельбургский (по пикриновой кислоте, т. е. мелиниту), Шлиссельбургский завод (по тетрилу), Штеровский завод Франко-Русского общества (по ксилиту), завод Электрон Южно-Русского общества (динитрофенол), Константиновский завод, Общества Донецкой стекольно-химической промышленности (аммиачная селитра), Свеаборгская снаряжательная мастерская и Штеровский завод Франко-Русского общества (аммонал), завод Ралле (шнейдерит), Трёхгорное Пивоваренное Тов-во (динитронафталин).

Эти данные наглядно нам иллюстрируют, что одна казённая промышленность не была готова справиться с огромным недостатком компонентов, как сырьевых, так и полупродуктов. И в то же время казна не желала умалить частную инициативу и сосредоточить эти различные производства в руках одного государства, хотя бы и на время войны.

Детальных сколько-нибудь работ по данной теме мне найти не удалось. Нашлись только статьи, связанные с общим очерком деятельности государственных комиссий и учреждений в области организации отрасли и общих итогов работ военно-химической промышленности. Этот пробел мне представляется существенным, так как в развитии химической промышленности существовал ряд проблем, которые следовало бы назвать при более подробном и специальном исследовании. Вопросы и проблемы я представляю такими:

1. Частные инициаторы из среды промышленников и организаторы частного производства. То же и в отношении казённых заводов.
2. Условия деятельности новых предприятий.
3. Проблема концентрации новых производств.
4. Экономико-географическое размещение новых отраслей промышленности.
5. Послевоенные перспективы развития отраслей в целом.

В пределах статьи я коснусь только части этих вопросов. К частным инициаторам надо отнести собственно промышленников директоров предприятий и инженеров. О них практически ничего неизвестно и ныне. Они не оставили после себя воспоминаний и архивов.

Назову только некоторые из вопросов, возникших в то время:

На заседании Подготовительной Комиссии при Особом совещании 17 августа 1915 г.

— О нормировке цен на серную кислоту

² Барсуков Е. 3. Указ. соч. Таблицы № 120 (С. 31), № 121 (С. 32–33).

— О порядке снабжения углём заводов, вырабатывающих бензол и толуол.

— О заключении договоров с Акционерным Обществом Верхне-Исетских заводов на поставку серной кислоты и о выдаче аванса на льготных основаниях под этот заказ (Доклад ГАУ от 17-го августа 1915 г.)³

Подготовительная Комиссия по артиллерийским вопросам от 18 сентября 1915 г. постановила «немедленно командировать для обследования Урала и Донецкого района с целью определения возможности приспособления заводов для выделки жидкого хлора де специальные Комиссии. . . Комиссия [Подготовительная] признала необходимым принять все меры к скорейшей организации применения удушливых газов».⁴

22 сентября 1915 г. Подготовительной комиссией по артиллерийским вопросам (ПКАВ) решено было продлить на 2 месяца срок поставки толуола, ксилола и сероуглерода с фирмой О. Пьетт по уже заключённому контракту, «в виду запоздания в постройке заводов». Контракты с фирмой касались поставки 131.250 пуд. толуола, 24.000 пуд. ксилола, 6.000 пуд. и 57.600 пуд. чистого толуола.

Постановлением Исполнительной Комиссии, утверждённым председателем Особого Совещания 2 ноября 1915 г. Финляндской комиссии по изготовлению химических веществ разрешён к отпуску кредит в размере 3.200.000 руб. на изготовление и поставку 200.000 пудов жидкого хлора». Там же в Финляндии ГАУ полагало заказать электрооборудование (электродвигатели и преобразователи) для хлорных заводов АО «Готфрид Стремберг» в Гельсингфорсе.⁵

Вопрос об условиях производства новых химических продуктов оказался весьма осложнён всей предыдущей политикой Министерства финансов, Государственного контроля и самого Военного ведомства. Ещё 2 сентября 1915 г. ПКАВ постановила внести ГАУ в Исполнительную Комиссию предложение Новороссийского Общества каменноугольного и рельсового производств на поставку побочных продуктов коксования «для ближайшего выяснения условий договора с этим предприятием на поставку побочных продуктов коксования». Было предположено предоставить Новороссийскому Обществу поставку: чистого толуола в течение 6 лет по 25.000 пуд. ежегодно, по 5 руб. за пуд и чистого бензола в течение 2 лет по 5 руб. за пуд на потребность ГАУ Общество просило предоставить ему аванс в счёт заказа на 3–3, 5 млн. руб. Однако, вопрос о выдаче такого аванса сразу вызвал протест у представителей Госу-

³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/3. Д. 35. Журнал заседания подготовительной комиссии при Особом совещании 17 августа 1915 г. № 17. Л. 42 об. — 45, 55 об. — 57.

⁴ Там же. Д. 16. Л. 87–88.

⁵ Там же. Л. 97 и об., 100.

дарственного Совета, Гос. Думы и Гос. Контроля в Особом Совещании по формальной стороне этого дела: Новороссийское Общество обещало окончить постройку завода через год, в сентябре 1916 г. Такое условие находила невыгодным для казны и Комиссия по заготовке взрывчатых веществ во главе с генерал-майором Ипатьевым, как по сроку готовности завода, так и по размеру аванса. Условия Комиссии по заготовке взрывчатых веществ ставились: постройка завода не позже 10 месяцев, а выдаваемый аванс не более 1, 5 млн. руб. Эти условия были уже результатом контрактов с предшествующими поставщиками. Однако, потребность в толуоле и бензоле была так велика, что ПКАВ предлагала для Новороссийского Общества заключить контракт для получения недостающих 1, 5 млн. руб. аванса на поставку креозотового масла для пропитки шпал и угольных брикетов по заказам Морского министерства и Министерства Путей Сообщения. Вопрос с субсидированием повис в инстанциях и в декабре 1915 г. Новороссийское Общество «отказалось принять на себя постройку завода».⁶ Сколько времени тратилось и терялось на несогласии ведомств с частными производителями, на которых, несомненно, оказывалось давление и фактически казённый шантаж! Эти примеры можно было бы привести десятками! Весьма показательным в этой крупнейшей истории начала огромного дела, что даже Комиссия по заготовке взрывчатых веществ Ипатьева, сама, собственно, государственная, вынуждена была держать сторону частных производителей, а не требования ведомств и по срокам пуска заводов и по ценам.

До какой степени надо было бороться и преодолевать сопротивление министра финансов, можно убедиться на другом примере. Письмом в ПКАВ 25 декабря 1915 г. ГАУ полагало предоставить О-ву Брянских каменноугольных копей и рудников поставку 84.000 пудов сырого бензола по 4 руб. за пуд и 112.000 пуд. сырого толуола по 5 руб. 50 коп. за пуд, со сдачей с 1 сентября 1916 г. Срок контракта — 10 лет. Общество обязалось «немедленно по подписании договора приступить к расширению бензольного завода, а также к постройке 60 коксовых печей». ГАУ в этом случае готово было пойти на такой контракт. Однако, ПКАВ считала вопрос вне её компетенции, так как «испрашиваемый аванс в размере 600.000 руб. так же превышает в несколько раз стоимость годовой поставки».⁷ Итак, поставка только в течение года и только этого срока, но не менее важно, что и кредиты давались тоже в размере годовом. А такие суммы были очень часто крайне недостаточны. Получить же средства в частном банке можно было под гарантию государственного заказа, но размер кредита зависел и от условий заключённого контракта

---

⁶ Там же. Д. 20. Л. 19а, 128–131об.

⁷ Там же. Л. 134 и об.

и от процентов погашения перед частным банком, а процент этот был весьма значителен. И, как тогда часто писали промышленники, «частный кредит затруднён». И по срокам платежей и по условиям платежа, т. е. залогу имущества предприятия.

Оценить сложности, которые никак не могут сегодня придти в голову, не зная той конкретной и специфической обстановки, нам могут помочь такие теперь известные факты. В. Н. Ипатьев и Л. Ф. Фокин в своём обобщающем труде «Химический Комитет при Главном Артиллерийском Управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности» писали: «... Такое быстрое развитие деятельности вновь сформированной Комиссии объясняется тем, что её ядро (Ипатьев, Фокин, Шуман и Филиппов) ... по приезде в Петроград и до формирования Комиссии по заготовке взрывчатых веществ, не стало выжидать организации новой комиссии и утверждения инструкции её деятельности, а приступило на свой страх и риск к выполнению программы строительства бензоловых заводов, которая была намечена ею в составленных отчётах о командировке [от 19 декабря 1914 г. «Отчёт Комиссии, командированной в Донецкий каменноугольный бассейн по вопросу о расширении выработки бензола и толуола в России»]. Нужно отметить, что в этом деле нам пришлось столкнуться с большой осторожностью и недоверчивостью представителей коксовой промышленности. Весьма сложные юридические отношения, существовавшие между владельцами рудников, владельцами коксовых печей и строениями и временными владельцами сооружений для улавливания побочных продуктов коксования, большая часть которых была создана иностранными фирмами, в том числе и германскими, представляли для нас большие затруднения. С одной стороны, фирмы не решались нарушить права германских концессионеров, которые впоследствии могли бы возбудить иск о нарушении их интересов, с другой стороны, не будучи уверены в возможности развития в России тех отраслей химической промышленности, которые могут явиться потребителями бензола, толуола, нафталина и др. ароматических углеводородов, фирм боялись перепроизводства этих продуктов и сильного падения цен, если грандиозные планы правительства будут приведен в исполнение. В этот период удалось при таких обстоятельствах достигнуть добровольного соглашения лишь с одним заводом, принадлежащим бельгийской фирме «Оливье Пьетт» в Макеевке, который после долгих переговоров взялся соорудить у себя установку для улавливания сырого бензола и построить ректификационный завод для фракционировки и ректификации ароматических углеводородов, не только получаемых у него на заводе, но и тех. Которые ему будут доставляться Артиллерийским Ведомством с других заводов. В течение января месяца Комиссия выработала проект договоров

фирмы «Оливье Пьетт» с Артиллерийским Управлением, на поставку бензола и толуола, начиная с июня 1915 года, на очень выгодных для казны условиях, и на ректификацию сырого бензола по 50 коп. за пуд вместо 9 рублей, которые казна платила Тентелевскому химическому заводу в Петрограде. Уже с февраля месяца, ранее утверждённого контракта Военным Советом и получения аванса, «Пьетт» приступил к работе по постройке завода и повёл столь успешно дело, что в конце июля и в начале августа стал сдавать бензол и толуол в казну». ⁸ Таким образом, пионер в этом деле обозначился, а ведь фирма «Оливье Пьетт» к тому же была и солидной среди однородных коксовых производителей, а значит, подавала пример за ней следующим частным производителям. История с Южно-Днепровским Обществом в Кадиевке (близ станции «Алмазная»), другим гигантом на Юге России не менее показательна. Этому обществу Комиссия также предложила контракт на поставку бензола и толуола. «Сначала представители Южно-Днепровского Общества на заседании в Харькове изъявили своё согласие на постройку своими средствами бензолового завода, но при Кадиевских коксовых печах... Но на заседании Правления в Петрограде в начале января, вследствие боязни взять на себя решение такого вопроса в виду контракта заключённого с немецкой фирмой “Копперс”, которой были предоставлены права десятилетнего пользования извлечением газов из коксовых печей всех побочных продуктов, Южно-Днепровское Общество отказалось от постройки бензолового завода, но предложило безвозмездно уступить казне на три года участок земли на тот случай, если бы Артиллерийское Ведомство решилось всё-таки построить завод». ⁹ И это несмотря на то, что шла война с Германией и, казалось бы, любая предупредительность, даже юридическая в это время должна была быть отброшена и забыта, хотя бы на время войны. Но не тут-то было. «Принимая во внимание, что Кадиевские коксовые печи могли давать до 200.000 пудов сырого бензола в год, Комиссия предприняла самые энергичные меры, чтобы убедить военное ведомство немедленно приступить к постройке казённого бензолового завода в Кадиевке.

Главное затруднение заключалось в преодолении юрис-консульской части канцелярии Военного Министерства, которая указывала на недопустимость отношений, которые возникнут по окончании войны между казной и немецкой фирмой «Копперса», и на большие расходы, которые придётся понести казне, вследствие предъявления «Копперсом» поне-

---

⁸ *Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф.* Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Ч. I. Составлена академиком В. Н. Ипатьевым. Пг., 1921. С. 16–17.

⁹ Там же. С. 17–18.

сённых им убытков. Громадной энергии стоило председателю Комиссии [т. е. Ипатьеву] доказать помощнику юрисконсульта Военного Министерства полную несостоятельность возражений, которые он высказал, совершенно, может быть, правильных в мирное время, но совершенно недопустимых во время войны и при полной неизвестности, что ожидает нашу страну после окончания военных действий и заключения мира». ¹⁰ В конце февраля 1915 г. военное ведомство наконец утвердило план постройки этого первого казённого бензолного завода. Постройка завода должна была закончиться в октябре того же 1915 г. Правление Южно-Днепровского общества и администрация Кадиевских коксовых печей оказывали «разнообразную помощь» в этом строительстве, «постройка завода шла замечательно успешно, “по американски”, как назвал её директор Кадиевского завода И. А. Крыжановский и бензольный завод был готов к 20 августа 1915 года, т. е. на 1 ½ месяца ранее назначенного срока, а первая капля бензола была уже получена в первых числах сентября.

Со дня пуска в ход он работал без перерыва более чем год и не только окупил все издержки по его сооружению, но давал сырой бензол по такой низкой цене, которая могла только сравниться с мирными ценами на этот продукт на германских бензольных заводах». ¹¹

Где же вообще было тогда военное министерство и ГАУ, если председателю Комиссии приходилось воевать с представителем самого этого ведомства и убеждать его в том, что пришло время воевать, а не церемониться со злейшим врагом и противником? Так начиналось большое и исключительно важное дело, от которого и зависело многое в дальнейшем развитии национальной самостоятельности и творчества и промышленной эмансипации России. Но это было только начало. «Но главное значение постройки казённого бензольного завода заключалось в том, что оно пробило брешь в инертности частных каменноугольных промышленников, которые убедились в решимости Военного ведомства организовать у нас в широком масштабе отечественное производство бензола и толуола, необходимых стране не только в военное, но и в мирное время. Ещё во время успешной постройки Кадиевского и Макеевского казённых заводов стали поступать предложения частных предпринимателей, которые сделали серьёзные предложения относительно поставки Военному ведомству бензола и толуола. Для чего предлагали построить заводы с выдачей им некоторого аванса... с конца 1915 года было приступлено к постройке около 20 бензольных заводов не только в Донецком бассейне. Но и в Сибири, в богатейшем Кузнец-

---

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ Там же С. 18–19.

ком районе, которому принадлежит громадная будущность и который может сравниться с богатством и качеству залегающих в нём углей только с Вестфальскими копиями».¹²

О другом решении Ипатьевым сообщается: «Из других взрывчатых веществ следует отметить здесь приготовление пикриновой кислоты, добываемой из бензола посредством его хлорирования, нитрации и обмыливания в динитрофеноле и затем окончательным нитрованием последнего в тринитрофеноле. Этот метод приготовления пикриновой кислоты нигде в России до сих пор не применявшийся, был предложен для осуществления на двух заводах: на Электроне в Славянске и у Любимова и Сольвей, ст. Переездная. Уже в июле [1915 г.] была получена первая тысяча пудов пикриновой кислоты на указанных заводах, и её производство стало быстро развиваться, в особенности на заводе Любимов и Сольвей... Необходимо отметить, что эти заказы на несколько миллионов рублей были даны с одобрения Комиссии по заготовке взрывчатых веществ и после только одних переговоров председателя Комиссии с директорами заводов без всякого заключения контракта и без установления вперёд цены на заготавливаемый продукт; было только указано наперёд, что особая Комиссия с представителем от Государственного Контроля будет определять стоимость продукта данному заводу, и правление получит сверх этой цены 10% дохода. Сколько было бы потрачено времени, и на сколько стоил бы каждый заказываемый продукт дороже, если бы к оборудованию завода и его производству было бы приступлено после заключения контракта с ГАУ. Но, конечно, такой успех переговоров с заводоуправлением и немедленный приступ к установке оборудования для изготовления необходимых взрывчатых веществ даже на тех заводах, которые никогда не занимались ими, может быть объяснён отчасти особым патриотизмом, который был проявлен некоторыми заводчиками и, с другой стороны, полным доверием к той организации, которая была поставлена во главе дела заготовки взрывчатых веществ... В особенности было проявлено особое доверие Комиссии и высокое патриотическое чувство к родине в тот тяжёлый переживаемый ею момент со стороны директоров правления заводов Любимов и Сольвей В. В. Орлова и С. Б. Тейлица, которые, не преследуя никаких в данном случае коммерческих расчётов, всю свою энергию направили на установку на заводе нового метода получения пикриновой кислоты, несмотря на то, что завод никогда не занимался ограниченными синтезами и не имел в виду и в мирное время заниматься технологией органических соединений».¹³

---

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 23.

В работе Ипатьева и Фокина особо упоминаются и выделяются ещё следующие производители:

- Фабрика Байер и Ко в Москве, красочная (нитрация ксилолов)
- Общество Донецких Стекольно-Химических продуктов в Константиновке (аммиачная селитра)
- Завод Кроттэ в Петрограде (тринитроксилол)
- Штеровский динамитный завод на Юге (тринитроксилол)
- Завод Электрон в Славянске (пикриновая кислота)
- Завод Любимов и Сольвэ. ст. Переездная (пикриновая кислота)
- Трёхгорный пивоваренный завод в Москве (динитронафталин)
- Завод Штервельмана на юге в Екатеринославской губернии (динитронафталин)
- Гутуевский казённый спиртоочистительный заводами (перегонка очищенного бензола)
- Общество Майкопских нефтеперегонных заводов в Екатеринодаре (мононитротолуол)
- Русский Грозненский стандарт в Грозном (добыча толуола из лигроина)
- Завод в Баку Бакинского военно-промышленного комитета (получение толуола и бензола путём пирогазификации нефти)
- Фирма Бр. Нобель в Баку (пирогазификация нефти)

Во второй половине февраля 1915 г. в Петроград прибыли 7 французских инженеров-химиков. «Приезд французских инженеров-химиков был очень полезен, так как давал возможность ознакомиться с тем, как справились с вопросом изготовления взрывчатых веществ во Франции, где химическая промышленность до войны не стояла на надлежащей высоте и где, так же как у нас, не было сырых материалов».¹⁴ В частности назывались пороховой инженер Тофа Нель, пороховой инженер Гровье и Иосиф Фроссар «самый талантливый», «служивший ранее на красильных русских заводах» и «до войны пользовался уже известностью в Москве в красильном деле и служил на заводах, принадлежащих Н. А. Второву».¹⁵

Заметную роль взяла на себя Москва. В декабре 1915 г. в обзоре деятельности химического отдела Московского военно-промышленного комитета сообщалось: «... Из мануфактурных фабрик изъявили желание вырабатывать пироксилин “Т-во Куваевской мануфактуры” и Т-во ман-р Александры Каретниковой»; далее специальные заводы предполагают организовать «Торг. Дом И. Н. Филиппов» и «А. М. Челновов». Касательно последнего был обсу́жён вопрос [в заседании Химического от-

---

¹⁴ Там же. С. 20.

¹⁵ Там же.

дела 4 августа] о финансировании его и решено выдать ему 25.000 руб. на организацию заводов пироксилина, при условии предоставления сметы производства. Постановление утверждено было секцией и направлено в бюро комитета с просьбой рассмотреть финансовую сторону дела. Наряду с серно-кислотной комиссией при Химической секции работала хлорная комиссия с участием специалистов химиков и электротехника, ознакомившихся с производством хлора на заводах в Славянске, у «Т-ва Любимов, Сольвэ и Ко». Комиссия эта имела ряд заседаний, в которых специалисты ознакомили членов её с положением вопроса о возможности организовать завод жидкого хлора внутри России.

Далее обсуждались вопросы о деталях этой организации на фабрике Т-ва Орехово-Зуевской ман-ры — «Саввы Морозова» в Нижнем Новгороде, а также на заводе «Т-ва Е. Строттер».

Условия в которых находится «Т-во Саввы Морозова» казалось благоприятствовали бы созданию завода хлора, однако, некоторые другие причины заставили правление мануфактуры отказаться от желания организовать это дело. Также условия оказались мало удобными и в Нижнем Новгороде.

Наряду с этими делами инженеры и химики хлорной комиссии работают по организации завода хлора для Торг. Дома И. Н. Филиппов, но это дело ещё находится в стадии первоначальной разработки, однако, имеет все шансы на реальной осуществление».¹⁶ При химической секции Московского ВПК летом 1915 г. была создана пироксилиновая комиссия. Интересен её состав. «Пироксилиновая комиссия была образована постановлением химической секции 4 августа и после возвращения с казённых заводов командированных туда инструкторов приступила к работе. С 27 августа по 30 сентября комиссия имела четыре заседания под председательством Н. Н. Вознесенского.

В работах Комиссии принимали участие следующие лица:

- П. А. Альтгаузен, представитель фирмы А. М. Челнова;
- П. И. Браун, представитель Тов-ва Э. Циндель;
- В. П. Воинов, секретарь Комиссии; Н. И. Венков, инженер-инструктор Комиссии; А. Э. Гиршовский, инженер секции; В. К. Зефилов, помощник секретаря
- В. С. Игнатов, представитель Никольской ман-ры Саввы Морозова;
- А. А. Кальянов представитель Покровской ман-ры П. Н. Грязнова;
- М. И. Карякин, член Комиссии;
- А. Л. Керков, член Комиссии, представитель ман-ры Э. Циндель;

---

¹⁶ Известия Московского военно-промышленного комитета. 1915. № 11. Декабрь. С. 11–12.

- профессор А. М. Настюков, член Комиссии; К. Н. Настюков, инженер секции;
- В. В. Савичев, представитель Тов-ва ман-р А. Красильщиковой;
- И. А. Никитин, эксперт по размельчанию клетчатки;
- Н. Н. Пастухов, представитель Тов-ва ман-р А. Каретниковой;
- Н. И. Плановский, представитель Тов-ва Небурчилова в Шуе;
- П. И. Розенштиль, представитель Богородско-Глуховской ман-ры;
- В. М. Родионов, представитель фирмы А. М. Челнова;
- К. М. Чиликин, член Комиссии, представитель Тов-ва Прохоровской Трёхгорной ман-ры;
- И. Н. Филиппов, представитель Торгового Дома Филиппова;
- А. К. Филиппов, представитель Торгового Дома Филиппова;
- А. П. Шахно, представитель Томского военно-промышленного комитета; профессор В. В. Шарвин, консультант Комиссии.

Обсуждались вопросы: о возможности введения этого производства на московских мануфактурах, о смете пироксилинового завода на 100 пудов пироксилина в день, анкета о фабриках, пожелавших заняться производством взрывчатых веществ и в частности пироксилина, о голленгольдерах для размола пироксилина». ¹⁷ Мы видим здесь уже большую совместную работу и промышленников, и инженеров, и специалистов химиков.

Однако, никак нельзя сказать, что ГАУ и военное ведомство в целом понимали положение частной промышленности и инициативы. Химический отдел Центрального военно-промышленного комитета (ВПК) констатировал в своём подробном докладе: «Химический Отдел ЦВПК начал работу 8 июня 1915 г. «...были созданы три Подкомиссии: коксовальная, нефтяная и кислотная.

...Отдел обследовал и разработал этот вопрос всесторонне, как с технической стороны, так и со стороны стоимости новых сооружений в данное время, причём выяснилась не только возможность выполнения перестройки всех печей Юга России на рекуперацию в желательные для Военного Ведомства сроки, но и выгодность этого дела с экономической стороны.

Вопрос был сдвинут с мёртвой точки и дело перестройки коксовых печей на рекуперационные с утилизацией побочных продуктов заинтересовало уже широкие промышленные круги.

...Коксовальная комиссия выяснила, что для выполнения поставленной задачи необходимо перестроить все имеющиеся в Донском бассейне простые коксовальные печи на рекуперационные с улавливанием

---

¹⁷ Известия Московского военно-промышленного комитета. 1915. № 4–5. Октябрь. С. 10–11.

побочных продуктов и снабдить имеющиеся уже рекуперативные печи бензоловыми фабриками.

Этот большой вопрос встретил настолько значительные затруднения в своём проведении в жизнь, что работа Военного Ведомства, направленная к тому, чтобы привлечь к перестройке печей представителей угле-промышленных предприятий, — не встречала никакого отклика.

Военное Ведомство не желало идти навстречу промышленности широкой финансовой поддержкой, а представители промышленных предприятий считали годичный срок переоборудования крайне недостаточным, высказывая соображения о невозможности получить на рынке нужное количество огнеупорного кирпича и других строительных материалов [подчёркнуто мною, *Орлов А. В.*].¹⁸ Между прочим, «Отдел обследовал и разработал этот вопрос всесторонне, как с технической стороны, так и со стороны стоимости новых сооружений в данное время, причём выяснилась не только возможность выполнения перестройки всех печей Юга России на рекуперацию в желательные для Военного Ведомства сроки, но и выгодность этого дела с экономической стороны... По делу постройки коксовых печей Отделу не удалось осуществить за истёкший период всю намеченную программу, но всё же из числа 1.600 печей, которые нужно было перестроить в Донецком бассейне, в настоящее время заявлено к постройке свыше 1.000 печей на Юге России и 100 печей в Кузнецком бассейне, а из 340 печей с рекуперацией, не имевших бензолных заводов, строятся таковые при 240 печах, что даст увеличение производства сырого бензола на 75.000 пуд. в месяц.

Не ограничиваясь областью получения ароматических углеводородов при коксовании угля, Отдел разработал также вопрос о получении толуола и бензола из нефти и её дериватов, так как из перестройки всех печей Юга России сырых материалов для взрывчатых веществ всё же было недостаточно для ведения современной войны, да и самое задание военного ведомства Отдел считал слишком скромным. Предположения Отдела в дальнейшем подтвердились, так как артиллерийское ведомство увеличило программу в августе месяце до нормы, которую Отдел раньше вычислил чисто теоретически... [подчёркнуто мною, *Орлов А. В.*]. Постройка заводов для переработки нефти в ароматические углеводороды представляла не меньшие трудности. Дело это в значительной мере новое имело лишь очень ограниченный опыт на Кинешемском заводе и то, скорее, печальный. Завод этот проработав короткое время, прекратил своё существование из-за невыгодности производства в нормальных условиях промышленной жизни.

¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. О. 87/5. Д. 29. Л. 28–29.

Нужен был толчок и пример, чтобы крупные фирмы взялись за организацию этого дела. С опытной стороны отдел тщательно проверил вопрос и, разработав проект завода, поставил его в практическое разрешение, возбудив ходатайство об отпуске средств от казны для постройки завода Бакинскому военно-промышленному комитету.

Из области гаданий и подсчётов вопрос также перешёл в промышленное осуществление, и ряд крупных фирм изъявил желание построить подобные заводы для нужд военного ведомства.

По производству толуола и бензола из нефти Отдел считает в настоящее время вопрос более разрешённым, так как уже заявлено к постройке и частично уже строятся 7 заводов в различных местах России, что даст военному ведомству до 60.000 пуд. сырого бензола в месяц».¹⁹

Сказанные здесь ещё вскользь препятствия были далеко не исчерпывающими. Только если не знать политики старой России в отношении промышленности, можно удивляться или не доверять парадоксам этой же политики в условиях не мирного, а как раз военного времени. Одним из таких парадоксов была разрешительная система учреждения новых акционерных обществ со стороны ведомства, казалось бы не связанного функционально с вопросами промышленного и торгового развития. Министерство внутренних дел ревностно и неуклонно в соответствии с законодательством страны следило за тем, чтобы ограничения в отношении еврейского участия в промышленном предпринимательстве сохраняли свою силу. Это обстоятельство неимоверно усложняло любую попытку скорого решения в деле нового учредительства; каждый устав нового общества проходил как минимум двойное одобрение, со стороны МВД и министерства торговли и промышленности (МТиП), а в особых случаях ещё и рассматривался коллективно на заседания Совета министров с участием других министерств, в том числе и министра юстиции. Иначе не объяснить подобные, к примеру, сообщения, помещаемые в прессе. «2-го февраля [1915 г.] министр торговли и промышленности С. И. Тимашев принял у себя на квартире киевских профессоров — С. Н. Реформаторского и П. В. Егорова, приехавших в Петроград хлопотать об утверждении устава организуемого ими «Русского акционерного химического общества».

Это общество будет выделять различного рода медикаменты и красящие вещества, до сих пор производившиеся почти исключительно в Германии.

Основной капитал общества — 500 тысяч рублей, разделённых на акции по 250 рублей каждая, причём впоследствии капитал этот может быть доведён до 1 миллиона рублей.

---

¹⁹ Там же.

Устав общества допускает в члены правления, в директоры-распорядители и пр., всех членов общества, независимо от их вероисповедания и национальности. Другой особенностью устава является то, что во избежание захвата вновь создающегося общества немцами правление перед общим собранием имеет право требовать у держателей акций на предъявителя документов, устанавливающих их подданство.

В общество пожелал вступить целый ряд киевских капиталистов и Южно-русское общество торговли аптекарскими товарами.

С. И. Тимашев заявил профессорам, что примет все меры к тому, чтобы провести устав возможно в непродолжительном времени. Обычно утверждение устава длится 6–9 месяцев, но С. И. Тимашев обещал, что к 1-му марта устав общества будет уже утверждён.

При последовавшем затем обмене С. И. Тимашев заявил профессорам, что правительство примет все меры к тому, чтобы отечественная промышленность могла успешно развиваться, хотя бы продукты её и обходились потребителям несколько дороже, чем прежде обходились немецкие товары. Министр заявил, что в целях развития русской химической промышленности на ввозимые к нам из-за границы химические товары будут установлены высокие ввозные пошлины, близкие к запретительным.

Далее разговор коснулся проектируемого уставом нового общества допущения евреев в члены правления, директоры и проч.

Решение этого вопроса, по заявлению С. И. Тимашева, зависит исключительно от Совета Министров, но, во всяком случае, министр надеется, что для данного общества в этом отношении будет сделано исключение. «Если будут ограничения, то самые минимальные», — сказал С. И. Тимашев.²⁰ Итак, «6–9 месяцев» для получения по крайней мере официального права на открытие промышленного заведения! За такое время и война могла бы подоспеть к концу. При надо иметь ввиду, что не на МВД или минобл, а как раз на министерство торговли и промышленности сыпались впоследствии упреки (правда, не от самих же промышленников), что благодаря его будто бы бездействию и пассивности или некомпетентности были упущены многие шансы для развития промышленности и содействия в вопросах ускоренного решения самых необходимых из них. Но именно МТиП неоднократно и в это время и задолго до того, ещё до войны ходатайствовало о снятии ограничения для участия евреев или хотя бы пересмотре законодательства в сторону смягчения. Изменения, например, законодательного ограничения лиц иудейского вероисповедания в торгово-промышленных предприятиях в составе правлений не более чем в 1/3 общего числа директоров.

---

²⁰ Биржевые ведомости. 1915. 3 (16) февраля. С. 4 (С. И. Тимашев о русской химической промышленности).

Но если в области производства полуфабрикатов и взрывчатых веществ частной промышленности отводилась роль подсобной и дополнительной к казённым заводам, то были такие отрасли, которые всецело оставались прерогативой и преимуществом только частной индустрии. К таковым относились: нефтехимия, лако-красочная, резинотехническая, фармацевтическая, смазочных материалов, мыловаренная и прочая. К примеру получаемый из сгорания угольного кокса бензол целиком поступал от частной угледобывающей промышленности, казна не располагала собственными угольными предприятиями ни до, ни во время войны. Но работа частной промышленности не могла строиться на условиях и принципах казённой. Мы должны исходить из учёта этого обстоятельства не в теории и отвлечённо, так сказать, а именно из того времени и той практики 1914–1917 гг. Ни правительство в целом, ни отдельные ведомства ни в коем случае не забывали, а, напротив, подчёркивали разницу между казённым и частным производителем. Это касалось всех сторон промышленной деятельности: организации, управления, финансирования, ценообразования и даже идеологии.

Если говорить о проблемах, которые так и остались неназванными во всей их ясности и необходимости для выяснения, то возьмём такие примеры. В своей известном труде «Работа химической промышленности на оборону во время войны» В. Н. Ипатьев отмечает следующие факты:

- первоначальный «отказ Южно-Днепровского общества взять на себя поставку толуола», «несмотря на целый ряд доводов, приводимых Комиссией, с целью показать на всю выгоду такого строительства не только для военного времени, но и для мирного», в результате чего пришлось приступить к постройке казённого бензолового завода при коксовых печах, там же в Кадиевке.²¹ Ипатьев не объясняет очень важное, почему частное общество, крупнейшее на всём Юге России, всё-таки отказывалось дать своё согласие.

- «нерациональным распределением Особым совещанием по топливу каменного угля по коксовым печам. В действительности выходило так, что старые печи без улавливания побочных продуктов получали коксовые угли и работали полностью, а печи новые, имеющие все приспособления для улавливания всех драгоценных продуктов коксования, принуждены были месяцами стоять без всякой работы. Несмотря на постоянные вполне мотивированные ходатайства ходатайства Химического Комитета и перед Осотопом и перед Особым Совещанием по обороне, постановления этих совещаний оставались

---

²¹ *Ипатьев В. Н.* Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920. С. 7.

без исполнения, и столь нужные для обороны продукты улетали в трубу без всякой пользы».²²

- «невыгоды постройки нефтяных бензоловых заводов» для частной промышленности в сравнении с каменноугольными бензоловыми заводами, так как цена бензола и толуола, получаемого из нефти, оказывалась значительно дороже, чем получение этих продуктов из каменноугольной смолы.²³ Это означало, что такие нефтяные заводы могли бы действовать только при заказах военного ведомства (по льготным ценам казённого заказчика) и на время только войны, поскольку в послевоенное время ведомство не соглашалось оплачивать продукты по цене военного времени, да и сама нужда в таких заводах становилась под вопрос. В таком случае все убытки по содержанию и обслуживанию таких производств должны были бы нести сами частные производители, что было бы мягко говоря рискованно.

Главный по снабжению армии комитет Всероссийского Земского и Городского союзов сообщал в своём московском отчёте: «Химический отдел ведаёт организацию и эксплуатацию химических производств и разрешение вопросов химико-технологического характера. Отдел состоит из следующих секций:

1. Химическая секция — для рассмотрения вопросов химико-технологического характера, как возникающих в связи с деятельностью Главного Комитета, так и поступающих от местных комитетов.

2. Рудная секция, имеющая задачей обследование рудных месторождений и розыскание ископаемых, полезных для нужд снабжения армии. При секции находится редакция «Рудного вестника», издаваемого Главным комитетом.

3. Кожевенная секция, ведающая круг технических вопросов, связанных с делом снабжения предприятий, работающих на армию, кожаным товаром.

4. Противогазная секция, вырабатывающая способы защиты от удушливых газов и организующая отряды инструкторов по массовой борьбе с газами на фронте.

5. Секция активной газовой борьбы, в задачи которой входит разработка методов получения удушливых газов и применения их на фронте.

6. Секция по испытанию материалов военного снабжения.

Кроме того, при отделе состоят: 1) физико-химическая лаборатория для исследования и разрешения вопросов, связанных с газовой борьбой, и 2) музей противогазовых средств.

---

²² Там же. С. 10.

²³ Там же. С. 11.

В ведении Химического отдела в настоящее время [на 1 февраля 1916 г.] находятся: а) кожевенный завод под Москвой; б) строящийся при станции «Растяпино» завод серной и азотной кислот и с) бензолный завод в Москве. Сверх того, Отдел занят разработкой проекта устройства собственных аффинерного и медно-прокатного заводов».²⁴ В другом отчёте ВЗиГС поясняется: «Противогазная секция и секция активной газовой борьбы. После первых случаев применения немцами удушливых газов при Всероссийском Союзе Городов в июне 1915 года образовалась Комиссия по разработке мер борьбы с газами. Деятельность секции проявилась в образовании Особых Комиссий — Химической, Физико-Механической и Медицинской, которые и начали работу каждая в своей области.

Деятельность Секции состоит в подготовке и организации отрядов инструкторов-химиков для обучения войск газовому делу. Всего в настоящее время на службе Секций имеется 18 инструкторов, которые были в 35 командировках на фронте.²⁵ ВЗиГС учредил при Химическом отделе: Музей газовой борьбы; физико-химическую лабораторию в Москве; завод серной и азотной кислот в окрестностях Нижнего Новгорода; бензолный завод при Московском городском газовом заводе; медно-рафинированный завод; спроектировал завод для производства краски «хаки» по способу профессора А. М. Настюкова.²⁶

Для меня совершенно очевидно, что и в химической отрасли повторялась та же история в отношении частных производителей: отказываясь или не проявляя энтузиазма в отношении предложений химического комитета, они мотивировали отказы невыгодой и очевидными убытками для себя в новых производствах по целому ряду мотивов: 1. Сроки строительства 2. Низкая цена контракта 3. Отсутствие гарантий со стороны военного ведомства и минфина на продолжение контрактов в условиях послевоенного времени. 4. Потребность в данных продуктах преимущественно для казны и невозможность оценить послевоенную рыночную конъюнктуру в отношении новых производств. Но главное, казна хотела и дешёво и быстро и даже без учёта затрат военного времени на строительство и оборудование таких заводов. Точнее говоря, минимального и явно недостаточного учёта всех рисков, какие складывались для частного производителя в условиях постоянного роста цен и на материалы (не только строительные), и на топливо, и на перевозки, и на рабочую силу.

---

²⁴ Всероссийские Земский и Городской союзы. Главный по снабжению армии комитет. Очерк деятельности 10 июля 1915 г. — 1 февраля 1916 г. М. 1916. С. 9–10.

²⁵ Всероссийский Земский и городской союзы по снабжению армии. Химический отдел. М., 1916. С. 2–3.

²⁶ Там же. С. 4–9.

ГАУ и во время войны и после многие упрекали в преступной медлительности и даже саботаже в отношении предложений от частных производителей или групп общественных в деле передачи казённых военных заказов к исполнению в России. В чём же были причины такого промедления? Надо бы ответить, наконец, на такой вопрос.

Соображений ГАУ было, по крайней мере, ... много.

Во-первых, там были уверены, что чудес не бывает и рассчитывать на отечественные заводы, которых ещё даже нет, слишком поздно и невозможно как рискованно.

Во-вторых, в течение 1915 года подписывались всё новые и новые контракты в США с заводами Америки, а США как известно не воевали, а значит были свободны от необходимости обеспечивать собственную армию и флот. Американский рынок и промышленность были открыты для России.

В-третьих, в ГАУ отдавали отчёт в том, что новые заказы в России для казённых заводов совершенно обременительны, а частные заводы, имеющие опыт и специализацию, уже давно перегружены. Строительство ещё новых заводов потребует не только времени, но и сложнейших затрат, например, импортного оборудования их, которое в России получить на собственных заводах невозможно.

В-четвёртых, срочность и сроки. ГАУ не могло ждать плюс-минус год или два. А промышленность в России переживала не только дефицит средств и финансирования, но и не могла быть «развёрнута» сверх собственных возможностей. Рассчитывать на её успехи, не делая очень больших и срочных заказов за границей было бы сущей авантюрой.

Вот широко известные доводы ГАУ, сложившиеся ещё задолго перед войной не в пользу решения в направлении отечественной промышленности: 1. Частная промышленность в России не склонна идти на инициативу без завышенной выгоды. 2. Русские предприниматели чаще всего и в России те же иностранцы. 3. Русские «заводчики» косны и на риски больших затрат не пойдут не имея гарантий от казны и «на счёт казны», а казна такие гарантии им не даст. Иное дело заказы за границей. 4. Русская промышленность сплошь и рядом зависит от тех же промышленников и технологий западных компаний. 5. Оборудование для русских предприятий получается из-за границы в подавляющем большинстве случаев, а на оборудование новых заводов в России уйдёт время не меньше, чем и на возведение самих заводов.

Химическая промышленность не была исключением из этих условий и реальности. Для ГАУ не было никаких оснований быть оптимистом того, что не имелось, а должно было появиться как чудо.

То, что приходилось страшно «переплачивать» размещая заграничные заказы было совершенно понятно, естественно и необходимо. Ведь,

никто не мог сказать и назвать цену войны в этом широком смысле. Но ведь заказы из Америки выполнялись, хотя и с опозданием, но, кстати, не во всех отраслях с одинаково большим и очевидным опозданием. Как раз к химической промышленности это опоздание было менее других приложимо.

Наконец, военная конъюнктура. Несмотря на большие потери, которые Россия несла в этой войне, положение фронта и союзников внушало некоторый оптимизм и, главное, ожидание, что Германия не выдержит войны на истощение. В ожидании получения зарубежных заказов, ГАУ могло строить расчёты, если учитывать, что боевые действия широких операций требовали подготовки целый ряд месяцев, а пассивный фронт не требовал большого расхода боеприпасов. Следовательно время было. Конечно, такой взгляд не мог быть и для ГАУ руководством к пассивности или неделанию всего возможного, но нельзя отрицать, что фактор военной политики давал основания говорить, что Россия выдержит эту войну и время работает на победу, а сделанные заказы будут продолжать поступать из-за границы. В этом смысле ГАУ и не могло прыгнуть «выше собственной головы». И даже понятно, что самого ГАУ для такого положения и борьбы было, конечно, мало. Так возникло хотя бы Особое совещание по обороне государства.

Министерство торговли и промышленности (МТиП) было как раз тем министерством, которое более других отстаивало принцип покровительства отечественной промышленности. В этом была разница МТиП от министерства финансов, которое со времён С. Ю. Витте проповедовало принцип насаждения промышленности в России при самом активном участии иностранного капитала. Но во время войны, понятно, невозможно было рассчитывать на благоприятные условия и ожидания прилива иностранных инвестиций из союзных Англии и Франции. Роль самого МТиП была несоизмерима скромнее министерства финансов в деле практического решения промышленного развития.

В статье И. В. Лазара «Химико-технологические аспекты снарядного голода русской армии в годы первой мировой войны» (СПб ИИЕТ) автор замечает, что перед войной строительством коксовых заводов в России занимались шесть иностранных фирм, из которых три были германские («Генрих Копперс», «Дюссельдорф» и «Коллин»), две бельгийские («Эванс Коппе» и «Оливье Пьетт») и одна французская («Карбонизация») и эти же фирмы имели исключительное право на постройку при печах бензольных заводов).²⁷ В Ревеле и Петербурге дей-

---

²⁷ Лазар И. В. Химико-технологические аспекты снарядного голода русской армии в годы первой мировой войны // Известия российского государственного педагогиче-

ствовали частные бензольно-перегонные заводы, которые перерабатывали из-за границы получаемый загрязнённый бензол в очищенный бензол и толуол, и поставляли его ГАУ. И. В. Лазар отмечает также то, что «история преодоления кризиса производства ВВ связана исключительно с деятельностью организаций, руководимых генерал-майором В. Н. Ипатьевым. Можно даже сказать, одной организации».²⁸ И. В. Лазар констатирует, что «дороговизна иностранного оборудования для производства побочных продуктов коксования (поскольку в России печей с рекуперационными установками не производили) увеличивала себестоимость получаемого продукта. А общая неразвитость русской химической, прежде всего красочной, промышленности не позволяла рассчитывать на устойчивый спрос на бензол».²⁹ Говоря о роли Химического комитета, автор заключает: «Заслуга Химического комитета состоит в том, что он сумел объединить представителей правительственных структур, частной промышленности, общественных организаций и науки и, что ещё более важно, организовать их деятельность в соответствии с единым планом развития необходимых в России химических производств. Председателю комитета почти всегда удавалось найти точку пересечения интересов военных и промышленников и стимулировать их на обоюдовыгодное сотрудничество».³⁰ Здесь, несомненно, играл исключительную роль авторитет В. Н. Ипатьева как и научного и организующего всё дело руководителя.

Е. В. Трофимова в работе «Деятельность военного министерства Российской империи по развитию химической промышленности в годы первой мировой войны» отмечает: «Исключительное значение для хода войны имела отечественная химическая промышленность. “Из отраслей гражданской промышленности, получивших особенно важное значение во время войны, на первом месте должна быть поставлена химическая (основная и коксобензольная) промышленность, поставлявшая основные продукты для производства взрывчатых веществ, пороха, кислот, отравляющих веществ и пр.”, — писал исследователь П. И. Лященко. К 1917 г. мощность предприятий этой отрасли значительно превысила довоенный уровень. Ведущую роль в развитии химической промышленности в рассматриваемый период играло Военное министерство Российской империи».³¹ В диссертации (2006 г.) даётся подробная историография

ского университета им. Герцена. 2008. № 74–1. С. 276.

²⁸ Там же. С. 276–277.

²⁹ Там же. С. 275–276.

³⁰ Там же. 277–278.

³¹ *Трофимова Е. В.* Деятельность военного министерства Российской империи по развитию химической промышленности в годы Первой мировой войны. Автореферат

интересующей нас темы. Е. В. Трофимова делает акцент на роли органов военного министерства в деле развития военно-химической промышленности. В частности на работе комиссий А. В. Сапожникова (июль-август 1914 г.) и В. Н. Ипатьева (ноябрь — декабрь 1914 г.). Она в частности сообщает: «Комиссия А. В. Сапожникова пришла к выводу, что строительство коксо-бензольных предприятий в Донбассе должно потребовать полтора года. Военное ведомство сочло этот срок слишком долгим и приняло решение не развивать отечественную промышленность, а ориентироваться на поставки из-за рубежа. Комиссия В. Н. Ипатьева пришла к совершенно противоположным выводам. Она привезла план создания этой отрасли в Донбассе и рассчитала стоимость такого производства. В дальнейшем этот план был осуществлён. Исследование показало, что разница в результатах работы комиссий объясняется присутствием в Комиссии В. Н. Ипатьева специалистов по коксо-бензольному производству и стремлением его участников во чтобы то ни стало наладить производство толуола в Донбассе, так как положение его с обеспечением боеприпасами в армии было катастрофическим».³² Автор выделяет работу следующих комиссий: Комиссия Сапожникова в Донбассе (июль — август 1914 г.), комиссия Ипатьева в Донбассе (ноябрь — декабрь 1914 г.), обе для изыскания ресурсов получения толуола, Комиссия по бензолу (19 ноября 1914 г. — 6 февраля 1915 г.), Комиссия по заготовке взрывчатых веществ при ГАУ (с 6 февраля 1915 г. по 16 апреля 1916 г.), затем причины создания и характер деятельности Химического комитета (образован 16 апреля 1916 г. и только на время войны) под руководством В. Н. Ипатьева и замечает, что «к началу 1916 г. т. е. за полтора года ведения войны, было создано семь учреждений, кроме Комиссии по заготовке взрывчатых веществ при ГАУ, занимавшихся производством химических продуктов для удовлетворения нужд фронта. Но единого органа, который руководил бы всеми этими учреждениями и направлял бы их развитие по единому плану, не существовало. Работа этих организаций часто велась независимо друг от друга и без какой-либо взаимосвязи и обмена опытом. Следовало упорядочить как снабжение различных химических производств необходимыми сырьём и материалами, так и контроль себе стоимости получаемых продуктов...».³³ Несомненной заслугой работы Трофимовой является установление периодизации и выяснение направлений деятельности ГАУ Военного министерства в деле развития химической индустрии в интересах обороны страны.³⁴ Между прочим,

---

диссертации... канд. Ист н. М., 2006.

³² Там же. С. 16–17.

³³ Там же. С. 19.

³⁴ Там же. С. 22–23.

Трофимова выделяет наряду с казёнными заводами взрывчатых веществ, некоторые частные: «В России существовали крупные химические предприятия. Среди них надо отметить Тентелевский химический завод — единственное предприятие в стране, готовившее чистые химические реактивы. Его продукция была удостоена наград на выставках. Березниковский, Донецкий и Славянский содовые заводы составляли синдикат. Гордостью отечественной химической промышленности был Бондюжский завод П. К. Ушкова. Он включал в себя комплекс различных производств. Правда, к началу войны завод был в плачевном состоянии. Большинство же химических заводов России представляли из себя небольшие производства с низкой технической оснащённостью».³⁵

Морачевский А. Г. в своей специальной статье «Военно-химическая промышленность России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» (К 100-летию начала Первой мировой войны) пишет в первую очередь и главным образом о заслугах учёных-химиков и организации государственных органов и научных деятелях Петербурга и Москвы в постановке новых отраслей. Он называет в частности, наряду с В. Н. Ипатьевым Е. И. Шпитальского (Московский университет), петроградских профессоров А. Е. Фаворского, Л. А. Чугаева, «ведущих химиков того времени» академика Н. С. Курнакова, профессоров А. А. Яковкина, Г. В. Хлопина, А. А. Лихачёва, В. Е. Тищенко, А. П. Поспелова, П. П. Федотьева, академика П. И. Вальдена (Московского отделения военно-химического комитета), инженера И. И. Андреева на лабораторной установке в Технологическом институте в Петрограде и на опытной установке в Маккевке (Донбасс).³⁶ Петроградский университет и Петроградский Политехнический институт сыграли в этом деле первостепенную роль. «Выполнение задачи, — пишет А. Г. Морчевский, — осложнялось тем, что было расширено число типов взрывчатых веществ, применялись также их различные смеси. Ввиду недостатка тротила к нему добавляли 40–50% аммиачной селитры, изготовление которой в больших количествах было организовано на одном из предприятий Донбасса».³⁷ Другим примером стало строительство близ Лисичанска хлорного завода под руководством П. П. Федотьева.

Борбачева Л. В., Рощина Л. А. в статье «Роль химической промышленности Донбасса в обеспечении оборонных нужд страны в годы первой мировой войны (191–1917 гг.)» заключают: «Таким образом, ускоренное

---

³⁵ Там же. С. 14.

³⁶ Морачевский А. Г. Военно-химическая промышленность России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) (К 100-летию начала Первой мировой войны) // Общество. Коммуникация. Образование. 2014. № 4. С. 57–59.

³⁷ Там же. С. 57.

строительство химических объектов в Донбассе, масштабное производство военной продукции, постоянный контроль военного министерства над распределением ее только для военных нужд позволили российской власти в определенной мере обеспечивать фронт необходимым вооружением. К концу войны в Донбассе выросла химическая промышленность, производящая самую разнообразную химическую военную продукцию». ³⁸ При этом авторы отмечают, что «Направленная в Донбасс в июле 1914 г. комиссия военного ведомства для выяснения возможностей Донбасса в обеспечении армии химической продукцией дала, как выяснилось позже, неверное заключение об отсутствии такой возможности. Комиссия рекомендовала закупать бензол и толуол в Америке, несмотря на то что американские предприятия не могли обеспечить нужные объемы бензола и толуола и не имели достаточного опыта в его производстве. Накануне войны такое заявление граничило с безответственностью. Полная несостоятельность выбранной военным ведомством стратегии выяснилась очень скоро, и уже в начале войны российская промышленность осталась без бензола, а спустя полгода артиллерия осталась без боеприпасов». ³⁹ Это последнее суждение авторов мне представляется особо важным, в связи с последующим и потерей времени, упущенных возможностях ещё в начале войны. Авторы выделяют некоторые предприятия, такие как: Макеевский завод компании Оливье Пьетто и Кадиевский Южно-Днепропетровского Общества завод, три химических предприятия — завода химических красителей «Русско-краска», завод акционерного товарищества «Коксобензол» и завода взрывчатых веществ «Российского товарищества для производства и продажи пороха» у станции Рубежное. Как видим все эти предприятия являлись частными.

В статье Е. Н. Будрейко «Химия и оборона в Первой мировой войне» пишет: «В процессе деятельности Комиссии по заготовке взрывчатых веществ, Химического комитета и КЕПС сложились основные принципы организации химической промышленности России:

1. Химическая промышленность — одна из основных составляющих обороны страны. «...с введением в боевое снаряжение... бездымных порохов и новых органических взрывчатых веществ, химия начинает играть в боевой технике значительную роль» (В. Н. Ипатьев).

2. Строительство химической промышленности следует проводить, исходя из задач первоочередного развития технологий двойного назна-

---

³⁸ Борбачёва Л. В., Роцина Л. А. Роль химической промышленности Донбасса в обеспечении оборонных нужд страны в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. 2018. № 10 (26). С. 35.

³⁹ Там же. С. 32.

чения. «...каждая страна, готовящаяся к войне, должна иметь мощную мирную промышленность, способную к тому же быстро мобилизоваться для военных целей обороны. Эта промышленность не только должна готовить уже установленные продукты, но и проявлять инициативу, вводить в боевое снаряжение новые сильно действующие вещества...» (В. Н. Ипатьев).

3. Опора на собственные силы. Все химические производства должны базироваться исключительно на местном сырье, «...прочным и устойчивым может считаться лишь то производство, для которого все без исключения сырые материалы могут быть разысканы внутри страны, а само производство обслуживаться русским техническим персоналом» (В. Н. Ипатьев).

4. Для повышения обороноспособности страны помимо дальнейшего развития Донбасского региона необходимо создать еще один крупный промышленный центр в азиатской части России, например в Кузбассе». ⁴⁰

Кроме того, пишет Е. Н. Будрейко, «появление на арене боевых действий удушающих химических веществ поставило международное сообщество перед возможностью ведения масштабной войны с применением химического оружия. Это обусловило необходимость создания нового рода войск — химических, для обеспечения которых потребовалось развитие целых сфер науки и промышленности. В. Н. Ипатьев писал: «Новый способ ведения химической войны требует развития особой химической промышленности... Химическая война — новая научная дисциплина, и, несомненно, изменение, которое она вносит в способ ведения будущих войн, может быть сравнено... только с введением черного пороха. Если народ хочет отстоять своё самостоятельное существование, то он должен... озаботиться о введении в своей армии нового рода оружия — химического». ⁴¹ В отношении проблемы бензола Будрейко замечает: «Для осуществления программы требовалось решить целый комплекс химико-технологических проблем. Это стало возможным благодаря сотрудничеству с широким кругом химиков и промышленников. Так, исследованиями в области химии и технологии нефти занимался С. С. Наметкин, технологии бензола и толуола — И. Н. Аккерман, Н. Д. Зелинский, С. В. Лебедев, А. Е. Порай-Кошиц, Ю. И. Аугшкап, Ю. А. Грожан, Н. Д. Натов, О. А. Гукасов и др. Комиссии по заготовке взрывчатых веществ удалось в течение года (с февраля 1915 г. по февраль

---

⁴⁰ Химия и оборона в Первой мировой войне // Образовательный портал «Слово» (электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.portal-slovo.ru/impressionism/39122.php> (дата доступа: 23.11. 2020 г.).

⁴¹ Там же.

1916 г.) почти в 15 раз увеличить производство ВВ и на 20 созданных заводах наладить отечественное производство бензола». ⁴²

Т. В. Алексеев в своей монографии, касаясь химической отрасли, пишет: «Успешному решению задач, возложенных на комиссию по подготовке взрывчатых веществ, во многом способствовало то, что химическая промышленность изначально была поставлена Особым совещанием по обороне в привилегированное положение с точки зрения условий выдачи заказов. В начале сентября 1915 г. были поддержаны предложения трёх фирм (Российского АО коксовой промышленности и бензолового производства, Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производств, АО Кузнецкий каменноугольных копей) на поставку продуктов коксования каменного угля. Исполнение заказов на бензол и толуол предусматривалось в течение 10 лет при условии выдачи ссуд и авансов, за счёт которых строились новые заводы. Одобрение столь длительных сроков исполнения заказов было совершенно нетипично для практики Особого совещания по обороне. Однако, в данном случае исключение было сделано, что послужило прецедентом для принятия аналогичных решений в отношении химических предприятий впоследствии». ⁴³ Но эта привилегия, в данном случае, явилась экономической и финансовой необходимостью для новых совершенно предприятий, которым предстояли очень большие затраты в условиях войны и чрезвычайно спешное учреждение и оборудование. И новые заводы строились в интересах самого же государства, а не по условиям рыночного развития.

В другой своей работе «Перестройка промышленности России на военный лад: итоги и уроки первой мировой войны» Т. В. Алексеев справедливо называет одной из первых мер правительства «создание условий для финансирования крупных частных предприятий, привлекавшихся к выполнению военных заказов». ⁴⁴ Тяжесть положения в условиях войны заключалась не только в различии ведомственного подхода в разных отраслях, не только в случайности и совершенной непродуманности единого управления промышленными и экономическими ресурсами страны со стороны военного министерства в том числе. Ошибки были допущены и в распылении и без того слабо организованной частной промышленности. Хотя на этом фоне работа Химического коми-

---

⁴² Там же.

⁴³ Алексеев Т. В. Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2015. С. 185.

⁴⁴ Алексеев Т. В. Перестройка промышленности России на военный лад: итоги и уроки первой мировой войны // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3 (250). С. 17.

тета при ГАУ выглядит достаточно эффективной и уверенной. Можно с уверенностью сказать, что ни правительство, ни военное министерство в частности не проявили широкой компетенции и необходимого и продуманного руководства экономикой страны. Огромная доля самоорганизации легла на плечи самой частной промышленности в России при необходимом и неизбежном руководстве ею со стороны представителей различных комитетов, комиссий и совещаний государственного уровня и представителей науки.

Заключение

В какой мере и с какими возможностями могла Россия продолжать войну в 1917 и 1918 г.? Могла ли она, в частности, вести активную наступательную войну, способную привести к победе и завершению не в 1918 г., а раньше и, возможно, уже в течение 1917 г.? Это не гипотетические только вопросы, но и вопросы военного и политического содержания. Это не вопросы одного экономического и технологического развития России.

Проблема заключалась не в недостатке патриотизма и не только в бюрократизме и бюрократизации аппарата военного и гражданского управления в России в годы войны, как это считали с полной уверенностью современники и участники политического процесса того времени. Революция 1917 г. только ещё более обострила и обнажила этот спор власти и оппозиции. Промышленность и промышленная мобилизация, как её понимали, были заложниками этой нескончаемой дискуссии.

На вопрос, как надо было провести такую работу эффективнее и устранить просчёты первого года войны, что так волновало современников, трудно ответить однозначно. Однако, надо признать, что Комиссия по взрывчатым веществам В. Н. Ипатьева образовалась и развернула свою деятельность достаточно умело и оперативно и успела выяснить все не только проблемные стороны состояния промышленности, но и практически приступить к решению задачи мобилизации химии в интересах войны. В отличие от других органов государственного регулирования и управления комиссия Ипатьева сравнительно рано и заблаговременно приступила к решению сложной и важнейшей проблемы обороны страны, без разрешения которой снарядный голод не был преодолен и производство боеприпасов в России не достигло бы столь значительного уровня.

Мобилизация химической промышленности на войну в России означала не что иное как самое широкое строительство новых предприятий и основание целых подотраслей химических производств от сырья до полупродуктов. Научный подход и государственное планирование были главными элементами этого стратегического строительства. Речь

шла о «насаждении» (по словам В. Н. Ипатьева) целого ряда новых отраслей промышленности

Конечно, надо было убедиться и Военному министерству, по признанию того же Ипатьева, что и в Америке «надо строить новые заводы для получения необходимейшего для нас толуола и бензола», а дело по части химической промышленности у союзников «обстояло немного лучше, чем у нас». ⁴⁵ Всё это потребовало потери немалого времени, чтобы принять совсем непростое решение о производстве в России огромного объёма нового производства фактически с нуля, пробным путём и со всем риском неудачи и ошибок на этом пути. То, что к этому совершенно не были готовы и казённые заводы, не говоря ещё о частной промышленности, только усиливало сомнения.

Путь, который пришлось проделать России во время войны, был не только трагическим, но и выдающимся для её развития по пути эмансипации в промышленном отношении, а в химической отрасли в особенности. Наряду с металлургией и металлообработкой, военно-химическая отрасль, а в широком смысле и химическая индустрия во всём её разнообразии получила огромный импульс в пользу национального и самостоятельного развития.

По всей видимости, мало кто мог ожидать даже такого успеха в новом деле. Это можно предположить зная, какой вообще пессимизм питали не только в ГАУ, но в целом бюрократическом мире Империи по поводу способности российских промышленников. Но успехи должны были совершить поворот в сознании сомневающихся.

Для меня представляется важным показать, во-первых, роль частных производителей, во-вторых, исключительно сложные условия, в которых им приходилось действовать, не имея ввиду один патриотизм и государственную необходимость, но и реальные проблемы и риски, с которыми сталкивалась и промышленность и страна в целом. На долю частной промышленности пришлось испытаний несомненно более, чем только на казённую, если признать огромный удельный вес именно капиталистической промышленности Империи, со всеми её особенностями, психологией, недостатками и возможностями. Не менее важно иметь ввиду взаимоотношения частных производителей и казны в лице министерства финансов, с его неизменными требованиями экономии и откровенным стремлением переложить на частных производителей бремя как расходов, так и убытков, которые частная индустрия ожидала понести при той политике обращения за границу и предпочтения импорта отечественному производству в дальнейшем, даже после войны.

---

⁴⁵ *Ипатьев В. Н.* Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920. С. 3.

Динамика заказов по сорокам их дачи, выполнения и дополнительных контрактов говорит больше о том, что заводы в 1916 г. были перегружены полученными заказами и в 1917 г. вряд ли можно было нарастить мощности сколько-нибудь заметно. Проблема оборудования химических заводов как казённых (в первую очередь), так и частных решалась мучительно медленно.

Количественные показатели как выработки, так и числа предприятий ещё далеко не исчерпывают успехов или относительности сделанного. Эти показатели сопоставимы только с ростом потребности и действительными нуждами фронта, а не только накопленными средствами.

Контракты по сдаче изделий носили долговременный характер — три или пять лет, а в некоторых случаях даже десять лет.

Частная промышленность снова показала себя достаточно широко и значительно, в сравнении с казённой и гораздо разнообразнее в различных отраслях промышленной химии. Невозможно было сомневаться, что если бы до войны частные предприятия получили специальное развитие в этой области, военное ведомство не столкнулось бы со столь трудным и даже отчаянным положением в годы войны.

Очень важным обстоятельством стало и то, что частные коммерческие банки в России вполне единодушно откликнулись на предложение министерства финансов разделить с казной гарантирование тех предприятий химической отрасли, которые возникали в связи с войной и получением срочных заказов на предметы этой отрасли. Крупнейшие банки России и в первую очередь Петербургские дали скоро своё согласие на операции с новыми ещё предприятиями.

То, что дело пошло неожиданно успешно и в больших масштабах не могло не стать примером для многих предприятий, последовавших за пионерами этих новых отраслей, что предопределило успех и «сговорчивость» промышленников. Почин оказался не только успешным, но и удачным для перспективы в переломе целой психологии как ведомств (военного и морского в первую очередь), так и производителей.

Наличие множества производителей и почти непрерывный рост таковых в 1916 году вряд ли можно назвать условием успеха отрасли. Многие, естественно конкурировали между собой, но создавали и много отрицательных сторон развития: 1. сравнительная малая производительность; 2. низкая рентабельность и прибыль; 3. трудность объединения и роста для крупных производителей из-за распылённости отрасли на множество средних и мелких предприятий; 4. сложность логистического обслуживания множества разбросанных в разных регионах центров производства, с учётом российских транспортных издержек и больших расстояний между производителями и снаряжающим центром в Петербурге и Москве.

Соотношение казённых и частных заводов мало учитывать только по количеству предприятий или мощности казённых заводов по сравнению с вновь возникшими частными. Например, положение казённых заводов при их обширных размерах и исключительной важности было однако, особенно сложным из-за высоких рисков пожароопасности и взрывов, которые уничтожали значительную часть производства и особо ценного оборудования пороховых заводов, особенно же Охтенского завода в Петрограде. Очень большое и ценное значение на этом фоне получал частный Шлиссельбургский пороховой завод, единственный полноценный из пороховых частных заводов в России. Он оказался, кстати, безопаснее Охтенского завода. Но оба эти мощнейших предприятия базировались вокруг и рядом с Петроградом, что было крайне невыгодно для обороны и военной промышленности Империи.

Военному ведомству приходилось считаться с полнейшей невозможностью не только контролировать рост частной промышленности в интересах обороны и в особенности организацию частной индустрии, но и конкурировать в этой области путём массового строительства однородных казённых предприятий. По своему значению, гибкости и оперативности частная промышленность имела несомненные преимущества не только в количественном отношении (мощность, размах строительства, организация, разнопрофильность с учётом рыночного спроса), но и в срочности строительства и расширения, перепрофилирования. Однако, научная сторона дела и научная организация (технологические процессы отрасли) находились в руках не столько частной промышленности, сколько в среде, строго говоря, вовсе не связанной с коммерческими вопросами и жизнью.

Развитие новых отраслей химии дало лучший толчок и прогрессу науки в области химии и всем научному сообществу в России. Если, однако, спросить, могла ли Империя вести войну с таким уровнем химической промышленности, который был достигнут уже в ходе войны, то приходится в общем признать, что этот уровень слишком недостаточно соответствовал потребностям войны. Лучше всего и нагляднее это видно из характера и величины заграничных заказов и в особенности на оборудование химических предприятий.

Упомянутая работа В. Н. Ипатьева рисует чрезвычайно широкую картину развития многообразной частной химической промышленности, в сравнении с которой казённая занимала куда более скромное место почти во всех отношениях. Также из этой работы вытекает, что фундаментом планирования и строительства послевоенной индустрии химии должна была стать частная по преимуществу промышленность и в объёмах, и в размещении, и по мощности заводов. В этом отношении

нельзя было бы избежать и других сторон этого явления: укрупнение промышленности, взаимоотношения с ведомствами на долговременной основе в первую очередь в условиях производства, импортной политике, ценообразования и монополизации производства — то есть всего комплекса отраслевой политики.

Промышленную политику России, по-прежнему, как и до войны в своих руках вело министерство финансов. Это влияло весьма серьёзным образом на радикальность принимаемых решений и промышленное планирование Империи. И это влияние едва можно определить позитивно. Значение промышленности не было определяющим для министерства финансов.

Трудно согласится с тем, что военное министерство и ГАУ, в частности, было на высоте своих задач и его усилиями совершались такие успехи, какие нам теперь известны. Как раз далеко не всегда так получалось, а военное министерство было достаточно консервативной или инициативной, а пассивной силой в нашем вопросе. Главная и неопровержимая заслуга была у сообщества учёных и благодаря именно их авторитету, химиков, инженеров-технологов, практиков, а не кабинетных специалистов и вовсе не всегда военных. Кроме того, несомненно, что большие риски принимали на себя и многие частные лица от промышленности, те, кто располагал материальными средствами и имуществом, а также решимостью, волей к действию и риску.

Другим постоянно дискутируемым так или иначе вопросом оставалась сложная для военного министерства и ГАУ дилемма: кому будут принадлежать новые предприятия военной химии — государству или частному капиталу? Здесь сомнения касались всегда одной проблемы: если заводы будут частными, то на каких условиях они будут сотрудничать и фактически работать в интересах ведомства, кто и как гарантирует эту работу бесперебойно и по возможным для «казны» ценам? Если же заводы будут казёнными, то какова будет их достаточная мощность и неубыточность их работы? Дело в том, что согласно той финансово-промышленной идеологии, которая укоренилась по крайней мере со времени С. Ю. Витте, казённые заводы под управлением ГАУ нежелательно было увеличивать в числе, так как это ограничивало частную инициативу, а сами казённые заводы не приносили прибыли казне, а требовали растущего содержания. Для частных же предприятий, с другой стороны, требовались также определённые гарантии, что вводимые ими новые производства, где потребителем будет в первую очередь казна в лице военного ведомства, не будут убыточны по тем ценам, которые, как правило, назначало ГАУ и которые только с большим трудом подвергались пересмотру. Иначе говоря, на чьи плечи ляжет бремя затрат в этой области, при том, что оставались неизвестными

заграты и неубыточность новых отраслей. Третий вариант оставался, по-прежнему, импорт всего недостающего за границей с той самой мотивировкой, что заграничная продукция обходится «казне» выгоднее, чем цены русских заводов, которые всегда почти выше заграничных. При этом дополнительным аргументом для сторонников импорта становился тот, что и оборудование, и специалисты за границей имеются налицо, а в России ни того, ни другого или вовсе нет или ничтожно мало.

Потребность в столь сжатые сроки решать огромную массу вопросов, несомненно, двинули вперёд научную инициативу и научные силы России в области практической химии. Именно химическая отрасль выдвинула много лучших специалистов страны, подтвердив полную способность самостоятельно решать проблемы и науки и массового производства. Именно химическая отрасль стала национальной гордостью и частью самосознания России, придавая уверенности и политическому руководству, и научному сообществу, и предпринимательскому классу. Россия сумела доказать себе и всему миру свою творческую способность, энергию и силу не только в деле обороноспособности. Результатом этого огромного коллективного труда страны стало новое будущее, о котором мечтали лучшие умы России. Проблема освобождения от иностранного засилья (промышленного и предпринимательского) и в особенности немецкого получала успешное решение, что имело значение и для будущего страны и нации. На повестку послевоенного времени выдвигались новые вопросы: 1. Подготовка национальных кадров для промышленности. 2. Специальное среднее профессиональное образование. 3. Расширение и реорганизация государственной промышленности, наряду с протекционизмом в отношении частной индустрии с учётом необходимого водораздела между двумя этими секторами.

Можно сказать, что опыт индустриализации в области химии в России в эти годы носил революционный характер.

Список литературы

- Алексеев Т. В.* Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2015. С. 185.
- Алексеев Т. В.* Перестройка промышленности России на военный лад: итоги и уроки первой мировой войны // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3 (250).
- Барсуков Е. З.* Работа промышленности на боевое снабжение русской армии в мировую войну. М. 1928.
- Борбачёва Л. В., Роцина Л. А.* Роль химической промышленности Донбасса в обеспечении оборонных нужд страны в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вестник Луганского национального университета им. Владимира Даля. 2018. № 10 (26).
- Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917). Том 1. М., 2004.

- Генерал В. С. Михайлов (1875–1929): Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М.: Росспэн, 2007.
- Ипатьев В. Н.* Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920.
- Ипатьев В. Н., Фокин Л. Ф.* Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Часть I. Пг., 1921.
- Лазар И. В.* Химико-технологические аспекты снарядного голода русской армии в годы первой мировой войны // Известия российского государственного педагогического университета им. Герцена. 2008. № 74–1.
- Морачевский А. Г.* Военно-химическая промышленность России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) (К 100-летию начала Первой мировой войны) // Общество. Коммуникация. Образование. 2014. № 4.

Alexey Viktorovich ORLOV

PhD in History (kandidat istoricheskikh nauk), researcher, Military historical Museum of artillery, engineering and communications troops (St. Petersburg, Russia)

E-mail: mobus@mail.ru

The article examines the development of the Russian military chemical industry during the First world war, the state and problems of the chemical industry, the activities of the V. N. Ipatiev Commission in creating new branches of chemical production in the interests of the country's defense, the success and difficulties in organizing new industries, the relationship between the military Department and the Commission for the preparation of explosives, achievements in the formation of national chemical production. The focus is on the tasks and prospects of Russia's industrial development in the war and post-war period, industrial policy, and overcoming import dependence in the country's industrialization.

Keywords: chemical industry, production problems, World War I, V. N. Ipatiev, private industry of the Russian Empire, industry development, organization, production, benzene, toluene, financing, import dependence, industrial policy.

УДК 75.051
ББК 85.103 (2)

Римма Александровна ТИМОФЕЕВА

кандидат искусствоведения, доцент,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна» (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: rimma.a.timofeeva@gmail.com

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОТРЯДА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Статья посвящена предварительным замечаниям о формировании и деятельности военно-художественного отряда в период 1915–1917 гг. На основе анализа положения, инструкции действий и графической схемы расположения отряда делаются предварительные выводы о его действиях. Упоминаются графические и живописные работы авторов, входивших в его состав (портреты, батальные сцены). Особое внимание уделяется сопоставлению Положения о деятельности отряда и художников, работавших для Трофейной комиссии в годы Первой Мировой войны.

Ключевые слова: военно-художественный отряд, живопись, графика, портрет, батальная живопись.

Деятельность художников на фронтах Первой Мировой войны — сюжет, давно привлекающий исследователей. Широко известна работа, проводимая Трофейной комиссией (комиссия по «описанию боевых трофеев русского воинства» за весь период существования русской армии), которая была учреждена в мае 1911 года при Военно-походной канцелярии Его Императорского величества. После начала Первой Мировой войны к работе в комиссии привлекались художники, так как одной из задач стало описание подвигов солдат и офицеров Российской Императорской армии¹.

В мае 1915 года на фронты был отправлен особый военно-художественный отряд, сформированный с высочайшего соизволения. В его состав входили следующие участники: профессор батальной живописи Н. С. Самокиш (*ил. 1*), ученики высшего художественного училища при академии Петр Котов, Петри Митурич, Петр Покаржевский, Карп Трофименко и Рудольф Френц, фотограф А. Штрюмер, матросы А. Герасин и П. Линник, ратники А. Селиверстов и А. Молодцов. Начальником

---

¹ «Дабы подвиги этих героев не исчезли безвозвратно для потомства (материалы Трофейной комиссии в собрании Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств)». Выставка из фондов. СПб., 2014. С. 4.

Ил. 1.
Митурич П. В.
Художник
Н. С. Самокиш
за работой в прифронтовой полосе
в районе. Западный фронт. 1915.
Бумага, тушь,
кисть, белила.
32,9 на 51,1 см.
Р-3786

отряда был делопроизводитель военно-походной канцелярии гвардии полковник В. К. Шенк².

Описание их деятельности во время следования по маршруту (Белосток, Ломжа, Остроленка, крепость Осовец и Барановичи, Киев, Севастополь и Кавказский фронт) содержится в документах Российского государственного военно-исторического архива³. Кроме того, сведения о работе отряда встречаются в мемуарах входивших в его состав живописцев.

Интересно обратить внимание на художественные особенности создаваемых зарисовок и картин. Наброски делались на передовой (*ил. 2*), поэтому традиционные приемы батальной живописи были неприменимы в контексте отображения сущности войны позиционной. Таким образом, положение авторов было близко к положению военных корреспондентов. Как отмечал один из участников, «мы получили вагон,

² Лемке М. К. 250 дней в Царской Ставке (25 сентября 1915–2 июля 1916). Петербург, 1920. С. 139.

³ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 354. О прибытии на Кавказ художественного отряда, посещение Саракамышского фронта и отъезд в Ставку Верховного Главнокомандующего. 24.06.1915–09.08.1915. 13 л.

Ил. 2. Покаржевский П. Д. «Окопы 1-ой Гвардейской пехотной дивизии в 1915 г. У деревни Кисельницы. Западный фронт». 1915. Холст на картоне, масло. 30 на 54 см. Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств. Ж-1550

у каждого было отдельное купе... Мы ходили и ездили повсюду беспрепятственно»⁴.

Так как особое значение в рамках своей деятельности авторы уделяли созданию портретов героев Великой войны, именно эти произведения отмечены особым стремлением к детализации и передаче индивидуальных характеристик. Обращает на себя внимание серия работ Г. Верейского, выполненная в указанный период. Портреты участников разведки в ночь на 24 июля 1917 года были выполнены на Рижском направлении Северо-Западного фронта. Образы разведчиков 9-го Сибирского стрелкового полка отмечены высокой степенью достоверности особенностей обмундирования и вооружения (*ил. 3, ил. 4*). Художник виртуозно передает личные черты изображенных, а также тонкие психологические характеристики.

Для понимания особенностей деятельности военно-художественного отряда следует обратиться к тексту Положения⁵, выявленного в фондах Российского Государственного военно-исторического архива.

⁴ Цит. По: *Кутцова И. В.* «Совестно быть на войне человеку постороннему, не имеющему в пребывании там необходимости» // Военно-исторический журнал. 2004. № 9. С. 29–34.

⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1438. Разная переписка о сборе военно-исторических документов. Положение военно-художественного отряда при Ставке, инструкция действий и графическая схема расположения отряда, список военных художников и переписка о сборе военно-исторических материалов.

Ил. 3. Верейский Г. С. Портрет Григория Аксенова. 1917. Бумага, графитный карандаш. 41 на 31,2 см. Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств. Р-3767

Ил. 4. Верейский Г. С. Портрет Григория Китова. 1917. Бумага, графитный карандаш. 41,5 на 20,5 см. Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств. Р-3769

Данный отряд рассматривается как отдельная структура, созданная при Ставке Верховного Главнокомандующего. К задачам отряда было отнесено следующее важное положение — фиксировать «обстановку и боевую жизнь»⁶ на войне всеми доступными художнику средствами. То есть кроме художественных качеств, произведения членов отряда должны были отличаться подлинностью и опираться на непосредственные наблюдения жизни фронта. Следующие важные задачи — это организация передвижных батальных выставок законченных картин и этюдов, а также издание печатной продукции (открыток, иллюстрированных военных журналов и пр.). Так, например, выставка подобного рода была проведена уже в декабре 1916 года, на ней экспонировалось около 400 произведений⁷.

⁶ Там же. Л. 18.

⁷ «Дабы подвиги этих героев не исчезли безвозвратно для потомства (материалы Трофейной комиссии в собрании Научно-исследовательского музея Российской Академии

Структура отряда был утвержден в следующем составе: заведующий, шесть начальников военно-художественных отделов, двенадцать военных художников, старший писарь, сторож. При этом заведующим мог быть только офицер, имеющий высшее художественное образование, а начальником отдела — один из военных художников. Отдельно отмечалась необходимость высшего художественного образования для всех военных художников (оконченный курс Академии художеств или Московского училища живописи, ваяния и зодчества) или же признанная на столичных выставках «общественно-художественная деятельность»⁸.

Военно-художественный отряд имел, таким шесть отделов: Кавказский, Румынский, Юго-Западный, Западный, Северо-Западный и Морской. Количество, состав участников, местопребывание определялось заведующим, начальником и фронтом назначения каждого отдела. Также в Положении указывались помещения, использование которых предполагалось членами отряда при Ставке Верховного Главнокомандующего — среди них, кроме Канцелярии и казармы для нестроевых солдат, особо следует отметить мастерскую для художников.

Подробно в Положении были регламентированы обязанности заведующего военно-художественным отрядом, который подчинялся непосредственно Верховному Главнокомандующему или назначенному им особому лицу⁹. Заведующий определял общее направление деятельности художников, разбирал и регистрировал поступающие материалы, обрабатывал их в рамках подготовки Всероссийского народного музея Великой Войны в Петрограде, отбирал работы для открыток и публикаций в журналах и т. д. Непосредственная координация работы художников осуществлялась начальниками военно-художественных отделов, при этом все они в дисциплинарном отношении подчинялись командирам тех частей, к которым были прикомандированы¹⁰.

Интересно, что Положение регламентировало количество произведений, которые художник должен был предоставить в течение месяца — не менее 10 — и определяло «право собственности»: все работы переходили во владение Петроградского музея. Авторские права (вопрос тиражирования, репродуцирования и т. п.) оставались за художниками «в пределах существующих особых законоположений»¹¹.

Произведения подлежали обязательной военной цензуре, а материальное обеспечение членов отряда было основано, во-первых, на государ-

---

художеств)». Выставка из фондов. СПб., 2014. С. 4.

⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1438. Л. 18 об.

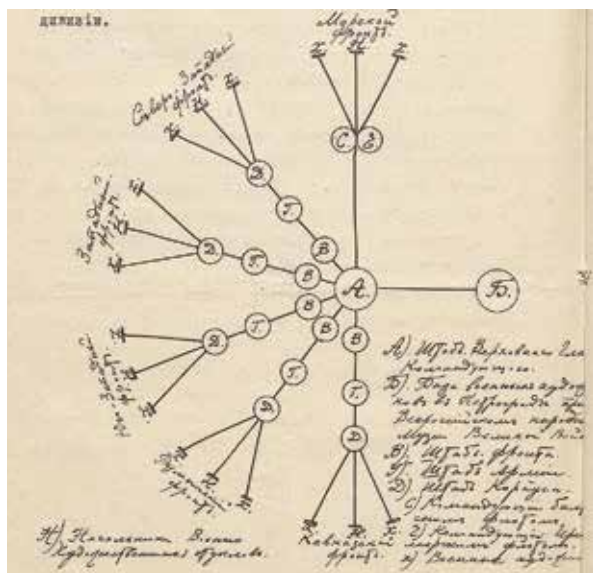
⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ Там же. Л. 19 об.

¹¹ Там же.

Ил. 5. Графическая схема расположения военно-художественного отряда. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1438. Л. 20 об.

ственной поддержке, а также на средствах, получаемых от проведения упоминавшихся нами выше платных публичных передвижных выставок.

Положением была предусмотрена инструкция действий и графическая схема расположения военно-художественного отряда (ил. 5): предполагалось, что военный художник располагается «влево и вправо от центрального местопребывания начальника военно-художественного отдела по фронту занимаемым не более одним корпусом», а в глубину — «не далее расположения Штаба артиллерийской бригады или Штаба дивизии»¹². Передвижение отдела осуществляется всеми его членами по заявлению большинства военных художников, и один из них должен быть прикомандирован к Штабу полка.

Состав отряда был следующий: заведующий — поручик Гвардии Стрелковой Артиллерийской бригады художник архитектуры Л. Р. Сологуб; военные художники — М. И. Авиллов, К. Д. Трофименко, З. Г. Подушко, П. И. Винокуров, С. Н. Архипов, П. А. Шиллинговский, Н. В. Харитонов, Г. С. Верейский, И. М. Грабовский, П. И. Смурович, П. В. Носко, П. Ф. Жиленко, М. Ф. Мартынов, Н. С. Сергеев, А. Б. Лаховский, Ф. А. Золотиков, М. Я. Мизернюк, И. К. Дряпаченко.

Говоря о составе военно-художественного отряда, следует отметить, что выявленный список его членов позволит в дальнейшем расширить

¹² Там же. Л. 20 об.

представления об этом явлении художественной жизни России периода Первой Мировой войны.

Деятельность военно-художественного отряда рассматривается как более широкое явление, в отличие от деятельности художников, привлекаемых к работе в рамках Трофейной комиссии¹³. При этом материалы, оставленные художниками, имеют непреходящее значение и ценность для истории и потомков — увековечивание памяти о героях и событиях Великой Войны.

Список литературы

- Ильина Т. Н.* Материалы Трофейной комиссии в годы Первой Мировой войны в собрании военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы V международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года.* СПб., 2014. С. 211–249.
- Васильев А. А.* Деятельность русских трофейных комиссий в период Первой мировой войны 1914–1918 годов. (По материалам РГВИА). // «Первая мировая война: Пролог XX века». М., 1998. С. 657–665.
- «Дабы подвиги этих героев не исчезли безвозвратно для потомства (материалы Трофейной комиссии в собрании Научно-исследовательского музея Российской Академии художеств)». Выставка из фондов. СПб., 2014. 39 с.
- Купцова И. В.* «Совестно быть на войне человеку постороннему, не имеющему в пребывании там необходимости» // *Военно-исторический журнал.* 2004. № 9. С. 29–34.
- Лемке М. К.* 250 дней в Царской Ставке (25 сентября 1915–2 июля 1916). Петербург, 1920. 859 с.

Rimma Aleksandrovna TIMOFEEVA

Ph. D. in Art History (kandidat ikusstvovedeniya), Associate Professor of the Department of Art History (docent), Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design State (St. Petersburg, Russia)

E-mail: rimma.a.timofeeva@gmail.com

On the activities of the military art detachment: preliminary remarks

The article is devoted to the formation and activities of the military art detachment in the period 1915–1917. Based on the analysis of the situation, instructions for actions and a graphical diagram of the location of the detachment, preliminary conclusions are drawn about its actions. The graphic and pictorial works of the artists who were its members are considered (portrait, battle painting). Particular attention is paid to the significance of the detachment's activities within the Trophy Commission during the First World War.

Keywords: military art squad, painting, graphics, portrait, battle painting.

---

¹³ *Ильина Т. Н.* Материалы Трофейной комиссии в годы Первой Мировой войны в собрании военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы V международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года.* СПб., 2014. С. 218.

УДК 94 (47).084

ББК 63.3 (2) 6

Кирилл Борисович НАЗАРЕНКО

доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: k.nazarenko@spbu.ru

«СТАРОЕ» МОРСКОЕ ОФИЦЕРСТВО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА СЕВЕРЕ РОССИИ (1917–1920)¹

Статья посвящена количественному анализу судеб «старых» офицеров русского флота во время Гражданской войны, служивших во флотилии Северного Ледовитого океана к октябрю 1917 г. Автор приходит к выводу о том, что о большинстве офицеров запаса и военного времени информация не сохранилась, в то время как можно проследить биографии примерно 60% кадровых офицеров флота.

Ключевые слова: морские офицеры, Гражданская война, количественный анализ, Север России

Гражданская война в России впервые поставила русское морское офицерство перед выбором — кому служить? Эта проблема давно привлекала внимание исследователей, были высказаны различные, порой диаметрально противоположные точки зрения относительно того, какую позицию заняло офицерство вообще и морское в частности по отношению к Советской власти и Белому движению. Представляется, что приблизиться к решению данной проблемы возможно лишь оперируя проверенными количественными данными относительно офицеров, оказавшихся в красном и белом лагерях или уклонившихся от участия в Гражданской войне. При этом необходимо разделить офицерство морского ведомства на несколько групп, так как социальное происхождение, уровень образования и служебный статус их представителей серьезно различались.

В 2015–2017 гг. коллективом исследователей под руководством автора статьи осуществлялся научно-исследовательский проект «Русский морской офицерский корпус Первой мировой и Гражданской войн: сплошное просопографическое исследование». В рамках этого проекта была создана общедоступная база данных «Офицеры флота» (далее БДО)². БДО является первым и единственным на сегодняшний день про-

¹ При поддержке гранта РФФИ 19-09-00081 «“Старое” русское морское офицерство после 1917 г.: Сплошное просопографическое исследование»

² Назаренко К. Б. Офицеры флота. [Эл. док.] URL: <http://офицерыфлота.рф>

ектом, объединяющим биографические данные всех офицеров флота и морского ведомства России времен Первой мировой войны. В настоящее время ведется работа над вторым этапом проекта, посвященным судьбам «старых» морских офицеров после 1917 г.

На сегодняшний день БДО включает в себя 9913 персональные страницы. В их числе данные на 8835 человека, которые служили на флоте в офицерских чинах во время Первой мировой войны и были произведены в офицерские чины по флоту и морскому ведомству до начала ноября (ст. ст.) 1917 г., т. е. до фактической отмены чинов. Также БДО включает данные на 344 зауряд-офицера (временный чин, дававшийся на время текущей войны лицам, которые по различным причинам не могли быть произведены в чин прапорщика). В ней имеются сведения о 2 корабельных гардемаринах, погибших во время Первой мировой войны, не успев получить офицерский чин. В БДО содержатся данные на 732 человека, закончивших обучение в различных учебных заведениях морского ведомства, но не произведенных в офицерские чины из-за их отмены.

Следует обрисовать основные категории офицерского состава русского флота к 1917 г. Система чинопроизводства и прохождения службы в дореволюционном русском флоте была довольно сложной, а в 1915–1917 гг. она еще больше усложнилась. Появились новые категории офицеров, менее престижные, чем существовавшие ранее, происходил перевод офицеров из одной категории в другую, что еще больше усложняет задачу исследователя³.

Офицерский состав делился на несколько профессиональных категорий, наиболее престижной и самой многочисленной из которых была категория строевых кадровых офицеров (примерно 1/3 офицерского корпуса), проходивших обучение в общих и специальных классах Морского кадетского корпуса. Незначительное число флотских офицеров производилось в чины из юнкеров флота (аналог вольноопределяющихся сухопутной армии), молодых людей, получивших среднее или высшее образование, добровольно прослуживших на матросских должностях 2 года и сдавших экзамен на чин мичмана. В 1913 г. были созданы Временные классы юнкеров флота, впоследствии преобразованные в Отдельные гардемаринские классы (ОГК). При приёме в них существовали те же сословно-образовательно-религиозные ограничения, что и в Морском корпусе. До лета 1915 г. при 2-м Балтийском флотском экипаже в Кронштадте для облегчения молодым людям подготовки к экзаменам на офицерский чин существовала рота юнкеров флота (для имеющих высшее образование) и рота вольноопределяющихся (для имеющих среднее

---

³ См. об этом: *Назаренко К. Б.* Закат царского флота: Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 18–136.

образование). Юнкера производились в мичманы, а вольноопределяющиеся — в прапорщики. Летом 1915 г. рота юнкеров была переименована в гардемаринскую, а с декабря 1916 г. — преобразована в Курсы гардемарин флота (КГФ) с морским, механическим, гидрографическим и кораблестроительными отделениями. Выпускники ОГК и КГФ также причислялись к кадровому составу.

Офицеры инженеры-механики и кораблестроители проходили обучение в Морском инженерном училище императора Николая I (МИУ). Сюда принимали всех молодых людей, имевших среднее образование и выдержавших установленный экзамен.

До Первой мировой войны проблема накопления офицерского запаса флота не осознавалась его руководством во всей остроте. Он состоял из ушедших со службы кадровых офицеров и небольшого числа прапорщиков по морской или механической части, которые в свое время получили мореходное образование, отслужили на флоте на матросских должностях 2–3 года и сдали соответствующий экзамен. Необходимо отметить, что призванные из запаса прапорщики по морской или механической частям, хотя и занимали должности строевых офицеров или инженеров-механиков, числились офицерами по Адмиралтейству.

Весной 1916 г. была создана Школа прапорщиков флота для лиц, с мореходным образованием, позднее она именовалась Школой мичманов военного времени.

В июле 1916 г. в Ориенимбауме была открыта Школа прапорщиков по Адмиралтейству (позднее — Школа мичманов военного времени берегового состава), в которую принимали лиц со средним (немореходным) образованием. Они получали подготовку пехотных офицеров, их предполагалось использовать на берегу. Но, поскольку учащиеся этой школы имели достаточно высокий образовательный ценз, они считались выше прапорщиков флота, по морской или механической частям.

Производство прапорщиков запаса и военного времени в строевые офицеры или в инженер-механики не предусматривалось, они могли расти в чинах только по линии офицеров по Адмиралтейству. В эту же категорию производили матросов, совершивших исключительные подвиги во время войны.

Командующие флотами с начала войны получили право производить гражданских судоводителей и механиков (не состоявших в запасе флота) в зауряд-прапорщики по морской или механической частям без экзамена. Они должны были исполнять офицерские обязанности на тех мобилизованных гражданских судах, на которых они служили до мобилизации. Чин зауряд-прапорщика был временным, до окончания войны, поэтому его носители не могли награждаться

офицерскими орденами, а лишь солдатскими крестами и медалями, а также за исключительные подвиги они могли быть произведены в прапорщики.

Естественно, что офицеров по Адмиралтейству офицеров направляли преимущественно на вспомогательные суда — транспорты, буксиры, ледоколы и на береговую службу. Архангельск и основанный во время Первой мировой войны Романов на Мурмане (Мурманск) стали важнейшими перевалочными пунктами для грузов, поступавших в Россию от союзников и вывозившихся в страны Антанты. Поэтому в «Архангельском грузовом районе» служило большое количество прапорщиков морского ведомства, обслуживавших вспомогательные суда и склады.

После Февральской революции делались попытки демократизации системы чиновничества на флоте, что было особенно важно, если учитывать постоянный рост числа должностей морских офицеров. В мае 1917 г. были введены чины старшего лейтенанта, лейтенанта и мичмана военного времени флота и те же чины по механической части. Предусматривалось, что эти чины будут получать все лица, окончившие учебные заведения морского ведомства кроме МК, МИУ и ОГК. Производство в следующий чин для офицеров военного времени было возможно только «за отличие, преимущественно боевое», по окончании военных действий на службе могли быть оставлены только те из них, кто сдаст экзамен за полный курс МК или МИУ, также только сдавшие экзамен могли быть произведены в капитаны 2 ранга. Те молодые люди, которые обучались в военно-морских учебных заведениях лишь береговым предметам и не проходили практического плавания, производились в мичманы военного времени берегового состава. Состоявшие к тому времени на службе офицеры запаса могли подать прошение о переименовании их в новые чины. Матросы, производимые за подвиги в офицеры теперь могли сами выбирать себе чин — прапорщика по морской или механической части, прапорщика или подпоручика по Адмиралтейству или мичмана военного времени. Особых форменных отличий у офицеров военного времени первоначально не было. Лишь в декабре 1918 г. А. В. Колчак в Сибири, после восстановления погон, ввел особые отличия для них в виде серебряной поперечной нашивки на офицерских погонах⁴.

В дореволюционном флоте сложились достаточно напряженные отношения между матросами срочной службы, с одной стороны, и, с дру-

---

⁴ Кузнецов Н. А., Петров А. А. Белые моряки адмирала Колчака: История белых флотий на Востоке России в 1918–19 гг. и форма чинов их судового состава // Сержант. 2002. № 3 (24). С. 43.

гой стороны, сверхсрочнослужащими, а также кондуктёрами⁵. Подыгрывая настроениям матросов срочной службы и призванных из запаса в июле 1917 г., флотское руководство упразднило категории кондуктёров и сверхсрочнослужащих⁶. Оставшиеся после этого на службе бывшие кондукторы были произведены в мичманы военного времени или в подпоручики по Адмиралтейству, в классные фельдшеры или переименованы в старшие специалисты. В мичманы военного времени были произведены и многие сверхсрочнослужащие унтер-офицеры.

В русском флоте в начале XX в. существовал еще ряд корпусов: морской артиллерии, гидрографов, флотских штурманов, морской строительной части, по Адмиралтейству, морское судебное ведомство. Они были немногочисленными.

В силу того, что различные категории офицеров морского ведомства пользовались разной степенью престижности, в условиях неразберихи Гражданской войны у многих возникает желание явочным порядком причислить себя к более престижным категориям бывшего офицерства. Так, например, корпус строевых офицеров и инженеров-механиков мог «пополняться» за счет офицеров по Адмиралтейству, задним числом переименовывавших себя в морские чины. Еще летом 1917 г. наметилась тенденция перевода офицеров по Адмиралтейству, принадлежавших к плавающему составу, в строевые офицеры или инженеры-механики. Лица, окончившие Школу прапорщиков флота или произведенные в офицеры из нижних чинов в 1917 г., получили уже чины мичманов военного времени. Вполне естественно, что и другие прапорщики и подпоручики морского ведомства могли впоследствии именовать себя мичманами или лейтенантами. О том, как далеко могло зайти смешение различных категорий офицеров и чиновников после революции, свидетельствует, например, фигурирующий в мартирологе С. В. Волкова «лейтенант по Адмиралтейству» В. Белетченко, который, вероятно, был мичманом военного времени берегового состава, позднее произведенным уже белыми властями в штабс-капитаны по Адмиралтейству и сам себя переименовавший в никогда не существовавший чин лейтенанта по Адмиралтейству⁷.

Говоря об офицерстве флота на Севере, прежде всего следует обратиться к опубликованному поименному списку чинов флотилии Северного Ледовитого океана (ФСЛО) на 8 октября (ст. ст.) 1917 г., вклю-

---

⁵ Промежуточная категория между унтер-офицерами и офицерами (введена в 1895 г.), наподобие современных мичманов и прапорщиков российских Вооруженных сил.

⁶ РГАВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 82. Л. 22–29 об. Приказы № 295 и 296 по флоту и морскому ведомству от 12 июля 1917 г.

⁷ Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 41.

чающий в себя 775 человек, из которых 85 гражданских чиновников и врачей, т. е. 690 офицеров (включая зауряд-прапорщиков)⁸.

Говоря о судьбе «старых» офицеров флота в 1917–1920 гг. необходимо оценить степень полноты данных для разных категорий. Несомненно, что наиболее хорошо изученной группой являются кадровые морские офицеры, оказавшиеся в эмиграции. Это связано с прочными корпоративными связями между ними, тем, что они продолжали следить за судьбой друг друга. В частности, С. В. Волков приводит данные о 497 человеках, побывавших на Севере у белых в течение всей Гражданской войны, из которых 410 — офицеры, а остальные — врачи, чиновники, гардемарины, кадеты, женщины⁹. Практически все эти лица оказались в эмиграции. Эти данные могут быть уточнены по мартирологу В. В. Лобыцына¹⁰.

Таблица 1. Численность офицеров ФСЛО

Категория чина	В октябре 1917 г. ¹¹	В составе белых формирований на Севере России по С. В. Волкову ¹²	%
Адмиралы и генералы	3	3	100
Строевые и инженер-механики штаб-офицеры	38	28	74
Строевые и инженер-механики обер-офицеры кадровые	69	121	175
Строевые мичманы военного времени, военного времени берегового состава и проч.	166	24 ¹³	14
Прапорщики	172	34	20
Зауряд-прапорщики	131	14	11
Офицеров прочих корпусов морского ведомства	111	186	166
Всего генералов и офицеров морского ведомства (включая зауряд-прапорщиков)	690	410	59

⁸ Список офицеров флотилии Северного Ледовитого океана и береговых учреждений Архангельского порта, Беломорского и Мурманского районов, составленный к 8-му октября 1917 г. Архангельск, [1917].

⁹ Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004; *Он же*. Вторая база данных «Участники Белого движения в России» [Эл. док.] // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: <http://swolkov.org/info1.htm> Посл. пос.: 01.12.2020.

¹⁰ Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. / Ред. В. В. Лобыцын. М.; Феодосия, 2001.

¹¹ Список офицеров флотилии Северного Ледовитого океана и береговых учреждений Архангельского порта, Беломорского и Мурманского районов, составленный к 8-му октября 1917 г. Архангельск, [1917]

¹² Подсчитано по: Волков С. В. Офицеры...

¹³ В том числе 8 лейтенантов военного времени.

Таблица 1 показывает, что всего С. В. Волков учел менее 59% офицеров ФСЛО — «менее» поскольку на Север попадали офицеры, решившие сражаться за белых, служившие ранее на других флотах (большей частью Балтийском). В Петрограде даже существовала весной-летом 1918 г. нелегальная организация, связанная с английским морским аташе в России Ф.-Н.-А. Кроми, помогавшая морским офицерам пробираться в Архангельск¹⁴. Фактически, то была флотская разведка и контрразведка, почти в полном составе начавшая «работать против советской власти». Руководителем этой организации был старший лейтенант Р. А. Окерлунд, расстрелянный в апреле 1919 г.¹⁵ До настоящего времени не установлены истинные объемы ее вербовочной деятельности. Этот момент хорошо заметен по числу учтенных С. В. Волковым кадровых обер-офицеров и офицеров прочих корпусов морского ведомства — их на Белом Севере было почти в 1,5–2 раза больше, чем служило в ФСЛО в конце 1917 г. С другой стороны, С. В. Волкову удалось учесть лишь малую часть офицеров военного времени (мичманов, прапорщиков и зауряд-прапорщиков) — 11–20% от числа служивших в ФСЛО в конце 1917 г.

Значительно хуже, чем судьба эмигрантов, изучена судьба всех остальных офицеров. Если говорить о кадровых офицерах, оставшихся в Советской России, то их биографические данные приходится уточнять путем сложного поиска. Однако ряд факторов значительно облегчает его — прежде всего то, что это были «заметные» люди. Именно они в первую очередь оказывались на службе в Красном флоте, они занимали инженерные должности на крупных предприятиях, иногда они заявили о себе в области культуры и искусства, наконец, они оказались под ударом репрессий в 30-е гг. XX в., а данные о репрессированных в настоящее время собраны с достаточной полнотой¹⁶.

Совершенно неизученной оказалась судьба офицеров запаса и военного времени, которые «вышли из народа» во время Первой мировой войны и растворились в нем после ее окончания. Сведения об этих лицах могли отразиться, прежде всего, в газете «Вестник временного правительства Северной области», в которой публиковались данные о производстве в чины и о наградах во время существования белого Севера (1918–1920 гг.). Об их послевоенной судьбе иногда можно най-

¹⁴ Назаренко К. Б. Ледовый поход Балтийского флота: Кораблекрушение в море революции. СПб., 2020. С. 181–221.

¹⁵ Зданович А. А. Организация и становление спецслужб российского флота // Исторические чтения на Лубянке: 1997 год: Российские спецслужбы: История и современность. М.; Великий Новгород, 1999. С. 16.

¹⁶ Прежде всего см.: Возвращенные имена. Книга памяти России [Эл. док.] URL: <http://viz.nlr.ru/> Посл. пос.: 01.12.2020.

ти данные в краеведческой литературе¹⁷. Некоторые представители данной группы могли оказаться на военной службе вновь возникших государств — в первую очередь, Эстонии, Латвии и Польши. Многочисленность эстонцев и латышей среди прапорщиков и зауряд-прапорщиков флота бросается в глаза и объясняется распространенностью в этих районах морских профессий.

Выборочный анализ данных о судьбах 690 офицеров ФСЛО, числившихся в ней к октябрю 1917 г. позволяет сделать следующие выводы.

Прежде всего, нужно сформулировать тезис о наличии «неизвестного прапорщика». Анализируя данные о прапорщиках и зауряд-прапорщиках, выясняется, что информация об участии в Гражданской войне на той или иной стороне есть лишь о 25% из них (в том числе 23% на стороне белых, 2% на стороне красных), а об участии 75% в этом конфликте сведений нет. В то же время есть информация о послевоенной судьбе 24% этих лиц (в том числе — в эмиграции — 4%, в Советской России — 18% (включая 12% находившихся на службе в Красном флоте к 1924 г.), расстреляно красными после ликвидации Белого Севера — 2%). Отметим, что совпадение процента тех, об участии которых в Гражданской войне мы ничего не знаем и судьба которых осталась неизвестна, является случайным. Есть значительное число случаев, когда мы знаем об участии человека в Гражданской войне на той или иной стороне, но не знаем о его дальнейшей судьбе и наоборот. Относительно судьбы тех 75% лиц, о которых у нас нет сведений, выскажем предположение, что большинство из них осталось в России и растворилось в ее населении, вернувшись к своей морской профессии.

В качестве казусов приведем несколько биографий: К. О. Микельштейн (1889-после 1924) — зауряд-прапорщик, об участии в Гражданской войне сведений нет, в 1924 г. командир гидрографического судна «Пахтусов», член РКП(б). К. М. Сяск (1893-1980) — зауряд-прапорщик по морской части, об участии в Гражданской войне сведений нет, капитан 3 ранга эстонского флота, после 1940 г. в эмиграции в Швеции. К. Д. Калац (1894-1971) — прапорщик флота, затем мичман военного времени, служил у белых в Северной области, затем капитан 3 ранга латвийского флота, после 1940 г. — в эмиграции в Великобритании¹⁸.

Отметим, что количество офицеров запаса и военного времени латышей и эстонцев было действительно очень велико, доходя (по нашим подсчетам) до 30% офицеров этой категории на ФСЛО к октябрю 1917 г.

---

¹⁷ Например: *Дойков Ю.* Красный террор в советской Арктике. 1920–1923. Архангельск, 2011.

¹⁸ *Назаренко К. Б.* Офицеры флота. [Эл. док.] URL: <http://офицерыфлота.рф>

Что касается кадровых штаб- и обер-офицеров, то отсутствуют сведения об участии в Гражданской войне лишь 31 % из них, и о дальнейшей судьбе 39%. В Гражданской войне 63% участвовало на стороне белых и лишь 6% на стороне красных. Это обстоятельство подтверждает высказывавшееся нами ранее предположение о том, что наиболее вероятно было подчинение морского офицера той власти, которая существовала в его регионе, т. е. для Севера, где власть с августа 1918 г. принадлежала белым — переход на сторону белых¹⁹. Расстреляно красными после ликвидации Белого Севера было около 3% офицеров данной категории. В эмиграции в дальнейшем оказались 41% данной группы офицеров, тогда как 17% остались в Советской России (в том числе не менее 9% находилось на службе в Красном флоте).

Вот несколько примеров: И. Л. Зякин (1893-после 1920) лейтенант, произведенный властями Северной области в старшие лейтенанты, в октябре 1920 г. начальник участка береговых батарей Западного района Черного моря (красных). Дальнейшая судьба неизвестна. Б. И. Лесневский (Лисневский) (1893-1976), мичман, в Гражданской войне, вероятно, не участвовал, капитан 3 ранга польского флота. В. С. Лукьянов (1880-после 1924), капитан Корпуса гидрографов, служил в составе гидрографической экспедиции Северного моря до революции, при белых и при красных. Наиболее ярким представителем «политически нейтральных» гидрографов был Н. Н. Матусевич (1879-1950), генерал-майор Корпуса гидрографов, советский инженер-вице-адмирал²⁰.

Список литературы

1. Возвращенные имена. Книга памяти России [Эл. док.] URL: <http://vizz.nlr.ru/> Посл. пос.: 01.12.2020.
2. Волков С. В. Вторая база данных «Участники Белого движения в России» [Эл. док.] // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: <http://swolkov.org/info1.htm> Посл. пос.: 01.12.2020.
3. Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004.
4. Дойков Ю. Красный террор в советской Арктике. 1920–1923. Архангельск, 2011.
5. Зданович А. А. Организация и становление спецслужб российского флота // Исторические чтения на Лубянке: 1997 год: Российские спецслужбы: История и современность. М.; Великий Новгород, 1999.
6. Кузнецов Н. А., Петров А. А. Белые моряки адмирала Колчака: История белых флотилий на Востоке России в 1918–19 гг. и форма чинов их судового состава // Сержант. 2002. № 3 (24).
7. Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. / Ред. В. В. Лобыцын. М.; Феодосия, 2001.

¹⁹ Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011. С. 37–134.

²⁰ Назаренко К. Б. Офицеры флота. [Эл. док.] URL: <http://офицерыфлота.рф>

8. *Назаренко К. Б.* Ледовый поход Балтийского флота: Кораблекрушение в море революции. СПб., 2020.
9. Назаренко К. Б. *Офицеры флота.* [Эл. док.] URL: <http://офицерыфлота.рф>
10. *Назаренко К. Б.* Закат царского флота: Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018.
11. *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011.

Kirill Borisovich NAZARENKO

Doctor of History, Professor, Department of source study on history of Russia, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

E-mail: k.nazarenko@spbu.ru

“Old regime” naval officers in the Civil war in Northern Russia (1917–1920)

The article is devoted to a quantitative analysis of the fate of the «old» officers of the Russian fleet during the Civil War, who served in the flotilla of the Arctic Ocean by October 1917. The author comes to the conclusion that information about the majority of reserve officers and wartime was not preserved, while you can trace the biographies of about 60% of the career officers of the fleet.

Keywords: naval officers, Civil war, quantitative analysis, North of Russia.

УДК 94 (47) 083

ББК 63.3 (2) 523

Петр Юрьевич МАЖАРА

кандидат исторических наук, независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: pmazhara@mail.ru

ОФИЦЕРСТВО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ФЛОТА В УСЛОВИЯХ РАСПАДА ИМПЕРИИ (1917–1921)¹

Статья, основанная на архивных документах из фондов РГАВМФ, посвящена вопросу о поисках различных стратегий поведения морского офицерства в условиях революции и Гражданской войны. 1917 год поставил перед русским офицерством вопрос о политическом выборе. Распад империи поставил вопрос о сохранении российского флота как такового. Тем не менее это поколение офицеров сумело сохранить русскую морскую силу для будущих поколений.

Ключевые слова: Гражданская война, Революция 1917 года, Балтийский флот, иностранная интервенция, офицерство, политизация сознания.

Одним из главных символов военного престижа Российской империи, её державной мощи, несомненно, являлся её военно-морской флот, детище Петра I. Впрочем, не все императоры разделяли ту страсть к флоту, что была так свойственна основателю империи; континентальный её характер и обременительность расходов на флот для казны предопределяли экзистенциальную уязвимость этого государственного института. Николай II скорее доброжелательно относился к флоту и способствовал его восстановлению после трагедии Русско-японской войны 1904–1905 гг. Но революционные события и крушение империи поставили вопрос о дальнейшем существовании российского военно-морского флота.

1917 год поставил офицеров Российской империи перед необходимостью делать политический выбор. 2 марта 1917 г. офицерский корпус, присягнувший на верность государю и наследнику-цесаревичу оказался предоставленным самим себе, что в условиях Первой мировой войны было фатальным для военной машины империи². Один из ключевых

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-09-00081

² Понимание произошедшего было свойственно и Николаю II, обманувшемуся в своих надеждах на младшего брата, Михаила Александровича. («Миша отрёкся. Его манифест кончается четырёххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!» // Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны: в 2 т. / Отв. ред., сост. В. М. Хрусталёв. М.: 2012. Т. 1. С. 290).

деятелей партии кадетов Владимир Дмитриевич Набоков в эмиграции охарактеризовал отречение Романовых как «великое потрясение всенародной психики»³. В 1917 г. Антон Иванович Деникин, один из будущих лидеров Белого движения и выдающийся военный публицист, выступал с публичными призывами в новых условиях беречь офицера. Однако усилия командования армии и флота по поддержанию боеспособности этих структур оказались напрасны, что наглядно показал крах летнего наступления 1917 года. Закономерным итогом политических перемен стало подписание 3 марта 1918 г. сепаратного мирного договора представителями РСФСР и противниками Российской империи в Первой мировой войне. Тезис Владимира Ильича Ленина о «похабном мире»⁴ отложился в памяти офицерства, чему свидетельство многочисленные повторения ленинской формулы в эмигрантской военной публицистике без указаний первоисточника.

Характерным явлением для офицерской среды было восприятие пришедших к власти большевиков в качестве «немецких агентов». Так, в дни активной подготовки наступательных операций летом 1917 г. командующий Черноморским флотом вице-адмирал Александр Васильевич Колчак телеграфировал военному и морскому министру Александру Фёдоровичу Керенскому о том, что большевикам важно именно сейчас разрушить порядок в Севастополе⁵. В эмиграции один из ближайших сотрудников А. В. Колчака, начальник его штаба на Черноморском флоте капитан 1-го ранга⁶ Михаил Иванович Смирнов писал, что командующий Черноморским флотом заявлял летом 1917 года: «...главным врагом России является Германия, дошедшая до таких низменных способов ведения войны, как доставка в Россию Ленина в запломбированном вагоне. Адмирал говорил, что для сокрушения Германии он отдаст все свои силы, хотя бы сражаясь в рядах союзников»⁷. В ноябре 1917 г. находившегося в Японии во главе миссии русских военно-морских офицеров Колчака

---

³ *Набоков В. Д.* Временное правительство // Архив Русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 22.

⁴ *Ленин В. И.* Речь о войне и мире на заседании ЦК РСДРП(б) 11 (24) января 1918 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 256.

⁵ РГАВМФ. Ф. 418. МГШ. Оп. 1. Д. 117. Телеграммы командующих Балтийским и Черноморским флотом о распространении революционных настроений во флоте и росте большевистского влияния на флотские массы. Л. 42. О распространении апрельских тезисов В. И. Ленина, в которых, в частности, содержались призывы «кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром...», на Черноморском флоте см.: РГАВМФ. Ф. Р-181. Севастопольский Совет военных и рабочих депутатов. Оп. 1. Д. 13. Протоколы делегатских и пленарных заседаний Совета. Л. 110–110 об.

⁶ В 1918 г. был произведен А. В. Колчаком в контр-адмиралы.

⁷ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. С. 39.

настигли сведения о событиях 25 октября 1917 г. в Петрограде и успехе большевиков. По получении этих сведений он объявил своим подчинённым, что они получают полную свободу дальнейших действий. Сам же А. В. Колчак решил поступить на британскую службу для дальнейшего участия в войне с Германией и её агентами. Вслед за своим начальником так поступило ещё два молодых офицера: лейтенанты Василий Викторович Безуар и Иван Эммануилович Вуич⁸. К изрядному огорчению порывистого Колчака британскому военному командованию потребовалось более трех месяцев для принятия окончательного решения вопроса о его судьбе. Рывавшийся на фронт будущий Верховный правитель России решил самостоятельно добраться через Индию до далекого Месопотамского фронта, куда его изначально предполагали направить британцы, и был крайне озадачен настигшей его в Сингапуре телеграммой из Лондона о том, что «более желательным будет его присутствие в Маньчжурии» в качестве начальника войск охранения КВЖД⁹.

Обращаясь к заявленной теме Балтийского флота, отметим, что важную роль в распространении в офицерской среде убежденности в германском финансировании большевиков сыграл вождь Ледового похода Балтийского флота 1918 года Алексей Михайлович Щастный¹⁰, снискавший себе репутацию спасителя флота от врага. Так, в приговоре по делу А. М. Щастного, в частности, говорилось: «...воспользовавшись тяжким и тревожным состоянием флота, в связи с возможной необходимостью, в интересах революции, уничтожения его и кронштадтских крепостей, вел контрреволюционную агитацию в Совете комиссаров флота и в Совете флагманов...»¹¹. Несмотря на то, что нарком военных и морских дел Лев Давыдович Троцкий неоднократно разъяснял флотскому офицерству (как устно, так и письменно), что «флот может быть взорван лишь в случае крайней необходимости, когда нет других средств помешать захвату флота империалистами»¹²; особого доверия его уверения, скорее всего, не вызывали в независимости от степени их искренности. Характерными представляются записанные в СССР

---

⁸ Аналогичные решения примерно в то же время совершенно независимо от А. В. Колчака принимали и другие офицеры-моряки. О Балтийском флоте см., например, нашу публикацию: «Мой частный отрицательный взгляд на государственные мероприятия...»: Документы из личного архива Д. И. Дарагана об обстоятельствах его ухода со службы на флоте // *Звезда*. 2017. № 3. С. 99–106.

⁹ РГАВМФ. Ф. Р-2246. Материалы, поступившие из-за границы (коллекция). Оп. 1. Д. 53. Астафьев Д. И., лейтенант. «Адмирал Александр Васильевич Колчак». Лл. 28–30.

¹⁰ «Документы Сиссона» из дела А. М. Щастного // *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. М.; СПб., 2017. С. 400–404.

¹¹ Цит. по: *Назаренко К. Б.* Балтийский флот... С. 339. Жирным выделено мною.

¹² Там же. С. 327.

мемуарные свидетельства офицера-балтийца Андрея Павловича Белоброва, который вспоминал, что «на нашего брата проезд его [Ленина] через Германию в запломбированном произвёл очень нехорошее впечатление <...> версия о том, что Ленин был подкуплен немцами, конечно, неверна, но возможно, что предложение проехать через Германию было сделано Ленину по почину немцев...»¹³. В то же время Белобров не сомневался, что Щастному «были известны тайны, сопровождавшие заключение Брестского мира»¹⁴.

Ошибочно было бы полагать, что офицеры-белогвардейцы, включая А. В. Колчака, были наивными англофилами, не осознававшими всей сложности политических, экономических, исторических, культурных противоречий внутри лагеря союзников по Антанте¹⁵. Приведем цитату из записи характерного разговора, состоявшегося 11 мая 1920 года между двумя белогвардейцами — контр-адмиралом Владимиром Константиновичем Пилкиным и генерал-майором Генерального штаба Алексеем Ефимовичем Вандамом (Едрихиным): «Англосаксы, — сказал мне почтенный Алексей Ефимович, — имеют теперь ключи от всего мира. Даже Константинополь в их руках. Теперь они могут и будут эксплуатировать весь мир. <...> “Если это факт, — сказал я [Пилкин], — то выводы напрашиваются сами собою: необходима коалиция континентальных держав против Англии. Необходим союз Франции, России и Германии” <...> Я [Пилкин] помню, как Вы предсказывали дело Бермонта, помню, как предсказывали союз Германии и Красной России; первое сбывается и, по-видимому, сбывается второе. Что-то Вы, какие выводы Вы теперь сделаете? Юденич недаром называет Вас прозорливым <...>»¹⁶. Геополитические труды генштабиста Вандама, поменявшего с высочайшего разрешения русскую фамилию на «европейско-континентальную», были весьма популярны в среде дореволюционного офицерства

---

¹³ Белобров А. П. Воспоминания. 1894–1979. М.; СПб., 2008. С. 262–263.

¹⁴ Там же. С. 286.

¹⁵ Англия выглядела для моряков привлекательнее остальных союзников, пожалуй, лишь тем, что была на тот момент передовой военно-морской державой. В современной публицистике можно встретить совсем оригинальные рассуждения о том, что, к примеру, за расстрелом Щастного скрывались происки англичан (*Стариков Н. В. Ликвидация России: Кто помог красным победить в Гражданской войне.* СПб., 2010. С. 87–90), но их авторы не утруждают себя работой с архивными документами, предпочитая свободный полёт фантазии в качестве метода работы.

¹⁶ Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 336–337. Комментируя пропуски в цитируемом диалоге, отметим, что от прозорливого А. Е. Вандама укрылись трения между англосаксами Нового и Старого света и грядущее возвышение США. П. Р. Бермондт-Авалов, белогвардейский генерал, чья армия поддержала осенью 1919 г. пронемецкий путч в Латвии в нарушение всех договоренностей, которые существовали на тот момент между Антантой и Белым движением.

как морского, так и сухопутного¹⁷. Напомним, что 1918 г. для истории Белого движения — это год выбора между Антантой и Германией, что особенно ярко проявилось в конфликте А. И. Деникина с П. Н. Красновым. Индивидуальный выбор офицера между ориентацией на Антанту или же на Германию мог определяться самыми разными причинами, как правило, весьма далекими от геополитики, но понимание того, что выбор делается между Сциллой и Харибдой, в целом владело умами большинства «старого» офицерства¹⁸.

Ещё более тяжелым в моральном отношении фактором, влиявшим на выбор различных стратегий выживания в условиях общенационального кризиса, было то обстоятельство, что с 1918 г. на территории бывшей империи в полной мере разгорелось пламя пожара Гражданской войны. Если в 1917 г. жестокие расправы матросов над офицерами объективно способствовали сплочению офицерской корпорации перед лицом общей угрозы, то с 1918 г. развёртывание фронтов Гражданской войны объективно способствовало расколу уже внутри самой корпорации. 1918 год хронологически маркирует начало создания уже советской военной системы и, в частности, создания Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ), потребовавшего мобилизации квалифицированных кадров (военных специалистов), т. е. бывших царских офицеров.

Своего рода парадокс военной кампании 1919 года под Петроградом состоит в том, что британская военная эскадра под командованием контр-адмирала Уолтера Кауэна (фамилия Кауэн в русских источниках пишется как «Кован»), противостоявшая на море Кронштадту и Петрограду, с одной стороны должна была содействовать наступлению белой Северо-Западной армии генералов Николая Николаевича Юденича и Александра Павловича Родзянко, а с другой — активными военными

---

¹⁷ Хотя язвительный В. К. Пилкин и не удержался от того, чтобы записать в свой дневник: «...расставаясь я не мог не вспомнить, что Алексей Ефимович, почтенный Алекс. Ефим., проводил плута Ведякина, своего приёмного сына что ли, в начальники отдела снабжения». (*Пилкин В. К. В Белой борьбе...* С. 338).

¹⁸ Учитывая последние наработки в изучении морского офицерского корпуса, отметим, что критика т. н. «априорного» подхода профессором К. Б. Назаренко представляется нам более, чем справедливой (*Назаренко К. Б. Закат царского флота. Морские офицеры Первой Мировой войны.* М., 2018. С. 11). Вместе с тем такие черты личности как «верность присяге», «патриотизм», «самопожертвование» и др. воспитывались в дореволюционном офицерском корпусе. Другое дело, что понимание патриотизма могло быть разным, так ссора Деникина и Краснова была ссорой двух патриотов, один из которых полагал, что можно идти на уступки Антанте, а другой, что можно договориться с Германией о восстановлении монархии в России. Предсказать же, какой из двух путей закончится виселицей, а какой меморандумом «Русский вопрос» с предостережением англосаксам не идти на расчленение России, в 1918 г. было невозможно.

действиями против военно-морской базы Балтийского флота объективно подрывала боеспособность будущего белогвардейского Петрограда, в котором согласно планам Юденича флот должен был возглавить его верный соратник, контр-адмирал В. К. Пилкин. Учитывая эти обстоятельства, командование Северо-Западной армии возлагало большие надежды на успешное антибольшевистское восстание в Петрограде, а равно и в Кронштадте, в котором должны были принимать активное участие и доверенные лица из числа морских офицеров, находившихся в Петрограде (Михаил Коронатович Бахирев, Александр Владимирович Развозов)¹⁹. В то же самое время командование РККФ продолжало рассматривать возможность затопления кораблей Балтийского флота по образцу затопления кораблей Черноморского флота в Цемесской бухте Новороссийска в случае невозможности отстоять Петроград²⁰.

Трагедия русского офицерства в этот исторический период состояла в том, что необходимость оставаться верными себе, своей семье, своим боевым товарищам, своему Отечеству вынуждала идти на компромиссы. Офицеры должны были осваивать незнакомую им политическую и, в частности, подпольную работу; определить меру возможных уступок, необходимых для сохранения и защиты тех или иных национальных или же корпоративных ценностей, которые каждый понимал по-своему. При поверхностном подходе к рассматриваемой проблеме возникает невольный соблазн ограничиться оценкой военно-политических провалов Белого движения как свидетельства неспособности «старого» офицерства к созданию собственного национально-политического проекта или же присоединиться к возникшим ещё в 1920-е гг. заявлениям мыслителей русской эмиграции, что более дальновидным стал путь мимикрии, внешнего принятия нового политического режима при сохранении внутренней оппозиции и осторожной работе по подготовке внутреннего перерождения режима (сменовеховство, национал-большевизм)²¹. В действительности же представляется, что отечественной науке ещё только предстоит проведение историко-социологических исследований

---

¹⁹ Пилкин В. К. Два адмирала // Пилкин В. К. В белой борьбе... С. 496–497

²⁰ РГАВМФ. Ф. Р-92. Штаб КБФ. Оп. 1. Д. 145. Постановления, протоколы, планы уничтожения судов Балтийского флота на случай занятия противником Петрограда, Кронштадта и Шлиссельбурга... 1918–1921. Об этом см. также: Пирогов В. М. Кронштадтская крепость и Балтийский флот в 1918 году // Пятая научно-практическая конференция программы «Море и флот»: «Рождённый революцией: К 100-летию Красного Флота: Доклады и материалы: Центральный военно-морской музей, 19 апреля 2018 г. / Под ред. Р. Ш. Нехая. СПб., 2018. С. 121–122.

²¹ Своего рода предтечей сменовеховства в Петрограде 1919 года были публичные выступления профессора Политехнического института Н. А. Гредескула, бывшего деятеля партии конституционных демократов (кадетов).

русского офицерского корпуса в эпоху смуты, свободных как от идеализации «старого» офицерства, так и от пропагандистских штампов большевиков-победителей в Гражданской войне.

С октября 1918 г. по апрель 1919 г. ключевую роль в организации революционного флота играл контр-адмирал (1917 года производства) Василий Михайлович Альтфатер, который писал в своих рапортах времен ведения мирных переговоров с Германией зимой 1917–1918 гг. следующее: «Я и теперь ещё много не понимаю в вашей [большевистской] политике. Но я убедился в одном, я убедился, что вы любите Россию больше многих из наших. И теперь я пришел сказать вам, что я ваш»²². Об утверждении кандидатуры В. М. Альтфатера в качестве члена РВСР ходатайствовал перед Совнаркомом (СНК) в октябре 1918 г. Реввоенсовет Республики (РВСР) во главе с Л. Д. Троцким. Сделано это было для «обеспечения правильного быстрого проведения решений Реввоенсовета по морскому ведомству»²³. 12 октября 1918 г. на заседании СНК ходатайство РВСР горячо поддержал председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов, 15 октября мандат Альтфатера был подписан В. И. Лениным. 16 октября 1918 г. подпись В. И. Ленина появилась под постановлением СНК о назначении Альтфатера командующим всеми Морскими силами республики (Коморси)²⁴.

Период «идиллического» взаимопонимания между большевиками и В. М. Альтфатером подошел к концу после захвата 26 декабря 1918 г. британским флотом эскадренных миноносцев Балтийского флота «Автроил» и «Спартак» вместе с членом РВСР Федором Федоровичем Раскольниковым на борту «Спартака»²⁵. Для выяснения причин неудачи операции, на которую Ф. Ф. Раскольников пошел с санкции В. М. Альтфатера и коморси Балтийского моря С. В. Зарубаева, была создана Особая комиссия во главе с членом РВС БФ Сергеем Петровичем Нацаренусом²⁶.

---

²² Цит. по: *Арсеньев В.* Первый коморси республики // Морской сборник. 1988. № 8. С. 82.

²³ Цит. по: *Дайнес В. О.* Альтфатер Василий Михайлович // Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. — 28 авг. 1923 г.) / науч. ред. А. П. Ненароков. М., 1991. С. 119.

²⁴ *Дайнес В. О.* Альтфатер Василий Михайлович... С. 123.

²⁵ Об обстоятельствах неудачной операции см.: РГАВМФ. Ф. Р-307. Командование КБФ. Объединённый фонд. Оп. 1. Д. 36–40. Среди этих документов — письмо члена Кавказского краевого комитета РКП(б), члена РСДРП с 1903 года В. И. Нанейшвили с критикой Ф. Ф. Раскольникова (Д. 39. Разведывательные и агентурные донесения; показания пленных и перебежчиков; оперативные сводки со сведениями о положениях на фронтах, о противнике и попавших в плен моряках эсминцев «Спартак» и «Автроил»). Л. 48–49).

²⁶ В романе В. Пикуля «Из тупика» (1968 год) одним из главных отрицательных персонажей выведен комиссар Процаренус, кровожадный агент Великобритании, жаждущий перестрелять русских моряков и сдать флот британцам. Отдавая должное художе-

Комиссия подготовила заключение, в котором констатировала, что слабая работа разведки и недоработки плана операции закономерно привели к плачевному итогу. Никаких личных обвинений против В. М. Альтфатера не выдвигалось, чему способствовала репутация Ф. Ф. Раскольникова как человека темпераментного и неконтролируемого. Но никакое заключение не могло пресечь распространение сплетен о том, что Альтфатер и Зарубаев совершенно сознательно послали Раскольникова в плен к англичанам, чтобы иметь возможность спокойно работать в отсутствие «буйного» комиссара. К весне 1919 г. В. М. Альтфатер в основных чертах подготовил новый план обороны Балтики в связи с угрозой активных военных действий англичан, но сердце его не выдержало. В ночь на 20 апреля 1919 г. коморси В. М. Альтфатер скончался от обширного инфаркта²⁷. Торжественные похороны на Новодевичьем кладбище в Москве стали символом «симбиоза» между «старым» офицерством и новой властью²⁸.

Между тем проблема отношения бывших царских офицеров к Советской власти и из взаимоотношений с комиссарами продолжала оставаться на повестке дня весь период Гражданской войны²⁹. Интересно отметить, что к концу 1919 года при РВС БФ был даже создан Особый отдел для предотвращения необоснованных репрессий моряков-специалистов органами Петроградской ЧК, т. е. методы Якова Христофоровича Петерса, Филиппа Демьяновича Медведя, Георгия Ивановича Благодрава и других руководителей ПЧК в 1919 г. не отличались особой гибкостью и не позволяли отделять действующих врагов Советской власти от потенциальных³⁰. На флоте из-за этого возникла проблема кадрового «голода»³¹. Протицируем характерный рапорт, поданный в форме юзограммы

ственному таланту В. С. Пикуля, заметим всё же, что основания видеть в С. П. Нацаренуе агента Даунинг-стрит на сегодняшний день отсутствуют.

²⁷ Дайнес В. О. Альтфатер Василий Михайлович... С. 131.

²⁸ РГАВМФ. Ф. Р-5. УпМорком. Оп. 1. Д. 386. Дело о смерти командующего морскими силами Республики и члена Реввоенсовета Республики В. М. Альтфатера, установлении пенсии его жене и сооружении памятника на его могиле. 1919–1920. Д. 508. Дело о сооружении на Новодевичьем кладбище памятника бывшему командующему всеми морскими силами Республики В. М. Альтфатеру. 3 августа — 8 ноября 1920 г.

²⁹ РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 1. Протоколы заседаний Морского отдела РВС Республики ... собраний комиссара судов и частей Кронштадтской и Шлиссельбургской баз совместно с РВС об отношении бывших офицеров к Советской власти и налаживании взаимоотношений между ними и комиссарами ... 1918–1920.

³⁰ РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 45. Телеграммы (исходящие) о создании при РВС БФ Особого отдела для предотвращения необоснованных репрессий моряков-специалистов органами Петроградской ЧК, возвращении с фронта отрядов моряков, переименовании судов флота и флотов Кронштадта, реорганизации Морского ведомства... 1919–1920.

³¹ Проблема оценки эффективности ВЧК в центре и на местах, истории конфликтов чекистов и военных в годы Гражданской войны — одна из актуальных задач современной

коморси Балтийского моря Александром Павловичем Зеленым и членом РВС БФ Вячеславом Ивановичем Зофом на имя Л. Д. Троцкого (копия рапорта направлялась и в ВЧК): «За последнее время ничем не оправдываемый террор Петрогубчека достиг своего апогея. Не имея возможности повлиять на Петрогубчека Реввоенсовет Балтфлота настоятельно просит указать Петрогубчека на недопустимость неосновательных и опрометчивых действий, и все дела по борьбе с контрреволюцией в дальнейшем сосредоточить исключительно в Особом отделе РеввоенсовБалта»³². Для того, чтобы справляться с выявлением врагов Советской власти своими силами без привлечения органов ЧК, ещё в 1918 г. создавался Революционный военный трибунал Балтийского флота. Одним из показательных дел против «старого» офицерства Реввоен трибунала БФ стало дело лейтенанта Николая Александровича Крича, обвинявшегося в продаже пулемёта финским белогвардейцам³³. Все перипетии судьбы Н. А. Крича на сегодняшний день неизвестны, каким-то образом он сумел избежать революционного правосудия и к маю 1919 года находился на территории, контролируемой белогвардейским Временным правительством Северной области³⁴. По сведениям С. В. Волкова, в 1937 г. он был жив и находился в эмиграции³⁵. Возвращаясь к теме конфликта между ВЧК и морским командованием, отметим, что в 1921 г. после восстания в Кронштадте этот конфликт стал темой специальных разбирательств РВСР³⁶. И позднее

исторической науки. Можно выделить работы московского историка С. С. Войткова. Например, *Войтков С. С. Узда для Троцкого: Красные вожди в годы Гражданской войны*. М., 2016. С 1918 г. ВЧК также стала своего рода «полем» для политических баталий между большевиками и левыми эсерами. В этой связи крайне интересными представляются сведения о вооруженных конфликтах с левыми эсерами в Кронштадте в 1919 г. (РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 47. Записи разговоров по прямому проводу... 1919–1920) и утверждения Ф. Д. Медведа о том, что восстание на фортах 13 июня 1919 г. было организовано левыми эсерами (РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 16. Доклады, политсводки и переписка о результатах обстрела мятежных фортов Красная Горка и Серая Лошадь линкорами и Кронштадтским фортом Риф, состоянии фортов после подавления контрреволюционного мятежа и мерах по их восстановлению, о мужественном поведении гарнизона фортов во время осенних боев под Петроградом, мобилизации на фронт работников Политотдела Балтфлота... Л. 24.)

³² РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 45. Л. 16.

³³ РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 20. Проекты положений о Реввоен трибунале БФ и товарищеских судах на кораблях и в частях; переписка о создании Рев трибунала... выписка из протокола заседания Рев трибунала по делу о хищении офицером Н. А. Кричем пулемета и продаже его финским белогвардейцам. 1918–1920.

³⁴ Вестник временного правительства Северной области. Архангельск. № 100, 9 мая 1919 г.

³⁵ *Волков С. В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога*. М., 2004. С. 252.

³⁶ РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 2. Доклады, протоколы собраний парторганизаций, коммиссаров и организаторов коллективов РКП(б), приказы, сводки и переписка о путях

контроль над морскими силами страны становился предметом ведомственных пререканий, требовавших вмешательства центральных государственных и партийных органов³⁷.

В 1919 г. наиболее известным выступлением морского офицерства Балтийского флота против власти большевиков стало восстание 13 июня 1919 г. на фортах «Красная Горка» и «Серая Лошадь», а также переход на сторону белых тральщика «Китобой». Отметим, что также предпринималась попытка восстания на форте «Обручев», а расчёт повстанцев был на поддержку со стороны Кронштадта, а желательно и Петрограда. Восстание не увенчалось успехом, хотя часть восставших во главе с комendantом «Красной Горки» Николаем Михайловичем Неклюдовым сумела уйти на соединение с белой армией. Согласно списку, представленному в РВС БФ в начале августа 1919 г. чекистом из числа матросов-балтийцев Иваном Михайловичем Ждановым, по делу о восстании на фортах было расстреляно 90 человек, а ещё 60 было привлечено к ответственности (несколько человек было оправдано за отсутствием улик)³⁸. Уже в осеннюю военную кампанию 1919 года большевики особенно пристально смотрели за лояльностью гарнизонов фортов³⁹.

и методах строительства Морских Сил Республики, состоянии политработы и укрепления дисциплины среди команд и частей, о работе органов продовольственного снабжения, переводе Кронштадтского гарнизона вновь на морской паёк во избежание недовольства, о создании в Кронштадте военного совета ввиду возможности антисоветских выступлений, улучшении деятельности морской разведки, проведении фильтрации личного состава флота, ликвидации конфликта морского командования с органами ВЧК... 21 марта — 28 декабря 1921 г.

³⁷ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 466. Материалы о деятельности Финско-Ладжской флотилии, укомплектовании её личным и судовым составом, о передаче флотилии из ВЧК в ведение морведа, а затем — ГПУ (приказы, рапорты, доклады, списки и переписка). 1921–1923. Д. 526. Материалы о передаче Чудской военной флотилии в ведение Наркомата по морским делам, а затем — в ГПУ (приказ, рапорты, акты, списки и другие документы). 21 февраля — 20 декабря 1922 г.

³⁸ Председателем временного военно-полевого суда Балтфлота, выносившего приговора, был председатель ПЧК Ф. Д. Медведь. (РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 16. Л. 23–28).

³⁹ РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 16. Доклады, политсводки и переписка о результатах обстрела мятежных фортов Красная Горка и Серая Лошадь линкорами и Кронштадтским фортом Риф, состоянии фортов после подавления контрреволюционного мятежа и мерах по их восстановлению, о мужественном поведении гарнизона фортов во время осенних боев под Петроградом, мобилизации на фронт работников Политотдела Балтфлота... 1918–1920. Д. 19. Доклады и переписка о состоянии, усилении обороноспособности и оперативного-стратегического значения морской крепости Кронштадт... 1918–1920. Д. 36. Переписка (телеграммы) о боевых действиях сторожевых судов «Куница» и «Горностай», и эсминцев «Амурец» и «Усуриец» в Ладжском озере, подавлении контрреволюционного мятежа и мерах по восстановлению форта Красная Горка, об экспедиционных отрядах моряков, возвращении во флот моряков-коммунистов, укреплении Шлиссельбургской базы... 3 мая — 14 июля 1919 г.

12 декабря 1919 г. гарнизон переименованного в «Передовой» форта «Серая Лошадь» был награжден Почётным революционным Красным Знаменем «за мужество и героизм во время разгрома осеннего наступления Юденича на Петроград».

Крайне неприятным фактом для командования РККФ был и переход тральщика «Китобой» на сторону белых, ведь командовал этим переходом командир 1-го дивизиона тральщиков Балтийского флота лейтенант Николай Аполлонович Моисеев. Естественно, возникали вопросы о лояльности команд других кораблей. Судьба Н. А. Моисеева сложилась трагически — в августе 1919 г. он попал в плен⁴⁰. По данным С. В. Волкова, перед расстрелом краснофлотцы подвергли его пыткам⁴¹. Иван Степанович Исаков, будущий адмирал ВМФ СССР, в 1919 г. командовавший на Балтике сторожевым судном «Кобчик», писал об обстоятельствах гибели Моисеева следующее: «Имя Моисеева еще с 13 июня было синонимом Иуды. Его ненавидели, и, конечно, каждый готов был отомстить за предательство и обман команды «Китобоя». Потопленная [британской торпедой] база «Память Азова» и поврежденный [британской торпедой] «Андрей [Первозванный]» казались делом его рук. <...> Моисеев получил то, что положено предателю»⁴². Найти документальные подтверждения предсмертных издевательств над Моисеевым едва ли возможно, но в РГАВМФ хранится его де-факто следственное дело⁴³. В свое оправдание Моисеев говорил допрашивавшим его, что «Красная Горка открыла огонь по тральщикам и после этого команда, собравшись на баке, обсуждала и заявила, что она все-таки в Кронштадт не пойдёт обратно. Я пытался возразить, но мне снова ответили, что обратно не пойдут и что всю в этом вину берут на себя, к тому же угрожая мне в противном случае сбросить за борт»⁴⁴. Ведший допрос Моисеева член РВС БФ Андрей Степанович Штарёв сделал пометы о том, что Моисеев говорил путано и заметно нервничал⁴⁵. По-видимому, окончательно предопре-

⁴⁰ РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 18. Переписка о контрреволюционном выступлении в Минной дивизии, арестах замешанных в нём и вообще политически неблагонадёжных лиц... Л. 133.

⁴¹ Волков С. В. *Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога*. М., 2004. С. 319.

⁴² Исаков И. С. *Кронштадтская побудка*. М., 1959.

⁴³ РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 48. Дело об измене командира 1-го дивизиона тральщиков Н. А. Моисеева и переходе его вместе с командой тральщика «Китобой» на сторону белых. 24 августа — 21 ноября 1919 г. Отметим, что подозрения в нелояльности Моисеева возникли ещё в 1918 г. (Ф. Р-92. Оп. 22. Д. 462. Материалы предварительного следствия по делу Моисеева Н. А. по обвинению в самовольном оставлении эсминца «Финн» при переходе из Гельсингфорса в Кронштадт. 1918).

⁴⁴ РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 48. Л. 1 об.

⁴⁵ Там же.

делило печальную участь подследственного то, что он признал факт личной беседы-допроса с У. Кауэном. Заверениям же о том, что Кауэну не было сообщено ничего из сведений, составлявших военную тайну, очевидно, не поверили. Отметим, что общее следствие, возбуждавшееся по факту нападения английских торпедных катеров на Кронштадт в ночь на 18 августа 1919 г., также преследовало, в том числе и цель выявления врагов Советской власти в Кронштадтском гарнизоне⁴⁶.

Чтобы понять уровень координации между союзниками и участниками Белого движения имеет смысл обратиться к английским источникам. Глава союзной миссии на Балтике в 1919 г. сэр Хьюберт де ла Пуэр Гоф, отозванный в Лондон из-за того, что он не справился с задачей скоординировать действия различных антибольшевистских сил в регионе и проявил излишнее своеволие в давлении на белогвардейцев, писал в своих мемуарах в 1950-е гг.: «Эти группы русских, хотя они во многом полагались на британскую помощь, вызванную значительным влиянием в Лондоне их друзей-эмигрантов через давление на Ллойд Джорджа и Черчилля, были равно готовы принять и германскую помощь. Они лишь использовали Англию...»⁴⁷. «Юденич думал, что наши танки на земле и наши корабли вдали от берега все для него сделают. Его советники и подчинявшиеся ему командиры, находясь под сильным немецким влиянием, столь преисполнены прогерманскими симпатиями, что у меня не остается никаких сомнений в том, что он действительно предполагал победить подобным образом»⁴⁸, — подобного рода удивительные заключения содержались в направлявшихся в Лондон донесениях упоминавшегося уже Уолтера Кауэна. Не касаясь сейчас вопроса о военных планах Н. Н. Юденича, отметим, что генерал считал необходимым сохранить Балтийский флот для обороноспособности Петрограда и страны в целом, надеясь, что успех военной операции даст ему право говорить с союзниками с позиции силы. В этом смысле решение британцев осенью 1919 года увести флот от Петрограда к Риге для подавления там пронемецкого путча представляется логичным в силу принципиальных противоречий между британцами и их русскими союзниками.

К малоизвестным фактам можно отнести расследования, возникавшие из-за подозрений в нелояльности к советской власти контр-адмира-

---

⁴⁶ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 262. Материалы следственной комиссии по делу о нападении быстроходных английских катеров на Кронштадт в ночь на 18 августа 1919 года. Август — сентябрь 1919 г.

⁴⁷ *Gough Hubert, Sir. Soldiering on: Being the memoirs of general, sir Hubert Gough.* New York, [1957]. P. 193–194.

⁴⁸ *Bennet G. M. Cowan's war: The story of British naval operations in the Baltic, 1918–1920.* London, 1964. P. 187.

ла Владимира Владимировича Шельтинги, коменданта Шлиссельбургской крепости⁴⁹. Потомок голландцев, поступивших на русскую военно-морскую службу в эпоху Петра Великого, имел брата, служившего у белых на Севере. Заведующий хозяйственной базой Шлиссельбургской крепости П. Ф. Сморгчов после подавления восстаний на фортах сообщил комиссару, что Шельтинга в дни восстания говорил: «вот теперь комиссары побегут»⁵⁰. Но другие сослуживцы и близкие к Шельтинге люди не подтвердили слова Сморгчова, поэтому никаких доказательств вины В. В. Шельтинги против Советской власти собрать не удалось. Он скончался от пневмонии в Петрограде в 1921 г. Его сын, Юрий, лейтенант Российского императорского флота, подвергался «фильтрации» в 1921 г., привлекался в связи с т. н. делом «Весна» в 1931 г., но все же сумел стать контр-адмиралом ВМФ СССР.

Кронштадтские события 1921 года породили новую кампанию по проверке офицерства на политическую лояльность, т. н. «фильтрации». Отметим, что по известному делу Петроградской боевой организации профессора Владимира Николаевича Таганцева был в том числе расстрелян упоминавшийся нами в связи с историей пленения Ф. Ф. Раскольникова контр-адмирал Сергей Валерианович Зарубаев. К 1921 г. Зарубаев состоял в резерве морского ведомства и уже не занимал никаких командных должностей. В документах РГАВМФ можно обнаружить сведения об участии в культурно-просветительской работе Балтийского флота в 1918–1920 гг. Николая Степановича Гумилёва⁵¹. Организатором выступлений Гумилёва выступал петроградский дом искусств, открытый по инициативе Максима Горького. Кроме Гумилёва перед краснофлотцами выступал и сам Горький, и Евгений Иванович Замятин, обладавший не только литературным талантом, но и профессией инженера, специалиста в области ледокольного строительства. Говоря же о С. В. Зарубаеве, отметим, что о его отношениях с Н. С. Гумилёвым существуют разного рода гипотезы и домыслы, однако какой-то серьёзной документальной основы они под собой не имеют. Конфликты же Е. И. Замятина с большевиками и соответственно ВЧК-ГПУ имели под собой несколько иную идеологическую основу, Замятин воспринимался как очень независимая и самостоятельная фигура, возможно, поэтому Алексею Максимовичу Горькому в конечном счёте удалось отстоять его в отличии от Н. С. Гумилёва.

---

⁴⁹ РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 16.

⁵⁰ РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 16. Л. 28.

⁵¹ Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 6. Постановления 3-го съезда моряков Балтфлота; переписка о созыве 4-го и 5-го съездов, и собрания моряков-белорусов; об организации культурно-просветительской работы... 1918–1920.

После окончания Гражданской войны уцелевшим «старым» офицером и военно-морской общественности в широком смысле этого слова пришлось выдержать ещё один бой — за возрождение военно-морского флота, убеждая победителей-большевиков в необходимости вкладываться в этот обременительный для казны государственный институт. Но этот сюжет уже выходит за рамки нашей статьи.

Известны слова В. И. Ленина 1922 года о том, что флот теперь уже не флот, а «флотишка»⁵². Однако можно ли привести примеры государства, флот которого стал сильнее и крепче после Гражданской войны? Офицерство Балтийского флота, пожалуй, смогло сохранить корабельный состав и мощности береговых укреплений в наибольшей степени, что проявилось в том числе и в сохранности документов, которые сохранились по Балтийскому флоту за этот период лучше, чем по всем остальным флотам. Спасение флота от немецких ли или от иных интервентов далось офицерству дорогой ценой. В условиях отсутствия доверия политикам, постоянной угрозы расстрела за проступки реальные или мнимые, ощущая себя преданным, русское морское офицерство сумело проявить в том числе и лучшие свои черты, не допустив полной утраты Россией её морской силы. Это поколение офицеров, выкованное Первой мировой и Гражданской войной, нельзя назвать поколением победителей, но в каком-то смысле именно отсутствие земных наград за труды этого поколения вызывает ещё большее к нему уважение.

Список литературы

- Арсеньев В.* Первый коморси республики // Морской сборник. 1988. № 8. С. 79–83.
- Белобров А. П.* Воспоминания. 1894–1979. М.; СПб.: Индрик, 2008. 912 с.
- Войтиков С. С.* Узда для Троцкого: Красные вожди в годы Гражданской войны. М.: АИРО-XXI, 2016. 432 с.
- Волков С. В.* Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004. 560 с.
- Дайнес В. О.* Альтфатер Василий Михайлович // Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. — 28 авг. 1923 г.) / науч. ред. А. П. Ненароков. М., 1991. С. 116–131.
- Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны: в 2 т. / Отв. ред., сост. В. М. Хрусталёв.* М.: Прозаик, 2012. Т. 1. 624 с.
- Исаков И. С.* Кронштадтская побудка. М.: изд-во МО СССР, 1959. 48 с.
- Ленин В. И.* О сокращении программы ремонта и строительства военно-морских судов (письма И. В. Сталину) // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 311–312.
- Ленин В. И.* Речь о войне и мире на заседании ЦК РСДРП(б) 11 (24) января 1918 г. // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 255–258.
- «Мой частный отрицательный взгляд на государственные мероприятия...» Документы из личного архива Д. И. Дарагана об обстоятельствах его ухода со службы на флоте.

---

⁵² *Ленин В. И.* О сокращении программы ремонта и строительства военно-морских судов (письма И. В. Сталину) // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 311.

- Публикация, вступительная заметка и примечания Петра Мажары // Звезда. 2017. № 3. С. 99–106.
- Набоков В. Д. Временное правительство // Архив Русской революции. Т. 1. М.: Современник, 1991. С. 9–125.
- Назаренко К. Б. Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. М.; СПб.: Эксмо — Якорь, 2017. 448 с.
- Назаренко К. Б. Закат царского флота. Морские офицеры Первой Мировой войны. М.: Яуза-каталог — Якорь, 2018. 384 с.
- Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М.: Русский путь, 2005. 640 с.
- Пирогов В. М. Кронштадтская крепость и Балтийский флот в 1918 году // Пятая научно-практическая конференция программы «Море и флот»: «Рождённый революцией»: К 100-летию Красного Флота: Доклады и материалы: Центральный военно-морской музей, 19 апреля 2018 г. / Под ред. Р. Ш. Нехая. СПб., 2018. С. 119–130.
- Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж: издательство Военно-Морского союза, 1930. 59 с.
- Bennet G. M. Cowan's war: The story of British naval operations in the Baltic, 1918–1920. London: Collins, 1964. 254 p.
- Gough Hubert, Sir. Soldiering on: Being the memoirs of general, sir Hubert Gough. New York: Robert Speller & sons, [1957]. 260 p.

Petr Yurievich MAZHARA

Ph. D. in History (kandidat istoricheskikh nauk),
independent researcher (St. Petersburg, Russia)

E-mail: pmazhara@mail.ru

The officers of the Baltic fleet and the problem of saving the navy amid the downfall of the empire (1917–1921)

This article is devoted to the question of choosing different strategies of behavior by naval officers during Revolution and the Civil war. It is based on the archival documents from RSNA's funds. The year 1917 was a political challenge for the Russian officers. The downfall of the empire posed the question whether the Russian navy survives itself. However, this generation of the officers found a way to save the Russian naval force for future generations.

Keywords: Civil War, Revolution of 1917, Baltic Fleet, foreign intervention, the officers, politicization of consciousness.

УДК 94 (47).084.3

ББК 63.3 (2) 612

Иван Васильевич ПЕТРОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб ГБУК «МВЦ»
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: ivanpet1990@hotmail.com; i.petrov@myhistorypark.spb.ru

НАКАНУНЕ ИСХОДА: НАСТРОЕНИЯ ТАВРИЧЕСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА (1918–1920)

В статье рассматривается проблема изменения политических воззрений православного духовенства на примере одного региона — Крымского полуострова. От февраля 1917 г. и всеобщей эйфории от свержения монархии священники перешли к монархическим тенденциям осени 1920 г. Смена политических режимов, репрессии со стороны большевиков — все это стало причинами подобных изменений. Похожие настроения архиереи и духовные лица перенесли и в эмиграцию. Работа основана на широкой источниковой базе и новейших исследованиях.

Ключевые слова: Гражданская война, Русский Исход, Крым, православное духовенство, политические настроения.

Для православного духовенства России события, последовавшие после свержения монархии, стали периодом надежды на широкие и давно назревшие реформы, с одной стороны, а с другой, временем начала жестоких гонений со стороны пришедших к власти большевиков. Ключевым событием в цепочке важнейших церковных мероприятий того периода стал Поместный собор 1917–1918 гг., который смог дать ответы на большинство злободневных вопросов, стоящих перед Российской Православной Церковью. К великому сожалению, трагические события октября-ноября 1917 г., насильственный захват власти политическими радикалами-большевиками, перечеркнул большинство начинаний Поместного собора и повлиял на изменение настроения пастырства и архипастырства крупнейшей Поместной Православной Церкви.

Одним из самых интересных регионов, который мог считаться своеобразным барометром мнений о политической обстановке в стране, являлся Крым. Таврическая епархия многие годы была под особым углом зрения монаршей фамилии, посещавшей полуостров в летнее время. Однако в 1917 г. ситуация кардинальным образом изменяется.

Во главе Таврической кафедры стоял тогда архиепископ Димитрий (Абашидзе), известный своим консерватизмом и поддержкой дома Романовых. Однако, как и абсолютное большинство архиереев, он поддержал свержение монархии, что особенно видно при анализе его послания

к пастве, датированного 5 марта 1917 г. Историки В. В. Калиновский и А. С. Пученков выделяют двух представителей Православной Церкви, которые особенно рьяно защищали изменения государственного строя. Первым из них являлся будущий видный деятель обновленческого движения на территории Крымского полуострова — протоиерей Александр Эндека. Он не только в своей проповеднической деятельности заявлял, что полностью поддерживает падение монархии, но и участвовал как оратор в митингах, называл свершившееся изменение государственного устройства «святым делом», часто повторял тезис о том, что Россия наконец стала «свободной страной»¹.

И, если с левым по своим убеждениям Эндекой все ясно, то поведение главного священника Черноморского флота отца Георгия Спасского вызывает гораздо большие вопросы. Этот пастырь в буквальном смысле слова «заспал» военные и гражданские власти телеграммами, в которых события февраля 1917 г. именовались «великим государственным переворотом» или же «великими историческими минутами»². Важный штрих. Если в предреволюционную эпоху обращение к государственным властям было прерогативой епископата, то на гребне свободы и белого духовенство активно включилось в этот процес.

При этом были случаи несогласия духовных лиц, служащих на полуострове, с изменением государственного устройства. 5 марта 1917 г. архимандрит Адриан (Демидович) с амвона Александро-Невского собора критиковал свершившийся переворот, резко обличая его организаторов: «Бойся иудеев, православная Россия, будь крайне осторожна с ними, храни себя от них, ибо они уже во всех почти странах мира христианских уничтожили истинное, открытое, достойное Богочеловека Христа, почитание Животворящего и спасительного Его Креста. Побеждай и демонов и иудеев не грубой стихийной силой твоей некультурности, не погромами безумными и безбожными, наводящими на тебя проклятие правосудного Вседержителя Бога, а истинным почитанием св. Христова Креста Животворящего, непобедимой Божественной силой всеятого Духа Христа Бога воскресшего, даровавшего Своим последователям в своем св. Кресте и пример непреодолимой любви ко врагам и оружие борьбы и защиты от темных сил видимых и невидимых»³. Проповедь Демидовича была расценена как «черносотенная» и монархическая, в связи с чем в Петроград последовали жалобы на мятежного архимандрита. Город-

---

¹ Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль. 2020. С. 166–168.

² Там же. С. 169–170.

³ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 797. Оп. 86 1917 г. 1 отд., 1 Ст. Д. 100. Л. 124.

ской голова Симферополя особенно заострял внимание на то, что текст манифеста в соборе так и не был зачитан, в то время как монархическая проповедь способствовала росту смятения в среде клира и паствы⁴.

Периодические издания, выходившие на территории полуострова, также включились в единый хор критики действия мятежного архимандрита. Критическую позицию по отношению к проповеди Адриана высказал и архиепископ Димитрий (Абашидзе). 7 марта 1917 г. в здании консистории состоялось общегородское собрание клира, на котором было высказано единогласное порицание действий архимандрита и принято постановление о прекращении его проповедей⁵.

«Бунтовщику» пришлось признать свою вину и, даже, написать специальное разъяснительное письмо в адрес обер-прокурора В. Н. Львова⁶. Не смотря на сугубо оправдательный тон письма, а также подробное объяснение собственной позиции, архимандриту Адриану так и не удалось реабилитировать себя в глазах как и обер-прокурора, так и таврического духовенства и верующих.

В мае 1917 г. архимандрит Адриан (Демидович) был переведен в Курскую епархию и зачислен в число братии Глинской пустыни. В июне того же года архимандрит просил епархиальное начальство вернуть его в Симферополь, но получил от владыки Димитрия (Абашидзе) следующий ответ: «Архиерейский дом, монастыри, подворья, по известной причине отказывают в гостеприимстве. Прошу не приезжать в Таврическую епархию»⁷. В августе 1917 г. архимандрит самовольно вернулся в Симферополь, где тайно поселился на одной из частных квартир⁸. Вернуться к служению в Тавриде ему так и не пришлось, в первую очередь из-за плохого реноме со стороны местных светских властей.

Подобного рода продемократические настроения, а у многих священников и епископов, они были «данью времени», а не личными убеждениями, натолкнулись после октября 1917 г. на каток самосудов. Особенно патовой ситуация была в военно-морском Севастополе, где местные моряки, распропагандированные левыми политическими экстремистами, резко отрицательно относились к священникам, видя в последних опору царского режима и реакционных сил.

Первой жертвой в скорбном списке духовных лиц Крыма, пострадавших от большевистского террора, стал служивший в Свято-Ми-

---

⁴ Там же. Л. 116.

⁵ [О собрании городского духовенства по поводу проповеди архимандрита Адриана] // Крымский вестник. 1917. № 63. 10 марта.

⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917 г. 1 Отд. 1 Ст. Д. 100. Л. 132–140.

⁷ ГАРК (Государственный архив республики Крым). Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 31. Л. 152.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 768. Л. 1.

трофаньевской церкви протоиерей Михаил Чефранов. Священнику «припомнили», что в 1912 г. он напутствовал перед казнью матросов, приговоренных к смертной казни. Несмотря на то, что родственники казненных в 1912 г. писали заявления в поддержку арестованного священника, в том числе добились публикации этого заявления в газете «Крымский вестник», большевики были непреклонны в своем решении. 19 декабря 1917 г. группа матросов прибыла в арестный дом Морского ведомства и потребовала выдать по спискам семь офицеров и отца Михаила, после чего вышеуказанные лица неподалеку были расстреляны⁹.

Произошедшее быстро отвратило от новых властей духовенство и верующих. Уже в начале 1918 г. в храмах поминали убитых. Особенно жестким был террор и самосуды против пастырей в Ялте и Саблах, о чем информация дошла даже до патриарха Тихона (Беллавина). 22 января 1918 г. делегат от Таврической епархии на Всероссийском Поместном соборе П. П. Серебринов выступил с речью, в которой охарактеризовал бедственное положение православных на территории Крыма, сделав особый упор на деятельности большевиков¹⁰.

Весной 1918 г. территорию Крыма занимают германские войска. Для православного духовенства данный период стал освобождением от большевистского террора, временем оценки и осмысления последствий кратковременного правления сторонников Ленина в Крыму. Архиепископ Димитрий (Абашидзе) в своем обращении к пастве зафиксировал, что он относится лояльно к любой «земной» власти, но при этом критически воспринимает деятельность большевиков¹¹.

У новых хозяев полуострова, а также у возглавившего местное краевое правительство генерала М. Ф. Сулькевича, не было четкого плана по вопросу религиозных конфессий. Если верить июньской декларации Крымского краевого правительства, можно говорить о том, что новые власти стремились к тому, чтобы на полуострове была установлена полная свобода вероисповеданий при сохранении особых прав Православной Церкви. Особо оговаривалось, что правительство желает, чтобы в Крыму была митрополичья кафедра, чьи права признал был избранный патриарх Московский и всея России¹².

⁹ Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль. 2020. С. 306–307.

¹⁰ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2018. Т. 7. Кн. 1. С. 51–52.

¹¹ Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль. 2020. С. 319–320.

¹² Там же. С. 322–323.

Во время Всеукраинского собора представители Таврической епархии не играли на нем ведущей роли. После выхода Германии из Первой мировой войны внутривосточная обстановка на полуострове вновь изменяется и главой местного правительства становится конституционный демократ Соломон Крым. Вплоть до апреля 1919 г. в Крыму восстановилась относительно мирная жизнь, в том числе выражавшаяся в отсутствии межконфессиональных и межэтнических конфликтов. Очередное возвращение большевиков в апреле 1919 г. стало причиной новой волны репрессий со стороны последних. 75 дней большевистского владычества вернули на полуостров самосуды жертвами которого становились православные священники и активные миряне.

После очередной смены власти представители Православной Церкви смогли по-настоящему дать оценку большевистскому террору. Практически единогласно они поддерживали белых во главе с генералом А. И. Деникиным. Следующий период в истории полуострова был отмечен существенным увеличением политического влияния православного пастырства.

Ключевая фигура в жизни православного пастырства этого периода — викарий Таврической епархии, епископ Севастопольский Вениамин (Федченко). Интриган, сыгравший важную роль в отстранении А. И. Деникина, в период Гражданской войны верный «врангелевец» и противник большевиков. Впоследствии сам Вениамин, уже обозревая свое прошлое, скажет об отношении к большевикам представителей православного духовенства в период Гражданской войны в Крыму: «Но нужно было жить в России, а не смотреть на нее из далекой Америки, чтобы понять психологию нас, белых! Как в данный исторический момент (1941–1943 годы) всем союзникам хочется уничтожить Гитлера, так и тогда некоторые люди горели одним желанием: разбить большевиков!»¹³. Естественно, что в данных словах есть определенное лукавство. У православного духовенства отношение к большевикам периода Гражданской войны было гораздо более единодушно отрицательное, нежели отношение к нацистской Германии в период Второй мировой войны.

Любопытно, но в 1920 г., в особенности после череды поражений Белого Движения на фронтах Гражданской войны, среди духовенства усиливались не только антибольшевистские, но и промонархические настроения. По сути, можно было наблюдать процесс, обратный тому, который наблюдался сразу после февраля 1917 г. Фактор того, что многие лидеры крайне правого духовенства дореволюционной России, в частности протоиерей Владимир Востоков, оказались на территории полуострова, способствовал росту этих настроений.

---

¹³ Вениамин (Федченко), митр. На рубеже двух эпох. М.: Изд-во «Отчий дом», 2016. С. 376.

«Сросшийся» с режимом Петра Врангеля епископ Вениамин был основным пропагандистом и проводником этих настроений. Одним из показательных событий этого периода крымской истории: так называемые «дни покаяния». К празднику Крестовоздвижения были запланированы масштабные мероприятия, целью которых было поднятие боевого духа армии и признание ошибок, допущенных русским народом при свержении монархии. Подобного рода мероприятия имели прямую перекличку с периодом Смутного времени. Временное Высшее Церковное Управление подготовило специальное воззвание с целью популяризации подобного рода дней среди местного населения. Среди крымчан циркулировали слухи о том, что Великий князь Михаил Александрович сможет вскоре занять престол. Среди же тех грехов, в которых был повинен русский народ назывались: богоотступничество, братоненавистничество, служение мамоне и др. Из городских церквей Симферополя крестные ходы двинулись к Соборной площади, где 14 сентября 1920 г. и прошли основные «покаянные» мероприятия с выступлением основного глашатая монархии — протоиерея Владимира Востокова. Несмотря на широкую газетную кампанию в поддержку «покаянных дней», как отмечают современные авторы, они не только не получили должного отклика со стороны армии и местного населения, но и отвернули от духовенства существенную часть мирян¹⁴. Можно согласиться с тем мнением, что и приезд в Симферополь митрополита Платона (Рождественского), также, как и прибытие высоко чтимой Знаменской Курской Коренной иконы Божией Матери не смогли переломить настроения местных жителей. Суждения о том, что не только рабочие должны каяться за грехи прошлого, но духовные лица, также имели широкое распространение.

Отметим оценку данных событий самим епископом Вениамином (Федченковым). Он отмечал впоследствии, что ключевую роль в процессе играл отец Сергей Булгаков, который составлял особое послание по случаю проводимых в Тавриде дней покаяния. Последний среди наиболее значимых «грехов» русского народа выделял убийство царской семьи. О настроении населения в дни покаяния владыка Вениамин писал следующее: «Эти три дня в городе Севастополе денно и ночью (например, во Владимирском соборе на горе) шли богослужения и исповеди. А на праздник Воздвижения Креста Господня причащались. Настроение было молитвенно-покаянное. Но к концу этих дней я получаю от какого-то ревнителя благочестия, подполковника или полковника Оболванинова, жалобное письмо: “Владыка, где же наше начальство? Почему никого из них не видно в храмах? Неужели лишь рабочим нуж-

---

¹⁴ Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль. 2020. С. 362–363.

но каяться?»¹⁵. В данном случае видна излюбленная черта владыки Вениамина (Федченкова) — перекладывать в своих воспоминаниях ответственность за события Гражданской войны с себя на посторонних.

Отрицательное отношение было у многих представителей военных кругов, гражданского управления и интеллигенции и в отношении главных действующих лиц Православной Церкви этого периода Гражданской войны в Крыму. Наибольшее количество нареканий вызывали личности епископа Вениамина (Федченкова) и протоиерея Владимира Востокова, оттеснивших на второй план главу епархии архиепископа Димитрия (Абашидзе). Причиной такого восприятия было не только участие вышеуказанных лиц в чисто политических акциях, но и личные качества и идеологические предпочтения. Так, протоиерей Востоков воспринимался интеллигенцией как правый радикал и ярый антисемит, всячески способствующий нарастанию межнациональных противоречий на полуострове. Что до епископа Севастопольского, то основными претензиями, высказываемыми в его адрес, были: участие в заговоре против Антона Деникина на стороне Врангеля; быстрый «карьерный» рост в период «врангелевской эпопеи» и чрезмерная активность при нападении рядовых солдат. Рассмотрим эти обвинения подробнее, с приведением конкретных примеров.

Апофеозом поддержки Врангеля со стороны епископа Севастопольского стали события марта 1920 г. 25 марта в Севастополе проходил парад Русской армии. Напомнив участникам парада о празднике Благовещения, отмечаемом в этот день, епископ Вениамин (Федченков) отметил, что Петр Николаевич командовал 1-ым Нерчинским казачьим Наследника Цесаревича полком, чей полковой праздник как раз был в те дни¹⁶. По свидетельству одного из главных антагонистов и противников владыки Вениамина, протопресвитера Георгия Шавельского, епископ Вениамин привел цитату из Евангелия от Матфея, связав ее с личностью Врангеля: «Я говорю тебе: ты — Петр (камень), и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата адавы не одолеют ее.»¹⁷.

Причины подобного рода деятельности заключаются в том, что епископ Севастопольский был обязан своему возвышению генералу Врангелю. Владыка Вениамин считал, что в поражениях Белого Движения виноват Антон Деникин, которого необходимо было заменить

---

¹⁵ *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М.: Изд-во «Отчий дом», 2016. С. 382–384.

¹⁶ *Пученков А. С., Калиновский В. В.* Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль. 2020. С. 353.

¹⁷ *Шавельский Г., протопресвитер.* В школе и на службе: воспоминания. М.; Брюссель: Архив русской эмиграции, 2016. С. 558.

на П. Н. Врангеля. Существует целый ряд свидетельств очевидцев событий тех лет, благодаря которым можно установить, что епископ Вениамин лично агитировал в период Гражданской войны за смещение Деникина. Так, глава Южнорусского правительства Н. М. Мельников отмечал, что епископ Севастопольский приехал к нему лично, уговаривал последнего поддержать намечавшийся переворот и смещение Антона Ивановича. Более того, епископ чуть ли не угрожал Мельникову, что если Южнорусское правительство не поддержит заговорщиков, то переворот в Крыму случится и без их ведома. Подобного рода слова, к тому же прозвучавшие из уст архиерея, поразили Мельникова¹⁸. Также об активности епископа Вениамина (Федченкова) в дни переворота свидетельствовали В. Ф. Зеелер, М. В. Бернацкий и Я. А. Слащев¹⁹.

Следует отметить, что Петр Николаевич Врангель «по достоинству оценил» деятельность епископа Вениамина и вскоре назначил его управляющим военным и морским духовенством. Дело в том, что нахождение на таврической земле протопресвитера армии и флота Георгия Шавельского, ориентировавшегося на Деникина, не могло устроить в изменившейся военно-политической обстановке Врангеля. Последний прибегнул к довольно интересной схеме: заменить неугодного протопресвитера на лояльного епископа, обставив случившееся как возвращение к исконным традициям «военного и морского духовенства» еще петровских времен. При этом сам епископ видел смысл своего назначения в том, чтобы повысить падающий моральный дух солдат, сделать упор на противодействие духовно-нравственному разложению войск. Именно поэтому он привнес в жизнь местного воинства такие элементы как борьба с матерной бранью, старался лично объезжать полки и выезжать на фронт.

По-иному видел епископ Вениамин (Федченков) и задачу пропаганды духовенства в действующей армии и среди мирного населения. Весной 1920 г. он решил «усилить» таврическое духовенство приездом в Крым протоиерея Владимира Востокова. Последний был личностью крайне противоречивой. Крайний монархист и член Русского монархического собрания, одновременно с этим критик Распутина, член Поместного собора, организатор «Братства Животворящего Креста» на Юге России, целью которого была жесткая критика большевиков. Наиболее «сложной» чертой отца Владимира была его юдофобия, которая, как мы уже писали выше, исчезла с территории полуострова в феврале 1917 г. Жесткие антисемитские проповеди священника вызывали неприятие

---

¹⁸ Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль. 2020. С. 339–340.

¹⁹ Там же. С. 340–343.

у антибольшевистских сил на территории Кубани, теперь же, с подачи епископа Вениамина, Востоков перенес свою деятельность на территорию Крыма, традиционно менее антисемитского региона тогдашней России.

Помимо антисемитизма протоиерей Владимир Востоков внес в жизнь духовенства полуострова и многие еще более радикальные идеи и замыслы. Чего стоит его задумка лета 1920 г. организовать крестный ход через линию фронта между белыми и красными на Москву. Интересно отметить, что среди местного населения, в особенности женского пола, данное начинание пользовалось поддержкой. Осенью 1920 г. его стали поддерживать и епископ Вениамин (Федченков), а также влиятельный митрополит Антоний (Храповицкий), находившийся тогда на территории полуострова. По разным данным количество желающих принять участие в подобной акции доходило до 30 тысяч человек. Лишь вмешательство военных и гражданских властей, понимавших последствия от этого мероприятия, смогло остановить эту безумную авантюру²⁰.

Петр Николаевич Врангель не был доволен существенным увеличением влияния православного духовенства на политику в Крыму. Задумки протоиерея Востокова, в том числе попытки быть посредником в переговорах с немцами, Врангеля и вовсе не устраивали.

Любопытно, но, находясь в эмиграции и будучи уже митрополитом Вениамин (Федченков) и за это события «снял с себя ответственность». Вот что он писал в «На рубеже двух эпох»: «Наконец, можно было для любопытства вспомнить об одном оригинальном проекте, который молва приписывала мне. Не видя конца междоусобной резне, предложено было устроить грандиозный крестный ход, чуть ли не в миллион человек, и пойти с молитвами на север. И вот тогда-де проснется же совесть, и люди примирятся. Такого детского проекта я ни тогда, ни теперь не мог бы предложить здоровым людям. Но он действительно был и даже рассматривался на заседании Синода. Автором его был небыизвестный протоиерей отец Востоков, экзальтированный и сомнительный проповедник. Но, разумеется, Синод благоразумно отверг его фантастично-сентиментальный проект. Большевики расстреляли бы этих мечтателей и только. Да и наша власть не согласилась бы на осуществление его, будучи ответственной за народ.»²¹. При этом глава военного и морского духовенства замечал, что в народной среде эта инициатива нашла отклики, так как общее настроение населения полуострова была

---

²⁰ Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль. 2020. С. 370–373.

²¹ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М.: Изд-во «Отчий дом», 2016. С. 384–385.

за скорейшее окончание братоубийственной войны. Неизвестно было ли это мнение позицией современника событий и глубокого мемуариста, или же желанием подстроиться под «советские аргументы».

Очень скоро начнется эвакуация из Крыма. Полуостров покинут такие известные архиереи как Антоний (Храповицкий), Феофан (Быстров) и сам Вениамин (Федченков). Причины этой трагедии осмыслились многими эмигрантами. Тот же владыка Вениамин впоследствии писал о том, что ключевое значение в этом играла политическая неудача режима Врангеля: «В заключении характеристики «врангелевской эпопеи», как выражались некоторые о его времени, я хочу пожаловаться на общую духовную бедность нашу. У нас почти не было руководящих идей, как не было их, конечно, и при Деникине. Можно не соглашаться с большевиками и бороться против них, но нельзя отказать им в колоссальном размере идей политико-экономическо-социального характера. Правда, они готовились к этому десятилетиями. А что же мы все (и я, конечно, в том числе) могли противопоставить им со своей стороны? Старые привычки? Реставрацию изжитого петербургского периода русской истории и восстановление «священной соборности», «Учредительное собрание» или «Земский собор», которым каким-то чудом все-все разъяснит и устроит? Нет, мы были глубоко бедны идейно.»²².

Чувства, которые испытывали эвакуировавшиеся из Крыма священники и миряне хорошо описаны Владимиром Павловичем Ягелло и воспроизведены в недавно вышедшей книге его сына, известного протоиерея Владимира Ягелло: «Генерал Врангель в серой шинели с белым башлыком в корниловской черно-красной фуражке последним сошел по лестнице Графской пристани, поблагодарил юнкеров за службу, перекрестился и на катере отправился на крейсере “Генерал Алексеев”, где уже был весь штаб и конвой. Впереди была полная неизвестность, а на первом этапе — Константинополь. На другой день на рассвете появились берега Босфора, справа в дымке Константинополь с сотнями минаретов, Биюк Дерэ с виллой российского консульства, Ильдиз Киоск — султанский загородный дворец (со стен которого выбрасывали в Босфор зашитых в мешки неудобных вельмож), слева Анатолийский берег. Утренняя заря розовыми лучами освещала всю фееричную картину, но нам было не до красоты. Позади — Родина, впереди — неизвестность.»²³.

В завершении следует отметить, что политические воззрения православного духовенства на территории Крымского полуострова в 1918–

---

²² Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М.: Изд-во «Отчий дом», 2016. С. 385.

²³ Ягелло В., прот. Воспоминания. Два поколения русской эмиграции. 1920–2020. М.: Общество любителей церковной истории, 2020. С. 53.

1920 гг. существенным образом менялись. После Февральской революции ранее стоящий на крайне консервативных позициях архиепископ Димитрий (Абашидзе) был вынужден, как и абсолютное большинство остальных российских архиереев, поддержать свершившуюся революцию и свержение монархии. Большинство рядовых священников поддерживали его в этом, а те представители духовного сословия, кто изменение государственного строя не принял, вскоре был подвергнут гонениям со стороны общественности и был устранен с полуострова. Захват власти в стране большевиками и их первое «правление» в Тавриде рассеяло сомнение духовенства по поводу настроения этой политической силы по отношению к религии и христианским конфессиям. Террор, самосуды, акции, которые совершались без оглядки на протесты со стороны местного населения, стали общим местом в крымской жизни. Севастополь же, вместе с Кронштадтом и Петроградом, стал одним из главных центров революционных самосудов над духовенством. Именно размах большевистских гонений стал причиной лояльности пастырей к режиму генерала Матвея Сулькевича, декларировавшего, кроме всего прочего, религиозную свободу. Кратковременный период второго «властвования» большевиков в Крыму лишь упрочил антисоветский настрой духовный лиц.

Что же касается Тавриды периода Деникина и Врангеля, то в это время священники были важными участниками политической жизни полуострова. Среди приехавшего на полуостров духовенства было много консерваторов, в том числе правых радикалов, таких как протоиерей Владимир Востоков. Появление подобного рода лиц стало катализатором общего разворота духовенства к идеям монархии и мыслям о желательности восстановления самодержавия Дома Романовых в России.

Наконец, ключевая фигура Крыма 1920 г. — епископ Севастопольский Вениамин (Федченков). Благодаря своему активному участию в заговоре генерала Врангеля, он стал во главе военного и морского духовенства. После этого в Русской армии начинаются акции, способствующие поднятию авторитета Православной Церкви. Однако борьбу за нравственное состояние русских солдат епископ проиграл, не сумев справиться с такими «ветренными мельницами» как матерная брань или же большевистская пропаганда. Такие же инициированные Православной Церковью акции как «покаянные дни» должного отклика не нашли.

С концом «Врангелевского Крыма» началась новая страница в истории православного духовенства Таврической епархии. Для одних священников и мирян она стала периодом изгнания и нелегкой жизни на чужбине. Для других же, по тем или иным причинам оставшихся на родине, она олицетворяла собой торжество большевистского террора и развития обновленчества. Феномен полуострова как «духовного форпоста» России прекратил свое существование.

Список литературы

1. *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М.: Изд-во «Отчий дом», 2016. 704 с..
2. *Пученков А. С., Калиновский В. В.* Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб.: Владимир Даль. 2020. 285 с.
3. *Шавельский Г., протопресвитер.* В школе и на службе: воспоминания. М.; Брюссель: Архив русской эмиграции, 2016. 820 с.
4. *Ягелло В., прот.* Воспоминания. Два поколения русской эмиграции. 1920–2020. М.: Общество любителей церковной истории, 2020. 352 с.

Ivan Vasilevich PETROV

Candidate of History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Senior research fellow (*starshij nauchnyj sotrudnik*) SPb GBUK MVC (St Petersburg, Russia)
E-mail: ivanpet1990@hotmail.com; i.petrov@myhistorypark.spb.ru

The political mood of Crimean Orthodox clergy (1918–1920)

The paper deals with the problem of the views of the Orthodox clergy on the example of one region — the Crimean peninsula during Russian Civil war. From February 1917 and the general euphoria from the overthrow of the monarchy, the priests switched to monarchical tendencies in the fall of 1920. The change of regimes, repression by the Bolsheviks — all this became the reasons for such changes. Bishops and clergymen transferred similar sentiments to emigration. Work based on a wide database and the latest research.

Keywords: Civil War, Russian Crimean Evacuation, Crimea, Orthodox clergy, political mood.

УДК 94 (47).084.3

ББК 63.3 (2) 612

Андрей Владиславович ГАНИН

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

ВОСПОМИНАНИЯ «ЮЖНАЯ АРМИЯ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА АДМИРАЛА КОЛЧАКА» ГЕНЕРАЛА С. А. ЩЕПИХИНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье анализируется важный источник по истории Гражданской войны на Восточном фронте — неопубликованные воспоминания генерал-майора С. А. Щепихина.

Ключевые слова: Гражданская война, Восточный фронт, Южная армия, оренбургские казаки, С. А. Щепихин.

История военного строительства антибольшевистских формирований на левом фланге Восточного фронта летом — осенью 1919 г. документирована слабо. От Южной армии белых ввиду кратковременности ее существования и последовавшего стремительного отступления, документов практически не сохранилось. В этой связи исключительное значение приобретают документы личного происхождения — воспоминания, дневники, письма, проливающие свет на историю этой армии. Некоторые из документов такого рода, в частности, воспоминания начальника штаба Оренбургской казачьей пластунской дивизии полковника А. Ю. Лейбурга, уже введены в научный оборот¹, однако немало свидетельств остаются неопубликованными.

Одним из важных источников такого плана являются неопубликованные воспоминания генерал-майора Сергея Арефьевича Щепихина, занимавшего ответственный пост начальника снабжений Южной армии. Эти мемуары представляют собой свидетельство наиболее высокопоставленного представителя Южной армии, так как ни командующий армией, ни ее начальник штаба, насколько известно, воспоминаний не оставили.

С. А. Щепихин происходил из семьи уральского обер-офицера — единоверца (единоверцы использовали в богослужении старый обряд,

---

¹ См., напр.: Новые материалы об атамане А. И. Дугове / публ. А. В. Ганина // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и материалов. Сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2015. С. 100–219; Ганин А. В. Южная армия Восточного фронта // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001. С. 94–97.

но являлись частью Православной Церкви).. Он родился в поселке Январцевском станицы Кирсановской Уральского уезда Уральской области 1 октября 1880 г. Офицер получил прекрасное образование. Будучи выходцем из уральской глубинки, он окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (1900) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1908).

Щепихин участвовал в Русско-японской войне, в том числе в знаменитых кавалерийских набегах на Инкоу в декабре 1904 — январе 1905 г. и на Фукумынь в мае 1905 г., в сражениях при Сандепу и под Мукденом, в разведках к реке Ляохэ. За боевые отличия он был награжден орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, а также чином подъесаула (1905). Это был молодой, способный и деятельный офицер.

Некоторое время он прослужил обер-офицером для поручений при штабах Омского и Киевского военных округов. Участвовал в Первой мировой войне на должности штаб-офицера для поручений при отделе генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии Юго-Западного фронта. Командовал 2-м Уральским казачьим полком. Войну завершил полковником.

Прибыв с полком в Уральское казачье войско в феврале 1918 г., Щепихин стал председателем военной комиссии войска, а затем начальником войскового штаба. Летом 1918 г. Щепихин уехал в Самару в качестве представителя Уральского войска при Комитете членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуче). 25 июля последовало назначение военным представителем казачьих войск при штабе Чехословацкого корпуса, а 10 августа офицер получил пост начальника полевого штаба Поволжского фронта Народной армии Комуча. Затем Щепихин занимал должности начальника штаба Самарской и Уфимской (с 8 октября 1918 г.) групп войск, а 25 декабря 1918 г. был произведен в генерал-майоры. Производство в генералы совпало с назначением Щепихина начальником штаба Западной армии белых. Этот пост генерал занимал до 20 мая 1919 г., в том числе и в ходе весеннего наступления колчаковских армий.

Уже 16 июня 1919 г. состоялось назначение Щепихина на должность начальника снабжений Южной армии. Именно этот период службы он описал в воспоминаниях «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака». Генерал стал свидетелем драматического отступления армии с Южного Урала в Степной край летом — осенью 1919 г. Вместе с армией он проделал путь до города Атбасар Акмолинской области.

Развал Южной армии, который наблюдал мемуарист, привел его к разочарованию в перспективах дальнейшей борьбы. Впоследствии он написал об этом:

Итак, трагедия, завязавшаяся на берегах моей родной реки Урала, кончилась.

Она очень характерна для всего белого движения в Сибири. Сколько легкомыслия, бравады; сколько напрасных жертв. Какие самолюбия. И как мало истинных чувств и настоящего бодрого, здорового дарования.

Мы видели, как коренная ошибка, состоящая в пренебрежении важным участком общего стратегического фронта, приводит к крушению самые лучшие замыслы.

И гибнут не только люди, но, что еще важнее и значительней, гибнет вера в успех.

Мы видим, как в сложном механизме управления армией один промах цепляется за другой, и к каким это приводит результатам.

Мы видели, как сами руководители подчас склонны несерьезно относиться к своему делу, обманутые туманом ложных стратегических мыслей.

И результат налицо: армия, с таким трудом в муках зародившаяся, гибнет без остатка в кратчайший срок без надежды когда-либо оживить свои дряблые мышцы.

Мы видели, как быстро распадаются непрочные, механически спаянные организмы Гражданской войны.

И мы теперь знаем, к чему приводят коренные ошибки в организации этих организмов — «числом поболее, ценою подешевле».

Как в калейдоскопе перед нами проходит целая серия маленьких наполеонов, с огромным честолюбием с великим само- и себялюбием и с весьма ограниченными дарованиями.

Мы видели, как вместе с мусором, лишь обременявшим организм армии, гибнут и лучшие люди, и лучшие, высшие организмы. Как затягивает всех без остатка общий развал, тина, в которой неталантливый полководец и сам увязает и тянет в трясины то чистое, прочное, твердое и воодушевленное, что одно могло бы еще спасти положение.

Как трагически легкомысленно высшее руководство с отвагой, достойной лучшего применения, оболакивает свой лучший материал чуждым белому движению суррогатом, вверяя судьбу этого конгломерата, уже разъедаемого гангреной с самого начала заражения, бесталанным военачальникам.

Какое, наконец, поразительное пренебрежение человеком с его индивидуальной и общественной психологией.

Сколько здесь формализма и нежизненного подхода к самым живучим вопросам.

Какое пренебрежение врагом, как результат самого острого непонимания существа Гражданской войны².

И подводил неутешительный для белых итог:

---

² ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 35об.–36.

Стихийно (читай — случайно) белое движение зародилось, судьбой суждено ему было так же стихийно, от стихийных причин и погибнуть³.

7 октября 1919 г. Щепихин был зачислен в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Восточного фронта. 27 октября 1919 г., согласно послужному списку, назначен начальником штаба Омской отдельной группы войск командованием генерала С. Н. Войцеховского. Последний, будучи боевым товарищем Щепихина, пригласил его к себе на службу в штаб. 10 ноября Щепихин стал начальником штаба Сибирской группы армий, которая 15 ноября была переименована во 2-ю армию. Во время последовавшего отступления Щепихин принял участие в Сибирском Ледяном походе в Забайкалье. После гибели генерала В. О. Каппеля Войцеховский стал главнокомандующим Восточным фронтом белых. Щепихин 28 января 1920 г. занял пост его начальника штаба.

В Забайкалье Сергей Арефьевич с 27 февраля 1920 г. стал начальником штаба командующего войсками Российской восточной окраины, а 26 апреля уволен со своего поста в отпуск для лечения за границей. Формулировка являлась формальностью — генерал вспоминал, что оставить армию ему пришлось «из-за политических разногласий» с атаманом Г. М. Семеновым⁴. 6 мая 1920 г. Щепихины вместе с генералом С. Н. Войцеховским выехали из Читы в белый Крым. Щепихин прибыл туда уже во время эвакуации белых.

Затем началась эмиграция. Сначала в Турцию, а позднее в Чехословакию. Первое время семья сильно бедствовала. Генералу приходилось зарабатывать на жизнь в качестве служащего и заведующего мастерской, контролера в ресторане⁵. Позднее он смог устроиться бухгалтером в Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА) (с 1925 г.). Умер С. А. Щепихин 18 марта 1948 г. после тяжелой болезни и похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Несмотря на материальные затруднения, генерал в эмиграции находил возможность заниматься литературным и научным трудом. Он знакомился с рукописями РЗИА и поступавшей в библиотеку архива литературой, в том числе советской. Все это способствовало успешной работе над воспоминаниями.

Сохранились следующие мемуарные работы Щепихина: «Тридцать два месяца в штабе 3-й русской армии», «Штаб 3-й армии в Великую войну», «С полком в революцию», «Уральское казачье войско в борьбе

---

³ Там же. Л. 36.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6082. Оп. 1. Д. 6. Л. 17об.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 81. Л. 508.

с коммунизмом», «Уральское казачье войско в борьбе с большевиками», «Под стягом Учредительного собрания» (единственная мемуарная работа на русском языке, которую Щепихин опубликовал при жизни⁶), «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль — октябрь 1919 года)», «Сибирь при Колчаке», «Семеновщина», «Конец Белого движения в Сибири», «Каппелевцы в Чите в 1920 году или японская интервенция». В переписанном виде сохранились выдержки из дневника Щепихина за январь — апрель 1918 г., а также копия дневника за период конца 1919 — начала 1920 г. Судьба подлинников и остальных дневников, положенных в основу многочисленных мемуарных работ генерала, неизвестна. В связи с материальными трудностями Щепихин продал свои мемуары, в том числе разные их редакции, различным эмигрантским архивам. В результате его рукописи оказались как в РЗИА в Чехословакии, так и в Гуверовском архиве в США.

Оставленное генералом мемуарное наследие уникально. Свои воспоминания он писал на основе дневников и подготовил по-настоящему монументальный, хотя и разрозненный, мемуарный свод о событиях Первой мировой и Гражданской войн. Мемуары Щепихина, несмотря на их субъективность, порой чрезмерный скептицизм и саркастичность автора, являются одним из важнейших и практически не введенных в научный оборот источников по истории Гражданской войны на Востоке России. Они написаны трудночитаемым почерком, что предопределяет значительную сложность работы с ними. Анализ этих свидетельств показал, что, к сожалению, ошибки памяти, путаница в именах, отчествах и фамилиях, встречаются в них достаточно часто. Тем не менее, это не снижает ценности источника.

Южная армия Восточного фронта белых, которой Щепихин посвятил свои воспоминания, была создана 23 мая 1919 г. приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 138/1811/оп. В ее состав были включены все части Оренбургской Отдельной армии, Оренбургского военного округа на театре военных действий и Южной группы Западной армии. Штаб армии был сформирован на основе штаба Южной группы Западной армии. Командующим армией был назначен генерал-майор П. А. Белов (Г. А. Витекопф), начальником штаба — генерал-майор И. В. Тонких.

Создание армии понижало статус оренбургского казачества в антибольшевистском лагере Востока России, так как фактически лишало казаков собственной армии, каковой прежде могла считаться Отдельная Оренбургская армия под командованием атамана А. И. Дутова. Вместе с тем, вопрос более рационального распределения пехоты и казачьей конницы по фронту давно назрел. Кроме того, казачье командование показало свою неэффек-

---

⁶ Щепихин С. А. Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 165–213.

тивность и не смогло решить важнейшую для белых на левом фланге Восточного фронта задачу по взятию такого крупного центра, как Оренбург.

Вполне естественно создание армии было негативно воспринято некоторыми оренбургскими казачьими генералами. Определенную опасность таила в себе и реорганизация непосредственно в разгар операций по штурму Оренбурга.

В состав армии вошли I Оренбургский казачий, IV Оренбургский армейский, V Стерлитамакский, XI Яицкий армейский корпуса и другие формирования. Фронт армии простирался от района Стерлитамака до района Оренбурга, отдельный участок фронта был обращен в Туркестан. Армия вела боевые действия на Южном Урале, имея задачу ударом на Оренбург — Бузулук — Самару остановить наступление советских войск против соседней Западной армии. Поставленная боевая задача выполнена не была.

Значительные успехи были достигнуты на фронте Отдельной Оренбургской казачьей пехотной дивизии I Оренбургского казачьего корпуса, выставленной заслоном в Туркестан вдоль Ташкентской железной дороги. К началу августа 1919 г. дивизия, пройдя с боями свыше 400 верст, достигла до станции Аральское море, все попытки штурма которой завершились неудачей. Командование армии вынашивало планы прорыва в Туркестан и даже овладения Ташкентом, для чего формировался Туркестанский корпус, однако реализовать эти планы было невозможно.

В начале августа 1919 г. с выходом частей РККА в Зауралье Южная армия оказалась отрезана от других армий Восточного фронта белых, отступивших в Сибирь. Коммуникации Южной армии в районе Троицка и Челябинска были перерезаны, а сама она лишилась железнодорожной связи с Сибирью. Чтобы избежать окружения или фланговых ударов, войска белых были вынуждены отступать. Единственно возможным направлением отхода Южной армии стало туркестанское. При этом IV Оренбургский армейский корпус отступил, вопреки приказу, не к Актюбинску — на юг, а к Кустанаю — на восток, стремясь сохранить связь с главными силами Восточного фронта белых. Остальные корпуса отходили на Актюбинск и далее к станции Эмба на линии Ташкентской железной дороги.

11 августа 1919 г. советский Восточный фронт для дальнейшего преследования противника был разделен на Восточный и Туркестанский. Последний возглавил М. В. Фрунзе. В состав фронта вошли 1-я, 4-я и 11-я армии.

В результате Актюбинской операции (14 августа — 14 сентября 1919 г.) Южная армия под ударами 1-й армии красных потерпела поражение. Несмотря на растянутость фронта 1-й армии на 620 км, были намечены охватывающие белых синхронные удары на Орск⁷. Этим, на-

---

⁷ Тимошков С. Разгром Южной армии Колчака (август — сентябрь 1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 35–36.

ряду с другими задачами, достигалось разобщение Южной и Уральской Отдельной армий белых. Белыми были оставлены города Орск (30 августа) и Актюбинск (2 сентября). Ввиду перебоев с продовольствием, болезней, падения дисциплины и нежелания воевать (в случае оренбургских казаков и покидать родные места) часть армии, будучи окруженной на линии Ташкентской железной дороги, сдалась в плен. По различным подсчетам, сдались от 30 до 57 тысяч человек⁸.

Однако окружить Южную армию красные не смогли. Остатки этой армии вытеснялись в направлении Туркестана по линии Ташкентской железной дороги. Наиболее стойкие части не стали сдаваться в плен. Меньшая часть армии во главе с генерал-майором И. Г. Акулининым отступила на запад на соединение с Отдельной Уральской армией. Большая часть остатков Южной армии стала отходить от линии железной дороги на восток, к городам Иргиз и Тургай, стремясь в дальнейшем соединиться с главными силами Восточного фронта белых. 13 сентября 1919 г. между станциями Берчогур и Мугуджарская Ташкентской железной дороги состоялась встреча разведчиков 3-й Туркестанской дивизии 1-й армии и войск Северо-Восточного фронта Туркестанской республики. Таким образом, была восстановлена связь Советской России с Туркестаном, что имело огромное стратегическое и хозяйственное значение для советской стороны.

В Оренбурге 20 сентября 1919 г. состоялся митинг в поддержку Советской власти с участием сдавшихся в плен бывших солдат и офицеров Южной армии общей численностью 5000 человек. На митинге выступили председатель ВЦИК М. И. Калинин и М. В. Фрунзе. Последний, обращаясь к публике, заявил: «Я думаю, товарищи, каждый дурак должен понять, что там, в лагере наших врагов, как раз и не может быть национального возрождения России, что как раз с той стороны и не может быть речи о борьбе за благополучие русского народа. Потому что не из-за прекрасных же глаз все эти французы, англичане помогают Деникину и Колчаку — естественно, что они преследуют свои интересы. Этот факт должен быть достаточно ясен, что России там нет, что Россия у нас»⁹. Разумеется, это была лишь демагогия и пропаганда. На следующий день Калинин обращался с речью уже к 40000 солдат и офицеров, перешедших на сторону красных в регионе. Отмечалось, что среди них сдались 400 офицеров¹⁰.

⁸ *Алескеров Ю. Н.* Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959. С. 138; *Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане.* Док. и мат. Алма-Ата, 1964. Т. 2. Сентябрь 1919 г. — декабрь 1920 г. С. 75; М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. док. М., 1941. С. 211, 217; Тимошков С. П. Разгром Южной армии Колчака. С. 51.

⁹ Начало конца. Стенограмма митингов колчаковских солдат и офицеров в Оренбурге. Самара, 1919. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 21.

Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего и главнокомандующего Восточным фронтом армий Генерального штаба генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса от 18 сентября 1919 г. № 1074 Южная армия переименовывалась в Оренбургскую, в командование остатками армии, отступившими на восток, вступал генерал-лейтенант А. И. Дутов. Таким образом, в какой-то степени восстанавливался прежний статус, а новое войсковое объединение получило казачье командование.

Материалов по истории Южной армии по причине быстрого отступления белых сохранилось крайне мало, поэтому мемуарные свидетельства представляют большой интерес. Одними из наиболее ценных являются воспоминания осведомленного военного администратора генерала Щепихина.

Мемуары Щепихина «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль — октябрь 1919 года)» хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, куда поступили из РЗИА. Основу очерка составили дневниковые записи автора. Работа по расшифровке этих мемуаров растянулась на длительный срок. К настоящему моменту ряд фрагментов воспоминаний нами уже опубликован¹¹. Кроме того, осуществлена полная расшифровка текста воспоминаний, что позволяет их проанализировать и опубликовать с научным комментарием.

Воспоминания С. А. Щепихина не менее значимы для истории Южной армии, чем ранее опубликованные нами воспоминания полковника А. Ю. Лейбурга. Интересно, что именно Щепихин как и. д. бухгалтера РЗИА в 1925 г. перечислил Лейбургу гонорар за подготовленные воспоминания. Скорее всего, с содержанием воспоминаний Лейбурга Щепихин смог ознакомиться.

Как уже отмечалось, в основе воспоминаний Щепихина находятся материалы его дневника. Подлинники дневниковых записей неизвестны, однако мемуарист их периодически цитирует. Все это придает дополнительный вес его свидетельствам, имеющим в своей основе повременные записи.

Свои воспоминания Щепихин начинает с описания атмосферы Ставки Верховного главнокомандующего в Омске и настроений столицы белой Сибири. Крайне важны описания Щепихиным характера взаимоотношений внутри колчаковского генералитета. В целом, мемуарист настроен достаточно критично по отношению к белому командованию. В период кризиса на фронте Ставка, по существу, бросила Южную армию на произвол судьбы, предоставив ее командованию возможность самостоятельно выводить войска из-под ударов противника.

Чрезвычайно информативны зарисовки жизни штаба Южной армии, обстановка в штабе и характер взаимоотношений офицеров. Как

---

¹¹ Ганин А. В. Из воспоминаний С. А. Щепихина // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: Док. и мат. М.; СПб., 2016. С. 31–53.

отмечал мемуарист, «штаб достаточно многочисленный, как и все штабы в Гражданскую войну, и наверное процентов 50 бездельников»¹². Щепихин с иронией описал систему докладов командующему армией различных начальников:

Начались доклады: разведка, оперативная часть, артиллерист, интендант. После каждого доклада ряд вопросов от командарма, затем его резюме и тут же распоряжение.

Может быть, стенная газета при недостатке бумаги вещь хорошая, но стенное управление армией я мысленно осудил без остатка.

Время у всех было достаточно — не такой уж яркий был участок армии, чтобы надо было разрываться на части.

Белов мог отдельно принимать с докладами и отдавать распоряжения через начальников управлений, а не проделывать это публично.

Воображаю, сколько отсюда уходило сведений в сторону противника.

Ведь все молодые люди разных тыловых учреждений просто от безделья начнут разносить полученные сведения и новинки по всей станице... В Гражданскую войну, когда не знаешь, где начинается свой, а где чужой — это было, по меньшей мере, неуместно¹³.

Мемуарист сообщает о том, как во время пребывания штаба армии в станице Кизильской Оренбургского казачьего войска (к югу от современного Магнитогорска) штабные работники ездили купаться на речку, устраивали чаепития с небольшим количеством коньяка или рома, а однажды даже коллективно тушили пожар, причем генерал для поручений Л. А. Гафнер получил выговор за нераспорядительность¹⁴.

Щепихин описал непорядки в системе военного управления Южной армии. Система администрирования командующего армией генерала П. А. Белова характеризовалась мелочной опекой и постоянным выдерживанием подчиненных для решения срочных частных вопросов. Щепихин относил эти недочеты управления на счет того, что Белов не командовал даже ротой¹⁵. Однако на самом деле это не соответствовало действительности. Белов в качестве начальника команды разведчиков участвовал еще в Русско-японской войне, а, кроме того, имел ценз командования ротой 116-го пехотного Малоярославского полка (с 9 октября 1913 г. по 21 июля 1914 г.) и в годы Первой мировой войны получил сквозное ранение в грудь осколком гранаты (10 февраля 1915 г.).

---

¹² ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Щепихину запомнилось, как его отправили организовать передвижение 11-й пехотной дивизии, оторвав от своих дел¹⁶. В другой раз ему, начальнику снабжений, было приказано спешно возглавить оборону Актюбинска в период отступления армии и опять-таки заниматься чужой работой¹⁷. В снабжение армии вмешивались начальники самых разных рангов. Например, французский представитель полковник Ж.-Л. Пишон добился передачи в распоряжение медного рудника французской компании нескольких дефицитных транспортов Южной армии¹⁸. Как свидетельствовал мемуарист, своими самочинными действиями Белов срывал работу подчиненных. Например, он однажды перехватил грузовик с сапогами и доставил его в ближайшую к штабу армии часть, где лично распределял запасы, но выяснилось, что в той части сапоги есть, но не хватает фуражек. Тогда Белов приказал передать сапоги в ближайшую часть, а фуражки обещал прислать¹⁹. Создавалась бессмысленная суэта, путаница, возникали обиды и претензии.

Дефицит офицерских кадров и высокий процент офицеров военного времени в командном составе приводили к тому, что белые офицеры не пользовались должным авторитетом. Показателен пример пополнений, направленных в Южную армию. Так, в 11-й Сибирской стрелковой дивизии летом 1919 г. «офицеры были малоопытны и малоавторитетны... Офицеры были молодцы, отличные гимнасты, вероятно, не хуже и стреляли, но с солдатом обойтись, подойти к нему не умели. Это были отличные рядовые бойцы и только»²⁰. Щепихин оказался очевидцем следующей неприглядной сцены в той же дивизии:

Офицеры, молодежь, как я видел, очень сжились со своими солдатами, но и сильно от этой близости теряли в авторитете. Я видел, как в игре солдат участвовал и офицер, — но не в качестве руководителя, а рядового игрока, и как ему, офицеру, солдаты с большим аппетитом всыпали шлепки по спине и ниже. При этом на лицах некоторых солдат я заметил ядовитые улыбочки²¹.

Разумеется, неслаженное формирование без подготовленных офицеров, в котором было распространено панибратское отношение солдат и командиров, не могло дать хороших результатов в боевой обстановке.

Состояние кадровых офицеров тоже вызывало вопросы: «Не нравились мне некоторые офицеры из средних и старших: это бывшие кадро-

---

¹⁶ Там же. Л. 10.

¹⁷ Там же. Л. 18.

¹⁸ Там же. Л. 9об.

¹⁹ Там же. Л. 45.

²⁰ Там же. Л. 6об.

²¹ Там же.

вые офицеры, но какие-то изумительно запуганные революцией и всеми ужасами революционного фронта Великой войны.

Они всеми зверствами были оторваны от солдата и, несмотря на значительный по времени антракт еще не освободились от естественного в их положении чувства неловкости по отношению к солдату. Они в своих чинах видели, им мерещился революционный солдат, кривое зеркало истинного воина. Они как-то не верили, что пред ними молодняк, мало-развращенный, но в то же время малоустойчивый»²².

Из воспоминаний становится ясно, что в белом лагере дела шли далеко не благополучно. Мобилизованные солдаты не знали, за что воюют. При опросе пополнений этот вопрос оставался без ответа или даже давались вовсе не благоприятные для белых ответы. Например, Щепихин описал такой инцидент:

За что мы деремся? Этот вопрос в большинстве оставался без ответа. А один ответ поверг командарма в ярость: солдат развязного типа громко и с пафосом доложил, что эта война братоубийственная, что «мы, солдаты, насильно мобилизованные, ничего не знаем и не понимаем за что и как, и почему дерутся русские с русскими».

Белов приказал оратора немедленно арестовать и отправить в штаб армии. Судьбу его не знаю²³.

Судя по описанию, нельзя исключать, что это был большевистский агитатор, который не побоялся высказать столь глубокую и при этом очевидную мысль.

Упомянул Щепихин и отдельные карательные акции белых. Например, по его свидетельству, командир XI Яицкого армейского корпуса генерал-майор Н. А. Галкин лично расстрелял зачинщиков неподчинения приказу в одной из рот²⁴. Чтобы обезопасить себя на случай плена, солдаты обзаводились справками о том, что являлись якобы насильно мобилизованными.

По свидетельству Щепихина, население относилось к белым безразлично:

В Орске жизнь шла своим темпом: торговали, кто мог; сеяли, жали и косили; сплавляли лес по Уралу; один достраивал дом, другой подновлял забор. А вечером весь город веселился в кино, на площади шли танцы, музыка; молодежь ухаживала; степенные граждане судили-рядили свои мещанские вопросы.

На нас²⁵ обращали внимание постольку поскольку и, видимо, с плохо скрываемым нетерпением ожидали, когда мы, наконец, уберемся ко всем чертям.

---

²² Там же.

²³ Там же. Л. 10.

²⁴ Там же. Л. 14 об.

²⁵ Т. е. на армию.

Было грустно и трагично! В душу заползали сомнения: так ли все идет, то ли мы делаем. И кто из нас Дон Кихот с мельницами?!

Конечно, те, кто поневоле с нами ближе соприкасался, ловко подлаживался под наши интересы, но исключительно в своих, узко эгоистических интересах.

Все это чрезвычайно мирно, спокойно, степенно.

Так и хотелось крикнуть: Очнитесь, подумайте, какие сейчас дни.

Разве можно думать о завтрашнем дне и обсуждать спокойно свои мелкие делишки. Ведь сейчас решается участь нескольких десятков тысяч людей, ваших братьев, поднявших меч в Ваших же интересах!

Но язык присыхал к гортани и не поворачивался: внутренним чутьем каждый из нас угадывал ответ этих мещан.

«Нам какое дело! Кто вас просит вмешиваться в наши дела и нарушать наше спокойствие. Делайте свое дело, и, если можете, не обращайтесь на нас внимания... и если можно поскорее и, по возможности, безвозвратно уходите отсюда!...»

Вот какой ответ чуялся от этих мещански инертных людей.

Не покажется ли Вам, после такого ответа, вся ваша «идейная борьба» — мыльным пузырем?!

Чтобы не видеть этого, не бередить свою душу приходилось замыкаться в свой кокон и стараться забыть в суете своей, очевидно бесполезной, бесплодной, но в высшей мере суетливой деятельности.

Так делал каждый из нас, не признаваясь в своих сокровенных мыслях и никого не пуская в свое святая святых.

А на фронте события разворачиваются все шире и шире²⁶.

Разумеется, индифферентность населения, его погруженность в быт и развлечения вызывали возмущение у активных участников борьбы. В этом смысле Щепихин ставил себя и своих боевых товарищей над обывателями с их повседневными заботами.

Своей непосредственной деятельности по организации снабжения Южной армии Щепихин уделил незначительное внимание. Тем не менее, из воспоминаний становится понятно тяжелое положение армии в этом отношении. Дело в том, что Южная армия почти не имела глубокого тыла, сети железных дорог в районе армии не было, поэтому снабжение приходилось осуществлять лишь частично по единственной железной дороге через Челябинск и Троицк, а далее — гужевым транспортом. В тылу свирепствовал тиф. Снабжение Южной армии было организовано из рук вон плохо. Например, в армию поступили 120 пулеметов Льюиса без патронов к ним²⁷. Показательно описание тыла между Орском и станцией Бреды начальником снабжений армии:

---

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

²⁷ Там же. Л. 14об.

Путь, который я, так сказать, ревизовал... в этот период был главной жизненной артерией всей армии: здесь было скучено, перемешано, перепутано всякого добра от шерсти и медной руды до сухарей и медикаментов²⁸.

В мемуарах немало упоминаний о дисциплинарных проступках различных начальников и неисполнении приказов даже командирами корпусов. Эти командиры обладали сложными, неуживчивыми характерами, некоторые попадание в Южную армию воспринимали, вероятно, как понижение, что усугубляло ситуацию. Например, генерал Н. А. Галкин в прошлом являлся главой военного ведомства Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (то есть военным министром), что провоцировало повышенную амбициозность и нежелание подчиняться менее заслуженным в белом лагере начальникам. Генерал А. С. Бакич был темпераментным черногорцем по происхождению, самолюбивым и знающим себе цену. Он также подчинялся приказам постольку, поскольку они не шли вразрез с интересами его корпуса. При этом его корпус, как считал Щепихин, являлся лучшим в армии²⁹.

Щепихин сравнительно подробно описал попытки генерала Белова реализовать авантюрный план пробиться с Южной армией в Туркестан и там перезимовать. Как Белов представлял себе эти действия, не вполне ясно. В том числе в вопросе снабжения армии в степях и пустынной местности. Тем более, что советский Туркестан успешно отбивался от антибольшевистских сил на протяжении всей Гражданской войны. Даже в лучшие свои времена белые не смогли достигнуть на этом направлении перелома, а об успехе в период развала говорить не приходилось. Кроме того, Южная армия была тесно связана с Оренбургским казачьим войском, а отрыв от войсковой территории неизбежно вел бы к массовым сдачам казаков красным. Белов колебался между отступлением по линии железной дороги или от нее на восток, поэтому не удалось обеспечить нормальные линии снабжения и тылы, которые требовалось, исходя из рационального планирования, отводить на восток к городам Иргиз и Тургай³⁰.

Щепихин ярко описал развал Южной армии. Характерно описание организации службы связи в период отступления армии и встречи с полковником А. Ф. Рязановым:

На первом этапе разочарование — никаких казаков не было. Еду дальше и после полудня прибываю в штаб п[олковника] Рязанова³¹.

---

²⁸ Там же. Л. 13об.

²⁹ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

³¹ В документе, по-видимому, ошибочно — Казанцева. Далее во всех случаях мемуарист исправил Казанцева на Рязанова.

Меня встречает красивый молодой полковник и приглашает к себе закусить. На мой вопрос, почему нет постов летучей почты п[олковника] Рязанова, очень сбивчиво объясняет, что дисциплина в полку пала, что казаки — молодежь, офицеров мало, урядники слабы, многие посты не могли найти указанных мест. К моему строгому выговору Рязанов отнесся весьма апатично и вся его фигура показывала мне ясно, что в такой обстановке нельзя работать без сбоя³².

Отметим, что вскоре полковник Рязанов сдался красным и некоторое время служил в РККА.

Если верить мемуаристу, начальник штаба армии генерал И. В. Тонких, однокашник Щепихина по академии, сомневался в боеспособности оренбургских казаков. Тонких даже якобы однажды сказал автору воспоминаний:

Вот увидишь, Сергей, оренбур[г]цы нас подведут. Слава Богу, что я уговорил Белова подготовить линию Иргиз — Тургай — Атбасар. Не миновать нам ксенофонтовского похода³³.

Речь шла об описанном древнегреческим историком Ксенофонтом по собственным впечатлениям отступлении тринадцати тысяч греческих наемников через Малую Азию к черноморскому побережью в 401 г. до н. э. Это предположение Тонких позднее оправдалось. Впрочем, сложно сказать, не придумал ли такую версию сам мемуарист постфактум.

Первую неделю отступление армии носило стихийный неупорядоченный характер. Лишь позднее командующий смог внести некоторый порядок. Много внимания Щепихин уделил описанию своего отъезда из штаба армии в тыл по степям (Ташкентская железная дорога — город Иргиз — город Тургай — поселок Державинское — город Атбасар) и расставания с Южной (Оренбургской) армией с 3 сентября по 3 октября 1919 г. Этот же пятисотверстный маршрут являлся в дальнейшем и путем отступления всей армии. В этой части воспоминаний Щепихин по своему дневнику изложил свои путевые впечатления и зафиксировал встречи, как с начальствующими лицами, так и с казаками-кочевниками.

Щепихин сосредоточил свое внимание на оценке причин неудачи Южной армии и пришел к выводу, что они обусловлены неподготовленностью и легкомыслием командования. Основную ответственность за неудачу он возлагал на командующего армией генерала П. А. Белова, который пренебрегал, как считал мемуарист, принципами стратегии. Резко критически Щепихин отзывался и о своем товарище атамане А. И. Дутове, сменившем Белова на посту командующего армией.

---

³² ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

³³ Там же.

Щепихин явно стремился увеличить объем написанного за счет описаний природы, отвлеченных размышлений о психологии населения и избыточной детализации. Такая особенность несколько затрудняет восприятие воспоминаний и, видимо, связана с тем, что оплата за них в РЗИА осуществлялась исходя из их объема.

Воспоминания содержат два приложения. Первое приложение представляет собой запись беседы Щепихина с начальником Военной академии генералом А. И. Андогским и не имело прямого отношения к тематике воспоминаний о Южной армии³⁴.

Вторым приложением стали биографические зарисовки представителей командного состава Южной армии и других формирований (раздел «Портреты»³⁵). Мемуарист дал развернутые психологические портреты генералов И. Г. Акулинина, А. С. Бакича, П. А. Белова, Н. А. Галкина, А. И. Дутова, И. В. Тонких. Эти характеристики чрезвычайно интересны и подробны, хотя и не во всех случаях точны и объективны.

В основном, портреты генералов, как и воспоминания в целом, гиперкритические, что свидетельствует о высокой самооценке мемуариста. Командующий армией генерал Белов, по оценке Щепихина, обладал кипучей энергией, был умным, храбрым офицером, но не являлся полководцем и был склонен к авантюризму в военном деле. Не умея спокойно управлять войсками и выстраивать правильную систему военного администрирования, он предпочитал ручное управление и лично вмешивался во все более или менее значимые вопросы, мешая слаженной работе других. Не обладал Белов и чувством такта. Например, мог остановить группа праздно бродящих солдат или жителей на базаре или у церкви и выступить перед ними с речью: «За что мы воюем? С кем мы воюем? Кто мы?»³⁶

Начальник штаба армии генерал Тонких удостоился, в целом, положительного отзыва Щепихина. Однако мемуарист считал, что этот способный генерал мог бы занимать более высокий пост, а в Южной армии растрачивал себя впустую.

Командиров корпусов Южной армии Бакича, Галкина, Акулинина Щепихин критиковал за неисполнение приказов. Особенно досталось Галкину, которого Щепихин считал бестолковым генералом.

В разделе «Портреты» Щепихин дает краткую оценку и адмиралу А. В. Колчаку, как представляется, справедливую. Щепихин отмечал, что «пристрастность Колчака общеизвестна; кроме того, Колчак всегда шел у кого-либо на поводке, — надо было лишь делать это незаметно.

---

³⁴ Этот фрагмент нами опубликован в: *Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922*. М., 2014. С. 661–672.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 43–52.

³⁶ Там же. Л. 45об.

Кто делал и как, во времена Колчака, это также известно»³⁷. Речь шла о начальнике штаба Ставки генерале Д. А. Лебедеве.

Щепихин составил и подробный историко-психологический портрет оренбургского атамана А. И. Дутова³⁸. Сергей Арефьевич был его однокашником по кадетскому корпусу, училищу и академии Генерального штаба, однако не сумел достичь таких же высот и общероссийской известности. При этом Щепихин, насколько можно судить, считал себя более способным человеком. В итоге на страницах воспоминаний оказались зафиксированы разнообразные некрасивые истории, которые сопровождали жизненный и служебный путь Дутова, начиная от ябедничества в детские годы, протекции отца, слезливости и до назначений уже в Гражданскую войну на руководящие посты неспособных начальников, чтобы выигрышнее смотреться на их фоне. Щепихин не без оснований считал Дутова популярным казачьим лидером, но недалёковидным политиканом и интриганом, устранявшим соперников, даже в ущерб общему делу.

В целом, воспоминания генерала С. А. Щепихина весьма информативны и отчасти восполняют те лакуны, которые вызваны малочисленностью документов Южной армии в российских архивах. Они позволяют ответить на вопросы о причинах поражения Южной армии и массовой сдачи в плен ее личного состава осенью 1919 г. на Южном Урале, о взаимоотношениях и настроениях командного состава армии, о том, какими качествами обладали белые генералы, а также о восприятии белых населением и о многом другом.

Andrei Vladislavovich GANIN

Doctor of History, leading researcher of the Institute of Slavic studies
of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: andrey_ganin@mail.

Memoirs of General S. A. Shchepikhin as a source on history of the White Southern Army of the Eastern front of Admiral Kolchak

The article analyzes an important source on the history of the Civil war on the Eastern front-unpublished memoirs of major General S. A. Shchepikhin.

Keywords: Civil war, Eastern front, southern army, Orenburg Cossacks, S. A. Shchepikhin.

---

³⁷ Там же. Л. 43об.

³⁸ Большая его часть опубликована нами в: *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006.

УДК 94 (575.4)6

ББК 63.3 (2) 612

Джумадурды Сейтекович АННАОРАЗОВ

кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Туркменский государственный университет имени Махтумкули
(Ашхабад, Туркменистан)

E-mail: j.annaorazow@gmail.com

КАК НАЧАЛАСЬ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ТУРКМЕНИИ?

Статья посвящена вопросам начала Гражданской войны и иностранной военной интервенции в Закаспийской области Туркестанской АССР в 1918–1920 гг. Сделан вывод о том, Гражданская война, развернувшаяся в Советской России, в том числе и отдельной ее части — Закаспийской области Туркестанской АССР летом 1918 г., является отражением острейших конфликтов между различными политическими силами, кульминационным пунктом непримиримой борьбы между ними.

Ключевые слова: Закаспийская область, Гражданская война и иностранная военная интервенция, большевики и левые эсеры, меньшевики и правые эсеры, туркмены, армяне.

В советские годы в Туркменистане изучению истории Гражданской войны и иностранной военной интервенции придавалось большое значение: за более чем 70-летний период, последовавший после окончания этой событий историками Советского Туркменистана было опубликовано большое количество трудов по данному вопросу. История Гражданской войны была подробно освещена на страницах фундаментальных трудов по истории Туркменской ССР и Компартии Туркменистана, а также в специальной литературе. Заслуживают внимания отдельные работы, авторами которых являются А. Я. Мелькумов, Н. Н. Иомудский, С. Филиппов, Т. Козлов, Г. Н. Непесов, Ш. Т. Ташлиев, А. А. Росляков, К. Б. Мухаммедбердыев, М. Я. Языкова, Р. М. Эсенев, В. М. Кузьмина и др¹. Однако советская историография односторонне описывала исто-

---

¹ Мелькумов А. Материалы революционного движения в Туркмени. 1904–1919 гг. — Ташкент, 1924; Иомудский К. Туркмены и революция. 10 лет назад в Туркмени // Туркменоведение. — Ашхабад. — 1927. — № 2–3; Филиппов С. Белогвардейское восстание в Кизил-Арвате (июнь-июль 1918 г.): По воспоминаниям очевидцев // Туркменоведение. — Ашхабад. — 1930. — № 1; Козлов Т. Борьба за советский Ашхабад (начало гражданской войны в Закаспии) // Туркменоведение. — Ашхабад. — 1930. — № 10; Непесов Г. Победа советского строя в Северном Туркменистане (1917–1936 гг.). — Ашхабад, 1950; Ташлиев Ш. Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане. Т. 1–2. — Ашхабад: Ылым, 1983–1984; Росляков А. А. Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов (1917–1918). — Ашхабад, 1961; Муха-

рию Гражданской войны, утверждая, что эту войну развязали именно свергнутые эксплуататорские классы и поддержавшие их империалистические страны Запада.

К сожалению, в постсоветский период в отечественной исторической науке совсем угас интерес к изучению колониального (1869–1917) и советского (1917–1991) периодов (соответственно и по этой проблематике) истории Туркменистана, хотя именно в эти периоды туркменский народ добился колоссальных успехов в своем развитии. Если не считать школьных учебников по истории Туркменистана, опубликованных после 2007 г., эти вопросы не были подняты даже в сколько-нибудь значительной научной статье, не говоря уже о монографических исследованиях по данной проблематике.

* * *

Как известно, в колониальный период туркменские земли входили в состав Закаспийской области (большая часть современной Туркмении) Туркестанской губернии Российской империи, а также Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Несмотря на то, что большая часть туркменских земель была завоевана Российской империей, туркмены, независимо от того, где бы они ни проживали, в общем, лояльно относились к российским властям и русским. Туркмены Закаспийской области даже привлекались к несению воинской службы, хотя жители Средней Азии не подлежали к призыву в армию².

После Февральской революции 1917 г. в разных частях Средней Азии стали появляться национальные организации местных народов, в том числе и у туркмен, которые активно сотрудничали с органами Временного правительства. Эти отношения туркмен с русскими властями продолжались и после событий Октября 1917 г. Примером может послужить широкое привлечение туркмен в ряды Красной Армии. Уже в конце 1917 г. по призыву Ашхабадского³ Совета, руководимого большевиками, в городе был создан первый туркменский красногвардейский отряд под командованием Овезберды Кулиева. В Мерве был организован туркменский отряд, который нес охрану города и его окрестностей.

медбердыев К. Б. История Хорезмской революции. — Ташкент: Фан, 1986; Языкова М. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Западном Туркменистане. — Ашхабад, 1957; Эсенов Р. М. Большевицкое подполье Закаспия. — Москва, Мысль, 1974; Кузьмина В. М. Братство по оружию, рожденное Великим Октябрем. — Ашхабад, 1977.

² Об этом см.: Гундогдыев О., Аннаоразов Дж. Текинский конный полк: Слава и трагедия (1914–1918 гг.). Ашхабад: Рух, 1992.

³ Дореволюционное название Ашхабада.

Смешанные туркмено-русские красногвардейские отряды были созданы в Кара-Кала и Иолотани⁴.

Однако, несмотря на очевидный интерес местного населения к сотрудничеству с новыми властями, большевики и их союзники не собирались делить власть с ними. 15 ноября 1917 г. в Ташкенте открылся III Краевой съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в работе которого принимала участие и делегация от III Краевого съезда мусульман. Однако предложение мусульман об организации коалиционной власти здесь было оставлено без внимания. Съезд организовал СНК Туркестанской АССР из 15 человек, куда кроме большевиков и сочувствовавших им эсеров-максималистов, остальным доступ был закрыт. «Привлечение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти, — заявили ташкентские комиссары, — является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органе высшей краевой власти фракция (большевиков) приветствовала бы»⁵. В результате в состав первого советского правительства Туркестана не был включен ни один представитель местного населения, а в документах съезда ни слова не говорилось о предоставлении Туркестану автономии, хотя и этот вопрос тоже поднимался. Это было шагом назад по сравнению с политикой царской власти и Временного правительства, учитывавших интересы народов региона.

В ответ этому 26 ноября 1917 г. в Коканде открылся IV Чрезвычайный краевой съезд мусульман, в котором приняли участие более 200 делегатов от различных организаций, проигнорированных большевиками. Один из выступавших на съезде ораторов, призвал избрать в президиум представителей всех наций и конфессий, населяющих Туркестан⁶. Главным результатом съезда явилось провозглашение «Кокандской автономии». Туркестан был объявлен «территориальной автономией, в союзе с Российской республикой, основанной на федерации, по основаниям,

---

⁴ Аннаоразов Д. С. Формирования туркменских национальных красноармейских частей и отрядов советской милиции в Закаспийской области (1918–1924 гг.) / *Материалы конференций. Военная история: люди, события, полководцы.* — СПб.: ГБУ ДМ «ФОРПОСТ», 2019. — С. 109.

⁵ Абусейтова М. Х., Абылхожин Ж. Б., Кляшторный С. Г., Масанов Н. Э., Султанов Т. И., Хазанов А. М. *История Казахстана и Центральной Азии.* Алматы: Дайк пресс, 2001. — С. 74–75.

⁶ Цветков В. Ж. «Забытый фронт» (К истории Белого движения в Туркестане. 1917–1920 гг.) // *Гражданская война в России (события, мнения, оценки).* — М., 2002. — С. 160.

данным великой русской революцией»⁷. Таким образом, участники съезда добивались признания национальной автономии в пределах демократической России. Однако в феврале 1918 г. «Кокандская автономия» была ликвидирована частями Красной Армии, возглавленной Председателем СНК ТАССР Ф. Колесовым, сопровождавшимися большими жертвами. Даже на конференциях местных большевистских организаций был заявлен протест против «диких насилий, грабежей, имевших место при ликвидации событий в Фергане»⁸.

30 ноября 1917 г. в Асхабаде — в административном центре Закаспийской области, которая входила в состав Туркестанской АССР, открылся IV областной съезд Советов. Хотя в резолюции съезда говорилось о том, что «Закаспийской областью управляет областной съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и туркменских депутатов»⁹, тем не менее, туркмены не были представлены на нем. Да, съезд предложил Областному Мусульманскому комитету (ОМК) три места, но, национальные лидеры, которые в 29 ноября созвали также свой съезд, потребовали большинство мест для туркмен или передачи под их управление сельских районов Закаспийской области¹⁰. Но областной съезд Советов, большинство на котором принадлежало уже большевикам и левым эсерам, категорически отвергло это требование¹¹.

2 декабря областной съезд Советов сформировал СНК Закаспийской области из 7 человек. Когда в декабре прошли выборы в местные Советы, в областном СНК большевики уже получили пять мест из семи¹². Но, несмотря на прямую помощь и поддержку СНК Туркестана власть большевиков Закаспия все же была слабой. Здесь большевики практически не имели социальной опоры, так как рабочий класс был представлен в основном зажиточными железнодорожными рабочими, придерживавшимся эсеро-меньшевистской ориентации. Большевики опирались в основном на кустарей и ремесленников Асхабада. Забегая

---

⁷ Абдуллаев К. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции. Душанбе: «Ирфон», 2009. — С. 110.

⁸ Там же. — С. 114.

⁹ История Советского Туркменистана. 1917–1937. Ч. 1. — Ашхабад, 1978. — С. 46–47.

¹⁰ Судо Л. Б. Антинародная роль туркменских исполнительных комитетов в 1917–1918 гг. // Известия АН ТССР. Серия общественных наук. 1973. № 3. — С. 18.

¹¹ В конце 1917 г. — начале 1918 г. при большевистском Областном СНК и местных органах власти начали функционировать туркменские секции. Например председатель Асхабадского Союза фронтовиков, капитан Х. Ходжамурадов (Хаджи-Мурат) в красном Областном Совнаркоме до восстания июля 1918 г. возглавлял Туркменскую секцию, был комиссаром по административным делам. Но после свержение эсерами и меньшевиками советской власти с июля 1918 г. стал членом Туркменской секции эсеро-меньшевистского Временного исполнительного комитета (ВИК) Закаспийской области.

¹² История Советского Туркменистана. — С. 47.

вперед отметим, что их организация выросла с 10 человек в августе 1917 г. всего лишь до 15–20-ти к июню 1918 г.¹³ Недаром Чрезвычайный комиссар Туркестанского края П. А. Кобозев 21 февраля 1918 г. телеграфировал в Петроград: «Асхабад — крупный контрреволюционный эсеро-меньшевистский центр, базирующийся, подобно Оренбургу, на власти Управления железной дороги»¹⁴.

Чтобы поддержать закаспийских большевиков и умножить их военную силу после свержения «Кокандской автономии», в феврале 1918 г. в Асхабад во главе войск прибыли председатель СНК Туркестана Ф. Колесов и П. Полторацкий, которые силой разогнали местный Мусульманский комитет и разоружили Текинский запасной эскадрон и «байский добровольческий отряд»¹⁵ туркмен, подвергли село Кеши сильному артиллерийскому обстрелу. Как писал Николай Николаевич Хан Иомудский:

Когда Колесов, приехав в Асхабад, обрушился на те ничтожные ячейки, в которых микроскопически проявлялась идея туркменской самостоятельности, а затем предпринял орудийный и бесцельный обстрел аула Кеши, [...] то эти туркменские ячейки вынуждены были скрыться в полном составе, жители аула Кеши — уйти в пески и горы, а туркмены Ахала в массе были оттолкнуты от [...] большевиков¹⁶.

Однако решительные шаги туркестанских большевистских руководителей не помогли закаспийским большевикам. Уже 16 апреля 1918 г. асхабадские железнодорожные рабочие, состоящих из правых эсеров и меньшевиков, переизбирали областной Совет рабочих депутатов и выразили недоверие большевистскому областному СНК. Однако в мае эсеро-меньшевистские советы рабочих депутатов Асхабада и Кызыл-Арвата снова были разогнаны местными большевиками и левыми эсерами при поддержке ташкентских властей. Взамен совета рабочих депутатов были образованы большевистские военно-революционные комитеты. Повсеместно начались репрессии против сторонников эсеро-меньшевистских советов и конфискация их имущества. Повальные аресты и убийства политических оппонентов стали обычными методами управления новых властей, вызывая протест широких слоев населения¹⁷.

---

¹³ Козлов Т. Июньское восстание эсеров в Ашхабаде в 1918 г. // За социалистическую Турмению. — Ашхабад. — 1932. — № 5–7. — С. 33.

¹⁴ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Туркменистане: Сборник документов. — Ашхабад, 1954. — С. 208.

¹⁵ История Советского Туркменистана. — С. 62.

¹⁶ Иомудский Карашханоглы. Туркмены и революция. 10 лет назад в Туркмении // Туркменоведение. — Ашхабад, 1927. № 2–3. — С. 16.

¹⁷ Цветков В. Ж. Забытый фронт. Из истории Белого движения в Туркестане. 1918–1920 гг. // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., Раритет, 2002. С. 570.

В июне 1918 г. казачий атаман А. И. Дутов осадил Оренбург, вспыхнул мятеж Чехословацкого корпуса. В этой обстановке военный комиссар Туркестанского совнаркома издал приказ о принятии на учёт всех мужчин в возрасте 20–35 лет для зачисления в Рабоче-крестьянскую Красную армию, что являлось подготовительным актом к мобилизации. К 18 июня эти сведения должны были быть представлены в военный комиссариат¹⁸. Рабочие были возмущены этим решением большевистской власти, которая уже неоднократно развязывала военные действия, и, считая, что их собираются направить на фронт против атамана Дутова, приняли идею воинского учёта в штыки. Начались волнения и митинги в городах Закаспийской области.

17 июня в городском саду Асхабада был созван городской митинг. На митинге выступил ашхабадский военком Копылов. Когда разъярённые рабочие избили и выгнали Копылова с немногочисленными сторонниками из сада, ревком направил на митинг всех членов партии (20–30 человек), а также небольшой конный отряд красноармейцев. Отряд открыл стрельбу при сближении с толпой¹⁹. Завязалась беспорядочная перестрелка с силами ревкома, на защиту которого пришло лишь 50 вооружённых городских рабочих и кустарей²⁰. Рабочие Асхабада, взявшись за оружие, осадили и разогнали местный ревком. Большевистский совдеп был распушен и переизбран заново.

19 июня после попытки разгона митинга в городском саду и перестрелки рабочих с красноармейцами в Асхабаде собрались рабочие и красные дружины. В результате переговоров между ними регистрация была отменена и принято решение о созыве нового совдепа. Но, как оказалось, областной СНК, создавая новый совет, в то же время просил у Ташкента подкрепления для борьбы с эсеров-меньшевистской «контрреволюцией»²¹.

Для наведения порядка совнарком ТАССР направил отряд под командованием А. И. Фролова, назначенного чрезвычайным комиссаром Закаспийской области. Фролов выехал вечером 22 июня из Самарканда с отрядом в 17 мадьяр, 13 русских, 2 армян. В Асхабаде в него влились армянский отряд Петросянца (25 чел.) и 5 добровольцев. Отряд имел

---

¹⁸ Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркменистане: Сборник документов и материалов. Ашхабад, 1982. С. 447.

¹⁹ Мелькумов А. Материалы революционного движения в Туркмении. 1904–1919 гг. Ташкент, 1924. С. 105–107.

²⁰ Козлов Т. Борьба за советский Ашхабад (начало гражданской войны в Закаспии) // Туркменоведение. Ашхабад. 1930. № 10. С. 33.

²¹ Цветков В. Ж. Указ. соч. С. 570.

2 пулемёта «Максим» и 4 «Кольта»²². Вот как описывается появление А. И. Фролова в Ашхабаде:

Впереди ехали три всадника. У среднего на плече развевался огромный красный флаг с надписью «Смерть саботажникам». За флагом следовал сам Фролов на огромном жеребце, на котором красовалась красная лента. Фролов был хорошо вооружен. Вместо плети он в правой руке держал почему-то обыкновенный шомпол. Комиссар, вероятно, хотел дать понять, с помощью какого средства он намерен расправиться с непокорными. Чуть позади комиссара ехала его сожительница, которую все звали «цыганочка». Сопровождал Фролова конвой из 40 конных мадьяр. Последние, как и китайцы, а равно всякий пришлый элемент, отличались нерассуждающей жестокостью — затем они и понадобились²³.

Прибыв в Ашхабад, Фролов, кроме перевода управления дороги в Ташкент, сразу же ввёл в городе военно-осадное положение с комендантским часом, запретил собрания и шествия. Современники Фролова и даже однопартийцы наряду с положительными характеристиками отмечали его и отрицательные человеческие качества. Например, А. Я. Мелькумов отмечал, что

у тов<арища> Фролова, несомненно, были и отрицательные стороны, наряду с положительными. Он, например, иногда употреблял свои права неуместно. Бывали случаи, когда наказывал не совсем уместно провинившихся людей, наказывал без малейшей жалости людей, которые нарушали установленные в приказах порядки, и т. д. Страдал он также одним недостатком — пьянством. Частое его появление в пьяном виде в массе или в общественных местах привлекало внимание рабочих²⁴.

Эти слова А. Мелькумова подтверждает в своем воспоминании и красноармеец Мерген Капанчиев из туркменского отряда Овезберды Кулиева, который до восстания ашхабадских рабочих во главе с правыми эсерами и меньшевиками охранял здание Закаспийского большевистского правительства. М. Капанчиев отмечал, что когда Фролов приехал в Ашхабад, красноармейцы из отряда О. Кулиева встретили его на вокзале. По его словам, Фролов все время был пьяным, ругался и матерился, устраивал пьяные дебоши в городе. Видимо, Фролов хотел взять собой отряд О. Кулиева в Кизыл-Арват, так как М. Капанчиев в своих «Запи-

---

²² Из пояснительной записки Ф. А. Фунтикова от 30 июня (13 июля) 1919 года // <http://istprof.ru/176.html> (Дата обращения: 02.11.2020).

²³ Булдаков В. П. Революция, насилие и архаизация массового сознания в Гражданской войне: провинциальная специфика // Белая гвардия: Альманах. № 6. Антибольшевистское повстанческое движение. М.: Посев, 2002. С. 6.

²⁴ Мелькумов А. указ. соч. С. 105–107.

сках» отмечал: «я решил: лучше в Кизыл-Арват с ним (т. е. с Фроловым — *Дж. А.*) не поехать»²⁵. Забегая вперед отметим, что это и спасло туркменский красновардейский отряд О. Кулиева от истребления в Кизыл-Арвате, постигшей отряд Фролова, хотя 12 июля большая часть его отряда все же была уничтожена восставшими, а сам О. Кулиев арестован, уведен англичанами и пропал без вести.

Фролов, введя комендантский час, объявил Асхабад на осадном положении, распустил городскую мандатную комиссию по проведению выборов и сам провел выборы в местный совет, где большинство получили левые эсеры и большевики. Такое преимущество большевиками и левыми эсерами было достигнуто благодаря полной поддержке Фролова. Он поставил условия: если кто-то из предыдущего расформированного Совета хочет войти в новый совет, то он должен поддержать большевиков или хотя бы левых эсеров. Среди тех, кто принял условие Фролова и вошел в новый Асхабадский совет, был машинист паровоза правый эсер Ф. А. Фунтиков.

Комиссар принялся арестовывать непокорных железнодорожников, каждого третьего из них выпорол, троих повесил. Ответом стало восстание, инициаторами которого выступили те же железнодорожники, к ним примкнули и гимназисты. Бунтарей разгромили, порки рабочих возобновились.

9 июля Фролов, отправляясь в Кизил-Арват, демонстративно прошел со своим отрядом в около 100 конных и до 150 человек пеших по Асхабада, особенно по Хитровке, с плакатом, на красном фоне которого было написано «Смерть саботажникам»²⁶. Затем Фролов с отрядом двинулся в Кизыл-Арват, где экзекуции продолжались. Как писал В. П. Булдаков:

Утром 11 июля Фролов прибыл на станцию Кизыл-Арват, где также переизбрал совдеп; перед зданием вокзала повесили огромный плакат с надписью «Смерть всем, кто против нас!», по бокам которого для наглядности вздернули двух рабочих. Ясно, что так мог вести себя большевицкий сатрап только вдали от собственного центра — не приходилось опасаться, что его дернут за «чрезмерности»²⁷.

---

²⁵ Автор этих строк еще в 90-е гг. ознакомился с воспоминаниями М. Капанчиева, хранящиеся в Центральном государственном архиве политических документаций Туркменистана (ЦГАПДТ — бывший Партархив Туркменского филиала ИМЛ при ЦК КПСС), но, к сожалению, тогда он не считал нужным записать выходные данные этого документа. Сейчас вторичное ознакомление с этим документом не представляется возможным. Архивы Туркмении до сих пор закрыты для исследователей.

²⁶ Из пояснительной записки Ф. А. Фунтикова от 30 июня (13 июля) 1919 года // <http://istprof.ru/176.html> (Дата обращения: 02.11.2020).

²⁷ Булдаков В. П. Указ. соч.

В Кизыл-Арвате местный ревком отказался подчиняться решениям центра. Как в Асхабаде, так и среди кизил-арватских рабочих, занятых в паровозо-вагоноремонтных мастерских и депо (всего до 1700 человек), преобладали эсеры и меньшевики. Кроме того, в местной организации РСДРП к началу 1918 г. на 120 членов были лишь два большевика, остальные — меньшевики²⁸.

Как отмечал Фунтиков,

Фролов, отъезжая из Асхабада в К[изил]-Арват, дал телеграмму, что К[изыл]-Арват объявляется на военно-осадное положение. В К[изыл]-Арвате, получив сведения о том, что Фролов выехал к ним, избрали делегацию и отправили ее к нему навстречу с хлебом и солью. Но Фролов не только не принял делегатов из 4-х человек, но даже собственноручно избил их по одному, и одному из них разбил револьвером [...] челюсть, а по дороге в Кодж всех расстрелял²⁹.

По другой версии, делегация встретила Фролова на станции Кодж, что недалеко от Кизыл-Арвата. После переговоров она была арестована и посажена в пустой вагон.

По вступлении в Кизил-Арват Фролов со своими людьми отправился на вокзал для встречи своего эшелона. Подойдя к вагону, где сидели арестованные делегаты, красноармейцы заметили, что дверь этого вагона почему-то приоткрыта. Вошли в вагон — и в ужасе отшатнулись. На полу лежали в самых разнообразных позах трупы неизвестно кем убитых делегатов. Доложили в тотчас же час об этом Фролову. [...] Расследование установило, что Петросянец, взяв с собою 9 человек добровольцев, проник на ходу поезда в вагон с делегатами и там расстрелял их, а сам, по прибытии в Кизил-Арват, скрылся в городе. Это говорит о том, что приписываемый Фролову «собственноручный зверский расстрел» делегатов не соответствует действительности. Но в тоже время это показывает, что расследование было явно липовым: в эшелоне, состоявшем из десятка вагонов, даже в пути не могли не услышать выстрелов³⁰.

Тем временем как только Фролов отъехал в Кизыл-Арват в Асхабаде вспыхнуло антибольшевистское восстание, руководимое эсерами и меньшевиками. К восстанию примкнуло туркменское население и дашнаки. В Асхабаде на стороне красных выступили 80 красноар-

---

²⁸ Росляков А. А. Большевики Туркменистана в борьбе за власть советов (1917–1918). Ашхабад, 1961. С. 207.

²⁹ Из пояснительной записки Ф. А. Фунтикова от 30 июня (13 июля) 1919 года // URL: <http://istprof.ru/176.html> (дата обращения: 28.02.2018)

³⁰ Из пояснительной записки Ф. А. Фунтикова от 30 июня (13 июля) 1919 года // <http://istprof.ru/176.html> (Дата обращения: 02.11.2020).

мейцев и 2 небольших отряда: туркменский красногвардейский отряд О. Кулиева, а также отряд городских кустарей и рабочих. Как вспоминал красноармеец Овезкули Кулиев, младший брат командира туркменского красногвардейского отряда О. Кулиева, в самый ответственный момент местная вооруженная дружина армянской партии «Гнчак» также перешла на сторону восставших рабочих Асхабада³¹.

Восставшие свергли советское правительство, разгромили русский и туркменский красногвардейские части, разбили и уничтожили посланные из Ташкента карателей, мадьяр-«интернационалистов»³². В результате, к вечеру 12 июля восставшие сломили сопротивление красных и установили в городе власть стачкома, а асхабадские комиссары были расстреляны между станциями Аннау и Гяурс.

Из Асхабада в помощь Кизыл-Арватским рабочим был отправлен вооруженный эшелон асхабадских железнодорожников. Этот эшелон попытался задержать на станции Безмеин небольшой отряд красноармейцев, но он был уничтожен³³. 12 июля после полудня кизил-арватцы совместно с прибывшими асхабадцами окружили здание ревкома, где размещался Фролов со своим отрядом. В ходе четырехчасового боя часть отряда — скорее всего, армяне Петросянца — перешла на сторону восставших³⁴. Кизыл-арватские рабочие уничтожили отряд Фролова; сам он погиб вместе с товарищами. Город был занят восставшими, руководители красных, в том числе бежавшие в горы, пойманы и убиты.

В Асхабаде был образован эсеро-меньшевистский Временный исполнительный комитет (ВИК), или Временное правительство во главе правым эсером Ф. Фунтиковым. За короткий срок власть большевиков была свергнута в Красноводске, Мерве, Теджене, Байрам-Али и других городах Закаспийской области. Образовался Закаспийский фронт. Так началась братоубийственная Гражданская война на территории Туркмении.

3 августа 1918 года в Асхабад прибыл представитель британской военной миссии в Туркестане капитан Джарвис и заявил на заседании ВИКа, что если помощь англичан даже не будет принята, то они всё равно двинут свои силы в Закаспий, так как этого требует логика войны против Германии и Турции. Как отметил Ф. Фунтиков, со взятием

---

³¹ Автор этих строк еще в 90-е гг. ознакомился с воспоминаниями О. Кулиева, хранящиеся в ЦГАПДТ, но тогда не считал нужным записать выходные данные этого документа. К сожалению, архивы Туркменистана с тех пор закрыты для исследователей.

³² Эскалация Гражданской войны: от Брестского мира до окончания Первой мировой войны. URL: <http://old.elan-kazak.ru/grazhdanskaya-voina/eskalatsiya-grazhdanskoi-voiny?page=0,1> (дата обращения: 19.03.2017).

³³ Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. Ашхабад, 1961. С. 94.

³⁴ Филиппов С. Белогвардейское восстание в Кизил-Арвате (июнь — июль 1918 г.): По воспоминаниям очевидцев // Туркменоведение. Ашхабад. 1930. № 1. С. 21.

Баку турецкие войска, союзники немцев, вполне могли высадиться в Закаспийской области³⁵. ВИК согласился оформить эту акцию в виде договора и «приглашения» англичан. В тот же день в Мешхед (Персия), где находилась штаб-квартира британской миссии во главе с генералом Маллесоном, была послана делегация во главе с заведующим отделом ВИКа по иностранным делам В. И. Доховым. В переговорах с Маллесоном участвовал и А. И. Доррер, заведующий отделом юстиции ВИКа.

19 числа было подписано соглашение о взаимопомощи в борьбе против «германо-большевиков». По его условиям, англичане обязались всемерно помогать восставшим живой силой, боеприпасами и деньгами в течение всего времени их борьбы с большевиками. Взамен этого Закаспийский ВИК для защиты от турецких войск с запада обещал вывести паровозы и подвижный состав из Красноводска, допустить минирование порта, уничтожить водокачки и нефтехранилища вдоль железной дороги, привести в негодность мосты и в случае необходимости снять в некоторых местах рельсы³⁶.

Начиная с 12 августа части Британской королевской армии начали переходить российско-иранскую границу у станции Артык и занимать позиции на красном фронте. Осенью гарнизоны англичан были размещены и в городах области. С приходом английских экспедиционных войск Гражданская война в Закаспии приняла ожесточенный характер.

Что касается местного туркменского населения, то оно поддержало эсеро-меньшевистское правительство Фунтикова. В новое правительство вошли туркменские национальные деятели, а их представитель полковник Ораз Сердар³⁷ получил пост главнокомандующего белогвардейских войск.

16 июля в Безмеине (в настоящее время в пределах города Ашхабада) туркменские национальные лидеры созвали совещание, на котором был создан Центральный туркменский комитет (ЦТК) во главе бывшим офицером Текинского конного полка С. Овезбаевым. В состав ЦТК вошли бывшие офицеры Ораз Сердар, Х. Ходжамурадов (Хаджимурад), К. Бердыев и др. При ЦТК был образован Совет улемов из 16 духовных

---

³⁵ Из пояснительной записки Ф. А. Фунтикова от 30 июня (13 июля) 1919 года // URL: <http://istprof.ru/176.html> (Дата обращения: 02.11.2020).

³⁶ Там же.

³⁷ Офицер русской императорской армии Ораз Сердар служил в Текинском конном полку. До марта 1918 г. председатель Закаспийского Областного мусульманского комитета, разогнанного красными. С июля 1918 г. — член туркменской секции Ашхабадского ВИКа и командующий армией восставших. В 1919 г. командовал кавалерийской дивизией в составе деникинской Туркестанской армии.

лиц, который вел среди местного населения агитацию против «комиссаров-безбожников»³⁸.

В итоге подавляющее большинство туркменских национальных деятелей оказались на стороне эсеро-меньшевистского ВИКа. Даже будущий ответственный (первый) секретарь ЦК КП (б) Туркменистана Х. Сахатмурадов (1898–1938) в начальный период Гражданской войны оказался в лагере белых, где занимал должность адъютанта Ораз Сердара³⁹. Но были туркменские деятели, которые с первых дней начала Гражданской войны примкнули к большевикам и левым эсерам. Так, например первый председатель СНК Туркменской ССР, бывший член партии левых эсеров К. С. Атабаев (1887–1938) действовал на красном фронте, являясь инструктором мусульманской секции политотдела Закаспийского фронта.

На стороне белых войск оказался и Азиз-хан Чапыков (1887–1919), руководитель восстания 1916 г. в Тедженском уезде, который, как и украинский крестьянский вождь Н. Махно, также сотрудничал и с советской властью. Когда начались бои на Актюбинском фронте, к Азиз-хану как к крестьянскому вождю и председателю туркменской секции Тедженского совета из Кушкинской крепости приезжал левый эсер Степанов или, как его называли туркмены, Сарыджа (Рыжий) — комиссар. Этот Степанов встретился с Азиз-ханом и просил дать ему джигитов для борьбы с белогвардейцами, так как советская власть оказалась в сложном положении в связи с открытием Актюбинского фронта. Азиз-хан дал ему отборный отряд в количестве 500 всадников. Во главе туркменских джигитов и отряда кушкинских красноармейцев Степанов выехал в Ташкент. Там по просьбе советского правительства Туркестана Степанов оставил часть туркменских джигитов для охраны краевого правительства, а во главе с оставшейся частью отправился на Актюбинский фронт, где уже разворачивались ожесточенные бои между красными и белыми.

На фронте отряд Степанова, в котором теперь воевали и туркменские джигиты, встретился с Жлобинским отрядом. Бойцы этого отряда, сформированного в Жлобине Могилевской губернии, отличались буйностью нравов, крайней недисциплинированностью и «сверхреволюционностью», граничившей с анархизмом. Жлобинцы были в числе тех войск, с помощью которых прапорщик Крыленко ликвидировал Ставку в Могилеве. Как известно, этому всячески воспрепятствовали джигиты

---

³⁸ Ташлиев Ш. Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане. Т. 1. Ашхабад: Ылым, 1983. С. 73–74.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 15.

Текинского конного полка, которые охраняли Ставку Верховного главнокомандующего царских войск.

Встреча джигитов Азиз-хана с жлобинцами окончилась трагически. Жлобинцы, увидев джигитов, внешне похожих на тех, которые охраняли главковерха Л. Г. Корнилова, потребовали, чтобы Степанов разоружил их. «Этих лохматых⁴⁰ мы знаем по Могилёву, они контрреволюционеры, надо их ликвидировать», — кричали жлобинцы. Степанов наотрез отказался выполнить их требования. Он в попытке объяснить, кто эти джигиты, отклонил требование, за что был убит. Жлобинцы разоружили весь его отряд, а затем принялись расстреливать ничего не подозревавших туркменских всадников⁴¹. Подавляющая часть джигитов была расстреляна жлобинцами. И только единицы возвратились живыми в Теджен.

Жлобинцы отправили в Ташкент телеграмму, в которой говорилось, что здание совнаркома Туркестанской АССР охраняют контрреволюционеры и что их надо немедленно разоружить и уничтожить. В результате и с этими туркменами было покончено. Расправа над джигитами — одна из главных причин перехода Азиз-хана на сторону белых, однако он не стал воевать с Красной армией, отказываясь выполнять приказы белого командования, за что и был расстрелян в апреле 1919 г. в Красноводске белыми и англичанами. Впоследствии обо всем этом говорил в своем неопубликованном докладе член РВС Закаспийского фронта И. В. Бухаренко⁴².

Главномандующему Ораз Сердару и председателю ЦТК С. Овезбаеву удалось привлечь на сторону ВИКа туркменское население Мервского уезда. Здесь был сформирован Мервский конный отряд во главе Юсуп-ханом, сыном Нурберды-хана и ханши Гюльдемаля. В итоге в годы Гражданской войны, находясь на стороне белых, туркмены выставили против Красной армии Йомудский конный отряд, Ахалтекинский (бывший Текинский) конный полк, Мервский конный полк, Тедженский конный отряд и другие части. Ораз Сердару удалось собрать до 1800 туркмен и бросить их на фронт, а к концу 1918 г. в туркменских частях насчитывалось уже 2800 штыков и сабель⁴³. Однако участие туркменских

---

⁴⁰ Имеется ввиду высокие туркменские бараньи шапки.

⁴¹ Гундогдыев О., Аннаоразов Дж. Текинский конный полк... С. 58.

⁴² Автор этих строк еще в 90-е гг. ознакомился с докладом И. В. Бухаренко, сделанном им на юбилейной сессии АН ТССР в 1964 г., текст которого хранится в ЦГАПДТ, но тогда он не считал нужным записать выходные данные этого документа. Об этом косвенно упоминается в монографии Р. М. Эсенова, посвященной деятельности закаспийских подпольщиков в годы Гражданской войны. Об этом см.: Эсенов Р. М. Большевицкое подполье Закаспия. М., Мысль, 1974).

⁴³ Из пояснительной записки Ф. А. Фунтикова от 30 июня (13 июля) 1919 года // URL: <http://istprof.ru/176.html> (Дата обращения: 02.11.2020).

отрядов на стороне белых войск продолжалось до мая 1919 г., то есть до момента, когда белые начали терпеть сокрушительные поражения. С осени 1919 г. подавляющая часть туркменских отрядов уже воевала на стороне Красной армии.

Таким образом, восстания в Асхабаде и Кизыл-Арвате, происходившие в летние дни 1918 г., стали ответом на проведение мобилизации и репрессии чрезвычайного комиссара СНК ТАССР А. И. Фролова. Эти события стали прологом начала братоубийственной Гражданской войны на территории Закаспийской области, они являлись составной частью Гражданской войны и иностранной интервенции, происходивших в центре и в других частях Советской России, в которой участвовали различные политические силы.

В тоже время события, происходившие в Закаспийской области, имели свои отличительные особенности. Если в центре она была войной между классами, то в Закаспийской области военные действия происходили между политическими партиями: одну сторону представляли большевики и левые эсеры (красные), противоположную — эсеры и меньшевики (белые). Что касается туркмен, то они в первый период войны выступили на стороне белых, а потом перешли на сторону красных. Как показывают исследования, в развязывании Гражданской войны были повинны как «белые», так и «красные» в силу непримиримой и бескомпромиссной борьбы военно-политических сил России того времени.

Список литературы

1. *Абдуллаев К.* От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции. Душанбе: «Ирфон», 2009. 572 с.;
2. *Абусеитова М. Х., Абылхожин Ж. Б., Кляшторный С. Г., Масанов Н. Э., Султанов Т. И., Хазанов А. М.* История Казахстана и Центральной Азии. Алматы: Дайк пресс, 2001. 608 с.;
3. *Аннаоразов Д. С.* Формирования туркменских национальных красноармейских частей и отрядов советской милиции в Закаспийской области (1918–1924 гг.) / Материалы конференций. Военная история: люди, события, полководцы. — СПб.: ГБУ ДМ «ФОРПОСТ», 2019. — С. 108–116.
4. *Булдаков В. П.* Революция, насилие и архаизация массового сознания в гражданской войне: провинциальная специфика // Белая гвардия: Альманах. № 6. Антибольшевистское повстанческое движение. М., «Посев». 2002. С. 4–11.
5. Гражданская война в России. Развёртывание войны на Юге // URL: <http://rossia-voina.narod.ru/p12aa1.html> (дата обращения: 19.03.2017.);
6. *Гундогдыев О., Аннаоразов Дж.* Текинский конный полк: слава и трагедия. — Ашхабад: Рух, 1992. 64 с.
7. Девять ашхабадских комиссаров // URL: http://www.oldmikk.ru/Page3_let_ashabad.html (дата обращения: 9.03.2017);
8. Из пояснительной записки Ф. А. Фунтикова от 30 июня (13 июля) 1919 года // URL: <http://istprof.ru/176.html> (дата обращения: 28.02.2018);

9. *Иомудский К.* Туркмены и революция. 10 лет назад в Туркмении // Туркменоведение. — Ашхабад. 1927. № 2–3. — С. 14–20.;
10. История Советского Туркменистана. 1917–1937. Ч. 1. — Ашхабад, 1978;
11. *Козлов Т.* Борьба за советский Ашхабад (начало гражданской войны в Закаспии) // Туркменоведение. — Ашхабад. 1930. № 10.
12. *Мелькумов А.* Материалы революционного движения в Туркмении. 1904–1919 гг. — Ташкент, 1924.
13. Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. — Ашхабад, 1961.
14. Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркменистане: Сборник документов и материалов. — Ашхабад, 1982.
15. *Росляков А. А.* Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов (1917–1918). — Ашхабад, 1961.
16. *Судо Л. Б.* Антинародная роль туркменских исполнительных комитетов в 1917–1918 гг. // Известия АН ТССР. Серия общественных наук. — 1973. — № 3;
17. *Ташиев Ш.* Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане. Т. 1. — Ашхабад: Ылым, 1983.
18. *Филиппов С.* Белогвардейское восстание в Кизил-Арвате (июнь-июль 1918 г.): По воспоминаниям очевидцев // Туркменоведение. Ашхабад. 1930. № 1.
19. *Хасанов М. К.* «Кокандская автономия» и некоторые ее уроки. В кн.: Октябрьская революция в Средней Азии и Казахстане: теория, проблемы, перспективы изучения. — Ташкент: Фан, 1991. 255–264 с.;
20. *Цветков В. Ж.* «Забывтый фронт» (К истории Белого движения в Туркестане. 1917–1920 гг.) // «Гражданская война в России (события, мнения, оценки). — М., 2002., с. 569–580.
21. *Эсенов Р. М.* Большевицкое подполье Закаспия. — Москва, Мысль, 1974.
22. Эскалация Гражданской войны: от Брестского мира до окончания Первой мировой войны. URL: <http://old.elan-kazak.ru/grazhdanskaya-voina/eskalatsiya-grazhdanskoi-voiny?page=0,1> (дата обращения: 19.03.2017).

Jumadurdy Seytekovich ANNAORAZOV

Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer. Magtymguly Turkmen State University (Ashgabat, Turkmenistan)

E-mail: j.annaorazow@gmail.com

How the Civil War began in Turkmenistan

The article is devoted to the issues of the beginning of the Civil War and foreign military intervention that started in the Trans Caspian region of the Turkestan ASSR (Autonomous Soviet Socialist Republic) in 1918–1920. It is concluded that the Civil War that had started in Soviet Russia, including its separate part — the Trans Caspian region of the Turkestan ASSR in the summer of 1918, is a reflection of the most acute conflicts between various political forces, the culmination of an irreconcilable struggle between them.

Keywords: Trans Caspian region, Civil war and foreign military intervention, Bolsheviks and Left SRs, Mensheviks and Right SRs, Turkmen, Armenians.

УДК 94 (47).084.3

ББК 63.3 (2) 612.8

Павел Николаевич ЕРМОЛАЕВ

Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: paulermo@mail.ru

СУДЬБА МЛАДШЕГО БРАТА: ПЕТР ГЕОРГИЕВИЧ КОРНИЛОВ (1880–1919)

В статье впервые описана биография и жизненный путь полковника П. Г. Корнилова, младшего брата генерала Лавра Корнилова. В 1918 г. полковник Петр Корнилов являлся одним из руководителей подпольной Туркестанской Военной Организации, ставившей целью свержение советской власти в Туркестанской республике. По архивным данным приводятся сведения о службе П. Корнилова в 1-м туркестанском стрелковом полку и его боевой путь в период Первой Мировой войны. Деятельность П. Корнилова в 1918 г. отражена по воспоминаниям его соратников по борьбе. В статье впервые использованы фотографии из личного архива потомков П. Корнилова.

Ключевые слова: П. Г. Корнилов, Туркестан, туркестанские стрелки, туркестанская военная организация, гражданская война, басмачи, история Ташкента, первая мировая война.

В советской исторической литературе, посвященной Гражданской войне в Средней Азии, как правило, упоминается деятельность Туркестанской военной организации, направленная на свержение Советской власти в крае. Среди организаторов и руководителей организации традиционно называют генерала Кондратовича, горного инженера Назарова и полковника Корнилова. К фамилии последнего обычно прибавляется, что он — брат генерала Л. Г. Корнилова. Никаких дополнительных сведений о нем не приводится. Между тем его личность и биография представляют определенный исторический интерес не только в связи с его родством с одним из вождей Белого Движения, но и в силу его организационной роли на этапе зарождения антибольшевистской борьбы в Туркестане. В 2019 г. исполнилось 100 лет с момента гибели Петра Корнилова, но до сих пор не вышло ни одной публикации, посвященной его личности.

Биографии Лавра Георгиевича Корнилова посвящены многочисленные работы, однако до сих пор продолжают споры относительно национальности его родителей. По одной из версий, отец братьев Корниловых был сибирским казаком, а мать была оренбургской калмычкой, или по версии, которой придерживаются в Казахстане — крещёной казашкой из рода Керей или Аргын по имени Гульшара. Третья версия утверждает, что Лавр Корнилов родился в семье калмыка-казака и русской казачки и был усыновлен дядей — Георгием Корниловым.

Наиболее аргументированным и объективным представляется недавнее исследование Л. И. Огородниковой и А. М. Лосунова, сотрудников Исторического Архива Омской области, которые на основе архивных документов, в первую очередь метрических книг, смогли доказать происхождение семьи и историю рода Корниловых.¹

Отец братьев Корниловых — Георгий (Егор) Николаевич Корнилов, уроженец станицы Каркаралинской, поступил на службу в 1853 году и был урядником, а позже хорунжим 7-го Сибирского казачьего полка. Получив образование в классе восточных языков Омской школы кантонистов, он служил толмачом (переводчиком) в станице Кокпектинской, в местном окружном управлении. Там же в 1859 г. он женится на дочери резервного казака Прасковье Ильиничне Хлыновской (1842 г. р.). Родители Хлыновской переселились в Кокпекты в 1840 году с Бийской линии. Ее дед был поляком, сосланным в Сибирь после подавления польского восстания 1794 г. и там женившимся на алтайской калмычке. Вот откуда в роду Корниловых и появились монгольские черты лица.

В 1862 г. Георгий Корнилов переходит на гражданскую службу и в чине коллежского регистратора уезжает в Усть-Каменногоorsk (1869), а позже в 1872 г. — в Каркаралы. В 1881 году семья Корниловых переехала в казачью станицу Зайсан рядом с одноименным озером, недалеко от границы с Китаем.

Петр Георгиевич родился 17 июня 1880 года и стал младшим сыном в семье. Его старшие братья — Андрей, Александр, Автоном, Лавр и Яков. Были у него и сестры, старшая — Вера и младшая сестра — Анна. За исключением Автонома, все братья Петра избрали военную службу, правда, дожить до зрелого возраста довелось не всем. Яков умер от воспаления легких во время учебы в Сибирском кадетском корпусе. Андрею продвинуться по службе не удалось, он вышел в отставку поручиком и скоро умер в возрасте 36 лет. Автоном умер также относительно молодым — в 30 лет.

Старший брат Лавр, окончивший с отличием Сибирский кадетский корпус и поступивший в 1889 г. в Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, был для маленького Петра примером и объектом подражания.

По стопам братьев Петр поступил в Сибирский кадетский корпус, однако его не закончил, был исключен по болезни. При содействии Лавра вступил вольноопределяющимся в полк, где служил его брат, а в августе 1900 года Петр был принят в Казанское пехотное юнкерское училище.

---

¹ Л. И. Огородникова, А. М. Лосун, «Корнилов из рода Корниловых (По документам исторического архива Омской области)». Омский научный Вестник. Серия «Общество. История. Современность». №1–2018 г.

После его окончания в 1903 году в чине подпоручика был направлен в 1-й Туркестанский стрелковый батальон. (Ил. 1)

В своих воспоминаниях маршал Б. М. Шапошников, служивший вместе с П. Г. Корниловым с 1903 по 1907 г. в Туркестанском стрелковом батальоне характеризует его без излишней симпатии, но отмечает его отличные воинские качества: «... подпоручик Петр Корнилов из юнкерского училища, брат небезызвестного впоследствии генерала Корнилова, был назначен в 4-ю роту. Родители Корниловых, по рассказу младшего Корнилова, жили в Западной Сибири. Отец — русский — занимал должность переводчика при уездном начальнике, мать же была простая киргизка. Отсюда и монгольский тип лица, который унаследовали дети. Петр Корнилов, очень ограниченный человек, ничего не читал, ничем не интересовался, но был хорошим строевиком и отличным стрелком».²

При этом Шапошников не упоминает, что Петр Корнилов по совету брата Лавра в свободное от службы время изучал языки народов Индии, закончил Курсы восточных языков при штабе Туркестанского военного округа, в совершенстве овладел несколькими сартовскими наречьями и даже исполнял в батальоне роль военного переводчика. Некоторое время Петр был русским военным представителем при Хивинском хане.³ (Ил. 2)

В 1906 году Петр Корнилов был произведен в поручики, а в 1910 г. — в штабс-капитаны. В 1912 г. был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. В период службы в Ташкенте Пётр Георгиевич женился на Лидии Ивановне Садовской, уроженке Сыр-Дарьинской области, имевшей польские корни. В семье появилось трое детей, два мальчика и дочь (Ольга в 1908 г., Георгий в 1910 г., Лев — 1912 г. р.).⁴

К началу Первой Мировой войны Петр Корнилов — штабс-капитан в 1-й роте 1-го Туркестанского стрелкового полка. С началом боевых действий на Западном фронте Петр Корнилов назначается командиром 4-й роты и уже осенью 1914 г. представляется к награждению орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» за «отличное управление

Ил. 1. Подпоручик П. Г. Корнилов. 1903 г. Фото из личного архива П. Селиванова

² Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. — М.: Воениздат, 1974.

³ Поволяев В. Д. Жизнь и смерть генерала Корнилова: — М.: АСТ, Астрель, 2006

⁴ В. Ж. Цветков Генерал Лавр Георгиевич Корнилов https://ruskline.ru/monitoring_smi/2008/12/15/general_lavr_georgievich_kornilov_chast_pervaya/

Ил. 2. Поручик
П. Г. Корнилов.
Фото из личного архива П. Селиванова

ротой под ружейным, пулеметным, артиллерийским огнем противника с явной опасностью для жизни под Зольдау и Цехановым».⁵

Первый Туркестанский стрелковый полк вступил в войну в составе 1-й Туркестанской Стрелковой бригады I-го Туркестанского армейского корпуса и прибыл в район военных действий на Северо-Западный фронт в начале сентября 1914 г. Корпус расположился в районе Рожан, где вместе с гарнизоном Новогеоргиевской крепости составлял особую Наревскую группу под начальством коменданта крепости. Задачей этой группы было обеспечивать тыл войск, действующих от Варшавы на левом берегу Вислы. В начале октября 1-й Туркестанский корпус (под командованием генерал от инфантерии Ерофеева) был передислоци-

рован в район Цеханова, а позже под Осовец.

В конце октября части 1-го Туркестанского корпуса в упорных боях продвигались к укрепленному городу Зольдау (в Восточной Пруссии, ныне в Польше), где и отличился Петр Корнилов. В этих боях на долю 1-й Туркестанской стрелковой бригады выпала ответственная задача найти переправу через болотистую, непроходимую вброд, р. Нейду и переправившись обойти левый фланг противника, занимавшего Зольдау и ударить ему во фланг и в тыл. Рекогносцировку переправы и саму переправу по узкой, поврежденной немцами гати, длиною около 1-й версты, пришлось делать под губительным шрапнельным, ружейным и пулеметным огнем противника. Задача эта, благодаря отличной организации была выполнена блестяще и с минимумом потерь. туркестанцами была взята неприятельская батарея и большое количество пленных, в числе которых были и офицеры. Впоследствии части бригады в течение дневного боя отбили от 8 до 10 штыковых атак противника, нанеся ему страшный урон и заставив 4-го ноября отойти от наших позиций. После взятия Зольдау корпус перешел к обороне и успешно отражал многочисленные контратаки германских войск.

Впоследствии Петр Корнилов был награжден Орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом — «за спасение орудий и пулеметов при прорыве полка через окружившего противника 1 октября 1914 г. в бою под гор. Лыком», т. е. за бой, который произошел еще раньше, чем сражение под Зольдау. В конце сентября 1914 г. 1-й Туркестанский корпус преследовал неприятеля, отходившего от крепости Осовец к городу

⁵ РГВИА, Ф. 2290, Оп. 1, Д. 578

<p>Петръ Корниловъ Норинскій. Род. 1880 г. июня 17. Привольнаго. Изъ 1-го Туркестанскаго стрелковаго полка. Одначъ въ Сибирскомъ военномъ училищѣ курсъ не окон. Воинск. въ Кавказскомъ дѣ. воинск. пик. учил. по 2-му раз.</p>	<p>1) Исполнял должность съ 1898 г. октября 19. Полковникъ съ 1903 г. февраля 22, со старш. съ 1902 г. сентября 5. Полковникъ съ 1906 г. ноября 20, со старш. съ 1905 г. сентября 5. Шт. капитанъ съ 30 января 1907 г. со старш. съ 5 октября 1910 года.</p>	<p>1) Женатъ. 2) Привольнаго уроч. Сибирскаго военнаго округа. 3) 1 жена, 5 дѣтъ, и 2 сына 3 и 2 года.</p>	<p>1) Младшій офицеръ. 2) Изъ 1-й роты. 3) 1912 г. Съ. Стрелк. 3 роты.</p>
---	--	--	--

Ил. 3. Запись с личными данными П. Г. Корнилова из списка по старшинству 1-го Туркестанского стрелкового полка за 1915 г. РГВА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 13240

Лык, который был взят туркестанцами 24 сентября, после чего немцы перешли в контрнаступление.⁶ (Ил. 3)

В следующий раз Петр Корнилов, уже командуя 3-й ротой, отличился во время кровопролитной зимней Праснышской операции, в ходе которой 1-й Туркестанский корпус сдерживал наступление втрое превосходящих сил немцев, а позже с 2 февраля 1915 сам перешел в наступление. За эти бои Петр Корнилов был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.

За отличие в летних боях во время третьего Праснышского сражения П. Корнилов был награжден орденом Св. Анны 2-й степени. В этот раз 1-й Туркестанский корпус держал оборону по реке Нарев. 30 июня XII германская армия генерала Галльвица при поддержке ураганного артиллерийского огня обрушилась на позиции 1-й армии. Весь удар фон Галльвиц направил на стык между 1-м Сибирским и 1-м Туркестанским корпусами. Героическая стойкость этих двух корпусов разбила в прах все расчеты немецкого командования. Третье Праснышское сражение с 30 июня по 4 июля вместо разгрома всего русского Северо-Западного фронта закончилось лишь отступлением нашей 1-й армии. (Ил. 4)

В июне 1916 г. 1-й Туркестанский стрелковый полк (командир — полковник Ходоровский) 1-го Туркестанского корпуса в составе 8 Армии Юго-Западного фронта генерала Каледина участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве под Ковелем и в сражении на реке Стоход.

В октябре 1916 г. Петр Георгиевич несколько раз виделся со своим старшим братом. Незадолго до этого Л. Г. Корнилов совершил побег

⁶ РГВИА, Ф. 2290, Оп. 1, Д. №578.

Ил. 4. П. Г. Корнилов (крайний слева) среди офицеров 1-го Туркестанского полка на позициях. Не позже июля 1916 г. РГВА. Ф. 6,39. Оп. 1. Д. 1794

из германского плена и вступил в должность командира 25 Армейского корпуса Особой армии генерала В. И. Гурко (Юго-Западный фронт). Об этом эпизоде упоминает Лавр Корнилов в письме к сестре Анне от 01.11.17.: «Видел Петра. Полк его стоял одно время поблизости от меня и Петр три раза ночевал у меня». По всей видимости, это была последняя встреча братьев.⁷

Новый 1917 г. полк Петра Корнилова встретил в составе Особой Армии в позиционных боях под Луцком. Корнилов уже в чине подполковника командует батальоном. 11 марта 1-й Туркестанский стрелковый полк принял присягу Временному правительству, а 28 марта состоялось первое заседание избранного полкового комитета. С этого момента начинается череда роковых событий, приведших к краху Русскую армию, ввергнувших Россию в пучину братоубийственной Гражданской войны и ставших причиной гибели Петра Корнилова, его старшего брата и многих его родных.

⁷ Письмо генерала Корнилова сестре Анне http://lavr-kornilov.narod.ru/index_files/letter.htm

Начиналось все довольно безобидно. Вот как начало революционных событий отражено в журнале военных действий (ЖВД) 1-го Туркестанского полка за апрель 1917 г.⁸

23 апреля. Воскресенье. Занятий нет. В 10 часов была отслужена литургия. Пел хор певчих солдат. Приехали из Ташкента солдаты с подарками для полка. В 16 часов состоялся общий полковой митинг. До митинга несколько команд с музыкантами впереди продефилировали⁹ по улице под звуки Марсельезы и с красными знаменами. На митинге были произнесены серьезные и искренние речи. Доктор Данский подробно разъяснил, что такое свобода и свободы. Стрелок Любенко выступил с речью о войне и мире. Смысл речи — война до конца ради закрепления свободы... Командующий полком произнес горячую речь о необходимости победы над врагом и ради победы, единения между офицерами и солдатами. Речь Полковника была покрыта громкими «Ура» и стрелки устроили своему командиру шумную овацию. Не были забыты и легшие на полях сражения, память их была почтена вставанием и глубоким молчанием.

В конце апреля подполковник Корнилов взамен отозванного командира полка — полковника К. К. Ходоровского, назначается временно исполняющим обязанности командира 1-го Туркестанского стрелкового полка.

С начала мая, после прибытия маршевого пополнения обстановка в полку начинает постепенно ухудшаться. Выяснилось, что вновь прибывшие настроены к офицерам и даже старым солдатам откровенно враждебно. На очередном митинге, после попытки адъютанта полка прервать провокационные речи, возбужденные солдаты набросились на него, сорвали погонны и попытались арестовать. В итоге вместо наказания виновных, офицеру пришлось самому приносить извинения перед полком.

Вновь назначенным одним за другим командирам полка — полковникам Иванову и Володину солдаты выносили свое недоверие, и командование дивизией было вынуждено их убирать. В результате временно в командование полком опять вступил подполковник Корнилов. 24 июня командование полком принял полковник Руднев, старый туркестанец, сослуживец Корнилова еще по довоенным временам.¹⁰

Надо полагать, что Петр Георгиевич с воодушевлением воспринял назначение своего старшего брата на пост Верховного Главнокомандующего, произошедшее 19 июля, однако положение на фронтах ухудшалось, 21 августа германскими войсками была захвачена Рига. Боевой

---

⁸ РГВИА, Ф. 3423, Оп. 1, Д. 260

⁹ Так в тексте документа.

¹⁰ РГВИА, Ф. 3423, Оп. 1, Д. 261

дух полка продолжал неуклонно снижаться, появились отказы от выхода на работы.

29 августа в полку стало известно о провале выступления генерала Корнилова и его отстранении с поста Главнокомандующего Русской армией. На следующий день состоялось собрание полкового комитета, на который приехал комиссар 1-го Туркестанского корпуса. Вот что сказано об этом в ЖВД полка:

Комиссар говорил о событиях момента, обвинял в измене генерала Корнилова, утверждал, что революцию спасли только комиссары и комитеты и призывал исполнять приказания только комиссаров. Вероятно, он говорил это, касаясь лишь приказаний политического характера, а не боевых приказаний, но солдаты вряд ли это поняли, т. к. о подчинении в боевом отношении офицером комиссар не сказал ни слова...

В общем, после сегодняшнего собрания полкового комитета и речи комиссара настроение полка, до сих пор довольно спокойное, сильно ухудшилось, снова появляется недоверчивое и подозрительное отношение к офицерам.

Нетрудно представить состояние Петра Георгиевича, когда он слушал эти выступления.

К октябрю настроение солдатских масс в полку, как и во всей Русской армии, становится все более неуправляемым. В Донесении Начальника штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта от 20 октября 1917 г. о ситуации в 1-й Туркестанской стрелковой дивизии говорится следующее:

Отношение к офицерам неудовлетворительное. Отсутствие власти ставит командный состав в критическое положение. В 1-м Туркестанском полку солдаты видят в офицерах единственных виновников в продолжении войны и стремятся сорвать на них свою злобу на неудачные попытки протеста: грубый и резкий ответ солдата — заурядное явление, зачастую по адресу офицера слышатся ругательства и угрозы: «Бей их!», «Пристрелить их!», «Приколоть их!» и т. п. ... Терпеливое перенесение обид офицерами и жертвы самолюбием еще больше раздражают солдат.<...> Боеспособность неудовлетворительная. 1-я Туркестанская стрелковая дивизия, за исключением ударных батальонов и 29-го стрелкового полка к активным действиям безусловно непригодна.¹¹

После октябрьского восстания и последующей демобилизации армии Петр Корнилов, незадолго перед этим произведенный в полковники, пробирается к семье в Ташкент. По всей видимости, это произошло в самом начале нового 1918 года. К этому времени Ташкент уже пережил

---

¹¹ РГВИА, Ф.№2067, Оп. 1, Д. № 3858.

Ил. 5. Лидия Ивановна Корнилова (Селиванова) с мужем Петром Георгиевичем Корниловым. Фото не позднее 1914 г. из личного архива П. Селиванова

октябрьские события, кровопролитные уличные бои и стал столицей Туркестанской республики. Основная масса населения с ужасом следила за происходившими изменениями. Ситуация обострялась общей разрухой, безработицей, дороговизной, нехваткой товаров и растущей угрозой голода. (*Ил. 5*)

История создания Туркестанской военной организации была тесно связана с так называемыми «союзами фронтовиков», получившими широкое распространение на всей территории России к началу 1918 года.

После развала фронта и демобилизации армии на родину к семьям стали массово возвращаться военнослужащие. Как правило, офицеры не имели гражданских специальностей и в условиях экономического кризиса остро стоял вопрос с их трудоустройством. Зачастую, поставленные на грань простого выживания, офицеры стали объединяться в союзы взаимопомощи. Первоначально эти объединения носили легальный характер и были далеки от политической деятельности, однако, в условиях эскалации Гражданской войны очень быстро трансформировались и встали на путь вооруженного сопротивления Советской власти.

Есть все основания полагать, что Туркестанская военная организация была создана на основе Ташкентского союза фронтовиков и впоследствии опиралась в своей деятельности на подобные общества в других городах Туркестана. У истоков ее создания стояли генерал-майор Л. Л. Кондратович, полковники П. Г. Корнилов, Г. В. Блаватский, А. В. Руднев, геолог и горнопромышленник П. С. Назаров. Что касается полковника Руднева, то, согласно известных источников, он впоследствии входил в подпольную группу Цветкова-Агапова-Тишковского, развернувшую свою деятельность осенью 1918 г. Имеются сведения,

что Руднев служил связующим звеном между ними и Туркестанской военной организацией, на тот момент переименованной в Туркестанский союз по борьбе с большевизмом.

В апреле 1918 г. в Ташкенте становится известно о гибели Лавра Корнилова. Думается, не случайно именно к этому времени относят начало деятельности ТВО. Петр Корнилов, будучи человеком долга, не мог остаться в стороне и считал себя обязанным продолжить дело старшего брата.

Туркестанская военная организация ставила своей главной целью свержение Советской власти в крае и создание многонациональной автономной Туркестанской республики на принципах многопартийности (естественно, без наличия большевиков).

В короткие сроки ТВО удалось создать разветвленную сеть отделений во всех крупных городах и центрах Туркестана. Самые значительные из них располагались в Ташкенте, Асхабаде, Коканде, Скобелеве, Андижане, Верном, Самарканде и Джизаке. Удалось также наладить связь с атаманом Оренбургского казачьего Войска Дутовым и лидерами национальных вооруженных формирований — Джунаид-ханом в Хиве, Иргашем в Ферганской долине. Однако дело осложнялось почти полным отсутствием средств и оружия.

В мае 1918 г. в Ташкент из Баку прибыл и вышел на связь с Назаровым Е. П. Джунковский, бывший ветеринарный врач и Начальник Ветеринарного управления Российской Империи, имевший тесные контакты с британским командованием в Персии и в Закавказье. Джунковский предложил ТВО сотрудничество и пообещал добыть средства у англичан. В показаниях Павла Назарова, которые он дал после ареста, содержатся сведения об этом эпизоде и о роли, которую играл Петр Корнилов в подпольной организации.

Вскоре после этого он уехал, а мы, т. е. инициативная группа, распределили между собою роли в таком порядке: генерал Кондратович должен был заняться вербовкой лиц, способных вести пропаганду, рассчитывая в этом случае исключительно на молодежь, Корнилов должен был заняться вербовкой мусульман для этой же цели, Арсеньев должен был вести пропаганду среди сартов в этом же направлении.

Ведя всю эту работу, мы страшно страдали без денег, так как таковых нужно было много на разъезды по агитации и т. д., ожидая приезд Джунковского с деньгами. В это время открылся Асхабадский фронт, сообщение с Персией совершенно прекратилось, мы думали, что все это кончено, но совершенно неожиданно я получил прямо от Джунковского из Мешед (Персии) сто тысяч рублей. Их привез мне персидский татарин Султан Бек <...>

Деньги сто тысяч, полученные от Джунковского в конце августа с. г., были распределены таким образом: Блавацкий получил тридцать тысяч,

в конце сентября — двадцать шесть тысяч, Кондратович получил пятнадцать тысяч, Корнилов — пять тысяч, Арсеньев — две тысячи, в это время присоединился к нам Зайцев Иван Матвеевич, который получил три тысячи. Затем было решено отправить Корнилова в Фергану, куда он и поехал в середине сентября с. г.¹²

Полковник Оренбургского казачьего войска И. М. Зайцев, бывший комиссар Временного правительства в Хиве, в январе 1918 г. во главе отряда казаков попытался свергнуть Советскую власть в Туркестане. Выступив из Хивы, его отряды заняли Самарканд, Чарджуй и угрожали Ташкенту. Однако после боя под ст. Ростовцево казаки были распропагандированы большевистскими агитаторами и сложили оружие. Полковник Зайцев был арестован, чудом избежал расстрела и содержался в ташкентской тюрьме. В первых числах июня 1918 г. он совершил побег, подготовленный членами Туркестанской военной организации, заняв должность начальника штаба ТВО.

Впоследствии он опишет свою совместную с Корниловым деятельность в Фергане в отчете атаману Дутову. Петр Георгиевич как нельзя лучше подходил для подпольной работы среди мусульманского населения. В совершенстве владея местными наречиями, в национальной одежде, благодаря своей внешности, он был практически неотличим от киргиза.

Вот как описывает свою встречу с Корниловым полковник Зайцев:

На террасе сидит типичный киргиз небольшого роста. Направляюсь к нему, подхожу, держа на всякий случай в кармане браунинг наготове. Он сидит спокойно, мало обращая внимания на меня. Говорю: «Асалям алэкум!» (приветствие при встрече). — «Алэкум асалям!», отвечает. Спрашиваю, кто его прислал и кого ему нужно. Говорит, что прислал Тюлеган; что нужно Турчанинова, которому он привез письмо. Говорю: «Я самый Турчанинов». «Я полковник Корнилов», отвечает незнакомец, и оба незнакомца, один киргиз, другой сарт, объявились.¹³

По плану ТВО одним из основных элементов общетуркестанского восстания должно было стать создание на территории Ферганской долины армии, состоящей из местных мусульманских формирований, к тому времени уже стихийно сложившихся после разгона «Кокандской автономии» в марте 1918 г.

¹² Показание члена контрреволюционной Туркестанской военной организации П. С. Назарова о создании и деятельности организации. — Из истории Гражданской войны в СССР. Документы и материалы. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане, в 2-х т. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР: Наука, 1963–1964. Том. 1

¹³ Ганин А. В. Большая игра генерал-майора И. М. Зайцева. *Альманах «Белая гвардия», №8. Казачество России в Белом движении. М., «Посев», 2005*

Во главе наиболее крупных басмаческих отрядов находились авторитетные лидеры — курбаши Иргаш (Эргаш-бай) и Ишмат-бай. В сентябре руководством ТВО было достигнуто соглашение с ними о совместной борьбе на следующих условиях: 1) Иргаш-бай и Ишмат-бай вступают со всеми своими курбаши в Туркестанскую военную организацию. 2) Распоряжения своим курбаши они отдают от себя лично, но действуют по указанию ТВО и под руководством назначенных лиц, для чего будет командирован особый штаб и офицеры в качестве инструкторов. 3) Организация берет на себя обязанность снабжать отряды всеми видами довольствия. 4) Представители английского правительства обязались снабжать организацию деньгами, оружием и боевыми припасами. Относительно последнего пункта, следует добавить, что эти обещания исходили со стороны находящегося в Ташкенте британского резидента майора Ф. М. Бейли, наладившего контакты с ТВО.

В начале октября 1918 г. Зайцев, Корнилов и Арсеньев выехали в Ферганскую долину в ставку лидера местных курбаши Иргаша в район Коканда.

Поначалу работы по реорганизации существующих отрядов и сколачиванию новых шли успешно. Предполагалось сформировать в течение двух, трех месяцев два конных отряда, каждый силой около двух тысяч человек и при них 8 конно-горных орудий, два пехотных полка и две горных батареи в 4 орудия; общей численностью около двух тысяч человек. Обучение предполагалось организовать по казачьему образцу. Однако работа осложнялась низкой дисциплиной среди бывших крестьян, амбициями, соперничеством и откровенной враждой между некоторыми главарями басмаческих отрядов. Почти полностью отсутствовала артиллерия (имелось 2 орудия), причем добыть ее в большем объеме так и не получилось. Тем ни менее, первоначальные группы басмачей, более походившие на разбойничьи шайки стали приобретать видимость регулярного войска.

В конце октября органы Туркестанкой ЧК вышли на след Туркестанской военной организации. В Ташкенте начались повальные обыски и аресты иностранцев, бывших офицеров и подозрительных элементов. В эти дни был арестован Павел Назаров и вместе с ним целый ряд активных членов Туркестанской Военной организации. Буквально в последний момент удалось избежать ареста и скрыться генералу Кондратовичу, перешел на нелегальное положение майор Бейли.

По словам полковника Зайцева:

... работы пришлось прервать вследствие получения из Ташкента тревожных сведений. <...> Посланные нами джигиты в Ташкент также ничего не сообщают. Мы начали беспокоиться. Вскоре узнаем, что много членов нашей организации арестовано и расстреляно. Тогда мы решили отправиться

в Ташкент узнать, в чем дело. Поехали: я, полковник Корнилов, брат знаменитого генерала Корнилова, и есаул Юдин. Дорогой оказалось, что все перевалы и пути в Ферганскую область заняты большевиками. Кое-как пробрались. Недалеко от Ташкента мы расстались. Я поехал в те кишлаки, где укрывался раньше.¹⁴

Вот как описывал обстоятельства своего ареста Павел Назаров:

Одним из инкриминированных мне документов было письмо, которое перехватили большевики. Оно было послано из Ферганы с вестовым полковника П. Г. Корнилова, брата хорошо известного генерала. Вместе с полковником мы снаряжали и отправляли группы офицеров для организации в Фергане кавалерийских отрядов из местных всадников для борьбы с большевиками. Несмотря на мои неоднократные просьбы не посылать ничего в письменной форме, педантичность несчастного Корнилова заставила его направить мне детальный отчет о расходах и рапорт о своих действиях в надежде, что его вестовой благополучно преодолет горы и посты Красной гвардии». Павел Назаров с октября 1918 г. находился под следствием в Ташкентской тюрьме и чудом избежал гибели. 19 января 1919 г. он был освобожден из тюрьмы во время восстания К. Осипова¹⁵.

Деятельность полковников Корнилова и Зайцева в Фергане не прошла даром. К концу 1918 г. басмаческое движение в Ферганской области усилилось. К началу 1919 г. в Ферганской долине образовались два крупных центра антисоветского восстания. Первый — под руководством Мадамин-бека, охватывал Скобелевский, Андиганский и Наманганский уезды. Второй центр — под руководством Катта Иргаша, охватывал Кокандский уезд, ставка его располагалась в селе Бачкир Янгикурганской волости. Общая численность отрядов Иргаша в начале 1919 г. достигла 15 тыс. человек. Совместно с отрядами нового лидера повстанческого движения Ферганы — Мадамин-бека они смогли взять под контроль практически всю область, за исключением крупных городов. В течение 1919 г. басмаческое движение из Ферганской долины начало распространяться на соседние регионы и захватило, в конечном итоге большую часть Средней Азии.

Между тем в январе 1919 г. в Ташкенте назревают поистине драматические события, именуемые советскими историками «осиповским мятежом». К концу декабря 1918 г. в Ташкенте сформировалась еще одна группа заговорщиков, состоявшая из представителей советской

---

¹⁴ Ганин А. В. «Наша Туркестанская военная организация... вошла в соглашение с английским правительством». Доклад полковника И. М. Зайцева Войсковому атаману Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанту А. И. Дутову. 1919 г. http://orenbkazak.narod.ru/PDF/Zaytsev_report.pdf

¹⁵ Назаров П. С. Бегство из Центральной Азии; — Б.: Раритет, 2015

номенклатуры. В ее состав вошли военком республики К. П. Осипов, председатель Совета железнодорожных мастерских и бывший член СовНаркома комиссар В. Агапов, его помощник техник И. Попов, ответственные работники советских организаций полковник П. П. Цветков, А. Тишковский и другие. По всей видимости, эта группа вошла в контакт с остатками Туркестанской Военной Организации, поскольку во время восстания они действовали совместно.

За несколько дней до начала восстания органы Туркестанской ЧК арестовали несколько близких к Осипову людей. Было принято решение об аресте Осипова, и его группа решила на преждевременное выступление. По первоначальному плану мятеж планировался ими на март-апрель 1919 г., позднее срок был перенесен на 25 января.

В ночь с 18 на 19 января члены группы Осипова совместно с офицерами Туркестанской военной организации захватили почту, телеграф, Дом Советов, здание милиции и другие ключевые объекты города.

Восставшими был выдвинут лозунг «За Советы без большевиков!», впоследствии измененный на — «Вся власть Учредительному Собранию!». На их сторону перешла значительная часть ташкентского гарнизона, 1-й пехотный и 2-й кавалерийский полки, отряд броневедомостей. К восставшим также примкнули члены ТВО под руководством полковника Руднева и князь Александр Николаевич Искандер, младший сын Великого князя Николая Константиновича. Общая численность войск мятежников составляла до 2000 человек.

По приказу (или с ведома) Осипова было арестовано и расстреляно практически все руководство Туркестанской республики. К утру 20 января восставшими был занят почти весь город кроме Ташкентской крепости, и укрепленного района вокруг Главных Железнодорожных мастерских. Однако, после первоначального успеха, мятежники потеряли инициативу и в ходе двухдневных уличных боев были разбиты. 21 января, ночью Осипов, захватив золотой и валютный запас республики, хранившийся в городском банке, с отрядом, численностью около 1000 человек бежал из города и ушел по Чимкентскому тракту. Вместе с ним ушли полковник Руднев и князь Искандер, которые впоследствии сформировали из беглецов Ташкентский офицерский партизанский отряд. Впоследствии, князь Искандер, один из активных участников январских событий, напишет воспоминания об этих днях, озаглавленные им «Небесный Поход».¹⁶

После провала восстания по Красному Туркестану прокатилась волна массовых арестов и репрессий. В первые дни были расстреляны многие захваченные участники мятежа и просто классово чуждые элемен-

---

¹⁶ Князь Искандер. Небесный поход. Бишкек: Раритет, 2016.

ты. В Ташкенте и окрестных селениях проводились повальные обыски, для поисков беглецов были мобилизованы местные крестьяне. Вплоть до начала лета все дороги и горные тропы были перекрыты заставами красноармейцев.

Доподлинно неизвестно, где именно находился Петр Корнилов во время восстания Осипова. С весны 1919 г., не желая расставаться семьей, он скрывался на одной из дач в окрестностях Ташкента, был арестован в начале лета и вскоре расстрелян. Вот как об этом событии говорится в воспоминаниях Павла Назарова.

Полковник скрывался в пригородах Ташкента. По внешности он сильно походил на казаха, свободно говорил по-узбекски и был во всех отношениях так похож на туземца, что даже когда он пришел ко мне одетый таким образом, в то время когда мы планировали заговор против большевиков, никто из моих домашних даже не заподозрил, что это был русский полковник, и приняли его за казаха, который пришел увидеть меня по поводу охоты или рудного дела. Он мог бы легко скрыться в Фергане или в другом подобном месте, но он хотел оставаться как можно ближе к своей несчастной семье, состоящей из жены и четырех маленьких детей. Те жили буквально как нищие — советские власти забрали у них все до последнего — включая даже детские постели. Почтальон случайно узнал Корнилова и сообщил о его укрытии большевикам. Радость мерзавцев была безграничной, и лишь мой арест мог завершить их триумф.¹⁷

Наиболее подробная версия ареста полковника Корнилова содержится в мемуарах британского разведчика Ф. М. Бейли. Примечательно, что в период его работы в Ташкенте под легальным дипломатическим прикрытием в августе-сентябре 1918 г. он наладил тесные контакты с представителями ТВО, однако лично с Корниловым он познакомился только летом 1919 г., когда оба они находились в подполье, и даже некоторое время прятались в одном доме.

Однажды странный сарт, говоривший прекрасно по-русски, приехал днем к нам на обед, и что-то заставило меня предположить, что это должно быть скрывавшийся полковник Корнилов. После того как он уехал, я спросил об этом у Яковлева, и он сказал мне, что я прав, но что никто не должен об этом знать. После этого Корнилов приезжал к нам еще несколько раз, а также и его жена, которая появлялась вполне свободно под собственным именем. Это казалось мне очень опасным. Полиции достаточно было шпионить за ней, чтобы поймать его. Позже он переехал жить к нам в дом, и делил со мной мою крохотную комнату. Мне показалось чрезвычайно опасным, что двое самых разыскиваемых в Ташкенте людей живут в одной

---

¹⁷ Там же.

комнате. Но так как я не мог настоятельно попросить своего хозяина быть более осторожным, я решил сменить квартиру. Как обычно, на то, чтобы договориться о поиске подходящей квартиры, уходило некоторое время. А через несколько дней Корнилов съехал от нас, поскольку решил жить на даче, в маленьком глинобитном домике, в саду в городском предместье. <...> Яковлевы и я обычно по воскресеньям шли на эту дачу и проводили весь день там с Корниловыми.

3 июля я услышал, что Корнилова арестовали. Маленький соседский мальчик сообщил в полицию, что какой-то подозрительный человек, носивший иногда национальную местную одежду, живет на этой даче. Полиция сразу отправилась туда и арестовала Корнилова. Про наши посещения дачи было, конечно, известно и его семье, и соседям, и я боялся, что полиция сможет связать между собой дом Яковлева и Корнилова, и поэтому я съехал от Яковлевых к большому их облегчению.<...>

Мне всегда казалось что было весьма безрассудно со стороны Корнилова жить таким образом — с частым посещением его женой и детьми. Однажды я сказал об этом Яковлеву. Он ответил, что большевистская полиция слишком глупа, чтобы додуматься выслеживать Корнилова через его жену. К несчастью, он оказался неправ, и Корнилов был арестован, допрошен и признан виновным. Говорили, что Туркестанское правительство запросило Москву об отсрочке исполнения вынесенного ему приговора. Когда из Москвы пришел ответ, что они могут это сделать, было уже поздно, Корнилова уже расстреляли.¹⁸

По-разному сложились дальнейшие судьбы соратников Корнилова по антибольшевистской борьбе в Туркестане. Генерал Кондратович был арестован и расстрелян после восстания Осипова в январе 1919 г.

Полковник Зайцев был арестован под чужой фамилией и вскоре освобожден. Впоследствии он пробрался через линию фронта в расположение белых войск атамана Дутова. Вскоре стал начальником штаба Оренбургского военного округа, затем — исполняющим обязанности начальника штаба атамана Дутова, с октября 1919 — начальником штаба Оренбургской армии, произведён в чин генерал-майора. После окончания Гражданской войны находился в эмиграции в Шанхае. В 1924 г. Зайцев с целью организации подрывной работы внутри Красной армии возвращается в Советскую Россию, но после разоблачения оказывается на Соловках. В 1928 г. он бежит из лагеря и после года скитаний вновь пробирается в Китай. 22 ноября 1934 года в Шанхае Иван Матвеевич Зайцев покончил жизнь самоубийством.

---

¹⁸ . Бейли Ф. М. Миссия в Ташкент. М: Языки Славянской Культуры, 2013

После бегства из Ташкента и боя под Чимкентом 25 января остатки отряда Руднева повернули на Чимган. В разгар зимы им удалось перевалить через отроги Западного Тянь-Шаня (Пскемский и Чаткальский хребты) и оторваться от преследования. После тяжелейшего высокогорного перехода отряд беглецов в количестве 62 человек спустился в Ферганскую долину и присоединился к войску курбаши Мадомин-бека. Позднее полковник Руднев со своим отрядом поступит на службу к Бухарскому эмиру. После нескольких месяцев тяжелой кочевой жизни его здоровье сильно ухудшилось. В июле 1919 полковник Руднев умер в Бухаре, где и был похоронен.

Павел Назаров после поражения январского восстания несколько месяцев скрывался у знакомых киргизов в окрестностях Ташкента, затем в городе Пишпекке (ныне Бишкек). Здесь под именем Николая Ивановича Новикова он работал инженером по исследованию гидротехнических условий Семиречья. В 1920 г. через горы пробрался в Китайский Кашгар. В Кашгаре Назаров жил несколько лет, но после предупреждения из Ташкента о слежке за ним, в августе 1924 года, совершил ещё один тяжелый переход через Гималаи и Кашмир в Британскую Индию, а оттуда уехал в Англию. Там он получил и принял предложение о работе геологом в Экваториальной Африке (в Анголе). Позже перебрался в Южную Африку, работал во многих южноафриканских горнодобывающих компаниях, преподавал в университетах Кейптауна, Претории, Блумфонтейна. Скончался Назаров в Йоханнесбурге в 1942 году. Свой побег из Туркестана и дальнейшие скитания Павел Степанович Назаров описал в книге, переведенной на английский язык под названием *Hunted through Central Asia* (Погоня по Центральной Азии) изданной в 1932 году.

По всей видимости, супруга Петра Георгиевича Корнилова — Лидия Ивановна была арестована не сразу с мужем, а несколько позже, поскольку ей удалось, предвидя арест, спасти детей и пристроить их среди дальних родственников. По всей видимости, детей удалось переправить в Зайсан. До сих пор остается неизвестным, была ли она расстреляна или погибла в лагере. (Ил. 6)

В начале 30-х годов Ольга Петровна Корнилова вышла замуж за врача-хирурга Павла Афанасьевича Селиванова. Во время Великой Отечественной войны в 1942 г. звании военврача 2-го ранга Селиванов был командиром медицинской роты 11 стрелковой дивизии на Волховском фронте, в 1944 г. в звании майора медицинской службы был ведущим хирургом эвакогоспиталя 2-й Ударной армии. Был награжден орденами — Красной Звезды и Отечественной Войны 2-й ст., медалью «За боевые заслуги» и другими боевыми наградами.

В настоящее время в Краснодарском крае проживает внук Ольги Петровны и правнук Петра Корнилова. К счастью, в его семейном архи-

Ил. 6. Ольга Петровна Селиванова (Корнилова) с мужем Павлом Афанасьевичем Селивановым. Фото начала 30-х годов из личного архива П. Селиванова

ве сохранились несколько фотографий прадеда. Мы знаем, насколько рискованно было в советское время держать их у себя. Он бережно сохраняет память и казачьи традиции рода Корниловых и будет благодарен за любую дополнительную информацию о судьбе Петра Георгиевича. Пользуясь случаем, автор выражает огромную признательность Павлу Селиванову за предоставленные для публикации фотографии Петра Корнилова.

В Краснодарском крае живет еще один правнук полковника Корнилова, внук его сына Георгия, сохранивший фамилию Корниловых. Благодаря ему стало известно, что сержант Георгий (Егор) Петрович Корнилов погиб (пропал без вести) во время Великой Отечественной войны в 1943 г.

Младшая сестра братьев Корниловых, Анна Георгиевна после окончания Гражданской войны несколько лет жила под чужой фамилией в Луге, в Ленинградской области, работала учительницей в школе. В 1929 году она была схвачена органами ОГПУ и вскоре расстреляна. Единственной ее виной было родство со старшими братьями.

Потомки Лавра Корнилова проживают в настоящее время во Франции и США.

Список литературы

- Бейли Ф. М. Миссия в Ташкент. — М: Языки Славянской Культуры, 2013
- Ганин А. В. Большая игра генерал-майора И. М. Зайцева. *Альманах «Белая гвардия»*, №8. *Казачество России в Белом движении*. М., «Посев», 2005
- Ганин А. В. «Наша Туркестанская военная организация... вошла в соглашение с английским правительством». Доклад полковника И. М. Зайцева Войсковому атаману Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанту А. И. Дутову. 1919 г. http://orenbkazak.narod.ru/PDF/Zaytsev_report.pdf (дата обращения 24.11.2020 г.)
- Князь Искандер. Небесный поход. — Бишкек: Раритет, 2016
- Назаров П. С. Бегство из Центральной Азии; — Бишкек: Раритет, 2015
- Огородникова Л. И., Лосунов А. М., «Корнилов из рода Корниловых (По документам исторического архива Омской области)». Омский научный Вестник. Серия «Общество. История. Современность». №1–2018 г.

Письмо генерала Корнилова сестре Анне http://lavr-kornilov.narod.ru/index_files/letter.htm
(дата обращения 24.11.2020 г.)

Поволяев В. Д. Жизнь и смерть генерала Корнилова: — М: АСТ, Астрель, 2006

Показания члена контрреволюционной Туркестанской военной организации П. С. Назарова о создании и деятельности организации. — Из истории гражданской войны в СССР. Документы и материалы. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане, в 2-х т. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР: Наука, 1963–1964. Том. 1

Цветков В. Ж. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов https://ruskline.ru/monitoring_smi/2008/12/15/general_lavr_georgievich_kornilov_chast_pervaya/

Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. — М.: Воениздат, 1974.

Pavel Nikolaevich ERMOLAEV

Independent researcher (St. Petersburg, Russia)

E-mail: paulermo@mail.ru

Pyotr Georgievich Kornilov (1880–1919) — the fate of his younger brother

The article describes for the first time the biography and life path of Colonel P. G. Kornilov, the younger brother of General Lavr Kornilov. In 1918, Colonel Pyotr Kornilov was one of the leaders of the underground Turkestan Military Organization, which aimed at overthrowing Soviet power in the Turkestan Republic. According to archival data, information is given about P. Kornilov's service in the 1st Turkestan Rifle Regiment and his combat path during the First World War. P. Kornilov's activities in 1918 are reflected in the recollections of his fellow wrestlers. For the first time, the article uses photographs from the personal archive of P. Kornilov's descendants.

Keywords: P. G. Kornilov, Turkestan, Turkestan riflemen, Turkestan military organization, civil war, Basmachi, history of Tashkent, the first world war.

УДК 94 (47).084.3

ББК 63.3 (2) 612

Антон Викторович ПОСАДСКИЙ

Поволжский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия)

E-mail: posadav68@mail.ru

ЭПИЗОД ЗНАМЕНИТОГО РЕЙДА: К ИСТОРИИ 4-ГО КОЗЛОВСКОГО ПЕХОТНОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ПОЛКА

В статье впервые в историографии прослежена история существовавшего краткое время 4-го Козловского полка, сформированного из добровольцев Тамбовской губернии для борьбы против Красной армией совместно с донскими казаками.

Ключевые слова: Гражданская война, Южный фронт, Мамантовский рейд, Тульская добровольческая дивизия, 4-й Козловский добровольческий полк.

История 4-го Козловского добровольческого полка коротка. Он стал одной из военных импровизаций Гражданской войны, которой не суждено было развиваться в легенду, подобно «цветным» добровольческим полкам. Однако и неяркие истории должны быть написаны.

Козловский полк появился в ходе знаменитого события Гражданской войны — рейда генерала К. К. Мамантова. Сам рейд уже имеет довольно богатую историографию и продолжает привлекать исследовательское внимание. В рамках этой яркой военной эпопеи сформировалась история нового белого соединения — Тульской добровольческой пешей дивизии, одним из полков которой и стал Козловский полк.

Очерк истории Тульской дивизии предложил в свое время А. С. Кручинин¹. Недавно дополнительные сведения опубликовал И. В. Скородумов². Им же опубликованы довольно пространные воспоминания офицера этой дивизии³.

А. С. Кручинин полагает, что Тульская дивизия формировалась на основе сдавшегося советского соединения, что и обусловило возможность сходу использовать довольно крупное формирование в маневренных

---

¹ Кручинин А. С. Формирование и участие 1-й Тульской добровольческой пешей дивизии в рейде генерала Мамантова (1919 г.) / Тула в Гражданской войне 1917–1922 гг.: неизвестные страницы. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Тула, 1996. С. 12–19.

² Скородумов И. В. Как казаки Воронеж брали. Воронеж: Кварт, 2017. С. 14–16.

³ Кобяков М. В. Тульская дивизия в рейде с Мамантовым. Воспоминания участника / сост., ред., прим. и коммент. И. В. Скородумов. Воронеж, 2018.

военных действиях. Очевидно, это была 4-я отдельная стрелковая бригада Тамбовского укрепрайона. В отличие от 1-го, 2-го и 3-го Тульских полков, 4-й Козловский добровольческий полк формировался импровизационно, на основе Козловского и Елецкого добровольческих отрядов. 27-го августа (9-го сентября) он отдан приказом по дивизии (командующий полком капитан Власов). По мнению Кручинина, как раз этот полк был наиболее слабым, получал пассивные задачи (прикрытие обозов, конвоирование) и по выходе из рейда превратился в запасный батальон дивизии, ставшей, в свою очередь, бригадой⁴. Очевидно, козловцы преобладали и составили ядро нового полка, так что наименован полк был по Козлову, а не Ельцу. Эти два города, Тамбовской и Орловской губерний, соответственно, стали наиболее крупными, после Тамбова, населенными пунктами, в которых казаки провели по несколько дней. Елецкие события отражены в столь известных мемуарных источниках, как дневники М. М. Пришвина⁵ и Д. И. Нацкого⁶. Событиям в Козлове повезло меньше, хотя они получили художественное отражение в «Необыкновенном лете» Константина Федина.

В Козлов казаки вошли 22-го августа (4-го сентября) 1919 г., в Елец — в ночь на 1 (14) сентября.

Казаки раздавали населению содержимое складов, частично продавали, евреи понимались как враги без различия пола и возраста. В еврейских погромах в Козлове и Ельце было много жертв⁷, коммунистов убивали без суда. Раздачи и разграбления советских хозяйств и складов отъезжали самоуправным распоряжением и частным имуществом. Окрестные крестьяне стекались за «советским» добром. Многочисленные более или менее пристрастные свидетельства о поведении советских властей до и после рейда, поведении казаков во время их недолгого присутствия образуют остро конфликтующие между собой картины. Современная местная пресса и блогосфера продолжают в весьма разных тональностях описывать события рейда и присутствие казаков в городах черноземных губерний⁸.

Приведем свидетельства, возможно, об одном и том же персонаже в Ельце. Когда перед Мамантовым «ходатайствовала известная помещи-

⁴ Кручинин А. С. Указ. соч. С. 14.

⁵ Пришвин М. М. Дневники 1918–1919 гг. М.: ООО «Издательство «Росток», 2008.

⁶ Нацкий Д. И. Мой жизненный путь. — М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2004.

⁷ Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Сборник документов. — М., 2007. Документы 330, 331.

⁸ Резко негативное мнение о казаках см., напр.: Владимир Корнеев. Рейд Мамонтова, в трех частях: URL <https://cont.ws/@KorneevS45> (дата обращения 28 ноября 2020 г.).

ца г-жа Стахович о предоставлении караула для охраны кабинета одной еврейки — зубного врача, он ответил, что для евреев ничего не может сделать: “Удивляюсь, что просите для жидов, вы просите о чем хотите, только не для них, жидов”⁹. М. М. Пришвин записал в дневнике 26 сентября 1919 г. так: «Гида — еврейка, тонкая, белая, жизненно умная, жестокая, ненавидит русских, неуловимая (еврейская «Чертова Ступа»), — и казак, который, разорив всех евреев, почувствовал зубную боль. Спрашивает зубного врача, ему называют женщину: «К бабе не хочу, к еврейке не пойду». Но боль заставляет его идти к единственному уцелевшему врачу Гиде, и так они встречаются»¹⁰. Отметим мнение Пришвина и про красных по еврейскому вопросу: «Юдофобство у коммунистов — органическое явление» (запись в дневнике 22 сентября 1919 г.)¹¹.

Квартальные комитеты Козлова главным комендантом есаулом Кутыриным обязывались пресекать погромы. Вряд ли это реально получалось. Всем офицерам, проживавшим в городе и уезде, предписывалось явиться на мельницу Калмыкова для вступления в Русскую Дружину. Живущие в городе ожидали утром 13 (26) августа, в уезде — в полдень 15 (28) августа¹².

В результате возникла Козловская Добровольческая Охранная дружина, имевшая штаб, и Гражданское отделение при ней¹³. Начальник Гражданского отделения штаба Охранной дружины Лучинский сообщил, что в ряды дружины «сознательные граждане вступают массами» и настойчиво просил жертвовать добровольцам бумагу, сахар, папиросы, спички и проч.¹⁴ М. В. Кобяков также упоминает пешую офицерскую дружину, которая была организована в Козлове. Затем «козловский за-слон» (казачий полк и местная дружина) отправился к Ельцу¹⁵. По его словам, Козлов дал дивизии около 300 офицеров и добровольцев, куда больше Тамбова. 3-м Тульским полком стал командовать прибывший из Козлова полковник Горликов, сменивший первого командира — штабс-капитана. Офицерская дружина Козлова вошла в дивизию 4-м полком¹⁶. Елец из пополнений дал лишь два-три десятка офицеров. Здесь и был сформирован 4-й полк на базе козловской офицерской дружины,

⁹ Книга погромов... С. 786.

¹⁰ Пришвин М. М. Указ. соч. С. 229–230.

¹¹ Там же. С. 227.

¹² Бюллетень газеты «Черноземная мысль» (Козлов). 1919. № 2. 14 (27) августа. С. 2.

¹³ Там же. С. 2.

¹⁴ Бюллетень газеты «Черноземная мысль» (Козлов). 1919. № 3. 15 (28) августа. С. 2.

¹⁵ Кобяков М. В. Указ. соч. С. 33, 34.

¹⁶ Там же. С. 24, 25.

добравшейся до Ельца¹⁷. Не весь антибольшевистский потенциал Козлова и уезда «уместился» в местной дружине. Например, во 2-й Тульской полк поступило служить 6 офицеров из Козлова¹⁸.

В Козлове заработало городское самоуправление, но не могло сформироваться земское, что нашло отражение в прессе. Волостям было приказано ликвидировать советы, выбрать самоуправления без участия коммунистов, и приступить к работе¹⁹. Вряд ли на местах поспешили исполнять это распоряжение в условиях неопределенности.

В бою под Коротояком, при выходе из рейда, 4-й Козловский полк показан в резерве, а остальные три — в боевой линии²⁰.

От полка осталось совсем не много документов. Мы располагаем рядом списков всего одной, 2-й, роты этого полка. Поневоле приходится рассматривать ее как срез всей части, имея в виду, что тульские полки были девятиротного состава и, очевидно, по тому же штату разворачивался 4-й полк дивизии.

На 13 (26) сентября 1919 г., то есть уже после окончания рейда, во 2-й роте 4-го Козловского пехотного Добровольческого полка состояло: 6 офицеров, 62 солдата, 7 казенных лошадей, 65 русских трехлинейных винтовок, 2500 патронов. Ротный был в чине подпоручика. На 14 (27) сентября стало одной казенной лошадью больше при тех же прочих величинах²¹. Недатированный именной список 2-й роты содержит 72 фамилии при командире — уже поручике — Берникове²². Еще один именной список содержит фамилии офицеров. Ротой командовал поручик Алексей Кузьмич Берников. Младшими офицерами служили прапорщики: Власов Матвей Алексеевич, Белинский Владимир Сергеевич, Варсонофьев Леонид Сергеевич, Родионов Николай Федорович и Турсин, имени и отчества которого документы не сохранили. В списках роты состояло 80 человек²³.

Имеется целый ряд списков этой роты²⁴, в том числе с разбивкой по взводам. В частности, в одном из них 81 фамилия, с указанием, что один солдат прибыл из пулеметной команды, что указывает на ее наличие в полку. У многих солдат отмечена чесотка²⁵. Действительно, об-

¹⁷ Там же. С. 37–38.

¹⁸ *Скородумов И. В.* Указ. соч. С. 19.

¹⁹ Бюллетень газеты «Черноземная мысль» (Козлов). 1919. № 3. 15 (28) августа. С. 1, 2.

²⁰ *Кобяков М. В.* Указ. соч. С. 48.

²¹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 392. Л. 46, 80.

²² Там же. Л. 56 и об.

²³ Там же. Л. 57–58 об.

²⁴ Там же. Л. 59–95.

²⁵ Там же. Л. 59–60 об.

ширные елецкие склады позволили дивизии перевооружиться. «Наша дивизия вся вооружилась новыми винтовками и пулеметами. Старое наше оружие было испорчено и брошено»²⁶. Таким образом, в пулеметах недостатка не было. Но и пулеметчики в Козловском полку, очевидно, также нашлись.

Рота была рассчитана на два взвода. В списках на жалованье 1-го взвода 40 человек, среди которых и ротный командир. Суммы числены самые разные. У ротного 517 рублей, а кому-то полагались тысячи²⁷. Возможно, дело в сроках поступления в полк.

Согласно дневной записке №16 за 27-го сентября (10 октября), во 2-й роте 4-го Козловского полка состояло 6 обер-офицеров, 1 фельдфебель, 2 старших, 4 младших унтер-офицера, 12 строевых и 1 нестроевой рядовые, 25 винтовок, 875 патронов, 1 лошадь²⁸. Рукописный список №75 к 1 (14) октября 1919 г. показывает в роте 20 человек²⁹.

Таким образом, из рейда рота вышла, имея вполне приличный состав, хотя располагала минимумом патронов. Видимо, восемьдесят человек в двух взводах — это численность периода расцвета. Все тульские полки имели роты порядка ста человек. После возвращения рота неуклонно истощается, и уже через три недели после окончания рейда в ней 20–25 человек. При этом виднее становится офицерский и унтер-офицерский каркас подразделения — половина состава. Все офицеры остаются на местах. Невозможно установить, каков был расход чинов: переводы в другие полки, дезертирство, заболевания? Можно предполагать, что полк, предназначенный к превращению в запасную часть, передавал солдат для пополнения остальных полков.

Аттестат от 12 (25) октября 1919 г. на имя подпоручика 4-го Козловского запасного пехотного батальона Григория Дмитриевича Мягкого удостоверяет, что он служил с 15 (28) августа по 10 (23) сентября в 4-м Козловском добровольческом полку. На момент составления документа он состоял в распоряжении 1-й Тульской добровольческой пешей бригады³⁰. Среди подобных этому аттестатов имеется и еще одно упоминание 4-го Козловского запасного батальона³¹. По ним можно предположить, что между 2 (15) и 12 (25) октября полк этим запасным батальоном и стал.

---

²⁶ Кобяков М. В. Указ. соч. С. 37.

²⁷ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 392. Л. 81.

²⁸ Там же. Л. 55.

²⁹ Там же. Л. 54.

³⁰ Там же. Л. 47.

³¹ Там же. Л. 48–53.

Один из вышеназванных офицеров 2-й роты представлял известную в городе фамилию Варсонофьевых. Братья Леонид, Сергей и Анатолий учились в Козловском коммерческом училище, но не окончили курса. Сергей Сергеевич Варсонофьев (1887–1959) стал известным художником и педагогом³². Он с 1901 г. учился в художественной студии С. И. Криволуцкого, затем поступил в Строгановское училище (1903–1904) и продолжил образование в Пензенском художественном училище (1905–1910). Преподавал в рязанских гимназиях, а в 1914 г. обосновался в Козлове. С 1918 года активно работал в Коммуне революционных художников «Творчество». В советские годы также преподавал, имел учеников — художников и фотохудожников. С. С. Варсонофьев написал цикл произведений об И. В. Мичурине. Наряду с этим, он создал ряд картин, посвященных пребыванию в городе казаков Мамонтова: «19 год. Нашествие Мамонтова», «Казачи в Козлове», «Мамонтовский погром», «Бегство генерала». Как рассказывает его ученик С. А. Федоров, первое из названных полотен написано по горячим следам и имеет в основе реальный факт — убийство еврейской семьи на улице Гоголевской. Ученик подчеркивает, что фактически на линии фронта писать большое полотно, которое, при опасности, трудно спрятать, — это поступок, требовавший мужества³³. Тем интереснее, что родной брат художника оказался, — надо полагать, более или менее добровольно, — в рядах Козловского полка, который двинулся в рейд в составе 4-го Донского корпуса.

По возвращении, после ухода казаков, советские силы готовились к боям за Козлов, имея в виду местные антибольшевистские формирования, однако никакого сопротивления не встретили³⁴.

По предложению председателя ВЦИК М. И. Калинина убытки от рейда должны были быть возмещены контрибуцией, наложенной на Тамбовский, Козловский, Лебедянский и Усманский уезды. Однако козловские власти заявили о том, что «не имеют моральной возможности производить штраф», ибо население уезда и без того озлоблено принудительными повинностями. В результате коллегия Тамбовского губфинотдела 28 октября 1920 года постановила, «что проектируемый штраф не подлежит проведению в жизнь»³⁵.

³² Письмо О. В. Сазонова (Мичуринск Тамбовской области) — автору. 9 августа 2020 г.

³³ *Гольшикина Ю.* Учитель и ученики // Мичуринская правда. 2017. 26 сентября. См. также: *Казьмин О.* Живописец-историограф // Наш голос (Тамбов). 2014. №1. 2 января 2014. С. 8.

³⁴ *Большакова О. В.* Ландис Э.-С. Эпизод гражданской войны: генерал Мамонтов в Тамбове, август 1919. Питтсбург, 2002: реф. книги // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: реферат. журнал. 2004. С. 62.

³⁵ *Сазонов О.* Преступление без наказания // Мичуринская правда. 2009. 21 августа.

Любопытно, что козловский уком и исполком призвали другие уезды сместить руководство, не справившееся с организацией отпора мамантовцам. В результате они получили обвинение в «типичной махновщине» и угрозу арестом, а Тамбовская губерния получила централизацию, усиление хлебозаготовок, что далее вело к формированию ситуации большого восстания 1920–1921 гг.³⁶

Интересно, что уже после выхода корпуса из рейда красные подразделения тульского и козловского происхождения продолжали сдаваться. 25 сентября в бою под Нижнедевицком второй батальон 2-го полка коммунаров перешел на сторону белых; командир козловской батареи сдал свою батарею; две роты тульского батальона, убив командиров рот, также перешли на сторону казаков³⁷.

В боевом составе ВСЮР на 5 (18) октября 1919 г. Тульская пешая бригада в составе трех полков показана без запасного батальона, — равно как и другие соединения Донской армии³⁸, что не говорит об его отсутствии.

Итак, 4-й Козловский полк возник последним среди полков Тульской добровольческой пешей дивизии. Его основой стала офицерская дружина Козлова, которая дала кадры и собственно тульским полкам. Полк, видимо, имел численный состав на уровне остальных полков дивизии. Трудно оценить, насколько солдатский состав был представлен городскими добровольцами, пленными красноармейцами, крестьянами-дезертирами. Полк вышел из рейда и был превращен в запасный батальон, что позволяет предполагать его наименьшую боеспособность среди остальных полков Тульской дивизии.

Осенью 1919 г. разворачивалось соединение ВСЮР, включавшее кадры 123-го Козловского полка Русской императорской армии. Это Отдельная пехотная бригада, выросшая из Сводного полка 31-й пехотной дивизии, которая имела довоенную стоянку в Харькове. В бригаде Сводных полков стало два. Выдвинутая на фронт, бригада понесла тяжелые потери и боевой славы не стяжала. Сугубо гипотетически можно предположить, что наиболее активная часть офицеров-козловцев новоиспеченного полка могла оказаться в рядах кадров старого Козловского полка. Проверить эту версию можно только добравшись до конкретных судеб офицеров.

---

³⁶ *Большакова О. В.* Указ. соч. С. 64.

³⁷ *Скородумов И. В.* Указ. соч. С. 68.

³⁸ Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 года. Публ. Р. Г. Гагкуева // *Белая гвардия. Альманах.* М.: Посев, 1998. №2. С. 78.

Список литературы

- Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 года. Публ. Р. Г. Гагкуева // Белая гвардия. Альманах. М.: Посев, 1998. №2.
- Большакова О. В.* Ландис Э.-С. Эпизод гражданской войны: генерал Мамонтов в Тамбове, август 1919 Питтсбург, 2002: реферат книги // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: реферативный журнал. 2004.
- Гольшикина Ю.* Учитель и ученики // Мичуринская правда. 2017. 26 сентября.
- Казьмин О.* Живописец-историограф // Наш голос (Тамбов). 2014. № 1. 2 января 2014.
- Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Сборник документов. — М., 2007.
- Кобяков М. В.* Тульская дивизия в рейде с Мамонтовым. Воспоминания участника / сост., ред., прим. и коммент. И. В. Скородумов. Воронеж, 2028.
- Кручинин А. С.* Формирование и участие 1-й Тульской добровольческой пешей дивизии в рейде генерала Мамантова (1919 г.) / Тула в Гражданской войне 1917–1922 гг.: неизвестные страницы. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Тула, 1996.
- Нацкий Д. И.* Мой жизненный путь. — М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2004.
- Пришвин М. М.* Дневники 1918–1919 гг. М.: ООО «Издательство «Росток», 2008.
- Сазонов О.* Преступление без наказания // Мичуринская правда. 2009. 21 августа.
- Скородумов И. В.* Как казаки Воронеж брали. Воронеж: Кварта, 2017.

Anton Viktorovich POSADSKY

Volga region Institute of management-branch of the Russian Academy of national economy and public administration (Saratov, Russia)

E-mail: posadav68@mail.ru

EPISODE OF THE FAMOUS RAID: TO THE HISTORY OF THE 4TH KOZLOVSKY INFANTRY VOLUNTEER REGIMENT

For the first time in historiography, the article traces the history of the 4th Kozlovsky regiment that existed for a short time, formed from volunteers of the Tambov province to fight against the red army together with the Don Cossacks.

Keywords: Civil war, southern front, Mamantov's raid, Tula volunteer division, 4th Kozlovsky volunteer regiment.

УДК 94 (47).929

ББК 63.3 (2) 612

Дарья Ивановна БОЛОТИНА

кандидат культурологии, независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: dibolotina@gmail.com

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПАРАДАХ БЕЛЫХ АРМИЙ

Статья посвящена проблеме места, роли и значения военного парада в военных действиях на примере истории Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Анализируются письменные и визуальные (кинофотодокументы) источники, отражающие историю парадов Белых армий — как на Юге, так и на Востоке России. Параллельно в научный оборот вводится ряд неизвестных источников (мемуары, дневники, документы) по истории Корниловского Ударного полка и дивизии, отложившихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском Государственном Военном архиве (РГВА), дополняющих и уточняющих сведения об этих воинских подразделениях, содержащиеся в полковой истории, в частности, о военных парадах, в которых участвовали Корниловский Ударный полк и Корниловская Ударная дивизия в 1919–1920 гг.

Ключевые слова: Белое движение, военный парад, Корниловский Ударный полк кинофотодокументы.

Когда мы говорим о войне, на ум приходят, в основном, сцены боёв и атак, образы изнурительных походов или сидения в сырых окопах, разрушенных городов и деревень — картины трагические, страшные или унылые. Напротив, упоминая о параде, мы по умолчанию представляем себе торжественную, радостную эпоху мира или только что победоносно завершившейся войны. Однако и тот, и другой стереотип не вполне справедливы. Война состоит не из одних только сражений и подвигов, а парад необязательно проходит лишь по её окончании. В настоящей войне есть место и смешному, и страшному, а более всего — обыкновенному человеческому: горю, радости или просто курьёзу. Это касается абсолютно любой войны, даже такой трагической и кровопролитной, как Гражданская война в России 1917–1922 гг. Периоды боёв *всегда* перемежаются временем затишья, подвиг *непрерывно* соседствует и с трагедией, и с фарсом, будни *обязательно* чередуются с праздниками, а сражения — с парадами. И каждый эпизод войны занимает своё определённое место в истории, пусть на первый взгляд он представляется незначительным, неважным или случайным — как, например, парад в сравнении с битвой.

А что же такое, вообще, военный парад? Согласно толковому словарю — торжественный войсковой смотр, прохождение войск торжественным маршем с военной техникой или без неё, а также построение лич-

ного состава или техники в дни знаменательных дат. Однако для любого военнослужащего, а, тем паче, для участника военных действий, в это понятие входит целый комплекс образов и смыслов, представлений, переживаний и ощущений. За казёнными строчками о «прохождении войск торжественным маршем» для человека военного стоит не только время подготовки или общая атмосфера вокруг парада, но и события, в связи с которыми он был назначен (как правило, действительно значимые, хотя бы субъективно), и личности принимавших парад, и многое другое. К сожалению, всё это часто ускользает от военных историков, лишая результаты их изысканий полноты и стереоскопичности.

История военных парадов изучена крайне недостаточно — именно потому, что их место в общей истории кажется несущественным. Исключение составляют, пожалуй, парады по завершении какой-либо особенно длительной, тяжёлой, судьбоносной войны, вроде вступления русских войск в Париж в 1814 году или парада Победы на Красной площади в Москве в 1945-м. А вот парады войск, не сумевших победить или парады, проходившие во время, а не после окончания боевых действий, практически никем никогда не изучались и лишь иногда находили отражение в мемуарах. Особенно это заметно, когда мы обращаемся к Белому движению — не проигравшему, но не победившему, оставшемуся в судьбе нашей страны лишь яркой трагической вспышкой небывалой силы духа.

История Гражданской войны со стороны Белых армий часто видится нам непрерывной чередой походов и сражений (симптоматично в этом отношении название двухтомника, повествующего об истории одного из наиболее доблестных белогвардейских полков Юга России «Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 гг.»). В этой череде как будто нет места ни полноценному отдыху, ни празднику, ни торжеству — что в действительности совсем не так. Источники оставили нам немало свидетельств, посвященных парадом Белых армий и их отдельных подразделений в годы Гражданской войны. Помимо традиционных письменных источников (приказов, воспоминаний и т. д.), зафиксировавших подготовку и (или) проведение того или иного торжественного смотра воинских частей, технический прогресс начала XX в. обеспечил нас не только весьма значительным количеством фотографий парадов и молебнов Белых на разных фронтах и в разных городах нашей страны от Екатеринодара до Омска, но и рядом видеодокументов. Так, настоящей сенсацией несколько лет тому назад стала обнаруженная в Российском Государственном архиве кинофотодокументов плёнка, запечатлевшая «последний парад Белых» во Владивостоке 26 мая 1922 года. Замечательное впечатление производят кадры, снятые в 1919 г. французскими кинооператорами в Омске: церемониальным

маршем проходят перед Верховным Правителем России адмиралом А. В. Колчаком и представителями союзнических военных миссий части Восточного фронта. Чудом сохранилось и несколько десятков секунд кинохроники парада Добровольческой армии (ВСЮР), который принимал Главнокомандующий генерал А. И. Деникин.

Атрибуция этой последней хроники неоднозначна: можно встретить упоминания о том, что она была снята в Киеве или в Харькове, кроме того, качество копий, доступных в сети Интернет, зачастую вообще не позволяет с уверенностью установить место проведения парада. Не настаивая ни на одной из версий, всё же отметим: предположение о Харькове вызывает некоторые сомнения — потому, что 19 июля¹ 1919 года в этом городе действительно состоялся знаменательный парад, однако принимал его не Главнокомандующий ВСЮР, а генерал В. З. Май-Маевский². Любопытно, что именно этому параду посчастливилось остаться в памяти очевидцев и участников и получить отражение сразу в нескольких исторических источниках от офицерского дневника и мемуаров до полковых «памяток».

Летописцы Корниловского полка, полковники М. А. Критский и М. Н. Левитов, повествуют об этом более или менее лаконично.

Настало время полк «вывести в свет». Смотри произвёл Май-Маевский. Командующий Добровольческой армией остался настолько доволен видом полка, что охотно согласился на зачисление в его списки. ... после парада и напутственного молебна 2-й Корниловской полк уехал на фронт на соединение со своим старшим братом, 1-м Корниловским полком. Наталья Лавровна, дочь генерала Корнилова, благословила полк на ратный путь иконой Равноапостольного князя Владимира, покровителя 2-го Корниловского полка³.

19 июля 1919 года капитан Пашкевич доложил командующему Добровольческой армией генералу Май-Маевскому, что полк готов. Последовал приказ представить полк на смотр командующему армией. ... Полк построился в резервной колонне и своим грозным видом произвел внушительное впечатление, 1-й и 2-й батальоны были одеты в английское обмундирование с парусиновыми сапогами, а 3-й — в мешочное, все три были без шинелей. Офицерская сводная рота — в шинелях, но без эмблем, они были выданы им только после первых боев. Перед смотром приехала дочь генерала Корнилова — Наталия Лавровна — с городским головой и благословила полк

---

¹ Здесь и далее — даты по юлианскому (старому стилю), принятому на территориях бывш. Российской империи, контролируемой Добровольческой армией (ВСЮР). — *Прим. авт.*

² Что, впрочем, не отменяет возможности проведения других парадов в Харькове с участием А. И. Деникина в другие дни, когда и могла быть сделана съёмка. — *Прим. авт.*

³ Критский М. А. Корниловский Ударный полк. Париж, 1936. — С. 125.

на ратный подвиг иконой св. Равноапостольного Князя Владимира, покровителя 2-го Корниловского Ударного полка. ... Могущественный и молодецкий вид полка приводит командующего армией в восторг. Он говорит о борьбе с большевизмом и благодарит за отличный вид. Громкое «Ура!» было ответом на слово. В полку и в публике чувствовался сильный подъем духа. Смотр прошел отлично. Полк своим блестящим видом произвел действительно большое впечатление⁴.

При этом М. Н. Левитов делает явную ошибку, указывая, что «к назначенному дню почти весь Ростов собрался посмотреть на смотр молодого полка командующим армией». Эта аберрация памяти вызвана тем, что полковая история под редакцией полковника Левитова создавалась в 1970-х гг. Все остальные, более ранние, источники, безусловно свидетельствуют о том, что парад проходил именно в Харькове, куда вновь сформированный 2-й Корниловский ударный полк прибыл непосредственно перед тем из Ростова-на-Дону. Эти свидетельства чрезвычайно интересны и сами по себе. Они исходят, во-первых, от безымянного автора «Дневника III батальона 2го Корниловского ударного полка»⁵, отложившегося в Российском государственном военном архиве (РГВА), а, во-вторых, от начальника штаба Корниловской Ударной дивизии полковника К. Л. Капнина, оставившего в эмиграции подробные воспоминания о Гражданской войне⁶, попавшие в составе Пражского архива в СССР в 1945 г. и ныне хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

18 июля. Утром на ст. Основа [в 7 верстах от Харькова] был устроен пробный парад, после которого мы пообедали и уехали в Харьков и прибыли на Балашовскую станцию только в 2–3 часа и сейчас же ушли на Павловскую площадь на парад. Парад принимал командир корпуса генерал Кутепов. Прошли строем, отвечали хорошо. Публика осыпала ряды цветами и дарила папиросы и деньги ударникам. Харьков был в восхищении от стройных и дисциплинированных рот корниловцев.

19 июля. Сегодня был совместный парад 1го и 2го Корниловских полков. На параде присутствовали: генерал Май-Маевский, генерал Кутепов, начальник Корниловской бригады и командир 1го полка полковник Скоблин⁷.

Парадом обоих Корниловских полков командует юный командир 1 Корниловского полка 25-летний полковник Скоблин. Его полк силой

---

⁴ Материалы для истории Корниловского ударного полка / Сост. Левитов М. Н. Париж, 1974. — С. 256–257.

⁵ РГВА Ф. 39687 Оп. 1 Д. 18.

⁶ ГАРФ Ф. Р-5881 Оп. 2 Д. 389.

⁷ РГВА Ф. 39687 Оп. 1 Д. 18 Л. 4об. — 5.

до 2000 штыков производит могучее впечатление. Загорелые, обветренные лица весёлой, уверенной в своей силе молодёжи дышали беззаботностью, отвагой и буйной удалью. Некоторые роты были одеты во всё чёрное с голубыми Корниловскими эмблемами, остальные пестрели всех цветов одеяниями. <...> Совершенно другого типа был стоящий рядом 2ой полк, кадром которому послужила учебная команда 1 Корнил<овского> полка. Коренных Корниловских офицеров в нём было не более 100, исключительно на командных должностях, опорой им же служила офицерская рота, в которой офицеров и добровольцев было до 60%. Остальные роты полка были солдатские, составленные из мобилизованных крестьян южных губерний и пленных «махновцев». Весь 2ой Корниловский полк благодаря исключительной энергии и предприимчивости его командира капитана Пашкевича (кадровый офицер выпуска 1908 года) одет совершенно единообразно в английское обмундирование с нашитыми на нём эмблемами. Страшная июльская жара! Люди обливаются потом, но выправка и дисциплина полка образцовы, создавая впечатление прекрасного полка мирного времени. Бывшие махновцы, ещё так недавно рьяно уничтожавшие с усердием, достойным лучшего применения, жидов и «офицерье», теперь, в лапах «старого прижима» ревели «ура» за Единую, Неделимую и лихо дефилировали перед генералом Май-Маевским, окружённым цветом харьковской интеллигенции. Впервые видел я в рядах Добровольческой армии столь сильный (2000 штыков) солдатский полк ... Не предполагал я тогда, что в первый бой на этом фронте мне придётся идти именно с этим полком⁸!

Обратим внимание, что описанный парад Корниловцев в Харькове 19 июля 1919 года, как и парад всех Белых воинских соединений, кадет и учащих во Владивостоке 26 мая 1922 года, знаменовал собой начало нового периода в Белой борьбе. Добровольческая армия (ВСЮР) летом 1919 года выходила на «большую Московскую дорогу», Белоповстанческая армия Приморья в июне 1922 года была переименована в Земскую рать, поскольку власть во Владивостоке в те дни перешла к Приморскому земскому собору, созданному по инициативе генерал М. К. Дитерихса. В истории Белого движения мы можем встретить описания и других парадов, как бы открывавших новую страницу в войне. Такова отложившаяся в РГВА телеграмма Корниловским частям полковника К. Л. Капнина от 14 апреля 1920 г., данная в г. Армянске (Крым):

Командирам 1, 2 и 3 Корнил<овских> полков, Сводно-артил<лерийского> дивизиона и Корнил<овского> кон<ного> дивизиона.

Около 10 часов сегодня автомобилем прибывает в Армянск Главком с комкором⁹.

---

⁸ ГАРФ Ф. Р-5881 Оп. 2 Д. 389 Л. 2–2об.

⁹ Так в документе.

Начдив¹⁰ приказал:

1) К 10 часам всем частям прибыть на южную окраину Армянска, где построиться на западной стороне дороги Юшунь-Армянск лицом к ней по указанию старшего адъютанта штадива¹¹ поручика <Виртуозова? — нрзб.>.

2) В строй вывести возможно большее количество людей, уравнивая ряды в ротах, причем 1 и 2 полки свести в 2 батальона кроме пулемётчиков, которых свести в отд<ельную> роту. 3 полк свести в 2 роты, офицерскую и солдатскую + пулемётчики.

3) Конному дивизиону и всем конным в полках быть в пешем в строю. Пулемёты в строй не брать. Безоружных поставить в строй к пулемётчикам¹².

4) Артилл<ерийскому> дивизиону вывести в строй орудия.

5) Немедленно подготовить сведения для строевой записки.

6) Прислать немедленно запиской сведения о нуждах частей для составления сводки и доклада ее начдивом комкору¹³.

Капнин¹⁴.

Взглянув на дату, нетрудно понять, что смотр, к которому требовалось, согласно этой телеграмме, срочно подготовиться Корниловцам, должен был производить назначенный за две недели до этого новый Главнокомандующий ВСЮР — ген. барон П. Н. Врангель. Парад должен был стать его знакомством в новом качестве с одной из самых доблестных, отборных дивизий его армии. При этом, что удивительно, документ в миниатюре отразил сложное положение и чуть ли не все проблемы, с которыми столкнулись Белые армии Юга России сразу после эвакуации в Крым! Это лишь подтверждает высказанную ранее мысль, что парад — такая же необходимая и неотъемлемая часть истории войны, эпизодом которой он является, как и любая боевая операция. А некоторые из них ещё и чрезвычайно символичны, поскольку как бы подводят черту под одним этапом войны и открывают в ней новую страницу.

В завершении ещё раз отметим, что смысл и значение парада отнюдь не исчерпываются той приподнятой обстановкой, которая их окружает. Помимо всего прочего, парад — один из способов укрепления дисциплины и военной спайки. Более того. Если парад победы — торжество, ставящее символическую историческую точку в войне, то парад во время боевых действий — не только праздник, призванный дать отдых,

---

¹⁰ Так в документе.

¹¹ Так в документе.

¹² Подчёркнуто в документе.

¹³ Так в документе.

¹⁴ РГВА Ф. 39686 Оп. 1 Д. 66 Л. 16, 16об., 17.

перерыв в череде сражений, но и, главное — мощный инструмент под-
нятия боевого духа, воспитания войск.

Список литературы

1. Деникин А. И. Очерки Русской смуты. В 5 тт. Минск: «Харвест», 2002.
2. Критский М. А. Корниловский Ударный полк. Париж, 1936.
3. Материалы для истории Корниловского ударного полка / Сост. Левитов М. Н. Париж, 1974.

Daria Ivanovna BOLOTINA

Ph. D. in Culturology (*kandidat kulyurologii*),
independent researcher (St. Petersburg, Russia)

E-mail: dibolotina@gmail.com

Several words about White Army's military parades

The article deals with the problem of the place, role and value of the military parade in military operations on the example of the history of the Russian Civil war in 1917–1922. The article analyses different narrative and visual historical sources reflecting the history of parades of the White armies — both in the South and in the East of Russia. Besides, some unknown sources (memoirs, diaries, documents) about history of Kornilovsky Udamy polk (Kornilov Shock regiment) and Kornilovsky Udamy division (Kornilov Shock division) in State Archive of Russian Federation and Russian State Military Archive are introduced into scientific circulation. This sources are complementing and clarifying information from Kornilov Regiment's history, particularly about military parades this regiment and division were take part.

Keywords: White Deal, military parade, Kornilovsky Udamy polk (Kornilov Shock regiment), visual historical sources.

УДК 94 (47).091

ББК 63.3 (2) 612

Роман Михайлович АБИНЯКИН

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО

«Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

(Орел, Россия)

E-mail: taurus.ra75@yandex.ru

БЫВШИЕ ОФИЦЕРЫ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ РСФСР В 1920 Г.

В статье рассматривается пребывание бывших офицеров в советских концлагерях и политика их использования для пополнения Красной Армии. Выявлены, систематизированы и проанализированы нормативные и статистические материалы, характеризующие мотивации, динамику и общее количество в 1920 г.

Ключевые слова: бывшие офицеры; концлагеря; Красная Армия; Революционный Военный Совет; Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК).

Политика большевистского режима в отношении бывших офицеров обозначилась как научная проблема в 1990-е гг., однако изучение велось хаотически, на фрагментарной фактологии и на фоне эмоционально-идеологического антибольшевизма¹. В дальнейшем появились более объективные публикации. Часть из них обращается к политическим и юридическим аспектам как собственно репрессивной деятельности, так и к ограничениям в социальном плане². Другое направление — краеведческие исследования регионов в время Гражданской войны и первых послевоенных лет³. Присутствует и изучение 1930-х гг., когда репрессии

---

¹ *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России: 1918–1922 гг. Казань, 1995; *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы: Монография. М., 2000; *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001.

² *Дмитриев Н. И., Рогова Е. М.* Нормативная база политических репрессий против белогвардейцев // Научные труды XVIII Международной конференции молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники. Екатеринбург, 2010. Ч. 1. С. 339–342; *Абинякин Р. М.* Бывшие белые офицеры в РККА в 1920-е гг. // Российская история. 2013. № 4. С. 116–128.

³ *Саран А. Ю.* Лагеря принудительных работ на Орловщине в начале 1920-х годов // Реквием: Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине: В 5 т. Т. 2. Орел, 1995. С. 20–27; *Рогова Е. М.* Бывшие участники Белого движения в концентрационных лагерях Среднего Урала. 1919–1923 гг. // Научные труды XVI Международной конференции молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники. Екатеринбург, 2009. Ч. 1. С. 364–367; *Абинякин Р. М.* Бывшие офице-

против бывших белых и вообще против бывших офицеров рассматриваются как форма «Большого террора» (или преддверия к нему)⁴.

Так или иначе, но до сих пор происходит поиск и собрание фактического материала, далекое от обобщающего исследования.

Лагеря принудительных работ начали создаваться с апреля 1919 г. как места отбытия уголовных наказаний и превентивной изоляции предположительно опасных лиц (обычно на определенный срок или «до окончания Гражданской войны»). Но уже с начала 1920 г., после разгрома основных сил Белого движения (войск А. В. Колчака, а затем и Вооруженных Сил на Юге России), вставала проблема пребывания на советской территории многочисленных пленных. В результате лагеря принудработ начинали использоваться как лагеря военнопленных, и главной их функцией была повторная, более тщательная фильтрация⁵, после поверхностных проверок особыми отделами ВЧК в прифронтовой полосе.

Удивительно, что централизованными сведениями об общей численности бывших белых офицеров в РСФСР не располагали военные и даже чекисты. И, судя по всему, не располагают до сего времени. Так, в 2011 г. был получен официальный ответ Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации следующего содержания: ЦА ФСБ РФ «статистическими сведениями по запрашиваемой тематике не располагает»⁶. Введенная в научный оборот в 1988 г. А. Г. Кавтарадзе цифра 9660 бывших белых офицеров⁷ является наиболее крупной, однако охватывает далеко не всех. Бесспорно, что сюда входили лишь освобожденные и намеченные к освобождению лица — на то время, без отслеживания последующих изменений, — ибо преды-

---

ры — заключенные Орловского концентрационного лагеря в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 80–93; *Дмитриев Н. И.* Побег из застенка // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2011. № 19. С. 98–121; 2012. № 20. С. 81–103.

⁴ *Генина Е. С.* Преследование «бывших белых» в Кузбассе в 1930-е гг. как реализация сталинской идеологии репрессий // Белая Гвардия: Альманах (Москва). 2001. № 5. С. 61–66; *Рогова Е. М.* Некоторые аспекты политики Советской власти в отношении военных специалистов и «бывших» белых во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2011. № 19. С. 122–126.

⁵ *Саран А. Ю.* Указ. соч. С. 22.

⁶ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Архивная справка № 10/А-А-1978 от 02.08.2011 г. о наличии сведений об общем количестве бывших офицеров и чиновников Белых армий, состоявших на особом учете ВЧК-ОГПУ в 1920-е — 1930-е гг.

⁷ *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов: 1917–1920 гг. М., 1988. С. 171.

дущие подобные списки составлены во Всероссийском Главном Штабе по аналогичному принципу⁸.

Вместе с тем, документы Всероглавштаба достаточно содержательны. Они позволяют косвенно отследить и реконструировать расположение и особенности концентрационных лагерей в 1920 г.

Первым документом, обозначившим правила обращения с бывшими офицерами Белых армий, стал приказ Революционного Военного Совета Республики № 278 от 18 февраля 1920 г. Пленные и перебежчики подлежали первичному опросу в разведывательных органах штабов армий. Потом они передавались в специально создаваемые Особые комиссии при армейских Реввоенсоветах, которые вели «точный поименный учет, прием в распределителях и дальнейшую эвакуацию к местам назначения» в лагеря принудительных работ. Допускалось также направление «в распоряжение Особого отдела при РВС армий или флотов для отсортровки»⁹.

Приказ РВСР № 774 от 7 мая 1920 г. сильно откорректировал полномочия Особых комиссий. Теперь они вели основную фильтрацию пленных офицеров — отсеивали «тех, лояльность которых будет в достаточной степени выяснена», сразу в Трудовую или Красную армию, а невыясненных и подозрительных лиц направляли в концентрационные лагеря. Кроме того, в их праве было полное освобождение инвалидов по результатам освидетельствования, а также иное освобождение из концлагерей и направление на принудительные работы по месту жительства. В приказе подчеркивалось, что все «постановления, принятые по отношению к военнопленным офицерам, утверждаются Особым отделом ВЧК»¹⁰. Обратим внимание, что решения региональных Особых комиссии по каждому офицеру требовало санкции центрального чекистского органа.

Заключенных бывших офицеров можно условно разбить на две крупные группы: военнопленные и перебежчики Белых армий, и прочие бывшие офицеры, чаще всего изолированные еще в 1918–1919 г. и с белыми никак не связанные. Кроме того, во второй половине 1920 г. среди заключенных были одиночные бывшие офицеры, попавшие в польский плен в качестве командиров РККА, бежавшие или освобожденные из него и направленные в лагерь до выяснения обстоятельств — например, бывший прапорщик 405-го пехотного Львовского полка Н. И. Шпитальский¹¹. После Гражданской войны даже интернирование в Польше служи-

---

⁸ См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 6. Д. 312. Лл. 78–78 об.; Оп. 15. Д. 37. Л. 36; Д. 44. Лл. 167–168, 240–242.

⁹ Там же. Ф. 11. Оп. 6. Д. 312. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ Там же. Д. 41. Л. 162.

ло основанием для причисления к бывшим белым и постановки на особый учет, а в начале 1930-х гг. — и для увольнения из Красной Армии¹².

До начала 1920 г. бывших офицеров насчитывалось в концлагерях сравнительно немного, так как подавляющее большинство было мобилизовано в РККА. Анализ документов позволяют выявить основания для направления в концентрационный лагерь. Во-первых, это деятельность до 1917 г. — участие в борьбе с революционным движением и особенно в карательных акциях. Во-вторых, политическая неблагонадежность (монархические взгляды, антисоветская агитация и прочее подобное) В-третьих, совершение общеуголовных преступлений. В-четвертых — совершение воинских преступлений на службе в Красной Армии, прежде всего дезертирства. Так, в Ярославском лагере военной каторги за это содержалось не менее 22 бывших офицеров¹³.

К сожалению, зафиксированных впечатлений бывших офицеров о пребывании в концлагере очень мало. Это объяснимо, так как они всячески скрывали или, по крайней мере, не афишировали свое белогвардейское прошлое. Более того, написание и хранение подобных мемуаров было опасным, а перспектива издания — невозможной. Довольно подробно о концентрационном лагере в Костроме написал полковник Ф. И. Елисеев — известный командир Корниловского конного полка, который смог бежать за кордон. Интересно в его воспоминаниях то, что он пересказывает чужие рассказы о расстрелах, но его личные впечатления совсем не рисуют «ужасы большевизма»: «Нам выдали пилы, колуны, лыковые лапты и нарядили на работы... Никто за нами не следил... Мы были совершенно свободны, ходили в город, куда хотели»¹⁴. Почти полностью совпадают и его рассказы о лагере в Екатеринбурге: фактическое расконвоирование, разрешение отпусков для местных (офицеров-колчаковцев) и т. п.¹⁵.

Мемуары Елисеева довольно объективны, хотя и идейно предвзяты, так как были написаны и изданы в эмиграции и абсолютно не связаны цензурными или самоцензурными ограничениями. Воспоминания же корниловца капитана А. Р. Трушновича гораздо более мрачны, хотя речь в них идет не о концлагере, а о недолгом аресте в ЧК по серьезнейшему обвинению — в участии в антисоветском заговоре¹⁶.

---

¹² Там же. Ф. 37837. Оп. 21. Д. 4. Л. 38. Правда, отягчающим обстоятельством оказались туманное указание в документе, что интернированный «вел себя не как командир РККА».

¹³ Там же. Ф. 11. Оп. 15. Д. 44. Л. 16–20.

¹⁴ Елисеев Ф. И. Кубань в огне // Кубанец — Донской атаманский вестник: Журнал истории казачества (Ростов-на-Дону). 1996. № 1. С. 20.

¹⁵ Там же. С. 21.

¹⁶ Трушнович А. Р. Воспоминания корниловца: 1914–1934 / Сост. Я. А. Трушнович. М. — Франкфурт, 2004. С. 122–125.

Однако и без мемуаристики объективное исследование пребывания бывших офицеров в концентрационных лагерях не только возможно, но и предельно объективно. Правда, для этого требуется кропотливое изучение региональных архивов. На удивление, они таят весьма подробные материалы, от организационной документации до совершенно уникальных анкет, заполнявшихся каждым бывшим офицером и военным чиновником.

На основании изучения этих источников получена подробная картина Орловского концентрационного лагеря № 1 — одного из крупнейших в РСФСР, через который только в 1920 г. прошло не менее 743 бывших офицеров Белых армий.

В 1920 г. в Орловской губернии действовало три лагеря для пленных чинов Белых армий. О Мценском лагере имеются крайне скудные сведения. Он был организован для срочного размещения 2000 пленных врангелевцев, функционировал в ноябре 1920 — мае 1921 гг., и пребывание в нем пленных сочетало трудовую деятельность и активную пропаганду. Например, проводился День красной казармы, что больше напоминало агитационные занятия с призывниками, чем строгую изоляцию, и в результате были неоднократные побегі. Мценский лагерь военнопленных можно смело назвать солдатским, так как даже среди 401 заключенного на срок до конца Гражданской войны не было ни одного офицера¹⁷. Елецкий лагерь был организован в октябре 1920 г. для разгрузки Орловского лагеря, численность контингента в котором в это время более чем вдвое превышала штатную (844 человек против 400 мест). В Елец было переведено 120 заключенных из Орла и поступали «небольшие партии военнопленных с Врангелевского фронта», исключительно рядовых, причем единичные случайно попавшие офицеры сразу переправлялись в Орел¹⁸.

А вот Орловский концентрационный лагерь принудительных работ (также именовавшийся концлагерем № 1, так как в губернском центре имелся и лагерь № 2 — специально для пленных поляков) был средоточием офицеров и военных чиновников, хотя среди общего контингента заключенных были и штатские. В этом присутствует логика всей системы изоляции бывших белых, когда офицеры и чиновники содержались отдельно от солдат.

В Орел пленные белые офицеры стали прибывать в июне 1920 г. Одновременная численность не превышала 287 человек (на 1 октября 1920 г.)¹⁹, а зачастую не достигала и сотни. Необходимо учитывать и уди-

¹⁷ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 2. Л. 207.

¹⁸ Там же. Д. 35. Л. 62; РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 47. Л. 1.

¹⁹ ГАОО. Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 35. Л. 51.

вительную для столь важного дела небрежность лагерной документации по учету заключенных.

При этом состав заключенных не был постоянным — часть перемещалась в другие места изоляции. Данная ротация была вызвана тремя причинами. Во-первых, белых офицеров изолировали строго вне мест прежнего жительства — в Орловском концлагере практически нет местных уроженцев, зато много казаков (30,9%²⁰). Во-вторых, шло постепенное расформирование крупных офицерских лагерей во избежание излишней и опасной концентрации заключенных в центре России — по некоторым сведениям, именно в июле началась до сих пор не замеченная исследователями частичная разгрузка известного Кожуховского лагеря под Москвой²¹. Третья причина взаимосвязана со второй и заключается в привлечении части пленных офицеров на военную службу.

Орловский концлагерь не был «лагерем смерти» подобно архангельским и холмогорским, так как расстрелы в нем вообще не производились. Главными в его деятельности были не только изоляция белых офицеров и военных чиновников, но и повторная, более тщательная их фильтрация. Для этого проводилось подробное анкетирование и сравнение с прежними сведениями. Практически все заключенные благополучно прошли первичную, самую жесткую проверку в фильтрационных комиссиях армейских Особых отделов и по их решениям в Орел были направлены до окончания Гражданской войны. Вторым этапом была губернская комиссия по разбору дел военнопленных офицеров в составе: от Особого отдела губЧК А. Терехов (председатель), от окружного военного комиссариата Мещевцев и от подотдела принудительных работ губисполкома Зобков²².

В бытовом отношении Орловский концлагерь мало отличался от других мест изоляции. Он размещался в трех двухэтажных корпусах бывшей каторжной тюрьмы на ул. Казарменной (ныне Красноармейская). В двух корпусах располагалось 20 общих камер, а в третьем больница и 12 одиночек. Водопровод и канализация, имевшиеся только в 1-м корпусе, были неисправны; электроснабжение работало, но не было лампочек; во всех камерах имелись добротные печи, но постоянно не хватало дров. Впрочем, это было гораздо лучше, чем во Мценском лагере, размещенном в холодных дощатых бараках. Рацион заключенного состоял из 1 фунта хлеба, 1 фунта картофеля (с возможной заменой капустой или свеклой), $\frac{1}{4}$ фунта мяса или рыбы (при отсутствии заменялись $\frac{3}{4}$ фунта

²⁰ См. подробнее: *Абинякин Р. М.* Бывшие офицеры — заключенные Орловского концентрационного лагеря... С. 88.

²¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 97. Лл. 548–549.

²² ГАОО. Ф. Р-1716. Оп. 1. Д. 39. Л. 33. Инициалы отсутствуют.

мясного сбоя или 3 золотниками животного либо растительного масла), 3 золотников соли и 1,44 золотника подболточной муки (для баланды) в сутки, причем горячую пищу выдавали лишь в обед. Это признавал недостаточным даже комендант лагеря, ходатайствовавший об обеспечении заключенных горячим ужином, чаем и сахаром²³.

Времяпровождение заключенных офицеров было заполнено разными работами — от разового физического труда до регулярной службы в советских учреждениях (несмотря на возражения чекистов) — в различных отделах губисполкома, ревтрибунале, губЧК, школах и даже Орловском государственном университете. В канцелярии самого концлагеря из 10 служащих семеро были заключенными офицерами (и еще двое направлены в канцелярию концлагеря № 2), что означало принятие на довольствие как штатных сотрудников²⁴, то есть заметное улучшение питания.

Свобода передвижения внутри лагеря — по корпусам и двору — в дневное время не ограничивалась, но после отбоя каралась арестом на трое суток. Особенно плохо было организовано конвоирование заключенных, в результате чего только с 2 по 10 сентября 1920 г. «с внешних работ» бежало 12 офицеров, которые так и не были пойманы²⁵. К октябрю 1920 г. в лагерь ежедневно поступало немного газет, была библиотека в 1685 томов, хор и драматическая труппа, а также проходили лекции по земледелию, пчеловодству, велась подготовка дорожных десятников²⁶ — то есть осуществлялась некоторая социально-трудовая адаптация на случай освобождения.

Позднее была создана Особая комиссия по пересмотру дел военнопленных. По результатам ее работы в Орловском концлагере до конца Гражданской войны были оставлены сначала 82 офицера и один военный чиновник²⁷. (Фактически же эти цифры оказались еще меньше, ибо как минимум 21 офицер из них был назначен к трудоустройству в том же 1920 г.) Остальные выбыли в связи с мобилизацией в Красную Армию либо с принудительным трудоустройством, однако полные цифры распределения по этим двум категориям отсутствуют.

Освобождение бывших офицеров из лагерей — немногочисленное, но заметное — фактически началось в феврале-апреле 1920 г. Частично это осуществлялось в ходе амнистий ко второй годовщине Октябрьской революции²⁸, частично же — как решение местных комиссий (которые,

---

²³ Там же. Д. 35. Лл. 26, 51-51об.

²⁴ Там же. Д. 10. Лл. 34, 67; Д. 35. Л. 51об.

²⁵ Там же. Д. 10. Лл. 59, 60об, 62, 74.

²⁶ Там же. Д. 35. Л. 62об.

²⁷ Там же. Д. 39. Лл. 101-102.

²⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 41. Л. 2; Д. 44. Л. 145.

очевидно, рассматривали дела не только бывших белых). В результате было освобождено не менее 202 бывших офицеров из лагерей в Астрахани, Иваново-Вознесенске, Калуге, Костроме, Нижнем Новгороде, Петрограде, Рязани, Саратове, Северодвинске, Тамбове, Твери, Ярославле и Подмоскovie (Владыкинского и Новоспасского), а также из Владимирской губернской тюрьмы²⁹. Все освобожденные незамедлительно получили назначения в РККА.

В апреле-мае 1920 г. началось освобождение из концлагерей и бывших белых офицеров. Уже к концу июня на свободу вышло не менее 2514 офицеров — военнопленных и перебежчиков Белых армий, а всего было освобождено не менее 2821 бывшего офицера³⁰. То есть не служившие у белых среди них составляли незначительное меньшинство — 307 человек, или 10,9%.

Прослеживая динамику освобождения бывших белых офицеров, можно восстановить примерный перечень концлагерей и даже выявить различия между ними. Часть белогвардейцев направлялись в «общие» лагеря принудительных работ, однако большинство вначале сосредотачивалось в специально созданных уже в 1920 г. — как правило, неподалеку от недавних фронтов или крупных советских штабов, — и выполнявших фильтрационно-пересыльные функции. Даже если судить по первоначальному количеству освобожденных, самыми крупными по контингентам были Вологодский (785 офицеров), Илецкий (432), Омский (879), Орловский (207) и Тульский (175), а также как минимум два московских — Кожуховский (72) и Покровский (74)³¹. Подчеркнем, что речь идет только об освобожденных, тогда как общее число заключенных офицеров было гораздо больше. Так, из Орловского концлагеря (смешанного состава) до октября 1920 г. на службу в Красную Армию было направлено не менее 207 бывших белых офицеров, тогда как всего через него прошло не менее 743 лиц данной категории³². С учетом последующих контингентов из Илецкого лагеря их было освобождено не менее 732, из Омского не менее 1817, из Тульского не менее 348³³.

На 10 июля 1920 г. в РСФСР числилось 8702 бывших офицера — военнопленных и перебежчиков Белых армий. Однако в концлагерях

²⁹ Там же. Д. 37. Лл. 36; Д. 44. Лл. 1–242.

³⁰ Подсчитано по: РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 42. Лл. 3–316; Д. 44. Лл. 1–242. Частое использование оговорки «не менее» в количественных показателях обусловлено тем, что впоследствии они могут незначительно увеличиться.

³¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 42. Лл. 3, 35–103, 171–283; Д. 44. Лл. 50–131, 171–179, 182–194 об., 206, 210.

³² См.: *Абиякин Р. М.* Бывшие офицеры — заключенные Орловского концентрационного лагеря в 1920–1922 гг. С. 81, 91.

³³ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 312. Лл. 78–78 об.

содержалось лишь 1565 из них, а еще 1938 находились «в ведении ВЧК», то есть еще проходили первичную проверку в Особых отделах Юго-Западного фронта, 5-й, 6-й, 7-й, 9-й и 14-й армий, а также Омской губЧК³⁴. Таким образом, 5262 были освобождены, что составляло 60,5% от их общего количества. Следовательно, в июне 1920 г. из лагерей вышло еще 2748 бывших белых офицеров.

Всего в мае-декабре 1920 г. из концлагерей было освобождено не менее 15517 бывших офицеров, в том числе 15210 служивших у белых. Данная цифра складывается из 2821 человека, освобожденного из лагерей в марте-июне 1920 г., 5258 человек, определенных на службу в РККА на 10 июля 1920 г., 1559 человек, учтенных в Московском, Петроградском и Орловском военных округах в сентябре 1920 г., и 5879 человек, принятых в РККА с осени до конца 1920 г. В каждом из более поздних списков отражались лица, освобожденные и учтенные Управлением по командному составу за промежуточный период, поэтому вычисления не содержат двойного счета и повторов, — по мере возможности, обусловленной состоянием архивных материалов. В силу допустимости неполноты сохранившихся данных, они могут рассматриваться как минимум соответствующего количества и фактически быть несколько выше: так, за сентябрь 1920 г. обобщенные списки имеются, как видим, лишь по трем военным округам.

Это вполне согласуется с известной цифрой 14390 бывших белых офицеров, служивших в Красной Армии на начало 1921 г.³⁵ Разница в 820 человек позволяет косвенно выявить примерную убыль — число погибших в рядах РККА. Не исключено, впрочем, что кто-то перебежал к противнику, а кто-то мог быть репрессирован в случае нелояльности, хотя имеются прямо противоположные свидетельства — об исключительной верности бывших белых офицеров, которая удивляла их красноармейских сослуживцев³⁶.

Но к весне 1921 г. провал планов «экспорта революции» в Европу и массовые восстания в РСФСР создали совершенно иную обстановку. При внутреннем использовании войск бывшие белые офицеры лишались даже псевдопатриотических мотиваций периода советско-польской войны и уже не внушали прежнего доверия. Завершение Гражданской войны и экономическая разруха заставляли всерьез задуматься о радикальном сокращении армии. Для основной массы бывших белых

---

³⁴ Там же. Лл. 78–78 об., 81.

³⁵ *Ефимов Н. А.* Командный состав Красной Армии // Гражданская война 1918–1921 гг. В 3 т. Т. 2. М. — Л., 1928. С. 97.

³⁶ См.: *Гаазе Г. Ю.* Белые офицеры и солдаты в наших рядах // Сборник воспоминаний к 4-й годовщине РККА. М., 1922. С. 83.

офицеров, служащих в Красной Армии, это означало неизбежную демобилизацию. Гораздо более безопасным и эффективным становилось их трудоустройство в гражданской сфере.

Однако и для тех, кто находился в лагерях, ситуация начинала меняться. Прежде всего, под освобождение почти автоматически попадали заключенные на срок «до окончания Гражданской войны», особенно еще с начала 1920 г., тщательно профильтрованные и уже не столь строго изолированные. Упразднялись целые концлагеря. Например, один из Екатеринбургских лагерей был закрыт сразу после окончания советско-польской войны, то есть зимой 1921 г. По свидетельству упоминавшегося полковника Елисеева, которого не заподозришь в симпатиях к большевикам, «колчаковцы разъехались по своим городам и селам, вернулись к семьям»³⁷. Это было нарушением, точнее говоря — практическим смягчением правил размещения и особого учета бывших белых, введенного приказом РВСР № 1728/326 от 4 сентября 1920 г. — одним из основных требований было запрещение свободного передвижения по стране и избрания места службы и жительства, причем они не должны были совпадать с местами прежнего постоянного проживания и пленения³⁸.

С другой стороны, по Екатеринбургскому лагерю имеется и противоположная информация — летом 1921 г. концлагерь там существовал на территории кирпичного завода с присвоением № 1, а лагеря № 2 и № 3 были открыты в Нижнем Тагиле и Верхотурье соответственно. Однако в действительности противоречия нет, так как из 6229 бывших офицеров, обвинявшихся в службе у белых, «треть» (иначе говоря, около 2070 человек) была освобождена³⁹, и именно о них писал полковник Елисеев. Скорее всего, место их изоляции, расположенное совершенно в другом месте, — в большом двухэтажном здании с белыми колоннами, рядом с Воздвиженской площадью, напротив дома Ипатьева, — просто не имело официального статуса постоянного концлагеря.

К 1922 г. во всех местах заключения РСФСР находилось 3214 бывших офицеров⁴⁰. Это составляло 2,9% от их ориентировочного общего числа и 5,3% от бывших белых офицеров⁴¹. Ориентировочно считается, что в РСФСР осталось около 110 тыс. бывших офицеров, в том числе около 61 тыс. бывших белых. Впрочем, за счет убиты расстрелянных, особенно в Крыму и в первые месяцы 1921 г., их общее количество

---

³⁷ Елисеев Ф. И. Указ. соч. С. 21–22.

³⁸ РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 186. Л. 4–6.

³⁹ Дмитриев Н. И. Побег из застенка // Белая армия. Белое дело. 2011. № 19. С. 102–104.

⁴⁰ Статистика репрессивной деятельности органов ВЧК — ОГПУ (1921–1934 гг.) / Публ. О. Б. Мозохина // Военно-исторический архив. 2004. № 6. С. 102.

⁴¹ См.: Волков С. В. Указ. соч. С. 317, 384, 398–399, 471.

на 1922 г. могло быть ниже. Беда, однако, в том, что точная убыль по этому направлению неизвестна — весьма красноречиво колебание общего числа жертв крымских репрессий от 15 тыс. до 150 тыс. человек, причем доля офицеров среди них не указывается.

Следовательно, количество бывших офицеров, оставшихся в заключении в РСФСР, является весьма умеренным, так как, например, в 1920 г. только в Екатеринбургской губЧК к заключению в концлагеря было приговорено 4030 бывших белых офицеров, а в 1921 г. содержалось всего 148, или 3,7% от их первоначального числа. Из 6229 бывших офицеров, обвинявшихся в службе у белых, в заключении оказалось, таким образом, лишь две трети, или 64,7%, а расстреляно было всего 122 человека⁴² (2,0%).

Кроме того, среди заключенных присутствовали не только «контрреволюционеры». Достаточно вспомнить, что за предыдущий год из РККА дезертировало 3577 лиц начальствующего состава (командного 1681 и административно-хозяйственного 1896), включая и бывших офицеров⁴³.

Таким образом, тенденция огульных репрессий бывших офицеров в РСФСР уже с 1920 г. была серьезно ограничена соображениями прагматизма и целесообразности. После Гражданской войны острая потребность пополнения командного состава Красной Армии сменилась стремлением удалить их от войск и использовать как трудовую силу. Поэтому за 1920 г. из концентрационных лагерей было освобождено подавляющее большинство бывших офицеров, в том числе и белых. Оставшись в России, большинство бывших офицеров сознательно сделало свой выбор. Родина оказалась для них выше политики. Поэтому сделать их изгоями в новом обществе мог только правящий режим.

Список литературы

- Абинякин Р. М.* Бывшие белые офицеры в РККА в 1920-е гг. // *Российская история*. 2013. № 4. С. 116–128.
- Абинякин Р. М.* Бывшие офицеры — заключенные Орловского концентрационного лагеря в 1920–1922 гг. // *Вопросы истории*. 2010. № 11. С. 80–93.
- Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001.
- Гаазе Г. Ю.* Белые офицеры и солдаты в наших рядах // *Сборник воспоминаний к 4-й годовщине РККА*. М., 1922.
- Генина Е. С.* Преследование «бывших белых» в Кузбассе в 1930-е гг. как реализация сталинской идеологии репрессий // *Белая Гвардия: Альманах* (Москва). 2001. № 5. С. 61–66.

⁴² См.: *Дмитриев Н. И.* Побег из застенка // *Белая армия. Белое дело*. 2011. № 19. С. 102–104.

⁴³ *Ефимов Н. А.* Указ. соч. С. 98; Статистика репрессивной деятельности органов ВЧК — ОГПУ (1921–1934 гг.). С. 100–102.

- Дмитриев Н. И.* Побег из застенка // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2011. № 19. С. 98–121; 2012. № 20. С. 81–103.
- Дмитриев Н. И., Рогова Е. М.* Нормативная база политических репрессий против белогвардейцев // Научные труды XVIII Международной конференции молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники. Екатеринбург, 2010. Ч. 1. С. 339–342.
- Елисеев Ф. И.* Кубань в огне // Кубанец — Донской атаманский вестник: Журнал истории казачества (Ростов-на-Дону). 1996. № 1.
- Ефимов Н. А.* Командный состав Красной Армии // Гражданская война 1918–1921 гг. В 3 т. Т. 2. М. — Л., 1928.
- Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов: 1917–1920 гг. М., 1988.
- Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России: 1918–1922 гг. Казань, 1995.
- Рогова Е. М.* Бывшие участники Белого движения в концентрационных лагерях Среднего Урала. 1919–1923 гг. // Научные труды XVI Международной конференции молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники. Екатеринбург, 2009. Ч. 1. С. 364–367.
- Рогова Е. М.* Некоторые аспекты политики Советской власти в отношении военных специалистов и «бывших» белых во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2011. № 19. С. 122–126.
- Саран А. Ю.* Лагеря принудительных работ на Орловщине в начале 1920-х годов // Реквием: Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине: В 5 т. Т. 2. Орел, 1995. С. 20–27.
- Статистика репрессивной деятельности органов ВЧК — ОГПУ (1921–1934 гг.) / Публ. О. Б. Мозохина // Военно-исторический архив. 2004. № 6.
- Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы: Монография. М., 2000.
- Трушинович А. Р.* Воспоминания корниловца: 1914–1934 / Сост. Я. А. Трушинович. М. — Франкфурт, 2004.

Roman Mihailovich ABINYAKIN

Kandidate of historical sciences (*kandidat istoricheskikh nauk*),
associate professor (*docent*), Orel State University (Orel, Russia)

E-mail: taurus.ra75@yandex.ru

Former Officers in Soviet Concentration Camps in 1920

In the article is considered to former officers in the Soviet Concentration Camps and the policy of using them for reinforcement of the Red Army. Revealed, systematized and analyzed are the normative and statistical materials which characterize motivation, dynamics and the total number in 1920.

Keywords: the former officers; concentration camps; the Red Army; the Revolutionary Military Council; All-Russian Special Commission (ASC).

УДК 94 (438).081

ББК 63.3 (4Пол)

Виктор ВЕНГЛЕВИЧ

Ягеллонский университет (Краков, Польша)

E-mail: wik699@gmail.com

ИНТЕРНИРОВАННЫЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ В ПОЛЬШЕ: ТУЛЬСКИЙ ОТРЯД, АРМИЯ ГЕНЕРАЛА БРЕДОВА, АРМИЯ ГЕНЕРАЛА ПЕРМИКИНА

Статья посвящена пребыванию белых русских отрядов на территории, контролируемой Польшей, в 1919–1921 гг. Подчеркивается, что несмотря на наличие общего противника, русские белые и поляки не смогли стать союзниками.

Ключевые слова: Гражданская война, Советско-польская война, Белое движение, интернирование.

Отношения только что отвоевавшей независимость Польши с Белым движением были сложными. Из-за разных причин они не стали союзниками против общего врага — Советской России. Но с ранней весны 1919 г. на территории, занятой Войском Польским, начали появляться русские офицеры и солдаты, участвовавшие в антибольшевистской борьбе, которые были интернированы и провели некоторое время в условиях изоляции в польских лагерях. Это могли быть как отдельные военные, так и целые соединения, среди которых самыми важными были Тульский отряд, армия ген. Бредова и армия ген. Пермикина. В настоящей статье будет представлена судьба этих людей в польском плену. Будет рассказано, когда и как они были интернированы, какой была их лагерная жизнь и как сложилась их дальнейшая судьба.

Трудно сказать точно, когда первые белые появились в польских лагерях. По-видимому, это произошло ранней весной 1919 г., когда офицеры и унтер-офицеры Белого движения искали спасения от большевиков на территории, находящейся под контролем Войска Польского. Они переходили через линию фронта, прежде всего в Вольни и Подолье, откуда русские переезжали в крупные города (Ровно и Львов). Их число, видимо, было настолько значительным, что в мае 1919 г. был заключен договор между делегатами ген. Юденича и польской стороной. По положениям этого договора, делегаты Северо-Западной армии могли рекрутировать добровольцев в лагерях для военнопленных. Больше деталей об этой инициативе, к сожалению, неизвестно.

Первой крупной белогвардейской частью, которая оказалась в польском плену, была так называемая Тульская дивизия (или Тульский отряд). Она была создана осенью 1918 г. путём слияния частей четырёх дивизий, из которых была сформирована 8-я стрелковая дивизия РККА. В ее 2-ю бригаду входили принудительно мобилизованные крестьяне Тульской губернии — отсюда и название этого соединения. Весной 1919 г. она была направлена на фронт против Армии Украинской народной республики (УНР). 23 марта 1919 г. «туляки» подняли антисоветский мятеж, пытаясь захватить Гомель, но из-за превосходства красных вынуждены были перейти на сторону украинцев¹. Затем измученных людей передислоцировали в Ровно и Шепетовку для переформирования. Командиром остался штабс-капитан В. Стрекопытов, а начальником штаба — подполковник С. Стёпин. В апреле — мае 1919 г. отряд вместе с украинскими частями принимал участие в оборонительных боях за железнодорожный узел Шепетовка, затем, во время бунта атамана Владимира Оскилко и стратегической катастрофы армии УНР Стрекопытов принял решение связаться с поляками и перейти на их сторону, что впоследствии и совершилось. 20 мая 1919 г. Тульский отряд перешёл на территорию, подконтрольную Войску Польскому², а 25 мая в г. Ковеле был заключён договор между командованием отряда и командиром операционной группы ген.-подпор. Бабянским, действующим по приказу Волынского фронта (депеша номер 0551/Оп от 22 мая 1919 г.). Поскольку текст договора до сих пор не был известен историкам, стоит его здесь обсудить. Итак, в договоре говорилось, что Русско-тульский отряд переходит на сторону Войска Польского для дальнейшей борьбы с большевиками. По желанию офицеров и солдат отряд будет переправлен в Либаву (совр. Лиепая), где, по информации туляков, находились белогвардейские силы под английским командованием. Согласно 2-му пункту, всякое огнестрельное оружие у офицеров изымалось, но холодное оружие оставлялось. Револьверы в числе 60 по просьбе русских должны были быть переданы польскому офицеру, который должен был вернуть их в Либаве. Лошади и обозы, кроме полевых кухонь и частных коней, также были отобраны. 3-й пункт требовал от русских офицеров слова чести, что всё оружие было сдано польским войскам, а если у кого-нибудь найдётся какое-либо оружие, люди эти будут считаться военнопленными, взятыми в плен с оружием в руках. В 4-м пункте говорилось, что офицеры и солдаты будут верны постановлениям этого договора и доедут в предназначенное место в том же составе, как

---

¹ М. Ковальчук, *Російсько-тульський загін Армії УНР: формування та бойовий шлях (квітень — травень 1919 р.)* // Український історичний журнал. 4/2018. С. 69–70.

² Там же. С. 79–81.

выехали, а если кто-нибудь будет схвачен во время побега, то предстанет перед полевым судом. Пункты 5 и 6 определяли движение двух транспортов по 40 вагонов каждый под конвоем 2 польских офицеров и 40 солдат; перевозимые должны были подчиняться приказам поляков. Продовольствие было выдано через интендантуру группы ген. Бабянского, а во время отъезда поляки должны были выдать провиант на 6 дней (пункт 7). Стрекопытов позаботился также об артиллерийской батарее, которая опоздала на сбор отряда в Луцке — она по прибытии в расположение Войска Польского должна была быть немедленно вывезена в Либаву на таких же условиях, как и остальные (пункт 8). Выезд был также разрешен 12 женам офицеров. В последнем пункте говорилось о включении в отряд 13 офицеров и инженеров, которые перешли на польскую сторону под Сарнами. Договор вступал в силу с момента подписания³. Одновременно с этим польская интендантура выдала квитанцию на взятые для отряда вещи от 6 июня 1919 г., то есть в момент погрузки транспорта из Ковеля в Брест; среди них были среди прочего 40 верховых и 36 обозных лошадей, 48 седел, 15 сабель, 12 штыков, 48 револьверов, 150 подков, 1 коммутатор и 7 телефонов⁴.

О пребывании Тульского отряда в польских лагерях известно немного. Командир бригады Стрекопытов позже вспоминал: «Поляки нас обобрали до нитки и заключили в лагерь, еле удалось добиться разрешения на присоединение к Северо-Западной армии»⁵. Видимо, здесь произошло то, что регулярно случалось при взятии в плен — польские солдаты отобрали у белых одежду, хотя Министерство военных дел сурово это воспрещало, и позже даже был издан особый приказ, запрещавший это⁶. Тульскую дивизию направили в один из лагерей для военнопленных в крепости Брест-Литовск (точно неизвестно, в который именно: в июне — июле 1919 г. были сформированы три; возможно также, что их просто разместили в казармах крепости). Поскольку они перешли на польскую сторону добровольно, их содержали лучше, чем остальных: охрана была слабой, солдаты свободно выходили в город, а офицеры проживали в городе Бресте на частных квартирах. Уже в середине июля 1919 г. рядовых выслали в Россию, а офицеров (возможно, не всех) перевели в лагерь для переселенцев на Повонзках в Варшаве⁷.

³ Instytut Józefa Piłsudskiego w Nowym Jorku, zesp. 2, jedn. 25, s. 254–254.

⁴ IJP, zesp. 2, jedn. 256.

⁵ А. С. Кручинин. *Из Гомеля в Польшу через окрестности Петрограда. Анабазис Тульского отряда в 1919–1920 гг.* // Военная история России XIX–XX вв. Материалы V Международной военно-исторической конференции. СПб., 2012. С. 291.

⁶ САУ, sygn. I. 310.1.67.

⁷ E. Wiszka, *Brześć Litewski. Obozy jeńców i internowanych 1919–1921*, Toruń 2010, s. 25.

В итоге большинство офицеров и солдат по договору польской стороны с Северо-Западной армией кн. Бермондта-Авалова были переброшены в Курляндию⁸. К этому надо добавить ещё любопытный факт: в июне 1920 г. Б. Савинков получил рапорт от полк. Стёпина (начальника штаба отряда в 1919 г.), в котором тот просил о ходатайстве перед польскими властями с целью уплаты денег за отобранное у отряда имущество в сумме 1 258 000 польских марок⁹. Видимо, лошади не были возвращены русским офицерам во время отъезда в Латвию. Однако был ли достигнут результат подачей этого рапорта, неизвестно.

Вторым белогвардейским соединением, которое прошло через польские лагеря, была Русская добровольческая легия (дружина)¹⁰. Она была сформирована в 1919 г. из антибольшевистского отряда, который перешёл на польскую сторону в Полесье, и вместе с поляками сражалась несколько месяцев, в том числе во время захвата г. Пинска в марте 1919 г.

Любопытная информация про связь Легии с лагерями в Польше находится в документе польского Министерства военных дел (МВД), датированном июлем 1919 г. Тогда Министерство организовало Комиссию по делам военнопленных, которая была уполномочена отпускать пленных на волю, прежде всего, это касалось украинцев. Примечательно, что в проекте говорилось и о русских: «Пленные русские, которые добровольно сдались в плен, могут быть выпущены по распоряжению МВД для передачи в Русскую добровольческую легию либо в Государственное управление по делам пленных, беженцев и раненых для транспортировки их в небольшевистскую Россию». Надо было получить согласие Русской добровольческой легии на принятие данного человека в её ряды, более того, её командир должен следить за политической жизнью данного человека. Что ещё более интересно, те, кто желал вступить в легию, должен получить рекомендации 2-х или больше офицеров Войска Польского или легии, которые знали его по службе в Русской императорской армии или во время революции и которые могут гарантировать безопасность его политических взглядов для Польши¹¹. По всей вероятности, польское МВД хотело этим способом укрепить отряд.

Из-за своего антипольского поведения, а также отрицательного отношения польского общества и прессы, Русская добровольческая легия была разоружена 5 сентября 1919 г., а затем направлена в лагеря для переселенцев на Повонзках в Варшаве, где (некоторые из них?) пребывали

---

⁸ А. С. Кручинин, *Из Гомеля в Польшу...*, с. 292.

⁹ IP, zesp. 2, jedn. 25, s. 252.

¹⁰ В польской историографии известна как Пинский батальон (Batalion Piński).

¹¹ SAW, sygn. I. 301.10.333.

ещё в январе 1920 г.¹² Несколькими днями позже делегаты Северо-Западной армии, ген. Черечухин, полк. Долгов и ротм. Ширинский спрашивали о возможности посетить этих людей в лагере для переселенцев на Повонзках в Варшаве, но из-за опасения агитации офицеров и солдат за переброску легии в армию ген. Юденича (что было тогда запрещено) не получили согласия Государственного управления по делам возвращения пленных беженцев и рабочих¹³.

Краткое время пребывал в лагере в Брест-Литовске также полк казаков атамана Лазарова, который в ночи с 17 на 18 июля перешёл на польскую сторону. Осенью 1919 г. большинство из его отряда было отослано в Вооружённые силы Юга России (ВСЮР) (в Польше остался только командир и небольшая часть личного состава отряда)¹⁴.

Во второй половине 1919 г. отношение польских военных властей к русским значительно ухудшились из-за успехов Добровольческой армии на юге и Северо-Западной армии на петроградском направлении. С июня 1919 г. по приказу польских военных властей все офицеры русской национальности, пребывающие на территории Польши, должны были быть немедленно интернированы и направлены в лагерь¹⁵. Их сосредоточили прежде всего в лагере Домбе около Кракова, но также и в Стшалково. По меньшей мере с осени 1919 г. в Домбе существовал «Комитет группы русских интернированных». Его председателем был полковник артиллерии Иосиф Давидович Ахшарумов, членами — подполк. Станичек, полк. Богданов, инженер путей сообщения Баханович, присяжный поверенный Боев и капитан Понарин, а секретарём был пор. Белецкий¹⁶. Неизвестно, когда этот комитет был образован. Можно предполагать, что случилось это вскоре после прибытия первых офицеров в Домбе (июль 1919 г.). Надо добавить, что с июля 1919 г. приказом МВД от 26 июля 1919 г. лагерь получил название «Лагерь интернированных номер I» и был предназначен прежде всего для гражданских интернированных (что не было сохранено вследствие нехватки свободных мест в других лагерях)¹⁷. 24 ноября 1919 г. группа из 182 интернированных, во главе с полк. Ахшарумовым и инженером Бахановичем, обратилась к консулу Чехословацкой республики (ЧСР) в Кракове, чтобы чехосло-

¹² CAW, sygn. I. 300.1.402.

¹³ CAW, sygn. I. 301.10.334.

¹⁴ Z. Karpus, *Oddziały kozackie formowane w Polsce (czerwiec — listopad 1920 r.) i ich udział w wojnie polsko — sowieckiej* [w:] *Kawaleria przeciwników i sojuszników Wojska Polskiego w latach 1918–1921*, pod red. A. Smolińskiego, Toruń 2003, s. 212–213.

¹⁵ Z. Karpus, *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski w latach 1918–1924*, Toruń 1997, s. 73.

¹⁶ Archiv MZV Praha, fond II-6, ZU Krakov 1918–1920.

¹⁷ CAW, I. 301.10.335.

вацкая власть пропустила их на Юг России (в армию Деникина) через Белград группами по 10–12 человек ввиду отказа Румынии пропускать их через свою территорию. Предполагался маршрут Прага — Вена — Белград — Константинополь¹⁸. Инженер Баханович, секретарь комитета, добавил ещё свое личное письмо в адрес президента ЧСР, в котором утверждал, что он лично знаком с Т. Г. Масарикем (хотя президент утверждал, что этого человека не помнит)¹⁹. Однако дело задержалось — Министерство обороны ЧСР хотело пропускать транспорт только под условием разделения его по группам численностью 10–12 человек, отсутствия задержек транспорта в пределах ЧСР, чтобы перемещение проходило под лозунгом возвращения беженцев, а не добровольцев в армию ген. Деникина и — главное условие — чтобы эти люди, прежде чем въедут в пределы ЧСР, получили визы Австрии и Югославии²⁰. Министерство внутренних дел было категорически против этого, поскольку с апреля 1919 г. все территории ЧСР были для возвращающихся русских закрыты. В свою очередь, председатель Чехословацкого Красного Креста Анжелика Масарикова (дочь президента) не возражала против проезда интернированных при условии, что они не привезут с собой тифа или других болезней²¹. Результата в документах не было, однако можно подтвердить, что согласие на проезд не было выдано.

Повторно к вопросу вернулись в начале февраля 1920 г. 9 февраля председатель Русской дипломатической миссии в Варшаве Г. Кутепов обратился к посольству ЧСР о пропуске через эту территорию 200 белых офицеров (но был приложен список только из 95 людей)²². Хотя чехи получили из Белграда информацию, что переезд в Россию абсолютно невозможен, всё-таки в ответ на запрос Кутепова были выданы визы этим 95 людям (тем, кто уже имел австрийские визы). Предположительно, они выехали. Из работ С. В. Волкова следует, что, например, полк. Ахшарумов в мае 1920 г. находился уже в Белграде²³. Дальнейшая судьба офицеров, которые не выехали из Домба, на этот момент остается неизвестной.

Надо добавить, что русские белые офицеры находились также в лагере Стшалково, где был создан «офицерский отряд». Некоторое время осенью 1919 г. лагерем командовал капитан Илья Старовойтов, по на-

---

¹⁸ Archiv MZV Praha, fond II-6, ZU Krakov 1918–1920.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ С. В. Волков. *Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога*. Т. I. М., 2012. С. 71.

циональности русский, который перешёл в польскую армию. По его приказу белые офицеры были переведены к украинским петлюровским офицерам, что привело к конфликтам²⁴.

Следующей крупной группой, которая прошла через польские лагерь, была армия ген. Николая Бредова. Эти силы сражались против большевиков на Украине в 1919 г., и когда ВСЮР отступали на юг, «бредовцы» направились в сторону Одессы, но из-за невозможности ни соединиться с другими частями, ни перейти на территорию Румынии (им было отказано в доступе) решили двинуться на северо-запад и перейти на территорию Польши. После 14-дневного «Бредовского похода», во время которого русские части прошли 400 километров в трудных зимних условиях, армия достигла 25 февраля 1920 г. района Новой Ушицы и оказалась на территории, контролируемой Войском Польским²⁵. Польские части приняли русских очень приветливо, видя в них желанное подкрепление²⁶.

Немедленно после прибытия русских о произошедшем было доложено командованию Подольского фронта, которое, в свою очередь, выслало информацию в Варшаву. Немедленно в Ярмолинцы был направлен адъютант маршала Пилсудского ротмистр князь Станислав Радзивилл, чтобы вести переговоры с ген. Бредовым и его штабом. Надо подчеркнуть, что он был выбран неслучайно, потому что до I мировой войны он служил в одном из полков лейб-гвардии²⁷. По итогу переговоров 17 февраля (1 марта по н. с.) 1920 г. в Солодковцах был заключен договор между армией ген. Бредова и Главным командованием Войска Польского. Он насчитывал 13 пунктов. В первом говорилось о переходе армии на территорию, контролируемую Войском Польским. Главное командование Войска Польского обязалось обеспечить возвращение всех солдат и офицеров с их с семьями на территорию, занятую армией генерала Деникина, приняв все меры в посредничестве между генералом Бредовым и правительствами дружественных стран, от которых зависел транзит. В пункте 3-м и 4-м говорилось об объявлении карантина вследствие большого числа заболевших, которые находились в Ярмолинцах. Пункт 6-й касался оружия армии: оно оставалось собственностью армии, однако во время пребывания на польской территории Главное командование Войска Польского забирало его на хранение, как и всякие военные материалы, по соответствующим квитанциям. Всё это имуще-

---

²⁴ ЦДАУ Львов, ф. 462, оп. 1, од. 61, к. 65–67.

²⁵ М. Промтов. *Къ исторії Бредовскаго похода* // «Часовой». № 107. 1933. С. 5–6; Б. Штейфон. *Бредовский поход* // «Белое Дело». Т. X. М., 2003. С. 17–28.

²⁶ Б. Штейфон. *Бредовский поход* // «Белое Дело». Т. X. М., 2003. С. 28.

²⁷ Б. Штейфон. *Бредовский поход*... С. 33.

ство следовало возвратить, когда армия покинет территорию Польши, если это будет возможно по международным условиям. Все офицеры сохраняли собственное оружие, но оно следовало поместить на специальных складах; то же самое касалось и холодного оружия. 10-й пункт был особо важным: Главное командование Войска Польского оставило себе право покупки всех лошадей по цене 3000 польских марок за одну лошадь. В пункте 11-м утверждалось, что архивы, как и канцелярии частей, а также знамена оставались при командирах русских частей. Последние пункты, 12-й и 13-й, касались переговоров с другими странами по делу транзита в Россию: если они не дадут результатов, армия должна была оставаться в предназначенных местах (то есть в лагерях). Договор был составлен в двух экземплярах на польском и двух на русском языках²⁸.

По воспоминаниям ген. Штейфона, главной целью русского командования отряда было как можно скорее возвратиться на родину для дальнейшей борьбы с большевиками, поэтому договор был подписан весьма быстро. В свою очередь, поляки не очень хотели принять белогвардейцев на свою территорию по политическим причинам (отрицательное отношение польского общества к представителям «старой России»), а также из-за трудностей в нахождении подходящего места для размещения почти 20 тысяч людей. Согласие на переход границы было дано под давлением английских дипломатов²⁹.

При переговорах и подписывании документов не обошлось без конфликтов. Б. Штейфон вспоминал, что «несколько раз в течение нашего разговора польские представители не решались принимать сразу тех или иных условий генерала Бредова. В таких случаях они обычно просили позволения обсудить вопросы в нашем отсутствии»³⁰. Но из рапорта польской Комиссии МВД для принятия материалов армии ген. Бредова следует, что поляки считали условия капитуляции (так в оригинале) бредовцев очень выгодными, и поэтому считали, что они не могут выдвигать новые требования в свою пользу. Поэтому переговоры про сдачу имущества и конского состава шли медленно и тяжело. Надо подчеркнуть, что самое большое внимание польской стороны привлекали кони, которых не хватало для польской армии, и кони эти оценивались высоко. Что касается оценки самой армии, польские офицеры утверждали, что пехота не имеет никакой боевой ценности (это были главным образом больные тифом и раненые вместе с семьями на подводах, с низким боевым духом), выше оценивалась кавалерия, хорошее впечатление оста-

---

²⁸ CAW, sygn. I. 301.8.255.

²⁹ Z. Karpius, *Jeńcy i internowani...*, s. 75.

³⁰ Б. Штейфон. *Бредовский поход...* с. 35.

вила конница ген. Склярова³¹. Сколько людей перешло в Польшу, точно ответить трудно. Данные разнятся: согласно русским источникам, это было 22 845 человек (в том числе 3000 больных), по польским данным — 18 916 (3941 больных)³². Что касается коней, Войско Польское приняло их 7481, но из-за болезней и истощения во время передислокации в рядах осталось только 5300 здоровых³³.

Разоружение армии было окончено 26 марта 1920 г.; до того момента некоторые части (преимущественно казачьи) находились на фронте, взаимодействуя с польскими частями³⁴. Транспорты первоначально шли в пересыльно-распределительные станции во Львове (Яловец) и Стрые, где, согласно предписаниям, должны отбыть двухнедельный карантин. Каждый транспорт насчитывал около 400 людей. Эвакуация русских вглубь Польши была проведена с 17 марта до 13 апреля 1920 г.

Всю бредовскую армию польские военные власти решили разместить в трех лагерях: Домбе (2500 людей, в первую очередь офицеров и их семей), Стшалкове (рядовых в числе 5000) и Пикулицах (рядовых в числе 4000)³⁵, однако позже их разместили также в Щиперно и Александрове-Куявском. 13 марта 1920 г. приказ был изменен: в Домб направили казачьи части, офицеров и солдат в Стшалков, а следующие транспорты в Пикулицы. Командирами были назначены ген. Скляров в Домбе, ген. Шевченко в Стшалкове и ген. Промтов в Пикулицах³⁶.

9 апреля 1920 г. был издан приказ МВД, утверждающий «Инструкцию для интернированных частей генерала Бредова», которая регулировала их пребывание в лагерях. Бредовцев изолировали от большевиков; за дисциплину были ответственны свои офицеры. Свободное время и работы внутри лагерей были организованы командованием частей при согласии польских властей. МВД разрешило также организовать собственные кухни и столовые для русских, а также получать духовное окормление от священников. Как было сказано выше, офицерам разрешалось иметь оружие. Что важно, денежное вознаграждение выплачивали поляки согласно приказу МВД номер 1416/Моб³⁷. Весьма легкий лагерьный режим был отменен Министерством военных дел приказом

³¹ SAW, sygn. I. 301.8.255.

³² Д. Алексеев. «Белые» в польских лагерях: интернирование группы генерала Н. Э. Бредова весной и летом 1920 г. // Военная история России XIX–XX в. Материалы III Международной военно-исторической конференции. СПб., 2010. С. 316.

³³ SAW, sygn. I. 301.8.255.

³⁴ Б. Штейфон. *Бредовский поход...* С. 41–42.

³⁵ Z. Karpus, *Armia gen. por. M. E. Bredowa w Polsce (marzec — sierpień 1920)* [w:] «Acta Universitatis Nicolai Copernici. Historia», t. 21 (167), 1986, s. 78.

³⁶ SAW, sygn. I. 301.10.340.

³⁷ Там же.

от 19 апреля 1920 г., который отменял «Инструкцию» от 9 апреля. Согласно этому приказу, поскольку бредовцы нарушили договор и в связи с произошедшими фактами нарушения дисциплины, порядка и безопасности (плохое поведение как в лагерях, так и вне них, организация митингов в Кракове против польских властей и другая антигосударственная агитация, а также случаи применения оружия против польских солдат в Стрые, Домбе и Стшалкове), было решено, что все офицеры и солдаты будут оставаться в статусе интернированных военных. Пропуски в города, расположенные 7 километрах от лагерей, будут выдаваться только с согласия командования генерального округа. Отпуска и освобождения могли оформляться только Министерством военных дел. Все офицеры и солдаты, которые во время введения приказа находились вне лагерей, должны были немедленно возвратиться. Все личное оружие (сабли и револьверы) следовало хранить на складах под контролем командования лагеря; запрещалось хранить его в бараках. Пункт 3-й касался торговли: с того момента обмен валют и продажа ценных вещей могла происходить только в государственных казённых учреждениях при посредничестве командования лагеря. Любая торговля этими товарами запрещалась³⁸.

Как уже сказано выше, «бредовцев» размещали первоначально в трёх лагерях. В Домбе должен находиться штаб самой армии с генералом Бредовым (он состоял из начальника штаба, двух адъютантов и ординарцев). Польские власти выделили также одну коляску с лошадьми и двух верховых коней. Однако из воспоминаний генерала Штейфона следует, что Бредов основную часть времени жил в Варшаве, где был занят делами армии и встречался по этому поводу с польскими военными чиновниками, дипломатами и военными агентами разных стран. То есть генерал находился не в Домбе, а в одной из гостиниц на Маршалковской улице³⁹.

Что касается условий жизни, можно констатировать, что они были сложными, особенно в Стшалкове, Щиперне и Пикулицах, зато намного лучше — в Домбе. Лагерь в Стшалкове был принят Войском Польским в декабре 1918 г., хотя на самом деле начал функционировать в мае 1919 г.⁴⁰ Материальные условия там были плохие: после четырёхлетнего использования немцами во время I мировой войны (они его и основали) здания были в очень плохом состоянии. Этот лагерь имел два типа зданий: бараки и землянки. Из рапорта ген. Шевченко следует, что здания находились в полуразрушенном состоянии, не было освещения, не было

---

³⁸ CAW, sygn. I. 300.76.264.

³⁹ CAW, sygn. I. 301.10.340; Б. Штейфон. *Бредовский поход...* с. 54.

⁴⁰ CAW, sygn. I. 301.10.332.

также спальных принадлежностей, так что офицеры спали на грязном полу⁴¹. К этому надо добавить очень плохое отношение командира лагеря, полковника Кевнарского, к русским. Поэтому и настроение находящихся там частей было подавленным⁴². Лагерь в Пикулице возник в июне 1919 г. на территории бывших казарм артиллерии крепости Пшемысль (Перемышль), расположенных в деревне. В 1919 г. там находились украинцы из состава Украинской Галицкой армии, которые пережили тяжелую эпидемию сыпного тифа⁴³. Лагерь не имел хороших условий (его здания — это частично кирпичные конюшни, частично деревянные бараки), но из-за отсутствия источников трудно сказать, какие они были именно в 1920 г. Известно только, что незадолго до прибытия русских, в феврале 1920 г. внутреннее состояние барачков было уже достаточно хорошее⁴⁴. Также отношение командира к русским было лучше, чем в Стшалкове. Третий из упомянутых лагерей, Домб, был расположен за г. Краковом в казармах бывшего австрийского 3-го полка полевой артиллерии⁴⁵. В сравнении с двумя остальными условия пребывания были здесь наилучшие. Здания были частично кирпичными, и только что был окончен ремонт лагеря (приходивший в марте 1920 г)⁴⁶. Надо добавить, что согласно приказу МВД все 800 большевиков, которые находились тогда в Домбе, были перемещены в лагерь Вадовице⁴⁷. Бредовцы прибыли сюда, вероятно, во второй половине марта (предположительно около 21-го числа). Командиром частей, сосредоточенных в этом лагере, первоначально был назначен генерал Николай Скляров, после скоростной смерти его сменил генерал Михаил Промтов, ранее назначенный на пост командира в Пикулицах⁴⁸.

Несмотря на трудные жилищные условия, в лагерях закипела культурная работа. В каждом из них издавались газеты, информационные листки, карикатуры, печатавшиеся на шапирографе. Пока удалось об-

⁴¹ Д. Алексеев. «Белые» в польских лагерях..., С. 317.

⁴² Д. Алексеев. «Белые» в польских лагерях..., С. 316–317; Б. Штейфон, *Бредовский поход...* С. 64–67.

⁴³ САУ, sygn. I. 301.10.335.

⁴⁴ ЦДИАУ, ф. 462, оп. 1, од. 14, к. 5.

⁴⁵ T. Czekalski, *Szkice z dziejów Dąbia*, Kraków 1993, s. 19.

⁴⁶ САУ, sygn. I. 300.62.30.

⁴⁷ Приказ Министерства военных дел Польши о переводе военнопленных красноармейцев из лагеря Домбе в Вадовице от [12 марта] 1920 г. [в:] *Красноармейцы в польском плену. Сборник документов*, под ред. Н. Е. Елисейевой, З. Карпуса, Г. Ф. Матвеева, К. К. Миронова, В. Резмера, Е. Росовской и Н. С. Тархова, М., 2004. Док. номер 59, с 177.

⁴⁸ САУ, zespół I. 301.10.340; Z. Karpus, *Armia gen. por. M. E. Bredowa...*, s. 84.

наружить только пикулицкую газету «Дружескія речи», одиннадцать номеров которой вышли в 1920 г. Названия остальных пока неизвестны.

Из-за отсутствия источников трудно говорить также про санитарное состояние лагерей. Во всяком случае, медицинская помощь интернированным была необходима. МВД приказало сделать списки врачей из армии ген. Бредова, которые находились в лагерях или уже работали в лагерных госпиталях, вероятно, с целью использования их вследствие нехватки собственных медицинских сил. Итак, в Стшалково находилось 15 врачей, в Пикулицах 6, в Домбе — 7 и в Щиперно ещё 5, итого 32⁴⁹. В новосформированном лагере Александров-Куявский изначально не было предусмотрено врачей и остального медицинского персонала, так что бредовцев оттуда отсылали для лечения в Щиперно. Командир лагеря капитан Пионткевич, просил о немедленной присылке соответствующих специалистов⁵⁰.

Следует добавить, что во время пребывания армии в лагерях ее личный состав уменьшился. Причиной было желание польских военных властей укрепить союзную украинскую армию. Поэтому приезжающие украинские офицеры или те, которые находились в лагерях, агитировали за вступление в армию УНР. Привело это к трагическим последствиям: в Стшалкове 2 июля 1920 г. подпоручик Фиалковский застрелил одного из украинцев в уборной лагерного театра⁵¹. В июне 1920 г. казаки атамана Лаврова покинули армию Бредова и присоединились к Армии УНР. Командующий лагерем Домбе, подполк. Станислав Тарабанович не исполнил требования ген. Бредова арестовать Лаврова⁵². Кроме того, некоторые офицеры и солдаты вступали в отряды, организованные Б. Савинковым (из которых позже была сформированная 3-я Русская армия), или в казачьи отряды атамана Яковлева. Итого, по подсчетам З. Карпуса, армию ген. Бредова покинули около 2000 людей⁵³.

Всё время ген. Бредов усиленно работал над проведением эвакуации своих войск в Крым к ген. Врангелю. И только в конце июня 1920 г. под давлением Антанты румынское правительство заключило договор с польским правительством об эвакуации бредовцев в Крым. Первый эшелон выехал из Польши 5 июля в порт Галац, а вся эвакуация окончи-

---

⁴⁹ SAW, sygn. I. 300.62.55

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Д. Алексеев. «Белые» в польских лагерях:..., С. 320–321; Б. Штейфон, *Бредовский поход...* С. 65.

⁵² Z. Karpus, *Armia gen. por. M. E. Bredowa...*, s. 85.

⁵³ Z. Karpus, *Armia gen. por. M. E. Bredowa...*, s. 86.

лась 27 августа (Штейфон приводит дату 2 сентября, вероятно, по ошибке.)⁵⁴ К армии ген. Врангеля выехало из Польши около 12 500 человек⁵⁵.

Последней группой антибольшевистских русских формирований, которая оказалась за проволокой в польских лагерях, была 3-я Русская армия под командованием ген. Бориса Пермикина. Её части были сформированы летом и осенью 1920 г. и являлись частью армии ген. Врангеля. Они успели ещё вступить в бой с большевиками, сражаясь на юге Польши вместе с украинцами, но после поражения в осенней кампании 1920 г. 3-я армия вынуждена была уйти обратно в Польшу с территории Украины, а затем была разоружена и интернирована. Итого за проволоку попало около 8–9 тысяч русских⁵⁶.

Части армии сперва были сосредоточены в нескольких лагерях: в Торуне, Лукове и в Острове Ломжинском. В первом из перечисленных мест им было предназначено место в прусской крепости, в Острове Ломжинском их разместили предположительно в бывших казармах императорских времён⁵⁷. Была введена также специальная инструкция, регулировавшая отношения польских лагерных властей к «бывшим союзникам Польши». Согласно ее положениям, русских следовало изолировать от красноармейцев, а за внутреннюю организацию порядка отвечало командование группы интернированных войск (3 офицера, из которых один находился на посту начальника)⁵⁸.

Ранней осенью 1921 г. польские власти решили уменьшить количество лагерей в стране, поэтому русских сконцентрировали в лагере Тухоля. Первые транспорты приехали туда в начале сентября 1921 г., а последними прибыли 1500 солдат из Острова Ломжинского 4 ноября 1921 г. Итого, по состоянию на 31 января 1922 г. там было 4373 людей, в том числе 314 женщин и 110 детей⁵⁹.

Условия жизни пермикинцев были очень тяжелыми: тухольский лагерь состоял из землянок в плохом состоянии. Но несмотря на проблемы, уже с самого начала шла культурная работа. При содействии ИМКА были проведены курсы для неграмотных, существовали драматические кружки (ставившие русские комедии), любительские казачьи хоры. Организованы читальные залы, издавались собственные газеты и журна-

⁵⁴ Б. Штейфон, *Бредовский поход...* С. 83.

⁵⁵ Z. Karpius, *Armia gen. por. M. E. Bredowa...*, s. 88–90; Д. Алексеев. «Белые» в польских лагерях: ..., С. 322.

⁵⁶ Z. Karpius, *Jeńcy i internowani...*, s. 101

⁵⁷ Там же, s. 142.

⁵⁸ Там же, s. 136–137.

⁵⁹ *Rosjanie internowani w obozie w Tucholi (wrzesień 1921 — styczeń 1923)* [w:] «Tuchola. Obóz jeńców i internowanych 1914–1923», oprac. Z. Karpius i W. Rezmer, t. 1, Toruń 1997, s. L.

лы («Козак», «Новое слово», «Дом», «Живое слово»). В каждом лагере были организованы библиотеки, в которые передавали библиотеки ликвидированных русских гимназий. Большой популярностью пользовались спортивные события⁶⁰. Итак, можно констатировать, что культурная деятельность было широко развернута в условиях интернирования.

Из-за экономических проблем, связанных с содержанием большого числа интернированных, польские власти старались сократить их количество. 22 января 1923 г. лагерь в Тухоле был ликвидирован. Некоторых из находившихся там русских перевели в Стшалково, который, в свою очередь, был ликвидирован 31 августа 1924 г. Много русских выехало за рубеж, некоторые поселились в Польше.

В 1919–1923 гг. в польских лагерях для военнопленных и интернированных находилось несколько русских воинских соединений. Самыми важными из них являлись Тульский отряд штабс-капитана Стрекопытова, армия ген. Николая Бредова и 3-я Русская армия ген. Бориса Пермикина. Кроме того, уже с ранней весны 1919 г. на территорию Польши прибывали офицеры и солдаты, принимавшие участие в Белом движении. Все они попали в польские лагеря и пребывали в них определенное время (некоторые, как стрекопытовцы, только несколько недель, другие, как офицеры, интернированные в Домбе, или армия ген. Пермикина — несколько месяцев или даже лет). Польские власти не хотели, чтобы они пребывали в Польше, преимущественно из-за противоположных взглядов на независимость страны, а также отрицательного мнения населения. Условия в лагерях были тяжелые, что связано с отсутствием средств на ремонты и т. д. (надо особенно подчеркнуть, что польская территория сильно пострадала во время 1-й Мировой войны, и этим объясняется повсеместная нищета, царившая в стране). Всё-таки главной целью русских было как можно скорее покинуть Польшу, что удалось Тульскому отряду и бредовцам. В заключение надо добавить, что существует дальнейшая необходимость исследования вопроса пребывания белогвардейцев в польском интернировании, особенно жизни в лагерях.

Список литературы

1. Алексеев Д. *«Белые» в польских лагерях: интернирование группы генерала Н. Э. Бредова весной и летом 1920 г.* // Военная история России XIX–XX в. Материалы III Международной военно-исторической конференции. СПб., 2010.
2. Волков С. В. *Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога.* Т. I. М., 2012.
3. Ковальчук М. *Російсько-тульський загін Армії УНР: формування та бойовий шлях (квітень — травень 1919 р.)* // Український історичний журнал. 4/2018.

---

⁶⁰ Z. Karpius, *Jeńcy i internowani...*, s. 144–146.

- Koval'chuk M. Rosijs'ko-tul's'kij zagin Armii UNR: formuvannya ta bojovij shlyah (kviten' — traven' 1919 r.) // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. 4/2018.
4. *Красноармейцы в польском плену. Сборник документов*, под ред. Н. Е. Елисеевой, З. Карпуса, Г. Ф. Матвеева, К. К. Миронова, В. Резмера, Е. Росовской и Н. С. Тархова, М., 2004.
  5. Кручинин А. С. *Из Гомеля в Польшу через окрестности Петрограда. Анабазис Тульского отряда в 1919–1920 гг.* // Военная история России XIX–XX вв. Материалы V Международной военно-исторической конференции. СПб., 2012.
  6. Промтов М. *Къ исторії Бредовскаго похода* // «Часовой». № 107. 1933. С. 5–6.
  7. Штейфон Б. *Бредовский поход* // «Белое Дело». Т. X. М., 2003. С. 17–28.
  8. Czekalski T. *Szkice z dziejów Dąbia*, Kraków, 1993.
  9. Karpus Z. *Armia gen. por. M. E. Bredowa w Polsce (marzec — sierpień 1920)* [w:] «Acta Universitatis Nicolai Copernici. Historia», t. 21 (167), 1986.
  10. Karpus Z. *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski w latach 1918–1924*, Toruń, 1997.
  11. Karpus Z. *Oddziały kozackie formowane w Polsce (czerwiec — listopad 1920 r.) i ich udział w wojnie polsko — sowieckiej* [w:] *Kawaleria przeciwników i sojuszników Wojska Polskiego w latach 1918–1921*, pod red. A. Smolińskiego, Toruń, 2003.
  12. *Rosjanie internowani w obozie w Tucholi (wrzesień 1921 — styczeń 1923)* [w:] «Tuchola. Obóz jeńców i internowanych 1914–1923», oprac. Z. Karpus i W. Rezmer, t. 1, Toruń 1997.
  13. Wiszka E. *Brześć Litewski. Obozy jeńców i internowanych 1919–1921*, Toruń, 2010.

Wiktor WĘGLEWICZ

Jagiellonian University (Kraków, Poland)

E-mail: wik699@gmail.com

Russian White Internees in Poland:

Tulski detachment, General Bredov's army, General Permikin's army

The article describes White Russian detachments in the territory controlled by Poland in 1919–1921. It is emphasized that Russian Whites and Poles could not become allies to resist a common enemy.

Keywords: Civil war, Soviet-Polish war, White movement, internment.

УДК 94 (47).084.3

ББК 63.3 (2) 612

Денис Юрьевич АЛЕКСЕЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: alexeyev-denis@yandex.ru

11-Я ПЕТРОГРАДСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В БОЯХ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

В статье описаны боевые действия 11-й Петроградской стрелковой дивизии РККА в ходе Советско-польской войны 1920 г.

Ключевые слова: Советско-польская война, Красная армия, Западный фронт, 11-я Петроградская стрелковая дивизия.

Хотя боевые действия против польских войск велись Красной армией с января 1919 г., они никогда не достигала такой интенсивности, как на других фронтах гражданской войны. Для польской армии советский фронт также длительное время был второстепенным: силы отвлекали война с Западной Украиной и противостояние с Германией. Во второй половине польская армия после разгрома украинцев и подписания Германией Версальского мирного договора получила возможность активизировать свои усилия в Белоруссии, однако глава Польши Ю. Пилсудский принял решение не обострять ситуацию, опасаясь поражения советской власти. Он считал, что правление большевиков означает слабость и дестабилизацию, тогда как победа белых, по его мнению, означала бы возрождение сильной амбициозной России¹.

Только после военного поражения армий А. В. Колчака, Н. Н. Юденича и А. И. Деникина польское руководство решилось на полномасштабную войну с Советской Россией. Для этого Ю. Пилсудский заключил соглашение с лидером украинских националистов С. В. Петлюрой, опираясь на которое, начал 25 апреля широкомасштабное наступление с целью овладения Украиной².

Советские войска, действовавшие против Польши, состояли из четырёх армий в составе двух фронтов: 15-й и 16-й на Западном фронте

---

¹ Д. Ю. Алексеев. Западный театр военных действий в контексте гражданской войны в России // Военная история России XIX–XX веков. Материалы VI Международной военно-исторической конференции. СПб., 2013. С. 333.

² Там же.

в Белоруссии и 12-й и 14-й на Юго-Западном фронте на Украине. Фронты, разделённые в Полесье полосой Припятских болот, действовали самостоятельно. Активные боевые действия на Западном фронте начались 14 мая наступлением 15-й армии, к которому 19 мая присоединилась и 16-я. Это была так называемая Майская операция, или Березинское сражение³. В приказе на наступление, отданном 12 мая, командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский (он был рокирован с В. М. Гиттисом — тот отправился командовать Кавказским фронтом, откуда прибыл Тухачевский) целью операции ставил «разбить и отбросить польскую армию к Пинским болотам»⁴.

11-я дивизия действовала в составе 15-й армии, которая рассматривалась командованием как ударная группа фронта. В начале мая дивизия была переброшена из района местечка Сенно — озеро Жеринское в местечко Камень, откуда 14 мая перешла в наступление с целью достичь линии Подевиле — Докшицы. Соседями были хорошо знакомая по боям в Латгалии 4-я дивизия справа и 56-я дивизия слева⁵. 11-я дивизия насчитывала 2500 штыков⁶.

В течение четырёх дней части дивизии с боями уверенно продвигались вперёд, тесня противника. Согласно воспоминаниям А. М. Василевского, «боевая операция развёртывалась всё время вдоль железной дороги, в естественных проходах между многочисленными озёрами»⁷. Существенные бои произошли 14 мая у деревни Воронь, 15 мая у деревни Кубличи, 16 мая у Лечины. 18 мая были захвачены «громадные склады противника с большими запасами продовольствия и прочего военного имущества»⁸. В этих боях только 97-й полк потерял 150 красноармейцев, погибло также двое батальонных командиров⁹.

18 мая, когда части армии обошли лесисто-болотистые верховья реки Березины, командарм А. И. Корк наметил изменить направление наступления дивизии с северо-западного на юго-западное — на Молодечно¹⁰. В это время польские силы получили подкрепление — 17-ю дивизию,

---

³ Гражданская война. 1918–1921. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М., Л., 1930. С. 345.

⁴ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сборник документов в 4-х томах. Т. 3. Апрель 1920 г. — 1922 г. М., 1974. С. 28.

⁵ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии (25 сентября 1918 г. — 25 сентября 1923 г.). Пг., 1923. С. 34–35.

⁶ А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., 1974. С. 48.

⁷ Там же. С. 48–49.

⁸ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 35–37.

⁹ X лет Десятой стрелковой дивизии РККА. Исторический очерк за 1918–1928 гг. Вологда, 1928. С. 49.

¹⁰ Гражданская война... С. 344.

одну из так называемых познанских дивизий, состоявшую из солдат, в I Мировую войну воевавших в составе германской армии и потому считавшихся наиболее боеспособными. Бои приобрели большую ожесточённость, особенно тяжело пришлось полкам 32-й бригады в районе Крулевщизны¹¹. А. М. Василевский также вспоминал, что «первое серьёзное сопротивление» его 96-й полк встретил при столкновении с познанцами¹².

Несмотря на сопротивление, части 11-й дивизии продолжили наступление, «ведя целый ряд атак на укрепленные пункты противника, выбивая последнего из таковых, беря пленных, захватывая продовольственные и интендантские склады». Вечером 23 мая обескровленная 32-я бригада была выведена в резерв. 24 мая наступление продолжили 31-я бригада, уже не встречавшая сопротивления сломленного противника, и 33-я, которая с трудом овладела высотой в районе местечка Будслав. 27 мая 32-я бригада сменила в боевой линии 31-ю, выведенную в резерв. Наступление 11-й дивизии продолжалось до 28 мая, остановившись на линии рек Сервич и Вилия¹³.

К этому моменту польское командование сосредоточило против 15-й армии крупные резервы, переброшенные с Украины и из Польши. Ю. Пилсудский планировал ударами с флангов взять 15-ю армию в клещи. 22 и 23 мая поляки контрударами отбросили в исходное положение соседнюю 16-ю армию и, начиная с 27 мая, усиливали давление на фронте 15-й¹⁴.

28 мая продвижение 33-й бригады остановилось, а 32-й бригаде пришлось отступить. 96-й полк последней под натиском кавалерии противника «рассыпался» и был отведён в бригадный резерв для приведения его в порядок. А. М. Василевский вспоминал об этом: «Мы переправились через реку Вилия и уже готовились наступать на Вилейку, когда подверглись внезапному контрудару польской кавалерии. Часть бойцов полка не выдержала натиска конников и рассеялась. Пришлось прямо на ходу сколачивать разрозненные подразделения. Это был для меня ещё один урок»¹⁵.

На поддержку 32-й бригады были выдвинуты части 31-й, а 30 мая в распоряжение начальника 11-й дивизии прибыла из резерва 6-я дивизия, сменившая её левофланговые части. Усиление имело целью продолжить наступление в направлении на Вилейку, но вместо этого дивизии

---

¹¹ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 38.

¹² А. М. Василевский. Указ. соч. С. 49.

¹³ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 38–40.

¹⁴ Гражданская война... С. 346–348.

¹⁵ А. М. Василевский. Указ. соч. С. 49.

оказались втянуты в изматывающие встречные бои без решительного успеха какой-либо из сторон. Положение осложнялось тем, что противник начал использовать бронемашину. 3 июня 11-я и 6-я дивизии в силу общей обстановки на фронте 15-й армии начали планомерный отход¹⁶. Попытки приостановить отступление не приносили успеха, «так как моральное состояние частей за период отступательных боёв было очень подорвано, численный состав крайне незначителен»¹⁷.

Постепенно 11-я дивизия к 9 июня дошла до линии озёр Долгое — Сшо — река Сшо и приступила к её укреплению: производилось «устройство окопов, проволочных заграждений, засек и всего прочего». Атаки противника продолжались до 15 июня, после чего на фронте наступило затишье¹⁸.

В июне 1920 г. всё внимание как советской, так и польской сторон было направлено на Украину, где наступление 1-й конной армии позволило Юго-Западному фронту погнать интервентов на запад. Командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский в это время приводил свои войска в порядок, усиленно пополняя их для предстоящего наступления. Он планировал с новыми силами повторить тот же манёвр, что и в Майской операции — энергичным захождением правым флангом отбросить польские силы в Полесские болота¹⁹.

В преддверии решающего сражения Западный фронт состоял из четырёх армий (к 15-й и 16-й добавились новые 3-я и 4-я) и Мозырской группы. 15-я армия часть сил (южную группу) выделила в состав 3-й армии. 11-я дивизия осталась в прежнем подчинении, оказавшись левофланговой (левее находилась 6-я дивизия 3-й армии)²⁰.

За время нахождения на укреплённой позиции 11-я дивизия была приведена в порядок, укомплектована людьми и лошадьми, снабжена необходимым снаряжением. В распоряжение дивизии прибыла насчитывавшая 2400 бойцов Красноуральская бригада трёхполкового состава, которая пошла на пополнение частей 32-й бригады. 31-я и 33-я бригады получили по 550 человек каждая из 2-го подвижного запасного батальона 15-й армии, в частности, 97-й полк 33-й бригады получил 150 человек. Кроме того, небольшими партиями прибывали пополнения с различных этапных и пересыльных пунктов и из штаба армии,

¹⁶ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 40–43.

¹⁷ Операции 11-й Петроградской дивизии 4 и 5 июля 1920 года на реке Соша в районе ст. Подсвилье // Сборник трудов отделения военно-научного общества при Военно-академических курсах высшего состава РККА. 1921–1922. Т. II. С. 152.

¹⁸ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 44.

¹⁹ Гражданская война... С. 361–365.

²⁰ Операции 11-й Петроградской дивизии 4 и 5 июля... С. 152; Гражданская война... С. 366.

насчитывавшие до 800 человек. Например, 97-й полк получил командами с различных этапных пунктов 300 человек, однако они «являлись не совсем выдержанными бойцами, поэтому их распределили поровну между всеми подразделениями полка». Всего помимо Красноуральской бригады в состав дивизии было влито 2800 штыков «с соответствующим количеством комсостава». Роты были доведены до 60–90 штыков. Боевой дух полков поднялся, «так как прибывшие пополнения были достаточно хорошо обучены и подготовлены политически»²¹. Всего перед наступлением дивизия насчитывала 5103 штыка и 159 сабель, в ней было 126 пулемётов, 16 лёгких, 2 тяжёлых, 4 горных орудия и 2 гаубицы²².

1 июля штаб 11-й дивизии получил приказ о наступлении. Дивизии ставилась задача сбить противника с позиций, уничтожая его живую силу и материальную часть, и занять станцию Подсвилье²³. Её удар носил вспомогательный характер, в связи с этим ей предстояло наступать на фронте шириной 20 км. Справа от расположения 11-й дивизии к 4 июля находилась 4-я дивизия, которая в начале наступления была выведена в резерв, а её участок занят частями 54-й и 16-й дивизий, последняя стала непосредственным соседом справа. Участок правого фланговой 33-й бригады 11-й дивизии был в ночь на 4 июня занят её тезкой — 33-й Кубанской стрелковой дивизией. Эти три дивизии (54-я, 16-я и 33-я) составили ударную группу 15-й армии. Им предстояло действовать на фронте 26 км²⁴.

Приказом по дивизии намечались три ударные группы. Так как участок 33-й бригады был занят 33-й дивизией, появилась возможность вывести бригаду в резерв²⁵. При прохождении кубанцев через расположение 99-го полка внимание красноармейцев привлекли приданные дивизии три танка: «Они как три огромных ежа поползли впереди наших окопов по направлению к противнику. Все, затаив дыхание, смотрели, как медленно, но верно двигались они к своей цели, внося панику в растерявшиеся ряды противника»²⁶. Это был один из первых случаев боевого применения танков Красной армией.

---

²¹ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 45; Операции 11-й Петроградской дивизии 4 и 5 июля... С. 158; X лет Десятой стрелковой дивизии РККА... С. 49; *А. М. Василевский*. Указ. соч. С. 49.

²² *А. Н. Крутиков*. Прорыв оборонительной полосы белополяков 11-й стрелковой дивизией (4–6 июля 1920 г.). М., 1939. С. 17–18.

²³ Операции 11-й Петроградской дивизии 4 и 5 июля... С. 159.

²⁴ *А. Н. Крутиков*. Указ. соч. С. 6–7.

²⁵ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 46; Операции 11-й Петроградской дивизии 4 и 5 июля... С. 159–161.

²⁶ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 99.

Наступление было намечено на 5 часов утра 4 июля. Хотя противник не знал об этом, по стечению обстоятельств за час до намеченного срока он атаковал расположение 33-й бригады и потеснил 98-й полк, но «пошедшим резервным батальоном положение было восстановлено»²⁷.

После артиллерийской подготовки части дивизии перешли в наступление против польской пехотной дивизии, также носившей 11-й номер. 1-я ударная группа (31-я бригада) выбила из окопов батальон 48-го полка неприятеля и обратила в бегство пытавшиеся контратаковать два других батальона. 2-я группа (32-я бригада), на участке которой находилась река Соша, в течение нескольких часов не смогли форсировать её, несмотря на все попытки. Здесь на помощь 47-го полку противника из дивизионного резерва подошёл 46-й полк, успешно работала польская артиллерия. 3-я группа (94-й и кавалерийский полки) также был остановлен противником на лесной дороге. Однако к 12 часам дня успех 31-й бригады заставил противника отступить, позволив продвигаться 2-й и 3-й группам²⁸.

Противник, утратив первую полосу обороны, отступил на вторую. Здесь ему на помощь из резерва подошла состоявшая из познанцев 17-я пехотная дивизия, с которой петроградцы уже встречались во время Майской операции²⁹. Дивизия являлась одной из двух резервных дивизий, имевшихся в Белоруссии, и в этот момент она находилась позади фронта 11-й польской дивизии. 11-й стрелковой дивизии не повезло в том, что познанская дивизия оказалась поблизости в момент прорыва польского фронта и была спешно введена в бой³⁰.

Неоднократные атаки всех трёх групп, предпринятые вечером 4 июля, не привели к успеху. Ночью артиллерия дивизии перешла на новые позиции, готовясь поддержать наступление на следующий день. Однако утром 5 июля познанцы перешли в контратаку, заставив отступить соседнюю 33-ю дивизию и правый фланг 31-й бригады. Удар противника был парирован вводом в бой бригадных резервов, а также одного полка 33-й бригады из дивизионного резерва. Одновременно с контратакой резервов в 8 часов утра перешли в наступление остальные части дивизии. Противник был выбит со своих позиций и был вынужден отступать, оставив станцию Подсвилье. 17-я дивизия также свернула свою операцию и присоединилась к общему отходу³¹.

---

²⁷ Операции 11-й Петроградской дивизии 4 и 5 июля... С. 161.

²⁸ Операции 11-й Петроградской дивизии 4 и 5 июля... С. 163–167; Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 47.

²⁹ Операции 11-й Петроградской дивизии 4 и 5 июля... С. 168.

³⁰ Гражданская война... С. 371.

³¹ Операции 11-й Петроградской дивизии 4 и 5 июля... С. 168–170.

За установление и поддержание непрерывной связи во время форсирования реки Соши у Перевоза командир отдельной роты связи дивизии М. И. Блюмин был награждён орденом Красного знамени³².

В ходе боёв 11-я дивизия выполнила главную задачу, успешно сковав части противника, в том числе фронтовой резерв. При этом она добилась значительного успеха, самостоятельно прорвав укреплённую полосу противника. «Обычно наступление на вспомогательных направлениях в большинстве случаев достигало успеха лишь тогда, когда были одержаны первые победы на направлении главного удара. Здесь мы видим обратное». Подтверждением этому является и масштаб потерь — за три дня боёв 11-я дивизия потеряла убитыми и ранеными 574 человека, то есть около 10% численного состава³³.

Начиная с 7 июля генеральное сражение в Белоруссии, которое в течение месяца готовил командзап М. Н. Тухачевский, из-за разгрома 1-й армии в первый же день боёв превратилось «в беспорядочный отход противника»³⁴. На фронте 11-й дивизии неприятель 6 июля ещё пытался оказывать сопротивление, в дальнейшем его отступление превратилось в бегство: «Части дивизии, преследуя отходящего противника, брали местечко за местечком, но в то же время захватывая громадную военную добычу, бросаемую в панике отступающим противником»³⁵.

11 июля дивизией без боя был занят город Молодечно. 14 июля дивизия вышла на линию германских окопов I мировой войны, опираясь на которые, поляки пытались задержать советское наступление. Части 32-й бригады прорвали 10 рядов проволочных заграждений и ворвались в неприятельские окопы, заставив поляков продолжить своё отступление. При дальнейшем преследовании кавалерийский полк дивизии зарвался и 16 июля у деревни Никряны был отрезан противником, но атакой в конном строю прорвался сквозь его расположение. В тот же день 93-й полк совместно с частями 33-й дивизии захватил обоз 17-й дивизии. 17 июля 94-й полк совместно с частями 6-й и 33-й дивизий ворвался в город Лида, заставив противника бросить бронепоезд³⁶.

21 июля 11-я дивизия вышла к реке Неман у деревни Дубно и получила приказ с ходу форсировать эту водную преграду. 22 июля разведчасти 32-й бригады начали поиск удобных мест для переправы. Поляки (17-я дивизия) укрепились на южном берегу и в течение всего дня вели артиллерийский противоположной стороны реки, нанося 11-й дивизии

---

³² Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 205–206.

³³ А. Н. Крутиков. Указ. соч. С. 72–73.

³⁴ Гражданская война... С. 375.

³⁵ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 48.

³⁶ Там же. С. 49–51, 116–117.

заметные потери. Все попытки частей советских переправиться в этот день были отражены. Утром 23 июля, несмотря на ураганный огонь польской артиллерии, удалось переправиться 97-му полку под командованием М. А. Рейтера. Затем переправилась вся 33-я бригада, а за ней — 31-я³⁷.

Макс Андреевич Рейтер (1886–1950) за успешные действия на польском фронте был награждён орденом Красного знамени. Впоследствии он занимал руководящие посты в 11-й дивизии вплоть до помощника её командира, в Великую Отечественную войну командовал 20-й армией (1942 г.) и Брянским фронтом (1943 г.), с 1946 г. до своей смерти в 1950 г. руководил Высшими офицерскими курсами «Выстрел»³⁸.

В течение 23 июля шли тяжёлые бои за расширение плацдарма. Полки 31-й и 33-й бригад понесли при форсировании Немана и овладении местечком Волпа большие потери. Потери противника также были существенны: только один 97-й полк с 23 по 28 июля взял свыше 250 пленных, 6 пулемётов и свыше 500 винтовок³⁹.

31 июля дивизия форсировала реку Нарев и имела бои у господского двора Пятково, деревни Данилово. 5 августа дивизия находилась в районе города Остров в треугольнике между Наревом и Западным Бугом. 9 августа дивизия отразила контрнаступление поляков в районе деревень Пшетыч, Августово. Продолжив наступление, дивизия 12 августа вторично переправилась через Нарев в районе Пултуска⁴⁰.

12 августа противник был сбит у города Насельска и отступил в сторону Новогеоргиевской крепости (сейчас Модлин). 14 августа 11-я дивизия перешла в решительное наступление на Вышков, имея целью вместе со всей 15-й армией форсировать реку Вкру (Дзядувку), совершить заходение правым флангом, выйти на Вислу и форсировать её, действуя на тылы польских войск, обороняющих Варшаву⁴¹.

Вечером 14 августа 11-я дивизия одержала свою последнюю победу в польской кампании, решительным ударом разгромив Сибирскую бригаду неприятеля у села Борково и заняв высоты на западном берегу Вкры. После этого боя «всё поле западнее села Борково было усеяно трупами и ранеными поляками»⁴².

---

³⁷ Там же. С. 52, 95–96.

³⁸ Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. М., — Жуковский, 2005. С. 189–190.

³⁹ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 53, 97.

⁴⁰ Там же. С. 54–56.

⁴¹ *Н. И. Михайлов*. Последний этап наступления 11-й Петроградской стрелковой дивизии на подступах к Варшаве в районе Новогеоргиевской крепости в период с 13 по 18 августа 1920 года // Сборник воспоминаний к четвёртой годовщине Рабоче-Крестьянской Красной армии. 1918–1922. М., 1922. С. 77.

⁴² Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 57.

Берега Вкры стали самым западным пунктом, достигнутым 11-й дивизией. За 39 дней наступления от озера Сшо дивизия за 39 дней прошла свыше 600 километров, захватив в качестве трофеев 300 пулемётов, 30 тяжёлых и 5 лёгких орудий противника силами только одной из бригад⁴³. Как вспоминал начальник комендантской команды при штабе 32-й бригады В. Осипов, «не вязалась как-то мысль, что всё завоёванное, достигнутое тяжёлым трудом, многими лишениями, жизнью дорогих товарищей придётся оставить, отдать врагам»⁴⁴. Однако вышло именно так.

15 августа началось польское контрнаступление, которое привело к разгрому советских войск под Варшавой. Важным фактором успеха неприятеля было его численное превосходство. Это хорошо видно на примере 11-я дивизии: в ней к этому моменту было 1500 штыков, противостоявшие ей части оценивались в 6000 штыков. Несмотря на это, все атаки поляков в течение дня 15 августа были отражены. Более того, стремясь выполнить задачу по выходу к Висле, полки 11-й пытались переходить в контратаки. Однако противник начал обходить дивизию с флангов, что вынудило её начать отход⁴⁵.

В течение 16–18 августа петроградцы отходили под натиском неприятеля, который «не давал никакой возможности ни частям дивизии, ни соседям задерживаться на занимаемых ими рубежах, главным образом, ввиду малочисленного состава частей и утомлённости бойцов»⁴⁶.

Дивизия, сохраняя порядок, отходила за Нарев. Противник, пользуясь своим успехом, опередил на переправе в районе Пултуска части 32-й бригады, и 97-му полку, прикрывавшему отступление бригады, пришлось переправляться по горящему мосту, подожжённому бомбой польского самолёта. 92-й полк 31-й бригады, также не успевший пройти по мосту, отступил на север и на некоторое время вошёл в подчинение 16-й дивизии⁴⁷. 97-й полк потерял в этих боях только убитыми 120 красноармейцев, командира одного из батальонов, командиров двух рот и начальника связи⁴⁸.

Начальник дивизии Шелистов в тяжёлых условиях «сумел сохранить всю материальную часть дивизии и живую силу, а также способность дивизии в целом до самого окончания военных действий на польском фронте вести упорные бои»⁴⁹. 19 августа комдив-11 Шелистов получил

---

⁴³ *Н. И. Михайлов*. Последний этап наступления... С. 77–78.

⁴⁴ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 121.

⁴⁵ Там же. С. 58; *Н. И. Михайлов*. Последний этап наступления... С. 78.

⁴⁶ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 59.

⁴⁷ Там же. С. 60–61.

⁴⁸ X лет Десятой стрелковой дивизии РККА... С. 50.

⁴⁹ *Н. И. Михайлов*. Последний этап наступления... С. 78.

должность командующего резервной группы войск Западного фронта⁵⁰. Вместо него дивизию возглавил Василий Порфирович Мариинский⁵¹.

21 августа 11-й дивизия получила приказ нанести удар во фланг и тыл частям противника, действовавшим против советской 3-й армии в районе города Острова (сейчас Острів-Мазовецка). Однако под ударами поляков дивизия была увлечена общим потоком отступления в северном направлении. В этот день красноармейцы пулемётной команды 91-го стрелкового полка А. С. Сутугин и Ф. И. Курский «под сильным огнем противника, несмотря на то, что наши части отошли далеко назад, с риском для жизни вынесли два наших пулемета, оставленных во рву, и под огнём неприятеля несли около шести вёрст на себе»⁵².

22 августа 11-я дивизия была вынуждена вновь переправиться через Нарев, на этот раз на его северный берег в районе Ломжи. Вторичный отход за Нарев был полон драматических эпизодов. Вследствие возникшей паники оба моста в районе Ломжи были раньше времени взорваны сапёрами 11-й дивизии. Штаб 32-й бригады под пулями, сыпавшимися из окон частных домов Ломжи, пробился из города и переправился через брод к северу от него. Часть обозов, как 11-й дивизии, так и других частей 15-й армии, попала в руки противника⁵³.

Получив 23 августа известие, что противник овладел Белостоком и готовится перерезать пути отступления 3-й и 15-й армиям, части 11-й дивизии форсированным маршем двинулись на восток по узкому коридору между Наревом и польско-германской границей. При этом командир Мариинский принял командование также над частями 16-й дивизии, а затем и над другими разрозненными частями разных дивизий, оказавшимися в районе Граево. Добравшись утром 25 августа до Августова, Мариинский получил известие (впоследствии оказавшееся неверным) о взятии поляками Гродно. В связи с этим колонна двинулась на северо-восток в направлении на Вильну (сейчас Вильнюс), но на Августовском канале была остановлена литовской пограничной заставой, предложившей сдать оружие. Тогда Мариинский принял решение идти на Гродно. 26 августа колонна у местечка Липск благополучно вышла на линию расположения советских войск⁵⁴.

Части дивизии были направлены в ближайший тыл 15-й армии в район местечка Мосты юго-восточнее Гродно. Здесь в дивизию начали поступать пополнения: 2300 человек из запасных батальонов 15-й ар-

---

⁵⁰ Директивы командования фронтов... Т. 3. С. 741.

⁵¹ Директивы командования фронтов... Т. 4. М., 1978. С. 560.

⁵² Герои Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 1981. № 2. С. 60.

⁵³ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 64–65, 124–125.

⁵⁴ Там же. С. 65–67.

мии, затем 800 петроградских коммунаров⁵⁵. В связи с этим командзап М. Н. Тухачевский докладывал 5 сентября главному С. С. Каменеву: «В 3-й и 15-й армиях восстановление дивизий идёт успешно. В 15-ю армию влили тысячу коммунистов из Петрограда, и Лашевич <член РВС 15-й армии — Д. А.> считает, что настроение наиболее потрепанных 11-й и 16-й дивизий местами удовлетворительно, а местами даже хорошее. Силы восстанавливаются с каждым днём»⁵⁶.

Одновременно в начале сентября кавалерийский полк дивизии был выдвинут на линию фронта, однако имел лишь эпизодические стычки с противником. 11 сентября дивизия получила приказ выдвинуться на реку Свислочь, чтобы не дать противнику переправиться через неё. Непосредственно на линии фронта заняла позиции 33-я бригада, имея справа 16-ю дивизию, слева — 48-ю дивизию 16-й армии. Остальные бригады оставались в резерве, кавполк также был выведен из передней линии. Вечером 17 сентября 33-я бригада дважды отбивала попытки противника форсировать Свислочь. 19 сентября в состав дивизии была временно передана 56-я бригада (позднее — 54-я). 20 сентября 33-я бригада была сменена на фронте 31-й бригадой⁵⁷.

21 сентября началось наступление противника на фронте 11-й и 48-й дивизий. В течение 21–24 сентября велись напряжённые бои, в которых участвовала вся дивизия, в ходе которых 48-й дивизией был сдан Волковыск, однако введённой из резерва 27-й дивизией город был возвращён. 25 сентября поляки, подтянув, в свою очередь, дополнительные силы, вновь перешли в наступление и заставили советские войска, в том числе 11-ю дивизию, отступить по всей линии. Её полки отступили к предместным укреплениям на Немане. Утром 26 сентября 11-я дивизия (в том числе 54-я бригада) получила приказание выйти из боевой линии, а 28 сентября была выведена во фронтовой резерв⁵⁸.

Это было связано с решением командующего Западного фронта М. Н. Тухачевского. О нём командзап доложил главному С. С. Каменеву 26 сентября. В директиве армиям фронта от 28 сентября он приказал направить её в фронтовой резерв, сосредоточив к 2 октября в районе Городок — Холхло, а штаб разместить на станции Алехновичи⁵⁹. Приказ был своевременно выполнен⁶⁰.

---

⁵⁵ Там же. С. 67–68.

⁵⁶ Директивы командования фронтов... Т. 3. С. 97.

⁵⁷ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 68–72.

⁵⁸ Там же. С. 74–75.

⁵⁹ Директивы командования фронтов... Т. 3. С. 116–118.

⁶⁰ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 75.

Ил. 1. Солдаты за уборкой лестницы в казарме. 1910-е гг. ЦГАКФФД СПб

Ил. 2. Солдаты во дворе казарм в Петропавловской крепости. 1920-е гг. Петроград. ЦГАКФФД СПб

2 октября Тухачевский приказал создать сильные маневренные резервы из восстановленных частей фронта, «преимущественно из числа наиболее крепких духом», которые следовало сосредоточить в районе Глубокое — Докшицы — Пышно. Среди них была названа и 11-я дивизия. Однако в тот же день из-за прорывов противника на участках 15-й и 16-й армий командзап распорядился передать одну бригаду 11-й дивизии в распоряжение командующего 15-й армией⁶¹.

3 октября 33-я бригада была направлена в район Ивенец в распоряжение начальника 27-й дивизии и участвовала в боях последней, прикрывая её отступление в направлении Минска⁶². Остальные три бригады в этот же день получили приказ перейти в район Докшицы. К вечеру 8 октября дивизия вышла в указанный район, и оттуда была направлена в район Полоцка, чтобы перейти в распоряжение командующего 15-й армией. 9 октября 54-я бригада покинула дивизию, перейдя в состав 18-й дивизии. Движение оставшихся двух бригад на Полоцк было отменено, был дан новый район сосредоточения: Городок — станция Бычиха. На указанное место дивизия начала прибывать к вечеру 16 октября⁶³.

Таким образом, из частей 11-й дивизии в Неманской операции, завершившей советско-польскую войну на белорусском участке, фактически участвовала только 33-я бригада. 18 октября вступило в силу перемирие между Советской Россией и Польшей. Советско-польская война завершилась⁶⁴. Части 11-й Петроградской дивизии были размещены в Петрограде и его окрестностях (*ил. 1, 2*).

Список литературы

- Алексеев Д. Ю.* Западный театр военных действий в контексте гражданской войны в России // Военная история России XIX–XX веков. Материалы VI Международной военно-исторической конференции. СПб., 2013. С. 333.
- Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1974.
- Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. М., — Жуковский, 2005.
- Гражданская война. 1918–1921. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М., Л., 1930.
- Х лет Десятой стрелковой дивизии РККА. Исторический очерк за 1918–1928 гг. Вологда, 1928.
- Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сборник документов в 4-х томах. Т. 3. Апрель 1920 г. — 1922 г. М., 1974; Т. 4. М., 1978.

---

⁶¹ Директивы командования фронтов... Т. 3. С. 123–125.

⁶² Х лет Десятой стрелковой дивизии РККА... С. 51.

⁶³ Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии. С. 75–76.

⁶⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. III. Апрель 1920 г. — март 1921 г. М., 1965. С. 434.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. III. Апрель 1920 г. — март 1921 г. М., 1965.

Крутиков А. Н. Прорыв оборонительной полосы белополяков 11-й стрелковой дивизией (4–6 июля 1920 г.). М., 1939.

Михайлов Н. И. Последний этап наступления 11-й Петроградской стрелковой дивизии на подступах к Варшаве в районе Новогеоргиевской крепости в период с 13 по 18 августа 1920 года // Сборник воспоминаний к четвёртой годовщине Рабоче-Крестьянской Красной армии. 1918–1922. М., 1922.

Операции 11-й Петроградской дивизии 4 и 5 июля 1920 года на реке Соша в районе ст. Подсвилье // Сборник трудов отделения военно-научного общества при Военно-академических курсах высшего состава РККА. 1921–1922. Т. II. Пять лет XI-й Петроградской стрелковой дивизии (25 сентября 1918 г. — 25 сентября 1923 г.). Пг., 1923.

Denis Yuryevich ALEKSEEV

Ph. D. In History (*kandidat istoricheskikh nauk*), Associate Professor (*dotsent*), St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design (St. Petersburg, Russia)

E-mail: alexeyev-denis@yandex.ru

11th Petrograd rifle division in the battles of the Soviet-Polish war

The article describes battles of the 11th Petrograd rifle division of the Red Army during the Soviet-Polish war of 1920.

Keywords: Soviet-Polish war, Red army, Western front, 11th Petrograd rifle division.

УДК 94 (47).083

ББК 63.3 (2) 52

Дмитрий Николаевич ТОПКО

историк, преподаватель ГОУ ЛНР «Республиканский казачий кадетский корпус имени маршала авиации Александра Ефимова»
(Луганск, ЛНР)

E-mail: topko.dmitry@yandex.ua

ПЕРВАЯ КОННАЯ АРМИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЕ 1920 ГОДА

Статья посвящена событиям советско-польской войны 1920 года и участия в ней Первой конной армии, а также роли этого подразделения в данной войне и развитии военного искусства. На основе анализа документов, воспоминаний очевидцев и научных исследований был освещен ряд вопросов, касающихся создания новой тактики ведения боя, руководства таким уникальным подразделением, взаимоотношений командования армии и РВС Советской республики.

Ключевые слова: Советско-польская война 1920 года, Первая конная армия, конница.

Советско-польскую войну 1920 года трудно назвать яркой страницей военной истории русской армии. На фоне отдельных успехов частей и подразделений РККА ее результаты нельзя считать позитивными для молодой Советской республики. Историография этой войны изобилует исследованиями о ходе военных действий, причинах поражений Красной Армии, но, к сожалению, небольшое количество историков и военных специалистов делало попытки осветить роль отдельных подразделений и их командиров.

В этой статье сделана попытка осветить участие в военных действиях на советско-польском фронте мая-сентября 1920 года поистине уникального воинского подразделения, какого военная история не знала ни до, ни после Гражданской войны в России. Речь пойдет о Первой конной армии.

Почему можно говорить об уникальности Конармии? Эпоха широкого использования больших масс кавалерии на поле боя к началу XX века уже давно прошла и ей на смену, как показывал опыт Первой мировой, пришла война позиционная, «окопная», в которой применение глубокого маневра было просто невозможно. Самое крупное кавалерийское сражение в ходе Первой мировой войны произошло 21 августа 1914 года у Ярославца между русской 10-й кавалерийской дивизией генерала графа Ф. А. Келлера и австрийской 4-й кавалерийской дивизией генерала Эдмунда Риттера фон Заремба. С тех пор использование кавалерии сво-

дилось к проведению разведки, организации боевого охранения и связи. Наиболее крупными кавалерийскими подразделениями были корпуса, да и те в период Первой мировой ввиду ненужности прекратили свое существование. Наиболее востребованными были конные полки и бригады, численностью от 1 до 2-х тыс. сабель. Почему же тогда возникла необходимость концентрированного использования огромных конных масс?

Ответ кроется в оперативно-тактической специфике ведения военных действий, которая ярко проявилась в ходе Гражданской войны, когда быстро меняющаяся обстановка требовала принятия оперативных решений и большого тактического резерва, когда не существовало прочного и глубоко эшелонированного фронта, когда все решали стремительность и удар собранными в единый кулак войсками. В таких условиях на первый план вновь выходила кавалерия, которая получала возможность действовать с использованием широкого маневра. Опыт использования крупных кавалерийских подразделений применялся обеими противоборствующими сторонами, а успешное использование Белой гвардией конных корпусов генералов К. К. Мамонтова и А. Г. Шкуро заставило большевиков всерьез задуматься о создании подобных подразделений у себя.

Большинство исследователей сходятся в мнении о том, что инициатором создания Конной армии был С. М. Буденный, который до этого сначала командовал кавалерийским полком, а затем бригадой, дивизией и корпусом в составе РККА. Это, несомненно, так, и автор статьи не собирается осветить историю создания Конармии, но все же, хотелось бы сделать небольшую ремарку в этом вопросе, которая, как мне кажется, может, как лакмусовая бумажка проявиться в последующих событиях.

Время создания Конармии приходится на начало 1919 года, когда анархия в РККА завершалась и на смену ей приходила планомерная организация кадровой армии. К этому времени главнокомандующим был назначен опытный военспец бывший полковник царской армии С. С. Каменев, успешно проявивший себя в качестве командующего Восточным фронтом, действующим против войск адмирала Колчака. Реввоенсовет РККА по-прежнему возглавлял Л. Д. Троцкий, который имел возможность влиять на все процессы, происходящие в революционной армии и флоте.

В своей деятельности на этом посту Лев Давидович считал необходимым широкое использование опытных кадров (военспецов) из числа офицеров бывшего Генерального Штаба и царской армии. Наряду с разглагольствованиями о роли революции и революционного энтузиазма масс, Троцкий не очень-то доверял выходцам «из низов», предпочитая доверяться профессионалам. Именно поэтому и Троцкий и все его окружение в РВС выступили категорическими противниками предложения С. М. Буденного о создании Конной армии. Нигде, ни в одной армии

мира опыта формирования и боевого использования такого подразделения еще не было. Многие военспецы, участвовавшие в Первой Мировой войне, основываясь на ее опыте категорически отвергали такую идею.

И кануть бы инициативе С. М. Буденного в лету, но тут в дело вмешался человек, которому суждено будет вписать много спорных страниц в советскую историю — И. В. Сталин. Он поддержал идею Конармии перед В. И. Лениным и смог убедить его в необходимости создания такого подразделения. Не случайно впоследствии Иосиф Виссарионович станет почетным конармейцем с вручением ему именной сабли от Конармии.

Естественно, что это разногласие в вопросе создания Конармии положило еще один кирпичик (а сколько их уже было до этого!) в конфронтацию между И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким.

Дальнейшие события на фронтах показали правильность решения о создании Конармии. Армия Буденного вписала немало ярких страниц в историю Гражданской войны. Именно там оттачивался опыт ее боевого применения и тактики действий. К апрелю 1920 года Конармия подошла хорошо организованной и опытной боевой единицей. В ее состав входили: 4-я, 6-я, 9-я, 11-я и 14-я кавалерийские дивизии, а также Особая кавалерийская бригада, общей численностью в 15712 сабель, 320 пулеметов и 56 артиллерийских орудий. Также в составе Конной армии были 4 бронепоезда, автобронепоезд и авиагруппа. В ходе боев армии прикомандировывалось несколько стрелковых дивизий. Таким образом, общая численность Первой конной могла достигать до 26 тыс. бойцов и командиров. Тут нужно отметить, что численность дивизий Конармии колебалась в зависимости от характера боевых действий, в которых они принимали участие, и состояния мобилизационной работы (большинство буденовцев были добровольцами, но кроме того, дивизии пополнялись пленными казаками, что сыграло впоследствии свою негативную роль).

Нужно также отметить, что такие тактические единицы как кавалерийский полк и кавалерийская дивизия в составе РККА к тому времени имели строгую организацию.

В период Гражданской войны кавалерийский полк по штатам 1918 года имел 4 эскадрона. В декабре 1918 года приказом РВСР в связи с созданием «стратегической кавалерии были введены новые штаты и численность кавполка теперь составляла 1152 чел. и 1247 лошадей. Кроме того, полку придавалась конно-пулеметная команда (4 пулемета «Максим»).

Кавалерийская дивизия приказом Наркомвоена от 3 августа 1918 года состояла из: управления дивизии, трех неотдельных бригад (6 кавполков по 4 эскадрона в каждом), конно-артиллерийский дивизион (артбатареи). В управление дивизии входили помимо командиров, штаб,

политотдел, заведующий снабжением, медсанчасть. Общая численность кавдивизии по приказу РВСР от 26 декабря 1918 года составляла 8346 чел. и 9226 лошадей. Приказом РВСР от 4 января 1919 года в состав кавдивизии был включен технический эскадрон, который включал: управление эскадрона, телефонно-телеграфное отделение, подрывной взвод, мотоциклетный взвод, конное радиотелеграфное отделение (всего 254 чел., 231 лошадь, 42 мотоцикла). По приказу Юго-Западного фронта от 21 июля 1920 года были введены временные штаты кавдивизии, согласно которым артдивизион сокращался до трех батарей. Численный состав управления увеличивался до 550 чел., а штатная численность кавдивизии увеличивалась до 9499 чел. и 10210 лошадей.

Таким образом, структура Первой конной армией была достаточно сложной и многоуровневой, что требовало от ее командования большого организаторского и управленческого опыта. О личностях С. М. Буденного и К. Е. Ворошилова мы говорить не будем, поскольку об этих легендарных полководцах Гражданской войны написано немало. Однако надо сделать еще одну ремарку. Мы помним отношение И. В. Сталина к Конармии и к вопросу назначения ее руководства Иосиф Виссарионович, по мнению современного исследователя П. Балаева, тоже приложил свою руку. В своей книге «Клим Ворошилов. Первый Маршал Страны Советов» П. Балаев полагает, что С. М. Буденный не обладал пробивной силой в коридорах власти и поэтому К. Е. Ворошилов, известный И. В. Сталину своей принципиальностью, был с точки зрения будущего «вождя народов» наиболее подходящей кандидатурой на должность главы РВС Конармии. Спорить с таким выводом не стоит, поскольку хорошо известно о приятельских отношениях И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова, сложившихся еще в период обороны Царицына. Иметь влияние на такое огромное и маневренное подразделение как Конармия дорогого стоило и как знать, возможно Иосиф Виссарионович уже тогда начал задумываться о будущем нового государства без В. И. Ленина. Может быть, именно поэтому он старался опереться на людей «рожденных революцией».

Командиры подразделений Первой конной имели неплохой боевой опыт, полученный ими на фронтах Первой мировой и Гражданской войн.

4-я кд

Командиры — Д. Д. Коротчаев (врид. 1 мая — 18 июня), Ф. М. Летунов (врид, 18 июня-19 августа), И. В. Тюленев (врид, 20–23 августа), С. К. Тимошенко (23 августа — 24 октября 1921 года).

6-я кд

Командиры — С. К. Тимошенко (3 ноября 1919–5 августа 1920), И. Р. Апанасенко (5 августа 1920–12 октября 1920).

11-я кд

Командир — Ф. М. Морозов (10 апреля — 3 октября 1920).

14-я кд

Командир — А. Я. Пархоменко (21 апреля 1920–3 января 1921).

Мы уже упоминали, что комплектация Конармии осуществлялась за счет добровольцев и пленных, взятых в ходе боев. Затем, по инициативе К. В. Ворошилова при управлении армии был создан специальный орган сверх штата («Управление формирований»), который как раз и должен был заняться вопросами комплектации.

По своему социальному составу 62% личного состава армии составляли крестьяне, 14% казачьей бедноты и 24% рабочих. Основное ядро 4-й и 6-й кавдивизий составляли выходцы Донского края, Ставрополя, Кубани и Терека. 11-я кавдивизия состояла из представителей центральных губерний России, а 14-я (была сформирована накануне советско-польской войны) — из шахтеров и металлистов Донбасса.

К моменту организации Первой конной в ее рядах насчитывалось около 200–300 коммунистов. Складывание института комиссаров в Конармии шло тяжело. Однако, накануне исследуемых событий (на 15 мая 1920 года) в рядах армии Буденного насчитывалось 3253 коммуниста (сам Буденный в своей книге «Пройденный путь» приводит такие цифры — 2153 член РКП(б) и 1246 кандидатов в члены РКП(б))¹, что свидетельствовало о высокой мотивировке ее бойцов. Вообще нужно отметить, что агитационная и политическая работа с личным составом в Конармии находилась на высоком уровне. В структуре армии функционировали 9 партшкол, 30 читален, 115 библиотек, 4 клуба, 11 театров, 38 школ грамоты. Издавалась газета «Красный кавалерист», причем корреспондентами и сотрудниками были сами бойцы.

Чтобы лучше разобраться в дальнейших событиях, давайте сделаем небольшой экскурс в недалекое прошлое, а именно в 1918–1919 гг., в воссозданную Версальскими решениями Польшу. Пользуясь поддержкой стран Антанты и решениями Версальского договора, в начале 1919 года польские войска захватили огромную территорию с рубежами, удобными для обороны. В то же время шло строительство новых вооруженных сил, совершенствовалась их боевая выучка, создавалась военная промышленность. В условиях Гражданской войны в России Ю. Пилсудский провозгласил о создании новой Речи Посполитой на территориях проживания этнических поляков, подразумевая под этим захват территорий Белоруссии, Украины и Прибалтики. Весной 1920 года польские войска перешли в наступление и быстро продвигались на восток, легко преодолевая сопротивление немногочисленных частей РККА.

Польская армия включала в себя несколько отдельных компонентов. Их главной силой были добровольческие легионы Пилсудского (т. н. ле-

¹ Буденный С. М. Пройденный путь. Т. 2. М., 1965., с. 42.

гионеры) — подразделения, которые проходили воинскую службу в составе австро-венгерской армии. Вторым компонентом были подразделения, сформированные в период Первой Мировой войны и проходившие службу в русской армии. Третьим компонентом были подразделения, которые были сформированы немцами на оккупированных польских территориях Российской империи. Четвертый компонент составляли добровольческие подразделения, сформированные на территории Франции. Пятым компонентом были белогвардейские части бывших армий Колчака и Деникина. Впоследствии активным союзником поляков на Украине стал С. Петлюра и его Украинская армия, а также многочисленные банды местных атаманов.

Польские солдаты имели на вооружении русское, английское, немецкое, австрийское и французское оружие, что вносило некоторую путаницу в снабжении их боеприпасами. Поляки-добровольцы имели высокую мотивировку, так как им внушали мысль о борьбе за независимость и свободу нового польского государства. Впоследствии многие командиры Конармии отмечали высокие боевые и моральные качества польского солдата.

Неудачи Юго-Западной фронта, который был вынужден силами двух армий — 12-й и 14-й сдерживать превосходящие силы противника ни широком фронте в 700 км., заставили главкома С. С. Каменева принимать срочные меры по переброске на Украину дополнительных сил. К этому времени войска Кавказского фронта завершили разгром остатков Добровольческой армии Деникина и главком принял решение об использовании Конармии для укрепления Юго-Западной фронта. Первые директивы на эту тему были направлены командованию Кавказским фронтом и Конармии еще во второй половине марта. В них предлагалось осуществить сначала переброску одной 6-й кавдивизии, а затем всех трех кавдивизий Конармии по железной дороге.

С одной стороны, такое решение штаба главкома было правильным — быстрая переброска войск с помощью железной дороги позволяла оперативно решить проблему Юго-Западного фронта. Однако реалии того времени диктовали свои условия — ввиду острой нехватки паровозов и подвижного состава такая переброска могла растянуться на несколько месяцев, а учитывая еще и перевозку лошадей, которым был необходим фураж и вода, эта задача и вовсе казалась неосуществимой.

По воспоминаниям С. М. Буденного, они с К. Е. Ворошиловым сразу же оценили опасность такой переброски и немедленно выехали в Москву к главкому в надежде убедить его разрешить Конармии конный переход к новому месту дислокации. В полевом штабе главкома их ожидал «холодный душ» от автора Директивы — начальника полевого штаба Лебедева. Описываемая С. М. Буденным сцена в штабе главкома ярко

демонстрирует негативное отношение Лебедева к Первой Конной и ее командованию. Он неоднократно пытался продать у С. С. Каменева свое предложение по переброске Конармии по железной дороге, доказывая свою целесообразность и не принимая в расчет все трудности и специфику этого подразделения.

Лебедев попытался также привлечь на свою сторону Б. В. Шапошникова, но тот уклонился от этой полемики, предпочитая промолчать, а С. С. Каменев по результатам встречи так никакого решения и не принял. Сам С. М. Буденный так резюмировал результаты этой встречи: «Мы ушли от Каменева неудовлетворенными. Удивляли его колебания, неуверенность после того, как за предложение перебросить армию походным порядком высказалось командование Кавказским и Юго-Западным фронтом. А что, если вопреки очевидной выгоде он согласится с Лебедевым?»²

С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов понимали, что вопрос переброски армии нужно было решать на самом верху. Но Л. Д. Троцкий командиров Конармии не принял, сославшись на занятость подготовки съезда IX РКП(б), (еще бы он их принял), а вот М. И. Калинин и И. В. Сталин взялись организовать встречу с Лениным, что и решило проблему! Только после этого Каменев нехотя (!!!!!) согласился с доводами Буденного и Ворошилова. Интересен также эпизод с «торговлей» между К. Е. Ворошиловым и П. Лебедевым за количество эшелонов для бронепоездов, авиации, фуража и прочего имущества. И только резкость всплывшего Буденного решила исход дела и Лебедев пошел на попятную (видимо сказались информация о встрече с Лениным). С. С. Каменев же в этом споре вообще занимал выжидательную позицию.

Мы очень подробно остановились на этом эпизоде для того, чтобы лучше понять обстановку, сложившуюся в штабе Главного Командования РККА и РВС Республики в отношении Конной армии и ее командования. В дальнейшем нам еще не раз придется об этом вспомнить.

Итак, Конной армии предстоял марш длиной в 1200 км. по территориям, где еще совсем недавно проходили бои и в которых продолжали бесчинствовать банды анархистов Нестора Махно и «самостийных» борцов за «незалежну» Украину. И современники Конармии и нынешние исследователи сходятся во мнении о том, что этот марш был проведен Конной армией образцово с минимальными потерями в людском и конном составе. В ходе марша конники 6-й и 14-й кавдивизий вступали в боевое столкновение с отрядами Н. Махно и атамана Куровского, которые, не выдерживая натиска буденовцев, рассеивались мелкими группами.

---

² Буденный С. М. Пройденный путь..... с. 42.

От пленных командование Конармии узнало, что польское командование на Украине использовало в качестве передовых летучих отрядов местные банды, которые получили приказ в бой с буденовцами не вступать и отходить, дезорганизуя тылы Конармии, а в дальнейшем вливаться в отряд атамана Куровского. Т. е. поляки координировали действия украинских банд (к этому времени С. Петлюра уже заключил договор с Ю. Пилсудским).

По свидетельству С. М. Буденного, эти задачи полностью выполнены не были — под ударами дивизий Конармии банды разбежались либо погибли. За несколько дней было разгромлено банд общей численностью 15 тыс. чел³.

Выступив 3 апреля из Майкопа, 5 мая подразделения Конармии собрались в Умани. За 52 дня конники Буденного покрыли расстояние 1200 км., причем на движение они потратили всего 30 дней. Конармия была готова к новым сражениям.

В этой статье мы не будем подробно останавливаться на боевых операциях Юго-Западного фронта, в которых Конармия с мая по август 1920 года принимала непосредственное участие. Во-первых, это уже достаточно хорошо проработано в исторических исследованиях, а во-вторых, на это понадобилось бы готовить фундаментальное исследование.

Мы всего лишь кратко вспомним основные операции и их итоги.

1. Киевская операция 26 мая — 17 июня

Первая конная — 4 кавдивизии (4-я, 6-я, 11-я, 14-я, Особая кбр) (св. 200 штыков, 16200 сабель, 53 орудия, 337 пулеметов, 7 бронепоездов, 3 броневедомола). Поляки — 1-я кавдивизия (из состава 3-й А) и 13-я пехотная дивизия (из состава 6-й А) — ок. 11 тыс. штыков и сабель

По оперативному замыслу командования Конармии — обеспечив себя заслоном на левом фланге со стороны Липовец, Погребище, прорвать оборону противника на двенадцатикилометровом участке Самгородок — Снежна с последующим наступлением на Житомир.

Согласно Директиве Реввоенсовета Юго-Западного фронта за № 358 (сек) 89 от 23 мая 1920 года п. 3 «Конной армии, составляя главную ударную группу фронта и имея основной задачей разгром и уничтожение живой силы и захват материальной части Киевской группы противника, с рассветом 27 мая перейти в решительное наступление в общем направлении на Казатин, в разрез между Киевской и Одесской группами противника. Стремительным натиском, сметая на своем пути встретившиеся части противника, не позднее 1 июня захватить район

---

³ Там же. с. 67.

Казатин-Бердичев и, обеспечив себя заслоном со стороны Старо-Константинов — Шепетовка, действовать на тылы противника»⁴.

Оперативное построение армии — в два эшелона (1-й — 4-я, 11-я и 14-я кд, 2-й — 6-я кд. и Особая кбр).

Средняя тактическая плотность — 5 эскадронов, 4,4 орудия, 28 пулеметов на 1 км. фронта.

Первые же дни наступления показали, что те тактические приемы, которыми пользовали конники Буденного, здесь на польском фронте не работали. Первые же бои с польской пехотой, когда буденовцам приходилось спешиваться и идти в атаку в пешем строю, показали ошибочность привычной тактики кавалерийского боя «в лоб». «Отличились» комбриги И. Р. Апанасенко и Н. П. Колесов, чьи подразделения понесли самые большие потери. Отчасти такая тактика применялась из-за неудовлетворительной организации разведки.

Там, где поляки имели хорошо укрепленные позиции, соединения Конармии успеха так и не добились. Так как армия действовала в широком фронте (около 60 км.) на перегруппировку времени не было (тут ошибку допустил Буденный, планируя наступление на таком отрезке из-за слабой осведомленности о расположении польских войск) и бойцам приходилось спешиваться и идти в атаку как пехоте, что приводило к большим потерям (польская пехота встречала буденовцев массированным огнем, а в окопах сражались штыками, которых у конармейцев просто не было).

Кстати, плохое состояние разведки в Конармии отметил и будущий Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, который в то время был помощником начальника штаба 6-й кавдивизии Первой конной. Вот, что он писал:

В целом разведка в Конармии была хорошей, но о новом противнике знала мало. Штаб фронта в туманных выражениях сообщил, что против нас стоят пехотные части 2-й польской армии, кавалерийская дивизия Карницкого и отряды бывшего царского офицера, а в тот момент атамана Куровского. Начальник разведотдела армии И. С. Стройло сам не имел остаточных сведений о враге⁵.

Тот же К. А. Мерецков отмечал, что «Конармия зачастую воюет не по-кавалерийски, а постоянно спешивается, чтобы пробиться через проволоку и окопы»⁶.

---

⁴ Г. И. Котовский. Документы и материалы. Кишинев, 1956., с. 193.

⁵ Мерецков К. А. На службе народу. М., 1986., с. 50.

⁶ Там же.

Видя бесперспективность таких действий, С. М. Буденный лично побывал в подразделениях и ознакомился с обстановкой. Позже он вспоминал:

Поездка в соединения дала возможность изучить на месте обстановку. Мне стало ясно, что противник перед Конармией сильный, умело сочетающий позиционную оборону с маневром, смело контратакующий, и в большинстве случаев ночью. Стойкость врага, по моему мнению, объяснялась не только опытностью польских офицеров, мужеством солдат и хорошим вооружением. Было очевидно, что пехота противника воспитана в духе пренебрежения к кавалерии.

Не бояться конницы, как позже мы узнали, польского солдата приучали с первого же дня службы в армии. Генералы и офицеры постоянно внушали ему мысль, что при современной силе огня конница пехоте не страшна. При этом они ссылались на опыт первой мировой войны, когда наблюдался упадок роли кавалерии. Справедливости ради следует признать, что ошибки отдельных наших командиров в первые три дня боев укрепляли у поляков уверенность в преимуществе пехоты над конницей.

Добиться перелома в ходе боев и овладеть инициативой мы могли, только решительно оказавшись от тактики лобовых атак, которые приносили успех в схватках с деникинской кавалерией и пехотой на равнинах юга России⁷.

При этом, нужно отметить, что уже 4 июня РВС Конармии по итогам совещания с командным составом издал приказ о пересмотре тактики ведения боя.

Приказ требовал от командиров большой гибкости, инициативы и в то же время рекомендовал ряд оправдавших себя тактических приемов.

При наступлении на обороняющуюся пехоту предлагалось с фронта сковывать ее огнем спешенных подразделений, а в обход флангов и в тыл бросать конницу. Атаковать в конном строю разрешалось лишь в том случае, если пехота захвачена врасплох и не успеет развернуться для боя или поспешно отходит.

В случае контратак противника рекомендовалось спешенным подразделениям демонстративно отступить, а главным силам скрытно в конном строю сосредотачиваться на флангах и в удобный момент внезапно атаковать. «Всякий бой должен быть развит в неотступное преследование врага до полного его разгрома или пленения».

Особое внимание уделялось искусному применению пулеметов на тачанках и конной артиллерии. Приказ требовал широко маневрировать огнем. Конная артиллерия и пулеметные тачанки должны были, используя свою подвижность, в бою менять огневые позиции, чтобы создавать фланговый или перекрестный огонь. Действовать артиллерии надлежало не только в составе дивизионов, но и батарей, взводов

---

⁷ Буденный С. М.. Пройденный путь..., с. 80.

и даже отдельными орудиями. Частям предлагалось усилить разведку, повысить бдительность сторожевого охранения⁸.

Применение этого приказа на практике в последующие дни показало его жизнеспособность и эффективность — Конармии удалось прорвать польскую оборону и начать рейд по тылам противника. Но здесь обнаружилась еще одна проблема — продвигаясь вглубь территории, занятой врагом, командование Первой конной утратило связь с командованием фронтом и вынуждено было действовать самостоятельно по собственной инициативе, что конечно же нарушало ее взаимодействие с другими соединениями. С выходом в район Житомир — Бердичев Конармия разрежала польский фронт на глубину 120–140 км., нарушила важнейшие линии связи, вышла в тыл 3-й польской А и вынудила поляков отступить к Киеву. Благодаря этому, фастовская группа И. Э. Якира, 12-я и 14-я А получили широкую возможность для развития наступления.

Тем не менее, вследствие отсутствия должного взаимодействия соединений Юго-Западного фронта, несмотря на достигнутые успехи Конармии, польские войска смогли выскользнуть из окружения и избежать разгрома.

2. Ровенская операция 28 июня — 11 июля

После поражения у Новоград-Вольнска, в р-не Коростеня и восточнее Винницы, польские войска Юго-Восточного фронта (командующий Э. Рыдз-Смиглы, 2-я, 3-я и 6-я А) предприняли попытку остановить продвижение РККА на линии Проскуров-Ровно — Сарны.

Командование Юго-Западного фронта РККА решило силами Конармии (ок. 24 тыс. штыков и сабель, 94 орудия, 672 пулемета, 5 бронепоездов) и 12-й А (ок. 15 тыс. штыков и сабель, 87 орудий, 764 пулемета и 6 бронепоездов) в районе Ровно расчленить польскую группировку на две части и отбросить их в Полесье и Румынию.

28 июня войска РККА перешли в наступление.

В этой операции вновь проявилась старая проблема — плохая организация связи и отсутствие должного взаимодействия соединений Конармии. Это было отмечено бывшим начальником штаба Западного фронта Н. Е. Какуриным, который видел главный недостаток Первой конной в разбросанности дивизий по фронту и несвоевременности донесений в штаб армии, что с его точки зрения отражалось на оперативном принятии решений⁹.

---

⁸ Там же. с. 89.

⁹ Какурин Н. Е., Меликов В. А. Гражданская война в России. Война с белополяками. М., 2002., с. 170.

3. Львовская операция 23 июля — 20 августа

После успешного проведения Ровенской операции, Главком РККА поставил перед Юго-Западным фронтом задачу содействовать наступлению войск Западного фронта в Белоруссии, нанося главный удар на Брест (это должна была сделать Первая Конная армия).

23 июля командование Юго-Западного фронта поставило командованию Конармии задачу нанести главный удар на львовском направлении и к 29 июля овладеть Львовом, а затем захватить переправы через р. Сан. Для этого Первой конной придавались 24-я, 45-я и 47-я пехотные дивизии. По фронту вместе с Конармией действовали 12-я и 14-я А (всего 46 тыс. штыков, 10,5 тыс. сабель). Им противостояли польские 3-я и 6-я А под командованием Э. Рыдз-Смиглы (ок. 53, 5 тыс. штыков и сабель).

Эта операция стала краеугольным камнем в историографии советско-польской войны. Часть исследователей обвиняла в «катастрофе на Висле» И. В. Сталина, который настоял на взятии Львова Конармией и тем самым затормозил шанс на спасение Западного фронта. Другая часть обвиняла главкома С. С. Каменева и М. Н. Тухачевского в преступной самонадеянности и разделении Западного и Юго-Западного фронтов по разным стратегическим направлениям. Давайте и мы попытаемся разобраться в событиях, происходивших в конце июля — начале августа 1920 года.

Первоначальный план общего наступления, разработанный штабом Главного командования РККА, предусматривал нанесение главного удара силами Западного фронта М. Н. Тухачевского в направлении на Варшаву. Юго-Западный фронт А. И. Егорова должен был силами 12-й А и Конармии взаимодействовать с войсками Тухачевского, прикрывая левый фланг в районе Люблина. Вот как оценивает ситуацию К. А. Мерецков:

Войска М. Н. Тухачевского освободили Минск, быстро шли на Вильно и через Пинск на Брест. Войска А. И. Егорова подтягивались к ним, постепенно поворачивая на северо-запад своим левым флангом и как бы обтекая Галицию. 12-я А Г. К. Восканова оперировала в районе Сарн, готовясь идти на Ковель. Конармия нацеливалась на Луцк с перспективой Владимир-Волынский — Замостье — Люблин. Группа И. Э. Якира получила полосу Кременец — Броды — Рава-Русская. 14-я А М. В. Молкочанова, действуя в Галиции, прикрывала ЮЗФ со стороны Румынии. ....

И вдруг все переменялось. Из штаба фронта прислали указание о перемене оперативного направления: мы становились лицом не к Владимиру-Волынскому, а ко Львову, Якир — к Стрию, 14-я А — к Станиславу, т. е. весь фронт менял северо-западный курс на юго-западный. Так было положено

начало тому плану, который в период наивысшего напряжения боев привел к действиям ЗФ и ЮЗФ по расходящимся линиям и в конечном итоге явился одной из причин неудачи нашего наступления в Польше¹⁰.

Почему же это произошло? Ответ на этот вопрос могут дать документы этого периода.

После того, как дивизии Конармии разбили дубно-кременецкую группировку поляков РВС ЮЗФ направил Буденному новую директиву: не позднее 29 июля овладеть районом Львов — Рава-Русская. На возражения командарма А. И. Егоров ответил, что «польские войска нашим Западным фронтом разбиты, и помощь ему не нужна, а овладение Львовским районом санкционировано главкомом»¹¹.

Дело в том, что еще в середине июля РВС Западного фронта (скорее всего Смилга — *авт.*) сообщил главкому, что левый фланг поляков в Белоруссии разбит и победа уже близка. С. С. Каменев выехал в Минск и поставил перед М. Н. Тухачевским задачу дальнейшего наступления на Варшаву тремя армиями из четырех.

В то же время А. И. Егоров 22 июля докладывал главкому о том, что поляки оказывают упорное сопротивление на Львовском направлении. «при данных условиях считаю необходимым центр тяжести главного удара со стороны армий ЮЗФ перенести в пределы Галиции¹²».

23 июля РВС республики санкционировал эти изменения в первоначальном плане. Тухачевский против этого не возражал. Он еще 19 июля рекомендовал главкому «обдумать удар Конармии в юго-западном направлении, чтобы пройти укрепления в районе, слабо занятом противником, и выиграть фланг поляков...». Каменев сразу же ответил, что дальнейшие действия КА «будут именно в этом направлении, о котором вы говорите¹³».

Именно поэтому войска Западного и Юго-Западного фронтов начали действовать не по сходящимся, а по расходящимся направлениям, что привело к потере их взаимодействия.

Это решение было ошибочным еще по одной причине. Получив новую задачу, Первая Конная вынуждена была действовать в условиях хорошо укрепленной и глубоко эшелонированной обороны поляков. Бойцы и конный состав длительное время вели непрерывные боевые действия. Физические силы были на исходе, что не могло не сказаться на их боеспособности. Вот небольшой пример событий тех дней.

---

¹⁰ Мерецков К. А. На службе народу....., с. 55.

¹¹ Золоторубов В. Буденный. М., 1983., с. 112.

¹² Там же, с. 113.

¹³ Там же.

10 июля после взятия Ровно Буденный и Ворошилов направили телеграмму командующему фронтом Егорову:

Армии абсолютно необходим кратковременный, не менее семи дней отдых, в течение которого возможно будет хотя бы отчасти пополнить убыль техники, подтянуть снабжение, восстановить боеспособность...¹⁴.

К вечеру 11 июля они получили директиву Егорова:

...Конармии, составляющей с частями 45-й стрелковой дивизии ударную группировку фронта, стремительно преследовать отступающего противника, нанося главный удар в обход Брест-Литовского района в общем направлении на Луцк — Грубешов — Люблин — Луков¹⁵.

И в таком же темпе проходили следующие дни. Вот что вспоминает К. А. Мерецков:

(в конце июля — *авт.*) Шла полупозиционная война, вроде той, какую мы вели в конце мая возле Белой Церкви. Люди вымотались, беря свое лишь урывками. Порой бойцы засыпали, лежа в поле под вражеским огнем. Многие, будучи ранеными, оставались в строю. Все почернели и осунулись. Не хватало патронов, продовольствия, фуража. Ремонтные комиссии не справлялись с поставкой лошадей. Отсутствовало пополнение людьми. Но никакой передышки или хотя бы кратковременного отдыха не предвиделось. Напротив ожесточенность боев нарастала¹⁶.

А вот выдержка из дневника К. Е. Ворошилова от 19 июля:

Наши командиры медлительны, нерешительны и плохо ориентируются в обстановке. Связь до сих пор налажена плохо. Рядом действующие дивизии не знают друг о друге. Сторожевое охранение отсутствует. Начдивы до безумия храбры, как и весь комсостав, но плохо справляются с управлением. Этому причиной еще и новая, незнакомая местность. Степи, равнины — вот родина нашей конницы..... лошадей гибнет у нас много, а пополнение ниоткуда не поступает...¹⁷

Почему же нельзя было замедлить темпы наступления и дать хотя бы небольшую передышку войскам, тем более, что польская армия имела явное преимущество, так как находилась на хорошо укрепленных позициях (они использовали немецкие и австро-венгерские укрепления, построенные еще в период Первой Мировой войны) и имели мобильный оперативный резерв (в отличие от войск Юго-Западного фронта).

---

¹⁴ Кардашов В. Ворошилов. М., 1976., с. 200.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Мерецков К. А. На службе народу....., с. 56.

¹⁷ Кардашов В. Ворошилов....., с. 201.

Думается, что ответ на этот вопрос лежит не в военной, а в политической плоскости. В середине июля 1920 года министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон обратился к правительству РСФСР с ультимативным предложением о прекращении военных действий на советско-польском фронте. В случае непринятия этого предложения страны Антанты угрожали большевистскому правительству оказанием военной помощи Польше.

С 12 на 13 июля 1920 года в адрес И. В. Сталина и Э. М. Скиянского (заместитель Троцкого в РВС республики) поступила телефонограмма от В. И. Ленина, в которой тот требовал «ускорить распоряжение о бешеном усилении наступления»¹⁸.

Справедливости ради нужно отметить, что Главное командование РККА попыталось достучаться до сознания руководства республикой.

Из доклада Главного командования председателю РВС республики Л. Д. Троцкому о стратегических планах в связи с нотой Керзона № 4232/оп от 15 июля 1920 года становится ясно, почему так торопилось командование РККА — средств на ведение войны было только на два месяца, а Антанта в своем ультиматуме обещала Польше свою поддержку.

...если мы перейдем эту границу и даже разгромим Польшу, то все же будем находиться в весьма трудных стратегических условиях, так как фронт достигнет огромного напряжения при отсутствии резервов и нашим врагам потребуются незначительного сосредоточения свежих сил, чтобы их ударом в определенном месте решительно поколебать весь фронт...

Если даже мы не претерпим таких тяжелых последствий, то нужно ожидать, что дальнейшая борьба примет затяжной характер, так как по недостатку сил и средств мы снова будем принуждены к тому методу борьбы, который применялся до настоящего времени, т. е. сосредоточению всех возможных сил на какой-либо одной задаче, хотя бы ценою временных неудач в других районах борьбы¹⁹.

Нужно также отметить, что этот доклад был подписан С. С. Каменевым, а подписи его начальника штаба Лебедева в документе нет (может быть потому, что Лебедев был уже знаком с позицией Троцкого?).

Тем не менее, указания Ленина трансформировались в директиву Главного командования командованию Западного, Юго-Западного фронтов и 7-й армии о развитии дальнейшего наступления № 4315/ш от 20 июля 1920 года., где п. 1 требовал от комфронтов

---

¹⁸ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). Сборник документов. М., 1969., док. 600, 601., с. 609.

¹⁹ Там же, док. 602, с. 610.

...продолжить энергичное развитие операций согласно отданных ими директив, не ограничивая таковых границей, указанной в ноте лорда Керзона...²⁰

Военная целесообразность вновь уступила место политическим амбициям.

В то время как соединения Конармии глубоко увязли в боях под Львовом, на Западном фронте началось контрнаступление польских войск, которое впоследствии советские историки назовут «вислинской катастрофой».

2 августа на Политбюро ЦК было обсуждение положения на юге республики в связи с активизацией Врангеля. Было принято решение о выделении крымского участка Юго-Западного фронта в отдельный Южный фронт. И. В. Сталину поручалось сформировать РВС нового фронта. Западный и Юго-Западный фронты объединялись под эгидой РВС Западного фронта. В тот же день об этом решении сообщили Сталину.

4 августа Сталин телеграфировал о своем согласии с решением о передаче трех армий в состав Западного фронта. Кроме этого он предложил штаб и РВС Юго-Западного фронта преобразовать в штаб и РВС Южного фронта. Это предложение было принято Пленумом ЦК 5 августа. В тот же день главком известил командование ЮЗФ о предстоящем подчинении Тухачевскому 12-й А и Конармии, а 6 августа добавил еще и 14-ю А. Этой же директивой предлагалось «сменить пехотой Конармию и вывести ее в резерв для отдыха и подготовки к решительному новому удару». С. 119

Несколько дней между главкомом и ЮЗФ шла переписка по организационным вопросам и только 11 августа был окончательно решен вопрос об участии 12-й А и Конармией в боях на варшавском направлении. С. С. Каменев предлагал 12-й А нанести удар на Люблин, а Первую конную двинуть в район Грубешов — Замостье — Томашов.

И тут начинается прямо-таки детективная история.

Еще 4 августа командование Конармии отправило в штаб фронта следующую телеграмму:

В последний период боев в Дубно-Бродском районе противник сосредоточил не менее четырех пехотных и трех кавалерийских дивизий и, прорвавшись нам в тыл, парализовал подвоз грузов. Дивизии почти не получают хлеба и фуража, крайний недостаток в боеприпасах. Люди питаются картошкой и зелеными яблоками... Лошади настолько изнурены, что не в состоянии даже отгонять разьедающих их кожу мух... РВС Конной с полным сознанием ответственности заявляет, что каковы бы ни были политические задачи дня, но Конармия свыше сил сделать ничего не может...²¹

²⁰ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). Сборник документов. М., 1969., с. 641.

²¹ Кардашов В. Ворошилов..., с. 202.

12 августа (когда уже решен вопрос о передаче Конармии Тухачевскому) из штаба фронта пришла новая директива:

Конной армии в самый кратчайший срок мощным стремительным ударом уничтожить противника на правом берегу реки Буг, форсировать реку и на плечах бегущих остатков 3-й и 6-й польских армий захватить город Львов²².

Мало того, в новой директиве главком подтвердил свое решение по 12-й А, а вот по армии Буденного не было сказано ни слова. Некоторые исследователи используют этот факт, выдвигая версию о проявлении полководческих амбиций И. В. Сталина, дескать, он решил не отставать от славы Тухачевского и решил напоследок «войти в историю». Но надо принять во внимание, что к 12 августа войска Тухачевского уже стремительно откатывались на восток. И кроме того, позднее выяснилось, что в полевом штабе РВС республики при передаче директив в штабы фронтов шифр был искажен, и они стали известны командованию ЮЗФ лишь во второй половине дня 13 августа (в это время Конармия уже вела бои за Львов, хотя по приказу должна была быть выведена из боя в резерв главкома!). Версий по этому поводу может быть много, в том числе, почему бы не предположить, что данная оплошность могла произойти по прямому указанию Троцкого своему визави Лебедеву, чтобы окончательно обвинить в поражении И. В. Сталина и его выдвигенцев.

Механизм наступления был запущен, и остановить его было уже невозможно. В период с 13 по 19 августа дивизии Конармии вели напряженные бои в районе Львова. 19 августа части армии Буденного достигли старых фортов крепости Львов, расположенных в 7–8 верстах от города. Ранним утром в штаб Конармии прибыла делегация львовских рабочих, которые брались провести ночью в город кавдивизию, минуя железнодорожные пути, где находились польские бронепоезда, особенно мешавшие буденовцам. Казалось еще немного и город будет взят, но произошло то, что произошло — в 21 час 15 минут 19 августа командование армии получило директиву от Тухачевского, который приказывал немедленно прекратить бои под Львовом и сосредоточиться в районе Владимир-Волынский — Устилуг, чтобы затем наступать в тыл ударной группировки поляков. Все доводы Буденного и Ворошилова были бессмысленными.

Согласно приказа командующего Западным фронтом, в течение суток Конармия должна была выйти из боя и совершить стокилометровый марш (!). К тому же не оговаривалось, кто займет участок фронта

---

²² Там же.

у Львова вместо частей Первой конной (!). Снятие дивизий с позиции означало предоставить возможность полякам перейти в контрнаступление и ударить в тыл Конармии.

В данной ситуации единственно правильным решением было бы продолжить штурм Львова и оттянуть тем самым на себя максимальное количество сил противника. Разгром львовской группировки укрепил бы ЮЗФ и создал бы угрозу правому флангу и тылу поляков на Варшавском направлении. (Под Львовом у поляков было 8 бронепоездов, две кавдивизии и 4 пехотных дивизии). Но видимо Тухачевского это уже не интересовало. Правда позднее, в своей книге «Поход за Вислу» он попытался переложить ответственность за это решение на главкома С. С. Каменева, но сути дела это уже не меняет.

Утром 21 августа Конармия отошла за Буг.

В тот же день Ворошилов направил в РВС Республики обстоятельный доклад, где объяснял задержку Первой конной с выполнением директивы Тухачевского.

В момент получения директивы командзаконного фронта от 15 августа № 0361/сек. армия вела жестокие бои, и снять армию не представлялось никакой возможности, так как противник немедленно же перешел бы в решительное наступление и ударил бы нам в тыл... С отходом Конармии из Львовского района противник получает полную свободу действия не только на восточном, но и на южном направлении.

В заключении позволю себе заметить, что, по моему глубокому убеждению, основанному на опыте, снятие Конармии с Львовского фронта в момент, когда армия подошла вплотную к городу, приковав к себе до семи дивизий противника, является крупнейшей ошибкой, чреватой значительными последствиями. Я не буду говорить о том, какое моральное действие оказывает подобный отход на армию. Вы это учтете сами, если вспомните огромные наши потери в последних боях, но я должен сказать, что продолжаю бои за овладение Львовом, мы не только служили бы магнитом для противника, но в то же время самой серьезной угрозой тылу его ударной группы, которой мы всегда смогли бы через Люблин нанести сокрушительный удар...²³

Конечно же, как только поляки обнаружили отход КА, они устремились ее преследовать и вскоре вышли на рубеж реки Буг.

Бойцам Буденного требовался отдых, но его так и не последовало. Конармии предстоял еще один марш — на Замостье.

---

²³ Кардашов В. Ворошилов..., с. 206.

4. Рейд на Замостье 25 августа — 2 сентября

В своих воспоминаниях С. М. Буденный этому рейду уделил очень мало внимания, тогда как бой у Замостья в Польше до сих пор считается одной из самых величайших побед польского оружия. В последнее время, пальму первенства в этом событии у поляков пытаются перехватить современные украинские историки, которые восторженно пишут о «разгроме» Первой конной силами 6-й Украинской дивизии генерала Марко Безручко.

Где же здесь правда? Итак, Конармия начала подготовку к выполнению новой задачи. Вот что писал об этом С. М. Буденный:

Нетрудно было представить, что в условиях отхода главных сил обоих фронтов наступление на Замостье могло превратиться в обособленную операцию Конармии. Однако директиву надо было выполнять, и мы начали готовить соединения к наступлению. Справедливости ради следует сказать, что М. Н. Тухачевский был против движения Конармии на Замостье и отдал директиву лишь по настоянию главкома²⁴.

Почему же С. С. Каменев настаивал на проведении этой операции? По всей видимости, в ней он видел единственную возможность сдерживать контрнаступление поляков и дать возможность войскам Западного фронта получить передышку и перегруппировать свои силы, пусть даже ценой Конармии, которая на тот момент являлась единственным мобильным резервом главкома.

Как тут не вспомнить, что еще во время встречи С. М. Буденного и К. Е. Ворошилова с главкомом в Москве в апреле 1920 года, вновь сказала нерешительность С. С. Каменева. По воспоминаниям С. М. Буденного тот не поддержал предложение командарма о передаче Конармии в подчинение главкома и Перовая конная перешла в подчинение командующего Юго-Западным фронтом А. И. Егорова. С одной стороны, упрощалось управление Конармией, но с другой стороны, командарм мог без согласования с главкомом использовать это подразделение по своему усмотрению, руководствуясь собственными интересами (что собственно говоря и произошло). Если бы это подразделение использовалось как резерв главкома на решающих участках фронтов для прорыва и глубокого рейда в тыл противнику, еще неизвестно с какими результатами закончились бы военные действия на польском фронте.

Мало того, политическое руководство республики уже не интересовало положение Западного фронта, поскольку на первый план выходила необходимость сдерживания белогвардейской группировки барона Вран-

²⁴ Золоторубов В. Буденный..., с. 121.

геля. Именно, поэтому, пункт «Д» Постановления Политбюро ЦК РКП(б) о положении дел на Врангелевском фронте от 19 августа 1920 года гласил: «6-ю дивизию 1 Конной армии снять на врагелевский фронт...»²⁵. По этому постановлению не ранее 20 августа В. И. Ленин сделал следующее предложение: «я голосую за взятие 6-ой кавдивизии от Буденного на врангелевский фронт...», «я за усиление Конармии Буденного теми 3–4 тыс. сабель, кои Главком обещает Югу (*спешино*)» а также «я за усиленное взятие лошадей у белорусских крестьян для пополнения конницы Буденного»²⁶. Возникает вопрос к Владимиру Ильичу — и сколько же времени понадобилось бы для того, чтобы Буденный дождался этих подкреплений? А ведь приказ командующего фронтом необходимо было выполнять немедленно!

Справедливости ради нужно сказать, что главкому удалось убедить правительство отменить это решение. Из Докладной записки Главного командования Председателю РВС Республики с возражением против переброски 6 кавдивизии на Врангелевский фронт:

...для восстановления поколебленного положения всего Запфронта приобретает исключительное значение намеченный удар 12 и 1 Конной армий в северо-западном направлении. Необходимо направить все меры к тому, чтобы всячески усилить боеспособность этих двух армий.

Ясно, что всякое ослабление намеченного удара при такой обстановке сейчас недопустимо вообще. Тем более недопустим увод из 1 Конной армии 6 кавалерийской дивизии, которая по своей численности (5240 сабель) и качеству равняется всем трем остальным дивизиям Конной армии в совокупности (4, 11, 14 дивизии — 4791 сабля) и составляет основное ядро этой армии. С отнятием от 1 Конной армии этого ядра несомненно будет расстроена вся 1 Конная армия²⁷.

Давайте теперь попробуем посмотреть на этот маневр с точки зрения специалиста по военному искусству. Мы увидим, что приказ Конармии двигаться на Замостье был не просто ошибочным, он был преступным.

М. Н. Тухачевский в уже упоминаемом труде «Поход за Вислу» так оценивает эти события: «Конная армия, прибывшая на люблинское направление с большим запозданием, была двинута Главным командованием в глубокий рейд на Замостье, но это уже было поздно»²⁸. Таким

---

²⁵ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). Сборник документов.... док. 609., с. 620–621

²⁶ Там же. док. 610., с. 621.

²⁷ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). Сборник документов. М., 1969., док. 611., с. 621–622.

²⁸ Тухачевский М. Н. Поход за Вислу. В кн. Пилсудский против Тухачевского. М., 1991., с. 68.

образом, армия Буденного, по приказу главкома, двигалась во фланг польской наступающей группировке абсолютно без прикрытия с флангов, и должна была действовать в одиночку против сильного и превосходящего противника.

Мало того, если, по свидетельству главнокомандующего польской армией Ю. Пилсудского, он «пренебрегал этим новым противником», то в дальнейшем понял потенциал нового формирования и отдал приказ о создании подобного подразделения в составе южной польской группировки. С середины июня формирование нового польского кавалерийского корпуса проходило в районе Замостья!

Своей главной задачей на юге Ю. Пилсудский видел окружение и уничтожение Конной армии Буденного, как единственной грозной силы Юго-Западного фронта А. И. Егорова. Эти попытки в ходе боев июня-июля 1920 года были безуспешными. И теперь С. С. Каменев сам отправил Конармию в подготовленный мешок Пилсудского!

К Замостью Конармия двинулась без приданных ей пехотных дивизий и обещанного пополнения. В качестве походного порядка С. М. Буденный избрал свой излюбленный «ромб», когда четыре дивизии располагаются в несколько эшелонов, причем две из них двигаются уступом вправо и влево. Такой порядок хорошо зарекомендовал себя, когда необходимо было прорвать оборону противника, но требовал постоянного взаимодействия с соседними подразделениями, прикрывающими фланги. А в данном случае, таких подразделений просто не было!

4-я кавдивизия шла в голове, справа уступом назад шла 14-я кд, слева — 6-я кд. 11-я кд шла сзади в резерве. Продвигаясь к Замостью, Конармия оказалась в узком коридоре между польскими войсками в лесисто-болотистой местности, без запаса боеприпасов, фуража и продовольствия.

Ю. Пилсудский был настолько уверен в успехе, что приказал не только полностью уничтожить Первую Конную, но и обязательно взять живыми в плен Буденного и Ворошилова.

Мы не будем детально рассматривать последующие события, но опять-таки хотел бы позволить себе несколько ремарок. Да простят меня мои украинские «коллеги», но заслуга в победе под Замостью принадлежит все-таки польским войскам. Поверить в то, что Конная армия, пусть и обескровленная, усталая, но все еще сохранявшая боеспособность могла быть разбита 6-й Украинской дивизией, отведенной в Замостье для доукомплектования после предыдущего разгрома от той же самой Конармии, просто невозможно. В реальности петлюровцы (около 2 тыс. бойцов) входили в состав гарнизона Замостья и вели бой с полками 6-й кавдивизии Апанасенко. А главные события разворачивались совсем в другом месте и с другими действующими лицами.

В результате боев у Замостья дивизии Конармии вынуждены были вырываться из окружения (что им кстати удалось) и двигаться на соединение с уже отступающими армиями Юго-Западного фронта (как и следовало ожидать, 12-я и 14-я армии не смогли заполнить брешь, образовавшуюся после оставления позиций Конармией и которую сразу же заполнили поляки). Но, несмотря на это, боеспособность Конармия не потеряла.

Неудачный рейд на Замостье, отступление армий Западного, а затем и Юго-Западного фронтов на практически исходные рубежи стали звеньями одной цепи, которая привела к мирному договору с Польшей на крайне неприемлемых для Советской республики условиях. Но Ленина и его правительство это уже мало заботило, поскольку в Крыму оставался Врангель и он угрожал новым походом на Москву. Первая Конная получила новую задачу, пополнилась бойцами и лошадьми и была включена в состав Южного фронта на борьбу с Врангелем, но это тема уже другого исследования.

В чем же были причины больших потерь Конармии и ее неудач на советско-польском фронте?

Думается, что факторы ошибок можно разделить на несколько групп. Первая группа причин кроется в отсутствии опыта использования такого специфического тактического соединения как Конармия со стороны главкома и командующих фронтами. Несколько фактов, иллюстрирующих эти причины, мы уже рассмотрели. Хотел бы остановиться еще на одном.

Кавалерийские дивизии Конармии постоянно взаимодействовали с приданными им пехотными дивизиями, поэтому тактика их действий была следующей: с помощью небольших отрядов прощупывались позиции противника для обнаружения брешей в обороне. Затем, в эти бреши устремлялась конница и наносила удар, а пехота в это время прикрывала ее действия от возможных маневров противника и цементировала оборону.

Направляя Конармию на Юго-Западный фронт С. С. Каменев в своей Директиве Егорову № 2387/оп 325/ош от 29 апреля 1920 года так определил принципы ее использования:

Основная задача, для которой Конармия направлена на Юго-Западный фронт, заключается в нанесении такого удара польским войскам на Украине, которым был бы сломан весь польско-украинский фронт. Для выполнения этой задачи и наиболее выгодно нанести всей Конармией удар по правому флангу польско-украинского фронта, занятому наиболее слабыми галицкими войсками, и, прорвав его глубоким движением в тыл в общем направлении на Ровно, разрушить весь фронт. При таких условиях нынешнее продвижение польского фронта на восток, на Киев, представляется для нас

выгодным, так как неизбежно приведет к растяжке правого фланга поляков и заставит повиснуть его в воздухе. Данное вами направление Конной армии отвечает изложенной обстановке, и необходимо лишь обратить особое внимание на то, чтобы ее части не были отвлечены никакими второстепенными задачами. При выходе на правый берег Днепра и приближении к линии фронта следует подчинить Конной армии две более прочные пехдивизии, которые и явятся опорой в ее действиях²⁹.

Однако мы с вами помним, что разведка на Юго-Западном фронте была поставлена слабо и нащупывать слабые места в обороне Конармии приходилось ценой больших потерь. При этом пехотных дивизий вопреки указанию главкома А. И. Егоров Буденному не давал.

На встрече с А. И. Егоровым 24 мая С. М. Буденный опять поднял вопрос и придании его армии хотя бы одной пехотной дивизии, на что Егоров ответил, что 12-я А измотана боями и понесла большие потери. Фастовская группа Якира имеет всего две дивизии, а 14-я А и вовсе малочисленна. В резерве самого комфронта находится всего три пехотные бригады, на которые также возложена задача борьбы с местными бандами, и в итоге дал понять, что буденовцам самим придется превращаться в пехоту (что собственно говоря и происходило).

Лишь в июне в оперативное подчинение Конармии была передана 45-я пехотная дивизия, а во время Львовской операции ей также были приданы в июле — 27-я и в августе 47-я пехотные дивизии, но положение дел уже изменить не могло.

Вторая группа причин заключается в просчетах самого командования армией. Н. Е. Какурин отмечал, что С. М. Буденный неоднократно опаздывал в своих решениях и, вместо того, чтобы развивать успех, достигнутый одной из его дивизий, медлил и оставлял свои войска на исходных позициях. Особенно это было заметно во время Киевской операции. Сам С. М. Буденный так объяснял свои действия:

...когда Первая конная армия, пройдя с боями около ста километров, достигла оборонительного рубежа польских войск, фланги ее оказались совершенно открытыми. Вынужденные оттягивать для обеспечения флангов крупные силы, мы ослабили ударную группу, а поэтому и не могли использовать тот частный успех, которого добивались наши передовые дивизии³⁰.

Плохо обстояло дело с разведкой (мы уже об этом говорили), не было налажено взаимодействие с подчиненными армии бронепоездами и бронепоездом. Так, например, во время боя под Липовцами 31 мая буденовская кавалерия при отступлении оставила бронеавтомобили и бро-

²⁹ Золоторубов В. Буденный....., с. 41.

³⁰ Буденный С. М. Пройденный путь....., с. 87.

непоезда прикрывать свой отход (по сути бросив их на произвол судьбы), а прикрытие самой техники организовано не было, что чуть было не привело к потере нескольких броневозов и бронепоезда. Слабо использовалась авиаразведка, а уж когда конница Буденного устремлялась в прорыв, каждая дивизия зачастую из-за отсутствия устойчивой связи вынуждена была действовать по собственной инициативе.

Третья группа причин касается вопросов формирования, вооружения и снабжения армии. Мы уже говорили, что основным источником пополнения Конармии были добровольцы. Но все-таки часть бойцов состояла из бывших пленных белогвардейцев. Именно перед началом марша на Украину в состав Конной армии была передана кавалерийская бригада из кавдивизии Якимова, состоявшая из пленных белоказаков, которую влили в 14-ю кавдивизию А. Я. Пархоменко.

Эта бригада уже в самом начале боев преподнесла командованию Конармии неприятный сюрприз. 31 мая в 83-м кавалерийском полку, которым командовал бывший офицер-деникинец (!!!), произошла измена. Командир полка смог объединить вокруг себя единомышленников, и они решили, что настал благоприятный момент для того, чтобы перейти на сторону поляков. Уговорив к предательству большую часть своего полка, изменники направили переговорщика и в соседний 82-й кавполк, однако того ждала неудача — о нем узнало командование и пресекло его агитацию. Впрочем, ему удалось бежать. Командир-изменник увел с собой три эскадрона своего полка. Бросившиеся в погоню эскадроны 4-й и 14-й кд настичь их не смогли и только внесли неразбериху в ходе боя. Впоследствии 14-ю кд срочно переформировали — вместо 82-го кавполка в 3-ю кавбригаду дивизии был передан кавполк немцев Поволжья из состава Особой кавалерийской бригады.

О проблемах снабжения армии мы также уже упоминали, но хотел бы акцентировать внимание на вот на чем. Ю. Пилсудский в своей книге «1920 год» характеризовал конницу Буденного как конницу, «проходившую большие пространства, не имея организованных тылов, продовольствующую людей и лошадей единственно уничтожением, подобно саранче, того, что находит на месте, и влекущую за собою огнеприпасы на долгие сроки, чего не требовалось возить татарам...»³¹ Эта характеристика была недалеко от истины. За время боев на польском фронте личный и конный состав армии обеспечивался неудовлетворительно. Бойцы зачастую питались картошкой с местных огородов и фруктами местных садов.

В вопросах вооружения тоже есть одна любопытная деталь, на которую обратил внимание известный польский фехтовальщик-саблист Вой-

³¹ Пилсудский Ю. 1920. В кн. Пилсудский против Тухачевского. М., 1991, с. 113.

чек Заблочкий. В своей книге «Фехтование боевой саблей» он отметил, что кавалеристы Конармии имели на вооружении русские шашки или сабли «кавказского типа», т. е. имеющие открытую рукоять. Она давала бойцу большую свободу действий при атаке, но при защите позволяла использовать только прием уклоном (т. н. «джигитовка»). Польские же кавалеристы имели саблю с гардой, которая защищала кисть руки от рубящего удара противника. Это обстоятельство давало им определенное преимущество в бою, поэтому поляки стремились нанести удар по «рабочей» кисти противника и в случае успеха быстро выводили того из строя, отсекая ему пальцы или всю кисть руки.

Мы уже знаем социальный состав Конармии и можем сделать определенные выводы о степени фехтовальной подготовки значительной части ее бойцов. Именно поэтому в Конармии в качестве самой маленькой кавалерийской тактической единицы использовались т. н. «тройки» — одного бойца, хорошо владевшего сабельным боем, прикрывали несколько всадников, вооруженных карабинами. Вполне понятно, что при нейтрализации «сабельника» двое других могли стать легкой добычей польских кавалеристов.

Четвертая группа причин касается игнорирования высшим командованием специфики конного подразделения, которое не могло вести долговременные боевые действия без кратковременного отдыха бойцов и конного состава.

Пятая группа — политические мотивы, о которых речь шла выше. Вообще, политические интриги сопровождали Конармию на протяжении всей ее короткой истории. Интересен, например, такой факт. Во время обсуждения переброски Конармии в штабе Кавказского фронта его командующим М. Н. Тухачевским и членом РВС фронта Г. К. Орджоникидзе был поднят вопрос об информации, донесенной до В. И. Ленина о низкой дисциплине и боеспособности Первой конной. По этой информации бойцы Конармии разграбили Новочеркасск. Тухачевский и Орджоникидзе поддержали Буденного и Ворошилова, ссылаясь на то, что эта ложная информация появилась в штабе главкома.

Позднее они направили в адрес Ленина и Каменева письмо следующего содержания:

Со слов Лебедева (! — *авт.*) нам стало известно, что в РВСР благодаря неточной информации создалось неправильное представление о Конной армии и об ее командарме.....Конная армия в смысле боеспособности выше всяких похвал. Отличается дисциплиной в бою и чрезвычайно смелостью.... Ни одна кавчасть противника, даже сильнейшая, не выдерживала стремительных атак частей Конармии. Начдивы очень способные и смелые начальники...Неправда абсолютная, будто бы 11-я кавдивизия разгромила Ново-

черкасск. Ни одна часть Конармии в Новочеркасск не заходила... Начиная от Воронежа Конная армия не получала жалованья и не имела надлежащего продовольственного аппарата. Почему и приходилось заниматься самоснабжением, что при условии обычной скученности Конной армии, конечно, не могло пройти безболезненно для населения³².

Все же, несмотря на все эти просчеты и недостатки, Первая Конная внесла немало ярких страниц в военную историю России, воспитала в своих рядах множество талантливых военачальников, людей науки и искусства. Это Маршалы Советского Союза С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, К. А. Мерецков, И. В. Тюленев, С. К. Тимошенко, А. А. Гречко, К. С. Москаленко, Главный Маршал авиации П. Ф. Жигарев, Маршалы бронетанковых войск П. С. Рыбалко и С. И. Богданов, Маршал войск связи А. И. Леонов, генералы армии А. Т. Стученко и Д. Д. Лелюшенко, генерал-полковник Я. Т. Черевиченко, командир корпуса в годы Великой Отечественной войны генерал-лейтенант А. И. Лопатин, командир танковой дивизии в годы Великой Отечественной войны генерал-лейтенант Ф. Т. Ремизов, академик И. И. Минц, писатели Н. Островский, Вс. Вишневский, Александр Листовский, композитор-песенник Дмитрий Pokpacc и художник-баталист С. Зелихман.

Лучше всего о значении Конармии на советско-польском фронте сказал ее главный противник — главнокомандующий польскими войсками маршал Ю. Пилсудский: «Новое оружие борьбы, каким оказалась для наших неподготовленных к этому войск конница Буденного, становилось какой-то легендарной, непобедимой силой»³³.

Опыт использования Первой конной лег в основу новой тактики использования больших групп высококомобильных тактических подразделений на поле боя (в частности бронетанковых соединений), который широко применялся в ходе Великой Отечественной войны. Практически сразу после окончания Гражданской войны (в 1923 году) Первая конная армия была расформирована и уже больше никогда такое подразделение в РККА не создавалось, но память о нем осталась и еще долго будущие поколения, услышав «Марш красных кавалеристов», будут вспоминать о героическом прошлом нашей Родины.

Список литературы

- Балаев П.* Клим Ворошилов. Первый Маршал Страны Советов. М., 2016. 608 с.
Буденный С. М. Пройденный путь. Т. 2. М., 1965. 392 с.
Г. И. Котовский. Документы и материалы. Кишинев, 1956. 624 с.
Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.,

³² Буденный С. М. Пройденный путь..., с. 14.

³³ Пилсудский Ю. 1920 год..., с. 121.

Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). Сборник документов. М., 1969. 883с.

Золоторубов В. Буденный. М., 1983. 303 с.

Какурин Н. Е., Меликов В. А. Гражданская война в России. Война с белополяками. М., 2002. 730 с.

Кардашов В. Ворошилов. М., 1976. 400 с.

Мерецков К. А. На службе народу. М., 1986. 445 с.

Пилсудский против Тухачевского. Два взгляда на советско-польскую войну 1920 года. М., 1991. 254 с.

Dmitry Nikolaevich TOPKO

Historic, teacher of the PEI LPR «Republican Cossack Cadet Corps named after Air Marshal Alexander Efimov» (Lugansk, LPR)

E-mail: topko.dmitry@yandex.ua

The First Equestrian Army and its role in Soviet-Polish war 1920

The article is devoted to the events of the Soviet-Polish war of 1920 and the participation in it of the First Equestrian Army, as well as the role of this unit in this war and the development of military art. Based on the analysis of documents, eyewitness memories and scientific research, a number of questions were highlighted concerning the creation of a new combat tactics, the leadership of such a unique unit, the relationship of the army command and RMS of the Soviet republic.

Keywords: soviet-polish war 1920, the First Equestrian Army, cavalry.

УДК. 94 (47).084

ББК. 63.3 (2).621

Вячеслав Олегович ТЕРЕНТЬЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры ОИПС,
Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: terehv@mail.ru

2-Я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ РККА ПРИ ШТУРМЕ БРЕСТА 1–2 АВГУСТА 1920 Г.

Штурм Бреста Красной армией 1 августа 1920 г. — одно из ключевых событий советско-польской войны, незаслуженно забытых в настоящее время. Ю. Пилсудский рассматривал Брест-Литовск как опорный пункт будущего контрудара против армий Тухачевского. Взятие Бреста и разгром польской Полесской группы, практически равной по численности силам Красной Армии, позволили советским войскам Западного фронта сорвать планы польского командования, форсировать Буг и развивать наступление на Варшаву. Успех под Брестом вскоре затмило стратегическое поражение Красной армии и ее отход до Минска и Киева. Польское командование возлагало на Брестскую крепость большие надежды. Тем не менее, уверенные и грамотные действия советского командования, а также упорство и доблесть красноармейцев привели к быстрому овладению сильнейшей крепостью. В представленной статье впервые в отечественной историографии приводится комплексный анализ этих событий, имеющих важное военно-историческое значение и представляющих интересный образец военного искусства РККА, на основании массива как российских, так и польских источников.

Ключевые слова: советско-польская война, 1920, Брест, 2-я стрелковая дивизия, РККА, Советская Россия, Польша, Брестская крепость, фортификация, штурм, Судак.

Штурм Бреста Красной армией 1 августа 1920 г. — одно из ключевых событий советско-польской войны, незаслуженно забытых в настоящее время. Польское командование рассматривало Брест-Литовск как опорный пункт будущего контрудара против армий Западного фронта Советской России. Ведущую роль во взятии крупнейшей польской крепости сыграла 2-я стрелковая дивизия, костяком которой являлся Петроградский пролетариат.

2-я стрелковая дивизия (СД) — одно из сложившихся в ходе Гражданской войны кадровых соединений Красной Армии, закаленная в боях с Юденичем и эстонскими войсками¹. К лету 1920 г. 2-я СД численно-

---

¹ Терентьев В. О., Терентьева Е. А. 2-й Петроградский стрелковый полк Особого назначения в боях за Гатчину в октябре 1919 г. // Вестник гуманитарного факультета СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. 2018 г. № 10. СПб.: СПбГУТ, 2018. С. 320–326; Терентьев В. О. 17-й стрелковый полк в Ямбургской и Нарвских операциях 1919 г. //

дий. Общая численность соединения возросла с 9 до 15,5 тыс. едоков. С 1 июля 1920 г. 2-я СД под командованием будущего чекиста и организатора Польской Красной армии Р. В. Лонгва участвовала в освобождении Белоруссии от польских войск. На протяжении Июльской операции противником 2-й СД выступала 14-я Великопольская пехотная дивизия (ПД) генерала Д. Конажевского силами в 5,8 тыс. штыков, 600 сабель, 52 орудия⁴. Поляки значительно превышали советские войска и по количеству пулеметов. С 1 июля 2-я СД вела боевые действия на Бобруйском направлении. 10 июля освободила Бобруйск, 12 — Осиповичи, 15 — Слуцк, а 23 июля после прорыва линии бывших германских укреплений под Барановичами — Слоним она была выведена в резерв 16-й армии.

Сражение за Брест началось на дальних подступах за несколько дней до непосредственного штурма крепости. Ю. Пилсудский, под влиянием главы французской военной миссии в Польше генерала Анри после июльского поражения, рассматривал Брест-Литовск как опорный пункт будущего контрудара против армий Тухачевского⁵. Он принял решение задержать здесь наступление советских войск и дать решающее сражение. Его план предусматривал усиление Полесской группы (командир генерал В. Сикорский) в районе Бреста за счёт войск из Галиции, и нанесение этими силами удара на север, в левое крыло стремящихся к Висле войск советского Западного фронта. Полесская группа, несмотря на отход от Мозыря, расценивалась Пилсудским как значительная по количеству войск, сохранившая боеспособность и способная удерживать РККА под Брестом⁶. Новый начальник польского генштаба Розвадовский приказал войскам Полесской группы занять оборону по линии Каменец-Литовский — Кобрин.

Оценка сил и средств противников на Брестском направлении до сих пор в историографии отсутствуют. Нередко историки просто сопоставляют количество соединений или опираются на оценки Тухачевского и Пилсудского. Однако сравнение количества польских и советских дивизий в оценке польско-советской войны 1920 г. некорректно, т. к. после проведенной реформы польские дивизии были более компактными, маневренными и лучше вооруженными, чем советские, продолжавшие традиции РИА. По своему составу польские дивизии насчитывали две пехотные и одну артиллерийскую бригады (четыре пехотных, кавале-

---

⁴ Какурин Н. Е. Гражданская война в России: Война с белополяками. М.: АСТ, 2002. Пр. 1. Гл. VIII.

⁵ Операции на Висле в польском освещении. Сб. статей и документов. Под ред. С. Р. Будкевича. М.: ГВИ, 1931. С. 44,90,111–113.

⁶ Пилсудский Ю. 1920 год // Пилсудский против Тухачевского. Сб. М.: Воениздат, 1991. С. 180.

рийский, запасной, один-два артиллерийских полка, саперный батальон и части связи), а советские — три бригады по три полка с четырьмя арtdивизионами и множеством вспомогательных частей. При этом по штату советская дивизия должна была насчитывать до 58 тыс. едоков⁷. Однако необходимо учитывать и реальное состояние войск. Польские части, отошедшие с боями в Брест, получили здесь пополнение из резервных и запасных частей, а также значительное число добровольцев⁸. Советские войска были перегружены отставшими небоевыми подразделениями и обескровлены в предыдущих боях. Так во 2-й СД на 4,5 тыс. штыков было 12 тыс. едоков⁹. Командующий Западным фронтом М. Тухачевский оценивает советские силы 16-й армии и Мозырской группы (6 дивизий и сводный отряд) в 15 тыс. штыков и сабель, а противостоящие польские (5 дивизий, 3 бригады, 5 батальонов и 1 отряд) — в 17,8 тыс.¹⁰ В свою очередь польский главком Ю. Пилсудский пыгается эти данные опровергнуть, говоря о превышении сил РККА¹¹. В целом для соотношения сил 16-й советской и польской Полесской группы это, скорее всего, верно¹². Однако красноармейская разведка, на данные которой опирались Тухачевский и Какурин, не учитывает значительное количество запасных и резервных частей на польской территории. Тем не менее, сам Пилсудский и полковые истории, основанные на документах и написанные по горячим следам, говорят о получении польскими боевыми частями значительного пополнения в Бресте. С учетом указанных фактов и на основе общего сопоставления сил с определенной уверенностью можно говорить, что к началу боев за Брест советские бригады (3 полка) по своей боевой мощи соответствовали польским полкам, усиленным артиллерией, а советские полки — польским батальонам. Под Брестом с учетом подошедших позже сил Мозырской группы в советской штурмовой группе, не объединенной общим командованием, в составе 2-й, 10-й, 57-й СД было 9 бригад численностью 12 тыс. штыков и сабель, 83 орудия, а в польской Полесской группе — 10 пехотных полков (32-й, 63-й, 64-й, 66-й, 22-й, 15-й пехотные,

---

⁷ Калужный Р. Г. Красная армия 1918–1934: структура и организация. М.: Фонд «Русские витязи», 2019. С. 381–383.

⁸ Пилсудский Ю. 1920 год // Пилсудский против Тухачевского. Сб. М.: Воениздат, 1991. С. 182.

⁹ Какурин Н. Е. Гражданская война в России: Война с белополяками. М.: АСТ, 2002. Пр. 19. Гл. VIII.

¹⁰ Тухачевский М. Поход за Вислу // Пилсудский против Тухачевского. Сб. М.: Воениздат, 1991. С. 54.

¹¹ Пилсудский Ю. 1920 год // Пилсудский против Тухачевского. Сб. М.: Воениздат, 1991. С. 90.

¹² Какурин Н. Е. Гражданская война в России: Война с белополяками. М.: АСТ, 2002. Пр. 19. Гл. VIII.

1-й, 2-й, 3-й, 4-й горнострелковые (Подгальских стрелков)), 4 уланских полка (2-й, 4-й, 15-й, 19-й), подразделения 1-го, 9-го, 11-го арtpолков, 5 этапных батальонов, 3 бронепоезда, общей численностью 15 тыс. штыков и сабель, 130 орудий, что не только подтверждает равенство сил, но и говорит о превышении численности польских войск¹³.

Польская Полесская группа расположилась от оз. Ореховое (юго-западнее Малориты) до Воробьяна (22 км. северо-западнее Бреста). Для своего размещения войска использовали старые русские укрепления и немецкие траншеи времён Первой мировой войны. В целом линия обороны протянулась на 75 км¹⁴. Оборона была подготовлена заблаговременно и тщательно продумана. Непосредственно крепость с фортами и полевыми позициями занимала группа подполковника Я. Слупского, основой которой был усиленный артиллерией и бронепоездами 32-й пехотный полк (1,5 тыс. чел., 20 ор.)¹⁵. Ему была придана 4-я этапная (маршевая) бригада (2,5 тыс. чел., 20 ор.), три батальона которой разместились в фортах, а два — в цитадели. К северу от крепости 2-й советской СД (три бригады) противостояла 16-я польская ПД (три полка — 3,5 тыс. чел., 32 ор.). 10-й советской СД (три бригады) — бригада Горской дивизии (два полка — 2,0 тыс. чел., 20 ор.). Еще один (1 тыс. чел., 4 ор.) был выделен в резерв Полесской группы и размещен в форте «Граф Берг». Запоздавшей к штурму 57-й советской СД (две бригады) противостояла 17-я пехотная бригада 9-й ПД в составе трех полков (3 тыс. чел., 28 ор.)¹⁶.

24 июля войска левого крыла 16-й армии вышли на подступы к Пружанам и Березе, но были задержаны упорными трехдневными боями с отошедшей сюда от Бобруйска 14-й Великопольской дивизией полковника Д. Конажевского¹⁷. В подробном исследовании А. Грицкевича под редакцией А. Тараса она неверно именуется 1-й Великопольской, хотя переименование прошло еще 10 декабря 1919 г. Также ошибоч-

---

¹³ Какурин Н. Е. Гражданская война в России: Война с белополяками. М.: АСТ, 2002. Пр. 1. Гл. X; Пр. 19. Гл. VIII; С. 441. Encyklopedia wojskowa. T. I. Warszawa: Wydawnictwo Towarzystwa Wiedzy Wojskowej i Wojskowego Instytutu Naukowo-Wydawniczego, 1931. S. 454–455.

¹⁴ Грицкевич А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. С. 268.

¹⁵ Horasymow S. Zarys historii wojennej 32-go Pułku Piechoty. Warszawa: Polska Zjednoczona, 1928. S. 20.

¹⁶ Odziemkowski J. Leksykon wojny polsko-rosyjskiej 1919–1920. Warszawa: «Rytm», 2004. S. 62–63; Encyklopedia wojskowa. T. I. Warszawa: Wydawnictwo Towarzystwa Wiedzy Wojskowej i Wojskowego Instytutu Naukowo-Wydawniczego, 1931. S. 454–455.

¹⁷ Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война. 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002. С. 455–456.

но упоминается 21-я горнострелковая дивизия. В период отступления и боев под Брестом она именовалась Горской дивизией, а не 21-й, какой она стала лишь 10 августа¹⁸. На протяжении трех дней 8-я и 10-я СД РККА безуспешно пытались прорвать оборону противника на участке Пружаны — Береза. Объединив под своим командованием отступающие и выходящие из окружений войска, в т. ч. 37-й пехотный и 4-й уланский полки, Конажевский подготовил по реке Ясельда крепкий рубеж. В это время под Свислочью группа генерала В. Юнга была разбита и отступала под натиском правого крыла 16-й армии. Между группами Юнга и Конажевского, к северу от Пружан, образовался разрыв, куда были введены 2-я и 17-я СД РККА¹⁹. 27 июля совместными усилиями 8-й СД с фронта и 2-й СД с тыла Пружаны были освобождены. Одновременно 10-я СД овладела Березой. Группа Конажевского попала в окружение. Вечером 27 июля польское главное командование прислало генералу Сикорскому в Кобрин приказ об отходе его группы в район Бреста и удержании там большого плацдарма на восточном берегу Западного Буга как основы для будущей наступательной операции²⁰. С утра 28 июля левое крыло 16-й армии в составе 8-й и 10-й СД, преследуя разбитые части 14-й ПД, стало быстро продвигаться к Кобрину. Навстречу советским войскам поляки бросили 31-ю пехотную бригаду из Полесской группы. 32-я бригада срочно была снята из-под Дрогичина и направлена в Кобрин, а 32-й пехотный полк — в Брест, где приступил к организации обороны. Горская дивизия Полесской группы также направилась к Кобрину, но на марше развернута в Брест. 28–29 июля разбитые 14-я и 16-я ПД поляков прикрываясь сильными арьергардами и двумя бронепоездами отступали к Бресту. Попытка удержаться под Кобриным полякам не удалась. Утром 29 июля к Бресту двинулись главные силы Полесской группы. Попавшая в полуокружение 14-я польская ПД прорвала у с. Лышицы слабый заслон в виде 24-й бригады 8-й СД, попытавшейся преградить ей дорогу, и через Брест вышла к северу от крепости и заняла позиции по левому берегу Буга. За ней отходила и 16-я ПД. 29 июля в связи с успешным продвижением 16-й армии к Бугу, 2-я СД РККА после зачистки Пружанского уезда, была выведена в армейский резерв севернее Бреста, в район Видомль — Богдюки.

Генерал Сикорский со штабом Полесской группы прибыл в Брестскую крепость в ночь с 28 на 29 июля. К полудню 30 июля войска По-

---

¹⁸ Грицкевич А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. С. 267.

¹⁹ Odziemkowski J. Leksykon wojny polsko-rosyjskiej 1919–1920. Warszawa: «Rytm», 2004. S. 61.

²⁰ Odziemkowski: Leksykon bitew polskich 1914–1920. Pruszków: «Ajaks», 1998. S. 30.

лесской группы достигли указанных им позиций²¹. 16-я ПД задержалась для организации обороны на р. Лесна, но 31 июля была еще раз разбита и отошла за Буг. Бригада 9-й ПД сражалась с Мозырской группой РККА юго-восточнее Бреста. Несколько малочисленных кавалерийских полков являлись мобильным резервом польских соединений. Горская дивизия и группа Слупского заняли боевые позиции в крепости. 30 июля Пилсудский запросил командующего Полесской группой генерала Сикорского — сколько времени может держаться Брест. Последний гарантировал ему 10-дневный срок²².

По первоначальному замыслу Варшавской операции 16-й армии предписывалось форсировать Буг севернее Бреста и наступать на Варшаву, а Мозырской группе взять Брест. Ввиду запоздания Мозырской группы, избегая оставлять сильный укрепленный район, насыщенный войсками противника в тылу, командующий Западным фронтом приказал 16-й армии овладеть крепостью²³. Выполнение задачи было возложено на левофланговую дивизию 16-й армии (10-я СД) и дивизию армейского резерва (2-я СД). 30 июля к расположению польских войск приблизились две советские дивизии: с востока — 10-я, с северо-востока — 2-я. Ещё севернее, на Немиров, наступала 8-я СД, получившая задачу переправиться через Западный Буг и захватить район Бяла-Подляска. Чуть позже с юго-востока подошла дивизия Мозырской группы — 57-я.

Численный состав 2-й дивизии РККА на 1 августа составлял — 12 тыс. человек списочного состава, 4500 штыков, 99 пулеметов, 32 орудия. Ей предстояло одновременно с достижением крепостных укреплений, выйти на реку Западный Буг севернее крепости²⁴.

К концу дня 30 июля соединения 16-й армии достигли реки на участке от Немирова до Брест-Литовска. К 1.00 передовая 6-я бригада 2-й СД под командованием комбрига А. Г. Кимундуриса с боем заняла деревни Демянчицы и Коростичи (25 км. севернее Бреста) и начала переправу на западный берег реки Лесна. Ночным маршем бригада преодолела 12 верст и утром 31 июля атаковала Большие и Малые Мотыкалы, где держал оборону 58-й польский пехотный полк. Ему помогал 64-й поль-

---

²¹ Грицкевич А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. С. 267–268.

²² Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война. 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002. С. 455–456; Пилсудский Ю. 1920 год // Пилсудский против Тухачевского. Сб. М.: Воениздат, 1991. С. 182.

²³ Какурин Н. Е. Гражданская война в России: Война с белополяками. М.: АСТ, 2002. С. 310; Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война. 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002. С. 455–456.

²⁴ Какурин Н. Е. Гражданская война в России: Война с белополяками. М.: АСТ, 2002. С. 310, Пр. 19. Гл. VIII.

ский полк при поддержке бронепоезда «Danuta». К полудню 31 июля красноармейцы выбили поляков из Мотыкал²⁵. Без передышки части 6-й бригады наступали на Брест. 30–31 июля артиллерия 16-й армии вела мощный обстрел крепости. К исходу дня 31 июля 2-я СД в ожесточенном бою отбросила 16-ю ПД поляков на западный берег Буга северо-западнее Бреста и очистила левобережье от панских войск²⁶.

В штурме Бреста выдающуюся роль сыграл 18-й стрелковый полк красного командира Федора Судакова²⁷. Еще 31 июля, после боя у Мотыкал, он первый в ожесточенном бою форсировал реку Лесна, разбил 64-й и идущий к нему на помощь 66-й польские полки и овладел деревней Клейники. Вслед за ним, у Шумаков, сумел переправиться 17-й полк, но был контратакован подразделениями 14-й польской дивизии из Колодно и отошел на северный берег, оставив красноармейцев Судакова сражаться в окружении превосходящих сил врага у Клейников. В ходе боя был ранен командир 17-го полка РККА. Разведчики 5-й бригады наткнулись на разъезды 4-го уланского полка под Пратулином и Колодно. В 23.30 во время дождя 17-й полк под командованием М. И. Докуки атаковал Шумаки и овладел деревней, захватив много пленных²⁸. Поляки вновь контратаковали 17-й полк. В ночь на 1 августа, после введения в бой 16-го стрелкового полка, 6-я бригада РККА пошла на штурм польских позиций в деревне Шумаки. Опорный пункт, пять раз переходил из рук в руки, но, несмотря на поддержку двух польских бронепоездов, к утру 1 августа остался за Красной армией. 66-й полк, понесший большие потери, отошел за Буг у с. Непле²⁹. В 8.30 17-й полк выбил поляков из д. Костичи³⁰. Поляки по позициям 6-й бригады в Шумаках и Клейниках открыли мощный артиллерийский огонь из фортов Козловичи (№ 1) и Дубровка (№ 8). Опираясь на 63-й полк, заблаговременно занявший оборону,

---

²⁵ Российская Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Памятка 3-х летнего существования 17-го Стрелкового полка 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии. 8 сентября 1918 года — 8 сентября 1921 года. Калуга: Госиздательство. Калужское отделение, 1921. С. 21–22; Rogaczewski K. Zarys historii wojennej 64-go Grudziądzkiego Pułku Piechoty. Warszawa: Polska Zjednoczona, 1929.

²⁶ Грицкевич А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. С. 269.

²⁷ Терентьев В. О. Генерал Ф. П. Судаков: от студента до командира полка Красной армии (1914–1920 годы) // «Гражданская война. Многовекторный поиск гражданского мира». Новосибирск: НГПУ, 2018. С. 182–186.

²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 5 (2). Д. 2833.

²⁹ Jankiewicz W. Zarys historii wojennej 66-go Kaszubskiego Pułku Piechoty. Warszawa: Polska Zjednoczona, 1929. С. 18–19.

³⁰ Российская Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Памятка 3-х летнего существования 17-го Стрелкового полка 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии. 8 сентября 1918 года — 8 сентября 1921 года. Калуга: Госиздательство. Калужское отделение, 1921. С. 21–22.

64-й и 66-й польские полки отошли на левый берег Буга. Вскоре на этом направлении в бой вступила 5-я бригада 2-й СД.

По плану штурма 10-я СД должна была атаковать группу Слупско-го «в лоб» — с востока на участке Тушеница — р. Мухавец). Задачей подходившей 57-й СД было удержание польских сил к югу от Мухавца. Основная задача ложилась на резервную 2-ю СД. Одной передовой бригадой она должна была взять штурмом северный узел крепости, а другой — форсировать Буг северо-западнее и обойти Брест с запада. Еще одна бригада предназначалась для усиления результатов на том или другом направлении. Брестскую цитадель окружали два пояса фортов, которые требовалось прорвать для овладения городом. Лишь северный, наиболее сильный, узел, связывал воедино оба пояса. После овладения 1-м и 8-м фортами на пути к цитадели лежал только устаревший «Граф Берг»³¹. На них и был направлен основной удар 6-й бригады 2-й СД.

В 12.00 1 августа после артподготовки части 10-й СД при поддержке броневиков атаковали правобережные форты северо-восточного участка вдоль железнодорожной линии³². Основные силы группы Слупско-го сконцентрировались для отражения удара. В фортах северного узла остался один этапный батальон и артиллерийские подразделения. Первый штурм был отбит.

В 14.00 с севера от Клейников решительно атаковал 18-й стрелковый полк 2-й СД. Красноармейцы Ф. Судакова заставили подразделения 66-го польского полка отступить. Преследуя противника, они атаковали форт № 1 (Козловичи, по польскому обозначению — «Ржещица»). За ними, на Козловичи выступили 17-й и 16-й полки³³. Брест-Литовский форт № 1 представлял собой серьезное современное укрепление. Он был построен в 1878–1880 гг., усовершенствован в 1909 г., состоял из 10 казематов, 23 орудий, множества дополнительных укреплений (в их числе две батареи, оборонительная казарма, пороховой погреб). Рядом находился подорванный при отступлении русской армии в 1915 г., но сохранивший высокую боеспособность, форт «А» (построен в 1912–1915 гг.). Форт № 1 оборонялся 2-м Познанским этапным (маршевым) батальоном³⁴. 18-й стрелковый полк под руководством Федора Судакова

³¹ Форт V и другие форты Брестской крепости. Брест: Полиграфика, 2009.

³² Migdał L. Zarys historii wojennej 2-go pułku Strzelców Podhalańskich. Warszawa: «Polska Zjednoczona», 1929. С. 21–22.

³³ Историческая памятка боевых действий 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии. Калу-га: Госиздательство. Калужское отделение, 1921; Кимундрис А. Т. Из боевой жизни 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии РККА // Сборник воспоминаний к 4-й годовщине РККА. М.: ВВРС, 1922. С. 66–68.

³⁴ Бешанов В. В. Брестская крепость. Правда о «бессмертном гарнизоне». М.: Язуз: Эжмо, 2012. С. 121.

Ил. 2. Фотография начдива
2-й СД Р. Лонгва

стремительной атакой, невзирая на ураганный огонь противника, ворвался и захватил форт № 1, отбросив поляков к цитадели³⁵. Успех 6-й бригады был развит 4-й бригадой. Она была введена в бой в направлении форта Дубровка (№ 8). Однако здесь оборонялся усиленный батальон 32-го пехотного полка при поддержке артбатареи и бронепоезда³⁶. 4-я бригада натолкнулась на упорное сопротивление, попала под огонь двух фортов, и завязла в перестрелке на ближних подступах к укреплению.

Как только этапный батальон бежал к цитадели, на 1-й и 8-й форты, из форта «Граф Берг» были брошены в контратаку батальоны Подгальских стрелков Горской дивизии при поддержке артполка³⁷. Два батальона безуспешно пытались выбить красноармейцев из форта № 1. Но 4-я советская бригада к вечеру 1 августа оставила форт и под натиском превосходящих сил противника отошла к реке Лесна. 17-й и 18-й полки 6-й бригады вновь оказались в окружении. Они заняли круговую оборону в форте № 1, и отбили несколько атак 1-го полка Подгальских стрелков. К месту боя прибыл начдив Р. Лонгва (за что позже был награжден орденом Красного Знамени). Поляки сконцентрировали у Козловичей значительные силы из горских, пехотных и маршевых подразделений, подтянули бронепоезд и несколько батарей прямой наводки. Они перерезали связь полков с дивизией и атаковали форт. Под руководством начдива Лонгвы и комполка Судакова героический 18-й полк отбил три атаки, понеся при этом потери более 200 человек³⁸. Федор Павлович сам был ранен, но не покинул позиции.

В 15.00 части 10-й СД вновь атаковали город с востока. Они вели ожесточенные бои с 32-м пехотным и 2-м полком Подгальских стрелков за форт № 10. Сначала благодаря успехам 2-й СД советские войска вы-

³⁵ Encyklopedia wojskowa. T. I. Warszawa: Wydawnictwo Towarzystwa Wiedzy Wojskowej i Wojskowego Instytutu Naukowo-Wydawniczego, 1931. S. 454–455.

³⁶ Horasymow S. Zarys historii wojennej 32-go Pułku Piechoty. Warszawa: Polska Zjednoczona, 1928. S. 20.

³⁷ Bober R. Zarys historii wojennej 1-go Pułku Strzelców Podhalańskich. Warszawa: Polska Zjednoczona, 1929. S. 22.

³⁸ Историческая памятка боевых действий 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии. Калуга: Госиздательство. Калужское отделение, 1921; Кимундрис А. Т. Из боевой жизни 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии РККА // Сборник воспоминаний к 4-й годовщине РККА. М.: ВВРС, 1922. С. 66–68.

били поляков из форта, но в ходе ожесточенной контратаки Подгальские стрелки вновь вернули укрепление³⁹. Завязались бои за форты № 3 и № 9. Во второй половине дня части 2-й и 10-й СД прорвали полевые укрепления 32-го польского полка, обошли форт № 2 и ворвались в город⁴⁰. 32-й польский полк не выдержал огня советских войск, оставил укрепления и бежал в цитадель. В районе Граевских предместий завязались тяжелые бои. К 19.00 Подгальские стрелки отбили Граевские казармы и форт № 2⁴¹. С наступлением сумерек

Ил. 3. Фотография командующего Полесской группой генерала Сикорского

4-я советская бригада вновь пошла на штурм форта № 8. 12-й красноармейский полк окружил сам форт, а 13-й полк обошел его от Лысой горы, выйдя к аэродрому. Перебросив часть сил 1-го полка Подгальских стрелков от Козловичей в район Адамкова хутора, поляки контратаковали и окружили 13-й полк. На него же переключился и вражеский бронепоезд. Однако оказать действительную помощь 8-му форту поляки уже не могли, поскольку сами оказались под огнем 6-й красноармейской бригады с форта № 1. Около 22.00 12-й стрелковый полк занял оставленный поляками 8-й форт. В 22.00 командующий Полесской группы генерал Сикорский отдал приказ об отходе польских войск на левый берег Буга. Таким образом в течение 1 августа 2-я и 10-я СД совместными усилиями в тяжелых боях овладели правобережными фортами крепости. Бытующие в ряде популярных изданий сведения, о занятии фортов Брестской крепости советскими войсками **без боя** не соответствует действительности⁴². Так же победные реляции об успехах двух польских батальонов, которым удалось выбить красноармейцев не только из захваченных фортов, но и из города не находят отражения в источниках и не соответствуют последующим событиям, поскольку здесь же указывается, что Подгальские стрелки пробивались в цитадель

³⁹ Migdał L. Zarys historii wojennej 2-go pułku Strzelców Podhalańskich. Warszawa: Polska Zjednoczona, 1929. С. 21–22.

⁴⁰ Szlakiem oręża polskiego; vademecum miejsc walk i budowli obronnych. Т. 2. Poza granicami współczesnej Polski. Warszawa: «Gamb», 2005. S. 68.

⁴¹ Bober R. Zarys historii wojennej 1-go Pułku Strzelców Podhalańskich. Warszawa: Polska Zjednoczona, 1929. S. 23.

⁴² Грицкевич А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. С. 269.

через город, занятый «красными»⁴³. К исходу дня оба форта, и № 1, и № 8, крепко удерживались частями 2-й СД⁴⁴. Причиной паники и отхода поляков, а также приказа Сикорского, послужили успешные действия Красной армии и крах северного участка обороны крепости. Отступающие польские солдаты этапных батальонов и 32-го полка, а также появившиеся в центре города красноармейцы, вызвали панику среди тыловых служб и обозников, которые устремились к мостам на Западном Буге⁴⁵.

Польские историки, а по их стопам и ряд современных популяризаторов заявляют, что стрелкам Горской дивизии пришлось штыками пробиваться через город, уже занятый советскими войсками⁴⁶. Это несколько преувеличенное утверждение, поскольку к моменту приказа на отход, советские войска еще не вышли к мостам, а Подгальские полки вели бой в окрестностях цитадели. С усилиями пробиваться к мостам им пришлось через толпы своих обозов, паникеров и тыловиков, а в боевом прорыве через город участвовал лишь один батальон из 2-го Подгальского полка.

Многие исследователи считают, что крепость была покинута поляками в ночь с 1 на 2 августа⁴⁷. В действительности не менее жаркие бои РККА с Полесской группой продолжались 2 августа не только в цитадели, но и в ближайших окрестностях. Пилсудский считал необходимым нанести контрудар по Бресту силами 17-й бригады и 4-го Подгальского полка. Для этого предполагалась оборона цитадели до 4 августа. Оборона цитадели рассматривалась как важнейшее событие сражения на Буге. В отчаянии командующий Юго-восточным польским фронтом генерал Рыдз-Смиглы требовал удержания цитадели «не считаясь с потерями, хотя бы в конце-концов весь ее гарнизон был потерян»⁴⁸.

---

⁴³ Migdał L. *Zarys historii wojennej 2-go pułku Strzelców Podhalańskich*. Warszawa: «Polska Zjednoczona», 1929. С. 21–22; Грицкевич А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. С. 8,269.

⁴⁴ Историческая памятка боевых действий 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии. Калуга: Госиздательство. Калужское отделение, 1921; Кимундрис А. Т. Из боевой жизни 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии РККА // Сборник воспоминаний к 4-й годовщине РККА. М.: ВВПС, 1922. С. 66–68.

⁴⁵ Migdał L. *Zarys historii wojennej 2-go pułku Strzelców Podhalańskich*. Warszawa: «Polska Zjednoczona», 1929. С. 21–22.

⁴⁶ Odziemkowski J. *Leksykon wojny polsko-rosyjskiej 1919–1920*. Warszawa: «Rytm», 2004. С. 63; Грицкевич А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. С. 269.

⁴⁷ Odziemkowski J. *Leksykon wojny polsko-rosyjskiej 1919–1920*. Warszawa: «Rytm», 2004. С. 63; Грицкевич А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. С. 269.

⁴⁸ Операции на Висле в польском освещении. Сб. статей и документов. Под ред. С. Р. Будкевича. М.: ГВИ, 1931. С. 94–95, 118–120.

Не давая передышки полякам, в ночь на 2 августа 2-я и 10-я СД приступили к подготовке и штурму цитадели. 17-й стрелковый полк 2-й СД ночью атаковал автомобильный мост и к утру 2 августа занял оборону по восточному берегу Буга⁴⁹. Рано утром 2 августа 18-й стрелковый полк РККА пошел на штурм форта «Граф Берг», занятый гарнизоном Подгальских стрелков. Форт «Граф Берг» был построен в 1869–1872 гг., перестроен в 1911–1914 гг., состоял из складов и казарм. Он находился в непосредственной близости от Северного укрепления Брестской крепости и защищал северные подходы к железнодорожной линии. В ходе боя поляки не удержали центральный форт Бреста и бежали в цитадель. За ними устремилась вся 6-я советская бригада. Полк Ф. Судакова первый ворвался на плечах отступающих поляков в Северное укрепление Брестской крепости. К полудню цитадель была захвачена советскими войсками⁵⁰. План польского командования по удержанию цитадели, как опорного пункта для контрнаступления, окончательно провалился.

В это время другие дивизии 16-й армии приступили к форсированию Буга у Немирова и северо-западнее Бреста. В 9.00 2 августа 17-й полк 2-й СД вел ожесточенный бой у железнодорожного моста с подразделениями 64-го полка (на западном берегу) и прорывающимися из крепости частями при поддержке бронепоезда «General Listowski». К 11 часам рота красноармейцев захватила предмостное укрепление на восточном берегу Буга и заняла плацдарм на западном. До 14 часов шел ожесточенный бой за железнодорожный мост. Советской артиллерией был подбит паровоз польского бронепоезда. Экипаж бежал, подбитый бронепоезд был захвачен Красной Армией⁵¹. Одновременно 4-я бригада завершала бой за железнодорожный узел. Здесь держал оборону смешанный польский отряд из артиллеристов и пехотинцев. После короткого боя красноармейцы заняли вокзал, станцию и вышли к цитадели. К 22.00 последние польские войска оставили цитадель и стали отходить на запад. Навстречу им ударили 64-й пехотный полк и бригада Горской дивизии при поддержке бронепоезда «Danuta»⁵². 17-й стрелковый полк

⁴⁹ Российская Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Памятка 3-х летнего существования 17-го Стрелкового полка 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии. 8 сентября 1918 года — 8 сентября 1921 года. Калуга: Госиздательство. Калужское отделение, 1921. С. 23.

⁵⁰ Операции на Висле в польском освещении. Сб. статей и документов. Под ред. С. Р. Будкевича. М.: ГВИ, 1931. С. 95.

⁵¹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 5 (2). Д. 2833; Российская Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Памятка 3-х летнего существования 17-го Стрелкового полка 6-й бригады 2-й стрелковой дивизии. 8 сентября 1918 года — 8 сентября 1921 года. Калуга: Госиздательство. Калужское отделение, 1921. С. 23.

⁵² Rogaczewski K. Zarys historii wojennej 64-go Grudziądzkiego Pułku Piechoty. Warszawa: Polska Zjednoczona, 1929. С. 23–24.

Ил. 4. Захваченный Красной армией польский бронепоезд № 21

РККА вел тяжелый бой за железнодорожную переправу с Подгальской бригадой. К полуночи он был вынужден отойти на восточный берег, но упорные попытки поляков прорваться через железнодорожный мост были отбиты⁵³. 2 августа части 2-й и 10-й дивизий полностью очистили Брест-Литовск от поляков и заняли позиции по правому берегу реки Западный Буг. Отходящим с южного участка обороны крепости 3-му и 4-му Подгальским полкам пришлось форсировать Буг южнее крепости⁵⁴. В ходе боев 2-я СД захватила многочисленные трофеи, в т. ч. польский бронепоезд № 21 «General Listowski»⁵⁵. Комбриг Кимундуриц был награжден орденом Красного Знамени.

В это же время соединения 16-й армии вели упорную борьбу с противником на рубеже Зап. Буга. К 1 августа за Буг отошли сильно потрепанные и поредевшие части отступивших польских дивизий, которые здесь оперлись на новые формирования из добровольцев и запасных частей. Первые попытки переправы через Буг окончились неудачей. Советские войска успешно захватили плацдармы, но, вскоре, под натиском восстановленных сил противника вынуждены были их оставить. 2-я СД после взятия Бреста вновь была выведена в армейский резерв.

⁵³ Bober R. Zarys historii wojennej 1-go Pułku Strzelców Podhalańskich. Warszawa: Polska Zjednoczona, 1929. S. 23.

⁵⁴ Dąbrowski O. Zarys historii wojennej 3-go Pułku Strzelców Podhalańskich. Warszawa: Polska Zjednoczona, 1929. С. 14–15.

⁵⁵ Бешанов В. В. Брестская крепость. Правда о «бессмертном гарнизоне». М.: Яуза: Эксмо, 2012. С. 121.

Однако, после того как 3 августа противник отбросил на правый берег Буга части 17-й дивизии РККА 2-я СД была направлена к плацдарму 8-й СД. Но последняя плацдарм также не удержала. 2-я СД успешно содействовала ей в переправе обратно на правый берег⁵⁶. Одновременно 6-я бригада 2-й СД вела бои за удержание переправ через Буг в районе Бреста. 4 августа, когда соединения 16-й армии с боями отходили с плацдармов, части 2-й и 10-й СД отбросили польские войска Подгальской бригады, 64-го пехотного полка и 19-го уланского полка на западный берег Буга и овладели Тираспольскими укреплениями Брестской крепости⁵⁷. В ожесточенных боях дальнейшее продвижение советских частей было остановлено поляками⁵⁸. В этих боях краском Федор Судаков был вторично ранен и направлен в Брестский госпиталь. Он показал себя бесстрашным бойцом и решительным командиром. Впоследствии, став генералом РККА, ему вновь пришлось сражаться на белорусской земле, защищая ее от гитлеровских захватчиков⁵⁹. Одновременно был ранен и начдив, позже переведенный командовать создаваемой Польской Красной Армией. 5–6 августа, в связи с угрозой прорыва поляков, 6-я бригада РККА заняла оборону в крепости и готовилась к отражению штурма. Отдельными частями и даже подразделениями 2-я СД оказывала помощь соседним соединениям РККА. До 7 августа шла Битва над Бугом. Вскоре, собравшись с силами советские войска отбросили польские войска за Буг, и продолжили наступление на Варшаву⁶⁰.

Красная Армия, применив сосредоточение сил на узловом участке обороны с отвлечением значительных сил врага на второстепенных направлениях, смогла разгромить превосходящие силы Полесской группы врага, взять опорную крепость, и, в итоге, форсировать Буг. Падение

---

⁵⁶ Какурин Н. Е. Случайность в боях Гражданской войны. // Гражданская война 1918–1921 гг. В 3-х т. Т. 1. Боевая жизнь. М.: Военный вестник, 1928. С. 302–311.

⁵⁷ Операции на Висле в польском освещении. Сб. статей и документов. Под ред. С. Р. Будкевича. М.: ГВИ, 1931. С. 97.

⁵⁸ Bober R. Zarys historii wojennej 1-go Pułku Strzelców Podhalańskich. Warszawa: Polska Zjednoczona, 1929. S. 24.

⁵⁹ Терентьев В. О. Боевые действия 66-го стрелкового корпуса РККА под командованием генерал-майора Ф. П. Судакова на Речицком направлении летом 1941 г. // Рэчыцкі край: да 150-годдзя з дня нараджэння Мітрафана Доунара-Запольскага. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Гомел. дзярж. ун-т ім. Ф. Скарыны. Мінск: Беларуская навука, 2019. С. 358–369. Терентьев В. О. Тыл Центрального фронта под руководством генерал-майора Ф. П. Судакова (август 1941 г.) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Ч. 1. Актуальные проблемы новейшей истории и историографии. М.: «Перо»; Вольск: ВВИМО, 2019. С. 122–127.

⁶⁰ Операции на Висле в польском освещении. Сб. статей и документов. Под ред. С. Р. Будкевича. М.: ГВИ, 1931. С. 145; Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война. 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002. С. 460–461.

Бреста имело серьезные последствия: срыв план контрманевра Пилсудского и дальнейший отход польских войск на Украине за Буг⁶¹. Утрата Бреста вызвала шок в штабе 3-й польской армии в Ковеле, где в это время находился сам Пилсудский. Попытка удержания цитадели и последующие контрудары на Брест свежими силами были парированы 2-й СД. Красная Армия, преследуя разбитые польские войска, дошла до Варшавы, но в ходе нового мощного контрнаступления группы армий Пилсудского Польша смогла остановить наступление советских войск, нанести им поражение и достигнуть перелома в ходе войны. Контрнаступление, начавшееся через две недели после взятия Бреста советскими войсками, в общих чертах повторяло июльский план Пилсудского, который в свою очередь опирался на успешное германо-австрийское наступление 1915 г. Но главком Каменев и комфронта Тухачевский тогда не до конца оценили угрозу и допустили катастрофу Западного фронта в августе. К поражению РККА привели общая усталость войск, растянутость фронта и коммуникаций, перегруз небоевым составом, громоздкость структуры, отсутствие пополнения, снижение эффективности и качества снабжения, в совокупности с преждевременной эйфорией командования и неоправдавшейся надеждой на поддержку польского пролетариата и крестьянства. Среди причин поражения РККА были и высокие потери, понесенные в ходе штурма Бреста. Так боевые силы, РККА штурмовавшие Брест уменьшились на 25–30%, а польские, несмотря на большие потери, увеличились за счет великопольских и малопольских добровольцев до 23,5 тыс. штыков и сабель⁶². Большую роль сыграл также переход Красной Армии с комплементарный белорусской этнической территории на антироссийскую польскую. Тактический успех под Брестом вскоре затмило стратегическое поражение Красной армии и ее отход до Минска и Киева. По результатам войны к Польше отошли обширные территории западной Белоруссии и Украины, что на 20 лет разделило белорусский и украинский народы на две части — польскую и советскую.

Список литературы

- Грицкевич А. П.* Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010.
- Какурин Н. Е., Вацетис И. И.* Гражданская война. 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002.
- Какурин Н. Е.* Гражданская война в России: Война с белополяками. М.: АСТ, 2002.

---

⁶¹ *Какурин Н. Е., Вацетис И. И.* Гражданская война. 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002. С. 455–456.

⁶² *Какурин Н. Е.* Гражданская война в России: Война с белополяками. М.: АСТ, 2002. С. 313.

Пилсудский против Тухачевского. Сб. М.: Воениздат, 1991.
Операции на Висле в польском освещении. Сб. статей и документов. Под ред. С. Р. Буд-
кевича. М.: ГВИ, 1931.

Viacheslav Olegovitch TERENCEV

Ph. D. in History (kandidat istoricheskikh nauk), Associate Professor of the Department of National history, political science and sociology, Head of the University Museum, (docent), Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (St. Petersburg, Russia)

E-mail: terehv@mail.ru

The assault of Brest by the Red Army on August 1, 1920, was one of the key events of the Soviet-Polish war, which has been undeservedly forgotten by the present time. J. Pilsudsky considered Brest-Litovsk as a strong point for a future counter-offensive against Tukhachevsky's armies. The capture of Brest and the defeat of the Polish Polesye military group, almost equal in number, allowed the Soviet troops to disrupt the plans of the Polish command on the Western front, to force the Bug and to develop their offensive against Warsaw. The success in Brest was soon overshadowed by the strategic defeat of the Red Army and its retreat to Minsk and Kiev. However, though the Polish commanding had had great expectations towards Brest, the Soviet commanders' confident and professional activities, as well as the Red Army's tenacity and valour, ensured the rapid seizure of that powerful fortress. The present article for the first time in the Russian historical science provides a complex analysis of those events, having significant military and historical value and representing an interesting example of the art of war the Red Army, basing on both Russian and Polish historical sources.

Keyword: Soviet-Polish war, 1920, Brest, 2nd Rifle division, Red Army, Soviet Russia, Poland, Brest fortress, fortification, assault, Sudakov.

УДК 94 (438).081
ББК 63.3 (4ЕПол)

Владимир Здзислав НОВАК

доктор, адъюнкт Институт наук о безопасности
Факультет социальных наук, Естественно-гуманитарный университет
в Седльце (Седльце, Польша)

E-mail: wlodzimierz.nowak@vp.pl

БОИ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК С КАВАЛЕРИЕЙ СЕМЕНА БУДЕННОГО В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ И В РАЙОНЕ ЗАМОСТЬЯ (4–31 АВГУСТА 1920 Г.)

В боях под Берестечком и Бродами польские и советские войска понесли тяжелые потери и приостановили наступательные действия на несколько дней. Падение Бреста повлекло за собой отступление польских войск на рубеж Буга. После боя под Бродами Буденный под давлением Сталина не выполнил приказ Тухачевского и безуспешно штурмовал Львов и Замосць. Затем он был разбит 1-й польской кавалерийской дивизией полковника Юлиуша Руммеля под Комаровом 31 августа 1920 г.

Ключевые слова: Войско Польское, кавалерия Буденного, Восточная Галиция, бой под Комаровом, полковник Ю. Руммель.

Введение

После окончания боев в районе Берестечка и Бродов¹ 4 августа 1920 года командующий Юго-Восточным фронтом польской армии генерал Эдвард Рызд-Смиглы отдал оперативный приказ², в котором говорилось, что 1-я конная армия, «разбитая 2-й и 6-й [польскими — *В. Н.*] армиями, отступала к Кременцу». Далее, «в связи с ситуацией на севере» он приказал «перебросить более крупные силы», подготовленные командованием Юго-Восточного фронта. Речь шла о штабах 2-й армии и Оперативной конной группы (ОКГ), а также о пехотных и кавалерийских соединениях: 18-й пехотной дивизии, 65-м пехотном полку, 2-й кавалерийской дивизии и 4-й кавалерийской бригаде. В связи с эти-

¹ РГВА. Управление 1-й конной армией. Оперативные приказы войскам, приказания штаба 1-й конной армии. Ф. 245. Оп. 3. Д. 168. Л. 1–7; Архив Института Юзефа Пилсудского в Лондоне, коллекция № 169 ген. Орлича-Дрешера.

² Rozkaz operacyjny dowództwa Frontu Południowo-Wschodniego L. dz. 2470/III z 4 sierpnia 1920 r. Zob. *Bitwa lwowska 25 VII — 18 X 1920. Dokumenty operacyjne. Cz. I (25 VII — 5 VIII)*. Red. M. Tarczyński. Warszawa, 2002, s. 872–874.

ми мероприятиями были проведены соответствующие перегруппировки отдельных соединений. 1-я пехотная дивизия легионов и ОКГ были подчинены 3-й польской армии, но должны были оставаться в распоряжении командующего 2-й армией до тех пор, пока штаб генерала Зигмунта Зелиньского не установит с ними телефонную связь. 6-я пехотная дивизия перегруппировалась дальше на юг и приняла у 18-й пехотной дивизии район Бродов³. Приказ также регулировал вопросы перемещения по железной дороге 18-й пехотной дивизии и 65-го пехотного полка из Бродов в Модлин и 2-й кавалерийской дивизии из Стоянова⁴.

На основании приказа генерала Рьдз-Смиглого генерал Ян Савицкий издал свои распоряжения, согласно которым 1-я кавалерийская дивизия должна была обеспечить безопасность на участке реки Стырь от Речка до Хуциско Ивански включительно⁵. Тогда же была реорганизована ОКГ. В 1-ю кавалерийскую дивизию вошли 6-я (1-й, 9-й и 14-й уланские полки) и 4-я кавалерийские бригады (16-й уланский полк, 1-й легкоконный полк), а во 2-ю кавалерийскую дивизию вошли 1-я (2-й легкоконный полк, 5-й и 17-й уланские полки) и 3-я кавалерийские бригады (8-й, 11-й и 12-й уланские полки)⁶.

Из-за того, что значительная часть войск должна была быть отправлена на Северный фронт, а информация о том, кто, где и кому должен подчиняться, не передавалась, возник организационный хаос. Лишь сообщения дозоров о быстром приближении противника повлияли на ускорение подготовки к движению⁷.

---

³ Przegrupowanie poszczególnych oddziałów odbywało się w myśl słynnego rozkazu ND WP nr 8358 z 6 sierpnia 1920 r. Zob. *Bitwa Warszawska, t. 2, Bitwa nad Wisłą 7. VIII* —

⁴ Ibidem, s. 872–874; T. Machalski, *Ostatnia epopeja. Działania kawalerii w 1920 roku*, Londyn 1969, s. 136.

⁵ Dyspozycje operacyjne dowództwa Grupy Operacyjnej Jazdy L. dz. 179 z 4 sierpnia 1920 r. Zob. *Bitwa lwowska...*, s. 889.

⁶ Ibidem, s. 889–893; T. Machalski, *Ostatnia...*, s. 136.

⁷ Путаница описана в дневнике Ю. Руммель: «*На лошадях, покрытых пеной, со всех сторон летят гонцы, докладывая, что большевики идут в атаку. В конце концов, это сработало и вывело сотрудников Группы из спячки. Движение началось. Все начало загружаться и уходить. Я и капитан Прагловский, ожидая документов, остались в деревне, не имея никаких транспортных средств — даже лошадей, которых мы отправили в штаб дивизии. Генерал Савицкий, садясь в карету, попрощался со мной: “Пожалуйста, соберите как можно больше полков и остановите большевиков, чтобы дать полкам, предназначенным для погрузки, отойти в тыл. Прощайте!” Итак, он ушел. Мы с капитаном остались вдвоем. В селе больше не было ни одного солдата. Все ушли. Я даже не знал, какие полки уйти в Варшаву, а какие останутся. ... Я знал только, что фронт наших частей должен быть где-то на линии: Синьков, Руденко Ляцкий, Кустын». Zob. J. Rómmel, *Moje walki z Budiennym. Dziennik wojenny b. d-cy 1. Dywizji Kawalerii*, Lwów [b. r. w.], s. 71.*

В это время конница Буденного, сильно побитая и ослабленная, несколько дней не могла продолжать боевые действия. Не хватало продовольствия и фуража. Боеготовность советской конницы, понесшей большие потери в людях, лошадях и снаряжении, значительно снизилась⁸. Поэтому ее отвели в район Берестечко–Козин, где она немного отдохнула и подготовилась к дальнейшим действиям⁹. Буденный пришел к выводу, что 4-я и 11-я кавалерийские дивизии наиболее истощены, и решил отправить их в резерв войск советского Юго-Западного фронта под командование Александра Егорова¹⁰.

После краткого отдыха конница Буденного двинулась на Львов. 6-я и 14-я кавалерийские дивизии с 45-й стрелковой дивизией после форсирования реки Стырь должны были развить наступление в направлении Радехов — Узловое — Добротвор — Каменка-Струмилова, а 4-я и 11-я кавалерийские дивизии — в направлении Буска¹¹.

Пока штабы ОКГ и 2-й кавалерийской дивизии готовились к отправлению на север, полковник Юлиуш Руммель организовал оборону на рубеже Руденко Ляцкий — Куликов — Радехов — Лопатин с целью прикрыть погрузку частей в железнодорожный транспорт, который должен был отправляться из Каменки-Струмиловой и Кристинополя (совр. Червоноград)¹².

---

⁸ T. Różycki, *Możliwość interwencji Konnej Armii Budiennego w bitwie warszawskiej*, «Bellona» 1925, t. 19, z. 2, s. 289–290. Подробнее о балансе потерь 1-й конной армии в боях с польскими войсками с 28 июля по 13 августа 1920 г. Zob. A. Smoliński, *I Armia Konna podczas walk na polskim teatrze działań wojennych w 1920 roku. Organizacja, uzbrojenie, wyposażenie oraz wartość bojowa*, Toruń 2008, s. 161–263; tenże, *Zarys dziejów I Armii Konnej (1919–1923)*, Grajewo 2003, s. 86–87; *Kawaleria przeciwników i sojuszników Wojska Polskiego w latach 1918–1921*, red. A. Smoliński, Toruń 2003, s. 57–58.

⁹ Главнокомандующий Советской Армией Сергей Каменев издал 6 августа директиву, в которой, в частности, распорядился «дать отдых 1-й конной армии и подготовить ее к новому удару, для чего необходимо перегруппироваться на польском участке вашего фронта, чтобы пехота сменила 1-ю конную армию, которую нужно отвести в резерв для отдыха и подготовки к новому решающему удару». L. Wyszczelski, *Bitwa na przedpolach Warszawy*, Warszawa 2000, s. 162.

¹⁰ Л. Ключев. Первая конная армия на польском фронте. Л., 1925. С. 82. Решение Буденного соответствовало идее Иосифа Сталина, который планировал, как пишет Л. Выщельский, «экспорт революции иным путем, чем Троцкий, Каменев или Тухачевский, а именно через Западную Галицию, Силезию, Чехию в Австрию и на Балканы». Zob. L. Wyszczelski, *Bitwa...*, s. 158. Por. tenże, *Walki z I Armią Konną Siemiona Budiennego na Lubelszczyźnie (27 VIII — 6 IX 1920 r.)*, [w:] *Czyn zbrojny w dziejach narodu polskiego. Studia ofiarowane profesorowi Januszowi Wojtasikowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, red. P. Matusak, M. Plewczyński, M. Wagner, Siedlce 2004, s. 284.

¹¹ С. М. Буденный. Пройденный путь. Т. 2. М., 1965. С. 283–317 (схема № 7).

¹² J. Litewski i W. Dziewanowski, *Dzieje 1-go pułku ułanów krechowickich*, Warszawa 1932, s. 346.

8 августа 1920 г. уставшие от ежедневных упорных боев 9-й, 11-й и 12-й уланские полки начали отход под натиском советской 14-й кавалерийской дивизии¹³. Напор большевиков особенно усилился с тех пор, как начала действовать артиллерия противника. К вечеру поляки в панике начали отступать по дороге Антонины — Радехов. Все это заметил полковник Руммель, который собрал полуэскадрон и лично во главе группы офицеров вместе с 3-м эскадром 1-го уланского полка отразил наступление кавалеристов Буденного¹⁴. Вечером по приказу генерала Савицкого 1-я кавалерийская дивизия перешла в район Половое — Новый и Старый Витков — Сушно, заночевав там под прикрытием 8-го уланского полка¹⁵.

В это время, когда первые отряды уже начали погрузку, неожиданно пришел приказ от Главного командования Войска Польского о приостановке этих действий. Планировался удар ОКГ на Лопатин¹⁶. В соответствии с этими распоряжениями генерал Савицкий отдал приказ, согласно которому 1-я кавалерийская дивизия должна была наступать

---

¹³ T. Machalski, *Ostania...*, s. 137.

¹⁴ Полковник Роммель еще раз подтвердил, что он был командиром дивизии «с седла»: «Я обнажил саблю и скомандовал: «За мной марш!» Лава казаков была в нескольких десятках шагов. В этом пространстве можно было различить даже выражения некоторых лиц. Мы атаковали лаву. Услышав наше «ура», казаки сначала остановились, а потом бросились бежать. Началась короткая погоня, но у казаков, видимо, были хорошие и отдохнувшие лошади. Помню, в левую руку я положил саблю, а правой с трудом достал парабеллум. Перевозбужденный Перун мчался как бешеный, пожирая пространство, несмотря на тяжелую почву и неровную местность, поросшую высокой картошкой. Расстояние между мной и группой убегающих казаков быстро сокращалось. Я точно видел, как один из них, огромный негодяй с большой бородой, одетый в синий мундир Армии Халлера, подавал знаки своим подчиненным, крича: «Лови этого поляка!» После долгой погони я оглянулся, все мчались за мной, но я опередил их на несколько десятков шагов. Тем временем я дал несколько револьверных выстрелов в правую группу казаков с бородачом во главе... Выстрелы мои были, видимо, меткими, так как я видел, как один из казаков опрокинулся вместе с лошастью... Компактная группа казаков, преследовавшая меня, внезапно рассеялась, как стая воробьев, разбегаясь во все стороны. Огонь вражеских тачанок, интенсивность которого достигала максимума, затих, пули свистели все реже, наконец воцарилась тишина. Я наблюдал бегство большевиков. Все стихло. Большевицкие тачанки пытались уйти от эскадрона 1-го уланского полка, но brave креховские уланы уже яростно рубили сидящих на телегах карабинеров. Этот блестящий наступательный маневр более чем выполнил задачу прикрытия для отступления и дал моему начальнику штаба время, чтобы привести в порядок остальную часть войск». *Zob. J. Rómmel, op. cit., s. 76–77.*

¹⁵ Когда атака советской кавалерии была отражена и войска были приведены в порядок, во время сбора всей дивизии полковник Руммель резко отчитал подданных в панике солдат. Впрочем, командир 1-й кавалерийской дивизии позже заметил: «По очень смущенному выражению лиц и выражению глаз я мог ясно видеть, что такая история не повторится в будущем». *Ibidem, s. 78–80.*

¹⁶ J. Litewski i W. Dziewanowski, *op. cit., s. 348*; T. Machalski, *Ostania...*, s. 138.

через Сушно на Стоянов, а 2-я кавалерийская дивизия — прикрыть ее действия с юго-востока, сосредоточившись в Виткове, а затем перейти в район Сабановки. Речь шла о разгроме противника, действовавшего из района Стоянова, поскольку он угрожал тылу ОКГ¹⁷.

В ночь с 10 на 11 августа 1920 г. 1-я кавалерийская дивизия пыталась обойти и застать противника врасплох в Радехове. Но этот план не удался, так как большевики отвели свои войска на восток от города¹⁸. Соответственно, 2-я кавалерийская дивизия двинулась на Стоянов, а 1-я кавалерийская дивизия нанесла удар по противнику, сосредоточенному в лесу восточнее Радехова¹⁹.

Бои под Радеховым и Узловым

На рассвете 11 августа 1920 г. 1-я кавалерийская дивизия выступила в направлении на Антонины. В авангарде действовал 9-й уланский полк, который был обстрелян из леса из пулеметов. Полковник Руммель направил в лобовое наступление дополнительно 1-й уланский полк. В свою очередь, 11-й уланский полк выполнял обход от Пирятина во взаимодействии с 4-м эскадром 1-го полка, а батарея конной артиллерии располагалась в Радехове с наблюдательным пунктом на колокольне. Энергичная совместная атака 1-го и 9-го уланских полков в пешем строю при мощной поддержке артиллерийской батареи под командованием полковника Руммеля закончилась паническим бегством большевиков. Из показаний пленных следовало, что в лесу стояли два полка стрелков, хорошо оснащенные оружием и боеприпасами²⁰.

Заняв западную опушку леса, 2-й эскадрон 1-го полка двинулся по дороге Радехов — Антонины. С польской стороны было замечено, что с фронта приближается конное подразделение противника численностью около эскадрона²¹. 2-й взвод польского эскадрона устроил

---

¹⁷ Centralne Archiwum Wojskowe (dalej CAW), 314.1.3, L. dz. 322/III z 10 sierpnia 1920 r. Zob. Ibidem, s. 138. На основании этих распоряжений его приказ № 8110/3 оп. 10 августа 1920 года в 20.30 выдал командир 2-й кавалерийской дивизии, s. 158.

¹⁸ CAW, I. 314.1.3, s. 165. На рассвете 11 августа 1920 года патрули 9-го уланского полка сообщили, что противник несколькими эскадронами разведывает район Радехова. Вскоре выслали передовую эскадрилью 9-го уланского полка с пулеметами, которые отбросили красную конницу восточнее Радехова.

¹⁹ *Bitwa warszawska 13–28 VIII. Dokumenty operacyjne*, cz. I (13 —

²⁰ CAW, I. 400.1717, S. Perekladowski, *Bitwa pod Antoninem*, [w:] *Relacje (z bojów) do historii 1 Pułku Ułanów Krechowieckich*, Warszawa 1933, maszynopis w zbiorach CAW, I. 400.1705–1733, s. 39.

²¹ Автор упомянутого выше рассказа, тогдашний взводный Станислав Перекладовский, служил во 2-м эскадроне 1-го уланского полка. Zob. CAW, ibidem, s. 40. Por. J. Römmel, op. cit., s. 193.

засаду, и когда противник приблизился, он был встречен точным огнем и рассыпался по всему лесу. Польские эскадроны овладели селом Антонины. Им удалось взять несколько десятков пленных из состава 45-й стрелковой дивизии и 5 пулеметов²².

Вечером 12 августа 1920 года в штаб дивизии пришел приказ Главного командования Войска Польского, в котором говорилось о расформировании ОКГ. Из девяти уланских полков были сформированы три бригады, объединенные в новую 1-ю кавалерийскую дивизию под командованием полковника Руммеля²³.

В новой организационной структуре 1-й конной дивизии полковник Руммель, в соответствии с приказом командования 3-й армии издал соответствующие распоряжения, согласно которым III и VI конные бригады группировались в районе Радехова, а I конная бригада была передислоцирована к Узловому²⁴. Речь шла о прикрытии северного крыла пехотных отрядов так называемой «группы Топоровского» под коман-

---

²² SAW, *ibidem*, s. 35–40.

²³ Полковник Руммель, имея девять уланских полков и пять конно-артиллерийских батарей, создал следующую организационную структуру новой 1-й кавалерийской дивизии: «Наши девять полков организационно разделены на три бригады. 1-й, 12-й и 14-й полки образуют 6-ю бригаду под командованием полковника Плисовского. Лейтенант Януш Ильинский будет начальником штаба бригады. 2-й кавалерийский полк и 8-й и 9-й уланские составят 7-ю бригаду. Командир бригады полковник Бжезовский, капитан Моравский — начальник штаба. В состав 1-й кавалерийской бригады входили 5-й, 11-й и 17-й полки, ее командиром был полковник Януш Глуховский, а начальник штаба майор Тадеуш Смигельский. По артиллерии: 1/IV-й и 2/IV-й эскадроны конной артиллерии под командованием майора Белины Пражмовской я приписал к 6-й бригаде, 2/VI-й и 1/III-й эскадроны конной артиллерии майора Маковского — к 7-й бригаде, 2/I-й эскадрон конной артиллерии майора Маковского — к 1-й бригаде». J. Rómmel, *op. cit.*, s. 89. SAW, I. 314, 1.3, s. 200. Полковник Руммель как командир новой 1-й конной дивизии с момента вступления в командование этим конным тактическим соединением подал телеграфный доклад командованию фронта (6-й армии), штаб которого располагался во Львове.

²⁴ «Реорганизация 1-й конной дивизии происходит в тот момент, когда войска находятся в контакте с противником. Общая ситуация исключает возможность спокойной реорганизации бригад в тылу. Нам нельзя терять время. 1-я конная дивизия должна 13 августа в 9 часов быть боеспособной и готовой к дальнейшим действиям. Проводя реформирование в боевой обстановке, он приказывает трем вновь сформированным бригадам сконцентрироваться к 9 часам 13 числа в следующих районах: 7-я бригада, под командованием полковник Бжезовский, в составе 8-го уланского полка, 9-го уланского полка и 2-го полка шеволежеров, 2-й батареи 7-го эскадрона конной артиллерии — в районе Радехов, Антонины, Куты; 6-я бригада, под командованием Плисовского, в составе 1-го уланского полка, 12-го уланского полка, 14-го уланского полка, два взвода 4-го эскадрона артиллерии — в районе Половое, *Sudańska Wólka*, Йосиповка; 1-я бригада, под командованием полковника Глуховского, в составе 5-го, 11-го и 17-го уланских полков — в районе Павлов, Узловое... Руммель полковник» J. Litewski i W. Dziewanowski, *op. cit.*, s. 349–350.

дованием генерала Павла Шиманского²⁵ с целью «дать ей возможность отступить за Буг и занять реку южнее Каменки-Струмиловой. Направление движения: Радехов — Узловое — Каменка-Струмилова»²⁶.

В связи с тем, что советская 45-я стрелковая дивизия подходила к Радехову с севера, а 14-я кавалерийская дивизия — с фронта, полковник Руммель решил «сражаться как можно дольше в удобном для обороны районе Радехова, удерживая до рассвета 14 августа линию холмов между Нестаничами, Узловым и Дмитровым»²⁷. Командующий 1-й кавалерийской дивизией своей главной задачей видел как можно дольше задерживать наступление советских пехотных и кавалерийских частей. Поэтому он решил сгруппировать свои кавалерийские полки в три отряда. В 1-й отряд вошли 14-й, 9-й уланские и 2-й легкоконный полки, во 2-й — 8-й, 1-й и 12-й уланские полки (в качестве резерва командира дивизии) и в 3-й отряд — 5-й, 17-й и 11-й уланские полки. Командный пункт полковника Руммеля, а также наблюдательный пункт 2-й батареи VI эскадрона конной артиллерии находились на колокольне в Радехове²⁸.

Однако возникла определенная сложность, потому что противник стал обходить полки 1-го отряда с юга. Тогда полковник Плисовский предложил командиру дивизии использовать промежуточную позицию между Радеховом и Узловым на линии Павлов — Орловка. Предложение командира 6-й кавалерийской бригады было принято, и позиция была занята 1-м и 12-м уланскими полками. Вскоре выяснилось, что 2-й легкоконный полк, оборонявший проход через болото у села Куты, в отсутствие майора Руппа не выдержал натиска большевиков и начал отступать. Поэтому полковник Руммель приказал эвакуировать свой штаб в Узловое и подтянуть ближе 8-й уланский полк. Однако боль-

---

²⁵ Подробнее о генерале Шиманском zob. P. Stawecki, *Słownik biograficzny generałów Wojska Polskiego 1918–1939*, Warszawa 2004, s. 327–328.

²⁶ F. Skibiński, *Szarża 14. Pułku Ułanów Jazłowieckich pod Niestanicami 14 sierpnia 1920 r.*, Przegląd Kawaleryjski, 1937, t. 14, nr 7 (141) s. 3.

²⁷ Ibidem, s. 4. Por. J. Rómmel, op. cit., s. 89–93.

²⁸ Подробное расположение отдельных полков в районе Радехова было следующим: «В 1-м отряде у меня (полковника Руммеля — В. Н.) было 3 полка, которые занимали передовую позицию около Радехова. Они были сгруппированы таким образом, что севернее Радехова, на левом фланге, у меня был 14-й уланский полк, рядом с ними 9-й уланский полк восточнее Радехова. Проход по болоту у села Куты на правом фланге контролировал 2-й полк шевалежеров. 8-й, 1-й и 12-й полки находятся в резерве в составе 2-го отряда в самом Радехове. Полковник Глуховский с 1-й бригадой находится в Узловом, создавая 3-й отряд дивизии с задачей обеспечить проходы через болото, а также защитить большую часть дивизии от обхода на восточной стороне. Поэтому 1-я бригада должна выслать разъезды для установления контакта с “группой Топоровского” и наблюдения за проходами через болото в районе Оплицько». Zob. J. Rómmel, op. cit., s. 93–96.

шевики отбросили 2-й легкоконный полк и ворвались в Радехов, захватив 2-ю батарею VI эскадрона конной артиллерии, причем погиб ее командир поручик Адам Петражицкий. Батарею спасла контрагака резервного эскадрона 8-го уланского полка под командованием майора Кароля Руммеля. Сам полковник Руммель трагедии избежал, хотя покинуть колокольню он решился только после донесения поручика Чеслава Якубовского. Ему удалось присоединиться к 8-му уланскому полку.

Вскоре в город ворвался большевистский броневедомитель, сея смятение среди поляков, но огонь польской артиллерии заставил машину отступить. Прорыв оборонительной линии, которую занимал 2-й легкоконный полк, имел дальнейшие последствия: вся дивизия отступила из Радехова в Узловое (промежуточная линия). При отступлении на промежуточную линию арьергард дивизии был вновь атакован броневедомителем. Противник пользовался тем, что батарея переходила на новую позицию, так что бороться с ним было нечем. Руммель записал в дневнике, что «не осталось ничего другого, как рассыпать строй и отступить галопом через железнодорожную насыпь в направлении на юг»²⁹. Но тут в дело вступил 8-й уланский полк, который прикрывал отход войск из Радехова, и к вечеру 5-й эскадрон этого полка в смелой атаке захватил Павлов, «порубив несколько десятков казаков и захватив три танки»³⁰. Потери с польской стороны были относительно невелики³¹.

Вечером 13 августа 1920 года полковник Руммель отдал приказ, в котором поставил подчиненным задачи на следующий день. Он предписал «удерживать в течение 14 августа позицию под Узловым, чтобы дать пехоте как можно больше времени на занятие линии реки Буг южнее Каменки-Струмиловой. Отступление из-под Узлового начать не раньше, чем в 18 часов, чтобы лишить противника возможности форсировать Буг днем вслед за отходящими отрядами. Облегчить себе переправу через Буг и для этого отойти с позиций в Узловом двумя колоннами: северная — по линии Узловое — Добротвор; южная — по линии Узловое — Селец — Беньков и Руда-Селецкая»³².

²⁹ Ibidem, s. 100.

³⁰ Ibidem, s. 101. Por. K. Krzeczunowicz, *Ułani księcia Józefa. Historia 8 Pułku Ułanów ks. Józefa Poniatowskiego 1784* —

³¹ По словам полковника Руммеля, «потери... были незначительными. Больше всего пострадали 9-й уланский полк, в котором было трое убитых и десять раненых, и 2-я батарея VI-го эскадрона конной артиллерии: убит лейтенант Петражицкий и 1 канонир, 4 раненых и 3 пропавших без вести. Батарею принял лейтенант Лесневский, 8-й уланский полк потерял подхорунжего Шталя и 28 улан ранеными». Zob. J. Römmel, op. cit., s. 101.

³² F. Skibiński, *Szarża...*, s. 5–6.

Утром 14 августа 1920 года командир 1-й кавдивизии направил свои войска таким образом: 14-й уланский полк занял позицию в Нестаничах, 2-й легкоконный и 1-й уланский полки — правее в направлении Узлового. На подступах к этому селу были поставлены 12-й и 5-й полки, а вдоль железнодорожного пути — 11-й уланский полк. 17-й уланский полк был отправлен в село Шайноги, где находился важный перекресток дорог от Каменки-Струмиловой до Полоничной и Топорова. В резерве полковник Руммель оставил 8-й и 9-й уланские полки. Конная артиллерия располагалась позади 1-го и 12-го полков ближе к Узловому³³.

Утром противник возобновил атаку и, как и накануне, войска 45-й советской стрелковой дивизии атаковали левый фланг польских войск. Остальные силы 1-й кавалерийской дивизии атаковали полки 14-й кавалерийской дивизии. Наступление большевиков проходило при мощной поддержке артиллерии и бронетехники. Во второй половине дня во 2-м легкоконном полку сложилась сложная ситуация, которую отчасти удалось исправить силами эскадронов 1-го и 14-го уланских полков. В бой вступил и 8-й уланский полк, атака противника была отражена³⁴. Однако приближался поворотный момент в битве, неблагоприятный для польских войск.

Около 16.00 большевики, проведя артиллерийскую подготовку, перешли в решительное наступление. В трудном положении оказался, в частности, 11-й уланский полк, который был атакован двумя бронемашинами³⁵. Он начал отступление, одновременно отступили 5-й и 12-й уланские полки. Командир дивизии направил на помощь 9-й уланский полк. Он сумел восстановить положение, но ненадолго. Полковник Руммель, видя, что возможности обороны исчерпаны, приказал отвести силы к Бугу группами, которые он определил с ротмистром Александром Прагловским³⁶.

В тот момент, когда правые части дивизии начали отступать, большевистские атаки сосредоточились на противоположном участке, защищаемом 14-м уланским полком. Командир полка организовал оборону с рассвета таким образом, что 2-й, 3-й и технический эскадроны заняли огневые позиции перед деревней, а 1-й и 4-й эскадроны остались в резерве. В этой сложной обстановке задача 14-го уланского полка заклю-

---

³³ Zob. J. Rómmel, op. cit., s. 102–103 (szkic nr 13). Por. K. Krzeczunowicz, *Ostatnia kampania konna. Działania jazdy polskiej przeciw Armii Konnej Budiennego w 1920 roku*, Londyn 1971, s. 215.

³⁴ K. Krzeczunowicz, *Ułani...*, s. 155.

³⁵ J. Litewski, *Bitwa pod Cholojowem dnia 14 i 15 sierpnia 1920 r.*, CAW, I. 400.1713, [w:] *Relacje (z bojów) do historii 1 Pułku Ułanów Krechowieckich*, Warszawa 1933, maszynopis w zbiorach CAW, I. 400.1705–1733, s. 25.

³⁶ *Ibidem*, s. 102–103.

чалась в том, чтобы удерживать свои позиции до тех пор, пока аррьергард северной колонны не достигнет дамбы на дороге Узловое — Добротвор. Майор Ежи Бардзинский, учитывая, что противник готовился к решительному наступлению, решил контратаковать и ввел в бой свой резерв, то есть 4-й и 1-й эскадроны³⁷. Силы 4-го эскадрона, атаковавшего первым, были остановлены пулеметным огнем противника, но дерзкие действия 1-го эскадрона застали врасплох советскую пехоту, и она бежала³⁸.

В то время, когда бой под Нестаничами заканчивался, аррьергарду северной колонны удалось подойти к перекрестку нестанической дамбы с дорогой на Узловое — Добротвор, и отход войск на рубеж Буг был обеспечен 8-м уланским полком³⁹. К вечеру полки дивизии вышли на линию Буга на участке Добротвор — Силец Беньков⁴⁰, обнаружив

³⁷ F. Skibiński, *Ulańska młodość 1917–1939*, Warszawa 1989, s. 134.

³⁸ Об атаке 14-го уланского полка в Нешаничах рассказал ее участник, бывший командир 1-го взвода 1-го эскадрона этого полка подпоручик Францишек Скибински: «4-й эскадрон двинулся первым. ... Его встретил такой сильный огонь, что почти половина эскадрона полегла сразу же, как только выехала на дорогу.... Атака захлебнулась. Остатки 4-го эскадрона вернулись в село. Линии вражеской пехоты поднялись, стреляя по уланам стоя или с колена. Однако только уланам 4-го эскадрона удалось повернуть лошадей, как на выезде с дороги Нестаничи-Павлов прогремело «ура», и оттуда вылетел в атаку 1-й эскадрон, который также надвигался колонной по три... на торжествующую советскую пехоту. Остатки 4-го эскадрона присоединились к правому флангу атаки. Вражеский огонь... внезапно прекратился. Советская пехота... психологически не выдержала нового удара. Тем более, что сразу после появления 1-го эскадрона на левом фланге, из центральной части села, «технический» отряд, тем временем успевший догнать лошадей, атаковал и последовал за 1-м эскадронам вниз влево. Передовой атакующий отряд... скакал, рубя ряды пехоты, до самого Павлова... Тем временем, больше не беспокоясь о судьбе атаки, полка и задач, майор Бардзинский поднял на коней оставшиеся эскадроны и направил их поддержать атакующих. Работа для них была уже легкой. Эскадроны скакали под дальним фланговым огнем со стороны Узлового, рубя и уничтожая всех, кто ускользнул от сабель первого эшелона и не успел добраться до Павлова или леса». F. Skibiński, *Szarża...*, s. 10–11. Por. tenże, *Szarża pod Niestanicami 14 VIII 1920*, «Przegląd Kawaleryjski» 1937, t. 14, nr 7 (141) s. 608–615; tenże, *Ulańska...*, s. 134–137.

³⁹ Отступление полков на линию Буга проходило под натиском противника, который направил в действие бронемашину. Боевой журнал 1. Конные дивизии сообщили: «При отступлении отличились своими действиями 1-й, 8-й и 14-й уланские полки... 1-й уланский полк, атакованный большевистской кавалерией и одновременно неприятельскими бронированными автомобилями, которые фактически въехали в колонну, спокойно и в порядке отступал, прикрывая отход основной колонны и удерживаясь на одной линии с 9-м уланским полком. При отступлении погиб командир полка ротмистр Закревский». Zob. J. Litewski i W. Dziewanowski, op. cit., s. 353. Por. A. Wojciechowski, *Zarys historii wojennej 1-go Pułku Ułanów Krechowieckich*, Warszawa 1929, s. 43–44.

⁴⁰ J. Rómmel, *Uwagi o działaniach 1 Dywizji Kawalerji*, «Przegląd Kawaleryjski» 1928, t. 5, nr 10 (36), s. 268.

там свои пехотные части⁴¹. Таким образом, 1-я кавалерийская дивизия выполнила задачу, но ценой больших потерь⁴².

Бои под Жовтанцами

15 августа 1920 года полковнику Руммелю было приказано перегруппироваться в Великих Мостах с целью защитить железнодорожную линию Жолква — Великие Мосты — Сокаль, а также удерживать линию реки Буг от Каменки-Струмиловой до Кристинополя. На участке Селец — Беньков — Добротвор — Стриганка на Буге находилась 7-я бригада с 38-м пехотным полком 1-й кавалерийской дивизии и добровольческой батареей⁴³. 1-я бригада развернулась в районе Стремень — Обидов к северо-западу от Каменки-Струмиловой, а 6-я бригада, находившаяся в резерве, двинулась в район Боровое — Реклинец к востоку от Великих Мостов⁴⁴.

На следующий день прибыл приказ командования 3-й армии, которая приказывала вести разведку в северном направлении и откомандировать в распоряжение генерала Шиманского 1-ю конную бригаду. В связи с тем, что возрастала нагрузка на войска 1-й кавдивизии, а личный состав был истощен, полковник Руммель доложил об этом командующему 3-й армией⁴⁵. Ситуация осложнялась еще и тем, что командование 1-й кавалерийской дивизии не имело полного представления о направлении действий советской кавалерии.

17 августа 1920 года под Задворьем восточнее Львова польский батальон 240-го добровольческого пехотного полка под командованием капитана Болеслава Зайончковского вел бой с конницей Буденного. Отбив многочисленные ее атаки, батальон был окружен и почти исчерпал боеприпасы. Несмотря на это, его командир отклонил предложения

---

⁴¹ Подробнее о бое под Узловым, zob. CAW, I. 400.1713, J. Litewski, *Bitwa...*, s. 25–27 (szkic do opogu bitwy pod Cholojowem); J. Rómmel, op. cit., s. 90–109.

⁴² Ю. Руммель записал в своем дневнике о потерях, понесенных 1-й конной дивизией в бою под Узловым: «В 1-м уланском полку погибли: командир ротмистр Казимир Закревский и 12 уланов, 20 уланов ранены, 50 лошадей ранено и убито; в 12-м уланском полку погибли: курсант Васютинский и 10 уланов, 16 уланов ранены; в 9-м уланском полку: 8 убитых, 18 раненых; в 14-м уланском полку 5 офицеров ранены: подпоручик Павловский Лешек, подхорунжие Оссовский Мечислав, Косткевич Станислав, Новацкий Владислав, Буковский Станислав, 25 уланов убитыми и 60 ранеными, лошадей около 100; в 11-м уланском полку: 10 уланов убитыми, 30 ранеными, кроме того, весь спешеный эскадрон пропал без вести. Потери в лошадях самые большие в 1-м уланском полку (50) и 14-м уланском полку (100)». Zob. *ibidem*, 108–109.

⁴³ *Ibidem*, s. 109–111.

⁴⁴ T. Machalski, *Ostatnia...*, s. 139.

⁴⁵ J. Rómmel, op. cit., s. 113.

сдаться. После того как боеприпасы были израсходованы полностью, очередная конная атака прорвала оборону батальона и началась бойня, в результате которой и в результате предыдущих боев там погибли в общей сложности 318 добровольцев. Некоторым из погибших было всего по 15 лет, это были совсем дети... После расправы большевики оквернили тела погибших⁴⁶.

Только 17 августа патрули обнаружили, что конница Буденного пересекла Буг южнее Каменки-Струмиловой и двигалась в направлении Львова⁴⁷. Это сообщение было подтверждено в ночном приказе, предусматривавшем переброску 1-й кавалерийской дивизии в Жолкву. Речь шла о прикрытии Львова с севера⁴⁸. Добравшись до Жолквы, полковник Руммель узнал, что подчиняется генералу Шиманскому, штаб которого располагался в Куликове⁴⁹.

Полковник Руммель во время встречи с генералом Шиманским предложил войскам 1-й кавалерийской дивизии нанести удар из Смерекова через Передремехи — Зиболки — Атрасов на Жовтанцы и вместе с частями 5-й пехотной дивизии попытаться разгромить конницу Буденного⁵⁰. В резерве остались 1-я кавалерийская бригада полковника Глуховского с батальоном 38-го пехотного полка. Один батальон должен был поддерживать атаку 6-й кавалерийской бригады и одновременно защищать левый фланг дивизии, а другой должен был занять холм к востоку от Смерекова.

19 августа 1920 года на рассвете три эскадрона (1-й, 4-й и технический) 1-го уланского полка, действовавшего в качестве авангарда 1-й кавалерийской дивизии, столкнулись с противником в Великих Передремехах и вытеснили его из этого города. Вскоре восточную окраину села заняла рота 38-го пехотного полка. Однако большевики после 20-минутного артиллерийского огня с атакой 84-го кавалерийского полка вынудили польскую пехоту отойти. Ситуация потребовала решительного

---

⁴⁶ Szerzej zob.: J. Pogonowski, *Bój o Lwów. Z walk Armii Ochotniczej z 1920 roku*, Gdańsk 1921, s. 58–65; W. Nekrasz, *Harczerze w bojach. Przyczynek do udziału młodzieży polskiej w walkach o niepodległość ojczyzny w latach 1914–1921*. Część II, Warszawa 1931, s. 128; S. S. Nicieja, *Cmentarz obrońców Lwowa*, Wrocław — Warszawa — Kraków 1990, s. 234–242; L. A. Leinwand, *Obrona Lwowa w 1920 r.*, «Rocznik Lwowski», 1991, s. 29–31; B. Skaradziński, *Polskie lata 1919–1920. Tom 2. Sąd Boży*, Warszawa 1993, s. 346–347; J. Odziemkowski, *Leksykon bitew polskich 1914–1921*, Pruszków 1998, s. 160–161; L. Laskowski, *Roman Abraham. Losy dowódcy*, Warszawa 1998, s. 47–57; I. Babel, *Dziennik 1920*, Warszawa 1998, s. 136

⁴⁷ T. Machalski, *Ostatnia...*, s. 169.

⁴⁸ CAW, i. 314.1.3, s. 234. Rozkaz dowództwa 1 Dywizji Jazdy L. dz. 1708/13 z 17 sierpnia 1920 r. (Mosty Wielkie).

⁴⁹ J. Rómmel, op. cit., s. s. 118.

⁵⁰ Ibidem, s. 119.

вмешательства, и эскадрон 1-го уланского полка, предприняв новую атаку, разгромил упомянутый советский кавалерийский полк. Затем он начал преследование бегущего противника и когда уже казалось, что он захватит советскую батарею, она встретила его на правом фланге контратаку сильного отряда советской кавалерии. Отсутствие поддержки вынудило польский эскадрон вернуться на прежние позиции⁵¹.

В Великих Передремехах VI конная бригада начала встречный маневр. Она нанесла удар по Зибулкам, а VII конная бригада выдвинулась к Нагорцам и Артасову. Продвигавшийся к Артасову 8-й уланский полк со стороны села Звертов подвергся сильному огню артиллерии и пулеметов. После тяжелого боя при поддержке 2-й батареи VI эскадрона конной артиллерии эскадроны полка все же вошли в Артасов и заняли холмы вокруг деревни⁵². 2-й легкоконный полк, составлявший фланговое охранение дивизии, занял Могиляны. Также и VI конная бригада силами 1-го и 14-го уланских полков во взаимодействии с двумя батальонами 38-го пехотного полка захватила Зибулки, выбив из деревни несколько эскадронов противника⁵³.

Дальнейший успех в бою зависел от результатов обходного маневра VI-й конной бригады. Полковник Плисовский направил 12-й уланский полк в бой под Жовтанцы, который был остановлен на холмах противником, оборонявшимся в пешем строю. Командир 6-й кавалерийской бригады повел 12-й уланский полк в лобовую атаку, а 1-й и 14-й уланские полки атаковали правое крыло противника. Спешившиеся большевики не выдержали натиска польских эскадронов и начали отходить к Жовтанцам⁵⁴. Части 6-й кавалерийской бригады сразу же начали преследование и ворвались в деревню, где взяли пленных и захватили обозы,

---

⁵¹ Контрнаступление 1-го уланского полка описал участник 1-го уланского полка Ян де Россет из 4-го эскадрона: «Пехота не выдержала натиска превосходящих сил противника, покинула свои позиции, отступая в панике... Дион в дерзкой атаке все ближе и ближе подходил к казакам... Стреляя из винтовок и револьверов, они позволили Диону пройти тридцать шагов, а затем, увидев, что они не могут сдержать нашу атаку, побежали прочь. Имея лучшую конную экипировку, Дион мчался за ними по пятам и проскакал более полукилометра к батарее, которая, несомненно, была бы взята, но этому помешало появление свежего полка казаков, атаковавших с правого фланга, и отсутствие с нашей стороны подкрепления... Большевики понесли огромные потери — более тридцати убитых, шесть пленных и два С К М с тачками». J. de Rosset, *Opis bitwy pod Dżibulkami*, CAW, I. 400.1727, s. 93–95, [w:] *Relacje (z bojów) do historii 1 Pułku Ułanów Krechowickich*, Warszawa 1933, maszynopis w zbiorach CAW, I. 400.1705–1733.

⁵² K. Krzeczunowicz, *Ułani...*, s. 156.

⁵³ Tenże, *Ostatnia...*, s. 225.

⁵⁴ *Ułani podolscy. Dzieje Pułku Ułanów Podolskich 1809–1947*, Wrocław — Warszawa — Kraków 1991 s. 87–88.

а также перерезали линию сообщения Радехов — Каменка-Струмилова — Львов. Действовавшие одновременно с этим полки VII кавалерийской бригады вышли на рубеж Звертов — Сулимов — Угнев⁵⁵.

Во время захвата Жовтанцев неожиданно приземлился польский самолет и летчик доставил известие о победе поляков в Варшавском сражении⁵⁶.

Неудачный штурм Львова и опоздание Буденного на помощь Тухачевскому под Варшавой

Вскоре приземлился второй самолет, и новый летчик передал оперативный приказ, из которого стало известно, что ранее на основании директивы Егорова № 776 от 13 августа 1920 года 1-я конная армия в 12.00 14 августа 1920 года была подчинена Тухачевскому⁵⁷. Из содержания данного приказа также следовало, что 16 августа 1920 года Егоров на основании распоряжения Тухачевского издал директиву № 787, в которой приказывал ослабить 1-ю конную армию под Львовом за счет 45-й и 47-й стрелковых дивизий и направить конницу Буденного в район Владимира-Вольнского и Устилуга⁵⁸. Однако Буденный, с молчаливого согласия Егорова и Сталина⁵⁹, штурмовал Львов, и только вмешательство Троцкого вынудило его отойти с львовского участка и отправиться в район Сокаля⁶⁰.

---

⁵⁵ Т. Machalski, *Ostatnia...*, s. 171.

⁵⁶ С каким энтузиазмом восприняли солдаты победу над Вислой, показывает фрагмент дневника Я. Руммеля: «Это оказалась телеграмма из армии. Беру ее. Читаю.... Я уже знаю! Произошло что-то необычное, такое радостное! Мы так долго не слышали ничего более приятного... Варшава спасена! Большевики на голову разбиты на Висле! Вся их армия в ужасной панике бежит. Тысячи военнопленных, сотни пушек попали в наши руки в качестве добычи. Командир с армией и лично командует.... Повсюду слышны веселые возгласы. На батареях, стоящих прямо за нами, конные артиллеристы уже кричат “ура”, подбрасывая фуражки.... Сейчас, еще вернее, чем когда-либо, мы видим, насколько опасной была ситуация всего несколько дней назад. Чуть ли не до предместий Праги дошли эти звери! Они хотели нашу старую столицу...». Zob. J. Römmel, *op. cit.*, s. 130.

⁵⁷ W. Peucker, *Czy Budienny mógł wziąć udział w bitwie warszawskiej?*, «Przegląd Kawaleryjski» 1939, t. 16, nr 2 (160), s. 155. Por. L. Wyszczelski, *Bitwa...*, s. 168.

⁵⁸ *Ibidem*, s. 155–156; N. E. Kakurin i W. A. Mielikow, *op. cit.*, s. 254–258.

⁵⁹ Подробнее о вопросах подчинения 1-й конной армии приказом М. Тухачевского и ее отзыва из-под Львова zob. L. Wyszczelski, *Bitwa...*, s. 156–173.

⁶⁰ Л. Л. Клюев. Первая конная Красная армия на Польском фронте в 1920 году. М.: 1932. С. 123–127. Об этом документе пишет в своем дневнике Ю. Руммель: «была перехвачена радиотелеграфная полемика между Троцким и Буденным относительно задачи и роли Конной армии в битве при Варшаве. Получается, что Буденный должен

Поэтому при анализе действий 1-й конной армии в боях с Войском Польским на Южном фронте следует исключить возможность влияния кавалерии Буденного на исход Варшавской битвы. Так что ошибаются советские историки (Ю. Н. Сергеев, Н. Е. Какурин, Б. А. Меликов, А. Триандафиллов), утверждавшие в своих публикациях, что появление 1-й конной армии на поле сражения под Варшавой могло предотвратить поражение советских войск на Висле. В первую очередь речь шла о разногласиях и отсутствии согласованности в действиях и принятии решений в руководстве большевистской партии РКП(б) и в Верховном командовании Красной армии. Сталин и Егоров, в частности, саботировали и выступали против плана Шапошникова, то есть стратегии ведения войны с Польшей. Они задержали подчинение войск Юго-Западного фронта Егорова, включая конницу Буденного, приказам Тухачевского и безуспешно штурмовали Львов. А когда 20 августа 1920 года Буденный ушел из-под Львова, помощь Тухачевскому уже запоздала⁶¹.

Польский летчик доложил также, что по дороге Львов — Каменка-Струмилова движется сильная колонна советской кавалерии. Однако эйфория и безумная радость от известия о победе поляков на Висле охватили всех солдат до такой степени, что командиры забыли выставить посты охранения. А тем временем вдруг с холма, южнее Жовтанцев, при сильной артиллерийской поддержке, вылетела из леса сильная кавалерийская колонна. Она атаковала деревню. Ошеломленные полки VI кавалерийской бригады начали отступать на Зиболди, увлекая за собой с южного направления VII кавалерийскую бригаду. Однако войска 14-го и 11-го уланских полков, поддержанные сосредоточенным огнем четырех батарей конной артиллерии, отогнали казаков со склонов Лысой горы⁶².

немедленно отступить из-под Львова и идти на Люблин с целью взаимодействия с Северной армией (Тухачевского — В. Н.). J. Rómmel, op. cit., s. 130–131.

⁶¹ CAW, sygn. nr I. 400.1817, T. Bobrownicki, *4 Brygada Jazdy w manewrze znad Wieprza*, mps, Warszawa 1933, s. 40–41; T. Różycki, *Możliwość interwencji Konnej Armii Budiennego w bitwie warszawskiej*, «Bellona» 1925, z. 2, s. 288–293; M. Bołtuć, *Budienno pod Zamościem*, «Bellona» 1926, z. 3, s. 203; W. Peucker, *Czy Budienno mógł wziąć udział w bitwie warszawskiej?*, «Przegląd Kawaleryjski» 1939, nr 2, s. 153–165; T. Krząstek, *Dlaczego Budienno nie zdążył nad Wisłę?*, [w:] *Wojna polsko-sowiecka 1920 roku. Przebieg walk i tło międzynarodowe. Materiały z sesji naukowej w Instytucie Historii PAN, 1–2 października 1990 r.*, Warszawa 1993, s. 101–114; L. Wyszczelski, *Wojna polsko-rosyjska 1919–1920*, T. 1, Warszawa 2010, s. 636–669; K. Pindel, *Manewr znad Wieprza*, [w:] *Bitwa warszawska 1920 r. — aspekty militarne*, Warszawa 1994, s. 44–54.

⁶² CAW, I. 314.1.3, s. 238. Rozkaz operacyjny dowództwa 1 Dywizji Jazdy z 20 sierpnia 1920 r. (Przedrzymichy Wielkie), w sprawie stoczonej bitwy w rejonie Żółtańce. Zob. J. Rómmel, op. cit., s. 133; T. Machalski, *Ostatnia...*, s. 171–172,

Бой под Жовтанцами был крупнейшим кавалерийским столкновением в ходе боевых действий Войска Польского Юго-Восточного фронта в кампании 1920 г. 1-я кавалерийская дивизия задержала марш главных сил Буденного на Сокаль, как писал полковник Ю. Руммель⁶³.

Бой 1-й кавалерийской дивизии с конницей Буденного у Комарова

После боя под Жовтанцами конница Буденного отошла за Буг у Каменке-Струмиловой и сосредоточилась в районе Сокаля, откуда намеревалась направиться на Замосць и Люблин. Речь шла главным образом о запоздалых уже наступательных действиях, направленных на тылы польской ударной группы со стороны реки Вепш. Такой маневр должен был связать те силы польских войск, которые уже участвовали в действиях по преследованию войск Западного фронта Михаила Тухачевского. Одновременно с кавалерией Буденного в этих действиях должна была участвовать советская 12-я армия. 58-я стрелковая дивизия этой армии выдвигалась из Каменца-Литовского на Влодаву, а группа Голикова вместе с 25-й стрелковой дивизией намеревались форсировать Буг на участке от Забуза до Быстрики, а 24-я и 44-я стрелковые дивизии шли на Холмщину⁶⁴.

Парируя замысел противника, Главное командование вооруженных сил Польши сформировало оперативную группу генерала Станислава Галлера (13-я пехотная и 1-я кавалерийская дивизии), которая должна

---

⁶³ Потери большевиков составили около 100 убитых и 15 трофейных пулеметов. «Наши потери в тот день также были очень большими. Во 2/VI эскадроне конной артиллерии погиб командир эскадрильи лейтенант Лесьневский. В 12-м уланском полку был убит лейтенант Владимир Калиновский. В 14-м уланском полку подхорунжий Пиотровский. Было убито около 50 рядовых, в основном в 8-м уланском полку, а также в 12-м, 1-м, 14-м и 9-м уланских полках, и 2-м шеволезеров. Ранены: майор Бардзинский, командир 14-го уланского полка, майор Руммель, командир 8-го уланского полка, и капитан Боченек, майор Левинский, командир 12-го уланского полка, Козминьский Константиновский, офицер-кадет из 1-го уланского полка. Был ранен и отважный командир 2-го полка шеволезеров Дуда, который собрал бегущих солдат 5-й пехотной дивизии и, командуя всей ротой, отразил все атаки на Куликов. Всего раненых рядовых было более 100. Эти цифры продолжали расти, потому что полки не могли сразу дать точные данные, а новые отчеты о новых потерях продолжали поступать. У меня было много проблем с транспортировкой такого количества раненых, потому что у нас не было санитарных материалов и транспортных средств. Было только два человека, которые приложили огромные усилия, чтобы перевязать всех раненых имеющимися скудными материалами и доставить их на ближайшую станцию. Особенно отличилась графиня Коморовская. Доктор Скудро работал всю ночь». J. Rómmel, op. cit., s. 135–136.

⁶⁴ L. Wyszczelski, *Sztuka wojenna w wojnie polsko-rosyjskiej 1919–1920*, Warszawa 1994, s. 139.

была остановить, а затем уничтожить 1-ю конную армию⁶⁵. Тогда же началась переброска 10-й польской пехотной дивизии в район Люблина⁶⁶.

Автором плана по остановке наступления советских войск был командующий 3-й польской армией генерал Зелинский. Предполагалось, что 2-я пехотная дивизия легионов и 7-я пехотная дивизия организуют оборонительный рубеж и остановят продвижение советской 12-й армии, а затем перейдут в контратаку. Оперативная группа генерала Станислава Галлера вместе с 10-й пехотной дивизией (после ее прибытия) должна была окружить и уничтожить 1-ю конную армию⁶⁷.

Для реализации этого плана 7-я пехотная дивизия была направлена в районе Любомля, имея в виду возможность форсировать Буг. 2-я пехотная дивизия легионов была сосредоточена в районе Грубешова с задачей отражения группы Голикова и взять под контроль Владимир-Волынский⁶⁸.

Конница Буденного начала наступление 27 августа 1920 года⁶⁹. Фланги этой армии прикрывали 24-я и 44-я стрелковые дивизии, 14-я кавалерийская дивизия двинулась на Грубешов, 4-я кавалерийская дивизия — на Комаров, 6-я кавалерийская дивизия — на Томашув-Любельский, 11-я кавалерийская дивизия — на Комаров, а 11-я кавалерийская дивизия — на Угнев⁷⁰.

Упредив действия 12-й советской армии, 2-я пехотная дивизия легионов первой перешла в наступление и разгромила 57-ю стрелковую дивизию в Жабянке⁷¹. Однако это существенно не повлияло на дальнейшие действия 1-й конной армии. Войска Буденного прорвали позиции бригады Яковлева, а затем взяли Тышовцы и двинулись на рубеж Конючи — Комаров — Чартовец. С этого рубежа Буденный мог нанести удар

---

⁶⁵ J. Stawiński, *Likwidacja ostatniego zagonu Budiennego*, «Przegląd Kawaleryjski» 1930, nr 10, s. 189. Клеменс Рудницкий считает, что причина неудач этого польского оперативного союза в его действиях между Бугом и Гучвой и в районе Замосци заключалась главным образом в плохом кадровом составе и организации командования оперативной группы генерала Халлера. Он утверждает, что ею должен командовать командир 1-й кавалерийской дивизии или назначенный главнокомандующий. Zob. K. Rudnicki, *Niedobrene małżeństwo piechoty z kawalerią w operacjach*, «Przegląd Kawaleryjski» 1936, nr 2, s. 147–167; Tenże, *Operacyjna użyteczność kawalerii w świetle historii*, Warszawa 1937, s. 134–145.

⁶⁶ CAW, I. 313.10.3. Dokumenty operacyjne dowództwa 10 Dywizji Piechoty.

⁶⁷ L. Wyszczelski, *Walki z 1 Armią Konną...*, s. 284–286.

⁶⁸ W. Nowak, J. Ślipiec, *Polsko-ukraińskie walki z Armią Czerwoną w 1920 roku na Zamojszczyźnie*, «Przegląd Historyczno-Wojskowy» 2004, t. 5 (56), nr 2 (202), s. 100.

⁶⁹ A. Przybylski, *Wojna Polska 1918–1921*, Warszawa 1930, s. 203; M. Bołtuć, op. cit., s. 204.

⁷⁰ CAW, I. 314.1.3., s. 288. Отчет о положении командования 1-й конной дивизии от 27 августа 1920 года (L. dz. 2708/17 op.).

⁷¹ Они находились в процессе выгрузки с железнодорожных транспортов.

в двух направлениях: на Красныстав или на Грубешов. Большая часть сил 1-й конной армии фактически направилась к Красныставу, а более слабая колонна пересекла железнодорожную линию между Мёнчином и Заваловом и заняла Грабовец⁷².

Учитывая неблагоприятную ситуацию, сложившуюся для польских войск в связи с действиями кавалерии Буденного, генерал Владислав Сикорский (назначенный командующим новой 3-й армией) приказал оперативной группе генерала Халлера нанести удар из района Белца во фланг и тыл 1-й конной армии. Эта группа должна была немедленно приступить к боевым действиям, не дожидаясь прибытия 10-й пехотной дивизии. Выполняя задание, генерал Халлер 29 августа 1920 года атаковал армию Буденного (фланг и тыл), а 2-я пехотная дивизия легионов двинулась на Грабовец.

Однако это не остановило действия 1-й конной армии. В это время ее передовые отряды прибыли под Замосць⁷³. Буденный также предпринял незамедлительную попытку захватить этот город. На оборону Замосци, помимо частей украинской 6-й стрелковой дивизии, был направлен 31-й стрелковый полк каневских стрелков под командованием капитана Николая Болтуца. Этот отряд прибыл по железной дороге с артиллерией и конницей. Кроме того, в городе находился бронепоезд «Загончик», а незадолго до полной осады города прибыли еще бронепоезда «Мститель» и «Смерть». Их прибытие значительно усилило защитников города в плане артиллерийской поддержки. Кроме того, городская застройка с большим количеством кирпичных зданий повышала обороноспособность бывшей крепости⁷⁴.

Непосредственное командование силами обороны Замосци, численность которых достигала усиленной пехотной дивизии, принял на себя украинский генерал Марко Безручко⁷⁵. Он занял этот пост автоматически как старший начальник в гарнизоне. Он распоряжался вместе с капитаном Болтуцом, осуществлявшим непосредственное руководство⁷⁶.

С 28 августа три дня подряд кавалеристы Буденного пытались прорваться в город, но сопротивление польско-украинского гарнизона оказалось эффективным. Несмотря на полное окружение, защитники Замос-

---

⁷² L. Wyszczelski, *Sztuka wojenna...*, s. 140–141.

⁷³ J. Odziemkowski, *Leksykon...*, s. 162–164.

⁷⁴ T. Krząstek, S. Chojnecki, *Szlakiem hetmana Chodkiewicza i króla Sobieskiego*, Warszawa 2001, s. 21–24.

⁷⁵ Януш Одземковский критически оценивает генерала Безручко, считая, что он уклонялся от руководства, пассивно принимая приказы капитана Болтуца. См. J. Odziemkowski, *Armia i społeczeństwo II Rzeczypospolitej*, Warszawa 1996, s. 197.

⁷⁶ W. Nowak, J. Ślipiec, *op. cit.*, s. 101.

сци проводили неоднократные контратаки, парируя кратковременные успехи большевиков⁷⁷.

Участие Буденного в боях за Замосць можно считать серьезной ошибкой этого полководца. С оперативной точки зрения ему следовало обойти город и направиться на Красныстав. Однако он этого не сделал, тем самым дав польской стороне возможность окружить и даже разгромить армию, которой он командовал⁷⁸.

Этим воспользовался генерал Сикорский, решивший преградить армии Буденного путь в северном направлении на рубеже Дорогуск — Виславице — Замосць. В действия, которые должны были привести к окружению 1-й конной армии, включились 7-я пехотная дивизия и белорусская группа генерала Станислава Булак-Балаховича. Они связали неприятеля на участке Влодава — Дорогуск. 2-я пехотная дивизия легионов должна была продолжать наступать на Грабовец, 10-я пехотная дивизия была прикрыта направлением Замосць — Люблин. Ее должен был поддержать добровольческий 214-й уланский полк⁷⁹. Группа ген. Халлера начала наступление вдоль линии Комаров — Замосць⁸⁰.

30 августа вечером 1-я конная армия была окружена. Тогда 13-я пехотная дивизия нанесла удар по левому флангу конницы Буденного (XXV пехотная бригада из района Вожучина, а XXVI пехотная бригада из Семежа). После ожесточенного боя она заняла Комаров (который обороняла советская отдельная бригада) и Лабунскую волость⁸¹. Значительную роль в этой атаке сыграла дивизионная артиллерия, эффективно поддерживая наступающую пехоту⁸². Вечером около 21:00 7-я ка-

⁷⁷ В. Skaradziński, *Polskie lata 1919–1920*, t. 2, *Sqd Boży*, Warszawa 1993, s. 350–354. Стоит отметить, что начальником штаба дивизии генерала Безручки был впоследствии генерал Всеволод Змиенко, дочь которого была автором многих публикаций о боях 6-й стрелковой дивизии при обороне Замосци.

⁷⁸ W. Nowak, J. Ślipiec, op. cit., s. 102.

⁷⁹ 214-й уланский полк должен был принять участие в Варшавской битве. Однако он не был полностью готов к бою и был направлен в район Замосци. Первым командиром полка был полковник Тадеуш Жулкевский. Zob. В. Skaradziński, op. cit., s. 353.

⁸⁰ SAW, I. 314.1.3, s. 297. Rozkaz operacyjny dowództwa 1 Dywizji Jazdy L. dz. 1908/2 op. z 29 sierpnia 1920 r. godz. 3.00; por. L. Wyszczelski, *Sztuka wojenna...*, s. 140–141.

⁸¹ J. Stawiński, *Bój pod Tyszowcami*, „Bellona» 1930, t. 36, z. 5, s. 277–278; Он же, *Likwidacja ostatniego zagonu Budionnego*, „Przegląd Kawaleryjski» 1930, t. 7, nr 10 (60) s. 197–199.

⁸² Во время артиллерийской подготовки к наступлению штаб 1-й кавалерийской армии, находившейся в Старой Антоньевке, понес большие потери. См. С. М. Буденный. Пройденный путь. Т. 2. М., 1965. С. 359. Корнель Кшечунович, тогдашний командующий 8-м уланским полком, наступавший во главе своего подразделения в 7-й кавалерийской бригаде под командованием полковника Хенрика Бжезовского, так описал артиллерийский огонь Халлера в нескольких километрах от Комарова: „ Действительно, когда мы приближаемся к Комарову в конце дня, мы наблюдаем город

валерийская бригада прибыла в Комаров и установила тактическую связь с XXVI пехотной бригадой⁸³. 6-я кавалерийская бригада и штаб 1-й кавалерийской дивизии разместились на ночлег в Волице-Бжозовой. Движение 1-й кавалерийской дивизии⁸⁴ проходило в сложных погодных условиях под сильным ветром и проливным дождем. Полковник Руммель (который не имел связи с генералом Халлером) предполагал возможность отступления Буденного из Замосци на восток⁸⁵, поэтому он решил переправиться через реку Хучва из Вроновиц через Тышовце в Микулин⁸⁶.

Буденный, осознав, что он окружен (кроме того, условия местности ограничивали ему возможность маневра), мог принять один из двух вариантов спасения положения: немедленно отступить за Хучву или прорваться через окружавшие его с трех сторон польские войска. Он выбрал второй вариант и приказал нанести удары в двух направлениях: на Комаров (11-я кавалерийская дивизия) и на Грабовец (14-я кавалерийская дивизия)⁸⁷. 4-ю и 6-ю кавалерийские дивизии он оставил в районе Замосци в качестве оперативного резерва, призванного действовать в зависимости от развития боевой обстановки⁸⁸.

с возвышающейся над ним колокольней, брызги шрапнели, после чего этот огонь распространяется на невидимые для нас цели за болотами и лесом к северу от города». Zob. K. Krzeczunowicz, *Ostatnia...*, s. 257.

⁸³ A. Pragłowski, *Bitwa 1 Dywizji Jazdy pod Komarowem*, «Przegląd Kawaleryjski» 1935, nr 12, s. 667.

⁸⁴ W dniu 29 sierpnia w godzinach przedpołudniowych, grupa taktyczna pod dowództwem płk Brzezowskiego (skład grupy: VII Brygada Jazdy, batalion por. Maczka) stoczyła bój w rejonie Waręża z 24 Dywizją Strzelców. Miasto zostało zdobyte, a przeciwnik wyparty na wschód. Duże straty w tych walkach poniósł batalion por. Maczka. Zob. H. Piatkowski, *Działania batalionu szturmowego por. Maczka przy 1 Dywizji Jazdy*, «Bellona», t. 39, z. 3–4, s. 197–238; J. Rómmel, *Moje walki...*, s. 16; A. Pragłowski, op. cit., s. 664–665. 1-й уланский полк в качестве дозора VI конной бригады поздно вечером занял Тышовцы, захваченные советской кавалерией вместе с артиллерией. Застигнутые врасплох солдаты после слабого сопротивления сдались. Поляки захватили около 200 пленных. Захвачено 7 пулеметов, 60 лошадей и десяток повозок с боеприпасами. Zob. J. Litewski i W. Dziewanowski, op. cit., s. 371–372.

⁸⁵ CAW, I. 314.1.3, s. 324. Rozkaz operacyjny dowództwa 1 Dywizji Jazdy L. dz. 3008/4 op. z 30 sierpnia 1920 r. godz. 14.00.

⁸⁶ Ставинский критикует «чрезмерное рвение» полковника Руммеля. Он считает, что в захвате переправ на Хучве не было необходимости. 1-я кавалерийская дивизия должна была взаимодействовать с 13-й пехотной дивизией, поддерживая пехоту во время атаки на Комаров и Волю-Жабунскую. Zob. J. Stawiński, *Likwidacja ostatniego zagonu Budienego...*, s. 199–201.

⁸⁷ РГВА, Управление 1 конной армии. Оперативные сводки штабов 4, 11, 14 кавдивизии и частей 1 конной армии (20.05–17.09.1920 г.). Ф. 245. Оп. 3. Д. 413. Л. 495–495а, 496, 498–499а.

⁸⁸ J. Odziemkowski, *Leksykon...*, s. 73.

Когда 31 августа дивизии Буденного начали отступать из-под Замосци, полковник Руммель получил от генерала Халлера приказ атаковать советскую конницу⁸⁹. Около 6.30, пытаясь выйти из окружения, 11-я кавалерийская дивизия атаковала VII кавалерийскую бригаду⁹⁰ под командованием полковника Хенрика Бжезовского. Несмотря на значительное преимущество противника, 2-й легкоконный полк, сражаясь сначала в пешем строю стрелковой цепью, а затем верхом при огневой поддержке двух батарей и двух эскадронов 8-го уланов, захватил высоту 255⁹¹. Две колонны 11-й кавалерийской дивизии выдвинулись из леса Майдан между холмом и Чесниками, одна направились к селу Брудек, занимаемому XXVI-й стрелковой бригадой, другая атаковала 2-й легкоконный полк, встретив сильное сопротивление, несмотря на его слабость (около 200 сабель и 10 пулеметов⁹²). Поляки несколько раз контратаковали, оттесняя большевиков на север.

Однако у Буденного были значительные резервы. Поэтому он предпринял еще несколько атак и попытался обойти отряд майора Рудольфа Руппа. На помощь пришел 9-й уланский полк, который дерзкой атакой во взаимодействии с 4-м и 5-м эскадронами 8-го уланского полка и при поддержке артиллерийского и пулеметного огня сломил советское наступление.

В это время вторая советская колонна 11-й кавалерийской дивизии начала атаку из деревни Брудек. Однако ее остановила польская пехота. Не видя возможности быстро сломить польское сопротивление, больше-

---

⁸⁹ SAW, I. 314.1.3, s. 325. Оперативная документация командования 1-й водительской дивизии. Текст приказа о действии 31 августа 1920 г. генерала С. Халлера полковнику Ю. Роммелю первым получил начальник штаба 7-й конной бригады капитан Антоний Моравский, который сразу же известил своего командира (был встречен офицер связи, который шел с приказом в штаб 1-й кавалерийской дивизии). Творческий и энергичный полковник Хенрик Бжезовский, не дожидаясь приказа полковника Руммеля, приступил к действиям со своей бригадой. Zob. H. Brzezowski, *Bitwa pod Komarowem, jak ja ja widzialem*, «Przegląd Kawaleryjski» 1934, nr 1, s. 17–38. По приказу генерала Халлера полковник Руммель отдал подчиненным войскам свой приказ L. dz. 3108/2 ОП. от 31 августа 1920 г. 8.00.

⁹⁰ Входивший в состав VII-й конной бригады 9-й уланский полк в начальном этапе боя участия не принимал. Он прикрывал подвижные составы дивизии и после форсированного марша ночь с 30 на 31 августа провел в Тышовцах. Около 8.00 утра командир полка майор Стефан Дембинский доложил полковнику Х. Бжезовскому о прибытии своего отряда на поле боя. Zob. S. Dembiński, *Komarów*, «Przegląd Kawaleryjski» 1934, nr 4, s. 452–458.

⁹¹ Этот холм имел тактическое значение в этой битве. Zob. H. Brzezowski, op. cit., s. 22; R. Rupp, 2 p szwoleżerów w bitwie pod Komarowem, „Przegląd Kawaleryjski», 1934, t. 11, nr 12 (110) s. 726.

⁹² H. Brzezowski, op. cit., s. 18.

вики прекратили наступление и отошли. Они хотели поспешить на помощь войскам, которые уже вели борьбу с польской кавалерией.

Во время этих боев создалось опасное положение и на польской стороне из-за так называемого «дружественного огня». В пылу боевых действий одна из артиллерийских батарей, поддерживавшая действия 13-й пехотной дивизии, была обстреляна своими. В результате этого огня потери понес 9-й уланский полк⁹³. Артиллерийский обстрел и возрастающее превосходство противника привели к тому, что с поля боя стали отходить отдельные группы польских уланов и шевалежеров. Организованное отступление предпринял даже один из эскадронов 8-го уланского полка и отошел с холма 255 в направлении Волицы-Снятицкой.

Ситуация усугубилась еще и тем, что эскадроны советской отдельной бригады двигались с высоты 255 на Старую Антоньевку, продвигаясь так быстро, что артиллерия 7-й кавбригады не успела открыть огонь. Командир 8-го уланского полка, видя угрозу с востока, организовал оборону позиции примерно в 300 м южнее Волицы-Снятицкой. Он спешил эскадроны и подготовил все имеющиеся пулеметы. Ротмистр Моравский командовал пулеметами на тачанках из 2-го легкоконного полка и 9-го уланского полка, капитан Сулькевич — артиллерийской батареей, а 5-я рота 43-го пехотного полка была готова к отражению атаки⁹⁴.

Неожиданно польская оборона была поддержана артиллерией, которая, наконец, обстреляла Волицу-Снятицкую, где появились большевики. Из-за огня противник не решился на дальнейшие контратаки и начал отход со своих позиций. К этому времени уже успели подойти к району боев польские полки VI конной бригады. Первым в бой вступил 12-й уланский полк под предводительством ротмистра Тадеуша Коморовского. Позже в бой вступили остальные отряды 6-й кавалерийской бригады, а именно 1-й уланский полк полковника Сергиуша Загорского и 14-й уланский полк ротмистра Михаила Белины-Пражмовского. Прибытие 6-й кавалерийской бригады переломило ход боя в пользу польской стороны⁹⁵.

Буденный, однако, не сдавался. Вечером 31 августа произошло очередное столкновение. На этот раз 6-я кавалерийская дивизия атаковала утомленных кавалеристов 1-й кавалерийской дивизии. Главный удар был нанесен по 7-й кавалерийской бригаде. Четыре батареи конной артиллерии под прикрытием 2-го легкоконного полка открыли огонь.

---

⁹³ J. Rómmel, *op. cit.*, s. 170.

⁹⁴ W. Nowak, J. Ślipiec, *op. cit.*, s. 104.

⁹⁵ *Ibidem*, 104.

Однако решающими оказались действия 8-го уланского полка⁹⁶. Его вел ротмистр Кшечунович⁹⁷. Его полк храбро поддержали 9-й и 1-й уланские полки. Оба полка атаковали левый фланг противника. Полковник Руммель со своим штабом также присоединился к сражению⁹⁸. Части 6-й советской кавалерийской дивизии не выдержали атаки польских эскадронов, что вынудило Буденного дать приказ об отступлении⁹⁹. Ге-

---

⁹⁶ По-видимому, 8-й уланский полк не был награжден орденом *Virtuti Militari* «благодаря» полковнику Орличу-Дрешеру, который вспомнил «неудачу» этого подразделения 30 июля 1920 года в районе Николаева. Об этом пишет К. Кшечунович: «Эта несправедливая оценка командира бригады, который ни разу не явился в полк за четыре дня непрерывных тяжелых боев (27.30. VII), по мнению многих, послужила причиной того, что полк не получил *Virtuti Militari* на знамя после наступления под Комаровым...» Генерал Юлиуш Руммель спустя годы по этому поводу писал: «Во время награждения кавалерийских полков орденом *Virtuti Militari* в Томашув-Любельском (19 марта 1921 г.) я попросил маршала Пилсудского наградить также 8-й уланский полк и получил следующий ответ: „Если 8-й полк должен получить его, то должен и 9-й; а вы понимаете, что я не могу награждать слишком многих». Ответ этот нельзя было упрекнуть ни в чем, кроме того, что были Великие Отряды, в которых все полки получили *Virtuti Militari* на знамя, и поэтому я не вижу причин, почему бы эту меру не применить к заслуженной старой 4-й кавалерийской бригаде (8-й, 9-й и 14-й уланские полки полковника Пилсудского), которая часто в одиночку сдерживала натиск буденновской лавины.... Также из четырех эскадронов конной артиллерии, получивших *Virtuti Militari* на трубы, два (I и III) взаимодействовали с нами под Комаровым, а третий (IV DAK) был для нас верным товарищем много месяцев с ноября 1919 года по июль 1920 года». *Zob. K. Krzeczunowicz, Ostatnia...*, s. 350–351.

⁹⁷ Szerzej, K. Krzeczunowicz, *Ułani...*, s. 167–168; *tenże, Ostatnia...*, s. 272–289.

⁹⁸ Ю. Руммель спустя годы так сообщал об этом неравном бое: «Вечером 6 полков (в основном 6-й дивизии) Конной армии вновь обрушились на 7-ю бригаду. 9-й уланский полк первого эшелона бригады “переходит в галоп”, начинается смятение, полк встает и начинает отступать!... Я видел, как весь полк разбился на группы уланов, которые разбегались во все стороны, на ходу заряжая карабины и останавливаясь, чтобы с лошадей обстрелять ту массу, которая обрушилась на нас.... Тачанки 9-го полка отошли и... нанесли ужасный ущерб, усиливая эффект убийственного артиллерийского огня. С польской стороны падают всадники и лошади, волна паники уносит отдельных дезертиров. Боевую готовность сохранил 8-й уланский полк; там находился штаб дивизии.... В 19.30 полк двинулся галопом, в строю колонн четырех отдельных эскадронов. Однако через некоторое время при виде приближающегося вала людей и лошадей он начал смешиваться и отступать. В этот безнадежно критический момент начали атаку офицеры 8-го уланского полка и штаба дивизии. К счастью, им удалось втянуть в бой всех, кто хотел и мог подрасть в тот день.... Противник не выдерживает удара 8-го уланского полка с фронта и 1-го уланского полка с тыла и с фланга и дерзкий огонь отважных конных батарей!...» И не выдержали! J. Rómmel, *Kawaleria polska w roku 1920*, Warszawa 1934, s. 7–10.

⁹⁹ РГВА, Управление 1 конной армии. Оперативные сводки штабов 4, 11, 14 кавдивизии и частей 1 конной армии (20.05–17.09.1920 г.). Ф. 245. Оп. 3. Д. 413. Л. 500–502.

нерал Халлер приказал начать преследование, но это было невозможно, потому что солдаты были крайне истощены¹⁰⁰.

Итоги сражения

Кавалерийский бой под Комаровом стал переломным событием в зоне действий польского центрального фронта в польско-советской кампании 1920 года. По оценке военных историков, там произошла величайшая кавалерийская битва XX века. Сражение завершилось трудной победой поляков. Однако эта победа не была использована в полной мере из-за неправильных оценок обстановки штабом оперативной группы генерала Станислава Халлера и командованием гарнизона Замосци. Значение имело и незнание положения всех дивизий 1-й конной армии. Более того, не хватало надлежащей координации действий, а 10-я пехотная дивизия и 2-я пехотная дивизия легионов не имели связи друг с другом. Ошибкой со стороны Главного командования Войска Польского было назначить район Замосци для сосредоточения 10-й пехотной дивизии, так как город этот был осажден Буденным. Советская конница понесла при Комарове самые большие потери из всех сражений, которые она вела в 1920 году с частями польской армии, и к концу сентября ее боевая ценность была невысока. С польской стороны непосредственно были задействованы шесть конных полков и две конные артиллерийские дивизии. Силы противника насчитывали пятнадцать кавалерийских полков.

Под Комаровом 8-й уланский полк захватил автомобиль командующего 1-й конной армией. Были также захвачены многочисленные фургоны и большое количество военной техники, а также пулеметы и пушки, оставленные бегущими большевиками. Конница Буденного понесла большие потери: 1500 убитыми и еще больше ранеными. Погибли несколько командиров советских бригад, 12 комиссаров и несколько человек из личной охраны командующего 1-й конной армией. Сам Буденный также был ранен. С польской стороны погибло 300 кавалеристов¹⁰¹.

---

¹⁰⁰ L. Wyszczelski, *Walki z 1 Armią Konną...*, s. 289–290.

¹⁰¹ K. Czubara, *Zwycięstwo pod Komarowem*, Zamość 1995, s. 20 i in.

Włodzimierz NOWAK

Associate Professor of the Department of History of Security, Institute of Social Sciences and Security, Faculty of Humanities, University of Natural Sciences and Humanities in Siedlce (Siedlce, Poland)

E-mail: wlodzimierz.nowak@vp.pl

Battles of Polish troops against Semyon Budyonny's cavalry in Eastern Galicia and in the area of Zamosc (August 4-31, 1920)

During battles at Berestechko and Brody both Polish and Soviet troops suffered heavy losses and suspended offensive operations for a few days. The fall of Brest led to the retreat of Polish troops to the Bug. After the battle of Brody, Budyonny, under pressure from Stalin, did not comply with Tukhachevsky's order and unsuccessfully stormed Lviv and Zamosc. He was then defeated by Colonel Juliusz Rummel's 1st Polish cavalry division at Komarov on August 31, 1920.

Keywords: Polish Army, Budyonny's cavalry, Eastern Galicia, battle at Komarov, Colonel Rummel.

УДК 94 (47). 084.1

ББК 63.3 (4). 611

Константин Игоревич ВАСИЛЬЕВ

Библиотекарь, отдел газет, Российская национальная библиотека
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: vitkov1420@yandex.ru

ГАЗЕТА ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ «КРАСНЫЙ КАВАЛЕРИСТ» В ДНИ ВАРШАВСКОЙ БИТВЫ

В статье рассмотрены статьи газеты политотдела Первой конной армии «Красный кавалерист» в августе 1920 года, в период Варшавской битвы. Автор разбирает темы, на которые писала газета — военные сводки, внутренние проблемы и нужды армии, объявления, творчество красноармейцев, отношение к противнику, подвиги бойцов и командиров и нарушения дисциплины.

Ключевые слова: Первая конная, красная армия, газеты, Гражданская война в России

Первая конная армия — благодаря ее военным успехам, политическим причинам и художественным произведениям, является, пожалуй, самым известным подразделением Красной армии, периода Гражданской войны. Созданная на базе трех дивизий 1-конного корпуса Буденного в ноябре 1919 года¹, армия участвует в Харьковской, Донбасской, Ростово-Новочеркасской и Северо-Кавказской операциях. С началом советско-польской войны, армия была переброшена с Кавказа на Украину, где участвует в Киевской операции. Здесь армия ведет тяжелые и не всегда успешные бои под Володаркой, Липовцем, но в конце концов прорывает польский фронт, ударив в стык между двумя польскими армиями.

После занятия ряда важных городов, армия была переброшена в район Львова где участвовала в боях под Бродами и Берестечком, где, однако, существенного успеха не удалось добиться. 12 августа Буденный получил приказ от высшего командования двигаться к Варшаве, где поляки вскоре начали успешное контрнаступление, к началу которого 1-конная не успела, что привело к печальным последствиям для красной армии. Часть войск 1-конной продолжило наступление на Львов, так 17 августа 1920 года части 6 кавалерийской дивизии 1-конной уничтожили отряд «львовских орлят» под Задворьем и подошли к Львову на расстояние в 6 км. Но тяжелые потери красноармейцев и приказ Троцкого от 20 августа остановить наступление и всеми силами выдвигаться к Варшаве,

---

¹ Буденный С. Первая конная. М. 2012. С. 316.

спасли Львов от падения². Характерно, что все это время в Минске шли мирные переговоры между польской и советской делегациями о перемирии, которые были прерваны 23 августа.

Ко времени прибытия основных войск конармии под Варшаву, красный фронт уже дрогнул, и буденовцы 25 августа начали знаменитый рейд на Замостье в тылу поляков, отвлекая значительные силы противника. Несмотря на первоначальные успехи, сложно назвать рейд удачным — Замостье взять не удалось, а под Комаровом в большом конном сражении поляки одержали убедительную победу. Появилась угроза расщепления конармии на две части с последующим уничтожением по частям, но Буденный смог организовать прорыв через польские заслоны и 1 сентября конармия вышла из окружения, соединившись с частями 12 армии, после чего заняла оборону на реке Буг. Потери, изношенность вооружения и усталость личного состава были столь велики, что армия была отведена в резерв. Последующая переброска ее на врангелевский фронт вызвала беспорядки среди личного состава, в частности был убит военком Георгий Шепелев. После наведения порядка в войсках Буденным, армия успешно участвовала в боевых действиях против белых в Крыму и на Кавказе, а также в боях с махновцами на Левобережной Украине. В мае 1921 года Первая конная была расформирована³.

В последующие годы, в том числе в связи с приходом к власти И. В. Сталина и занятия командующим конармией С. М. Буденным и членом Реввоенсовета 1-конной К. Е. Ворошиловым важнейших государственных и военных постов в СССР, слава Первой конной достигла всесоюзных масштабов. Поспособствовали этому и произведения И. Э. Бабеля «Первая конная» (1926) и Н. Островского «Как закалялась сталь» (1936), а также их киноэкранизации. Множество памятников, песен и картин было посвящены Первой конной, сделав ее наименование, своего рода «бредовым» для Красной армии эпохи Гражданской войны.

Одним из самых интересных источников о жизни бойцов Первой конной является газета «Красный кавалерист». Начавшая свою жизнь как газета политотдела 1 конной армии в ноябре 1919 года, газета позднее два раза сменяла название на «За мир и труд», «Красное знамя». В годы ВОВ на базе редакции газеты выходили армейские газеты «Вперед к победе» и «За нашу Родину». Современная газета «Военный вестник Юга России» считает себя прямым продолжением «Красного кавалериста»

---

² Клюев Л. Первая конная Красная армия на польском фронте в 1920 году. М., 1932. С. 140.

³ Тюленев И. Первая Конная в боях за социалистическую родину: очерк боевых действий. М., 1938. С. 216.

и в прошлом году отметила столетие издания⁴. Некоторые журналисты и авторы очерков в «Красном кавалеристе», погибли во время боевых действий, так 19 августа 1920 года в городе Яново был убит начальник политотдела армии и главный редактор газеты И. Д. Перельсон⁵. В связи этим интересно взглянуть, о чем же писала газета в это время, а именно в период боев за Варшаву в жарком августе 1920 года.

Конечно от армейской газеты выпускаемой политотделом армии, сложно ожидать достоверной информации о проходящих боевых действиях, особенно неудачных. Тем не менее газета, ориентированная на красноармейцев, порой четче описывает некоторые события на фронте, живыми свидетелями которых выступают сами читатели. Ну и самое главное — газета является ценным источником бытовой жизни армии, её проблем и решений. На страницах армейской газеты мы видим не только статьи про подвиги бойцов и политические лозунги, но и сообщения о преступлениях отдельных красноармейцев, замечания комсостава, некрологи погибших воинов, частные объявления бойцов, стихи и песни сочиненные самими красноармейцами и даже статьи про биологию, физику и религию.

Газета политотдела, в первую очередь, должна была поддерживать боевой дух бойцов и объяснять политические решения руководства. Так в начале августа ряд статей была посвящена насущному вопросу — почему красная армия переходит польскую границу? В статье «Быть или не быть» Иллариона Мгеладзе (псевдоним Илья Вардин⁶), от 8 августа 1920 года, приводятся такие слова:

Перед белогвардейской Польшей стоит роковой вопрос: Быть или не быть? Советская Россия решила: белая Польша должна быть уничтожена! Рабочие и крестьяне Польши, в течении многих лет ведущие борьбу против своих капиталистов и помещиков, с великой радостью принимают решение Советской России: день, когда падёт белопольская республика, будет великим днем избавления трудящихся Польши от векового рабства⁷.

В Польше создан Польский Революционный комитет, который поднимая знамя революционной борьбы и созывает польских рабочих в свои ряды. С востока и юга идут советские полки. Они должны встретится в Варшаве.

---

⁴ Целый век на переднем крае //Военный вестник Юга России. № 46. 2019. 25 ноября, С. 1.

⁵ Родченко А. Степанова В. Первая конная. М. 1938. С. 181.

⁶ Шешуков С. Неистовые ревнители. Из истории лит. борьбы 20-х годов, М., 1970. С. 379.

⁷ Вардин И. Быть или не быть? // Красный кавалерист. № 203. 1920. 8 августа, С. 1.

В статье от 12 августа «Почему мы идем «за границу?»⁸ поднимается вопрос, а есть ли граница вообще? Ведь эти границы проложены царями и королями с целью эксплуатации простого народа. Красная армия должна перейти границу чтоб не предавать интересы галицейского пролетариата.

Первые полосы газеты всегда посвящены важнейшим событиям, в первую очередь успехам и продвижению красноармейцев в Польшу и на других фронтах. Казалось, что еще немного и польский фронт развалится. Выходит, много статей посвященной панике в Варшаве и кипучей деятельности Антанты. В статье: «Вытягивают за уши утопающих панов»⁹ рассказано о прибытии Варшаву англо-французской миссии и просьбе польского правительство доставить в Данциг пароход с военными припасами. Но данцигские портовые рабочие не хотят помогать полякам и находятся на стороне Советской России. Польское же правительство Пилсудского полностью отдало себя в руки Антанты. А вот Латвия 14 августа, напротив, заключает предварительный мир с Советской Россией, чтобы не вызывать справедливый гнев трудящихся¹⁰. 15 августа в статье: «Нам нужно торопится!»¹¹ сообщается что красная армия, прорвав укрепления на р. Буг вышла к Висле. Теперь, нужно как можно быстрее взять Львов и Варшаву, прежде чем союзники, особенно Румыния, сможет оказать помощь панам. 16 августа в газете опубликован приказ Троцкого, о наступлении:

Герои! Вы нанесли атаковавшей нас белой Польше сокрушительный удар! Тем не менее, преступное и легкомысленное польское правительство не хочет мира. Пилсудский и его агенты знают, что ничто не грозит независимости Польши, которой мы, Рабоче-Крестьянская Россия, согласны дать более широкие границы, чем намечала «Антанта». Но Пилсудский боится приближения отчета перед польским народом за ведение войны и надеется на вмешательство Англии и Франции... Сейчас, как и в первый день войны мы хотим мира, но именно для этого нам необходимо отучить правительство польских банкротов от желания играть с нами в прятки. Поэтому, вперед красные войска¹².

Характерно, что в официальной советской прессе тех времен, польские войска чаще всего называются «панскими» и война идет не с по-

---

⁸ *Вердин И.* Почему мы идем «за границу?» // Красный кавалерист. № 207. 1920. 12 августа, С. 1.

⁹ Вытягивают за уши утопающих панов // Красный кавалерист. № 203. 1920. 8 августа, С. 1.

¹⁰ Мир с Латвией // Красный кавалерист. № 209. 1920. 14 августа. С. 1.

¹¹ *Вердин И.* Нам нужно торопится! // Красный кавалерист. № 210. 1920. 15 августа, С. 1.

¹² *Троцкий Л.* На Варшаву // Красный кавалерист. № 211. 1920. 16 августа, С. 1.

ляками как с нацией, а с «панам». По мысли советский политики тех лет, польский пролетариат должен перейти на сторону Красной армии и сбросить ярмо панской власти, подняв знамя мировой революции. Ряд статей и обращений к польскому народу выходит в газете в эти дни. Так 18 августа в статье «Польский солдат — кто твой враг?»¹³ политический отдел 1-конной обращается к польским солдатам с требованием одуматься и понять, что их враг не русские солдаты, а мировая буржуазия и помещики. Похожая статья «Уходите из рядов белопольской армии!» выходит 19 августа. В тексте уже присутствует угроза:

Мы уничтожим белогвардейскую Польшу, каких бы это жертв нам не стоило. Не становитесь на пути революции! Пусть буржуазно-панскую Польшу защищают буржуа и помещики!¹⁴

Любопытно, что в газете присутствует обязательная рубрика «Мировая революция», где рассказываются о выступлениях коммунистов в по всему миру. Кажется, что еще немного и пролетарии устроят революцию во всем мире. Арабы поднимаются против французов, в Германии вот-вот победит революция, как и в Венгрии, рабочие в Англии не хотят помогать Антанте, даже чернокожие в Америке начинают социалистическую борьбу. После чтения обзора мировых событий, где рабочие повсюду поднимают голову, а буржуи, особенно англичане и французы, трясутся перед угрозой вторжения красноармейцев в Западную Европу, кажется, что у капиталистов нет шансов и мировая победа коммунизма близка. Но уже в конце августа, когда польское контрнаступление под Варшавой становится явно успешным, радостный тон статей заметно снижается. Тяжелую ситуацию на фронте уже сложно скрывать.

В это время в Минске проходят переговоры о мире. 17 августа состоялась первая встреча советских и польских дипломатов, но в связи с переменами на фронте, переговоры вскоре срываются.

На Западном фронте началось широкое контрнаступление польской армии. Наши войска отступают. Дело трудовой России в величайшей опасности!

— гласит первая полоса «Красного кавалериста» 24 августа¹⁵.

...Разговоры о мире были сплошным обманом. Панская Польша хотела передышки. Панская Польша и англо-французские разбойники добивались перемирия для того, чтобы подготовиться к новому походу против Советской России. Новый поход начался!

¹³ Польский солдат — кто твой враг? //Красный кавалерист. № 213. 1920. 18 августа, С. 1.

¹⁴ Уходите из рядов белопольской армии! //Красный кавалерист. № 214. 1920. 19 августа, С. 1.

¹⁵ Вердин И. Новый поход начался! //Красный кавалерист. № 217. 1920. 24 августа, С. 1.

Рисунок 1. Шапка газеты «Красный кавалерист» от 26 августа 1920

«Никаким образом паны не хотят сдаться Будь что будет! — решили они — попробуем, де-мол свои силы авось в тот раз и выйдет удача» — пишет Артем Кубанец (Зданевич В. П) 26 августа, «Товарищ! Все для боевой задачи, все для победы. Мы не будем больше рабами!»¹⁶.

Но напор поляков не удаётся остановить. Первая конная слишком поздно подходит к Варшаве, что в конце 30-ых будет объясняться, разумеется, предательскими действиями лично Троцкого и Тухачевского. В это тяжело время, даже армейской газете недостает бумаги и с 1 сентября она временно выходит на оберточной крафт-бумаге, изменив размер страниц. В сентябре, когда ситуация на польском фронте уже явно непоправима, газеты все больше пишут о Врангеле и успехах против него, гораздо меньше описывая польские дела.

В статье «Хорошо смеётся тот...» от 3 сентября, написано:

Буржуазная Европа радуется. Большевиков отбросили от Варшавы, большевиков побили — как же не радоваться, как же не восторгаться?...Пока господа буржуа находятся в радостном упоении, мы делаем своё дело. На юге Врангель получает солидные порции ударов и — кто знает? — быть может пока буржуазия радостно приплясывает, крымский барон будет печально доплясывать свой кровавый танец?...Мы живы, мы готовы к новым героическим битвам и сокрушительным победам. И напрасно смеются господа буржуа. Напрасно предаются ни телячьему восторгу. Напрасно от соглашения господина Ллойд Джорджа переходят к воинственным планам. Ведь хорошо смеётся тот, кто смеётся последним!¹⁷

Тем не менее, ситуация на западе не улучшается. 11 сентября в газете даже публикуется сообщение об разоружении советских войск, отступивших в Восточную Пруссию¹⁸. Особое возмущение у автора вызывает то, что в разоружении красноармейцев учувствуют польские солдаты.

¹⁶ Кубанец А. Все для победы! //Красный кавалерист. № 219. 1920. 26 августа, С. 1.

¹⁷ Вердин И. Хорошо смеётся тот... //Красный кавалерист. № 225. 1920. 3 сентября, С. 1.

¹⁸ Разоружение Советских войск в Восточной Пруссии // Красный кавалерист. № 231. 1920. 11 сентября, С. 2.

Только 15 октября появляется долгожданное сообщение о мире с Польшей. Любопытно, как объясняются причины перемирия:

...Подписанный мир не выгоден ни русскому ни польскому народу, но он выгоден польским панам и западноевропейским капиталистам. Мир этот со стороны польских панов грабительский и насильнический. Польские паны захватили в свои руки часть украинских, белорусских, литовских и русских крестьян. Кроме того, польские паны требуют от России еще часть золота, принадлежащего русским рабочим и крестьянам. Почему же подписан представителями России этот мир? Потому что Советская Власть не хотела больше лить кровь и затягивать войну на зиму. Это, во-первых. А во-вторых, потому что на Юге России, появился новый и еще более опасный, чем поляки враг рабочих и крестьян — царский генерал, барон Врангель¹⁹.

К сожалению, достаточно сложно по сообщениям газет, проследить всю боевую деятельность 1-конной, особенно в период боев под Бродами и отступления. Хотя важное место в газете занимают сообщения о подвигах красноармейцев конармии в боях с поляками, в целях сохранения военной тайны, названия населенных пунктов, зачастую, не приводятся или скрываются. Тем не менее, многие эти статьи весьма любопытны. Рассмотрим несколько примеров.

В статье «Геройский подвиг» описано, как в бою за город Р. Первая бригада 6 дивизии конармии попала в окружение:

Наша геройская бригада с криком «ура» бросилась в атаку. Так как противник расположился близко от шоссе и встретил нас убийственным огнем, нам пришлось временно отступить, причем на дороге остались 2 тачанки, загоревшие проезд. Тогда командир 3-е взвода, 3 эскадрона товарищ Анищенко и тов. инструктор по снабжению, под ружейным и пулеметным огнем принялись за работу, и быстро счистили нам дорогу, после чего наша бригада благополучно без потерь проскакала к своим. Благодаря храбрости двух товарищей у нас не было ни убитых ни раненных. Да здравствуют наши герои от революции²⁰!

В статье «Красные не сдаются» описан подвиг двух красноармейцев, отказавшихся сдаваться в плен:

В боях под Б, красноармейцы и комсомольцы показали чудеса храбрости. Поляки бросились в контратаку, большая часть бригады врзалась в самую гущу польских банд, пришлось принять сильный бой, в котором, выбыло несколько человек, в том числе 2 красноармейца второго комполка Шевченко и Тимофеев, оказавшиеся в середине колонны противника и потеряв надежду вырваться оттуда с криком «красные не сдаются» застрелились²¹.

¹⁹ *Каменев Л.* Мир с Польшей подписан, все силы против Врангеля // Красный кавалерист. № 259. 1920. 15 октября, С. 1.

²⁰ *Петров М.* Геройский подвиг // Красный кавалерист. № 208. 1920. 13 августа, С. 3.

²¹ «Красные не сдаются» // Красный кавалерист. № 209. 1920. 14 августа, С. 2.

Большое значение придавалась захвату и уничтожению боевой техники врага. В заметке военкома 34 кавполка Колотушкина описано уничтожение красноармейцами двух польских аэропланов с помощью винтовок и пулеметов:

...над нашими головами показался аэроплан, который видно, хотел сбросить на нас бомбы. В это время из рядов бойцов послышался совет — спешится. Быстро это было исполнено и не успел еще аэроплан поравняться с нами, как в него полетел град пуль. Которыми чёрный ворон панов и был сражён» Таким же образом был сбит и второй самолёт. «Наш второй эскадрон сделал важное дело — сбил двух воронов (или ворон?) белополюков. Скоро паны не будут напускать на нас свои аэропланы, т. к. пускать их на верную гибель кому охота^{22?}

Конечно же бои не обходились без потерь, порой весьма больших. В каждом выпуске присутствуют некрологи о погибших в бою красноармейцах. Особо выдающимся погибшим командирам посвящены отдельные статьи. Так, прощанием с погибшим под Бродами командиром 34 полка К. А. Труновым посвящена отдельная заметка. Рядом с ней статья «Побольше таких Труновых»²³ написанная Кириллом Лютым. Это первая статья в газете знаменитого в будущем писателя Исаака Бабеля, который публиковался под таким псевдонимом²⁴. Позже в «Конармии» Бабель посвятит ему рассказ «Эскадронный Трунов».

Одним из самых интересных разделов газеты представляют сообщения о правонарушениях в армии. Иногда это просто замечания командиров, например, о том, что бойцы тратят даром патроны развлекают себя стрельбой, или утилизируют красноармейские газеты, вместо того чтобы передавать их крестьянам²⁵. Осуждаются и азартные игры.

Но часто можно увидеть сообщения о неподобающем поведении красноармейцев, случаев невыполнения приказа, грабежах крестьян, торговле казенным имуществом и даже случаев рукоприкладства между красноармейцами.

Зачастую все эти неприятные случаи связаны с пьянством или халатностью красноармейцев. Например, в заметке: «Выпил 2 стакана»²⁶, рассказывается как красноармеец Кучуренко, «ввиду политической невоспитанности», зашел к знакомой в хату где, выпив 2 стакана самогона,

²² Колотушкин. Сбили 2 польских аэроплана // Красный кавалерист. № 225. 1920. 3 сентября, С. 3.

²³ Лютый К. Побольше таких Труновых // Красный кавалерист. № 208. 1920. 13 августа, С. 3.

²⁴ Бабель И. Статьи из газеты «Красный кавалерист» М., 2002. С. 1.

²⁵ Мысли бойца // Красный кавалерист. № 206. 1920. 11 августа. С. 2.

²⁶ Выпил два стакана // Красный кавалерист. № 209. 1920. 14 августа, С. 3.

не смог в последствии вернуться в свою часть. За это он был приговорен к тюремному заключению на 6 месяцев. В заметке: «Сохранил спирт!»²⁷ рассказан случай как помощник командира артиллерийского борта бронепоезда № 72 Карл Паегле, получил на хранение 10 бутылок со спиртом для технических целей. После этого он незамедлительно устроил попойку со своей командой и угрожал убить командира бронепоезда товарища Ротштейна. После этого случая товарищ Паегле отправился в застенки на 15 лет.

С халатности можно отнести два эпизода из тыловой жизни красноармейцев. Так в одном случаи двое неизвестных красноармейцев пробрались в чей-то двор с целью набрать вишен. Там они заметили пчелиный улей и стали его окуривать, с целью добыть меда и отогнать пчел. В итоге они случайно запалили улей, а когда появился хозяин, незамедлительно скрылись²⁸. В той же заметке приводится случай, как некий боец дал почитать секретарю политотдела свою работу «Социальная философия Карла Маркса», которая в итоге бесследно исчезла²⁹.

В статье «Злые языки»³⁰ описан конфликт между командиром бронепоезда Мерзликиным и машинистом Чешко. Последний, якобы пустил слух, что командир приказал навести орудия на деревню за отказ выдать хлеб. Члены команды отрицают этот слух и рассказывают, что в этот день командир занимался сбором крестьян для починки взорванного моста по деревням, причем если в первой деревне председатель смог собрать крестьян, но во второй председатель был пьян и отказал в просьбе по причине того, что он мост не взрывал, а в третьей «вся деревня во главе с председателем была пьяна».

Комичный эпизод описан в статье «Хороши шутки»³¹ как два красноармейца Суржан и Олейников стали баловаться и бросать друг в друга яблоки. Суржан в какой-то момент схватил две палки и бросил в товарища, но тот ловко увернулся и одна палка угодила в ничего не подозревающего подвозчика, разбив ему лицо.

Другой забавной статьёй является заметка: «Пейте революционные песни»³², в которой красноармеец 23-го пулеметного полка возмущается, что красноармейцы, проходя через села, поют старорежимные и даже

---

²⁷ Валентинов. «Сохранил спирт» // Красный кавалерист. № 215. 1920. 21 августа, С. 4.

²⁸ Обратите внимание. Стыдно! //Красный кавалерист. № 206. 1920, 11 августа, С. 4.

²⁹ Там же

³⁰ Рантмец. Злые языки // Красный кавалерист. № 207. 1920. 12 августа, С. 4.

³¹ Шишкин В. Хороши шутки // Красный кавалерист. № 202. 1920. 7 августа, С. 3.

³² Ермолаев А. Пойте революционные песни // Красный кавалерист. № 203. 1920. 8 августа, С. 4.

Пойте революционные песни.

Товарищи красноармейцы, часто у нас замечается, особенно в 1-й Конной Армии, что проходя через села или города бойцы, играют песни старорежимные даже, и похабные. Товарищи, стыдно защитникам революции такие песни петь, нужно разучить революционные песни. Не в том свобода заключается, чтобы петь, кричать

что попало. Если проходите через местечко или город, нужно спеть революционную песню, и тогда сердце пролетария, почуя слова, призывавшие на борьбу с буржуазией, покланяется отдать себя за дело революции.

Кр-ец 23-го кавполка

пул. к-ды А. Ермолаев.

Рисунок 2. Ермолаев А. Пойте революционные песни

похабные песни. Следует петь «революционные» песни, дабы «сердце пролетария, почуяв слова, призывающие на борьбу с буржуазией, покланяется отдать себя за дело революции».

Вопиющим случаем является убийство военкома дивизии Георгия Шепелева. 29 сентября в газете появилась статья «6 дивизию к ответу»:

Некоторые части 6 дивизии покрыли себя несмываемым позором, запятнав себя страшными преступлениями. Кучка негодяев из Ибригады убила военкома дивизии красного казака т. Шепелева. Убила за то, что он, согласно приказу по армии, застрелил на месте бандита-фельдшера 33-го полка, который сначала вырезал бедную еврейскую семью, а затем стал грабить. Бойцы 31, 32 и 33 полков совершили ряд погромов, насилий грабежей... Из Москвы запрашивают Реввоенсовет товарищи Ленин и Троцкий о гнусностях, творимых в 6 дивизии. Все честные рабочие и крестьяне 6 дивизию считают теперь бандитской, хулиганской. Тень падает на всю армию...³³

На следующий день в газете было опубликовано открытое письмо политработников в армиях «Бандитизм в армии — наш позор»³⁴, в котором перечислялись причины подобного поведения красноармейцев: 1) низкий культурный уровень в красноармейской среде 2) свободное распространение в армии национального человеконенавистничества (в данном случае юдофобии) 3) недостаточность сознательности в отношении понимания целей военной и партийной дисциплины. Это история закончилась только в октябре, когда виновные подверглись суду военно-революционного трибунала. Полки, в которых начались волнения,

³³ 6 дивизию к ответу! //Красный кавалерист. № 255. 1920. 10 октября, С. 3.

³⁴ На страже революции. Бандитизм в армии — наш позор. Открытое письмо политработникам в армиях // Красный кавалерист. № 256. 1920. 11 октября, С. 4.

должны были быть разоружены и выведены из состава конармии. Впрочем, благодаря личному вмешательству Буденного и близкой третьей годовщины Революции, часть виновных была амнистирована и «искупила вину кровью» на врангелевском фронте.

Другой пример открытого антисемитизма в красной армии можно увидеть в заметке «Инструктор по недоразумению»³⁵, в которой рассказывается что инструктор по организации и контролю деятельности комячеек Валув-Крушельницкий

...заявил в присутствии крестьян, что евреи все дармоеды, этим гадам не нужно давать и по пол фунта хлеба... в течении получаса продолжал отстаивать высказанное им в начале разговора мнение и только в конце спора он сделал уступку и заявил, что между евреями может быть, найдется 10% трудящихся, 90 же % безусловно гады и дармоеды, а между русскими людьми, наоборот, найдется 10% дармоедов, а 90% безусловно трудящихся.

Как видим, антисемитизм в красной армии присутствовал, несмотря на наличие значительно еврейского элемента среди красных, особенно на командных должностях³⁶.

Антисемитизм поляков конечно тоже отмечают. Так в статье И. Бабеля «Рыцари цивилизации» описывается еврейский погром в Берестечке, устроенный поляками. При этом высмеивается польская идея как защитников Европы:

Польская армия обезумела. Смертельно укушенные паны, издыхая, мечутся в предсмертной агонии, нагромождая преступление на глупость, погибают, бесславно сходя в могилу под проклятия и своих и чужих. Чувствуя, что и прежде, — они идут напролом, не заботясь о будущем, основательно забыв, что, по мысли антантовских гувернанток, они, рыцари европейской культуры, являются стражами «порядка и законности», барьером против большевистского варварства... Так погибает шляхта. Так издыхает злобный бешеный пес. Добейте его, красные бойцы, добейте его во что бы то ни стало, добейте его сейчас, сегодня! Не теряя ни минуты³⁷.

Проблемы приносило и чрезмерное увлечение прекрасным полом. Так в статье «Праздных женщин не должно быть»³⁸ сообщается, что на территории бронбаз находится много «сотрудниц», которые не занимаются ничем полезным, к тому же автор осведомлен, что многие

---

³⁵ *Магин И.* Инструктор по недоразумению // Красный кавалерист. № 208. 1920. 13 августа, С. 4.

³⁶ *Будницкий О.* Российские евреи между красными и белыми. М. 2006. С. 551.

³⁷ *К. Л.* Рыцари цивилизации // Красный кавалерист. № 209. 1920. 14 августа, С. 2.

³⁸ *Щекольников.* Праздных женщин не должно быть // Красный кавалерист. № 207. 1920. С. 4.

из них заражены венерическими заболеваниями. В статье «Виновники слушайте!»³⁹ политотдел сообщает, военкомы двух дивизий разъезжают на тройках с некими девицами не выполняющими никакой работы, а политработник в одной из дивизий завел себе денщика, который чистит ему сапоги. По настоянию комячейки командиры увезли своих «жён» из воинских частей, но вскоре их место заняли новые «жёны». Командиры прямо с поля боя уезжают в обоз к своим «жёнам» и бойцам с донесениями приходится их там разыскивать на взмыленных конях.

Встречаются сообщения и об изнасилованиях. Так начальник Административного Отдела Штаба 1-конной Бромберг несколько раз пытался изнасиловать трех гражданок — Ярошевскую, Катриче и Бахмадзе. Кроме того, он был уличен в краже продуктов из штабного цейхгауза. Даже членство в партии не спасло его от расстрела⁴⁰.

Много заметок посвящено дезертирам и самовольным отлучкам. Так в разделе объявлений, среди многочисленных сообщений о пропаже документов и имущества у отдельных бойцов, можно встретить сообщения о том, что какой-то боец или командир не явился на сборный пункт и будет вскоре объявлен дезертиром, например,

Товарищ Стефан Шпингер, зачисленный в резерв 20-VIIс. г., до сих пор не явился. Не позже 3-х дней после публикации данного объявления, т. Шпингеру надлежит явиться в часть. В противном случае тов. Шпингер будет считаться дезертиром⁴¹.

В другой статье мы видим пример дезертирства с оружием в руках:

В ночь на 6 августа с. г. во время отдыха нашей батареи бежал красноармеец Савенко и украл у своих товарищей два револьвера системы «Наган», перерезав шнуры у спящих⁴².

Интересная заметка посвящена дезертировавшей женщине⁴³. Санитарка Анастасия Шевчук из 4 эскадрона 21 ковполка попыталась перейти на сторону поляков, но была поймана и получила год исправительных работ.

Дезертирство в годы гражданской войны было весьма массовым явлением, причем со стороны всех воюющих сторон, особенно в частях, созданных из бывших военнопленных⁴⁴. Например, 30 мая 1920 года, после сра-

---

³⁹ Виновники слушайте! //Красный кавалерист. № 208. 1920. 13 августа, С. 4.

⁴⁰ По вине и наказание // Красный кавалерист. № 203. 1920. 8 августа, С. 4.

⁴¹ Объявления // Красный кавалерист. № 204. 1920. 11 августа, С32.

⁴² Фомин. И. Позор беглецам! //Красный кавалерист. № 213. 1920. 18 августа, С. 3.

⁴³ Не дезертируй // Красный кавалерист. № 253. 1920. 8 октября, С. 4.

⁴⁴ Левшин К. Причины дезертирства в Красной армии (1918–1921 гг.). М, 2011, С. 73.

жения под Володаркой, на сторону поляков перешла 3 донская кавалерийская бригада 1-й конной, которая ранее была набрана из пленных донских казаков, воевавших в армии Деникина. Были и обратные случаи, правда в основном среди пленных русских и украинцев. Вообще политическая обработка пленных является частой темой заметок, хотя пленные поляки в основном, поддерживали большевистскую идею больше на словах. Так в статье «Поняли наконец»⁴⁵ рассказывается о 82 пленных поляков, которые после митинга «*шлют проклятье кровавом пану Пилсудскому и всей его своре, введшей нас в заблуждение и вызвавшим братоубийственную войну*». В статье «Глаза открылись»⁴⁶ сообщается о митинге поляков-военнопленных в Дубно, которые написали резолюцию к польской армии, в которой сообщают что пропагандистский образ красной армии в польском сознании, как армии бандитов, является ложью и с нетерпением ждут, когда красный флаг засияет над всей Польшей. Резолюцию подписали 206 человек, после чего спели по-польски «Красное знамя» и «Интернационал». Правда о том, что кто-то из них добровольно вступил в ряды красной армии, не сообщается. К слову, в газете публикуется переделанный текст знаменитой польской песни «Варшавянка», под названием «Красная Варшавянка»⁴⁷, за авторством В. Лебедева-Кумача.

Польский плен для красноармейца считается позором, к тому же поступают сообщения о плохом обращении. Так в статье «Лучше смерть чем польский плен»⁴⁸ приведен рассказ красноармейца А. Ковтуна, бежавшего из польского плена. Он рассказывает о том, что поляки пытаются пленных с целью узнать ценные сведения о Первой конной, избивают, связывают, бьют плетью, прижигают пальцы зажигательным стеклом. Челны партии расстреливаются на месте. Так как многие пленные не сознаются, их раздевают и ищут «коммунистические печати» на теле. Так некоторые красноармейцы были убиты из-за следов прививок от оспы. В любопытной заметке: «В плену у панов»⁴⁹ приведен эпизод как от пленных красноармейцев пришло коллективное письмо, о том, что хорошо себя чувствуют в плену, но подписывает его странными фамилиями. Оказалось, что если прочитать фамилии справа-налево, то выйдет «кормят плохо, кроме сухарей ничего не дают».

---

⁴⁵ Поняли наконец // Красный кавалерист. № 217. 1920. 25 августа, С. 3.

⁴⁶ Глаза открылись // Красный кавалерист. № 214. 1920. 20 августа, С. 3.

⁴⁷ Советская Варшавянка // Красный кавалерист. № 265. 1920. 21 октября, С. 2.

⁴⁸ Мальцев. «Лучше смерть чем польский плен» // Красный кавалерист. № 209. 1920. 14 августа, С. 4.

⁴⁹ Рабичев И. В плену у панов // Красный кавалерист. № 224. 1920. 2 сентября, С. 4.

Борьбе с дезертирством посвящено так же творчество красноармейцев. Вот такие стихи неизвестного автора, были опубликованы 30 августа, в период напряжённых боев:

Эй боец! Не дезертируй —
Дома все спокойно.
Помогаем мы всем миром
Семьям честным воинам.

Вообще стихам и песням на тему революционной борьбы и актуальных событий в газете отведено достаточно места. Например, некий железнодорожник В. Керпенко, сочинил целую балладу про взятие Луцка⁵⁰, начинающаяся четверостишьем:

Сбылись мечты борцов труда и воли
Луцк пал! И дрогнули паны
Вздыхнул народ, уставший от неволи
И духом воспрянули народные ряды

Другое стихотворение было написано в период наступления 1-кной в начале августа 1920:

Вперед, товарищи, на панство мы пойдем,
Коней ретивых в пушки запряжем,
Вперед помчимся ветров всех быстреей,
Огонь направим в польских палачей.
Гранатами отродье панское собьём,
Картечью все атаки отобьём,
Шрапнелью будем по войскам стрелять
И шашками их головы снимать⁵¹.

Комические сюжеты присутствуют и в красноармейской прозе. Особенно запоминается сатирический фельетон «Генерал Махно»⁵², написанный под впечатлением некоего сообщения из белогвардейской прессы, о том, что Нестор Махно стал генералом в армии Врангеля. По сюжету депутаты от Врангеля приходят к Махно и спрашивают его, обирает ли он крестьян, поддерживает ли он зажиточное крестьянство и свободную торговлю, воюет ли с красными, пьёт водку, играет ли в карты и ругается. Получив на все утвердительные ответы, депутаты полагают, что между ними и анархистами нет никакой разницы, и назначают Махно генералом. Махно требует погоны и сетует, что человеку трудно найти самого себя.

⁵⁰ Керпенко В. Луцк Пал // Красный кавалерист. № 202, 1920. 7 августа, С. 3.

⁵¹ Батарейцам // Красный кавалерист. № 204. 1920. 9 августа, С. 2.

⁵² Д. Г. Генерал Махно // Красный кавалерист. № 204. 1920. 9 августа, С. 4.

В армии имеется армейская библиотека, клуб им. Буденного и театр, рецензии на некоторые постановки которого, печатаются в газете. Часто эти спектакли превращались в политические митинги, где партработники выступали перед солдатами. Иногда представления проходили не так как задумано. Так на постановке драмы «Без вины виноватые» в Галиции:

зрители красноармейцы бродили по залу и на все просьбы предупреждения каких-то голосов не обращали никакого внимания. По окончания представления поднялся такой шум, свист, рев что хоть святых выноси. Кто-то усиленно старался подвывать по-собачьи. Артистам пришлось уходить за кулисы опозоренными⁵³.

Любопытным местом в газете является «Уголок неграмотного», где крупным текстом печатается нравоучительная или забавная история. Это сопровождается следующим сообщением

Товарищ! Повторяй постоянно с неграмотным азбуку! Читай с ним все, что дается в «Уголке неграмотного». Товарищ! Когда ты обучишь неграмотного, напиши об этом в редакцию газеты «Красный Кавалерист». Напиши, как ты ему объяснял, в чем были трудности и сколько продолжалось обучение⁵⁴.

Другим интересным местом является «Уголок политической грамоты». Здесь мы видим целый список статей под заголовком «История органической жизни». Рассказывается об устройстве физического и биологического мира, микроорганизмах и даже о теории Дарвина. Тут же присутствует «Уголок санитарного просвещения» рассказывающей о разнообразных болезнях и защите от них, в частности о тифе и холере, а в выпуске № 202 мы видим заметку под названием «Нужно уничтожать вшей»⁵⁵. В «Заметках бойца» даются советы красноармейцам как проводить досуг, а в «Уголке политграмоты» — что правильно читать и изучать. Так в № 219 рассказывается о международном языке эсперанто, благодаря которому красноармеец может переписываться с рабочими всего мира⁵⁶. Любопытная заметка: «Не насмешками, а убеждениями» советующая красноармейцам не смеяться над верой поляков, а нести им атеистическую пропаганду путем бесед:

---

⁵³ И. Даценко. Стыдно // Красный кавалерист. № 217. 1920. 24 августа, С. 3.

⁵⁴ Уголок неграмотного // Красный кавалерист. № 208. 1920. 13 августа, С. 4.

⁵⁵ Борьба с эпидемией. Нужно уничтожать вшей // Красный кавалерист. № 202. 1920. 7 августа, С. 2.

⁵⁶ Об эсперанто // Красный кавалерист. № 219. 1920. 26 августа, С. 3.

Рисунок 3. Уголок неграмотного с азбукой

Рисунок 4. Уголок неграмотного с примером истории

...уважение к чужой вере, к чужим заблуждениям, мы покажем, что несем истинную свободу и укрепим доверие к себе, а тогда и слова наши станут действительнее⁵⁷.

Подводя итог обзору статей «Красного кавалериста» за август 1920 года, хочется отметить разносторонность материалов газеты. В статьях мы видим не только пропагандистские статьи и «уголки политика», но и статьи на тему внутренней жизни полка. Неожиданно было найти столько информации на тему военных преступлений и военных трибуналов в Первой конной. Много материала посвящено творчеству и досугу бойцов, в частности обучению грамотности и научному представлению о мире. Значительное место уделено общению буденовцев с крестьянством и их поведению среди поляков и украинцев. Уделяется в газете место и новостям о событиях в мире и в России, особенно упор ставится на солидарность трудящихся всех стран, независимо от национальности и цвета кожи. Мировая революция так и не случается, Варшава так и не взята, но дух газетных статей все еще остается оптимистичным. По воспоминаниям буденовцев, «Красный кавалерист» был «любимой, дорогой, милой газетой»⁵⁸ которая пользовалась большой популярностью в армии. К тому же журналисты и редакторы газеты разделяли все лишения и трудности походной жизни вместе с бойцами, не раз сами брались за оружие в трудных ситуациях. По нашему

⁵⁷ Не насмешками, а убеждением // Красный кавалерист. № 228. 1920. 8 сентября, С. 1.

⁵⁸ Братская могила: Биографический словарь умерших и погибших членов Моск. орг. РКП(б) — М., 1923. С. 136.

мнению, газета «Красный кавалерист» является одним из самых интересных и важных источников о жизни и личностях Первой конной, еще не подверженной цензуре послевоенного времени.

Список источников и литературы

- 6 дивизию к ответу! //Красный кавалерист. № 255. 1920. 10 октября, С. 3.
Бабель И. Статьи из газеты «Красный кавалерист» М., 2002. С. 1.
Батарейцам // Красный кавалерист. № 204. 1920. 9 августа, С. 2.
Борьба с эпидемией. Нужно уничтожать вшей // Красный кавалерист. № 202. 1920. 7 августа, С. 2.
Братская могила: Биографический словарь умерших и погибших членов Моск. орг. РКП(б) — М., 1923. С. 136.
Буденный С. Первая конная. М. 2012. С. 445
Будницкий О. Российские евреи между красными и белыми. М. 2006. С. 551.
Валентинов. «Сохранил спирт» // Красный кавалерист. № 215. 1920. 21 августа, С. 4.
Вардин И. Быть или не быть? //Красный кавалерист. № 203. 1920. 8 августа, С. 1.
Вердин И. Нам нужно торопится! //Красный кавалерист. № 210. 1920. 15 августа, С. 1.
Вердин И. Новый поход начался! //Красный кавалерист. № 217. 1920. 24 августа, С. 1.
Вардин И. Почему мы идем «за границу?» //Красный кавалерист. № 207. 1920. 12 августа, С. 1.
Вердин И. Хорошо смеётся тот... //Красный кавалерист. № 225. 1920. 3 сентября, С. 1.
Виновники слушайте! //Красный кавалерист. № 208. 1920. 13 августа, С. 4.
Выпил два стакана // Красный кавалерист. № 209. 1920. 14 августа, С. 3
Вытягивают за уши утопающих панов // Красный кавалерист. № 203. 1920. 8 августа, С. 1.
Глаза открылись // Красный кавалерист. № 214. 1920. 20 августа, С. 3.
Даценко И. Стидно // Красный кавалерист. № 217. 1920. 24 августа, С. 3.
Д. Г. Генерал Махно // Красный кавалерист. № 204. 1920. 9 августа, С. 4.
Ермолаев А. Пойте революционные песни // Красный кавалерист. № 203. 1920. 8 августа, С. 4.
Троцкий Л. На Варшаву // Красный кавалерист. № 211. 1920. 16 августа, С. 1.
Толнев И. Первая Конная в боях за социалистическую родину: очерк боевых действий. М., 1938. С. 216.
Каменев Л. Мир с Польшей подписан, все силы против Врангеля // Красный кавалерист. № 259. 1920. 15 октября, С. 1.
Карпенко В. Луцк Пал // Красный кавалерист. № 202, 1920. 7 августа, С. 3.
К. Л. Рыцари цивилизации // Красный кавалерист. № 209. 1920. 14 августа, С. 2.
Клюев Л. Л. Первая конная Красная армия на польском фронте в 1920 году. — М., 1932. С. 140.
Красные не сдаются» // Красный кавалерист. № 209. 1920. 14 августа, С. 2.
Колотушкин. Сбили 2 польских аэроплана // Красный кавалерист. № 225. 1920. 3 сентября, С. 3.
Кубанец А. Все для победы! //Красный кавалерист. № 219. 1920. 26 августа, С. 1.
Левшин К. Причины дезертирства в Красной армии (1918–1921 гг.). М, 2011, С. 73.
Лютый К. Побольше таких Труновых // Красный кавалерист. № 208. 1920. 13 августа, С. 3.
Магин И. Инструктор по недоразумению // Красный кавалерист. № 208. 1920. 13 августа, С. 4.
Мальцев. «Лучше смерть чем польский плен» //Красный кавалерист. № 209. 1920. 14 августа, С. 4.
Мир с Латвией // Красный кавалерист. № 209. 1920. 14 августа, С. 1.
Мысли бойца // Красный кавалерист. № 206. 1920. 11 августа, С. 2.
На страже революции. Бандитизм в армии — наш позор. Открытое письмо политработникам в армиях // Красный кавалерист. № 256. 1920. 11 октября, С. 4.

Не дезертируй // Красный кавалерист. № 253. 1920. 8 октября, С. 4.
 Не насмешками, а убеждением // Красный кавалерист. № 228. 1920. 8 сентября, С. 1.
 Обратите внимание. Стыдно! // Красный кавалерист. № 206. 1920, 11 августа, С. 4.
 Объяснения // Красный кавалерист. № 204. 1920. 11 августа, С32.
 Об эсперанто // Красный кавалерист. № 219. 1920. 26 августа, С. 3.
Петров М. Геройский подвиг // Красный кавалерист. № 208. 1920. 13 августа, С. 3.
 По вине и наказание // Красный кавалерист. № 203. 1920. 8 августа, С. 4.
 Польский солдат — кто твой враг? // Красный кавалерист. № 213. 1920. 18 августа, С. 1
 Поняли наконец // Красный кавалерист. № 217. 1920. 25 августа, С. 3.
Рабицев И. В плену у панов // Красный кавалерист. № 224. 1920. 2 сентября, С. 4.
 Разоружение Советских войск в Восточной Пруссии // Красный кавалерист. № 231. 1920.
 11 сентября, С. 2.
 Рантмец. Злые языки // Красный кавалерист. № 207. 1920. 12 августа, С. 4.
Родченко А. Степанова В. Первая конная. М. 1938. С. 181.
 Советская Варшавянка // Красный кавалерист. № 265. 1920. 21 октября, С. 2.
Троцкий Л. На Варшаву // Красный кавалерист. № 211. 1920. 16 августа, С. 1.
 Уголок неграмотного // Красный кавалерист. № 208. 1920. 13 августа, С. 4.
 Уходите из рядов белопольской армии! // Красный кавалерист. № 214. 1920. 19 августа, С. 1.
 Фомин. И. Позор беглецам! // Красный кавалерист. № 213. 1920. 18 августа, С. 3.
 Целый век на переднем крае. // Военный вестник Юга России. № 46. 2019. 25 ноября, С. 1.
Шнижкин В. Хороши шутки // Красный кавалерист. № 202. 1920. 7 августа, С. 3.
Шеицков С., Неистовые ревнители. Из истории лит. борьбы 20-х годов, М., 1970. С. 379.
 Щекольцов. Праздных женщин не должно быть // Красный кавалерист. № 207. 1920. С. 4.
 List of sources and references.
 6 division to answer! // Red cavalryman. # 255. 1920. October 10, P. 3.
 Babel I. Articles from the newspaper «Red cavalryman» M.. 2002. P. 1.
 Batareysam. // Red cavalryman. # 204. 1920. August 9, P. 2.
 Fighting the epidemic. You need to destroy lice. // Red cavalryman. # 202. 1920. August 7, P. 2.
 Mass grave: Biographical dictionary of the deceased and deceased members of the Moscow org.
 RCP (b) — M., 1923. P. 136.
 Budyonny S. First horse. M. 2012. P. 445
 Valentine's. «Saved the alcohol.» // Red cavalryman. # 215. 1920. August 21, P. 4.
 Vardin I. to be Or not to be? // Red cavalryman. # 203. 1920. August 8, P. 1.
 Verdin I. We need to hurry! // Red cavalryman. # 210. 1920. August 15, P. 1.
 Verdin I. a New campaign has begun! // Red cavalryman. # 217. 1920. August 24, P. 1.
 Vardin. I. Why do we go «abroad?» // Red cavalryman. # 207. 1920. August 12, P. 1.
 Verdin I. Good laughs that... // Red cavalryman. # 225. 1920. September 3, P. 1.
 Culprits listen! // Red cavalryman. # 208. 1920. August 13, P. 4.
 Drank two glasses. // Red cavalryman. # 209. 1920. August 14, P. 3
 They pull drowning gentlemen by the ears. // Red cavalryman. # 203. 1920. August 8, P. 1.
 Eyes opened. // Red cavalryman. # 214. 1920. August 20, P. 3.
 Datsenko I. Shame. // Red cavalryman. # 217. 1920. August 24, P. 3.
 D. G. General Makhno. // Red cavalryman. No. 204. 1920. August 9, P. 4.
 Ermolaev A. Sing revolutionary songs. // Red cavalryman. # 203. 1920. August 8, P. 4.
 Trotsky L. on Warsaw. // Red cavalryman. # 211. 1920. August 16, P. 1.
 Kamenev L. Peace with Poland signed, all forces against Wrangel. // Red cavalryman. # 259.
 1920. October 15, P. 1.
 Karpenko V. Lutsk Fell. // Red cavalryman. № 202, 1920. August 7, P. 3.
 K. L. Knights of civilization. // Red cavalryman. # 209. 1920. August 14, P. 2. the
 Reds do not give up.» // Red cavalryman. # 209. 1920. August 14, P. 2.
 Collective of authors. First horse. M. 1938. P. 181

Klyuev. L. L. The First Cavalry Red Army on the Polish Front in 1920. — M., 1932. S. 140.
 Kolotushkin. 2 Polish planes were shot down. // Red cavalryman. # 225. 1920. September 3, P. 3.
 Kubanets A. Everything to win! // Red cavalryman. # 219. 1920. August 26, P. 1.
 Lyutyj K. More of these Trunovs. // Red cavalryman. # 208. 1920. August 13, P. 3.
 Levshin K. Reasons for desertion in the Red Army (1918–1921). M., 2011, P. 73.
 Magin I. Instructor for a misunderstanding. // Red cavalryman. No. 208. 1920. August 13, P. 4.
 Maltsev. «Better death than Polish captivity.» // Red cavalryman. # 209. 1920. August 14, P. 4.
 Peace with Latvia. // Red cavalryman. # 209. 1920. August 14, P. 1.
 Thoughts of a fighter. // Red cavalryman. # 206. 1920. August 11, P. 2.
 on guard of the revolution. Banditry in the army is our shame. An open letter to political workers
 in the army. // Red cavalryman. # 256. 1920. October 11, P. 4. Don
 «t desert. // Red cavalryman. No. 253. 1920. October 8, P. 4.
 Not with ridicule, but with conviction. // Red cavalryman. No. 228. 1920. September 8, P. 1.
 Pay attention. Shame on you! // Red cavalryman. # 206. 1920. August 11, P. 4.
 Ads. // Red cavalryman. # 204. 1920. August 11, C32.
 About Esperanto. // Red cavalryman. # 219. 1920. August 26, P. 3.
 Petrov M. Heroic feat. // Red cavalryman. # 208. 1920. August 13, P. 3.
 Through guilt and punishment. // Red cavalryman. # 203. 1920. August 8, P. 4.
 Polish soldier—who is your enemy? // Red cavalryman. # 213. 1920. August 18, P. 1
 Understood finally. // Red cavalryman. # 217. 1920. 25 August, P. 3.
 Rabchev I. Captured by the lords. // Red cavalryman. # 224. 1920. September 2, P. 4.
 Disarmament of Soviet troops in East Prussia. // Red cavalryman. # 231. 1920. September 11, P. 2.
 Rantmetz. Evil tongue. // Red cavalryman. # 207. 1920. August 12, P. 4.
 Soviet Varshavyanka. // Red cavalryman. # 265. 1920. October 21, P. 2.
 Trotsky L. On Warsaw. // Red cavalryman. # 211. 1920. August 16, P. 1.
 Tyulenev I. First Horse in battles for the socialist homeland: an outline of military operations.
 M., 1938. S. 216.
 Corner of the illiterate. // Red cavalryman. # 208. 1920. August 13, P. 4.
 Leave the ranks of the belopolska army! // Red cavalryman. # 214. 1920. August 19, P. 1
 Fomin. I. Shame on the fugitives! // Red cavalryman. # 213. 1920. August 18, P. 3.
 A century at the forefront. // Military Bulletin of the South of Russia. No. 46. 2019.25 November, p. 1.
 Sheshukov S., Furious Zealots. From the history of lit. struggle of the 20s, M., 1970. S. 379.
 Shishkin V. Good jokes. // Red cavalryman. # 202. 1920. August 7, P. 3.
 Shchekoltsov. There should be no idle women. // Red cavalryman. # 207. 1920. P. 4.

Konstantin Igorevich VASILIEV

Librarian, Department of Newspapers, the National Library of Russia

E-mail: vitkov1420@yandex.ru

The Red Cavalryman Newspaper of the 1st Cavalry Army during the Battle of Warsaw

The article examines articles published in the Red Cavalryman (Krasniy Kavalerist) newspaper of the policy department of the 1st Cavalry Army in August 1920 during the Battle of Warsaw. The author looks at the various subject matter taken up by the newspaper: military briefs, the army's internal problems and demands, announcements, Red Army soldiers' creative output, their attitude toward the enemy, heroic feats carried out by troops and commanding officers and breaches of conduct.

Keywords: 1st Cavalry Army, Red Army, newspapers, Russian Civil War.

УДК 94 (47).084.3

ББК 63.3 (2) 612

Егор Викторович МИШИН

Студент 3-го курса бакалавриата, Институт Истории СПбГУ
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: mr.mishin.71@yandex.ru

Юрий Валерьевич ХОРКУШ

Студент 3-го курса бакалавриата, Институт Истории СПбГУ
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: Khorkush@list.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

В статье делается попытка рассмотреть восприятие Гражданской войны в России студентами российских вузов в возрасте от 18 до 22 лет. Респондентам было предложено ответить на ряд вопросов полуоткрытого и закрытого характера, касающихся основных характеристик Гражданской войны как исторического явления, причин её возникновения, особенностей, следствий, участников. Выявленная в ходе исследования дифференциация мнений, где умеренные оценки в вопросах о причине Гражданской войны, ответственности участников и увековечивания памяти её участников соседствуют с крайне противоположными ответами в области личного отношения к сторонам, может говорить об отсутствии целостного понимания процессов тех лет.

Ключевые слова: Гражданская война в России, революция, современные российские студенты, «красные», «белые», интервенты.

Столетний юбилей Гражданской войны в России (и особенно предстоящая сотая годовщина её окончания на европейской территории страны) актуализировал в обществе и научных кругах обсуждения и дискуссии о её причинах, природе и следствиях. За последние несколько лет в свет вышел ряд публикаций по этой теме¹.

Острая полемика по данным вопросам продолжает вестись не только в рамках академической науки. Примерами здесь могут служить спор о переименовании станции московского метро «Войковская» в 2015 г., скандалы из-за установки, а затем демонтажа памятных досок Карлу

---

¹ Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2018. Т. 6, 7; 1917 год в судьбах народов России: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2017.

Маннергейму и А. В. Колчаку в Санкт-Петербурге в 2016 г., аналогичная история с открытием памятника Тимофею Сладкову, известному как «победитель Чапаева» в Оренбургской области осенью 2020 г. Споры вокруг памятников и переименований улиц продолжаются во многих городах России и сегодня.

В связи со столетием революционных событий 1917 г. и Гражданской войны неоднократно такими организациями как ВЦИОМ, ФОМ проводились опросы общественного мнения на данную тему².

Данные социологических опросов, выводы учёных, а также вышеуказанные события последних лет свидетельствуют о сложности и неоднозначности сложившихся в российском обществе представлений о гражданской войне, противоречивости картины прошлого. Отдельную проблему составляет слабое знание учащейся молодёжью событий Великой российской революции и Гражданской войны³.

В недавнем прошлом уже проводилось исследование, в котором рассматривались представления учащейся молодёжи о Гражданской войне в России. Выводы неутешительны: анализ результатов анкетирования свидетельствует о несформированности у российской молодежи целостной картины Гражданской войны, значительной дифференциации позиций по ключевым вопросам конфликта, отсутствием у большей части респондентов достаточных знаний о данном периоде отечественной истории⁴.

Сложность данной проблемы, динамические изменения в общественном сознании россиян обуславливают необходимость дальнейшей научной разработки указанной темы, её детализации сквозь призму различных социальных групп и общностей. В нашем случае речь идёт о студентах российских вузов.

Теоретический объект исследования — восприятие Гражданской войны молодёжью. Эмпирический объект — студенты российских вузов в возрасте от 18 до 22 лет.

В ходе данного исследования, проведённого с помощью удалённой анкеты (google-формы), была сформирована выборка в 76 человек

---

² Гражданская война в России: сто лет спустя // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-vojna-v-rossii-stolet-spustya-> (дата обращения: 20.11.2020); Граждане скорее за красных [электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3461055> (дата обращения 21.11.2020).

³ Денисова А. А., Дергилева Д. В. 100-летие Октябрьской революции в России. Современный взгляд // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сб. научных трудов. Вып. IX. М., 2018. С. 315–319.

⁴ Ананченко А. Б., Шаповалов В. Л. Менталитет современной российской молодежи: отношение к Гражданской войне 1917–1921 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. №1. С. 100–111.

в возрасте от 18 до 22 лет. Из них 63% (48 чел.) являются студентами Санкт-Петербургского государственного университета.

Предмет исследования — особенности восприятия Гражданской войны учащейся молодежью. Цель исследования — определение представлений о Гражданской войне, сформированных у российских студентов в возрасте от 18 до 22 лет. Гипотеза — современное российское студенчество не имеет целостной картины восприятия событий эпохи Гражданской войны в России. Т. к. транслируемые в молодёжную среду противоречивые представления о данном событии, сложившихся в российском обществе, не позволяет сформировать определенное мнение о Гражданской войне.

Метод исследования — пилотное исследование в форме удалённого анкетирования. Исследование было проведено 15–18 октября 2020 года в Санкт-Петербурге. Респондентам было предложено ответить на 8 вопросов закрытого, 6 полуоткрытого и 1 открытого типов (см. *табл. 1*).

В начале анкеты респондентам было предложено оценить свой уровень знания отечественной истории, выбрав одну из трёх категорий — «новичок», «любитель», «профессиональный историк» или предложив свою (см. *табл. 2*).

В целом, молодые люди невысоко оценивают свои знания истории. Более того, некоторые опрошенные затруднялись в указании своего уровня знаний, предпочитая промежуточные варианты («Выше любителя, ниже профессионального историка», «Уже не любитель, но ещё и не профессиональный историк»).

Говоря о представлениях молодёжи о Гражданской войне, необходимо выяснить, на чём они базируются, по каким каналам информации происходит их формирование. Респондентам предлагалось выбрать один или несколько источников информации (см. *табл. 3*).

Таким образом, самыми популярными источниками информации о событиях Гражданской войны в России являются учебники и мультимедиа (научно-популярные порталы, видео, подкасты) — эти варианты выбрали 88 и 67% опрошенных соответственно. Правда, стоит отметить, что научные монографии и статьи оказались более популярным ответом, чем художественные фильмы — 50 против 43%. Однако форма такого ответа не позволяет судить о степени влияния научных работ на представления указавших этот вариант. Для фиксирования тенденции усиления интереса к научному знанию, в т. ч. через научно-популярные издания, необходимо более подробное исследование.

При этом, можно заметить довольно низкую по сравнению с остальными вариантами популярность художественного кино как источника знаний о Гражданской войне. Возможно, этот факт связан с отсутствием в постсоветское время большого количества фильмов на данную тему

Таблица 1. Опросный лист исследования (фрагмент)

Вопросы	Варианты ответов
Из каких источников информации Вы узнаете о событиях Гражданской войны в России?	Учебники; Научно-популярные порталы (например, «Azgamas», «Цифровая история» и др.), видео-лекции на YouTube, подкасты; Художественная литература и публицистика; Документальное кино; Научные монографии и статьи; Художественные фильмы
Как Вы считаете, какое событие стало отправной точкой, с которой началась Гражданская война?	Февральская революция; Корниловский мятеж; Октябрьская революция; Формирование Добровольческой армии на Дону; Мятеж Чехословацкого корпуса; Другое
Можно ли было избежать Гражданской войны?	Да; Нет; Затрудняюсь ответить
Какая из причин стала главной в развязывании войны?	Политика большевиков; Иностранное вмешательство (интервенция); Действия антибольшевистских сил; Непреодолимые противоречия в российском обществе; Всё вышеперечисленное; Ничего из вышеперечисленного; Затрудняюсь ответить
Какую из сторон Вы бы поддержали, окажись участником Гражданской войны?	Красные; Белые; Эсеры и анархисты; Никакую; Затрудняюсь ответить
Были ли победители в Гражданской войне?	Да, и это красные; Нет, в Гражданской войне не бывает победителей; Другое
Установление советской власти в результате Гражданской войны оказалось для страны... (чем?)	Определённо благом; Скорее благом; И не благом и не злом; Скорее злом; Определённо злом; Затрудняюсь ответить
Каковы причины установления Советской власти на большей части территории бывшей Российской империи по итогу Гражданской войны?	Поддержка многомиллионных масс населения; Военное и экономическое превосходство; Грамотная политическая стратегия; Слабость и нескоординированность действий противников; Беспринципность красных в отношении своих противников; Изменение внешнеполитической ситуации; Другое
Кто несёт большую ответственность за масштабы и кровавый ход войны?	Красные; Белые; Восстающие крестьяне; Интервенты; Все несут равную ответственность; Никто не несёт ответственности; Другое
Стоит ли увековечивать память героев гражданской войны?	Да, героев всех противоборствующих сторон; Да, героев только победившей стороны; Да, героев только антибольшевистских сил; Да, но лишь некоторых героев из разных противоборствующих сторон; Нет, в этой войне не может быть героев; Затрудняюсь ответить
Имеют ли события Гражданской войны отношение к сегодняшней жизни?	Да, непосредственное; Да, частично имеют; Нет, практически не имеют; Затрудняюсь ответить

Таблица 2. Оценка респондентами своего уровня исторических знаний

Вариант	Кол-во респон., чел.	Удельный вес респон., %
Новичок	20	26
Любитель	31	41
Профессиональный историк	18	24
Иное	7	9

Таблица 3. Ответы на вопрос «Из каких источников информации Вы узнаете о событиях Гражданской войны в России?»

Вариант	Кол-во респон., чел.	Удельный вес респон., %
Учебники	67	88
Научно-популярные порталы (Постнаука, Arzamas, Цифровая история и др.), лекции на YouTube, подкасты	51	67
Художественная литература и публицистика	47	61
Документальное кино	45	59
Научные монографии и статьи	38	50
Художественные фильмы	33	43

(как высокого художественного уровня, так и в принципе) и слабым интересом молодёжи к советским кинокартинам.

Содержательные вопросы о Гражданской войне, заданные респондентам, были сгруппированы по условным блокам. Первый из них связан с оценками Гражданской войны как явления Российской истории, её причин и даты начала. Участникам анкетирования предстояло выделить главную причину Гражданской войны (см. табл. 4).

Большинство респондентов (34%) склонны трактовать войну как результат непреодолимых противоречий в российском обществе начала XX в. Однако не стоит преувеличивать уровень знаний отвечающих: возможно часть из них выбрала этот вариант за научно-образную формулировку. Косвенно о неопределённости респондентов в этом вопросе говорит значительная доля выбравших «всё перечисленное» (26%). По нашему мнению, неспособность выделить ключевую причину говорит о неуверенности респондентов в своих знаниях. Один респондент назвал Февральскую революцию главной причиной данного конфликта.

Чуть большую консолидированность мнений показывают другие исследования. По результатам опроса ВЦИОМ, проведённого в 2018 году, 41% респондентов в возрасте от 18 до 32 лет указали в качестве основной причины войны политику большевиков, 27% — иностранное вмешательство⁵.

⁵ Гражданская война в России: сто лет спустя // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-voyna-v-rossii-stolet-spustya-> (дата обращения: 20.11.2020).

С причинами Гражданской войны тесно связан вопрос о дате её начала (см. *табл. 5*). Почти половина респондентов выбрала вариант «Октябрьская революция». Тем не менее, велика доля тех, кто считает началом войны Февральскую революцию (20%). Примерно равные доли анкетированных связали начало войны с развёртыванием вооружённого антибольшевистского сопротивления (всего 25%). 2 респондентов ответили, что начальное событие войны — разгон Учредительного собрания, 1 — июльские дни 1917 года.

Большое разнообразие ответов отражает сложность и дискуссионность данного вопроса, по поводу которого в научной среде нет единой точки зрения. Вызвал раскол и вопрос о неизбежности войны (см. *табл. 6*). Отвечающие разделились на 3 группы, 2 из которых почти равные. Большинство опрошенных считает, что войны можно было избежать. Это говорит о том, что у значительной части молодёжи не сформировано представление о закономерности Гражданской войны в России. Относительно картины всего населения страны российские студенты мыслят позитивно⁶.

Следующий блок вопросов касался личного отношения ре-

Таблица 4. Ответы на вопрос «Какая из причин стала главной в развязывании войны?»

Варианты ответов	Кол-во респон., чел.	Удельный вес респон., %
Непреодолимые противоречия в российском обществе	26	34
Политика большевиков	22	29
Всё перечисленное	20	26
Действия антибольшевистских сил	6	8
Другое	2	3
Иностранное вмешательство	0	0

Таблица 5. Ответы на вопрос «Какое событие стало отправной точкой, с которой началась Гражданская война?»

Варианты ответов	Кол-во респон., чел.	Удельный вес респон., %
Октябрьская революция	30	40
Февральская революция	15	20
Мятеж Чехословацкого корпуса	10	13
Формирование Добровольческой армии на Дону	9	12
Корниловский мятеж	8	11
Другое	4	5

⁶ 57% россиян считают, что война была неизбежна (Гражданская война в России: сто лет спустя // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-vojna-v-rossii-sto-let-spustya-> (дата обращения: 20.11.2020)).

Таблица 6. Ответы на вопрос «Можно ли было избежать Гражданской войны?»

Варианты ответов	Кол-во респондентов, чел.	Удельный вес респондентов, %
Да	32	42
Нет	29	38
Затрудняюсь ответить	15	20

спондентов к противоположным сторонам конфликта. Отвечая на вопрос о поддержке той или иной стороны в Гражданской войне, участники опроса разделились на три примерно равные группы — 26% (20 чел.) высказались в пользу красных, 28% (21 чел.) поддержали бы белых, 33% (25 чел.) опрошенных не стали бы занимать ничью сторону.

Вопрос, касающийся причин победы большевиков в Гражданской войне, являлся, в том числе, попыткой выявить отношение респондентов к данному событию (см. табл. 7).

При ответе 31% респондентов выбрало вариант «Беспринципность красных в отношении своих противников». Данная цифра примерно соответствует количеству студентов, которые поддержали бы в той войне сторону белых (28%).

Однако самыми популярными ответами на вопрос о причинах победы красных в Гражданской войне оказалась слабость белого движения и грамотная политическая стратегия большевиков — 70 и 58% соответственно. При этом больше половины опрошенных — 55% отметили в качестве причин победы большевиков три и более фактора, т. е. большинство склонно выделять целый комплекс причин таких итогов Гражданской войны.

Говоря о том, к каким последствиям для России привела победа большевиков в Гражданской войне, респонденты, как и в случае с симпатиями к сторонам конфликта, разделились на три группы: 33% опрошенных

Таблица 7. Ответы на вопрос «Каковы причины установления Советской власти на большей части территории бывшей Российской империи по итогу Гражданской войны?»

Вариант	Количество респондентов, чел.	Удельный вес респондентов, %
Слабость и нескоординированность действий противников	53	70
Грамотная политическая стратегия	44	58
Поддержка многомиллионных масс населения	33	43
Беспринципность красных в отношении своих противников	24	31
Военное и экономическое превосходство	22	29
Изменение внешнеполитической ситуации	20	26

оценивают победу красных негативно, 30% позитивно, а 26% считают, что установление советской власти оказалось для страны и не благом и не злом. Ещё 10% затруднились с ответом.

При этом в ответе на вопрос о том, кто несёт бóльшую ответственность за масштабы и кровавый ход Гражданской войны, 67% респондентов считают, что все стороны конфликта отвечают за это в равной степени. Второй по популярности ответ — красные — 25%. Только 5% опрошенных склонны возлагать ответственность на сторону белых.

Подобная, довольно взвешенная оценка исторических событий наблюдается и на примере ответа на вопрос «Были ли победители в Гражданской войне?». 53% опрошенных ответили, что в Гражданской войне не бывает победителей.

Данные ответы позволяют предположить, что студенты негативно относятся к гражданской войне и подобным формам насилия как к методам решения общественных и социальных проблем.

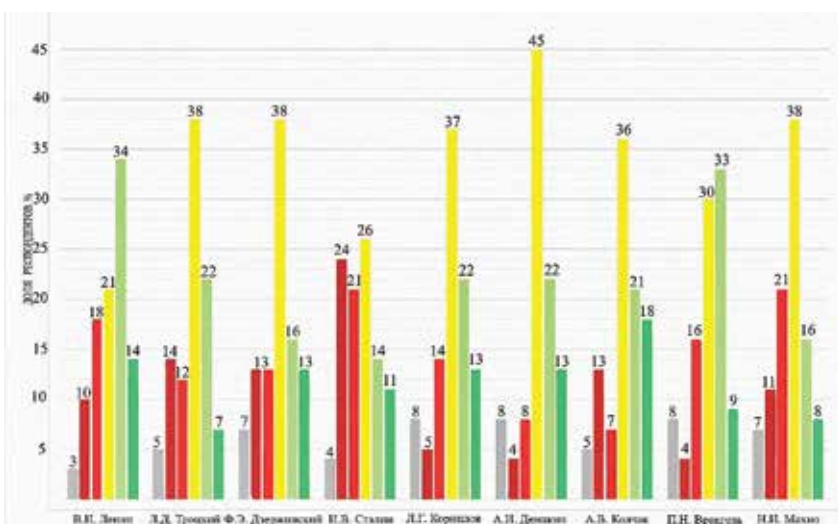
Также респондентам было предложено выразить своё отношение к некоторым историческим деятелям Гражданской войны и революции. Мы составили небольшой список известных исторических деятелей — руководителей Советского государства, лидеров белого движения, а также представителя анархистов — Н. И. Махно. Все они (за исключением И. В. Сталина и Н. И. Махно) входят в историко-культурный стандарт, разработанный Российским историческим обществом, для данного периода. Т. е. личности, о которых идёт речь, должны быть известны даже школьникам. Для каждого деятеля респонденты могли выбрать один из нескольких предложенных вариантов: «Определённо положительно», «Скорее положительно», «Нейтрально», «Скорее негативно», «Определённо негативно», «Затрудняюсь ответить». Сводные данные приведены (см. *ил. 1*)⁷.

В большинстве случаев превалирует нейтральное отношение к указанным историческим личностям, что, по нашему мнению, частично связано с недостаточными знаниями о приведённых деятелях эпохи, частично — с индифферентным отношением к Гражданской войне, как «неизвестной», далёкой.

Однако интересно рассмотреть, каким историческим личностям дали больше всего позитивных, нейтральных и негативных оценок. Наибольшее количество положительных оценок (ответы «Определённо положительно» и «Скорее положительно») получил В. И. Ленин, следом за ним — лидеры Белого движения П. Н. Врангель, А. В. Колчак (см. *табл. 8*).

В тоже время наименьшее количество позитивных оценок получили И. В. Сталин и Нестор Махно. Думается, последний оказался внизу спи-

⁷ Составлено по данным авторов

Ил. 1. Гистограмма «Отношение российских студентов к деятелям эпохи Гражданской войны в России»

ска из-за своего негативного образа, созданного в советское время в массовом сознании и перекочевавшего в молодёжную среду. Что касается И. В. Сталина, то, во многом, респонденты давали оценки, исходя из его дальнейшей деятельности. Это сказалось и на анти-рейтинге исторических деятелей, где И. В. Сталин стал лидером с заметным отрывом (см. табл. 9).

Другой параметр, который мы учитывали, — рейтинг нейтрального отношения (см. табл. 10). «Нейтральность» — своего рода индикатор, который показывает интерес людей к данной исторической персоне. И по этому параметру видно, что по отношению к таким деятелям, как В. И. Ленин и И. В. Сталин, у студентов сложилось определённое мнение, здесь оценки наиболее полярны. Напротив, к таким личностям, как А. И. Деникин и Л. Д. Троцкий, учащая молодёжь проявляет меньше интереса. Однако не стоит преувеличивать эту зависимость: нейтральное отношение респондентов может служить маркером взвешенных оценок деятельности исторических личностей.

Также мы обратили внимание на количество данных ответов «затрудняюсь ответить». Большинство таких ответов получили лидеры белого движения: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель (8% респондентов). Меньше всего было сомнений по поводу Ленина и Сталина: всего 2 и 3 чел. соответственно. Наши данные говорят о равнодушном отношении к двум крупным историческим деятелям — В. И. Ленину

Таблица 8. Рейтинг исторических личностей по количеству набранных позитивных оценок.

Деятель	Кол-во респон., чел.	Удельный вес респон., %
В. И. Ленин	37	49
П. Н. Врангель	32	42
А. В. Колчак	30	39
Л. Г. Корнилов	27	36
А. И. Деникин	27	36
Л. Д. Троцкий	23	30
Ф. Э. Дзержинский	22	29
И. В. Сталин	19	25
Н. И. Махно	18	24

Таблица 9. Рейтинг исторических личностей по количеству набранных «негативных» оценок.

Деятель	Кол-во респон., чел.	Удельный вес респон., %
И. В. Сталин	34	45
Н. И. Махно	24	32
В. И. Ленин	21	28
Л. Д. Троцкий	20	26
Ф. Э. Дзержинский	20	26
Л. Г. Корнилов	15	20
А. В. Колчак	15	20
П. Н. Врангель	15	20
А. И. Деникин	9	12

и И. В. Сталину. По отношению к первому, как создателю Советского государства, превалирует положительное отношение (что подтверждают другие исследования на более широком материале). К последнему доминируют негативные оценки, что связывается нами с отрицательным отношением молодёжи к некоторым сторонам политики Сталина и сталинизму как феномену.

Заключительный блок вопросов — тема памяти и истории семьи (см. табл. 11).

Ответы на вопрос об увековечивании памяти участников Гражданской войны показал, что большинство опрошенных относятся к данной проблеме нейтрально, не призывая к сохранению памяти исключительно о победителях (красных) или побеждённых (белых) — таких ответов всего 9%.

В настоящее время наблюдается тенденция к исчезновению Гражданской войны из семейной истории россиян⁸. На вопрос «Известно ли

Табл. 10. Рейтинг исторических личностей по количеству набранных «нейтральных» оценок.

Деятель	Кол-во респон., чел.	Удельный вес респон., %
А. И. Деникин	34	45
Л. Д. Троцкий	29	38
Ф. Э. Дзержинский	29	38
Н. И. Махно	29	38
Л. Г. Корнилов	28	37
А. В. Колчак	27	36
П. Н. Врангель	23	30
И. В. Сталин	20	26
В. И. Ленин	16	21

⁸ Ананченко А. Б., Шаповалов В. Л. Менталитет современной российской молодёжи: отношение к Гражданской войне 1917–1921 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. №1. С. 108–109.

Табл. 11. Ответы на вопрос «Стоит ли увековечивать память героев гражданской войны?»

Вариант	Количество респондентов, чел.	Удельный вес респондентов, %
Да, героев всех противоборствующих сторон, т. к. они искренне воевали за своё дело	25	33
Нет, в этой войне не может быть героев	19	25
Да, но лишь некоторых героев из разных противоборствующих сторон	15	20
Да, героев только победившей стороны (красных)	4	5
Да, героев только антибольшевистских сил	3	4
Затрудняюсь ответить	10	13

Вам что-то о событиях Гражданской войны из истории вашей семьи? Принимал ли кто-либо из членов Вашей семьи в ней участие?» утвердительно ответили лишь 20% опрошенных, в то время как 74% либо ничего не знают об этом периоде в истории семьи, либо вообще не ответили на вопрос.

Проведённое исследование позволяет сделать несколько выводов. Основными источниками информации российских студентов о Гражданской войне в России служат учебники и мультимедиа, что обуславливает важность, с одной стороны, разработки и модернизации учебных программ и литературы, а с другой, — внедрения новых форм трансляции исторического знания.

В оценке Гражданской войны как исторического события доминируют сдержанные и взвешенные мнения. Это видно по ответам на вопрос о причинах начала войны, о победе в ней большевиков и на вопрос об ответственности сторон за масштаб и кровавый ход войны.

При этом одновременно, говоря о симпатиях студентов к сторонам Гражданской войны, можно заметить существенный раскол. Треть опрошенных не поддержало бы ни одну из сторон в той войне, треть высказала симпатии красным и треть белым. Аналогичная ситуация сложилась и при оценке последствий для России победы большевиков в Гражданской войне.

В характеристиках исторических личностей преобладают нейтральные ответы, что может говорить как о взвешенном подходе к оценке лидеров, так и о низком интересе к ним. Тем не менее, такие яркие фигуры истории России первой половины XX в. как В. И. Ленин, И. В. Сталин получили наиболее полярные оценки. Первый больше положительных, второй отрицательных. Стоит помнить, что при этом большое влияние имеет сегодняшняя медиа среда. Не смотря на сдвиг к героизации белых лишь П. Н. Врангель и А. В. Колчак получили значительное количество

положительных и мало негативных оценок. К остальным лидерам Белого движения преобладает нейтральное отношение. По результатам опроса самой одиозной фигурой (после И. В. Сталина) стал Нестор Махно.

Наличие такой дифференциации мнений, где умеренные оценки в вопросах о причине Гражданской войны, ответственности участников и увековечивания памяти её участников соседствуют с крайне противоположными ответами в области личного отношения к сторонам, может говорить об отсутствии целостного понимания процессов тех лет.

Список литературы

Ананченко А. Б., Шаповалов В. Л. Менталитет современной российской молодежи: отношение к Гражданской войне 1917–1921 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. №1. С. 100–111.

Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. редактор проф. В. В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 407 с.

Денисова А. А., Дергилева Д. В. 100-летие Октябрьской революции в России. Современный взгляд // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сб. научных трудов. Вып. IX. М., 2018. С. 315–319.

Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В. В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 432 с.

Egor Victorovich MISHIN

Bachelor student, Institute of History of St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

E-mail: mr.mishin.71@yandex.ru

Yuri Valerievich Horkush

Bachelor student, Institute of History of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

E-mail: Khorkush@list.ru

Ideas of modern Russian students about the Civil war in Russia.

The article attempts to examine the perception of the Civil war in Russia by students of Russian universities aged 18 to 22 years. Respondents were asked to answer a number of semi-open and closed questions concerning the main characteristics of the Civil war as a historical phenomenon, its causes, features, consequences, and participants. Identified in the study, differentiation of opinion, where reasonable assessment about the cause of the Civil war, the responsibility of the participants and perpetuate the memory of its members are combined with extremely opposing responses in the personal relationships the parties can talk about the lack of a holistic understanding of the processes of those years.

Keywords: Civil war in Russia, revolution, modern Russian students, «krasnyye», «belye», interventionists.

УДК 94 (47).084

ББК 63.3 (2) 61

Алексей Сергеевич ЖЕСТКОВ

Ведущий инженер ФГБНУ АФИ Санкт-Петербург, Россия

E-mail: alexvirz@rambler.ru

СОЗДАНИЕ АЭРОДРОМНОЙ СЕТИ КБФ ПО ЮЖНОМУ БЕРЕГУ ФИНСКОГО ЗАЛИВА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Статья посвящена развёртыванию аэродромной сети как сухопутных, так и гидроаэродромов на территории современных Кингисеппского и Ломоносовского районов Ленинградской области. Перечислены построенные аэродромы, указаны базировавшиеся на них авиационные соединения.

Ключевые слова: морская авиация, гидроаэродром, минно-торпедное вооружение, аэродромная сеть КБФ.

На рубеже 1937–1938 годов морская авиация была окончательно подчинена флоту. Все аэродромы, располагавшиеся по южному берегу Финского залива, строились для базирования самолётов морской авиации, предназначенной для решения задач флота. Среди основных задач, стоящих перед ВВС БМ (с 1935 года ВВС КБФ), предусматривался удар в случае начала военных действий по флоту вероятного противника (Финляндии и Эстонии) на подходах и входах в Финский залив и уничтожение главных баз (Ревель и Гельсингфорс) самостоятельными действиями и совместно с Морскими Силами.

Условия Балтийского морского театра: обилие узостей и шхерных фарватеров, большое количество туманных и с низкой облачностью дней диктовали необходимость широкого применения с воздуха минно-торпедного оружия с низких высот.

Ядром ВВС на Балтике были три авиационных соединения — 8-я, 61-я и 10-я авиационные бригады. Каждая авиабригада состояла из управления, нескольких авиационных частей и подразделений обслуживания. 8-я бомбардировочная авиабригада (бабр) включала в свой состав 1-й минно-торпедный и 57-й бомбардировочный авиационные полки. 61-я истребительная авиационная бригада (иабр) состояла из 5-го истребительного авиационного полка и двух отдельных Краснознамённых эскадрилий — 12-й и 13-й. 10-я смешанная авиационная бригада (сабр) имела в составе 13-й и 71-й истребительные авиационные полки и 73-й бомбардировочный авиационный полк.

Всего аэродромная сеть ВВС КБФ имела 27 аэродромов морской авиации, из них 12 гидроаэродромов¹.

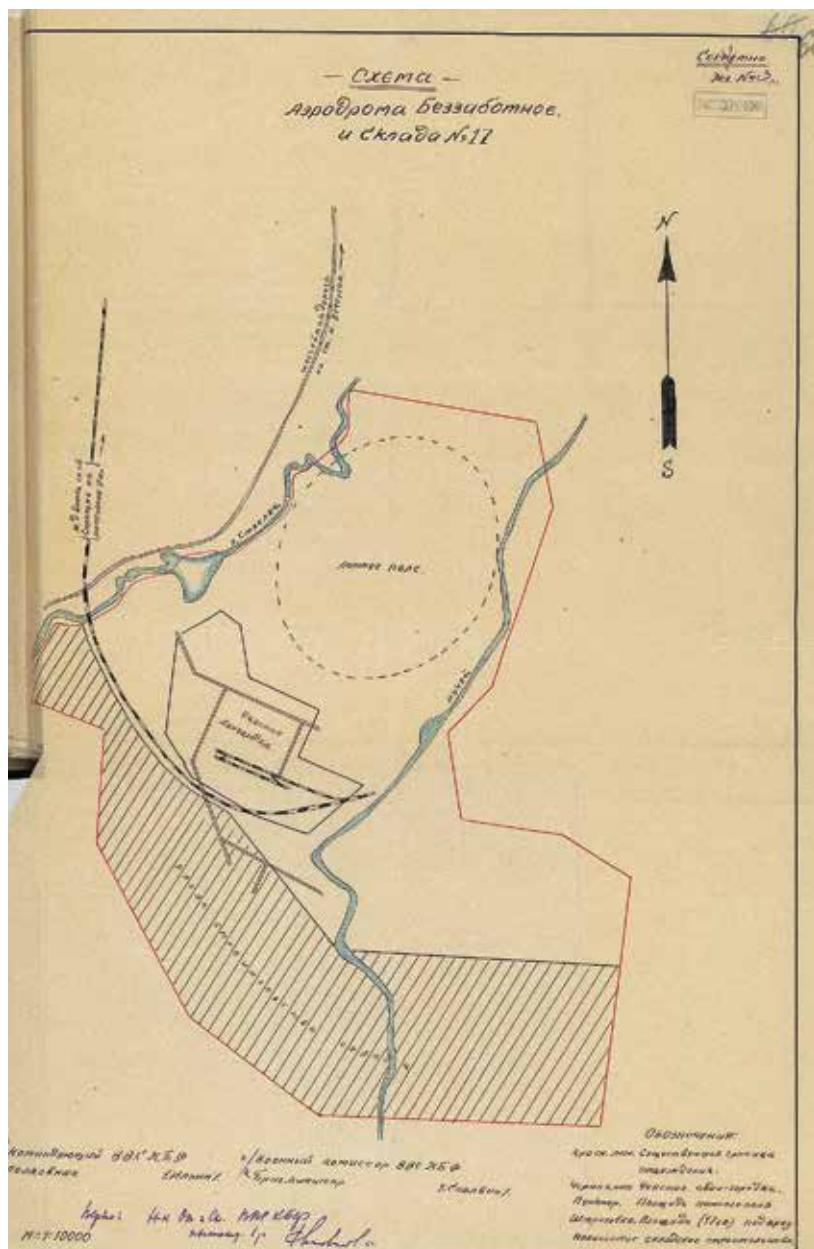
Активное строительство аэродромов развернулось в 1936 году, когда были построены большинство из указанных в таблице аэродромов. Для реализации такой масштабной программы одновременно было задействовано 2840 рабочих, также прибыло 3 строительных батальона численностью 998 человек вместе с командным составом. (Ил. 1)

Для строительства гидроаэродромов использовались озёра, расположенные недалеко от морского побережья. Большинство озёр Кингисеппского и Ломоносовского районов были признаны пригодными для этой цели благодаря своим размерам и форме. Только два аэродрома было построено непосредственно на берегу Финского залива: вблизи города Ораниенбаум и в Лужской губе вблизи посёлка Усть-Луга. (Ил. 2) Аэродром в Усть-Луге был расформирован в 1937 году, личный состав аэродрома и матчасть были переброшены в Кронштадт на строящийся на Бычьем поле аэродром.

Первое боевое применение созданная сеть аэродромов получила во время «Зимней» войны с Финляндией 1939–1940 гг. К тому времени бомбардировочная и минно-торпедная авиация была представлена самолётами: СБ, ДБ-3 т, ДБ-3ф, ДБ-3, АР-2, на вооружении истребительной авиации состояли МиГ-1, МиГ-3, И-153, И-15, И-16, разведывательной авиации — Че-2, КОР-1, Р-5, МБР-2, МБР-5.

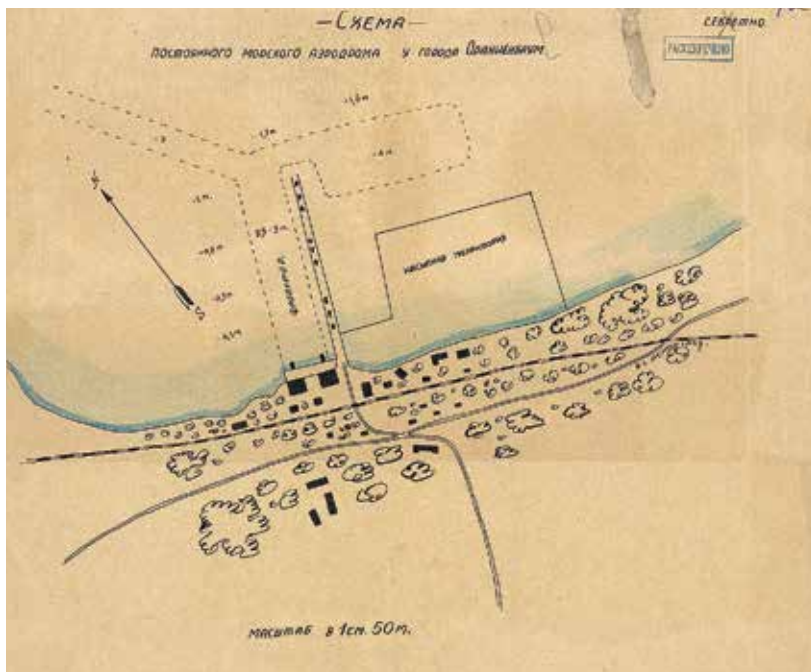
После начала Великой Отечественной войны большая часть аэродромов была потеряна в ходе общего отступления Красной армии, но они сыграли свою роль в начальный период войны.

№ п/п	Название аэродрома	Тип аэродрома
<i>Основные аэродромы</i>		
1	Озеро Хабаловское	гидроаэродром
2	Озеро Липовское	гидроаэродром
3	Купля	сухопутный
4	Деревня Липово	сухопутный
5	Борки	сухопутный
6	Новый Петергоф	сухопутный
7	Город Ораниенбаум	гидроаэродром
<i>Оперативные аэродромы</i>		
1	Озеро Судачье	гидроаэродром
2	Озеро Бабинское	гидроаэродром
3	Озеро Белое	гидроаэродром
4	Озеро Глубокое	гидроаэродром
5	Курголово	сухопутный
6	Валговицы	сухопутный
7	Куммолово	сухопутный
8	Кабацкое	сухопутный
9	Деревня Новая	сухопутный
10	Деревня Преображенская	сухопутный
11	Деревня Беззаботное	сухопутный
12	Озеро Горовалдайское	гидроаэродром
13	Озеро Копанское	гидроаэродром
14	Копорье	сухопутный
15	Котлы	сухопутный
16	Усть-Луга	гидроаэродром
17	Клопицы	сухопутный
18	Низино	сухопутный

Ил. 1. Схема будущего аэродрома Беззаботное. РГАВМФ Ф. Р-92 Оп. 2 Д. 290 Л. 60

Ил. 2. Схема постоянного морского аэродрома у города Ораниембаум. РГАВМФ Ф. Р-92 Оп. 2 Д. 230 Л. 9

Список литературы

В. Л. Герасимов. Состояние авиации военно-морского флота накануне Великой Отечественной войны. Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2013. Т. 13. Сер. История. Стр. 40.

Aleksey Sergeevich ZHESTKOV

Leading engineer of AFI Saint Petersburg, Russia

E-mail: alexvirz@rambler.ru

Creation of airfield network of the Baltic fleet on the south shore of the Finnish gulf in pre-war years.

The article is dedicated to research of development of airfield network of both land airfields and water aerodromes on the territory of contemporary Kingisepp and Lomonosov districts of the Leningrad region. The aerodromes that were put into operation are listed as well as air force formation which were based there.

Key words: naval aviation, water aerodrome, torpedo and mine armament, airfield network of the Baltic fleet.

УДК 355.41
ББК 63.3 (2) 615

Владислав Михайлович КРИВЧИКОВ

кандидат исторических наук, профессор,
Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Гродно, Беларусь)

E-mail: k.vlad68@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЙСК НКВД В КОНЦЕ 1930-Х ГГ.

В статье рассмотрены некоторые вопросы организации технического обеспечения войск НКВД накануне Великой Отечественной войны. Показано обеспечение войск автомобильной техникой, раскрыта существовавшая классификация машин, а также система мер по экономии горюче-смазочных материалов.

Ключевые слова: войска НКВД, техническое обеспечение, автомобили, горюче-смазочные материалы.

В предвоенные годы органы военного снабжения войск НКВД особое внимание уделяли техническому обеспечению, что было связано с развернувшейся в 1930-е гг. моторизацией военной группировки СССР (Красной Армии и НКВД). Внедрение в войска новой боевой техники началось с 1930 г., когда в штаты оперативных полков были введены артиллерийские батареи 4-орудийного состава. Одновременно с этим осуществлялась моторизация войск, росла насыщенность воинских частей бронетехникой и автотранспортом: на вооружение начали поступать танкетки и бронемашинны. Несколько позднее воинские части, охранявшие железнодорожные сооружения, пополнились зенитно-пулеметными и зенитно-артиллерийскими дивизионами, а также бронепоездными подразделениями.

В связи с техническим перевооружением воинских частей командование войск ОГПУ требовало, чтобы «весь командный, командно-политический и оперативный состав частей пограничной охраны и внутренних войск, на вооружении которых состоят автомашины, должен к концу 1931 г. освоить материальную их часть и научиться управлять машиной»¹.

В связи с насыщением техникой частей войск происходила активная разработка технической нормативной базы. В декабре 1938 г. были утверждены:

---

¹ Бунин С. В., Марценюк Ю. А., Беркутов А. С., Климов А. А., Ченцов А. С. Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Военно-исторический труд. В 3 т. Т. I. Войска НКВД накануне Великой Отечественной войны (1939–1941). М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. — С. 256.

— Положение и нормы использования автобронетанковой материальной части пограничных и внутренних войск НКВД.

— Временные нормы денежного отпуска на содержание и ремонт автобронетанковой материальной части.

— Временные нормы на оборудование гаражей и окружных стационарных авторемонтных мастерских.

— Табель оборудования походных автомастерских типа «А» и «Б».

— Нормы расхода материалов на средний и капитальный ремонт одной автомашины М-1, ГАЗ-А, ГАЗ-АА, ЗИС-5 и ЯГ-4² (

Так, Положение об эксплуатации автобронетанковой материальной части пограничных и внутренних войск НКВД определяло, что все машины, состоявшие на вооружении, подразделялись по своему назначению на боевые, строевые и транспортные машины.

К боевым относились все машины, имеющие броню или вооружение (огневое или химическое), — танки и бронеавтомобили всех типов, артиллерийские и пулеметные самоходные установки на гусеничном и колесном ходу, мотоциклы, вооруженные пулеметом, бронированные тягачи.

К строевым машинам относились:

- все виды специальных машин, оборудованных для перевозки войск, боеприпасов, химического, инженерного, понтонного, прожекторного, звукометрического имущества, радиостанций, дальномеров;

- все специальные машины ремонтно-восстановительного парка: походные мастерские, зарядные станции, водомаслозаправщики, моечные машины, походные парки обслуживания;

- тракторы, тягачи и автомобили для перевозки орудий и боеприпасов в батареях, имущества дегазации и других видов инженерного, артиллерийского и химического имущества и легковые машины, входящие в строевой расчет подразделений;

- санитарные, штабные машины.

К транспортным машинам относились все машины, предназначенные для хозяйственного, технического и бытового обслуживания частей:

- легковые машины, автобусы и мотоциклы, не имеющие специального оборудования и не входящие в строевой расчет частей;

- грузовые машины и тракторы, предназначенные по штатам для хозяйственного, технического и бытового обслуживания частей.

К транспортным машинам также относились все легковые машины, автобусы или машины их заменяющие, мотоциклы, не имеющие пулеметных установок, грузовые машины и тракторы складов, мастерских, лечебных

---

² Иванов, В. С. История становления и развития системы технического обеспечения внутренних войск МВД России. — Пермь, 2012. — 256 с. С. 17.

заведений учреждений и строительных организаций, учебные машины, выделяемые из числа строевых и прошедших наибольший километраж.

Кроме того, все машины делились на две группы:

1 группа — машины консервации (мобилизационный ресурс);

2 группа — машины эксплуатации (учебный парк).

Машины учебного парка могли эксплуатироваться только для выполнения оперативных заданий (каждый раз с разрешения начальника войск округа) и боевой подготовки в целях слаживания подразделений и части.

Обеспечение горюче-смазочными материалами и резиной производилось централизованно за счет общего фонда округа.

Использование машин производилось строго в пределах Норм годового использования машин войск НКВД, где определялись нормы работы машин в воинских частях и учреждениях войск. Так, например, норма работы во всех видах войск НКВД (кроме конвойных) определялась для боевых машин боевого парка группы консервации — 300 км, легковых машин — 25 000 км, грузовых машин и автозакв транспортной группы — 20 000 км в год.

Постоянная работа автомобилей в тех или иных дорожных условиях определялась начальником войск округа и отдавалась приказом по части. В войсках НКВД была установлена агрегатная система ремонтов и номенклатура ремонта.

Независимо от вида ремонта, автомашины подвергались техническому осмотру № 1 — после каждого выхода в эксплуатацию и техническому осмотру № 2 — после 900 км пробега.

3 сентября 1940 г. были введены новые группы эксплуатации автомашин. К боевым машинам отнесли: боевой парк группы консервации, боевой парк группы эксплуатации, мотоброневагоны. К строевым машинам — автомобили групп консервации и эксплуатации, тракторы групп консервации и эксплуатации, мотоциклы. К строевым специальным машинам — санитарные, тюремные, кино- и звукопередвижки, автодрезины «УА», бронедрезины «БА-10», катера с автомобильными двигателями, лодки с подвесным мотором, мотодрезины, мотовозы. К транспортным — легковые, грузовые, тракторы, мотоциклы, санитарные.

Приказом НКВД СССР № 0506 от 27 ноября 1940 г. с 1 декабря 1940 г. были введены нормы расходов горюче-смазочных материалов для войск НКВД. В соответствии с ними для водительского состава, а также лиц, ответственных за эксплуатацию автотранспорта (помощники командира по технической части, по материально-техническому обеспечению, командиры авторот, автозводов, автотехники, бригадиры), виновных в перерасходе горючего, устанавливалось удержание 100% стоимости перерасхода бензина.

Водительский состав срочной службы, помимо этого, привлекался к дисциплинарной ответственности. За экономию бензина водителям выплачивалась премия в размере 65% от стоимости сэкономленного бензина.

Участие войск НКВД в советско-финляндской войне потребовало внести определенные коррективы в нормативную базу. Впервые был закреплён принцип технического обслуживания машин в ходе боевых действий — «обслуживающие средства подаются к обслуживаемым машинам», а также установлено три вида ремонта техники: текущий, средний и капитальный. Помимо этого, определялась стройная система ремонта вооружения и военной техники: текущий ремонт — в подразделениях (экипажами и водителями), средний — в части (ремонтными органами частей), капитальный — в окружных мастерских или на заводах промышленности.

Ремонт машин в условиях боевых действий предусматривалось выполнять на местах их выхода из строя (в ближайших укрытиях) и на сборном пункте аварийных машин частей и соединений Красной Армии, так как своих сил в частях войск НКВД было недостаточно.

Список литературы

Бунин С. В., Марценюк Ю. А., Беркутов А. С., Климов А. А., Ченцов А. С. Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Военно-исторический труд. В 3 т. Т. I. Войска НКВД накануне Великой Отечественной войны (1939–1941). М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. 280 с.

Иванов, В. С. История становления и развития системы технического обеспечения внутренних войск МВД России. Пермь, 2012. 256 с.

Vladislav Mikhailovich KRIVCHIKOV

Ph. D. in History (kandidat istoricheskikh nauk), professor (professor),
Grodno Y. Kupala State University (Grodno, Belarus)

E-mail: k.vlad68@mail.ru

Organization of technical support for the NKVD troops in the late 1930s

The article deals with some issues of organizing the technical support of the NKVD troops on the eve of the Great Patriotic War. The article shows the provision of troops with motor vehicles, discloses the existing classification of cars, as well as a system of measures to save fuel and lubricants.

Key words: NKVD troops, technical support, automobiles, fuels and lubricants.

УДК 94(47).084.6

ББК 63.3(2)621

Вячеслав Леонидович КОКИН

Руководитель историко-литературного музея «Вася Теркин»
(Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: slawa231270@mail.ru

«ОДНОМУ ИЗ ЗАЧИНАТЕЛЕЙ ТЕРКИНА НА РУСИ...». К 110-ЛЕТИЮ А. Т. ТВАРДОВСКОГО.

Зимой 1939 года на страницах газеты «На страже Родины» появился герой Вася Теркин. Ленинградский поэт Николай Щербаков был основным автором стихов о его боевых подвигах. Именно ему Александр Твардовский в 1946 году подарил книгу «Василий Теркин» с дарственной надписью «Одному из зачинателей Теркина на Руси...».

Ключевые слова: Вася Теркин, Советско-финляндская война, писатели на фронте.

Одному из зачинателей Тёркина на Руси...

Именно такую дарственную надпись сделал Александр Трифонович Твардовский 3 апреля 1946 года на одном из экземпляров своей знаменитой поэмы «Василий Тёркин», подаренному ленинградскому поэту Николаю Александровичу Щербакову¹. Попробуем разобраться, в чем же его заслуга в появлении и развитии образа этого литературного героя.

Н. А. Щербаков родился 12 октября 1903 г. в деревне Добросилово Ярославской области. Через несколько лет семья переехала в Петербург, откуда в 1925 г. поэт добровольцем ушел в Красную Армию. В 1934 г. он был принят в штат газеты Ленинградского военного округа «На страже Родины»: «Писал стихи, очерки, фельетоны, вел работу с начинающими авторами, организовывал литстраницы, руководил литкружками»². В 1939 г. был принят в Союз советских писателей.

С началом Советско-финляндской войны в редакцию «На страже Родины» пришли Николай Тихонов и Виссарион Саянов, а также группа московских писателей Сергей Вашенцев, Борис Агапов, Александр Твардовский, Цезарь Солодарь.

Твардовский одобрил мое решение выехать на время в действующую армию, пообещав заменить меня на моем посту. Редактор М. Рожнов подписал командировку. И вот я, оптимистично настроенный, «дунул»

¹ Селиванова И. С энтузиазмом и верой // Псковская правда. 1987. 18 февр. № 40.

² Ленинградские писатели-фронтовики, 1941–1945: Автобиографии, биографии, книги. Л.: Сов. писатель., 1985. С. 430.

Ил. 1. Писатели, сотрудничавшие в годы войны в газете «На страже Родины». Коллекция историко-литературного музея «Вася Тёркин». Слева направо стоят: В. Саянов, Н. Щербаков, С. Вашенцев, А. Твардовский и Ц. Солодарь. Сидят: ответственный редактор газеты Д. Березин и Н. Тихонов

в 9-ю армию! В Кеми получил полушубок, чесанки с калошами и пистолет. Познакомился с редакцией армейской газеты «Красное знамя». Стихи и корреспонденции посылал по телеграфу во фронтовую и печатал в армейской газетах»³.

Вышло несколько первых военных номеров, когда в начале декабря 1939 года в Ухту прибыли редактор Давид Ортенберг, писатели Петр Павленко, Василий Ильенков, Борис Левин, Сергей Диковский, Николай Кружков, поэты Алексей Сурков, Александр Безыменский, Александр Прокофьев. Газета «Красное знамя» была переименована в «Героический поход».

«Глядел я на именитых писателей и не знал, что делать. Вроде я здесь лишний. Но, не понюхав пороха, возвращаться в свою фронтовую не хотелось. Ну что будет! Сижу и помалкиваю». В это время Павленко, перелистывая тощую подшивку «Красного знамени», обратил внимание на мои стихи:

³ Щербаков Н. Страницы памяти листая // Рожденная Октябрем. Боевой путь краснознам. газ. «На страже Родины» ордена Ленина Ленингр. воен. округа. Л.: Типография газ. «На страже Родины», 1968. С. 159.

— Посмотрите-ка, что тут Щербаков натворил!

Это прозвучало похвалой: все повернули головы в мою сторону. Окунул меня взглядом и Ортенберг... Мне стало ясно, что среди московских товарищей буду не лишний. Закипела работа. Когда был сделан первый номер «Героического похода», вдруг спохватились: а стихов-то в номере и нет! Тогда Павленко сказал:

— Вот мы и попросим написать их Щербакова!

Вот так раз! Столько именитых поэтов — и вдруг я? Все разошлись, кроме Ортенберга. Остался я с ним с глазу на глаз в жарко натопленной комнате. Он лег на топчан ко мне спиной и стал ждать. В полушубке, в валенках, сидя на стуле, положив на колени полевую сумку, я принялся за работу. Раздеться я тогда почему-то не посмел. Даже ремня с полушубка не снял. Видно, думал, что поспешу — шедевр напишу! Прошло полчаса, час... Я обливался потом. Ортенберг молчал и терпеливо ждал. Я слышал, как сердце мое под полушубком отбивало секунды. Заголовок есть — «Героический поход», значит есть и размер... И вот: «Ответил мира грозный страж ударом на удар тому, кто мир нарушил наш, зажег войны пожар»⁴.

7 декабря 1940 года главным редактором газеты «На страже Родины» стал Д. Березин, и Щербаков был откомандирован обратно в Ленинград. В газете стали регулярно публиковать его стихи на различные военные темы: «Друг за друга»⁵, «Героический поход»⁶, «Большой переход»⁷, «На лыжи, становись!»⁸. Написал поэт и несколько песен, ставших моментально популярными среди бойцов и командиров на Карельском перешейке: «Песня сапер»⁹, «Песня о штыхе»¹⁰, «Песня разведчиков»¹¹.

Николай Александрович руководил работой отдела сатиры и юмора «Прямой наводкой», в котором писал под псевдонимом «Снайпер», взятым еще в 1934 году: «Все чаще появлялись фельетоны за подписью «Снайпер» (хороший я выбрал себе псевдоним). В частях хорошо знали этого меткого «стрелка», нещадно бьющего по недостаткам. Правда, за материалом в части я ездил без опасения быть «побитым», так как представлялся своим именем, и критикуемые не знали кто такой «Снай-

---

⁴ Там же. С. 160.

⁵ Газета «На страже Родины». 1939. 7 дек. № 282.

⁶ Газета «На страже Родины». 1939. 8 дек. № 283.

⁷ Газета «На страже Родины». 1940. 4 янв. № 4.

⁸ Газета «На страже Родины». 1940. 7 янв. № 7.

⁹ Газета «На страже Родины». 1939. 20 дек. № 295.

¹⁰ Газета «На страже Родины». 1939. 27 дек. № 302.

¹¹ Газета «На страже Родины». 1939. 28 дек. № 303.

пер»¹². Его перу принадлежит ряд острых стихотворных фельетонов и юморесок: «Продолжение следует»¹³, «Фронтовые частушки»¹⁴, «Летние частушки»¹⁵, «Лже-лев, или Злоключения одной собаки»¹⁶.

Именно благодаря Н. Щербакову на страницах газеты «На страже Родины» появился Вася Тёркин: «Во время одного очередного ночного дежурства по типографии у меня все было сделано. Оставалось только подписать номер к печати редактору. Приехал Березин. Стал читать газету и остановился на подписи под памфлетом про Маннергейма «Сивый мерин в своем репертуаре»¹⁷, который шел в «Прямой наводке». Под памфлетом стояла подпись сотрудника редакции Кауфмана.

— Под сатирической вещью такая подпись не звучит! Давайте другую.

— Как же без ведома автора?

— Это я беру на себя!

Стали думать и как-то пришли к одному решению: Тёркин! Тут же подобрали и наиболее подходящее имя: Вася! Наутро Кауфман возмущался тем, что заменили фамилию автора псевдонимом без его согласия. Но дело было сделано!»¹⁸.

Вася Тёркин был редактором краткого словаря в помощь читателю, потом — специальным корреспондентом газеты «На страже Родины», и с января 1940 года — это неунывающий весельчак-боец, совершающий различные подвиги. «Но вот художники принесли в «келью» первую серию рисунков, выполненных по моему заданию: шесть кадров по три, в два ряда, на три колонки. У меня уже были готовы стихи. Так быстро Тёркин из военкора превратился в героя, о котором пишут другие. Первые рисунки и стихи совпали. Я стал думать, как озаглавить содеянное произведение? Подошел Твардовский. Одобрил выдумку. Посоветовал давать и к первой, и к последующим сериям заголовки, которые начинались бы одинаково: «Как Вася Тёркин...» сделал то-то и то-то,

---

¹² Щербаков Н. Страницы памяти листая // Рожденная Октябрем. Боевой путь краснознам. газ. «На страже Родины» ордена Ленина Ленингр. воен. округа. Л.: Типография газ. «На страже Родины», 1968. С. 156.

¹³ Газета «На страже Родины». 1939. 20 дек. № 295.

¹⁴ Газета «На страже Родины». 1939. 25 дек. № 300.

¹⁵ Газета «На страже Родины». 1939. 28 дек. № 303.

¹⁶ Газета «На страже Родины». 1939. 28 дек. № 306.

¹⁷ Газета «На страже Родины». 1939. 18 дек. № 293.

¹⁸ Щербаков Н. Страницы памяти листая // Рожденная Октябрем. Боевой путь краснознам. газ. «На страже Родины» ордена Ленина Ленингр. воен. округа. Л.: Типография газ. «На страже Родины», 1968. С. 163.

Как Вася Теркин „языка“ добыл

Снег глубокий, а сосны родные.
Вася Теркин на разведке.
Белофиней, без зова
Маскировочный халат.

Теркин видит, Теркин слышит —
Белофиня лопит на лыжах:
Знать, беда не чужа, он
Летит прямо на ройко.

Теркин, взвесив обстановку,
Применяет маскировку:
Он уткнулся в снег личком —
Став похож на снежный ком.

Вид заманчивый «стреланина»
Прицеливает белофиня,
Мечтает он смахнуть на «сугроб»...

Дальше хода нету, стоп!!!
Тай в разведке, очисти лодку
Применяешь маскировку.

Добыта Теркина язьма
И доставна в штаб полка.
СНАЙПЕР.

Ил. 2. Как Вася Тёркин «языка» добыл. Газета «На страже Родины». 1940. 5 янв. Коллекция РНБ.

поступил так-то и так-то. Так были сделаны серии «Как Вася Тёркин «языка» добыл»¹⁹ и т. д.»²⁰.

В своей статье «Как был написан «Василий Тёркин» (Ответ читателям)» Александр Твардовский писал: «Как-то, обсуждая совместно с работниками редакции задачи и характер нашей работы в военной газете, мы решили, что нужно завести что-нибудь вроде «уголка юмора» или еженедельного коллективного фельетона, где были бы стихи и картинки. Затяга эта не была новшеством в армейской печати... И вот мы, литераторы, вместе с которыми ему довелось работать в редакции

¹⁹ Газета «На страже Родины». 1940. 5 янв. № 5.

²⁰ Щербаков Н. Страницы памяти листая // Рожденная Октябрем. Боевой путь краснознам. газ. «На страже Родины» ордена Ленина Ленингр. воен. округа. Л.: Типография газ. «На страже Родины», 1968.

«На страже Родины», решили избрать персонаж для серии занятных картинок, снабженных стихотворными подписями. Это должен был некий веселый, удачливый боец, фигура условная, лубочная. Стали придумывать имя. Шли от той же традиции «уголков юмора» красноармейских газет, где тогда были в ходу свои «пулькины», «мушкины и даже «протиркины». Имя должно быть значимым, с озорным, сатирическим оттенком. Кто-то предложил назвать нашего героя Васей Тёркиным, именно Васей, а не Василием. Были предложения назвать Ваней, Федей, еще как-то, но остановились на Васе. Так родилось это имя... Отдав дань «Васе Тёркину» одним-двумя фельетонами, большинство его «зачинателей» занялись, каждый по своим склонностям и возможностям, другой работой в газете: кто писал военно-исторические статьи, кто фронтовые очерки и зарисовки, кто стихи, кто что. Основным автором стихов «Тёркина» стал Н. Щербаков, красноармейский поэт, давний сотрудник редакции»²¹.

На некоторые неточности воспоминаний Твардовского обратил внимание ленинградский критик Дмитрий Хренков: «Тут, как мне показалось, память изменила Александру Трифоновичу. Действительно, были горячие обсуждения, были споры, в том числе и о том, как назвать будущего героя. Но, во-первых, отдел “Прямой наводкой” уже существовал, а во-вторых, имя героя к тому времени тоже уже получило прописку на страницах газеты»²².

Другой свидетель рождения образа Тёркина на страницах газеты «На страже Родины» Цезарь Солодар вспоминал: «Когда на летучке сотрудников фронтовой газеты «На страже Родины» в декабре 1939 года, в первые же дни войны с белофиннами, решили создать некую серию смешных рисунков о боевых похождениях смекалистого и хитроумного бойца, было услышано немало противоречивых суждений.

Наиболее немногословно высказался Твардовский. Я не решаюсь сейчас воспроизвести дословно высказывания Александра Трифоновича. Но мне, как и одному из зачинателей «Васи Тёркина» — талантливому карикатуристу Василию Ивановичу Фомичеву, запомнилось: поэт говорил, что нужен традиционный русский лубок, пусть подвиги Васи удивят своей несбыточностью, лишь бы не были скучны. «Простота», «доступность», «фельетонность» — вот какие слова мы услышали тогда от Александра Трифоновича. Пусть читатель внимательно рассматривает рисунок, считал он, но подпись должна быть прочитана быстро,

---

²¹ Твардовский А. Как был написан «Василий Тёркин» (Ответ читателям). М.: Сов. писатель, 1952. С. 5–6

²² Хренков Д. Дорогие спутники мои. М.: Современник, 1975. С. 89.

с ходу. По этому пути и решили пойти участники коллективной работы над иллюстрированными фельетонами о похождениях Васи.

Как же было выбрано имя будущего героя самых причудливых, но неизменно победных, военных приключений?

Много было предложений. И среди них промелькнуло «Вася Тёркин». Он вроде бы уже фигурировал на страницах фронтовой газеты, правда, в другом несколько качестве: таким псевдонимом был подписан международный фельетон.

— Тёркин? — подхватил Виссарион Саянов, — Годится, по-моему. Броско, звонко. И уйма подходящих рифм. Тут тебе каптерки и гимнастерки, пригорки и зорьки.

Александр Трифонович был как-то безучастен к этой дискуссии. Так и порешили: Вася Тёркин!»²³.

Сохранились воспоминания поэта Николая Тихонова, который также внес свой вклад в создание образа Тёркина: «Редактором газеты был тогда Д. С. Березин, который очень любил, чтобы ему приносили фронтовые новости прямо с переднего края, и писатели все время проводили в поездках по фронту, сменяя друг друга. Те, кто не был в поездках, писал в газете публицистику и позже участвовал в отделе сатиры и юмора в создании типа собирательного героя, которому было найдено название: Василий Тёркин.

Так как больше всех оставался в редакции, по требованию редактора, Н. А. Щербаков, количество написанных им строф под рисунками Брискина и Фомичева, изображавшими приключения Тёркина, много превышало количество, написанное нами. И поэтому, он в конце кампании, длившейся сто пять дней, с триумфом объехал передний край, так как Вася Тёркин имел большую популярность»²⁴.

В период с 5 января по 23 февраля 1940 года на страницах «На страже Родины» было опубликовано 17 серий рисунков о приключениях Васи Тёркина, из них 10 со стихотворными подписями, сделанными Н. Щербаковым.

«Однажды Тихонов, Твардовский и Саянов вернулись с совещания в штабе, на котором шел разговор и о работе газеты “На страже Родины”. На совещании присутствовали товарищи Ворошилов и Жданов. Говорили о том, что Тёркин — это хорошо! Но что следует брать и разрешать не только положительные темы, но и отрицательные... Так

---

²³ Солодарь Ц. Вася — не Василий // Живые голоса. М.: Советский писатель, 1987. С. 152–153.

²⁴ Тихонов Н. В дружном коллективе // Рожденная Октябрем. Боевой путь краснознам. газ. «На страже Родины» ордена Ленина Ленингр. воен. округа. Л.: Типография газ. «На страже Родины», 1968. С. 172.

Ил. 3. Как Вася Тёркин неряху обработал. Газета «На страже Родины». 1940. 29 янв. Коллекция РНБ

появились серии с критикой недостатков и уродливых явлений на фронте: «Как Вася Тёркин болтуна разоблачил»²⁵, «Как Вася Тёркин неряху обработал»^{26»}²⁷.

В середине февраля 1940 года встал вопрос о выпуске сборника «Вася Тёркин на фронте»²⁸ в виде иллюстрированного выпуска фронтовой библиотечки газеты «На страже Родины».

²⁵ Газета «На страже Родины». 1940. 19 янв. № 19.

²⁶ Газета «На страже Родины». 1940. 29 янв. № 29.

²⁷ Щербаков Н. Страницы памяти лисяга // Рожденная Октябрем. Боевой путь краснознам. газ. «На страже Родины» ордена Ленина Ленингр. воен. округа. Л.: Типография газ. «На страже Родины», 1968. С. 164.

²⁸ Вася Тёркин на фронте. Л.; М., 1940. Вып. 1. Фронтовая б-чка газеты «На страже Родины».

Ил. 4. Обложка альбома «Вася Тёркин на фронте». Издательство «Искусство», 1940. Коллекция историко-литературного музея «Вася Тёркин»

«Первый выпуск сборника-альбома «Вася Тёркин на фронте» был отпечатан пятидесяти тысячным тиражом. В него вошло шестнадцать «серий» с рисунками: две, написанные Тихоновым, три — Солодарем и одиннадцать мной (в сборник вошла серия «Как Вася Тёркин солдата от унтера спас», которая не печаталась на страницах «На страже Родины». — Прим. автора). Открывали сборник стихи Твардовского, закрывали стихи Маршака. Тираж уже был отправлен в экспедицию на фронт. Как вдруг — распоряжение: тираж задержать! Почему? Заключительные строчки Маршака звучали так:

И теперь в любой каптерке
И в землянках всех частей
Пулеметчик Вася Тёркин —
Самый лучший из гостей.
Ждут бойцы его с любовью,
И порой, сойдясь в кружок,
Пьют за Васино здоровье,
Поднимая «спецаек».

Эти строки кому-то не понравились. Писатели хлопотали, но приказ есть приказ! Тираж задержали. Стали искать выход из создавшегося положения. И нашли! Художники изобрели штамп-клише на деревянной колдобашке размером в две строфы с изображением Тёркина на темном фоне неба и белой равнины, читающего сборник. Верхняя часть штампа должна была закрыть злополучную строфу с «нецензурным» словом «спецаек».

БИОГРАФИЯ
ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА
ТЁРКИНА

Но в Париже, но в Нью-Йорке —
И деревушке под Москвой
Родился Василий Тёркин,
Наш товарищ боевой.

Всех сильнее был он в школе,
Был он ловок и начист,
Был он первым в комсомоле
Гармонист и футболист.

Когда школу Вася Тёркин
Года три тому закончил,
Сдал экзамен на отлично
И пошел в комкомат.

Что за парня в гимнастерке,
П сером пальто со звездой?
Тот он — Василий Тёркин,
Пулеметчик молодой.

Пулеметчик он проворный, —
Все зампанки прошил,
Был на есэке Зловерной
И на реке Халхин-Гоа.

Враг робит — не лезет больше,
Заперт накрепко замок.
Вася Тёркин в палатке Пальмы
Занимает Белосток.

От него Белосток
Поскорей уйдет прочь.
Востромоги вошки
Улетают во всю ночь.

И за то, что дал он пилу
Отлучительный урон
Получил Василия Тёркина,
Знакомая Белосток.

Пулеметчик лет в бою,
Осложился — и здоров,
И на финскую границу
Прикатил он — бить врагов.

Стался он в атаке —
С боевым своим полком
Ездил деревню Пячымаян
Пулеметом и тельном.

Побывал он и в разведке,
Ташиня стоит в бору,
Только снег роняют ветки
Да шорох гремят колу.

Вышел Вася на опушку
И с товарищем взошел
Белофинскую «кукушку»
Подтерес и воял живьем.

И теперь в любой катерке
И в эсманкил всех частях
Пулеметчик Вася Тёркин —
Самый лучший из гостей.

* * *

Ил. 5. Маршак С. Биография Василия Ивановича Тёркина. Альбом «Вася Тёркин на фронте». Издательство «Искусство», 1940. Коллекция историко-литературного музея «Вася Тёркин»

Снарядили на фронт машину, на которой я и начальник конторы Молчанов, вооруженные штапом-колобашкой и черной краской, выехали на Карельский перешеек. Задание проштемпелевать пять тысяч экземпляров сборника было бы скучным, если бы не «паломничество» бойцов и командиров в экспедицию, где мы трудились, засучив рукава. Мы дарили восторженным почитателям Тёркина альбомы со стихотворными автографами, а они нас угощали фронтowymi «гостинцами»²⁹.

«Эту книжечку в редакции с шутливым добродушием «назвали “избранным” Васей Тёркиным». Но, правду говоря, «избранное» заставило всех нас с большей требовательностью отнестись к подбору тем для новых серий. На редакционных летучках все чаще стали отвергать предложения даже Тёркинских «асов» — художников Брискина и Фомичева

²⁹ Щербаков Н. Страницы памяти лисяя // Рожденная Октябрем. Боевой путь краснознам. газ. «На страже Родины» ордена Ленина Ленингр. воен. округа. Л.: Типография газ. «На страже Родины», 1968. С. 165.

Ил. 6. Титульный лист альбома «Вася Тёркин на фронте» с дарственной подписью поэта Н. Щербакова. Издательство «Искусство», 1940. Из частной коллекции.

и поэта Николая Щербакова. Особенно придирчив был Твардовский. Одну серию по его настойчивому требованию сняли уже из сверстанной полосы»³⁰.

Конечно, писатель не все время находился в редакции. Хоть и редко, но выезжал он на фронт. Бывал Н. Щербаков и у летчиков, где стал свидетелем боевого вылета и возвращения летчиков с задания, и в батальоне саперов, которым командовал ставший позже Героем СССР И. Е. Коровин. Сохранилась фотография Н. Щербакова, сделанная Николаем Хандогиным. На обороте надпись: «На долгую память от капитана Коровина и батальонного комиссара Тараскова. Вспоминай, друг, о тех

³⁰ Солодарь Ц. Вася — не Василий // Живые голоса. М.: Советский писатель, 1987. С. 163.

Ил. 7. На фотографии слева направо: Н. Щербаков, капитан И. Коровин и батальонный комиссар Тарасов. Коллекция историко-литературного музея «Вася Тёркин»

веселых, знаменательных днях, проведенных совместно на финском фронте».

Заканчивалась Советско-финляндская война, и на сотрудников газеты «На страже Родины» стали составлять боевые характеристики для представления к наградам. О работе Н. Щербакова от имени писателей дал хорошую характеристику А. Твардовский: «С первых же дней войны находился в частях Действующей армии, писал стихи, корреспонденции, возвратившись на время в аппарат редакции, организовал большую и плодотворную работу по оказанию литературной помощи начинающим поэтам-фронтовикам, регулярно выпускал отдел “Стихи на фронте”. К работе над красноармейскими письмами привлек большую группу ленинградских писателей. Помимо всего этого, и собственная работа Щербакова в дни войны получила большой размах. Он основной автор стихотворных подписей к сериям рисунков о столь популярном у бойцов Действующей армии Васе Тёркине... Товарищ Щербаков представлен к правительственной награде»³¹. Однако свою награду поэт так и не по-

³¹ Щербаков Н. Страницы памяти листая // Рожденная Октябрем. Боевой путь краснознам. газ. «На страже Родины» ордена Ленина Ленингр. воен. округа. Л.: Типография

лучил. Позднее А. Твардовский в своей поэме «Василий Тёркин» косвенно уделил этому несколько строчек:

Не высок, не то чтоб мал,
Но герой — героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.
И не знаем почему, —
Спрашивать не стали, —
Почему тогда ему
Не дали медали.

13 марта 1940 года Советско-финляндская война закончилась и на страницах газеты «На страже Родины» было напечатано стихотворение Николая Щербакова «Победа»³².

«В марте 1940 г. война закончилась. Наступили дни проводов москвичей. Художники сделали последнюю серию рисунков к Тёркину («Как Вася Тёркин за наградой поехал»³³. — Прим. автора). По их замыслу, он должен был навсегда покинуть газету, уехать с ними в Москву. Художники уехали, но Тёркина им увезти не удалось. Под их последней работой я сделал подписи не такие, какие им хотелось. Заключительные строчки были обращены к читателям:

Не впадайте вы в тоску:
Он из Ленинграда
Едет в красную Москву
Получать награду.
Дней примерно через пять
Тёркин к нам вернется,
И вокруг о нем опять
Слава разнесется!

Тёркин вернулся. Другие художники продолжили работу над ним. Газетный Вася Тёркин долго еще помогал бойцам в боевой подготовке мирного времени»³⁴.

Итог работы литературной группы газеты «На страже Родины» подвел Н. Тихонов: «В дни финляндского похода, когда роль военной прессы поднялась на большую высоту, когда газета стала боевым спутником бойцов и командиров, в эти дни в краснознаменной ныне газете “На страже

газ. «На страже Родины», 1968. С. 167.

³² Газета «На страже Родины». 1940. 14 марта. № 74.

³³ Газета «На страже Родины». 1940. 18 апреля. № 107.

³⁴ Щербаков Н. Страницы памяти листая // Рожденная Октябрем. Боевой путь краснознам. газ. «На страже Родины» ордена Ленина Ленингр. воен. округа. Л.: Типография газ. «На страже Родины», 1968. С. 167.

Как Вася Теркин за наградой поехал

Чуть за подвиги мирок,
Воздаст сторицей —
Ехать Теркину через
В Красную столицу.
Командир герою дал
Актёр на дорожку,
Сварганил и наказы
Возвращаться к сроку.

Славной службе не конец —
Получил путевку,
Первоинтерло боец
Вытиска винтовку.
— На хранение, — говорит,
Вы её примите,
Красотой подруги лютит,
Стоя в строю.

Грусть проходит по сердцам,
Как им расстались,
Крепко руки жал бойцам
На прощание Вася,
По-хорошему герою
С ними распрощався
И дорогой столбовой
В Ленинград помчался.

Указат вокруг места —
Иногда на имя...
Ворст, пожалуй, больше ста
Отмечая с боями:
Здесь противника сбивал
Вася пулей меткой,
Тут окопы штурмовал,
Там ходил в разведку...

В Ленинграде Вася честь —
Люди окружил:
— Ты, мой, там, а мы, мол, здесь
Родные служили,
И твои известны нам
Храбрость и смекалка...
Видно, с Теркиным друзьям
Раставаться жалко.

Не спешите вы в тоску —
Он из Ленинграда
Едет в Красную Москву
Получать награду,
Дней, примерно, через пять
Теркин к нам вернется,
И вокруг о нем опять
Слава разнесется.

СНАЙПЕР.

Илл. 8. Как Вася Тёркин за наградой поехал. Газета «На страже Родины». 1940. 18 апр. Коллекция РНБ

Родины” появился в отделе юмора специальный отдел рисунков и стихов к ним, посвященный военным приключениям Васи Тёркина.

Прошло немного времени, и Вася Тёркин стал любимцем всего фронта. Его имя достигло невероятной популярности и стало нарицательным. Стихи о нем выучивались наизусть. Командиры и красноармейцы посылали их своим детям, остроумные рассказы о подвигах легендарного героя читались юным поколением также с большим удовольствием.

Вася Тёркин не только развлекал. Нет, он и поучал, и подсказывал разные военные хитрости, и находил выход из всех труднейших боевых

положений, и совершал героические подвиги, не переходя в область фантастического. Главным автором стихов о Васе Тёркине был Н. Щербаков»³⁵.

Газета «Ленинградская правда» на своих страницах также высоко оценила работу фронтовой газеты: «В полевых сумках многих политработников всегда можно было найти статьи, вырезанные из газеты «На страже Родины». Здесь рядом с пропагандистскими материалами, с заметками о боях своего подразделения хранился обычно и комплект вырезок с постоянным клишированным заголовком: «Прямой наводкой».

Этот столь популярный в Действующей армии отдел юмора и сатиры делался в газете «На страже Родины» талантливо, остроумно и весело. Имя Васи Тёркина — вымышленного героя, воплотившего в себе смелость, смекалку и жизнерадостность бойцов Красной Армии, стало на фронте нарицательным. Серию рисунков и четверостиший, которые должны были рассказать об очередном подвиге Тёркина, всюду ждали с нетерпением»³⁶.

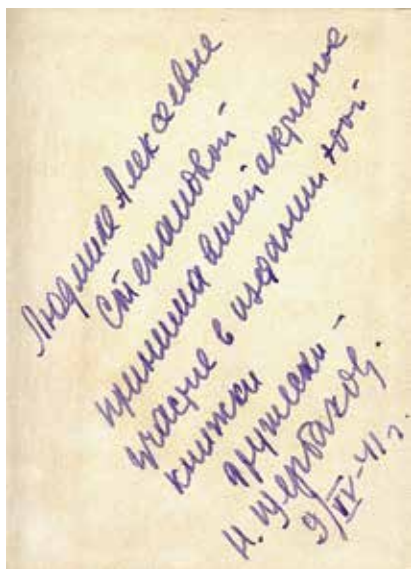
Поэт Всеволод Азаров писал: «Читателям красноармейской газеты ЛВО «На страже Родины» имя поэта Николая Щербакова хорошо знакомо. Под своей фамилией, под псевдонимом «Снайпер» Щербаков опубликовал немало стихотворений о жизни Красной Армии, песен, остроумных фельетонов. Особенно большой успех выпал на долю созданного газетой в дни боев с белофиннами большого цикла стихотворений и рисунков к ним, посвященного военным приключениям любимца армии Васи Теркина. Цикл этот писали Н. Тихонов, С. Маршак, А. Твардовский, но наибольшее число эпизодов, как и основной замысел, принадлежат Н. Щербакову»³⁷.

После Советско-финляндской войны Вася Тёркин участвовал в первомаяском параде, был дневальным, стрелял в тире и помогал бойцам Ленинградского военного округа в боевой учебе, используя свой богатый воинский опыт. Над созданием образа Васи Тёркина в этот период работали художники Владимир Гальба, Николай Муратов, Михаил Кудрявцев, Василий Селиванов, автором стихотворных подписей по-прежнему оставался Николай Щербаков. Последняя серия о приключениях Васи Тёркина перед Великой Отечественной войной вышла 23 февраля 1941 года и повторяла в рисунках биографию и боевой путь Тёркина, описанный С. Маршаком. Предчувствия новой, более крупной войны были в тот момент у многих. И неслучайно Николай Щербаков закончил эту серию такими стихами:

³⁵ Щербаков Н. Песни горниста. Л.: Гослитиздат, 1940. С. 4.

³⁶ Обзор печати. «На страже Родины» // Ленинградская правда. 1940. 12 апреля. № 85.

³⁷ Азаров В. Вася Теркин на фронте // Звезда. 1941. № 5. С. 174–175.

Ил. 9, 10. Титульный лист сборника «Песни горниста» с дарственной подписью поэта Н. Щербакова. Издательство «Художественная литература», 1940. Коллекция историко-литературного музея «Вася Тёркин»

Гром войны грохочет грозен,
Гул летит к родным краям:
Тёркин помнит об угрозе —
Соревнуюсь в лыжном кроссе,
Он готовится к боям³⁸.

С началом Великой Отечественной войны Н. Щербаков был назначен писателем в армейскую газету 16-й армии «Боевая тревога». Писал стихи и фельетоны, создал цикл стихов о бойце Иване Хватове — одном из собратьев по оружию Васи Тёркина. В октябре 1941 года под Вязьмой был тяжело ранен, попал в плен и до конца войны находился в различных лагерях для военнопленных в Литве и Германии. Был освобожден американскими солдатами 11 апреля 1945 года и отправлен на лечение. После возвращения в СССР работал в радиокомитете в Пскове, сотрудничал в областной газете, руководил литературной группой, читал лекции. Именно здесь, в Пскове, он и получил в подарок от А. Твардовского «Книгу про бойца» с дорогой для себя дарственной надписью.

³⁸ Газета «На страже Родины». 1941. 23 февр. № 45.

Боевой путь Василия Теркина

Годен к службе Вася Теркин —
Так решил военкомат!
Теркин вышел из казармы
Со звездой и в гимнастерке,
Теркин смеется, Теркин рад!

Истробки под небесами,
Дождь свищущий так и льет,
Солжн кроется в тумане,
Вася Теркин из Хельсин.
Вражью силу крепко бьет.

Но захватчик налетел
Не оставил своих —
Чтоб к тому отбить охоту,
Теркин вновь из пулемета
Вьет у Халкин-Голя их.

В Польше труженик страдает,
Польша ланская — горька,
Теркин с боем наступает —
Братья сж освободает
Из-под панского ярма.

Враг засел в стальных
коробках,
В глубине бетонных мор —
На дистанции короткой
Наш герой прямой лавочкой
Белюфшинов бьет в упор.

Гром войны грехочет грозен,
Гула летит к родным краям —
Теркин помнит об угрозе —
Соревнуясь в аймах Кресса,
Он готовится к бою.
СНАЙПЕР.

Ил. 11. Боевой путь Василия Теркина. Газета «На страже Родины». 1941. 23 февр. Коллекция РНБ

Список литературы

- Вася Теркин на фронте. Л.; М.: Искусство, 1940. Вып. 1. Фронтная б-чка газеты «На страже Родины». 20 с.
- Ленинградские писатели-фронтовики, 1941–1945: Автобиографии, биографии, книги. Л.: Сов. писатель., 1985. 520 с.
- Рожденная Октябрем. Боевой путь краснознам. газ. «На страже Родины» ордена Ленина Ленингр. воен. округа. Л.: Типография газ. «На страже Родины», 1968. 264 с.
- Солодарь Ц. Живые голоса. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.
- Твардовский А. Как был написан «Василий Теркин» (Ответ читателям). М.: Сов. писатель, 1952. 44 с.
- Хренков Д. Дорогие спутники мои. М.: Современник, 1975. 208 с.
- Щербаков Н. Песни горниста. Л.: Гослитиздат, 1940. 116 с.
- Щербаков Н. Отважный боец Иван Хватов. Библиотечка газеты Н-ской армии, 1941. 30 с.

Vyacheslav Leonidovich KOKIN

Director of the Historical Literature Museum «Vasya Terkin» (St. Petersburg, Russia)

E-mail: slawa231270@mail.ru

“To one of the initiators of Terkin in Russia...”.

To the 110th anniversary of A. T. Tvardovsky

In the winter of 1939, the hero Vasya Terkin appeared on the pages of the newspaper “on guard of the Motherland”. The Leningrad poet Nikolai Shcherbakov was the main author of poems about his fighting moves. It was to him that Alexander Tvardovsky in 1946 presented the book “Vasily Terkin” with the inscription “One of the initiators of Terkin in Russia...”.

Keywords: Vasya Terkin, the Soviet-Finnish war, writers at the front.

УДК 94 (47).084
ББК 63.3 (2) 622.5

Александра Павловна ГАЛЮКЕВИЧ

Младший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: galyukevich@yandex.ru

«ЧИСТОТА — ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ»: РАСПРОСТРАНЕНИЕ МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ СРЕДИ ПАРТИЗАН ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена распространению медицинских знаний среди врачей через боевые листки партизанских отрядов. Помимо этого рассматриваются различные методы по повышению дисциплины медицинских работников и улучшения качества оказания медицинской помощи бойцам. В заключении автор отмечает о большой роли боевых листках в улучшении медицинской службы партизанских формирований.

Ключевые слова: партизаны, медицинская служба, боевые листки.

Одной из самых важных обязанностей партизанских врачей, фельдшеров и медсестер в годы Великой Отечественной войны была проведение различных мероприятий по профилактики заболеваний. Помимо постоянных осмотров личного состава врачам необходимо было проводить различные беседы с бойцами по предупреждению тех или иных болезней. Так во всех подразделениях часто проходили разъяснительные лекции на темы как бороться с сыпным тифом, предупреждать обморожение, как уберечься от гриппа, или говорили о борьбе с венерическими заболеваниями¹. Обсуждение данных проблем проходило не только с личным составом партизанских формирований, но и с младшим медицинским персоналом: давались консультации фельдшерам, медсестрам и санитаркам для обогащения их знаний².

Некоторые врачи отмечали, что подобные беседы давали неплохой результат. Тем не менее охват личного состав не мог быть полноценным. То есть одному врачу приходилось проводить несколько бесед в различных подразделениях полка, что отнимало большое количество драгоценного времени³.

---

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 556. Л. 3–4

² Там же. Д. 1789. Л. 40

³ Там же. Л. 67об.

Проблема широкого распространения медицинских знаний среди партизан решалась при помощи стенной печати, а боевые листки. Особенностью данного источника информации была его целевая направленность на внутреннюю жизнь отряда⁴. Создателями боевых листов и их же целевой аудиторией выступал личный состав партизанских подразделений. Отличием боевых листов от партизанских газет было личное и более сильное воздействие на отряд. Листки достаточно оперативно оповещали о проступках, о нарушениях дисциплины, рассказывали о нарушителях или же ставили кого-то в пример. Именно исходя из своих особенностей боевые листки стали прекрасным местом для того, чтобы распространять важную информацию, которая касалась охранения здоровья партизан.

Боевые листки стали выпускаться сразу же с появлением партизанских отрядов в 1941 г., однако масштабному и постоянному выпуску препятствовало ограниченная материальная база — ощущалась острая нехватка бумаги и красок, поэтому выпуски создавались на обоях, на обороте ненужных карт, и не полностью сохранились для исследователя.

В основном темы, которые поднимались на страницах боевых листов, связанные с медициной в партизанских отрядах делятся на несколько основных направлений.

Особое место в боевых листовках занимали темы, связанные с различными рекомендациями по сохранению здоровья. Самым важным были советы по соблюдению чистоты и гигиены в отрядах. Во всех партизанских боевых листовках можно встретить заметки от врачей и медсестер с заголовками «Чистота — залог здоровья»⁵, «Чистота необходима»⁶, «Гигиена — залог здоровья»⁷, «Личная гигиена бойца»⁸. В кратких сообщениях можно было найти советы по сохранению чистоты и личной опрятности бойцов, рекомендации для командиров. Самым главным страхом было распространение инфекций, которые в замкнутом коллективе могли перерасти в крупные эпидемии. В связи с этим каждая заметка заканчивалась предупреждением, что вши и грязь ведут к распространению сыпного тифа. Рекомендации были простые: повседневный туалет рук, шеи и лица; походы в баню; чаще производить уборку в помещениях.

---

⁴ Савинова Н. В. Боевые листки Ленинградских партизан и их роль в поддержании дисциплины в партизанских отрядах // Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. СПб., 2019. С. 99

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 116 л. Оп. 1. Д. 1599. Л. 44; Там же. Д. 1740. Л. 19; Там же.. Оп. 17 Д. 1599. Л. 24

⁶ Там же. Д. 2131. Л. 10

⁷ Там же. Оп. 17 Д. 1599. Л. 25

⁸ Там же. Л. 21

Боевые листки воспитывали личный состав партизанских отрядов. Особенно рассматривалась дисциплина как положительные примеры поведения медицинского персонала, так и разъясняли различные ошибки, указывали на недостатки и проступки.

Положительных примеров было гораздо больше. Именно они должны были прививать правильную модель поведения, а также поощрять различных партизанских врачей и медсестер. В основном в таких заметках отмечался героизм медицинских работников. Так, например, в одном боевом листке описывался и ставился в пример самоотверженный поступок партизанки Питман, которая во время боя в деревне Ужово, несмотря на вражеский обстрел вытащила двух раненных бойцов, сделал им перевязки⁹. Хвалили также за инициативность в обустройстве быта, когда медсестры и санитарки брали на себя дополнительные обязанности помимо заготовки материалов (бинты, вата, носилки) для оказания медицинской помощи¹⁰. Дополнительные обязательства включали в себя заботу о чистоте, которая заключалась в уборке помещений, а также приготовлении пищи¹¹. Помимо всего этого, отмечалась дисциплинированность, поощрялось изучение оружия и военной техники¹², поскольку это было крайне важные аспекты военной подготовки в условиях введения партизанской борьбы, так как медицинский работник воевал наравне со всеми остальными бойцами отряда.

Воспитательные заметки, указывавшие на существовавшие недостатки были важны для улучшения медицинской и партизанской службы. Боевые листки должны были призывать бойцов соблюдать дисциплину. Они оперативно сообщали об ошибках, которые допускал личный состав партизанского отряда. Осуждение близких товарищей позволяло искоренить различные бытовые проблемы, возникавшие среди личного состава партизанских формирований.

Одним из основных недостатков в организации и работе медицинской службы, отраженным в боевых листках, являлась организация ухода санитарок и врачей за ранеными партизанами. Среди них особо выделялось несоблюдение правил гигиены в местах, где находились больные солдаты.

Отмечалось, что в помещениях необходимо больше внимания уделять соблюдению санитарных норм, нарушение которых могло привести к появлению вшей, являвшихся главным разносчиком инфекционных заболеваний¹³.

---

⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 116. Оп. 1. Д. 2132. Л. 10

¹⁰ Там же. Д. 1740. Л. 12.

¹¹ Там же.. Д. 2013. Л. 25

¹² Там же. Д. 2130. Л. 4

¹³ Там же. Д. 2131. Л. 30

Большое внимание уделялось нехватке перевязочных средств у медицинских работников и партизан для оказания первой медицинской помощи в бою. Решением проблемы отсутствия необходимого материального обеспечения было найдено: каждый боец должен был носить с собой хотя бы одну чистую тряпку для того, чтобы его можно было ей перевязать¹⁴.

Часто критиковался сам процесс оказания первой доврачебной медицинской помощи. Например, отмечалось, что в некоторых формированиях в бою не участвовали санитарки, поэтому не могли оказать своевременную помощь¹⁵. Задержка с оказанием медицинской помощи после боя могла быть связан с тем, что медсестер просто не оказывалось на месте. Так отмечалось в одном из боевых листов, что «вместо того, чтобы оказать помощь, [санитарки] разгуливали по деревне»¹⁶.

Командный и личный состав партизанских формирований больше всего возмущало наличие различных симулянтов. Отмечалось, что некоторые бойцы старались увильнуть от боевых операций, поэтому притворялись больными и оставались в лагере. Наличие таких случаев могло говорить о низком уровне профессионализма медицинской службы, неспособных отличить больных от здоровых. Правда, стоит отметить, что партизаны симулировали иногда болезни, которые сложно определить, несмотря на квалифицированность медицинского сотрудника. Показателен случай с партизанкой Евгенией Кустовой из 6 партизанского отряда 2й роты, которая регулярно старалась отказываться от задания. У нее в систему вошла какая то симуляция: «как в задание так у нее болели зубы, как в другое — то болело горло»¹⁷. С такими «казанскими сиротами» и «нытиками» медицинские работники и политработники отрядов активно занимались перевоспитанием.

Для повышения мотивации качественной службы медицинских работников в выпусках боевых листов многие медсестры и санитарки брали на себя социалистические обязательства. Особенно это касалось тех, кто только вступал в партизанский отряд. Прежде всего обещали изучить санитарную службу первой помощи в короткий срок на «хорошо» и «отлично»¹⁸. Помимо этого обязательным было изучение принципов работы оружия — винтовка и автомат. К концу каждого такого обращения к сослуживцам звучали традиционные обещания сражаться в первых рядах против фашистских гадов наравне с мужчинами, гро-

---

¹⁴ Там же. Д. 2130. Л. 43

¹⁵ Там же. Д. 2013. Л. 21

¹⁶ Там же. Д. 2198. Л. 21

¹⁷ Там же. Д. 2013. Л. 29.

¹⁸ Там же. Д. 2130. Л. 21.

мить врага, а также оказывать санитарную помощь и спасти бойцов во время боя¹⁹.

Проанализировав большой пласт боевых листовок можно сделать вывод, что боевые листовки внесли большой вклад в развитие медицинской службы, указывая на отрицательные и положительные аспекты оказания первой помощи, помогая понять слабые и сильные стороны, давали жизненно важные советы по предотвращению болезней, а также мотивировали бойцов для улучшения показателей по спасению жизни в боях народных мстителей.

Список литературы:

1. *Савинова Н. В.* Боевые листовки Ленинградских партизан и их роль в поддержании дисциплины в партизанских отрядах\ Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. СПб., 2019

Alexandra Pavlovna GALUKEVICH

Junior researcher at the Military History Museum of artillery,
engineering and communications troops (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: galyukevich@yandex.ru

«Cleanliness is the key to health»: dissemination of medical knowledge among the partisans of the Leningrad region during the Great Patriotic war.

The article is devoted to the dissemination of medical knowledge among doctors through the combat leaflets of partisan detachments. In addition, various methods are considered to improve the discipline of medical workers and improve the quality of medical care to soldiers. In conclusion, the author notes the great role of combat leaflets in improving the medical service of partisan formations.

Keywords: partisans, medical service, combat leaflets.

---

¹⁹ Там же. Д. 2131. Л. 35

УДК 94 (100-87)

ББК 63.3 (0) 62

Елизавета Викторовна ЯРОЧКИНА

кандидат исторических наук, ассоциированный профессор,
Костанайский Региональный Университет имени Ахмета Байтурсынова
(Костанай, Казахстан)

E-mail: yar.liz73@mail.ru

ВКЛАД ЖИТЕЛЕЙ КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Статья посвящена вкладу жителей Кустанайской области в победу в Великой Отечественной войне, которая стала глубоким тылом, куда были эвакуированы различные объекты оборонной промышленности, готовившие для фронта различную продукцию, а также подготовка летного состава и небольшая толика подвигов солдат, на примере двух районов.

Ключевые слова: эвакуированные предприятия: швейная фабрика Большевичка, завод № 507 (514), Сталинградское военно-авиационное училище лётчиков, Сьянов И. Я., Темирбаев С. Н.

В 2020 году отмечали 75-ю годовщину победы над гитлеровской Германией. Война унесла не мало людских потерь, в каждую семью ворвавшись печальным известием. Но пока мы будем помнить воинов, их подвиги, рассказывать молодежи, память не будет забыта. Не смотря на создавшееся сложное социально-эпидемиологическое положение, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин принял оптимальное решение проведения мероприятия посвященного в честь 75-летия Великой Отечественной войны определив дату- 24 июня, и это символично, своеобразная связующая нить между прошлым и настоящим, именно в этот день был проведен победный Парад на Красной площади.

В войне принимали участие представители всех народов, тогда Советского союза, ковали победу и на фронте и в тылу. Кустанайская область Казахская ССР дала кров более миллиона эвакуированных людей, перевезены промышленные объекты, культурные ценности, так в городе Кустанае начали работать и производить продукцию для фронта (заводы искусственного волокна из городов Клин и Каменск. В соответствии с решением Эвакосовета и Комитета Обороны от 29 октября 1941 г. на их базе был организован завод № 507¹. С 3 по 12 декабря

---

¹ Ярочкина Е. В. Деятельность эвакуированных предприятий в годы Великой отечественной войны на примере Кустанайского химического завода № 507а (514) Вестник

1941 г. в Кустанай прибыло 130 вагонов с оборудованием завода «Клин-волокно», вместе с оборудованием в город было эвакуировано 55 работников предприятия, преимущественно монтажников, инженеров и техников-химиков, а также 70 бойцов военизированной пожарной охраны — наладили производство пороха, снарядов, патрон; швейная фабрика «Большевичка» из города Херсон- производила обмундирование и другую продукцию и другие). А также культурные ценности из известных музеев, галерей РСФСР- это в 1941 году эвакуировали «Государственное хранилище № 1» с наиболее ценными коллекциями (932 ящика) музеев — Исторического, Биологического, Этнографического, Восточных культур, Музея революции СССР, а также библиотеки им. В. И. Ленина, а летом 1942 г. четыре вагона музейных ценностей новгородских, псковских и др. музеев. После возвращения музейных ценностей, в дар были оставлены часть картин, которые хранятся в областном историко-краеведческом музее, а часть книг в областной библиотеке в фонде «Редкие книги» и в библиотеке педагогическом институте².

В ряды Красной Армии было призвано 1 миллион 200 тысяч человек, к дополнительно к служившим в армии СССР. За период с 1941–1942 годы в Казахстане сформировано 12 стрелковых, 4 кавалерийских дивизий, 7 стрелковых бригад и около 50 полков и отдельных батальонов других родов войск. 9 из 10 пуль отлиты в Казахстане, на фронт ушли каждый 5 казахстанец.

На территории Кустанайской области была сформирована 151 стрелковая бригада³, которая в свое время влилась в 150-ю стрелковую дивизию и стала легендарной на всем боевом пути, одних из знаковых фамилий нам на слуху: Кантария М. В., Егоров М. А., Кошкарбаев Рахимжан, (Целиноградский район Акмолинской области, совместно с красноармейцем Григорием Булатовым-первым водрузил красное знамя на фасаде Рейхстага), Сьянов И. Я. (Аулиекольский (Семиозёрный)

Евразийского гуманитарного университета. — Астана, 2017., № 2.-С. 25–32.

² Ярочкина Е. В. История музея: Костанайский (Кустанайский) областной историко-краеведческий музей Российский Государственный Педагогический университет им. А. И. Герцена, факультет географии, Дворец творчества детей и молодежи Колпинского района Санкт-Петербурга, Ресурсный центр дополнительного образования Санкт-Петербурга. Колпинские чтения по краеведению и туризму. Материалы межрегиональной (с международным участием) научно-практической конференции 10–11 апреля 2018 года / Отв. ред. С. И. Махов, В. Д. Сухоруков, Н. Е. Самсонова. В 2 частях. Часть I — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. — стр. 540–547.

³ Ярочкина Е. В. «Из истории национальных военных подразделений в годы Великой Отечественной войны на примере 151-й отдельной стрелковой бригады» Вестник КГПИ. -Костанай: КГПИ, 2006. № 2.-С. 157–161.

район), Темирбаев С. Н⁴. (Б. Майлина (Тарановский) район Костанайской области) — все они на разных этапах захвата Рейхстага водружали Знамя Победы.

Одно из населенных пунктов Костанайской области Федоровский район, село Федоровка его районный центр, основано в 1900 году, впервые переселенцы появились в 1894 году. Так постепенно село пополнялось переселенцами, людьми разного происхождения и достатка, формировался район, люди трудились показывая хорошие результаты. Жители села и района испытали все тяготы начала XX века, стали появляться на их земле, репрессированные, депортированные. И тут весь пришла и о войне. С территории Федоровского района и села Федоровка ушли не мало воинов. Кто-то погиб, пропал без вести, кто-то вернулся инвалидом и не прожил долго, но все они защитили Родину и дали возможность жить Нам.

За годы войны почти 10 тысяч человек было призвано в действующую армию из Федоровского района, более 3 000 из них пало на полях сражений чужбины, 1500 пропали без вести, 600 скончались от ран.

История района славится именем героя Советского Союза Кравцова Григория Михайловича, который родился в 1922 году в селе Старожиловка Федоровского района, учился в школе, трудился в колхозе, но война судьбу молодого Григория повернула на 180 градусов. В августе 1941 года по личной просьбе был направлен оперуполномоченным ОКР «Смерш» 69-ой армии, в боях погиб 14 января 1945 года. 6 апреля Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил лейтенанту Григорию Михайловичу Кравцову звание Героя Советского Союза. Федоровчане помнят и чтут память его подвига и родное село Старожиловка переименовали в село Кравцово, именем героя названа и одна из центральных улиц Федоровки, бывший Дом Пионеров в районном центре. В 2013 году неравнодушные люди собрали средства, а также выделил районный акимат (районный орган исполнительной власти) установили бюст герою. В советское время автор-скульптор Белоусов Л. П. создал памятник к очередному празднованию 9 мая 1980 года, а в 1992 году к основному комплексу установили мемориальные мраморные плиты с высеченными на них 457 фамилиями погибших. Ветеран войны Лобач Нина Климентьевна в свои 96 лет, рассказывает о войне на уроках мужества (ушла добровольцем, была пулемётчицей расчёта, отражала ночные воздушные атаки в Сталин-

---

⁴ Ярочкина Е. В. «Из истории национальных военных подразделений в годы Великой Отечественной войны на примере 151-й отдельной стрелковой бригады» Вестник КГПИ. -Костанай: КГПИ, 2006. № 2.-С. 157–161.

граде, участвовала в Курской битве, окончание войны встретила в пригороде Берлине.)⁵.

В город Кустанай было эвакуировано и Сталинградское военно-авиационное училище лётчиков, местные краеведы отмечают, что было две попытки переброски училища в конце 1941 года, когда фашисты подошли к Москве, тогда 20 декабря 1941 года Кустанайский областной исполнительный комитет депутатов трудящихся и бюро обкома КПК принимают совместное постановление о выделении авиашколе более 30 помещений, 5 трехтонных автомашин, 180 специалистов строительных профессий. Сталинградское училище начала эвакуацию только в июне 1942 года, должны были приехать 3 594 человека. Самолёты добрались своим ходом, личный состав отправился на барже по Волге, затем — в теплушках по железной дороге. Техника состояла из учебно-тренировочных самолетов УТИ, кроме них — 42 истребителя Як-1 и Як-7 и 20 «ишачков». Для И-16 оборудовали аэродромы в посёлках Озерном и Федоровке. Более скоростным «якам» построили взлетно-посадочную полосу на территории сегодняшнего аэропорта города Кустаная* (основан в 1879 г. — как Ново-Николаевск, из-за путаницы отправки почты так как город с таким названием существовал и в других губерниях, переименован с 1893–1895-Николаевск, с февраля 1895 г. по 17 июня 1997 года — Кустанай, затем Костанай). Всего прибыли 4 авиационные эскадрильи, к 18 августа подошли и 8 эшелонов с личным составом и имуществом. Город Кустанай подходил по широкому свободному пространству для аэродромов, равнинная местность и часто ясная погода. Из воспоминаний одного из курсантов-лётчиков Ивана Руденко: «сначала учебно-тренировочные вылеты осуществляли с гражданского аэродрома, который был за железнодорожным вокзалом, но этот аэропорт нужен был для перевозки почты и других стратегических нужд, поэтому курсанты совершали вылеты с аэродромов в поселках Озерное и Федоровка, а также дополнительно выделили место в поселке Затобольск, так как снабдили дополнительными самолетами класса И-16»⁶.

Еще один исторический факт заслуживает внимание, в 1953 году село Федоровка Федоровского района в составе эскадрильи курсантов-лётчиков приехал и Герман Титов (в музее района хранится его письмо)⁷

---

⁵ Воспоминания ветерана войны Лобач Н. К. и старожил Аслиев Х., Налгиев А., Шашкова З., Черная Г., учителя школы Исабаевой А. С. о войне, истории поселка и его жизни. Федоровский район, село Федоровка. Полевая запись, записана автором статьи Ярочкиной Е. В., в процессе беседы с жителями, август-сентябрь 2019 год.-С. 1–20.

⁶ Шибаршин Е. Бить фашистов учили в небе Кустаная./ Наша газета, 03.05.2018.-С. 3.

⁷ Воспоминания ветерана войны Лобач Н. К. и старожил Аслиев Х., Налгиев А., Шашкова З., Черная Г., учителя школы Исабаевой А. С. о войне, истории поселка и его

будущий Герой Советского Союза, дублер Гагарина, второй человек, который летал в космос, летчик –космонавт СССР. Как возникло желание стать лётчиком у Германа Титова, он вспоминает, что: «однажды приехал в их село муж учительницы. — Золотые пуговицы, погоны, галстук, ботинки блестящие. Я и спросил, мол, где всё это дают? Он ответил, что в авиации»⁸.

Отчасти поэтому, когда в 1953 году выпускника школы Титова призвали в армию, то в военкомате он попросил направить его служить в авиацию. Титов Г. обучался в Кустанае, после окончания училища продолжил образование уже в Новосибирске. Часть курсантов размещалась в казармах, где ранее был дом-пассаж купцов Яушевых (потом здание использовали как магазин, потом после ремонта размещается областной историко-краеведческий музей, который сам является историей области), часть лётного состава размещены на частных квартирах, снимали угол, вопрос с продовольствием решался постепенно, сначала и это понятно курсанты не доедали, падали в обморок во время полётов. Иногда доходило, что «сами курсанты искали еду, пытались обменивать на что-то, покупать молоко и шанешки за 15 копеек, тем и сыты»⁹.

Для многих парней, кто прибыл в город в августе 1942 года перед глазами предстала картина провинциального города, «одна улица была вымощена булыжников, в ветреную летнюю погоду её засыпало песком и тянулась она от теперешней ТЭЦ до здания обувной фабрики (из эвакуированных объектов) на берегу Тобола и носила имя Ленина (в настоящее время проспект Аль-Фараби), отмечает в своих воспоминаниях Иван Руденко», такой внешний облик был характерен для многих городков, тем более в тяжелое военное время. «Город по своей площади был небольшой, занимал территорию от современной улицы Нариманова (Наримановская, там размещалась татарская слободка, и названа в честь одного из известных людей) до «Зеленого рынка» по улице Победы, между заводом № 507 (514), где выпускали порох, он располагался рядом с ТЭЦ и железнодорожным вокзалом- пустырь. С появлением новых курсантов размещение было в гастрономе «Центральный», в настоящее время на его месте построен Главпочтамт (Казпочта) по улице Алтынсарина, один из курсантов впервые увидел

жизни. Федоровский район, село Федоровка. Полевая запись, записана автором статьи Ярочкиной Е. В. в процессе беседы с жителями, август-сентябрь 2019 год. С. 1–20.

⁸ *Титов Г. С.* Семнадцать космических зорь. — М., ЛПН, 1963. — 25 с.

⁹ *Урютин Ю.* Аэродром в Наримановке и космонавт № 2. Страницы истории Сталинградской школы военных пилотов, связанные с Кустанаем // Наша Газета. № 24 (950) от 11.06. и 18.06.2020. С. 3–5.

здесь верблюдов, на которых привозили продукты из Тургая для продажи на базаре¹⁰.

Среди выпускников около 100 Героев Советского Союза, 5 летчиков удостоены дважды.

Мендыгаринский (Боровской) район Кустанайской области не меньше взрастил отважных батыров, которые с честью продолжили традиции казахского народа и сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Турлубек Естай, 1926 года рождения поселок Каменскурал, призван в 17 лет в 1943 году. Воевал на 1 Белорусском фронте в 9-й отдельном Бобруйско-Берлинском танковом корпусе в мотострелковой бригаде. Естай вёл огонь с танков, обеспечивая им охрану. Участвуя в освобождении Польши Естай получил ранение в левую ногу, лежал в госпитале г. Лодзь, после госпиталя продолжил службу в городах Белосток и Лициц до 1948 года. Он часто вспоминал, что обязан жизнью «простым русским мужикам», ведь он годился многим в сыновья, они оберегали его как сына полка¹¹. Награждён орденом Красной Звезды, медалью «За освобождение Польши», медалью «За победу над Германией». После войны с супругой Нурсулу вырастили и воспитали десять детей. Работал управляющим, бригадиром тракторной бригады, председателем исполкома Ломоносовского сельского совета, старшим диспетчером в зерносовхозе им. Джангильдина.

Другие солдаты воевали, но не вернулись с поля боя, но в Мендыгаринском районе учителя истории, краеведы, ученые-исследователи из КРУ им А. Байтурсынова продолжают работу по сбору информации, рассказывают о подвигах солдат на уроках мужества¹². Это: Басадилов Турлубек –погиб в боях под Москвой в 1942 г., похоронен в братской могиле; Унгорбаев Алимбай — участник боев за снятие блокады под Ленинградом в 1943 г., был ранен, но не ушел с поля боя, пока полк не выполнил боевую задачу; Хусаинов Кабдолла — 1900–1903 г/р., погиб на фронте, точных данных о месте гибели нет; Хусаинов Айтбай —

---

¹⁰ Ярочкина Е. В. «Из истории становления предприятий оборонной промышленности на территории Кустанайской области в годы Великой отечественной войны» Вестник КГПИ. -Костанай: КГПИ, 2006. № 2.-С. 153–162.

¹¹ Воспоминания ветерана войны Лобач Н. К. и старожил Аслиев Х., Налгиев А., Шашкова З., Черная Г., учителя школы Исабаевой А. С. о войне, истории поселка и его жизни. Федоровский район, село Федоровка. Полевая запись, записана автором статьи Ярочкиной Е. В., в процессе беседы с жителями, август-сентябрь 2019 год.-С. 1–20.

¹² Ярочкина Е. В., Ярочкин Темирлан. Боевой путь 151 отдельной Стрелковой бригады от Костаная до Берлина, в воспоминаниях героев-костанайцев на примере Берлинской операции и взятие Рейхстага. VI международная конференция «Военная история: люди, факты, обстоятельства». г. Санкт-Петербурге ГБУ ДМ «ФОРПОСТ» Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. –РФ. СПб, 2019. — С. 330–336.

1908 г/р., призывался Звериноголовским РВК, вернулся с войны, лишившись ноги, был комиссован, умер в 1943г, паша скот, от удара молнии.

Герои войны среди нас пока мы помним, бессмертный полк проходит ежегодно в день победы и каждый, человек, кто несет портрет своего близкого человека, дает возможность, Им погибшим пройти в День Победы по главной площади, тогда Советского Союза — Красной площади.

Список литературы

- Титов Г. С.* Семнадцать космических зорь. — М., ЛПН, 1963.-25с.
- Урюпин Ю.* Аэродром в Наримановке и космонавт № 2. Страницы истории Сталинградской школы военных пилотов, связанные с Кустанаем / Наша Газета № 24 (950) от 11.06. и 18.06.2020. С. 3–5.
- Шибаришин Е.* Бить фашистов учили в небе Кустаная / Наша газета, 03.05.2018.-С. 3.
- Ярочкина Е. В.* Деятельность эвакуированных предприятий в годы Великой отечественной войны на примере Кустанайского химического завода № 507а (514) Вестник Евразийского гуманитарного университета. — Астана, 2017., № 2. С. 25–32.
- Ярочкина Е. В., Ярочкин Темирлан.* Кадровый потенциал кустанайского химического завода № 514. Региональная научно-практическая конференция «История Костанайской области: люди, события и факты» посвященная 80-летию Костанайской области. — Костанай: Типография КГУ имени Ахмета Байтурсынова, 2016. С. 84–87.
- Ярочкина Е. В.* «Из истории становления предприятий оборонной промышленности на территории Кустанайской области в годы Великой отечественной войны» Вестник КГПИ. Костанай: КГПИ, 2006. № 2. С. 153–162.
- Ярочкина Е. В.* «Из истории национальных военных подразделений в годы Великой Отечественной войны на примере 151-й отдельной стрелковой бригады» Вестник КГПИ. Костанай: КГПИ, 2006. № 2. С. 157–161.
- Ярочкина Е. В., Ярочкин Темирлан.* Боевой путь 151 отдельной Стрелковой бригады от Костаная до Берлина, в воспоминаниях героев-кустанайцев на примере Берлинской операции и взятие Рейхстага. VI международная конференция «Военная история: люди, факты, обстоятельства». Проходило в РФ, г. Санкт-Петербурге ГБУ ДМ «ФОРПОСТ» Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. РФ. СПб., 2019. С. 330–336. от 18 октября 2019.
- Ярочкина Е. В.* История музея: Костанайский (Кустанайский) областной историко-краеведческий музей Российской Государственный Педагогический университет им. А. И. Герцена, факультет географии, Дворец творчества детей и молодежи Колпинского района Санкт-Петербурга, Ресурсный центр дополнительного образования Санкт-Петербурга. Колпинские чтения по краеведению и туризму. Материалы межрегиональной (с международным участием) научно-практической конференции 10–11 апреля 2018 года / Отв. ред. С. И. Махов, В. Д. Сухоруков, Н. Е. Самсонова. В 2 частях. Часть I. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 540–547.

Elizaveta Viktorovna YAROCKINA

Ph. D. in History (kandidat istoricheskikh nauk), Associate Professor,
Kostanay Regional University named after Akhmet Baitursynov (Kostanay, Kazakhstan)
E-mail: yar.liz73@mail.ru

Contribution of residents of the Kostanay region to the victory in the Great Patriotic War

The article is devoted to the contribution of the inhabitants of the Kustanai region to the victory in the Great Patriotic War, which became a deep rear, where various objects of the defense industry were evacuated, preparing various products for the front, as well as the training of flight personnel and a small fraction of the heroic deeds of soldiers, using the example of two regions.

Keywords: evacuated enterprises: Bolshevichka garment factory, plant № 507 (514), Stalingrad military aviation school of pilots, Syanov I. Ya., Temirbaev S. N.

УДК 94 (47) 084.8
ББК 63.3 (2) 622.12

Станислав Геннадьевич СОПОВ

независимый исследователь (Москва, Россия)

E-mail: sopov.stanislav@gmail.com

ПРОБЛЕМАТИКА ПОДСЧЕТА ПОТЕРЬ И ИХ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ОТРАЖЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ БОЕВ 1-ГО ГВ СК РККА И 4-Й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ ВЕРМАХТА 4–10 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА В СВЕТЕ ВВЕДЕНИЯ В ОБОРОТ НОВЫХ ДАННЫХ

Статья посвящена прорыву 2 танковой армии вермахта к Орлу в октябре 1941 года, в ходе операции «Тайфун». Согласно распространённому в современной литературе мнению, танкистам Гудериана не было оказано никакого сопротивления, и город был захвачен практически без единого выстрела. Анализ и сопоставление советских и немецких архивных документов, дает иную оценку тех событий и открывает неизвестные ранее факты обороны Орла. Фотографии из коллекции автора публикуются впервые.

Ключевые слова: Гудериан, Орел, 4 танковая дивизия, оборона, десант, НКВД, Брянский фронт, Тайфун, противотанкисты, артиллерия.

Несмотря на несколько десятилетий, прошедших с окончания Великой Отечественной войны, проблема подсчета потерь противоборствующих сторон продолжает оставаться одной из наиболее дискуссионных и острых в современной историографии. Это связано в значительной степени с тем, что долгие годы в силу целого ряда причин документы одной из сторон были недоступны для широкого круга исследователей. Так, в советской историографии и мемуарной литературе сложилась достаточно распространенная практика, когда потери противника указывались с опорой на донесения собственной стороны. Другими словами, данные по потерям противника были скорее оценочными, дающими верхнюю планку. Сегодня, благодаря значительно упрощившемуся доступу к документам обеих сторон, мы имеем возможность провести сравнительный анализ заявок и объективных потерь. Но, сразу оговоримся, что документальные данные не всегда в полной мере отражают реальную ситуацию.

Обычно командование любой части или соединения, с определенными оговорками, знает, сколько именно ресурсов потеряно или израсходовано. К интересующим нас документам относятся акты списания техники, списки личного состава, списки потерь личного состава или техники,

оперативные документы, указывающие на конкретные цифры потерь за определенный период. Важность отслеживания этой категории учета необходима для предоставления заявки на пополнение, что отражается в документах разного уровня. Все эти механизмы имеют большое значение для обеспечения выполнения поставленной задачи. По этой причине командование обычно старается отслеживать численность людей и техники в войсках, хотя в условиях войны и в этом моменте бывают сложности. Следовательно, документы о потерях, как правило, носят достаточно объективный характер, хотя, случаи преднамеренного занижения потерь или растягивания их во времени тоже известны.

Обратным примером могут послужить заявки на победы и нанесенный урон противнику, проверить объективность которых во время боевых действий по понятным причинам было довольно затруднительно, что давало почву для завышения потерь противника. Нельзя не отметить, что советское руководство по мере сил боролось с приписками, однако перегибы были не редкостью. В настоящей статье мы проведем анализ соответствия заявок и потерь сторон в ходе боевых действий в районе города Орла в начале октября 1941 года.

Для сравнения взяты журналы боевых действий и отчеты частей 1-го Гвардейского стрелкового корпуса Д. Д. Лелюшенко, с одной стороны, и 4-й танковой дивизии В. фон Лангермана, с другой стороны. Обе стороны впервые встретились в районе города Орла осенью 1941 года и провели бои в период с 4 по 11 октября в полосе между городами Орел и Мценск. Главной действующей силой с обеих сторон стали танки. В 1-м Гв. СК, сформированном 2.10.1941¹, было две танковых бригады: 4-я полковника М. Е. Катукова и 11-я подполковника В. А. Бондарева². Обе бригады выдвинулись в район города Мценска, где и встретились с противником 4–11 октября. В отчете о боевой деятельности 1-й гвардейской танковой бригады с 4 октября по 23 декабря 1941 года указано, что «частями бригады уничтожено: сто тридцать три танка противника, две бронемашины, две танкетки, четыре полевых орудия, шесть дальнобойных орудий, восемь самолетов (сбиты зенитным дивизионом), двенадцать автомашин, две цистерны, тридцать пять ПТО, пятнадцать тягачей с боеприпасами, шесть минометов, четыре зенитных орудия, до полка немецкой пехоты. Потери бригады за этот же период: убито

---

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-1). Ставка ВГК, 1941 г.: Док. и материалы. — М.: Terra, 1996. С.-217

² Каждая бригада была создана по штату №№ 010/75–010/83, 010/87 от 13.09.1941 согласно Приказу НКО № 0063 от 12 августа 1941 г. Постановлению № ГКО-671сс от 13.09.41. Приказу НКО СССР № 0354 от 13 сентября 1941 г. и должны были иметь каждая КВ — 7 шт. Т-34–22, Т-60 или БТ, или Т-26–32

27 человек, ранено 60 человек. Потери мат. части: танков — 28, из них сгорело на поле боя 9, пропало без вести 6, а остальные эвакуированы и частью отправлены на заводы промышленности, а частью восстановлены своими силами и возвращены в строй. Автомашин потеряно 23, раций 4, мотоциклов 12, ПТО 3, минометов 6.»³ По итогам боев 4-я тбр была переименована в 1-ю гвардейскую танковую бригаду⁴.

11-я тбр, к сожалению, не оставила итогового отчета боев под городом Мценском, однако, можно сказать, что согласно Журналу боевых действий бригады танкисты Бондарева записали на свой счет 14 танков и 30 орудий за 6.10.1941 и 20 машин и 2 танка за 11.10.1941⁵ — всего 16 танков, 20 машин и 30 орудий при потере 16 танков⁶. Суммарная заявка за все дни боев только двух бригад составила 149 танков, 32 машины, 44 орудия противника.

4-я танковая дивизия Вермахта, ставшая противником танкистов 1-го корпуса, была сформирована в Вюрцбурге в 1938 году, прошла Польшу и Францию, с первого дня участвовала в войне против СССР. Осенью 1941 года она подчинялась 24-му моторизованному корпусу [XXIV] 2-й танковой группы [2. Panzergruppe] Гудериана. 4 октября дивизия в результате молниеносного прорыва захватила город Орел. Согласно дивизионным документам к этому времени в танковом полку дивизии оставалось 56 танков⁷ из 185, имевшихся на начало войны⁸.

По окончании боев 35-й танковый полк 4-й тд на 12.10.1941 имел 40 боеспособных и технически исправных танка⁹. Таким образом, выходит, что по немецким отчетным документам за время боев с 4 по 11 октября 35-й тп потерял 16 танков, что практически соответствует потерям

---

³ ЦАМО РФ, ф. 3060, оп. 1, д. 2. л. 5

⁴ Шенн Дмитрий. 1-я гвардейская танковая бригада в боях за Москву. — Фронтовая иллюстрация, № 4. — М.: Стратегия КМ, 2007. — С. 31–32.

⁵ ЦАМО РФ, ф. 3081, оп. 1, д. 5. лл. 2об

⁶ ЦАМО РФ, ф. 3081, оп. 1, д. 5. лл. 4

⁷ NARA T315 R195 F633

⁸ Neumann J. Die 4. Panzer-Division 1938–1943. Bericht und Betrachtungen zu zwei Blitzfeldzügen und zwei Jahren Krieg in Rußland. — Selbstverlag, Bonn-Duisdorf, 1985. — С. 331

⁹ ВА-МА 0Пб 9а, pp. 311, 323

по дням: 1 танк 4.10¹⁰, 10 танков 6.10¹¹, 1 танк 7.10¹², 1 танк 9.10¹³, 1 танк 10.10¹⁴

Как пример расхождения подсчета возьмем не только общую цифру потерь, но и конкретный день. Так, 6 октября советской стороной заявлено, что уничтожено от 18 до 43¹⁵ и даже 50¹⁶ танков противника, при этом немецкая сторона говорит о фактической потере всего 10 танков.

Необходимо сразу уточнить, что перед нами только документальные свидетельства, не всегда отражающие реальное положение дел. Так, нам совершенно не известно количество переданных танков из 3-й танковой в 4-ю танковую дивизии и их потери. Из остальных частей дивизии известно только о потере одного бронетранспортера и одного легкого танка за весь период боев, хотя машины таких типов были и в разведывательном, и в саперном батальонах.

Тем не менее, мы можем уверенно говорить о серьезном завышении потерь противника с советской стороны в силу разных причин. Но для полноты картины рассмотрим и заявки противника, тем более, что поле боя осталось за ним и ничто не мешало немцам командованию посчитать потери советской стороны.

Так, в отчете о боях с 4 по 6.10 4-я танковая дивизия заявила о 25 захваченных танках¹⁷, однако советская сторона потеряла в бою 6 октября шесть танков 4-й тбр, из которых два сгорели на поле боя, а остальные эвакуированы и отремонтированы¹⁸. Еще четыре танка были потеряны непосредственно в городе Орле¹⁹ 4 октября. Следовательно, 6 октября в своем первом бою 11-я тбр оставила на поле боя всего шесть танков²⁰.

---

¹⁰ Neumann J. Die 4. Panzer-Division 1938–1943. Bericht und Betrachtungen zu zwei Blitzfeldzügen und zwei Jahren Krieg in Rußland. — Selbstverlag, Bonn-Duisdorf, 1985. — С. 310

¹¹ NARA T315 R195 F1195

¹² NARA T315 R195 F1194

¹³ Schäufler H. So lebten und so starben sie. Das Buch vom Panzer-Regiment 35. Bamberg, 1968. С. 84

¹⁴ Schäufler H. So lebten und so starben sie. Das Buch vom Panzer-Regiment 35. Bamberg, 1968. С. 89

¹⁵ Катуков М. Е. На острие главного удара. / Литературная запись В. И. Титова. — М.: Воениздат, 1974 С.—43 Такая же цифра в 43 танка указана и в ЖБД 4 танковой бригады.

¹⁶ Лелюшенко Д. Д. Москва-Сталинград-Берлин-Прага. Записки командарма. — М.: Наука 1987 С.-28

¹⁷ NARA T-315 R206 F 653

¹⁸ ИРИ РАН Р01–36 д. 1 л. 5

¹⁹ ИРИ РАН Р01–36 д. 1 л. 2

²⁰ ЦАМО РФ, ф. 3081, оп. 1, д. 5. лл. 2об--4

Таблица 1. Заявки и потери танков сторон в ходе боев 4–6 октября 1941 года

	Заявлено уничтоженных танков противника	Потери противника согласно его документам	Соотношение
СССР			
4-я ТБр	54	11	6 к 1
11-я ТБр	14		
Всего	68	11	
Германия			
4-я ТД	25	16 (4-я ТБр — 10, 11 ТБр — 6)	1,5 к 1

Исходя из имеющихся документов с обеих сторон и общего взгляда на события с 4 по 11 октября в районе города Орла, можно сказать, что зафиксированные собственные потери в танках составили:

Таблица 2. Документально зафиксированные потери

Советская сторона		Немецкая сторона	
4 тбр	28, из них сгорело на поле боя 9, пропало без вести 6, а остальные эвакуированы	4 тд	16–18 танков
11 тбр	16 танков сгорело и оставлено на территории противника	3 тд	Неизвестно

Не менее интересно выглядят документы оберквартирмейстера²¹ 4-й танковой дивизии. Необходимо указать, что дивизия была растянута на 100 км, ее танкоремонтные роты находились в районе города Глухова, а боевые части в районе города Орла, что исключало сложный ремонт на месте боевых действий.

35 Танковый полк

	35 pz reg					35 pz reg				
	3 октября					6 октября				
	II	III	IV	KI/bef	Gr/bef	II	III	IV	KI/bef	Gr/bef
общ	44	105/115**	20	2	6	44	125	27	2	6
боеспособные	14	43*	10	1	1	10	37	12	1	2
условно боеспособные	2	3				2	4			
в ремонте	10	12	1		3	14	10	5		2
танки с тех поломками	2	43***	4				43	4		
безвозврат-сгорели, взрыв и т.д.	16	26	5	1	2	16	31	6	1	2

	35 pz reg					35 pz reg				
	9 октября					18 октября				
	II	III	IV	KI/bef	Gr/bef	II	III	IV	KI/bef	Gr/bef
общ	44	140	27	2	6	44	140	27	2	6
боеспособные	8	37	5	1	3	6	26	6	1	2
условно боеспособные		4					4			
в ремонте	19	22	8		1	20	28	4		2
танки с тех поломками		46	5				48	6		
безвозврат-сгорели, взрыв и т.д.	17	31	9	1	2	18	34	11	1	2

²¹ NARA T-315 R197 F 609, 656,731

Примечания

- * 10 танков pz III прибыло из Новгород-Северского.
  - ** Уточнение, общая сумма должна быть 115.
  - *** 43 pzIII и 4 pz IV — в разделе танки с техполомками за 6.10 — следствие экспериментов с топливом в июне 41, в результате чего 20 ДВС танков были выведены из строя, остальные — пыль, нехватка масла, проблема с фильтром, перепробег между ТО и естественная амортизация техники.
- 9.10 Это количество увеличивается до 46 pzIII и 5 pzIV.
 13.10 Это количество увеличивается до 48 pzIII и 6 pzIV, а так же 2-х kl.Bf.pz из 103 арт-полка, которым необходимы моторы.

Итого 35 танковый полк:

Таблица 3. К началу боев за Орел имелось в наличии танков

Pz. Kpfw. II	Pz. Kpfw. III	Pz. Kpfw. IV	Малый командирский	Большой командирский
14	42	10	1	1

52 танка, плюс 14 танков управления и 2 шт. pzII

Суммируя отчёт оберквартирмейстера:

Безвозвратные потери танков с 3.10 по 13.10

16 танков, из них танки 2 Pz. Kpfw. II, 8 Pz. Kpfw. III, 6 Pz.Kpfw.IV и 1 машина из Pz. btl 79 были уничтожены.

Ремонт

За 10 дней в ремонт отправлено (исключая машины с проблемными двигателями) 23 танка всех типов (+15 Pz. Kpfw. III²²),

За время боевых действий отремонтировано 8 танков.

Остальная техника дивизии:

	3 октября						6 октября											
	N.A.		Pz. Fl. Btl 79		AR 103		5 Pz.-Brig		N.A.		Pz. Fl. Btl 79		AR 103		5 Pz.-Brig			
	I	II	kl. bf	I	II	I	II	I	II	kl. bf	I	II	I	II	I	II		
общ	2	10	2	12	5	3	3	10	2	12	5	3	3	10	2	12	5	3
боеготовые	2	1	4	3	2	2	2	1	3	2	1	3	2	1	3	2	1	3
улучено боеготовые		4						2	2	1								
в ремонте	1	1	2	3	1	1	1	3	2	5								
танки с тех поломками																		
безвозвратпогребл, взрыв и т.д.		4		3	2			3	1	3			3	2				

	9 октября						13 октября											
	N.A.		Pz. Fl. Btl 79		AR 103		5 Pz.-Brig		N.A.		Pz. Fl. Btl 79		AR 103		5 Pz.-Brig			
	I	II	kl. bf	I	II	I	II	I	II	kl. bf	I	II	I	II	I	II		
общ	2	10	2	12	5	3	3	10	2	12	5	3	2	10	2	12	5	2
боеготовые	2		1	3	2	2	2	1	3	1	3		3		3		3	2
улучено боеготовые		2	1					2	2	1								2
в ремонте	1	1	6	7	1	1	1	4	2	7								
танки с тех поломками																		
безвозвратпогребл, взрыв и т.д.		4		3	2			4		3			2					

²² Добавляются 15 танков от 6.10, которые распределились — 12 в ремонте, 3 с тех поломками

1 танк bp Pz.pi.btl 79 в безвозвратные потери

7 танков попадают в ремонт, 2 отремонтированы.

С одной стороны, вермахт обладал инициативой и мощным артиллерийским кулаком. К примеру, 4-я танковая дивизия в районе города Мценска была усилена орудиями калибром от 88 до 210 миллиметров, что позволяло решать широкий спектр задач, несмотря на достаточно слабое бронирование и вооружение немецких танков. Сильной же стороной советского командования являлись подвижные резервы и большое количество тяжелых танков КВ-1 (14 шт) и средних Т-34 (44 шт), представлявших серьезную угрозу панцеваффе. Все эти факторы отразились на длительности и упорности боев, а также больших потерях. В результате 4-я танковая дивизия противника выполнила свою задачу и захватила город Мценск, а 1-й Гв. СК Д. Д. Лелюшенко был вынужден отступить.

Что же касается существенного завышения потерь противника советской стороной, то тут следует отметить, что в большинстве случаев заявленные успехи значительно превышают документально подтвержденные потери противника. Причем в большей степени это касается советской стороны, что обусловлено следующими причинами:

- техника осталась на территории противника;
- невозможность точного определения попадания и уничтожения техники;
- одновременная стрельба по одной цели;
- психологическими аспектами поражения и неудачи;
- карьерными и другими интересами, связанными с материальным вознаграждением;

Таким образом, в процессе сопоставления и анализа документов сторон мы выяснили реальную или близкую к ней статистику потерь и получили более достоверную картину событий, что позволяет ответить, в том числе, и на ряд вопросов не только о ходе, но и о результатах боев в районе городов Орел — Мценск и причинах выхода 2-й танковой армии противника в район города Тулы к ноябрю 1941 года.

Список литературы

1. *Катуков М. Е.* На острие главного удара / Литературная запись В. И. Титова. М.: Воениздат, 1974.
2. *Лелюшенко Д. Д.* Москва-Сталинград-Берлин-Прага. Записки командарма. М.: Наука, 1987.
3. Научный архив Института российской истории РАН.
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.
5. *Шеин Д.* 1-я гвардейская танковая бригада в боях за Москву. Фронтальная иллюстрация, № 4. М.: Стратегия КМ, 2007.

6. Bundesarchiv-Militärarchiv.
7. National Archives and Records Administration.
8. *Neumann J.* Die 4. Panzer-Division 1938–1943. Bericht und Betrachtungen zu zwei Blitzfeldzügen und zwei Jahren Krieg in Rußland. — Selbstverlag, Bonn-Duisdorf, 1985.
9. *Schäuffler H.* So lebten und so starben sie. Das Buch vom Panzer-Regiment 35. Bamberg, 1968.

Stanislav SOPOV

independent scholar (Moscow, Russia)

E-mail: sopov.stanislav@gmail.com

Problems of calculating losses and documenting them on the example of battles 1st Guards Rifle Corps of the Red Army and the 4th Panzer division of the Wehrmacht on October 4-10, 1941 in the light of new data

The article is dedicated to the breakthrough of the 2nd Wehrmacht tank army to Orel in October 1941, during Operation Typhoon. According to the opinion prevalent in modern literature, Guderian's tankers were not offered any resistance, and the city was captured almost without a single shot. The analysis and comparison of Soviet and German archival documents gives a different assessment of those events and reveals previously unknown facts of the defense of Orel. Photos from the collection of the author are published for the first time.

Keywords: Guderian, Orel, 4 Panzer Division, defense, landing, NKVD, Bryansk Front, Typhoon, anti-tank, artillery.

УДК 94(497.1)
ББК 63.3 (0) 64

Екатерина Петровна КАТКОВА

ассистент, Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова-Ленина
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: ekaterinak.17@gmail.ru

РУССКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ В БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ

Статья посвящена роли русского добровольческого движения в военных конфликтах на постюгославском пространстве в 1991–2001 гг. Особое внимание уделяется оценкам участия добровольцев из бывшего СССР в Гражданской войне в Югославии, которые даются сегодня представителями широкой общественности Сербии, Боснии и Герцеговины, Хорватии и Косово. Автор отмечает полярность точек зрения и противоречивость, свойственную отношению к добровольцам в бывших югославских республиках, когда сербы признают добровольцев в качестве национальных героев, отстаивавших свободу Сербии, а босняки, хорваты и албанцы обвиняют их в наемничестве, участии в геноциде и военных преступлениях.

Ключевые слова: Югославия, Гражданская война в бывшей Югославии, добровольцы, добровольческие отряды, наемничество, четники, Гагский трибунал.

Гражданская война в бывшей Югославии (1991–2001 гг.) несмотря на свой локальный характер стала масштабным международным событием, в котором по своей воле на той или иной воюющей стороне приняли участие тысячи добровольцев и наёмников из разных стран мира. В большинстве своём ими двигали не собственные амбиции, корыстолюбивые интересы и авантюристские наклонности, но политические и религиозные взгляды, идеологические убеждения и солидарность с одной из этнических общностей на постюгославском пространстве. Тем не менее, этот факт не позволяет идеализировать их фигуры, а само участие в войне независимо от национальной и конфессиональной принадлежности возлагает и на них часть вины за кровопролитные события, ставшие причиной личных и семейных трагедий тысяч бывших югославов — гражданских лиц, лишившихся родины и родственников, друзей и соседей, домов и всего того, что прежде составляло их жизнь.

Русские добровольцы, начавшие массово прибывать в Югославию в 1992 г., заняли в череде этнических и религиозных конфликтов про-сербские позиции, оказав сербам не только непосредственную военную помощь, но, что не менее важно, и моральную поддержку; участвовали

в боевых действиях в Славонии, Среме, Баранье, Боснии и Герцеговине (БиГ), Косово и Македонии. Для многих из них участие в войне стало своеобразным способом самореализации и поиска себя в условиях распада СССР. В идеологическом отношении русские добровольцы выступили под знамёнами монархизма, православия, русского национализма и панславизма, что их во многом сближало со сторонниками сербского четнического движения, начавшего возрождаться ещё после смерти Иосипа Броз Тито в 1980 г. и достигшего особо размаха в годы Гражданской войны в Югославии. Возрождение четничества стало закономерной реакцией сербского большинства на центробежные тенденции внутри Югославии, когда республиканский сепаратизм в буквальном смысле захлестнул национальные окраины СФРЮ. Участие в войне на стороне сербов русских добровольцев наравне с добровольцами из Болгарии, Румынии, Греции, Украины, Беларуси позволяет говорить о некой сложившейся, хоть и ситуационной, но славяно-православной солидарности. Этот феномен приобретает особое значение не только с исторической, но и с культурологической точки зрения. В то же самое время отношения между самими русскими добровольцами могли отличаться враждебностью и определённой долей конкуренции.

За годы Хорватской и Боснийской войн было сформировано несколько русских добровольческих отрядов, наиболее известным из которых стали так называемые «Царские волки» (РДО-2), воевавшие в Боснии. С конца 1994 г. русские волонтёры также действовали в составе сербского ударного подразделения «Белые волки» под командованием Срджана Кнежевича, история и боевой путь которого обросли множеством мифологем и стали предметом особой романтизации в Сербии и Республике Сербской. Подробная история отряда «Белые волки» на русском языке представлена в работах О. Валецкого «Волки белые»¹ и М. Поликарпова «Сербский закат»². Следует также заметить, что известны отдельные случаи участия русских и украинских добровольцев в военных мероприятиях на стороне хорватов.

Отправка добровольцев в зоны непосредственных военных действий на стороне сербов происходила через Белград при молчаливом согласии президента Слободана Милошевича и югославских спецслужб. Личный состав добровольческих отрядов находился в постоянном движении: как правило, добровольцы приезжали на несколько месяцев, после чего возвращались в Россию и прибывали вновь. Для многих из них участие в беспрецедентном по уровню своей жестокости гражданском конфликте становилось серьёзным психологическим испытанием. В то же самое

---

¹ См.: Валецкий О. В. Волки белые. М., 2006. 288 с.

² См.: Поликарпов М. А. Сербский закат. М., 2007. 352 с.

время русские добровольцы, по их собственным замечаниям, стали носителями особой «военной этики», не допускавшей убийства пленных, женщин или детей.

В Косовской войне и македоно-албанском конфликте принимали участие уже не целые отряды, а отдельные русские добровольцы в составе различных сербских подразделений, в рядах македонской армии и полиции. Для участия в боевых действиях на стороне косовских и македонских албанцев велась активная вербовка среди представителей мусульманских народов России, серьёзную озабоченность в связи с чем в 1999 г. выражал первый президент Татарстана М. Ш. Шаймиев³.

Сведения о численности русских добровольцев, принявших участие в военных конфликтах на постюгославском пространстве в разные годы, до сих пор разнятся и варьируются от нескольких сотен до нескольких тысяч в зависимости от источника. Так, мусульманским исследователям свойственно её значительно завышать и доводить вплоть до десяти тысяч человек⁴, хотя в реальности эта цифра не превышала 700 человек⁵, что подтверждают подсчёты Министерства по вопросам ветеранов и труда Республики Сербской (РС), а также ветеранских организаций из общин РС. Кажущаяся ещё в годы войны боснякам многочисленность русских отрядов была ложной и достигалась за счёт их использования в качестве ударных подразделений на различных участках фронта. Миф о высокой численности русских добровольцев в Боснии активно подхватывали мусульманские СМИ, обвиняя Россию в непосредственной военной интервенции, несмотря на то, что решение об участии в войне было следствием исключительно личной инициативы добровольцев и никакого отношения к правительству и вооружённым силам не имело.

Предметом настоящей статьи является не столько история и роль русских добровольческих отрядов в бывшей Югославии, сколько отношение к «русскому фактору» со стороны политиков, историков и широких общественных кругов в современных Республике Сербской, мусульманско-хорватской федерации БиГ, Сербии, Хорватии и Косово.

Разговор о русских добровольцах в Боснии и Герцеговине вызывает наиболее острые дискуссии и противоречивые оценки: за двадцать пять лет, прошедшие с окончания Боснийской войны федеральным властям не удалось сколько-нибудь сгладить последствия гражданского конфликта. Боснийское общество всё ещё переживает травматический опыт массовых этнических чисток, атмосферы всеобщей ненависти и страха, на чём часто беззастенчиво играют национальные политики в борьбе

---

³ <https://www.kommersant.ru/doc/216813>

⁴ Taftro A. Ruski i grčki plaćenici u ratu u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 2014. 264 s.

⁵ <https://rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=234825>

за электоральные рейтинги. И всё это происходит на фоне всестороннего вмешательства во внутривнутриполитические процессы со стороны коллективного Запада и института Верховного представителя.

После заключения Дейтонских соглашений те из русских добровольцев, кто решил остаться в Боснии, в буквальном смысле были выброшены на обочину жизни. Отношение к ним со стороны властей Республики Сербской характеризовалось особым лицемерием: несмотря на регулярные заверения в братстве и благодарности, значительная часть добровольцев была лишена гражданства Республики Сербской, были организованы попытки завести на них уголовные дела с их последующей передачей в Гаагский трибунал. Русские добровольцы намеренно порочились в местных СМИ, в дипломатических и частных разговорах, на научных конференциях и на интернет-площадках. Оказалось, что именно «наёмники и бандиты из православных стран» на протяжении долгих лет мешали республиканским властям строить демократическое государство, налаживать конструктивные отношения с западными странами.

В последние годы политики и высшие должностные лица Республики Сербской, как правило, подчёркивает ту важную роль, которую русские добровольцы сыграли в ходе конфликта в Боснии и их вклад в создание сербского государства в составе Боснии и Герцеговины, в то время как представители мусульмано-хорватского этнитета продолжают обвинять их в наемничестве, участии в этнических чистках и совершении военных преступлений против мусульман и хорватов, а также опротестовывают те акции, которые проводятся в Республике Сербской в память о добровольцах. Вместе с тем, привести конкретные факты участия русских добровольцев в массовых военных преступлениях мусульманам за все предшествующие годы так и не удалось.

12 апреля (в этот день император Александр II объявил войну Турции) на Балканах отмечается День памяти русским добровольцам, погибшим в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Первой мировой войны, а также советским бойцам, принявшим участие в освобождении балканских стран в годы Второй мировой войны. По исторической случайности в тот же самый день, 12 апреля 1993 г. произошёл бой за высоту Заглавак, в котором основной удар на себя приняли русские добровольцы, поэтому в Республике Сербской 12 апреля в первую очередь славят память тех, кто погиб в годы Боснийской войны 1992–1995 гг. В 2011 г. в г. Вишеграде, месте формирования второго русского добровольческого отряда (РДО-2, или *Царские волки*) был открыт памятник тридцати семи русским добровольцам, погибшим в этой войне. В церемонии открытия приняли участие члены правительства РС и ветераны Войска Республики Сербской. В 2017 г. в Вишеграде был также

установлен мемориал в виде креста с именами семи убитых русских участников боя за высоту Заглавак. Собственно в Вишеграде на данный момент находится девять могил русских добровольцев, а одна из улиц города названа «Казацкой» (серб. *Козачка*) в честь казаков, воевавших там в 1993 г. Под Сараево на кладбище Доньи Милечи сейчас находится семнадцать могил русских добровольцев, преимущественно из состава «Белых волков».

Приведем в качестве показательного примера, характеризующего отношение боснийских сербов к русским добровольцам, высказывание главы Объединения ветеранов Республики Сербской БиГ, генерал-лейтенанта в отставке Миломира Савчича: «Нам еще памятно 90-е годы двадцатого столетия, когда в мире была лишь одна сверхдержава. Мы все были свидетелями того, какая обстановка складывалась тогда в мире и какие перспективы предлагал нам новый мировой порядок. В этой связи, мы должны отдать дань памяти всем русским добровольцам, которые из географически удаленной от нас страны, но столь близкой нашему сердцу матушки-России, сложили здесь свои головы в тяжелейшие периоды новейшей истории Республики Сербской. Многие россияне остались лежать в нашей земле как вечные хранители сербской свободы и территории. За это мы им бесконечно благодарны»⁶. А также слова Миланы Бабич, координатора акции «Бессмертный полк» в РС: «Мы — русские и сербы — связаны одной судьбой, наша борьба едина, что доказали трагические события Первой и Второй мировых войн, — указывает она. — Это доказано историей неоднократно. Только вместе мы сможем преодолеть все невзгоды, которые, к сожалению, станут вызовами для наших народов еще не раз»⁷.

В Сербии отношение к русским добровольцам также отличается противоречивостью. Ещё летом 1993 г. в Храм Святой Троицы в Белграде было принесено на хранение чёрно-желто-белое знамя РДО-2, а в 1995 г. здесь установили мраморную доску с именами первых десяти русских добровольцев, отдавших жизнь за Сербию. В 2016 г. была установлена и освящена новая мемориальная доска взамен старой, повреждённой при бомбардировках Белграда в 1999 г. Однако почтительное отношение к добровольцам со стороны сербских военных и ветеранов не мешало местным правоохранительным органам регулярно совершать необоснованные аресты бывших волонтеров по обвинениям в пособничестве терроризму.

Что же касается отношения к русским добровольцам среди боснийских мусульман, хорватов и косоваров, то здесь ситуация выглядит го-

---

⁶ <https://rg.ru/2019/04/12/na-balkanah-12-aprelia-otdaiut-dan-pamiati-rossijskim-dobrovolcam.html>

⁷ Там же.

раздо более ясной и определённой: добровольцы считаются «пособниками» вооружённых сил Сербской Краины, Войска Республики Сербской, Югославской народной армии и югославской полиции, совершавшими массовые военные преступления и участвовавшими в этнических чистках. В частности, боснякские СМИ обвиняют их в нападениях на сёла Почивала, Холияке, Перишта, Закрсница, Црни Врх, Джанкице, Тврковиче, Детале и др. в 1993 г., массовых изнасилованиях женщин, резне в Сребренице в 1995 г.⁸ и прочих карательных акциях против гражданского населения, регулярно заявляют о необходимости призвать к уголовной ответственности бывших русских и украинских добровольцев в Боснии. «Они приезжали к нам при посредничестве российских мафиозных структур и некоторых политических партий, получали деньги, формировали подразделения, вели войны, творили зло в Боснии и Герцеговине»⁹, — констатирует в своей монографии «Русские и греческие наёмники в войне в Боснии и Герцеговине» боснякский историк Азиз Тафро. При этом добровольческие отряды в мусульманских источниках описываются как плохо организованные банды мародёров, которым было свойственно абсолютное отсутствие моральных принципов. В этом плане им вторят и албанские источники по Косовской войне, в частности, показания выживших в ходе этнических зачисток албанских сёл. Проблемой таких источников остаётся высокая вероятность подлога и фальсификации. С другой стороны, конкретные русские добровольцы были идентифицированы на фотографиях среди групп югославских полицейских из 37-го отряда специального полицейского подразделения (серб. *Посебна јединица полиције*) в Автономной крае Косово и Метохии, предоставленных в распоряжение Гаагского трибунала. Между тем, источники, которые бы подтверждали не пособничество, а личное участие русских и украинцев в геноциде и массовых убийствах в Боснии и Косово отсутствуют.

Вопрос об участии русских добровольцев в череде военных конфликтов на территории бывшей Югославии все ещё является достаточно политизированным, что препятствует его всестороннему научному исследованию и анализу. Тема остаётся проблемной ещё и потому, что непосредственным образом касается двухсторонних отношений России с Сербией, Боснией и Герцеговиной, Хорватией, Косово как самостоятельным государством и Македонией. Общественные дискуссии по данному вопросу, столь широко представленные на страницах российской прессы в 1990-е гг., сейчас фактически свёрнуты. По большому счёту история русского добровольческого движения в Югославии составляет

⁸ <https://www.slobodnaevropa.org/a/ruski-i-grcki-dobrovoljci-u-ratu-u-bih/25290398.html>

⁹ Тафро А. Руски I грчки плаћеници u ratu u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 2014. S. 16.

предмет интереса лишь со стороны самих бывших добровольцев, которые не только издают публицистические работы, посвящённые данному вопросу, но и проводят соответствующие акции памяти, препятствуют осквернению памяти тех бойцов, которые приняли участие в трагических событиях с благородными целями защиты братского народа. Вместе с тем, явление русского добровольчества на Балканах с течением времени начинает приобретать именно историческое, а не политическое звучание, что требует от научного сообщества появления соответствующего всестороннего объективного исследования.

Список литературы

Валецкий О. В. Волки белые. М., 2006. 288 с.

Полкарпов М. А. Сербский закат. М., 2007. 352 с.

Tafro A. Ruski i grčki plaćenici u ratu u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 2014. 264 s.

Ekaterina Petrovna КАТКОВА

Assistant, St Petersburg State Electrotechnical University «ETU»
(St Petersburg, Russia)

E-mail: ekaterinak.17@gmail.com

Russian volunteers in military conflicts in the former Yugoslavia

The article is dedicated to the role of the Russian volunteer movement in military conflicts in the post-Yugoslav space in 1991–2001. Particular attention is paid to assessments of the participation of volunteers from the former USSR in the Civil War in Yugoslavia, which are given today by representatives of the public in Serbia, Bosnia and Herzegovina, Croatia and Kosovo. The author notes the polarity of points of view and contradictions inherent in the attitude towards volunteers in the former Yugoslav republics, when the Serbs recognize the volunteers as national heroes who defended the freedom of Serbia, and the Bosniaks, Croats and Albanians accuse them of mercenary activity, participation in genocide and war crimes.

Key words: Yugoslavia, Civil war in the former Yugoslavia, volunteers, volunteer units, mercenaries, chetniks, the Hague tribunal.

УДК 355.45+355.48

ББК 63.3 (2) 63 5+63.3 (2) 64–36

Владимир Александрович НОСОВ

Кафедра конфликтологии Института Философии СПбГУ;

СПб ГБУ ДМ «ФОРПОСТ»

E-mail: troghil@yandex.ru

СОВЕТСКАЯ АРМИЯ И МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ В КОНЦЕ 1980-Х: ЕРЕВАН, БАКУ, ТБИЛИСИ

Статья посвящена действиям Советской армии в ходе массовых выступлений в Закавказье в 1988–1989 гг. В ней освещены различные аспекты динамики функционирования советской системы управления, ее изъяны и недостатки, приведшие к попыткам применить вооруженные силы не по их прямому назначению, и последствия таких попыток.

Ключевые слова: Советская армия, беспорядки, Тбилиси, Ереван, Баку.

В рамках статьи мы рассмотрим три эпизода участия Советской армии в борьбе с массовыми антиправительственными выступлениями в конце 80-х годов, а именно в июле 1988 в Ереване, в декабре 1988 в Баку, и в апреле 1989 в Тбилиси. На наш взгляд, целый ряд факторов объединяет эти эпизоды советской истории между собой и отделяет от, например, бакинских событий января 1990, участия вооруженных сил в событиях вокруг Цхинвал (и) и в Карабахе, столкновений с боевиками незаконных вооруженных формирований во всех трех республиках во второй половине 1989–1991 годах. Первые три эпизода произошли в период, когда все еще сохранялась видимость единства партии, у власти во всех трех республиках оставались люди, формально декларировавшие приверженность господствующей идеологии и верность советскому государству, о провозглашении суверенитета и речи еще не шло. События, отнесенные нами во вторую группу, разворачивались в совсем другой атмосфере, фактически в условиях тектонического масштаба сдвигов в национальном сознании жителей СССР и целом ряде сфер жизни общества. Автор статьи также исключает из объектов рассмотрения формально попадающие по хронологии в рассматриваемый период события в Закавказье, связанные с обострением межнациональной розни, поскольку их следует относить к другой категории, и военные в них задействованы в куда меньшей степени.

Отдельно следует сказать о проблемах, связанных с трактовками самих эпизодов национальными мифологиями трех республик. Примечательно, что несмотря на то, что грузинская историография — а следом

за ней и целая плеяда не вполне чисто плотных, но влиятельных западных исследователей, заинтересованных в основном в создании образа России-агрессора для конъюнктурных надобностей сегодняшнего политического дня — не стесняется в эпитетах, описывая события в Тбилиси в 1989 году, но почему-то не применяет такой же набор определений к разгону демонстраций 2007 года, 2010 и 2011 годов, хотя при этом применялись резиновые пули, акустические устройства, слезоточивый газ, водометы, и происходящее сопровождалось человеческими жертвами¹. Тенденция, впрочем, совершенно логичная, если принять во внимание, что события 1989 года это важный элемент современной национальной грузинской мифологии, в которой Россия представляется вечным врагом, использующим любую возможность, чтобы втянуть грузинское государство в свою орбиту и жестоко наказывающую последнее за его свободолобие и стремление в Европу. В меньшей степени подобные идеологические штампы присущи азербайджанской историографии, и в еще меньшей армянской, но и там представления такого рода укоренились довольно серьезно. Излишне спорить с людьми, пользующимися настолько предвзятым и игнорирующим факты подходом, но надо учитывать, что транзитом через западную историографию, транслирующую эту мифологию в своих интересах, подобные представления постепенно находят и дорогу в российскую литературу, и время требует все же реагировать на такого рода идеологическую экспансию. На счету политического руководства всех трех республик имеются эпизоды применения силы против манифестаций противников политического руководства, сопровождавшиеся человеческими жертвами, и вряд ли они имеют моральное право упрекать советскую власть в «войне с собственным народом» просто на основании того, что против демонстрантов применялась сила.

Вместе с тем, применение для борьбы с массовыми манифестациями вооруженных сил, индоктринированных и организованных совершенно для других задач, само по себе свидетельствует о неготовности советского руководства к решению проблем, которые ставило перед ним время, и более того, гражданская администрация, даже задействовав армию, не в состоянии была поставить военным соответствующие задачи и обеспечить информационное сопровождение. Общая растерянность в верхах и потеря управления до такой степени, что естественная схема работы — через местные партийные органы и республиканские силовые структуры — уже не могла быть применена с хоть какой-то эффективностью. Эти эпизоды, в сущности, ярко подсвечивают общую некомпетентность советской элиты, и несоответствие ее интеллектуального, административного, идеологического

---

¹ См. World Year Book. 2013. V. 1. P. 1940.

багажа требованиям времени. Разумеется, ни успешно бороться даже с откровенно неуклюжими идеологическими построениями и лозунгами националистов на периферии, ни предложить альтернативный проект, ни хотя бы грамотно построить разъяснительную работу или распорядиться имеющимися ресурсами, такая элита была не в состоянии. Ничего удивительного, что пассивность и неадекватность политического руководства на всех уровнях вызвала к жизни предположения, что весь процесс распада СССР является делом рук группы изменников в высшем эшелоне власти, и что вся череда конфликтов на территории СССР в конце 80-х плод работы группы заговорщиков, ставивших задачу скомпрометировать вооруженные силы, хотя, на наш взгляд, все происходящее являлось, повторимся, следствием полной неготовности государственной элиты дать ответ на вызовы времени. Во всех трех случаях, которые мы намереваемся рассмотреть в своей статье, все эти пороки, порожденные административной системой позднего СССР, проявились в полной мере.

Первым по хронологии стали беспорядки в Армении. Весна 1988 года была ознаменована в республике временным затишьем после проходивших зимой массовых выступлений в поддержку «самоопределения Карабаха». Само затишье стало следствием договоренностей предводителей и вдохновителей протестов с высшим руководством СССР, обещавшим в марте-апреле решить вопрос о Карабахе, но, как известно, в итоге было вынесено решение, не удовлетворившее ни одну из сторон — оставить автономии прежний статус в составе Азербайджана, постаравшись компенсировать это обстоятельство интенсивным экономическим и социальным развитием региона. Как следствие, в мае протестная активность резко усилилась², 28 мая, в 70-летний юбилей провозглашения независимости, собралось, по оптимистичным оценкам, 30–40 тыс. чел.³, и на этом митинге речь шла уже именно о провозглашении независимости, а не только о положении Карабаха⁴. В дальнейшем митинги стали проводиться ежедневно, становились все более шумными и радикальными, сопровождалась голодовками, организацией «народных судов» над предполагаемыми виновниками разнообразных бед Армении, оказанием давления на депутатов местных органов власти, и призывами к забастовкам⁵. До-

---

² См. Malkasian M. «Gha-Ra-Bagh!»: the emergence of the national democratic movement in Armenia. P. 70–86.

³ Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. P. 187.

⁴ Malkasian M. «Gha-Ra-Bagh!»: the emergence of the national democratic movement in Armenia. P. 84.

⁵ Ishkanian A. Democracy Building and Civil Society in Post-Soviet Armenia. P. 113; Malkasian M. «Gha-Ra-Bagh!»: the emergence of the national democratic movement in Armenia. P. 84–86; Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. P. 187.

полнительный импульс получили выступления на тему угнетения Армении после 19-й партийной конференции, где так и не было решено, как решить карабахскую проблему⁶, и с июля чередой пошли забастовки. 4 июля 1988 года огромная, по оценкам, до 10 тыс. чел. численностью, толпа прибыла в аэропорт «Звартноц» с целью принудить его работников принять участие в стачке. Силовикам, прибывшим с целью обеспечить бесперебойное функционирование объекта, было оказано сопротивление, с применением бутылок и булыжников⁷, в итоге военные силой выдворили демонстрантов, занимавших ВПП, из аэропорта, в процессе студент, пытавшийся заснять происходящее, погиб⁸,

Версия армянских националистов полно изложена в целом ряде источников, и в ней силовики без всякой надобности применили силу против мирных демонстрантов⁹, хотя, разумеется, попытка захвата стратегически важного объекта, давление на работников этого объекта с целью заставить их присоединиться к забастовке, которую они не поддерживали, создание помех функционированию гражданской авиации, предприими его какая-либо группа в независимой Армении, разумеется, не были бы описаны подобным образом. Примечательно, что у силовиков в этом эпизоде 45 пострадавших, у гражданских 80¹⁰, что само по себе говорит о характере столкновений, и нескольких из пострадавших из второй категории повезли причем не в больницу, а на Оперную площадь, к главной концентрации демонстрантов, явно с целью возбудить эмоции толпы¹¹. Нельзя, вместе с тем, сказать, что эта мера имела большой эффект: несмотря на интенсивность протеста и драматичность форм, в которые он выливался, демонстрации лета 1988 года довольно быстро пошли на убыль, а ряд их проявлений, таких как забастовка на транспорте, по признанию самих организаторов, власти быстро сумели нейтрализовать¹². Тем не менее, тема «кровавого разгона» довольно долго педалировалась в прессе и общественном сознании республики и до сих пор присутствует, в уже изрядно затертом виде, в дискурсе, вплоть до того, что само событие может сдвигаться в хронологии на год-два раньше или позже. Советская армия в данном эпизоде выступила

---

⁶ Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. P. 187.

⁷ Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. P. 344–345.

⁸ Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988–94 // Спорные границы на Кавказе. С. 22.

⁹ См. Malkasian M. «Gha-Ra-Bagh!»: the emergence of the national democratic movement in Armenia. P. 99–101.

¹⁰ Россия и СССР в войнах XX века. С. 551.

¹¹ Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. P. 345.

¹² Malkasian M. «Gha-Ra-Bagh!»: the emergence of the national democratic movement in Armenia. P. 102–103, 105.

хотя бы отчасти в роли, которая была ей знакома, хотя, строго говоря, задачи такого рода следовало бы ставить внутренним войскам, а не подразделениям ВДВ. Судя по всему, уже тогда, к лету 1988 года, у высшего советского руководства не было четкого понимания, как решать подобные проблемы, и дальше, с учетом нарастания хаоса и снежного кома проблем, ясности не прибавилось. Довольно отчетливо это проявилось во время второго по хронологии эпизода, которым стал разгон митинга в Баку в декабре 1988 года.

Поводом к организации митинга стала опять же карабахская проблема. С 17 ноября на площади Ленина (ныне площадь Свободы), проходила манифестация, отправной точкой имевшая публикацию в местной газете «Бакинский рабочий». В ней утверждалось, что участок заповедного леса в Карабахе намереваются отдать — в рамках упомянутого выше плана экономического развития региона — под строительство алюминиевого комбината. Позднее оказалось, что не комбината, а санатория для его сотрудников, и не заповедного леса, а местности, охарактеризованной профильной комиссией как «лысый косогор»¹³, а вскоре после начала протестов решение о передаче аннулировано¹⁴, но на характер протестов и превалирующие лозунги это уже не повлияло. Добавлялась, кроме того, и критика по адресу местных властей из-за проблем с обустройством беженцев и организацией снабжения. На этом собрании выдвинулся целый ряд людей, сыгравших значительную роль в позднейшем разжигании межнациональной розни, начинавших в роли ораторов и заработавших себе авторитет на обличении разного рода промахов и подчеркивании неудачных действий советской власти и на уровне СССР и на уровне республики. Полагают, что митинг смог состояться, продолжаться и породить существовавший несколько недель палаточный лагерь благодаря сочувственному отношению целого ряда крупных чиновников¹⁵, и, видимо, именно ненадежность местных администраторов в итоге стала причиной тому, что за помощью в решении проблемы было решено обратиться к армии.

Военные получили указание принять меры, но очень неконкретные: А. Лебедь потом вспоминал, что указания его дивизии были даны очень мутные, сводились к тому, что надо митинг разогнать,

---

¹³ Bolukbasi S. Azerbaijan. A Political History. P. 104–105; Али-Заде З. Азербайджанская элита и массы в период распада СССР // Азербайджан и Россия: общества и государства. С. 190; События вокруг НКАО в кривом зеркале фальсификаторов. С. 55.

¹⁴ Bolukbasi S. Azerbaijan. A Political History. P. 106.

¹⁵ Абасов А., Фурман Д. Азербайджанская революция // Азербайджан и Россия: общества и государства. С. 128; Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. P. 97; Али-Заде З. Азербайджанская элита и массы в период распада СССР // Азербайджан и Россия: общества и государства. С. 190–191.

но стрелять нельзя, только уговаривать и убеждать, представитель внутренних войск В. Сафонов высказался, что ни партийного ни государственного начальства найти нельзя, и у него самого нет представления, каковы его полномочия и сколько времени отведено на решение проблемы¹⁶. Назначенный администратором генерал-полковник М. Тягунов пояснил происходившее так: «правовой основы под нами нет», «приступаем к делу совершенно новому», поэтому нет никаких инструкций, прав и обязанностей, требуется действовать осторожно и взвешенно, задача не допустить кровопролития, а потом как-нибудь все разберутся когда ситуация попроще станет, «опомнутся — спасибо скажут»¹⁷.

В городе были введены особое положение и комендантский час, с наступлением последнего площадь блокировали и никого с нее не выпускали, военные контролировали въезды в город, пресекая попытки добраться до него лиц без бакинской прописки, иногда целыми партиями по несколько сот человек, и груженных продовольствием машин с невнятными накладными, при этом местная милиция иногда откровенно попустительствовала нарушителям¹⁸, сталкивались и с откровенным саботажем¹⁹. 5 декабря ночью митинг разогнали силой, предварительно блокировав подвоз дров и продовольствия. По оценкам участников самого митинга, их было на тот момент человек 800, разгоняли «дубинками, сапогами и прикладами», наступая от пространства между гостиницей «Азербайджан» и «Апшероном» и загоняя демонстрантов в направлении морского вокзала²⁰. Цифры такие же приводили и сами участники операции²¹. Всего пострадало 30 гражданских и 14 силовиков²², тиражировавшиеся слухи о многочисленных жертвах не подтвердились²³. Как и следовало ожидать, наутро имели место попытки снова начать митинг, разного рода акции саботажа, даже нападения на военные патрули, но оперативно пресеченные²⁴. Примечательно, что арестованные участники митинга и акций после него практически все были выпущены²⁵.

---

¹⁶ Лебедь А. И. За державу обидно. С. 229, 231.

¹⁷ Лебедь А. И. За державу обидно. С. 235.

¹⁸ Эпицентр. Армия в закавказских событиях 1988 года. С. 39–41.

¹⁹ Лебедь А. И. За державу обидно. С. 239.

²⁰ Помпеев Ю. А. Кровавый омут Карабаха. С. 104–105.

²¹ Лебедь А. И. За державу обидно. С. 248.

²² Россия и СССР в войнах XX века. С. 552.

²³ Конфликт в Нагорном Карабахе. С. 237.

²⁴ Altstadt A. The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. P. 202.

²⁵ Зенькович Н. А. 1985–1991: что это было? С. 293; Лебедь А. И. За державу обидно. С. 249–250, 252–253.

Разгон митинга 5 декабря и нейтрализация его последствий были проведены, несмотря на общую невнятность инструкций и шаткость положения, практически образцово, и, возможно, оказало определенное влияние на процесс принятия решений на высшем уровне, отчего военных и стали затем привлекать к решению задач, явно находящихся вне их компетенции.

Самым, несомненно, известным эпизодом массовых выступлений в Закавказье конца 80-х, стали события в апреле 1989 в Тбилиси. Медийный резонанс от произошедшего ощущался еще довольно долго, и серьезно повлиял на процессы в обществе. Как известно, в конце марта 1989 года группа тбилисских интеллигентов организовала митинг протеста против процессов в Абхазии, где местное население, истолковавшее — и, как потом выяснилось, справедливо — идущие в Грузии процессы как явно направленные на ущемление прав национальных меньшинств, приняло не имевшее формальной законной силы, но подписанное десятками тысяч людей, воззвание к ВС СССР о выделении Абхазии из состава Грузии в отдельную административную единицу²⁶. Участники тбилисского митинга заговаривали об упразднении автономий и присоединения будто бы грузинских земель, прирезанных якобы Армении, России, Азербайджану и Турции, потом уже и о независимости, а также, встречались и такие лозунги, как «Русские — вон из Грузии!», «СССР — тюрьма народов»²⁷, был организован подвоз участников²⁸, и пытались организовать забастовки в поддержку требований митингов²⁹. К 9 апреля присутствовало от 10 до 15 тыс. чел.³⁰, и еще и за день до того гиды водили туристов поглядеть на диковинку³¹. По-видимому, вряд ли все это было возможно организовать без попустительства, если не откровенной помощи, людей в коридорах власти, и, вероятно, именно этим объясняется непонятная пассивность местных силовых структур, замеченных и в явном саботаже. Местные подразделения внутренних войск, правда, и не могли принять участие в происходящем, поскольку были в основном переброшены в Степанакерт³².

---

²⁶ См. O'Ballance E. Wars in the Caucasus, 1990–1995. P. 102; Абхазская трагедия. С. 19; Абхазы. С. 96; Грузино-абхазский конфликт, 1917–1992. С. 36.

²⁷ After Independence. P. 257; Абхазы. С. 97; Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. С. 86.

²⁸ Rayfield D. Edge of Empires. A History of Georgia. P. 378.

²⁹ СССР после распада. С. 307.

³⁰ Аршев А. Г., Захаров В. А., Семерикова Е. Г. Абхазия и Южная Осетия после признания. С. 187.

³¹ Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. P. 89.

³² Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. P. 350.

Поскольку предполагалось, по слухам, добиться максимальной интенсивности к 14 апреля, годовщине демонстраций 1978 года³³, 6 апреля стали понемногу подтягивать силовиков, из азербайджанской Гянджи выдвинулся 345-й полк ВДВ, передвигались на территорию Грузии и другие подразделения, 8 апреля по призыву местной компартии армия перешла в состояние повышенной готовности, и в 3:45 следующего дня приступила к разгону демонстрации. Позднее на высшем уровне объясняли, что «никому и в голову не приходило, что освобождение площади может быть сопряжено с жертвами. Площади освобождались и не раз, и не два»³⁴ — и в этом отчетливо видны следы некоторой самоуспокоенности, продиктованные относительным успехом в предыдущем декабре в Баку. В предыдущие дни силовики пробовали обойтись без насилия: организовали полет двух эскадрилий вертолетов вокруг города, направили через него три колонны техники, двум из которых предложено было проследовать по проспекту Руставели, где был эпицентр митинга, толпа первую колонну атаковала камнями, металлическими урнами, пыталась автотранспорт мобилизовать как препятствие, а вторую вообще не пустила на проспект, запрудив его целиком³⁵, и, полагают, участники митинга сочли пассивность силовиков своей победой и посчитали, что армия силу применять не будет³⁶. 8 апреля в Рустави толпа националистов пыталась прорваться на местный металлургический завод, но удалось обойтись поливанием полезшей в ворота толпы водой из пожарных машин и стрельбой в воздух³⁷, и сообщается, что и власти и силовики очень опасались «опоздать, как в Сумгаите»³⁸. Окончательный приказ на очистку проспекта и площади, занятых демонстрантами, отдавали на уровне заместителя министра обороны СССР, общую организацию возложили на командующего Закавказским военным округом, а заместителями у него были представители внутренних войск и республиканского МВД³⁹, то есть задействованы были все основные силовые структуры, однако, всего набралось менее 1000 человек, из них в самом столкновении участвовало около половины, едва удалось собрать достаточно людей, чтобы перекрыть хотя бы ширину проспекта, и снаряжены они были чем придется, палками и щитами лишь около 400 человек. Сделанные в результате усилий СМИ символом кровавого разгона мир-

---

³³ СССР после распада. С. 307.

³⁴ Бакатин В. В. Дорога в прошедшем времени. С. 151.

³⁵ Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. С. 92–93.

³⁶ СССР после распада. С. 308.

³⁷ Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. С. 97.

³⁸ Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. P. 350.

³⁹ Зенькович Н. А. 1985–1991: что это было? С. 294–297.

ной демонстрации саперные лопатки употреблялись силовиками как последний метод защиты⁴⁰, поскольку ни специального снаряжения, ни штык-ножей, ни тем более автоматов, им не выдали. То, что несмотря на рукопашную схватку, всего с ранами от лопаток обратилось к медикам 7 человек, явственно указывает нам на характер их применения.

По плану предполагалось начать операцию примерно часа в четыре ночи, когда народу будет меньше всего, и утром ввести режим ЧП⁴¹. Около двух часов силовики стали прибывать на площадь Ленина, и стали растаскивать баррикады. Попытки убедить собравшихся разойтись ничего не дали, не подействовала даже речь католикоса грузинской церкви⁴². Между тремя и четырьмя часами ночи силовики двинулись вперед, столкнувшись с сопротивлением самих участников митинга и сочувствующих, метавших из окон что придется⁴³, дважды предпринимались попытки проломить линию наступающих автомашинами, после этого получено разрешение применять слезоточивый газ «черемуха», после чего демонстрантов вытеснили на площадь Республики, где за баррикадой из троллейбусов и грузовиков собралась толпа в 2–3 тыс. человек, метавшая бетонные плитки и кирпичи⁴⁴. На этом этапе поступило распоряжение применить «спецсредство»⁴⁵, газ, относительно того какой именно или хотя бы какого состава, до сих пор ведутся до конца не решенные споры. Примечательно, что и сами сотрудники силовых структур не располагали средствами индивидуальной защиты⁴⁶. После этого участники митинга по понятным причинам стали покидать площадь, к 6:30 она была полностью очищена.

Чрезвычайно чувствительным и до крайности политизированным представляется вопрос о жертвах и причинах их гибели, хотя, в принципе, установить вероятность сценариев не представляется задачей сложной самой по себе. Общее количество жертв не превышает двух десятков, за медицинской помощью обратились несколько сот человек, в т. ч. 69 силовиков⁴⁷. У 12 из погибших причиной стала асфиксия

---

⁴⁰ Лебедь А. И. За державу обидно. С. 287.

⁴¹ Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. P. 351.

⁴² Jones S. Georgia. A Political History Since Independence. P. 31; Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. С. 98–99.

⁴³ Зенькович Н. А. 1985–1991: что это было? С. 294–297.

⁴⁴ Зенькович Н. А. 1985–1991: что это было? С. 294–297.

⁴⁵ Jones S. Georgia. A Political History Since Independence. P. 33; Зенькович Н. А. 1985–1991: что это было? С. 294–297.

⁴⁶ Лебедь А. И. За державу обидно. С. 284.

⁴⁷ Зенькович Н. А. 1985–1991: что это было? С. 294–297; Россия и СССР в войнах XX века. С. 559; Armenia, Azerbaijan and Georgia. A Country Study. P. 166; Jones S. Georgia. A Political History Since Independence. P. 32.

от сдавливания, рассказы об исключительно убийственном действии примененных спецсредств это вставка от себя дамы из числа патологоанатомов, признавшей потом свою некомпетентность, и две разбиравшие вопрос комиссии тоже не смогли вынести по этому поводу положительное заключение⁴⁸. Скорее всего, применение спецсредства вызвало панику у и без того взвинченной и находящейся в стрессе в результате происходящего толпы, пытавшейся спастись бегством через узкие выходы, частично еще и забаррикадированные техникой со спущенными шинами, результатом чего и стали человеческие жертвы. Виновными в жертвах сочтены руководители силовых ведомств⁴⁹, и примечательно, что вопрос об ответственности организаторов, подогревавших страсти в предшествующие столкновениям дни, отказавшихся выполнить законные требования покинуть площадь, вообще не поднимался и не поднимается, те из них, кто был арестован, отбыл всего по несколько дней под арестом. Пока не до конца прояснена роль в том, как развернулись события после самих столкновений, бывшего первого секретаря и будущего президента независимой Грузии Э. Шеварднадзе, формально отправившегося разбираться в обстановке и первым делом посетившего самодельный мемориал погибшим, а затем, еще до того, как появилась возможность объективно сделать выводы что именно произошло, возложившего ответственность на силовые структуры. Примечательно, что в результате событий сменилось руководство республиканской партии, и нового первого секретаря считали ставленником Шеварднадзе. Вряд ли, правда, можно считать деятельность последнего специально организованной с каким-то злым умыслом, но то, что известный своими талантами к аппаратной борьбе будущий президент использовал события в своих целях, кажется совершенно очевидным.

Нет ничего удивительного в том, что грузинские националисты использовали эти события, в условиях полного молчания центральной власти и ее неумения предложить консолидированную медийную повестку, в своих интересах⁵⁰, куда больший интерес представляет почему именно тбилисские события стали символом для всей страны. На наш взгляд, основной причиной, почему именно они, а не какой-либо другой эпизод массовых беспорядков с человеческими жертвами из истории позднего СССР, вошли в историческую память так основательно, является, конечно, не размах насилия, не использование газа, и уж конеч-

---

⁴⁸ Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. С. 112–113.

⁴⁹ Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. С. 111.

⁵⁰ Armenia, Azerbaijan and Georgia. A Country Study. P. 166; Jones S. Georgia. A Political History Since Independence. P. 34; O'Ballance E. Wars in the Caucasus, 1990–1995. P. 91; Historical Dictionary of Georgia. P. 612.

но не «применение армии против собственного народа», а медийный шторм, разразившийся по горячим следам. Именно то, как и в какой форме он разразился, многих убеждает в том, что все тбилисские события были срежиссированы кем-то с целью дискредитировать силовые структуры СССР. Однако если взглянуть на медиапространство того времени и его тренды, на наш взгляд становится очевидно, что в целом весь поток обвинений, опубликованных в печати, имеет причинами полное отсутствие официальной версии и политические интересы конкретных людей, которые тему тбилисских событий использовали в своих интересах. Но этот процесс, и его отдельные аспекты, такие как формирование и перехват повестки дня, закрепление в общественном сознании ярких и запоминающихся символов-якорей, организация общественного мнения определенным образом, требует отдельного разговора, который выходит за рамки настоящей статьи.

Как мы видим, несмотря на разницу в обстоятельствах, при которых Советской армии пришлось вступать в конфронтацию с протестующими, все три эпизода вполне укладываются в общую логику, которую к тому же диктует общий склад ума и характера политической элиты. Не будучи в силах использовать свои административные возможности и принудить или убедить элиту на местах действовать как должно, советское руководство стало применять вооруженные силы, сиречь инструмент, созданный и отточенный для противостояния внешней агрессии, совершенно не по назначению, и даже не сумело обеспечить соответствующее медийное сопровождение. Логичным следствием общей неадекватности политической элиты стало обострение опасных для государства процессов, приведших в итоге к распаду СССР.

Список литературы

- Абасов А., Фурман Д. Азербайджанская революция // Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001.
- Абхазская трагедия. Б. м., 1994.
- Абхазы. М., 2007.
- Али-Заде З. Азербайджанская элита и массы в период распада СССР // Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001.
- Али-Заде З. Азербайджанская элита и массы в период распада СССР // Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001.
- Арешев А. Г., Захаров В. А., Семерикова Е. Г. Абхазия и Южная Осетия после признания. М., 2010.
- Бакатин В. В. Дорога в прошедшем времени. М., 2015.
- Грузино-абхазский конфликт, 1917–1992. М., 2007.
- Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе, 1988–94 // Спорные границы на Кавказе. М., 1996.
- Зенькович Н. А. 1985–1991: что это было? М., 2005.

Конфликт в Нагорном Карабахе. Баку, 1990.
Лебедь А. И. За державу обидно. М., 1995.
Помпеев Ю. А. Кровавый омут Карабаха. Баку, 1992.
Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001.
Рыжков Н. И. Трагедия великой страны. М., 2007.
События вокруг НКАО в кривом зеркале фальсификаторов. Баку, 1989.
СССР после распада. М., 2007.
Эпицентр. Армия в закавказских событиях 1988 года. М., 1990.
After Independence. Ann Arbor MI, 2006.
Altstadt A. The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. Stanford, 1992.
Armenia, Azerbaijan and Georgia. A Country Study. Washington, 1995.
Beissinger M. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge, 2002.
Bolukbasi S. Azerbaijan. A Political History. London, 2001.
Historical Dictionary of Georgia. Lanham-Toronto-Plymouth, 2007.
Ishkanian A. Democracy Building and Civil Society in Post-Soviet Armenia. New York, 2008.
Jones S. Georgia. A Political History Since Independence. New York, 2015.
Malkasian M. «Gha-Ra-Bagh!»: the emergence of the national democratic movement in Armenia. Detroit-London, 1996.
O'Ballance E. Wars in the Caucasus, 1990–1995. Basingstoke-London, 1997.
Rayfield D. Edge of Empires. A History of Georgia. London, 2012.
World Year Book. 2013. V. 1. London, 2013.

Vladimir Alexandrovich NOSOV

Department of Conflictology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University; SPb GBU DM «FORPOST»

E-mail: troghil@yandex.ru

Soviet army and mass demonstrations in the Transcaucasus in the late 1980s: Yerevan, Baku, Tbilisi

The article is devoted to the actions of the Soviet army during mass demonstrations in the Transcaucasus in 1988–1989. It highlights various aspects of the dynamics of the functioning of the Soviet control system, its flaws and shortcomings that led to attempts to use the armed forces not for their intended purpose, and the consequences of such attempts.

Keywords: riots, Tbilisi, Yerevan, Baku.

УДК 355.41
ББК 63.3 (2) 64

Никита Владимирович КАСТЮШКИН

курсант 3 курса, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы
(Гродно, Беларусь)

E-mail: k. vlad68@mail.ru

УЧАСТИЕ РОССИИ В ВООРУЖЕННОМ ЛОКАЛЬНОМ КОНФЛИКТЕ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

В современном мире нельзя говорить о войне, забывая при этом мнение Российской Федерации, так как она имеет огромный политический вес в решении различных локальных конфликтов. Конфликт в Южной Осетии 2008 года не является исключением. Россия сделала все, чтобы добиться справедливости и помочь Южной Осетии обрести независимость.

Ключевые слова: конфликт, Россия, Грузия, Южная Осетия.

В наше время, когда речь идет о глобальной войне или локальном конфликте, у людей возникает паническая атака на уровне подсознания. Ведь опыт Великой Отечественной войны уже на подсознательном уровне внушил страх в сердца людей. Тогда, в XX веке, когда шли глобальные войны, основным уравнивателем выступал Союз Советских Социалистических Республик. В истории XXI века такой державой является Российская Федерация. Один из локальных конфликтов, в которых Россия принимала непосредственное участие — это война в Южной Осетии. Это конфликт, в котором принимали участие Республика Абхазия, Южная Осетия, Россия с одной стороны и Грузия — с другой.

Истоками данного конфликта было проявление самостоятельности и независимости Южной Осетии. Это подтверждается следующим фактом: 9 апреля 1991 г. Грузия вышла из состава СССР в том время, как Южная Осетия осталась в ее составе. Возможность остаться в составе Советского Союза позволил закон СССР: «Самостоятельно принимать решения выходить автономным образованием или оставаться в составе выходящей страны». После распада Советского Союза, Южная Осетия начала существовать как независимое государство, со своими государственными символами и собственной конституцией. Однако, несмотря на свою независимость, Южная Осетия считалась властями Грузии, как Цхинвальский регион.

Россия 5 декабря 2000 г. приняла решение ввести визовый контроль для жителей Грузии в то время, как граждане Южной Осетии

и Республики Абхазии пользовались льготами на безвизовый контроль. Жителям Грузии было проблематично со вновь открывшимися обстоятельствами, так как в России работали порядка 500 тысяч граждан Грузии. В связи с активным получением Российского гражданства, 1 июля 2002 г. власти России приняли закон, который предусматривал закрытие получения бывшим гражданам СССР российского гражданства в упрощенном варианте. С момента, как начал действовать вышеприведенный закон, конгрессом Абхазии были приняты меры по массовому получению гражданства Российской Федерации гражданами страны¹.

Для упрощения осуществления данной цели в Сочи был открыт штаб по получению гражданства России. В этот штаб были прикомандированы сотрудники Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел. Как итог, жители Абхазии получали в сутки 8 тысяч российских паспортов, а всего российское гражданство получили 220 тысяч жителей из 320 тысяч возможных. Уже в 2002 г. количество российских граждан, которые проживали в Южной Осетии, составлял 60%, тогда как к концу 2006 г. данный показатель составил 80%.

Данные действия со стороны Российской Федерации и стремление Южной Осетии показать свою самостоятельность приводили к нарастанию конфликта со стороны Грузии. Власти Грузии требовали вывести миротворцев Российской Федерации с Южной Осетии, которые прибыли на ротацию пограничной полосы. На отказ Грузинской стороны вывести миротворцев из Южной Осетии парламент Грузии назвал российских миротворцев «уголовными преступниками». Министр обороны России 20 июля 2006 г. пообещал помочь Южной Осетии и Республике Абхазия в случае проявления агрессии со стороны Грузии.

Активные боевые действия начались в ночь на 8 августа 2008 г., когда Грузия предприняла шаги по установлению контроля в Южной Осетии, обстреляв при этом столицу Южной Осетии — Цхинвал и прилегающие к ней районы. Через несколько часов началось массированное наступление на город бронетехники и пехоты. Уже днем, а точнее 8 августа в 14.59, российские войска вступили в страну с целью осуществления приказа Президента по принуждению к миру в зоне локальной войны².

В Южную Осетию были введены значительные силы Российской Федерации. Для оказания помощи Южной Осетии в вооруженном конфликте 9 августа 2008 г. войска Абхазии также пересекли границы страны. В течении нескольких дней российские войска, совместно с воинскими формированиями осетин, громили регулярную армию Грузии

---

¹ Барабанов М. С., Лавров А. В., Целуйко В. А. Танки августа / под ред. М. С. Барабанова. — М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2009. С. 36.

² Джемаль О. Г. Война. Хроника пяти дней. М.: Амфора, 2008. С. 69.

и уже к 12 августу 2008 г. операция по принуждению Грузии к миру была успешно выполнена. Активные боевые действия прекратились после вытеснения российскими войсками армии Грузии из Кодорского ущелья в Республике Абхазия. Президентами Российской Федерации, Республики Абхазия и Южной Осетии был подписан план по мирному урегулированию южно-осетинского конфликта³.

После окончания военных действий 25 августа 2008 г. премьер-министр Южной Осетии подтвердил слова журнала «Власть» о том, что до начала военного конфликта Северная Осетия получала из бюджета российской федерации 2,5 млрд. рублей и сразу же передавала эти деньги в распоряжение Южной Осетии. Россия 26 августа 2008 г. признала независимость Южной Осетии и Республики Абхазия, в следствии чего Грузия 2 сентября 2008 г. порвала все дипломатические отношения с Российской Федерацией.

Таким образом, детальный разбор локальных конфликтов позволяет определить их природу и сущность, а также методы и пути решения данных конфликтов. Вооруженные конфликты заставляют задуматься людей о нецелесообразности использования оружия, дабы сохранить мир своим детям и внукам.

Список литературы

- Барабанов М. С., Лавров А. В., Целуйко В. А.* Танки августа / под ред. М. С. Барабанова. — М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2009. 144 с.
Джемаль О. Г. Война. Хроника пяти дней. М.: Амфора, 2008. 224 с.
Цыганок А. Война 08.08.08. Принуждение Грузии к миру. М.: Вече, 2011. 288 с.

Nikita Vladimirovich KASTYUSHKIN

3rd year cadet, Grodno Y. Kupala State University (Grodno, Belarus)

E-mail: k. vlad68@mail.ru

Russia's participation in the local armed conflict South Ossetia

In the modern world, one cannot talk about war, while forgetting the opinion of the Russian Federation, since it has enormous political weight in resolving various local conflicts. The 2008 conflict in South Ossetia is no exception. Russia has done everything to achieve justice and help South Ossetia gain independence.

Key words: Conflict, Russia, Georgia, South Ossetia.

---

³ Цыганок А. Война 08.08.08. Принуждение Грузии к миру. М.: Вече, 2011. С. 102.

УДК 26
ББК 86.37

Игорь Анатольевич ИВАНОВ

священник, кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургской духовной
академии (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: igivan74@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВОИНСКОЙ СЕМАНТИКЕ НАЗВАНИЙ НЕКОТОРЫХ ЦЕРКОВНЫХ ОБЛАЧЕНИЙ

Статья посвящена вопросу отражения в названиях христианского церковного облачения семантических нюансов, связанных с воинской и государственной службой в Риме и Византии.

Ключевые слова: Рим, Византия, христианство, церковное облачение, знаки отличия.

Прежде всего следует сказать, что воинская семантика церковных одеяний как необходимости облачения во «всеоружие Божие» изначально заложена в словах апостола Павла в Послании к Ефесянам: «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских. <...> Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир, а паче всего возьмите щит веры, и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие» (Еф. 6: 11, 14–17).

При этом в культурно-историческом аспекте церковные облачения приобрели двоякую символическую специфику. С одной стороны, они маркируют выделенность церковного служения из профанного состояния, а с другой, являют высокий социальный статус самого этого служения. То есть, будучи плодом идейного поля византийских церковно-государственных отношений, они связаны и с христианскими аллюзиями, и с римским придворным церемониалом, который посредством внешних маркеров предлагал обществу видеть в церковнослужителях достоинство не меньшее, чем у высших чинов империи, сочетавших зачастую гражданскую и военную власть.

Одним из первых «знаков отличия» духовенства стала белая сенаторская туника — *alba* — с полосами черного цвета. Как отмечает Т. В. Адамова, «со II–III вв. в Риме стали носить далматyku — парадную верхнюю тунику¹ с широкими рукавами преимущественно белого цвета, ставшую

---

¹ В более ранние времена сенаторы и всадники носили туники с пурпурными вертикальными полосами (лат. *clavi*), которые шли параллельно одна другой от шеи до низа

прототипом богослужебной далматики Латинской Церкви. <...> Тунику, украшенную полосами (*clavi*), носили в числе других отличий не только римские сенаторы, но и некоторые первенствующие епископы»². Со временем подобные туники стали носить все священнослужители, включая диаконов и священников, а внешним отличием епископа стали *фелонь* (*φαλόνιο* или *φαινόλου*) и *омофор* (*ὄμοφόριον*).

Таким образом, омофор (в латинской версии — паллиум, *pallium*) стал следующим «знаком отличия» высшего духовенства. Например, омофор упоминается в IV в. в связи с тем, что св. Митрофаний, архиепископ Константинопольский (315–325) передал свой омофор пресвитеру Александру.

Характерно, что омофор был подобен консульскому *лоруму* (*logum*). Это опять-таки было выражением симфонии духовной и светской властей. Отметим, что в Риме консул обладал высшей гражданской и военной властью. Со временем эта должность превратилась в почетный титул, поскольку консульские полномочия перешли к императору, и лорум стал знаковым элементом торжественного императорского облачения на многие столетия (*Ил. 1*). Внешняя схожесть омофора и лорума подкреплялась идеей Константина Великого, согласно которой император мыслился как «епископ внешних дел».

Судя по фрескам и мозаикам доиконоборческого периода, омофор имел вид узкой белой ленты, наброшенной на плечи, спускающейся к концам спереди и сзади и украшенной крестами. Примером могут служить изображения равенских епископов VI в. св. Максимиана — в базилике Сан-Витале и св. Аполлинария — в базилике Сант-Аполлинаре-ин-Классе, а также папы Гонория в апсиде церкви Сант-Аньезе-фуори-ле-Мура в Риме (VII в.). Характерно, что на мозаике из церкви Сан-Витале и приближенные из свиты императора Юстиниана, и клирики стоят в белых одеждах (*Ил. 2*).

Теперь несколько слов скажем о поясе как «знаке отличия» духовенства. Воинский, а точнее офицерский, пояс стал частью официальной одежды римских чиновников при реформах Диоклетиана и Константина Великого. Обычным гражданам запрещалось носить широкие пояса. Однако в среде монашества и священства пояс закрепился, став символом мужественности, воздержания и чистоты. Со временем архиереям и свя-

---

туники, на груди и на спине. У всадников: 1–2 узкие пурпурные вертикальные полосы (лат. *clavus angustus*), примерно в 3 см шириной; туника сенаторов была длиннее обычной туники, имела 1 или 2 более широкие полосы (лат. *latus clavus*), около 10 см шириной и не подпоясывалась.

² *Адамова Т. В.* История богослужебного облачения на основании анализа памятников изобразительного искусства // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2019. Вып. 35. С. 11, 16.

Ил. 1. Иисус Христос коронует императора Константина VII (913–959). Слоновая кость. Коллекция ГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва)

Ил. 2. Император Юстиниан со свитой. Мозаика в базилике Сан-Витале (Равенна, Италия). VI в.

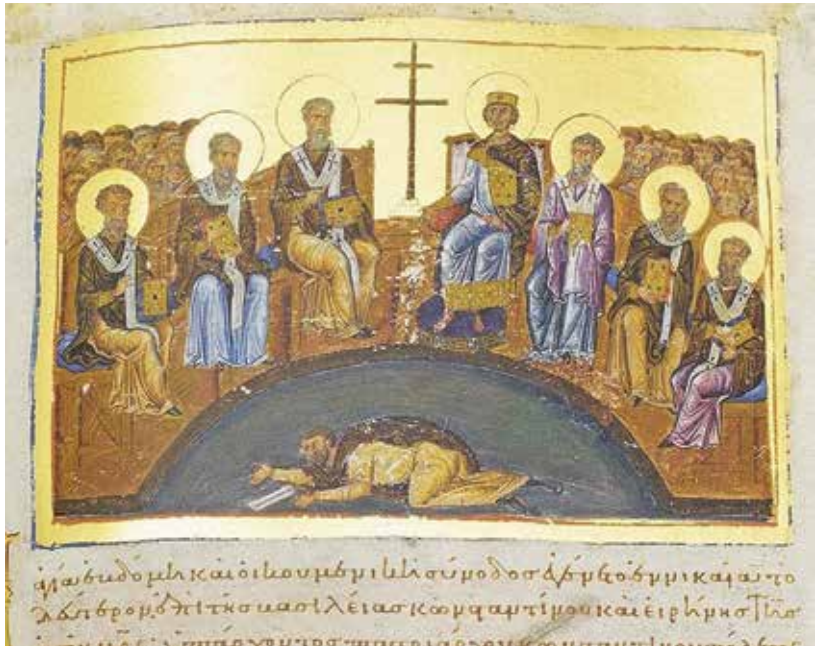
щенникам было позволено при богослужении надевать шелковые пояса поверх стихаря и епитрахили³. К VIII–IX вв. восходят ранние упоминания (в сочинениях патриархов Германа I и Никифора I) того, что к поясу подвешивался *энхирий* (ἐγχεῖρων, ручной платок) в виде продолговатого платка. Его изображение можно увидеть на миниатюрах в «Минологии» имп. Василия II (X в.)⁴. Скорее всего энхирий был аналогом *манипула* (manipulum, ручной платок) из облачения латинских священнослужителей. По сути это был плат, используемый во время богослужения. Символически он отсылал к евангельскому событию, когда Христос перед Тайной вечерей совершил омовение ног своим ученикам. По замечанию Т. В. Адамовой обычай использовать ручной плат довольно-таки древний: «С начала VI в. некоторые римские клирики стали носить манипул, а с конца века — священники и диаконы Равенны»⁵. Собственно говоря, первоначально это был плат, который клирики носили в левой руке, а позже стали подвязывать его на руку в виде ленты. Практика ношения манипула во время мессы повсеместно распространилась на Западе к XI в., причём его держали в левой руке; традиция повязывать манипул вокруг левого запястья появилась не ранее XIII в.

С рукой (manus) связано еще одно греческое наименование церковного облачения — *эпиманикий* (ἐπιμανίκιον, нарукавник, наруч, поруч). В середине XI в. патриарх Антиохийский Петр III упоминает пару эпиманикиев, энхирий и епитрахиль, украшенные золотым шитьем, в качестве элементов патриаршего облачения (PG 120:800С). Впрочем, возможно, поручи применялись и ранее, поскольку они хорошо видны на руках епископов и императора на одной миниатюре из «Минология» имп. Василия II, а это X в. (Ил. 3). Здесь следует подчеркнуть, что поручи были предметом облачения византийских царей. А последние в эпоху Великой схизмы стали жаловать патриархам различные инсигнии, например, жезл или посох, а также право изображать на обуви и коврах двуглавого орла. Известно, что в XI–XII вв. константинопольские святители в качестве награды могли получить от василевса саккос (заменивший у епископов фелонь) и поручи. Затем право носить поручи перешло к предстоятелям других православных Церквей и к наиболее видным восточным митрополитам и епископам. Несколько позднее его стали удостаиваться и священники. В XIV–XV вв. поручи как награда появились сначала

³ The Oxford Dictionary of Byzantium (Ed. by A. Kazhdan). In 3 vols. New York and Oxford: Oxford University Press, 1991. Vol. 1. P. 280.

⁴ Ibid. P. 696.

⁵ Адамова Т. В. История богослужебного облачения на основании анализа памятников изобразительного искусства // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2019. Вып. 35. С. 18.

Ил. 3. Император в окружении епископата и народа. Минологион Василия II. Vat. Gr. 1613 Biblioteca Apostolica Vaticana (Vatican City, State of the Vatican City)

у некоторых архидиаконов, а затем и у всех диаконов. Блаженный Симеон, архиепископ Солунский (XV в.), уже пишет о поручах, как о необходимой принадлежности священнического и епископского облачения. Как бы то ни было, воинская семантика имеет место быть в поручах в связи с символикой церемониального облачения императора. Тем паче, что при надевании правой поручи произносятся такие слова: «Правая рука Твоя, Господи, прославилась силою; правая рука Твоя, Господи, сокрушила врагов и множеством Твоей славы уничтожила противников».

При этом блаженный Симеон указывает на такое символическое значение поручей: «Поручи означают именно всесовершенную силу Божию, что выражает и молитва: Десница Твоя, Господи, прославится в крепости, и: Руце Твои сотворите мя и создасте мя. Поручи указывают ещё и на то, что Христос руками Своими совершил Тайны и что руки Его <при страданиях Его> были связаны»⁶.

⁶ Святитель Симеон, архиепископ Солунский. Премудрость нашего спасения. М., 2010. С. 109.

В XII в. в облачении епископа появляется *эпигонатий* (ἐπιγονάτιον, наколенник, набедренник) — ромбовидный плат, который подвешивается к поясу во время богослужения. О нем упоминает Федор Вальсамон в своей «Синтагме» (Syntagma 4:478.25–66). Считается, что эпигонатий заменил собой энхирий⁷. Связана как-то эта замена с появлением поручей и неким дистанцированием от энхирия как аналога латинского манипула — остается вопросом. При этом характерно, что эпигонатий напоминает собой элемент императорского и сановного облачения под названием *таблион* (tablion), который представляет собой парчовую нашивку в виде квадрата или трапеции, наносившуюся поверх парадной туники в качестве знака высшей (императорской) власти или высокого придворного сана. Изображения таблиона сохранились на мозаиках церкви Сан-Витале в Равенне (изображение императора Юстинаина со свитой) и в базилике Святого Димитрия (Салоники) на мозаиках с изображением святого Димитрия Солунского.

Есть ли прямая связь между введением эпигонатия и символикой таблиона — трудно сказать, однако примечательно, что оба эти предмета облачения носятся с правой стороны. Это важно, если учитывать «воинскую» версию семантики «наколенника» / «набедренника» как подкладки под меч, служащей для большей сохранности парадного одеяния (ведь меч располагался на поясе, как правило, с левой стороны). Тем не менее, наверное, неслучайно было предписано при надевании этого богослужебного атрибута произносить такие слова из Псалтири царя Давида: «Препояшь Себя по бедру мечом Твоим, Сильный, славою Твоею и красотою Твоею. И в сем украшении Твоем поспеши, воссядь на колесницу ради истины и кротости и правды, и десница Твоя покажет Тебе дивные дела» (Пс. 44:4–5). Иными словами, эпигонатий символизирует собой и деяния Воплощенного Слова Божия, и «меч духовный, который есть слово Божие» (Еф. 6:17). Более того, блаженный Симеон, архиепископ Солунский, говорит о символизме эпигонатия следующее: «Потом надевает архиерей эпигонатий, или набедренник, означающий победу над смертью и Воскресение Спасителя и как бы изображающий меч, на что указывает и молитва: Препояши меч Твой по бедре Твоей, Сильне, — откуда палица получает значение и силы, и победы, и восстания Христова, по силе Его всесовершенной чистоты и безгрешности. Поэтому-то палица и привешивается на бедре и облачаемый говорит: Красотою Твоею и добротою Твоею, и наляцы, и успевай, и царствуй истины ради, и кротости, и правды. Истины — так как Он Сам есть истина, и милость, и истина пред лицом Божиим. Кротости — так как

⁷ The Oxford Dictionary of Byzantium (Ed. by A. Kazhdan). In 3 vols. New York and Oxford: Oxford University Press, 1991. Vol. 1. P. 711.

Он претерпел страдания. Правды — потому что Он умер, будучи неповинен, и упразднил смерть»⁸. В рукописи из Ватопедского монастыря свт. Симеон изображается с ромбовидным эпигонатием (Ил. 4).

Впрочем, влияние символики таблиона можно усмотреть в так называемых *скрижалях* на епископской мантии. На это указывал профессор А. П. Голубцов: «достаточно вспомнить о саккосе, митре, разноцветных таблионах или скрижалях на епископских и архимандричьих мантиях, об источниках или иноцветных полосах на стихарях, о предносных архиерейских лампадах и орлецах, чтобы перестать сомневаться насчет заимствования некоторых частей церковного облачения из царского византийского костюма»⁹.

О том, что архиереи в свою очередь могли награждать эпигонатием заслуженных клириков так пишет А. А. Дмитриевский: «Древнейшим «знаком отличия» для заслуженнейших или иереев или протоиереев в греческой церкви служит так называемый, эпигонатий (ἐπιγονάτιον) или палица — ромбический платок, привешиваемый к поясу священника за один из углов. «Отличие» это, составляющее принадлежность епископского сана, давалось по заслугам почетным пресвитерам, по воле епископа. «Некоторые из старейших (вернее первых иереев) — т. е. ставрофоры (т. е. архонты Великой церкви, как напр., великий эконо́м, сакеллий, скевофилакс, хартофилакс и др.) и некоторые из архимандритов, по словам Симеона Солунского, имеют и эпигонатий

Ил. 4. Святой Симеон Солунский. Codex 47, folio 82. Ватопедский монастырь (Св. Гора Афон)

⁸ *Святитель Симеон, архиепископ Солунский. Премудрость нашего спасения.* М., 2010. С. 108.

⁹ *Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике.* СПб., 1917. С. 270.

(палицу): это уже по дару архиерейскому так же, как и крест, так как никто, кроме архиерея, не может носить крестов на фелони и на главе (ἐν τῷ φαυολίῳ καὶ ἐπὶ κεφαλῆς) и (возлагать) епигонатий. Этим однако же лицам, ради рукоположения их на звание первых среди других, дается (право) носить крест только на голове и возлагать епигонатий при священнодействии. Поелику вместе с священством одни получают хиротонию судии — некое важнейшее церковное служение, другие поставляются пастырями душ и экономами, почему и носят некоторые отличия первого пастыря, которому обязаны и подражать». В практике современной греческой церкви епигонатий получает и всякий иерей, имеющий достоинство или отличие пред остальными рядовыми пресвитерами»¹⁰.

Из этой цитаты мы видим, что в русской традиции термин епигонатий передается через русское слово «палица», которое не имеет никакого отношения к разновидности средневекового холодного оружия, а является видоизмененным вариантом слова «полица» (то есть «малая пола»)¹¹.

Иными словами в наградной практике Русской Православной Церкви епигонатий закрепился одновременно и как «палица», и как «набедренник». При этом набедренник относится к числу наград для священников (обычно это первая награда), а палица — обязательная принадлежность богослужебного одеяния епископа, а архимандритам и протоиереям дается тоже лишь как награда.

В завершении статьи можно сделать вывод, что историческое развитие системы символизма церковных облачений показало тесное переплетение библейских и античных мотивов, религиозных и светских коннотаций в контексте высоких идеалов церковного и гражданского служения, отразившихся в церемониях государственного и церковного характера. На данный момент подобный византизм сохраняется в живых традициях Православной Церкви.

Список литературы

- Адамова Т. В.* История богослужебного облачения на основании анализа памятников изобразительного искусства // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2019. Вып. 35. С. 9–32. DOI: 10.15382/sturV201935.9–32
- Голубцов А. П.* Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб., 1917.

---

¹⁰ *Дмитриевский А. А.* Историко-археологические сведения о знаках отличий, жалуемых священным лицам черного и белого духовенства // Руководство для сельских пастырей. Киев, 1902. № 8. С. 209–210.

¹¹ Там же. С. 211. Прим. 1.

Дмитриевский А. А. Историко-археологические сведения о знаках отличий, жалуемых священным лицам черного и белого духовенства // Руководство для сельских пастырей. Киев, 1902. № 8. С. 209–220.

Святитель Симеон, архиепископ Солунский. Премудрость нашего спасения. М., 2010.
The Oxford Dictionary of Byzantium (Ed. by A. Kazhdan). In 3 vols. New York and Oxford: Oxford University Press, 1991.

Igor IVANOV

Priest, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages of the St. Petersburg Theological Academy (St. Petersburg, Russia)

E-mail: igivan74@mail.ru

On the issue of the military semantics of the names of some church vestments

The article is devoted to the issue of reflection in the names of Christian church vestments of the semantic nuances associated with military and public service in Rome and Byzantium.

Keywords: Rome, Byzantium, Christianity, church vestments, insignia.

УДК 94 (47).083

ББК 63.3 (2) 522

Николай Равильевич СЛАВНИТСКИЙ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Государственного музея истории Санкт-Петербурга
(Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: slavnitski@bk.ru

А. Я. СУКИН

НА ПОСТУ КОМЕНДАНТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

В статье рассматривается деятельность генерала от инфантерии А. Я. Сукина в тот период, когда он занимал пост коменданта Санкт-Петербургской крепости. Назначен он был на эту должность в 1814 г., сразу после завершения Наполеоновских войн, и оставался в этой должности до своей кончины в 1837 г. Ему пришлось много внимания уделять вопросам, связанным с артиллерийским вооружением крепости и незначительными изменениями в составе ее гарнизона. Это же вызывало необходимость обращать внимание и на использование помещений.

Ключевые слова: Петропавловская крепость, восстание декабристов, Наполеоновские войны, петербургские наводнения.

Александр Яковлевич Сукин происходил из древней дворянской фамилии. Родился в 1755 г., на службу определен 6 августа 1773 г. прапором в лейб-гвардии Измайловский полк, где 1 января 1778 г. произведен в первый офицерский чин прапорщика. Далее последовала обычная карьера гвардейского офицера: в 1789 г. Александр Яковлевич был пожалован в подпоручики, а в 1790 г., состоя в должности полкового адъютанта, участвовал в походе против шведов, а с 1 января 1794 г. он являлся капитан-поручиком. В царствование Павла I производство в чины пошло еще быстрее: 18 декабря 1796 г. он был произведен в капитаны, в июле 1798 г. — в полковники, а в сентябре 1799 г. был уже генерал-майором и в том же году был переведен в лейб-гвардии Преображенский полк.

3 апреля 1800 г. А. Я. Сукин был назначен шефом Ладожского мушкетерского полка и комендантом в Одессу. Однако в следующем году он вернулся в столицу и снова служил в лейб-гвардии Измайловском полку¹.

31 января 1804 г. его назначили шефом Елецкого мушкетерского полка, с которым он находился в походе 1805 г. в Пруссию против францу-

---

¹ *Затворницкий Н. М.* Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки. СПб., 1907. С. 31.

зов. В сражении при Преишиш-Эйлау Александр Яковлевич командовал левым флангом армии, войска, под его командованием отбили нападение неприятеля и атаковали его, за что был А. Я. Сукин был награжден орденом Владимира 3-й степени. В 1807 г., командуя 2-й дивизией, выгнал французов из Шарника и Лингенау, участвовал в сражениях при Гейльсберге и Фридланде. За храбрость получил орден Св. Георгия, золотую шпагу с надписью «за храбрость» и чин генерал-лейтенанта. Но при этом фридландское сражение положило конец его боевой деятельности: неприятельское ядро оторвало ему ногу выше колена, и он был вынужден оставить навсегда поле сражения².

17 марта 1812 г. А. Я. Сукин был назначен членом совета военного министра, а в 1814 г. — комендантом Санкт-Петербургской крепости. С 1816 г. присутствовал в Сенате. 30 августа 1823 г. назначен членом государственного совета и в том же году произведен в генералы от инфантерии, а в 1832 г. пожалован в генерал-адъютанты.

На посту коменданта крепости А. Я. Сукин сменил скончавшегося генерал-лейтенанта П. А. Сафонова, и именно его назначение положило начало своеобразной традиции, в соответствии с которой комендантами Санкт-Петербургской крепости становились старые заслуженные генералы. Александру Яковлевичу в момент назначения было 59 лет, к тому же, как уже отмечалось выше, в 1807 г. он получил тяжелое ранение. Тем не менее заботу о нем хватало.

Практически сразу после назначения Александра Яковлевича комендантом крепости ему была передана походная церковь во имя св. Бессеребренников Кира и Иоанна, находившаяся в 1812–1814 гг. при императоре Александре I, которую он разместил в доме коменданта³.

Надо сказать, что и в составе гарнизона в то время существовала Инвалидная команда, и в 1815 г. «для содержания чистоты по крепости» она была пополнена: 1 унтер-офицер и 20 человек рядовых⁴.

Окончание войны ознаменовалось также разбором артиллерийского вооружения, на что было обращено внимание в 1816 г. Строго говоря, военная угроза Санкт-Петербургу миновала уже летом 1812 г., однако до артиллерии крепости руки дошли лишь четыре года спустя.

В тот момент «по высочайше утвержденной табели в Санкт-Петербургской крепости положено содержать 158 орудий, в том числе 24-фунтовых пушек — 95, 18-фунтовых — 16, 12-фунтовых — 41, 6-фунто-

² *Затворницкий Н. М.* Память о членах Военного совета... С. 31–32.

³ *Новоселов С.* Кафедральный собор во имя святых первоверховных апостол Петра и Павла в Санкт-Петербурге. СПб., 1857. С. 160.

⁴ *Летопись Петропавловской крепости.* Т. 1. СПб., 2008. С. 121.

вых — 2, 5 пудовых мортир — 4⁵». Но в то же время было сделано и уточнение, чтобы «в мирное время по крепостям иметь орудий не более как по два на бастионе для салютации»⁶. Соответственно, остальные пушки должны были быть убраны. В Санкт-Петербургской крепости поступи ли следующим образом: два орудия находились на бастионе Петра II (Меншиковым), еще два — на бастионе Анны Иоанновны (Головкина) и 17 пушек — на бастионе Екатерины (Нарышкином)⁷. Именно эти орудия и назначались для производства салютационной стрельбы в праздничные и викариальные дни.

В 1820 г. на вооружении крепости положено держать 95 пушек 24-фунтового калибра, 16 пушек 18-фунтового калибра, 42 пушки 12-фунтовых, одну 6-фунтовую и 4 мортиры калибром в 5 пудов⁸. По сравнению с 1816 г. изменения были мизерными.

Отметим также, что в июле 1832 г. на имя коменданта крепости поступило, в котором сообщалось, что император Николай I утвердил ведомость о числе орудий «по охранительному вооружению», составленную в инженерном департаменте, и при этом было оговорено, что лафеты к орудиям следует хранить в крепостном цейхгаузе, а сами орудия сложить у входа в те казематы, к которым они назначены⁹.

В августе 1821 г. в состав гарнизона крепости, под командование А. Я. Сукина, была назначена военно-рабочая рота № 6 в составе 112 человек. Для нее были подготовлены помещения в Невской куртине крепости¹⁰.

Немало внимания коменданту крепости приходилось уделять и постоянно Петропавловского собора. Из отношения генерал-губернатора Санкт-Петербурга М. А. Милорадовича в октябре 1823 г. известно, что в то время А. Я. Сукин обращался с предоставлением об исправлении «некоторых повреждений». Речь шла о необходимости привести в порядок крышу и водостоки, так как эти повреждения приводили к тому, что во время дождей и снегопадов портилась штукатурка на стенах (естественно, требовалось и привести в порядок стены)¹¹.

Но большая часть переписки того времени, когда А. Я. Сукин являлся комендантом крепости, связана с использованием помещений. Этим

---

⁵ *Иванов А. А.* Рота Санкт-Петербургской крепостной артиллерии. Краткий исторический очерк. 1809–1909. СПб., 1909. С. 12–13.

⁶ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 160. Л. 361.

⁷ Летопись Петропавловской крепости. С. 122.

⁸ Летопись Петропавловской крепости. С. 124.

⁹ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 280. Л. 5.

¹⁰ Летопись Петропавловской крепости. С. 132.

¹¹ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 202. Л. 91–96.

главным образом занимался инженер-генерал К. И. Опперман (он также составил проекты перестройки крепостных стен¹²), но с Александром Яковлевичем все это согласовывалось.

Как и прежде, в Санкт-Петербургскую крепость использовали в качестве места заключения (в том числе — и за обычные уголовные преступления¹³), а в конце 1825 г. в ней разместили участников «тайного общества» (декабристов). В тот период под места заключения приспособляли практически все помещения в крепости¹⁴, а вскоре после того было принято решение навести некоторый порядок в этом.

В первую очередь, было признано нежелательным расположение рядом помещений для арестантов и для воинских команд. Общий план был составлен же упоминавшимся инженером К. И. Опперманом, но и комендантское ведомство принимало в этом непосредственное участие.

Общий замысел заключался в следующем:

а) устройство в бастионе Трубецком и в Никольской куртине отдельных помещений 50 арестантов с их прислугою и 4 больших комнат для больных (на это предполагалось 60 000 руб.).

б) приведение в лучшее положение тех каземат Никольской куртины, кои заняты нижними чинами гарнизонной артиллерии (20 000 руб.).

с) устройство в кавалере (в бастионе Анны Иоанновны) помещения для артиллерийского имущества, которое в то время хранилось в цейхгаузе (27 000 руб.)

д) устройство каземат в Иоанновском рavelине для помещения роты военно-рабочих (19 000 руб.).

е) устройство казематов с железными крышами для помещения нижних чинов одного комплектного батальона (где именно, не указано, 200 000 руб., возможно, речь шла о постройке нового здания).

ж) переделка казематов для помещения холостых и женатых нижних чинов Инвалидной роты (45 000 руб.).

з) обращение Артиллерийского цейхгауза с надстройкою этажа и пристройкой носовой части для помещения офицеров комплектного батальона (198 000 руб.).

и) постройка порохового погреба (2000 руб.).

Работа над этим планом началась в 1829 г., готов он был к осени 1832 г., и Инженерный департамент расписал суммы следующим образом:

---

¹² Об этом подробнее см.: *Степанов С. Д.* Санкт-Петербургская Петропавловская крепость. История проектирования и строительства. СПб., 2000. С. 116–127.

¹³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 202. Л. 110.

¹⁴ *Вершевская М. В.* Места заключения декабристов в бастионах и куртинах Петропавловской крепости // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 4. СПб., 1996. С. 91–140.

на 1833 г. — 85 300 руб.
на 1834 г. — 79 465 руб.
на 1835 г. — 80 235 руб¹⁵.

Отметим здесь интересный момент — уже тогда появилась идея об использовании Трубецкого бастиона для заключения арестантов (правда, речь не шла о строительстве нового здания, предполагалось лишь переоборудовать казематы бастиона под камеры). Вокруг этого бастиона развернулась борьба. Министр финансов Е. Ф. Канкрин выступил против устройства в Трубецком бастионе арестантских камер и предлагал «вернуть» бастион в ведение Монетного двора для размещения в нем воинской команды монетного двора (которая размещалась там до 1826 г.)¹⁶. Возобладало все-таки мнение военных инженеров, однако это не было реализовано. В мае 1836 г. А. Я. Сукин получил следующее сообщение:

«В разрешении требования вашего высокопревосходительства изъясненного в рапорте командира Санкт-Петербургской инженерной команды от 6 апреля № 426, о том, чтобы в замен имевших в Невской куртине Санкт-Петербургской крепости временных 40 арестантских номеров отшедших по высочайшей воле для нижних чинов военных арестантов, устроить таковые по общему распределению каземат для временных арестантов в бастионе Трубецком и прежде всего приступить к устройству в находящем там доме. Инженерный департамент от 28 апреля за № 2821 уведомляет, что по сделанному сообщению с предположения покойного инженер генерала Оппермана в 1829 г. разных в казематах Санкт-Петербургской крепости перестройках на сумму до 691 рублей оказывается, что полагается вашим высокопревосходительством к обращению на устройство в бастионе Трубецком и находящем в оном доме арестантских номеров, высочайше назначенная к отпуску инженерному департаменту с 1833 г. сумма исчислена была и высочайше утверждена на переделку каземат в половине куртины между бастионами Екатерины и Трубецким для помещения холостых нижних чинов Инвалидной роты; на устройство же арестантских номеров в бастионе Трубецком и Никольской куртине требовалось особо 60 руб., каковое предположение не получило еще утверждения и ассигнования суммы; почему к удовлетворению прописанного требования вашего высокопревосходительства, на счет устройства в бастионе Трубецком и в находящем там доме номеров для временных арестантов департамент сам собою приступить не может»¹⁷.

¹⁵ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 267. Л. 9–10.

¹⁶ Летопись Петропавловской крепости. С. 148.

¹⁷ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 267. Л. 7–8.

Коротко говоря — средства, предполагавшиеся на это, пошли на отделку казематов в Екатерининской куртине (рядом с Трубецким бастионом), в которой разместили нижних чинов Инвалидной роты, а для арестантских номеров потребовалась отдельная сумма, которой в распоряжении инженерного департамента не имелось. В связи с этим в апреле следующего (1837) года плац-майор предложил «отделать в Никольской куртине два каземата в месте арестантских покоев», так как те казематы в то время были свободными, и произвести отделку можно было своими силами¹⁸. И действительно два каземата Никольской куртины (по правую сторону ворот) были в том же году приспособлены для 7 арестантских номеров¹⁹. Кроме того, для арестантских камер в то время использовались казематы Зотова бастиона²⁰.

Немало хлопот комендантскому управлению доставляли и наводнения в Санкт-Петербурге. Именно в период пребывания в А. Я. Сукина в должности коменданта произошло самое катастрофическое наводнение (ноябрь 1824 г.) В крепости были следующие разрушения: «снесены совершенно мост Алексеевский и полисад на ботардо при шпиге бастиона Петра II, разрушены деревянные части Петровского моста, снесены мосты Иоанновский и пешеходный за Никольскими воротами, принадлежащий к ведению Монетного двора, поломаны и унесены ворота в ботардо при шпиге бастиона Зотова и все мостки через канал снесены без остатков, мостки, находившиеся с Восточной стороны ботардо, при шпиге бастиона Петра I и Трубецкого и крепостная берма почти всюду разломана, в нижних этажах во всех жилых помещениях размывло печи и полы, снесены все заборы, в кавальере пороху более 35 пудов подмочено, на соборе пострадали кровли и переплеты и сильно размочало шпиг. Исправление повреждений в соборе исчислено в 7225 руб. Нужнейшие работы по крепости произведены в этом же году»²¹. Мосты привели в порядок в следующем году.

Бывали, конечно, и менее значительные. В Летописи Петропавловской крепости упоминается наводнение 21 января 1822 г., когда «вода поднималась на 8 фут 5 дюйм и причинила значительные повреждения по всем зданиям крепости»²². Однако исследователь П. П. Каратыгин отмечал, что наводнение было 23 числа (и указывал именно такой подъем воды), и по его словам, «наводнение это продолжалось два или три часа и причинило только незначительный вред жителям Галерной гавани»²³.

---

¹⁸ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 275. Л. 6.

¹⁹ Летопись Петропавловской крепости. С. 159.

²⁰ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 267. Л. 19, 28.

²¹ Летопись Петропавловской крепости. С. 147.

²² Летопись Петропавловской крепости.

²³ *Каратыгин П. П.* Летопись петербургских наводнений. СПб., 1889. С. 33.

В нашем распоряжении есть еще один источник — газетное сообщение: «21 января в Петербурге дул умеренный юго-западный ветер, с полудня — сильный юго-западный; 22 января — сильный юго-западный, вечером — очень сильный. 23 января: утром сильный юго-западный, вечером — умеренный»²⁴. Очевидно, подъем воды, который нанес повреждения в крепости, был действительно 21 января, а вот официально наводнение было зафиксировано 23 числа.

Так же в летописи крепости отмечен, что «19 августа 1830 г. прибылой водой разрушен мост в Алексеевский рavelин, который был восстановлен в 1832 г.»²⁵. В списках наводнений об этом подъеме воды никаких сведений нет, но подъем воды, очевидно, был. Еще одно наводнение произошло в ночь с 16 на 17 число августа 1836 г., когда «при сильным ветре прибылою водою снесло четыре малые мостика с перенастилкою...»²⁶.

Приходилось коменданту решать и более мелкие бытовые вопросы. К примеру, в августе 1835 плац-майор крепости обратился к нему с вопросом, связанным с отхожими местами. Далее процитируем рапорт: «Плац-майор Тютрюмов 25 августа 1835 г.: Нижние чины квартирующие в здешней крепости входят ко мне с жалобой, что женам их необходимость заставляет ходить по естественной нужде в одни отхожие места с мущинами по неимению особых для них мест. А чтоб доставить способ иметь особые отхожие места, то нужно в имеющихся отхожих местах двери заколотить, а с боков сделать для обоего пола особые входы и внутри перегородки, поставя оные так чтоб осталось для мущин два, а для женщин с детьми одно место»²⁷.

В апреле следующего года плац-майор же обратил внимание на то, что вокруг отхожих мест, устроенных в бастионах Меншикова и Государевом, не вымощена камнем, что затрудняет уборку. Вдобавок к этому стены Государева бастиона обваливаются, и на виду оказывается помойная яма. Так как мимо данных бастионов порой проезжали высочайшие особы, плац-майор посчитал необходимым, закрыть эти места заборами²⁸.

Члены семьи Романовых действительно бывали в крепости регулярно к тому же в те десятилетия происходили и погребения: императора Александра I, его вдовы, великого князя Константина Павловича и дру-

---

²⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1822. № 7. 24 января. С. 92.

²⁵ Летопись Петропавловской крепости. С. 151.

²⁶ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 267. Л. 35.

²⁷ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 256. Л. 38.

²⁸ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 267. Л. 5.

гих членов императорской семьи. Естественно, комендант присутствовал на всех этих церемониях.

Еще одной церемонией стал вывод из крепости ботика Петра I. 25 июня 1836 г. А. Я. Сукин получил предписание о том, что «государю императору благоугодно, чтобы хранящийся в Санкт-Петербургской Петропавловской крепости ботик Петра Великого, торжественно показан был, по высочайше утвержденному церемониалу, Балтийскому флоту, и вследствие сего его величество повелеть изволил взять сей ботик из крепости 28 сего июня»²⁹.

28 июня 1836 г. капитан над портом принял ботик от коменданта крепости, взял его на буксир своего катера и повел вниз по Неве (при этом крепость отсалютовала ему 31 выстрелом). Затем ботик был взят на буксир пароходом «Охта», который и отвел его в Кронштадт. 2 июля он был поставлен на пароход «Геркулес» и на следующий день «произвел смотр» Балтийскому флоту. После этого он был таким же образом отведен в Санкт-Петербург и на следующий день сдан коменданту крепости³⁰.

Весной следующего года Александр Яковлевич принимал участие в ежегодном церемониале вскрытия Невы от льда, а 1 сего июня он скончался, «после продолжительной болезни», на 73-м году от рождения³¹.

Список литературы

- Вершевская М. В.* Места заключения декабристов в бастионах и куртинах Петропавловской крепости // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 4. СПб., 1996. С. 91–140.
- Затворницкий Н. М.* Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки. СПб., 1907. — 781 с.
- Иванов А. А.* Рота Санкт-Петербургской крепостной артиллерии. Краткий исторический очерк. 1809–1909. СПб., 1909. — 75 с.
- Каратыгин П. П.* Летопись петербургских наводнений. СПб., 1889. — 87 с.
- Новоселов С.* Кафедральный собор во имя святых первоверховных апостол Петра и Павла в Санкт-Петербурге. СПб., 1857. — 308 с.
- Степанов С. Д.* Санкт-Петербургская Петропавловская крепость. История проектирования и строительства. СПб., 2000. — 240 с.
- Vershevskaya M. V.* Places of confinement of the Decembrists in the bastions and curtains of the Peter and Paul Fortress // Regional Studies Notes: Research and Materials. Issue 4. SPb., 1996. P. 91–140.
- Zatvornitsky N. M.* Memory of the members of the Military Council. Portraits and biographical sketches. SPb., 1907.

²⁹ РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 272. Л. 4.

³⁰ *Веселаго Ф. Ф.* Дедушка русского флота // Русская старина. Т. 4. СПб., 1871. С. 479–482.

³¹ Русский инвалид. 1837. № 139. 5 мая. С. 555.

- Ivanov A. A. Company of the St. Petersburg fortress artillery. A brief historical sketch. 1809–1909. SPb., 1909.
- Karatygin P. P. Chronicle of the St. Petersburg floods. SPb., 1889.
- Novoselov S. Cathedral in the name of the saints first-supreme apostle Peter and Paul in St. Petersburg. SPb., 1857.
- Stepanov S. D. St. Petersburg Peter and Paul Fortress. The history of design and construction. SPb., 2000.

Nikolay Ravilyevich SLAVNITSKIY

Ph. D. in History, Senior Research Fellow of State Museum of History of St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

E-mail: slavnitski@bk.ru

A. Ya. Sukin as commandant of the St. Petersburg Fortress

Resume: The work examines the activities of the general of infantry A. Ya. Sukin during the period when he held the post of commandant of the St. Petersburg fortress. He was appointed to this position in 1814, immediately after the end of the Napoleonic Wars, and remained in this position until his death in 1837. He had to pay much attention to issues related to the artillery armament of the fortress and minor changes in the composition of its garrison. This also caused the need to pay attention to the use of premises.

Keywords: Peter and Paul Fortress, Decembrist uprising, Napoleonic Wars, Petersburg floods.

УДК 94 (47).073.5

ББК 63.3 (2) 47

Сергей Сергеевич МИГУНОВ

младший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

E-mail: sergejsumigunov@gmail.com

ЛИКВИДАЦИЯ КРЕПОСТЕЙ В ПРИБАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ РИГИ И НАРВЫ

В статье описан процесс сноса Рижской виштадели и модернизации центральной части Риги. Также рассмотрены вопросы упразднения крепостей Нарвы и Ивангорода и батарей в устье Нарвы в 1850–1860 годах.

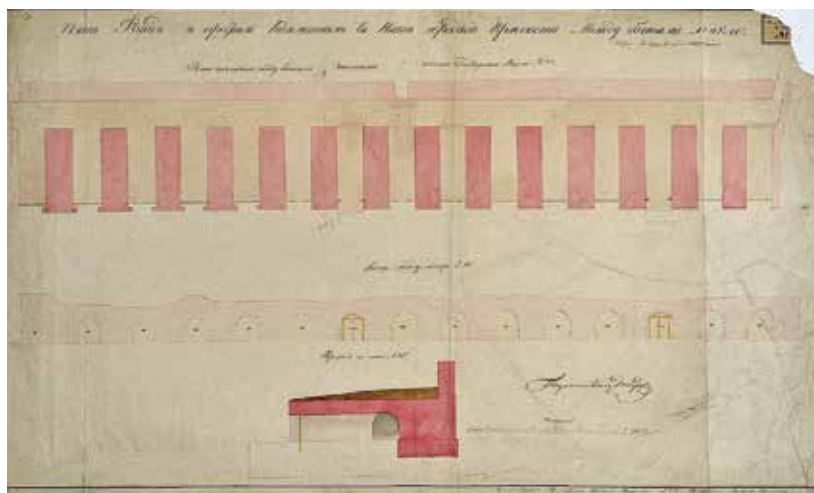
Ключевые слова: артиллерия, Нарва, Рига, Ивангород, фортификация.

К концу царствования императора Николая Первого назрел вопрос о перепрофилировании уже существующих и строительстве новых крепостей в Лифляндском военном округе. Очевидное важное положение региона в системе обороны государства диктовало условия модернизации крепостного хозяйства в Остзейских губерниях.

Еще одним фактором, непосредственно повлиявшим на положение дел в системе крепостей Прибалтийского региона стала завершившаяся Крымская война, результатом которой, в частности, стала перестройка оборонительных сооружений в регионе, а иногда их повсеместное закрытие.

Так самым крупным проектом этого периода стало закрытие Рижской цитадели в центре города, повлекшее существенное изменение облика города. Уже следующий император Александр Второй при посещении Риги в июне 1856 года одобрил три предложения по развитию города: об усилении обороны устья Западной Двины, для препятствования подходу неприятеля «канонерскими лодками к Риге и [попытке] сжечь ее» (Архив ВИМАИВиВС Ф. 6 Оп. 1/1 Д. 16 Л. 63), а так же о срытии крепости в Риге, сохранив при этом саму цитадель в прежнем виде. Так же было принято решение об устройстве на месте уничтоженной крепости укрепительных позиций по обоим берегам Западной Двины для скорейшей защиты города от бомбардировок и сожжения в случае вторжения неприятеля.

Власти города совместно с Военным министерством задумались о целесообразности цитадели, для чего существовали Управление Риж-

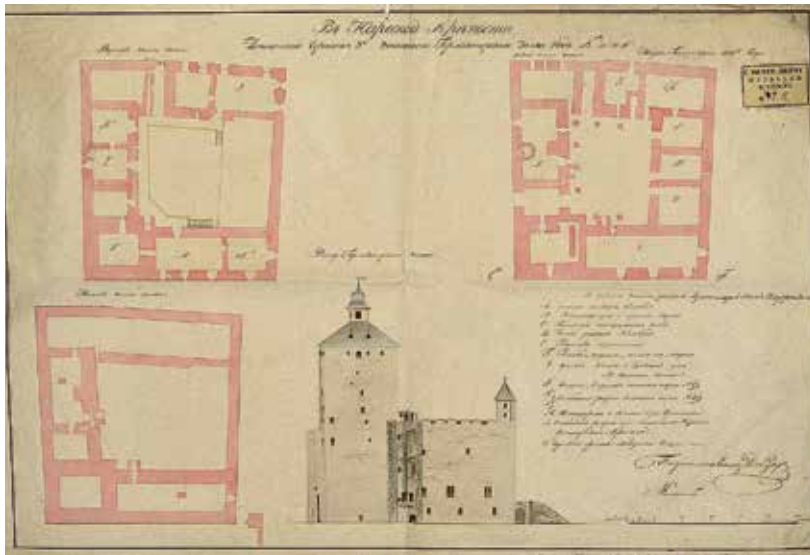

Ил. 1 Ф. 27 К-ка Крепости и Укрепления № 1 Д. 328. План, фасад и профиль казематам в Иван Градской крепости между башнями № 4 и 5

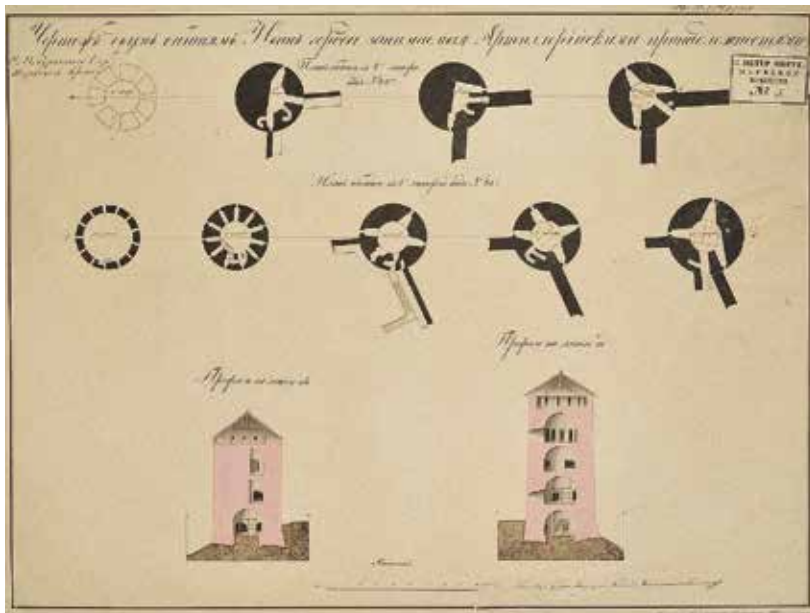
ской крепостной артиллерии и Рижская крепостная № 1 рота. Ежегодно на их содержание отпускалось до двадцати четырех тысяч рублей. Крепостное хозяйство включало в себя, в частности, тридцать восемь зданий для хранения материальной части артиллерии, ежегодный ремонт этих зданий обходился в сумму около тысячи рублей. Капитальные ремонты при этом обходились примерно в пятьдесят девять тысяч рублей (по смете 1848 года). В свою очередь, склад оружия и орудий обходился в пятнадцать тысяч рублей в год, при очевидном понимании властями пользы, которую здание, занимаемое складом, могло принести в другом качестве. Ремонт верков цитадели при этом был оценен пропорционально периоду их эксплуатации без проведения ремонтных работ.

Таким образом, ежегодно на содержание Рижской цитадели предполагалось ассигнование не менее двадцати семи тысяч рублей без учета работ по поддержанию в нормальном состоянии верков крепости.

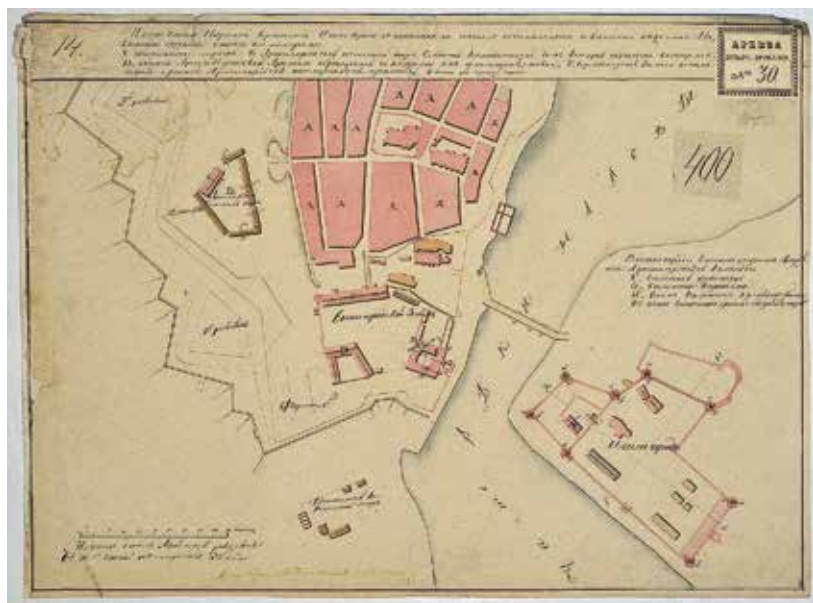
Сам город Рига, в свою очередь, так же не был заинтересован в содержании крепостного хозяйства, которое не приносило ему пользы в том виде, в котором крепость находилась в конце 1850-х - начале 1860-х годов. Оборонительные качества цитадели в этот период так же стали подвергаться большому сомнению. Эстетическая сторона тоже не выдерживала критики. Вид города обезображивался разрушенными постройками цитадели. Опять же просчитывались варианты благоустрой-

Ил. 2 Ф. 27 К-ка Крепости и Укрепления № 1 Д. 331. Детальный чертеж трехэтажного Гермейстерского замка в Нарвской крепости

Ил. 3 Ф. 27 К-ка Крепости и Укрепления № 1 Д. 332. Чертеж двум башням Ивангорода, занимаемая Артиллерийскими принадлежностями

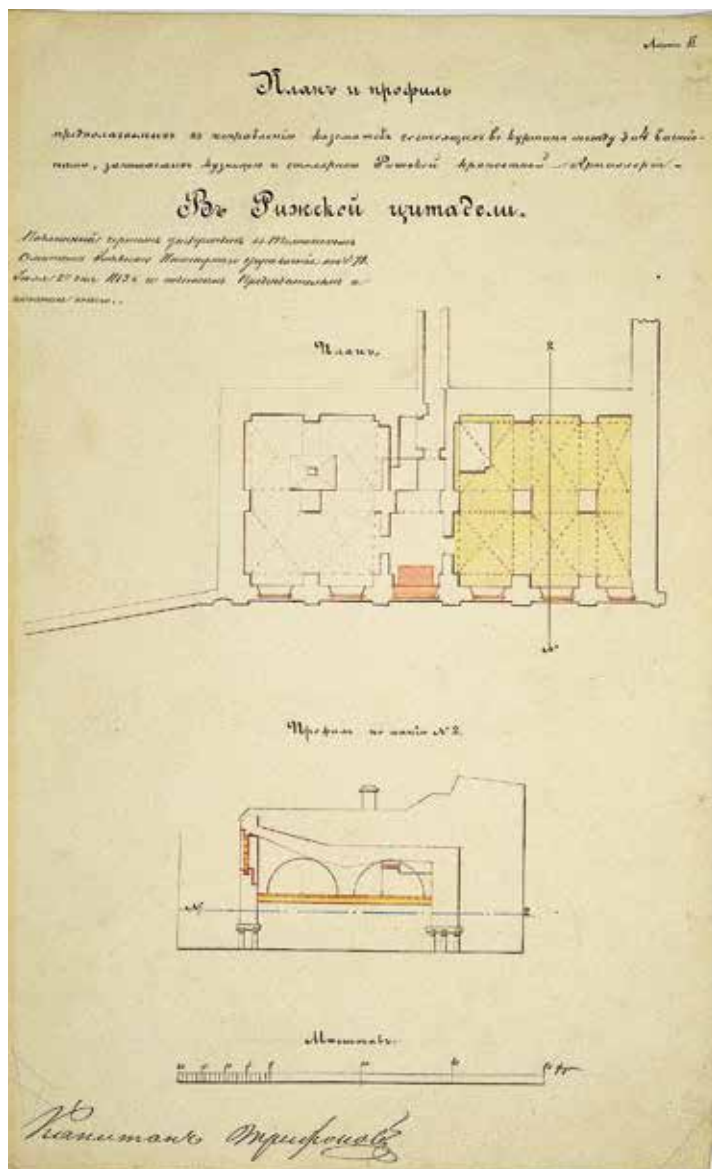

Ил. 4 Ф. 27 К-ка Крепости и Укрепления № 1 Д. 345 План части Нарвской крепости

ства города и в частности территории цитадели. Застройка территории предполагалась в том числе каменными домами, а не только деревянными без каменных фундаментов.

На снос были проданы каменные пороховые погреба, деревянные артиллерийские сараи и каменная караульня с отходным местом. Так же могли быть снесены Палторские казематы и деревянные отходные места с переносом последних ближе к казармам. Так же на сломку предполагалось отдать казематы при Королевских воротах. Здесьшний пороховой погреб предполагалось приспособить для кузниц 1 осадного инженерного парка и артиллерийского ведомства. Казематы в куртине «четвертого фронта» предполагалось оставить в инженерном ведомстве для складов юнкерского училища. Внутренний плац цитадели было решено оставить без изменений и оставить в ведении инженерного ведомства. Ров вокруг городской стены приобрел правильный вид для дальнейшей перестройки города и для придания ему современного вида. Стены с земляным валом планировалось снести в течении трех лет и засыпать рвы. Так же были проданы места для Общества Стрелков и постройки духовной

Ил. 5 Ф. 27 К-ка Крепости и Укрепления № 1 Д. 486. План и профиль предполагаемых к исправлению казематов, состоящих в куртине между 3 и 4 бастионами, занимаемых кузницею и столярною Рижской крепостной артиллерии в Рижской цитадели

семинарии и бани для юнкерского училища. На берегу Двины отвели место для дровяного склада.

В итоге по обоим берегам Западной Двины было расчищено место для удобного ведения боевых действий в случае необходимости. Цитадель сохранили в качестве склада для хранения военных запасов. Рижские форштадты застраивались гражданскими строениями в соответствии с веяниями времени и в итоге оформились городские районы, в частности Петербургский и Московский форштадты.

Рижская цитадель окончательно была снесена к 1869 году. Значение главного оборонительного сооружения в городе перешло к Динамюндской крепости, которой упразднение Рижской цитадели подарило фактически вторую жизнь.

Другой крепостью, которую было решено окончательно ликвидировать в регионе в этот период стала Нарвская крепость. Помимо самой Нарвы она включала в себя так же Ивангородскую крепость и батареи в устье реки Нарва в районе Гунгербурга (так же известного как Усть-Нарва и Нарва-Йыэсуу). Две батареи по двум берегам реки были призваны защитить устье реки и подступы к Нарве и Ивангороду. Так же две батареи располагались у деревень Смолки в 7 верстах и у деревни Поповка в 2 с половиной верстах от Нарвской крепости. Средневековые крепости Нарва и Ивангород в этот период времени составляли единое крепостное хозяйство, чем в частности свидетельствуют «Ведомости о числе орудий, состоящих на вооружении крепости Нарва с Ивангородом и на береговых батареях...» Штаба Инспектора всей артиллерии из исторического архива музея артиллерии (Ф. 5 Оп. 4 Д. 472 ЛЛ. 57–62 и ЛЛ. 140–145).

Основной проблемой для Нарвской крепости, как и для Рижской цитадели, стало большое количество морально устаревшей техники, неспособной обеспечить боевую готовность и послужить надежной защитой для важного форпоста в устье реки Нарва.

После Крымской войны и завершения боевых действий в акватории Балтийского моря дальнейшая бесперспективность содержания Нарвской крепости стала особенно очевидной и в 1864 году было принято окончательное решение о ее ликвидации.

Вектор развития крепостного строительства в регионе сместился в сторону улучшения условий функционирования Динамюндской крепости и впоследствии к строительству Морской крепости императора Петра Великого в Ревеле. Обеспечение крепостными хозяйствами более мелких городов региона уступило место строительству более крупных крепостных сооружений в губернских центрах Остзейского края.

Sergei Sergeievich MIGUNOV

Junior Researcher of the Military Historical Museum of artillery,
engineer and signal corps (St. Petersburg, Russia)

E-mail: sergejasmigunov@gmail.com

Fortresses liquidation in Baltic Region in a middle of nineteenth century in example Riga and Narva

This article describes process of demolishing of Riga Citadelle and modernization of Riga's central part. Also this article includes questions about releasing of Narva Fortress, Ivangorod Fortress and batteries near Narva river in 1850–1860 years.

Keywords: artillery, Narva, Riga, Ivangorod, fortress.

УДК 94(47).08

ББК 63.3(2)51

Владимир Анатольевич АНДРЕЕВ

Исследователь (Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: vovkaa@mail.ru

ВОЕННЫЙ ИНЖЕНЕР ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ЩЕГЛОВ

Статья представляет собой попытку, основываясь на различных источниках, рассказать о судьбе человека и военного инженера, о событиях, в которых он в той или иной мере участвовал, о его роли в них и о том, как эти события отразились на его судьбе. Особенно ценными представляются обнаруженные в документах свидетельства современников о личных качествах и чертах характера героя повествования.

Ключевые слова: Владимир Иванович Щеглов, Николаевская инженерная академия и училище, Выборгская крепость, морская крепость императора Петра Великого в Ревеле, Севастопольская крепость.

Прежде чем перейти к изложению обнаруженных фактов биографии военного инженера генерал-майора Щеглова, безусловно следует сказать, что данная работа представляет собой первый опыт исследования данной темы, равно как и первый опыт работы биографического плана в творческом багаже автора. Чтобы выявить и описать все события, в той или иной мере повлиявшие на судьбу нашего героя, установить все причинно-следственные связи, потребуется ещё долгая работа как в различных архивах, так и за их пределами. Но о каких-то основных, определяющих вехах можно говорить уже сейчас.

* * *

Владимир Иванович Щеглов родился 15 февраля 1864 года в семье военного. Общее образование получил в Псковском кадетском корпусе, военное — в Николаевском инженерном училище. В службу вступил 31 августа 1882 года. Курс училища окончил по 1-му разряду, 7 августа 1885 года был произведён в подпоручики со старшинством с 12 августа 1883 года и выпущен в 6-й сапёрный батальон. Прибыл к батальону 19 сентября 1885 года. С 9 августа по 8 сентября 1886 года временно исполнял дела батальонного казначея, с 11 августа того же года являлся делопроизводителем батальонного суда и заведовал батальонной швальней. Весной 1887 года изъявил желание держать экзамен на поступление в Николаевскую инженерную академию, для подготовки к чему с 1 мая был освобождён от занятий в батальоне, сдал должности и 17 августа был командирован в Петербург.

1 сентября 1887 года прибыл в академию и после успешной сдачи экзаменов 27 октября был зачислен в младший класс академии. 27 июля 1888 года на вакансию произведён в поручики со старшинством с 12 августа 1887 года. 5 ноября 1889 года произведён в штабс-капитаны. По окончании основного и дополнительного курсов академии по 1-му разряду был с 14 мая 1890 года удостоен звания военного инженера (высочайший приказ от 14 июня того же года) и 27 июня получил назначение в распоряжение начальника инженеров Киевского военного округа, а затем уже приказом по Киевскому окружному инженерному управлению был назначен в Курскую инженерную дистанцию, к новому месту службы прибыл 9 июля 1890 года. 4 февраля 1891 года переведен в распоряжение начальника инженеров Петербургского военного округа, куда отправился 1 марта, с 5 марта зачислен в Санкт-Петербургское крепостное инженерное управление. Два месяца спустя, 5 мая, переведен в Петергофскую инженерную дистанцию. Капитан (28 марта 1893 года).

Владимир Иванович Щеглов был женат первым браком на дочери протоирея Софии Платоновне Карашевич, уроженке Санкт-Петербургской губернии. 3 августа 1898 года в семье родился первенец — сын Юрий. Немного забегаая вперёд, отметим, что семья будет достаточно большая, София Платоновна подарила мужу ещё двух дочерей: 6 мая 1900 года появилась на свет Наталья, а 27 декабря 1906 года — Надежда.

Приказом по военно-инженерному ведомству от 8 апреля 1899 года капитан Щеглов был назначен репетитором Николаевской инженерной академии и училища по предмету фортификации. В академию прибыл 1 июня. С 6 апреля 1900 года исполнял дела штатного преподавателя академии и училища по фортификации, а 25 апреля утверждён в этой должности. Однако вскоре последовала самая дальняя и, наверное, самая экзотическая командировка, какую только можно было предполагать в то время. По высочайшему повелению от 29 апреля 1900 года два военных инженера, подполковник Быковский и капитан Щеглов, направлялись на театр военных действий в Южную Африку в качестве помощников уже пребывавших там военных агентов, подполковника Стаховича и полковника Гурко. Капитану Щеглову предстояло находиться на стороне южноафриканских республик. На военных инженеров возлагалось изучение всех технических сил и средств, применяемых воюющими сторонами при укреплении, обороне и атаке позиций, изучение характера, расположения и устройства укреплений. Особое внимание требовалось обратить на характер и способы пользования железными дорогами, имевшимися на театре военных действий, на способы разрушения и восстановления этих дорог. 17 мая капитан Щеглов отправился в дальний путь и 16 июля нового стиля прибыл в резиденцию Трансваальского правительства, с 21 июля по 28 августа находился при главной армии

буров, наблюдал бой 23–27 августа при Дальматуне. С отступающей армией генерала Бота сделал переход от Претории до границы португальских владений. После отъезда президента Крюгера и отбегия на Родину всех остальных военных агентов, переехал к английской армии, и, благодаря тому, что предшествовавшее его пребывание в армии буров не было известно английскому командованию, ему удалось добиться разрешения главнокомандующего лорда Китченера быть допущенным во все пункты театра войны. По этой причине он смог посетить даже самые отдалённые места, где другие русские военные агенты не бывали. В Россию капитан Щеглов вернулся 4 декабря 1900 года. Результатом этой командировки стал отчёт, представленный в Главное инженерное управление (ГИУ), за успешно выполненное поручение высочайшим приказом от 1 января 1901 года капитан Щеглов был произведен в подполковники, а летом 1902 года был представлен государю и наследнику. Чуть позже в «Инженерном журнале» появились две его статьи: в январском номере за 1903 год работа «Железные дороги на театре войны в Южной Африке 1899–1902 гг.», и в декабрьском за 1905 год — «Возобновление разрушенных дорог в англо-бурской войне 1899–1902 гг.»

Служба преподавателя в Николаевской инженерной академии и училище вовсе не ограничивалась одним только учебным процессом — это был научный и исследовательский центр, где формировалась русская школа фортификации. Для ознакомления с современными приёмами действия войск представители академии могли присутствовать на ежегодных манёврах. К примеру, с разрешения временно исполняющего дела главного начальника инженеров и с согласия командующего войсками Варшавского военного округа подполковник Щеглов с 17 августа по 3 сентября 1901 года находился на большом манёвре войск округа. Основным печатным органом, на страницах которого публиковались научные работы по военно-инженерной тематике, являлся «Инженерный журнал», а публикуемые в его неофициальном разделе работы оценивались строгим жюри. В среде военных инженеров было престижно заслужить поощрение в виде премии за публикацию в журнале, удалось это и нашему герою. В 1902 году в «Инженерном журнале» вышла статья В. И. Щеглова «История развития полевой фортификации в XIX веке», удостоенная 2-й премии.

Помимо присутствия на манёврах ещё одним интересным способом знакомиться с реальным положением дел в отечественной фортификации были поездки в летнее каникулярное время, когда в академии и училище заканчивался учебный год. В том же 1902 году с разрешения главного начальника инженеров подполковник Щеглов с 21 июня по 26 августа был командирован в Очаков, Севастополь и Керчь для осмотра крепостных и портовых сооружений. Летом 1903 года такая же командировка в крепости Варшаву, Новогеоргиевск, Зегрж и Ивангород с 5 августа

оказалась совмещена с присутствием на манёврах войск Варшавского военного округа с 22 августа по 1 сентября. Летом 1904 года состоялась новая поездка для осмотра Варшавской и Брест-Литовской крепостей.

6 декабря 1904 года за отличие по службе подполковник Щеглов был произведён в полковники. 30 марта 1905 года по указанию генерал-инспектора по инженерной части великого князя Петра Николаевича назначен членом комиссии для решения вопросов в отношении значения инженерных работ на полях сражений. Летом 1906 года, с 27 июня по 16 августа, полковник Щеглов направлен в очередную командировку для осмотра Севастополя и Очакова. Сразу по возвращении командирован для участия в крепостной поездке офицеров Генерального штаба в крепость Новогеоргиевск под руководством начальника генерального штаба генерал-лейтенанта Палицына, откуда вернулся 2 сентября. В следующий сезон летом 1907 года состоялись две короткие поездки: с 5 по 11 июня для осмотра крепости Свеаборг и с 13 по 18 июля для организации летних практических занятий с офицерами старшего класса академии. Зато летняя командировка 1908 года в Новогеоргиевск для участия во второй крепостной поездке офицеров Генерального штаба растянулась почти на три месяца, с 21 июня по 9 сентября. Целью летней командировки 1909 года стал осмотр города Гродно и крепости Брест-Литовск, а по времени она заняла чуть больше полутора месяцев — с 15 мая по 3 июля¹.

Следует отметить, что поездки эти отнюдь не носили чисто ознакомительный характер, в ходе них собирался обширный набор сведений, позволявших судить о значении того или иного укрепленного пункта на театре военных действий, оценивалось не только текущее состояние, но и вырабатывались меры по необходимому усилению. А работа в Николаевской инженерной академии, включавшая исполнение подобных поручений, стала важной ступенью для дальнейшей службы полковника Щеглова.

---

¹ Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 томах. Т. 4. — Москва: Издатель И. Б. Белый, 2012. — 350 с. с ил. — С. 14–30 со ссылкой на РГВИА, ф. 401, оп. 5, д. 132, л. 120–131, донесения подполковника Гурко и агента санитарного отряда Красного Креста Потапова и капитана Щеглова о деятельности (русского) санитарного отряда в Трансваале и Оранжевой Республике в Южной Африке. 18 января 1900 г. — 31 октября 1901 г.; Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 томах. Т. 5. — Москва: Издатель И. Б. Белый, 2012. — 380 с. с ил. — С. 68–79 со ссылкой на РГВИА, ф. 802, оп. 10, д. 1016, л. 1–19, дело о командировании подполковника Щеглова в Южную Африку. 11 декабря 1901 г. — 25 августа 1903 г.; Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 томах. Т. 6. — Москва: Издатель И. Б. Белый, 2012. — 404 с. с ил. — С. 311–319 со ссылкой на послужной список начальника инженеров Ивангородской крепости военного инженера генерал-майора Щеглова, составленный 30 ноября 1912 г. — 27 сентября 1913 г., РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 160087.

К 1909 году в России опыт прошедшей войны в значительной степени был уже осмыслен, и требовалось переходить к реализации столь насущных изменений. Для этого командование и армии, и флота подходило с достаточной основательностью, предполагая в том числе руководствоваться принципом реальных возможностей. Составлялась большая программа по усилению обороны государства, для всех важных стратегических пунктов определялось их значение в текущих условиях. 18 августа 1909 года получило высочайшее одобрение постановление совещания в присутствии великого князя Сергея Михайловича в составе военного и морского министров и начальников обоих генеральных штабов о том, чтобы одновременно с представлением морским ведомством программы развития морских вооружённых сил России на предстоящее десятилетие в Государственную Думу был внесён по военному ведомству пречень чрезвычайных кредитов на мероприятия по сооружению новых крепостей и приведению в надлежащий вид крепостей существующих, вызываемые названной судостроительной программой. Военный министр и начальник Генерального штаба, предвидя указание Государственной Думы о желательности исчисления общей потребности в ассигнованиях не только на приморские крепости, но и на усовершенствование всех крепостей вообще, посчитали необходимым составить такой перечень. На эту важную и объёмную работу оставалось совсем немного времени — моряки собирались вносить кораблестроительную программу в Думу в середине ноября, потому для подсчётов по инженерной части Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) привлекло военных инженеров полковников Шошина и Щеглова, участие которых *«уже много раз принесло большую пользу Главному Управлению Генерального Штаба»*. Тем временем состоялось новое назначение — высочайшим приказом от 24 сентября полковник Щеглов был назначен начальником инженеров Выборгской крепости и 10 октября прибыл в Выборг. Но для своевременного исполнения ранее данных поручений при ГУГШ потребовалось его присутствие в Петербурге, для чего с разрешения военного министра он был прикомандирован к этому Главному управлению до 15 ноября. При подсчёте требовавшихся кредитов полковник Щеглов отвечал в том числе за крепости Финляндского военного округа, и уже в рамках этого прикомандирования он 19 октября получил предписание отправиться в крепость Свеаборг для ознакомления на месте с происходящими там особо срочными работами местной комиссии по предположениям для переустройства крепости, подлежащих срочному же внесению в общее требование кредитов. В дальнейшем, в январе — марте 1910 года, когда выяснилась необходимость сокращения общей суммы кредитов на переустройство крепостей, то есть по сути всю работу необходимо было выполнить заново, полковник Ще-

глов также привлекался к ней, но чтобы в возможно меньшей степени отвлекать его от текущих дел по Выборгской крепости, на этот раз речь шла не о прикомандировании, а о еженедельных вызовах в Петербург на один-два дня². К тому времени служба инженерных частей гарнизона крепости была хорошо налажена и организована, что отмечалось старшими начальниками на проводившихся смотрах войск, и это ставилось в заслугу начальнику инженеров³.

А с 17 марта полковник Щеглов с разрешения военного министра был командирован за границу в Германию, Францию и Англию для сопровождения генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича. Вернулся он из этой командировки 15 апреля 1910 года. Целью поездки было ознакомиться с принятыми на вооружение во Франции и Бельгии броневыми башнями для сухопутных крепостей. В ходе неё русская военная делегация посетила заводы и полигоны «Сен-Шамон», «Шнейдер» в Гавре, «Виккерс» в Барроу и «Коккериль», были осмотрены некоторые укрепления крепости Туль, форт «Понтисс» крепости Льеж и форт «Шотен» крепости Антверпен, получилось не только ознакомиться с устройством башен, но и выяснить значение отдельных деталей для всей конструкции, способы организации стрельбы. Также были выбраны три башни разных моделей и изготовителей, закупленные русским правительством для производства детальных испытаний с обстрелом их из различных орудий, — для будущих Березанских опытов⁴.

Выборгская крепость годом ранее была включена в число подлежащих переустройству. На тот момент её предназначение выделось в качестве опорного пункта и базы активных операций для действующих в Финляндии войск, а также единственного оплота на пути к столице империи с севера, расположенного в наиболее удобном для обороны месте. Предварительная оценка потребных на переустройство и усиление средств по различным крепостям империи выполнялась ГУГШ путём составления эскизных проектов, был такой проект составлен и по Выборгской крепости. Доклад по ГУГШ, определявший значение Выборга, был утверждён императором 1 июня 1910 года, а эскизный проект ГУГШ стал основой местного проекта. Для составления последнего в Выборгской крепости под председательством коменданта генерал-лейтенанта Петрова была образована комиссия, в которую вошли начальник артиллерии полковник Лайминг, начальник инженеров полковник Щеглов, начальник штаба подполковник Степанов и другие чины крепости. Разработанный

² ВИМАИВиВС. ИДФ. Инв. № 22/822. Л. 6, 12, 14–15, 20–22, 30, 39–48.

³ Там же. Л. 2–5.

⁴ ВИМАИВиВС. ИДФ. Инв. № 22/292. Отчёт об опытах стрельбы по различного рода крепостным сооружениям на острове Березани в 1912 году. — С. 17–18.

местной комиссией проект предусматривал создание двух сухопутных фронтов, Западного с четырьмя фортами и шестью промежуточными опорными пунктами и Юго-Восточного с одним фортом и четырьмя опорными пунктами, а также усиление береговых укреплений — постройку новой батареи или перестройку существующих укреплений у Транзундского пролива и сооружение двух новых батарей и сухопутного опорного пункта на берегах и островах Выборгского залива. 15 сентября 1910 года, через три с половиной месяца работы, проект был представлен по команде и послужил основой для дальнейших обсуждений в Крепостной комиссии при ГУГШ, проходивших с апреля по июнь 1911 года⁵. Комендант Выборгской крепости генерал-лейтенант Петров отмечал в своём рапорте от 11 августа 1911 года активное и деятельное участие полковника Щеглова в составлении проекта усиления крепости, его превосходное знание крепостного района, выдающуюся энергию и работоспособность. Представляя его к производству в генерал-майоры как к вполне заслуженной награде, комендант очень надеялся и в дальнейшем сохранить своего начальника инженеров в той же должности, что считал важным для крепости ввиду подготовки к её усилению и переустройству⁶.

Следует отметить, что в ходе обсуждений местного проекта в Крепостной комиссии при ГУГШ вновь поднимался вопрос о расположении береговых укреплений, и хотя большинство участников пришло к выводу о достаточности укреплений на островах и по берегам в глубине Выборгского залива, генерал-майоры Буйницкий и Петровский и полковник Щеглов высказались за желательность сохранения укреплений Транзунда и даже за производство их улучшения и усиления вооружения, что придавало береговой обороне более активный характер, — впоследствии именно эта точка зрения найдёт свою реализацию в бетоне. По результатам обсуждений Крепостной комиссией при ГУГШ был разработан свой эскизный проект Выборгской крепости, который затем в ноябре 1912 года обсуждался комитетом Генерального штаба и в январе 1913 года был утверждён императором, но это уже другая история.

Несколько ранее, в январе-феврале 1911 года, полковник Щеглов в качестве приглашённого участвовал в заседаниях Крепостной комиссии при ГУГШ, на которых обсуждался план переустройства и усиления Севасопольской крепости, и тут тоже по одному из принципиальных вопросов мнения разделились. Большинство посчитало возможным ограничиться минимальным числом сухопутных укреплений — двумя

---

⁵ Павлов А. В. Забытая крепость. Выборгская крепость в 1914–1918 гг. — строительство фортовой крепости. // КРЕПОСТЬ РОССИЯ: Историко-фортификационный сборник. Вып. 4. Владивосток: Дальнаука, 2010. 310 с. + 28 цв. вкл.

⁶ ВИМАИВиВС. ИДФ. Инв. № 22/822. Л. 2–5.

долговременными группами на флангах береговой позиции, достаточными для противодействия десантным отрядам противника, тогда как генерал-майор Буйницкий высказался за важность сохранения большого сухопутного фронта, его поддержал полковник Щеглов, а генерал-майор Петровский и вовсе предложил центр тяжести вопроса об усилении Севастополя перенести на сухопутный фронт, где современных укреплений не было вовсе⁷. К сожалению, из-за ограниченных ресурсов это мнение не нашло своей реализации, но высказанная оценка важности наличия надёжной обороны военно-морской базы с сухого пути сама по себе очень примечательна.

Не менее остро, чем в военном ведомстве, тема осмысления результатов Русско-японской войны стояла и в морском ведомстве. Рассматривая основания для возрождения флота, вновь образованный Морской генеральный штаб вынужден был опираться на фактические возможности имеющихся сил и ставить реально достижимые цели. Потому неминуемо было обращение к оборонительным действиям, а в планах развёртывания флота 1907, 1910, 1912 и 1914 годов в качестве основной идеи предусматривался бой на заранее подготовленной минной позиции с целью недопущения противника к столице страны — Петербургу, вопрос был только в расположении этой позиции и выборе пункта базирования флота. Летом 1909 года, 22 июля, на заседании Главного крепостного комитета под председательством великого князя Сергея Михайловича обсуждались меры по обороне Финского залива и рассматривались варианты расположения позиции: в районе о. Гогланд или на линиях Ревель — Поркалауд и Гангэ — Оденсхольм. В итоге выбор был сделан в пользу второго варианта, где имелась возможность перекрыть самое узкое место Финского залива между островами Нарген и Макилото не только минами, но и огнём артиллерии. В этом случае Ревель становился главной оперативной базой флота. У морведа уже имелся эскизный проект военного порта в Ревеле, а у инженерного ведомства — предварительный проект приморской крепости. Учитывая эти соображения, совещание высказало заинтересованность в переносе главной линии обороны на меридиан Ревеля и рекомендовало вопрос к дальнейшей разработке. Несмотря на это планом развёртывания флота 1910 года ещё предусматривалось размещение позиции в районе острова Гогланд, и только по следующему плану, разработанному в 1910–1911 годах и принятому 17 июня 1912 года позиция переносилась в устье Финского залива⁸. Практически одновременно, 5 июня

⁷ РГВИА. Ф. 504. Оп. 9. Д. 1014. Л. 5–8.

⁸ *Петров М. А.* О планах развёртывания Балтийского флота в период между Крымской и империалистической войнами. // «Морской сборник». 1925. № 4. С. 75–96.

1912 года военным министром В. А. Сухомлиновым был утверждён проект Ревель-Поркалаудской крепости, а 29 июня состоялась закладка нового военного порта.

Дополнительные изыскания и проектирование велось представителями инженерного ведомства с конца 1911 года, руководить этой работой был назначен начальник инженеров Выборгской крепости полковник Щеглов, командированный в Ревель на основании секретного предписания ГУГШ с 27 октября 1911 года. Заключались эти изыскания в выполнении топографической съёмки, промерах, бурении, других исследованиях, основываясь на которых, равно и на утверждённых заданиях, изыскательской партией был составлены предварительные проекты и сделаны подробные исчисления стоимости предполагаемых сооружений. На этом этапе проектных работ, выполненных в 1911–1912 годах, узость между островами Нарген на юге и Макилото на севере перекрывалась огнём двух 6-орудийных батарей 14-дм./52 пушек, размещённых на этих островах, ещё одна такая же 4-орудийная батарея на полуострове Суруп прикрывала подходы к Ревелю с запада и вела обстрел Балтийского порта. Для поддержки этих батарей назначались две 4-орудийные 12-дм./52 батареи на западном берегу острова Нарген и на острове Вульф. Все эти батареи были башенными. На Наргене и западном берегу полуострова Вимс предполагалось разместить по батарее из 8–11-дм. гаубиц. Поддержку 14-дм. башенной батарее на Макилото должна была оказывать трёхбашенная батарея на шесть 6-дм./52 пушек. Ревельский рейд защищали батареи 6-дм./45 и 120-мм/50 пушек (40 и 12 орудий соответственно). Для противодействия возможному десанту назначались 66–3-дм. скорострельных пушек на колёсных лафетах и 100 пулемётов. В тёмное время суток для освещения обстановки предполагалось использовать 30 прожекторов⁹. Из командировки в Ревель, где намечалось столь грандиозное строительство, полковник Щеглов возвратился 29 марта 1912 года, а 3 апреля высочайшим приказом он был произведён в генерал-майоры за отличие по службе с назначением начальником инженеров Ивангородской крепости.

Однако с Ревелем ещё далеко не всё было закончено. Уже в том же месяце последовала очередная, на этот раз краткая командировка в Ревель, с 27 апреля по 2 мая 1912 года, но и в дальнейшем, по всей видимости, генерал-майор Щеглов был занят работой над проектом Ревель-Поркалаудской крепости. Несколько позже был принят проект сухопутного фронта длиной 45 вёрст от Сурупа до Вимса. На нём предполагалось построить 10 долговременных групп и 9 отдельных опорных пунктов

⁹ РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 2. Д. 43. Л. 13–18. *Колтовской А. Е.* Береговая оборона Балтийского моря во время войны 1914–1918 гг.

с вооружением из противоштурмовых и капонирных пушек и пулемётов. Весь сухопутный фронт делился на три отдела обороны¹⁰. Для борьбы с артиллерией противника на сухопутный фронт назначалось 296 орудий дальнего боя (3-дм., 42-лин., 6-дм. пушки и 6-дм. гаубицы). Гарнизон должны были составить 32 батальона пехоты, артиллерию приморского и сухопутного фронтов обслуживали 9 батальонов крепостной артиллерии с единым штабом и управлением, дополняли эти силы 2 сапёрные роты, железнодорожная, телеграфная и воздухоплавательная роты.

Но одним только проектированием укреплений Ревеля работа не ограничивалась, генерал-майор Щеглов кроме того был включён ещё и в состав особого совещания по проведению опытов на острове Березани. К лету 1912 года опытная постройка на этом расположенном близ Очакова острове была закончена, она включала ряд казематов различного устройства с покрытиями разных типов, также на ней были установлены две из трёх закупленных за границей броневых башен, скрывающаяся установка генерал-майора Фабрициуса и броневой наблюдательный пост, которые должны были подвергнуться обстрелу. Опытные стрельбы, давшие огромное количество бесценного практического материала и оказавшие существенное влияние на последующие проекты укреплений в России, проводились с 10 сентября по 10 октября 1912 года под непосредственным руководством генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича. Но участвовал ли в них генерал-майор Щеглов — это пока открытый вопрос. По крайней мере, такое предположение слабо коррелирует со сведениями из послужного списка, а там указано, что 9 сентября 1912 года, через пять месяцев после назначения, генерал-майор Щеглов отправился к новому месту службы в Ивангород, но уже 2 октября предписанием начальника инженеров Варшавского военного округа он снова был командирован в Ревель¹¹.

7 января 1913 года строительство и управление Ревель-Поркалаудской крепостью было передано от военного ведомства морскому, при этом для практического осуществления передачи крепости было образовано особое совещание, урегулировавшее спорные вопросы, в том числе по уже выданным ассигнованиям военведа. Морвед обязывался заново составить проект на отпуск средств и внести его в законодательные учреждения, а Военное министерство передавало Морскому всю проект-

---

¹⁰ Объекты сухопутного фронта Морской крепости Императора Петра Великого. [Электронный ресурс]: URL: <http://battal.ee/suhfront/praegu/praegu.html>

¹¹ Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 томах. Т. 6. — С. 316.; ВИМАИВиВС. ИДФ. Инв. № 22/292. Отчёт об опытах стрельбы по различного рода крепостным сооружениям на острове Березани в 1912 году. — С. 19, 389.

ную документацию по приморскому и сухопутному фронту крепости. Практически сразу, 29 января, был одобрен морским министром, а затем и высочайше утверждён проект и табель вооружения сухопутного фронта крепости, проекты же приморского фронта и организации гарнизона подверглись пересмотру. Моряки полностью отказались от 11-дм. гаубиц, вместо башенной 12-дм./52 батареи на острове Нарген решено было построить такую же 14-дм., вместо башенной 6-дм./52 батареи на острове Макилото — тоже башенную, но с вооружением из 4–8-дм./50 пушек, ещё одну такую же планировалось возвести на Наргене, эти две батареи предназначались для обороны центрального минного заграждения; вместо 6-дм./45 и 120-мм/50 пушек для борьбы с лёгкими силами флота противника назначалось 48 новых 130-мм/55 пушек. Ещё одним важным изменением стало включение в состав приморского фронта крепости Флангово-шхерной позиции, оборудовавшейся флотом с 1910 года¹². Главным нововведением в организации гарнизона стало учреждение самостоятельных управлений Приморского и Сухопутного фронтов со своими начальниками, штабами и заведениями. С 30 апреля 1913 года Ревель-Поркалаудская крепость стала именоваться морской крепостью Императора Петра Великого (мкИПВ).

22 июля 1913 года генерал-майор Щеглов был назначен на должность строителя морской крепости императора Петра Великого с прикомандированием к морскому ведомству¹³, а августе того же года последовало выделение первых кредитов для начала работ. Вскоре строительно крепости потребовалось внести серьёзные изменения в конфигурацию сухопутного фронта: в связи с изменением места расположения минных и артиллерийских складов флота стало необходимо расширить безопасное от обстрела ядро крепости, тогда же появились сведения о принятии на вооружение в Германии новой 42-см осадной гаубицы. Чтобы учесть эти вновь возникшие факторы, было решено три долговременные группы наиболее важного II отдела, занимавшие изначально не самое лучшее тактическое положение, выдвинуть на 3–4 версты вперёд, на высоты, где изначально предполагалось разместить передовые позиции крепости. То есть группы переносились на новое место, и по сути требовалось составить их проект заново. Некоторые другие группы меняли свою конфигурацию, что также потребовало значительных изменений в проектах. В итоге всё это привело к увеличению протяжённости сухопутного

---

¹² РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 2. Д. 43. Л. 19–25. *Колтовской А. Е.* Береговая оборона Балтийского моря во время войны 1914–1918 гг.

¹³ Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 года. — Петроград. Военная типография императрицы Екатерины Великой (в здании Главного штаба). 1914. — С. 751.

фронта на 6 вёрст и увеличению гарнизона на два батальона пехоты. 28 ноября 1913 года эти изменения получили высочайшее утверждение. В октябре-ноябре того же года были начаты работы на долговременных группах I, III, IV, X, в марте 1914 года — на группах VI, VII и XII¹⁴. Также до начала Первой мировой удалось приступить к земляным и скальным работам на башенных батареях островов Нарген и Макилото. С открытием боевых действий на первый план вышла необходимость обеспечить хоть в минимальной степени оборону центрального заграждения и входов на Ревельский рейд, для чего потребовалось размещать и вооружать временные береговые батареи, затем последовало усиление Флангово-шхерой позиции и начало сооружения Моонзундской и несколько позже Або-Оландской позиций. Летом 1915 года произошло последнее значительное изменение в конфигурации сухопутного фронта: в его состав был включен участок Тюрисаль — Хумала, где предполагалось построить одну из самых мощных долговременных групп крепости и полевую позицию с бетонными убежищами. В сентябре того же года последовало решение о передаче от военного ведомства для усиления обороны Ревеля четырёх 12-дм./52 башенных установок, ранее заказанных для Севастополя и Батума. 27 сентября 1915 года строителю мКИПВ было предписано срочно разработать проекты — две новые батареи предполагалось возвести на островах Нарген и Вульф. Их проекты в основном были готовы к январю 1916 года, хотя подготовительные работы на месте будущих батарей шли уже с октября 1915 года. Только чтобы перечислить все объекты, проектированием и постройкой которых занималось строительство крепости, потребуется не одна страница, но спроектировать было мало, нужно было ещё и построить, а с этим оказалось далеко не всё гладко.

При назначении генерал-майора Щеглова строителем мКИПВ почему-то не уделили внимания тому, что ранее по своей службе он не только не стоял во главе какого-либо значительного строительного дела, но и не принимал участия в таковом ни в качестве помощника, ни хотя бы старшего производителя работ. То есть за ним не было никакого административного опыта организации столь крупного предприятия. В силу этого одна из проблем была заложена на самом раннем этапе, когда возглавлявшим изыскания на тот момент ещё полковником Щегловым были составлены штаты строительства по образцу других крепостей без учёта предстоящего объёма работ, местных особенностей, большого протяжения как сухопутного, так и приморского фронтов. В наиболее тяжёлом положении оказались канцелярия строителя крепости и хозяйственное отделение. Огромный объём переписки, проверка всех проектов и смет возлагалась

---

¹⁴ Объекты сухопутного фронта Морской крепости Императора Петра Великого. [Электронный ресурс]: URL: <http://battal.ee/suhfront/praegu/praegu.html>

всего на трёх офицеров канцелярии; всей заготовительной частью, распределением материалов и заведыванием ими, бухгалтерией, составлением контрактов, проверкой документов, платежами занимались ещё шесть человек при общем годовом бюджете от 7 до 10 млн. руб., что в несколько раз превышало ассигнования, выделявшиеся любой другой крепости империи. При этом выбор названных работников не был обусловлен какими-то знаниями и ранее полученным опытом и носил случайный характер с соответствующим результатом. С началом боевых действий положение ещё более ухудшилось как вследствие выросшего вчетверо объёма работ, так и по причине трудностей в получении нужных материалов. Свою роль сыграл и неудачный выбор помощников, сделанный генерал-майором Щегловым, — генерал-майора Николаса и полковника Захарьина пришлось отчислить от строительства по несоответствию¹⁵.

С другой стороны, комендант крепости вице-адмирал Герасимов отзывался о генерал-майоре Щеглове как о талантливом и безусловно честном человеке, который, однако, в силу отсутствия опыта в организации строительства, *«мало подходил к предназначенной ему трудной и ответственной роли главного руководителя столь обширной и важной работы»*. Повлияли тут и черты характера Владимира Ивановича Щеглова, о которых упоминал комендант крепости, — доброта и природная мягкость, отсутствие твёрдости в решениях, склонность к колебаниям с неизбежным откладыванием вопросов, требовавших немедленного разрешения. Со временем положение только ухудшалось, приобретаемая очертания катящегося под гору снежного кома. Генерал Щеглов прекрасно видел и осознавал все недостатки в работе строительства и, будучи человеком чрезвычайно добросовестным, старался покрыть их своей личной неустанной работой. Всё это привело лишь к тому, что уже к концу 1915 года его здоровье сильно пошатнулось, из-за чего работать он мог только урывками, когда позволяло состояние, а ещё через два месяца с ним случился апоплексический удар, из-за чего он оказался частично парализован — отказала одна рука и нога. Вот в такой ситуации генерал-майор Щеглов был отправлен в двухмесячный отпуск по болезни, а затем 18 апреля 1916 года — отпуск был продлён ещё на два месяца. Это позволило оправиться и немного восстановить здоровье, по крайней мере 14 июня того же года генерал-майор Щеглов вернулся к исполнению своих обязанностей. Но со стороны коменданта крепости ситуация выглядела так, что успех всего дела мог оказаться в зависимости от состояния здоровья начальника инженеров и строителя, а поручиться, что он сможет достаточно долго и напряжённо работать, никто не мог. С другой стороны, усиленная деятельность могла привести к новому приступу

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 140. Л. 274–275.; Там же. Д. 147. Л. 7–9.

и печальным последствиям. Выход был найден во временном прикомандировании генерал-майора Щеглова к Морскому крепостному совету, где он своими знаниями и талантом мог принести большую пользу без вреда для своего здоровья и способствовать лучшему взаимодействию строительства крепости с советом. 21 июля 1916 года генерал-майор Щеглов сдал должность строителя и начальника инженеров полковнику Маресеву, замещавшему его ранее в ходе отпуска по болезни, а теперь вступившего во временное исполнение¹⁶.

Следующие несколько месяцев генерал-майор Щеглов находился в прикомандировании к Морскому крепостному совету, а 10 марта 1917 года приказом начальника Морского штаба Верховного Главнокомандующего он был отчислен от должности строителя мКИПВ. Для передачи должности строителя и начальника инженеров мКИПВ полковнику Маресеву была образована особая комиссия, действовавшая в конце апреля — начале мая, а 26 мая 1917 года генерал-майор Щеглов получил новое назначение — начальником инженеров и строителем Севастопольской крепости¹⁷.

5 июня 1917 года генерал-майор Щеглов прибыл в Севастополь и 8 июня вступил в свою должность¹⁸. Крепость переживала далеко не лучшие дни — помимо вихря политических событий, сказывалось тяжёлое экономическое положение страны. Из-за роста цен, нехватки рабочих и трудностей в доставке материалов практически все работы по постройке новых укреплений были остановлены. С лета 1914 года крепость в оперативном отношении была подчинена командующему Черноморским флотом. В кампанию 1915 года сначала Ставка рассматривала вооружение Севастополя как резерв для крепостей Западного театра, а позже и флот стал использовать ресурсы крепости для своих нужд — обеспечивал береговой артиллерией оборону Трапезунда, Ризе, устья Дуная, других пунктов. Чтобы компенсировать ослабление вооружения Севастопольской крепости, штаб Верховного Главнокомандующего настаивал на завершении работ и вводе в строй башенной 12-дм. батареи № 25. По конструкции своей батарея состояла из двух отдельных башенных блоков, расположенных с превышением один относительно другого. В нижнем блоке бетонные работы были закончены, смонтирована неподвижная броня и жёсткий барабан башни, выполнена расточка погона. В блоке возвышенной башни стены были доведены до уровня

---

¹⁶ Eestii Ajalooarhiiv (Эстонский исторический архив). ЕАА 218.1.2. Л. 140, 377об — 378. Сведения предоставил *М. О. Трумс*.

¹⁷ ЕАА 218.1.8. Л. 218об, 278, 305. Сведения предоставил *М. О. Трумс*; Приказ Временного правительства армии и флоту о чинах военных. 26 мая 1917 г.

¹⁸ РГВИА. Ф. 13145. Оп. 1. Д. 13. Л. 306.

пят сводов, установлено жёсткое противооткольное усиление, уложен по нему слой асфальтового бетона и также смонтирована неподвижная броня и жёсткий башенный барабан. Чтобы приступить непосредственно к сборке башен, предварительно требовалось закончить бетонирование блока возвышенной башни, у которого пока отсутствовало покрытие. Первым делом генерал-майор Щеглов выяснил, что подачу частей первой башни, станков и орудий можно было ожидать осенью 1917 года. Затем удалось организовать доставку 20 тыс. бочек цемента, из-за отсутствия которого и случилась остановка в работах — все прочие материалы были уже заготовлены на батарее. Всего в покрытие башенного блока необходимо было уложить около 1000 куб. саж. бетона, что в течение августа и сентября было исполнено. Таким образом, бетонные работы на батарее № 25 были закончены, что в условиях того тяжёлого положения, в котором находилась страна, было большим достижением. Последний из обнаруженных документов, подписанных генерал-майором Щегловым, — сентябрьская ведомость хода оборонительных работ в Севастопольской крепости — датируется 24 октября 1917 года¹⁹.

Сведений о дальнейшей судьбе пока найти не удалось, на сайте ria1914.info указана дата смерти 23.03.1918 и приводятся сведения, что В. И. Щеглов был похоронен на Смоленском православном кладбище в Петрограде²⁰, но эту информацию пока проверить и подтвердить не получилось.

За годы службы Владимир Иванович Щеглов был удостоен следующих наград: орден Св. Анны 3-й степени (1901 год), Св. Станислава 2-й степени (1903), производство в чин полковника (1904), орден Св. Анны 2-й степени (1907), Св. Владимира 3-й степени (1910), производство в генерал-майоры (1912), орден Св. Анны 1-й степени (1916)²¹.

Вот такая необычная судьба, вобравшая в себя и остросюжетные приключения в далёкой экзотической Южной Африке, и годы познания и совершенствования в Николаевской инженерной академии, и напряжённый труд на благо Родины. Возглавлять инженерную часть в четырёх разных крепостях, оставить заметный след в истории трёх из них — это довольно редкий случай. Безусловно, следует сказать, что определяющим этапом и основой для последующих назначений на столь ответственные должности была служба в Николаевской инженерной академии, в этом сердце

---

¹⁹ РГВИА. Ф. 802. Оп. 2. Д. 982. Л. 126–161.

²⁰ Щеглов Владимир Иванович. [Электронный ресурс]: URL: https://www.ria1914.info/index.php/Щеглов_Владимир_Иванович

²¹ Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 года. — Петроград. Военная типография императрицы Екатерины Великой (в здании Главного штаба). 1914. — С. 751.; ЕАА 218.1.2. Л. 148. Сведения предоставил М. О. Трумс.

отечественной фортификационной школы, позволявшая не только знакомиться с новейшими идеями, участвовать в их обсуждении, но и видеть их практическое применение в различных укрепленных пунктах империи. Возможно, лучшим вариантом для Владимира Ивановича Щеглова было бы задержаться в Выборге, чтобы пройти все оставшиеся этапы разработки проекта переустройства крепости и заняться непосредственно его воплощением, то есть получить так необходимый практический опыт организации строительных работ в достаточно крупных, но не столь огромных, как то потом произошло в Ревеле, масштабах. Однако у высшего командования был на это собственный взгляд — спрос на грамотных проектировщиков в ходе развернувшихся работ по переустройству и усилению всей оборонительной системы страны оказался очень высок.

Список литературы

- Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 томах. Т. 4. — Москва: Издатель И. Б. Белый, 2012. — 350 с. с ил.
- Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 томах. Т. 5. — Москва: Издатель И. Б. Белый, 2012. — 380 с. с ил.
- Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 томах. Т. 6. — Москва: Издатель И. Б. Белый, 2012. — 404 с. с ил.
- Колтовской А. Е.* Береговая оборона Балтийского моря во время войны 1914–1918 гг. // РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 2. Д. 43. Л. 2–141.
- Отчёт об опытах стрельбы по различного рода крепостным сооружениям на острове Березани в 1912 году. // ВИМАИВиВС. ИДФ. Инв. № 22/292.
- Павлов А. В.* Забытая крепость. Выборгская крепость в 1914–1918 гг. — строительство фортовой крепости. // КРЕПОСТЬ РОССИЯ: Историко-фортификационный сборник. Вып. 4. Владивосток: Дальнаука, 2010. 310 с. + 28 цв. Вкл.
- Петров М. А.* О планах развёртывания Балтийского флота в период между Крымской и империалистической войнами. // «Морской сборник». 1925. № 4. С. 75–96.
- Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 года. — Петроград. Военная типография императрицы Екатерины Великой (в здании Главного штаба). 1914.

Vladimir Anatolevich ANDREEV

Researcher (Donetsk, Donetsk People Republic)

E-mail: vovkaa@mail.ru

Military engineer Vladimir Ivanovich Shcheglov

The article is an attempt, based on various sources, to tell about the fate of a person and a military engineer, about the events in which he participated, about his role in them and how these events affected his fate. The evidence of contemporaries about the personal qualities and character traits of the hero of the story, found in the documents, is especially valuable.

Keywords: Vladimir Ivanovich Shcheglov, Engineering Academy and College of Emperor Nicholas I, Vyborg Fortress, Sea Fortress of Emperor Peter the Great in Revel, Sevastopol Fortress.

УДК 99 (47).08

ББК 63.3 (2) 5

Станислав Александрович ВОРОБЬЁВ

хранитель форта «Риф» (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: stas-vorobiev2005@yandex.ru

МОРСКИЕ БАТАРЕИ КРОНШТАДТСКОЙ КРЕПОСТИ (1800–1880 гг.)

Статья посвящена развитию на протяжении XIX века главнейшего типа укреплений Кронштадтской крепости — морских батарей. На основании доступных литературных источников и документов Российского Государственного архива Военно-морского флота (С-Петербург) описаны и проанализированы основные этапы развития этого типа сооружений с инженерной точки зрения, а также их участие в формировании структуры Кронштадтской крепости. Основное внимание уделено периоду строительства постоянных морских батарей в 1860-е и 1870-е годы, по итогам которого эти укрепления составили основу огневой мощи Кронштадтской крепости.

Ключевые слова: Кронштадтская крепость, морские батареи.

Морские форты и батареи составляют основу Кронштадтской крепости. Они же являются и наиболее характерными ее укреплениями, без которых крепость попросту невозможно представить. В замечательной книге А. А. Раздолгина и Ю. А. Скорикова «Кронштадтская крепость», изданной в 1988 году¹, морским фортам и батареям уделено значительное внимание. Учитывая обзорный характер упомянутой работы, а также то, что она стала, по сути, первой попыткой исследования подобного рода, сложно было бы ожидать от нее полного закрытия темы. Однако вплоть до настоящего времени эта книга является чуть ли не единственным заслуживающим внимания и в то же время доступным исследованием истории крепости и, в частности, развития ее морских батарей. В связи с этим вопрос о развитии типа морской батареи в Кронштадте до сих пор является актуальным и, на наш взгляд, крайне недостаточно освещенным.

Введение

Пожалуй, важнейшей чертой Кронштадтской крепости является чрезвычайно широкое распространение в ней морских фортов и батарей — укреплений, построенных посреди акватории и представляющих

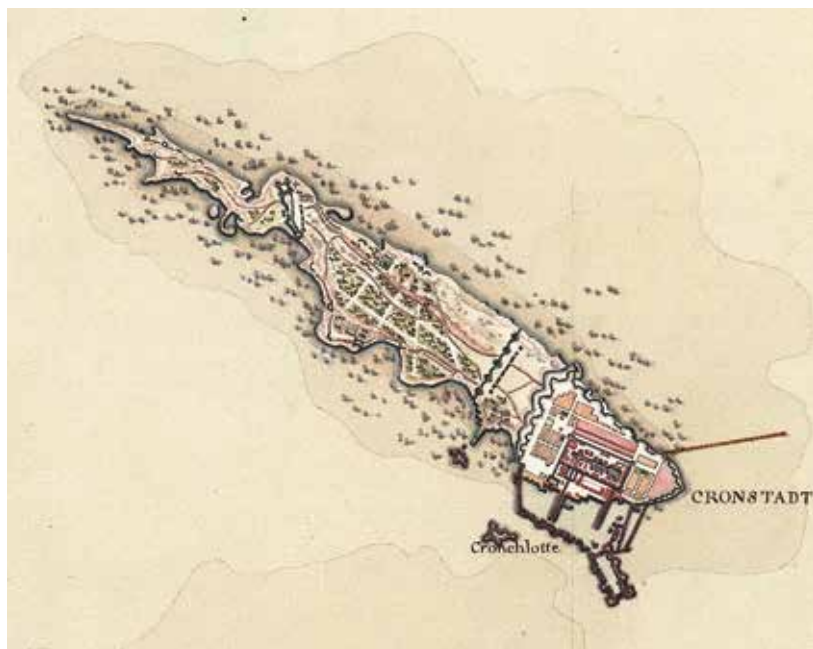
¹ *Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1988, — 420 с.*

собой, по сути, искусственные острова. Подавляющая часть такого рода укреплений была возведена в течение XIX века, причем если в первую половину века в крепости доминировали морские форты, то, начиная с Крымской войны, в изменившейся системе обороны главенствующая роль перешла к морским батареям. Именно этим последним и посвящена настоящая статья.

Но прежде всего, хотелось бы уделить внимание весьма актуальному для Кронштадта вопросу терминологии — почему какие-то укрепления именуются фортами, а какие-то — батареями, или что еще более характерно, почему некоторые одни и те же укрепления именуются то фортами, то батареями.

Согласно бытовавшей в Российской империи с первой половины XIX века специальной фортификационной терминологии *фортом* следовало именовать долговременное укрепление «сомкнутого начертания», под которым понималось, что артиллерийские позиции укрепления в плане образуют замкнутую систему, тем самым замыкая внутри себя некоторое пространство. Сомкнутая система валов обеспечивала надежную круговую оборону форта, и по этой причине еще можно встретить определение форта, как укрепления, способного вести упорную круговую оборону. Такого рода определения не вполне удачны, поскольку круговая оборона могла обеспечиваться не обязательно только сомкнутостью позиций, но и какими-либо иными средствами. Поэтому необходимо четко различать узкое сугубо инженерное понятие «сомкнутого начертания» и гораздо более общее понятие «круговой обороны». *Батареей* же в фортификации называлось артиллерийское укрепление, не обладающее сомкнутостью валов. За счет этого батареи были уязвимы с тыла, хотя нередко и они обладали какими-либо средствами круговой обороны.

Упомянутое различие между фортом и батареей — наличие или отсутствие сомкнутого начертания — четко соблюдалось в наименовании укреплений на протяжении почти всего XIX века, подтверждения чему мы неоднократно увидим ниже. Однако в последнее десятилетие этого века в отношении единичных и, что немаловажно, всегда наиболее мощных в крепости укреплений появилась тенденция к отступлению от упомянутого терминологического правила. А уже в советский период оно и вовсе было забыто: с этого времени в Кронштадте любое сколько-нибудь большое укрепление именовалось фортом. Справедливости ради, следует отметить, что в это время никто не пытался как-то обосновать эту перемену в использовании терминов, скорее, это случилось стихийно в силу укоренения в делопроизводстве обывательского представления о «форте», как об укреплении более мощном по сравнению с батареей.

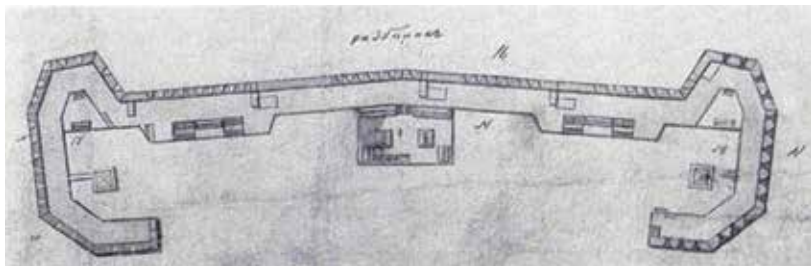

Ил. 1. Схема острова Котлин с Кронштадтской крепостью и фортами «Кроншлот» и «Цитадель» на конец XVIII в. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 3. Д. 24. Л. 2

Предлагаемая вниманию читателя работа посвящена преимущественно вопросам инженерного и фортификационного устройства морских батарей, а также особенностям их тактического применения в системе обороны крепости. Другие, несомненно, также очень важные вопросы (финансирование, организация строительства, артиллерийское вооружение и т. п.) затрагиваются в статье лишь эпизодически.

Первые морские батареи Кронштадта 1800–1810 гг.

В доступной литературе до начала XIX века не упоминается о каких-либо морских батареях близ Кронштадта. Похоже, что на протяжении всего XVIII века единственными морскими укреплениями рядом с Котлином являлись построенные еще в Петровскую эпоху дерево-каменные форты «Кроншлот» и «Цитадель» (*ил. 1*). Интересно отметить, что эти укрепления принадлежали Морскому ведомству (в отличие от укреплений на о. Котлин). В те времена все оборонительные соору-

Ил. 2. План укрепления «Рисбанк». Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 81

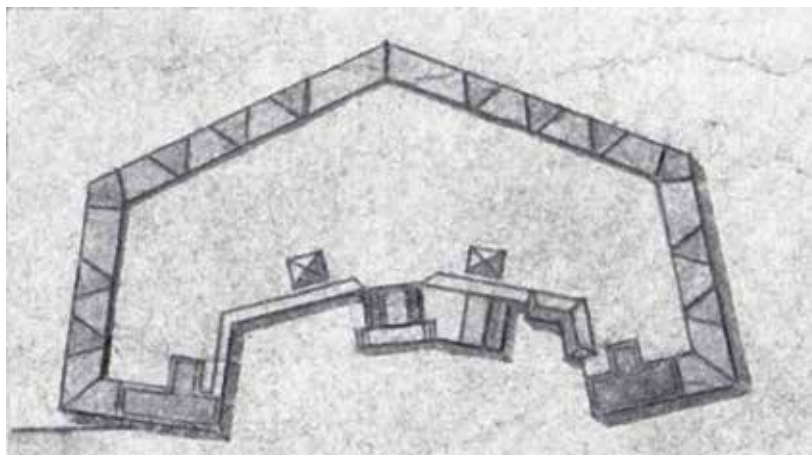
жения на акватории, включая морские заграждения, возводились и содержались силами Морского ведомства. Это правило поменялось только в середине XIX века, когда морские форты и батареи были переданы Военному ведомству.

По всей видимости, первой морской батареей Кронштадта стало большое дерево-каменное укрепление «Рисбанк» (иногда «Рифбанк»), построенное в связи с разрывом дипломатических отношений с Англией в 1800 году. Располагалось оно с южной стороны главного Кронштадтского фарватера и было ориентировано к нему фронтом. В плане укрепление представляло собой два бастиона, соединенных ломаной куртеной. Интересно, что на всех доступных планах оно именовалось только по имени, то есть без добавления какого-либо фортификационного термина. Конструкция нового укрепления была традиционной, опробованной еще в петровские времена при строительстве фортов «Кроншлот» и «Цитадель»: его основой являлись ряжи наполненные камнем, и само верхнее строение — валганг с бруствером — также возводилось в виде бревенчатых срубов, заполненных камнем². (*ил. 2*)

В следующем, 1801, году на Северном фарватере, напротив северо-восточной части крепостной ограды Кронштадта, примерно в километре от берега построили две свайные морские батареи (*ил. 3*). В отличие от построенных ранее, эти батареи отличались очень простым устройством: по сути, это были деревянные помосты, опирающиеся на забитые в дно и возвышающиеся над ординаром сваи. Поверх помостов сооружались деревянные (возможно, заполненные камнем или землей) брустверные стенки, за которым устанавливались орудия³. Хотя в книге 1988 года эти батареи пронумерованы, на встреченных

² Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 80.

³ Там же.

Ил. 3. План свайной морской батареи на Северном фарватере. Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 81

нами архивных планах они не имеют номеров. А на одном из планов они именуются «Вестовой» и «Остовой», иными словами — западной и восточной⁴. Относительно крепостной ограды батареи были несколько поданы к востоку, поскольку именно эта часть акватории обладала большими глубинами⁵. Надо отметить, что упомянутые свайные батареи принципиально отличались от морских укреплений южного фарватера еще и тактическим назначением: в то время как главнейшей задачей южных укреплений являлось перекрытие судоходного фарватера, батареи северной части акватории предназначались исключительно для усиления обороны города.

Следующий, намного более значительный, этап развития морских укреплений Кронштадта связан с последней шведской войной 1808–1809 годов. В этот период в крепости было построено в общей сложности семь новых морских батарей.

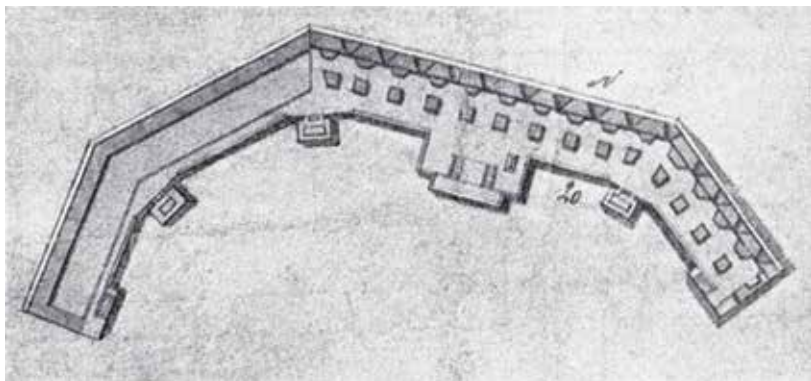
На Южном фарватере в 1808 году построили две свайные батареи, одна из которых располагалась примерно в полукилометре к востоку от форта «Цитадель», а другая — на таком же расстоянии к югу от «Рисбанка». Соответственно этому батареям стали именоваться «за Цитаделью» и «за Рисбанком»⁶. Иногда, впрочем, они именовались

⁴ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 455.

⁵ Там же. Д. 1464.

⁶ *Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 84.*

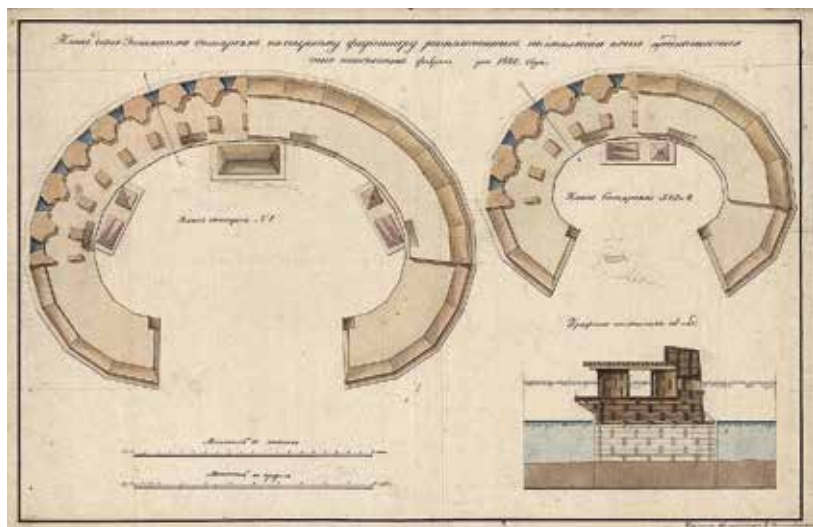
Илл. 4. План Двойной южной батареи. Раздолгин А. А.,
Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 85

соответственно «Цитадельской» и «Рисбанкской». Эти две батареи, в общем, повторяли конструкцию более ранних свайных батарей на Северном фарватере, но отличались от них несколько большими размерами и, соответственно, вооружением.

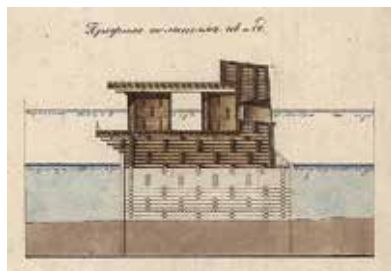
Третьим морским укреплением, построенным в этом году на Южном фарватере, стала так называемая Двойная южная батарея (илл. 4), положившая начало будущему форту «Константин»⁷. Так же, как и «Рисбанку» Двойная южная батарея имела ряжее основание и деревокаменную надстройку, существенным отличием было то, что надстройка эта имела два боевых уровня, что и отразилось в названии укрепления. Двойная южная батарея, а также батарея за Цитаделью существенно усилили оборону Главного фарватера, батарея же за Рисбанком имела назначение прикрыть главную позицию от обхода с юга.

После значительного усиления обороны на главном направлении атаки, в следующем, 1809, году основное внимание было уделено Северному фарватеру: здесь, в дополнение двум свайным батареям, было построено четыре двойных батареи. Конструктивно все эти батареи полностью повторяли Двойную южную батарею, хотя заметно отличались от нее формой плана, близкой к овалу (илл. 5). Батареи выстраивались в одну линию, проходящую примерно в 2–2,5 км от берега, и получили нумерацию от 1 до 4, начиная с правого фланга, то есть с востока (илл. 6). Батареи обладали совершенно одинаковым устройством, единственное отличие было в том, что батарея № 1 обладала большими размерами

⁷ Там же. С. 85, 87.

Ил. 5а. «План двух-этажным батареям по северному фарватеру расположенных, по ветхости коих предполагается оные возобновить» 1826 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 1484

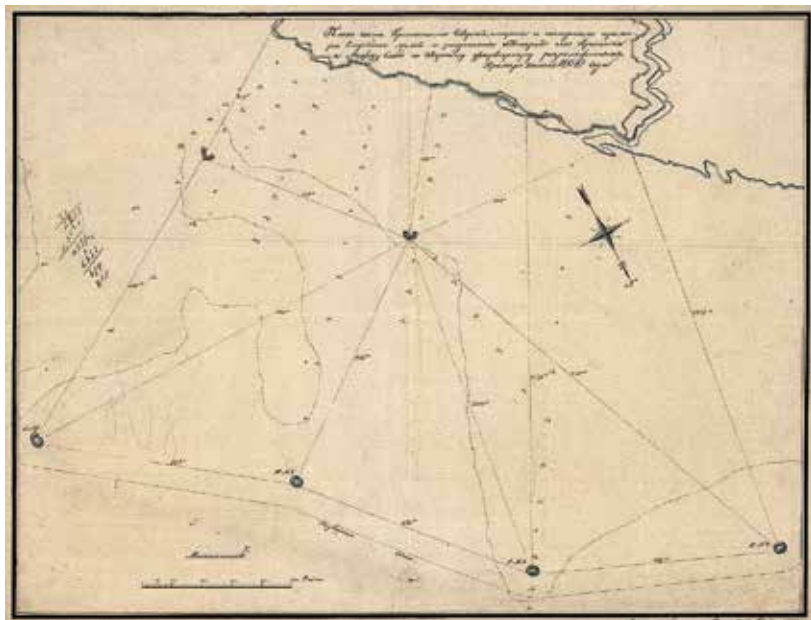

Ил. 5б. «План двух-этажным батареям ...» Фрагмент. Разрез по орудийной позиции двойной северной батареи

и, как следствие, увеличенным вооружением. Строительство двойных северных батарей несколько затянулось, и было завершено уже после войны, в 1810 году⁸.

Не менее важной частью развития крепости в течение этой войны стало значительное развитие подводных преград. В первую очередь это касается осуществленного впервые на практике полного перекрытия Финского залива от берега до берега свайной преградой. На Северном фарватере преграда располагалась по кратчайшему расстоянию от Котлина до м. Лисий Нос, при этом тут она была усилена потопленными старыми кораблями. Другой участок свайной преграды располагался впереди линии северных двойных батарей. На Южном фарватере свай-

⁸ Там же. С. 87.

Ил. 6. План части Северного фарватера с нанесенными северными батареями (свайными и двойными). Север внизу. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 1464

ное заграждение возвели от укрепления «Рисбанк» к южному берегу залива⁹. Наконец, для полноты картины можно упомянуть о произведенном в эти же годы развитии обороны на острове Котлин, впрочем, не отличавшемся особенно большим масштабом.

* * *

Важнейшим итогом усиления крепости в первое десятилетие XIX века стало значительное расширение сферы ее влияния. И на главном направлении атаки, и на второстепенном, с северной стороны, укрепления были значительно вынесены вперед, что надежно обеспечивало город от безнаказанного бомбардирования. Оборона Главного фарватера именно в этот период приобрела вид гигантского «огневого мешка», правда еще не отличавшегося особенно большой плотностью огня, но, тем не менее, с тактической точки зрения представлявшего наиболее опасный для неприятеля тип огневой системы (ил. 7).

⁹ Там же. С. 83–84, 86.

Ил. 7. «План Кронштадтского порта со всеми крепостями и батареями». 1809 г. Фрагмент, показывающий Кронштадтскую крепость и морские укрепления южного фарватера. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 455

При этом, схема обороны крепости с учетом новых укреплений принципиально не менялась; новые укрепления стали суть лишь развитием крепости, как укрепленного пункта, обладающего круговой обороной. Именно тогда, в 1810 году, Кронштадтская крепость получила схему более всего напоминающую более поздний тип классической фортовой крепости с центральной оградой и линией вынесенных вперед укреплений. Лишь на востоке крепость не имела такой линии укреплений, что было обусловлено уникальными местными условиями.

Интересной особенностью оборонительной системы стала типология ее укреплений. В 1810 году крепость имела уже 12 морских укреплений, только два из которых были фортами — «Кроншлот» и «Цита-

дель», остальные же являлись относительно небольшими ряжевыми или свайными батареями.

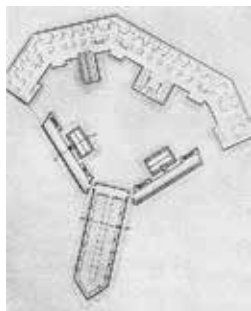
Вторым важнейшим достижением этого времени стало создание на практике системы инженерных заграждений, полностью перекрывающей Финский залив от берега до берега. Хотя прорыв неприятеля и был маловероятен где-либо помимо Главного рейда, что подразумевало для него необходимость штурмовать крепость, все-таки пусть небольшая опасность обхода этой крепости малыми силами флота где-либо по мелководью оставалась вполне реальной. Попытки разрешить эту проблему предпринимались и ранее, но только теперь ее удалось реализовать. С другой стороны, являясь, по сути, исключительно пассивным элементом обороны, свайные преграды и затопленные корабли могли стать лишь временной мерой, к тому же мало эффективной без действительной огневой поддержки. Пока что эта поддержка на участках заграждений, перекрывающих залив, могла быть осуществлена только лишь силами флота, но и при таких обстоятельствах, конечно, создание упомянутых преград стало важным шагом вперед на пути развития крепости.

Развитие морских батарей в период каменного строительства 1824–1854 гг.

Катастрофическое наводнение в ноябре 1824 года стало для крепости суровейшим испытанием. И надо сказать, испытание это крепость не выдержала. Как в своей книге писал Ю. А. Скориков: «...к вечеру 7 ноября 1824 г. Кронштадтская крепость перестала существовать»¹⁰. Конечно, это не означало, что все многочисленные укрепления крепости были разрушены до основания, но зато все они хотя бы на несколько дней полностью утратили боеготовность. Стало очевидным, что деревокаменные и земляные конструкции не могут гарантировать боеготовность крепости в суровых условиях Балтики. И конечно важнейшая без всяких преувеличений крепость государства не может полагаться на благосклонность природы. Поэтому уже со следующего года началась коренная реконструкция Кронштадтской крепости в камне и кирпиче. Однако, каменное строительство, как требующее несомненно больших затрат и ресурсов по сравнению с деревокаменными или земляными работами, не могло быть осуществлено быстро, да и вероятность скорого повторения бурь со столь губительными последствиями была невелика. Поэтому в первую очередь основные усилия строителей были брошены на восстановление и совершенствование старых деревокаменных укреплений.

---

¹⁰ Там же. С. 91.

Ил. 8. План дере-
вокаменного фор-
та «Константин».
Раздолгин А. А.,
Скориков Ю. А.
Кронштадтская кре-
пость. ... С. 102

Прошедшее наводнение очень наглядно показало важное конструктивное преимущество сооружений, основанных на ряжах, по сравнению со свайными. Если свайные батареи были полностью или почти полностью уничтожены, то оба морских форта, укрепление «Рисбанк» и все двойные батареи, хотя и получили очень существенные повреждения и на какое-то время полностью утратили боеготовность, тем не менее, вполне сохранили целостность основных несущих конструкций. Это позволило относительно быстро, в основном в течение 1825 года, все их привести в порядок, а «Рисбанк» к тому же и реконструировать, добавив ему второй ярус обороны. Что же касается свайных батарей, то две северные батареи — «Вестовую» и «Остовую» — решили не восстанавливать, а две такие же батареи

на Южном фарватере — за Цитаелью и за Рисбанком — были отстроены на прежних местах, по сути, заново¹¹.

Следующие примерно три десятилетия являются периодом строительства каменных морских укреплений, коренным образом изменивших лицо крепости. В первую очередь приступили к реконструкции в камне старого форта «Цитадель» и строительству новой долговременной ограды вокруг города. Основные работы по постройке каменной «Цитадели» закончились в 1834 году. В сентябре этого года последовал высочайший указ о переименовании этого укрепления в форт «Император Петр I».

В том же году существенное развитие получила также деревокаменная Двойная южная батарея, к которой с тыла пристроили две куртины и капонир на ряжевых основаниях (ил. 8). После окончания работ император Николай I повелел переименовать это укрепление в форт «Константин»¹². Отметим особо, что в данном случае батарея «стала» фортом именно после появления у нее горжевого капонира с куртинами, придавших укреплению сомкнутое начертание. Вероятно, чуть позже аналогичные работы (строительство двух горжевых капониров и куртин) выполнили и на укреплении «Рисбанк»¹³. Однако на этом дальнейшее совершенствование морских деревокаменных укреплений

¹¹ Там же. С. 93.

¹² Там же. С. 100–101.

¹³ Там же. С. 102.

в крепости, по-видимому, надолго прекратилось. По мере ввода в строй новых долговременных сооружений, военное руководство уже не видело настоятельной необходимости поддерживать боеспособность ранее возведенных временных батарей, поэтому такие батареи постепенно приходили в упадок. Какие-то из них сгорели, какие-то — были разобраны по ветхости. К середине века морские батареи практически полностью утратили какое-либо значение в обороне крепости, к тому же большая их часть просто перестала существовать.

Тем не менее, в эти годы внимание строителей не ограничивалось только возведением мощных каменных фортсооружений. В связи с появлением и распространением в то время пароходов, способных преодолевать относительно мелководные участки акваторий, требовалось предпринять меры по преграждению в том числе мелководных частей залива. В этой связи в 1845 году в Кронштадте начинается возведение первой подводной ряжевой преграды. Ее расположили примерно по линии свайной преграды, построенной в 1808–1810 годах между Котлиным и м. Лисий Нос. За прошедшие с момента постройки более 30 лет эта преграда была почти полностью разбита бурями и ледоходами. Новая ряжевая преграда возводилась на этом месте около восьми лет и была завершена в 1852 году¹⁴.

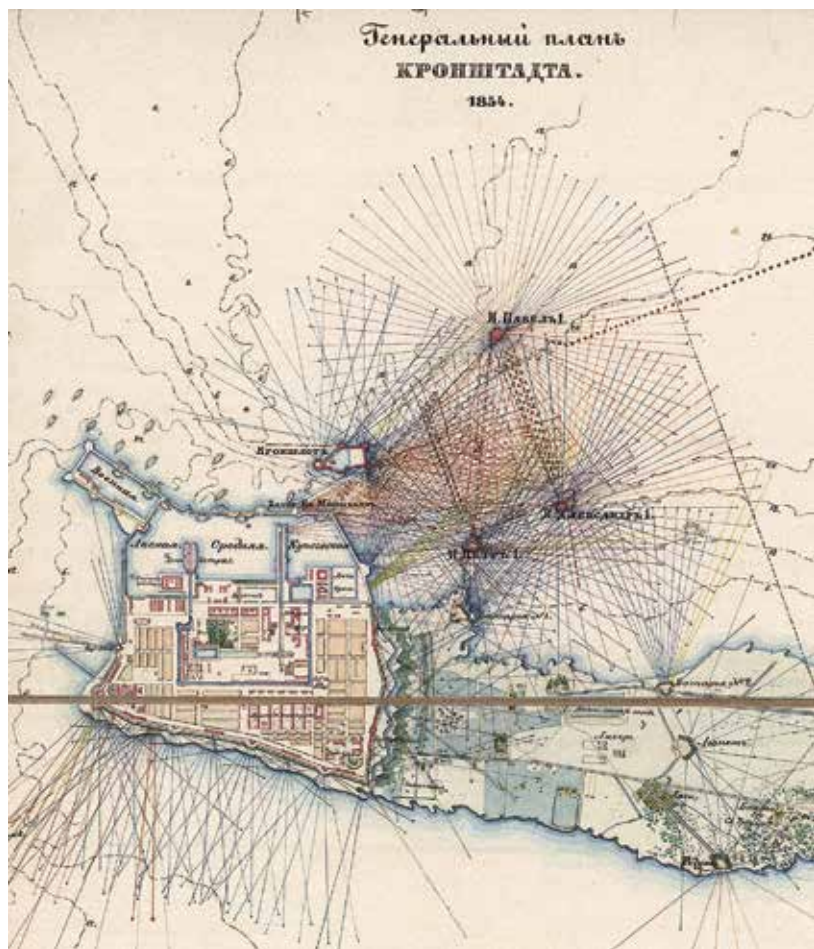
К началу Крымской войны Кронштадт стал мощной и современной приморской крепостью, по тем временам, несомненно, одной из сильнейших в мире. Наметившаяся в начале века на Главном фарватере схема обороны в виде «огневого мешка» в это время обрела полную силу, став исключительно серьезной преградой на пути неприятельского флота (ил. 9). В то же время за счет исключения северных морских батарей, характер обороны крепости в целом стал менее активным.

Крепость в годы Крымской войны.

Строительство временных морских батарей в 1856 году

Крымская война стала временем очень значительных изменений в Кронштадтской крепости. Распространение пароходов с малой осадкой, потребовало пересмотреть приоритеты в обороне крепости. Задача по предотвращению прорывов в мелководных частях залива, ранее считавшихся более или менее безопасными, также становилась одной из первостепенных. В той или иной мере эта задача решалась и ранее, например, буквально перед войной в крепости очень вовремя была построена первая ряжевая преграда поперек Северного фарватера. Тем не менее подобные преграды являлись пассивными средствами обо-

¹⁴ Там же. С. 133–138.

Ил. 9. Фрагмент генерального плана Кронштадта, показывающий восточную часть о. Котлин и морские укрепления Южной фарватера. 1854 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 3. Д. 22. Л. 1

роны и сами по себе не могли являться эффективными. Требовалось обеспечить их охранение, а также применить более активные средства обороны.

Важнейшим шагом в этом направлении стало применение на обоих фарватерах морских минных заграждений. Ввиду крайне недостаточной дальности стрельбы орудий тех лет, задача по их охранению возлагалась

на канонерские лодки. Однако большая ширина Северного фарватера затрудняла их эффективное применение. Поэтому уже летом 1854 года, в кратчайшие сроки, в районе мыса Лисий Нос была сооружена гавань для батальона канонерских лодок¹⁵. Гавань использовалась и как оборонительное сооружение: на ее ряжевом молу соорудили батарею. Рядом, на берегу залива построили редут. Эти сооружения, хоть и обладавшие ограниченной силой, все же позволили иметь более или менее надежную точку опоры на северном берегу, что заметно повышало активность обороны Северного фарватера.

Следующим шагом усиления обороны отмелей стало строительство очередных ряжевых преград. Уже после ухода неприятельской эскадры в кампанию 1854 года военный генерал-губернатор Иван Иванович Ден (1786–1859) предложил усилить оборону северной стороны города постройкой ряжевого заграждения примерно по линии бывших двойных северных батарей (которые к тому времени уже не существовали), на расстоянии около трех километров от берега. Еще одно ряжевое заграждение он предложил возвести на Южном фарватере от форта «Имп. Павел I» до южного берега залива¹⁶. Работы начались осенью и к навигации следующего года были завершены. (*Ил. 10*)

И, наконец, наиболее деятельным средством усиления обороны отмелей стали временные морские батареи. 31 августа 1855 года последовало высочайшее утверждение проектов пяти временных морских батарей, которые требовалось возвести на сохранившихся ряжевых основаниях Двойной южной батареи и четырех северных двойных батарей¹⁷. Их строительство традиционно возлагалось на Морское ведомство. Видимо, в этой связи в крепости была учреждена должность Строителя морских батарей, которую занял генерал-майор Иосиф Гедеонович Дзичканец (1803–1868)¹⁸. К сожалению, документов, касающихся учреждения новой должности, пока не встретилось, но судя по ее полной формулировке, ответственность Строителя в этот период, скорей всего, ограничивалась возведением морских батарей. Согласно бытовавшим в те времена правилам¹⁹, в непосредственном подчинении Строителя находилась Кронштадтская инженерная команда.

Вскоре первоначальное решение по строительству морских батарей было коренным образом изменено. Если предлагавшееся ранее возве-

---

¹⁵ Там же. С. 190–193.

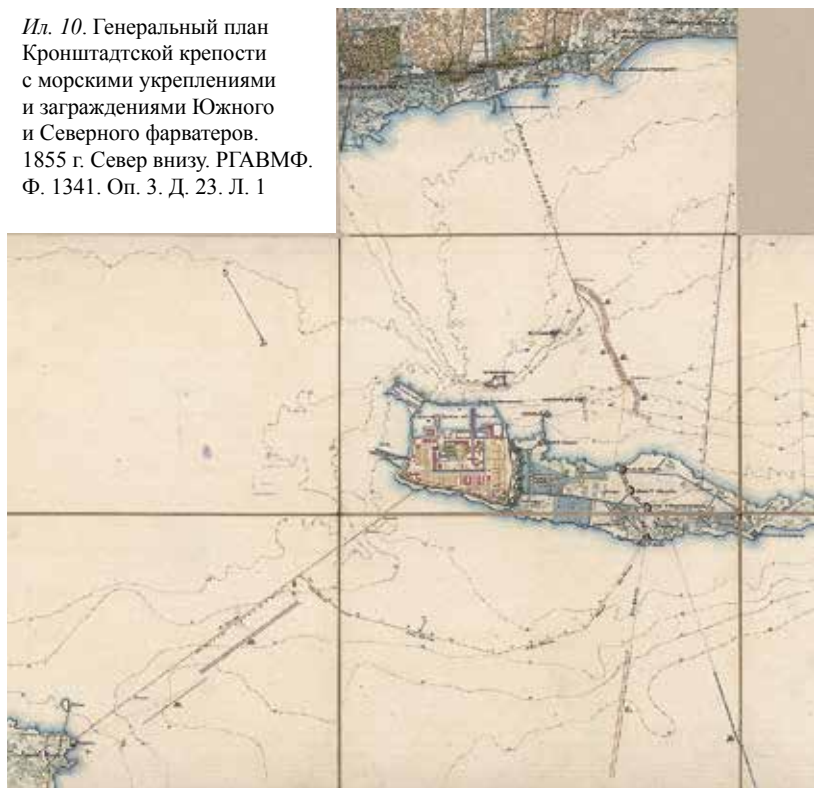
¹⁶ Там же. С. 195.

¹⁷ Там же. С. 205.

¹⁸ Там же. С. 206.

¹⁹ *Иаков Д. П.* Исторический очерк Главного Инженерного Управления, за время его существования с 24 Декабря 1862 г. по 20 Декабря 1913 г. Петроград. 1915. С. 23.

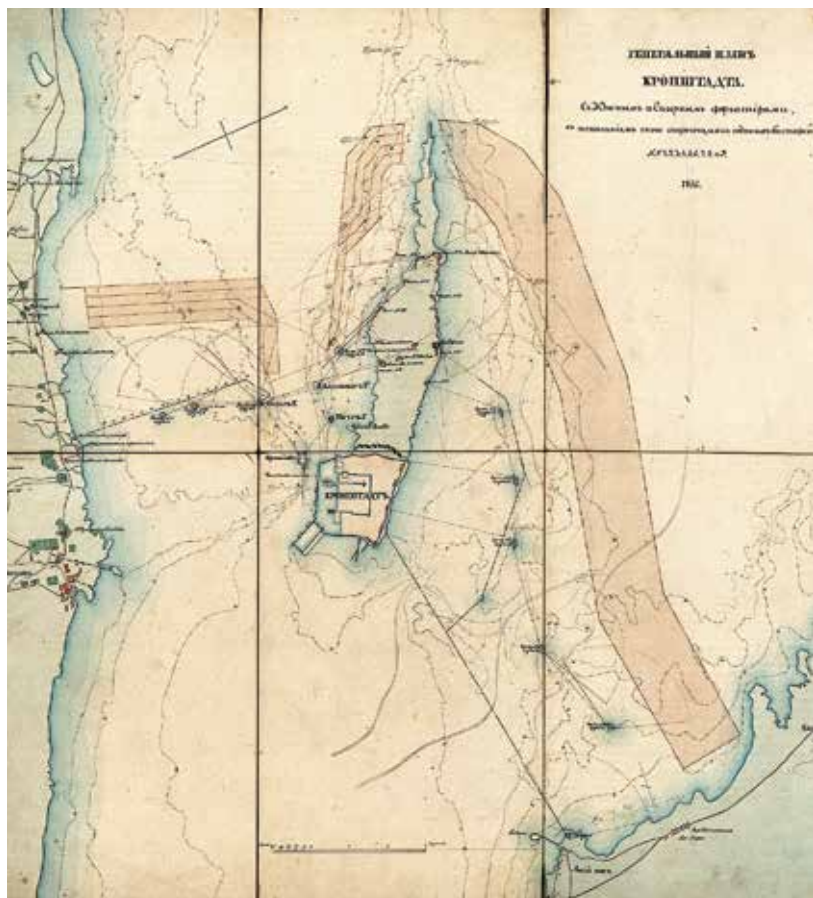
Ил. 10. Генеральный план Кронштадтской крепости с морскими укреплениями и заграждениями Южного и Северного фарватеров. 1855 г. Север внизу. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 3. Д. 23. Л. 1

дение пяти батарей на старых ряжевых основаниях являлось по сути восстановлением ранее существовавшей системы вынесенных вперед укреплений вокруг города, то согласно вновь принятому плану предполагалось построить девять временных морских батарей, перекрывающих весь Финский залив от берега до берега.

Четыре батареи располагались на Южном фарватере. Батареею № 4 требовалось возвести на старом ряжевом основании Двойной южной батареи, при том, что основания горжевого капонира и двух куртин форта «Константин» уже не использовались (тем самым укрепление утратило сомкнутое начертание плана, и поэтому его опять стали именовать батареями, а не фортом). Три другие батареи, №№ 1–3, выстраивались в линию от форта «Имп. Павел I» до Ораниенбаумского берега.

На более широком Северном фарватере располагалось пять морских батарей. Временная батарея № 5 была единственной, расположенной ча-

Ил. 11. «Генеральный план Кронштадта, с Южным и Северным фарватерами, с показанием вновь строящихся водяных батарей». 1856 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 2. Д. 204

стично на старом ряжевом основании двойной северной батареи (№ 4). Временная батарея № 6 располагалась на новом месте, менее чем в ста метрах к северо-востоку от ряжевого основания двойной северной батареи № 3, несколько ближе к линии ряжевого ограждения, построенного годом ранее. Следующая затем временная батарея № 7 расположилась примерно в 600 м от ряжевого основания северной двойной батареи № 2, уже к северу от упомянутой ряжевой линии. Таким образом, перечисленные три батареи — №№ 5, 6 и 7 — примерно повторяли абрис

линии прежних двойных северных батарей, а, следовательно, эта часть линии новых батарей выполняла прежнюю задачу по обеспечению города от бомбардирования. Но следующие две батареи — №№ 8 и 9 — располагались уже в средней части фарватера и предназначались исключительно для предотвращения неприятельских попыток прорваться к Петербургу. При этом промежутки между батареями №№ 7, 8 и 9 оказались самими протяженными — около 2,5 км каждый. Очевидно, по этой причине и сами эти батареи были запроектированы наибольшими по площади и обладали наибольшим вооружением. (Ил. 11)

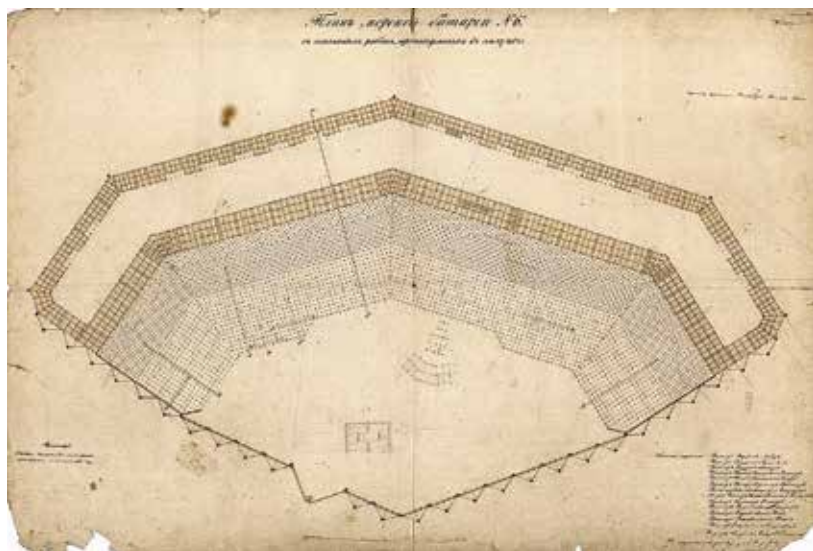
Большая часть морских батарей обладала схожим устройством, сводящимся в общих чертах к следующему. Основание батареи предполагалось отчасти ряжевым, отчасти свайным, то есть, по сути, оно представляло собой сочетание двух прежних типов оснований морских батарей. Но собственно батареи — валганги и брустверы — предполагалось сделать земляными, насыпав их поверх деревянных помостов.

В книге 1988 года дается описание конструкции временных морских батарей и пишется, в частности, что эскарпные ряжевые стенки образовывали замкнутый контур вокруг свайного помоста батареи²⁰. На самом деле это справедливо лишь в отношении наиболее мощной батареи № 8, во всех же остальных случаях эскарпная линия формировали только напольную (фронтальную) сторону укрепления, а с тыла и даже с флангов его, ряжевых стенок не возводилось. (Ил. 12, 13)

Эскарпные ряжевые стенки возвышались над ординаром примерно до полуметра. Вплотную к эскарпной линии с тыльной ее стороны возводился сплошной деревянный помост поверх свайного поля. Часть помоста, шириной в плане около шести метров, непосредственно примыкающая к эскарпным ряжам, выполнялась на отметке около 1,5 м выше ординара, и опиралась на поле часто забитых свай. Остальная, более широкая, часть помоста выполнялась повышенной, примерно до 2,5 м выше ординара; сваи под эту часть помоста забивались значительно реже. Разная частота забивки свай обуславливалась разной нагрузкой на помост: в передней части батареи на помосте предполагалось насыпать наиболее массивную часть батареи — бруствер, поэтому под ним и применялась более частая забивка свай.

Впереди батареи на расстоянии около 15 метров от ряжевой эскарпной стенки возводился волнолом. В основе своей он также был ряжевым, но отличался от эскарпной стенки менее прочной конструкцией. Он обладал меньшей шириной, а, следовательно, и меньшей массой. При этом волнолом обладал более сложным устройством. Здесь ряжи также выставлялись в сплошную линию, но с целью экономии камня каждый

²⁰ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 206.

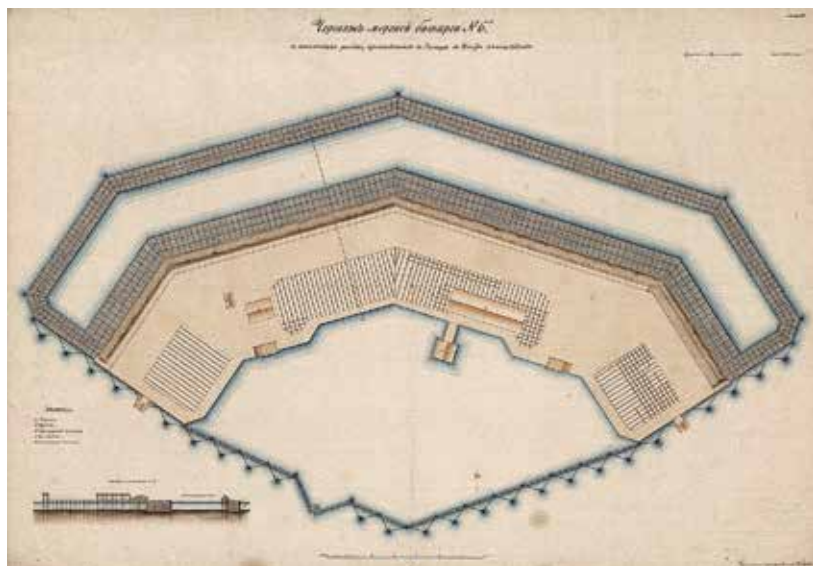

Ил. 12. План временной морской батареи № 6 ниже ординара (по сваям и ряжевым ящикам). 1856 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 3728

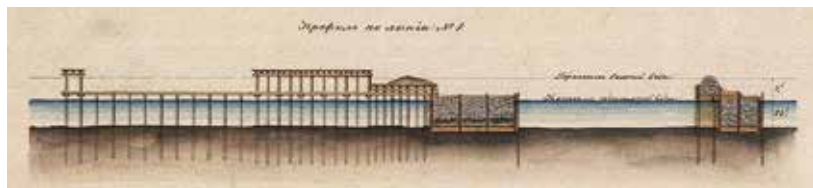
второй ряж делался уменьшенного размера. При установке на место, ряжи двух типов размеров чередовались друг с другом, при этом они выравнивались по наружной грани, таким образом, со стороны, обращенной к батарее, в стенке волнолома получались ниши. В этих нишах в дно забивали несколько свай, поверх которых примерно на уровне ординара устраивали небольшие участки помостов, перекрывающие подводные ниши с внутренней стороны ряжевой стенке. За счет этого выше ординара волнолом имел постоянную ширину. Сама надводная часть формировалась каменной наброской, опирающейся по большей части на ряжи, и частично на упомянутые свайные помосты.

Обычно описанный ряжевый волнолом не окружал всей батареи, а располагался только напротив ее напольной части. Причем в торцах он соединялся небольшими ряжевými перемычками с эскарпной стенкой. Часто ряжевые волноломы именовались контрэскарпами, а водное пространство между ним и эскарпом батареи — рвом.

В тылу от батареи устраивалась небольшая гавань. Она формировалась волноломами свайной конструкции. Основу волнолома составляли свайные кусты по семь свай в каждом, которые выстраивались в одну линию с шагом обычно чуть более 10 метров. В промежутках между кустами по той же линии забивалось еще по три сваи. Выше ординара эти сваи и свайные кусты стягивались горизонтальными бревнами или

Ил. 13а. План временной морской батареи № 6 выше ординара. 1856 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 3727

Ил. 13б. Разрез по временной батарее № 6 (фрагмент предыдущего чертежа). В левой части разреза — место без настила, оставленное под блиндированную постройку. Справа — ряжевый волнолом. Чертеж показывает состояние укрепления, после окончания работ в 1856 году

брусьями. Затем впереди этой линии забивалась еще одна линия таких же свайных кустов так, чтобы каждый куст этой линии располагался посередине промежутка между свайными кустами основной линии. После чего передние свайные кусты соединялись раскосами с ближайшей парой свайных кустов основной линии. Таким образом, конструкция волнолома получалась довольно сложной, и, несомненно, гораздо менее прочной по сравнению с массивными ряжевými стенками. Такими же свайными кустами обычно защищались и фланги батарей, а точнее торцы их основных помостов.

Таким образом, в целом конструкция батарей сильно отличалась прочностью в разных частях: напольная часть батареи представляла собой две параллельные ряжевые стенки — волнолом и эскарп, в то время как тыльные части и фланговые торцы помостов имели, несомненно, более слабую защиту. Вероятно, расчет здесь был на то, что, во-первых, именно с западной стороны, к которой были обращены батареи фронтом, во время наводнений идут наиболее разрушительные волны, а, во-вторых, именно эти части батарей будут подвержены разрушительному действию неприятельской артиллерии.

Хотя описанный выше тип батареи был взят за основу, батареи вовсе не были типовыми. Все они обладали разными размерами и формой плана. Приведенное выше общее описание конструкций в полной мере относится к батареям №№ 1, 6 и 7. То же самое можно сказать также и о батареях № 4 и 5, но у них имелась важная деталь: в основания этих укреплений были включены ряжевые конструкции старых батарей — соответственно, Двойной южной (Ил. 14) и двойной северной № 4. Хотя включение старых ряжевых оснований практически никак не отразилось на их конструктивном типе. Эти две батареи интересны еще и тем, что на их примере очень наглядно видно насколько большими размерами новые морские батареи отличались от морских батарей начала XIX века²¹.

Все другие батареи отличались более или менее существенными отступлениями от описанного типа. Как уже указывалось, батарея № 8 имела ряжевую эскарпную стенку по всему периметру основного помоста²². Но при этом ее тыльный волнолом, образующий гавань, принадлежал к описанному выше свайному типу. Батарея № 9 сама по себе принадлежала к обычному типу, но ее напольный волнолом не ограничивался прикрытием фронта батареи, а огибал ее левый фланг и затем огораживал большую часть гавани²³. Наконец, две морские батареи — №№ 2 и 3 — на общем фоне отличались и вовсе принципиально иным устройством.

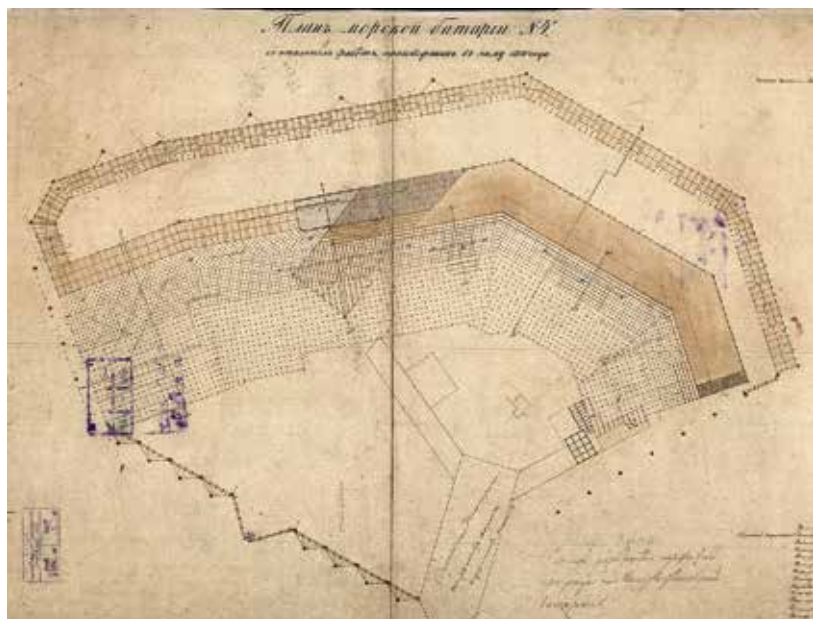
Изначально батарею № 2 предполагалось построить одного типа с остальными, но уже в ходе работ выяснилось, что по местным условиям это невозможно: на месте батареи под верхним слоем дна залива залегал слой мягкой упругой глины, в которую почти невозможно было забить сваи. Поэтому уже по ходу реализации проект был изменен, и вместо свайного помоста было решено возвести сплошное ряжевое основание в виде нескольких сплошных линий, поставленных рядом

---

²¹ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 3864, 3715.

²² Там же. Д. 3794.

²³ Там же. Д. 4344.

Ил. 14. План временной морской батареи № 4 ниже ординара. 1856 г. В правой части плана видны ряжевые конструкции Двойной южной батареи, а также горжевого капонира и куртин форта «Константин». РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 3864

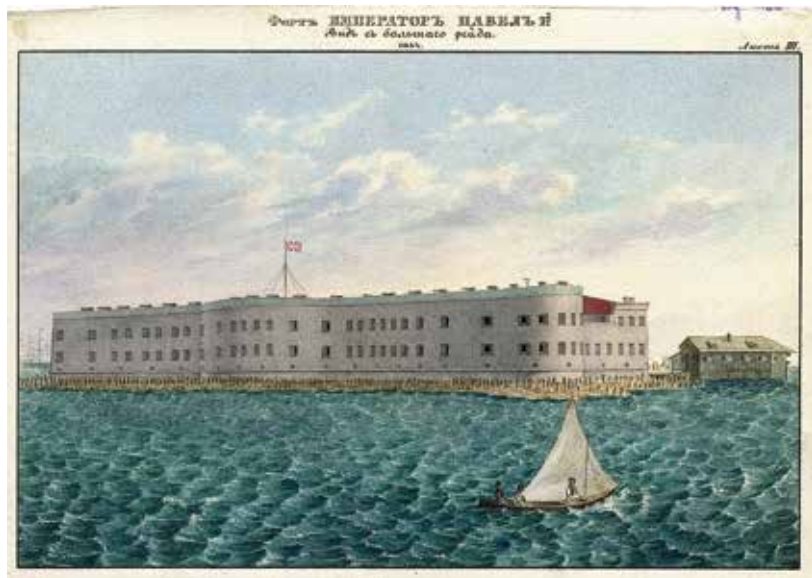
Ил. 15. Разрез по временной морской батарее № 2. 1856 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 3372

(ил. 15). Этот вопрос почти исчерпывающе был рассмотрен в книге 1988 года, в которой, в частности, приведена большая часть отчета о постройке этой батареи²⁴.

И, наконец, самой, пожалуй, примечательной конструкцией должна была обладать временная морская батарея № 3, что обуславливалось ее положением на ряжевом основании левого горжевого капонира дерево-каменного укрепления «Рисбанк» (ил. 16). В книге 1988 года пишет-

²⁴ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 207–210.

Ил. 16. Форт «Император Павел I». Вид с Большого рейда. Справа виден западный деревянный горжевой капонир укрепления «Рисбанк». Именно на его месте в 1856 году предполагалось строить временную морскую батарею № 3. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 3. Д. 22. Л. 3

ся, что командование рассматривало разные варианты расположения этой батареи²⁵. Однако на всех уже довольно многочисленных документах, касающихся этого вопроса, с которыми нам удалось поработать, указывается одно и то же упомянутое выше положение батареи № 3 — на ряжевом основании горжевого капонира при форте «Имп. Павел I»²⁶.

Такое положение батареи, конечно, вызывает вопрос. Какой смысл был в том, чтобы строить маленькую батарею вплотную к форту вооруженному примерно двумястами орудий? Ответ на этот вопрос, как видится, дает сама планировка форта. Главнейшим назначением форта являлось перекрытие главного судоходного фарватера перекрестным огнем совместно с фортом «Имп. Александр I». Соответственно этому, наибольшая часть артиллерии форта ориентировалась поперек фарватера. Во всех же остальных направлениях плотность огня артиллерии форта была существенно ниже, а самой низкой она являлась в узких секторах по осям фланговых полукруглых выступов, в пределах кото-

²⁵ Там же. С. 228.

²⁶ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 131 и др.

рых с трех боевых уровней по одной точке могли сосредоточить свой огонь всего около 9–12 орудий. А между тем, один из этих секторов был ориентирован на запад, в сторону наиболее вероятной бомбардировки форта неприятельским флотом. И если в период составления проекта форта этому не придавалось большого значения, т. к. считалось наиболее важным достижение максимальной плотности огня поперек фарватера, то в годы Крымской войны выявился фактор значительного увеличения дальности огня, при котором возросла роль бомбардировки цели с дальних дистанций. В этих условиях красивая конфигурация плана форта «Имп. Павел I» оказалась очень невыгодной, поскольку на наиболее вероятном направлении неприятельской атаки оказалось сосредоточено ничтожно малое количество орудий. Эта проблема была частично компенсирована конфигурацией свайных заграждений, которые максимально затруднили неприятелю возможность подойти на выгодную дистанцию боя против западного крыла форта. Однако, это заграждение требовало действительной огневой поддержки, для которой у форта было недостаточно сил. Вероятно, потому-то и было принято решение возвести вплотную к нему дополнительную батарею, сектор огня которой покрыв бы часть сектора огня форта с наименьшей плотностью. Действительно, если посмотреть на план форта и пристраиваемой к нему временной батареи № 3, видно, что сектор огня последней в точности соответствует сектору огня западного выступа форта.

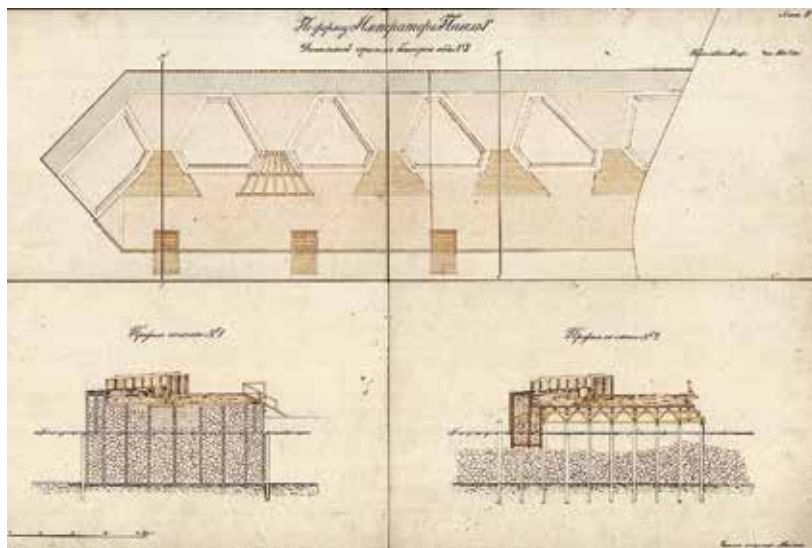
Своим правым флангом батарея № 3 вплотную примыкала к гранитной стене форта «Павел I». На начальном этапе планирования, в январе 1856 года, батарею планировалось построить восьмиорудийной²⁷. Таким образом, уже тогда она, наряду с батареей № 1, проектировалась с наименьшим вооружением из всех временных морских батарей. Но впоследствии это вооружение сократили до пяти орудий, и уже на большей части чертежей, на которых показана эта батарея, она предназначена для пяти орудий (*ил. 17*). Отличалась это укрепление также и конструктивными особенностями. Изначально предполагалось построить батарею почти исключительно из камня, причем для облицовки бруствера было необходимо использовать большие гранитные блоки; по этой причине в более ранних документах батарея нередко именуется «каменной». Но уже позже это решение было изменено, и был составлен проект с земляным валгангом и бруствером²⁸.

Работы по постройке новых временных батарей велись очень интенсивно, так как было важно успеть выполнить как можно больший их объем, пока лед обладал необходимой прочностью. Довольно много

---

²⁷ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 3820.

²⁸ Там же. Д. 3820, 3824.

Ил. 17. «По форту Император Павел I. Детальный чертеж батареи под № 3». 1856 г. Кривая линия в правой части плана батареи — абрис горжевой стены форта «Павел I». Левый разрез по ряжевому основанию деревянного капонира, правый по участку между ряжевым основанием и стеной форта (эта часть батареи спроектирована на свайном основании). РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 3824

сведений об условиях производства работ и встреченных при этом трудностях приводится в нашем главном источнике²⁹. Интересная особенность организации строительства на Северном фарватере заключалась в том, что для подвозки земли к батареям №№ 7, 8 и 9 от мыса Лисий Нос по льду была проложена железнодорожная ветка³⁰.

С целью обеспечить боеготовность морских батарей к открытию навигации заранее обеспокоились вопросом перевозки на них вооружения. Для этого требовалось успеть перевезти орудия по льду, пока он еще не потерял свою прочность. 2 февраля командующий артиллерией в Кронштадте генерал-майор Шварц обратился к Строителю морских батарей в Кронштадте генерал-майору Дзичканцу с просьбой подготовить к 1 марта на всех морских батареях места для складирования орудий, станков для них и снарядов³¹. Однако, выполнить этот план

²⁹ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 206–210.

³⁰ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 117. Л. 54, 91.

³¹ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 207; РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 118. Л. 14.

не удалось, поскольку даже в начале марта на батареях еще не имелось вполне подходящих мест для временного складирования орудий. В этой связи 3 марта строитель батарей писал командиру Кронштадтского артиллерийского гарнизона, что орудия будут временно складироваться вблизи батарей прямо на льду, а по мере готовности валгангов, переноситься уже на них. Исключение составляла батарея № 2, готовность валганга на которой существенно задерживалась из-за особенностей конструкции самой батареи; орудия для нее предполагалось временно разместить на форту «Имп. Павел I»³². Уже в следующие несколько дней орудия были перевезены на лед, однако сразу же выяснилось, что такой способ складирования сопряжен с трудностями (какими именно, в исследованных документах не уточняется), и уже 12 марта Строитель батарей просил командира артиллерийского гарнизона распорядиться поднять орудия на валганги, причем особенно остро эта потребность ощущалась на батарее № 8³³.

После подписания 18 марта (30 марта по новому стилю) Парижского мирного договора работы по постройке батарей замедлились, хотя и не прекратились полностью. В силу минования острой необходимости и для экономии издержек, полную достройку батарей решили отложить «до особого повеления». Таким образом, на всех батареях остались невыполненными работы по насыпке брустверов и возведению блиндированных погребов и помещений для прислуги³⁴. Судя по опубликованному, ранее данным, от насыпки земли отказались с целью не допустить гниения помостов³⁵. Хотя небольшие объемы земли на батарее все же успели доставить до прекращения работ, а на батарею № 1 даже успели завести большую часть потребного объема. По сути большинство построенных к концу 1856 года батарей осталась в виде деревянных помостов, в которых, к тому же, были оставлены большие непокрытые участки свайного поля, на которых впоследствии предусматривалось строительство блиндированных пороховых погребов и помещений для личного состава. Тем не менее, и в таком состоянии батареи могли быть относительно быстро приведены в боевое состояние, как только этого потребовала бы меняющаяся обстановка.

Остается не вполне выясненным вопрос о степени готовности батареи № 3. Дело в том, что к постройке этой батареи приступили значительно позже остальных. Только 14 февраля, когда на остальных батареях уже был выполнен значительный объем работ, последовало распоряжение

---

³² РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 118. Л. 17.

³³ Там же. Л. 23.

³⁴ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 175. Л. 9.

³⁵ *Раздолгин А. А., Скориков Ю. А.* Кронштадтская крепость. ... С. 228.

приступить к устройству батареи № 3³⁶. Работы эти начались с разборки деревянного капонира, который вплоть до этого момента использовался для размещения гарнизона форта «Имп. Павел I». Затем 13 марта началась заготовка материалов для постройки самой батареи³⁷. А 20 апреля, то есть уже через месяц после окончания войны, производитель работ на форту «Имп. Павел I» подполковник Чайковский (который заведовал также и постройкой временной батареи № 3) представил Строителю морских батарей в Кронштадте расчет произведенным к тому времени работам по разломке капонира и подготовительным работам³⁸. Распоряжением же о работах, которые надлежало выполнить на батареях после заключения мирного договора, предписывалось прекратить все работы на временной батарее № 3³⁹. В более поздних документах, в основном уже с 1857 года, посвященным дальнейшему совершенствованию морских укреплений, батарея № 3 уже никак не упоминается. Таким образом, похоже, что к постройке собственно батареи № 3 на месте капонира так и не приступили, и впоследствии не возвращались, а гарнизон форта «Павел I» напрасно лишился одного из помещений.

Еще одним важным элементом обороны крепости стали новые свайные заграждения, возведенные на обоих фарватерах с осени 1855 года по весну 1856 года. Заграждения были созданы в виде широких полос впереди линии морских батарей (см. *ил. 11*). Забивка свай производилась со льда⁴⁰. После того, как в начале февраля основные работы по забивке свай на морских батареях уже закончились, часть войск с них была переведена на свайные заграждения⁴¹. Эта масштабная работа была завершена 24 марта, всего было забито 55 113 свай⁴².

Подавляющая часть работ по усилению крепости, произведенных в годы Крымской войны, носила временный характер, однако они позволили быстро усилить крепость, и что немаловажно — значительно расширить сферу ее влияния. Именно эти работы, в первую очередь, появление линии морских батарей, перекрывающей весь залив от берега до берега, предопределили структуру Кронштадтской крепости на долгие годы вперед.

Надо сказать, командование по достоинству оценило личный вклад Строителя морских батарей И. Г. Дзичканца. 7 апреля 1856 года по высо-

---

³⁶ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 131. Л. 12 с об.

³⁷ Там же. Л. 21.

³⁸ Там же. Л. 26.

³⁹ *Раздолгин А. А., Скорилов Ю. А.* Кронштадтская крепость. ... С. 288.

⁴⁰ Там же. С. 210–214.

⁴¹ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 117. Л. 29.

⁴² *Раздолгин А. А., Скорилов Ю. А.* Кронштадтская крепость. ... С. 214.

чайшему повелению временная морская батарея № 2 стала именоваться в его честь «Дзичканец»⁴³.

* * *

В середине лета 1856 года (согласно исследованным документам, в период с 7 июля по 3 августа) формулировка должности Строителя морских батарей в Кронштадте поменялась и стала звучать, как Строитель Кронштадтских укреплений⁴⁴. Возможно, это было связано с проведенной незадолго до этого передачей всех морских укреплений Кронштадтской крепости Военному ведомству. Видимо, это переименование должности означало, что отныне Строитель заведовал возведением всех кронштадтских укреплений, в том числе и тех, которые располагались на Котлине и материковых берегах.

Забегая немного вперед, отметим, что еще через два года, где-то в период с середины весны до июля 1858 года, должность Строителя еще раз поменяла формулировку и стала именоваться более привычным образом — Строитель Кронштадтской крепости⁴⁵. В связи с чем произошло это изменение, пока неясно. Однако вне зависимости от меняющейся формулировки должности Строителя, это никак не отражалось на его положении относительно Кронштадтской инженерной команды, которая неизменно находилась в прямом подчинении Строителя.

Постоянная Константиновская батарея

Практически сразу после войны возникла идея перестроить временные морские батареи в постоянные. При этом, по всей видимости, возникли сомнения относительно их конструктивного и объемно-планировочного типа. К сожалению, этот вопрос еще очень далек от полной ясности, однако некоторые документальные свидетельства и сам более или менее понятный ход процесса планирования перестройки позволяют выдвинуть некоторые соображения.

Как известно в ходе Крымской войны появились нарезные артиллерийские орудия, однако они еще не сыграли сколько-нибудь видной роли, и поэтому не могли инициировать поиск новых типов фортификационных сооружений. В первые несколько лет после войны в Кронштадте активно достраивалась Николаевская казематированная батарея на форту «Кроншлот» и форт «Император Павел I», и никто еще не констатировал их устарелости или тем более бесполезности в обороне.

---

⁴³ Там же. С. 210.

⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 129. Л. 28, 31.

⁴⁵ Там же. Л. 194, 200.

Надо полагать, и в эти годы тип многоярусной казематированной каменной постройки продолжал рассматриваться как наиболее надежный и отвечающий реалиям времени.

Тем не менее, вопрос о поиске нового типа батареи в эти годы, как видится, уже имел место. Можно предположить, что он был инициирован непомерно большой стоимостью многоярусных каменных сооружений. Ведь требующих перестройки морских батарей имелось восемь штук, и, учитывая опыт последних трех десятилетий, в ходе которых в крепости построили всего пять морских укреплений подобного типа, можно было ожидать, что постройка еще восьми аналогичных укреплений станет непосильным бременем для казны и растянется на очень длительный срок. Возможно, в этой связи и решили не спешить с перестройкой всех временных морских батарей, а ограничиться на первых порах перестройкой только одной, наиболее важной, морской батареи № 4.

Изначально предполагалось построить постоянную батарею на месте временной, увеличив площадь последней⁴⁶. Однако,

при бывшем седьмого числа сего месяца [ноябрь 1857 г.] совещания у Его Императорского Высочества Генерал-Адмирала о постройке новой каменной взамен существующей деревянной Константиновской батареи предложено подать таковую вперед до того места, где забита преграда из свай⁴⁷.

То есть речь шла о том, чтобы построить постоянную батарею на новом месте — впереди существующей временной батареи. Упомянутое в документе свайное заграждение было построено в зиму 1855–1856 годов, его граница отстояла от временной батареи № 4, считая от ее ряжевого волнолома, примерно на 120 сажений или около 250 метров. Обсуждались несколько вариантов расположения новой батареи, отличающихся друг от друга расстоянием от временной батареи⁴⁸. В конце концов, батарею расположили в промежутке между временной батареей и свайным полем, вплотную к границе последнего. Согласно принятому плану, линия огня новой батареи располагалась примерно на 250–300 метров ближе к фарватеру, по сравнению с существующей временной батареей. (*Ил. 18*)

Важно отметить, что при определении места новой батареи предполагалось, что после окончания ее постройки прежняя временная батарея будет разобрана⁴⁹. Это обстоятельство вполне объясняет, почему новую батарею посадили так, что она перекрывала важнейшее направле-

⁴⁶ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 230.

⁴⁷ Там же. С. 231; РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 133. Л. 9.

⁴⁸ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 133. Л. 33; Ф. 1341. Оп. 2. Д. 204.

⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 278. Л. 3.

Ил. 18. Часть генерального плана Южного фарватера, показывающая взаимное расположение временной батареи № 4 и планируемой постоянной Константиновской батареи. 1859 г. Север справа. Пунктирной линией показан абрис свайного ограждения 1856 года. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 3921

ние стрельбы временной батареи: в угоду оптимальному расположению нового укрепления, условиями ведения огня со старой батареей попросту пренебрегли.

Последовавший затем процесс составления проекта укрепления является собой, по всей видимости, уникальный случай в истории Кронштадтской крепости. Ход строительства батареи в 1858–1861 гг., казалось бы, довольно подробно изложен в нашем основном источнике⁵⁰. Однако это изложение оставляет принципиальный вопрос: что же собой представляла после окончания в 1861 году строительных работ собственно батарея, т. е. артиллерийская позиция? И затем, когда еще через два года начинается экстренное приведение крепости в боеготовое состояние, почему на постоянной Константиновской батарее возводились временные деревокаменные фортификационные постройки точно такие же, как и на помостах временных батарей? (Последний факт вполне ясно виден из опубликованного чертежа состояния обоих Константиновских батарей в 1863 году⁵¹.) Ответ на этот вопрос оказался довольно неожиданным.

Вот как изложен принятый то время принцип создания постоянных морских батарей в уже упомянутом предписании Строителя от 18 декабря 1857 г.:

⁵⁰ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 230–236.

⁵¹ Там же. С. 257.

так как постройка полной батареи потребовала бы огромных сумм, то предполагается вместо полных батарей строить сперва острова, огражденные каменными стенами и с гаванями на всех тех местах, где предполагается возводить батареи, и на этих островах в последствии времени возводить самые батареи как на суше⁵².

Этот двухэтапный принцип — сначала остров, а затем собственно батарея — и был принят к исполнению. 5 октября 1858 года в Инженерный департамент был представлен проект устройства острова под Константиновскую батарею⁵³. Именно этот проект и был реализован в последующие три года, а подробное описание его реализации и легло в основу соответствующей подглавы в книге 1988 года. Второй же этап, в том виде, как он предполагался изначально, так и остался на бумаге: следующие два года на построенном острове никаких капитальных работ не велось, а с 1863 года начинается строительство сооружений, не имеющих ничего общего с предполагавшимися изначально. А вот что же там предполагалось строить изначально — это, как видится, еще один исключительно интересный вопрос.

В текстовых документах 1857 и 1858 гг., в которых упоминается тип новой Константиновской батареи, она именуется исключительно «каменной». Вот, например, как она упомянута во все том же предписании Строителя от 18 декабря 1857 г.:

Его Императорское Высочество, Генерал Инспектор по Инженерной части ... изволил приказать сделать ... распоряжение ... о составлении подробной сметы на устройство острова из насыпного песку огражденного гранитной стеною ... и назначенного для возведения на нем впоследствии каменного здания батареи Константин⁵⁴.

В другом документе, датируемым уже осенью 1858 года, планируемая впоследствии Константиновская батарея именуется не иначе как «казематированной»⁵⁵. Так же в нашем распоряжении имеется датированный 5 октября 1858 года *«План острова [Константиновской батареи] в оконченном виде с земляным бруствером и молою окружающею гавань с изображением на оном пунктирными линиями очерка предполагаемой в последствии времени каменной батареи»*⁵⁶. На этом плане пунктирной линией нанесен контур явно каменной казематированной постройки, то есть долговременной батареи, типичной для первой половины

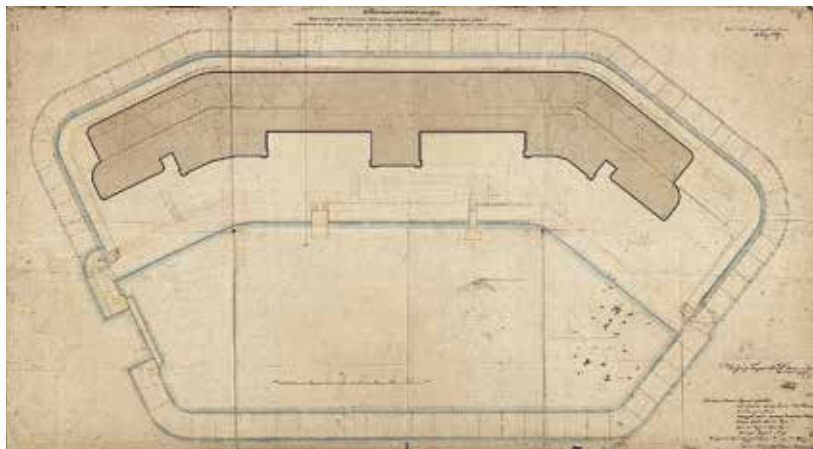
⁵² РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 133. Л. 34-об.

⁵³ Там же. Д. 154. Л. 72.

⁵⁴ Там же. Д. 133. Л. 32, 34-об.

⁵⁵ Там же. Д. 154. Л. 75.

⁵⁶ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 3886.

Ил. 19. План острова Константиновской батареи «... с изображением на оном пунктирными линиями очерка предполагаемой в последствии времени каменной батареи». Январь 1859 г. Упомянутые пунктирные линии на оригинальном чертеже едва различимы. Поэтому здесь они дополнительно обведены, а площадь каменного здания батареи залита темным тоном. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 3886

XIX века (ил. 19). Точно такой же контур нанесен и на помещенном выше генеральном плане.

Таким образом, вполне ясно, что в период разработки проекта острова постоянной Константиновской батареи, непосредственно сама эта батарея предполагалась традиционного на тот момент типа — в виде каменного казематированного сооружения, или как писали в те годы — каменного здания. Возвращаясь к упомянутому плану, надо отметить, что контур этого каменного здания нанесен на нем довольно подробно, даже с некоторыми деталями оформления фасада! Это не оставляет никаких сомнений в том, что в то время существовала и более детальная разработка обсуждаемого «каменного здания», но его еще только предстоит найти. Пока же о внутреннем устройстве этой каменной батареи можно только гадать, например, неясно даже, сколько боевых уровней предполагалось в ее составе. В исследованных текстовых документах проект каменной Константиновской батареи не упоминается. И сам ход последующих событий достаточно ясно показывает, что уже в 1861 году был разработан альтернативный тип постоянной морской батареи (о чем мы поговорим ниже). Следовательно, ко времени окончания возведения острова от традиционного типа батареи в виде каменного здания, по всей видимости, решили отказаться.

На упомянутом плане 5 октября 1858 года помимо контура каменной постройки нанесен также план земляного бруствера. Очевидно, что этот бруствер предусматривался как временное сооружение, и, наиболее вероятно, что в 1861 году после окончания постройки острова, на нем насыпали именно такой простейший земляной бруствер, без прорезки амбразур.

Развитие морских батарей в 1859 и 1860 годы

Не успели еще развернуться полным ходом работы по постройке острова постоянной Константиновской батареи, как обстановка в Европе опять накалилась. Хотя на этот раз военные действия велись вдали от наших границ, вероятность вступления России в войну все же оставалась. Поэтому опять возникла потребность приведения крепостей в боеготовое состояние. В этой связи был учрежден Комитет для рассмотрения состояния укреплений Балтийского и Черного морей под председательством военного министра⁵⁷. В заседании 15 мая 1859 года комитет постановил предпринять в текущем году ряд мер по усилению Кронштадтской крепости:

1) привести к полному окончанию временные морские батареи, для чего произвести насыпку на них земляных брустверов и валгангов, а также построить необходимые блиндированные помещения;

2) ускорить строительство острова для постоянной Константиновской батареи, с тем чтобы завершить эту работу уже в 1860 году;

3) приступить в текущем году к строительству новых ряжевых заграждений на обоих фарватерах общей длиной 28 верст, при этом в зиму с 1859 на 1860 год возвести участки длиной 13 верст, а в следующую зиму — участки длиной 15 верст.

Помимо этого, целый ряд работ предусматривался на косе острова Котлин, а также на каменных морских фортах. На весь комплекс работ, назначенных на текущий год и ближайшую зиму, выделялось 2,5 миллиона рублей серебром и сверх того до полумиллиона рублей серебром предусматривалось на работы по вооружению⁵⁸.

Помимо задачи приведения укреплений к боеготовности, было необходимо устранить и некоторые разрушения, причиненные бурями. За прошедшие после постройки три года временные морские батареи в основном неплохо сохранились, хотя, некоторые их части, в первую очередь слабые тыльные волноломы из свай и свайных кустов, серьезно пострадали от бурь и подвижек льда. К примеру, серьезный ущерб

⁵⁷ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 175. Л. 119.

⁵⁸ Там же. Л. 119–120-об.

был причинен бурей 26–27 ноября 1857 года⁵⁹. Еще более значительный ущерб причинялся подвижками льда. Так, у морских батарей №№ 6, 7 и 8 тыльные волноломы были повреждены настолько сильно, что их решили вовсе не восстанавливать, а заменить новыми, на этот раз ряжевymi⁶⁰.

Изначально рассматривался план приведения в боеготовое состояние всех временных морских батарей кроме № 3 (которую, как мы полагаем, просто не успели возвести, из-за чего уже с 1857 года она перестала фигурировать в документах) и, вероятно, батареи № 4, помост которой был полностью занят временными сооружениями, предназначенными для строительства острова постоянной Константиновской батареей⁶¹. В первую очередь решили начать доставку грунта на батареи №№ 1, 2, 7 и 8, поскольку эта работа была сопряжена с наибольшими трудностями, а также к устройству тыльных ряжевых волноломов на батареях №№ 6, 7 и 8⁶².

Новые ряжевые волноломы решили строить по еще более упрощенной конструкции, чем ранее возведенные напольные волноломы с нишами, перекрытыми свайными помостами. Для еще большей экономии камня на этот раз подводную часть волнолома решили строить и вовсе прерывчатой в виде отдельно стоящих ряжей, между которыми оставались промежутки. Квадратные в плане ряжи размером 6 на 6 метров устанавливались в одну линию на расстоянии около 4 метров друг от друга. Немного не доходя по высоте до ординара, эти ряжи объединялись в единую конструкцию, которая уже в виде сплошной ряжевой стенки поднималась на отметку около двух метров над уровнем моря. Таким образом, ряжевый волнолом выше ординара представлял собой единую стенку высотой два метра, а ниже ординара — прерывистую стенку. Тыльные ряжевые волноломы этого типа были построены в 1859–1860 годах на батареях №№ 6, 7 и 8⁶³. (Ил. 20)

А вот с возведением на батареях блиндированных погребов и помещений для гарнизона, а также с насыпкой земляных брустверов, в этот период дела обстояли намного хуже. Часть этих работ была отменена. Но даже сокращенный план по приведению морских батарей в боеготовое состояние в полной мере выполнен не был, поскольку *«по случаю благополучного изменения политических обстоятельств»* часть средств, изначально выделенных на экстренное усиление крепости, уже летом

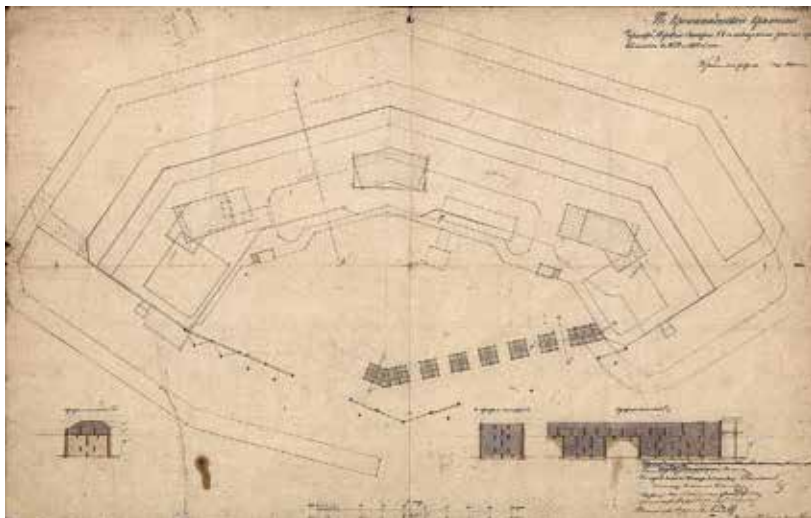
⁵⁹ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 228.

⁶⁰ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 175. Л. 10.

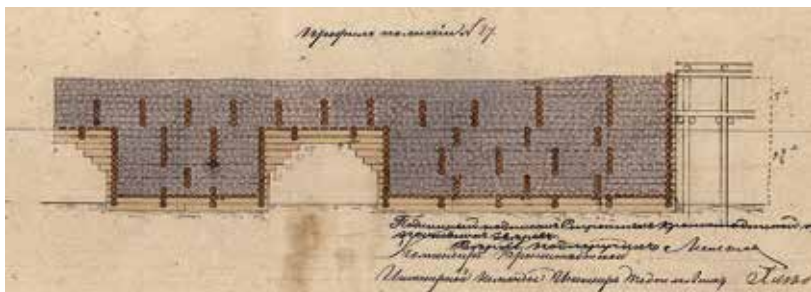
⁶¹ Там же. Л. 9.

⁶² Там же. Л. 9-об.

⁶³ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4309, 4322, 4361.

Ил. 20а. «Чертеж морской батареи № 6 с показанием работ, произведенных в 1859 и 1860 годах». РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4309

Ил. 20б. «Чертеж морской батареи № 6 ...» Фрагмент с разрезом по ряжевому молу, построенному в 1859 и 1860 годах

1858 года перенаправили на капитальные работы на фортах и батареях косы⁶⁴.

В противоположность относительно небольшим объемам работ, выполненным на морских батареях, возведение новых ряжевых преград поперек залива было исполнено в полной мере, хотя и за более длительный срок, чем это планировалось изначально. В две зимы 1859/1860 и 1860/1861 годов подрядчик Сергей Кудрявцев построил ря-

⁶⁴ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 175. Л. 161.

жевые заграждения Северного фарватера, а в течении зимы 1861/1862 гг. другим подрядчиком, Платоном Байковым, был сооружен участок длиной 4 км на Южном фарватере⁶⁵. Ряжевое заграждение на Северном фарватере протянулось от острова Котлин до северного берега залива примерно в 2–2,5 км впереди линии морских батарей. Новое заграждение Южного фарватера располагалось к западу от морских батарей №№ 1 и 2 примерно в 3–5 км от них.

Такой явный приоритет строительству ряжевых преград по сравнению с развитием временных морских батарей объясняется, по всей видимости, тем, что приведение последних в боеготовое состояние можно было осуществить экстренно в относительно короткий срок, в то время, как сооружение многокилометровых ряжевых преград неизбежно потребовало бы намного большего времени. Поэтому, когда международная обстановка более или менее нормализовалась, предпочтение было отдано более затратным и долгосрочным делам.

* * *

Осенью 1859 года директором Инженерного департамента стал прославленный защитник Севастополя Эдуард Иванович Тотлебен (1818–1884), позднее, в начале 1863 года, занявший должность товарища генерал-инспектора по инженерной части. С тех пор он являлся фактическим руководителем инженерного ведомства и принимал непосредственное участие в принятии важнейших решений по усилению Кронштадтской крепости.

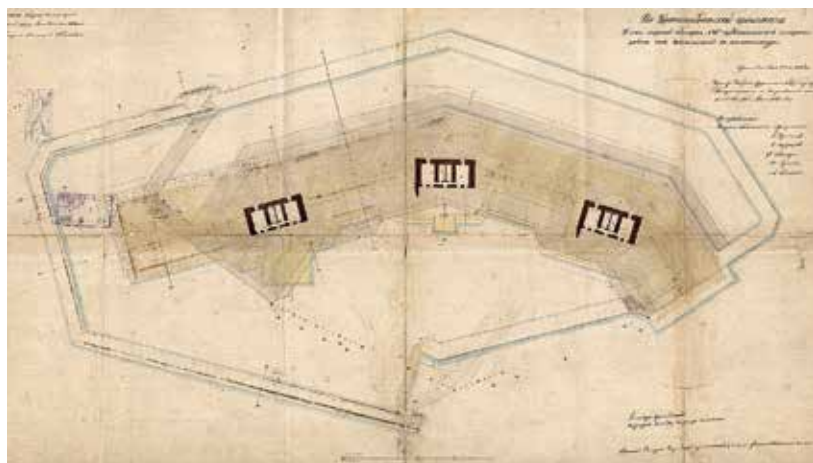
В декабре 1859 года на должность Строителя Кронштадтской крепости был назначен полковник (с октября 1863 г. генерал-майор) Константин Яковлевич Зверев (1821–1890), который занимал ее до 20 мая 1872 года. Именно он являлся непосредственным руководителем работ по реконструкции крепости на месте в период наиболее активных работ по строительству и реконструкции морских батарей.

Перестройка морских батарей № 5 и № 6 в 1861–1863 гг.

Летом 1861 года были составлены проекты перестройки двух временных морских батарей — № 5 и № 6, знаменующие собой начало следующего и, как видится, наиболее важного этапа реализации комплексной задачи перестройки временных батарей в постоянные. Именно на этом этапе был предложен принципиально новый тип морской батареи, который и был впоследствии принят в качестве основного.

---

⁶⁵ Раздолгин А. А., Скорилов Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 241.

Ил. 21. Проект перестройки временной морской батареи № 6. 28 июля 1861 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4310

Сам по себе факт разработки этих двух проектов и, что еще более показательно, последовавшая затем немедленная их реализация, при том, что достроенный в том же году остров постоянной Константиновской батареи на два года остался без всякого развития, говорит очень о многом. Какой смысл был в том, чтобы начинать перестройку следующих двух батарей при незавершенности ранее начатой? Прямого ответа на этот вопрос пока не нашлось, однако сами новые проекты и сравнение их с более ранними проектами Константиновской батареи довольно ясно подводят нас к вероятным причинам такого, казалось бы, странного и нелогичного хода событий.

Проекты перестройки батарей № 5 и № 6 принципиально отличались от проекта постоянной Константиновской батареи⁶⁶. Во-первых, здесь острова и сами батареи на них проектировались и строились одновременно. Во-вторых, новые постоянные батареи возводились на местах временных с частичным использованием существующих конструкций. И наконец, принципиально отличались и сами принятые конструкции — как островов под батареями, так и непосредственно самих батарей. Рассмотрим их подробно. (Ил. 21)

Остров постоянной батареи. Принципиальной особенностью перестройки батареи являлось то, что эскарпные ряжевые линии и напольные ряжевые волноломы временных батарей продолжали исполь-

⁶⁶ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4291, 4295, 4310, 4312.

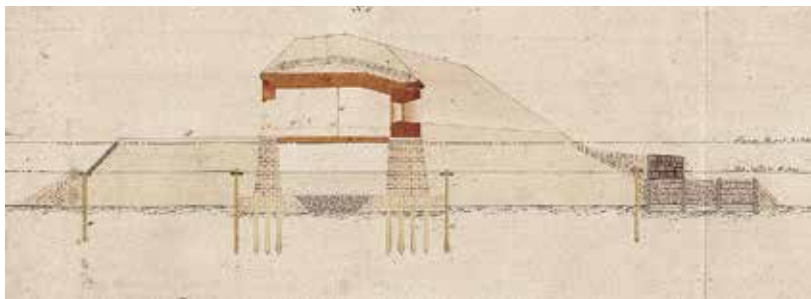
зоваться по прежнему назначению. Основу острова, как и в случае с Константиновской батареей, составляла земляная насыпь, по всему периметру ограниченная сплошной шпунтовой стенкой по высоте доходящей до ординара. В напольной части острова эта стенка возводилась с внутренней стороны эскарпных ряжей, которые тем самым воспринимали боковую нагрузку от давления тела острова. В тыльной части острова ряжей не имелось и возводить не предполагалось, здесь шпунтовая стенка подпиралась снаружи каменной насыпкой, ровно так же, как и в случае с островом Константиновской батареи (ил. 22а).

Непосредственно эскарп новых батарей предполагалось возвести в виде каменной стенки, однако его конструкция принципиально отличалась от таковой для Константиновской батареи. В новых проектах каменная стенка выполнялась очень низкой — высотой всего около метра над ординаром, не имела свайного основания и опиралась непосредственно на эскарпные ряжи (ил. 22б). Поскольку высота эскарпной стенки не перекрывала горизонт высокой воды (уровень подъема воды во время наводнений), нижняя часть земляной насыпи острова на высоту около трех метров выше ординара облицовывалась каменной вымосткой. В таком виде эскарп был на порядок экономичнее массивной гранитной стены Константиновской батареи, но, конечно же, очень сильно уступал последней в прочности. Слабость эскарпа в данном случае должно было компенсироваться наличием фронтального волнолома, который также перестраивался в части верхнего строения: возвышающиеся над ординаром венцы существующих ряжей разбирались, а поверх оставшейся конструкции возводилась новая каменная кладка волнолома. Проектами предполагалось окружить волноломами весь остров батареи, и сформировать в тылу от них гавани. Поэтому значительная часть волноломов для батарей возводилась вновь, причем для них была использована конструкция ряжевого волнолома, которую применяли в 1859 году при усилении временных батарей, то есть прерывистая ряжевая линия с перекрытыми пустотами.

В целом конструкция острова в проектах перестройки батарей № 5 и № 6 выглядит, несомненно, более экономичной по сравнению с построенным в 1861 году островом постоянной Константиновской батареи. Видимо, это и было главной причиной отказа от дальнейшего возведения островов по типу Константиновского.

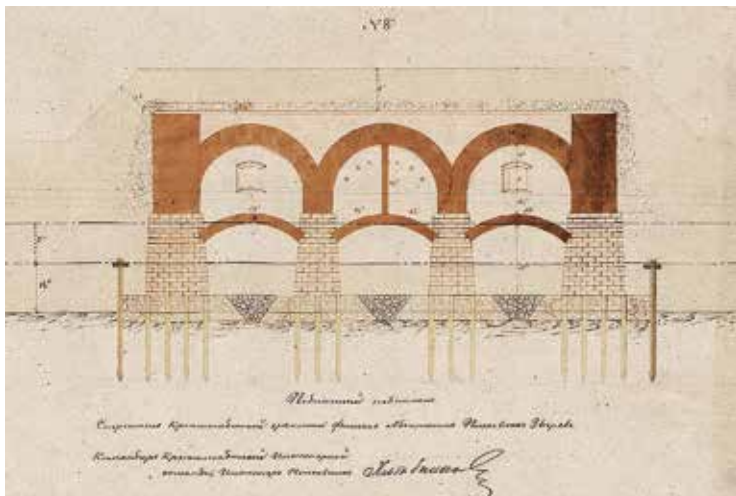
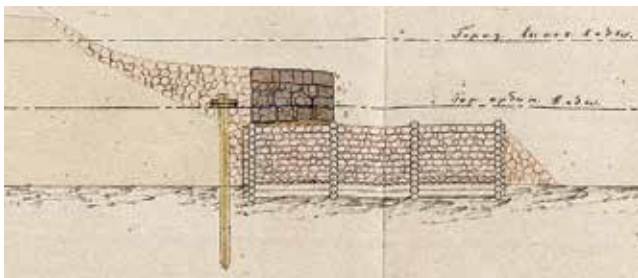
Новый тип постоянной батареи. Основой артиллерийской позиции на перестраиваемых вновь батареях должен был стать обычный земляной вал с открыто установленными на нем орудиями. Однако полностью отказаться от традиционной идеи закрытого расположения орудий не решились, и поэтому часть орудий было предположено разместить в казематах. Для этого в тело земляного вала были врезаны так называемые

Ил. 22а. Разрез по острову и одноэтажному казематированному traversу морской батареи № 6. К проекту 1861 года. В таком виде проект реализован не был. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4312

Ил. 22б. Разрез по гранитной эскарпной стенке морской батареи № 6. К проекту 1861 года. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4312

Ил. 22 в. Продольный разрез по одноэтажному казематированному traversу морской батареи № 6. К проекту 1861 года. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4312

казематированные траверсы — четыре на батарее № 5 и три на батарее № 6. Эти сооружения именовались траверсами, потому что значительно возвышались над бруствером земляного вала, и таким образом делили основную позицию на изолированные друг от друга участки. Каждый казематированный траверс представлял собой прямоугольную в плане одноэтажную кирпичную постройку. (Ил. 22в) В каждом сооружении имелось три сводчатых каземата — крайние использовались для установки орудий, а центральный являлся убежищем и погребом. Напольная стена траверса имела толщину 7 футов, она выполнялась из кирпича, наружная грань облицовывалась массивными гранитными блоками. После постройки часть напольной стены обсыпалась, так что оголенными оставались лишь небольшие ее участки с амбразурами. Особо отметим, что во время составления рассматриваемых проектов, в 1861 году, вопрос о применении в береговой обороне брони еще не стоял так остро, как спустя два года, поэтому амбразурные стены разработанных в это время траверсов и выполнялись традиционным способом, новшеством являлось то, что их бóльшая часть обсыпалась грунтом. Покрытия траверсов выполнялись слоистыми. Поверх кирпичного свода толщиной около метра укладывался выравнивающий слой, затем располагался еще один слой кладки толщиной около полуметра (возможно бетон), и затем насыпался слой грунта толщиной около полутора метров. Суммарная толщина покрытия составляла от 3 до 3,5 метров.

Никаких других казематированных сооружений проектами перестройки батарей № 5 и № 6 не предусматривалось, так что остается не вполне ясным, к примеру, как предполагалось на них размещать гарнизоны.

Описанные выше конструктивные решения являлись общими для обоих проектов, однако перестраиваемые батареи заметно отличались друг от друга формой плана и размерами. Батарея № 5 обладала наиболее важным значением, поскольку располагалась на наиболее вероятном направлении обстрела неприятелем города. Поэтому при перестройке временной батареи ее площадь была увеличена почти вдвое, причем основной прирост пришелся на левый фланг, в то время как правый фланг удлинился чисто символически. Длина фронта постоянной батареи составила около 360 метров. На батарее разместили четыре казематированных траверса, два из которых попали в контур бывшей временной батареи, а два другие — на пристраиваемую левую часть. На пяти участках открытой позиции располагалось в общей сложности 16 орудий, еще 8 орудий помещались в казематы четырех траверсов. Проектом перестройки батареи № 6 предполагалось лишь незначительное удлинение левого фланга, в основном же площадь батареи почти не увеличивалась. Длина фронта постоянной батареи здесь составляла примерно 240 метров, на ней размещалось 11 орудий открыто и 6 орудий в казематированных траверсах.

Возвращаясь же к Константиновской батарее, точнее к вопросу о прекращении ее строительства после готовности острова, как видится, логично предположить следующее. Сам факт разработки описанного выше типа морской батареи с расположением орудий открыто на валгангах и в казематированных траверсах говорит в пользу того, что в 1861 году традиционный тип батареи в виде «каменного здания» уже не рассматривался в качестве рабочего варианта. Вероятно, от него отказались и в отношении Константиновской батареи.

Однако, очевидно, что вновь принятый тип батареи сочли неподходящим для построенного к тому времени острова Константиновской батареи, поскольку он не позволял разместить достаточное числа орудий на этом важнейшем для крепости укреплении. На примере батареи № 5 мы видим, что фронт укрепления при перестройке был увеличен примерно вдвое и стал достигать около 360 метров. На такой длине фронта удалось расположить открыто и в казематах в общей сложности 24 орудия. Построенный же в расчете на каменную батарею остров Константиновской батареи имел фронт длиной всего около 270 метров, следовательно, в случае постройки на нем батареи описанного выше типа, здесь могло разместиться только 18 орудий, что, конечно же, не отвечало первостепенному значению этой батареи в обороне. Как мы уже знаем, в 1863 году эта проблема была решена за счет более плотного размещения орудий за броневыми брустверами. Рассматривалась ли такая возможность в 1861 году, пока не ясно, поскольку не найдено никаких свидетельств этому. Наиболее вероятно, после окончания работ по постройке острова постоянной Константиновской батареи вопрос о типе ее артиллерийской позиции было решено отложить.

Хотя проекты перестройки двух северных батарей были составлены практически одновременно, их реализация шла очень различно. Батарея № 5 строилась весьма активно и уже в 1863 году была в основном завершена, включая казематированные траверсы и каменную эскарпную стенку. Напротив, батарея № 6 в том же 1863 году находилась еще на начальной стадии перестройки, в частности у нее не были построены ни казематированные траверсы, ни каменная эскарпная стенка.

Экстренное усиление батарей в 1863 году

Очередная внешнеполитическая напряженность, вызванная на этот раз Польским восстанием, стала очередным и, как показало время, наиболее действенным, толчком к преобразованию крепости. Привела она к двум важным, но совершенно разноплановым последствиям: к экстренному усилению крепости в первой половине 1863 года и к резко-

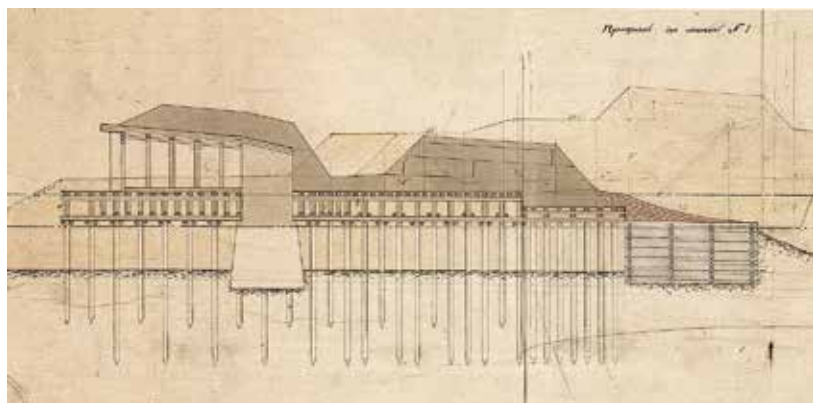
му ускорению давно назревавшей коренной реконструкции морских батарей.

Напомним, что к лету 1863 года бóльшая часть морских батарей продолжала оставаться временными и, к тому же все они находились в той или иной степени недостроенном состоянии. И хотя уже с конца 1850-х годов активно обсуждался вопрос о перестройке всех временных батарей в постоянные, учитывая экстренность ситуации, было решено в первую очередь наконец достроить их по временной схеме. Опять в экстренном порядке начались работы по насыпке земляных валов и строительству деревокаменных блиндированных погребов и помещений для гарнизона. Блиндированные постройки возводились в запланированных ранее местах, в которых в 1856 году при рубке помостов были оставлены непокрытые участки. Защитные конструкции блиндажей представляли собой бревенчатые срубы, заполненные камнем и обсыпанные с фронта грунтом. Учитывая значительный вес этих конструкций, основания под ними устраивались, по всей видимости, опирающиеся непосредственно на дно (*ил.* 23). Блиндированные пороховые погреба располагались на флангах батарей, а в их центральных частях устраивались протяженные помещения для гарнизона (*ил.* 24). В течение 1863 года на всех батареях насыпали все недостающие земляные валы с брустверами и валгангами, в брустверах были прорезаны амбразуры. Таким образом, только в 1863 году временные морские батареи обрели законченный вид согласно плану 1856 года.

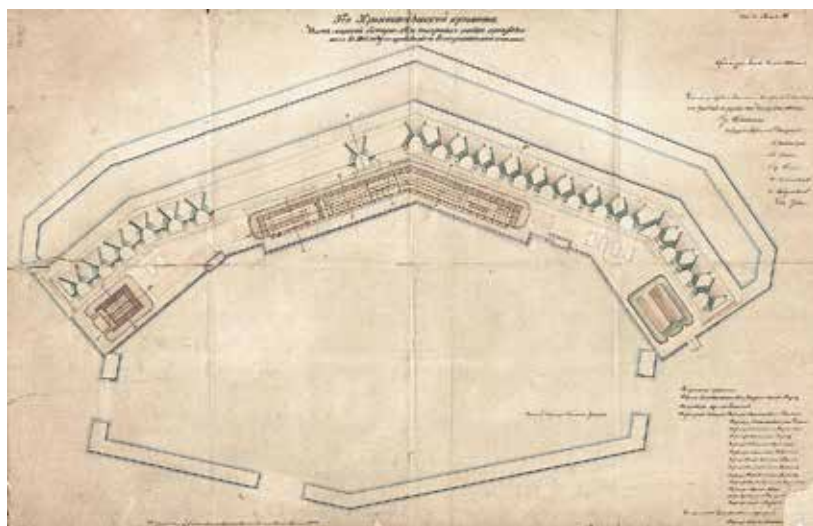
Отдельно в связи с этими работами следует упомянуть о двух Константиновских батареях. Временная морская батарея № 4 была приведена в боеготовое состояние тем же способом, что и все остальные. Единственное важное отличие заключалось в том, что здесь орудия располагались только на флангах, т. к. напротив центральной части батареи был возведен остров постоянной батареи, закрывающий сектор стрельбы. Учитывая же крайне недостаточное число орудий на временной батарее, а также сильную ограниченность их секторов огня, в полную боевую готовность была приведена также и постоянная Константиновская батарея, причем ровно теми же средствами, что и временные батареи. Общий план обеих батарей с учетом выполненного в первой половине 1863 года усиления, как мы уже упоминали, был опубликован в книге 1988 года⁶⁷. Согласно общему для временных батарей принципу на острове постоянной батареи построили два блиндированных погреба и протяженное помещение для гарнизона. Единственное существенное отличие состояло в том, что их основанием являлся собственно грунт

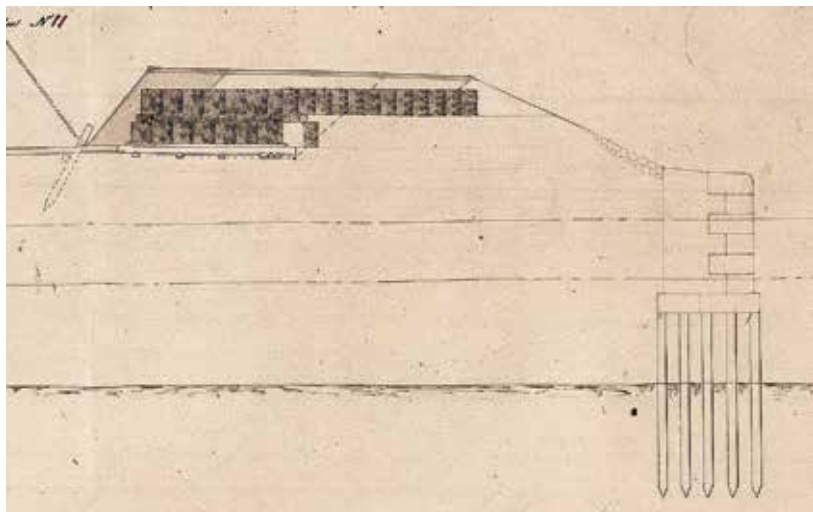
⁶⁷ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 257.

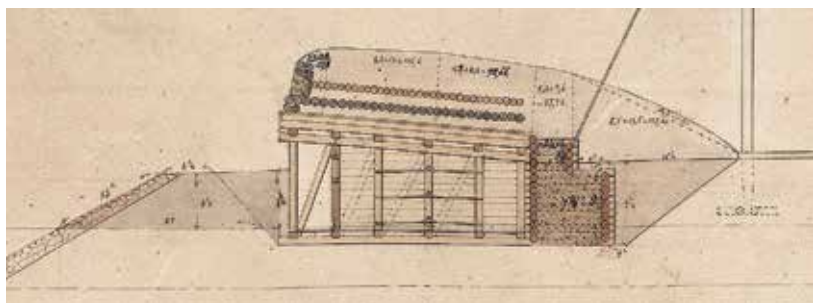
Ил. 23. Фрагмент разреза к проекту перестройки временной батареи № 1. На чертеже темной заливкой показаны временные сооружения, построенные в первой половине 1863 года. Слева блиндированное помещение, напольная стена которого, имеет фундамент, опирающийся на дно залива. Справа — ряжевая эскарпная стенка. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4595

Ил. 24 «План морской батареи № 8 с показанием работ, произведенных в 1863 году по приведению ее в оборонительное положение». Ряжевый мол, огораживающий гавань, был построен в 1859 и 1860 годах. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4880

Ил. 25а. Разрез по земляному брустверу, построенному на постоянной Константиновской батарее в первую половину 1863 года. Земляные крутости бруствера укреплены фашинами. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4948

Ил. 25б. Разрез по деревокаменному блиндажу, построенному на постоянной Константиновской батарее в первую половину 1863 года. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4948

острова, в котором под блиндажи отрыты котлованы необходимых размеров⁶⁸. (*Ил. 25а и 25б*)

Пока не вполне ясно, какого рода работы по приведению в оборонительной состоянии проводились на морских батареях №№ 5 и 6. Ба-

⁶⁸ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4947, 4948.

тарей № 5 к этому времени была в основном уже перестроена, так что здесь было необходимо лишь подготовить места для установки орудий. Батарей же № 6 находилась еще на относительно ранней стадии перестройки, здесь теоретически могли быть возведены какие-то временные конструкции (раз уж их возвели даже на острове постоянной Константиновской батарее), но сведений по этому вопросу пока не встретилось.

Принятие четырехлетней программы усиления крепости

Параллельно экстренному усилению крепости, в 1863 году обсуждались планы по капитальному развитию крепости. Уже в апреле был утвержден план усиления крепости, составленный особо учрежденным комитетом о мерах лучшей обороны Кронштадта (в документах встречаются разные формулировки наименования этого учреждения)⁶⁹. Программа, рассчитанная на четыре года, включала перестройку всех оставшихся временных морских батарей, а также строительство еще двух новых батарей на северном фарватере — №№ 10 и 11. Этой же программой предусматривалось строительство на постоянной Константиновской батарее броневых брустверов. По сути, новая программа предусматривала продолжение работ, уже начатых в крепости в предшествующие годы. Отличием являлось то, что прежние работы по постройке постоянной Константиновской батарее и по перестройке в постоянные временных батарей №№ 5 и 6 являлись, по всей видимости, разовыми и отчасти экспериментальными. Принятый же в 1863 году план отличался комплексностью и решал задачу общей реконструкции крепости.

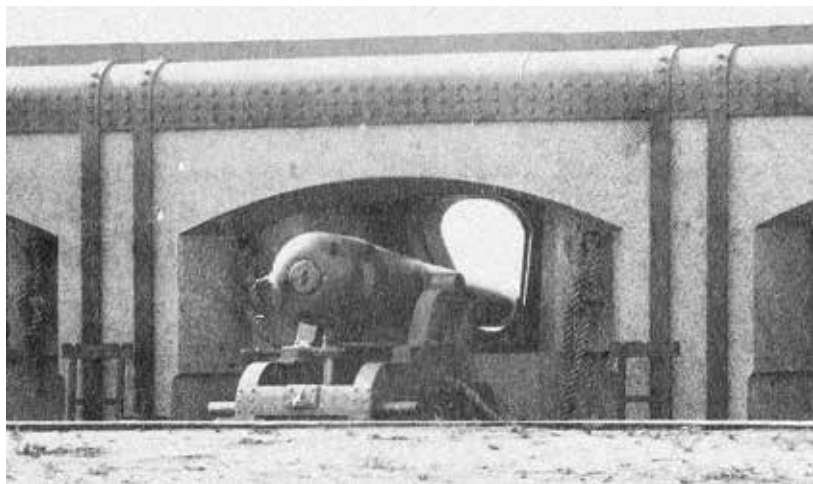
Отдельно следует упомянуть о вопросе о применении броневых закрытий в фортификации. Именно в 1863 году эта проблема встала наиболее остро. Так, согласно принятой программе, инженерному ведомству поручалась разработка различных типов броневых закрытий — башен, брустверов и усиления амбразур ранее построенных укреплений⁷⁰.

Строительство броневых брустверов на Константиновской батарее и территориальное развитие этой батарее

Не успели закончить приведение постоянной Константиновской батарее в боеготовое состояние средствами временной фортификации, как уже ранней осенью того же 1863 года начались работы по сооруже-

⁶⁹ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 261.

⁷⁰ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 220. Л. 65-об.

Ил. 26. 8-дм. пушка обр. 1867 г. за броневым бруствером Шведе на батарее «Константин». Фото 1869 г. Из фондов ВИМАИВиВС

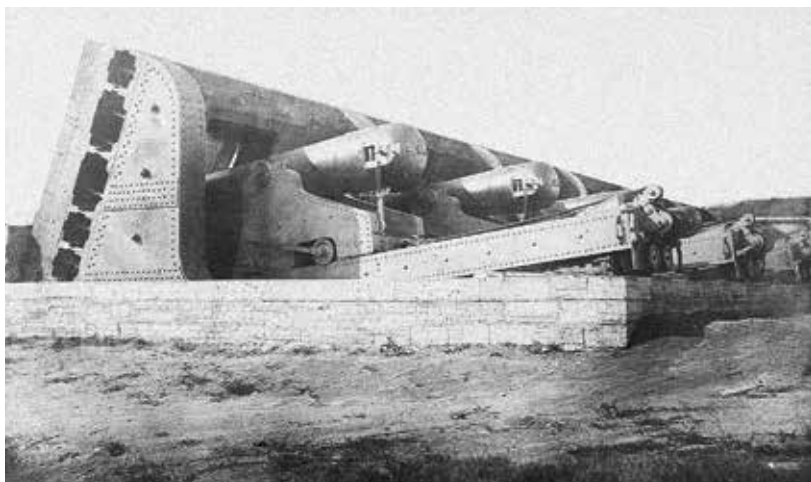
нию на ней броневых брустверов. Ввиду обзорности настоящей работы мы не будем здесь углубляться в детали этой чрезвычайно важной для крепости работы, тем более, что этот вопрос был подробно изложен в 2016 году в альманахе «Фортовед» № 8⁷¹. Вкратце суть дела состоит в том, что осенью 1863 года на острове постоянной Константиновской батареи начинается строительство сразу четырех броневых брустверов по трем системам в общей сложности на 23 орудия.

Первую систему разработал подполковник Альберт Густавович Шведе (1820–1864), состоящий при Кронштадтской крепостной команде. Согласно его проекту, бруствер представлял собой массивную гранитную стенку с наклонной напольной стороной, облицованной броневыми плитами толщиной 220 мм. 5-орудийный бруствер этой конструкции разместили поверх гранитного эскарпа (*Ил. 26*).

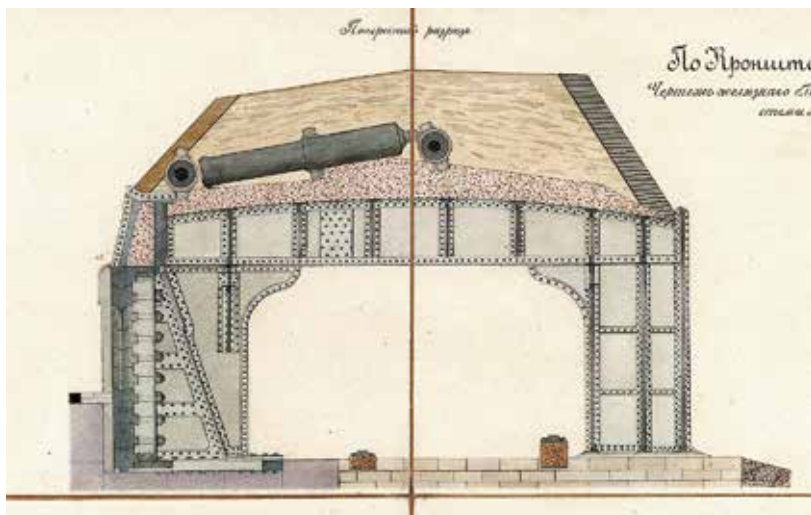
Вторая система была разработана в комиссии о броне при ГИУ. По этой системе строилось два отдельных бруствера на 6 и 9 орудий, которые в документах чаще всего именовались «комитетскими». Бруствер этой системы представлял собой наклонную раму, на которую также наклонно укладывались броневые плиты толщиной 250 мм. Брустверы изготавливались Петербургским заводом Берда. (*Ил. 27*)

⁷¹ Воробьёв С., Бочаров В. Строительство броневых брустверов на батарее «Константин» в Кронштадтской крепости в 1863–1877 гг. // Фортовед № 8. 2016. С. 22–85.

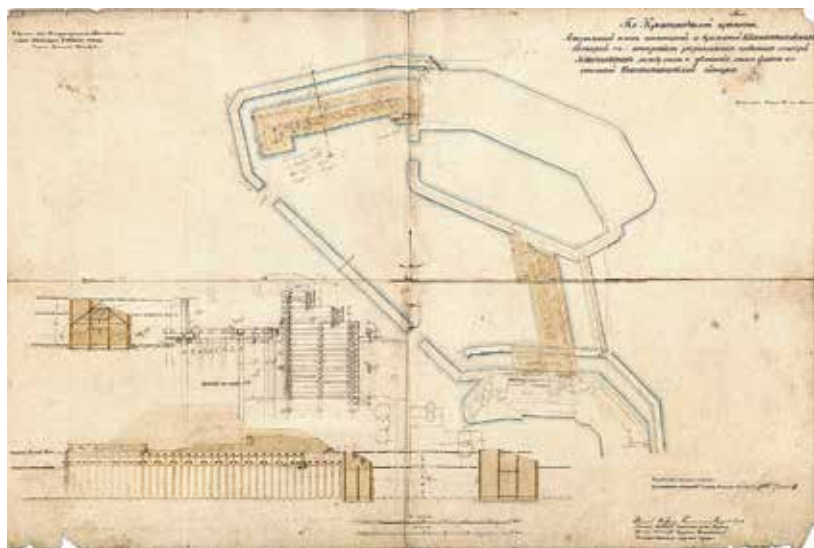

Ил. 27. 8-дм. пушки обр. 1867 г. за 9-орудийным броневым брестером по системе комитета на батарее «Константин». Фото 1869 г. Из фондов ВИМАИВиВС

Ил. 28. Броневой брестер Ланкастера, перекрытый в 1870 году железным блиндажом. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 2. Д. 303

Ил. 29. «Генеральный план постоянной и временной Константиновских батарей с показанием расположения: соединения батарей Константин между собою и удлинения левого фланга постоянной Константиновской батареи». 23 января 1864 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4659

Наконец третья система была разработана в Англии по патенту Ланкастера и Хьюза, изготовленный по ней в Лондоне для Кронштадта 3-орудийный бруствер в документах именовался бруствером Ланкастера. Бруствер представлял собой вертикальную стенку, набранную из броневых брусьев толщиной 12 дюймов. (Ил. 28)

Все четыре бруствера были построены в основном в 1865 году, однако их вооружение сильно затянулось: только в 1868 году за ними установили 23–8-дм. нескрепленные пушки обр. 1867 г. За бруствером Шведе эти орудия стояли на лафетах Шведе (с поворотным брусом), за всеми остальными — на лафетах адм. Фон-Шанца (с поворотной рамой).

Важнейшей особенностью установки орудий за броневыми брустверами являлась чрезвычайно высокая плотность их взаимного расположения. Опорные погоны соседних орудийных установок находили друг на друга, так что возможность поворота каждого орудия сильно зависела от положения соседних. По сути, для сосредоточения огня всех орудий за бруствером по одной цели, установки приходилось поворачивать одновременно и по возможности синхронно. С другой стороны, такая экономия места позволяла сосредоточить на батарее очень значительное число орудий.

С началом работ по возведению броневых брустверов важнейшая батарея Южного фарватера почти целиком выводилась из боеготового состояния. Ввиду этого в зиму с 1863 на 1864 год к острову постоянной Константиновской батареи были осуществлены две временные пристройки — удлинение левого фланга и участок, соединивший остров постоянной батареи с временной батареей № 4 (*ил.* 29). На удлинении левого фланга разместили 8 орудий, на соединительном участке — 7. Конструктивно новые части укрепления принадлежали к уже многократно опробованному типу временной морской батареи — ряжевая эскарпная стенка, деревянный помост по головам свай, поверх которого насыпался земляной вал, и ряжевый волнолом перед фронтом батареи.

Соединительный участок расположили таким образом, что он, по сути, разделил фронт временной батареи № 4 на две части. Очевидно, из-за этого, а также из-за появления удлинения левого фланга, левая часть временной батареи с этого момента не использовалась для размещения артиллерии.

Перестройка и строительство морских батарей на Северном фарватере до 1865 года

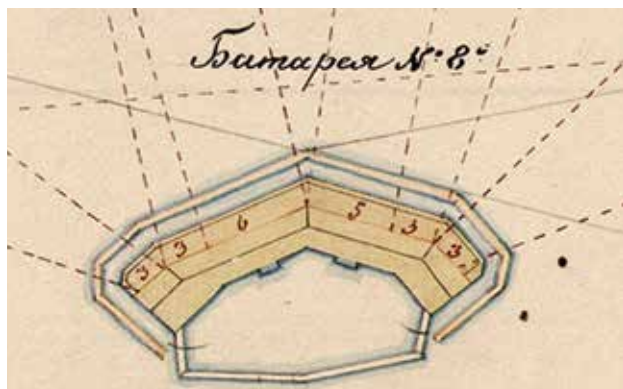
В 1864 году были разработаны проекты перестройки временных морских батарей №№ 7, 8 и 9 на Северном фарватере и началась их реализация. При этом, что интересно, эта работа рассматривалась как одна статья расходов.

Перечисленные три морские батареи перестраивались в основном по типу ранее разработанных проектов перестройки батарей №№ 5 и 6 — основу батареи должен был представлять земляной артиллерийский вал с валгангом и бруствером, который пересекался казематированными траверсами. Однако имелись кое-какие существенные отличия. Можно сказать, что тип постоянной морской батареи, принятый в 1861 году, в 1864 году получил свое развитие⁷².

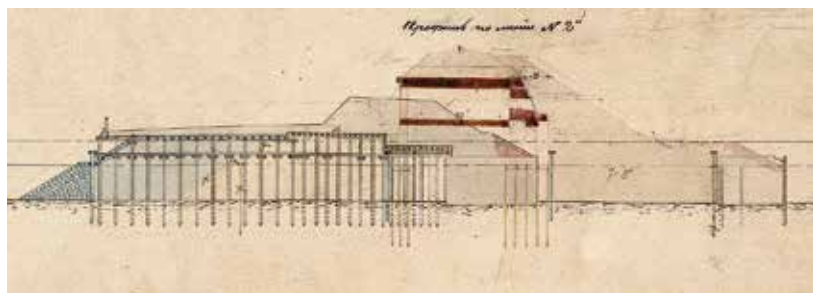
Наиболее существенное отличие касалось использования старых ряжевых линий временных батарей. В новых проектах ряжевый волнолом временной батареи обращался в эскарпную стенку. При этом впереди этой стенки возводился полностью новый ряжевый волнолом. (*Ил.* 30, 31а) Что же касается старой эскарпной стенки временной батареи, то она попала в тело острова и, по всей видимости, хотя бы частично разбиралась (т. к. на нее попадали свайные основания казематированных траверсов).

Другое важное отличие новых проектов от проектов 1861 года касалось устройства казематированных траверсов, которые в новых про-

⁷² РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4616, 2617, 4627.

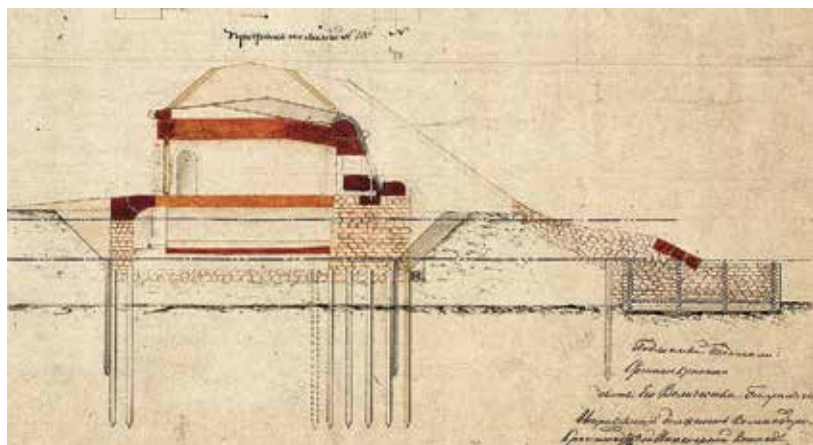
Ил. 30.
Схематический
план постоянной
морской батареи
№ 8 (сравни-
те с ил. 24).
РГАВМФ.
Ф. 1341. Оп. 4.
Д. 4617

Ил. 31а. Разрез по казематированному траверсу к проекту перестройки временной морской батареи № 9. Бывший ряжевый волнолом (на разрезе справа) обращен в эскарпную стенку. Бывшая ряжевая стенка попала под основание казематированного траверса. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4627

Ил. 31б. Разрез по эскарпу в виде наклонной гранитной вымостки и по ряжевому волнолому на перестраиваемой батарее № 9. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4627

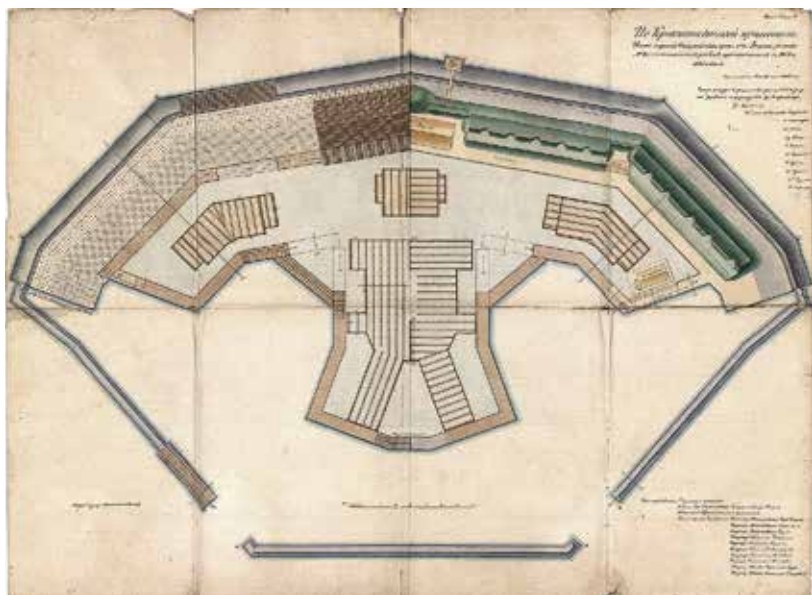
Ил. 32. Разрез по двухэтажному казематированному траверсу и эскарпу в виде наклонной гранитной вымостки к проекту перестройки морской батареи № 6. 27 марта 1864 года. На чертеже хорошо видна напольная стенка орудийного каземата, усиленная броней наподобие бруствера Шведе. (Сравните с ил. 22а.) РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4599

этажах стали двухэтажными. Этажи друг с другом не связывались, вход в заглубленный подвальный этаж осуществлялся через приямок перед фасадной стеной траверса. В торцах приямков устраивались каменные лестницы для спуска. Для входа в помещения верхнего этажа траверса, а также для транспортировки в них орудий, предназначались каменные мостики, перекрывающие приямок для входа в подвальные помещения.

И, наконец, в проектах новых батарей отразился и вопрос о необходимости применения броневой защиты, столь внезапно и остро возникший в 1863 году: напольные стены орудийных казематов траверсов было решено усилить броней. Однако ввиду того, что изготовление амбразурных броневых щитов затянется на долгое время и, к тому же, еще не был определен тип закрытия, было решено возводить орудийные казематы казематированных траверсов с временными кирпичными напольными стенками.

Имелись и другие, более детальные, отличия новых проектов от проектов 1861 года. Так, например, с целью удешевить конструкцию эскарпа, полностью отказались от возведения вертикальных гранитных стенок, заменив их обычной каменной наброской, облицованной наклонной вымосткой из грубо отесанных гранитных блоков. (Ил. 31б)

Учитывая то, что батарея № 6 к началу 1864 года находилась еще на ранней стадии реконструкции, и, в частности, на ней еще не были по-

Ил. 33. План морской батареи № 10, показывающий работы, произведенные в 1864 и 1865 годах. В левой части показано сплошное свайное поле во рву между эскарпом и волноломом, в правой части этого же рва — временная земляная позиция для артиллерии. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 5139

строены одноэтажные казематированные траверсы и гранитная эскарпная стенка, проект ее перестройки в этом году был пересоставлен⁷³. В новом варианте казематированные траверсы стали также двухэтажными, а эскарп выполнялся упрощенным с наклонной гранитной вымосткой. Так же в новом проекте была значительно расширена правая часть гавани батареи за счет перестановки тыльного ряжевого волнолома. (Ил. 32)

И наконец важнейшим событием этого года стало начало строительства двух новых морских батарей №№ 10 и 11. Эти морские батареи поместили в промежутках между ранее построенными батареями №№ 7, 8 и 9. Таким образом, прежде самые большие промежутки между батареями сокращались вдвое, а вся линия батарей на Северной фарватере становилась примерно равномерной.

Две новые батареи строились, по сути, по одному проекту и заметно превосходили по силе остальные морские батареи фарватера (ил. 33). Длина каждой батареи по фронту (без учета волноломов) составляла

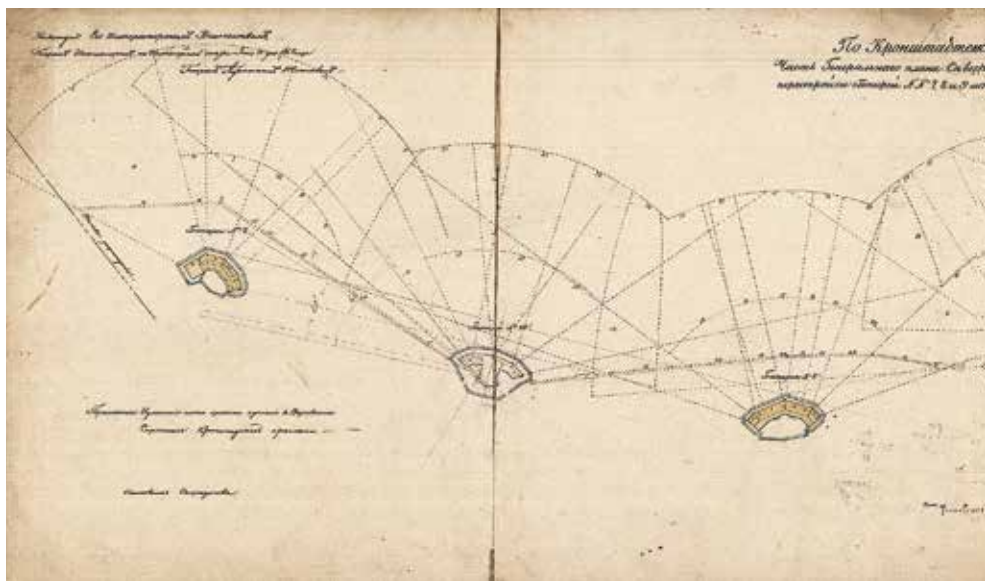
⁷³ Там же. Д. 4597, 4599, 4600.

Ил. 34. Тылный внутренний дворик между двумя полукапонирами на морской батарее № 10 (с 1868 г. — северная морская батарея № 4 «Зверев»). Фото, предположительно, 1869 г. Из фондов ВИМАИВиВС

около 270 метров, то есть примерно на 100 метров меньше, чем длина перестроенной батареи № 5. Однако новые батареи обладали несколько бóльшим числом орудийных казематов. Всего на каждой батарее расположили по три казематированных траверса, один центральный, повторяющий тип траверса для других батарей и еще по одному, увеличенных размеров, на каждом фланге. В центральном траверсе располагалось два орудийных каземата, а в каждом фланговом — по четыре. В итоге на каждой новой батарее имелось по десять орудийных казематов.

Но, пожалуй, важнейшей особенностью этих двух батарей являлась их сильно развитая центральная часть, из-за которой укрепления в плане стали походить на гриб. Основная часть каждой батареи стала «шляпкой», а в «ножке» расположились две казематированные казармы и два полукапонира для фланкирования подводных каменных заграждений. Причем между казармами и полукапонирами были образованы два дворика, один из которых (между капонирами) с тыла ограничивался великолепной металлической решеткой со столбами, выполненными из старых гладкоствольных пушек (*ил. 34*).

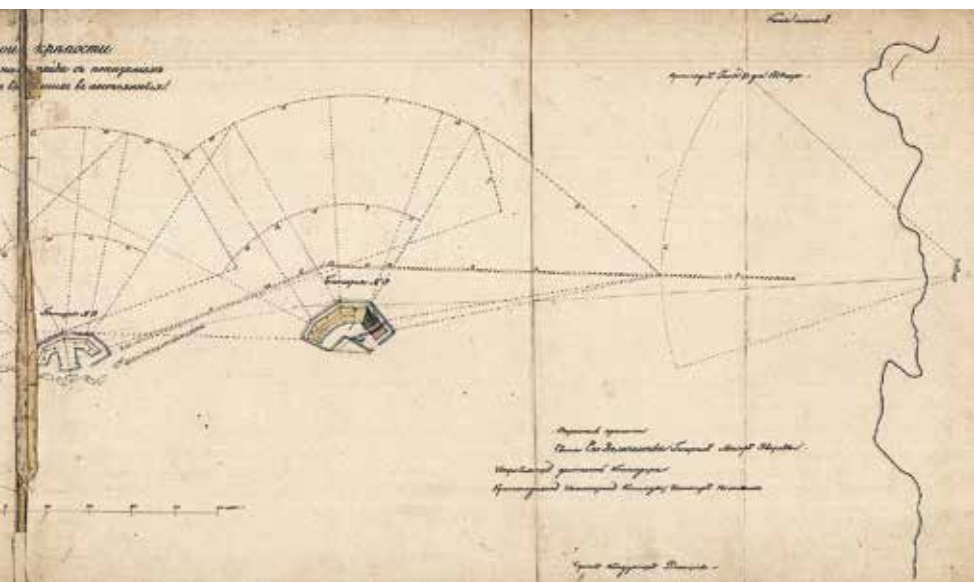
Ил. 35. Линия морских батарей №№ 7, 10, 8, 11 и 9 на Северном фарватере с нанесенной трассировкой подводного каменного заграждения. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4617

Упомянутые подводные заграждения выполнялись в виде обычного вала из камней, наброшенных на дно. Три участка таких заграждений располагались впереди морских батарей №№ 7, 8 и 9, на удалении от них около 200 метров. Своей трассировкой заграждения подводились под фланкирование из полукапониров батарей №№ 10 и 11. Таким образом, две новые морские батареи становились ключевыми точками обороны Северного фарватера, важнейшими укреплениями в линии северных батарей (ил. 35).

Конструктивно новые укрепления принадлежали к обычному типу морской батареи, хотя и в этом отношении они отличались несколько большей солидностью, поскольку ряжевые эскарпные линии окружали весь периметр острова, а не только его напольную часть и фланги. Важной особенностью строительства батарей являлось то, что одновременно с началом работ по формированию их островов на них были возведены временные орудийные позиции⁷⁴. Они занимали всю площадь рва между эскарпом и волноломом на напольных фасах. В дно рва забили свайное поле и по головам свай соорудили брусчатый помост, поверх которого насыпали брустверы и валганги, то есть применили

⁷⁴ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 259–260.

уже привычную технологию строительства временной морской батареи (см. ил. 33). При этом ряжевые волноломы постоянных батарей служили эскарпами временных позиций. Позиции на помостах просуществовали около двух лет, затем, в 1866 году их насыпи были срыты, а грунт пошел на отсыпку постоянных валов⁷⁵.

Таким образом, уже в 1864 году вопрос о морских батареях Северного фарватера вполне разрешился, все укрепления здесь находились в стадии активной постройки или перестройки. Ситуация с батареями Южного фарватера была иной. Здесь вопрос о перестройке батарей несколько затянулся.

Общий ход работ на морских батареях во второй половине 1860-х гг. Переименование морских батарей

Перестройка временных батарей по утвержденным изначально проектам занимала обычно около четырех лет, что было связано в первую очередь с ограниченностью финансирования (на каждую батарею ежегодно выделялось около 20–30% от общей стоимости проекта). Помимо этого, во многих случаях в общий ход работ вносились различные изме-

⁷⁵ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 252. Л. 21, 21-об.

нения, причем часто очень существенные, что, естественно, дополнительно увеличивало время на окончание батарей.

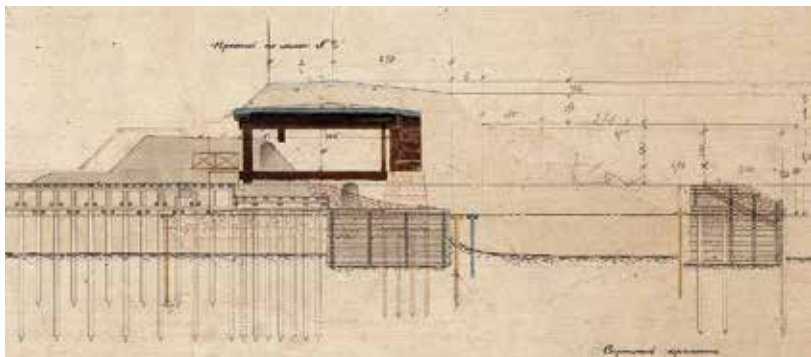
Одним из таких изменений являлось повышение прежних пониженных земляных брустверов между казематированными траверсами. Так, в июне 1865 года Технический комитет ГИУ утвердил проект дополнительных работ на морской батарее № 6. Проектом предусматривалось возвышение прежних пониженных земляных брустверов, а также связанное с этим строительство нескольких кирпичных подпорных стенок, ограничивающих с тыла валганги⁷⁶. Участки вала между казематированными траверсами увеличивались в высоту до одной линии с обсыпкой покрытий самих траверсов (тем самым последние, строго говоря, переставали служить траверсами, хотя и продолжали так именоваться). Помимо этого, упомянутый проект включал возведение гранитной пристани в гавани, а также дополнительную насыпку небольшого участка острова на левом фланге батареи для установки на ней двух фланкирующих орудий. Дополнительная позиция на два орудия выполнялась пониженной, благодаря чему она была укрыта с фронта массивом основного вала батареи. Два орудия, установленные здесь, предназначались для фланкирования промежутка между батареями №№ 5 и 6, а также участка рязевого заграждения, построенного здесь в 1855 году.

В том же, 1865, году новые работы начались и на Южном фарватере. Поскольку Южный фарватер обладал наиболее важным значением в обороне крепости, его требовалось укрепить особенно надежно, что в те годы увязывалось прежде всего с решением вопроса о применении брони. Первым шагом в этом направлении стало строительство броневых брустверов на Константиновской батарее. Другим важным средством усиления обороны Южного фарватера, предусмотренным в 1863 году комитетом о мерах о лучшей обороне Кронштадта, являлась обшивка броней гранитных стен недавно оконченного строительством форта «Имп. Павел I»⁷⁷. Однако в силу чрезвычайно большой стоимости этой работы (ориентировочно 3 миллиона руб., что сравнимо со стоимостью перестройки пяти временных батарей Северного фарватера вместе взятых) с ее началом не спешили. Вероятно, оставались и сомнения в целесообразности такого решения.

Что же касается временных батарей №№ 1 и 2, то их перестройка была также запланирована в 1863 году в рамках принятой четырехлетней программы, однако по не понятным пока причинам эта работа откладывалась. Только в 1865 году был составлен проект и началась перестройка временной морской батареи № 1. Проект повторял принцип реконструкции бата-

⁷⁶ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4612.

⁷⁷ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 260. Л. 10.

Ил. 36. Разрез по двухэтажному казематированному траверсу и эскарпу морской батареи № 1. К проекту перестройки временной батареи, составленному 20 июня 1865 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4595

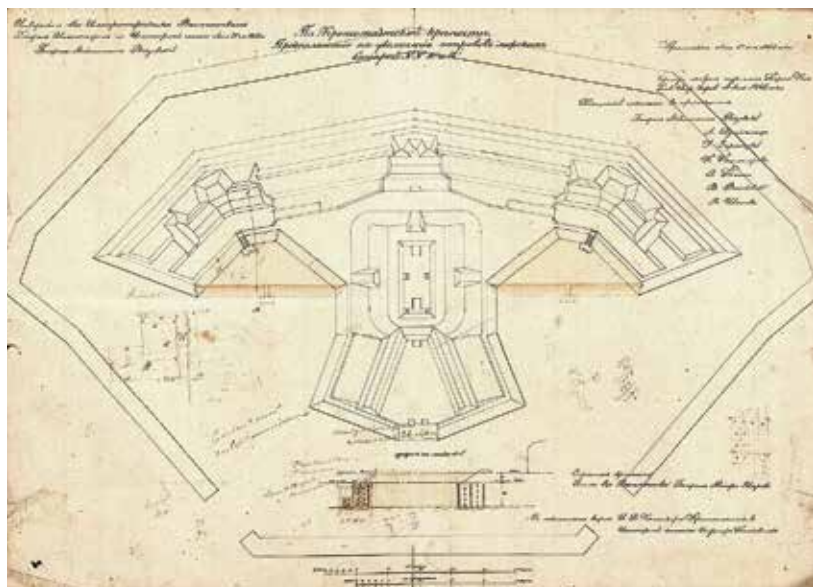
рей, принятый в 1864 году — ряжевый волнолом временной батареи обращался в эскарп, сама конструкция эскарпа выполнялась в виде каменной насыпки с наклонной гранитной вымосткой, основу батареи представлял земляной вал, перерезанный двумя двухэтажными казематированными траверсами⁷⁸. (Ил. 36) Важной чертой нового проекта являлось то, что высота земляных брустверов между казематированными траверсами здесь изначально задавалась равной высоте обсыпки самих траверсов (это решение тогда стало общим для всех батарей). При перестройке фронт батареи почти не удлинялся, так что и в постоянном варианте морская батарея № 1 оставалась наименьшей среди всех морских батарей крепости. Работы по перестройке батареи были завершены в 1868 году⁷⁹.

В 1866 году план обороны Южного фарватера подвергся значительным изменениям. В середине года в крепости был составлен ранее предусмотренный проект перестройки в постоянную временной морской батареи № 2. Однако его реализации помешал вновь возникший план строить на Южном фарватере новую батарею с броневыми башнями, которую на тот момент предполагалось возвести не иначе, как взамен существующей временной батареи № 2. В этой связи в начале сентября 1866 года Строитель Кронштадтской крепости получил задание разработать проект батареи на 8 орудий, размещенных попарно в четырех броне-вых башнях⁸⁰. Через месяц требуемый проект был представлен на рассмотрение ГИУ. Чертежи содержали только общее объемно-пла-

⁷⁸ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4594, 4595.

⁷⁹ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 260. Л. 37.

⁸⁰ Там же. Л. 1.

Ил. 37. Проект расширения площади островов морских батарей №№ 10 и 11. 1 июня 1866 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4871

нировочное решение укрепления, поскольку еще не был определен тип броневой башни. Согласно указаниям товарища генерал-инспектора по инженерной части Э. И. Тотлебена, место новой батареи определялось к западу от форта «Павел I»⁸¹. Подтвердив решение строить башенную батарею, ГИУ оставило разработанный ранее проект перестройки батареи № 2 без движения и возвратило его в крепость за ненадобностью⁸². Однако планирование башенной батареи несколько затянулось; ниже мы рассмотрим этот вопрос отдельно.

В 1866 году был разработан проект увеличения площадей батарей №№ 10 и 11. На обеих батареях с обеих сторон от «ножки» согласно которому на которых были засыпаны участки гаваней⁸³. (Ил. 37)

* * *

Согласно высочайшему повелению от 13 июля 1868 года в крепости произошло переименование многих укреплений. Инициатором этого

⁸¹ Там же. Л. 2, 2-об.

⁸² Там же. Л. 4-об.

⁸³ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4871.

стал сам Александр II, обративший внимание на то, что у батарей Северного фарватера «*номера следуют в перебивку*» (5, 6, 7, 10, 8, 11, 9). «*Но, чтобы не вышло замешательства от изменения номеров, Его Величество изволил полагать присвоить отдельную нумерацию по южному фарватеру, на косе и по северному фарватеру*»⁸⁴. Так возникла существующая и поныне система наименований морских батарей с делением их на южные и северные (табл. 1). При этом по ходатайству генерал-инспектора по инженерной части великого князя Николая Николаевича, бывшей морской батарее № 10, было присвоено наименование «Зверев» в честь К. Я. Зверева, занимавшего на тот момент должность Строителя Кронштадтской крепости⁸⁵.

Табл. 1. Переименование морских батарей в 1868 году

Прежнее название	Новое название
Морская батарея № 1	Южная морская батарея № 1
Морская батарея № 2 «Дзичканец»	Южная морская батарея № 2 «Дзичканец»
Морская батарея № 3	Южная морская батарея № 3 «башенная»
Батарея «Константин», удлинение левого фланга, временная морская батарея № 4 и соединительный участок	Южная морская батарея № 4 «Константин»
Морская батарея № 5	Северная морская батарея № 1
Морская батарея № 6	Северная морская батарея № 2
Морская батарея № 7	Северная морская батарея № 3
Морская батарея № 10	Северная морская батарея № 4 «Зверев»
Морская батарея № 8	Северная морская батарея № 5
Морская батарея № 11	Северная морская батарея № 6
Морская батарея № 9	Северная морская батарея № 7

* * *

В 1869 году в крепости составили проект, предусматривающий очень существенное развития построенной несколькими годами ранее северной морской батарее № 1 (бывшей № 5). Проект включал постройку трех казематированных одноэтажных казарм, возвышение прежних пониженных земляных брустверов, а также вызванное этими работами увеличение площади острова⁸⁶. Три кирпичные казармы размещались

⁸⁴ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 278. Л. 1.

⁸⁵ Там же. Л. 5 с об.

⁸⁶ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 5122.

Ил. 38. Северная морская батарея № 1. Начало работ по постройке центральной казематированной казармы. Насыпка высоких брустверов еще не начата, благодаря чему на фото запечатлен первоначальный силуэт батареи с пониженными брустверами между казематированными траверсами. Фото 1869 г. Из фондов ВИМАИВиВС

в промежутках между траверсами несколько подано в тыл (*ил. 38*). Помимо этого, при траверсах возводились кирпичные подпорные стенки. Расширение острова происходило в сторону гавани, за счет уменьшения ее площади. Тильные стороны добавленных участков суши формировались шпунтовыми стенками с наружной каменной отсыпкой, то есть наиболее распространенным образом — без ряжевых стенок⁸⁷. Перечисленные работы начались в том же году и в основном закончились в 1872 году⁸⁸.

Начало строительства башенной батареи и перестройка южной морской батареи № 2

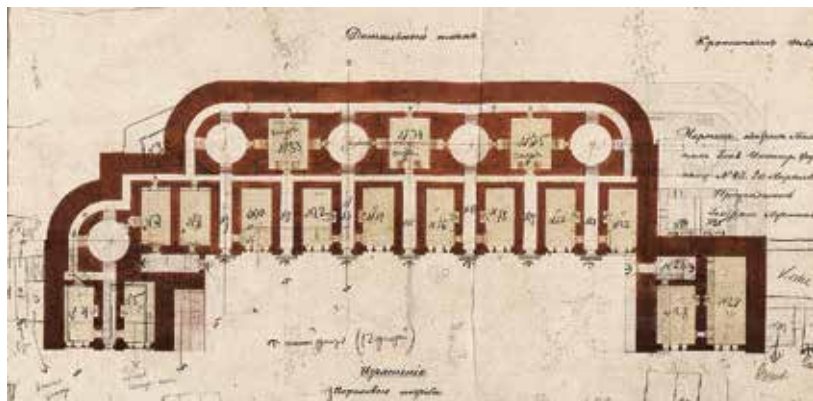
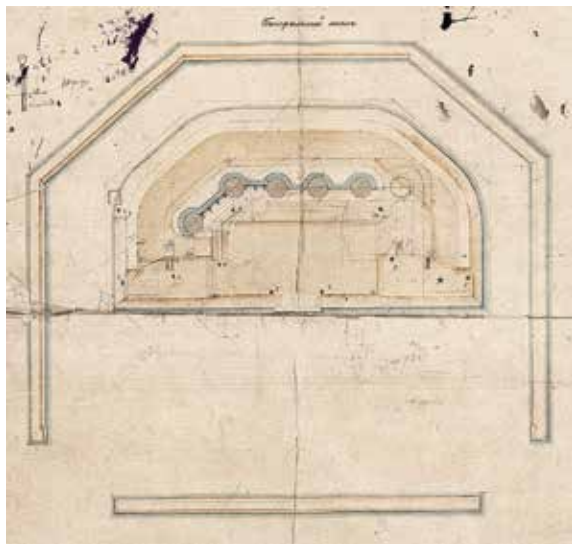
Как уже упоминалось, осенью предыдущего года в крепости был разработан проект новой морской батареи на четыре броневые башни, предполагавшейся взамен временной батареи № 2. Вскоре этот проект получил свое развитие: на левом фланге массива батареи добавили пятую броневую башню на два орудия, а также два участка броневых бруствера по системе Ланкастера в общей сложности на пять орудий. Соответствующий проект был составлен в феврале 1867 года и 20 апреля того же года одобрен Техническим комитетом ГИУ⁸⁹. (*Ил. 39*) Пятая броневая башня располагалась не на одной линии с остальными, а была несколько отодвинута в тыл. При этом пришлось

⁸⁷ Там же. Д. 5123.

⁸⁸ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 252. Л. 76 с об.

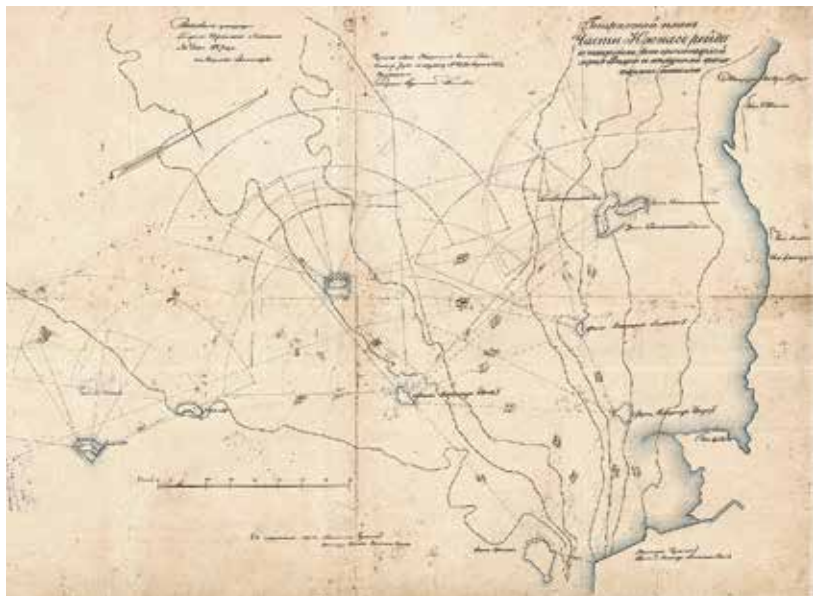
⁸⁹ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4852.

Ил. 39а. Проект морской батареи на 15 орудий в пяти броне-вых башнях и за двумя участками броне-вых брустверов. 27 февраля 1867 г. Генеральный план. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4852

Ил. 39б. План помещений массива башенной батареи к проекту, составленному 27 февраля 1867 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4852

существенно перепланировать помещения башенного массива. Два участка бруствера также располагались на левом фланге. Они помещались в промежутках между башнями, почти вплотную к их стенкам. В крайнем слева промежутке располагался бруствер на три орудия, в следующем — на два. С учетом этих изменений количество орудий на батарее возросло с 8 до 15.

Ил. 40. «Генеральный план части Южного рейда с показанием вновь проектируемой морской батареи с железными вращающимися башнями». 13 мая 1867 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4891

Однако, надо сказать, что с появлением в планах башенной батареи, предусмотренные еще в 1863 году работы по обшивке броней стен форта «Имп. Павел I» и перестройке в постоянную временной батареи № 2 еще какое-то время обсуждались. Согласно примерному исчислению, на первую работу требовалось до 3 000 000 рублей, а на вторую — до 1 200 000 рублей (причины столь высокой стоимости перестройки этой батареи пока не ясны). Комплексное решение по усилению Южного фарватера было принято лишь в первой половине лета. Подробное его изложение мы находим в предписании ГИУ, которое Строитель крепости получил 5 июля 1867 года⁹⁰.

Принимая в соображение, что сильнейший огонь с форта Павел I направлен поперечь фарватера, а к стороне моря огонь его совершенно ничтожен, что форт этот, созданный при других условиях, ныне ни по начертанию, ни по материалам, из коих он построен, не соответствует вполне своему назначению, и что гранитные стены форта легко могут быть разрушены,

⁹⁰ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 260. Лл. 10–11-об.

а одежда его стен железом не даст возможности усилить огонь к морю, Товарищ Генерал-Инспектора по Инженерной части полагал более полезным отказаться от этой работы и отложить перестройку батареи № 2, а взамен того воздвигнуть пред фортом Павел I на одной высоте с Константиновскою батареею, новую батарею с железными башнями и бруствером, проектированными сообразно с условиями современной обороны

Постройка башенной батареи, долженствующей служить довершением укреплений на Южном фарватере Кронштадта, принимается крайне необходимою еще и потому, что батарея эта, удовлетворяя вполне современным условиям обороны, представляет выгоду и в экономическом отношении, требуя расхода только до 2,300,000 руб., т. е. менее исчисленного на перестройку батареи № 2, и прикрытие форта Павел I-й железом, до 1,900,000 руб.

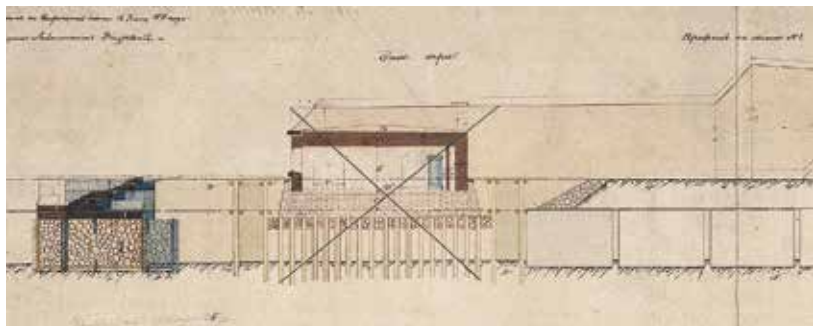
Постройку новой батареи предполагалось закончить в 1871 году, а подготовительные работы начать немедленно, на что переводились 300 тыс. руб., ассигнованные ранее на перестройку временной батареи № 2. В связи с расположением новой батареи существенным изменениям подвергалась трассировка ряжевых заграждений: поскольку батарея располагалась впереди существующей линии, перед ее фронтом требовалось соорудить новую линию заграждений. (ил. 40) Работы по постройке башенной батареи начались в зиму с 1867 на 1868 год.

Что же касается временной морской батареи № 2, то в упомянутом выше документе ее предписывалось «сохранить пока в настоящем виде»⁹¹. Однако очень скоро последовало решение привести эту морскую батарею «в такое состояние, чтобы она могла быть вооружена». Судя по описанию работ, приведенному в отчете за 1868 год, под этой не очень конкретной формулировкой подразумевалось не что иное, как перестройка временной батареи в постоянную, но по упрощенному варианту — без казематированных построек и с пониженными земляными брустверами⁹². При этом надо иметь в виду, что батарея и в существующем виде была вполне пригодна для обороны, поскольку ранее здесь был насыпан вал для артиллерии. Теперь же этот вал полностью был срыт, а его грунт пошел на отсыпку тела острова. Пока не очень понятно, каким именно образом происходила эта отсыпка; напомним, что основу этой временной батареи составляло не свайное поле, а несколько поставленных рядом ряжевых линий. В отчете о работах упоминается заделка шпунтовыми сваями промежутков между ряжами в тылу и с боков батареи. Почему в документе речь идет только о промежутках между ряжами, не вполне понятно, поскольку ряжи сами по себе теоретически не могли обеспечить остров батареи от вымывания грунта. Этот вопрос еще требуется выяснить.

---

⁹¹ Там же. Л. 11.

⁹² Там же. Л. 11.

Ил. 41. Разрез по казарме в тыльной части южной морской батареи № 2 «Дзичканец». К проекту строительства казармы и порохового погреба, составленного 10 мая 1871 г. В правой части разреза схематически показаны ряжевые ящики основания временной батареи. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 5464

Работы по приведению батареи № 2 «в такое состояние» не отличались большими объемами, поэтому уже в следующем году их удалось полностью выполнить, на что ушло немногим более 63 тыс. рублей⁹³. Однако в таком состоянии батарея пребывала недолго. Уже в 1870 году последовало решение построить на ней кирпичный пороховой погреб на что было выделено 50 тыс. рублей. Эту работу планировалось начать в том же году, однако ее отложили ввиду принятия новых решений построить на батарее помещения для гарнизона, а также насыпать возвышенные бруствера⁹⁴. Соответствующий проект составили 10 мая 1871 года, а примерно через месяц его одобрил Инженерный комитет ГИУ⁹⁵. Согласно проекту, казарма и пороховой погреб располагались вплотную друг к другу, как единая постройка. При этом, что интересно, это сооружение располагалось в тылу от старого ряжевого основания временной батареи, то есть на месте гавани (ил. 41). Особый интерес представляет основание и фундамент этой казематированной постройки. Как мы помним, в зиму на 1856 год забивка свай в дно на месте батареи № 2 встретила большие трудности, из-за чего вместо свай под временную батарею было устроено сплошное ряжевое основание. Теперь же, на чертеже 1871 года, под сплошным фундаментом казематированной постройки показана забивка сплошного же свайного поля. (При этом, что интересно, обе представленные на чертеже профили перечеркнуты, объяснений чему не пока встретилось.) В отчетах же о работах на этой бата-

⁹³ Там же. Л. 47.

⁹⁴ Там же. Л. 56 с об.

⁹⁵ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 5455, 5464.

рее в 1871 и 1872 годы, забивка свай под казематированную постройку никак не упомянута, а ее фундамент описан как выведенный «из бетонной и плитной кладки»⁹⁶. Таким образом, детали устройства основания и фундамента под этим сооружением еще предстоит выяснить.

Основную часть работ, предусмотренных проектом 1871 года, на южной батарее № 2 удалось выполнить к исходу 1873 года⁹⁷. Впоследствии никаких дополнительных казематированных сооружений на этой батарее не построили. Таким образом, после перестройки эта батарея стала представлять уникальный в своем роде тип открытой морской батареи: земляной вал, позади которого располагалась одна большая казематированная постройка.

Строительство пятого броневго бруствера на батарее «Константин». Перестройка временных частей этой батареи в постоянные и окончание на ней основных работ

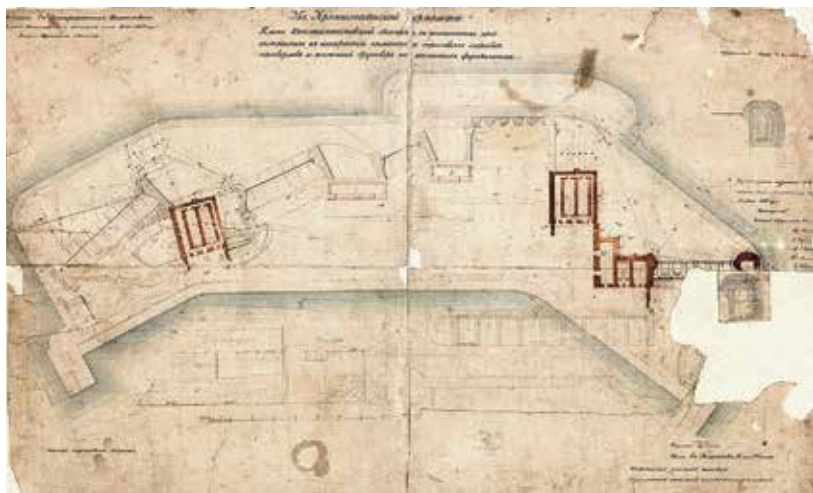
Напомним, что с 1863 года постоянная Константиновская батарея превратилась в кипучую стройку, на ней началось возведение четырех броневых брустверов. В следующем году, в двух промежутках между брустверами построили две кирпичные сводчатые галереи. А в конце ноября 1864 года в крепости был разработан проект строительства на этой батарее пятого броневго бруствера, двух кирпичных пороховых погребов и двух казематированных траверсов⁹⁸. (Ил. 42) Следует остановиться на объемно-планировочном типе включенных в проект пороховых погребов. Характерной особенностью этих сооружений являлось то, что помимо собственно помещений для боезапаса, в их состав включались небольшие сводчатые галереи для артиллерийской прислуги, расположенные на втором уровне. Причем площадь этих галерей значительно уступала площади расположенных под ними хранилищ, что отразилось на необычных силуэтах профилей этих сооружений (см. ил. 46). Надо отметить, что этот тип погреба был применен в Кронштадтской крепости только на Константиновской батарее. Работы по выполнению упомянутого проекта начались в следующем году, однако велись они не очень интенсивно, по всей видимости, ввиду задержки решения вопроса по вооружению броневых брустверов. Также еще не был выбран тип пятого броневго бруствера.

Не успели еще полным ходом развернуться работы по только что принятому проекту, как последовало новое решение — строить на тер-

⁹⁶ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 260. Лл. 65-об., 74.

⁹⁷ Там же. Л. 84-об.

⁹⁸ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4668.

Ил. 42. Проект строительства на постоянной Константиновской батарее двух пороховых погребов, двух казематированных траверсов и пятого броневое бруствера. 30 ноября 1864 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4668

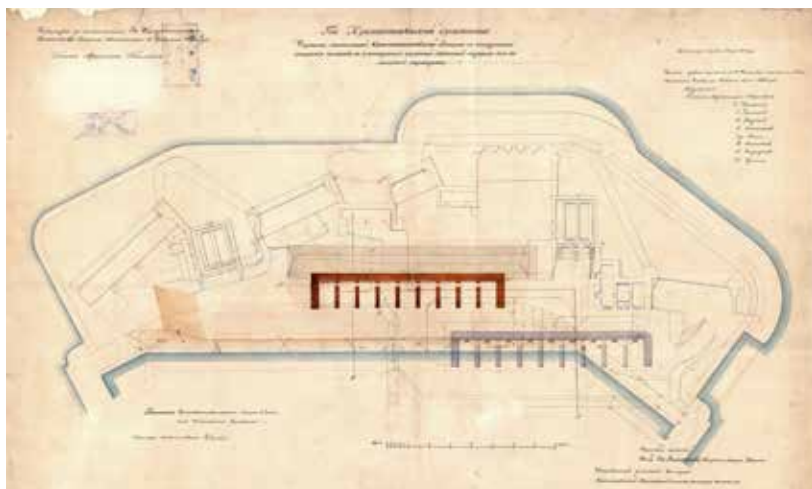
ритории постоянной батареи казарму. Соответствующий проект разработали в начале 1866 года⁹⁹. Изначально одноэтажную казарму разместили в центральной части постоянной батареи, однако в ГИУ это решение изменили, передвинув казарму на правый фланг батареи и немного в тыл (ил. 43). На новом месте казарма частично выступала за существующий периметр острова, поэтому часть гавани пришлось засыпать. Возведение казармы откладывать не стали, и уже к концу 1866 года одноэтажная казарма на девять казематов была вполне построена. К тому же сроку вчерне возвели и все казематированные постройки (два погреба и два траверса), предусмотренные предыдущим проектом¹⁰⁰.

В начале 1866 года определились с типом пятого броневое бруствера, им стала система Ланкастера, то есть вертикальный щит, набранный из броневых брусьев¹⁰¹. Правда заказ на его изготовление Адмиралтейским Ижорским заводам в Колпино последовал более чем через год. А еще через год, когда значительная часть конструкций бруствера уже была готова, выяснилось, что силами Ижорских заводов не получится обеспечить изготовление броневых брусьев надлежащего качества.

⁹⁹ Там же. Д. 4926.

¹⁰⁰ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 252. Л. 19.

¹⁰¹ Там же. Д. 251. Лл. 138, 195-об.

Ил. 43. Проект строительства на постоянной Константиновской батарее одноэтажной казематированной казармы. Одобрен Техническим комитетом ГИУ 10 февраля 1866 г. На чертеже показаны два варианта положения казармы: изначально предложенный (в центре) и принятый (в правой части). РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4926

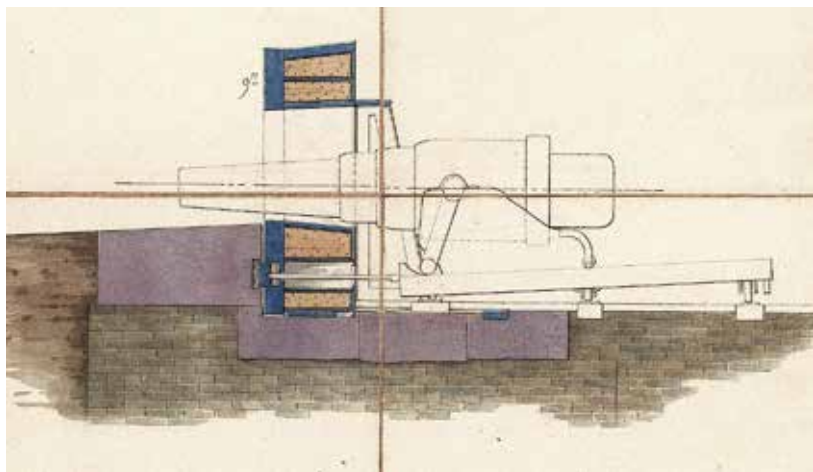
Пришлось спешно переделывать проект, который вновь был одобрен Техническим комитетом ГИУ 23 декабря 1868 года¹⁰². Согласно новому проекту, броневые брусья заменялись на броневые плиты, тем самым из конструкции бруствера исключалась главнейшая часть системы Ланкастера. В измененном виде он стал именоваться Колпинским. Полностью работа по сооружению пятого броневых бруствера закончилась в 1870 году. (*Ил. 44, 45*)

Отдельного упоминания заслуживает вопрос сооружения над броневыми брустверами железных блиндажей. Вообще, вопрос закрытия брустверов сверху возник довольно рано и решения по нему несколько раз менялись. В конце концов, весной 1867 года было принято решение перекрыть железным блиндажом один только 9-орудийный комитетский бруствер, как обладающий наиболее опасным положением. Согласно разработанному проекту, покрытие блиндажа представляло собой довольно прочную конструкцию «коробчатого», а иначе говоря, кессонного типа¹⁰³. Работа по изготовлению блиндажа началась на петербургском заводе наследников Берда¹⁰⁴. Но уже в апреле сле-

¹⁰² РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4962; Ф. 1342. Оп. 1. Д. 279. Лл. 141–142.

¹⁰³ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4937.

¹⁰⁴ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 279. Л. 109.

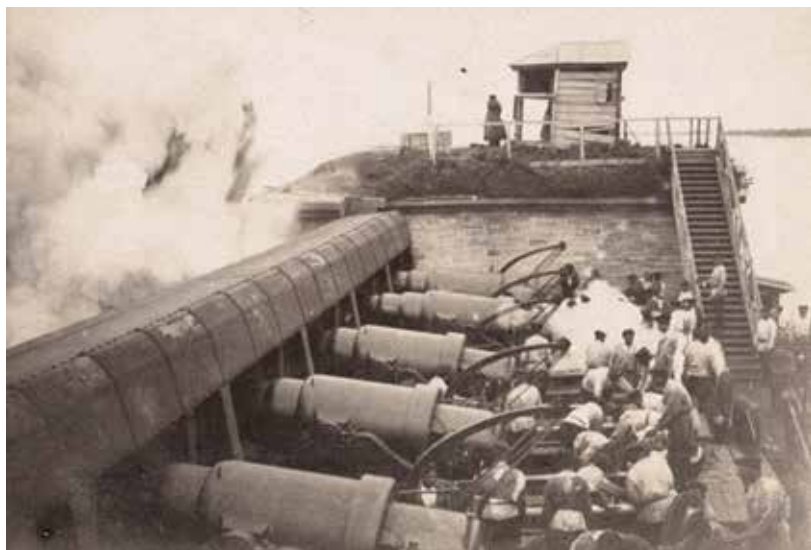

Ил. 44. Разрез по Колпинскому броневому брустверу на пять 11-дм. пушек.
РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 2. Д. 305

дующего года это решение было изменено, на что повлияло начало работ по возведению на Южном фарватере новой башенной батареи. Действительно, новая батарея располагалась непосредственно в секторе огня левофлангового 9-орудийного бруствера на батарее «Константин», из-за чего вероятность попадания в этот сектор неприятельских кораблей резко сокращалась. Ввиду этого возник план развернуть 9-орудийный бруствер по часовой стрелке в сторону запада, однако отнести эту работу на то время, когда будет достроена башенная батарея. В этой связи перекрытие этого бруствера блиндажом отменили, а уже изготовленные на заводе части решили применить к рядом расположенным 6-орудийному комитетскому брустверу и 3-орудийному брустверу по системе Ланкастера. Полностью эту работу выполнили на 6-ор. комитетском бруствере к концу 1869 года, а на бруствере Ланкастера — к концу 1870 года¹⁰⁵.

Помимо этих двух брустеров, обсуждались планы перекрыть и все остальные, в том числе и Колпинский. Однако все они так и остались на бумаге. Забегая вперед, отметим только, что в самом конце XIX века, при перестройке батареи «Константин» в бетоне оба блиндированные бруствера были разобраны, а блиндаж от 6-ор. комитетского бруствера несколько реконструировали и установили над бруствером Шведе, где он благополучно сохранился до наших дней.

¹⁰⁵ Там же. Д. 252. Лл. 48, 54.

Ил. 45. Стрельба 11-дм. пушек, установленных за Колпинским броневым бруствером (запечатлен момент выстрела второго справа орудия). Фото предположительно конца XIX в. Из собрания автора

Как уже упоминалось, первые четыре броневые бруствера в 1868 году вооружили 8-дм. пушками обр. 1867 г. Но как раз вскоре после этого Военное ведомство приняло решение о принятии на вооружение 11-дм. пушек, которые стали основным типом тяжелого орудия отечественной береговой обороны вплоть до конца столетия. Естественно, эти орудия решили установить и за броневыми брустверами. Первым 11-дм. пушки получил вновь построенный в 1870 году Колпинский бруствер. Затем, после осуществленного в 1872–1873 годах разворота на 42° 9-ор. комитетского бруствера, соответствующее число 11-дм. пушек разместили за ним. Позже всего, а именно в конце 1870-х гг., 11-дм. орудия получил броневой бруствер Шведе¹⁰⁶. Что же касается перевооружения двух блиндированных брустверов, то оно так и не состоялось: вплоть до их разбора в 1897 году за этими брустверами оставались 8-дм. пушки.

* * *

Как мы уже упоминали выше, при строительстве постоянной Константиновской батареи ее предшественницу — временную батарею

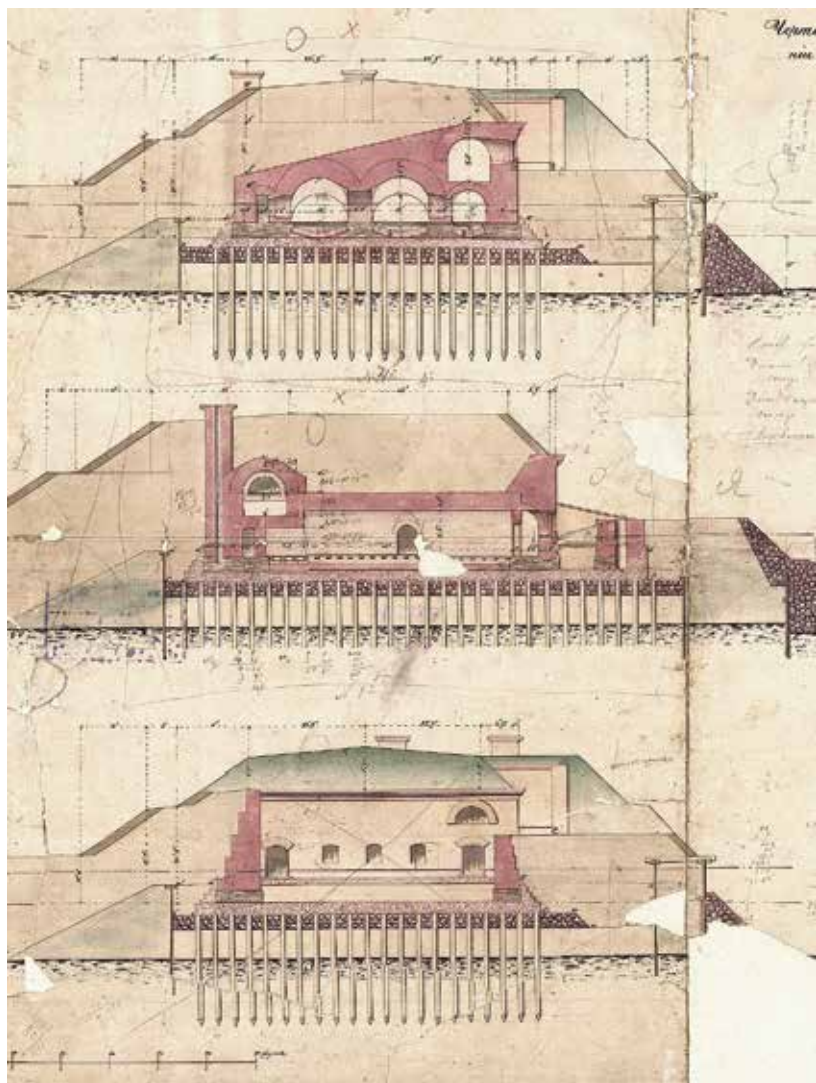
¹⁰⁶ Там же. Д. 252. Л. 151-об.; Д. 423. Л. 170-об.

№ 4 — предполагалось впоследствии разобрать. Предполагалось ли это же относительно временных участков, построенных в зиму на 1864 год, выяснить пока не удалось. Тем не менее, вскоре после этого временную батарею № 4 с соединительным участком, а также временное удлинение левого фланга было решено впоследствии не разбирать, а перестроить наподобие остальных морских батарей. Начало этой работы несколько раз откладывалось. Но поскольку боеготовые временные части объединенного Константиновского укрепления настоятельно требовали скорейшего возведения безопасных помещений для боекомплектов, в 1865 году здесь в расчете на последующую перестройку батарей начались работы по возведению двух кирпичных пороховых погребов точно такого же типа (с галереей для арт. прислуги), как описанные выше два погреба на территории постоянной Константиновской батареи. Это, пожалуй, уникальный случай в истории Кронштадтской крепости — долговременные казематированные сооружения строились еще до перестройки самих батарей. Но поскольку тяжелые кирпичные сооружения могли располагаться исключительно на прочном земляном основании, то под ними и насыпали небольшие участки оснований, окруженные шпунтовыми стенками, которые впоследствии планировалось включить в площадь постоянной батареи. (Ил. 46) Один погреб возвели посередине временного удлинения левого фланга, а второй — в левой части соединительного участка (он единственный сохранился до наших дней, остальные три были разобраны во время последующих реконструкций укрепления). Оба погреба на временных флангах были закончены в 1866 году. А уже в следующем году начинается собственно перестройка временных частей укрепления в постоянные. (Ил. 47а)

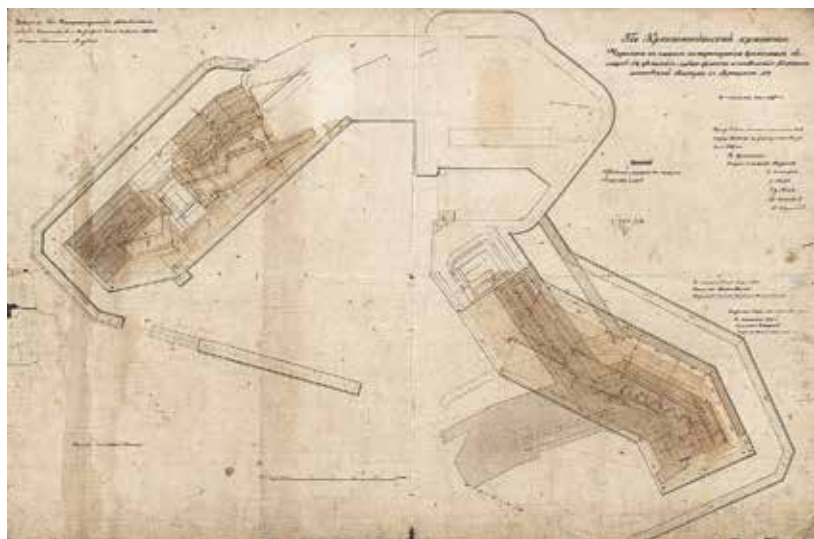
Перестройка трех временных участков происходила разными способами¹⁰⁷. Удлинение левого фланга перестраивалось по способу 1861 года, при котором эскарпные ряжевые стенки и волноломы сохраняли свое назначение, а остров батареи расширялся в тыл. Таким же образом реконструировался и соединительный участок. А вот временная батарея № 4 перестраивалась в постоянную по способу 1864 года, при котором ряжевый волнолом временной батареи обращался в эскарпную стенку. Это различие способов реконструкции разных частей укрепления обуславливается, скорее всего, наличием построенных годом ранее пороховых погребов. При планировании этих погребов в 1865 году инженеры разместили их таким образом, чтобы минимизировать работы по сооружению их оснований, а также избежать строительства новых волноломов. Тем самым, был предопределен последующий способ ре-

¹⁰⁷ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4933.

Ил. 46. Разрезы и фасад кирпичного порохового погреба на соединительном участке Константиновской батареи. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 5302

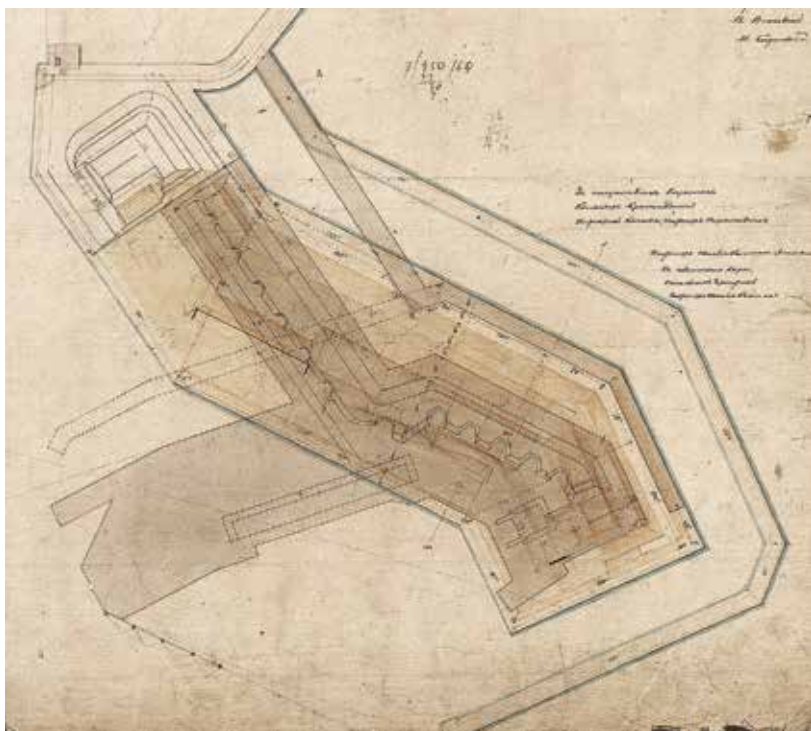

Ил. 47а. «Чертеж к смете по перестройке временных батарей № 4, удлинения левого фланга и соединения Константиновской батареи с батареею № 4». 24 мая 1867 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4933

конструкции соответствующих участков укрепления. Там же, где ничто не мешало выбору способа перестройки, применили более поздний вариант, принятый для других батарей в 1864 году.

Учитывая то, что левая половина временной батареи № 4 после изменения общей конфигурации укрепления в 1864 году стала совершенно непригодной для размещения артиллерии, ее не стали перестраивать и полностью разобрали. Таким образом бывший короткий фас временной батареи № 4 после перестройки становился основным в этой части объединенного укрепления. А учитывая то, что его перестройка и перестройка примыкающего к нему соединительного участка происходили по разным способам, общая конфигурация этих частей после перестройки очень поменялась, правда, при этом заметно упростившись. По сути от фаса бывшего соединительного участка осталась только та его часть, где годом ранее построили кирпичный погреб, а бывший короткий фас временной батареи, тактически более выгодный в обороне по своему положению, напротив, удлинился почти вдвое. (Ил. 47б)

Проектом перестройки предусматривалось строительство на правой оконечности бывшей батареи № 4 малого порохового погреба, а на месте бывшего соединительного участка — двухэтажной казематиро-

Ил. 476. Фрагмент «Чертежа к смете по перестройке временных батарей...». План перестройки временной батареи № 4 и соединительного участка

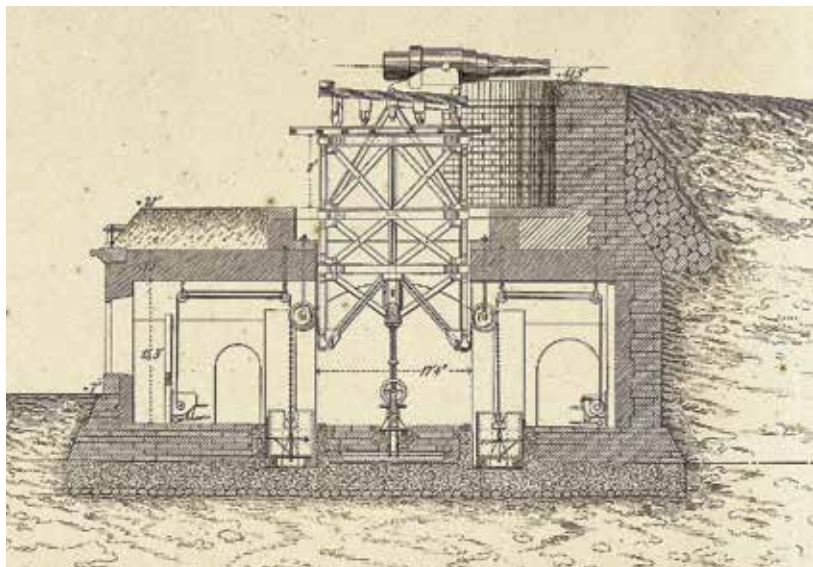
ванной казармы¹⁰⁸. Эти сооружения вчерне возвели уже в 1868 году¹⁰⁹. На бывшем удлинении левого фланга, напротив, изначально не планировалось строить никаких новых казематов. В 1868 году из-за расширения земляных валов, к имеющемуся здесь пороховому погребу пристроили две подпорные стенки увеличенных размеров¹¹⁰. А в следующем году одной из этих стенок воспользовались для размещения за ней небольшого сводчатого жилого помещения. При этом сама подпорная стенка стала фасадом этого каземата¹¹¹. То есть упомянутый жилой каземат стал пристройкой к пороховому погребу (именно эта

¹⁰⁸ Там же. Д. 4935.

¹⁰⁹ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 252. Л. 39.

¹¹⁰ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4942.

¹¹¹ Там же. Д. 5163.

Ил. 48. Разрез по казематированной постройке для 11-дм. пушек на подъемных станках ген. Паукера. Орудие поднято в боевое положение. Атлас чертежей для руководства при составлении проектов фортификационных сооружений. 1873 г. Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 13. Л. 3

часть сооружения и сохранилась до наших дней, в то время, как сам пороховой погреб был разобран при строительстве на его месте бетонной минной станции в начале XX века).

В 1871 году перестройка флангов батареи «Константин» в соответствии с первоначальным планом закончилась. Здесь были насыпаны высокие валы для установки орудий. Причем валы эти на разных флангах отличались своей конфигурацией. Ровный бруствер правого фланга предназначался для установки в одну линию шести орудий. На левом же фланге бруствер получил зигзагообразную трассировку, вызванную желанием развернуть орудийную позицию к западу (по той же причине, что и разворот 9-ор. броневого бруствера, то есть из-за появления в секторе огня башенной батареи). В результате этот земляной бруствер был разделен на три кремальеры, на каждой из которых предполагалось поместить по два орудия. Так этот бруствер впоследствии и именовался в документах — «кремальберным».

Однако, не известно в точности, просуществовал ли этот бруствер именно в таком виде — с тремя кремальерами — хотя бы самое не-

продолжительное время, поскольку уже в том же, 1871, году на месте его крайней слева кремальеры началось строительство казематированной постройки для двух 11-дм. пушек на подъемных станках генерал-майора Паукера¹¹². Это новое сооружение представляло собой одноэтажную постройку с тремя сводчатыми казематами, покрытия которых служили орудийным валгангом (*ил. 48*). Во время бездействия пушки находились на уровне валганга под защитой высокого каменного бруствера. Для приведения их в боевое положение подъемные станки приподнимали их над бруствером. Уже в следующем году это оригинальное сооружение было почти построено и в нем установили подъемные станки Паукера, изготовленные Петербургским Металлическим заводом¹¹³.

Казематированная постройка с подъемными станками Паукера стала последним крупным сооружением, возведенным на батарее «Константин» в середине XIX века. Следующие значительные реконструкции на этом укреплении относятся уже к эпохе бетонного строительства.

Броневые амбразурные щиты. Перестройка казематированных траверсов

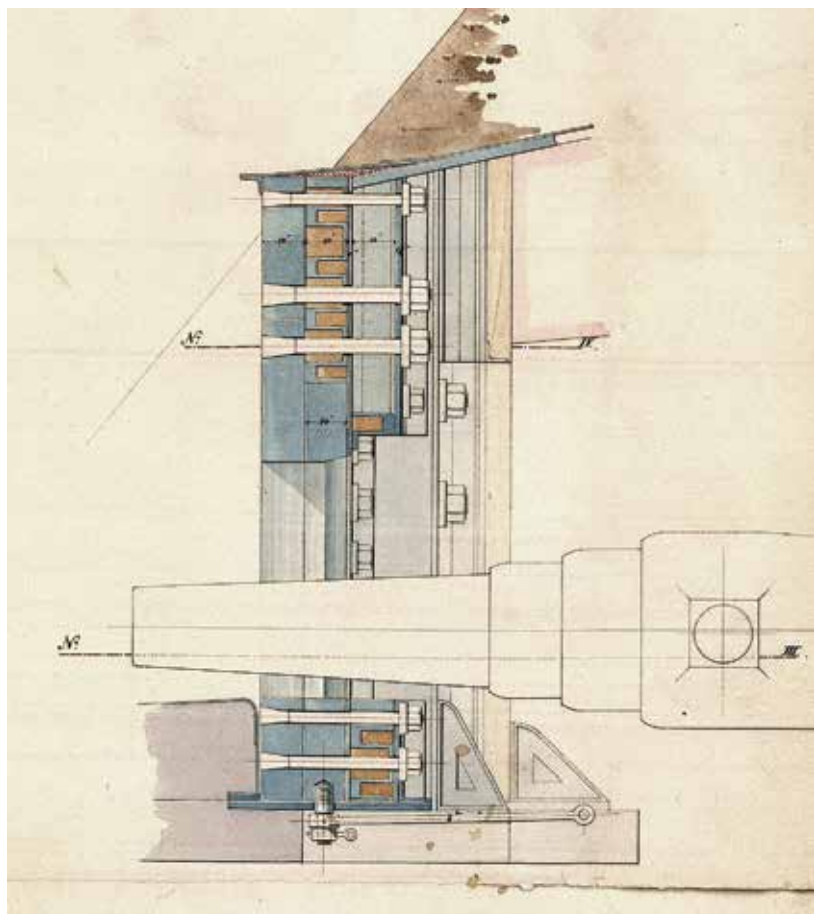
Как уже упоминалось, с 1864 года напольные стены казематированных траверсов на морских батареях предполагалось снабдить броневыми амбразурными щитами. Скорей всего это не относилось только к северной батарее № 1, поскольку на ней уже к 1863 году напольные стены казематов были облицованы крупными гранитными блоками. Определение типа броневых щитов заняло несколько лет (этот вопрос находился в прямой увязке с выбором оптимального типа броневых брустверов). Изначально предполагалось, что амбразурные щиты будут сделаны по типу броневых брустверов Шведе. Об этом недвусмысленно свидетельствуют проекты перестройки морских батарей, составленные в 1864 и 1865 годы. После того, как в 1866 году из трех опробованных конструкций броневых брустверов предпочтение было отдано системе Ланкастера, применительно к этому типу был составлен и проект амбразурного щита¹¹⁴. Затем, когда при описанных выше обстоятельствах пришлось отказаться и от этой системы, был составлен проект амбразурного щита того же конструктивного типа, что и Колпинский броневой бруствер (*ил. 49*). Именно применительно к этому типу и последовал заказ Камскому бронепрокатному заводу Горного ведомства

---

¹¹² РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 252. Л. 64-об.

¹¹³ Там же. Л. 74-об.

¹¹⁴ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4873.

Ил. 49. Разрез по броневому амбразурному щиту казематированного траверса.
16 ноября 1869 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 5126

на три амбразурных щита для северных батарей №№ 4 и 6. Установка щитов на багряях началась в 1870 году. Один щит располагался в центральном траверсе северной батареи № 4, и еще два — в центральном траверсе северной батареи № 6¹¹⁵.

Однако к концу 1860-х годов в инженерной среде отношение к вопросу о применении в фортификации брони заметно поменялось. С од-

¹¹⁵ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 252. Л. 58.

ной стороны, сложность изготовления и высокая стоимость броневых закрытий ограничивала их применение. С другой стороны стало очевидным, что несравненно более экономичные открытые установки в современных условиях не так уж беззащитны. К тому же новейшие артиллерийские установки 9-дм. и 11-дм. пушек обладали очень большими размерами, затрудняющими применение их в тесных казематах или за броневыми брустверами. Вероятно, с учетом всех этих соображений в конце 1860-х годов последовало кардинальное решение вовсе отказаться от казематной установки орудий на морских батареях. Возможно, на решение этого вопроса повлиял также недостаток на морских батареях безопасных помещений для хранения боезапаса. Так, из всех морских батарей специальные помещения для хранения боезапаса (пороховые погреба) имелись только на южных батареях №№ 2, 3 и 4. На всех остальных батареях имелись только казармы и казематированные траверсы.

Уже в 1871 году почти все казематированные траверсы морских батарей (кроме северной № 1) были приспособлены под хранение боеприпасов или под склады боевых принадлежностей. При этом амбразуры во временных стенках бывших орудийных казематов заделывались, сами эти стенки снаружи усиливались каменной кладкой и обсыпались грунтом¹¹⁶. На северной батарее № 1 аналогичную работу выполнили в 1872 году¹¹⁷.

Однако установку упомянутых выше трех броневых щитов не отменили. Эта работа была завершена, и, таким образом, упомянутые три каземата сохранили свое изначальное назначение орудийных. До наших дней чудом сохранилось два броневых щита на северной батарее № 6, теперь это совершенно уникальный памятник военно-инженерного искусства в нашей стране.

* * *

В начале 1870-х гг. общий объем строительных работ в крепости заметно сократился: основная часть укреплений была уже перестроена и или находилась на завершающей стадии строительства. В это время, 20 мая 1872 года, Константин Яковлевич Зверев был назначен управляющим делами Инженерного комитета ГИУ, вместо него временно исполняющим должность Строителя Кронштадтской крепости назначили полковника Александра Фридриховича Фон-Дёринга (1829 — не ранее 1890), ранее бывшего начальником Кронштадтского крепостного инженерного управления. Полковник Фон-Дёринг руководил Строительством

---

¹¹⁶ Там же. Лл. 65, 66-об.

¹¹⁷ Там же. Лл. 76-об.

вплоть до его упразднения в самом начале 1880 года, что интересно, так и оставаясь в статусе временно исправляющего должность.

Строительство башенной батареи

К концу 1860-х гг. в то время, как строительные работы на большинстве морских батарей близились к своему завершению, работы на первой отечественной башенной батарее, наоборот, только набирали обороты.

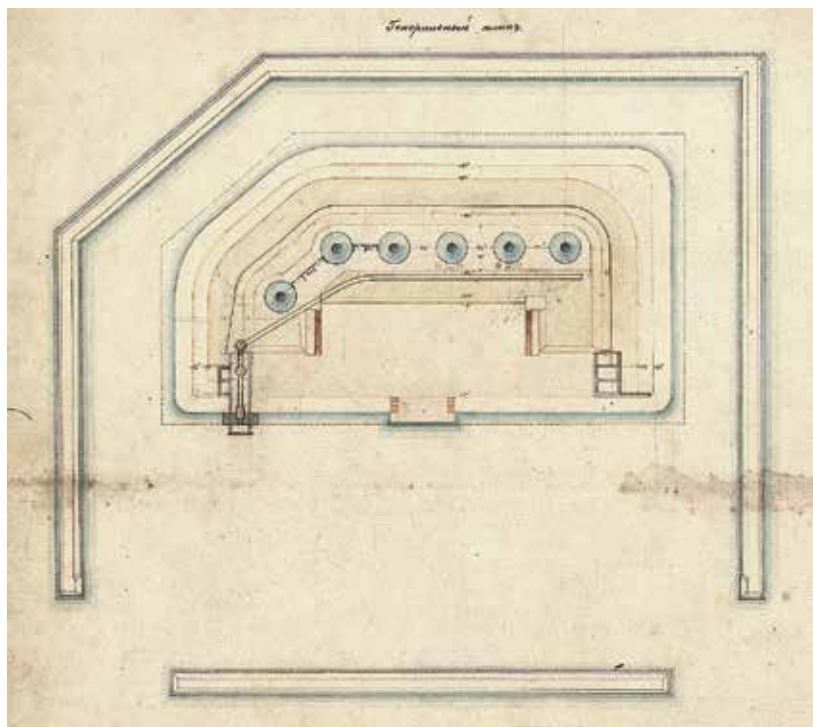
Остров батареи принадлежал в общих чертах к тому же конструктивному типу, что и для северных батарей №№ 4 и 6 (бывшие №№ 10 и 11) — с рязевыми стенками по всему периметру острова. Собственно батарея представляла собой единую казематированную постройку (массив), большая часть которой являлась одноэтажной, а фланговые части — двухэтажными. Основанием этого массива являлось сплошное свайное поле, поверх которого устраивался сплошной фундамент. Само сооружение выполнялось в основном из кирпичной кладки, но с большим количеством гранитных частей. Так, например, гранитом облицовывалась на всю высоту наружная грань напольной стены, верхние части башенных колодцев, а также по эстетическим соображениям — некоторые элементы тыльного фасада. Внутри постройки располагались башенные колодцы, пороховые погреба и светлые казарменные помещения. Все казематы были связаны друг с другом с помощью двух галерей (коридоров), один из которых проходил у напольной стены, другой — между погребами и жилыми помещениями.

В начале 1868 года (т. е. в момент начала строительства) в проект башенной батареи внесли еще одно очень существенное изменение — добавили шестую броневую башню для одной 14-дм. пушки¹¹⁸. Новую башню расположили на одной линии с остальными, с правого края. Но вскоре от идеи установить в ней 14-дм. пушку отказались и башню вооружили так же, как и все остальные — двумя 11-дм. пушками. С учетом этого планируемое вооружение батареи достигло 17 орудий (12 в броневых башнях и еще 5 за броневыми брустверами). Ввиду появления шестой башни, планировка правой части массива была изменена, а это повлекло также и небольшое изменение формы острова батареи — ее правый угловой скос был спрямлен, из-за чего общая конфигурация острова перестала быть симметричной (*ил. 50*). Еще позже, в апреле 1869 года, была немного упрощена конфигурация и левой части массива¹¹⁹. Наконец уже по ходу строительства к башенному массиву были добавлены две фланговые кирпичные пристройки для паровых машин, отхожих мест и угольных ям

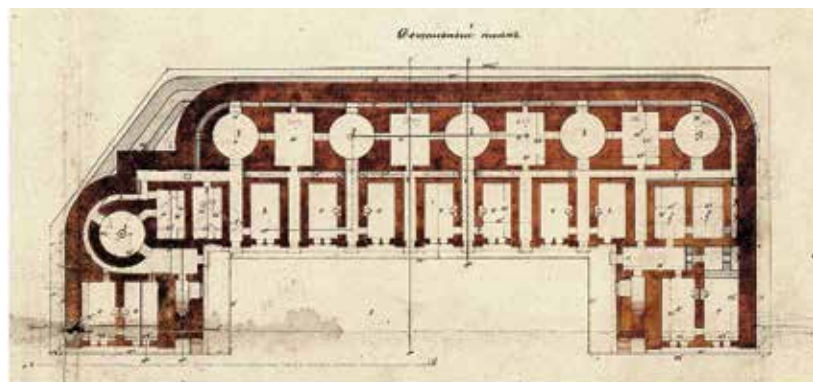
¹¹⁸ РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 4857.

¹¹⁹ Там же. Д. 6074.

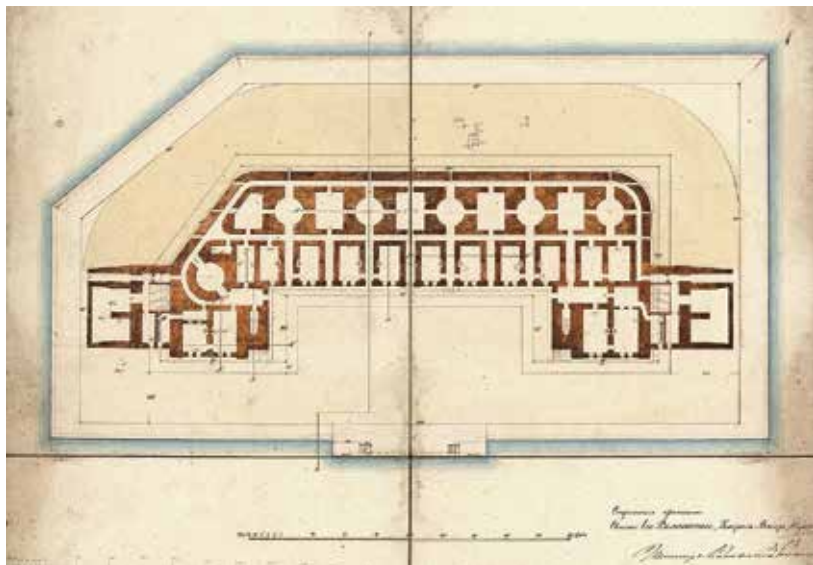

Ил. 50а. Проект морской батареи на 17 орудий в шести броне-вых башнях и за двумя участками броне-вых брустверов. 12 апреля 1869 г. Генеральный план. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 6074

Ил. 50б. План помещений массива башенной батареи к проекту, составленному 12 апреля 1869 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 6074

Ил. 51. Окончательный план помещений массива башенной батареи с двумя фланговыми пристройками. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 4. Д. 6073

(не вполне понятно, почему эти помещения не были изначально включены в состав батареи). (Ил. 51) Видимо, с учетом всех этих изменений стоимость батареи по проекту в 1870 году выросла до 3 000 000 руб¹²⁰.

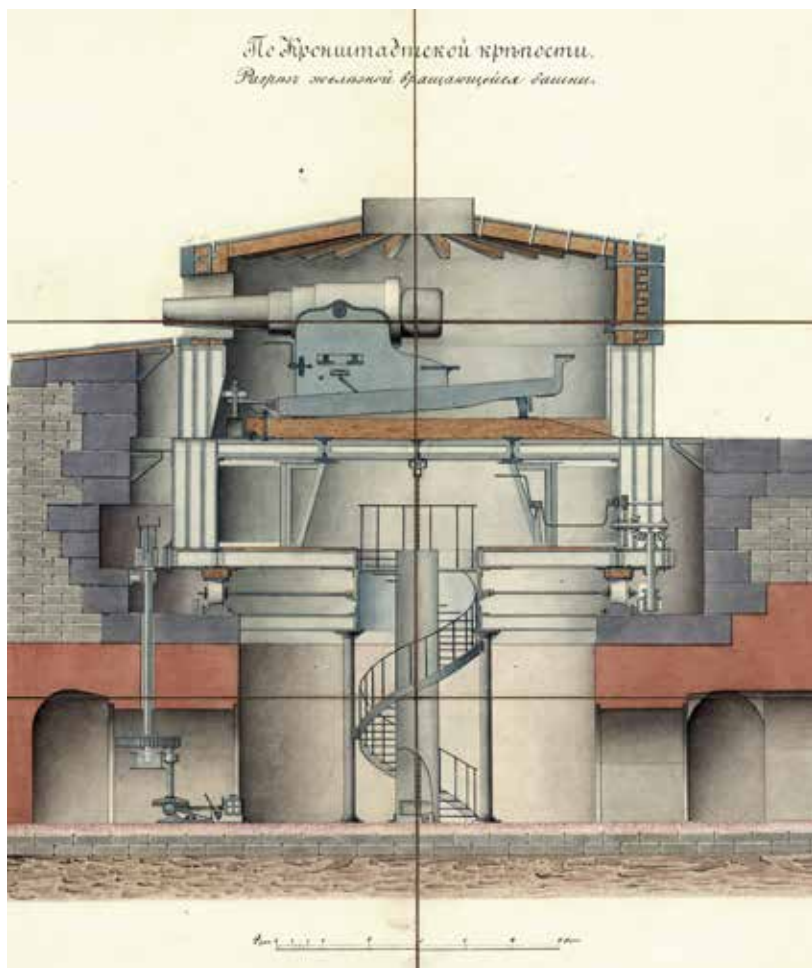
Основная часть строительных работ на батарее, включая фланговые пристройки, закончилась в 1872 году, тогда же началась доставка на батарею частей башенных установок¹²¹. Однако сборка броневых башен на батарее сильно затянулась. Фактически к этой работе приступили только в 1873 году, а вполне окончили ее через шесть лет — в 1879 году¹²². Таким образом, полное строительство башенной батареи с учетом сборки самих башен продолжалось примерно 10 лет. При этом от строительства на батарее участков броневых брустверов отказались, так что итоговое вооружение укрепления составили 12–11-дм. пушек.

Собранные на батарее броневые башни представляли собой весьма сложные по тем временам конструкции (ил. 52). Они имели цилиндрическую форму с полностью вертикальными стенками. Толщина наружной вертикальной брони достигала 12 дюймов, при этом, что интересно, она

¹²⁰ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 252. Л. 54.

¹²¹ Там же Л. 73 с об.

¹²² Там же. Л. 84, 171-об., 188-об.

Ил. 52. Разрез по башенной установке южной морской батареи № 3. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 2. Д. 308

закрывала только верхнюю часть боевого отделения, возвышавшуюся над бруствером. А поскольку бруствер в плане охватывал примерно половину башенной установки, нижняя часть боевого отделения с тыла оставалась практически незащищенной. Впрочем, по тем временам это, скорей всего, не являлось большим недостатком. Броня для крыши имела толщину 3 дюйма, причем в ней имелось большое круглое отверстие для естественной вентиляции во время стрельбы. Неброневые части ба-

шенных установок изготавливал Петербургский завод Берда, в то время как броню поставлял Камский бронепрокатный завод Горного ведомства на Урале¹²³. 23 июля 1880 года император Александр II посетил башенную батарею и повелел именовать ее «Граф Милютин» в честь военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912)¹²⁴.

* * *

Уже к середине 1870-х гг. подавляющая часть работ по реконструкции крепости была окончена. На батареях продолжались в основном мелкие доделки и усовершенствования. Наиболее значительные работы велись в связи с установкой на вооружение орудий. Изначально, в конце 1860-х гг. и в начале 1870-х гг. большинство орудий на открытых валгангах батарей устанавливалось на деревянных основаниях¹²⁵. Затем, во второй половине 1870-х в крепости велось массовое строительство каменных оснований под тяжелые орудия, основную часть которых составляли 9-дм. и 11-дм. пушки. На некоторых батареях при этом потребовалось расширить земляные валы. Так же на батареях устанавливались 8-дм. пушки, 6-дм. мортиры и некоторые другие орудия.

Итоги строительства

Ввод в строй башенной батареи ознаменовал собой окончание грандиозного процесса реконструкции крепости, начатого вскоре после Крымской войны и оформившегося в виде единой комплексной программы в 1863 году. В этой связи 1 января 1880 года управление Строителя Кронштадтской крепости упразднили, а все его дела передали в Кронштадтское крепостное инженерное управление¹²⁶. Крепость вступала в период нормальной повседневной службы.

В основу завершеного преобразования крепости была положена схема, намеченная в общих чертах в конце Крымской войны (ил. 53). Каменные морские форты и казематированные батареи первой половины XIX века в результате распространения нарезной артиллерии во многом утратили свое оборонительное значение, хотя и не потеряли его полностью. Теперь главнейшими укреплениями крепости стали долговременные морские батареи. Важным дополнением к ним служила система подводных заграждений — в основном ряжевых, каменных и минных. Причем, в отличие от первой половины века, большая часть загражде-

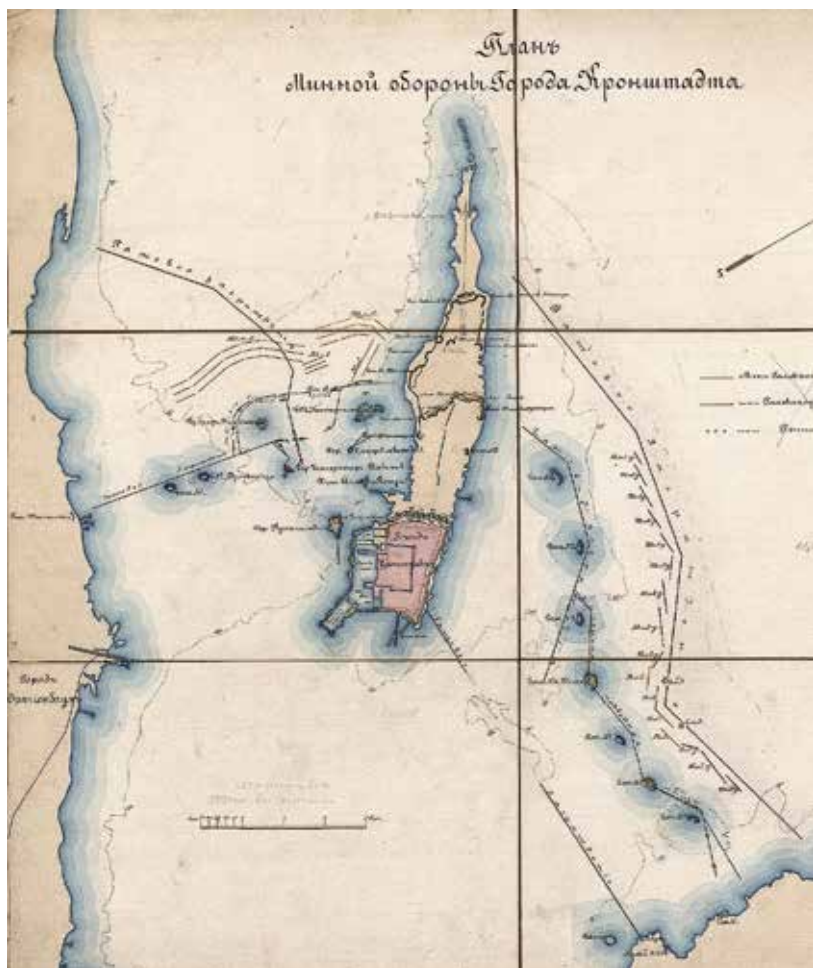
---

¹²³ Там же. Л. 84 с об.

¹²⁴ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. ... С. 304.

¹²⁵ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 252. Л. 76-об.

¹²⁶ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 2149. Лл. 1, 7, 10.

Ил. 53. «План минной обороны города Кронштадта». 1886 г. РГАВМФ. Ф. 1341. Оп. 3. Д. 3

ний находилась в секторах стрельбы морских и береговых батарей, что на порядок повышало эффективность их применения в обороне.

Мощнейшими укреплениями крепости в это время становятся южные морские батареи № 3 и 4, по своему положению являвшиеся прямыми правопреемниками фортов «Имп. Павел I» и «Имп. Александр I». На этих двух батареях было размещено в общей сложности 42–11-дм. пушки, большая часть которых могла сосредоточить свой огонь по од-

ной цели. Причем значительная часть этого вооружения находилась под защитой весьма мощных по тем временам броневых закрытий — башен и брустверов.

Заключение

В течение XIX века Кронштадтская крепость претерпела ряд значительных преобразований как в части типологии фортификационных укреплений, так и в части структуры крепости.

Первые два десятилетия можно назвать временем дерево-каменных морских батарей, которых возвели на обоих фарватерах в общей сложности 10 штук. Сами по себе эти сооружения являлись еще довольно слабыми, но зато их совокупность придала обороне крепости более активных характер.

Следующие три десятилетия впервые в истории крепости кардинально поменяли ее внешний вид. Строительство каменных долговременных сооружений, в первую очередь многоярусных фортов и казематированных батарей, превратило крепость в одну из сильнейших в мире. При этом структура крепости почти не поменялась.

И, наконец, в два десятилетия последовавших после окончания Крымской войны крепость еще раз кардинально поменяла свой облик, также принципиально изменив и свою структуру. Несомненно, по итогам и этого периода развития Кронштадт оставался одной из мощнейших приморских крепостей мира.

Однако последующее стремительное развитие артиллерии помешало крепости долгое время оставаться на высоте. Появившиеся и распространившиеся уже в ходе 1880-х годов фугасные снаряды в значительной степени обесценили строительные достижения предшествующих двух десятилетий. Это предопределило переход в фортификации к более прочному материалу — бетону на основе портландцемента, а также принятие в 1896 году нового плана по усилению Кронштадтской крепости, разработанного комиссией под председательством генерал-адъютанта Н. Н. Обручева. Отчасти развитие кронштадтских морских батарей в это и последующее время, освещено в цикле статей, опубликованных в альманахе «Фортвед» в 2010–2014 годы. В общих чертах, это развитие сводится к следующему.

В изменившихся условиях, на рубеже XIX и XX веков значение прежних каменно-земляных морских батарей, несомненно, снизилось, хотя и тогда они продолжали оставаться важной частью крепости. Особенно явно это видно на примере южных морских батарей «Граф Милютин» и «Константин», которые в рамках плана Н. Н. Обручева по большей части сохранили свое первостепенное значение в обороне. Но это потребовало в очередной раз капитально перестроить батарею «Константин», на которой были построены две новые бетонные батареи и ряд других со-

оружий. Батарея же «Милютин» в 1896 году была признана еще более или менее удовлетворяющей своему назначению; ее капитальная реконструкция с полным демонтажем броневых башен последовала значительно позже, спустя несколько лет после Русско-японской войны. Из всех северных морских батарей в рамках плана Н. Н. Обручева была перестроена в бетоне только батарея № 1. Хотя разного рода мелкие бетонные постройки возводились почти на всех морских батареях. Например, еще до принятия плана Н. Н. Обручева, но уже с учетом появления фугасных снарядов, на морских батареях построили индикаторные павильоны горизонтально-базных дальномеров Петрушевского. Это были легкие сооружения с бетонными стенками и железными крышами-козырьками. На некоторых укреплениях построили по одному павильону, на некоторых по два. До наших дней сохранилось три таких павильона — один на батарее «Милютин» и еще два на северной морской батарее № 6. Однако подобные небольшие постройки, конечно, не изменили облик морских батарей и до наших дней большая их часть дошла в основном в том виде, который они получили к концу 1870-х годов. Если, конечно, не иметь в виду их нынешней ужасной физической сохранности.

Автор выражает свою глубокую признательность Александру Капитонову, Василию Бочарову и Александру Кузяку за представленные исторические материалы!

Список литературы

- Раздолгин А. А., Скорилов Ю. А. Кронштадтская крепость. Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние. 1988. — 420 с.
- Воробьев С., Бочаров В. Строительство броневых брустверов на батарее «Константин» в Кронштадтской крепости в 1863–1877 гг. // Фортвед № 8. 2016. С. 22–85.
- Ивков Д. П. Исторический очерк Главного Инженерного Управления, за время его существования с 24 Декабря 1862 г. по 20 Декабря 1913 г. Петроград. 1915. — 399 с.

Stanislav Aleksandrovich VOROBYOV

keeper of the Rif Fort, Chief Editor of the Almanac *Fortoved* (St. Petersburg, Russia)

E-mail: stas-vorobiev2005@yandex.ru

Naval batteries of the Kronstadt fortress (1800–1880)

The article is devoted to the development during the 19th century of the main type of fortifications of the Kronstadt fortress — sea batteries. Based on the available literary sources and documents of the Russian State Archive of the Navy (St. Petersburg), the main stages of the development of this type of structures from an engineering point of view, as well as their participation in the formation of the structure of the Kronstadt fortress, are described and analyzed. The main attention is paid to the period of construction of permanent naval batteries in the 1860s and 1870s, as a result of which these fortifications formed the basis of the firepower of the Kronstadt fortress.

Keywords: Kronstadt fortress, naval batteries.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВИМАИВиВС — Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи
- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
- АИМ — Артиллерийский исторический музей (название ВИМАИВиВС до 1965 г.)
- ап — артиллерийский полк
- ВВС — военно-воздушные силы
- вдк — воздушно-десантный корпус
- ВГК — верховное главнокомандование
- ВИМАИВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
- ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВМФ — военно-морской флот
- ВПК — военно-промышленный комплекс
- ВСЮР — Вооруженные силы Юга России
- ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГАУ — Главное артиллерийское управление
- ЖБД — журнал боевых действий
- ИАК — Императорская Археологическая комиссия
- ИМКА — Союз христианской молодежи
- ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма
- КБФ — Краснознаменный Балтийский флот
- ЛВО — Ленинградский военный округ
- ЛЭТИ — Ленинградский электротехнический институт
- МВД — Министерство внутренних дел
- НА ИИМК РАН. РО — Научный архив Института Истории материальной культуры. Рукописный отдел
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
- НКО — Народный комиссариат обороны
- ОКГ — Отдельная конная группа
- ПАО — Петербургский археологический институт
- ПВО — противовоздушная оборона
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
- РВС — революционный военный совет
- РГАВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
- РГВА — Российский государственный военный архив
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГИА — Российский государственный исторический архив
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РНБ — Российская национальная библиотека
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
СД, сд — стрелковая дивизия
СНК — Совет народных комиссаров
СПбГУПТД — Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
СССР — Союз Советских Социалистических республик
УНР — Украинская народная республика
ЧОН — части особого назначения
ЧСР — Чехословацкая республика
ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦК — центральный комитет
САВ — Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawie
NARA — National Archives and Records Administration

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. В. ЛАПИН</i> Проблемы коммеморации Гражданской войны в СССР	3
<i>А. В. ГАНИН</i> Новые материалы о генерале Я. А. Слащёве-Крымском	15
<i>А. А. КИСЕЛЕВ</i> Столетний юбилей Варшавской битвы в польском общественном мнении и исторической публицистике	29
<i>А. Д. ГРОНСКИЙ</i> Советско-польская война 1919–1920 гг. через призму белорусских интернет-ресурсов	39
<i>Е. С. ЛОСКУТОВА</i> Балы и танцевальные вечера как форма досуговой культуры офицеров Российской империи	50
<i>А. Н. ГРЕБЕНКИН</i> Комплектование преподавательского состава Первого кадетского корпуса в начале XIX в.	63
<i>В. И. ХОЗИКОВ</i> Петербургское ракетное заведение в системе разработки и производства ракетного оружия Российской империи. 1811–1864 гг.	75
<i>М. Б. БАШМАКОВ</i> Из истории 2-го учебного карабинерного полка (сер. XIX в.)	107
<i>К. В. ДОНИК</i> Реформа морского дежурства в 1827 г.: опыт главного штаба и особенности института во флоте	127
<i>А. А. МИХАЙЛОВ</i> Военно-географические и военно-статистические описания территорий военных округов Российской империи второй половины XIX — начала XX вв.	140
<i>И. А. ЯКУПОВ</i> Музеи войсковых частей и полков Русской императорской армии конец XIX — начало XX вв. (разбор состава и экспозиции)	157
<i>В. В. НЕЗГОВОРОВА</i> К вопросу о реорганизации учебного курса Николаевского инженерного училища (по материалам Комиссии генерал-майора А. Р. Шуляченко, 1899 г.)	174
<i>П. В. ЧЕРНОВ</i> Отражение военного прошлого России в «Краткой боевой истории 117-го пехотного Ярославского полка»	190

<i>М. В. МЕДВЕДЕВА, В. Ю. СОБОЛЕВ</i>	
Штабс-капитан Федор Евгеньевич Щитников. Материалы к биографии	197
<i>А. Е. САФАЕВ</i>	
Перелеты Севастополь — Санкт-Петербург лейтенанта В. В. Дыбовского и штабс-капитана Д. Г. Андреади летом 1912 г.	207
<i>В. В. МИХАЙЛОВ</i>	
Военные планы Австро-Венгрии, Сербии и Черногории в начальный период Первой мировой войны.....	256
<i>А. В. ОРЛОВ</i>	
Военно-химическая индустрия России в Первой мировой войне (1914–1918).....	266
<i>Р. А. ТИМОФЕЕВА</i>	
О деятельности Военно-художественного отряда: предварительные замечания	308
<i>К. Б. НАЗАРЕНКО</i>	
«Старое» морское офицерство в Гражданской войне на Севере России (1917–1920).....	315
<i>П. Ю. МАЖАРА</i>	
Офицерство Балтийского флота и проблема сохранения флота в условиях распада империи (1917–1921).....	325
<i>И. В. ПЕТРОВ</i>	
Накануне исхода: настроения Таврического православного духовенства (1918–1920).....	340
<i>А. В. ГАНИН</i>	
Воспоминания «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака» генерала С. А. Щепихина как исторический источник	352
<i>Д. С. АННАОРАЗОВ</i>	
Как началась Гражданская война в Туркмении?.....	368
<i>П. Н. ЕРМОЛАЕВ</i>	
Судьба младшего брата: Петр Георгиевич Корнилов (1880–1919).....	383
<i>А. В. ПОСАДСКИЙ</i>	
Эпизод знаменитого рейда: к истории 4-го Козловского пехотного добровольческого полка	402
<i>Д. И. БОЛОТИНА</i>	
Несколько слов о парадах Белых армий.....	410
<i>Р. М. АБИНЯКИН</i>	
Бывшие офицеры в концентрационных лагерях РСФСР в 1920 г.	417

<i>В. ВЕНГЛЕВИЧ</i>	
Интернированные белогвардейцы в Польше: Тульский отряд, армия генерала Бредова, армия генерала Пермикина	429
<i>Д. Ю. АЛЕКСЕЕВ</i>	
11-я Петроградская стрелковая дивизия в боях Советско-польской войны	444
<i>Д. Н. ТОПКО</i>	
Первая конная армия и ее роль в Советско-польской войне 1920 года.....	458
<i>В. О. ТЕРЕНТЬЕВ</i>	
2-я стрелковая дивизия РККА при штурме Бреста 1–2 августа 1920 г....	485
<i>В. З. НОВАК</i>	
Бои польских войск с кавалерией Семена Буденного в Восточной Галиции и в районе Замостья (4–31 августа 1920 г.)	502
<i>К. И. ВАСИЛЬЕВ</i>	
Газета Первой конной армии «Красный кавалерист» в дни Варшавской битвы.....	527
<i>Е. В. МИШИН, Ю. В. ХОРКУШ</i>	
Представления современного российского студенчества о Гражданской войне в России	546
<i>А. С. ЖЕСТКОВ</i>	
Создание аэродромной сети КБФ по южному берегу Финского залива в предвоенные годы	558
<i>В. М. КРИВЧИКОВ</i>	
Организация технического обеспечения войск НКВД в конце 1930-х гг.	562
<i>В. Л. КОКИН</i>	
«Одному из зачинателей Теркина на Руси...». К 110-летию А. Т. Твардовского	566
<i>А. П. ГАЛЮКЕВИЧ</i>	
«Чистота — залог здоровья»: распространение медицинских знаний среди партизан Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны	584
<i>Е. В. ЯРОЧКИНА</i>	
Вклад жителей Кустанайской области в победу в Великой Отечественной войне	589
<i>С. Г. СОПОВ</i>	
Проблематика подсчета потерь и их документального отражения на примере боев 1-го гв. ск РККА и 4-й танковой дивизии вермахта 4–10 октября 1941 года в свете введения в оборот новых данных.....	597

<i>Е. П. КАТКОВА</i>	
Русские добровольцы в военных конфликтах в бывшей Югославии	605
<i>В. А. НОСОВ</i>	
Советская армия и массовые выступления в Закавказье в конце 1980-х: Ереван, Баку, Тбилиси	612
<i>Н. В. КАСТЮШКИН</i>	
Участие России в вооруженном локальном конфликте в Южной Осетии.....	624
<i>И. А. ИВАНОВ</i>	
К вопросу о воинской семантике названий некоторых церковных облачений.....	627
<i>Н. Р. СЛАВНИТСКИЙ</i>	
А. Я. Сукин на посту коменданта Санкт-Петербургской крепости	636
<i>С. С. МИГУНОВ</i>	
Ликвидация крепостей в Прибалтийском регионе в середине XIX века на примере Риги и Нарвы	645
<i>В. А. АНДРЕЕВ</i>	
Военный инженер Владимир Иванович Щеглов	652
<i>С. А. ВОРОБЬЁВ</i>	
Морские батареи Кронштадтской крепости (1800–1880 гг.).....	668
Список сокращений	752

**ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ
XIX–XX ВЕКОВ**

**МАТЕРИАЛЫ
XIII МЕЖДУНАРОДНОЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
4 ДЕКАБРЯ 2020 Г.**

Под редакцией *А. В. Арановича, Д. Ю. Алексеева*

Вёрстка *О. М. Кукушкиной*

Подписано в печать 19.11.2020 г. Формат 60×84¹/₁₆

Печать цифровая. Усл. печ. л. 44,06

Тираж 500 экз. Заказ № 55

Отпечатано в типографии ФГБОУВО «СПбГУИТД»
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 26